

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все примечания, комментарии и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

QB 605 224

Salias
ГРАФЪ САЛІАСЪ.

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ДѢЙСТВО.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

(1762 г.)

Посвящается Александру Алексѣвичу Нарышнину.

....а совершилось оное дѣйство съ общаго отъ всѣхъ состояній согласія и восторга; и самое происхожденіе всего было безъ единыя капли пролитія крови.

(Изъ частнаго письма современника переселенца).

Mais c'est un conte de mille et une nuits!!..

(Воскличаніе Людовика XV при чтеніи депешы посла о водареніи Екатерины II).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ И ХРОМОЛИТОГРАФІЯ А. ТРАНШЕЛЯ, СТРЕМЯННАЯ, № 12.

1880.

PRESERVATION
COPY ADDED
ORIGINAL TO BE
RETAINED

MAY 10 1995

PG 3470
S2 P48
1880
MAIN

88/6
S1/6
set

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Зима, морозъ трескучій, полночь, но свѣтло какъ днемъ!...

Вдали отъ жилья, среди густаго лѣса, укрываясь среди чащи, гдѣ топырятся и переплетаются голыя сучья и вѣтки, обсыпанные серебристымъ снѣгомъ, стоитъ человѣкъ.

Среди глуши и дичи лѣса, среди тиши ночной, ярко озаренный луннымъ свѣтомъ, такъ что лиловатая тѣнь пятномъ лежитъ за нимъ на сугробѣ — онъ одинъ здѣсь — шевелится, дышетъ, живетъ.... Все окрестъ него, мертвецъ нѣмой и бездыханный, окутанный и увитый бѣлымъ саваномъ.

Морозъ все убилъ и все зарыли будто кованыя и закаленные снѣговые глыбы.

Круглый мѣсяцъ сіяетъ среди яснаго, синеватаго неба и только изрѣдка укрываютъ его, низко и быстро несущіяся округлыя и крѣпкія облака. Какъ клубы дыма, облака чередую, на мгновение, застилаютъ мѣсяцъ и желтѣютъ отъ сквозящаго свѣта.... Но тотчасъ же мѣсяцъ, будто самъ прорѣзавъ ихъ, вылетаетъ изъ облачной паутины и могучимъ взмахомъ стремительно идетъ прочь, будто несется побѣдно, въ непредѣльной и многотумной синевѣ ночи.

И каждый разъ только легкая и мгновенная тѣнь скользнетъ по бѣлымъ глыбамъ снѣговъ и исчезнетъ... Будто таинственный призракъ, безмолвно, безслѣдно пронесся по землѣ и умчался въ свой невѣдомый путь!..

А ясный мѣсяцъ въ небѣ, холодно-веселый, будто тоже льдистый, равнодушно глядя сюда съ великой заоблачной шири, только и находить, что голую, сѣрую, шероховатую чащу

лѣсную, да бѣлыя глыбы. И все здѣсь серебристо, лучисто и мертво... Только синіе и пунцовые огоньки и искры вспыхиваютъ, сверкаютъ и меркнутъ, будто бѣгаютъ и играютъ по стволамъ, вѣтвямъ и сугробамъ.

Незнакомецъ стоитъ на самой опушкѣ лѣса, полуукрытый сосной, а предъ нимъ маленькая прогалина лѣсная и бѣлая она... Бѣлая и чиста, какъ только можетъ быть бѣлая снѣжная полянка, среди дремучаго бора, по которой нога человѣчья не ступала еще ни разу съ начала зимы. Ни пятнышка, ни соринки, ни единой точки темной. Ясная и гладкая глыба, какъ бы сахарная, вся усыпана алмазными искрами и серебрится, играя въ лучахъ мѣсяца; а утонетъ онъ на мгновение въ облакахъ, то синевой отливаетъ начнетъ глубокой сугробъ.

Человѣкъ этотъ — охотникъ. Близъ него, на подачу руки, стоятъ, у ствола дерева, короткій мушкетонъ и длинная, здоровая рогатина, о двухъ стальныхъ зубцахъ. Но охотникъ забылъ, видно, про оружіе и, прислонясь спиной къ большому обледенѣлому дубу, откачнулся на него, засунулъ руки въ карманы мѣховаго кафтана, закинулъ голову въ мѣховой шапкѣ и все задумчивое лицо его въ лучахъ мѣсяца. Высокій ростомъ, плотный, могучій въ плечахъ, удалый по лицу и взгляду, онъ или забылъ, зачѣмъ стоитъ въ ясную полночь среди дикаго лѣса, или просто усыпило его — дѣло привычное. Или просто скучно стало, потому что давно ужъ онъ здѣсь. Во всей фигурѣ его есть что-то осанистое и гордое, что-то простое и важное вмѣстѣ и въ лицѣ, и въ позѣ, и даже въ одеждѣ. Молодое выбритое лицо, безъ усовъ и бороды, красивый профиль чистаго лица, большіе темные глаза, задумчиво слѣдящіе за игрой мѣсяца съ облаками, — все говоритъ, что это не простой охотникъ — звѣроловъ изъ-за куска хлѣба.

Тишь полночная не нарушается уже давно ни единымъ звукомъ и не мудрено было задуматься ему и заглядѣться на небо. Долго стоялъ онъ такъ, не двигаясь и опрокинувъ голову, но, наконецъ, шевельнулся, тихо опустилъ голову, опустилъ глаза на серебристую полянку и вымолвилъ шепотомъ:

— Эхъ, моя бы воля...

Онъ вздохнулъ, зашевелился, передвинулъ ногами на утоптанномъ имъ снѣгу и сталъ озираться.

Оглядѣлъ онъ полянку, голую сѣть стволовъ, ее окаймлявшую, потомъ глянулъ около себя на оружіе, но, казалось, не вполне еще сознавалъ окружающаго. Мысль его была еще слишкомъ далеко и еще не вернулась сюда, въ глушь, гдѣ топырится кругомъ этотъ обмерзлый лѣсъ, гдѣ этотъ морозъ трещить и гдѣ стоять, прислоненные къ обледенѣлой корѣ, рогатина и мушкетонъ, для любимой забавы, для боя, одинъ-на-одинъ, съ страшнымъ и сильнымъ, но всегда побѣждаемымъ врагомъ.

Однако онъ взялъ машинально сильной большой рукой тяжелую рогатину, откачнулся отъ дерева и оперся на нее... ради перемѣны положенія и отдыха тѣла.

Полупрерванная, движеніемъ его, мысль снова овладѣла имъ.

— Да, моя бы воля! вдругъ вслухъ сказалъ онъ и его собственныя слова разбудили и его самого и окрестъ молчащій лѣсъ.

Вдали раздался едва слышно какой-то звукъ. Не то хрустнуло что-то, не то звякнуло. И послѣ одинокаго робкаго звука снова воцарилось то же затишье, тотъ же застой... Только и жизни, что въ облакахъ, а на землѣ все замерло, все недвижно.

— Чтожъ, однако... Тоска какая... Да и морозно! Нынѣ должно быть, беда отъ нѣмцева глазу, пробормоталъ онъ едва слышно, и повелъ плечами.

Онъ начиналъ чувствовать, что сильный морозъ сталъ, наконецъ, пробираться и подъ его мѣховой кафтанъ, опоясанный ремнемъ, съ серебряными насѣчками. У ремня торчалъ большой турецкій пистолетъ и висѣлъ длинный, кривой кинжалъ. Но, однако, охотникъ тотчасъ же снова поднималъ голову и лицомъ къ мѣсяцу, снова забывъ про морозъ, лѣсъ и свою затѣю.

— Да. Лейбъ-Компанцы... Въ одну ночь все дѣйство произвели! вымолвилъ онъ снова вслухъ, но вдругъ тотчасъ же какъ бы опомнился, оглядѣлся на дикій лѣсъ и задвигался, окончательно разбуженный собственными мыслями.

Не сказаннаго вслухъ оробѣлъ, конечно, молодецъ, а тѣхъ

мыслей, что наплывали, бились, роились и, не укладываясь въ головѣ его, бѣжали и смѣнялись другими. Одна только изъ нихъ постоянно будто рѣзала остальные, пропускала ихъ всѣ, а сама оставалась въ головѣ, точь-въ-точь какъ вотъ этотъ мѣсяцъ: пропускаетъ мимо себя встрѣчныя причудливыя кучки облаковъ и рѣжетъ ихъ... Они бѣгутъ прочь, дальше, невѣдомо куда, по далекой синевѣ, и исчезаютъ въ полночномъ небѣ, а мѣсяцъ хоть будто и плыветъ, а все тутъ, на мѣстѣ, и снова свѣтитъ, и снова сіяетъ.

Мысль эта тоже, какъ мѣсяцъ въ небѣ, давно ясно и несмѣняемо воцарилась въ головѣ его. Мысль эту неотвязную онъ и выразилъ вслухъ, словно въ отвѣтъ на все остальное, что наплывало въ молодую голову и смущало ее образами и картинами, которыя, одна ярче другой, одна заманчивѣе другой, были всѣ вполне чужды всему окружающему. Чужды и окрестному дикому лѣсу и его вооруженію. И, зная, не забыть его та затѣя, которая привела его сюда: мерзнуть терпѣливо на морозѣ и, озираясь, прислушиваться ко всякому шороху или звуку, ко всему, что можетъ ожить вдругъ среди этой нѣмоты ночной, среди глубокихъ снѣговъ и помертвѣлой чащи.

— Времена не тѣ были... Да!.. снова отдался онъ своимъ грезамъ. — За то въ одну ночь... Простые рядовые, гренадеры... Теперь они лейбъ-компанцы, да дворяне, а то Ваньки, да Васьки были. А лѣкарь-то этотъ, французъ, да еще съ французскими же и деньгами, былъ тутъ не причемъ. Эдакаго одними деньгами не купишь!.. Сама государыня, сказываютъ, только вздыхала, да робѣла... Лестокъ чуть не силкомъ свезъ ее въ казарму... Божье изволенье все сотворило. Гласъ народа — гласъ Божій. А не будь его, какіе тутъ французскіе червонцы что сдѣлаютъ. А нынѣ гласъ народа воистину слышенъ. И черный народъ, и нашъ братъ, дворянинъ, и гвардія.... Только кличь кликну кто... Первый! Да, но кто?! Кто?.. Моя бы воли... Эхъ, все пустое! Мысли одни!!

Раздался шорохъ среди чащи направо отъ полянки и охотникъ привычнымъ глазомъ быстро и зорко окинулъ оружіе за поясомъ, крѣпче обхватилъ рогатину и сталъ глядѣть присталь-

нѣе въ чашу. Что-то хрустнуло и звучнѣе и ближе и шорохъ приближался... Охотникъ двинулся слегка изъ-подъ дерева и сталъ на краю опушки, весь освѣщенный луной. Въ ту же минуту на противоположной сторонѣ тоже появилась фигура человѣка и раздался голосъ.

— Эй! Не медвѣдь. Смотри, не пальни!

— А я ужъ было думалъ и онъ! отозвался тотъ.

Появившійся на опушкѣ былъ тоже охотникъ и будто двойникъ перваго. Такого же могучаго роста, такой же плечистый и молодецъ съ виду. Оба были къ тому же и одѣты и вооружены одинаково, только у втораго не было рогатины.

Охотники богатыри, увязая въ снѣгу по колѣна, сошлись на ясной полянкѣ. Это были братья Орловы: первый — Григорій, вновь подошедшій — Алексѣй.

II.

— Что, Алеханушка?... Видно чухонецъ-то во снѣ видѣлъ Мишку... Должно медвѣдей тутъ и не бывало никогда съ тѣхъ поръ, что мы цѣлую семейку объ Рождество ухлопали.

— Не можетъ статься, Гриша, отозвался младшій братъ. — Тутъ на сто лѣтъ хватить и лосей, и медвѣдей, и всякаго звѣрья. Просто незадача. Говорилъ я — сглазить насъ этотъ проклятый Будбергъ. Знамое дѣло! Молодцы ѣдутъ на охоту, а онъ пути желаетъ, да удачи... Ну, и сглазилъ окаянный голштинецъ.

— Видишь ли, по ихнему изъ вѣжливости такъ слѣдь. Да это и вздоръ... глазъ-то, вымолвилъ Григорій Орловъ.

— Вздоръ... Толкуй. У тебя все вздоромъ стало послѣ грабничнаго житья. Это російская примѣта—самая вѣрная.

Братья помолчали. Алексѣй снова заговорилъ.

— А меня, братъ, морозъ сталъ одолѣвать съ тоски. Пора бы ужъ въ Красный. Поужинаемъ, да и домой. Ей-Богу! Мало-ль что?.. Можетъ даже нужда въ насъ случится. Да и морозина тоже чертовскій, всю ночь не выстоишь. Какъ, Гриша, на твой разсудокъ?

— Обидно съ пустыми руками.

— Нашихъ-то не слышать. Словно померли всѣ... Надо думать, они за версту уползли. Если и поднимуть Мишку, не намъ достанется. Пойдемъ-ка къ лошадямъ? А?..

— Пойдемъ, коли хочешь, равнодушно отозвался Григорій.

— У меня, по истинѣ, и не то на умѣ. Не такъ, какъ бывало прежде. Какія теперь забавы, до охоты... тише сказалъ Алексѣй Орловъ.

— Да. Нынѣ не такой медвѣдь изъ Нѣмечіи пожаловалъ вдругъ, да на шею сѣлъ! весело разсмѣялся вдругъ старшій братъ, потрясая могучими плечами, и звонко раздался его смѣхъ богатырскій среди серебристой чащи.

Нѣсколько смѣжинокъ отъ смѣха и отъ движенія его посыпались съ ближайшей сосенки и засверкали при беззвучномъ паденіи.

— Тише... Чего горланишь...

— Въ лѣсу-то. Господь съ тобой, Алеханушка.

— Въ лѣсу? При Бироновѣ, свазывалъ родитель, оленки изъ лѣсу бѣгали доносить про все, что толковалось въ чащѣ.

— А тутъ теперь и оленокъ нѣту. Зима! шутилъ Григорій Орловъ.

— Береженаго Богъ бережетъ. Да, времена нынѣ пришли. Два мѣсяца, какъ померла Лизаветъ Петровна, а что ужъ воды утекло... А все этотъ принцъ. Все онъ. Государь тутъ, ей-ей, ни причемъ. Не пріѣзжай онъ...

— Да этотъ принцъ Жоржъ не то, что вонъ лѣсной Михаилъ Ивановичъ Ведмѣдевъ, тише вымолвилъ братъ. Этотъ не насъ однихъ сомнетъ своими порядками.

— Насъ?.. Какъ бы всю гвардію не помялъ, отозвался Алексѣй. Да что гвардія! Все можетъ поломать и вверхъ ногами вывернуть. А мы будемъ смотрѣть, да моргать! Да! какъ-то странно и желчно выговорилъ онъ. Мы будемъ въ кустахъ сидѣть, да ворчать, да шипъ показывать за версту. И не робость помѣхой дѣлу. А стыдъ сказать что... Лѣнь! Да, лѣнь... Все какъ-то чрезъ пень колоду валимъ. Погодите, да обождите, да отдохните... Да эдакъ вотъ два мѣсяца и годимъ. Устанемъ отъ сидѣнья — на охоту... А то за бабьемъ ухаживать... И

какъ право не наскучить. Все бабы да бабы, да все разныя. Что ни недѣля, новая зазнобушка. Чудно, право. Да и тому-ли теперь на умѣ быть.

Алексѣй замолчалъ и будто слегка приунылъ.

Григорій заговорилъ первый послѣ минутнаго молчанія и голосъ его зазвучалъ какъ-то нѣжнѣе, будто онъ винился. Упрекъ брата прямо относился къ нему и онъ мысленно соznался въ правотѣ его.

— Чтожъ, Алеханушка. Я не отпираюсь. Правда твоя. Да вѣдь это съ тоски. А начните, поведите дѣло по еройски. И все я брошу. И охоту, и вино, и картежъ... А барынь-то вашихъ я и безъ того порѣшилъ бросить. Ну ихъ...

— Толкуй! усмѣхнулся недовѣрчиво Алексѣй. Бросишь? Ты? Да тебѣ безъ нихъ дня не прожить. Ты съ колыбельки бабій угодникъ уродился.

— Угодникъ? Никогда я имъ не бывалъ. А по пословицѣ: на ловца и звѣрь бѣжитъ. Я только не зѣваю. А искать, я не ищу.

— Почему бы это такъ? веселѣе заговорилъ Алексѣй. Я зачастую вотъ думалъ: вѣдь не краше же ты другихъ нашихъ молодцевъ. А ни за кѣмъ изъ нихъ наши франтики такъ не бѣгаютъ. И чѣмъ ты берешь... Наговоръ что-ли какой вѣдаешь? У нѣмца какого за границей купилъ приворотъ какой?

— Наговоръ? На кофейную гущу на тощакъ дую. Угольки по водѣ пускаю, да причитываю, фазсѣлся Григорій. Нѣтъ, братъ. Мое колдовство простое, да не въ домекъ нашимъ молодцамъ, хоть они и прятче меня. А нѣтъ проще дѣла.

— Что же? Приворотъ что-ль какой изъ травъ заморскихъ?

— Мой приворотъ тотъ, что у меня любовное дѣло—мертвое дѣло!

— Мертвое?

— Да, мертвое. Такое дѣло, что про него я одинъ знаю, да она одна знаетъ. А это нынѣ въ Петербургѣ для всякой молодежи чужой жены и довольно. Когда дѣло какое ни есть—мертвое, такъ тутъ все одно, что есть оно, что нѣтъ его...

— А Куракина? Всему Питеру, братъ, вѣдомо, что ты изъ-за нее чуть не по трубѣ водосточной лазилъ, да по крышѣ.

— Это одно дѣло съ оглаской и было. И то потому, что она сама того хотѣла на всю столицу напумѣть. Ея воля была. За то полсотни было такихъ, объ коихъ ты, братъ, родной мой, никогда и въ умѣ ничего не держалъ. Да что, Алеханушка!.. Коли къ слову пришлось! Григорій Орловъ оживился и глаза его блеснули ярче.—Можетъ и теперь вотъ... Можетъ со мною теперь такое приключается, такое на душѣ легло, что кабы ты вѣдалъ, тагъ ахнулъ бы... Какое тутъ ахнулъ? Заоралъ бы благимъ матомъ на весь вотъ этотъ лѣсъ.

— Въ принцессу что-ль какую влюбился? разсмѣялся Алексѣй. Ихъ теперь съ принцемъ Жоржемъ много прѣхало изъ Голштиніи.

— Нѣтъ. Что мнѣ твои принцессы. Невидаль!

— Не ври.

— Затѣмъ врать... Мы здѣсь не въ трактирѣ, грустно вымолвить Григорій. Да и не ради похвальбы я рѣчь завелъ. А ради тяжести душевной... Вотъ ужъ недѣлю камнемъ лежитъ оно у меня на душѣ.

— Кто-жъ такая твоя новая ворожея. Такой и нѣтъ въ столицѣ. Русскихъ принцессъ у насъ въ Питерѣ теперь нѣту! весело говорилъ Алексѣй; но вдругъ, глянувъ въ лицо брата, запнулся и прибавилъ взволнованнымъ голосомъ. Гриша, балагуришь? Во снѣ видѣлъ...

Григорій Орловъ махнулъ рукой и прошепталъ:

— Охъ нѣтъ, въ яви, братъ. А и радъ бы въ ину пору, чтобъ мнѣ та явь, сномъ обернулась!

Алексѣй Орловъ схватилъ брата за руку и замеръ въ движеніи.

— Гриша, да Господь же съ тобой... шепнулъ отъ почти задохнувшись.

— Алеханушка, я не говорилъ... а коли ты самъ по догадкѣ дошелъ, то молчи.

— Молчать... Я... Что ты, Гриша. Да тутъ Іуда промолчить, а я тебѣ братъ... Ты самъ-то... Самъ молчи. Себѣ самому въ горницѣ не сказывай... Гриша... Зачѣмъ? Вѣдь это нашему дѣлу только помѣха! И какъ это все. Ахъ, Гриша... Вѣдь это смертью пахнетъ.

— Любовь, что пьянство, Алеханушка! Себя не помнишь... Да и сердце нешто спрашивается? А что смертью пахнет мнѣ всегда любо было, воскликнулъ Григорій Орловъ чуть не на весь лѣсъ. Чудны вы, погляжу я. Ты вотъ въ трактиръ ломишься, гдѣ Шванвичъ со всей своей компаніей бузнить и гдѣ тебя могутъ кіемъ или кулакомъ убить зря... Въ войнѣ, въ битвѣ на пушки, да на завалы лѣзешь, гдѣ тебя самый лядашій нѣмецъ можетъ изъ пистолн уложить какъ муху... Ночью опять бываетъ, проселкомъ гдѣ ѣдешь, зная, что весь тотъ путь грабители заставили и, того гляди, ухлопаютъ изъ-за забора или изъ-за пня... Ну? А вѣдь не робѣешь, лѣзешь насмерть!.. А тутъ, въ любовномъ дѣлѣ трусить, объ опаскѣ думать!... Тутъ когда, бываетъ, тебя ждетъ твоя... твоя... Ужъ не знаю какъ и назвать-то... Вся-то жизнь твоя и душа-то твоя тамъ будто осталась съ вечера, да опять поджидаетъ... Такъ тутъ видишь-ли, раздумывай, да опаску соблюдай.. Что ты братъ!.. Тебя знать еще не ждала. Смертью говорить пахнетъ. Тогда-то и любо братъ, какъ въ ночь-то вы втроемъ на свиданіи: ты, она, да смерть за плечами.

Алексѣй Орловъ стоялъ понурившись и не шевелясь и уныло глядѣлъ въ чашу лѣсную.

— Что?.. Не по твоему?.. Эхъ, братъ, право, тѣмъ жизнь и мила, что смерть есть!

— Охъ, Гриша, Гриша...

— Чего?..

— Охъ, Гриша... Что ты мнѣ сказалъ. Вѣдь за это хоть прямо на площади голову снимай.

Григорій Орловъ выпрямился.

— Голову! За что? Любовь никому не обидя! А еслибъ и такъ. Пускай!.. Ты, Алеханушка, знать, еще не любилъ никого, какъ я теперь. Голову, говоришь? Да десять, сто, ихъ сымай, тыщу... Голову! Да и самъ себѣ, коли нужно, оторву свою обѣими руками, да брошу ей въ ноги. На, молъ, чѣмъ богаты, тѣмъ и рады!!

Григорій смолкъ и, сдвинувъ шапку на затылокъ, проводилъ рукой по горячему лбу. Алексѣй тихо поднялъ голову и задумчиво глядѣлъ на круглый мѣсяцъ, сіявшій въ небѣ.

III.

Прошло нѣсколько минутъ молчанія. Григорій Орловъ собрался было снова заговорить, но младшій братъ вдругъ поднялъ на него руку и сталъ прислушиваться. Оба вдругъ притаили дыханіе. Особый шорохъ слышался невдалекѣ отъ нихъ; что то хрустнуло и зашуршало, потомъ все смолкло... потомъ опять хрустнуло что то... Другихъ охотниковъ, кромѣ нихъ, вблизи быть не могло.

Братья поняли, переглянулись и усмѣхнулись. Страсть къ любимой забавѣ сказалась съ разу. И все было забыто! Оба лица за мгновеніе унылыя—просвѣтлѣли.

— Мишенька! почти нѣжно и страстно шепнулъ Григорій Орловъ.

— Твое счастье. На тебя вышелъ, отозвался братъ, тоже шепотомъ.

Шорохъ близился и наконецъ шагахъ въ двадцати отъ нихъ показалось за прогалиной, на противоположной опушкѣ, что то круглое, темное и странно двигалось оно, будто катилось клубкомъ по снѣгу.

Алексѣй Орловъ быстро досталъ изъ са спины мушкетонъ.

— Палить? шепнулъ онъ вопросительно брату. Я на тебя поднять... а не бить.

— Да, пугни! Нѣтъ, бей по лапамъ. А то на двухъ, пожалуй, не выйдетъ.

Раздался выстрѣлъ. Животное рывнуло и повернуло было въ чащу, но Алексѣй Орловъ крикнулъ, затопалъ и, доставъ пистолетъ, выпалилъ снова на удачу.

Медвѣтъ матерый, темнорыжій и огромный вернулъ на охотниковъ. Поднявшись въ тѣни, среди голыхъ стволовъ, онъ зашагалъ на заднихъ лапахъ и вышелъ на свѣтъ, отчетливо рисуясь на освѣщенной луною прогалинѣ. Длинная синяя тѣнь легла предъ нимъ на сугробъ и двигалась вмѣстѣ съ нимъ на охотниковъ.

Григорій Орловъ, готовый на бой, будто преобразился, будто выросъ еще на аршинъ. И отъ него не малая тѣнь ше-

велилась на хрустящемъ снѣгу. Ухвативъ рогатину на перевѣсъ, онъ шагнулъ широко на медвѣдя и крикнулъ весело.

— О-го-го, Миша, здорово. Вишь ты какой почтенный! Стоить погрѣться съ тобой.

Медвѣдь, испуганный выстрѣлами и криками двухъ враговъ, злобно сапѣлъ и несъ себя высоко на ногахъ.

Орловъ шагнулъ еще ближе къ самому животному и привычной рукой, размашисто ткнулъ въ него рогатиной, глубоко всадивъ лезвее. Медвѣдь заревѣлъ.

— Разъ! весело крикнулъ сзади Алексѣй и прибавилъ крѣпкую шутку, отъ которой братъ разсмѣялся; но дикий ревъ на весь лѣсъ заглушилъ и слова и смѣхъ.

Медвѣдь ударилъ лапами по рогатинѣ, вонзенной въ его животъ и обхватилъ ее. Оружіе дрогнуло отъ этихъ ударовъ въ рукахъ охотника; онъ быстро вырвалъ лезвее и тутъ же снова вонзилъ. Кровь, дымясь, хлестнула изъ раны на серебристый снѣгъ.

— Два! Мишенька! крикнулъ онъ весело, чуть не на весь лѣсъ.

— Ой! Шибко бьетъ разбойникъ! Придержи, Алеханушка.

Оба брата съ одушевленными лицами уперли толстую и длинную рогатину въ землю и держали. Медвѣдь все ревѣлъ, все болѣе налѣзалъ на лезвее, рвавшее его внутренности, топталъ подъ собою окровавленный снѣгъ и уже хрипливо завывая, слабѣе билъ по рогатинѣ, напрасно стараясь достать удалыхъ враговъ. Паръ легкими клубами валилъ отъ него и дымкой вился на морозѣ, вокругъ мохнатой шкуры...

— Сядь, Миша, сядь! весело крикнулъ Григорій.

— Полно хлопотать-то, садись, родимый, прибавилъ и Алексѣй.

Животное, ослабѣвшее, наконецъ, отъ потери крови осунулось и слегка одушилось, поджимая заднія лапы. Только дикий ревъ оглашалъ лѣсъ.

— Валишь? сказалъ Алексѣй, придерживавшій рогатину.

— Чего? Не слышать. Ишь ореть...

— Валишь, говорю. Не встанетъ, небось...

— Рано. Ну, да въ двоимъ-то осилимъ. Не здоровѣе же онъ Шванвича! крикнулъ Григорій.

Оба брата при этомъ имени громко расхохотались. Медвѣдь съ испуга приподнялся снова отъ дружнаго взрыва смѣха, но осунулся опять и совсѣмъ сѣлъ. Братья вырвали изъ снѣга свой конецъ рогатины уперлись въ нее оба и съ усиліемъ повалили животное навзничь. Медвѣдь слабо забарахтался среди окрашеннаго сугроба и затѣмъ, не смотря на вырванную рогатину, не поднялся.

Григорій Орловъ досталъ длинный кинжалъ изъ-за пояса, быстрымъ движеніемъ нагнулся надъ животнымъ и размахисто вонзивъ въ него весь кинжалъ, распоролъ горло. Медвѣдь зашипѣлъ какъ-то и, зарывая горячую морду въ снѣгъ, только судорожно подергалъ задними лапами и распластался во всю свою длину.

— Ладно, Миша. Такъ-то лучше... весело сказалъ Григорій. Погрѣлись однако знатно, обратился онъ къ брату и, снявъ мѣховую шапку, обтеръ себѣ лобъ.

— Да, силенъ былъ покойникъ Михайло Ивановичъ.

— Будь одинъ съ нимъ, пришлось бы палить. Сдался бы ты, Мишутка, не инако, какъ на нѣмцевъ ладъ. А то-ли дѣло эдакъ... Побарахтаться, да погрѣться! Ишь вѣдь здоровенный!.. нагнулся Григорій надъ медвѣдемъ.

— Пожалуй, даже посильнѣе Шванвича, усмѣхнулся Алексѣй. Того мы вдвоемъ легче одолѣваемъ.

Братья размѣялись.

— Ну, теперь надо звать Ласунскаго и своихъ Чухонъ.

— Врядъ дозовемся. Коли на зовъ горластаго Мишки не прибѣжали, стало такъ далеко, что и не докличешься.

Алексѣй Орловъ досталъ изъ-за спины охотничій рогъ и сталъ трубить. Потомъ прислушался.

Все было тихо, и не только отвѣтнаго звука другой трубы, ни шелеста, ни шороха не слышно было кругомъ среди морознаго затишья и застоя.

— Вотъ что, братъ, нечего даромъ-то за музыкой время терять, сказалъ онъ. Берись! Впрягемся мы въ Мишку, какъ парой въ дышло, да за задніе лапы и потащимъ къ лошадямъ. Тутъ болѣе версты не будетъ.

И два богатыря, ухвативъ распластавшуюся лохматую машину, легко потащили ее, бодро шагая рядомъ.

Кровавый слѣдъ багровой лентой вился за ними по серебру снѣговъ.

— Эхъ, кабы намъ, братецъ, дѣла наши всѣ также вотъ лихо вершить, какъ на охотѣ!

— Кабы сьумѣть управиться также споро, какъ мы вотъ съ Мишками справляемся, договорилъ Григорій Орловъ на ходу...

— Тамъ не сила, а разсудокъ, да смѣлка дѣло вершаетъ.... А главное и первое всему начало—согласье... отозвался Алексѣй.

— Я все тутъ стоялъ въ лѣсу.... Ждалъ вотъ этого.... А прозѣвалъ бы непременно, потому что все въ головѣ у меня Лейбъ-Компанцы прыгали.... Вотъ кабы эдакъ то!... Въ одну ночь... Безъ шуму, безъ драки... безъ убивства своего брата, офицера какого иль солдата.

— Вишь чего захотѣлъ! Нешто можно? Статочное ли это дѣло? Вѣдь тутъ не тетушка Леопольдовна, да шестимѣсячный младенецъ на престолѣ... Да оба нѣмцы... Да и охраны никакой...

— А нынѣ-то кто-жъ? Все то же...

— То же, да не то. Тѣ-же щи, да съ говядиной... Голштинское-то войско глядѣть что-ли будетъ?... Да что Голштинцы!.. Вонъ свои Измайловцы да Семеновцы по сю пору никакимъ голосомъ не откликаются. Э—эхъ. Все это... сновидѣнья одни наши! вздохнулъ Алексѣй Орловъ.

— На мой толкъ, Алеханушка, прежде всего рогатиной намъ хохлацкой заручиться. Тогда все, какъ по маслу пойдетъ.

— Какой рогатиной?!

— Хохлацкой. Въ ней вся сила! смѣлся, шагая, Григорій.

— Что ты приплетаешь? Какая хохлацкая рогатина?

— А гетманъ! Графъ Кирилла Григорьевичъ.

Алексѣй Орловъ усмѣхнулся и тряхнулъ головой.

— Мудрено. Къ Разумовскимъ и воротъ не найдешь; не знаешь съ какой стороны и подѣхать къ нимъ. Они оба дови—мязво стлать.

— Говорю—пустите меня!

— Пустите? Рано. Что зря въ петлю лѣзть! отвѣчалъ серьезно младшій братъ. Они по первому слову велятъ тебя арестовать и поѣдутъ къ государю... Намъ за тобой вслѣдъ и пересчитаютъ всѣмъ головы. Да и зачѣмъ? Мы еще и не знаемъ сами съ какого конца взяться.

— Гетманъ не таковъ человѣкъ, чтобы доносить. Да и хитеръ. Онъ, поди, давно носомъ чувствуетъ, чего вся гвардія желаетъ.

— Вся гвардія. Вся ли, Гриша? Кабы вся-то желала, такъ мы съ тобой не болтали бы зря, а дѣло дѣлали.

— Ну, а не въ примѣръ мудренѣе, говорю, начать, коли гетмана не достанешь себѣ.

— Начинать-то, Гриша, покуда нечего, а то и безъ него обойдемся. Что тутъ гетманъ?.. А тяжелъ вѣдь проклятый. Руки обломаетъ объ него.

— Гетманъ-то? Да, лѣнивъ на подъемъ; какъ всѣ они, сказываютъ, хохлы.

— Вотъ этотъ гетманъ тяжелъ, говорю! разсмѣялся Алексѣй Орловъ и бросилъ лапу животного.

Братья остановились отдохнуть и молча стали надъ медвѣдемъ.

— А вотъ что, Гриша, выговорилъ вдругъ Алексѣй. Веселый и бодрый голосъ его понизился и звучалъ иначе. Ты подумалъ ли о томъ, братецъ, что нынѣ постъ идетъ? Не за горами и Страстная, да говѣнье. Какъ же теперь быть, если священникъ на духу, что-либо такое къ нашему дѣлу подходящее спросить вдругъ?

— Не спросить, не бойсь.

— Не спросить? Ты всегда такъ, Ну, а спросить, говорю?..

— Да съ чего-жь?..

— А хоть съ того вотъ, что ужъ мѣсяцъ цѣлый, то и дѣло у насъ спрашиваетъ всякъ: что у тебя на дому за сходбища, да что мы поздно засиживаемся за полночь? Пить не пьемъ и спать не идемъ.

Григорій Орловъ глянулъ на брата и молчалъ.

— А лгутъ, Гриша, на исповѣди только перекресты изъ татарвы.

— Вѣстимо. Но и открыться на духу, Алеханушка, хоть

бы малость—избави Богъ. Не можно. Попъ изъ-за камилавки—изъ мухи слона сдѣлаетъ и въ набатъ ударить.

— Вотъ то-то и есть! Я вотъ эдакъ и думаю все: какъ быть?.. тихо выговорилъ Алексѣй.

И два молодца-богатыря задумались, стоя надъ мертвымъ Мишкой. Огромное лохматое животное, сраженное въ пятиминутной борьбѣ, было для нихъ дѣло привычное и заурядное, надъ которымъ думать не приходилось. А говѣть или нѣтъ, лгать на духу или нѣтъ?—это былъ вопросъ далеко не заурядный. Было о чемъ молодецкія головы поломать.

— Что-жъ? Отложи говѣть до времени, вымолвилъ, наконецъ, Григорій Орловъ. Богъ проститъ!

— А, ты, Гриша? съ изумленіемъ воскликнулъ братъ.

— Вѣстимо тоже... Я, ты знаешь, за всегда за тобой. Какъ ты... А попадемся въ чемъ послѣ, такъ въ Пелымѣ ужъ и отговѣмъ, усмѣхнулся онъ. И времени-то тамъ у насъ Алеханушка, много будетъ, Богу-то молиться. Молись себѣ, да молись; никто не помѣшаетъ; хоть Четью-Минею тамъ на память себѣ вычитывай.

— Гдѣ?

— А въ Пелымѣ-то, иль въ Соловкахъ.

Алексѣй Орловъ въ свою очередь весело разсмѣялся, но тотчасъ стихъ и, раздумывая, вздохнулъ.

— Такъ, стало, не говѣть? сказалъ онъ, наконецъ, какъ бы рѣшаясь.

— Не говѣть... Что-жъ? Богъ проститъ.

— Ну ладно... Берись-ко.

Братья снова ухватили медвѣдя за заднія лапы и снова легко новолокли лохматую машину по сугробамъ... Широкое темнобагровое пятно осталось на мѣстѣ, гдѣ лежалъ медвѣдь, и снова узкій кровавый слѣдъ ложился по ихъ слѣдамъ на лѣсныхъ сугробахъ...

IV.

Послѣ получаса ходьбы, Орловы вышли изъ лѣсу на опушку, гдѣ, близъ шалаша, стояли двѣ тройки, привязанныя къ деревьямъ и нетерпѣливо двигались на мѣстѣ, позвякивая бубенчиками. Кучера спали въ шалашѣ и богатырски храпѣли, увернувшись въ рогожи.

Алексѣй Орловъ, растолкалъ людей, разбранилъ ихъ за то, что полузамершіе лошади были брошены безъ надзору.

Оба кучера стали класть медвѣдя въ большія сани, но не могли поднять его на столько, чтобъ перетащить чрезъ откосы въ дно саней. Лошади оглядывались, храпѣли, а ближайшая пристяжная ужъ фыркнула разъ и поджимаясь собиралась ударить...

Орловы велѣли одному изъ кучеровъ садиться, другому держать тройку и, легко взмахнувъ медвѣдя, бросили его въ сани и затѣмъ усѣлись тоже, приказавъ другимъ санямъ дожидаться капитана Ласунскаго, который съ двумя крестьянами и съ проводникомъ изъ чухонцевъ еще оставался въ лѣсу, они двинулись съ своей добычей...

— Скажи Михаилъ Ефимовичу, весело приказалъ младшій Орловъ, что мы вотъ лапу его тески изжаримъ для него подъ соусомъ, въ Кабачкѣ. Чтобы скорѣе ѣхалъ. А если они еще долго провозятся въ лѣсу, то чтобъ не заѣзжали въ Кабачекъ а ѣхали прямо въ городъ. Мы тамъ долго не засидимся. Ну, пошелъ!..

Лошади, прозябшіе на морозѣ, охотно взяли съ мѣста вскачь. Отвязанный колоколчикъ громко залился среди снѣжной равнины и скоро тройка исчезла изъ глазъ кучера, оставшагося съ другими санями ждать капитана Ласунскаго, пріятеля Орловыхъ.

Алексѣй Орловъ всю дорогу покрикивалъ на лошадей, наконецъ, недовольный ѣздой кучера, перелѣзъ на облучекъ и забралъ самъ возжи.

— Гляди, ротозѣй! Это что? Коренникъ шлепаетъ въ хо-

мутѣ. Пристяжные то и дѣло что рвутъ, да отдають. Эхъ ты, Маланья—пеки оладыи... Гдѣ тебѣ править!

Алексѣй выровнялъ возжи въ рукахъ и, взмахнувъ ими, ахнулъ на тройку... Почуявъ-ли другую руку, или по натянутымъ возжамъ прошла искра какая-то въ коней, но они дружно и ровно подхватили сани и лихо помчались.

— Мнѣ бы въ ямщикахъ быть, Гриша, крикнуть Алексѣй Орловъ, обернувшись къ брату съ облучка. Какая смерть стоять на ученьи ротномъ; а тутъ гляди... Сани-то самыя, живыми кажутъ!.. Вся-то тройка съ санями, точно звѣрь какой трехъ-головый катится по снѣгу. Въ книгѣ Апокалипсисѣ такой-то вотъ нарисованъ...

Тройка неслась во весь опоръ по гладкой однообразно-бѣлой равнинѣ, окаймленной лѣсами; морозный воздухъ рѣзалъ лица и мелкимъ сухимъ снѣгомъ, какъ пескомъ, швыряло изъ-подъ пристяжныхъ и закидывало Григорія Орлова и шкуру медвѣдя, лежавшаго въ его ногахъ. Голова, отвиснувшая съ тусклымъ глазомъ, съ кровью у оскаленныхъ зубовъ, да одна лапа съ острыми когтями—торчали изъ саней. Григорій наступилъ ногой на лохматую спину животнаго и пристально глядѣлъ на него, почти не слушая брата. Ему пришло на умъ: „Куда дѣвалось теперь то, что ревѣло на весь лѣсъ подъ рогатиной; куда дѣвалась эта сила, что налегала на него, когда онъ сдерживалъ этого Мишку? Былъ страшный звѣрь, а теперь лежить шуба какая-то. А гдѣ же *то*... что было въ этой шкурѣ еще часъ назадъ?“

— Если-бъ я былъ богатъ, продолжалъ брату кричать съ облучка Алексѣй, оборачиваясь и не глядя почти на несущуюся вихремъ тройку, богатъ, вотъ какъ графъ Разумовскій—я бы не сталъ служить, а уѣхалъ бы въ вотчину, да завелъ бы сотни, тысячи коней и все каталъ бы на нихъ... А что теперь при нынѣшнемъ государѣ въ столицѣ? Утромъ ученье на ротномъ дворѣ; въ полдень ученье на полковомъ дворѣ, а тамъ сейчасъ ученье и смотръ на плацѣ, а вечеромъ артикуль прусскій, экзерциціи. На дому еще обучайся у нѣмца какого... Ты выучилъ какъ къ ногѣ спускать, чтобъ тыръ-тыръ-то этотъ выходилъ? Гриша! Ты не слушаешь?

*

— Вотъ, погоди, не такъ еще учить начнуть. Дованаютъ совсѣмъ! отозвался Григорій.

— А что?

— Новый учитель пріѣдетъ на-дняхъ изъ Берлина, отъ Фридриха. Любимецъ его, слышь. Государь его выписалъ. Ему даже цѣлый флигель, говорятъ, готовится въ Рамбовѣ. Сначала онъ государевыхъ голштинцевъ обучить, а потомъ за васъ примется.

— Кто-жъ такой?

— Офицеръ фридриховскій, звать Котцау. Онъ изъ лучшихъ тамошнихъ фехтмейстеровъ.

— Какъ? какъ?!

— Фехтмейстеръ.

— Это что-жъ такое?

— Мастеръ, значить, на эспантонахъ драться и вообще на счетъ холоднаго оружія собаку съѣлъ. Какъ пріѣдетъ, такъ ему чинъ бригадира и дадутъ.

— Ну, вотъ еще!

— Отчего-же не дать? Золотаря да брильянтика изъ жи-довъ—Позье, сдѣлали бригадиромъ. Спасибо скажи, что еще не командуетъ вашей какой ротой Преображенцевъ.

— А ты насъ не хай! Благо самъ цалмейстеръ! шутиливо крикнулъ Алексѣй.

Братья замолчали.

Григорій Орловъ, задумавшись, глядѣлъ на медвѣдя, щуря глаза отъ снѣжной пыли и вомковъ, что били и сыпались чрезъ крылья саней. Алексѣй, повернувшись къ лошадямъ, передергивалъ и подхлестывалъ пристяжныхъ, а потомъ сталъ снова учить кучера, показывая и разсказывая.

Вскорѣ снова пошелъ густой боръ; высокія ели и сосны, обсыпанныя снѣгомъ, стояли, какъ въ шапкахъ. Внизу чернѣлись, въ полусумракѣ, толстые стволы, макушки же ярко рисовались на чистомъ небѣ и блестѣли. Луна сбоку смотрѣла чрезъ нѣхъ на тройку, и деревья будто проходили подъ ней мимо несущихся саней.

Чрезъ полчала тройка была уже въ виду трехъ избъ, стоявшихъ одиноко среди лѣса. Невдалекѣ отдѣльно отъ нихъ,

виднѣлся большой двухъэтажный домъ, съ дворомъ, обнесеннымъ тыномъ. Это былъ прежде простой кабакъ, постепенно превратившійся въ большой постоялый дворъ. Онъ стоялъ почти на полпути изъ Петербурга въ Петергофъ. Здѣсь останавливались всегда проѣзжіе, ради отдыха лошадей и здѣсь же братья Орловы отдыхали всегда послѣ своихъ медвѣжьихъ охотъ. Этотъ постоялый дворъ остался со старымъ прозвищемъ: *Красный Кабачекъ*.

V.

Слишкомъ восемьдесятъ лѣтъ назадъ, въ то время, когда, по указу молодого царя Петра Алексѣевича, властолюбивая Софья была схвачена въ Кремлѣ и отвезена въ Дѣвичій монастырь, въ селѣ Преображенскомъ, мимо 18-ти-лѣтняго Петра, шли тихо, рядами, бунтовщики стрѣльцы, неся въ послѣдній разъ на плечахъ своихъ свои буйные головы; а затѣмъ, на глазахъ его, кто волей, а кто не волей кляли они эти головы подъ топоры работавшихъ палачей. Въ одномъ изъ проходившихъ рядовъ, орлиный взоръ царственного юноши случайно упалъ на очень высокую, осанистую и богатырскую фигуру сѣдаго старика, съ окладистой серебряной бородой.

Онъ мѣрнымъ, степеннымъ, боярскимъ шагомъ безтрепетно выступалъ впередъ, среди другихъ осужденныхъ, робко шагавшихъ къ мѣсту казни, и среди другихъ лицъ, запуганныхъ и искаженныхъ страхомъ наставшаго смертнаго часа, его лицо гладѣло бодро, воодушевленно и почти торжественно. Будто не въ послѣдній разъ и не подъ топоръ нести онъ свою посѣдѣвшую голову, красивую и умную... А будто, въ праздникъ большой, отъ обѣдни шель, или въ крестномъ ходу за святыми иконами...

Царь остановилъ старика и, вызвавъ изъ рядовъ, спросилъ, какъ звать.

— Стрѣлецкій старшина Иванъ, Ивановъ сынъ, Орловъ.

— Не срамное ли дѣло, старый дѣдъ, съ экими бѣлыми волосами крамольничать?!.. Да еще кичишься, страха не имѣешь: выступаешь, гляди, соколомъ, будто на пирь.

Старикъ упалъ въ ноги царю.

— Срамъ великъ, а грѣхъ еще того вели! воскликнуть онъ. Не вичюся я, царское твое величество, и иду радостно на смерть лютую не ради озорства. Утѣшаюся, что смертью воровскою получу грѣхамъ прощенье и душу спасу. Укажи, царь, всѣмъ намъ, ворахъ государскимъ, безъ милости головы посѣчь. Не будетъ покоя въ государствѣ, пока одна голова стрѣleckая на плечахъ останется. Ни единой-то, единешенькой, не повели оставить... Попомни мое слово, стариково.

Но царь молодой задержалъ старика стрѣльца разспросами о прошлыхъ крамолахъ и бунтахъ. А ряды осужденныхъ все шли, да шли мимо... и головы вляли. И всѣ прошли подъ ту бесѣду. И всѣ головы сватились съ плечъ, обаграя землю. И не кончилась еще бесѣда царя съ старшиной крамольниковъ, какъ пришли доложить, что все справлено, какъ указалъ юный царь, только вотъ за „эвтимъ дѣдомъ“ дѣло стало...

— Иду! иду! заспѣшилъ дѣдъ.

— Нѣтъ, врешь, старый! сказалъ царь. — Семеро одного не ждутъ. Изъ-за тебя одного не приходится сѣизнова начинать расправу. Коли опоздалъ, такъ оставайся съ головой.

И изъ всѣхъ осужденныхъ головъ, за свои умные отвѣты, осталась на плечахъ одна голова старшины Ивана Орлова.

Сынъ его, Григорій Ивановичъ, участникъ во всѣхъ войнахъ великаго императора, даровавшаго отцу его жизнь, отплатилъ тою же монетою, не жалѣя своей головы въ битвахъ, какъ не жалѣлъ ее Иванъ Орловъ, неся на плаху. За то, когда онъ былъ уже генераль-маіоромъ, великій государь собственноручно надѣлъ на него свой портретъ. А немного было такъ жалованныхъ.

Григорій Ивановичъ всюду и всегда первый въ битвахъ и никогда, нигдѣ не побѣжденный и никогда, нигдѣ не плѣненный—вдругъ заплатилъ дань искушеніямъ мірскимъ. Уже имѣя полста лѣтъ на плечахъ и чуть не полста-ранъ въ могучемъ тѣлѣ, былъ онъ въ первопрестольномъ градѣ Москвѣ безъ войны завоеванъ, сраженъ къ ногамъ побѣдителя и полоненъ на-вѣки. Сразилъ воина генерала, какъ въ сказкѣ сказывается, не царь Салтанъ, не шведъ-басурманъ, а царевна красота, не мечъ булатный, не копье острое, а очи съ поволокою, уста

вишенныя, да за поясъ коса русая. Григорій Иванычъ былъ полоненъ безъ боя въ Москвѣ бѣлокаменной 15-ти-лѣтней дочерью стольника царскаго Ивана Зиновьева. И тутъ, въ Москвѣ, женился онъ и зажилъ. Прижили мужъ съ женой пять сыновъ и послѣ долгой, мирной жизни, близъ Никитскихъ воротъ, скончались оба и нынѣ лежатъ тамъ же рядомъ, въ церкви Егорья, что на Вспольѣ...

Сыны стали служить родинѣ, какъ учили ихъ служить, своими разсказами о себѣ, Григорій Иванычъ. Старшій изъ братьевъ, Иванъ Григорьевичъ Орловъ, одинъ остался въ Москвѣ и, схоронивъ отца, заступилъ его мѣсто въ любви и почитеніи остальныхъ братьевъ. Второй, Григорій Григорьевичъ, былъ отправленъ еще отцомъ въ Петербургъ, въ Сухопутный Кадетскій Корпусъ, и, выйдя изъ него, полетѣлъ на поля германскія, гдѣ шла упорная и славная борьба.

Двадцатилѣтній Орловъ не замедлил отличиться и послѣ кровопролитной битвы при Цорндорфѣ сталъ всѣмъ извѣстенъ отъ генерала до солдата. Онъ попалъ въ тотъ отрядъ, который неразуміемъ начальства былъ заведенъ подъ пыль и дымъ отъ обѣихъ армій и неузнанный своими polegъ отъ огня и своихъ и чужихъ. Раненый не разъ и опасно — Орловъ до конца битвы стоялъ впереди своихъ гренадеръ. И всѣ они стояли безъ дѣла и ни одинъ не побѣждалъ и многіе погибли.

Послѣ трудной компаніи 1758 года, русская армія отправилась на роздыхъ въ Кенигсбергъ и тамъ началось веселье, не прекращавшееся всю зиму. Побѣдители мужей германскихъ объявили теперь войну женамъ германскимъ и на этомъ полѣ битвы равно не посрамились. Григорій Орловъ былъ первымъ и въ этой войнѣ.

Кенигсбергъ изображалъ тогда полурусскій городъ. Русское начальство не жалѣло рублей на увеселенія и торжества, да и рубли-то эти чеканились хоть и на мѣстѣ, нѣмцами, но съ изображеніемъ російской монархини Елизаветы.

Черезъ годъ послѣ своихъ воинскихъ и любовныхъ подвиговъ Григорій Орловъ вернулся въ Петербургъ. Взятый тогда въ плѣнъ графъ Шверинъ, любимый адъютантъ короля Фридриха, былъ вытребованъ императрицей въ столицу, а съ нимъ

вмѣстѣ долженъ былъ отправляться приставленный къ нему поручикъ Орловъ.

Въ Петербургѣ Орловъ увидалъ братьевъ, служившихъ въ гвардіи, преображенца Алексѣя, семеновца Ѳедора и юношу—кадета Владиміра. Онъ вскорѣ сошелся ближе съ братомъ Алексѣемъ и очутился, незамѣтно для обоихъ, подъ вліяніемъ энергической и предприимчивой натуры младшаго брата. .

Получивъ отъ брата Ивана, безвыѣздно жившаго въ Москвѣ, свою часть отцовскаго наслѣдства, неразлучные Григорій и Алексѣй весело принялись сыпать деньгами, не думая о завтрашнемъ днѣ. Скоро удалъ, дерзость и молодечество, неслыханная физическая сила, и, наконецъ, развеселое „безпросыпное пированіе обоихъ господъ Орловыхъ“ вошли въ поговорку.

Послѣдній парнишка на улицѣ, трактирный половой, или извозчикъ, или разнощикъ Адмиралтейскаго проспекта и Большой Морской—знали въ лицо Григорія и Алексѣя Григорьевичей. Знали за щедро и часто перепадавшіе гроши, знали и за какую-нибудь здоровую затрещину или тукманку, полученную по башкѣ, не въ урочный часъ подвернувшейся имъ подъ руку — въ часъ беззавѣтнаго разгула, буйныхъ шалостей и тѣхъ потѣшныхъ затѣй, отъ которыхъ смертью пахнеть.

Дерзкіе шалуны были у всѣхъ на виду, ибо дворъ и лучшее общество Петербурга давно приуныло и боялось веселиться, какъ бывало, по случаю болѣзни государыни Елизаветы Петровны, которая все болѣе и чаще хворала. Баловъ почти не было, маскарады, столь любимые прежде государыней, прекратились, позорищъ и торжествъ уличныхъ тоже уже давно не видали... Даже народъ скучалъ и всѣ ждали конца и восшествія на престолъ молодаго государя. Всѣ ждали, но всѣ и боялись... Давно уже не бывало царя на Руси! И бояринъ-савновникъ, и царедворецъ, и гвардейцы, — бригадиръ ли, сержантъ ли, рядовой ли, — и кушцы, и послѣдній казачекъ въ дворнѣ боярина,—всѣ привыкли видѣть на престолѣ русскомъ монарховъ-женщинъ, и какъ-то свыклись съ тѣмъ, чтобы Русью правили, хоть по виду, женскія руки и женское сердце.

Отъ наслѣдника престола и будущаго государя можно было ожидать много новаго, много перемѣнъ и много такого, что

помнили люди, пережившіе Миниховы и Бирозовы времена, но о чемъ молодежь только слыхивала въ дѣтствѣ. Для нынѣшнихъ молодцевъ гвардейцевъ розказни ихъ мамокъ о зломъ сѣромъ волкѣ, унесшемъ на край свѣта Царевну Милку и рассказы ихъ отцовъ о Биронѣ, слились какъ-то вмѣстѣ, во что-то таинственное, зловѣщее и ненавистное. А тутъ вдругъ стали поговаривать, что съ новымъ государемъ—опять масляная придетъ Нѣмцамъ, притихнувшимъ было за Елизаветино время. Говорили тоже — и это была правда — что и Биронъ прощенъ и ѣдетъ въ столицу изъ ссылки.

Еще за нѣсколько мѣсяцевъ до кончины государыни и восшествія на престолъ новаго императора, слава о подвигахъ всякаго рода Григорія Орлова дошла до дворца и, наконецъ, до покоевъ великой княгини. Екатерина Алексѣевна пожелаала, изъ любопытства, лично видѣть молодого богатыря и сердцеѣда, кружившаго головы многимъ придворнымъ дамамъ. При этомъ свиданіи, унылый образъ красавицы великой княгини, всѣми оставленной и ея грустный взоръ, ея грустныя рѣчи глубоко запали въ душу молодого офицера... Послѣ нѣсколькихъ частныхъ свиданій и бесѣдъ сначала съ великой княгиней, а потомъ съ вполне оставленной супругой новаго императора, Орловъ подстерегъ въ себѣ новое чувство, быть можетъ, еще не испытанное имъ среди своихъ легко-дающихся сердечныхъ похожденій и легкихъ побѣдъ. Онъ смутился... не зная, кто заставляетъ порывисто биться его сердце—государыня ли, покинутая царственнымъ супругомъ, избѣгаемая всѣми, какъ опальная и даже оскорбляемая подъ часъ прислужниками и прихлебателями новаго двора, или же красавица-женщина, вѣчно одинокая въ своихъ горницахъ, сирота, заброшенная судьбой на чужую, хотя уже дорогую ей сторону, но гдѣ теперь не оставалось у нея никого изъ прежнихъ немногихъ друзей. Кто изъ нихъ не былъ на томъ свѣтѣ—былъ въ опалѣ, въ изгнаніи. Давно ли стала она изъ великой княгини русской императрицей, а завтрашній день являлся уже для нея въ грозныхъ тучахъ и сулилъ ей невзгоды, бури, борьбу и, быть можетъ, печальный, безвременный конецъ, въ казематѣ или въ кельѣ монастырской. И вотъ случайно, или волею не-

исповѣдимаго рока, нашелся у нея вѣрный слуга и другъ. И кто же? Представитель цвѣта дворянства и блестящей гвардіи, коноводъ и душа отчаяннаго кружка молодежи, заносчивый и дерзкій на словахъ, но объ двухъ головахъ и на дѣлѣ. Этотъ извѣстный всему Питеру и обществу, и простонародью, Григорій Орловъ, всецѣло отдалъ свое сердце красавицѣ женщинѣ, всецѣло отдался разумомъ и волей одной мысли, одной мечтѣ, — послужить несчастной государынѣ и отдать за нее при случаѣ все, хотя бы и свою голову, хотя бы и головы братьевъ и друзей... Эти младшіе братья его, Алексѣй и Ѳедоръ, изъ любви къ брату, были готовы тоже на все. Но имъ и въ умъ не приходило, что не одинъ разумъ, а равно и сердце брата Григорія замѣшалось теперь въ дѣло. Ихъ мечтанья знали и раздѣляли человекъ пять друзей, а за ними сплотился вскорѣ цѣлый кружокъ офицеровъ разныхъ полковъ.

Примѣръ подвига лейбъ-кампанцевъ двадцать лѣтъ назадъ былъ еще живъ въ памяти многихъ и раздражалъ молодыхъ пылкія головы, увлекалъ твердыя и предприимчивыя сердца, разжигалъ честолюбіе... Но повтореніе дѣйства лейбъ-кампаніи, часто, въ минуту здраваго обсужденія и холоднаго взгляда на дѣло, казалось имъ же самимъ—безсмысленнымъ бредомъ, ибо времена были уже не тѣ...

Однако эта мечта, этотъ призракъ—вновь увидѣть на престолѣ самодержца-женщину—не ихъ однихъ тревожили. Призракъ этотъ тѣнью ходилъ по всей столицѣ: онъ мелькалъ робко и скрытно и во дворцѣ, укрывался и въ хоромахъ сановниковъ, бродилъ и по улицѣ, любилъ засиживаться въ казармахъ, заглядывалъ и въ кабаки, и въ трактиры, въ простые домики и избы столичныхъ обывателей центра и окраинъ города. И всюду призракъ этотъ былъ и опасный и желанный гость, и всюду смущалъ и радовалъ сердца и головы.

У призрака этого на устахъ была не великая княгиня, не государыня, а свѣтъ-радость наша, матушка Екатерина Алексѣевна.

И всѣ рядовые гвардіи знали Матушку свою въ лицо. Однажды, среди ночи, въ полу-темномъ корридорѣ дворца, часовой отдалъ честь государынѣ одиноко и скромно проходившей

мимо, подъ вуалемъ. Она, невольно озадаченная, остановилась и спросила:

— Какъ ты узналъ меня?..

— Помилуй родная. Матушку нашу не признать! Ты вѣдь у насъ одна,—что мѣсяцъ въ небѣ!

VI.

При звукѣ колоколицевъ около постоялаго двора въ домѣ за-свѣтились и задвигались огоньки, и когда сани остановились у крыльца, человѣка четыре вышли на встрѣчу. Впереди всѣхъ былъ маленькій, старый человѣкъ, одѣтый въ кафтанъ съ нашивками и галунами.

— Агафонъ! Небось все простыло? выговорилъ Григорій Орловъ, вытѣзая изъ саней.

— Что вы, Григорій Григорьевичъ, все горячее, распре-горячее, отвѣчалъ Агафонъ, старикъ лакей, бывший еще дядь-кой обоихъ офицеровъ. Агафонъ отодралъ за ухо убитаго мед-вѣдя, нисколько не удивляясь обычному трофею барина и об-ратился къ другому младшему барину, сидѣвшему на облучкѣ.

— А ты опять въ кучерахъ! Экъ охота въ этакій холодъ ручки морозить. Небось, поди, скрючило всего морозомъ то... Ишь вѣдь зашвыряло-то какъ! Небось всю дорогу въ скокъ, да прыскокъ.

— Ахъ ты, хрычъ старый, весело отозвался Алексѣй Ор-ловъ, отряхиваясь отъ снѣга. Тебя скрючило вишь, такъ ты думаешь, что и всѣхъ крючить.

— Ну, ну, мнѣ то седьмой десятокъ идетъ, а тебѣ-то два съ хвостомъ махонькимъ... А все жъ таки не правда твоя. Меня не скрючило. А ты доживи-ко вотъ до моихъ годовъ, такъ со-всѣмъ стрючкомъ будешь.

Сани съ медвѣдемъ, между тѣмъ, отъѣхали и стали подъ навѣсъ.

Григорій Орловъ былъ уже въ сѣняхъ; Алексѣй, перебрани-ваясь и шутя съ старикомъ, вошелъ за нимъ.

Въ маленькой горницѣ былъ накрытъ столъ и среди бѣлой

скатерти и посуды тускло свѣтила нагорѣвшая сальная свѣча. Тепло и запахъ щей доходившій изъ сосѣдней горницы, пріятно охватилъ пріѣзжихъ, простоявшихъ на морозѣ нѣсколько часовъ.

— Ну, поживѣй, Агафонъ. Проголодались мы, приказаль Григорій.

— Живо, живо, старая крыса! шутливо добавилъ и Алексѣй.

— Все готово-сь! Ключикъ пожалуйста отъ погребца. Онъ у васъ остался. А то-бъ ужъ давно все на столѣ было.

— Онъ у тебя, Алеша... Ахъ, нѣтъ тутъ!..

Григорій Орловъ досталъ ключи изъ кармана и, бросивъ ихъ на столъ, сѣлъ на лавку.

Старикъ отперъ дорожный погребецъ, купленный въ Кенигсбергѣ, въ видѣ красиваго сундучка и сталъ доставать оттуда приборы; потомъ, очистивъ отъ мелочей верхнюю часть сундучка, вынулъ за ушки большую посеребренную суповую мису съ крышкой и началъ изъ нея выкладывать такія же металлическія тарелки. Вынимая тарелку за тарелкой и дойдя до двухъ мисъ, которыя вкладывались одна въ другую, помѣщаясь, такимъ образомъ, въ большой суповой мисѣ съ ушками—Агафонъ началъ качать головой и бормотать.

Алексѣй Орловъ стоялъ, подпершись руками въ бока, среди горницы, за спиной Агафона и, молча мотнувъ брату головой на старика, подмигнулъ. Григорій, полулежа на лавкѣ, поглядѣлъ на лакея.

— Что? Сервизъ? вымолвилъ онъ и усмѣхнулся.

Агафонъ обернулся на это слово заморское и морщинистое лицо его съежилось въ добродушно хитрую улыбку.

— А то нѣтъ! воскликнулъ онъ. Сто лѣтъ буду перебирать и въ толкъ не возьму! Нѣтъ! Какова бестія! И Агафонъ ткнулъ пальцемъ въ погребецъ.—Чтобы ему разложить все въ сундукъ рядышкомъ! Нѣтъ, вишь анаеема, что придумалъ. Одно въ одно. Соберешь со стола кучу, а уложишь, и нѣтъ ничего! Одна миска! Сто лѣтъ, говорю, буду выкладывать и эту бестію нѣмца поминать... Уложить рядышкомъ какой вѣдь ящикъ бы надо... сажонный. Такъ нѣтъ-же! онъ, анаеема, вишь... одно въ одно... Прямая бестія, плуть.

— Ну, Агафонъ, вотъ что... Соловья баснями не кормять.

Давай скорѣе... терпѣливо, но угрюмо сказать Григорій Орловъ.

— Заразъ, пане, заразъ! отозвался Агафонъ, почти не обращая вниманія. Какъ были мы съ вами въ Вильнѣ, помню я тоже эдакую штуку одинъ жидъ продавалъ.

— Ты болты болтать! закричалъ вдругъ Алексѣй Орловъ громовымъ голосомъ. Постой болтушка! И, живо подхвативъ старика за ногу и за руку, онъ поднялъ его, какъ перышко, на воздухъ, надъ головой своей.

— Ай!! Ай!! Убьешь! Ей Богу убьешь! Баринъ! Золотой! зорать старикъ. Общался никогда этого не дѣлать. Стыдно! Григорій Григорычъ, не прикажите. И старикъ, боязливо поглядывая съ верху на богатыря барина и на полъ, кричалъ на весь домъ.

— Разшибу объ полъ въ дребезги!.. крикнулъ Алексѣй и держалъ старика высоко надъ головой. Такъ какъ горница была низенька, то онъ, наконецъ, приперъ старика къ баясинамъ потолка.

— Гриша, пощекочи его...

— Голубчикъ! Баринъ! Ради Создате... Ай—ай!

— Пусти его, Алеша. Ей Богу ѣсть хочется.

Алексѣй спустилъ бережно старика и поставилъ на полъ, но едва Агафонъ былъ на ногахъ, онъ нагнулся и началъ щипать его за икры.

— Бери сервисъ!.. Живо... Защекочу... Прямая Оөөошка, болтушка.

Агафонъ увертывался вправо и влево, хрипливо хихикалъ и вскрикивалъ, поджимаясь для защиты икръ; наконецъ, онъ наскоро ухватилъ мисы и тарелки и, поневолѣ пятясь отъ барина задомъ напередъ, кой-какъ пролѣзъ въ двери, но разорнялъ приборы на порогѣ.

— Ты, въ самомъ дѣлѣ, ему руки не сверни какъ-нибудь... сказалъ Григорій, когда старикъ скрылся.

— Вотъ! Я вѣдь бережно... Зачѣмъ Оөөошку калѣчить. Не даромъ онъ насъ на рукахъ махонькими таскалъ.

— Кости-то у него старья... Не долго и изувѣчить, замѣтилъ Григорій.

Черезъ минутъ пять Агафонъ появился съ подносомъ. Изъ

большой мисы дымилась похлебка, изъ другой торчалъ хвостъ рыбы, въ третьей маленькой мискѣ были печенныя яблоки. Лакей уже не боясь затѣйника барина, съ ужиномъ въ рукахъ, разставилъ все на столѣ, подаль тарелки и приборы и, отошедъ въ сторону съ салфеткой на рукѣ, сказалъ торжественно:

— Пожалуйте откупать на здоровье.

Братья порядливо, не спѣша, перекрестились и весело принялись за ужинъ.

— Вы кушайте, а я буду вамъ сказывать... что тутъ было съ часъ мѣста тому.

— Ну, теперь болтай, Овощика, сколько хочешь, весело сказалъ Алексѣй Орловъ. Ты намъ сказывай, а мы будемъ тебя не слушать.

— Анъ вотъ и будешь... поддразнилъ его старикъ, поджимаясь и вытягивая шею впередъ.

— Анъ не буду! гримасой и голосомъ, удивительно вѣрно передразнилъ его Алексѣй.

— Анъ будешь... Да еще обѣими ухами будешь слушать, и кушать перестанешь отъ любопытствія того, что я сказывать буду...

— Ну, ну, говори!

— То-то вотъ... Говори теперь... Да я не тебѣ и говорить хотѣлъ! И презанимательная происшествія Григорій Григорьевичъ, обратился Агаеонъ серьезно къ своему барину.

Вообще старикъ лакей хотя любилъ равно всѣхъ своихъ господъ, и маленькаго кадета Владиміра Григорьевича, и озарника, вѣчнаго спорщика и надсмѣшника Алексѣя Григорьевича, но уважалъ онъ только Ивана Григорьевича Орлова, старшаго изъ братьевъ, и потомъ боготворилъ своего барина Григорія Григорьевича, съ которымъ совсѣмъ не раставался уже за послѣдніе двѣнадцать лѣтъ ни въ Россіи ни за границей.

— Съ часъ тому мѣста, баринъ, началъ Агаеонъ ухмыляясь, сижу я съ содержателемъ Дегтеревымъ. Хозяйка-то стало быть готовить вотъ на счетъ кушаньевъ вамъ поужинать. А мы двое сидимъ, да бесѣдуемъ. Онъ меня про нѣмцеву землю спрашиваетъ, про Конизбергъ городъ и про прусскаго... энто-

го... ну про Хредлиха, что нѣмцы королемъ своимъ считаютъ, благо у него длинень носъ, до Коломны доросъ, а все, поди, на глазахъ торчить.

Братья Орловы невольно усмѣхнулись тому, что называли „старой Оооошкиной пѣсенкой“. Агаѳонъ не любилъ Нѣмцевъ. Проживъ между ними четыре года въ Кенигсбергѣ, онъ еще пуще не взлюбилъ ихъ, но короля Фридриха почему-то особенно ненавидѣлъ отъ глубины души. Какъ и за что явилась эта ненависть въ добромъ старикѣ, онъ самъ не зналъ. Въ Агафонѣ какъ будто что-то оскорблялось и негодовало, когда ему говорили, что Фридрихъ—король... монархъ... такой же вотъ царь нѣмецкій, какъ Петръ Алексѣевичъ былъ русскимъ Царемъ. Агаѳонъ злобно ухмылялся, трясъ головою и не могъ ни какъ переварить этого; если же бесѣда объ Фридрихѣ затягивалась и ему доказывали неопровержимо, что Фридрихъ царь прусскій, какъ и быть должно... да еще пожалуй Великимъ потомъ назовется... то Агаѳонъ, не находя опроверженій, принимался ругаться, называя своего собесѣдника басурманомъ и измѣнникомъ.

— Ну, ну, Фридриха, ты братъ, не тронь, сказалъ Алексѣй Орловъ. Знаешь нынѣ времена не тѣ. Это при Лизаветѣ Петровнѣ съ рукъ сходило; а теперь ты, Оошка, это брось. Скоро вотъ мы замиримся съ Хредлихомъ съ твоимъ и какъ ты его ругать, тебя и велать ему головой выдать. Онъ тебя и казнить на сѣнной площади въ Берлинѣ.

— Казнить! сердито отозвался Агаѳонъ.

— Да. Сначала это отдерутъ кнутъями нѣмецкими, а тамъ клейма поставятъ и тоже съ нѣмецкими литерами, а тамъ ужъ и голову, пожалуй, долой.

— Коротки руки—литера мнѣ ставить...

— Дай ему, Алеша, сказывать, вмѣшался Григорій.

— А ты языкъ-то свой попридержи, Алексѣй Григорьевичъ. Жуй себѣ, да молчи. Ну-съ, вотъ и бесѣдуемъ мы съ Дегтеревымъ. Вдругъ, слышимъ, бухъ въ двери кто-то. Меня съ лавки ажно свернуло, такъ скотина шибко вдарилъ съ размаха. Точно разбойникъ какой. Ужъ я его ругалъ, ругалъ потомъ за перепугъ.

— Да кто такой?.. спросилъ Алексѣй.

— А ты кушай, да молчи... Ну, вотъ Григорій Григорьевичъ, отворилъ Дегтеревъ дверь... Лѣзетъ дьяволъ, звенить шпорьями, кнутъ въ рукѣ, верхомъ пріѣхаль. Морда вся красная, замерзъ бестія. Глянулъ я... Вижу, онъ какъ и быть должно... Всѣ они эдакіе, прости Господи, дьяволы...

— Такъ таки самъ дьяволъ? Что ты Ёоша?! шутиливо воскликнулъ Алексѣй Орловъ.

— Постъ нонѣ, Великій постъ Господень идетъ, Алексѣй Григорьевичъ: грѣхъ это—его поминать! укоризненно заговорилъ Агаѳонъ.

— Самъ ты два раза его помянулъ—дьявола

— Я не поминалъ. Поклеповъ не взводи. Я нѣмца. ругалъ, а не его поминалъ. Ну вотъ слушайте. Вошелъ и кричить.

— Да кто такой? Ты же вѣдь не сказалъ, замѣтилъ Григорій Орловъ.

— А Голштинецъ!

— Голштинецъ?

— Да. Солдатъ изъ потѣшныхъ, изъ Аранбовскихъ. Вы слушайте, Григорій Григорьевичъ, что будетъ-то... Хочу говорить, я комнату занять. Эту самую вотъ. Для моего ротмейстера, кой будетъ сейчасъ за мной. Мы говоримъ: обожди, не спѣши. Горница занята и ужинъ тамъ накрытъ моимъ господамъ.—Мой, говорить; ротмейстеръ Государевъ.

— По каковски-же онъ говорить-то?

— Что по своему, а что и по нашему. Понять все можно. Русскій хлѣбъ ѣдятъ ужъ давно, грамоту нашу пора выучить. Мнѣ, говорю ему, плевать на твоего ротмейстера. Мои господа, говорю, Московскіе столбовые дворяне, батюшка родитель ихъ былъ, говорю, генералъ... Да, вотъ что, голштинецъ ты мой! А ты, говорю, обогрѣйся въ людской, да и ступай съ Богомъ... откуда пришелъ. Онъ на это кричать, буянить... Подай ему горницу и готовь тоже закусить для его ротмейстера. Спросилъ Дегтеревъ: кто таковъ твой начальникъ? Говорить ему: имя я самъ не знаю. Ну, а коли ты и званья своему барину, говорю я ему, не вѣдаешь, то, стало, вѣрно прощальнаго какой.

И Дегтеревъ говоритъ: Господина твоего ротмейстера я не знаю, а вотъ его господа за всегда у меня постоемъ бываютъ съ охоты. И теперь, говоритъ, тоже горница занята для нихъ. А я, говоритъ, господъ его, не промѣняю на Голштинца. Пословица нынѣ сказываться стала: „Отъ Голштинца не жди гостинца“. Вотъ что!..

— Ну что-жъ, понялъ онъ пословицу-то?

— Понялъ, должно, буянить началъ... А потомъ сѣлъ, отогрѣлся и говоритъ: „Погодите вотъ ужотко подѣдетъ ротмейстеръ, всѣхъ васъ и вашихъ *героевъ офицеровъ* кнутомъ отстегаетъ“. Ей Богу такъ и говоритъ! Меня со зла чуть не рорвало... Сидитъ бестія, да пугаетъ... Посидитъ, посидитъ, да и начнетъ опять пугать... Погодите вотъ на часъ, подѣдетъ вотъ мой-то... Дастъ вамъ...

— Ну что-жъ, тотъ подѣхалъ? спросилъ Алексѣй Орловъ.

— То-то не подѣхалъ еще.

— Ну, а солдатъ?

— И теперь тутъ. Ждетъ его. И все вѣдь пугаетъ. Ей Богу. Сидитъ это, ноги у печи грѣетъ и пугаетъ. Пресмѣлый. Ну и какъ быть должно, изъ себя—рыжій и съ бѣлымъ на носу.

— На глазу то-ись... Оооошка.

— Нѣтъ на носу, Алексѣй Григорьевичъ. И все то ты споришь. Ты не видалъ его, а я видѣлъ. Такъ знать ты и не можешь гдѣ. А учить тебѣ меня,—не рука... Вратъ я—въ жизнь не вралъ.

— Да на носу, Оооошка, бѣлмы не бываютъ. Не путай!..

— У нѣмца?!.. Много ты знаешь!.. И не такое еще можетъ быть... Хуже еще можетъ быть. Ты за границу не ѣздилъ, а мы тамъ жили съ Григорьемъ Григорьевичемъ. Да что съ тобой слова тратить!.. И Агаѳонъ сердито вышелъ вонъ, хлопнувъ за собою дверью.

— Озлилъ таки Оооошку! размѣялся весело Алексѣй Орловъ.

VII.

Черезъ четверть часа послышался около постоялаго двора звонъ жиденскихъ чухонскихъ бубенцовъ, безъ колокольчика, а затѣмъ кто-то громко и рѣзко крикнулъ на дворѣ хозяина.

— А вѣдь это онъ, пожалуй, ротмейстеръ этотъ. То не наши, сказалъ Алексѣй.

— Позовемъ его съ нами поужинать, отозвался Григорій Орловъ. Я давно уже по нѣмцки не говорилъ. Поболтаю.

— Всѣ эти голштинцы превеликаго вѣдь самомнѣнія... отозвался Алексѣй на предложеніе брата гадливо, съ гримасой.

— Ничего. Ради потѣхи лебезить буду, да по шерстѣ его, учну гладить. Объ прусскомъ артикулѣ пушуся въ бесѣду! А какъ подымется каждый во свояси—тогда я ему на прощаніе нѣмцеву породу и его Хредлиха самого выругаю по здоровѣе, разсмѣялся Григорій.

— Что-жъ, пожалуй. Вмѣстѣ дѣтей не крестить. Поужинаемъ и разъѣдемся... А то скажи ему, какъ Разумовскій сказалъ какому-то нахалу. Тотъ напрашивался все къ нему силкомъ на балъ, онъ и отвѣтилъ: неча дѣлать, наплевать, милости просимъ!..

Въ эту минуту въ сѣняхъ раздался крикъ и кто-то грохнулся объ землю. Затѣмъ раздался визгливый и яростный крикъ Агаѳона.

— Меня свои господа вотъ ужъ тридцать лѣтъ не бивали. Вотъ что-съ.

Алексѣй Орловъ кинулся на крикъ лакея, но дверь распахнулась и Агаѳонъ влетѣлъ съ окровавленнымъ носомъ.

— Глядите что! завопилъ старикъ. Нешто онъ смѣетъ чужаго холопа бить?

— Dumm! Wo sind diese Leute? кричалъ голосъ въ сѣнахъ.

— А-а! вотъ оно какое дѣло! выговорилъ Григорій протяжно и поднялся изъ-за стола. Вывернувъ высоко вверхъ локоть правой руки, онъ гладилъ себя ладонью этой руки по

верхней губѣ. Неровное дыханіе сильно подымало его грудь.

Алексѣй Орловъ быстро обернулся къ брату. Этотъ жестъ и хорошо знакомая ему интонація голоса брата, говорившая о вспыхнувшемъ гнѣвѣ, заставила его схватить брата за руку...

— Гриша, не стойтъ того. Стыдно!! Господь съ тобой.

Григорій Орловъ стоялъ, не шевелясь, за столомъ.

На порогѣ показалась высокая и плотная, полуосвѣщенная фигура Голштинскаго офицера въ ботфортахъ, куцомъ и узкомъ мундирѣ съ разшивками на груди. Прежде всего бросились въ глаза его толстыя губы и крошечные глазки подъ лохматыми, рыжими бровями. На прибывшемъ была накинута медвѣжья шуба, на головѣ круглая фуражка съ мѣховымъ околышемъ и съ зеленымъ козырькомъ.

— Какъ вы смѣете бить моего человѣка?! крикнулъ изъ-за стола Григорій Орловъ по-нѣмецки.

Алексѣй, не понимавшій ни слова изъ того, что говорилъ братъ, прибавилъ тихо.

— Не стойтъ связываться, Гриша. Уступимъ уголъ горницы. Все таки офицеръ...

Прибывшій ротмейстеръ въ своей шубѣ едва пролѣзъ въ дверь и, увидя двѣ богатырскія фигуры двухъ братьевъ, сказалъ по-нѣмецки нѣсколько мягче, но все таки важно и внушительно:

— Я, какъ видите, офицеръ войска Его Величества. Ъду изъ Ораніенбаума къ его высочеству принцу Георгу по важному дѣлу... Я желаю поужинать и отдохнуть. Очистите мнѣ сейчасъ эту горницу.

— Чортъ съ нимъ, шепнулъ Алексѣй брату, позвать его по ужинать съ нами. А Оошкинъ носъ склеимъ, некупленный! разсмѣялся онъ добродушно и весело.

Ротмейстеръ, очевидно не понимавшій ни слова по русски, принялъ, вдругъ смѣхъ этотъ на свой счетъ и, сморщивъ брови на Алексѣя, важно закинулъ голову.

— Хотите ужинать съ нами, сказалъ Григорій Орловъ уже мягко, но улыбаясь гримасамъ брата на Агаѳона, мочившаго носъ водой въ углу горницы.

*

— Спасибо. Danke sehr! презрительно отвѣчалъ вдругъ обидѣвшійся нѣмецъ. Я этого не ѣмъ! И онъ мотнулъ головой на столъ. Это глотать могутъ только русскіе.

— Ну такъ эта комната и столъ заняты нами! грубо и рѣзко вымолвилъ Григорій Орловъ, садясь снова. Хотите, такъ займите вонъ уголь и ѣшьте тамъ свою колбасу. Только живѣе кончайте и уѣзжайте, потому что меня отъ колбаснаго запаха тошнитъ.

— Что? Аль онъ заупрямился, спросилъ Алексѣй, ничего не понимавшій. Мы вѣдь не въ мундирахъ, Гриша, онъ можетъ думать купцы проѣзжіе.

— Наше общество васъ не унижить. Мы тоже офицеры войскъ Его Величества, объяснилъ Григорій.

— Русскаго войска?

— Ну, да, русскаго. Мы не въ мундирахъ, потому что захали сейчасъ съ охоты.

Нѣмцу, очевидно, показалось послѣднее заявленіе Орлова сомнительнымъ.

„Эти двое дюжихъ парня врядъ—офицеры. Скорѣе два русскихъ бюргера“, подумалъ ротмейстеръ, приглядываясь къ обоимъ и затѣмъ вдругъ кривнулъ въ дверь... Явились два рейтера голштинскаго войска.

— Уберите все это вонъ! Приказалъ онъ по-нѣмецки, показывая на столъ. И вы тоже—вонъ. Fort! Fort!..

— Ruhig!.. Кто тронетъ этотъ столъ, тому я расшибу голову объ стѣну, крикнулъ Григорій по-нѣмецки.

Рейторы остановились у дверей.

Хозяинъ Дегтеревъ показался смущенный за ними. Офицеръ грубо захохоталъ въ отвѣтъ на угрозу и сбросилъ шубу и шапку. Затѣмъ, подойдя къ столу, онъ взялъ первую, попавшуюся подъ руку мису съ рыбой, шлепнулъ ее на полъ, и взялся было за другую.

Алексѣй и Агафонъ ахнули. Григорій Орловъ выскочилъ изъ-за стола и однимъ ударомъ кулака опрокинулъ ротмейстера навзничъ, на его же шубу.

— Ко мнѣ! ко мнѣ! Бей ихъ! закричалъ ротмейстеръ по-нѣмецки.

Рейторы бросились было на Григорія; но одинъ изъ нихъ попалъ подъ руку Алексѣя Орлова и, сбитый съ ногъ, отлетѣлъ на стараго лакея, котораго своимъ паденіемъ спшибъ тоже съ ногъ. Рейторъ такъ застоналъ, что товарищъ его быстро отступилъ самъ.

Въ минуту Алексѣй выпвырнулъ обоихъ солдатъ изъ горницы и заперъ дверь на щеколду.

Между тѣмъ, Григорій Орловъ уже ухватилъ толстаго ротмейстера за шиворотъ и, сѣвъ на него верхомъ, тащилъ его за шею и подбѣждалъ на немъ къ самому столу. Голштинецъ побогровѣлъ отъ напрасныхъ усилій, отчаянно барахтался и хрипѣлъ.

— Алеша! Держи свинью! Гни! крикнулъ Григорій, слѣзая съ ротмейстера. Передавъ его въ руки брата, онъ взялъ со стола большую миску и, опрокинувъ ее на голову ротмейстера, облилъ его остатками еще теплой похлебки, а, затѣмъ, надѣлъ опорожненную миску ему на голову.

Вся голова офицера ушла въ нее. Григорій съ большимъ усиліемъ, сопя и кряхтя, бережно согнулъ на головѣ Голштинца мѣдную мису и, сдвинувъ края на щеки, подогнулъ ушки подъ его жирнымъ подбородкомъ, лишь слегка поранивъ ухо и помявъ шею. Затѣмъ, онъ велѣлъ брату выпустить ротмейстера изъ-подъ себя и, оттолкнувъ его въ уголъ, крикнулъ злобно смѣясь.

— Вотъ вамъ новая голштинская каска! А имя мое — Орловъ.

Офицеръ совершенно обезумѣлъ отъ всего совершеннаго вдругъ надъ нимъ и, качаясь, какъ пьяный, отодвинулся и сѣлъ на лавку. Онъ притихъ сразу и съ телячьимъ взоромъ глядѣлъ на братьевъ изъ-подъ миски. Руки его поднялись было безсознательно разогнуть ушки на подбородкѣ и снять мису, но, тронувъ ихъ, онъ и пробовать не сталъ. Онъ обомлѣлъ отъ изумленія, смутно понявъ, что случилось что-то невозможное, даже немислимое.

Миса, плотно обхвативъ затылокъ и темя, торчала надъ лбомъ въ видѣ чепца, а загнутыя широкія ушки держали ее и не позволяли не только снять съ головы, но даже чуть-чуть

сдвинуть. Чтобъ разогнуть миску нужна была та же сверх-естественная сила, которая надѣла ее. Голштинецъ сидѣлъ недвижно и опалѣлымъ взоромъ глядѣлъ на одѣвавшихся на-ско-ро враговъ.

— Гуть? А? Гуть что-ли? смѣялся, одѣваясь, Алексѣй.

Агаеонъ быстро и злобно собиралъ посуду въ погребецъ, изрѣдка косясь на главную мису, не достававшую теперь въ приборѣ. Увы! Она неожиданно получила совершенно новое назначеніе.

Братья вышли въ сѣни. Рейторы вѣжливо пропустили сигналей. Черезъ нѣсколько минутъ Орловы уже скакали въ са-няхъ по дорогѣ въ Петербургъ.

— Скверно! Погорячился ты. Скверно! повторялъ Алексѣй брату. Имя-то онъ не слыхалъ; но по мисѣ узнають, кто такіе съ нимъ пошутили. Теперь не слѣдъ было гнѣва государя на себя обращать. Ты знаешь, какъ онъ за голштинцевъ своихъ обижается всегда.

Агаеонъ, сидѣвшій бокомъ на облучкѣ около кучера, бормоталъ себѣ что-то подъ носъ и махалъ руками по воздуху отчаянно и злобно. Наконецъ, онъ обернулся къ господамъ и сказалъ внѣ себя отъ ярости.

— Отдуть бы здорово! Такъ!! Слѣдъ!! Чтобъ помнилъ бестія. Такъ нѣтъ! Добро свое зря портить. Финты-фанты показывать!

— Да на мисѣ-то вырѣзаны еще большія литеры: *миса* и *онъ*! прибавилъ Алексѣй.

— Не будьте въ сумленіи, язвительно отозвался Агаеонъ, и безъ литеръ узнается, кто такое колѣно отмочилъ. Нешто всякій это можетъ? воскликнулъ онъ вдругъ. Вашъ покойный родитель, да вы господа, его дѣтки. Кабы даже и не ваша посудина была, такъ всякій, глянувъ на его башку, скажетъ, что миска господъ Орловыхъ. Я бы взялъ на себя, помолчать, серьезно выговорилъ старикъ, да не повѣрять... Какъ вы полагаете, Григорій Григорьевичъ?.. А то я возьму на себя, скажу, я молъ. Мнѣ чтожъ сдѣлають?

Оба брата вдругъ такъ громко, раскатисто захохотали на это предложеніе, что даже пристяжныя рванули шибче. Ага-

онъ сердито махнулъ рукой и, отвернувшись лицомъ къ лошадамъ, обидчиво молчалъ вплоть до Петербурга?

Между тѣмъ, ротмейстеръ, оставшись на постояломъ дворѣ въ той же горницѣ, позвалъ солдатъ, заперся и возился напрасно съ своей новой каской. Онъ пришелъ въ себя окончательно и понялъ весь ужасъ своего положенія, когда Орловы уже уѣхали; иначе онъ готовъ бы былъ просить хоть изъ милости снять съ него миску. Напрасно оба рейтора его возились надъ нимъ и, уцѣпившись за края и ушки мисы, съ двухъ разныхъ сторонъ, тащили ихъ изъ всей силы въ разные стороны. Ушки не подались ни на волосъ изъ-подъ толстаго подбородка офицера. Кромѣ того, одинъ изъ рейторовъ былъ гораздо сильнѣе товарища и при этой операціи, не смотря на все свое уваженіе къ Негг'у ротмейстеру, ежеминутно стаскивалъ его съ лавки на себя, и валилъ на него слабосильнаго товарища. При этомъ доставалось пуще всего головѣ ротмейстера, отъ боли кровь прилиwała къ его толстой шеѣ и онъ боялся апоплексіи.

Наконецъ, голштинецъ обругалъ рейторовъ и не велѣлъ себя трогать. Они отступили вѣжли во на шагъ и стали—руки по швамъ.

Ротмейстеръ просидѣлъ нѣсколько минутъ неподвижно очевидно раздумывая, что дѣлать? Наконецъ, ничего вѣроятно не придумавъ дѣльнаго, онъ вдругъ поднялъ руки вверхъ, какъ бы призывая небо во свидѣтели невѣроятнаго происшествія, и воскликнулъ съ полнымъ отчаяніемъ въ голосъ:

— Gott! Was für eine dumme geschichte!!

Оставалось положительно одно — ѣхать тотчасъ въ Петербургъ, къ мѣднику или слесарю, распиливать свою новую каску... Но какъ ѣхать?! По морозу! Сверхъ миски—теплая шапка не влѣзетъ! Отчаяніе Голштинца взяло однако верхъ надъ самолюбіемъ и онъ, выпросивъ тулупъ у Дегтерева, велѣлъ себѣ закутать имъ голову вмѣстѣ съ миской... Рейторы его объявили наглухо, вывели подъ руки, какъ слѣпаго, и посадили въ санки. Ротмейстеръ рѣшился въ этомъ видѣ ѣхать прямо къ принцу голштинскому, Георгу, дядѣ государя, жаловаться на неизвѣстныхъ озарниковъ и требовать примѣрнаго наказанія.

Дегтеревъ разумѣется, не сказалъ ему имени, силачей, отзываясь незнаемъ, а самъ офицеръ не запомнилъ русскую, вскользь слышанную, фамилію. Вензель Г. О., вырѣзанный на посудинѣ, онъ видѣть у себя на затылкѣ конечно не могъ.

Когда ротмейстеръ чудищемъ съ огромной головой отъѣхалъ отъ постоялаго двора, Дегтеревъ, уже не сдерживая хотота, вернулся въ горницу, гдѣ жена подтирала полъ и прибирала остатки растоптанной рыбы...

— Ай да Григорій Григорьевичъ! Вотъ эдакъ-то бы ихъ всѣхъ рамбовскихъ. Они нашего брата поѣдомъ ѣдятъ... Не хуже Бироновыхъ языковъ. Спасибо хоть этого поучили маленечко... А лихо! Ай лихо! Ха-ха-ха!

Дегтеревъ сѣлъ на лавку и началъ хохотать, придерживая животъ руками. Вскорѣ на его громовый хохотъ собрались всѣ работники отъ мала до велика со всего двора и слушали рассказъ хозяина.

— Горнадеры-то его... Ха-ха-ха. Одинъ въ эту сторону, на себя тянетъ, а тотъ къ себѣ тащить, да оба мычать, а ноги-то у нихъ по мокрому полу ѣдутъ!.. А ротмистиръ-то глаза пучить, изъ-подъ миски-то... Ха-ха-ха! Охъ, батюшки! Животъ подвело. О-о-охъ! Умру!..

Батраки, глядя на хохотавшаго хозяина и, представивъ себѣ постепенно все происшедшее сейчасъ въ горницѣ, начали тоже громко хохотать.

— Этотъ сюда тащить, а энтотъ туда... А ноги-то... ноги-то — по полу ѣдутъ!... безъ конца принимались повторять по очереди батраки, послѣ каждой паузы смѣха, будто стараясь вполне разъяснить другъ другу всю штуку. И затѣмъ всѣ снова заливались здоровымъ хохотомъ, гремѣвшимъ на весь Красный Кабакъ.

VIII.

У воротъ большого дома Адмиралтейской площади, стоящаго между покатымъ берегомъ рѣки Невы и Галерной улицей, ходитъ часовой и отъ сильнаго мороза то и дѣло топчетъ ногами по

ухоженному имъ снѣгу, ярко облитому луннымъ свѣтомъ. Здѣсь въ большихъ хоромахъ помѣщается прибывшій недавно въ Петербургъ принцъ Голштинскій Георгъ-Лудвигъ. Хотя уже четвертый часъ ночи, но въ двухъ окнахъ нижняго этажа видѣнъ свѣтъ... Горница эта съ освѣщенными окнами—прихожая и въ ней на ларяхъ сидятъ два рядовые преображенца. Они часовые, но, спокойно положивъ ружья около себя, сидятъ пользуясь тѣмъ, что весь домъ спитъ глубокимъ сномъ; даже двое дежурныхъ холоповъ, растянувшись также на ларяхъ, спятъ непробудно, опрокинувъ лохматые головы, раскрывъ рты и богатырски похрапывая на всю прихожую и парадную лѣстницу. Рядовые эти—молодые люди, красивые, чисто одѣтые и щеголеватые съ виду, Обои мѣ въ по двадцати и оба свѣтлорусые. Одинъ изъ нихъ съ лица по старше, плотнѣе, съ полнымъ круглымъ лицомъ и свѣтло синими глазами, тихо рассказываетъ товарищу длинную, давно начатую исторію. Это рядовой преображенецъ—Державинъ.

Другой, слегка худощавый, но стройный и высокій, съ живымъ, но совершенно юнымъ, почти дѣтскимъ лицомъ, съ красивымъ орлинымъ носомъ и большими, блестящими, темноголубыми глазами. Даже въ горницѣ, полуосвѣщенной дрожащимъ свѣтомъ нагорѣвшей свѣчи—глаза его блестятъ особенно ярко и придаютъ блѣлому, даже чрезъ-чуръ блѣдному, матовому лицу, какую-то особенную прелесть, живость и почти отвагу. Лицо это сразу поражаетъ красотой, хотя отчасти женственной. Онъ старается внимательно слушать товарища, но за-частую зѣваетъ и на его лицѣ видно сильное утомленіе; видно, что сонъ давно одолеваетъ его на часахъ. Это тоже рядовой—Шепелевъ.

Державинъ кончалъ уже свой рассказъ о томъ, какъ недавно пріѣхалъ въ Петербургъ и нечаянно попалъ въ преображенцы.

— Такъ стало быть мы оба съ вами новички, выговорилъ наконецъ Шепелевъ. А я думалъ, что вы уже давно на службѣ.

— Какъ видите всего, безъ году недѣля. А вы?

— Я на масляницѣ пріѣхалъ. Навѣдался прямо съ письмомъ отъ матушки къ родственнику Петру Ивановичу Шувалову и узналъ, что онъ уже на томъ свѣтѣ. Да, пріѣзжай я по раньше, когда государыня была жива и онъ живъ, то не мыкал-

ся бы какъ теперь. Это не служба теперь — а работа арестантская.

— Да, вымолвилъ Державинъ, вздохнувъ, ужъ нынѣ служба стала, государь мой, не забава, какъ прежде была. Вы вотъ жалуетесь, что на часахъ ночь отбыть надо... Это еще давай Господи. А вотъ я, такъ радъ этому, ноги успокоить. А то во сто кратъ хуже, какъ пошлютъ на вѣсти къ кому. Вотъ у фельдмаршала Трубецкаго, помилуй Богъ. Домочадцы его, хоть кого въ гробъ уложить посылками. То сдѣлай, туда сходи, въ лавочку добѣги, къ тетушкѣ какой дойди, который часъ сбѣгай—узнай, разнощика догони—вороти. Просто бѣда. А то еще хуже, какъ съ вечера дадутъ повѣстки разносить по офицерамъ... Одинъ живетъ у Смольнаго двора. другой на Васильевскомъ острову, третьяго чортъ угналъ въ пригородъ Коломну, ради собственнаго домишки, либо ради жизни на хлѣбахъ у родственника... Такъ, знаете, какъ бываетъ, выйдешь съ повѣстками до ужина въ сумерки, самое позднее ужъ часовъ въ шесть, а вернешься въ казармы да заснешь послѣ полуночи. А въ семь вставай на ротный сбой да ученье, а тамъ пошлютъ снѣгъ разгребать у дворца, канавы у Фонтанки чистить или на морозѣ поставятъ на часы; да забудутъ смѣну прислать...

— Какъ забудутъ?

— Да такъ! Нарочно. Меня вотъ теперь нашъ ротный командиръ ни за что поѣдомъ ѣсть. Онъ меня одинажды 12-ть часовъ проморилъ на часахъ во дворе у графа Кирилы Григорьевича.

— Кто такой?

— Графъ Кирилъ Григорьевичъ? Гетманъ. Ну, Разумовскій. Нешто не знаете. „Всея Хохландіи самодержецъ“ зовется онъ у насъ... Теперь только вотъ обоимъ братьямъ тѣсно-вато стало при дворѣ, кажется скоро поѣдутъ глядѣть, гдѣ солнце встаетъ.

— А гдѣ это? вдругъ спросилъ Шепелевъ съ любопытствомъ.

— Солнце-то встаетъ? А въ Сибири. Это такъ сказывается. Да... Такъ вотъ, объ чемъ бишь я говорилъ. Да объ гонь-

бѣ то нашей. Пуще всего въ Чухонскій Ямъ носить повѣстки. Тутъ при выходѣ изъ города гдѣ овражина и мостикъ, всегда бѣды. Одного измайловца до нага раздѣли, да избили до полусмерти.

— Грабители?

— Да. Говорять будто вотъ изъ ихнихъ... И Державинъ мотнулъ головой на внутреннія комнаты. Два Голштинскихъ будто бы солдата, изъ Арамбова.

— Вотъ какъ?

— Да это пустое. Нынѣ, что ни случилось, сейчасъ ваять на голштинцевъ, какъ у насъ въ Казани все на татаръ, что ни случись, сваливаютъ. Надо думать, разбойники простые. Имъ въ Чухонскомъ Яму любимое сидѣніе съ дубьемъ.

— Что вы! Ахъ, батюшки! Вотъ я радъ, что вы меня предупѣдомили! воскликнулъ Шепелевъ. Я туда часто хожу. У меня тамъ... И молодой малый запнулся...

— Зазнобушка!

— Охъ, нѣтъ! То есть да... То есть, видите ли, тамъ живетъ семейство одно, княжны Тюфякины.

— Ну вотъ! Князь Тюфякинъ. Да. Я ему-то и носилъ прежде повѣстки. Нынѣ онъ ужъ не у насъ.

— Ну, да, конечно. Онъ же, вѣдь, прежде преображенецъ былъ и недавно только въ голштинцы попалъ. Я женихомъ считаю его сестры...

— Хорошее дѣло. Черезъ него и вы чиновъ нахватаете. Да и какъ живо! Но какъ же это вы съ масляницы здѣсь, а ужъ въ женихахъ.

— Ахъ, нѣтъ. Это еще моя матушка съ ихъ батюшкой порѣшили давно. Мы сосѣди по вотчинамъ и родственники тоже. Теперь, вотъ какъ меня произведутъ въ офицеры, я и женюсь! Такъ завѣщаль родитель ихъ покойный. Но одинъ Шепелевъ былъ женатъ уже на одной Тюфякиной и она приходилась золовкой, что-ли, моей теткѣ родной. А невеста моя, хоть и отъ втораго брака, но, можетъ быть, это все-таки сочтется родствомъ.

— Какое-жъ это родство! разсмѣялся Державинъ. Вмѣстѣ

на морозѣ въ Миколы мерзли. Любитесь, небось, шибко... Не бось, дѣвица красавица и умница.

— Изъ себя ничего... Только я эдакихъ не жалую. Дѣвица должна быть смиренномудрая. Такъ, вѣдь! А эта, на-счетъ ума и другихъ прелестей—столичная дѣвица! Молодецъ на всѣ руки. Ужъ очень даже шустра и словоохотлива. Она и родилась здѣсь. Батюшка мой, покойникъ, и матушка тоже заглазно мнѣ ее опредѣлили въ жены. Ну, да это дѣло... Это еще увидится. Я отбоярюсь. Мнѣ съ княземъ Глѣбомъ уже больно шибко не охота родниться.

— А что жѣ? Онъ нынѣ въ силѣ. Голштинецъ, хоть и русскій.

— Нехорошій человѣкъ. Я ужъ порѣшилъ отбояриться отъ его сестры.

И молодой малый тряхнулъ головой и усмѣхнулся съ напускной дѣтской важностію. Онъ, какъ ребенокъ, хвасталъ теперь предъ новымъ знакомымъ своей самостоятельностью, относительно вопроса о женитьбѣ.

— Вы одни у матушки?

— Одинъ, какъ перстъ.

— И вотчины, и все имѣніе будетъ ваше.

— Да, но... Шепелевъ снова запнулся въ нерѣшительности: сказать или нѣтъ? И, какъ всегда, совѣстливость его и прямота взяли верхъ.—Нечему переходить-то... продолжалъ онъ. У матушки имѣніе хотя и есть... но покойникъ родитель оставилъ ей такой чрезмѣрный долгище, что заплатить его не хватитъ никакихъ вотчинъ. Еслибъ и весь уѣздъ былъ нашей вотчиной, такъ не хватило бы.

— И въ этомъ мы съ вами ровни. У меня тоже немного. Но все-таки вы не живете въ казармахъ! прибавилъ Державинъ.

— Я у дяди Квасова, на хлѣбахъ...

— Господинъ Квасовъ. Гренадерской роты нашей. Знаю его за доброй души человѣка, сказалъ Державинъ и въ то же время подумалъ про себя: „какъ этого лѣшаго не знать!“

— Онъ изъ лейбъ-компаніи, какъ-то странно сказалъ Ше-

пелевъ, будто предупреждая вопросъ Державина.—Но я его очень люблю...

— Какъ же, позвольте... заговорилъ этотъ. Извините за нескромность. Какъ же господинъ Квасовъ оказался вашимъ дядюшкой?..

— Видите ли... Когда ихъ всѣхъ царица покойная произвела въ дворяне, по возшествіи своемъ на престолъ, то братъ младшій Квасова, тоже бывшій солдатъ гренадеръ, но очено видный и красивый, прельстилъ одну мою тетку двоюродную, которая всегда жила въ Петербургѣ. Онъ на ней и женился и вскорѣ умеръ. Вотъ господинъ Квасовъ и выходитъ мнѣ теперь...

— Да... Опять тоже на морозѣ вмѣстѣ мерзли... Какая-жъ это родня! разсмѣялся Державинъ.

— Да. Но я его очень люблю. Онъ истинно добрый и благородный человѣкъ, хотя происхожденія и не нашего, дворянскаго.

— Вы у него, стало, и живете въ качествѣ родственника. Ну-съ, я не такъ счастливъ, живу съ рядовыми солдатами. Плачу за себя пять рублей въ мѣсяцъ одному капралу Волкову и у него же въ горницѣ, въ углу, и живу за перегородкой. Тяжело. Придешь иной разъ домой, ухोдившись въ разсылкахъ, или съ вѣстей, или послѣ ученья, хочешь заснуть, а тутъ ребятки орутъ, бабы ихъ межъ собой ругаются, а то и въ драку полезутъ. А мужья ихъ мирить, да разнимать—помеломъ, бревномъ, либо и кочерьгой. А начальство ни въ грошъ не ставятъ. Кричи не кричи. Помню, вотъ, какъ то ночью просыпаюсь—шумъ, гамъ въ казармахъ, а меня съ кровати кто-то тянетъ за одѣяло, да молится, пусти его на постель. По казармѣ ходятъ, орутъ, ищутъ. Очнулся я совсѣмъ, смотрю—нашъ же флигельманъ, Морозовъ.—Ты что? спрашиваю.—„Убить хотятъ. Дежурный офицеръ отлучился на вечеринку. Не выдавайте имъ меня. Защитите, родной, до утра, а то убьютъ съ пьяну. Удрать не могу—ворота стерегутъ. Спасите. Васъ, какъ барскаго роду, не посмѣютъ тронуть“.—Да какъ же мнѣ, говорю, тебя спасти?—„Пустите, говорить, лечь на вашу кроватьку подъ одѣяло. А сами уйдите куда-нибудь“.—Что-жъ дѣлать-то? Пустилъ, а самъ

всталъ и пробрался тихонько на улицу. Всю ночь они про-
искали его—убить, а моей кровати не трогаютъ... Это, гово-
рятъ, нашъ барчюкъ спитъ. Такъ онъ до зари, зарывшись въ
мое одѣяло, и пролежалъ, покуда офицеръ не вернулся и не
унялъ пьяныхъ. А, вѣдь, флигельманъ насъ же и обучаетъ и,
стало быть, такое же начальство, что и офицеръ. Да-съ, по-
виновенія у насъ мало. Буяны все, да озарники. Съ жирю бѣ-
сятся.

— Отчего-жъ они буянили-то съ пьяну?

— Да. Первое дѣло, у насъ новое путало завелся, госпо-
динъ Орловъ. Слыхали, я чаю, два брата, силачи эдакіе. Дру-
гой-то братъ, старшій, артиллеріи цалмейстеръ... Не знаете?

— Нѣтъ.

— Что это вы ничего не знаете. Я вотъ и недавно при-
былъ, а все знаю. Ну, вотъ этотъ Орловъ—воистину путало—
зачастую угощаетъ виномъ свою роту. Такъ, зря, видно денегъ
дѣвать некуда. Вотъ они въ тѣ поры и напились. А какъ фли-
гельманъ Морозовъ больно доѣхалъ ихъ ученьемъ, то они съ
пьяну и полѣзли. Да, сказываютъ, и Орловъ за что-то зомъ на
Морозова и ихъ науськивалъ на него. Выйдетъ, молъ, шумъ,
другаго назначуть флигельмана. А эдакое ему зачѣмъ-то на-
руку. Двучичневый это народъ—оба брата.

— Орловы?

— Да-съ. Деньги тратятъ большія, а состоянія большаго у
нихъ нѣтъ. Всякій вечеръ у нихъ сборища офицеровъ. Крикъ,
гамъ, затѣи шальные. А, вѣдь квартира-то ихъ на видномъ
мѣстѣ, не далече и до самого дворца. Былъ ужъ, говорятъ,
разъ приказъ имъ отъ принца—держатъ себя скромнѣе. И ни-
чего не помогло. Говорили, будто даже одинъ изъ нихъ, нашъ
же офицеръ, Пассекъ, отвѣчалъ: „у васъ-де тамъ пиво пьютъ, а
мы матушку сивуху тянемъ, такъ мы другъ дружкѣ не помѣха“.

— Однако, дерзость какая? Чтожъ на это принцъ отвѣ-
тилъ?..

— Ну, до принца-то оно, положимъ, врядъ дошло. Кто-жъ
эдакое пойдетъ передавать. Самъ ногъ не унесешь... Что это
такое!? вдругъ прибавилъ Державинъ, прерывая бесѣду и обо-

рачиваясь въ окно. Будто подѣхали. Слышите, полозья скрипятъ по снѣгу.

Оба рядовые прислушались и, подѣ здоровый храпъ спящихъ на ларяхъ холоповъ, съ трудомъ разслышали шумъ полозьевъ и звукъ бубенцовъ. Они глянули въ окно и среди яркой, бѣлой улицы, освѣщенной какъ днемъ, увидѣли сани парой, съ кучеромъ чухонцемъ, а въ саняхъ что-то огромное, странное. За санями ѣхали верхомъ двое солдатъ.

— Рейторы! воскликнулъ Державинъ. Голштинцы!

— Ночью? Чтожъ бы это значило?

— Привезли въ саняхъ что-то. Да нѣтъ! Это живой человѣкъ, самъ встаетъ. Что за притча! Пойдемте на крыльцо...

Часовые взяли ружья съ ларя и вышли.

IX.

Чудовище, выползшее изъ саней при помощи рейторовъ, былъ, конечно, добравшійся кой-какъ въ городъ, несчастный ротмейстеръ. Солдаты ввели его подѣ руки на крыльцо и стали вводить на лѣстницу.

Но часовые были уже внизу и, загородивъ лѣстницу, остановили и просили прибывшихъ.

— Къ Его Высочеству! загудѣло что-то по-нѣмецки изъ-подѣ тулупа, наверхеннаго надѣ медвѣжьей шубой, тамъ, гдѣ предполагалась голова.

Часовые однако не рѣшались пропускать.

— Кто вы? Мы ночью не имѣемъ приказа впускать кого либо, помимо офицеровъ вашихъ; сказалъ Державинъ также по нѣмецки.

Офицеръ раскутался при помощи рейтеровъ. Молодые люди сначала остолебенѣли отъ удивленія при видѣ чего-то блеснувшего и не сразу разглядѣли, что именно блестить на головѣ пріѣзжаго. Первое движеніе Державина было гнать всѣхъ троихъ вонъ; онъ вспомнилъ вдругъ о разныхъ глупыхъ шалостяхъ, которыя позволяли себѣ разные гвардейцы съ принцемъ Жоржемъ и которыя все учащались за послѣднее время, вслѣдствіе

его доброты и безнаказанности со стороны начальства. Принявъ теперь вновь прибывшихъ за переодѣтыхъ балагуровъ, онъ бы стро сообщилъ свою догадку Шепелеву. И оба часовые, отступивъ вверхъ лѣстницы, стали на порогѣ самыхъ дверей съ твердымъ намѣреніемъ не пропускать ряженныхъ озорниковъ.

— Небось тоже изъ отчаянной компаніи господъ Орловыхъ! подумалъ Державинъ. Изъ-за нихъ проклятыхъ самъ въ отвѣтъ попадешь.

Между тѣмъ, тоже поднявшійся офицеръ порывался рѣшительно войти въ двери и лицо его было вовсе не забавно, голось вовсе не шутливъ. Къ тому же и офицеръ и солдаты были очевидно неподдѣльные нѣмцы.

— Я ротмейстеръ голштинскаго войска, сказалъ офицеръ на чисто нѣмецкомъ языкѣ. Прикажете сейчасъ вызвать камердине-Его Высочества Михеля. Сію минуту...

— Послушайте! замѣтилъ, на половину понявшій Шепелевъ, онъ не пьянъ ли? У него только на головѣ что-то диковинное! А мундиръ — ничего! Являться въ такомъ видѣ къ принцу, и голштинцу нельзя позволить. Онъ хоть и не ряженный, но дѣло то все-таки не ладно. Опрсите его толкомъ въ чемъ дѣло.

Державинъ объяснилъ ипріѣзжему то же подозрѣніе, понѣмецки спрашивая, что за причина его головного убора. Ротмейстеръ настойчиво, силой пролѣзъвъ переднюю мимо юныхъ часовыхъ, рѣзко заявивъ, что это не ихъ дѣло, и что объясненіе всего — тайна, которая касается одного принца.

Разбудивъ храпѣвшаго лакея, часовые поневолѣ велѣли ему идти будить главнаго принцева камердинира Михеля.

Парень, по имени Оома, съ просонья чуть не принялъ прибывшаго офицера за самаго чорта и перекрестившись, попятился на ларь.

— Ну, ну, небось. Иди будить... сказалъ Державинъ.

Ротмейстеръ, молча и угрюмо, сѣлъ на лавку около окна... Серебряная миска ярко блестѣла и переливалась въ два свѣта: и въ лучахъ свѣчи и въ лунномъ свѣтѣ, падавшемъ въ обледенѣлое окно.

Рейторы почтительно стали у дверей около часовыхъ...

Державинъ и Шепелевъ, очнувшись отъ перваго удивленія

и понявъ, что прїѣзжему не до шутокъ, переглядывались, кусая себѣ губы, и едва сдерживались отъ невольнаго смѣха.

Вышелъ, наконецъ, позѣвывая, сонный Михель и, вытаращивъ заспанные глаза, уперся, не подходя близко къ офицеру. Этотъ всталъ и приблизился, Михель ахнулъ и ругнулся по-нѣмецки, затѣмъ возопилъ хрипливо:

— Gott! Вы ли это, господинъ Котцау... Was hat man...

Но офицеръ его перебилъ.

— Уведите меня къ себѣ. Я вамъ все объясню. Теперь, обратился онъ къ рейторамъ, ступайте домой. Скажите, что я остался у Его Высочества. Тамъ, у себя, никому ни слова. Какъ сказано! Слышите!

Рейторы вышли и уѣхали. Часовые остались въ прихожей и Шепелевъ, упавъ на лари, началъ хохотать, закрывая ротъ руками, чтобъ не огласить хохотомъ спавшій домъ. Державинъ тоже смѣялся весело...

— Что же это такое? сказалъ, наконецъ. Шепелевъ.

— А вотъ на утро, встанетъ принцъ, объяснится машкарадъ этотъ. Можетъ, это новый племъ такой голштинцамъ данъ, острилъ Державинъ. Не даромъ, сказывали, что къ Святой всѣмъ полкамъ гвардіи перемѣна мундировъ будетъ. А вѣдь я эту фамилію что-то слышалъ. Котцау!? И не разъ слышалъ.

— Кострюля, какъ быть должно! выговорилъ, зѣвая, Оома, снова укладываясь на ларѣ, и не обращая вниманія на двухъ солдатъ часовыхъ. Вотъ завтра принцъ напѣт перейметъ, себѣ тоже такую надѣнетъ.

— Это же почему? спросилъ Шепелевъ, переставая смѣяться и удивленный отчасти той грубостью, съ какой парень отзывался о принцѣ, въ домѣ котораго служилъ.

— Почему! Этотъ нѣмецъ нашего каждадневно учить, ла... какъ бишь, на шпатопахъ что ли? Ну вотъ на эдакихъ на длинныхъ тесакахъ что ли.

— Какой нѣмецъ?

— А этотъ вотъ самый, Котцапый имя-то; вотъ, что въ кострюлю-то нарядился. Онъ у нашего вотъ третій день бываетъ и обучаетъ его по военному, тотъ глядитъ да перени-

масть. Что тотъ ни сдѣлаеть, а принцъ за нимъ тоже. Ногами топчуть оба по горницѣ, что страсть! Ну вотъ теперь этотъ кострюлю вздѣлъ, а нашъ, стало быть, затрева ужъ цѣлый чугуны нацѣпить... А то и намъ всѣмъ дворнѣ, по горшку изъ-подъ ваши надѣнуть. Это вѣрно? О-хо-хо-хо!

— Хорошо вамъ тутъ жить, аль дурно? спросилъ Державинъ, догадавшись по нахальному тону лакея, что онъ не доволенъ житьемъ своимъ.

— Намъ-то?.. Хорошо! лѣниво выговорилъ Оома, поворачиваясь на ларѣ на бокъ, къ нимъ спиной. Ужъ такъ эвто хорошо! мычалъ онъ уже въ стѣну. Такъ, то-ись, хорошо... что, поди, еще лучше вашего.

— А что?

— Нѣмцы? Что!? Отъ Голштинца не жди...

— Не жди гостинца. Слыхалъ я это...

Въ эту же минуту въ домѣ зашумѣли и заходили. Послышался чей-то голосъ, потомъ другой, говорившіе по-нѣмецки.

— А вѣдь вѣрно разбудили принца. Стало быть, дѣло-то важное выходить, замѣтилъ Шепелевъ, и оба юные часовые прислушались.

Къ нимъ по корридору шель кто-то, звѣня шпорами. Они стали на мѣста, схвативъ съ ларя положенныя ружья.

— Эту ночь видно не посидишь! усмѣхнулся Шепелевъ.

Въ прихожую вышелъ офицеръ тоже въ мундирѣ голштинскаго войска. и обратился къ ближайшему Шепелеву на довольно правильномъ русскомъ языкѣ, но съ иностраннымъ акцентомъ. Это былъ адъютантъ принца, Фленсбургъ. Принявъ Шепелева за простаго солдата, онъ приказалъ ему немедленно розыскать мѣдника, слесаря или кого бы то ни было съ подпилкомъ и съ разными инструментами.

— Понимаешь, зачѣмъ. Видѣлъ? кратко выговорилъ онъ.

— Офицера въ кострюлѣ то-ись? отозвался Шепелевъ.

— Да. Ты городъ знаешь, небось, наизусть. А?.. Знаешь? Найди же скорѣе и приведи сюда.

— Я города совсѣмъ не знаю! отозвался сумрачно Шепелевъ... Я сюда недавно и пріѣхалъ, ночью же и совсѣмъ можно сбиться...

— Русский солдатъ по всему! рѣзко сказалъ Фленсбургъ какъ бы себѣ самому. Въсто скорого исполненія приказа офицера—болтовня. Ну не знаешь города—такъ поди узнай, а чтобы чрезъ полчаса слесарь былъ здѣсь! начальственнымъ голосомъ прибавилъ онъ. Но ностепенно вглядываясь въ изящную фигуру и красивое лицо Шепелева, онъ прибавилъ мягче: — изъ дворянъ что ли?

— Да-съ.

— Ну, пожалуйста, будьте такъ добры, сдѣлайте это для принца. Тутъ несчастіе... Глупая дерзость. Надо скорѣе помочь... Это не обязанность часового, но этихъ животныхъ послать нельзя! показалъ Фленсбургъ на сладко уже храпящаго Оому. Пойдетъ, провалится и ничего не найдетъ до утра. Пожалуйста. Его Высочество приказалъ...

— Я бы очень радъ, отозвался Шепелевъ, поглядывая на Державина, который осторожно отошелъ въ сторону. Но я не ручаюсь, что найду ночью слесаря, не зная города.

— Надо найти! Я вамъ передаю, наконецъ, приказъ Его Высочества, государь мой! уже нетерпѣливо вымолвилъ Фленсбургъ.

— Постараюсь, сухо отозвался Шепелевъ, весь вспыхнувъ. Сдѣлаю, что могу.

— Надѣюсь... уемѣхнулся Фленсбургъ презрительно. Чрезъ минуту Шепелевъ вышелъ на улицу, ворча себѣ подъ носъ. А вслѣдъ за нимъ и Фленсбургъ выѣхалъ изъ дому верхомъ.

X.

Принцъ Георгъ, Лудвигъ Голштинскій былъ родной дядя государя, извѣстный болѣе Петербургу подъ именемъ принца Жоржа. Такъ звали его всѣ, даже солдаты и народъ. Онъ пріѣхалъ въ Россію съ своимъ семействомъ, приглашенный Петромъ Ѳеодоровичемъ тотчасъ по восшествіи на престолъ.

Государь не настолько любилъ и уважалъ дядю въ дѣйствительности, на сколько старался это выказывать, и особенно заботился объ оказаніи ему всевозможныхъ, внѣшнихъ поче-

*

стей и знаковъ отличія. Во всякомъ случаѣ принцъ былъ единственный близкій родственникъ государя.

Вскорѣ по приѣздѣ принца указано было его именовать „Императорскимъ Высочествомъ“. Посламъ иностранныхъ дворовъ было предложено официально дѣлать принцу первый визитъ и вообще во всѣхъ церемоніалахъ и торжествахъ онъ занялъ первое мѣсто. Кромѣ того принцъ былъ тотчасъ назначенъ шефомъ голштинскаго войска и начальникомъ всей гвардіи.

Въ Петербургѣ безъ всякой причины и безъ всякаго повода принца сразу не взлюбили какъ гвардія, такъ и общество, даже народъ.

— Къ намъ важничать и наживать приѣхали, говорили всюду про принца и его семейство. Небось у себя-то въ таратайкѣ на базаръ за огурцами ѣздили, а тутъ цугомъ въ восемь коней поѣхали!

Принцъ былъ человѣкъ крайне старообразный на видъ, но еще почти молодой лѣтами; ему было 43 года. Но онъ былъ такъ худъ, малоросль и плюгавъ, что издали могъ пройти легко за юношу. Къ нему можно было вполне примѣнить поговорку: маленькая собачка до старости щеночекъ!..

Онъ былъ и недалняго ума человѣкъ, добрый, довольно образованный, но очень вилый и лѣнивый по характеру и по привычкамъ, нажитымъ у себя на родной сторонѣ; съ приѣздомъ въ Россію, онъ однако сталъ вдругъ дѣятеленъ.

Принцъ Жоржъ приобрѣлъ немедленно, къ собственному своему удивленію, нѣкоторое вліяніе надъ своимъ царственнымъ племянникомъ, что было и не трудно. Прежде всего принцъ собирался избрать предметомъ своихъ заботъ и реформъ исключительно Петербургскую гвардію. вмѣстѣ съ тѣмъ по приѣздѣ въ Россію и честолюбивые замыслы стали обуревать принца Жоржа. Онъ уже назывался Штатгальтеромъ Голштиніи, но сталъ мечтать и надѣяться, съ помощью русскихъ войскъ и съ согласія своего покровителя короля Фридриха, сдѣлаться герцогомъ Курляндскимъ.

Со времени паденія и ссылки Бирона, мѣсто это было долго вакантно, затѣмъ его занялъ польскій королевичъ про-

тивъ воли Россіи и конечно сидѣлъ не очень твердо. Поэтому не было ни одинаго князька нѣмецкаго, который бы не стремился и не хлопоталъ предъ русскимъ правительствомъ о томъ, чтобы попасть въ курляндскіе герцоги. Теперь, государь Петръ Ѳеодоровичъ положительно общалъ дядѣ Курляндію, хотя бы пришлось воевать съ Польшей и съ Саксоніей, и возвращаемый изъ ссылки Биронъ долженъ былъ отказаться формально отъ своихъ правъ въ пользу принца.

Принцъ Жоржъ и его семейство не говорили, конечно, по русски ни слова... Но это было и не нужно... Въ эти дни, наоборотъ, русскимъ, желавшимъ выйти въ люди, приходилось садиться съ указкой за нѣмецкую грамоту и учиться мажорировать на языкѣ своихъ недавнихъ враговъ.

И дѣйствительно, многіе изъ гвардіи и изъ общества застѣли вдругъ усердно за нѣмецкій языкъ, бывший долго въ большой модѣ въ Россіи и въ общемъ употребленіи, но за время Елизаветы попавшій въ опалу вмѣстѣ съ Биронами и Минихами. Теперь же, когда Минихъ, уже возвращенный изъ ссылки, былъ при дворѣ, а герцогъ Биронъ ожидался также всякій день въ столицу, нѣмецкій языкъ снова, будто съ ними вмѣстѣ, ворочался какъ бы изъ нравственной ссылки. Старики повторяли задъ и приноминали, что знавали за время царствованія Анны Іоанновны, а молодежь вновь садилась за мудрепую грамоту: Всѣ, вернувшіеся изъ русской арміи, дѣйствовавшей противъ Пруссіи и теперь отдохавшей, благодаря перемирію, имѣли огромное преимущество по службѣ въ томъ, что понимали и могли говорить на языкѣ принца Жоржа. За то всѣ, отличившіеся въ прошлой компаніи и извѣстные своей нелюбовью къ Фридриху и пруссакамъ—какъ бы ни говорили по-нѣмецки,—были гонимы и притѣсняемы или прямо попадали въ опалу.

Принцъ Жоржъ почти не зналъ своего племянника, русскаго государя, такъ какъ Петръ Ѳеодоровичъ былъ увезенъ изъ Россію еще ребенкомъ. Петербургъ принцъ зналъ еще меньше. Про Россію принцъ зналъ только, что она ужасно велика!... Все русское принцъ понималъ и судилъ съ своей или, вѣрнѣе сказать, съ Фридриховской точки зрѣнія. За послѣднее время не только такіе недалекіе люди, какъ принцъ

Жоржъ, но и болѣе крѣпкія головы Германіи жили въ области политики умомъ короля прусскаго, будущаго „Великаго“ въ исторіи.

Между тѣмъ, обстоятельства навязывали принцу, будучи при молодомъ государѣ племянникѣ, отличавшемся непостоянствомъ и неровностью характера, довольно видную роль и широкую дѣятельность.

Государь любилъ выслушивать мнѣніе и совѣты дяди обо всемъ. И принцу волей-неволей приходилось, во что бы то ни стало, добывать себѣ свои мнѣнія и совѣты и имѣть ихъ наготовѣ.

Положеніе было мудреное. И вотъ, тотчасъ по пріѣздѣ, судьба послала ему помощника и совѣтника, уроженца Шлезвиг-Гольштейна, почти соотечественника, выѣхавшаго еще юношей въ эту невѣдомую, варварскую Россію.

Государь назначилъ къ нему офицера Фленсбурга, какъ переводчика, для сношеній служебныхъ и общественныхъ. Принцъ вскорѣ сдѣлалъ его своимъ адъютантомъ и незамѣтно, по неволѣ, попалъ вдругъ въ положеніе его ученика.

Умный, тонкій и образованный шлезвигскій дворянинъ стариннаго, но обѣднѣвшаго рода, былъ, прежде всего, крайне честолюбивъ. Эта черта характера на столько преобладала въ немъ, что заставила его бросить когда-то отечество и ѣхать въ невѣдомый далекій путь, ѣхать, чтобъ попытать счастья въ той дикой, но волшебной странѣ, гдѣ за послѣднее полустолѣтіе люди, подобные ему и даже болѣе низкаго происхожденія, меньшаго ума и образованія, попадали, будто чудомъ, быстро и легко въ фельдмаршалы, князья, министры, даже регенты огромной имперіи.

Лефорты, Минихи, Лестоки, Бироны не давали покоя какъ 18-ти-лѣтнему красивому юношѣ, какимъ онъ былъ когда-то, такъ и теперешнему 36-ти-лѣтнему, все еще не обогатившемуся, шлезвигскому дворянину.

Дальновидность и осторожность одни сдерживали его предпріимчивый, горячій нравъ и тѣмъ дѣлали его еще сильнѣе и искуснѣе. Не даромъ въ гербѣ его, увѣнчанномъ баронскою короной, напоминавшей ему объ утерянномъ титулѣ, былъ на

подковѣ стоящій барсъ, съ молотомъ въ одной лапѣ и съ жезломъ въ другой, а внизу девизъ гласилъ: *Festina lente*. Подкова для суевѣрныхъ людей—символь удачи, даже счастья въ жизни. Фленсбургъ, при всемъ своемъ умѣ, при всей своей разумности въ обыденной жизни, былъ суевѣренъ. Этотъ гербъ праѣдковъ краснорѣчиво говорилъ его сердцу, предсказывалъ будто ему многое. Подкова, барсъ, молотъ, жезлъ, баронская корона и девизъ вмѣщали въ себѣ наглядно и цѣль жизни Фленсбурга, и средства достиженія этой цѣли. Но какъ вооруженный барсъ стоялъ на подковѣ, такъ и жизненная карьера Фленсбурга началась случайностью. Онъ не бѣгалъ за фортуной, она постучалась къ нему въ двери, когда ему было еще только 18 лѣтъ, вдругъ позвала его за собой. И онъ пошелъ за ней и только осмотнительно и заботливо не упускалъ изъ виду пользоваться случаемъ, даже цѣлой цѣпью удивительно счастливыхъ случайностей.

18-ти-лѣтній Фленсбургъ, въ исходѣ 1743 года, пріѣхалъ въ Берлинъ, ища средствъ къ существованію, и скоро уже собирался надѣть мундиръ солдата. Рекруты были нужны королю Фридриху.

Въ то же самое время въ Берлинъ прибыла принцесса Іоанна-Елизавета Ангальтъ-Цербстъ, съ дочерью Софіей-Фредерикой. Прибытіе ихъ ко двору прусскому обуславливалось необходимостью испросить денегъ, а равно и совѣтовъ короля предъ роковымъ шагомъ, дальнимъ путемъ въ Россію, гдѣ красавица дочь должна была сдѣлаться супругой наслѣдника русскаго престола.

Великій монархъ, проницательный и тонкій политикъ и мудрый правитель, самъ почти придумалъ это сватовство. На свѣтѣ издавна на всякаго мудреца довольно простоты и прусскій король не могъ предвидѣть, чѣмъ станетъ со временемъ для него, для Россіи, для Европы, для міра, эта покровительствуемая имъ дѣвушка, эта идеально красивая, умненькая, съ быстрымъ и огненнымъ взоромъ, но еще съ дѣтскимъ личикомъ, 16-ти-лѣтняя принцесса Софія-Августа-Фредерика.

Принцесса мать, женщина капризная и пустая, своенравная и упрямая въ мелочахъ и безхарактерная въ важныхъ

случаяхъ, давно уже сердила короля своими сборами въ путь и отсрочками. И вотъ, наконецъ, король взялся за дѣло рѣшительно, вызвалъ ее въ Берлинъ, надавалъ много совѣтовъ, кромѣ того, не смотря на свою невѣроятную скарედность, далъ и денегъ. На-скоро собравъ принцессѣ небольшую свиту, онъ подарилъ ей экипажи, конюховъ, курьера и снарядилъ въ дорогу подъ именемъ графини Рейнбекъ, съ приказомъ соблюдать строгое инкогнито до Риги, гдѣ встрѣтить ее камергеръ Нарышкинъ.

Въ эту, на скорую руку составленную, маленькую свиту попалъ охотникомъ юноша Фленсбургъ и выѣхалъ съ принцессами въ Россію, въ качествѣ чего-то въ родѣ пажа.

Могъ ли 18-ти-лѣтній юноша, красивый, умный и честолюбивый, въ долгомъ пути по безконечнымъ снѣгамъ съ частыми и долгими остановками и бесѣдами на постоянныхъ дворахъ, остаться безнаказанно равнодушнымъ спутникомъ 16-ти-лѣтней красавицы принцессы. Не даромъ при всѣхъ маленькихъ дворахъ Германіи того времени юные красавцы пажи были героями многихъ романовъ, иногда и трагедій. И Фленсбургъ зналъ это...

Какъ ни бессмысленно и глупо это, но бѣдный шлезвигскій юноша во время пути безумно влюбился въ юную принцессу—невѣсту царскую.

Ни обѣ принцессы, конечно, ни кто-либо изъ свиты не знали и не подозрѣвали сердечной тайны юнаго пажа. Всѣ равно полюбили юношу за его заботливую услужливость, тонкую любезность, въ которой сквозила кровь пращѣдовъ — рыцарей.

Въ этотъ долгій и трудный путь, въ часы однообразныхъ зимнихъ вечеровъ на привалахъ, гдѣ-нибудь въ глуши, иногда въ избѣ, подъ гулъ и завыванье мятели на дворѣ, среди чуждаго народа и непонятнаго нарѣчія, молодой Фленсбургъ былъ неопѣнимъ и незамѣнимъ. Онъ рассказывалъ, пѣлъ, смѣшилъ, показывалъ фокусы...

Въ Москвѣ, послѣ крещенія въ православіе принцессы Софіи, затѣмъ, послѣ вѣнчанія великой княжны Екатерины Алексѣевны съ наслѣдникомъ престола, неосторожная, безпкой-

ная и безтактная принцесса Елизавета была вѣжливо выпровожена правительствомъ изъ Россіи. Надо было поневолѣ избавиться, въ лицѣ ея, отъ усерднаго агента Фридриха и отъ множества сплетенъ, интригъ, которыя она создавала между двумя дворами.

Поневолѣ, съ досадой, съ горечью выѣхала Елизавета Цербстская изъ Москвы, простясь съ дочерью, чтобы никогда уже не свидѣться.

Вся свита принцессы двинулась за ней, исключая юноши Фленсбурга. Онъ одинъ былъ оставленъ при дворѣ наслѣдника и оставленъ по волѣ императрицы. Изъ всей свиты принцессы одинъ Фленсбургъ обратилъ вниманіе на себя и заслужилъ благорасположеніе Елизаветы Петровны. Онъ одинъ изъ всей „пріѣзжей своры“ не интриганствовалъ, не наущничалъ, держалъ себя съ достоинствомъ, полюбился наслѣднику и снискалъ даже пріязнь и покровительство Шуваловыхъ, Бестужева... Увѣряли, что онъ будто тоже служилъ кому-то ловкимъ соглядатаемъ, но ничто никогда не подтвердило этого...

Итакъ, Фленсбургъ остался въ Россіи, сдѣлался равно любимцемъ и великаго князя, и великой княгини, и сталъ офицеромъ гвардіи.

Прошло изъ года въ годъ—десять лѣтъ. И однажды 28-лѣтній Фленсбургъ, уже капитанъ потѣшнаго голштинскаго войска, былъ вдругъ арестованъ и высланъ изъ столицы.

Оказалось, что полудѣтская любовь 18-ти-лѣтняго пажы, какъ ни была бессмысленна и самонадѣянна, не прошла съ теченіемъ времени, при разнообразныхъ перемѣнахъ въ его карьерѣ и въ жизни. Это чувство въ мужчинѣ, въ тонкомъ придворномъ, въ усердномъ офицерѣ голштинскаго войска, только окрѣпло и какъ бы руководило всѣмъ его существованіемъ.

Десять лѣтъ Фленсбургъ считался лишь преданнымъ рабомъ великой княгини и великаго князя и ни разу не измѣнилъ себѣ, ни разу не проговорился ей, что его сердце было порабощено еще принцессой Софіей.

Но, наконецъ, однажды, въ пору разныхъ несогласій, ссоръ и семейныхъ недоразумѣній при маломъ дворѣ въ Ораніенба-

умѣ, голштинскій капитанъ оказался вдругъ однимъ изъ дѣятельныхъ интригановъ между мужемъ и женой... Екатерина Алексѣевна открыла это случайно и пригрозила довести до свѣдѣнія самой государыни. Интриганъ тотчасъ сознался самъ во всемъ, объяснилъ все безумнымъ, давнишнимъ чувствомъ и ревностью и, почти рыдая, упалъ къ ногамъ великой княгини.

Но чувство бѣднаго плезвитскаго дворянина, прежняго пажы, понемногу вышедшаго кой-какъ въ люди, показалось великой княгинѣ только крайне оскорбительнымъ. Она захотѣла немедленно избавиться отъ присутствія при дворѣ этого безумца и доложила обо всемъ императрицѣ, прося перевести Фленсбургъ куда либо, давъ назначеніе по службѣ... Но императрица приняла все горячо къ сердцу и Фленсбургъ былъ арестованъ, разжалованъ и сосланъ въ Угличъ.

Великій князь назвалъ все клеветой и искренно пожалѣлъ забавнаго потѣшника своего голштинскаго войска.

Прошло еще много лѣтъ. Скончалась императрица и чрезъ двѣ недѣли по восшествіи на престолъ, Петръ Ѳеодоровичъ, хорошо помнившій всѣхъ своихъ, вернулъ Фленсбурга изъ ссылки, возвратилъ ему чины, подарилъ триста душъ и назначилъ адъютантомъ-переводчикомъ къ пріѣхавшему дядѣ.

И вотъ, при дворѣ новаго императора, снова появился капитанъ голштинскаго войска, правая рука и любимецъ диди государя... и злѣйшій, непримиримѣйшій врагъ государыни. Долголѣтнюю страсть замѣнила въ ссылкѣ долголѣтняя ненависть.

XI.

Когда Шепелевъ, уже часовъ въ шесть утра, вернулся въ домъ принца съ слесаремъ, вооруженнымъ инструментами, то Державинъ былъ уже смѣненъ и на часахъ стояли незнакомые ему рядовые семеновскаго полка. Онъ велѣлъ первому попавшемуся человѣку доложить о слесарѣ, а самъ, захвативъ свое оружье, собрался домой.

Лакей вернулся и, пропустивъ мастера, вскорѣ выскочилъ снова изъ дворца принца и догналъ на площади вышедшаго уже Шепелева.

— Эй, батюшка. Васъ! васъ надо! кричалъ онъ догоняя,—
вы тутъ ночью караулили-то?

— Я. А что?..

— Пожалуйте. Васъ спрашиваютъ. Самъ, значить, Его
Высочество требуетъ въ покои.

Шепелевъ въ изумленіи глядѣлъ на лакея.

— Вѣрно ли? Непутаешь ли ты...

— Какъ можно! Сказано мнѣ, васъ позвать. Да ужъ и по
ихнему я разумѣть сталъ малость. Говорили по своему про
ночного часового, т. е. про васъ, и послали меня васъ *шик-
нуть*.

Шепелевъ пошелъ за человѣкомъ. Снявъ верхнее платье,
онъ вошелъ въ корридоръ, затѣмъ прошелъ большую залу, вы-
ходившую окнами на Неву, и, наконецъ, столовую въ проти-
воположномъ концѣ которой виднѣлась дверь; подъ тяжелыми
драпери и около нея стоялъ уже слесарь, приведенный имъ.

Дверь эта, при звукѣ его шаговъ, отворилась и на порогѣ
показалась та же фигура того же камердинера Михеля, видѣн-
наго имъ въ передней.

Едва Шепелевъ робко переступилъ порогъ и вошелъ въ
горницу, Михель указалъ ему почтительно по направленію
къ горѣвшему камину и выговорилъ по-русски, сильно при-
свистывая...

— Фотъ Эфо Высочество шелаетъ съ васъ кофорить.

Шепелевъ, слегка смущаясь, быстро оглядѣлъ небольшой
кабинетъ, заставленный всякой мебелью, столами и шкапами
съ книгами, съ посудой и съ оружіемъ.—У горѣвшаго камина
сидѣла въ креслѣ и грѣла ноги въ туфляхъ маленькая фигура
въ шелковомъ темномъ плафрокѣ и въ черной бархатной
ермолкѣ; въ углу, у окна, согнувшись и опершись локтями на
колѣна и положивъ щеки на руки, сидѣлъ неподвижно не-
счастный ротмейстеръ, все въ той же мискѣ.

У дверей, за спиной Шепелева, переминаясь съ ноги на
погу, остановился впущенный слесарь.

Шепелевъ былъ сильно озадаченъ и смущенъ, не зная что
будетъ, и вытянулся, ожидая, что скажетъ принцъ.

Принцъ оглядѣлъ его и быстро вымолвилъ по-нѣмецки:

— Вы изъ дворянъ, какъ сказалъ мнѣ Фленсбургъ, и говорите хорошо по-нѣмецки?

— Шепелевъ смутился еще болѣе и заикаясь вымолвилъ, съ отвратительнымъ нѣмецкимъ выговоромъ:

— *Ихъ! Зеръ венихъ, Ире Кайзерлихе...*

И молодой человѣкъ вдругъ смолкъ, не зная какъ по-нѣмецки: Высочество. Маэстетъ, нельзя сказать, подумалъ онъ про себя.

— Вы однако разговаривали съ моимъ адъютантомъ и съ господиномъ ротмейстеромъ, когда онъ пріѣхалъ, замѣтилъ принцъ, опуская на рѣшетку камина поднятую къ огню правую ногу и приводя лѣвую въ то же положеніе, подошвой къ теплу.

— Это не тотъ, глухо отозвался ротмейстеръ, обращаясь къ принцу.

Шепелевъ понялъ слова голштинца и хотѣлъ сказать тоже. „Это былъ не я“, но пролепеталъ едва слышно: — *Дасъ варъ нихтъ михтъ!*

Послѣднее слово явилось уже отъ большого смущенія.

— *Iesus!* тихо выговорилъ себѣ подъ носъ принцъ; и онъ повторилъ, глядя въ огонь и будто соображая: *нихтъ михтъ!!..*

Затѣмъ онъ повернулъ голову къ ротмейстеру и сказалъ громче: Ну, *mein Lieber* Котцау, лучше подождать возвращенія Фленсбурга; съ переводчикомъ, говорящимъ „нихтъ михтъ“, мы ничего не сдѣлаемъ.

Ротмейстеръ промывалъ что-то въ отвѣтъ, не двигаясь, и только вздохнулъ.

Шепелевъ между тѣмъ, избавился отъ перваго смущенія и услыхавъ слова принца, понялъ, что его позвали для какого-то порученія. Онъ заговорилъ смѣлѣе, но стараясь выговаривать какъ можно почтительнѣе.

— Васъ вольтъ Ире Кайзерлихе... и пробурчавъ что-то, онъ снова запнулся на концѣ этой фразы и снова подумалъ: „Экая обида! И какъ это: Высочество-то по ихнему?“

— *Noheit!* шепнулъ ему сзади догадавшійся Михель.

— Что-съ отозвался Шепелевъ.

— *Noheit...* повторилъ Михель вразумительно.

— Heute? повторил молодой человек. Да-с. Конечно. Я съ удовольствіемъ... Сегодня же... Только, что сдѣлать-то.

Нѣмецъ скорчилъ жалкую гримасу, какъ если бѣ ему на ногу наступили, и отошелъ отъ юноши со вздохомъ, а принцъ сталъ объяснять по-нѣмецки медленно и мѣрно, что ему нуженъ переводчикъ при работѣ „вотъ этого болвана“, показалъ онъ на отдутловатую и пучеглазую рожу слесаря, глядѣвшаго на принца, на все и на всѣхъ, какъ бы съ перепугу. Онъ стоялъ у дверей какъ деревянный и только глаза его двигались дико съ губъ одного говорившаго на губы другого.

— Мошетъ ви все такое съ нѣмски на руски... снова нетерпѣливо вмѣшался Михель, обращаясь къ Шепелеву, но тоже запнулся тотчасъ и прибавилъ какъ бы себѣ самому: übersetzen...

— Ихъ? Зеръ венихъ! отвѣчалъ Шепелевъ, поймавъ по счастію знакомое нѣмецкое слово. Да что собственно желательно Его Высочеству? прибавилъ онъ Михелю по-русски.

Фоть это... Такъ!.. показалъ Михель на Котцау и затѣмъ сталъ двигать рукой по воздуху...

— Распилить кастрюлечку? спросилъ Шепелевъ, стараясь выражаться какъ можно почтительнѣе.

— Was?! отозвался Михель не понимая.

— Распилить, говорю, надо. И Шепелевъ тоже задвигалъ рукой по воздуху.

Принцъ согласился, сказалъ: ja, ja! и потомъ еще что-то очень вразумительно и медленно, но Шепелевъ разобралъ только одно слово: etwas.

Наступило минутное молчаніе.

— Was etwas? уже робѣя прошепталъ Шепелевъ, чувствуя, что вопросъ не вѣжливъ.

— О, Herr Gott? воскликнулъ принцъ и обѣими руками шлепнулъ себѣ по колѣнамъ.

— Ти... Мошно... это... такъ! вступилъ ужъ Михель въ непосредственныя сношенія съ самымъ мастеровымъ и дѣлая по воздуху тотъ же жестъ пиленія.

— Распилить? хрипло заговорилъ слесарь. Отчего-же-с. Позвольте... Это мы можемъ.

И слесарь двинулся смѣло къ Котцау.

— Ты голову не повредишь имъ? вступился Шепелевъ.

— Зачѣмъ голову повреждать! Помилуйте. Развѣ что подпилкомъ какъ зачѣпить; а то зачѣмъ...

— То-то подпилкомъ зачѣпить?

— Коли чугунъ плотно сидитъ, то знамо дѣло запилишь по головѣ... А то зачѣмъ... Слесарь двинулся къ ротмейстеру и прибавилъ. Позвольте-ко Ваше...

И слесарь заикнулся, не зная какъ надо величать барина, что приходится пилить.

Котцау приподнялъ голову и мрачно, но терпѣливо глянулъ на всѣхъ.

Слесарь оглядѣлъ миску и голову со всѣхъ сторонъ и пробурчалъ.

— Ишь вѣдь какъ вздѣта. Диковина...

И онъ вдругъ началъ пробовать просто снять ее руками.

Котцау разсердился, отдернулъ голову и заговорилъ что-то по своему.

— Такъ нельзя! Дуракъ! шепнулъ Шепелевъ.

— Диковина!.. Вотъ что, ваше благородье!.. воскликнулъ вдругъ слесарь, какъ будто придумавъ что-то.

— Ну? Ну?.. Was? раздались два голоса Шепелева и Михеля.

— Надо пилить. Эдакъ руками не сымешь.

— Безъ тебя, болванъ, знаютъ, что не сымешь! шепотомъ, но злобно вымолвилъ Шепелевъ. Такъ пили!

Слесарь взялъ съ пола большой подпирокъ правой рукой, какъ-то отваплянулъ и повелъ плечами, но едва онъ ухватилъ миску за край лѣвой рукой и наставилъ подпирокъ, какъ принцъ и Михель воспротивились. Имъ вдругъ показалось, да и Шепелеву тоже показалось, что этотъ слесарь въ два маха распилилъ по-поламъ и миску, и самого ротмейстера.

— Ну, ну... воскликнулъ принцъ по-русски и прибавилъ по-нѣмецки. Михель! Не надо. Подождемъ Фленсбурга. Безъ него всегда все глупо выходить.

— Да-съ. Лучше подождать, сказалъ Михель.

И принцъ уже недовольнымъ голосомъ заговорилъ что-то, обращаясь къ Котцау, а затѣмъ прибавилъ Михелю, мотнувъ

головой къ дверямъ: Къ чорту все это... zum Teufel! Уведи ихъ... и подавай намъ кофе.

И повернувъ совсѣмъ голову къ Шепелеву, принцъ сдѣлалъ рукой и вымолвилъ добродушно, но насмѣшливо:

— Lebe wohl Herr Nichtnicht. Прозштайтъ. Шпазибо!..

Шепелевъ, выходя, снова бросилъ украдкой взглядъ въ уголъ, гдѣ свѣтилась серебристая миска и внутренно усмѣхнулся, но уже какъ-то иначе.

Случилось нѣчто трудно объяснимое.

Когда молодой человѣкъ входилъ къ принцу, онъ былъ смущенъ, но вносилъ съ собой хороше чувство почтенія и готовности услужить Его Высочеству. Теперь же—странное дѣло, идя за Михелемъ по корридору и сопровождаемый слесаремъ, онъ досадливо думалъ про себя: „Всѣхъ бы васъ такъ нарядить!!“

— Ваше благородье, послышался за его спиной веселый шепотъ. Должно это онъ не самъ ее вздѣлъ? Ась? Кабы самъ то-исъ, то бы и сымать тоже умѣлъ!

— А! ну, тебя... злобно отозвался молодой человѣкъ, срывая досаду на мастеровомъ.

Шепелевъ, выйдя отъ принца, зашагалъ чрезъ безлюдную Адмиралтейскую площадь сумрачный и озлобленный и направлялся домой къ ротной казармѣ Преображенскаго полка, близъ которой была квартира Квасова.

Чѣмъ именно оскорбили его у принца Жоржа, онъ объяснить себѣ не могъ. Ни принцъ, ни Михель ничего обиднаго ему не сказали и не сдѣлали. Его позвали быть переводчикомъ по ошибкѣ, потому, вѣроятно, соображенію, что Державинъ хорошо говорилъ съ Котцау по-нѣмецки.

Онъ отвѣчалъ, смущаясь, и перевралъ нѣсколько словъ незнакомаго ему почти языка, принцъ только усмѣхнулся, только съ едва замѣтнымъ отгѣнкомъ пренебреженія тихо повторилъ нѣсколько разъ эти слова и потомъ добродушно назвалъ его, прощаясь: *геромъ нихтмихтомъ*.

— Ну, что-жъ такое! бурчалъ Шепелевъ. Ну, такъ и скажь! А ты нешто не сказалъ: Прозштайтъ. Что?! Развѣ мнѣ присяга велитъ знать всѣ языки земные и твой—нѣмецкій кри-

плюнь!! Вотъ тебѣ бы, Жоржу, слѣдъ былъ за нашъ русскій хлѣбъ знать и нашу грамоту.

XII.

Черезъ часа два послѣ ухода Шепелева къ дворцу принца подѣхалъ Фленсбургъ и поспѣшно поднявшись по лѣстницѣ быстро прошелъ въ кабинетъ. Онъ нашелъ принца и ротмейстера за завтракомъ. Котцау немного повеселѣлъ, привыкъ должно быть, и съ увлеченіемъ что-то рассказывая, часто поминалъ кенига Фридриха, Пруссію и Берлинъ.

— А?... воскликнулъ принцъ при появленіи адъютанта. Was giebt es neues, mein liebster?

Разговоръ продолжался по-нѣмекки.

— Я былъ правъ, Hoheit, я навелъ справки и оказывается, что это все тотъ же цалмейстеръ Орловъ. Онъ съ братомъ заѣхалъ съ охоты и встрѣтилъ господина Котцау въ Красномъ Кабачкѣ.

— Schön! Wun derbar! Отлично. Очень радъ. Очень радъ. Вотъ и случай... весело воскликнулъ принцъ, потирая руки и вставъ онъ началъ бодро ходить по горницѣ.

Котцау съ удивленіемъ взглянулъ на принца. Радость эта ему, очевидно, не нравилась. Ему было не легче отъ того обстоятельства, что Орловъ, а не кто-либо другой нарядилъ его такъ.

— Что же изволите мнѣ приказать, Hoheit?

— Ничего, мой любезный Фленсбургъ. Ничего. Я дождусь десяти часовъ. Теперь восьмой. И поѣду къ государю. А въ полдень господинъ Котцау будетъ бригадиромъ, ради удовольствія за обиду. А господа Орловы поѣдутъ далеко, очень далеко... За это я ручаюсь, потому что я еще недавно подробно докладывалъ объ нихъ государю. И не разъ даже докладывалъ. Пора! Пора!

— Но теперь, Hoheit, развѣ вы не прикажете мнѣ обоихъ сейчасъ арестовать? спросилъ холодно Фленсбургъ.

Принцъ остановился, пересталъ улыбаться, какъ-то заботливо подобралъ тонкія губы и, наконецъ, повелъ плечами.

— Я полагаю, что ваше высочество какъ прямой начальникъ всей гвардіи, можете сами, безъ доклада Государю, распорядиться арестомъ двухъ простыхъ офицеровъ, — буяннать всю зиму и безобразно оскорбили г. Котцау, иностранца, вновь прибывшаго въ Россію, фехтмейстера, который пользуется, наконецъ, личнымъ расположеніемъ короля.

— Да, да... Конечно... нерѣшительно заговорилъ принцъ. Я доложу его величеству. Я все это доложу, Генрихъ. Именно какъ вы говорите.

Принцъ называлъ любимца его именемъ только въ минуты ласки.

Фленсбургъ повернулся, отошелъ къ окну и молча, но нетерпѣливо сталъ барабанить по стеклу пальцами. Толстогубый Котцау вопросительно выглядывалъ изъ-подъ миски на обоихъ. Онъ раздумывалъ о томъ, что этотъ адъютантъ Фленсбургъ болѣе нежели правая рука принца.

Наступило молчаніе.

Принцъ Жоржъ, пройдясь по комнатѣ, заговорилъ первый.

— Какъ ваше мнѣніе, Фленсбургъ? Скажите. Вы знаете, я очень, очень цѣню ваше мнѣніе. Вы лучше меня знаете *здѣсь все*. Принцъ налегъ на послѣднія слова.

— Ваше высочество хорошо сдѣлаете, холодно заговорилъ тотъ, обернувшись и подходя къ принцу, если прикажете мнѣ вашей властію и вашимъ именемъ тотчасъ арестовать двухъ буяновъ. А затѣмъ, ваше высочество, хорошо сдѣлаете, если свезете г-на Котцау въ этомъ видѣ къ государю.

— Какъ? воскликнулъ принцъ.

— О-о? протянулъ и Котцау, которому показалось это предложеніе Богъ знаетъ какой глупостью.

— Да, въ этомъ видѣ. Тогда все обойдется отлично. А иначе ничего не будетъ. Ни-че-го!! сказалъ Фленсбургъ.

— Почему же?

— Ахъ, ваше высочество, точно вы не знаете!!

Принцъ подумалъ, вздохнулъ и выговорилъ:

— А если они вамъ не будутъ повиноваться?

— Только этого бы и не доставало, громко и желчно раз-

смѣлся Фленсбургъ. Да, скоро мы и этого дождемся. Нынче меня ослушаютъ, а завтра и васъ самого, а послѣ завтра и...

— Ну ступайте, слегка вспыхнувъ, вымолвилъ принцъ. Арестуйте и пріѣзжайте... сказать... какъ все было.

Фленсбургъ быстро вышелъ, будто боясь, чтобы принцъ не переѣнилъ рѣшенія. Встрѣтивъ въ передней Михеля, онъ сталъ ему скоро, но подробно приказывать и объяснять все касающееся предполагаемой поѣздки принца во дворецъ, вмѣстѣ съ Котцау. Затѣмъ онъ съ сіяющимъ лицомъ направился въ свою комнату.

Во всемъ Петербургѣ не было для голштинца офицеровъ болѣе ненавистныхъ, чѣмъ братья Орловы, и въ особенности старшій. Была, конечно, тайная причина, которая заставляла Фленсбурга, сосланнаго когда-то по жалобѣ теперешней государыни, ненавидѣть этого красавца и молодца, который кружилъ головы всѣмъ столичнымъ красавицамъ, и которому, наконецъ, стала покровительствовать и сама государыня.

Выслать изъ Петербурга безвозвратно и угнать куда-либо въ глушь этого Орлова было мечтой Фленсбурга уже съ мѣсяцъ.

Сначала онъ выискивалъ другія средства, думалъ найти случай умышленно повздорить съ Григоріемъ Орловымъ и просить у принца заступничества, высылки врага. Но это оказалось опаснымъ, вслѣдствіе хорошо извѣстной всему городу, невѣроятной физической силы Орловыхъ. Одинъ изъ пріятелей голштинцевъ предупредилъ его, что Орловъ способенъ будетъ убить его просто кулакомъ, и все объяснится и оправдается несчастнымъ случаемъ. А Фленсбургъ уже давно сжился съ правами страны, его пріютившей и зналъ самъ, что на Руси всякій, убившій человѣка не орудіемъ, а собственнымъ кулакомъ, не считался убійцей.

— Такъ потрафилось! Воля Божья! объяснялъ дѣло обычай. И законъ молчалъ.

Теперь Фленсбургъ былъ, конечно, въ восторгѣ отъ дерзкой шалости Орлова съ вновь прибывшимъ фехтмейстеромъ. Его мечта сбылась!.. Дѣло ладилось само собой!..

Но не успѣлъ Фленсбургъ, придя къ себѣ, одѣться въ полную форму, чтобъ отправляться для ареста врага, какъ тотъ же Михель явился звать его къ принцу.

— Раздумаль! Побоялся. Не можетъ быть! воскликнулъ офицеръ.

Михель молча пожалъ плечами.

— Неужели раздумаль?!

— Говорить — нуженъ указъ государя... А, впрочемъ, не знаю. Можетъ быть, и за другимъ чѣмъ васъ нужно.

Дѣйствительно, принцъ нетерпѣливо ожидалъ адъютанта и любимца у себя въ кабинетѣ и виноватымъ, заискивающимъ голосомъ объяснилъ ему, что, по его мнѣнію, надо подождать съ арестомъ Орловыхъ. Фленсбургъ весь вспыхнулъ отъ досады и тотчасъ же, недожидаясь позволенія, вышелъ быстро изъ кабинета. Гнѣвъ душилъ его.

Въ корридорѣ за офицеромъ бросился кто-то и чей-то голосъ тихо робко повторилъ нѣсколько разъ въ догонку.

— Ваше благородіе! А! ваше благородіе.

Офицеръ не обращалъ вниманія и шелъ къ себѣ. Уже у самыхъ дверей комнаты онъ, наконецъ, почувствовалъ, что кто-то схватилъ его тихонько за рукавъ кафтана.

— Ваше благородіе! раздался тотъ же жалостливый голосъ. Фленсбургъ нетерпѣливо обернулся.

— Чего тамъ?

— Ваше благородіе, окажите божескую милость. Ослобоните...

— Чего?

— Ослобоните... Наше дѣло такое. За утро что дѣловъ упустишь. Работникъ у меня дома одинъ. Одному не управиться. А здѣсь токмо сборы все одни.

— Да чего тебѣ надо? вѣ себя крикнулъ Фленсбургъ.

— Будьте милостивы, ослобоните. А самая работа, совсѣмъ намъ не подходящая. И головку повредить тоже можно. А вы дозвоьте я, вашему благородію, вашескаго укажу... Нѣмца Мыльнера. Тутъ на Морской живетъ. Мыльнеръ этотъ единственнымъ то-нсь мигомъ распилить. Мастеръ на эвто! Ей-Богу. А намъ гдѣ же. И головку тоже — помялуй Богъ.

*

— Ты слесарь, что часовой привелъ ночью?

— Точно такъ-съ.

— Такъ пошелъ къ чорту. Такъ бы и говорилъ. Не нужно тебя. Убирайся ко всѣмъ дьяволамъ!

И Фленсбургъ пунцовый, злобный вошелъ къ себѣ и заперся со злости на ключъ.

Слесарь же, собравъ свой инструментъ съ ларя въ полу тулупа, прытко шмыгнулъ изъ дворца и бѣгомъ пустился по улицѣ.

Добѣжавъ до угла набережной Невы, онъ вдругъ наткнулся на кума.

— Эвоя. Вахромей. Откуда? воскликнулъ слесарь и сталъ живо и весело рассказывать все видѣнное за утро.

— А чудень народъ. Ей-Богу. Я поблизь-то къ нимъ не лазалъ закончилъ онъ рассказъ. А какъ вздѣта, куманекъ! Ахтительно! Первый—сортъ вздѣта!

Кумъ Вахромей все слушалъ и молчалъ, да все моталъ головой.

— Да и не самъ значить.. Кабы самъ вздѣлъ, такъ замной бы пилить не послали тады! объяснилъ заключительно слесарь.

— Д-да! заговорилъ наконецъ Вахромей. А я такъ полагаю, что самъ.. Что мудренаго? Вѣдь нѣмцы. Надѣть-то — надѣлъ, ради озорства, а снять-то и не можетъ. Д-да! И опять тоже... На-а-ро-децъ!? Нѣтъ, нашъ братъ православный, коли бы ужъ вздѣлъ, такъ и снялъ бы самъ. Да! А этотъ, вишь, колъно-то показывать взялся, да и не додѣлалъ.

— Сплоховалъ, значить... разсмѣялся слесарь.

— Сплоховалъ. Спло-ховалъ! жалостливымъ голосомъ шутилъ Вахромей. Теперь вотъ не въ настоящемъ видѣ и ходи!..

— Въ другой разъ ужъ показывать не станетъ.

— Ни-ни... Озолоти—не станетъ! Зачѣмъ ему показывать! Ученый теперь...

XIII.

Бывшій сдаточный солдатъ за „буянскія“ рѣчи, а нынѣ капитанъ-поручикъ Акимъ Квасовъ, сталъ за двадцать лѣтъ службы офицеромъ въ лейбъ-компаніи поумнѣе и поважнѣе многихъ родовитыхъ гвардейцевъ. Сверхъ того десять лѣтъ службы простымъ солдатомъ при Аннѣ Іоанновнѣ и Биронѣ тоже не пропали даромъ и научили многому отъ природы умнаго парня.

Около тридцати лѣтъ тому назадъ, бойкій и рѣчистый малый Акимка или Акишка позволилъ себѣ болтать на селѣ, что въ господскомъ состояніи и въ крестьянскомъ все тѣ же люди рожаются на свѣтъ. Акишка ссылался на то, что, таская воду по наряду въ барскую баню, видѣлъ ненарокомъ въ щелку и барина и барыню — какъ ихъ мать родила. Все то же тѣло человѣче! Только будто малость побѣлѣе, да поглаже, особливо у барынки.

А чрезъ мѣсяца два парень Акимъ, собиравшійся было жениться, былъ за эти „буянскія рѣчи уже рядовымъ въ Пандурскомъ полку. Артикулу онъ обучился быстро, но языкъ за зуба держать не выучился! Однако смѣлая рѣчь, однажды его погубившая, во второй разъ вывезла. Отвѣтилъ онъ умно молодому царю Петру Второму и былъ переведенъ въ Преображенцы. При Аннѣ Іоанновнѣ попалъ онъ и въ Питерь... Въ концѣ царствованія ея снова за „воровскую“ рѣчь попалъ по доносу языка въ мытарство, въ допросъ и въ дыбки, однако былъ прощенъ и вернулся въ полкъ—ученымъ! И сталъ уже держать свой ретивый языкъ за зубами.

Но этотъ случай сдѣлалъ его заклятымъ врагомъ нѣмцевъ и приготовилъ усерднаго слугу „дщери Петровой“ въ ночь переворота. А за долгое царствованіе ея, офицеръ лейбъ-компаніи Квасовъ поѣдомъ ѣлъ нѣмцевъ. Тотчасъ по воцареніи Петра Теодоровича лейбъ-компанія была уничтожена, офицеры расписаны въ другіе полки и при этомъ капитанъ-поручика Квасова, какъ одного изъ лучшихъ служаекъ, лично извѣст-

наго государю, когда еще онъ былъ великимъ княземъ, перевели тотчасъ въ любимый государевъ полкъ—кирасирскій.

Квасонъ поѣздилъ съ недѣлю верхомъ и слегъ въ постель... Затѣмъ подавъ просьбу, гдѣ изъяснялся такъ: „*Каласеромъ* быть не могу, ибо всю кожу снутри себѣ ободралъ на конѣ. По сему бью челомъ, кому слѣдъ, или по новой вольности дворянской дайте абшидь, или дозволейте служить на своихъ двухъ ногахъ, кои съ измальства мнѣ очень хорошо извѣстны и никогда меня объ земь неприличнымъ офицерскому званію образомъ не сшибали и на оныхъ двухъ ногахъ я вѣрнѣе услужу государю и отечеству, чѣмъ на четырехъ, да чужихъ ногахъ, въ кои я вѣры ни самомалѣйшей не имѣю. И какъ ѣду я на оныхъ-то непрестанно въ чаяніи того обрѣтаюсь — быть мнѣ вотъ на полу“.

Вслѣдствіе этой просьбы, надъ которой государь не мало потѣшался. Квасовъ былъ переведенъ въ преображенцы. И каждый разъ теперь, что государь видалъ его на смотрахъ и ученьяхъ, то спрашивалъ шутя:

— Ну что теперь, не чаешь быть на полу?

— Зачѣмъ, ваше величество. Моя пара своихъ природныхъ сивокъ 50 лѣтъ служить, да еще не кормя! отвѣчалъ однажды Квасовъ довольно развязно.

— Какъ не кормя. Самъ же ты ѣшь!? разсмѣялся Петръ.

— Такъ я ѣмъ не для ногъ. А коли они чѣмъ и пользуются—такъ Богъ съ ними! шутилъ Квасовъ.

Теперь, въ пѣхотномъ строю Квасовъ избѣгалъ всячески попасть на лошадь. За то былъ онъ и ходокъ первой руки и ему случалось ходить въ Тосну пѣшкомъ, гдѣ жила его одна его пріятельница простая баба.

Акимъ Акимычъ Квасовъ былъ извѣстенъ не одному государю, а чуть не всей столицѣ отчасти своей грубоватой прямотой рѣчи, переходившей иногда чрезъ границы приличій, а отчасти и своимъ диковиннымъ правомъ.

Объ себѣ Квасовъ съ самыхъ дней переворота былъ уже высокаго мнѣнія, но не потому, чтобъ попалъ изъ сдаточныхъ въ дворяне. На счетъ дворянства у Акима Акимыча такъ и осталось убѣжденіе, вынесенное изъ барской бани.

— Вотъ и я важная птица нынѣ, говорилъ онъ. А нешто я вылинялъ, перо то все то же, что у Акишки на селѣ было, когда сдали! И Акимъ Акимычъ прибавлялъ шутя:

— Мнѣ сказывалъ одинъ книжный человѣкъ, когда я былъ походомъ подъ Новгородомъ. Что Адамъ съ Евой не были столбовыми дворянами, а оное также какъ вотъ и мною службой приобрѣтено было уже Ноемъ. Сей Ной именовался патриархомъ, что значило въ тѣ поры, не то, что въ наши времена, а значило оно вельможа иль сановитый мужъ. Ну-съ, а холопы иль хамы пошли, стало быть, отъ Ноева сына Хама. Такъ-ли-съ.

— Такъ. Истинно! долженъ былъ отвѣчать собесѣдникъ.

— Ну-съ, а позвольте же теперь вамъ напомнить, что такъ какъ сей вышерѣченный Хамъ былъ по отцу благороднаго происхожденія, то почему дѣтямъ его въ семъ благородствѣ отказано. Вѣдь Хамовы-то дѣти тѣ же внуки и правнуки вельможи. Вотъ и развяжите это!

Къ этому Квасовъ въ минуты откровенности прибавлялъ:

— Эка невидаль, что въ барѣ я попалъ. Мнѣ за оное гренадерское дѣйство — княземъ мало быть! Вѣдь я головой-то былъ—а мои товарищи хвостомъ были.

Дѣйствительно, когда царица Елизавета Петровна пріѣхала и вошла въ казармы въ сопровожденіи Лестока и сказала нѣсколько извѣстныхъ въ исторіи словъ, то бывший за капрала Акимъ Квасовъ первый смѣло шагнулъ впередъ и молвилъ:

— Куда изволишь, родная, туда за тебя и пойдемъ, чего тутъ калякать, да время терять. Эй, ребята! Ну! Чего глаза выпучили. Разбирай ружья... Нут-ко, куда, родимая, прикажешь идти?..

Выслушавъ объясненія и приказанія Лестока, котораго, конечно, не разъ видалъ Квасовъ и прежде, дѣльный и удалый воинъ, неизвѣстно какъ, почти самовольно, принялъ начальство, надъ полсотней товарищей и первый шагнулъ изъ казармъ весело приговаривая:

— А нукося, братцы. Посмотримъ! Нѣмцу калачика загнута—что будетъ?..

— Будетъ за утрова по ведру на брата! бодро и весело воскликнулъ въ отвѣтъ одинъ гренадеръ.

Квасовъ былъ тоже одинъ изъ первыхъ, вошедшихъ водворецъ правительницы... въ слѣдъ за Елизаветой. Дѣйствуя въ эту незапамятную ночь, Квасовъ почти непомышлялъ о важности своей роли и своихъ дѣйствій. Только послѣ, много времени спустя, когда онъ уже былъ дворянинъ и офицеръ лейбъ-кампаніи, онъ отчасти уразумѣлъ значеніе своего подвига 25 ноября. Выучившись самоучкой читать и писать, онъ постепенно замѣтно развился, бросилъ прежнюю страсть къ вину и сталъ ничѣмъ не хуже старыхъ столбовыхъ дворянъ. Въ это время, т. е. лѣтъ десять спустя послѣ переворота 1741 года, кто-то, конечно, не добрый человѣкъ, разъяснилъ ему, что его заслуги недостаточно вознаграждены государыней. Квасовъ повѣрилъ и сталъ немного сумраченъ. Въ это же время будто срывая досаду приобрѣлъ онъ привычку выговаривать всѣмъ то, что думалъ, все что было у него на умѣ на счетъ каждаго. Скоро къ этому привыкли и только избѣгали попасть къ Квасову *на отповѣдь*. Скрытое и никому невѣдомое чувство часто говорило въ Квасовѣ: Ты правительницу-то, тетеу Лепольдовну изъ дворца тащилъ и царевнѣ престолъ, выходить доставилъ. Коли квасовъ не графъ Квасовъ—такъ потому, что не озорникъ, не лѣзъ въ глаза, да и хохлы Разумовскіе затѣснили.

Дѣйствительно, у честнаго и добраго Акима Акимыча былъ конѣкъ, или, какъ говорилось, захлестка въ головѣ. Онъ былъ глубоко убѣжденъ, что государыня Елизавета Петровна его особенно замѣтила во время дѣйства и своего восшествія на престолъ и хотѣла сдѣлать его генераломъ и сенаторомъ, приблизить къ себѣ не хуже Алексѣя Разумовскаго, но враги всячески оболгали его и затерли, чтобы скрыть и отгѣснить отъ государыни.

Теперь холостяку было за 50 лѣтъ. Какъ человѣкъ онъ былъ добръ, мягокъ, сердеченъ, но все это пряталось за грубоватостью его. Будучи уже дворяниномъ, Квасовъ выписалъ къ себѣ съ родины брата, опредѣлилъ въ полкъ, вывелъ тоже въ офицеры и женилъ. Но вскорѣ братъ этотъ умеръ. Какъ офицеръ и начальникъ—Акимъ Акимычъ былъ „*нашъ лшій*“. Такъ прозвали его солдаты гренадерской роты.

— Солдатъ — мужикъ, а мужикъ — свинья, стало быть, и солдатъ свинья! разсуждалъ Квасовъ, дойдя до этого собственнымъ размышленіемъ. Изъ ихняго брата надо все страхомъ доставать или выкалачивать. Молитву Господу Богу и ту изъ него дьяволовъ страхъ вытягиваетъ. Кабы сатаны на свѣтѣ не было народъ бы Богу не молился. А на свѣтѣ извѣстно, все отъ битья начало свое имѣетъ. И хлѣбъ бьютъ! А привези его съ поля да не бей! Голодомъ насидишься. И опять въ исторіи доказано, что и первый человѣкъ Адамъ былъ битъ. Когда онъ согрѣшилъ, то Ангелъ Господень явился къ нему, захвативши съ собой мечъ огневидный и погналъ его съ Евой — вонъ. И надо полагать, что путемъ дорогою онъ ихъ важно пробралъ. А то чего-жъ было и мечъ оный съ собой брать.

А, между тѣмъ, у этого „нашего лѣшаго“ было золотое сердце, которое онъ сдерживалъ, какъ неприличный, по его мнѣнію, атрибутъ солдата и только изрѣдка оно заявляло себя. Родственника своего единственнаго въ мірѣ, юношу Шепелева, Квасовъ полюбилъ сразу и началъ уже обожать.

XIV.

Когда Шепелевъ вошелъ въ свою горницу, то услыхалъ рядомъ кашель проснувагося и уже вставшаго дяди. Въ щель его двери проникалъ свѣтъ.

Черезъ минуту Акимъ Акимычъ вышелъ изъ своей горницы въ короткомъ нагольномъ полушубкѣ и въ высокихъ сапогахъ. Онъ всегда спалъ одѣтый, а бѣлье мѣнялъ только по субботамъ, послѣ бани. Спать же всегда на деревянной лавкѣ, подложивъ подъ голову что придется. Онъ объяснялъ это такъ:

— На перинахъ бока распаривъ, а вечерними раздѣваньями только тѣло зазнобишь и простудишься. Послѣ пуховой перины, вездѣ будетъ жестко, а послѣ моей перины (т. е. дубовой скамьи его), гдѣ не лягъ, вездѣ мягко. А на ночь, раздѣваться, это не по-русски. Это нѣмцы выдумали. Въ старые годы никто этого баловства не производилъ, хоть бы и изъ дворянскаго рожденія.

Войдя со свѣчей къ юношѣ, названному племяннику, котораго онъ изъ любви, считалъ долгомъ учить уму-разуму и остерегать отъ мірскихъ искушеній, Акимъ Акимычъ поставилъ свѣчу на подоконникъ и сталъ въ дверяхъ, растопыря ноги и засунувъ руки въ карманы тулупчика. Онъ пристально уперся своими маленькими, сѣрыми, но ястребиными глазками въ глаза молодого питомца. Шепелевъ, сидя на кровати, снималъ холодныя и мокрыя сапоги. Сонъ одолѣвалъ его и онъ не рѣшался начать тотчасъ-же рассказывать дядѣ все свое ночное приключеніе, а мысленно отложилъ до утра. Постоявъ съ минуту, Квасовъ вынулъ изъ кармана тавлинку съ табакомъ и высоко поднялъ ее въ воздухъ, осторожно придерживая между двумя пальцами.

— Сколько ихъ? мыкнулъ онъ важно, но шути.

Шепелевъ, начавшій раздѣваться, чтобъ лечь спать, остановился и ротъ разинулъ.

— Что вы, дядюшка?

— Сколько тавлинокъ въ рукѣ? Ась-ко!

— Одна. А что...

— А ну прочти, *Отче нашъ* съ присчетомъ.

— Что вы, дядюшка!.. Помилуйте... заговорилъ Шепелевъ, понявъ уже въ чемъ дѣло...

— Ну, ну, читай. Я тебѣ дядя! Читай.

Шепелева одолѣвалъ сонъ, однако онъ началъ.

— Отче нашъ,—разъ, иже еси,—два, на небеси,—три, да святиться,—четыре, имя твое... имя Твое... Молодой малый невольно зѣвнулъ сладко и, спутавшись, прибавилъ не сразу: Шесть...

— А-а, братъ. Шесть?! А-а!!

— Пять, пять, дядюшка. Да ей-богу же вы напрасно...

— Не ври! вымолвилъ Акимъ Акимычъ и, приблизясь, прибавилъ: Дохни.

— Полноте дядюшка. Да гдѣ же мнѣ было и пить. Я на караулъ былъ. Я вамъ завтра все повѣдаю.

— Дохни!—караулъ ты эдакій! Дохни. Я тебѣ дядя.

Шепелевъ дохнулъ.

— Нѣту!.. Гдѣ-жъ ты пропадалъ до седьмого часу. Ка-

рауль смѣнили небось въ четыре. Неужто-жь съ чертовкой съ какой запутался ужъ... Говорилъ я тебѣ, въ Питерѣ берегись...

— У принца Жоржа въ кабинетѣ былъ. Батюшки! Морозъ! отчаянно возопилъ Шепелевъ, ложась въ холодную постель. Да-съ, въ кабинетѣ! И разговаривалъ съ нимъ. Б-р-р-р... Да какъ свѣжо здѣсь. Что это вы дядюшка, казенныхъ-то дровъ жалѣете. Б-р-р-ры.

— У принца Жоржа? Что ты бѣлены что-ли выпилъ, иль пивомъ нѣмецкимъ тебя опоили. У принца Жоржа!

— Да-съ.

— Ты! крикнулъ Акимъ Акимычъ.

— Я-съ! крикнулъ путя Шепелевъ изъ-подъ одѣяла.

— Когда?

— А вотъ сейчасъ.

— Ночью?

— Ночью!

Наступило молчаніе. Квасовъ стоялъ выпуча глаза и, наконецъ, не моргнувъ даже, взялъ съ окна стоявшій рукомойникъ и поднесъ его къ лицу укутавшагося молодого человѣка.

— Воды не боишься?

— Нѣтъ, не боюсь, размѣялся Шепелевъ.

— И не кусаешься?

— Нѣтъ.

— Почему? Какъ? Пожаръ, что ли, у него былъ?

— Нѣту.

— Ну, убили кого? Или ты самъ ему подъ карету попалъ. Онъ, вѣдь, полуночникъ. Гоняетъ, когда добрые люди спятъ.

— Нѣтъ. Ничего такого не было.

— По-каковски же ты говорилъ съ принцемъ? уже съ любопытствомъ вымолвилъ Квасовъ, поставя на мѣсто рукомойникъ.

— По-каковски? Вѣстимо по-нѣмецки! отчасти важно связать молодой человѣкъ?

— По-нѣмец... По-нѣмецки!! Ты?

— Разумѣется. Онъ же по нашему ни аза въ глаза не знаетъ. Такъ какъ же...

Квасовъ вытянулъ указательный палецъ и, лизнувъ язы-

комъ кончикъ его, молча поднесъ этотъ палецъ къ самому носу племянника, торчавшему изъ подушки.

— Ну, ей-богу же, дядюшка, по-нѣмецки говорилъ. Немного, правда... но говорилъ... Ей-богу.

— Вишь, прятѣй. Скажи на милость! рассуждалъ Квасовъ самъ собой и вдругъ прибавилъ:

— Да Жоржъ-то понялъ ли тебя?

— Понялъ, конечно.

— А ну, коли ты врешь? снова сталъ сомнѣваться Квасовъ.

— Ей-Богу. Ну какъ мнѣ вамъ еще побожиться?

— Стало быть, складно говорилъ? Хорошо? Не то, чтобы ахинею какую?..

— Еще бы! Извѣстно складно, коли понялъ! воскликнулъ Шепелевъ.

„А нихтъ михтъ?!“ будто шепнулъ кто-то малому на ухо.

— Только разъ и совралъ, сейчасъ же признался онъ, вмѣсто михъ сказалъ михтъ.

— Ну это пустое! важно замѣтилъ Квасовъ и прибавилъ: А по ихнему, что такое—михтъ-то?

— Михтъ—ничего.

— Анъ вотъ и врешь! обрадовался Квасовъ и ударилъ въ ладоши. Ничего, по-ихнему: нихтъ! Вотъ я больше твоего, выходить, знаю.

— Да вы не поняли, дядюшка. Михтъ не значить, ничего, а нихъ значить ничего.

— Чего? Чего? Не разберу...

Шепелевъ повторилъ. Квасовъ снова понялъ по своему.

— Такъ михтъ—совсѣмъ ничего стало быть...

— Совсѣмъ ничего...

— Эка дурацкій-то языкъ! Господи! Стало быть, на прикладъ, если у нѣмца ничего нѣтъ, — онъ говорить: нихтъ. А если у него у дурака совсѣмъ ничего нѣтъ, такъ онъ говорить: михтъ. Тьфу, дурни!..

— Ахъ, дядюшка!.. Да вы опять не то! Михтъ—такого и слова нѣтъ по-нѣмецки.

— Зачѣмъ же ты его говорилъ...

— Да такъ...

— Какъ? Таеъ! Совралъ, стало быть?

— Совралъ.

— Ну вотъ, я и говорилъ, что ты путаль...

— Надо было сказать: михъ.

— Д-да. Вотъ что! Надо-то михъ... Таеъ, таеъ... Ну это не важность. Михъ, михъ, это все одно. Объ чемъ же вы говорили. Рассказывай.

И Акимъ Акимычъ, со свистомъ понюхавъ табачку изъ березовой тавлинки, присѣлъ на кровать къ племяннику.

Шепелевъ, зѣвая и ежась отъ холода, вкратцѣ рассказалъ все, видѣнное и слышанное по случаю приѣзда голштинскаго офицера въ серебрянной мискѣ.

— Такъ! Такъ! задумчиво заключилъ рассказъ Квасовъ, которому нибудь изъ двухъ, да плохо будетъ.

— Кому?

— Одному изъ двухъ озорниковъ! важно проговорилъ Квасовъ. Либо Васекъ Шванвичу, либо Гришке Орлову.

— Почему жъ, дядюшка, вы на нихъ думаете?

— Ты, Митрій, ничего не смыслишь! сказалъ Акимъ Акимычъ нѣжнѣ. Миска-то Шванвича либо господь Орловыхъ! Пороса ты!.. Слово „пороса“ было самое ласкательное на языкѣ Квасова.

Такъ звалъ онъ покойницу жену брата, которую очень любилъ; также звалъ одну крестницу, жившую теперь замужемъ въ Черниговѣ и такъ сталъ звать названаго племянника, уже когда полюбилъ его.

— Ты, пороса, смѣй! Откуда приѣхалъ голштинецъ! Съ арамбовской дороги съ рейтарами. А нашъ Алеха туда на охоту вчера поѣхалъ съ братомъ.

— Да. Надо полагать, изъ Арамбова онъ прямо.

— Кострюлечка или миска-то? кухонная или какая?..

— Да. То ись я не знаю, она не простая! она серебряная!

— Серебряная! воскликнулъ Квасовъ. Се-ре-бря-ная!! не кухонная кастрюля?

— Нѣтъ, дорогая... французская, должно быть. Хорошая! только ужъ погажена.

— Сдавлена на головѣ, какъ слѣдуетъ, зеръ-гутъ.

— Да, зеръ-гутъ! разсмѣлся Шепелевъ. Даже лапочки эдакія подь скулами загнуты, будто подвязуши.

— Ну, господа Орловы! Болѣ некому. Либо нашъ преображенецъ Алеханъ, либо тотъ цальмейстеръ Григорья. Вѣрно! оно точно, что Шванвичъ Васька тоже эдако колѣно отмочить можетъ, даже, пожалуй, всю кастрюльку эту въ трубку тебѣ советъ двумя ладошками; но у него, братецъ, изъ серебра... Квасовъ присвистнулъ. Не токмо кастрюль, а и рублевъ давно въ заводѣ нѣтъ. Да! А господа Орловы, особливо Григорья, любятъ эти разныя бездѣлухи заморскія. Ну, какъ бы изъ этого колѣна не вышло чего совсѣмъ слезнаго... Государь голштинца въ обиду не дасть. Шалишь!

— Неужто сошлутъ?

— Вѣрно, говорю тебѣ. Ну, спи скорѣе... Чрезъ два часа ротная эзерциція на дворѣ...

— Я не встану. Гдѣ же мнѣ встать. Что вы?

— Врешь, встанешь...

— Я уморился, дядюшка.

— Ничего, встанешь. Я тебѣ дядя!

Акимъ Акимычъ пошелъ къ себѣ въ горницу и бормоталъ:

— Ну, голштинецъ даромъ съ рукъ не сойдетъ!! За битаго двухъ небитыхъ даютъ, стало, за побитаго нѣмца двухъ Орловыхъ и отдадутъ. Да и того мало еще... То не при Лизаветъ Петровнѣ,—со святыми ее упокой, Господи!—перекрестился Квасовъ. Нѣмецъ нынѣ вздорюжалъ паки и гораздо...

Квасовъ задумался среди своей горницы. Снова понюхавъ съ богатырскимъ шипеньемъ табаку изъ тавлинки, онъ поморгалъ глазами отъ наслажденія и взялъ было новую щепоть; но остановился и скосилъ пристальный взглядъ куда-то подь шкафъ, будто вдругъ нашелъ тамъ что-то... Ему внезапно пришло нечаянное соображеніе и поразило его.

— И диковинное у насъ дѣло—нѣмецъ этотъ! пробурчалъ самъ себѣ завзятый и умный лейбъ-кампанецъ. Совсѣмъ инако, чѣмъ вотъ на ярмаркѣ или базарѣ бываетъ. Подвозъ великъ, а въ цѣнѣ не падаетъ! Д-да! Поди-ко, вотъ, развяжи это!..

XV.

Часу въ девятомъ Квасовъ все-таки разбудилъ своего названнаго племянника. Шепелевъ, зѣвая, мысленно ругаясь и посылая дядю къ чорту, натянулъ длинные форменные сапоги, напялилъ мундиръ свой изъ толстаго синяго сукна, съ краснымъ подбоемъ на отвороченныхъ фалдахъ, и пошелъ на ротный дворъ, гдѣ собиралась его рота на ученье.

Вскорѣ прибылъ ихъ маіоръ Воейковъ и вмѣстѣ съ Квасовымъ раздѣлилъ рядовыхъ на кучки, и каждая съ своимъ флигельманомъ занялась воинской экзерциціей, маршировкой и новыми приѣмами съ ружьемъ и со шпагой, которые введены были съ мѣсяцъ назадъ, по примѣру голштинскаго потѣшнаго войска.

Шепелевъ встрѣтилъ въ одной изъ шеренгъ уже знакомое ему теперь лицо одного рядоваго, который весело кивнулъ ему головой и усмѣхнулся дружелюбно. Это былъ вчерашній ночной пріятель—Державинъ.

Ученье, благодаря сильному морозу и тому, что маіоръ Воейковъ былъ чѣмъ-то озабоченъ и не въ духѣ, продолжалось очень не долго.

Шепелевъ, какъ только могъ, скорѣе отдѣлался отъ экзерциціи ружьемъ и своего флигельмана учителя. Ему хотѣлось поскорѣе повидаться со своимъ ночнымъ товарищемъ по караулу и передать ему все, что съ нимъ, у принца, случилось послѣ его ухода. Но молодаго рядоваго уже не оказалось на плацѣ.

Розыскать Державина въ лабиринтъ казармы, похожей на какой-то вертепъ, переполненный людомъ, солдатами, бабами и ребятишками, было дѣло не легкое. Молодой человѣкъ около получаса разспрашивалъ, гдѣ живетъ рядовой Державинъ. Вдобавокъ никто не зналъ фамиліи вновь прибывшаго въ полкъ рядоваго. А имя и отчество дворянина-солдата Шепелевъ самъ не зналъ. Пришлось давать примѣты розыскиваемого товарища.

Наконецъ, одна толстая женщина, мывшая въ корытѣ тряпье, отозвалась сама, услыхавъ разспросы Шепелева.

— Это нашъ барченокъ... Гаврила Романычъ звать? спросила она фальцетомъ. Его, кажись, эдакъ, Державинымъ зовутъ.

— Да, Державинъ. Недавно пріѣхалъ изъ Казани.

— Ну, вотъ! Я тебя провожу родной мой.

И толстѣйшая баба, съ тонкимъ дѣтскимъ голоскомъ, провела Шепелева чрезъ весь корридоръ и ввела по грязной и мокрой лѣстницѣ, съ хлебавшими и провалившимися ступеньками. Въ темныхъ сѣняхъ она показала ему на большую круглую щель, изъ которой падалъ ясный, бѣлый лучъ свѣта и серебрянымъ пятномъ упирался въ полъ.

— Вотъ, родненькій мой, туточка и Гавриль твой Романычъ. Тута первый семейникъ нашего унтера Волкова и есть. Тамъ и твой Романычъ кортомить...

И баба, пропустивъ Шепелева впередъ, стала спускаться, спѣша къ своему дѣлу.

Шепелевъ хотѣлъ отворить дверь, но не находилъ, шаря рукой въ темнотѣ, ни крючка, ни щеколды, ни чего-либо, за что могъ бы ухватиться.

Онъ постучалъ и сталъ ждать. Никто не шелъ; онъ хотѣлъ опять стукнуть, но услыхалъ вдругъ, хотя вдалекѣ отъ двери, голосъ Державина, который кричалъ нетерпѣливо.

— Ну, потомъ! потомъ!!

Кто-то, очевидно, женщина, отвѣчала что-то неслышное за запертой дверью.

Затѣмъ снова раздался громкій, убѣдительный голосъ Державина:

— Да я-то почему же знаю, голубушка! Ну, сама ты посуди. Я-то почему же знать могу?.. Глупая же ты баба! Право.

Шепелевъ началъ опять стучать въ дверь, но прислушавшись, не идетъ ли кто отворять, услыхалъ только снова голосъ Державина, кричавшаго уже нетерпѣливо и сердито:

— А и я! А и ты! А и мы! А и онъ!.. Нешто человѣкъ такъ говорить, это птица такъ кричить... Птица, птица, а не человѣкъ!..

Шепелевъ сталъ стучать кулакомъ.

— Тяни пальцемъ-то... За дыру-то потяни, раздался чей-то басистый голосъ изъ-за двери.

Шепелевъ просунулъ палецъ въ замасленные жирные края дыры и, потянувъ, легко отворилъ дверь.

Передъ нимъ былъ снова небольшой корридоръ и перегородки. Здѣсь было, однако, немного чище.

— Гдѣ тутъ комната Гаврилы Романыча? спросилъ Шепелевъ, увидя чрезъ первую же отворенную дверь лежащаго на кровати унтера.

— Сюда, сюда... раздался голосъ Державина изъ-за другой перегородки.

И молодой человѣкъ вышелъ къ гостю въ коротенькомъ нагольномъ тулупчикѣ. За ухомъ его торчало большое гусиное перо.

— Здравствуйте, Дмитрій Дмитричъ... Спасибо вамъ, что пришли, пожалуйста! И онъ ввелъ Шепелева къ себѣ. — Какъ вы пролѣзли въ мою щель, въ мою камору, или, вѣрнѣе, выразиться въ эту Гомору.

— Меня проводила баба. А то и во вѣкъ бы не добрался...

Въ маленькой горницѣ Державина, на маломъ сажennemъ пространствѣ, между двухъ перегородокъ, стояла кровать, покрытая пестрымъ одѣяломъ, сшитымъ заботливой и терпѣливой рукой изъ сотни разноцвѣтныхъ клочковъ ситца; въ углу помѣщался маленький столъ съ нѣсколькими вещицами, съ десяткомъ книжекъ и тетрадокъ, а по среди нихъ стеклянная баночка съ чернилами и блюдо съ пескомъ... Въ другомъ углу, на полу, стоялъ красный сундукъ, обитый оловянными вырѣзками и бляхами и расписанный лиловыми цвѣточками. На немъ лежали снятый мундиръ, камзолъ и шляпа рядоваго. У потолка надъ столомъ висѣла темная икона и торчала запыленная верба.* Надъ кроватью, припиленная булавками къ доскамъ перегородки, висѣла, загибаясь углами, сѣрая большая картинка, изображавшая императрицу Елизавету Петровну въ коронѣ и порфирѣ. Это была работа самого Державина, сдѣланная перомъ очень искусно.

— Вотъ-съ, занимаюсь... Письмо пришла просить написать,

сказалъ Державинъ, указывая на женщину лѣтъ сорока, которая собиралась уходить при появленіи Шепелева.

— Я изъ корридора слышалъ, какъ вы горячились...

— Я имъ часто такъ—къ сродникамъ пишу... и всегда въ горячкѣ...

— Вы писанье-то оставьте у себя Гавриль Романычъ, сказала женщина. Я ввечеру зайду.

— Да, да, ужъ ступай, Авдотья Ефимовна! Успѣется, не горить вѣдь! отвѣчалъ Державинъ.

— А то вы и сами безъ меня отпишите. А то у насъ стирка велика. Насилу къ Благовѣщенью управимся. Вы сами то лучше, родимый.

— Какъ можно, голубушка! Развѣ я могу знать, что тебѣ писать?

— И-и батюшка, а мнѣ то, и гдѣ же знать!.. Вы грамотѣ обучены, такъ вамъ то лучше все извѣстно. Дѣло дворянское. а я хоть и хвардейская—а все тоже баба, деревеньщина.

Державинъ заволновался и обратился къ Шепелеву, указывая на женщину.

— Вотъ, государь мой, вѣрите ли? Завсегда такъ то... Придетъ вотъ какая изъ нихъ: напиши письмо, свеерови ли тамъ, теткѣ ли, шурина кому... Сядешь это и скажешь: ну, говори моль, что писать... А она въ отвѣтъ: не знаю, родненькій мой. Ты ужъ самъ... И не втолкуешь вѣдь ни за что — хоть тресни.

Шепелевъ разсмѣялся.

Женщина стояла въ дверяхъ и заговорила, слегка обижаясь:

— Что-жъ? Мы ненавязываемся. Мой Савель Егорычъ за васъ на канавѣ вчера три часа отбылъ. Да на прошлой недѣлѣ тожъ, дворъ у Приница мель... за васъ же. Сами знаете.

— Я, голубушка, это знаю. Я не корю, пойми ты, а напротивъ того, спасибо говорю, потому мнѣ легче писать, чѣмъ дворы мести, да канавы рыть... А я говорю про то, что коли пришла ваша сестра письмо отписать, такъ сказывай: что?

— Мы люди не грамотные. Вы дворянскаго *призвожденья*, такъ вамъ лучше.

— Да празгвожденя-то я будь хоть распроняжескаго, раз-проорхисвѣтлѣйшаго, — а все-жъ таки я, голубушка, не могу святымъ духомъ знать, что тебѣ нужно твоей сверкови отписать. Пойми ты это, Авдотья Ефимовна.

И Державинъ даже ударилъ себя въ грудь въ порывѣ одушевленія.

— Что же! мы не навязывается, совсѣмъ обидѣлась вдругъ женщина. Хозяинъ мой сказываетъ... На канавѣ-то какъ шибко ухаживаютъ народъ-то... Вчера онъ въ вашъ, значить, чередъ это быть, съ морозу-то пришелъ, какъ изъ бани; рубаха мокрая на емъ, да и спину-ту не разогнеть... Вотъ что, баринъ мой хорошій!.. А писую-то писать неграмотному—какъ не взопрѣй, не напишешь.—А вамъ оно что?.. Тѣфу, оно вамъ! Плевое дѣло! Сидите вотъ туточки,—да чирикаете по бумажкѣ... А на канавѣ...

— Ну вотъ тутъ и разсуждай!.. махнулъ Державинъ рукой.

— Какъ вамъ будетъ угодно! Хошь и не пишите... Мы не навязываемся.

— Ну ладно, ладно! Авдотья Ефимовна. Не гнѣвайся. Приходи ввечеру-то все-таки.

— Придемъ ужъ, коли требуете... А ужъ если милость ваша будетъ—вы сами бы, говорю... Стирка насъ съѣла... Ну, просимъ прощенья.

Женщина вышла. Державинъ снова махнулъ рукой ей во слѣдъ.

— Порѣшенный народъ! сказалъ онъ. Коломъ не вдолбишь. Пиши я, изволите видѣть, ея свекрови въ Новгородъ, что самъ знаю...

— Да бросьте! сказалъ Шепелевъ. Гоняйте ихъ вонъ, коли скучно.

— Нельзя, сударь. Я вамъ ужъ сказывалъ про свое положенье... Видите, какъ живу. Вы жалуетесь вотъ на рѣшныя ученя, да на смотры. А мы вѣдь и тамъ мерзнемъ, да потомъ еще насъ по городу гоняютъ на работы. Слышали вонъ говорила она про мужа-то, что пришелъ съ морозу мокрый... Ну-съ и я вотъ такъ-то съ прїѣзда горе мыкалъ. А теперь мое одно спасенье за себя кого изъ солдатъ выставять. У меня съ ними

*

уговоръ: я буду женамъ писули да цыдули ихъ писать, а мужа за меня отбояривайся съ лопатой или съ метлой.

— Да, если эдакъ, то разумѣется...

— А то, помилуйте, съ чего бы я стать время терять на такое водотолченье. Я и то, когда почитать вздумается книжку какую, ночь сижу. Свѣчу всю сожгу; да чтожъ дѣлать? Нешто, будучи состоятельнѣе, пошелъ бы я въ бабьи письмоводители. Вы вотъ присядьте, да послушайте, чѣмъ мы занимаемся. Сюда лучше, на сундукъ. А то стуло-то мое ненадежно.

Державинъ опросталъ сундукъ отъ платья и шпаги, Шепелевъ сѣлъ на него и, улыбаясь, приготовился слушать. Державинъ стоя среди горницы, сталъ читать взятый со стола исписанный листъ.

— Ну вотъ хоть тутъ. Объ Государынѣ покойной. Прислушайте: „Увѣдомились мы, что и вы, сестрица, отъ Прокофія Нѣмого извѣстны, что и мы на нашъ вѣкъ несчастными въ горѣ сиротами остались. А и скончавшая себя Государыня къ намъ милости и щедротами была. А что будетъ впредь намъ, того не вѣдаемъ. Коли въ войну не пойдемъ. Благодаритель нашъ Государь Петръ Ѳеодорычъ гораздо шибко насъ не жалуетъ, а свои Ренбовскіе полки. И на прошлой масляной насъ осматрѣлъ, все въ слѣдомости нашелъ. А мой Савель Егорычъ про то же сказывалъ и за оное отдранъ былъ. А про телка, что отписываете и рады бы мы всей къ вамъ душой, да пути и холода велики — подохнуть можетъ. А и себя раззорите, а и намъ-то не въ удовольствіе. А на ротномъ затѣснены велико отъ людства и скотинки болѣ и мѣстовъ нѣтъ. А у Прасковьюшки отелилась въ Миколы, на дворъ унтеръ выгналъ, сказывая что грязнить очень. И все-то изъ злобства его выходитъ, потому нравъ у него. Потому случаю подохъ, что морозомъ егохватило зря... И не съѣли!.. А и я вамъ тожъ на капустѣ благодарствую. А и вы, сестрица, и братецъ про свое житье бытѣ отпишите.

И Державинъ прибавилъ, смѣясь чрезъ листъ желтой бумаги, который держалъ передъ собой:

— Любопытно-съ? Только и есть что: А и я, а и онъ, а и вы...

— Да вы бы, Гавриль Романычъ, заговорилъ Шепелевъ, если ужъ необходимость съ ними возиться, опросили бы ее и написали съ разу. А эдакъ вѣдь, поди дольше гораздо.

— Зачѣмъ-же я, сударь мой, буду писмоводительствовать? Она говорила, я напишу. А эдакъ ужъ я, выходитъ, въ перепискѣ съ бабьемъ всероссійскимъ окажусь самъ, коли стану сочинительствовать посланія въ нимъ.

Видя, что Державинъ какъ-то обидчиво горячится, Шепелевъ перемѣнилъ разговоръ.

Онъ пробылъ съ часъ у своего новаго пріятеля. Державинъ передалъ ему, что въ ротъ извѣстно уже всѣмъ объ ряженомъ голштинскомъ офицерѣ, и что онъ, какъ очевидецъ, рассказалъ все капитану Пассеку, который очень интересовался всѣмъ случаемъ.

Шепелевъ, въ свою очередь, передалъ всѣ подробности своего визита къ принцу, не скрывъ отъ Державина и тѣ слова нѣмецкія, которыя перевралъ.

Молодые люди весело хохотали. Державинъ предложилъ давать ему уроки всякій свободный вечеръ.

— Нынѣ это — первое дѣло! сказала онъ. Знай воинскій артикулъ, да маракуй по ихнему! Приходите сегодня ввечеру, съ нынѣшняго дня и начнемъ, и глядите—черезъ мѣсяцъ ужъ не скажете: ни хтъ ни хтъ. Приходите.

— Нѣтъ, сегодня не могу. Долженъ быть у Тюфякиныхъ отозвался Шепелевъ.

— У невѣсты! Не терпится!., подмигнувъ Державинъ.

— Ей-Богу нѣтъ... Она мнѣ не по сердцу. А надо быть...

И молодые люди простились, уговорясь снова свидѣться на слѣдующее утро.

XVI.

Третьяго іюня 1743 года у бѣднаго гарнизоннаго офицера Державина, въ городѣ Казани, родился первый ребенокъ, сынъ, названный Гавріиломъ. Новорожденный былъ такъ слабъ и хилъ, что его тотчасъ-же пришлось, по обычаю „запекать въ хлѣбъ“ т. е. класть въ теплое тѣсто. Родители его очень со-

жалѣли о томъ, что средства ихъ не позволяютъ прибѣгнуть къ болѣе вѣрному способу сохраненія жизни ребенка, а именно власть его всякій день въ теплую шкуру теленка, только что отдѣленную отъ мяса. Однако и тѣсто помогло, ребенокъ пережилъ первый мѣсяцъ, самый опасный, и остался на бѣломъ свѣтѣ, чтобы со временемъ стать великимъ поэтомъ.

Послѣ сына явилось на свѣтѣ еще двое дѣтей, но вскорѣ они умерли. Выбываясь кое-какъ изъ стѣсненныхъ обстоятельствъ, почти изъ бѣдности, отецъ Державина бросался на все, что обѣщало ему вѣрный кусокъ хлѣба. Разумѣется кромѣ офицерской службы онъ не могъ ничѣмъ добывать его. Такимъ образомъ, онъ мѣнялъ мѣста служенія, и все дѣтство маленькаго Гаврилы прошло въ путешествіяхъ и передвиженіяхъ. Сначала отецъ перешелъ на службу изъ Казани въ Яранскъ, но и тамъ не очень повезло ему, и перешелъ въ Ставрополь. Здѣсь прожилъ онъ еще довольно долго, но затѣмъ былъ зачисленъ въ Пензенскій пѣхотный полкъ и долженъ былъ снова перебираться на жительство въ Оренбургъ.

Тутъ надо было уже подумать о томъ, чтобы учить грамотѣ, а затѣмъ и разнымъ наукамъ девятилѣтняго мальчика. Въ Оренбургѣ только и былъ одинъ человекъ, способный обучать наукамъ, нѣмецъ, нѣкто Іосифъ Роза. Не смотря на такую нѣжную и поэтическую фамилію, нѣмецъ этотъ былъ преступникъ, сосланный за убійство въ каторгу и затѣмъ водворенный въ Оренбургѣ. Каторжникъ, конечно, не изъ любви къ наукамъ и педагогій завелъ у себя въ домѣ маленькую школу, и хотя говорилось, что онъ обучаетъ разнымъ наукамъ, но, въ сущности бывшій каторжникъ зналъ только хорошо свой собственный языкъ. Мальчикъ Державинъ, вмѣстѣ съ прочими товарищами, поневолѣ отлично выучился этому языку, но возненавидѣлъ учителя, который варварски наказывалъ своихъ учениковъ; возненавидѣлъ онъ и языкъ нѣмецкій, не предугадывая, что въ будущемъ знаніе этого языка повліяетъ на все его существованіе и на всю его жизненную карьеру.

Вскорѣ, однако, одиннадцати-лѣтній Державинъ не могъ даже учиться и у Розы, по недостатку средствъ. Отецъ его, давно страдавшій чахоткой, наконецъ, умеръ и вдова съ

мальчиномъ остались чуть не на улицѣ. Они были дворяне и могли доказать это дворянство документами, могли доказать, что предокъ ихъ Романъ, по прозвищу Держава, былъ когда-то хурзою въ Золотой ордѣ и владѣлъ большимъ количествомъ земли и большими стадами барановъ. Теперь-же у вдовы Ѳеклы Андреевны Державиной было всего шестьдесятъ душъ крестьянъ, но не только въ разныхъ уѣздахъ, но даже въ разныхъ губерніяхъ. Доходъ, который изрѣдка получался съ имѣнія, былъ такъ малъ, что на него нельзя было даже проѣхать въ свои владѣнія, чтобы лично собрать съ своихъ подданныхъ законную дань, Послѣ смерти отца оказался долгъ, который вдова ни коимъ образомъ не могла уплатить; долгъ этотъ былъ пятнадцать рублей ассигнаціями.

Кое-какъ устроивши свои маленькія дѣла, Державина переехала въ свою родную Казань. Ѳекла Андреевна, полу-грамотная женщина, высоко цѣнила образованіе была сама любознательна и отъ природы умна. И всѣ ея помыслы и мечтанія о сынѣ сосредоточивались на томъ, чтобы сынъ обучился всему, чему только можно обучиться. Когда-то въ Оренбургѣ она, почти противъ воли мужа, посылала любимца къ Розѣ, и когда мальчуганъ жаловался и плакать отъ побоевъ учителя, молодая женщина утѣшала его, что наука даромъ не дается.

— Всякаго учили и били, говорила она, — но битые до свадьбы заживетъ, а ученіе-то останется.

Вскорѣ послѣ ихъ переселенія въ Казань, въ родномъ городѣ, къ великому восторгу очень немногихъ лицъ, а въ томъ числѣ и на счастье Державиной, вдругъ открылась гимназія. Разумѣется, пятнадцатилѣтній Гаврила поступилъ въ нее однимъ изъ первыхъ, а скорѣ онъ былъ однимъ изъ первыхъ учениковъ.

Здѣсь въ первый разъ принесло свои плоды ученіе у каторжника Розы. Когда пришлось во вновь открытой гимназіи пополнять комплектъ учителей, то преподавателемъ нѣмецкаго языка былъ взятъ сосланный въ Казань нѣмецкій пасторъ Гельтергофъ.

Старикъ нѣмецъ и пятнадцати-лѣтній мальчикъ тотчасъ по-
дружились. Пасторъ полюбилъ Державина за то, что могъ съ
нимъ совершенно свободно болтать на своемъ родномъ языкѣ,
мальчикъ полюбилъ нѣмца и привязался къ нему отчасти изъ
жалости. Сосланный въ Казань пасторъ былъ преступникъ осо-
баго рода. Гельтергофъ отправился въ ссылку за то, что ска-
залъ начальству какое-то нѣмецкое слово вмѣсто русскаго.
Слово это, на его бѣду, звучавшее отлично по-нѣмецки, ока-
залось браннымъ словомъ по-русски. При гоненіи нѣмцевъ въ
царствованіе императрицы Елизаветы этого было достаточно,
чтобы улетѣть за тридевять земель, и бѣдный Гельтергофъ съ
быстротой молніи изъ окрестностей Петербурга перелетѣлъ въ
Казань. Поэтому открытіе гимназіи и мѣсто учителя спасло его
не только отъ нищеты, но даже отъ голодной смерти. Держа-
винъ не только искренно привязался къ ссыльному учителю,
который былъ такъ мало похожъ на его прежняго, ссыльнаго-
же учителя; но кромѣ того мальчикъ, любимый товарищами,
всячески защищалъ отъ нихъ добраго нѣмца—учителя. Вскорѣ
онъ даже добился того, что всѣ его товарищи, дѣлавшіе прежде
всякія гадости нѣмцу, теперь стали относиться къ нему добро-
душиѣе. И, конечно, мальчикъ не думалъ, что когда-нибудь
обстоятельства такъ переменятся, что этотъ несчастный со-
сланный преступникъ сдѣлается, вдругъ, при другой обста-
новкѣ, его покровителемъ.

Казанская гимназія, какъ и немногія другія, зависѣла отъ
Московского университета, только что открытаго. Директоръ
гимназіи, нѣкто Веревкинъ, собрался чрезъ годъ по открытіи
заведенія съ отчетомъ къ Шувалову и заказалъ разнымъ уче-
никамъ разныя работы, дабы похвастать предъ начальствомъ
въ столицѣ. На долю Державина пришлось начертить карту
Казанской губерніи. Въ гимназіи особенно обращалось внима-
ніе на танцы, музыку, фехтованіе, рисованіе. Музыки Держа-
винъ не любилъ, а танцовать разные минуэты и фехтовать на
эспантонахъ, хотя имѣлъ большую охоту и сильное прилежа-
ніе, но однако ни то, ни другое ему не далось. Оставалось
малеваніе и рисованіе. Малевать было дорого, потому что надо
было на свой счетъ покупать краски, а средствъ на это у ма-

тери не было. Пришлось ограничиться въ своей страсти карандашемъ и перомъ. И вотъ именно перомъ уже шестнадцатилѣтній мальчикъ владѣлъ съ особеннымъ искусствомъ. Карта Казанской губерніи по общему отзыву была отличная, да кромѣ того юный Гаврила скопировалъ перомъ масляный портретъ императрицы такъ удачно, что Вережкинъ хотѣлъ даже и портретъ этотъ захватить съ собой. Отказался же отъ этой мысли новый директоръ новой гимназіи только потому, что друзья не совѣтывали ему вести портретъ императрицы къ Шувалову, сдѣланный простыми чернилами. Пожалуй, окажется вдругъ дѣло неприличнымъ и ему за это придется идти въ отвѣтъ!!

Съ нетерпѣніемъ ждали возвращенія начальника изъ столицы всѣ немногочисленные ученики. Вережкинъ вернулся сіяющей, вознагражденный и привезъ награды всѣмъ. Всѣ ученики были записаны рядовыми въ разные гвардейскіе полки, а Державинъ, какъ искусникъ въ черченіи картъ и плановъ, былъ записанъ въ инженерный корпусъ съ званіемъ кондуктора. Всѣ юноши надѣли соотвѣтствующіе ихъ званію мундиры, въ томъ числѣ и кондукторъ. Такъ какъ между картой Казанской губерніи и инженернымъ искусствомъ оказалось въ глазахъ начальства много общаго, то не мудрено, что вскорѣ инженерному кондуктору поручили, какъ специалисту, заниматься исключительно фейерверками, которые устраивались въ торжественные дни; да кромѣ того, всѣ маленькія пушки, изъ которыхъ палили при торжествахъ, тоже вѣдалъ теперь кондукторъ.

Однако инженеръ-артиллеристъ-фейерверкеръ Державинъ не долго состоялъ въ этихъ званіяхъ. Черезъ годъ Вережкинъ получилъ приказаніе отъ Шувалова изслѣдовать и подробно описать развалины стариннаго города *Болгары*, находящагося на берегу Волги. Когда дѣло пошло о картахъ и чертежахъ, то, разумѣется, главнымъ помощникомъ Вережкина могъ быть одинъ Державинъ.

И вотъ на лѣто юноша очутился на привольѣ волжскихъ береговъ. Карандашей, бумаги и даже красокъ было теперь вволю, на казенный счетъ—и юноша принялся за дѣло съ такою страстью, такъ умно руководилъ своими товарищами, что

Вережкинъ, преспокойно сдавъ ему свои обязанности, уѣхалъ въ Казань. Молодежь осталась одна справляться съ Болгарами, какъ ей вздумается. И здѣсь цѣлое лѣто и осень усердно работала юноша, не подозрѣвая, какое огромное значеніе для его развитія можетъ имѣть эта, повидимому, нелѣпая работа. Державинъ срисовывалъ всѣ древнія развалины, которыя уцѣлѣли отъ прошлыхъ вѣковъ, тщательно копировалъ удивительные рисунки и пестрыя надписи на совершенно неизвѣстномъ никому языкѣ и, наконецъ, копая разные курганы наемными крестьянами, собиралъ цѣлыя кучи разныхъ старыхъ монетъ, разную рухлядь, разные удивительныя украшенія и даже оружіе.

Явившись осенью съ отчетомъ въ Казань, юноша привелъ въ восторгъ Вережкина, и онъ общалъ къ праздникамъ, отправляясь снова къ Шувалову, чтобы вести всю работу, захватить съ собой и главнаго виновника успѣшно доведеннаго до конца дѣла. Оставалось только поскорѣе привести все въ порядокъ, сдѣлать каталогъ всему и затѣмъ спить себѣ новое платье инженеръ-кондуктора, чтобы явиться на Рождество въ Москву. Державинъ снова усердно принялся за скучную, но уже пустую работу, составилъ огромные каталоги съ тщательными описаніями всего и даже необыкновенно красивымъ почеркомъ и съ необыкновенно искусными и изящными рисунками. И только одно мѣшало работать ему—мысль очутиться въ столицѣ, стать лицомъ къ лицу и бесѣдовать съ тѣмъ, кого даже и самъ Вережкинъ побаивался, и отъ кого прямо вполне зависѣлъ, т. е. съ Шуваловымъ.

Въ декабрѣ все уже было у Державина готово, даже мундиръ новый спить, а Вережкинъ все откладывалъ поѣздку по разнымъ своимъ семейнымъ обстоятельствамъ. Наконецъ Державинъ узналъ, что они выѣдутъ только послѣ Крещенія. Дѣлать было нечего, надо было терпѣливо ожидать путешествія. Но поѣздкѣ этой не суждено было состояться!

За три дня до назначеннаго отъѣзда, въ Казань пришла вѣсть, которая повергла всѣхъ въ отчаяніе, почти бурей пронеслась по всей Россіи, громовымъ ударомъ отозвалась во всѣхъ, самыхъ отдаленныхъ закоулкахъ Россіи. Вѣсть эта была — о кончинѣ всѣми обожавой монархини, двадцать лѣтъ держав-

шей въ рукахъ своихъ судьбы имперіи. И какъ въ самомъ Петербургѣ все уныло и боязливо притихло, такъ и въ разныхъ углахъ Россіи, равно и въ Казани, всѣ были перепуганы, опечалены, и никто не зналъ чего ждать. Только одинъ нѣмецъ Гельтергофъ возликовалъ, ожидая себѣ лучшей доли. Казалось, не было въ Россіи ни одного человѣка, котораго бы судьба не выбросила въ это время изъ прежней колеи и безпричинно вдругъ не поставила бы на другую, новую, неизвѣстную и непривычную дорогу.

Кажется, осьмнадцати-лѣтній юноша, ученикъ казанской гимназіи, былъ малой спицей въ громадной россійской колесницѣ, но и на немъ тотчасъ же сказались разныя перемѣны, совершившіяся въ пространномъ отечествѣ.

Въ концѣ января, въ Казань явилась бумага изъ канцеляріи преображенскаго полка. Это было не что иное, какъ отпускъ, помѣченный еще 1760-мъ годомъ рядовому преображенскаго полка Державину. Отпускъ былъ яко бы данъ еще вѣтъ времена, когда Державинъ надѣлъ мундиръ инженера и кончался первымъ январемъ уже наступившаго года. Оказалось, что Державинъ вовсе не инженеръ и не кондукторъ, а преображенскій рядовой въ отпуску, да еще сверхъ того уже на цѣлый мѣсяцъ опоздалъ вернуться къ мѣсту служенія. И не одинъ Державинъ, а и начальникъ Вережкинъ, и мать его, и друзья, всѣ были равно смущены. Вережкинъ клялся, что онъ послѣ поѣздки къ Шувалову не ошибся и не перепуталъ, что Державинъ не былъ тогда зачисленъ въ гвардію. Оекла Андреевна была въ отчаяніи отъ необходимости, при скудныхъ средствахъ, посылать сына въ Петербургъ, и войдя въ новые долги, разстаться съ нимъ, быть можетъ, на всегда. Но не повиноваться, въ особенности при новомъ государѣ, было опасно, и юноша тотчасъ же собрался въ дорогу, а черезъ цѣлый мѣсяцъ труднаго странствованія изъ Казани въ Петербургъ, явился, наконецъ, на ротномъ дворѣ преображенскаго полка. Тотчасъ же объявили ему, что онъ на цѣлые два мѣсяца опоздалъ изъ своего отпуска, а затѣмъ онъ былъ отправленъ подъ арестъ.

Врядъ ли кто-нибудь когда-либо такъ странно и весело пріѣзжалъ въ столицу поступать на службу.

Однако горячій нравъ, умъ и смѣлость сказались въ юношѣ. Одинъ одиноконецъ среди большой столицы, безъ родныхъ, безъ друзей, даже безъ знакомыхъ, Державинъ не далъ себя въ обиду. Упрямо и горячо доказывалъ онъ, что уже два года считаетъ себя инженеръ-кондукторомъ и не желаетъ поступать въ полкъ за неимѣніемъ средствъ содержать себя въ преобразенцахъ. Но ничто не помогло. Отсидѣвъ день или два подъ арестомъ, юноша все-таки былъ зачисленъ фактически въ лучший гвардейскій полкъ, и, будучи совершенно безъ денегъ, поселился въ самой казармѣ, нахлѣбникомъ у солдатской семьи.

Въ первые дни службы всякія порученія, разноска по городу повѣстокъ, работа то лопатой, то метлой едва не уходили не очень крѣпкаго здоровья юношу, но вскорѣ, благодаря его изобрѣтательности, ему жилось уже нѣсколько легче. Этими самыми нелѣпыми цидулями и грамотками солдатикъ избавился отъ тяжелой работы, а деньги, недавно присланныя вновь матерью, хотя и небольшія, помогли ему расплатиться съ его хозяиномъ капраломъ Волковымъ. Кромѣ того, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, Державинъ розыскалъ, наконецъ, въ Петербургѣ стараго друга и учителя, прощенного пастора Гельтергофа, который выѣхалъ еще прежде. На сколько было плохо ему когда-то въ Казани въ качествѣ ссыльнаго, на столько хорошо ему было теперь. Онъ былъ возвращенъ изъ ссылки тотчасъ же по воцареніи Петра Θεодоровича, прямо въ Петербургъ, будучи лично извѣстенъ Фленсбургу. Теперь онъ могъ рассчитывать на быструю и совершенную перемѣну своей судьбы къ лучшему. Гельтергофъ и въ Казани искренно любилъ юношу за его прилежаніе и зная по себѣ, каково бѣдствовать въ чужомъ городѣ, добрый пасторъ велѣлъ юношѣ заходить къ себѣ, обѣщаясь подумать объ его судьбѣ.

— Вы великолѣпно говорите по-нѣмецки, сказалъ онъ, вы говорите, какъ настоящій нѣмецъ, mein lieber, а это очень важно. Теперь не Елизавета царствуетъ, лукаво ухмыльнулся пасторъ. Теперь Peter der Dritte царствуетъ!.. Теперь нѣмецкій языкъ для всякаго есть лучший дипломъ, самый важный дипломъ.

Рядовой преображенецъ самъ чувствовалъ, что проклятый нѣмецкій языкъ, который когда-то вколачивалъ въ него каторжникиъ Роза, теперь будетъ имѣть огромное значеніе для его служебной карьеры. И теперь Державинъ, обождавъ недѣлю, давъ время доброму Гельтергофу заняться его печальной судьбой, собирался снова навѣдаться къ пастору. Но какое-то странное чувство, въ которомъ юноша самъ не могъ отдать себѣ отчета и самъ не понималъ вполне, мѣшало ему подѣлиться своей тайной съ своими ближайшими знакомыми и пріятелями. Ему почему-то было совѣстно сознаться въ своихъ мечтаніяхъ, сказать о своей бесѣдѣ съ Гельтергофомъ, рассказать все кому-либо, капралу Волкову, Морозову, еще менѣе Квасову; и даже въ дружеской бесѣдѣ съ товарищемъ Шепелевымъ онъ все-таки не рѣшился заговорить о пасторѣ и своихъ надеждахъ на помощь его. Да и какъ было радоваться знанію этого нѣмецкаго языка, какъ было возлагать на него всѣ надежды, носиться съ нимъ, когда все кругомъ ненавидѣло и ругало этотъ языкъ? Тотъ же новый знакомый и товарищъ, едва пріѣхавъ въ Петербургъ и уже успѣлъ отчасти пострадать, или, по крайней мѣрѣ, былъ возмущенъ и оскорбленъ тѣми, кто свысока требовалъ знанія этого проклятаго языка.

Но юноша Державинъ, уже знакомый по опыту съ бѣдностью, съ несправедливостью людской, былъ мало похожъ на юношу Шепелева. Онъ, и не зная по-нѣмецки, вывернулся бы изъ затрудненія и не ударилъ лицомъ въ грязь, если бы попалъ въ кабинетъ принца.

— Экая обида, что я ушелъ изъ дворца. Охъ, Господи! Вотъ кабы знать заранѣе! сожалѣлъ онъ теперь. Богъ знаетъ, что бы еще вышло изъ моей бесѣды съ принцемъ. Пожалуй бы съ разу въ люди вышелъ.

XVII.

Семейство Тюфякиныхъ состояло изъ старой дѣвицы, опекунши, лѣтъ 50-ти, длинной, сухопарой, словоохотливой и на видъ добродушной, но страшно упрямой,—двухъ сиротъ: кня-

женъ Василисы и Настасьи и своднаго брата ихъ, князя Глѣба, который, однако, жилъ отдѣльно. Глѣбъ былъ старше сестеръ лѣтъ на десять, и былъ отъ перваго брака покойнаго князя Андрея Тюфякина съ простой женщиной татарскаго происхожденія, которая погибла насильственной смертью, подъ ножомъ своей горничной. Обѣ княжны были отъ второй жены князя, тоже скончавшейся и урожденной Гариной, принесшей мужу большое состояніе въ приданое. Такимъ образомъ, молодыя дѣвушки-сироты были богаты, но находились еще до полнаго совершеннолѣтія младшей княжны подъ опекой родной тетки, тогда какъ ихъ сводный братъ, офицеръ гвардіи, былъ почти бѣденъ, т. е. имѣлъ 50 душъ крестьянъ гдѣ-то въ глуши, близъ города Кадома, куда и ѣхать было опасно.

Эта разница состояній породила много семейныхъ недоразумѣній, ссоръ и бѣдъ и повліяла даже на характеръ и поведеніе князя Глѣба. Онъ завидовалъ сестрамъ и враждовалъ съ ихъ теткой-опекушкой, которая тоже не любила его, не считала даже настоящей родней и звала въ насмѣшку: „нашъ киргизъ!“

Покойный князь Андрей безпорядочной жизнью сѣумѣлъ въ семь лѣтъ сильно разстроить огромное состояніе своей второй жены. Еслибъ онъ не утонулъ вдругъ въ Невѣ, двѣнадцать лѣтъ назадъ, купаясь подъ хмѣлькомъ послѣ пира, то, конечно, ничего не передалъ бы дочерямъ. Имъ осталось бы только состояніе теперешней ихъ опекушки-тетки, которая была сама по себѣ очень богата.

Послѣ несчастія съ отцомъ, дѣвочки остались—старшая по шестому году, а младшая—четыре лѣтъ и уѣхали тотчасъ съ матерью въ деревню. Пасынокъ, уже юноша, остался въ Петербургѣ.

Вдругъ овдовѣвшая княгиня Анна Михайловна хотя и была женщина слабохарактерная, съ странностями и причудами, но сѣумѣла, однако, въ пять лѣтъ деревенской жизни снова устроить свои дѣла и поправить состояніе. Дѣвочекъ своихъ она держала странно, почти въ заперти и въ гости никуда не пускала. Изъ сосѣдей своихъ она тоже у себя не принимала никого. Скоро стало, однако, извѣстно въ околodeѣ, что кня-

княгиня-вдова совершенно въ рукахъ своего наемнаго управителя изъ поляковъ, который распоряжался самовластно въ ея имѣнiяхъ и въ домѣ. Даже во многомъ, касавшемся до дѣтей, вдова не обходилась безъ его совѣтовъ. Если за это время княгиня не стала вдругъ женой молодаго и красиваго поляка, то единственно изъ нежеланiя потерять свой титулъ, которымъ очень кичилась. Но, однажды, пять лѣтъ тому назадъ, явился вдругъ къ нимъ въ глушь въ гости пасынокъ, князь Глѣбъ. Веселый и умный молодецъ-гвардеецъ, простодушный на видъ, внимательный и почтительный съ княгиней мачихой, ласковый съ сестрами, остался на все лѣто и искусно, постепенно, незамѣтно завладѣлъ скоро всѣмъ и всѣми. Осенью онъ уже прогналъ поляка, взялся за дѣло по имѣнiямъ и повернулъ все на иной ладъ...

Прежде всего дѣвочки, уже взрослые, были выпущены на волю, ѣздили въ гости, веселились всячески и, конечно, также стали обожать брата.

Вскорѣ же, т. е. менѣе чѣмъ чрезъ годъ послѣ прiѣзда Глѣба, княгиня, весной, по настоянiю пасынка, переѣхала снова на жительство въ Петербургъ.

Здѣсь началась новая жизнь, показавшаяся дочерямъ еще болѣе странною, потому что онѣ не понимали въ чемъ дѣло. Однако, невольно и безсознательно онѣ тотчасъ не влюбились этого брата Глѣба. Вдобавокъ онѣ замѣтили, что чѣмъ болѣе мать ихъ любила, ласкала и превозносила пасынка, тѣмъ болѣе стала ненавидѣть его ихъ столичная тетка Пелагея Михайловна Гарина, съ которой онѣ теперь познакомились и поружились.

Безпорядочная и зазорная жизнь княгини Анны Михайловны въ столицѣ окончилась какой-то внезапной болѣзнью, которая быстро унесла ее въ одинъ мѣсяцъ.

Сестра ея, Пелагея Михайловна, старая дѣва и одинокая, сдѣлалась тотчасъ опекуницей и воспитательницей племянницъ. Это, конечно, сдѣлалось не по закону, а какъ-то само собой, вслѣдствiе желѣзной воли ея и множества „ходовъ“, т. е. большаго количества влiятельныхъ знакомыхъ въ Петербургѣ.

Не видаясь почти за послѣднее время съ княгиней, ведшей неприличную жизнь, Пелагея Михайловна, узнавъ о смерти сестры и немедленно явись въ домъ на панихиды, привезла изъ своего дома и пожитки, и людей своихъ. Прежде чѣмъ покойная была зарыта въ землю, тетва уже поселилась въ ея комнатахъ и управляла въ домѣ. Въ то же время и какъ бы волшебствомъ она осадила или, по ея выраженію, „поурѣзала Глѣбовы крылушки“.

Князь Глѣбъ хотя и остался было сначала жить въ домѣ съ сестрами, но Пелагея Михайловна взяла его какъ бы на хлѣба, что и заявила, положивъ „киргизу“ жалованье по двѣсти червонцевъ въ годъ, ради родства.

Князь, однако, и старую дѣвицу, и сестеръ вскорѣ счумѣлъ немного снова расположить въ свою пользу, хотя пріобрѣсти надъ теткой такое безграничное вліяніе, какое имѣлъ надъ ихъ матерью, онъ и пробовать не сталъ. Не такова была Пелагея Михайловна.

— Кремень Михайлычъ! звалъ онъ ее за-глаза.—Никакой калитки не найдешь, даже щели простой, чтобы къ ней въ душу влѣзть, злобно говорилъ князь своимъ пріятелямъ и прибавлялъ въ минуту похмѣлья:—Я погляжу еще, да коли нельзя добромъ взять, такъ я ее поверну инымъ вертомъ.

Но время шло и князь Глѣбъ, живя то отдѣльно, то у сестеръ, получалъ свое жалованье отъ тетки, иногда и подачки деньгами не въ счетъ положеннаго, и все еще надѣялся какъ-нибудь со временемъ обойти старую дѣву.

Что касается до сводныхъ сестеръ, то младшая относилась къ нему дружелюбно, старшая же по-прежнему—недовѣрчиво, боязливо и сдержанно. Обѣ сестры были уже теперь дѣвушки-невѣсты. Княжнѣ Василисѣ, старшей, минуло 18-ть лѣтъ, а младшей, Настѣ, 16.

Настя была уже давно, чуть не съ рожденія, предназначена заглазно быть женой дальняго родственника отца, юноши Шепелева, который теперь только познакомился съ невѣстой, явившись на службу въ гвардію. Василиса не была сговорена ни за кого. Но и теперь, не смотря на приданое, никто не присылалъ сватовъ, никому въ Петербургѣ не приходило на умъ просить

ее за себя у тетки опекуниши. Сама тетка часто говаривала, что ея любимицѣ не бывать замужемъ никогда!.. Причина этому была простая.

Княжна Василиса или, какъ звали ее всѣ съ дѣтства, „Василекъ“, еще будучи четырнадцати лѣтъ, опасно заболѣла оспой, самой сильной, и до того времени прелестная лицомъ, теперь была обезображена. У бѣдной дѣвушки все лицо, лобъ, даже носъ и губы были испещрены ямками, бороздками и рубцами. Лицо это, обыкновенно блѣдное, багровѣло по временамъ и отъ сильнаго движенія, и отъ тепла, и отъ малѣйшаго душевнаго волненія. Не смотря на то, что лица, изуродованныя оспой, были довольно обыденнымъ явленіемъ, бѣдная княжна все-таки привлекала на себя любопытство даже прохожихъ. Это лицо тѣмъ болѣе обращало на себя вниманіе, что въ немъ было еще до болѣзни нѣчто дарованное судьбой, чего болѣзнь не могла уничтожить, и что теперь придавало лицу еще болѣе странное выраженіе.

Среди этого, испещреннаго бороздами, человѣческаго облика свѣтились, сіяли чуднымъ свѣтомъ большіе, великолѣпные синеватые глаза. Вся сокровенная внутренняя жизнь, вся душа, которая, обыкновенно, самовластно ложится въ разнообразныя прихотливыя черты человѣческаго образа, у княжны Василека не могли отразиться въ изуродованномъ лицѣ. И жизнь ушла изъ лица этого въ одни ясные большіе глаза. Вся эта жизнь, теперь печальная, обойденная судьбой, полная горечи и разбитыхъ надеждъ, и вся теплота кроткой и любящей души, вся чистота и глубина ея, все сосредоточилось въ этихъ, всегда грустно-задумчивыхъ глазахъ и сказывалось какимъ-то ласковонѣжнымъ, теплымъ, грѣющимъ свѣтомъ. Никогда не вспыхивалъ и не горѣлъ этотъ синеватый взоръ, а вѣчно свѣтился тихо и безмятежно среди безжизненнаго облика. Взоръ этотъ будто мерцалъ, но лучи его таинственнымъ свѣтомъ озаряли все и всѣхъ, какъ тихій, почти робкій лучъ лампы, которая теплится предъ кіотомъ среди тьмы и нѣмоты ночи, озаряетъ золотыя ризы образовъ, и ярко сіяютъ онѣ, будто собственнымъ свѣтомъ. И свѣтъ этотъ, это ровно льющееся сіяніе всегда будто говоритъ душѣ: покой, смиреніе, любовь...

Одинъ пятилѣтній ребенокъ, увидѣвшій княжну въ гостяхъ у матери, долго глядѣлъ ей въ лицо и, наконецъ, спросилъ:

— Зачѣмъ она все глядитъ?... Все глядитъ!...

Ребенокъ первый разъ въ жизни, благодаря взгляду Василька, замѣтилъ, что въ глазахъ человѣческихъ есть что-то... помимо двухъ круглыхъ зрачковъ.

Дѣйствительно, глазами Василька говорила ея душа и сказывалась вся. И эти глаза понемногу проникали тоже въ душу всякаго. Даже тяжело бывало инымъ, какъ, напримѣръ, князю Глѣбу и подобнымъ ему, долго сдерживать на себѣ взглядъ княжны. Иногда онъ досадливо отворачивался или говорилъ сестрѣ:

— Полно упираться въ меня. Чего не видала? Ну, гляди въ тетушку, а то въ стѣну. Совсѣмъ сдается, по карманамъ лазишь своими глазами. Тебѣ бы въ сыщицеи...

И дѣйствительно, взглядъ княжны упирался и тяготилъ князя, будто нестерпимымъ гнетомъ придавливать его. Когда же Василекъ опускала вѣки, когда на этомъ лицѣ потухалъ свѣтъ чуднаго взора, то вѣчно блѣдноватый обликъ лица, безъ капли выраженія въ чертахъ, не только терялъ всякій смыслъ, и свой чудный разумъ, но совсѣмъ мертвѣлъ.

У княжны Василька, кроткой, богомольной, добросердой въ бѣдномъ, всегда сочувствующей всѣмъ несчастнымъ, была теперь одна особо любимая молитва. Отъ этой молитвы вскорѣ послѣ ея выздоровленья, на первой недѣлѣ Великаго поста, въ первый разъ въ жизни, заискрились горькими, тяжелыми слезами ея красивые глаза.... Теперь молитву эту Василекъ повторяла ежедневно и утромъ, и ложась спать.... Молитва эта была: „Господи, Владыко живота моего“. Самыя любимыя слова этой молитвы для Василька были: „Духъ цѣломудрія, смиренномудрія, терпѣнія и любви даруй мнѣ!“

И все это, просимое ею такъ часто и такъ горячо: и миръ души, и защита отъ назойливыхъ, но несбыточныхъ для нея мірскихъ надеждъ и мечтаній, и примиреніе съ незавидной долей—все было дано ей... И съ лихвою! Это все и говорило теперь о себѣ, свѣтясь лучисто во взорѣ ея, словно ліясь изъ глазъ и проникая глубоко въ душу всякаго человѣка.

Василевъ, любившая все и всѣхъ и находившая наслажденіе въ заботахъ о другихъ, разумѣется, любила тетку и обожала младшую сестру. Пережившая въ уголкѣ своей горницы и въ церкви больше, нежели Настя въ гостяхъ, она скоро стала для младшей сестры не сестрою, а матерью, изрѣдка журившей любимое дитя, но ничего не видѣвшей въ немъ кромѣ достоинствъ.

Настю баловали всѣ. Тетка видѣла въ ней единственную надежду породниться съ сановитымъ и важнымъ человекомъ чрезъ ея замужество и, конечно, придумывала какъ бы разстроить завѣщанный отцомъ бракъ ея съ Шепелевымъ.

Братъ, если не любилъ ея по неимѣнію сердца, то всечески ласкалъ и баловалъ сестру, исполняя ея малѣйшія прихоти, но за это бралъ у нея тайкомъ и тратилъ все, что она получала отъ тетки. Кромѣ того, онъ надѣялся теперь, при совершеннолѣтіи Насти, еще болѣе выиграть отъ дружбы съ ней и, при появленіи въ Петербургъ жениха Шепелева, былъ первое время самъ не свой.

Настѣ, честолюбивой, надменной и тщеславной, тоже крайне не нравился суженый, пріѣхавшій изъ деревни и сидѣвшій еще въ званіи рядового преображенца, когда за ней въ церкви и на гуляньи въ новомъ саду ухаживали одинъ маіоръ гвардіи и даже одинъ нѣмецъ адъютантъ самого принца Голштинскаго, т. е. Фленсбургъ.

Однако за послѣдніе дни князь Глѣбъ вдругъ, къ великому удивленію Пелагеи Михайловны и Василька, началъ стоять за Шепелева горой, онъ даже радовался такой свадьбѣ и находилъ, что лучшаго жениха желать нечего, только бы чинъ ему поскорѣ дали.

Пелагея Михайловна, зная племянника, рѣшила, что это тоже „не спроста“; но объяснить себѣ или догадаться въ чемъ заключается тайна—она не могла. Оставалось держать только „ушки на макушкѣ“, — что она давно, относительно Глѣба, и дѣлала.

Настя была смѣлаго, почти дерзкаго нрава, заносчивая, пылая и въ то же время была вполне подъ влияніемъ брата. Она все менѣе и менѣе слушалась тетки, а въ особенности обожавшей ее сестры, которую, въ шутку, звала „наша ино-

князя“, или „мать Василиска“ и полу-шутя, полу-серьезно уговаривала сестру идти въ монастырь. Къ жениху своему Настя, не смотря на согласіе идти за него, не смотря на тайные совѣты и уговоры брата, относилась все-таки небрежно, иногда даже оскорбительно.

На первыхъ же порахъ она объяснила Шепелеву, что ему слѣдовало бы жениться на ея сестрѣ, что это все равно, такъ какъ ихъ части материнскаго наслѣдства одинакія, а наслѣдство отъ тетушки она готова даже уступить сестрѣ, если онъ на ней женится.

Василекъ подозрѣвала, что сердце и голова Насти были уже заняты, были „на сторонѣ“; но это былъ этотъ человѣкъ. ей въ умъ не приходило.

Не смотря на то, что самъ Шепелевъ не влюбилъ свою нареченную, а Настя тоже всячески, сначала умышленно, а потомъ невольно отталкивала его отъ себя; не смотря и на желаніе тетки — имѣть болѣе вельможнаго зятя положеніе дѣла не измѣнялось. Шепелева и княжну называли и представляли знакомымъ, какъ сговоренныхъ еще въ дѣтствѣ покойнымъ отцомъ. Свадьба же ихъ должна была послѣдовать по полученіи Шепелевымъ офицерскаго чина.

Перемена въ мысляхъ князя на счетъ этой свадьбы была такъ неожиданна, такъ двусмысленна, что стала подозрительна даже и Шепелеву.

Почему не прочилъ князь любимой сестрѣ кого-нибудь изъ своихъ блестящихъ товарищей или изъ русскихъ офицеровъ Голштинскаго войска, или изъ придворныхъ? Это было для всѣхъ вопросомъ. Одна Настя на все пожимала нетерпѣливо плечами или усмѣхалась.

Князь объяснялъ это желаніемъ видѣть исполненіе воли покойнаго отца и тѣмъ, что полюбилъ Шепелева. И тому и другому—ни Шепелевъ, ни тетка, конечно, не вѣрили.

Юношѣ, разумѣется, не правился князь, хотя будущій шуринъ былъ крайне ласковъ съ нимъ, и Шепелевъ старался дѣлать видъ, что вполне радъ съ нимъ породниться.

Вновь прибывшій на службу недоросль изъ дворянъ не могъ, впрочемъ, безъ нѣкотораго рода уваженія смотрѣть на

офицера въ положеніи князя, не могъ исполнѣ отрѣшиться отъ обаянія того, что князь былъ пріятель и участникъ всѣхъ затѣй Гудовича, генераль-адъютанта императора и любимца графини Елизаветы Романовны Воронцовой.

Всему Петербургу было извѣстно, что князь Тюфякинъ былъ очень близокъ съ Гудовичемъ, любимцемъ Воронцовой, который покровительствовалъ князю болѣе чѣмъ кому либо и звалъ своимъ другомъ, „князинькой“ и „тюфячкомъ“. Князя Глѣба поэтому звали въ Петербургѣ со словъ Гетмана: „фаворитъ фаворитки“.

Князь былъ непремѣннымъ членомъ всѣхъ пирушекъ и дорогихъ раззорительныхъ затѣй Гудовича. Не будь на свѣтѣ старой дѣвы тетки, то, конечно, онъ добился бы опекунства надъ состояніемъ княженъ и все бы прошло сквозь его пальцы. И сироты княжны остались бы скоро безъ гроша, раззоренныя, благодаря всѣмъ этимъ затѣямъ придворнаго кружка любимцевъ государя.

Но противъ старой дѣвицы, имѣвшей много друзей въ Петербургѣ, противъ „Кремня Михайловича“, какъ звалъ ее князь Глѣбъ—трудно было бороться даже и Гудовичу, если бы онъ захотѣлъ услужить своему фавориту.

— Какъ бы намъ ее похерить? часто говорилъ Глѣбъ Андреевичъ другу и покровителю.

— Дай срокъ. Теперь нельзя, отзывался Гудовичъ.—Вотъ станетъ Лизавета Романовна императрицей—тогда и кути душа. Будемъ творить все, что Богъ на душу положить!!..

XVIII.

Юношу Шепелева подмывало поскорѣ повѣдать въ семьѣ невѣсты приключеніе свое у принца, и въ сумерки онъ отправился къ Тюфякинымъ. Разсчетливость Пелагеи Михайловны, доходившая до скупости, побудила княженъ Тюфякиныхъ переѣхать, по смерти матери, и жить въ мѣстечкѣ Чухонскій Ямъ, потому что тутъ у тетки опекунши былъ свой домъ, старинный, деревянный, построенный еще при юномъ государѣ

Петръ Алексѣевичъ Второмъ. Домъ былъ окруженъ большимъ дворомъ и садомъ. Оврагъ, довольно глубокий для того, чтобы тамъ свободно могли скопляться сугробы зимой и бездонная грязь лѣтомъ, отдѣлялъ садъ отъ остальныхъ пустырей, раздѣленныхъ на участки. Нѣсколько лѣтъ позднѣе между Чухонскимъ Ямомъ и Петербургомъ должно было воздвигнуться Таврическому дворцу. Мѣсто это было не хорошее. Тутъ всегда водились головорѣзы.

День былъ ясный, тихій и морозный, и хотя юноша шелъ быстрой походкой, однако сильно озябъ и радъ былъ, завидя домъ.

Пройдя дворъ и поднимаясь уже на большое крыльцо дома, Шепелевъ увидалъ кучку людей направо у флигеля, гдѣ помѣщались погреба, молочные скопы, влѣти для птицъ и вообще всякія принадлежности дома. Среди этой столпившейся кучки онъ узналъ по стройному стану и по шубѣ старшую княжну. Въ ту же минуту кучка двинулась къ нему. Княжна узнала его и издала кивнула ему головой. Онъ остановился и дождался.

Когда некрасивая княжна приблизилась со своей свитой, состоящей изъ бабы птичницы, казачка Степки, лакея Трофима и еще двухъ женщинъ, то Шепелевъ увидѣлъ въ рукахъ птичницы бѣлаго пѣтуха.

— Здравствуйте, тихо сказала княжна, улыбаясь и какъ бы смущаясь.

— Что это вы, княжна, по такому морозу на дворѣ дѣлаете? сказалъ Шепелевъ.—Сидѣть бы дома.

— Я и не собиралась было выходить, да несчастье случилось.

— Что такое?

— Да вотъ... бѣдный этотъ бѣлячекъ ножку сломалъ, показала она на пѣтуха, который въ рукахъ бабы какъ-то глупо вытягивалъ шею и таращилъ желтые глаза.

Шепелевъ разсмѣялся, глядя на княжну и пѣтуха. Птичница и казачокъ тоже усмѣхались за спиной барышни.

— Чему-жъ вы это, Дмитрій Дмитричъ? укоризненно говорила Василекъ.

— Вы рассказываете, несчастіе...

— Что-жъ, для него разумѣется несчастіе. Тоже созданье Божье и чувствуетъ...

— Что онъ чувствуетъ?.. Его и рѣжутъ когда на жаркое, такъ онъ кричитъ не отъ боли, а отъ того, что за голову ухватили. Посмотрите, нѣшто видно по его дурацкимъ глазамъ, что у него нога сломана?

— Что не видать ничего по глазамъ, такъ стало и нѣтъ ничего внутри? странно спросила княжна.

— Вѣстимо нѣтъ, смѣялся Шепелевъ.

— Ну, ужъ вы... махнула она рукой.—Входите-ко. Свѣжо. Нашихъ дома нѣтъ. Со мной одной посидите, дѣлать нечего.

— Очень радъ. Я съ вами бесѣдовать люблю, отозвался Шепелевъ.

Они вошли въ домъ.

— Это сказать такъ легко, снова заговорила княжна, поднимаясь по лѣстницѣ.—Въ душѣ его, т. е. въ немъ-то самомъ, внутри его, Богъ вѣсть что. Хотя и птица онъ, малая и глупая, а, поди, страждетъ не хуже человѣка. Мало-ль чего, Дмитрій Дмитричъ, не видно по глазамъ, а внутри болить, да поетъ, да щемитъ тяжко... И княжна вдругъ прибавила веселѣе:—Ну, да вѣдь, вы, съ сестрой, люди молодые, горя и болѣзней не видѣли, такъ какъ же вамъ и судить, коли не по наружности человѣческой.

Княжна Василекъ причисляла себя къ старымъ людямъ, испытавшимъ... И дѣйствительно, болѣзнь, ее изуродовавшая, и горе по безвозвратно утраченной красотѣ—это жгучее горе, въ которомъ какъ въ горнилѣ перегорѣло все ея нравственное существо—сдѣлали изъ нея уже чрезъ годъ поелѣ болѣзни—далеко не ту дѣвушку, прежнюю хохотунью и затѣйницу.

Они вошли въ прихожую. Княжна попросила молодого человѣка пройти въ гостинную, а сама хотѣла остаться на минуту въ передней съ людьми.

— Я сейчасъ приду... .

— Да что-жъ вы хотите дѣлать тутъ?

— Пѣтуху ногу перевязать.... Анисья не съумѣетъ.... Я сейчасъ.

Шепелевъ разсмѣялся опять.

— Да вы лучше велѣли бы поскорѣе его зарѣзать. онъ еще годится.

— И вы тоже съ тѣмъ же... Вотъ какъ и они всѣ.

— Вотъ такъ-то и я сказываю боярышнѣ, вмѣшалась баба птичница.—Вязайтесь ничего тутъ не сдѣлаешь. Въ одинъ день такъ похудаетъ, что кушать его господамъ нельзя будетъ. А коли сейчасъ его зарѣзать, то ничего.

— Ну, ну, вздоръ все... закропоталась княжна.—Говорятъ тебѣ, не зарѣжу... Поди принеси тряпочекъ, палочекъ и нитокъ...

— Такъ ужъ и я лучше вамъ помогу, сказалъ смѣясь Шепелевъ и остался въ прихожей.

Черезъ минуту принесли тряпокъ и нитокъ изъ дѣвичьей. Трофимъ, насмѣшливо ухмыляясь и встрахивая головой, сталъ строгать ножомъ изъ дощечки два крошечныхъ лубка.

— Да вы только, княжна, разсудите! весело и убѣдительно приставалъ Шепелевъ, насмѣшливо взирая на стряпанье и хлопоты дѣвушки и видя одобреніе своихъ словъ на всѣхъ лицахъ дворни.—Вѣдь вы не знаете какую птицу всякій день рѣжутъ вамъ къ столу... Такъ-ли?

— Такъ, могли, стало-быть, скажете. и этого нынче зарѣзать?..

— Ну да... Вѣдь его же, вылѣченного, когда-нибудь вы скушаете.

— А какъ вы полагаете, заговорила княжна:—старый, къ примѣру, человѣкъ, да еще иной разъ злощій, да ехидный, захвораетъ вдругъ... Ему и безъ того житья, къ примѣру, не много мѣсяцевъ осталось. А его же злощаго знахари да лѣкаря лѣчатъ... А онъ тоже, все равно, умереть долженъ скоро.

Шепелевъ не нашелся сразу что отвѣчать и дворня ужъ глядѣла иначе на барышню. Лица ихъ говорили:—молодецъ, барышня.

— Да вѣдь то человѣкъ! вдругъ горячо воскликнулъ юноша, —а то пѣтухъ.

— Да мнѣ нешто трудно ему ногу-то перевязать! Ну полно вамъ насмѣшничать. Возьмите-ка лучше вотъ пѣтушка-то, да держите хорошенько, а мы съ Анисей завяжемъ ему ногу...

А вы ступайте по своимъ дѣламъ! приказала княжна людямъ.—
Что прилѣзли, рады бездѣльничать?

Шепелевъ взялъ пѣтуха въ руки, повернулъ его и сталъ держать. Люди разошлись, усмѣхаясь.

Черезъ десять минутъ пѣтуха съ обвязанной отлично ногой пустили на полъ. Княжна нагнулась и глядѣла, какъ онъ поидеть. Пѣтухъ ступалъ отлично на сломанную ногу, сдержанную обвязкой, и немедленно захлопавъ крыльями, крикнулъ на весь домъ...

— Вотъ какъ, даже запѣлъ, бѣдный! воскликнула княжна; глаза ея, обращенные на Шепелева, чуть-чуть засіяли тѣмъ свѣтомъ, который бывалъ въ нихъ въ минуты довольства.

— А чрезъ недѣлю или тамъ чрезъ мѣсяцъ, его поваръ зарѣжетъ и отрѣжетъ ему обѣ ноги, и здоровую и больную.

— Ну нѣтъ, теперь незарѣжутъ. И Василекъ налегла на слово: теперь.

— Что-жъ, беречь будете? сказалъ юноша.

— Да.

— Потому, что онъ хуже другихъ, здоровыхъ?

— Я его лѣчила... сказала она едва слышно. Голосъ ея спалъ и перешелъ въ шопотъ потому, что она глала.

„Ты его лѣчила со мной“! говорило въ ней, ей самой не выполнѣ понятное чувство.

Да, этотъ красивый юноша, бывавшій у нихъ часто, какъ нареченный женихъ ея сестры, заставлялъ безсознательно и сладко биться подъ часъ ея сердце. Когда, какъ, почему это случилось,—княжна Василекъ не знала. Она вдругъ недавно подмѣтила въ себѣ это, но не перепугалась, а только спрашивала себя:

„Что это такое? Я будто его больше всѣхъ стала любить. А нешто дѣвицѣ съ мужчиной можно быть пріятелями. Вотъ когда женится, будетъ родней мнѣ, тогда можно будетъ намъ сдружиться, какъ брату съ сестрой. А теперь надо воздерживаться“.

Княжна велѣла Трофиму приготовить чай, и сама, нехотя, по чувству долга, прошла на нѣсколько времени въ свою горницу. Остаться сидѣть въ гостиной, съ глазу на глазъ съ

молодымъ человѣкомъ въ отсутствіе тетки, было все-таки неловко и нехорошо. Люди могли осудить. Впрочемъ, не успѣла княжна поправить на себѣ косынку, пригладить волосы и перемѣнить теплые башмаки на комнатные, какъ на дворѣ вѣхали большія сани.

Затѣмъ раздался въ передней голосъ вернувшейся Пелагеи Михайловны.

Прислушавшись и узнавъ голосъ тетки, которой она не ждала такъ рано, княжна Василекъ вдругъ тихонько вздохнула, будто украдкой даже отъ себя самой. Она о чемъ-то будто пожалѣла. Неужели о томъ, что ей не удалось побесѣдовать съ юношей наединѣ!...

XIX.

Пелагея Михайловна, какъ всегда, ласково поздоровалась съ молодымъ человѣкомъ и хотя видѣла его дня за три передъ тѣмъ, но снова, какъ всегда, подробно спросила: что новаго, какъ его здоровье и какъ живетъ-можетъ? Впрочемъ, на этотъ разъ ея вопросы оказались ненапрасными. Шепелевъ могъ рассказать ей цѣлую огромную любопытную исторію объ Орловыхъ, Котцау и принцѣ Георгѣ. О буйствѣ, въ которомъ подозрѣвали всѣ братьевъ Орловыхъ, уже зналъ весь Петербургъ, а поэтому знала и Пелагея Михайловна. Впрочемъ, въ нѣсколько дней, вся исторія обогатилась такими подробностями, что Шепелеву пришлось горячо спорить съ Гариной. Такъ, напримѣръ, старая дѣвица слышала изъ вѣрнѣйшаго источника, что буяны обварили голову голштинца кипяткомъ, что у него вылѣзли волосы и лопнули глаза. Хотя Шепелевъ былъ свидѣтелемъ, видѣлъ самъ Котцау и божился Гариной, что все это вздоръ, Пелагея Михайловна повѣрила на половину. Не менѣе исторіи съ Котцау, заинтересовала Пелагею Михайловну исторія съ самимъ Шепелевымъ въ кабинетѣ принца.

А Василекъ, сидѣвшая за самоваромъ и наливавшая теткѣ и гостю чай, слушала повѣствованіе молодого человѣка, боясь

проронить единое слово. Не спуская съ него своихъ чудныхъ глазъ, княжна чувствовала, какъ сладко замирало въ ней сердце. Она знала, что молодой человѣкъ не способенъ не только солгать или выдумать, но слова лишняго неправды никогда не прибавить ни въ чемъ. Выслушавъ весь рассказъ, Пелагея Михайловна прибавила правоучительно:

— Вотъ, голубчикъ ты мой, кабы зналъ ты нѣ-нѣмецки, такъ, поди, что бы изъ этого могло выйти. Протекціонъ бы принца получилъ; а то вышла нелѣпица одна.

— Ну нѣтъ, Пелагея Михайловна, — какъ-то даже обидчиво отозвался Шепелевъ: — не знаю я языка ихняго, да и знать не хочу. И прежде я нѣмцевъ не любилъ, а теперь они мнѣ совсѣмъ поганы стали. Всѣ они дармоѣды и нахалы!

— Вотъ ужъ правда истинная, шепнула тихонько изъ-за самовара Василекъ.

— Я и сама не больно ихъ жалую, задумчиво произнесла Гарина, глядя передъ собой въ полу-сумракъ горницы. — Да что дѣлать коли безъ нихъ нельзя....

И, допивъ свою чашку, она, по привычкѣ, перевернула ее вверхъ донышкомъ на блюдцѣ, что значило „довольно“. Затѣмъ она встала, усѣлась на свое обычное мѣсто, въ большое кресло близъ печки, и взяла въ руки свою постоянную работу крючкомъ.

Василекъ снова стала переспрашивать Шепелева о томъ-же приключеніи съ нимъ и съ какой-то страстью входила она въ малѣйшія подробности. И менѣе важное, касавшееся молодого человѣка, всегда особенно интересовало ее, тѣмъ болѣе такой удивительный съ нимъ случай долженъ былъ взволновать ея кроткую и отзывчивую душу. Чувство обиды и оскорбленія сказалось вновь въ словахъ Шепелева, когда онъ сталъ входить въ подробности своего разговора съ принцемъ, и это чувство мигомъ передалось Васильку. Она также, какъ и молодой человѣкъ, не съ разу могла найти или уловить въ чемъ заключалась обида. Однако, ея женскій разсудокъ скоро доискался смысла во всемъ.

— Вотъ это что, Дмитрій Дмитричъ, — тихо, почти шепотомъ заговорила Василекъ, слегка нагибаясь къ нему черезъ

столь и бессознательно разглаживая руками свернутое аккуратно чайное полотенце.—Они всѣ говорятъ, что мы все одно, что татары какіе или мордва. Они, видите-ли, ученые люди; и англичане и французы тоже у нихъ ученые и имъ — свой братъ. А мы, русскіе, совсѣмъ не люди для нихъ, а такъ татарва какая-то. И не только смѣются они надъ нашимъ русскимъ языкомъ, а и надъ вѣрой нашей насмѣхаются, это я вамъ вѣрно сказываю.

— Да, а небось лѣзутъ къ намъ,—чужую и ходячую фразу отвѣтилъ Шепелевъ.—Кто ихъ зоветъ, сами лѣзутъ. Дома-то у нихъ земли мало, хлѣба совсѣмъ нѣтъ; они изъ соломы да изъ отрубей хлѣбъ пекутъ себѣ. Вотъ дядя Акимъ Акимычъ сказываетъ, что процарствуй еще годковъ десять Лизавета Петровна, нѣмцевъ совсѣмъ-бы вывели и искоренили; а теперь пошло опять у насъ на старый ладъ. Не нынѣ—завтра командуетъ опять и Биронъ-кровопійца.

— Что вы, какъ можно! Государь никакъ не допустить его къ управленію. Онъ его такъ только выписываетъ изъ ссылки, чтобы Курляндію ему опять предоставить. За него вашъ же принцъ Жоржъ очень хлопочетъ. Мнѣ братецъ говорилъ.

— Нѣтъ, княжна, посмотрите, опять Биронъ властвовать будетъ. И экая обида, что не поколѣлъ онъ тамъ въ ссылкѣ!

Василекъ сдѣлала сильное движеніе рукой и осмотрѣлась въ горницѣ.

— Что вы это, Дмитрій Дмитричъ! Вы не очень такъ говорите, избави Богъ! Вы вѣдь вотъ недавно пріѣхали изъ деревни, не знаете, что въ Питерѣ можетъ случиться. Вы будьте осторожнѣе, а особенно на словахъ будьте осторожны,—какъ разъ попадетесь. Я вотъ знаю, что бывало въ столицѣ: за всякія пустыя рѣчи инымъ вырѣзывали языкъ, клеймили, в. каторгу ссылали, въ Сибирь.... Помилуй Богъ! подслушаетъ кто и донесетъ!

И при этой мысли, что какое-нибудь подобное несчастіе можетъ случиться съ молодымъ человѣкомъ, блѣдное лицо

княжны побагровѣло. Шепелевъ, смотрѣвшій въ эту минуту на нее, невольно подумалъ:

— Вѣдь вотъ ты добрая, сердечная, а ужъ какъ ты дурна-то!

И онъ сталъ отчасти безсознательно разглядывать лицо княжны и мысленно повторять:

— Да! Ужъ какъ дурна-то!

Женщина тотчасъ сказала въ некокетливой дѣвушкѣ. Она сразу почувствовала и поняла и взглядъ молодого человѣка, и мысль его. Василекъ опустила глаза на бѣлую скатерть, подавила въ себѣ глубокий вздохъ и сердце ея, какъ всегда, тихонько, но больно сжалось. Она предпочитала, чтобъ ей говорили объ ея лицѣ, ея прошлой болѣзни, тогда она могла похвастать—это единственно, чѣмъ она хвастала—своей прежней красотой и могла отнестись къ этому, какъ Божьему наказанію, вѣлѣнію судьбы. Но когда кто-нибудь молча засматривался на нее и ничего не говорилъ, не спрашивалъ, княжнѣ становилось особенно тяжело. Что касается до этого молодого человѣка, съ которымъ она такъ недавно познакомилась, котораго считала полу-родней и быстро полюбила, то его внимательный взглядъ на лицо ея всегда поднималъ у ней на сердцѣ особенно тяжелое и горькое чувство.

Уже раза два или три случилось, что онъ всматривался въ нее такъ пристально и всегда послѣ бесѣды вдвоемъ. Какъ будто ему пришлось увлечься въ этой бесѣдѣ и вдругъ отрезвиться, вспомнить, что она такъ дурна и пожалѣть о нѣсколькихъ минутахъ ласковости и вниманія къ ней. Шепелевъ въдобавокъ ни разу не спросилъ ни у нея, ни у тетки, ни у невесты, когда и какъ княжна Василекъ подурнѣла такъ страшно. Лицо ея само за себя объясняло все, а когда могло случиться это несчастье съ дѣвушкой, было Шепелеву совершенно безразлично.

Василекъ поспѣшно встала, приказала убирать чай и выпла изъ комнаты, будто бы распорядиться по хозяйству.

Шепелевъ прошелъ къ печкѣ и прижался къ пей спиной, не смотря на то, что она была страшно раскалена.

— Что, зазябъ, что-ли?—выговорила Пелагея Михайловна.

— Нѣтъ, здѣсь тепло, а мнѣ на дорогу надо разогрѣться, идти пора.

— Да, ступай, дѣло позднее, ночное. А Настеньки и не жди, Богъ вѣсть, когда пріѣдетъ; съ братцемъ въ гости уѣхала. Ишь нынѣ времена какія пришли! Прежде великимъ-то постомъ изъ церкви не выходили, да постились-то душой и сердцемъ, а не животомъ. А у васъ теперь какой постъ? Ъдите только постное, а на умѣ-то масляница. Я, голубчикъ, тоже не изъ какихъ богоугодницъ, тоже грѣшная. Но, вѣдь у васъ-то подобія никакого не осталось,—звѣри, а не человѣки. Да, впрочемъ, что же я къ тебѣ-то привязалась, ты вѣдь не питерскій. Ты малый—ничего, я тебя люблю, только молодъ ты очень, да и чина никакого нѣтъ. Когда еще ты въ офицеры-то выйдешь? Поди, лѣтъ черезъ восемь. Тогда Настенька совсѣмъ и старухой будетъ. Да! Ужъ объ этомъ дѣлѣ, скажу я тебѣ,—не знаю, какъ и ума приложить къ нему.

Шепелевъ всегда, когда Пелагея Михайловна начинала разговаривать объ его предполагаемой женитьбѣ, молчалъ, какъ убитый, и это молчаніе краснорѣчиво говорило опекуншѣ, что и по его мнѣнію свадьбѣ этой врядъ-ли состояться.

Пелагея Михайловна разъ по десяти на день повторяла сама себѣ все то же разсужденіе:

„Батъка покойный подъ хмѣлемъ выдумалъ эту свадьбу; мать покойница объ этомъ и не помышляла, ей было, голубушкѣ, не до дочерей; я бы этого не желала, хоть и добрый малый; сама Настя на него и не смотритъ; онъ насчетъ женитьбы молчитъ всегда, какъ удушенный, стало тоже не хочется! А вотъ бы... Да! Дорого бы я дала за это!“ — кончала свое разсужденіе Пелагея Михайловна.

А то, что не договаривала даже себѣ опекунша—была ею недавно взлелѣянная и все болѣе укоренявшаяся въ ея головѣ мечта, выдать за сердечнаго и скромнаго молодого человѣка, вдобавокъ родовитаго и родственника покойной Мавры Егоровны Шуваловой, которая для Гариной была истинная сановница,—выдать некрасивую, но добрую и хорошую дѣвушку, ея любимицу, Василька.

Пелагея Михайловна уже рѣшила, что она бы въ этомъ случаѣ все свое большое состояніе присоединила къ ея приданому, и этотъ ея милый „Василечекъ“ сталъ бы страшнѣйшій богачъ. Но она боялась, что ни Шепелевъ, ни другой кто—честный малый—на ней не женится; а кто женится, такъ изъ-за денегъ, а такого и даромъ не надо. Вѣтрогонъ и мотъ какой-нибудь будетъ, нѣчто въ родѣ ихъ родного „киргиза“.

— А гдѣ они?—прервалъ Шепелевъ раздумываніе Пелагеи Михайловны.

— Настенька съ братцемъ?! У Гудовичевыхъ. Тамъ, вишь, Лизавета Романовна будетъ нынче. Такъ и любопытно Настенькѣ поглядѣть ее. А чего и глядѣть-то! Толстохарева, такъ что страсть. Во сто разъ дурнѣй моего Василька.

— А это кто такая? выговорилъ Шепелевъ.

— Кто, то ись?

— А это.... Лизавета, какъ вы сказываете? Даниловна.

— Лизавета-то Романовна?! — И Гарина разсмѣялась. — Вишь не знаетъ! Ахъ ты, деревенщина! Неужто ты по сю пору о Лизаветѣ Романовнѣ ничего не слыхалъ? О Воронцовой? — Ахъ, Воронцова!—воскликнулъ Шепелевъ.—Какъ же! Она вѣдь... И молодой человекъ запнулся.

— Ну, то-то! Помалкивай! А то не ровень часъ, братъ, улетишь въ Пелымъ.

И Пелагея Михайловна, помолчавъ, покачала головой и прибавила:

— Да, мудреное дѣло. Какъ ни раскинъ, все-таки удивительно выходить. Государыня этакая писаная красавица, про какихъ только въ сказкахъ описуется, а тутъ такую себѣ выискать для любованія. Хоть бы еще ту сестрицу, что за Дашкова сбыли недавно; тоже неказистая; носъ-то, поди, что твой картофель пареный, но все-таки лицомъ много благообразнѣе. А вѣдь у Лизаветы-то Романовны все лицо, какъ съ морозу опухше, да и сама-то вся расплзлась. Вотъ вы, мужья, каковы! И много я въ жизни видала: жена законная ангелъ и красота, а муженекъ-то прилипнетъ къ бабѣ-ягѣ какой или уроду. Вотъ я, старая дѣвица, мнѣ за полъ-ста лѣтъ, а лицомъ я была не хуже сестрицы покойной княгини, и состояніе мое было не

меньше, когда насъ батюшка раздѣлили; а потомъ мое-то состоянiе стало при порядливости и вдвое больше сестринаго. А никогда я замужь не вышла. Ты какъ объ этомъ, Дмитрій, посудишь? Почему я въ дѣвкахъ сижу? Аль за мной ухаживателей не бывало?

Шепелевъ молчалъ и Гарина прибавила:

— И знаю я, что ты мыслишь. И врешь, родимый, врешь. Были за мной ухаживатели. Да какіе еще! И Куракинъ былъ. и Баскаковъ былъ, и нѣмецъ, что при кесарскомъ посланникѣ состоялъ, звали Христіанъ Морген.... Моргенштрю, что-ли! Или Моргенфрю! Тфу, не то! Ну, не помню! А нынѣшній фельд-маршалъ Никита Юрьевичъ, Трубецкой князь, два года за мной ходилъ, да таково вздыхалъ, что пыль подымалъ по дорогѣ. И ни за кого не пошла. Съ вами, ворами, нельзя водиться, съ мужчинами. Прости, голубчикъ, это я не тебя обругала, а всю. значитъ, вашу мужскую линію—вѣтрогонную...

— Вѣдь не всѣ же вѣтрогоны, выговорилъ Шепелевъ разсѣянно и будто думая о чемъ-то другомъ.

— Не знаю, можетъ быть, и не всѣ, да я-то такихъ не видала. Вашъ братъ до тридцати годовъ завсегда почти умница. а какъ ему четвертый десятокъ пойдетъ, такъ и начнетъ кура-лесить. Ну, вѣстимо, есть другіе, что чуть не съ пеленокъ буяняютъ и дерутся и куражуются на всѣ лады. Вотъ хоть бы буяны Орловы или вотъ нашъ „киргизъ“. Ну, нѣшто можно дѣвушкамъ изъ знатнаго семейства за него выйти?

— Да вѣдь Глѣбъ Андреевичъ, такъ-то сказать, добрый человекъ, выговорилъ Шепелевъ такимъ голосомъ, что Пелагея Михайловна почувствовала, что онъ лжетъ и рассердилась.

— Ужь ты передо мной-то хвостомъ не верти. Да и напелъ кого подъ защиту брать! Телушка за волка распинается: не волкъ-де съѣлъ, сама-де съѣлась у волка въ утробѣ.

Наступило молчаніе. Шепелевъ воспользовался имъ, чтобы взяться за шляпу и сталъ прощаться.

— Вишь темнота. Обожди, ужъ мѣсяцъ встанетъ, совѣтовала Гарина.—Напрасно ты, голубчикъ, пѣшкомъ къ намъ ходишь, да запаздываешь. Третьевосъ въ оврашкѣ тутъ у прикащика моего ограбили оброкъ. Ночевать-то, обидя, какъ жениха оста-

вить тебя нельзя, пересуды будутъ. Ужь ты бы верхомъ, что-ли, ѣздилъ. Лошадь бы купилъ себѣ.

— Не на что, Пелагея Михайловна, весело разсмѣялся Шепелевъ.—А то бы давно купилъ.

— Ну вотъ, не на что! Отпиши матери, скажи—хуже убьютъ рабители. Тутъ у насъ не хорошія мѣста по пути.

— Да, сказываютъ. Вотъ еще недавно разсказывали, что голштинскіе солдаты здѣсь грабятъ по ночамъ.

— Какіе тамъ Голштинскіе! голштинцы сидятъ въ своемъ Рамбовѣ. Все это враки. Свои, голубчикъ, занимаются,—свои православные. Вѣдь дубьемъ по маковкамъ щелкаютъ. А нешто нѣмцы съ дубовиной обращаться умѣютъ! Все враки.

Шепелевъ простился съ Пелагеей Михайловной и вышелъ въ прихожую. Пока онъ надѣвалъ теплый тулупчикъ, въ прихожую вышла Василекъ.

— Какъ вы опять, Дмитрій Дмитричъ, поздно засидѣлись. Каждый разъ, что вы отъ насъ уходите, я всю ночь...

Василекъ запнулась и прибавила:

— Очень я боюсь, когда кто-нибудь ночью въ городъ идетъ отъ насъ.

И слово „кто-нибудь“ какъ-то особенно отгѣнилось въ рѣчи ея, будто умысленно.

— Ничего, Богъ милостивъ, равнодушно отозвался юноша, спускаясь по лѣстницѣ.—Сколько разъ благополучно домой добирался. Прощайте.

— Тфу, тфу, сухо дерево! Не слезьте!—быстро оживясь, говорила Василекъ ему въ догонку.

XX.

Шепелевъ вышелъ на улицу совершенно пустынную и глухую. Сначала ему показалось темно на дворѣ, но затѣмъ черезъ минуту, благодаря мѣсяцу, выплывшему изъ-за тучи, на дворѣ стало свѣтло, какъ днемъ.

Юноша быстрой походкой, скрыпя сапогами по морозному снѣгу, притоптанно у желтой лентой среди улицы, бодро зашагалъ вдоль сугробовъ, заборовъ и пустырей.

„Авось ничего,—думалъ онъ—сколько разъ тутъ хаживалъ. Да притомъ не нѣмцы рабковскіе, а свои православные грабятъ, говорить Пелагея Михайловна, оно все-таки не такъ страшно. Со своимъ-то братомъ грабителемъ и поговорить можно; ну ту-лупъ что ли отдамъ, да и побѣгу домой. А вотъ если бы нѣмецъ,—бѣда. Тутъ со страху не токмо нхтмихтъ скажешь, а хуже того, растеряешься, по пѣтушинуму заговоришь“.

И молодой человѣкъ быстро шагаль, раздумывая, какъ часто случалось ему, о томъ—трусъ онъ или нѣтъ? За послѣднее время послѣ его поступленія въ преображенцы, этотъ вопросъ часто появлялся въ его головѣ, и онъ никакъ не могъ рѣшить его. Иногда ему казалось, что онъ „ничего“, какъ и всякій другой офицеръ или солдатъ, за себя постоитъ; иногда-же случалось ему пугаться пустяковъ, чувствовать дрожь по спинѣ, и языкъ прилипалъ къ гортани. И затѣмъ малый долго укорялъ себя:

— Трусишка, дѣвка красная, щенокъ. Всякой вороны пугаешься!

Уже около полу-часа, какъ шагаль Шепелевъ по узкой протоптанной дорогѣ, гдѣ, очевидно, ѣздили только въ саняхъ, да и то больше въ крестьянскихъ дровняхъ. Онъ изрѣдка оглядывался и назадъ, на освѣщенную луной пустынную улицу и съ невольнымъ чувствомъ боязни вглядывался нѣтъ ли кого позади его. Наконецъ, при поворотѣ за уголъ въ другую улицу, гдѣ былъ оврагъ и мостъ, на счетъ котораго предупреждалъ его рядовой Державинъ, и гдѣ ограбили прикащика Гариной, онъ снова оглядѣлся. Поворачивая за уголъ, онъ увидѣлъ, что за нимъ вдали зачернѣлось что-то и быстро увеличивалось.

„Это не грабители, подумалъ онъ. Кто-то ѣдетъ“. Черезъ нѣсколько мгновений молодой человѣкъ ужъ приближался къ мосту и невольно пристально оглядывалъ его со всѣхъ сторонъ. И вотъ, вдругъ сердце въ немъ екнуло.

— Показалось! Помилуй Богъ!—чуть нѣз вскрикнулъ онъ, ободряя себя.

Но нѣтъ, не показалось. Изъ подъ моста появились двѣ фигуры и бородатый мужикъ съ дубиной, медленно обходя мостъ,

чтобы преградить ему дорогу, крикнулъ весело, какъ показалось Шепелеву, не смотря на страхъ:

— Не спиши, баринъ! Аль не баринъ, солдатъ. Не спиши! Тутотка по ночамъ не указано ходить.

Шепелевъ хотѣлъ что-то произнести, но не могъ. Мужикъ поднялся на мостъ, молодой человѣкъ хотѣлъ броситься бѣжать назадъ, но сзади поднимался на тотъ же мостъ другой товарищъ. Невольно и почти безсознательно онъ взмахнулъ пустыми руками и крикнулъ, задыхаясь:

— Не подходи, убью!

Но оба мужика съ обѣихъ сторонъ, какой-то спокойной походкой, приближались къ нему.

— Вишь какой страшный! А ну, убей! Погляжу!—выговорилъ, подходя, молодой парень съ дубиной.—Ну, не маши. А то вотъ я размахнусь. такъ взаправду ты у меня пополамъ перелетишь.

Въ ту же минуту бородатый мужикъ взялъ юношу за плечо и выговорилъ спокойно:

— Давакосъ тулупъ и сапоги, а достальное—Господь съ тобой. Намъ не треба въ вашей амуниціѣ; и продать-то нельзя, не покупають. А вотъ тулупчишко и сапожки—это можно.

Оба мужика стали растегивать съ крючковыхъ тулупчикъ и едва успѣли снять его съ оробѣвшаго Шепелева,—какъ одинъ изъ нихъ, бородатый, ахнулъ и бросился бѣжать опрометью съ моста въ сторону. Молодой парень пустился за нимъ. Въ ту же минуту, изъ-за угла, шибкой рысью, появилась и приблизилась тройка лошадей и большія сани.

Шепелевъ невольно бросился на встрѣчу санямъ, крича:

— Стой! Стой!

Тройка остановилась, но кучеръ крикнулъ ему:

— Пошелъ съ дороги! Раздавлю! Меня не ограбишь, а то вотъ господу изъ ружьевъ убьютъ!

Но сидѣвшіе въ саняхъ поднялись на своихъ мѣстахъ и, приглядѣвшись, очевидно, поняли настоящее положеніе дѣла.

— Нѣтъ, Степанъ, тѣ воры, а это преображенецъ. Они убѣжали съ платьемъ его. Вонъ они....

Шепелевъ быстро приблизился къ санямъ и увидѣлъ въ нихъ

двухъ молодыхъ офицеровъ въ полужнакомыхъ ему мундирахъ, такъ какъ онъ еще не привыкъ распознавать гвардейскіе полки. Это были измайловцы или кирасиры.

— Сдѣлайте милость, заговорилъ молодой человѣкъ взволнованнымъ голосомъ, не оставляйте меня! Меня сейчасъ ограбили. Вы увидите, они опять меня догонятъ. Да и далеко идти, озябнешь въ одномъ сюртукѣ.

Оба офицера, крайне молодые на видъ, казалось, чуть не по семнадцати лѣтъ каждый, зашептались между собой и вдругъ начали громко хохотать. Смѣхъ этотъ былъ на столько неожиданный, веселый и дѣтски искренній, что Шепелевъ самъ чуть не улыбнулся.

— Ну, садитесь, нечего дѣлать. Довеземъ и будемъ вашими спасителями. Вѣдь вы, кажется, не простой солдатъ, вы рядовой изъ дворянъ?

— Да-съ.

— Ну вотъ я и права! — вымолвилъ офицеръ и вдругъ будто смутился, но тотчасъ же засмѣялся звучнымъ, почти дѣтскимъ смѣхомъ.

Шепелевъ не замѣтилъ ничего, влѣзъ на облучея около кучера и себя не помнилъ отъ радости. Мысленно онъ клялся никогда болѣе пѣшкомъ не ходить къ Тюфякинымъ. Тройка двигалась небольшою рысью, такъ какъ узкая дорога не позволяла ѣхать пибче, ибо пристяжныя то и дѣло проваливались въ мягкомъ снѣгу.

— И какъ это тутъ однимъ ходить по ночамъ? заговорилъ кучеръ. — Я вотъ сказывалъ, — моя правда и вышла, обернулся онъ въ сани. — Вотъ видите, барыня... охъ, тыфу!.. баринъ. Видите, баринъ, говорилъ я: скверное тутъ мѣсто, воровское. Первый разъ поѣхали и вотъ одного уже упасли. А въ другой разъ, поди, и насъ кто ограбить и коней отобьеть. И прощай, лошадушки.

— Ну, перестань, не болтай! — выговорилъ другой офицеръ, молчавшій до тѣхъ поръ.

Голосъ его показался Шепелеву еще мягче, звучнѣе, еще болѣе юношескій, нежели голосъ перваго, и вдобавокъ со

страннымъ акцентомъ, выдававшимъ будто не русское происхожденіе.

Шепелевъ, окончательно прійдя теперь въ себя, обернулся къ своимъ новымъ знакомымъ и сталъ всматриваться въ нихъ. Оба офицера были дѣйствительно крайне моложавы, а второй, сейчасъ заговорившій, былъ замѣчательно красивъ собой. Не смотря на то, что мѣсяцъ скрылся снова за тучи, Шепелевъ могъ разглядѣть обоихъ, и лицо второго офицера показалось ему необыкновенно оригинальнымъ. Въ особенности большіе глаза и тонкія, черныя, какъ смоль, брови поразили его. Эти брови и глаза напомнили молодому человѣку портретъ пріятельницы его матери, который всегда висѣлъ у нея въ спальнѣ. А пріятельница эта была родомъ не русская, а грузинская княжна.

„Совсѣмъ та матушкина пріятельница, — подумалъ Шепелевъ. — Красавецъ офицеръ! Вотъ кабы мнѣ быть такимъ!“

Офицеры зашептались снова между собой и вдругъ опять начали смѣяться. Въ эту минуту мѣсяцъ скользнулъ изъ-за облака, и на улицѣ стало снова свѣтло, какъ днемъ.

— Ну, однако, послушайте, сударь солдатъ, выговорилъ первый офицеръ. — Садитесь, какъ слѣдуетъ, лицомъ къ конямъ. Нечего насъ такъ разглядывать. Сглазите, пожалуй, вмѣсто благодарности, что мы васъ захватили.

Шепелевъ отвернулся, какъ ему приказывали, и вдругъ странная мысль пришла ему въ голову. Ему показались эти офицеры подозрительными.

„И совсѣмъ будто по пятнадцати или четырнадцати лѣтъ каждому“, подумалъ онъ.

Между тѣмъ, начались улицы Петербурга, дорога сдѣлалась сразу вдвое шире. Кучеръ припустилъ тройку во всю рысь, и воскликнулъ:

— Эхъ! не люблю безъ бубенчиковъ. Точно вотъ воры ѣдемъ, ворованное веземъ; либо конокрады, чужую тройку угнали.

— Я тебѣ ужъ сказала, не болтай, — раздался строгій голосъ второго офицера.

И затѣмъ тотчасъ-же Шепелевъ услыхалъ за спиной своей новый звонкій залпъ хохота.

— Я тебѣ сказалъ, не болтай, — повторилъ тотъ же красавецъ офицеръ. — Если-бъ я былъ гнѣвный баринъ, я бы тебя за болтовню прогналъ, — продолжалъ офицеръ, какъ бы умышленно громко и съ разстановкой, будто желая обратить вниманіе на свои слова.

Шепелевъ, сидѣвшій рядомъ съ кучеромъ, замѣтилъ. какъ тотъ ухмыльнулся и потрясъ головой, какъ бы говоря:

— Охъ ужъ вы, затѣйники!

Они ѣхали шибко и вскорѣ были ужъ около Итальянскаго дворца. Затѣмъ повернули на Невскій проспектъ и быстро доскакали до площади, гдѣ налѣво показалась небольшая церковь — Казанскій Соборъ. Здѣсь, тотъ-же красивый офицеръ, очевидно, владѣлецъ саней, остановилъ кучера и обратился къ Шепелеву.

— Ну, господинъ солдатъ, слѣзайте и бѣгите домой. Шибко бѣгите, вамъ надо согрѣться. А то застудитесь и заболѣте, и умрете! И тогда не стоило мнѣ васъ спасать.

— Слушаю-съ.

— Вамъ непременно надо жить, я вамъ это приказываю! полушутя вымолвилъ офицеръ, когда Шепелевъ слѣзъ съ облучка и сталъ предъ саними.

— Спасибо вамъ, господа; отъ всей души благодарю, съ чувствомъ вымолвилъ Шепелевъ, кланаясь. — Если бы не вы. Богъ вѣсть, что бы было. Убили бы, пожалуй, меня.

Красивый офицеръ наклонился изъ саней и протянулъ Шепелеву руку. Юноша, привыкшій, по обычаю, цѣловаться, здороваясь и прощаясь, или просто кланяться, не зналъ, что значить эта протянутая рука.

— Дайте руку, сказалъ офицеръ.

Шепелевъ, недоумѣвая, протянулъ руку и маленькая ручка сжала ее. И не выпуская ея, офицеръ проговорилъ съ своимъ страннымъ акцентомъ:

— Послушайте, если мы съ вами гдѣ-нибудь встрѣтимся, то вы не дивитесь и не ахайте! Потомъ, объ этомъ случаѣ не только не говорите при мнѣ, но даже не кланяйтесь мнѣ и не узнавайте меня, будто я вамъ незнакомъ и будто никогда мы съ вами не видались. Поняли вы меня?

— Понялѣ, недоумѣвая и нерѣшительно произнесъ Шепелевъ.

— И не кланяйтесь и ничего не говорите со мной.

— Слушаю-съ.

Офицеръ принялъ руку и погрозился пальчикомъ со словами:

— Если вы не исполните этого, меня узнаете, разболтаете все, то вамъ будетъ очень дурно! Я извѣстенъ лично государю, тотчасъ же ему пожалуюсь, и васъ вышлютъ вонъ изъ столицы. Клянусь вамъ Святой Маріей, что я не шучу. Такъ вѣрно, все исполните?

— Будьте покойны. Да мы нигдѣ, никогда и не встрѣтимся. Я нигдѣ не бываю и никого не знаю. Ни единой души не знаю во всемъ Петербургѣ.

— Вотъ какъ? Почему-жъ, господинъ-нелюдимъ?

— Я только очень недавно пріѣхалъ въ столицу поступить на службу. А родни у меня здѣсь нѣтъ. Прежде у меня была родственница въ Петербургѣ, Мавра Егоровна Шувалова, пріятельница покойной государыни. Она была рожденная Шепелева, и мое имя тоже Шепелевъ. А теперь я ни души не знаю и мы, вѣрно вамъ сказываю, нигдѣ повстрѣчаться не можемъ.

Шепелевъ замолчалъ, а офицеръ пристально смотрѣлъ на него своими красивыми глазами и будто раздумывать о чемъ-то. Этотъ юноша рядовой, совершенная противоположность его самого, т. е. бѣлокурый и голубоглазый красавецъ, очевидно, теперь привлекъ вниманіе черноброваго офицера.

— Неужели вы во всей столицѣ совершенно никого не знаете?

— Ни одинаго человѣка изъ чужихъ. Только дядя Квасовъ, у котораго я живу, да одинъ рядовой нашего полка, съ которымъ познакомился на дняхъ, а больше ни души не знаю.

— Вы и живете у этого дяди? Какъ вы сказали имя?

— Квасовъ. У него и живу.

— Гдѣ?

— На квартирѣ около ротнаго двора... Ахъ еще есть! ахнулъ вдругъ Шепелевъ.— Невѣста моя.... ея семейство.

— Вотъ какъ! вымолвить, звонко разсмѣявшись, офицеръ.

Про невѣсту и забыли. И, не спуская глазъ съ лица Шепелева, онъ снова будто задумался вдругъ объ чемъ-то внезапно пришедшемъ на умъ.

Но тотчасъ прійдя въ себя, онъ выговорилъ:

— Ну, Степанъ, ступай домой! Прощайте, господинъ женихъ. Помните вашу спасительницу отъ грабителей.

Сани тронулись, Шепелевъ стоялъ и смотрѣлъ, недоумѣвая.

Вдругъ ряженая красавица обернулась изъ саней къ нему и крикнула, когда лошади уже подхватили:

— А можетъ быть и до свиданья!

Затѣмъ Шепелевъ услышалъ тотъ-же смѣхъ веселый и громкій. Сани скрылись, а молодой рядовой все стоялъ неподвижно на томъ-же мѣстѣ, не смотря на пробиравшій его морозъ, и, наконецъ, выговорилъ:

— Вотъ удивительное происшествіе! Вѣдь это еще удивительнѣе, чѣмъ миска на Голштинцѣ! Еще занимательнѣе самого даже моего нихтмихта. Расскажу дядѣ. Ахъ нѣтъ, ужъ лучше не расскажу, обожду, а то вѣдь какъ грозился! Чудные офицеры, точно будто барыни ряженные... А что если и впрямь барыни, а не офицеры? Вѣдь онъ и сказалъ: спасительницу помнить, стало быть, кого же... его самого. Стало быть, онъ выходитъ: она. Вотъ ужъ это подлинно, настоящіи чудеса!!...

Однако, не смотря на мечтанія молодого малаго, морозъ окончательно пробралъ его, и онъ съ мѣста бросился бѣжать, во весь духъ къ квартирѣ дяди. И только пробѣжавъ около версты, онъ почувствовать, какъ члены его полу-замерзлые снова отошли, и снова ему стало немного теплѣе.

Разумѣется, когда Акимъ Акимычъ встрѣтилъ племянника на крыльцѣ, полуодѣтаго, красноносаго, посинѣлаго, то ахнулъ и вскрикнулъ:

— А тулупъ?!...

— Сграбили, дядюшка! почти весело воскликнулъ Шепелевъ, врываясь, мимо Квасова, въ теплый корридоръ.

— Какъ сграбили?

— Да такъ, дядюшка, сняли; спасибо. самъ цѣлъ ушелъ, да не замерзъ на дорогѣ.

— Въ Чухонскомъ Яму?

— Да, дядюшка.

— Ну, и чудесно! Вотъ теперь безъ теплаго платья и мар-пируй, озлобился Акимъ Акимычъ.

— Другое сошьемъ. Что жъ дѣлать...

— Другое! Нѣтъ, шалишь... не дамъ. Въ поставщики Чухонскому Яму идти хочешь! Вѣдь опять снимутъ, коли по ночамъ будешь болтаться къ невѣстѣ. Скажи на милость,—обида какая! воскликнулъ снова Акимъ Акимычъ.

Не смотря на распросы дяди, Шепелевъ ни слова не проронилъ о своей удивительной встрѣчѣ и спасеніи.

XXI.

Шепелевъ даже во снѣ увидѣлъ ряженаго офицера, даже какъ видѣлъ! Офицеръ этотъ поцѣловалъ его.... Шепелевъ ахнулъ и проснулся отъ волненія. Съ этого дня и часа юноша не переставая сталъ думать о незнакомѣ, поразившей его своей красотой. И разумъ, и сердце были сразу поработены ею...

Утромъ, послѣ ротнаго ученія и послѣ перваго урока нѣмецкаго языка у Державина, Шепелевъ, проходя дворъ, былъ вдругъ остановленъ капитаномъ своего полка Пассекомъ. Этого офицера онъ только видалъ, но никогда не случалось ему съ нимъ разговаривать.

Шепелевъ зналъ, что это одинъ изъ лучшихъ и уважаемыхъ въ полку офицеровъ. Пассекъ же зналъ, что новый рядовой тоже изъ дворянъ и живетъ у вновь переведеннаго къ нимъ лейбъ-компанца Квасова, котораго онъ не влюбилъ и съ которымъ онъ былъ въ холодныхъ отношеніяхъ. Случилось это вслѣдствіе чрезмѣрной строгости Квасова къ солдатамъ, которыхъ вообще офицеры держали крайне свободно и даже чрезъ мѣру баловали всегда.

Первый офицеръ полка, недавно произведенный государемъ въ подполковники, генераль-прокуроръ и фельдмаршалъ старый князь Никита Юрьевичъ Трубецкой и всѣ старшіе офицеры подавали примѣръ легкаго отношенія къ тому, что

недавно, по примѣру Фридриха, стали называть заморскимъ словомъ и говорили: воинскій дисциплинъ. У русскаго чело-вѣка въ родномъ языкѣ — и слова такого не нашлось.

Пассекъ, при видѣ Шепелева, первый, противъ обыкно-венія, издала поклонился ему и. быстро подойдя, заговорилъ неспокойнымъ голосомъ:

— Я очень радъ, что повстрѣчался съ вами. государь мой. Я шелъ къ вамъ съ просьбой. Вы были въ ту ночь на часахъ у принца Жоржа вмѣстѣ съ Державинымъ?

— Точно такъ-съ.

— Правда-ли, что я слышалъ отъ этого рядового на счетъ внезапно явившагося ночью къ принцу офицера Голштинскаго войска?

— Сущая правда.

— Въ кастрюлѣ?

— Да-съ, т. е. въ эдакой большой чашкѣ — серебряной...

— Вы знаете его имя... Но навѣрное!... Не по слухамъ!

— Его назвалъ при насъ камердинеръ принца. Это капита-танъ или ротмейстеръ Котцау.

— Такъ это точно! Такъ это истинно! съ волненіемъ вы-говорилъ Пассекъ, пытливо глядя въ лице юноши:—Котцау, фехтмейстеръ прусскій? Вы слышали сами это имя?!

— Да съ.

— Приѣзжій недавно изъ Германіи?

— Ну, этого я доподлинно не могу вамъ...

— Но имя Котцау? прервалъ Пассекъ, видимо смущен-ный.— Вы хорошо помните? Это главное, что я желать бы знать отъ васъ.

— На счетъ этого я навѣрно могу вамъ доложить, по-тому что когда я былъ потомъ позванъ къ принцу въ каби-нетъ, то онъ, говоря съ нимъ...

— Какъ въ кабинетъ?! Такъ вы были у принца? Держа-винъ этого не сказалъ. Ради Создателя расскажите мнѣ все...

Шепелевъ сталъ было рассказывать подробно, но Пассекъ въ волненіи перебилъ его и спросилъ.

— Пожелаете ли вы услужить мнѣ и моимъ пріятелямъ Орловымъ?... Это дѣло, сударь, важнѣе, чѣмъ вы полагаете.

— Все, что будетъ вамъ угодно приказать мнѣ, отвѣчалъ Шепелевъ.

— Вы мнѣ сдѣлаете великую услугу, если согласитесь не медля ѣхать со мной къ Орловымъ и передать имъ самолично все, что вы знаете, все что было въ ночь. Тамъ мы васъ разспросимъ подробно обо всемъ...

Шепелевъ, слыхавшій уже про братьевъ Орловыхъ, и про то, что у нихъ на квартирѣ вѣчное сборище всѣхъ шалуновъ и озорниковъ гвардіи, колебался, боясь выговора отъ дяди Квасова, за посѣщеніе такой отпѣтой компаніи. Съ другой стороны, его самолюбію льстила мысль побывать въ обществѣ извѣстныхъ въ столицѣ щеголей офицеровъ.

Бывать у Орловыхъ — значило быть хватомъ и, конечно, ни одинъ рядовой изъ дворянъ не бывалъ у нихъ.

— Орловы будутъ очень рады познакомиться съ вами. Они славные ребята, сказалъ Пассекъ, видя что Шепелевъ колеблется. — Вы, наконецъ, можете и не ходить къ нимъ послѣ. Я васъ прошу теперь поѣхать, чтобы лично передать имъ подробности дѣла, очень для нихъ важнаго.

Шепелевъ мысленно махнулъ рукой на дядю Квасова. Онъ отчасти уже собирался доказать названному дядѣ на дѣлѣ свою самостоятельность и желаніе начать жить своимъ разумомъ. Онъ согласился и они поѣхали.

Черезъ полчаса кучеръ Пассека остановился у большого дома банкира Кнутсена, помѣщавшагося на самомъ углу Невскаго проспекта и Большой Морской, рядомъ съ старымъ зимнимъ дворцомъ, который выходилъ угломъ къ Полицейскому мосту.

Когда оба они входили по лѣстницѣ, то издали уже слышенъ былъ веселый гулъ голосовъ.

— Агафонъ! всѣ господа дома? спросилъ Пассекъ показавшагося старика лакея.

— Всѣ-съ. Пожалуйста! сказалъ тотъ, снимая шубы съ гостей. — И хорошее дѣло, что вы прибыли, Петръ Богдановичъ. Безобразничанью помѣшаете.

— А что? усмѣхнулся Пассекъ.

— А вотъ войдите, увидите. Ноги ломать себѣ хочеть

Григорій Григорьевичъ. Да и махонького Владимира-то Григорьевича искалѣчить. Ужь его-то бы не трогали. Сейчасъ вотъ черезъ полдюжины стульевъ выдумали прятать... мало вишь трехъ...

Пассекъ вмѣстѣ съ Шепелевымъ вошли въ большую горницу. Когда дверь отворилась, гулъ голосовъ цѣлаго десятка офицеровъ, хохотъ и споръ, — все прекратилось сразу отъ новаго незнакомаго лица рядового преображенца.

— А? Богданычъ! Здравствуй Петра, Иди! Богдыханычъ! Здорово!... И его тоже заставить надо!... раздалися голоса отовсюду.

Шепелевъ, нѣсколько смущаясь, озирался кругомъ, стараясь угадать хозяевъ, но Пассекъ тотчасъ познакомилъ его съ тремя офицерами, головами выше всѣхъ остальныхъ и назвалъ ему Орловыхъ: цалмейстера Григорія, преображенца Алексѣя и семеновца Ѳедора.

Затѣмъ Пассекъ прибавилъ громче, какъ-то налегая на слова:

— Господинъ Шепелевъ, племянникъ нашего капитанъ-поручика Квасова—и живетъ съ нимъ вмѣстѣ.

Шепелевъ замѣтилъ, что кой-кто изъ офицеровъ переглянулись, а нѣкоторые изъ нихъ и въ томъ числѣ Алексѣй Орловъ, слегка нахмурились.

— Чѣмъ прикажете угощать, сударь? спросилъ Шепелева Григорій Орловъ, настоящій хозяинъ квартиры, такъ какъ братья его жили по близости полковъ.

Пассекъ перебилъ его и, объяснивъ, что Шепелевъ явился по его личной просьбѣ, просилъ всѣхъ внимательно прослужать въ чемъ дѣло.

— Расскажите, пожалуйста, подробно все, что вы видѣли и знаете. Только зовите *того* гольштинскимъ офицеромъ, а фамилии не называйте, сказалъ онъ Шепелеву.

Молодой человѣкъ сталъ рассказывать, смущаясь немного, такъ какъ всѣ офицеры окружили его, разглядывали и внимательно слушали.

Тутъ были измайловцы: два брата Рославлевы и Ласунскій: семеновцы: Ѳедоръ Орловъ и Всеволожскій; преображенцы: Бартинскій, Баскаковъ и Чертковъ и конногвардейцы Хитровъ

и Пушкинъ. Самые старшіе изъ всѣхъ дѣтами, майоръ Рославлевъ и капитанъ Ласунскій, стали ближе всѣхъ къ Шепелеву и прерывали его несвязный разговоръ вопросами...

Наконецъ, Шепелевъ, рассказывая, дошелъ до того пункта, когда его потребовали къ принцу. Алексѣй Орловъ нетерпѣливо перебилъ его разговоръ и воскликнулъ, обращаясь къ Пассеку...

— Ну, что жъ тутъ любопытнаго?... Ну, мы!... Гриша и я! Мы сами сегодня всѣмъ рассказали. Ласунскій давно ужъ знаетъ. Ну, жаловаться пріѣхалъ. Ну и чортъ съ нимъ!

— А кто онъ таковъ? спросилъ Пассекъ.

— Ротмейстеръ какой-то голштинскій! сказалъ Григорій Орловъ.

— Фехтмейстеръ Котцау! крикнулъ Пассекъ, какъ бы вдругъ разсердившись.

— Что?! Кто?! Какъ?! загудѣло десять голосовъ.

Алексѣй Орловъ, отошедшій было къ окну, молніей обернулся назадъ.

— Сла-а-вно!! воскликнулъ онъ во все горло и треснулъ въ ладоши. — Сла-а-вно!! Пріѣзжій фехтмейстеръ! Первый ему блинъ русскій, да комомъ.

— Фридриховскій Котцау? выговорилъ Григорій Орловъ тихо и видимо смущаясь.

— Да вѣрно ли это, сударь мой, допрашивали Шепелева Ласунскій и Федоръ Орловъ. — Вѣрно ли вы помните фамилію?...

Шепелевъ поручился за достовѣрность...

Веселыя лица постепенно нахмурились и всѣ озабоченные окружили двухъ братьевъ, виновниковъ исторіи.

Григорій Орловъ слегка измѣнился въ лицѣ.

— Это очень дурно! выговорилъ Ласунскій. — Я даже не понимаю, какъ принцъ до сихъ поръ ничего съ вами не сдѣлалъ.

— Я и сообразить сразу не могу, что будетъ теперь! воскликнулъ Пассекъ. — Онъ только-что пріѣхалъ, представился государю, и ужъ получилъ отъ него чинъ русскаго майора.

— Онъ прямо пріѣхалъ отъ Фридриха! замѣтилъ кто-то.

— Государь за него не только тебя, Григорій Григорьевичъ,

велить судить, а и всѣмъ вамъ, да и намъ съ вами, не одобровать... сказалъ старшій Рославлевъ.

— Скорѣ рѣшайте! Что дѣлать? Скорѣ! заговорило нѣсколько человѣкъ.

— Ты куда? воскликнулъ Пассекъ, увидя Алексѣя Орлова въ шляпѣ.

— Я? Къ Трубецкому и къ Скабронскому.

— Зачѣмъ?

— Я беру на себя одного! Буду Никиту Юрьевича, а не захочетъ, то графа Скабронскаго—просить тотчасъ ѣхать со мной замолвить словечко гетману, а тотъ пусть отправится къ принцу и, пожалуй, къ самому государю. Нечего мѣшкать. А вы свое дѣлайте....

— погоди!... Надо...

— Нечего годить, крикнулъ Алексѣй Орловъ уже въ дверяхъ.—Держите совѣтъ и дѣлайте свое. А покуда вы тутъ будете мыслями разводить, я побываю и у Трубецкаго, и у гетмана и, прежде всего, у Скабронскаго! А вы-то, чѣмъ болтать-то, ѣхали бы тоже сейчасъ къ княгинѣ Катеринѣ Романовнѣ, прибавилъ онъ, обращаясь къ Пассеку и Ласунскому.

— Обожди, Алеша, дай сговориться путемъ. Графъ Скабронскій трусу отпразднуетъ и только тебя по губамъ помажетъ, сказалъ Ѳедоръ Орловъ.

— Помажетъ, такъ и я мазну тоже, знаю чѣмъ. Ну, будьте здоровы, гутъ морхень! махнулъ рукой Алексѣй Орловъ и вышелъ.

Оставшіеся заспорили. Всякій предлагалъ свою немедленную мѣру. Явившійся въ горницу Агафонъ предложилъ даже ѣхать мириться съ Котцау, хоть деньгами его закупить, если можно.

Но Григорій Орловъ только рукой отмахнулся отъ предложенія стараго дядьки.

Шепелевъ замѣтилъ, что онъ стѣсняетъ совѣтующееся общество, что многіе шепчутся, отходя въ углы, къ окнамъ. Наконецъ, онъ увидѣлъ печаянно, что самъ Пассекъ сдвинулъ брови и мотнулъ на него головой Ѳедору Орлову, когда тотъ

громко посовѣтывалъ брату немедленно ѣхать просить заступничества у государыни.

Шепелевъ откланялся со всѣми и вышелъ изъ квартиры.

XXII.

— Экая обида! бурчалъ Алексѣй Орловъ, переѣзжая Неву по пути на Васильевскій островъ. — Надо же было налетѣть намъ на фехтмейстера самого. Ахъ дьяволъ! Вѣстимо, коли эта бестія Скабронскій захочетъ просить гетмана, то все будетъ ладно. Да захочетъ ли? Онъ только недавно еще лихорадкой въ пяткахъ хворать пересталъ...

Графъ Скабронскій, къ которому ѣхалъ Орловъ, былъ не древняго рода и *итенецъ* Императора Великаго.

Онъ говорилъ всегда про себя, что онъ столбовой дворянинъ, не зная, однако, что это собственно значить. Имя его было Иванъ, отца его звали также Иваномъ, но никто изъ знакомыхъ, а еще менѣе изъ холопей, издавна не смѣлъ называть его Иваномъ Ивановичемъ. Холопъ за такое преступленіе былъ бы наказанъ нещадно „ѣзжалами“, розгами мочеными въ квасѣ, а то и копками. Знакомый или пріятель за такую дерзость: неумышленную — получилъ бы строгую отповѣдь, а умышленную — былъ бы просто выгнанъ вонъ изъ дому.

Графу пожелалось еще въ незапамятныя времена и онъ добился, чтобы всѣ звали его не иначе какъ *Іоаннъ Іоанновичъ*. Подъ этимъ именемъ всѣ и знали старика. И человѣческій слухъ на столько рабъ привычки, что еслибъ кому-нибудь изъ обширнаго круга знакомыхъ Скабронскаго назвали графа Ивана Ивановича, то врядъ ли кто либо по этому имени догадался и понялъ о комъ идетъ рѣчь. Да всякому было бы теперь даже и странно выговорить: графъ Иванъ Ивановичъ Скабронскій. Старикъ вельможа такъ объяснялъ свою прихоть:

— Святаго такого чтобъ Иваномъ звали и въ святцахъ нѣтъ! Есть Іоаннъ! Холопъ можетъ быть Иваномъ, Ирашкой, Ванюшкой, а дворянину кличкой зваться не приличествуетъ.

Эдакъ, пожалуй, иного назовутъ и Ванюшкой Ванюшкови-чемъ! А коли есть дворяне, кои позволяютъ, какъ вотъ Неплюевъ, сенаторъ, звать себя Иваномъ Ивановичемъ, такъ вольному воля, спасенному рай. Я имъ не указъ и они мнѣ не примѣръ.

Графу Іоанну Іоанновичу было, по собственному призна-нію, лѣтъ 70, на видъ же гораздо менѣе; а въ дѣйствитель-ности онъ родился въ годъ смерти царя Θεодора Алексѣ-вича и, слѣдовательно, ему было теперь около 80 лѣтъ. Года эти положительно невозможно было дать графу по бодрому и молодцоватому его виду.

Графъ Скабронскій былъ высокій и сухой старикъ, дер-жавшійся прямо и какъ-то надменно, съ крѣпкими руками и ногами, съ бѣлымъ лицомъ, почти безъ морщинъ. Не даромъ, видно, съ 20-ти-лѣтняго возраста обтирался онъ ежедневно льдомъ съ головы до пятъ и ѣлъ по утру ячменную кашу, по прозвищу „долговѣчная“, а вечеромъ простовашу, которую закипавъ большимъ ковшомъ браги, и чуть-чуть во хмѣлю отъ нея, шель онъ опочивать веселый, бодрый и ласковый съ холопами, а особенно ласковый съ той, которую называлъ „лебедь бѣлая“.

У графа Іоанна Іоанновича не было родственниковъ, за исключеніемъ одного внука, полуродственника. Отца и мать онъ потерялъ еще въ юности и хорошенько не помнилъ, когда именно это случилось; но это и не могло быть интересно.

Когда государь Петръ, послѣ неудачнаго приступа къ Азову, строилъ суда на рѣкѣ Воронежѣ, то въ числѣ при-гнанныхъ на работы мастеровыхъ находились два брата Скаб-ронскихъ, оба подмастерья столяры, родомъ изъ города Рома-нова. Старшему, Стенькѣ, было 16 лѣтъ, второму, Ванькѣ, 13 лѣтъ. Оба парня оказались въ строеніи искуснѣ многихъ изрослыхъ и мастеровъ. Старшій сдѣлался близкимъ лицомъ Петра Алексѣвича и не отлучался отъ него до самой смерти своей. За годъ до кончины Великаго, благодаря брату Степа-ну, любимцу государя, и Иванъ Скабронскій сталъ дворяни-номъ и графомъ и долго пережилъ его. А благодаря тому, что держался всегда въ сторонѣ отъ всѣхъ партій столицы и

двора, прожилъ счастливо въ Петербургѣ три четверти столѣтія. На его глазахъ смѣнялись государи и государыни, нѣмцы и русскіе, фавориты и временщики — одни возвышались, другіе падали и уѣзжали въ ссылку, одни вымирали, другіе нарождались... А онъ сидѣлъ и сидѣлъ въ Петербургѣ, на Васильевскомъ островѣ, на набережной Невы, въ своемъ домѣ и спокойно взиралъ на круговоротъ, совершавшійся около него и на его глазахъ. Судьба другихъ лицъ его научала и воспитывала и онъ пользовался тѣми уроками, какіе судьба давала Меншиковымъ, Волынскимъ, Минихамъ, Биронамъ, Бестужевымъ.

— Чѣмъ выше влѣзешь, тѣмъ больше свалишься! думалъ и говорилъ Іоаннъ Іоанновичъ.

Не только люди, а даже домъ, находившійся рядомъ съ его домомъ, былъ игрушкой судьбы, а для него образчикомъ времени и назидательнымъ примѣромъ.

Домъ этотъ, великолѣпный и богатый, на его глазахъ переходилъ изъ рукъ въ руки — дарился, конфисковался, передавался, опять отбирался. Иногда онъ долго стоялъ пустой и ничей, не принадлежа никому, такъ какъ хозяинъ былъ въ своей чередѣ въ ссылкѣ въ Пелымъ или въ Березовѣ, а новый, фаворитъ или временщикъ, еще хлопоталъ только о пріобрѣтеніи конфискованнаго. Домъ этотъ, будучи, наконецъ, конфискованъ у сосланнаго Миниха, обратился въ больницу.

— Слава тебѣ Господи! сказалъ графъ, узнавъ объ этомъ. — Авось нынѣшняго моего сосѣда куда не сошлютъ. Хотя и не веселье этотъ сосѣдъ, да все лучше, чѣмъ нѣмецъ какой, съ которымъ изъ-за одного сосѣдства какъ разъ тоже угодишь на Бѣлое море.

Графъ, бывший на службѣ всю жизнь „по долгу дворянскому“, ничѣмъ не заявилъ себя ни при воинскихъ, ни при статскихъ дѣлахъ, но былъ поочереды хорошъ со всѣми временщиками и хорошо принять ко всѣмъ очереднымъ дворамъ.

И такъ прожилъ онъ до седьмого царствованія.

У графа не было ни одного га во всю его жизнь, но

за то въ восемьдесятъ лѣтъ отъ роду онъ не имѣлъ, да и припомнить не могъ въ прошломъ ни одного истиннаго друга.

Онъ былъ мастеръ водить хлѣбъ-соль со всякимъ и быть вѣчно въ доброй пріязни со всѣми, держась и не очень далеко, и не очень близко. Когда же обстоятельства побуждали высказаться, то онъ предпочиталъ засѣсть дома и слечь въ постель, сказываясь хворымъ. Приказавъ запереть ворота, онъ болѣлъ покуда событіе совершалось... болѣлъ, какъ говорили: „лихорадкой въ пятахъ“.

Такъ проболѣлъ онъ при ссылке Меншикова, за время пытокъ и казни Волинскаго. Точно также опасно хворалъ онъ первые дни послѣ ссылки Биропа, а равно и во дни ареста правительницы Анны съ младенцемъ императоромъ.

Царствованіе „дщери Петровой“ было самое пріятное, спокойное и выгодное для графа Іоанна Іоанновича. Онъ былъ осыпанъ милостями императрицы, и какъ братъ „птенца“ Петра Великаго, былъ сдѣланъ генераломъ, сенаторомъ и подполковникомъ Семеновскаго полка. И въ первый свой пріѣздъ въ сенатъ, новый сенаторъ предложилъ воздвигнуть золотую статую государынѣ. Сенатъ единогласно присоединился къ этому предложенію, но царица отклонила отъ себя эту честь.

За это же время случилось три правственныхъ переворота въ его жизни.

Во первыхъ, не зная дружбы, онъ вдругъ дѣйствительно позналъ дружбу, привязавшись искренно и сердечно къ гетману графу Кириллу Разумовскому. Затѣмъ, второй переворотъ былъ тотъ, что графъ пріучилъ себя черезъ силу нюхать табакъ, потому что получилъ отъ императрицы великолѣпную табакерку, осыпанную брилліантами и ахонтами съ ея изображеніемъ въ видѣ нимфы. Подобный же портретъ имѣлъ отъ государыни только одинъ графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій, на яблокѣ изъ агата, украшавшемъ трость.

Третье событіе въ жизни графа Скабронскаго или переворотъ, случившійся съ нимъ, произошелъ еще въ послѣдній годъ царствованія Анны Іоанновны. Графъ, будучи уже шестидесяти лѣтъ отъ роду, всѣми силами и всѣми слабостями себялюбивой души своей, предался, какъ младенецъ безгласный, въ руки оча-

ровательницы. Всѣ остальные, до этой, были рабынями графа. Но и это продолжалось не долго, такъ какъ „владычица“ его умерла вскорѣ.

Подъ конецъ своего царствованія, императрица Елизавета, вѣря въ честность графа, собиралась назначить его на одну изъ самыхъ выгодныхъ должностей въ имперіи, при которой мудрено было не сдѣлаться лихоимцемъ, а именно на должность генерала крингс-коммисара. Малоспособность, лѣнь и года графа заставляли ближайшихъ ей людей препятствовать этому назначенію, но государыня была сердита на Глѣбова и упорно стояла на своемъ. Однако дѣло окончилось проще. Графъ самъ наотрѣзъ отказался отъ мѣста „за преклонными годами“. Дальновидный Іоаннъ Іоанновичъ разсчелъ, что больная и все слабѣющая государыня долго не проживетъ, стало быть, наступали минуты, въ которыя придется ему снова запираить ворота на запоръ и „хворать“, такъ какъ всѣ ожидали, что наслѣдникъ престола начнетъ гнать все Елизаветинское и гнуть на нѣмцеву сторону. Пойдутъ ональные, ссылки, конфискаціи и *херы*, т. е. уничтоженіе многого, появившагося на свѣтъ въ предыдущее царствованіе. Графъ къ тому же боялся за себя болѣе чѣмъ когда-либо, потому что считался въ числѣ любимцевъ Государыни, былъ другъ и пріятель Разумовскихъ и врагъ (на сколько могъ только быть имъ, на словахъ) всѣхъ своихъ и заграничныхъ нѣмцевъ.

Въ самое Рождество, послѣ обѣда, при извѣстїи о кончинѣ императрицы, Іоаннъ Іоанновичъ сразу тяжело захворалъ, заперъ ворота, приказалъ дворнѣ „прикурнуть“ и не дышать. И въ темномъ, неосвѣщенномъ домѣ своемъ онъ усѣлся съ одной свѣчей и то въ опочивальнѣ, окнами выходившей не на Неву, а во внутренній дворъ.

Не велѣвъ никого пускать, онъ особенно наказалъ не пускать во дворъ ни своего друга гетмана, ни кого либо изъ его людей съ посылкой ли, цидулей, или съ чѣмъ бы то ни было.

На этотъ разъ графъ хворалъ и недужился еще усерднѣе и даже въ постель ложился, чутко прислушиваясь ко всякому слуху въ городѣ, къ малѣйшему шуму на улицѣ и у воротъ. Онъ заперся такъ крѣпко и болѣлъ такъ долго и прилежно,

*

что нѣкоторые его знакомые, хорошо знавшіе это его „колѣно“ при всякой перемѣнѣ правительства, всетаки подумали наконецъ, что старикъ и воистину умираетъ. Однако, предъ масляницей графъ узналъ о неожиданныхъ милостяхъ и щедротахъ новаго императора и ему стало полегче. А узнавъ главное, т. е., что братья графы Разумовскіе не поѣхали и не поѣдутъ „глядѣть гдѣ солнце встаетъ“, а спокойно проживаютъ въ своихъ дворцахъ, оставаясь въ тѣхъ же званіяхъ гетмана и фельдмаршала—графъ Іоаннъ Іоанновичъ сразу выздоровѣлъ. Велѣвъ отворить ворота и запрягать свою громадную карету цугомъ самыхъ великолѣпныхъ въ столицѣ вороныхъ коней, онъ въ парадномъ кафтанѣ, во всѣхъ орденахъ и даже съ табакеркой въ карманѣ выѣхалъ изъ дому... Но онъ ужъ пс-разнюхалъ во время своего хворанія къ кому теперь поближе подвинуться и отъ кого подальше отодвинуться.

Графъ Скабронскій прежде всего отправился во дворецъ и былъ принятъ государемъ равнодушно.

— Ни шатко, ни валко, ни на сторону! выразился о при-
емѣ этомъ самъ графъ.—Тужить не тужи, а ликованіе отложи.

Отъ государя графъ прямо поѣхалъ къ прибывшему вновь принцу Жоржу, затѣмъ къ графу Воронцову, отцу фаворитки, а оттуда уже къ другу своему гетману.

Добрый графъ Кирилла Григорьевичъ не былъ сердитъ на осторожнаго друга вельможу, а весело встрѣтилъ и обнялъ пріятеля. Облобызавъ его, малороссъ выговорилъ, хитро ухмыляясь:

— Ну поздравляю, батя, съ новымъ монархомъ. Паки на Руси воцарился Петръ. Отъ Петра и до Петра прожилъ ты. Можешь помирать теперь.

— Родясь во дни великаго Петра, друже мой, — горько помирать будетъ во дни махонькаго! шепнулъ графъ, озираясь кругомъ себя.

Однако, на другой же день графъ прямо отправился въ сенатъ и внесъ предложеніе: монарху начинающему свое царствованіе столь великими щедротами, „какъ вольность дворянская“ и уничтоженіе „слова и дѣла“, подобаетъ немедленно воздвигнуть въ столицѣ золотую статую!

Единогласно и громогласно присоединяясь къ предложенію товарища—господа сенаторы подумывали про себя:

— Заладила Маланья! Хоть бы новенькое что надумалъ!

Глѣбовъ повергъ къ стопамъ Монарха рѣшеніе сенаторовъ.

Юный государь отказался тоже отъ предложенія статуи и отвѣчалъ:

— Лучше золоту дать болѣе полезное назначеніе. Я самъ моими дѣянiями воздвигну себѣ нетлѣнный памятникъ въ сердцахъ подданныхъ!...

XXIII.

Помимо внука послѣ старшаго брата графа Степана, у Іоанна Іоанновича теперь не было никакой родни и когда на-прашивался кой-кто къ нему въ родню, то онъ говорилъ прямо:

— Я твой финтъ смѣкаю, голубчикъ. У тебя съ моими по-мѣстями да угодами родство отыскалось....

Женатъ графъ не былъ ни разу и дѣтей боковыхъ никогда тоже не имѣлъ. Схоронивъ многихъ „вольныхъ женокъ“ и бу-дучи еще пятидесяти лѣтъ, сталъ онъ жаловаться, что „слабая баба родиться начала на Руси“ и рѣшилъ, наконецъ, сочетать-ся законнымъ бракомъ, но не на сдобной какой дѣвкѣ, а на такой, которая бы „крѣпка“ была и духомъ, и тѣломъ. Много стали сватать невѣсть именитому и еще бодрому богачу-вель-можѣ, но онъ былъ разборчивъ и все искалъ и выбиралъ, — выбиралъ и колебался.

„Все сдобны, а не крѣпки“!

Наконецъ, однажды, будучи въ Новгородѣ проѣздомъ въ жалованное имѣніе, увидѣлъ онъ въ соборѣ одну дѣвицу, усердно молившуюся за обѣдней и подумалъ было, что вдругъ негаданно нашелъ воплощеніе своей мечты. Молившаяся была такъ велика и дородна, и румяна, и здоровенна, что, стоя предъ царскими вратами, совершенно заслоняла собой дьякона на амвонѣ.

Графъ, послѣ обѣдни, подошелъ къ старушкѣ, стоявшей около дѣвицы, и познакомился съ ней. Обѣ оказались новго-

родскія дворянки, не богатые, однако родовитыя.... Но заговоривъ съ „крѣпкой дѣвицей“, которая общалась по виду не умереть такъ же легко, какъ умирали его вольныя женки, графъ Іоаннъ Іоанновичъ узналъ, что мечты его разбились въ прахъ.... Дѣвица оказалась страдающею „отъ глаза“ съ самаго дѣтства, почти съ колыбели. Ее сглазили маленькою лихихъ люди.

На вопросы графа объ дѣвицѣ, старушка, оказавшаяся ея теткой, охотно отвѣчала подробно:

— Она у насъ сглажена, ваше сіятельство. Не говоритъ ничего.

— Да хоть малость-то самую? спросилъ графъ, думая про себя: „И доброе дѣло. Болтушкой не будетъ“.

— Ни-ни, государь мой, ниже ѣсть и пить попросить не умѣетъ. Мычить или пальцами кажетъ. Нѣмая.

„Это бы еще не бѣда! сообразилъ про себя графъ, любясь румяной великаншей.—Что нужно—пойметъ.“

— И не слышитъ тоже ничего! продолжала тетка, соболѣзнуя.

— И глухая! воскликнулъ графъ.

— Глухая, государь мой.

— Да хоть малость-то самую слышитъ! умолялъ уже почти графъ Іоаннъ Іоанновичъ.

— Ни то-ись, ни сориночки не слышитъ! Хотя въ ухо ее тресни, не услышитъ...

Графъ вздохнулъ и развелъ руками.

„Не судьба!“ подумалъ онъ досадливо. Нѣмую да глухую сдѣлать графиней Скабронской — казалось ему срамнымъ дѣломъ. Будь она богатѣющая и саповитая дѣвица—а онъ мелкота, однопорецъ какой—тогда бы можно еще. И людямъ было бы не смѣшно и не зазорно, а такъ, въ его положеніи — дѣло выходило не покладное.

— А какъ звать?

— Агафья, по отчеству Семеновна.

— Агафья Семеновна. Да. Обида! повторялъ про себя графъ, глядя въ румяное и пухлое лице дѣвицы. И сдобна, и крѣпка была дѣвица, чего больше. Показалась она графу малость дурковата, но за то лице все такое бѣлое и алое, здо-

ровое да веселое.... Стоить она, глядитъ на него, да смѣется. Малость пучеглаза—да это не лихъ. Малость какъ будто рото-зѣя—да это бы тоже не лихъ. Лѣтомъ мухи въ ротъ залѣзутъ—да это что-жъ!... Развелъ Іоаннъ Іоанновичъ руками, поклонился обѣмъ и вышелъ изъ собора съ досадой на сердцѣ. Не будь дѣвица глухонѣмая, то чрезъ мѣсяцъ была бы его законная жена.

Съ той поры, вернувшись въ Петербургъ, Іоаннъ Іоанновичъ и смотринны невѣсть бросилъ. Послѣ новгородской дѣвицы, всѣ петербургскія казались ему и тощи, и жидки, и худотѣльны, и поджары и всѣ, какъ сказывается: макарьевскаго пригона!

— Обойдусь и безъ супруги, коли Богъ не велѣлъ найти подходящую. А жениться на хворобной какой, чтобъ умерла—не стоитъ того.

За это время въ жизни графа былъ только одинъ, какъ увидимъ далѣе, крупный, любопытный случай: появленіе изъ Франціи родного внука парижанина. Раздѣлавшись съ этимъ внукомъ и единственнымъ законнымъ наслѣдникомъ и въ то же время бросивъ совсѣмъ мысль о женитьбѣ, графъ позвалъ своего перваго дворецкаго Масея и любимаго человѣка Жува (какъ было его имя при святомъ крещеніи—никто не зналъ), велѣлъ имъ созвать всю дворню, начиная отъ повара и поварихъ и кончая послѣднимъ „побѣгушкой“ Афонькой, которому было четырнадцать лѣтъ.

Около сотни дворовыхъ собрались въ залу и стали рядами по стѣнамъ, пуча глаза на барина и не зная драть ли ихъ согнали, или обдаривать.

— Должно быть драть, по тому случаю, что нынѣ не Рождество и не Пасха.

Графъ вышелъ изъ опочивальни въ сопровожденіи застѣдателя и повытчиковъ изъ суда, сѣлъ въ кресло на возвышеніи и сказалъ:

— Слушайте, мои вѣрные рабы, и ты, Масей, отвѣтствуй мнѣ за нихъ, потому что не годно за разъ всѣмъ имъ горланить. Срамно будетъ слушать, да и оглушать, черти. Ну, Масей, говори, люблю ли я васъ, моихъ вѣрныхъ холопей, царемъ и великимъ императоромъ мнѣ жалованныхъ и Богомъ

мнѣ подвластныхъ? Ну, люблю ль и милостью моею взыскиваю ли по мѣрѣ служенья каждаго?

— Любишь, родной и именитый графъ, ваше сіятельство: кормилецъ и поилецъ нашъ, бойко и громко отвѣчалъ Масей наганунѣ выученное и вдолбленное ему въ голову, самимъ Іоанномъ Іоанновичемъ.

— Обидѣлъ ли я кого когда?

— Николи сего не видывано и не слыхивано было, именитый графъ.

— Училъ ли я васъ, когда нужда была?

— Училъ, батюшка, училъ. На томъ тебѣ душевно благодарствуемъ.

— Отдамъ ли я отвѣтъ Богу, что забывалъ и пренебрегалъ учить васъ уму-разуму?

— Нѣтъ, родимый. Въ семь ты не грѣшенъ, завсегда училъ.

— Ну, любите ль и почитаете ль вы меня, вашего господина?

Гуль глухой пошелъ по залѣ; холопы, не стерпя вопросовъ такихъ необычныхъ—заговорили вдругъ, не смотря на запрещенье, но графъ не разгнѣвался.

— Ну вижу, что любите... Слушайте же, что честь будутъ вамъ вотъ эти кровопійцы! показалъ графъ на засѣдателя и повытчиковъ. — Ну крючокъ, прочисти глотку и чти.

Чинovníкъ откашлялся и началъ читать.

Чтеніе продолжалось долго.

Иныхъ отдѣльныхъ словъ и цѣлыхъ страницъ тетради изъ желтоватой бумаги вѣрные слуги графскіе не поняли совсѣмъ. но все содержанье и смыслъ тетради поняли ясно, хотя сразу не повѣрили и думали, что баринъ глаза отводитъ, и себѣ на умъ—затѣялъ что-то презхидное. Должно быть сейчасъ послѣ чтенія, всѣхъ передеруть, а то и совсѣмъ что-нибудь необыкновенное выйдетъ.

Тетрадь оказалась завѣщаніемъ графа, которое гласило, что послѣ его смерти всѣ вотчины и имѣнія его отходятъ во владѣніе различныхъ монастырей. Дворовые же люди, начиная съ дворецкаго Масея и кончая побѣгушкой Афонькой, получаютъ вольную и большое денежное награжденіе.

Масею приходилось тысяча рублей, лисья шуба и все платье, а Афонькѣ 25 дублей и два холста.

— Слышали? воскликнулъ графъ въ концѣ чтенія.—Отвѣчай всѣ....

— Слышали! рявкнулъ стоустый пучеглазый звѣрь.

— Ну, кровопійца, читай загвоздку.... обернулся графъ къ засѣдателю суда.

Чиновникъ прочелъ еще страницу, въ которой говорилось, что если графъ умретъ въ покоѣ и благоденствіи, и если утѣшительнаго житія его будетъ еще лѣтъ хоть десять, и будетъ ему мирная кончина,—то оное его завѣщаніе будетъ нерушимо исполнено. Если же кончина графа будетъ, чего Боже избави,—отъ руки злодѣя и татя, лихаго человѣка, или даже отъ покуса собаки, выпаденія изъ рыдвана, сокрушенія конями, отравленія зельемъ, яствами, наварками, или отъ какого иного несчастія, въ которомъ будетъ повиненъ хоть одинъ кто-либо изъ дворовыхъ—то завѣщаніе сіе силу свою получаетъ такую, каково есть писаніе вилами по водѣ.

Въ началѣ никто, кромѣ Масея — ничего не понялъ изъ этой выдумки графа, но затѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ дней холопы поняли что надо беречь барина всячески, что слово его крѣпко. И если онъ скончается мирно, не отъ бѣды какой, а своею графскою, отъ Господа Бога уготованною смертію,—то всѣ они будутъ и вольные и награждены рублями на разживу.

Съ той поры дворянъ берегла своего барина, какъ зѣнницу ока, и съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе ублажала, лелѣла и въ глаза ему глядѣла.

XXIV.

Черезъ три дня послѣ того, какъ Шепелевъ побывалъ у братьевъ Орловыхъ, въ квартирѣ цалмейстера Григорія снова собрались въ сумерки его пріатели Ласунскій, Пассекъ и братья Всеволожскіе.

На этотъ разъ ни закуски, ни веселья, ни разныхъ ребяческихъ затѣй не было, всѣ сидѣли угрюмые, въ особенности самъ

хозяинъ, который былъ даже сильно смущенъ и взволнованъ.

— Что мы? Наплевать на насъ! повторять онъ безъ конца.— И соплють не бѣда! Вездѣ люди живутъ, и черезъ стулья вездѣ прыгать можно, и на медвѣдей ѣздить можно и красавицы водятся не въ одномъ Петербургѣ. А дѣло наше? Все дѣло пропадетъ, а Богъ вѣсть, можетъ быть, оно бы и выгорѣло.

Орловъ узналъ наканунѣ, что государь былъ. будто бы. сильно разгнѣванъ, узнавъ объ исторіи съ Котцау.

Любимецъ Фридриха, фехтмейстеръ, профессоръ всевозможныхъ фехтованій на разныхъ оружіяхъ, былъ присланъ отъ прусскаго короля государю, такъ сказать въ подарокъ, для обученія русскихъ войскъ, которыя, по выраженію новаго государя, умѣли теперь ловко драться только на кулакахъ. И вдругъ этотъ фехтмейстеръ, едва успѣвшій представиться государю и вступить въ должность, только-что начавшій давать уроки фехтованія самому старому и слабосильному принцу Георгу, былъ оскорбленъ самымъ дерзкимъ и смѣшнымъ образомъ, двумя офицерами той самой гвардіи, которую пріѣхалъ преобразовывать.

Всѣ коноводы нѣмецкой партіи въ Петербургѣ или, какъ называли ихъ вообще, „голштинцы“, были ли они офицерами потѣшнаго голштинскаго войска или были просто нѣмцы—всѣ вознегодовали и заволновались. — Эта партія, увеличивавшаяся не по днямъ, а по часамъ и пріобрѣтавшая все большее и большее значеніе при дворѣ, имѣла во главѣ своей принца Георга и ненавистно или презрительно относилась ко всѣмъ выдающимся личностямъ той партіи, которую теперь уже начинали называть свысока лизаветинцами. Лизаветинцемъ считался вліятельный сановникъ прошлаго царствованія, оставшійся теперь какъ бы за штатомъ, въ родѣ двухъ братьевъ Разумовскихъ; лизаветинецъ былъ, конечно, и лейбъ-компанецъ Квасовъ и т. п. Наконецъ, лизаветинцемъ обзывался всякій, кто не зналъ и не хотѣлъ учиться по нѣмецки, всякій, кто косо поглядывалъ на офицера или солдата голштинскаго войска, всякій, кто не скрывалъ тщательно своего сочувствія къ молодой императрицѣ.

Офицеры кружка Орловыхъ, болѣе чѣмъ кто либо изъ гвардіи, считались тоже лизаветинцами. Григорій и Алексѣй Орловы

были кромѣ того коротко извѣстны многимъ нѣмцамъ своею родовой непостижимой силой и поэтому многіе храбрецы голштинской партіи постоянно праздновали трусу предъ ними и, разумѣется, искренно ненавидѣли ихъ за это.

Оба брата, удивительно красивые собой, легко правились, а цалмейстеръ Григорій постоянно имѣлъ всякаго рода приключенія съ разными красавицами Петербурга и не мало нашлось въ столицѣ мужей, которые тоже присоединились къ яростнымъ врагамъ двухъ провинившихся богатырей.

Наконецъ, оба брата, широко мотая состояніе, недавно полученное по наслѣдству, пользовались извѣстнаго рода популярностью. Во всякомъ случаѣ, когда Орловы проѣзжали по улицамъ Петербурга, то имъ простолюдины чаще и охотнѣе ломали шапку направо и налево, чѣмъ при проѣздѣ самого принца Жоржа. Къ довершенію всего, Орловы были невоздержны на языкъ, шутили и остряли такъ мѣтко и хлестко, что и этимъ нажили себѣ не мало тайныхъ и явныхъ враговъ.

Теперь многіе возликовали, когда стало извѣстно, что оба брата будутъ арестованы и затѣмъ высланы, по крайней мѣрѣ, въ Вологду или Кострому на жительство.

Въ это утро въ квартирѣ Григорія Орлова было совѣщаніе, какъ избѣгнуть ареста, ожидаемаго ежеминутно. Уже часть, какъ совѣщались они, но ничего придумать не могли. Всѣ ихъ поѣздки по городу, упрощиванія разныхъ сановниковъ, братьевъ Разумовскихъ, графа Скабронскаго, княгини Дашковой, воспитателя наслѣдника престола, Панина, ни къ чему не привели. Никто не рѣшался изъ лизаветинцевъ, чувствовавшихъ и подъ собой не твердую почву при новомъ царствованіи, ѣхать хлопотать за двухъ добрыхъ малыхъ, но отъявленныхъ и неисправимыхъ озорниковъ.

Пассекъ и Всеволожскій испробовали наканунѣ послѣднее средство, т. е. рѣшились просить—черезъ старика канцлера Воронцова—заступиться передъ Государемъ саму графиню Воронцову и тоже привезли извѣстіе, что дочь отказала отцу просить о помилованіи у государя. Впрочемъ, одновременно они узнали, что фаворитка, дѣйствительно, просила государя, но онъ отказалъ и, не желая, чтобы въ Петербургѣ было

известно, что онъ способенъ когда либо и въ чемъ либо отказать Воронцовой, посоветоваль ей отвѣчать, что она и не просила его. Молодые люди сидѣли теперь угрюмые подъ поразившимъ ихъ ударомъ.

— Да, кабы знать это, говорилъ Алексѣй Орловъ, — я бы теперь согласился на четверинки стать у этой бестіи прощенія просить. Хоть на себя самъ надѣну такую же миску, да цѣлый мѣсяцъ въ ней буду по Петербургу разѣзжать. Да что говорить! — махнулъ онъ рукой, на все пойду, всякую подлость сдѣлаю и стыдно не будетъ, потому буду знать, что не изъ малодушества дѣлаю, а ради дѣла; ради того, что намъ важнѣе собственной шкуры и что отъ нашей ссылки прахомъ пойдетъ. Хоть вы и общаетесь не дремать, прибавилъ онъ, глядя на пріятелей, а всежъ-таки, какъ ни говорите, а безъ братьевъ и безъ меня вамъ будетъ много мудренѣе. Мы болѣ васъ въ эту складчину-то даемъ... Вы положили любовь, усердіе... вотчины, у кого онѣ есть... А мы вѣдь и головы кладемъ, на тотъ случай, что нужда въ нихъ будетъ.

На это никто не отвѣчалъ; всякій понималъ отлично, что это правда и если орловская квартира опустѣетъ, если три богатыря о двухъ головахъ каждый, имѣвшіе много враговъ въ столицѣ, но за то имѣвшіе и много друзей, будутъ сосланы, то кружокъ расплывется и великая затѣя, о которой они теперь такъ часто совѣщаются и мечтаютъ, канетъ на всегда въ воду. Григорій Орловъ всталъ, походилъ по комнатѣ и выговорилъ, наконецъ, раздражительно:

— И этого стараго хрыча Агаѳошки нигдѣ нѣтъ, точно на смѣхъ! Съ утра ничего не ѣлъ. Просто хоть думай, что его допрежде насъ арестовали. Никогда съ нимъ за десять лѣтъ службы такового не бывало.

— Да гдѣ онъ? выговорилъ Алексѣй.

— Гдѣ? То-то и есть, гдѣ? Съ утра провалился, какъ сквозь землю.

Федоръ Орловъ отправился въ сосѣднія комнаты, затѣмъ и на дворъ, очевидно съ тѣмъ, чтобы поискать старика лакея, но вернулся, не найдя его нигдѣ.

— Давай сами себѣ состряпаемъ что-нибудь поѣсть, выго-

ворилъ Григорій;—можетъ быть, коли сошлютъ, куда Макаръ телятъ не гонялъ, да безъ гроша денегъ, такъ придется и безъ того въ повара наниматься къ какому-нибудь нѣмецкому князю или барону.

— Въ ссылочныхъ мѣстахъ таковыхъ теперь нѣту! замѣтить Пассекъ.

Молодежь невольно разсмѣялась и поднялась съ мѣсть.

И, не смотря на то, что въ это утро, конечно, имъ было не до веселья, Орловы со смѣхомъ, сопровождаемые пріятелями, вышли въ буфетъ и начали таскать изъ шкафовъ все, что попадалось,—бутылки и съѣстное.

Но въ ту минуту когда очищались шкафы и полки холодной кладовой, вдругъ надъ молодыми людьми раздался громовой голосъ:

— Это что? Нѣшто это можно? Ахъ головорѣзы, разбойники!

И Агаѣонъ въ тулупѣ и шапкѣ, багрово-синій отъ мороза, очутился среди молодежи.

— Куда ты провалился, старый хрычъ? сердито выговорилъ Григорій.—Ну, давай скорѣй закусить; чуть было голодомъ не уморилъ. Куда ты провалился? А?

— Стало-быть нужно было, гнѣвно воскликнулъ Агаѣонъ.—А вамъ всежъ-таки не рука лазать, да шарить въ моихъ шкафахъ. И посуду переколотите, да безпорядицу еще такую надѣлаете, что въ мѣсяцъ не разберетесь!—Это еще что? Пошелъ, пошелъ! Не тронь! Не дамъ! крикнулъ онъ на Алексѣя Орлова, отнимая у него блюдо съ остатками гуся и капусты.

— Ну, полно, Оеѣошка! угрюмо вымолвилъ Алексѣй, уступая однако блюдо старому лакею.—Круто вѣдь приходится, не до смѣху, братъ; и прибираться тебѣ не придется тутъ. Сегодня же мы подъ арестъ махнемъ, а тамъ и въ ссылку.

— Должно быть! Такъ мы въ ссылку и поѣхали! шалишь, паренекъ! Густо хлебать хочешь. Пускай другіе ѣдутъ! Не на то я васъ махонькими сморкаться училъ въ платочки, да теплой водичкой раза по два въ день подмывать... А теперь вишь вы въ ссылку поѣдете!...

Молодежь примолкла и прислушалась къ словамъ старика.

— Раздѣнусь вотъ, отогрѣюсь, подамъ всѣмъ закусить, да и поясню, какъ вамъ озорникамъ изъ бѣды вылѣзти... Вотъ серебряныя миски на головы-то вздѣвать умѣете, а чуровать себя не умѣете. Мнѣ же приходится васъ выручать!

Такъ какъ старикъ дядька никогда зря не болталъ и не шутилъ въ серьезныя минуты жизни своего Григорія Григорьевича, то каждое слово Агаѳона имѣло теперь особенное значеніе. Никогда еще такія слова его не оказывались потомъ пустяками. Это знали даже всѣ пріятели Орловыхъ, и теперь вдругъ вся молодежь, побросавъ, кто тарелку, кто ножикъ, кто соусникъ, окружила стараго дядьку.

— Что ты, Оѳѳошка? выговорилъ Алексѣй Орловъ первый, подходя и пытливо вглядываясь въ замороженное лицо старика. — Ты, смотри, не балуй; вѣрно сказываю, не до смѣху намъ.

— Ну, ладно, учи больше. Уходите наперво отсюда. Вишь все переворошили какъ! Принесу закусить и расскажу кой-что новешенькое.

— Да ты гдѣ былъ-то? подступилъ Григорій Орловъ.

— А былъ тамъ, гдѣ меня нѣту, Григорій Григоричъ. И вы тоже чудны. Нѣшто со мной когда бывало, чтобъ я спозаранку сбѣжалъ со двора, не давъ вамъ покушать, такъ, ради бездѣля? Эхъ вы, то-то вотъ! Я за утро-то столько дѣловъ передѣлалъ, что у меня въ головѣ теперь व्यонъ व्यонь. Дайте передохнуть, говорю, и все выложу.

Офицеры вышли снова въ гостинную, недоумѣвая переглядывались, но невольно пріободрились и начали шутить. Братья Орловы болѣе другихъ начали надѣяться, что лакей дядька что-то выдумалъ или узналъ новое. Но они все-таки чувствовали, что за соломенку хватаются.

— Да вреть просто, замѣтилъ Пассекъ.

— Нѣтъ, Петръ Богданъчъ! отозвался Алексѣй. — Не знаетъ вы нашего Оѳошку. Онъ зря никогда рта не разинетъ, когда намъ не до смѣху.

— Вотъ чудное-то дѣло будетъ, замѣтилъ Федоръ Орловъ, всегда молчаливый и самый хладнокровный изъ всей компаніи, если пестунъ устроить дѣло, которое у насъ

не выгорѣло, даже Елисавета епта... Романовна ничего не смогла.

И вдругъ, сообразивъ будто нелѣпость этого, Ѳеодоръ Орловъ махнулъ рукой и прибавилъ:

— Эка пустяковина! И мы-то дураки тоже. Весь Петербургъ обшарили и ничего не сдѣлали, а тутъ вдругъ, нашъ старый хрычъ Агаѳонка что-нибудь надумалъ.

— Конечно, пустяки, угрюмо отозвался Ласунскій. Но Алексѣй пристально взглянулъ въ глаза брата Григорья и говорилъ:

— Ну а ты, Гриша, что думаешь?

Григорій развелъ руками и тихо вымолвилъ:

— Да я то знаю, что Ѳеошкѣ случалось мнѣ такія дѣла обдѣлывать, что самъ Фридрихъ кабы узналъ, такъ за своимъ нѣмецкимъ ухомъ почесался бы и позавидовалъ.

Чрезъ нѣсколько минутъ Агаѳонъ, понукаемый Алексѣемъ Орловымъ, не столько ради закуски, сколько ради того, чтобы узнать поскорѣе принесенныя имъ вѣсти, накрылъ столъ и подаль кушанье. Всѣ усѣлись, исполняя упрямое требованіе дядьки прежде откушать, и стали ѣсть, весело и охотно. Агаѳонъ сталъ около стула своего любимца, Григорія Григорьевича, и началъ, какъ бывало всегда въ серьезныхъ случаяхъ, дѣлать ему допросъ.

— Ну! знаете-ли вы кого мы нарядили въ Красномъ Кабачкѣ? началъ онъ медленно и съ самодовольствомъ.

— Ну, здравствуйте! воскликнулъ Алексѣй. — Какъ всегда! началъ Ѳеошкѣ съ Адама. Иди прямо къ дѣлу, пытатель! Вѣдь эдакъ завсегда, только дыбковъ да плетей не хватаетъ, а то бы чистый застѣнокъ вышелъ, какъ у Бирона бывало.

— А ты попридержи-ка языкъ, огрызнулся Агаѳонъ. — Плети да застѣнокъ припуталъ...

— Да нельзя-же, Ѳеошкѣ, съ Адама начинать.

— Съ какого тебѣ Адама? Что ты грѣшишь? Я объ голштинцѣ спрашиваю.

— Оставь его, Алеханъ, ты вѣчно мѣшаешь и дѣло оттягиваешь. Пускай хоть съ Адама начинается, да только чтобы толкъ вышелъ. Онъ у насъ умница!

— Вотъ то-то! Да! отозвался Агаѳонъ.—И прималкивай, обернулся онъ къ Алексѣю.—Вы ему прикажите всѣ прималкивать, а то и впрямь до вечера не кончу. Ну слушайте, Григорій Григоричъ. Кого вы въ миску-то нарядили, знаете-ли?

— Знаю давно, голштинецъ, т. е. фридриховскій посланецъ. фехтмейстеръ Котцау, покорно приготовился отвѣчать на допросъ Григорій Орловъ, какъ будто все болѣе чужа, что Агаѳонъ принесъ, если не спасеніе, то отсрочку ожидаемаго съ часу на часъ ареста.

— Ну, ладно, вотъ онъ это и есть пущенный гонцомъ отъ Хредлиха. Ну, вотъ, покуда вы бѣгали по Питеру, да просили заступничества у разныхъ вельможъ, я сидѣлъ у себя въ прихожей и свое дѣло надумалъ. Ваши-то всѣ заступники при Лизаветѣ Петровнѣ зубасты были, а нонѣ всѣ хвосты поджали. А нонѣ, доложу я вамъ, вся сила въ нѣмцѣхъ. Вы не ухмыляйтесь, я хоть и крѣпостной вашъ холопъ, а это мнѣ сдается вѣрно. Вотъ я и надумался, дай думаю я, черезъ своихъ пріятелей, тоже холоповъ, свою канитель заведу. Ну, вотъ я третій день и мыкаюсь, изъ дома пропадаю, а нынѣ съ зари провалился. Вонъ Алексѣй-то Григоричъ, по своему ребячеству и малымъ годамъ, небось, подумалъ, что молъ Агаѳонъ запоемъ запилъ. Не пивши никогда за всю жизнь, теперь изъ кабака не выходитъ. Хитеръ, вѣдь!!

Алексѣй Орловъ былъ немногимъ моложе брата и ему шель уже двадцать седьмой годъ, но Агаѳонъ упрямо считалъ его парнишкой сравнительно со своимъ бариномъ, героемъ многихъ битвъ. Алексѣй всегда огрызался полупутя на старика за это искреннее убѣжденіе, что онъ еще молокососъ. Теперь едва только Алексѣй открылъ ротъ, какъ старикъ поспѣшилъ прибавить:

— Не прикажите ему болтать, пусть помалкиваетъ, покуда всего не выложу.

И Агаѳонъ въ мельчайшихъ подробностяхъ разсказалъ, какъ онъ съ однимъ изъ пріятелей, лакеемъ графа Воронцова, отправился въ гости къ людямъ принца Жоржа, и даже познакомился съ господиномъ Михелемъ.

— Только ужъ больно въ себя ушелъ, прибавилъ Агаѳонъ,

рукой не достанешь. Вельможа будто отъ того, что прынцу сапоги чистить.

Затѣмъ отъ Жоржа, направленный пріателями, Агаѳонъ нанялъ пару лошадокъ и отправился прямо въ Ораніенбаумъ.

— Когда? воскликнули всѣ въ одинъ голосъ.

— Вѣстимо нонѣ, прямо оттуда,—и ямщика еще не разсчиталъ, ждетъ внизу.

Старикъ началъ было рассказывать, какъ хромаетъ правая лошадь, какъ ногу себѣ зашибла гдѣ-то, но молодежь прервала старика въ нетерпѣніи.

— Ну, ну, не томи, воскликнулъ Григорій,—неужто же былъ у самого Котцау?

— У него у самого.

— Да зачѣмъ?

— За дѣломъ.

— Да за какимъ дѣломъ? Къ нему-то?....

— А вотъ, слушайте. Пріѣхалъ, розыскалъ его. Нанялъ это онъ въ Рамбовѣ фатеру самую то-ись мѣщанскую, десять рублей въ мѣсяцъ платить. Ладно, думаю, хорошо,—это намъ на руку; стало-быть нѣмецкихъ-то деньжищъ мало, съ собой не привезъ, а русскими еще не разжидся.

И Агафонъ въ первый разъ сначала своего повѣствованія ухмыльнулся весело и въ ладоши ударилъ.

— Ну, вотъ, вошелъ я. Два у него солдата ихнихъ, рейтера, такіе, что въ Красномъ Кабачкѣ были, токмо другіе,—перемѣнились. При тѣхъ-то знать ему стыдно, — видѣли его раженнымъ. Сначала они меня пущать не хотѣли, чуть было не стали въ шею гнать. Я не иду, поясняю—барина надо, а они подлецы, вѣстимо, по-русски хотѣ-бы тебѣ вотъ одно слово: что ни разинуть ротъ, все свой хриплюнъ. Запумѣли мы! Вдругъ, отворяется дверь и входитъ, кто-же бы вы думали? Я такъ и присѣлъ отъ радости! Анчуткинъ!

Оба братья Орловы, недоумѣвая, взглянули на стараго дядьку.

— Какой чортъ Анчуткинъ? Я не знаю, отозвался Григорій Орловъ, нетерпѣливо слѣдившій за рассказомъ дядьки и ожидавшій конца повѣствованія.

— Анчуткинъ, забыли? Вашего покойнаго родителя священника сынишко. Онъ у насъ махонькимъ въ домъ бывалъ, собирали было его тоже въ семинарію, обучали, въ дьяконы полагать думали, а онъ тебѣ не тутъ-то было, вмѣсто дьяконовъ, удрамши, въ солдаты сдался. И махонькимъ-то самъ себѣ амуничку все стряпалъ да ребятишками на селѣ командовалъ. Нѣшто не помните, какъ Анчуткинъ съ компаніей своей приступомъ дьячиху въ банѣ взял? Еще вашъ покойный родитель всѣхъ тогда ихъ пересѣчь велѣлъ.

— Ну, ну, не помню. Говори, что же дальше?

— Да нѣшто вы не смекаете?

— Ничего не смекаю.

— Анчуткинъ, стало-быть, при этомъ нѣмцѣ состоитъ, ну, въ деньщикахъ—что-ли. Изъ нашихъ-то христіанскихъ воиновъ перешелъ, окаанный, въ голштинцы.

— Ну, ну!

— Ну вотъ, какъ мы съ нимъ увидѣлись, такъ оба и ахнули и давай цѣловаться. Потомъ это вышли изъ дому, выбрать себѣ мѣстечко, гдѣ побесѣдовать; ушли за дрова, да тамъ и присѣли... И въ полчаса времени все ваше дѣло и обдѣлали.

— Да какъ? какъ? Говори! закричали почти всѣ.

— Какъ? А вотъ какъ. Есть у васъ двѣсти аль триста червонцевъ, вотъ сейчасъ на столъ класть?

— Что-жъ, неужто-жъ откупиться можно? воскликнулъ Григорій Орловъ.—Неужто денегъ возьметъ Котцау?

— А почему-жъ это ему и не взять? вдругъ какъ бы обидѣлся Агаѳонъ.

— Не можетъ быть, Ѳоша, это все пустое. Тебя твой Анчуткинъ надуетъ, деньги положить въ карманъ и не говоря даже съ Котцау. И будемъ мы въ дуракахъ.

Агаѳонъ обозлился на мнѣніе барина и всѣхъ остальныхъ офицеровъ, утверждая и клянясь всѣми святыми, что вся сила въ томъ, чтобы заплатить Котцау за обиду двѣсти или триста червонцевъ.

— Да не возьметъ онъ ихъ! воскликнулъ Алексѣй Орловъ.—Ѳофанъ ты, Ѳошка! Не ожидалъ я отъ тебя! Сѣлъ въ лужу.

А я было думалъ, ты и впрямь что-нибудь путное надумалъ. Фофанъ!

— Вѣдь вотъ спорщикъ! воскликнулъ Агаѳонъ.—Да ты нѣшто съ этимъ голштинцемъ говорилъ? А я говорилъ.

— Съ кѣмъ? Съ Котцау?! воскликнулъ Григорій Орловъ. Котцау ты видѣлъ?

— Вѣстимо видѣлъ, онъ же мнѣ и сказалъ, сколько возьметъ.

Офицеры повскакали съ мѣстъ.

— Такъ эдакъ бы и говорилъ! загудѣли голоса со всѣхъ сторонъ.

— Говорилъ?... Вонъ этотъ вотъ озорникъ нѣшто дать что путемъ сказать? Знай перебиваетъ, показалъ онъ на Алексѣя Орлова.—Николи не дать ничего путемъ рассказать. Слушайте!

Объясненіе свое Агаѳонъ закончилъ такъ, что снова-веселый гулъ, смѣхъ и крики раздались въ квартирѣ Орловыхъ. Онъ передалъ свой разговоръ съ Котцау, которому онъ былъ представленъ Анчуткинымъ. Ротмейстеръ, конечно, тотчасъ же признавшій старика, сначала, по выраженію Агаѳона, остервенился.

— Думалъ ужъ я, опять меня бить начнетъ, однако нѣтъ, Анчуткинъ залопоталъ ему по-ихнему...

— По-нѣмецки? спросилъ кто-то.

— То-то, по-нѣмецки. Оттого и въ голштинцы попалъ. что обучился въ войну по-ихнему. Прыткій малый.

— Ну, ну, рассказывай...

— Ну вотъ, Анчуткинъ, полопотамши съ нимъ, мнѣ и говорятъ: дѣло это сладиться можетъ, баринъ согласенъ получить триста червонцевъ за обиду, только чтобы это никто не зналъ, а узнаетъ кто про это, то онъ откажется. А деньги эти чтобы я ему самолично отъ васъ передалъ. Ну, и доложу я вамъ, Григорій Григоричъ, не люблю я нѣмцевъ—смерть, но доложу я вамъ, что этотъ самый Котцау, какъ мнѣ сдается, не надуетъ.

— Чортъ его душу знаетъ! Можетъ и надуетъ! замѣтилъ Ласунскій.

— И эвто не все, продолжалъ старикъ.—Слушайте. Окромѣ эфтова, еще онъ требуетъ, чтобы вы значить обои, вы, да вотъ

*

и озорникъ этотъ, обои прощеніе у него просили передъ разными самовидцами. Чтобы при семь и голштинскіе были мейнгеры и наши всей гвардіи офицеры.

— Ну и это онъ брешетъ!... вскрикнулъ Григорій Орловъ.

— Пустое, въ ту же минуту обернулся къ брату Алексѣй:— что ты болтаешь, Господь съ тобой! Да я на четверинкахъ къ нему подойду и прощеніе просить буду. Не ради себя, а ради поважище чего. А вотъ, когда будетъ на нашей улицѣ праздникъ, такъ мы его въ холщевый мѣшокъ битьемъ обратимъ за это свое нынѣшнее посрамленіе.

— Не могу я, замоталъ головой Григорій,—ей-Богу не могу! Попроси я сегодня у него прощеніе, такъ меня такое зло будетъ разбирать, что я на другой же день, чтобы душу отвести, нарочно въ Рамбовъ пойду его колотить. Еще хуже будетъ.

Между друзьями начался споръ и офицеры стали доказывать Григорію Орлову, что онъ долженъ согласиться и на примиреніе посредствомъ тайной уплаты денегъ, и на публичное покаяніе.

— Ну, спасибо тебѣ, Овоошка! воскликнулъ вдругъ Алексѣй Орловъ и, обнявъ Агафона, который напрасно въ него упирался руками, силачъ взялъ старика на руки, какъ берутъ ребенка и началъ его качать, приговаривая:

— Душка Овоошка! Душка Овоошка!

— Брось, брось, убьешь! Пусти, не все сказалъ! не сердясь, а напротивъ очень довольный взмолился Агаеонъ.

— Врешь! Все! смѣялся Алексѣй Орловъ, продолжая раскачивать старика.

— Ей Богу не все, вотъ тебѣ Христось Богъ, не все! Главнаго не рассказалъ. Пусти!

— А ну, говори! И Алексѣй поставилъ его на ноги.

— Фу, озорной! Закачалъ! Даже въ головѣ помутилось, тошнить какъ на кораблѣ.

Агаеонъ прищурилъ глаза, потеръ себѣ лобъ рукой и выговорилъ:

— Григорій Григоричъ, вѣдь не все; главное не сказалъ.

— Что еще? Ну! Что? раздались голоса.

— А вотъ что... Только это не я, значить, а самъ, онъ

сказываетъ—Котцау, говорить, что получимши деньги и ваше прощенье, онъ все жъ таки ничего подѣлать не можетъ. Какъ онъ ни проси, васъ, значить, простить,—васъ ни Жоржъ, ни тамъ во дворцѣ не простятъ; а должны вы все-таки съ своей стороны похлопотать.

— Вотъ тебѣ и здравствуйте! выговорилъ Алексѣй.

— И приказалъ онъ вамъ, только тайкомъ и опять чтобы никто не зналъ, что это онъ васъ надоумилъ... Приказалъ ѣхать просить обо всемъ этомъ дѣлѣ графиню Скабронскую.

— Что? Что? воскликнулъ Григорій Орловъ:—Скабронскую? Это съ какого чорта? Она-то тутъ при чемъ же? Вотъ и вышла нѣмецъ, дубина. Мы ужъ и дѣдушку ея, и Разумовскихъ, и саму Воронцову просили, а по его, ступай къ Скабронской!

— Стало быть, такъ надо! возразилъ старикъ досадливо.— Это онъ самъ сказалъ, да еще прибавилъ: и непременно пошли ты господъ къ графинѣ; коли не повѣрятъ, такъ скажи, что я имъ такъ сказываю. Я дѣло, молю, свое портить самъ не стану.

— Да вѣдь это тебѣ все Анчуткинъ расписывалъ?

— Вѣстимо Анчуткинъ, да вѣдь я тутъ же былъ и видѣлъ, что онъ лицомъ дѣлалъ и руками. И опять таки, Григорій Григоричъ, сами знаете, что ужъ грѣха таить, при эдакой бѣдѣ я на его нѣмецкомъ хриплюнѣ много понялъ. Не даромъ столько времени выжилъ съ вами на войнѣ.

Григорій Орловъ дѣйствительно вспомнилъ, что Агаѣонъ изъ ненависти къ Германіи больше притворялся, что не учился нѣмецкому языку, а въ сущности понималъ очень много.

Молодежь стояла вокругъ старика и раздумывала. Все дѣло, которое сначала показалось очень просто и умно придумано дядькой, теперь оказалось будто испорченнымъ.

— Что тутъ Скабронская, причемъ она тутъ! Она, знай, по баламъ, да по вечеринкамъ летаетъ. Все вранье одно.

— Ну, какъ знаете, почти обидѣлся Агаѣонъ.—Я для васъ стараюсь, моя совѣсть, значить, предъ Господомъ Богомъ и передъ вашимъ покойнымъ родителемъ видна, вся на ладони, ни соринки въ ней. А коли слушаться не хотите, ваше дѣло. Поѣдемъ вмѣстѣ въ Ровервикъ, а то и къ самоѣдамъ, тамъ

насъ и съѣдятъ. А не съѣдятъ, такъ самихъ заставятъ людей ѣсть.

Агаѳонъ, разсердившись, повернулся и ушелъ къ себѣ въ прихожую.

Офицеры, оставшись одни, долго совѣщались обо всемъ, что слышали отъ дядьки. Къ вечеру было рѣшено, однако, не поступать согласно съ тѣмъ, чему научилъ Котцау. — Осрамить подлецъ, оплюетъ только! говорилъ Григорій Орловъ. Заподозрить что либо во всемъ рассказѣ старика было немыслимо. Григорій хорошо зналъ правдивость своего дядьки, а подчасъ и удивительную находчивость и хитрость. Но вся исторія казалась сомнительной.

Среди общаго унылаго молчанія снова появился старикъ въ горничѣ и выговорилъ упавшимъ отъ чувства голосомъ:

— Коли вы мнѣ не вѣрите, считаете меня за пустоплета, за предателя, и не хотите дѣлать то, что вамъ говорятъ, то увольте меня, отпустите въ Москву къ Ивану Григоричу, ему служить буду.

И Агаѳонъ, стоя въ торжественной позѣ, съ поднятой рукой на Григорія Орлова, вдругъ весь сморщился и слезы въ три ручья полились у него изъ глазъ. Не прошло секунды, какъ старикъ уже рыдалъ, едва держась на ногахъ.

Разумѣется, Орловы тотчасъ же бросились къ дядькѣ и стали всячески утѣшать его.

Агаѳонъ долго не могъ выговорить ни слова и, наконецъ, проговорилъ:

— Коли вѣрите, сдѣлайте все, какъ я сказываю. Смотрите, все устроится. Мнѣ тоже и Анчуткинъ про эту графиню сказывалъ, что она въ этомъ дѣлѣ помочь можетъ. А почему собственно? Ни за что не хотѣлъ, подлецъ, сказать: говорить — нельзя, родимый, проболтаешься ты, въ Сибирь я улечу.

Последнія слова подѣйствовали на всѣхъ. Времена были такіа, что именно все странное, таинственное, непонятное, даже повидимому бессмысленное имѣло значеніе и всякій день случалось услышать, узнать или увидѣть въ Петербургѣ дивное, невероятное и неожиданное.

— А кто жъ его знаетъ, рѣшилъ вдругъ Григорій Орловъ. —

Немудренное, вѣдь, дѣло и къ графинѣ съѣздить. Она же пріятельница съ моей....

— Конечно, не мудренное дѣло!

— Поѣду, Оѳеѣша! завтра же поѣду, сегодня поздно.

— Ну спасибо! поцѣлуйте меня, выговорилъ Агаѣонъ.

Григорій Орловъ быстрымъ искреннимъ движеніемъ обхватилъ старика, взявъ въ свою богатырскую охапку и невольно поднявъ его съ полу, разцѣловалъ въ обѣ морщинистыя щеки. Въ этомъ движеніи сказалось должно быть что-нибудь особенное, незаурядное, потому что кружокъ товарищей, обступившій ихъ двухъ, вдругъ смолкъ и всѣ лица стали добродушно-серьезны, почти торжественны.

Когда Григорій выпустилъ старика изъ рукъ, черты лица его выдавали внутреннее волненіе.

— Ну, а меня-то?... Ахъ ты Кашей эдакій!... Меня-то не надо? воскликнулъ Алексѣй, протягивая руки въ старику.

— Ни, ни, ни... Уморился, ѣздилъ. Какъ святъ Богъ, не до баловства... серьезно выговорилъ Агаѣонъ.

— Да не стану. Ей-ей! Только поцѣлуемся. Ей-ей!

Старикъ по голосу Алексѣя понялъ, что тотъ никакой штуки не сдѣлаетъ съ нимъ и позволилъ себя обнять и поцѣловать.

Но не утерпѣлъ молодецъ и цѣлуя старика все таки слегка ущипнулъ его сзади.

— Эка, вѣдь, озорной! проворчалъ старикъ, почесываясь.

XXV.

Старикъ Скабронскій былъ не одинъ въ своемъ родѣ, былъ на свѣтѣ другой графъ Скабронскій, Кирилла Петровичъ, приходившійся ему внукомъ.

Единственный братъ Іоанна Іоанновича, давно умершій, имѣлъ сына Петра, который за все царствованіе Анны Іоанновны и Елизаветы Петровны жилъ за-границей, находясь при посольствѣ у Кесаря, затѣмъ онъ женился, вскорѣ потерялъ жену и былъ переведенъ по службѣ ко двору короля Людовика XV, гдѣ и самъ умеръ, болѣе десяти лѣтъ не выдавши родины.

Себялюбивый Іоаннъ Іоанновичъ вообще мало интересовался судьбой племянника, его бракомъ, жизнью за-границей и его семействомъ.

Вдругъ, лѣтъ съ восемь тому назадъ, увидѣлъ онъ у себя въ домѣ цѣлую пріѣзжую „араву“. Во дворъ въѣхала великолѣпная и громадная карета, за ней какой-то фургонъ и затѣмъ совершенно незнакомыя фигуры и фізіономіи, пестрыя и голосистыя, появились въ домѣ брюзгливаго старика. Оказалось, что по желанію давнымъ давно невиданнаго имъ племянника, умершаго на чужбинѣ, выраженному имъ передъ кончиной, въ домъ дяди былъ привезенъ его собственный внукъ, шестнадцатилѣтній красивый мальчикъ, не говорившій ни слова по русски. Съ нимъ вмѣстѣ появилась цѣлая свита: дядька французъ, очень приличный, другой дядька неизвѣстной національности съ прескверной фізіономіей и затѣмъ камердинеры, гардеробъ-мейстеры и съ десятокъ какихъ-то иностранныхъ гайдуковъ и казачковъ.

Старый холостякъ мелькомъ слышалъ о женитьбѣ племянника Петра на какой-то богатѣйшей княжнѣ, дочери какого-то польскаго магната, о покупкѣ имѣній и домовъ, но никогда своей племянницы не видалъ, о ея смерти не слыхалъ—а тутъ вдругъ является внукъ сирота.

— Вотъ такъ машкерадъ! встрѣтилъ дѣдушка внука со свитой и разсмѣялся досадливо и презрительно.—Бѣсово навожденіе!—По каковскому же я буду теперь бесѣдовать съ внученкомъ? И почему собственно ко мнѣ-то прямо вся арава пожаловала! Нешто съ матерной стороны нѣтъ родни?

Тотчасъ же былъ найденъ переводчикъ французъ и Іоаннъ Іоанновичъ вступилъ въ переговоры съ французскимъ внучкомъ и съ его свитой.

Оказалось, что покойный племянникъ направилъ своего сына и завѣщаніемъ перевелъ чрезъ банкира все состояніе его къ дядѣ съ просьбой быть опекуномъ и покровителемъ, ибо богатый мальчикъ оставался круглымъ сиротой. Дѣлать было нечего, Іоаннъ Іоанновичъ прибралъ большія деньги къ рукамъ и оставилъ у себя въ домѣ внука, но всю его свиту мгновенно спровадилъ со двора. Какъ несчастные французы, дядьки и лакеи, вернулись въ свое отечество, одному Богу извѣстно.

Іоаннъ Іоанновичъ не далъ имъ ни гроша на обратный путь, а одного изъ нихъ, „*мусью Шарла*“, который сталъ было прекословить, тотчасъ уняли на конюшнѣ.

Разумѣется, не успѣли дать *мусь* пяти розогъ, какъ отъ его воплей всѣ его товарищи добровольно разсыпались со двора графа Скабронскаго по незнакомой столицѣ, кто куда попало. Одинъ, говорятъ, со страху бросился прямо въ Невку и ушелъ вплавь. Затѣмъ нѣкоторые изъ нихъ нашли себѣ отличныя мѣста въ городѣ и остались въ хлѣбосольной странѣ.

Найденный въ Петербургѣ переводчикъ женевецъ, подмастерье часовщика, былъ оставленъ въ домѣ, чтобы служить помощникомъ въ бесѣдѣ дѣда со внучкомъ и для того, чтобы развлекать юношу, которому онъ былъ ровесникъ. Большіе капиталы, полученные понемногу съ голландскаго банкира, графъ не оставилъ дома, а тотчасъ же купилъ на имя внука, въ качествѣ опекуна, нѣсколько вотчинъ и отличный домъ въ Петербургѣ, полный, какъ чаша.

— Живеть-то пушай все-таки у меня, рѣшилъ Іоаннъ Іоанновичъ, а то вѣдь мальчуганъ взбѣситя одинъ, слова не съ кѣмъ сказать. Да подъ моимъ призоромъ дѣло вѣрнѣе будетъ.

Положеніе юноши Кирилла стало незавидное. Онъ родился въ Вѣнѣ, затѣмъ воспитывался и учился въ Парижѣ, и былъ образованнѣе своихъ ровесниковъ, россійскихъ недорослей. Онъ былъ очень недурень собой, стройный, даже граціозный въ походкѣ и движеніяхъ. Отецъ обожалъ его, а потерявъ жену, ужасно баловалъ, и онъ въ Парижѣ привыкъ къ такой обстановкѣ, о которой и помину не было, конечно, въ Петербургѣ. Дѣдушка вдобавокъ сразу нагналъ на него такого страху, что онъ безъ дрожи въ тѣлѣ не могъ видѣть его.

Но, помимо этого, и всѣ впечатлѣнія юноши въ Россіи были тяжелыя. Все испугало его и все привело въ ужасъ: и снѣжные сугробы по равнинамъ, и грязные рваные тулупы простонародья, и грязь заѣзжихъ дворовъ по дорогѣ, которые были всѣ—*tout pleins de bêtes et d'animaux*.

И въ дорогѣ всплакнулъ нѣсколько разъ юноша, да и теперь, сидя чуть не взаперти въ домѣ дѣда, случалось ему плакать. Къ довершенію всего, юноша, не зная ни слова по-русски, не

могъ говорить ни съ кѣмъ. Русская рѣчь, звучавшая кругомъ надъ его ушами, казалась ему какимъ-то дикимъ рыканьемъ и лаемъ.

— *Mais ce n'est pas une langue!* восклицалъ онъ, жалуюсь своему новому товарищу, по имени Эмилю.— *Ce n'est pas une langue, c'est un aboyement de chien!*

Эмиль утѣшалъ юношу, говоря, что ему прежде русскій языкъ тоже казался лаемъ собачьимъ, но что теперь за два года жизни въ Петербургѣ онъ уже сталъ мараковать и понималъ все.

— Языкъ варварскій, конечно, говорилъ Эмиль;—похожъ, дѣйствительно, на лай, но въ немъ есть отдѣльные слова для обозначенія всякаго предмета, также какъ и по-французски. Что хотите можно сказать на ихъ языкѣ, увѣрялъ онъ.

Но юноша почти не вѣрилъ этому, даже требовалъ доказательствъ и, указывая на разные предметы, спрашивалъ у Эмиля, какъ назвать это по-русски. Эмиль иногда зналъ и, исковеркавъ русское слово, называлъ его, выговаривая на свой ладъ, отчего слово русское еще болѣе удивляло Кирилла. Иногда же Эмиль не зналъ вовсе спрашиваемого и, чтобы не ударить лицомъ въ грязь, самъ сочинялъ, или называлъ предметъ на мѣстномъ горномъ нарѣчій окрестностей Женевы.

Такимъ образомъ, привезенный изъ своей второй родины Франціи, въ свое настоящее отечество, которое онъ не зналъ, юноша Кириллъ, избалованный отцомъ, вдругъ сдѣлался самымъ несчастнымъ существомъ. Дѣда своего онъ видалъ только за завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ и то только вначалѣ; вскорѣ же ему стали часто подавать пищу въ комнату, по приказанію дѣда, потому что брюзгливому графу Іоанну Іоанновичу, прожившему весь свой вѣкъ одиноко, было непривычно и скоро надоѣло имѣть вѣчно предъ глазами молчаливаго и печальнаго юношу.

Съ перваго же мѣсяца жизни внука въ домѣ, онъ далъ ему до сотни прозвищъ. Никогда не называя его по имени, онъ обращался къ нему со словами:

— Ну, ты! фертикъ! финтикъ! парижанская мусья!!

Затѣмъ онъ долго звалъ его, неизвѣстно почему, „ладеколонъ“ и это прозвище всякій разъ заставляло его самого смѣ-

яться до слезъ. Юноша только робѣлъ, краснѣлъ отъ всѣхъ прозвищъ и даже на послѣднее „ладеколонъ“ отзывался, какъ если бы оно было имъ, данное ему при крещеніи.

Наконецъ, однажды, спросивъ у Эмиля, допущеннаго стоять за столомъ у кресла внука, графъ узналъ, какъ сказать внуку по-французски, т. е. „petit fils“ и съ этого дня у Кирилла было новое прозвище, которое, однако, менѣе обижало его.

— А! такъ вотъ что? воскликнулъ Іоаннъ Іоанновичъ:— такъ ты, фертикъ, выходишь мнѣ по вашему: путифицъ! Ну, такъ тебя путифицемъ и звать будемъ.

Смѣшное и грустное положеніе Кирилла или, какъ звали его въ домѣ всѣ люди, „графченка“ увеличивалось, конечно, сначала его незнаніемъ русскаго языка, а затѣмъ, послѣ упорнаго прилежанія съ его стороны, его нелѣпымъ и дикимъ русскимъ языкомъ, пріобрѣтеннымъ благодаря урокамъ Эмиля. Брюзгливый дѣдушка не позаботился доставить внуку настоящаго русскаго учителя. Эмиль скверно говорилъ по-русски, а ужъ ученикъ его иногда такія русскія слова произносилъ, что графъ Іоаннъ Іоанновичъ хохоталъ до слезъ и до колики.

Такимъ образомъ, въ однообразной жизни старика, внучекъ изъ Парижа или „путифицъ“ сдѣлался незамѣтно домашнимъ скоморохомъ, забавой и шуткой. За столомъ, вокругъ котораго стояло всегда десятка два крѣпостныхъ офиціантовъ съ тарелками, графъ заговаривалъ нарочно и заставлялъ говорить „путифица“ только на потѣху. И самъ каждый разъ хохоталъ онъ безъ конца, иногда болѣзненно желчно и притворно, и своимъ крѣпостнымъ офиціантамъ позволялъ фыркать въ руку отъ русскіхъ словъ графченка.

Немудрено, что чрезъ полгода затворнической жизни, при отсутствіи кого-либо, съ кѣмъ душу отвести, помимо Эмиля, который сталъ вдругъ зашибать, полюбивъ російскую водку, наконецъ при постоянномъ непріязненномъ отношеніи къ нему дѣда, оскорбляемый и скучающій, бѣдный путифицъ сталъ чахнуть. Онъ, вѣроятно, и умеръ бы, если бы случайно его судьбой не заинтересовалась старушка, дальняя родственница Скабронскихъ, пріѣхавшая изъ Курска въ Петербургъ по дѣлу тяжбному и навѣстившая своего важнаго родственника.

Старушка эта была полусвятая жизнью и, конечно, добрейшей души женщина, но хитрая на добро. Она въ одинъ мѣсяцъ поддѣлалась къ старому графу, хотя это было трудно и убѣдила его призвать докторовъ освидѣтельствовать внука; и докторовъ не русскихъ, а нѣмецкихъ, которыхъ въ Петербургѣ было не мало. Старушка объяснила это тѣмъ, что такъ какъ ребенокъ родился за-границей, то и тѣльцо его на половину нерусское, стало быть и болѣзни у него должны быть иноземныя, стало-быть и докторовъ надо чужестранныхъ.

Разумѣется, старикъ не послушался бы родственницы, но вслѣдствіе одного новаго обстоятельства Іоанну Іоанновичу самому хотѣлось совсѣмъ отдѣлаться отъ путифица. Онъ вдругъ приревновалъ къ нему, красивому юношѣ, свою, вновь заведенную „вольную женку“, жившую въ домѣ. Докторовъ позвали, юношу осмотрѣли, нашли въ немъ признаки начинающейся чахотки и рѣшили, что его надо отправить жить въ такую землю, гдѣ не бываетъ снѣговъ и морозовъ.

— И прекрасное дѣло! воскликнулъ Іоаннъ Іоанновичъ, узнавъ это. Пущай гдѣ родился туда и уѣзжаетъ.

Тотчасъ же Іоаннъ Іоанновичъ снарядилъ своего внука, приставивъ къ нему двухъ дядекъ, одного русскаго изъ своей дворни, другого француза, взятаго изъ магазина съ Большой Морской. Присоединить къ нимъ глуповатаго, но добраго Эмиля было нельзя, такъ какъ онъ окончательно спился съ круга за послѣднее время.

Юноша собрался въ дорогу. За два часа до его выѣзда со двора въ дальній путь, во Францію, графъ Іоаннъ Іоанновичъ позвалъ къ себѣ семнадцатилѣтняго внука и сказалъ ему длинное нравоученіе: какъ себя вести за-границей, слушаться дядекъ во всемъ и отписывать ему аккуратно каждый мѣсяцъ о своемъ житьѣ-бытьѣ. Нравоученіе это сводилось къ тремъ главнымъ пунктамъ: молись чаще Богу, трать меньше денегъ и сторонись отъ женскаго пола.

Разумѣется, Кириллъ самъ себя не помнилъ отъ радости, что ссылеъ его и затворничеству конецъ. Старушку, вступившую за него, онъ боготворилъ и даже звалъ съ собой тайкомъ за-границу. Но она только руками замахала и объяснила,

что коли онъ, паренекъ, чуть не померъ въ Россіи, такъ она во Франціи тотчасъ помереть.

— Всякій живи, гдѣ родился, сказала она,—во всемъ Божь-емъ міру такъ, соколикъ мой. На звѣряхъ и на деревцахъ то же видно. Былъ у меня подаренный мнѣ графомъ Разумовскимъ гишпанскій котъ,—года не выжилъ въ Россіи. Посадила я у себя въ вотчинѣ перламутровую грушу римскую,—за одну зиму всѣ высадки пропали.

Упрашивая старуху ѣхать съ собой, Кириллъ немного хитрилъ,—онъ боялся дѣда, ненавидѣлъ его, какъ и всю Россію, но теперь онъ боялся тоже своихъ двухъ дядекъ, какъ русскаго, довольно глуповатаго лакея Спиридона, такъ и вновь нанятаго француза Жоли, фамилія котораго далеко не шла къ его жирному красному лицу. Юноша понялъ, что эти два человѣка, ему совершенно незнакомые, по приказанію дѣда, будутъ имъ распоряжаться, какъ вздумается, на далекой чужбинѣ. Права и полномочія ихъ надъ нимъ были даны дѣдомъ полныя и строжайшія, особенно относительно трехъ пунктовъ.

А эти пункты было не равно легко исполнить.

Молиться Богу Кириллу было немудрено, онъ и самъ привыкъ это часто дѣлать съ горя и тоски въ домѣ дѣда, хотя тайкомъ отъ дѣда читалъ не „Отче нашъ“ или „Вѣрую“, которые и мысленно произносилъ съ трудомъ, а болѣе близкіе, даже отчасти родные „Pater Noster“ и „Credo“. Латинскія слова этихъ молитвъ онъ понималъ не болѣе, чѣмъ русскія, но привыкъ къ нимъ.

Затѣмъ—тратить много денегъ онъ не могъ, такъ какъ деньги были поручены Спиридону. Что же касается до третьяго пункта, то онъ былъ юношѣ совершенно неясенъ, потому что приказаніе дѣда сторониться отъ женскаго пола Эмиль, по глупости, перевелъ такъ, какъ самъ понялъ, т. е. совсѣмъ иначе. Эмиль сказалъ, переведя слова графа Іоанна Іоанновича съ русскаго на французскій:

— Ne touchez jamais le plancher.

Дѣдъ, не понимавшій ни слова по-французски, не исправилъ перевода. Вновь же нанятый французъ Жоли понялъ и перевелъ третью заповѣдь дѣдушки:

— Evitez la société des grandes dames!

Оба варианта Эмиля и Жоли перепутались въ головѣ Кирилла и онъ самъ не зналъ, какъ выпутаться изъ бѣды, чтобы исполнить третью мудреную заповѣдь.

XXVI.

Переѣхавъ русскую границу и очутившись въ Польскомъ королевствѣ, а затѣмъ въ веселой, пышной, красивой Варшавѣ, Кириллъ какъ будто почуялъ вдругъ всѣми нервами своего существа иной духъ, потянулъ въ себя полною грудью иной, уже болѣе теплый, почти весенній воздухъ и сразу ожилъ, сразу. Щеки его зарумянились, глаза заблестѣли.

— C'est un petit Paris! — воскликнулъ онъ, прогуливаясь по Краковскому предмѣстью и по Саксонскому саду. Вдобавокъ, теперь юноша былъ не „фертикъ“ и не „путифицъ“, а по дорогѣ величали его титуломъ и называли внукомъ русскаго магната, родственникомъ фаворита російской императрицы. Самъ Кириллъ не отказывался отъ этого.

Черезъ полтора мѣсяца пути, будучи въ Парижѣ, юноша не только окрѣпъ, поздоровѣлъ, развернулся, какъ бы нечаянно для самого себя, не только вышелъ изъ-подъ вліянія и повиновенія своихъ двухъ менторовъ, но даже приобрѣлъ вдругъ нѣкоторое вліяніе надъ ними. Случилось это очень просто.

Жоли былъ жирный и добрый французъ, у котораго была только одна страсть—спать. Всю дорогу, а затѣмъ и по приѣздѣ въ Парижъ, Жоли спалъ и спалъ безъ просыпа. И, вѣроятно, отъ этого постоянного сна или отъ праздности и сытой пищи, онъ окончательно отупѣлъ и соглашался на все, что дѣлалъ и предлагалъ „Monsieur le vicomte“, какъ сталъ онъ звать питомца; соглашался онъ на все, вѣроятно, потому, чтобы не тревожить и не беспокоить своей лѣни отказомъ или споромъ.

Упрямый, глуповатый, но и грубоватый Спиридонъ, неограниченно и крупно повелѣвавшій и распоряжавшійся всѣмъ отъ графчика ему вѣреннаго и до послѣдняго винта въ экипажѣ, притихъ вдругъ, даже приунылъ, даже какъ будто струсиль.

Тотчасъ по переѣздѣ границы російско-польской, во время двухдневнаго пребыванія въ Варшавѣ, холопская важность и хамово упрямство Спиридона много поубавились. Онъ все оглядывался, озирался кругомъ себя, и дико прислушивался къ полуродной польской рѣчи. И, какъ собака, хотя злая, но попавшая нечаянно въ чужой домъ, обнюхивается, поджимая хвостъ и косить злыми, но боязливыми глазами, такъ и Спиридонъ ворчалъ, бранился, нападалъ на графчика, привязывался къ Жоли, но однако, тотчасъ же приходилъ къ обоимъ съ просьбой по поводу всякаго пустяка.

— Не понимаютъ дьяволы! говорилъ онъ:—тридцать разъ повторилъ, балуются, будто не смыслятъ. Подите, скажите!

Но если въ Польшѣ Спиридонъ иногда вывертывался безъ помощи спутниковъ, то попавъ въ Германію, а затѣмъ во Францію, онъ окончательно примолкъ и только неодобрительно покачивалъ головой, почесывалъ за ухомъ и думалъ про себя:

— Вотъ зажора-то! Покомандуй-ка поди! Заслалъ-бы я тебя, обращался онъ мысленно къ барину, графу Іоанну Іоанновичу. —Заслалъ бы тебя сюда,—и ты бы тутъ покаяннаго грѣшника изобразилъ!

Такимъ образомъ, юноша, благодаря обстоятельствамъ и обстановкѣ, благодаря безпробудному сну Жоли и безпомощному состоянію Спиридона на чужой сторонѣ, среди чуждыхъ ему людей, обычаевъ и языка, сразу сталъ независимъ. [Кромѣ того, онъ нравственно встрепенулся, ожилъ, воскресъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ родился, провелъ все дѣтство, воспитывался и сталъ юношей и гдѣ, наконецъ, имѣлъ пропасть знакомыхъ и друзей покойнаго отца.

Одно только ярмо и было теперь — зависимость денежныхъ средствъ отъ дѣда, оставшагося тамъ, гдѣ-то далеко среди огромныхъ сугробовъ и страшныхъ морозовъ. Надо было кое-какъ прожить еще нѣсколько лѣтъ подъ попечительствомъ этого злого дѣда и жить на гроши, которые онъ высылалъ.

— Когда буду совершеннолѣтнимъ, мечталъ Кирилль,—выйду изъ опеки, продамъ заглазно все, что есть въ Россіи и переведу все состояніе во Францію. То же самое, конечно, совѣтовали ему

здѣсь и друзья покойнаго отца. Нѣкоторые полагали даже начать процессъ, тотчасъ же освободить юношу изъ-подъ опеки стараго тирана, изверга, „l'ours de la Neva“, какъ прозвали они теперь Іоанна Іоанновича. И какъ еще недавно Кирилль былъ щедро награждаемъ дѣдушкой всякими прозвищами смѣшными и дурацкими, такъ теперь юноша и его парижскіе знакомые, въ свою очередь, изошрялись въ прозвищахъ и названіяхъ петербургскому дѣду, который былъ теперь „l'ours blanc, le vampire, le cyclone, le grand ogre“...

Съ самаго пріѣзда Кирилла на свою полу-родину, т. е. въ Версаль, онъ поселился на томъ же бульварѣ, гдѣ былъ домъ, въ которомъ онъ долго жилъ, но котораго теперь, конечно, не могъ нанять, не имѣя средствъ своего отца. Обстоятельства особенно благопріятствовали и петербургскій узникъ, скоморохъ за столомъ дѣда, сталъ здѣсь сразу предметомъ всеобщаго вниманія и любезнаго обращенія. Король зналъ его въ лицо и при встрѣчѣ милостиво кивалъ головой au jeune russe-versaillais. Герцогини и маркизы тоже милостиво улыбались ему при встрѣчахъ. Вскорѣ, наконецъ, одна изъ нихъ, очень веселаго поведенія, приблизила къ себѣ красиваго юношу, какъ мимолетный капризь, и перезнакомила его съ придворнымъ кругомъ, какъ сына всѣмъ знакомаго, недавно еще умершаго дипломата. Трудно было Спиридону перечить питомцу и обругать его здѣла за то, что онъ напримѣръ засидѣлся гдѣ-нибудь на вечеринкѣ, когда онъ самъ видѣлъ, что французскій царь кланялся его графчику.

— Нагубить ему, разсуждалъ Спиридонъ:—нажалуется онъ на тебя здѣшнимъ генераламъ, и что будетъ? Тебя жъ и выпорятъ. Говорятъ, анаемы, что здѣсь вишь не порятъ! Враки! Вѣрно знаю, что у нихъ есть эдакое мѣсто за нѣсколько верстъ отъ этой Версаля, куда никого не пускаютъ и гдѣ всѣхъ генераловъ, и дворянъ, и нашего брата лакея не токмо страшнѣюще порятъ розгами, а головы снимаютъ, и четвертуютъ на десять частей.

Но каково соображеніе было у Спиридона о четвертованіи на десять частей, таково же было его составившееся понятіе о Франціи, Парижѣ, Версали и королевскомъ дворѣ. Онъ сталъ не на шутку бояться своего графчика и ожидать, что онъ какъ-

нибудь нажалуется, и его, не говоря худого слова, обезглавят или сошлютъ въ какую-нибудь французскую Сибирь на вѣчныя времена.

И Спиридонъ, чтобы ужиться и не пропасть, сталъ, на сколько умѣлъ, ласковъ съ графчикомъ. Но и это продолжалось не долго. Какъ Кирилль чахъ въ Петербургѣ въ домѣ дѣда, такъ и Спиридонъ, хотя здоровенный, сталъ чахнуть въ Версаль. Да и мудрено было, конечно, безвыходно и невозможно положеніе русскаго хама, костромича по происхожденію, уроженца деревни Степкиной Овражкѣ, сотни разъ битого и дранаго на всѣ лады, занесеннаго судьбой мачихой... Куда же? За нѣсколько шаговъ отъ блестящаго, пышнаго, сказочно великолѣпнаго двора короля, перваго щеголя своего вѣка, гуляющаго среди стриженныхъ аллей, бассейновъ, фонтановъ, среди цѣлой толпы бѣломраморныхъ статуй, цѣлой сіяющей толпы придворныхъ. Положеніе Спиридона, разумѣется, было такое же, каково положеніе таракана пруссакъ, волею судебъ очутившагося въ изящной бонбоньеркѣ, переполненной разными чудными и душистыми конфектами.

Такъ или иначе, но Спиридонъ началъ чахнуть и слезно началъ просить своего графчика проставить въ цидуляхъ, которыя онъ отписывалъ аккуратно дѣду, чтобы его, раба, помиловали, простили и вернули на родимую сторону. Кирилль изъ жалости два раза написалъ дѣду, что Спиридонъ изнываетъ по отечеству и сталъ неузнаваемъ и жалокъ. Черезъ шесть мѣсяцевъ пріѣхалъ въ Версаль, доведенный какимъ-то русскимъ, другой дядька, имя котораго юноша Кирилль сразу и выговорить не могъ. Новый дядька былъ молодой, умный и расторопный парень, показавшійся ему даже очень добрымъ малымъ; онъ былъ тоже съ большущими, грубыми и красными руками, съ особымъ запахомъ чего-то жирно-горькаго, какъ и Спиридонъ, а назывался по имени Агафаклей.

— Oh, mon Dieu! воскликнулъ на это Кирилль:—A-ga-fa-cley!! Это ужасно! C'est terrible. Надо будетъ переимѣнить это имя, роуг не раз авоюет, когда придется называть. А то вѣдь всѣ смѣяться будутъ надо мной.

Агафаклей привезъ отъ Іоанна Іоанновича грозное посланіе на счетъ Спиридона и хотя позволявшее ему вернуться въ Петербургъ, но обѣщавшее судъ и расправу. Агафаклей на словахъ передалъ Спиридону Ефимычу, что ему: „хоть и не ѣзди въ Рассею! Сказывали во дворѣ, что какъ онъ пріѣдетъ, такъ его выпорять и въ степную вотчину на скотный дворъ сошлютъ“.

Но Спиридонъ, услыша это, возликовать.

— Пусть хоть въ Сибирь сошлютъ! На скотный дворъ! Да ты вотъ, Агафаклеюшка, поживешь тутъ малость, такъ увидишь. Это тебѣ такъ вновь повадливо кажется. Тутъ жисть окаянная, поскудная, каторжная, пуще всякой Сибири. Слова сказать не съ кѣмъ, лба перекрестить негдѣ, ни одного храма. У нихъ, подлецовъ, церквей и въ заводѣ нѣтъ, а вишь леглизы свои. Захочешь коли молиться, такъ дома молись. Не идти-жъ въ ихній леглизъ. А то скотный дворъ! Да я хоть сотню коровъ на себя возьму, чѣмъ съ здѣшнимъ скотомъ расправляться.

При первой же случившейся okazji, состоящій при польскомъ посольствѣ въ Версалѣ магнатъ, уѣзжая на родину, по просьбѣ Кирилла захватилъ съ собой Спиридона, съ обѣщаніемъ изъ Кракова доставить его какъ нибудь въ Петербургъ. Кириллъ послалъ съ Спиридономъ дѣду письмо, пространное и написанное въ сообщничествѣ съ своими друзьями въ довольно рѣшительномъ тонѣ. Онъ говорилъ, что при скудныхъ посылкахъ денегъ онъ при французскомъ дворѣ срамитъ имя графовъ Скабронскихъ и что самъ король удивляется, какъ ему высылаютъ на прожитокъ такъ мало средствъ. Кириллъ въ этомъ письмѣ кончалъ угрозой дѣду, что если онъ не будетъ высылать ему по крайней мѣрѣ пятьсотъ червонцевъ въ годъ на жизнь, то онъ, по совѣту здѣшнихъ министровъ и по желанію даже самого короля, перейдетъ во французское подданство и законнымъ порядкомъ вытребуешь все свое состояніе.

Спиридонъ, три мѣсяца пробывъ въ пути отъ Avenue de Roi до Васильевского острова, сіяющій, счастливый и поздоровѣвшій по вступленіи на русскую землю, явился передъ ясныя очи Іоанна Іоанновича. Въ тотъ же вечеръ, графъ, прочи-

тавъ привезенное ему французское и дерзкое посланіе внука, велѣлъ Спиридону заковать въ кандалы. И плохо пришлось бы Спиридону, если бы не случилось казуса.

Іоаннъ Іоанновичъ справился черезъ день.

— Что Спирька присмирѣлъ въ цѣпяхъ-то? Но графу доложили, что Спиридонъ ликуеть и, сидя въ сараѣ скованный, радуется, все крестится, Господа Бога благодарить, да рассказываетъ, пушай его въ кандалахъ въ старый высохнувшій колодезь посадить графъ и то будетъ Бога благодарить.

Вслѣдствіе этого Іоаннъ Іоанновичъ призвалъ къ себѣ Спиридона и, бесѣдуя съ нимъ, велѣлъ снять съ него кандалы.

Спиридонъ объяснилъ, что предпочтетъ быть живымъ зарытому въ землю, только въ матушку русскую—сыру землю. И затѣмъ въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ Іоаннъ Іоанновичъ разспрашивалъ Спиридона обо всемъ: о внукѣ, о Версалѣ, о королѣ, о житѣ-бытѣ за границами государства. И, наконецъ, Іоаннъ Іоанновичъ, вдругъ, самъ удивился тому, что оказалось само собой.

Оказалось, что Спиридонъ такой любопытный собесѣдникъ, такъ много видѣлъ и знаетъ, такъ рѣчисто все описуетъ, такъ ненавидитъ и злобствуетъ на все заморское и такъ радъ вернуться къ нему, старому барину въ услуженіе, что этакого человѣка не только грѣхъ, а глупость несообразная въ степную деревню сослать или въ Сибирь въ кандалахъ угнать.

Черезъ мѣсяцъ Спиридонъ, вмѣсто того, чтобы быть острожникомъ или ссыльнымъ, сдѣлался въ палатахъ Іоанна Іоанновича не болѣе не менѣе какъ главнымъ заправилой и самымъ приближеннымъ лицомъ къ барину.

Что касается до письма, привезеннаго отъ внука, Іоаннъ Іоанновичъ изорвалъ его въ клочки и только изрѣдка, вспоминая окончаніе письма, угрозы молокососа и разхрабрившагося издали „путифица“, качалъ головой и бормоталъ:

— Подростешь, вѣстимое дѣло, все твое имѣніе и иждивеніе тебѣ въ цѣлости и сохранности передамъ. А покуда, извини, путифицунка, посидишь у меня въ этой Версали и на сто червончиковъ въ годъ.

Черезъ шесть лѣтъ по возвращеніи Спиридона возвратился въ Петербургъ и самъ молодой графъ Кирилль Петровичъ Скабронскій и прямо остановился у дѣда.

Но съ нимъ случилось такое удивительное превращеніе, что Іоаннъ Іоанновичъ диву дался. Черты лица были, конечно, тѣ же, но двадцати-трехъ лѣтній молодой человѣкъ такъ себя велъ и держалъ, такъ говорилъ, что ужъ его теперь мудрено было скоморохомъ поставить. Обозвать его путифицемъ, — онъ самъ какимъ нибудь дурацкимъ прозвищемъ сдачи дать, и чего добраго, дѣдушку Кашею безсмертнымъ назоветъ. Графъ Кирилль сталъ совсѣмъ французъ и даже парижанинъ, былъ другъ и пріятель придворнаго кружка въ Версалѣ и жилъ въ послѣднее время при дворѣ очень широко, бросая золото чуть не за окошки своего великолѣпнаго отеля; но это дѣлалось, конечно, въ долгъ, за страшные проценты, въ ожиданіи полученія отъ дѣда своего состоянія, за которымъ онъ и пріѣхалъ теперь.

И дѣдъ Іоаннъ Іоанновичъ безпрекословно, по толстымъ книгамъ, реестрамъ и записямъ передалъ внуку все, начиная съ большихъ вотчинъ въ разныхъ губерніяхъ и кончая камзолами, пубами, галунами и всякой рухлядью, которая нашлась въ огромныхъ кладовыхъ того богатаго дома, который онъ же, Іоаннъ Іоанновичъ купилъ когда-то на имя внука.

— Захочу, ничего тебѣ не дамъ. Все мое. И ходовъ на меня къ государынѣ не найдешь. Все мое! грозился Іоаннъ Іоанновичъ, отдавая все до послѣдней тряпки.

Въ два мѣсяца времени, проведеннаго на берегахъ Невы, графъ Кирилль Петровичъ обворожилъ всѣхъ придворныхъ императрицы Елисаветы Петровны, и Шуваловыхъ, и Разумовскихъ; обворожилъ и малый дворъ великаго князя Петра Ѳеодоровича. Но, не смотря ни на какія просьбы и убѣжденія, онъ все-таки тайкомъ, черезъ двухъ евреевъ банкировъ, быстро распродалъ всѣ свои вотчины, все до послѣдней ложки и плошки и, простясь съ негодующимъ дѣдомъ Іоанномъ Іоанновичемъ, уѣхалъ снова въ свое истинное отечество.

XXVII.

Графъ Кирилль Петровичъ вернулся въ Версаль и тотчасъ началъ расплачиваться съ долгами. Цифра вышла очень значительная, такъ какъ ему теперь пришлось заплатить втрое болѣе того, что онъ когда-то бралъ, будучи подъ опекой дѣда. Треть суммы, вырученной чрезъ продажу русскихъ имѣній, пошла на уплату.

На этотъ разъ Кирилль Петровичъ не долго остался во Франціи. Въ то же лѣто онъ отправился въ Вѣну, о которой много слышалъ съ дѣтства, какъ о самомъ веселомъ городѣ послѣ Парижа. Однако Кесарская столица ему не понравилась, тѣмъ болѣе, что онъ не зналъ ни слова по нѣмцеи.

Между тѣмъ, вся его недавняя жизнь въ Версалѣ, безпорядочная и распущенная, благодаря распущенности нравовъ двора короля Донъ-Жуана, теперь начинала сказываться. Кирилль Петровичъ, будучи только двадцати-четырехъ лѣтъ, сталъ сильно прихварывать и на видъ ему казалось уже за тридцать лѣтъ. Особенно дурно вдругъ почувствовалъ онъ себя въ Вѣнѣ и, посоветовавшись съ докторами, воспользовался лѣтними мѣсяцами, чтобы полечиться водами въ красивомъ, и уже знаменитомъ мѣстечкѣ Карлсбадѣ.

Здѣсь-то неожиданно долженствовала рѣшиться его участь, здѣсь простой случай долженъ былъ имѣть вліяніе на всю его жизнь. Въ числѣ немногочисленныхъ посѣтителей водъ, онъ встрѣтилъ еще очень молоденькую женщину, которая даже его, избалованнаго красавицами Версаля, поразила своей замѣчательною красотой, благородствомъ и граціей въ малѣйшемъ движеніи. Ко всѣмъ прелестямъ незнакомки присоединялась еще одна, имѣвшая высокую цѣну въ глазахъ графа Кирилла, какъ всякаго празднаго волокиты. Красавица, которая не могла имѣть болѣе девятнадцати лѣтъ, была вдова.

Графъ тотчасъ же познакомился съ своей очаровательницей. Она оказалась нѣмка, уроженка Баваріи, по мужу баронесса Луиза фонъ-Пфальцъ. Она, по словамъ ея, будучи круг-

лой сиротой, выдана была насильно замужъ за богатаго старика барона и тотчасъ овдовѣла.

Кирилль Петровичъ, привыкшій къ легкимъ побѣдамъ при версальскомъ дворѣ, тотчасъ-же мысленно рѣшилъ покорить себѣ сердце красавицы баронессы. Однако, черезъ мѣсяцъ, вдова кокетка, очень умная и тонкая, но и съ замѣчательнымъ характеромъ, не только не была побѣждена версальскимъ ловеласомъ, но напротивъ того относилась къ нему хотя мило, но холодно и сдержанно. Онъ же наоборотъ—безъ ума влюбился въ нее. Первая въ жизни неудача въ ухаживаніи превратила простую влюбленность въ серьезное чувство.

Видались они всякій день, вмѣстѣ гуляли, вмѣстѣ объѣздили всѣ окрестности Карлсбада и, наконецъ, однажды послѣ страстнаго искренняго объясненія въ любви со стороны графа и его оскорбительнаго предложенія сердца безъ руки, баронесса попросила его прекратить свои посѣщенія.

На другое утро графъ получилъ письмо на плохомъ французскомъ языкѣ. Это былъ единственный языкъ, на которомъ они могли объясняться. Баронесса говорила въ письмѣ, что она отлично понимаетъ его положеніе, что онъ, знатный русскій вельможа, не можетъ жениться на бѣдной вдовѣ, хотя и стариннаго рода. Но такъ какъ она сама глубоко привязалась къ нему и теперь считаетъ всю свою жизнь разбитой, то надо скорѣе положить всему конецъ и разѣхаться, чтобы никогда не видаться. Она прибавляла, что, конечно, никогда теперь не выйдетъ снова замужъ ни за кого, а, всего вѣрнѣе, поступить въ монастырь, гдѣ одна ея тетка по матери уже давно абатиссой.

Конечно, Кирилль Петровичъ все принималъ за чистую монету и, влюбленный до безумія, черезъ нѣсколько дней сталъ женихомъ баронессы. Графъ хотѣлъ вѣнчаться тотчасъ-же, но красавица объявила, что это невозможно, что нужно будетъ послать повѣреннаго въ Баварію, дабы выправить разныя необходимые документы. И дѣйствительно она нашла ходатая по дѣламъ и, по совѣщаніи съ нимъ, отправила его въ Аугсбургъ.

Въ ожиданіи возвращенія повѣреннаго прошло два мѣсяца,

а женихъ и невѣста продолжали, уже въ ненастную осень, жить въ томъ же совершенно опустѣвшемъ Карлсбадѣ. Баронесса ни за что не хотѣла ѣхать въ Вѣну, гдѣ было у нея, какъ говорила она, много родственниковъ покойнаго мужа, которымъ ея вторичный бракъ могъ не понравиться.

За это время Кирилль Петровичъ окончательно сдѣлался полнымъ рабомъ своей невѣсты. Она была въдесятеро умнѣе его, кромѣ того, слишкомъ хороша и кокетлива, чтобы не завладѣть имъ совершенно. Вдобавокъ, при скучной и однообразной обстановкѣ маленькаго городка они видались всякій день и были наединѣ въ полномъ смыслѣ отъ зари до зари, а, между тѣмъ, баронесса вела себя съ своимъ женихомъ, какъ пуританка и тѣмъ болѣе разгоралась страсть Кирилла Петровича. За все это время, она только утромъ и вечеромъ, здороваясь съ нимъ и прощаясь, снимала непокидаемыя никогда душистыя перчатки и затѣмъ позволяла будущему мужу поцѣловать свои красивыя ручки съ тонкими пальцами, будто выточенными изъ слоновой кости.

Ходатай не писалъ и не ворочался. Однажды показалось графу, что онъ въ сумерки встрѣтилъ на противоположномъ концѣ Карлсбада фигуру, очень похожую на этого ходатая, который предполагался теперь въ Аугсбургѣ. Но баронесса только разсмѣялась надъ этимъ, называя его шутя илилюмина-томъ и духовидцемъ.

Наконецъ, однажды въ одинъ очень тихій, теплый осенній день, когда царствовали полный миръ, тишь и гладь, и въ маленькомъ городишкѣ, и въ синихъ небесахъ, ясныхъ и глубокихъ, а равно и въ сердцѣ влюбленнаго жениха, по соседству, на одномъ дворѣ съ ними разыгралась трагедія. Была зарѣзана неизвестными людьми старушка, хозяйка дома. Тотчасъ же явилась полиція. Убійцы не оказалось на лицо, но за то громовой ударъ разразился надъ Кирилломъ Петровичемъ.

Полиція, производа слѣдствіе, опрашивала всѣхъ жильцовъ, и извиняясь передъ именитыми аристократами, попросила и ихъ къ дачѣ показаній, попросила и у нихъ ихъ паспорта. Кирилль Петровичъ тотчасъ же предложилъ всѣ документы, какіе только у него были и ихъ переводъ на нѣмецкій

языкъ. Баронесса тоже передала свой паспортъ, настоящій нѣмецкій, хотя помѣченный не мюнхенской королевской печатью, а выданный ей въ Бухарештѣ.

Въ тотъ же самый вечеръ баронесса была видимо взволнована, вѣроятно потрясена убійствомъ, которое совершилось рядомъ съ ихъ квартирой. Весь вечеръ и всю ночь до утра не отпускала она отъ себя ни на шагъ своего жениха. И теперь, въ эту страшную ночь, въ первый разъ, она особенно и безъ конца увѣряла его въ своей глубокой страсти, въ вѣчномъ беззавѣтномъ чувствѣ къ нему, съ которымъ сойдетъ въ могилу. Графъ чуть не потерялъ разсудокъ въ эту безумно чудную ночь, подъ ея лаской, подъ ея жгучими поцѣлуями.

На утро двое полицейскихъ чиновъ появились въ домѣ, въ той половинѣ, которую занималъ графъ и стали снова допрашивать его. Но дѣло шло уже не объ убійствѣ старушки хозяйки, а о томъ, что знаетъ онъ о баронессѣ? Кирилль Петровичъ, изумляясь, отвѣчалъ все, что было ему извѣстно и прибавилъ, что она его невѣста.

Одинъ изъ полицейскихъ счелъ, однако, своимъ долгомъ поставить его въ извѣстность, что паспортъ, выданный баронессою, фальшивый и что, въ виду совершившагося на дворѣ событія, всякое сомнительное лицо дѣлается еще болѣе сомнительнымъ. Однимъ словомъ, полицейскій объявилъ, что если черезъ часъ времени онъ не получитъ отъ дамы, именующей себя баронессой фонъ-Пфальцъ, настоящаго неподдѣльнаго паспорта, хотя бы и съ другимъ именемъ, то она будетъ арестована и отвезена въ тюрьму.

Кирилль Петровичъ, вполне убѣжденный въ какомъ-то глупомъ недоразумѣніи, попросилъ дождаться полицейскихъ у себя, а самъ направился въ половину дома, гдѣ жила баронесса Луиза. Онъ ее нашелъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ оставилъ на зарѣ, въ пеньюарѣ, въ креслѣ у открытаго окна съ головой, опущенной на руки. Графу показалось, что она плачетъ. Онъ подошелъ къ ней, назвалъ ее, наконецъ, отнялъ руки отъ лица. Красавица вздрогнула, лицо ея было страшно блѣдно, глаза горѣли страннымъ лихорадочнымъ огнемъ, но были сухи. Даже какая-то злая усмѣшка пробѣжала по красивому лицу.

Приходилось тотчасъ-же сказать ей правду, хотя бы и оскорбить недовѣріемъ.

— Здѣсь у меня полиція опять, началъ Кирилль Петровичъ.—Они говорятъ... Право, не знаю что такое... Говорятъ про вашъ документъ... И графъ запнулся, не зная какъ выразиться.

— Что? выговорила красавица рѣзко, звонко и съ презрительной усмѣшкой.—Что они говорятъ? Они говорятъ, что видъ мой фальшивый? Не такъ ли?

— Да... какъ-то даже оробѣлъ Кирилль Петровичъ.

— Ну, что жъ? Мнѣ это не новость. Я это давно знаю. Я сама помогала его поддѣлывать!...

И тутъ произошла между женихомъ и невѣстой такая сцена, отъ которой Кирилль Петровичъ едва окончательно не потерялъ рассудокъ.

Красавица невѣста, которую онъ теперь уже давно боготворилъ, созналась во всемъ, рассказала цѣлую исторію, гдѣ было, быть можетъ, много и правды, горькой, ужасной, но было, быть можетъ, и много новой лжи. Она объяснила, что видѣла его мелькомъ еще въ Вѣнѣ, подкупила людей, чтобы знать куда онъ поѣдетъ и выѣхала за нимъ, чтобы имѣть случай, при болѣе скучной и скромной обстановкѣ Карлсбада, ближе познакомиться съ нимъ. Затѣмъ, чтобы заставить его сильнѣе и глубже привязаться къ ней, она придумала оттянуть время и сочинила посылку ходатая въ Аугсбургъ. Но, вмѣстѣ съ этой исповѣдью, красавица исповѣдалась въ страстной любви къ нему и просила лучше сейчасъ убить ее, чѣмъ бросать на произволъ судьбы.

Эта смутная, неожиданная и бурная бесѣда, со слезами, обморокомъ, чуть не съ конвульсіями, окончилась тѣмъ, что графъ попросилъ у нея хотя какой-либо видъ, настоящій, чтобы представить его немедленно полицейскимъ.

Видъ, по счастью, нашелся и невѣста Кирилла Петровича оказалась мѣщанкой мѣстечка Течень, на границѣ Саксоніи и Богеміи, оказалась по происхожденію даже не нѣмка, а чешка, Маркета Гинекъ. Чешскій языкъ, болѣе нѣмецкаго близкій ей и родной, сразу объяснилъ графу, какимъ

образомъ она такъ легко училась у него русскимъ словамъ и быстро усваивала себѣ самыя изъ нихъ трудныя по произношенію. Въ дѣйствительности самозванка могла выговаривать русскія слова, конечно, лучше самого Кирилла Петровича. прожившаго всю жизнь во Франціи.

Разумѣется, когда разразился этотъ громовой ударъ, уже было слишкомъ поздно вернуться назадъ. Три дня сряду Кириллъ Петровичъ просидѣлъ безвыходно въ своихъ горницахъ и, не видаясь съ самозванкой, повторялъ въ ужасѣ:

„Баронесса Луиза фонъ-Шфальцъ — мѣщанка Маркета Гинекъ!!“

И наконецъ, эта мѣщанка Течена осталась все-таки невѣстой его и черезъ нѣсколько времени въ одной изъ церквей Праги сдѣлалась графиней Скабронской. И только одно пожелалъ измѣнить графъ; узнавъ, что Маркета по чешски значить Маргарита, онъ попросилъ жену отнынѣ называться нѣмецкимъ именемъ. Страсть Кирилла Петровича къ авантюристѣ зашла такъ далеко, что этотъ бракъ состоялся самъ собой. Окажись Маркета или Маргарита не только простой мѣщанкой чешкой, но даже простой жидовкой или хоть настоящей, неподдѣльной вѣдьмой съ Карпатъ, то и тогда бы капризный, праздный и легкомысленный бояринъ не колебался бы ни минуты и назвалъ бы ее графиней Скабронской.

Тотчасъ послѣ свадьбы молодая пожелала повеселиться и объѣхать разныя европейскія столицы. Зиму провели они въ Парижѣ и въ Версалѣ, гдѣ графиня Маргарита познакомилась съ нѣкоторыми изъ придворныхъ и, благодаря своей замѣчательной красотѣ и уму, не ударила лицомъ въ грязь. Она даже удостоилась быть замѣченной первѣйшимъ, но уже и дряхлѣйшимъ волокитой всей Европы, самимъ Людовикомъ XV.

Между тѣмъ, состояніе графа Кирилла Петровича таяло не по днямъ, а по часамъ. Онъ начиналъ задумываться на этотъ счетъ, жена его тоже, и затѣмъ, вдвоемъ они рѣшились на предпріятіе многотрудное, почти безнадежное, но предприимчивая и ловкая красавица не отчаявалась въ успѣхѣ. Было рѣшено ѣхать въ Петербургъ и поселиться тамъ, чтобы

сойтись и обворовать богатаго и бездѣтнаго дѣда, который можетъ, даже долженъ не нынче-завтра умереть.

— Все его состояніе будетъ наше! говорила Маргарита: —я за это берусь.

Кирилль Петровичъ меньше надѣялся на успѣхъ и, кромѣ того, боялся теперь ѣхать въ страну снѣговъ и морозовъ, такъ какъ здоровье его окончательно пошатнулось и ему слѣдовало бы теперь болѣе чѣмъ когда-нибудь поселиться на югѣ. Къ тому же, доктора, къ которымъ графъ обратился за совѣтомъ, объявили, что онъ можетъ убить себя, если при настоящемъ слабомъ здоровьи поѣдетъ на дальній сѣверъ; но Маргарита рѣшила, что мужъ все-таки поѣдетъ съ ней, познакомить ее съ дѣдомъ, а затѣмъ оставить ее въ Петербургѣ одну и вернется на югъ.

— За одну зиму, говорила она, что ты проведешь хотя бы въ Италіи, а я на берегахъ Невы, старикъ очутится у меня въ рукахъ и состояніе его наше.

И, въ самое дурное и опасное время для слабогрудаго графа, въ самые крещенскіе морозы, пріѣхали они съ женой и поселились въ Петербургѣ.

Старый холостякъ-брюзга принялъ внука и красавицу внучку довольно равнодушно и поселиться у себя въ громадныхъ палатахъ не пригласилъ. Черезъ нѣсколько времени, по распросамъ объ ихъ заграничномъ житьѣ-бытьѣ, по нѣкоторымъ обмолвкамъ внука, по преувеличенной ласковости и вниманію къ себѣ ловкой красавицы внучки, старый дѣдъ, самъ хитрый и тонкій, тотчасъ проникъ въ чемъ дѣло.

— Разэтранжирили все мои этранжиры, догадался Іоаннъ Іоанновичъ, — вотъ и пріѣхали мои карманы попробовать расправить, да лапочки запустить. Да не первые вы и не послѣдніе Россійскіе бояре, что разэтранжиливаетесь въ заморскихъ земляхъ.

И Іоаннъ Іоанновичъ сталъ теперь, думая про внуковъ своихъ, повторять часто и ехидно это новое, недавно появившееся слово, которое означало истратиться и промотаться за границей.

И слово осталось въ новѣйшее время въ русскомъ языкѣ,

хотя въ нѣсколько сокращенномъ видѣ, т. е. „разтранжирить“.

Но какъ только Іоаннъ Іоанновичъ вполнѣ смекнулъ, что внучекъ, послѣ своихъ скитаній въ „этранже“, раззорился и при помощи красивой жены закидываетъ удочку на его огромное состояніе, старикъ сразу перемѣнилъ свое обращеніе съ молодыми супругами и сдѣлался съ ними особенно холоденъ.

Тонкая Маргарита однако разочла, что средствъ ихъ еще хватитъ для жизни въ Петербургѣ по крайней мѣрѣ на годъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ она сообразила тотчасъ, что, ради будущаго успѣха, надо съ своей стороны тоже рѣзко и дерзко отнестись къ дальновидному старику дѣду, чтобы этимъ сбить его съ толку. Она заставила мужа обращаться съ дѣдомъ самымъ высокомѣрнымъ образомъ, а равно и обмануть его роскошью обстановки ихъ дома.

— Я увѣрена, что все удастся, говорила спокойно Маргарита, — я только одного боюсь, чтобы онъ за это время не умеръ.

Поселившись въ столицѣ, заведя великолѣпную обстановку на послѣднія сотни червонцевъ, остававшіяся въ кошелькѣ, Маргарита перезнакомилась со всѣмъ высшимъ обществомъ и тотчасъ стала положительно сводить всѣхъ съ ума, и мужчинъ и женщинъ, и старыхъ и молодежь.

Государыня за это время все хворала, поэтому баловъ и маскарадовъ и всякаго рода увеселеній было въ Петербургѣ очень мало. Тѣмъ не менѣе Маргарита веселилась всячески, такъ какъ не останавливалась ни передъ чѣмъ, чтобы провести день шумно и беззаботно.

Тотчасъ по пріѣздѣ она начала усердно учиться по русски и, разумѣется, языкъ этотъ, на половину родной, дался ей очень быстро. Только ея русскій языкъ, хотя правильный, имѣлъ какой-то особенный оттѣнокъ въ выговорѣ, и именно это крайне нравилось всѣмъ.

Кириллъ Петровичъ только первое время появлялся въ обществѣ. Зимой онъ почувствовалъ себя плохо, лѣтомъ немного было поправился, но затѣмъ осенью сталъ чувствовать себя особенно нехорошо, а когда настала вторая зима, онъ уже не

выходилъ изъ дому. Когда же въ декабрѣ скончалась императрица, Кирилль Петровичъ не только не выходилъ, но уже лежалъ въ постели, осужденный нѣмцемъ докторомъ на смерть. У него развилась злая чахотка и надо было ожидать, что весенній невскій ледъ унесетъ и его.

Съ новаго 1762 года, когда графиня Маргарита ждала смерти мужа ежедневно, денегъ въ домѣ не было почти ни гроша. Съ дѣдомъ отношенія немного снова завязались, но дѣло не ладилось, старикъ при встрѣчѣ былъ довольно ласковъ съ внучкой, но въ домъ къ нимъ не ѣздилъ и денегъ не предлагалъ. И Маргаритѣ приходилось доставать денегъ всячески, даже съ ущербомъ дотолѣ честному имени Скабронскихъ. Со времени ихъ переѣзда въ Петербургъ, Маргарита стала самостоятельнѣе, рѣзче съ мужемъ и, наконецъ, совершенно, хотя исподволь, завоевала полную независимость.

XXVIII.

Орловы, конечно, рѣшились тотчасъ же дѣйствовать, не откладывая въ дальній ящикъ. Младшій отправился снова къ старику Скабронскому, но просить на этотъ разъ похлопотать уже не у графовъ Разумовскихъ, а у своей собственной внучки-иноземки. Григорій, прежде чѣмъ ѣхать къ молодой графинѣ Скабронской, которую онъ лично не зналъ, отправился къ извѣстной въ Петербургѣ княгинѣ Апраксиной.

Это была женщина уже не молодая, но очень красивая, когда-то замѣчательная красавица. Она играла большую роль подъ конецъ царствованія покойной императрицы, потому что сдѣлалась предметомъ страсти старшаго Шувалова. Орловъ, будучи чѣмъ-то въ родѣ адъютанта у него, побѣдилъ его красавицу и уже два года былъ съ ней въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ.

Исторія его съ ней надѣлала, конечно, очень много шума въ столицѣ и, быть можетъ, отчасти ускорила даже и смерть Петра Ивановича Шувалова. Теперь, при новомъ царствованіи, Апраксина не играла никакой роли, но у ней по прежнему

сохранилось много друзей въ городѣ и вообще у ней были большія связи.

Алексѣй Орловъ былъ тотчасъ же принять Іоанномъ Іоанновичемъ и старикъ былъ крайне удивленъ открытіемъ, что его просятъ ѣхать хлопотать къ его собственной внучкѣ, къ которой онъ относился теперь нѣсколько лучше, но все же высокоомѣрно и подозрительно.

— Просить за васъ у Маргаритки? Все можетъ! Сила!? Вонъ она какова цыганка-то! воскликнулъ Іоаннъ Іоанновичъ, въ изумленіи.

Старикъ, разумѣется, рѣшилъ, что чешка и цыганка одно и то же.

— Сдѣлайте милость, говорилъ Алексѣй Орловъ,—заступитесь; ваша внучка многое можетъ сдѣлать, а вамъ она, конечно, не откажетъ.

Іоаннъ Іоанновичъ объяснилъ, что онъ давно не былъ у внука, своей внучки не долюбиваетъ, смазливой рожи ея видѣть безъ досады не можетъ, но что ради сыновей стараго доброжелателя, Григорія Иваныча Орлова поѣдетъ къ внучкѣ и попросить.

— Токмо одно мнѣ удивительно, отозвался онъ.—Маргарита коимъ бѣсомъ въ случаѣ? Что она можетъ? Неужто она такой व्यюнъ, что успѣла при новомъ дворѣ ходы завести и теперь, вдругъ, къ ней надо за милостями забѣгать? Вотъ такъ финтъ! Удивительно!

Когда Орловъ уѣхалъ, Іоаннъ Іоанновичъ долго сидѣлъ и соображалъ, долго обдумывалъ новое чрезвычайное открытіе. Эта Кирилкина жена удивительная красавица, но лиса, плутъ, заморская шельма, которая и правила ему, и отталкивала его своей темной душенькой, вдругъ оказывается, неизвѣстно съ какихъ поръ и неизвѣстно почему, сильною личностью при новомъ дворѣ! Офицеръ гвардіи проситъ заступиться и ѣхать къ ней. Іоаннъ Іоанновичъ рѣшилъ ѣхать немедленно къ внучкѣ, если не ради Орловыхъ, то ради себя самого.

„Мало ли что можетъ на башку свалиться? думалъ онъ: не только мое положеніе при новомъ государѣ стало неизвѣстно и темно, но даже Разумовскіе не твердо сидятъ въ сво-

ихъ дворцахъ. А тутъ вдругъ эта цыганка оказывается силой великой.

Въ это же время Григорій Орловъ побывалъ у своей пріятельницы Апраксиной и удивилъ и ее, какъ братъ удивилъ старика Скабронскаго. Она убѣдила друга, что Маргариту очень любить, что онѣ тайнѣ не имѣютъ другъ отъ друга, и что подобное значеніе иноземки есть досужій вздоръ и выдумка Котцау, Григорій унылый поѣхалъ къ князю Тюфякину требовать уплаты давнишняго карточного долга, ради того, чтобы имѣть хоть деньги на лицо въ случаѣ возможности примиренія.

Князь Глѣбъ Тюфякинъ жилъ въ небольшой квартирѣ на Морской, недалеко отъ Орловыхъ. Онъ пользовался самой плохой репутаціей. Все, что можетъ сдѣлать петербургскій франтъ-офицеръ сомнительнаго, князь Тюфякинъ продѣлалъ все. На сколько Григорій Орловъ былъ извѣстенъ своими любовными похождениями, на столько былъ извѣстенъ и князь Тюфякинъ, но съ тою огромною разницею, что Орловъ былъ героемъ въ воображеніи многихъ столичныхъ молодыхъ красавицъ, а князь Тюфякинъ былъ героемъ пожилыхъ женщинъ, преимущественно богатыхъ и во всѣхъ своихъ похожденияхъ являлся темною личностью. Во всякую исторію, передаваемую о немъ, примѣшивалась всегда какая-нибудь не вполне чистая выходка.

Хотя его и звали въ столицѣ „фаворитъ фаворита фаворитки“, но порядочные офицеры гвардіи сторонились отъ князя Тюфякина, какъ отъ личности, съ которой наживешь какое-нибудь срамное дѣло. Какимъ образомъ сѣумѣлъ князь Глѣбъ пролѣзть въ дружбу съ любимцемъ государя и Воронцовой—Гудовичемъ, всѣмъ было почти непонятно. Пользовался онъ этой дружбой тоже для многихъ темныхъ дѣлъ. Онъ близко зналъ въ столицѣ и былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ тоже съ разнообразными темными личностями. Между прочимъ, его главный помощникъ во многихъ дѣлахъ былъ довольно извѣстный въ городѣ еврей Лейба.

Долговъ было у Тюфякина безъ числа, а жилъ онъ широко. Онъ многихъ увѣрилъ, что получаетъ черезъ своихъ сестеръ

княженъ отъ ихъ тетки опекунши до тысячи червонцевъ въ годъ, но это была выдумка и какія деньги тратилъ Тюфякинъ— было совершенно неизвѣстно.

За нѣсколько времени передъ тѣмъ онъ часто бывалъ у Орловыхъ и постоянно велъ крупную игру въ карты. Князь не очень нравился кружку Орловыхъ и его собирались уже въ началѣ зимы перестать пускать, но въ то же самое время князь вдругъ проигралъ пятьсотъ червонцевъ Григорію Орлову и, не уплативъ, пересталъ бывать самъ. Прежде, выигрывая тоже крупныя суммы, онъ всегда аккуратно получалъ ихъ и теперь всю компанію сердило то обстоятельство, что ихъ-же, частію отыгранныя деньги князь повидимому не намѣревался возвращать, ибо ноги не ставилъ. Орловы, около святокъ, и стало быть въ началѣ новаго царствованія, собрались было потребовать деньги съ князя, припугнуть его и заставить заплатить, но въ то же время они узнали, что ловкій Тюфякинъ сдумѣлъ вдругъ изъ русскаго офицера сдѣлаться голштинскимъ офицеромъ. Изъ своего полка, Преображенскаго, онъ вдругъ перешелъ въ любимый государевъ полкъ. Это былъ первый примѣръ, которому затѣмъ послѣдовали и другіе русскіе офицеры, но всѣ они были на подборъ съ дурными репутаціями.

Тюфякинъ, какъ первый поступившій въ голштинцы, былъ отличенъ государемъ и трогать его становилось опаснымъ, но Орлову были теперь по-зарѣзъ нужны деньги и онъ рѣшился. Явившись на квартиру Тюфякина, онъ напелъ его дома, но произвелъ нѣкотораго рода переполохъ.

Тюфякинъ, принявъ его, скрылъ въ сосѣдней комнатѣ двухъ лицъ, бывшихъ у него. Одна изъ этихъ личностей былъ еврей Лейба, присутствіе котораго въ квартирѣ офицера имѣло довольно дурное значеніе. Григорій Орловъ не преминулъ-бы сказать всѣмъ, что видѣлъ Лейбу, самаго отчаяннаго мошенника и ростовщика, въ квартирѣ Тюфякина. Другая личность, которую князь Глѣбъ поневолѣ долженъ былъ спрятать, была его сестра княжна Настасья, которая, тайкомъ отъ сестры и тетки, иногда стала, при поѣздкахъ съ нимъ въ городъ, заѣзжать къ нему на квартиру. Подъ предлогомъ какого-нибудь

званаго вечера въ городѣ, Настя теперь оставалась у брата иногда до ночи и онъ отвозилъ ее самъ домой къ теткѣ-опекуншѣ.

Князь Глѣбъ, тотчасъ догадавшись при появленіи Орлова въ чемъ дѣло, принялъ его крайне любезно.

— Давно я у васъ не былъ, Григорій Григорычъ, времени не было. У насъ въ Рамбовскомъ полку теперь все ученія, да эзерциціи, не то, что бывало въ преображенцахъ.

— Коли тяжело тамъ служить, не надо было переходить, сурово выговорилъ Орловъ. — Никто васъ въ голштинцы не гналъ. А я къ вамъ по дѣлу, князь. Чаю, ужъ смекнули?

Князь сдѣлалъ видъ, что не понимаетъ.

— На свои долги память коротка, буркнулъ Орловъ.

— Да, да, какъ же, помню, всякій день собираюсь, замѣтилъ князь. — Экая досада, что вы вчера не пріѣхали, вчера вотъ были деньги, и большія деньги, да все разошлось. Сегодня ни гроша нѣтъ, ей-Богу.

При этомъ князь Глѣбъ живо размахивалъ руками, а глаза его бѣгали по всей комнатѣ и по Григорью Орлову, не останавливаясь ни на секунду ни на чемъ.

— Экая досада, чтобы вамъ вчера-то! Вѣдь вотъ, какъ на смѣхъ.

Орловъ понялъ, конечно, что сказанное выдумка и болтовня.

— Это, какъ въ Нѣмеціи, въ одномъ городѣ былъ трактиръ съ вывѣской: „Сегодня здѣсь постой и столъ за деньги, а завтра даромъ“. Были молодцы, что на утро заходили прочесть вывѣску и за ухомъ почесать... Ну, я бы не пошелъ, князь. Себя въ дураки рядить не дамъ. Такъ вотъ что... Денежки пожалуй, нужда крайняя.

— Да право-жъ не могу. Вотъ на дняхъ, какъ-нибудь заѣду и привезу. Безпремѣнно! жалобно выговорилъ князь.

Григорій Орловъ посидѣлъ нѣсколько минутъ молча, опустивъ глаза въ землю, потомъ вдругъ началъ сильно и громко сопѣть, какъ бы отдуваясь отъ усталости. Въ то же время его большая рука поднялась и онъ началъ медленно гладить себя по щекѣ и проводить ладонью по губамъ.

Князь Тюфякинъ смутился. Онъ зналъ давно и близко этого силача и зналъ, что это сопѣніе и это поглаживаніе себя по щекамъ означало въ Орловѣ гнѣвъ, который подступаетъ къ сердцу.

„Загребетъ вотъ сейчасъ и убьетъ съ дуру“, невольно подумалъ Тюфякинъ, вспоминая, какъ, разъ, подобное случилось у него на глазахъ въ одномъ трактирѣ. Разсерженный Орловъ, посопѣвши немножко, взялъ одного офицера за шиворотъ, протискалъ его, Богъ вѣсть какъ, въ печку, гдѣ еще дымилась головешка и заперъ заслонку. Послѣ этого Орловъ тотчасъ же уѣхалъ изъ трактира, а офицеръ изъ печки обратно, хотя уже и добровольно, вытѣзъ все-таки не смогъ и пришлось выламывать кирпичи, чтобы его освободить.

— Клянусь вамъ, Григорій Григоричъ, завопилъ Тюфякинъ, увидя знакомый жестъ:—завтра или послѣ-завтра непременно постараюсь, хотя себя заложу, а достану. Пожалуйста, не пеняйте, всего денекъ, другой...

— Да васъ, батенька, въ закладъ кто же возьметъ? пошутилъ Григорій.

— Такъ сказывается, кисло ухмыльнулся Тюфякинъ.

— Хорошо, проговорилъ Орловъ серьезно.—Только помни, Глѣбъ Андреевичъ, свое слово. Я вѣдь не затѣмъ пріѣхалъ просить отдать мнѣ деньги, что мнѣ нужно въ карты ихъ спустить. У меня на шеѣ дѣло пагубное. Если вы отдадите мнѣ завтра деньги, онѣ меня изъ бѣды выручатъ. Не отдадите, то не пеняй, я васъ только гдѣ повстрѣчаю, то и поломаю малость,—и Шванвичъ вамъ не поможетъ. Вмѣстѣ съ братомъ Алеханомъ за васъ примемся.

Послѣднее Орловъ сказалъ умышленно; онъ узналъ, что Тюфякинъ со времени проигрыша ему денегъ, подружился съ первымъ силачемъ, извѣстнымъ на весь Петербургъ и даже на всю Россію, какъ бы предвидя, къ чему поведетъ неуплата денегъ.

— А дѣло мое, князь, погибельное, за всю жизнь такой бѣды не страшивалось на голову.

— Да какое у васъ дѣло? заговорилъ Тюфякинъ.—Не могли я вамъ, кромѣ денегъ, помочь чѣмъ? Деньги сами собой,

постараюсь непременно. Но могу вѣдь и тоже и въ дѣлѣ вашемъ вамъ пособить?

Орловъ подумалъ и, сообразивъ, что Тюфякинъ и безъ того не можетъ не знать его исторіи съ Котцау, а только прикидывается, рѣшилъ подробно все рассказать ему, за исключеніемъ, конечно, того, что Котцау просить денегъ за обиду.

— Деньги-то тутъ при чемъ же? спросилъ Тюфякинъ.

— А вѣдь арестуютъ, потомъ сошлютъ, нужны деньги на дорогу. Шутите что ли, безъ гроша къ примѣру въ Бѣлозерскѣ бѣжать...

Тюфякинъ подумалъ и обѣщалъ употребить все свое вліяніе на Гудовича и Воронцову, чтобы устроить дѣло и тѣмъ оттянуть уплату долга.

— Котцау я знаю, онъ вѣдь насъ обучаетъ экзерциціи, сказалъ князь.—Я къ нему съѣзжу и, надѣюсь, все устрою; не посмѣетъ онъ артачиться. Я ужъ такъ подстрою, что онъ проститъ обиду... А вы, Григорій Григоричъ, сами тоже сдѣлайте дѣльце, ступайте къ одной красавицѣ писанной, графинѣ Скабронской. Знаете, что недавно въ Петербургѣ, съ годъ, что-ли. Ее попросите вы за васъ словечко замолвить.

Григорій Орловъ во второй разъ, отъ другого лица, услыхавъ то же самое, т. е. о таинственномъ значеніи иностранки-графини, невольно вытаращилъ глаза на Тюфякина. Котцау, Агаеонъ и Тюфякинъ предлагаютъ то же?...

— Чему удивились? Вѣрно вамъ говорю. Въ чемъ тутъ сила, сказать вамъ не могу. А только вѣрно говорю. Поѣзжайте къ ней и попросите ее за васъ похлопотать.

— Да нѣшто она... заговорилъ Орловъ и запнулся.—Нѣшто она пользуется благорасположеніемъ... Ну, государя что-ли?

Тюфякинъ сталъ хохотать.

— Что вы, помилуйте! Государь ее въ глаза не видалъ никогда. Вы думаете, я вамъ сказать не хочу, боюсь что ли? Вотъ побожусь на образъ, совсѣмъ не то. Тутъ дѣло не въ государѣ. Вы знаете, сказываютъ, что когда подрядчикъ какой изъ купцовъ хочетъ дѣло сдѣлать, такъ не къ барину идетъ, а къ его управителю, вотъ такъ и тутъ. Графиня Скабронская государю совсѣмъ неизвѣстна. Ну, а все-таки... какъ бы вамъ

сказать... Вы, все-таки, поѣзжайте къ ней. Многое она можетъ. А какъ собственно и почему можетъ... Увольте—не скажу!

— Чудное дѣло, пожалъ плечами Орловъ.—Познакомлюсь, поѣду, попрошу. Чудное дѣло! Ну, а деньги, князь, какъ хотите, а получить позвольте. Вы сколько разъ выигрывали у меня и въ тотъ же вечеръ ихъ въ карманъ клали и увозили. Много червонцевъ перешло къ вамъ Орловскихъ, позвольте разочекъ и намъ вашихъ отвѣдать, Тюфякинскихъ. А еще вѣрнѣе молвить, позволь мнѣ, князь, свои обратно получить.

— Непремѣнно,непремѣнно,зачастилъ Тюфякинъ.—Только все таки, если я усовѣщу бранденбурца и простить онъ васъ, а графиня тоже поможетъ, то вы общаетесь меня уже не принимать. Общаетесь?

Орловъ подумалъ и вымолвилъ:

— Ладно! Даже вотъ что скажу: мнѣ вѣдь все равно, что вамъ подарить, что на дорогу истратить: Если эта бѣда уляжется и мы съ Алеханомъ останемся цѣлы, то, пожалуй, во все я съ васъ взыскивать не стану, оставляйте ихъ себѣ на разживу.

Тюфякинъ засіялъ лицомъ, даже голосъ его какъ-то измѣнился.

Когда Григорій Орловъ вышелъ на улицу, появившіеся по очереди изъ засады гости все таки нашли князя въ нѣкоторомъ смущеніи, онъ думалъ: ну, а если Котцау заупрямится? Придется платить?!

Первый появился изъ сосѣдней горницы, куда дверь была приотворена, еврей Лейба. Это былъ сухопарый, на кривыхъ ногахъ, съ рѣзкими чертами лица, сынъ Израиля; жидъ съ головы до пятъ, но еще молодой и даже, пожалуй, красивый; онъ сталъ и впился въ князя безпокойными глазами. Новый долгъ и новая уплата князя должна была болѣе всего потревожить Лейбу. И такъ ужъ много денегъ пропадало за Тюфякинымъ, а теперь, очевидно, онъ будетъ просить опять новаго займа.

— Ну что, Іуда, слышалъ? выговорилъ грубо князь.

— Все слышалъ, отозвался Лейба.—И какъ же не слышать! Но... и онъ растопырилъ руками въ воздухъ, какъ бы заранѣе

заявляя, что въ данномъ случаѣ, что касается до него, онъ ничего сдѣлать не можетъ.

— Ну, ты казанскую сироту не изображай! Нужно будетъ—такъ тебя же за бока! гнѣвно выговорилъ Тюфякинъ.— Самъ слышалъ. Что жъ я вру, что ли? Понялъ ты? Нужно коли платить, такъ кто же доставать будетъ, коли не ты!... Нечего разводить руками.

Княжна Настя, услышавшая изъ другой дальней комнаты голоса Лейбы и Глѣба, догадалась, что офицеръ Орловъ уѣхалъ и вышла тоже.

— Что такое? Зачѣмъ онъ пріѣзжалъ? спросила она выходя.

Тюфякинъ объяснился.

— Такъ поѣзжай къ Котцау сейчасъ же, уговори его. Гдѣ-жъ такія деньги достать! И сколько ихъ?

— И не помню! злобно выговорилъ князь Тюфякинъ.— Чортъ ихъ упомнить! Триста ли червонцевъ, пятьсотъ ли, а почему знаю! И проигралъ-то въ пьяномъ видѣ, сто лѣтъ тому назадъ.

— Такъ ступай скорѣе въ Рамбовъ. А тамъ и Елизавету Романовну попроси... Или пускай простятъ, или пускай прикажутъ скорѣе ихъ засадить и выслать. Хоть бы нынѣ вечеромъ. Приказать засадить не долго! выговорила княжна быстро и горячо.

— Зачѣмъ же это я буду просить засадить? Мнѣ какое дѣло? угрюмо отозвался Тюфякинъ.

— Ахъ, Господи! Да вѣдь изъ острога онъ тебя не достанетъ, будетъ черезъ пріятелей денегъ просить, а самъ-то вѣдь на запорѣ будетъ. Дратся-то вѣдь ужъ нельзя ему будетъ....

Князь поднялъ голову, посмотрѣлъ на сестру и вдругъ вскочилъ со своего мѣста.

— Ахъ, Настенька! Умница! Соломонъ, ей-богу! Слышь ты, Іуда, вашъ только царь Соломонъ эдакъ-то вотъ разсуждалъ.

Князь разцѣловалъ сестру, повеселѣлъ и воскликнулъ:

— Такъ! Истинно! Вѣрно! Ловко! Зеръ гутъ! Или прощенье

полное, или чтобы тотчасъ на цѣпь и въ Бѣлозерскъ!! Ёду къ Котцау, а отъ него къ „Романовнѣ“ нашей!

Но прежде, чѣмъ отправляться по дѣламъ, князь долженъ былъ отвезти сестру домой.

Настя, вернувшись къ себѣ, самоувѣренно и спокойно рассказала теткѣ и сестрѣ подробности своихъ визитовъ по городу, кого она видѣла и что говорила и что слышала. Все это было выдумкой, она все время своего отсутствія просидѣла у князя Глѣба. Но лгать на этотъ ладъ Настѣ приходилось уже не въ первый разъ. И эта ложь не только не смущала ее, не только не была ей въ тягость, но, видя какъ довѣрчиво и опекунша и Василекъ выслушиваютъ ея выдумки, Настя становилась съ каждымъ днемъ смѣлѣе и съ каждымъ днемъ относилась къ обѣимъ съ большимъ пренебреженіемъ. Она начала считать себя неизмѣримо выше ихъ разумомъ и способностями.

— „Онѣ вѣдь дуры“, поневолѣ, мысленно рассуждала она.

Между тѣмъ, за послѣднее время, бесѣды съ братомъ единѣ приносили свои плоды. Онѣ поучалъ сестру и готовилъ ее на самую распущенную жизнь, въ виду своей личной пользы.

XXIX.

На Невской перспективѣ, за нѣсколько домовъ отъ Полицейскаго моста, полускрываемый рядомъ большихъ липъ и березъ, стоялъ двухъ-этажный домъ, простой, но красивый. Архитектура его была того стиля, который само собою незамѣтно проникъ въ Россію и главнымъ образомъ въ Петербургъ, начиная съ Петра Великаго. Стиль этотъ чисто старый голландскій: простыя угловатыя формы всѣхъ очертаній, плоскія, рельефныя колонны, кое-гдѣ, какъ-бы вставленныя въ рамакъ, скульптурныя украшенія, отгѣненные желтой краской отъ бѣлаго фона стѣнъ; при этомъ очень высокая, крутая крыша, на которой не можетъ залежаться снѣжный сугробъ.

Домъ этотъ былъ выстроенъ однимъ родственникомъ и лю-

бимцемъ кабинетъ-министра Волынскаго. Послѣ казни покровителя, владѣлецъ дома тоже пострадалъ и отправился въ ссылку. Теперь домъ этотъ принадлежалъ голландцу, явившемуся въ царствованіе Анны Іоанновны въ качествѣ вольнонаемнаго матроса, а теперь ставшему не болѣе и не менѣе какъ банкиромъ. Его фирма была извѣстна всему Петербургу и онъ сдѣлался кредиторомъ многихъ болѣе или менѣе крупныхъ личностей, чиновниковъ и офицеровъ на разныхъ ступеняхъ іерархической лѣстницы. Когда-то онъ былъ Круксъ, теперь же сдѣлался Ванъ-Круксъ. Но самъ хозяинъ матросъ, банкиръ, кораблестроитель, подрядчикъ и аферистъ на всѣ руки не жилъ въ домѣ, который приобрѣлъ только ради того, что онъ напоминалъ ему немного его родину. Онъ жилъ на маленькой квартирѣ недалеко по Мойкѣ.

Домъ за годъ назадъ былъ занятъ пріѣхавшимъ въ Петербургъ съ молодой женой графомъ Кириллою Скабронскимъ. Здѣсь роскошно устроился промотавшійся внукъ графа Іоанна Іоанновича, котораго, наконецъ, привели въ отчизну на жительство уже совершенно стѣсненныя обстоятельства.

Въ нижнемъ этажѣ дома помѣщались только парадныя комнаты, на столько великолѣпно отдѣланныя, на сколько было только возможно въ то время въ Петербургѣ. Жилыя комнаты помѣщались во второмъ этажѣ. Въ домѣ этомъ, обстановка котораго была такая же, какъ и во всѣхъ прочихъ богатыхъ домахъ Петербурга, была только одна особенность: малое сравнительно количество служителей. Вдобавокъ прислуга эта была не изъ русской дворни, праздной, лѣнивой и неряшливой.

Въ этомъ домѣ было человѣкъ пять-шесть людей, но всѣ они были опрятно одѣты, смотрѣли весело, аккуратно и усердно дѣлали свое дѣло и нѣкоторые изъ нихъ даже не говорили по-русски. Одинъ былъ чистый французъ, привезенный графомъ съ собой, другой былъ нѣмецъ, третья, любимая горничная графини, была курляндка.

Было уже часовъ десять утра. На улицахъ было довольно много прохожихъ и проѣзжихъ; въ сосѣднихъ домахъ, въ особенности поближе къ Полицейскому мосту и ко дворцу госу-

даря, замѣчалась уже начавшаяся суета дня, а въ домѣ этомъ все еще было тихо.

Въ немъ еще только просыпалась прислуга, привыкшая жить на иностранный ладъ: ложиться, по милости господъ, поздно и вставать передъ полуднемъ.

Въ нижнемъ этажѣ угловая гостиная съ красивою пунцовою мебелью, съ изящнымъ убранствомъ, переполненная картинами и бронзой, отличалась отъ обыкновенныхъ гостиныхъ высокимъ куполомъ вмѣсто потолка. Это была фантазія того, кто когда-то строилъ домъ и умеръ затѣмъ въ Бѣлозерскѣ. Въ глубинѣ этой небольшой, по-заморски убранной гостиной стояла большая, необыкновенно эффектная кровать, вся рѣзаная изъ розоваго дерева и вся испещренная бронзовыми гирляндами и фарфоровыми медальонами; на четырехъ витыхъ колонкахъ высился легкій, красивый и эффектно драпированный балдахинъ съ занавѣсами изъ голубого бархата, а на верхушкѣ его два маленькихъ золотыхъ льва держали щитъ съ гербомъ графовъ Скабронскихъ. По присутствію здѣсь этой красивой голубой кровати среди неправильно разстановленной и сбитой въ кучу пунцовой мебели было видно, что въ гостиной была только временно устроена спальня.

Дѣйствительно, здѣсь ночевала теперь и проводила часть дня хозяйка квартиры, графиня Маргарита Скабронская, лишь за нѣсколько мѣсяцевъ перебравшаяся сюда сверху, подальше отъ больного мужа.

Часу въ одиннадцатомъ люди поднялись на ноги и стали тихонько переходить изъ комнаты въ комнату, убирая домъ.

Скоро внизу появилась хорошенькая, молоденькая нѣмка, пестро и щегольски одѣтая, съ коротенькой юбочкой на фижахъ, въ снѣжно-бѣлыхъ чулкахъ, въ башмакахъ съ бантами на огромныхъ каблукахъ; на груди ея была скрещена и завязана сзади узломъ большая шелковистая косынка. Нѣсколько разъ подходила она къ дверямъ пунцовой гостиной, очевидно прислушиваясь: не проснулась ли барыня. Но въ это время въ горницѣ съ куполомъ все было тихо.

Черезъ забытую вчера неопущенную на окно тяжелую занавѣсъ врывался въ комнату яркій свѣтъ уже высоко подняв-

шагося солнца и играть сотнями переливовъ въ позолотѣ львовъ на балдахинѣ, въ золотомъ карнизѣ купола и въ бронзѣ всей мебели. Одинъ яркій солнечный лучъ падалъ прямо на кровать и ослѣпительно горѣлъ на голубомъ бархатѣ драпировки, въ ея серебристой бахромѣ и кистяхъ и на атласномъ нѣжно-желтомъ одѣялѣ, обшитомъ кружевами.

На широкой двойной кровати крѣпко спала молодая и особенно красивая женщина. Это и была графиня Маргарита. Солнце свѣтило прямо на нее и ужъ успѣло сильно пригрѣть и одѣяло, и подушку, къ которой прильнула она щекой и которую обсыпала вьющимися прядями черныхъ волосъ съ примѣсью пудры. Ея обнаженные красивыя плечи и изящныя руки, недвижно протянутыя сверхъ толстыхъ складокъ наброшеннаго одѣяла, тоже начинало довольно сильно согрѣвать этимъ солнечнымъ лучемъ. Но сонъ ея былъ слишкомъ крѣпокъ, даже отчасти тяжелъ. Она тяжело дышала, припекаемая солнцемъ, грудь высоко вздымалась... но все-таки красавица не просыпалась. Она сильно устала наканунѣ на веселомъ вечерѣ и поздно вернулась домой.

Около нея на столикѣ лежали часы и затѣмъ три предмета, которые она, конечно, спрятала бы тотчасъ, если бы сюда нескромно проникъ посторонній взоръ.

Во-первыхъ, лежалъ листъ бумаги, исчерченный карандашемъ съ безконечными рядами цифръ. Вчера, уже ночью, въ постели, сводила она безконечные счеты и, конечно, не счеты прихода, а непомѣрнаго, не по силамъ расхода. Рядомъ съ этимъ листкомъ стояла маленькая изящная саксонская чашечка съ остаткомъ питья. То, что ей наливалось вечеромъ хорошенькой нѣмкой-наперсницей въ эту чашечку, было почти тайной между ними обѣими. Это было любимое наркотическое питье, составленное изъ разныхъ специй, сильно дѣйствующихъ на нервы. Въ составъ его входила и частица турецкаго гашиша.

Наконецъ, около чашечки лежала крошечная золотая табакерка, и съ голубой эмали крышка, среди маленькихъ брилліантовъ и жемчужинъ, выглядывала прелестная головка амура на двухъ бѣленькихъ крылышкахъ. Табакерка свидѣтельствовала о пріобрѣтенной дурной привычкѣ, зачастую свойственной

многимъ молодымъ красавицамъ и львицамъ ея среды, но все-таки изъ приличія и скромности скрываеомой въ обществѣ.

Спящая красавица на этой изящно-щегольской кровати, какъ бы обрамленная яркими цвѣтами шелка и бархата, да еще ярко, будто любовно, озаренная полдневнымъ солнцемъ, была дѣйствительно замѣчательно хороша собой; лицо ея. нѣжныхъ очертаній, не смотря на тяжелый сонъ, все-таки дышало молодостью, силой и страстью.

Невдалекѣ отъ постели, на большомъ креслѣ было брошено снятое съ вечера платье, но не женское. Это былъ полный мундиръ кирасирскаго полка. Далѣе, на столѣ, накрытомъ узорчатой скатертью, слегка съѣхавшей на бокъ, лежали маленькія игральныя карты, коробка съ бирюльками и крошечная перламутровая дощечка съ квадратиками, а вокругъ нея были разсыпаны такіе же крошечные шахматы. Ими; конечно, могли съ удобствомъ играть только тѣ маленькія ручки, которыя покоились теперь во снѣ на одѣялѣ, любовно пригрѣтыя солнечными лучами.

Тутъ же среди шахматъ лежалъ брошенный вчера флаконъ съ пролитыми духами и тонкій раздражающій запахъ все еще распространялся кругомъ стола.

Если бъ посторонній человѣкъ, хотя бы дряхлый старикъ, могъ проникнуть теперь въ эту импровизованную спальню, то навѣрное и невольно залюбовался бы на спящую красавицу. А если бы сюда могъ заглянуть юноша Шепелевъ, то по красивому лицу спящей да и по брошенному рядомъ мундиру, онъ узналъ бы своего ночного спасителя, котораго принялъ за офицера-измайловца.

Во второмъ этажѣ, въ небольшой горницѣ, помѣщавшейся почти надъ гостиной, всѣ занавѣсы были тщательно спущены и лучъ дневного свѣта только едва скользилъ между двухъ неплотно сдвинутыхъ половинокъ. Обстановка этой горницы была иная и все въ ней было въ прямомъ противорѣчій съ изящной обстановкой нижней комнаты съ куполомъ.

Здѣсь обыкновенный потолокъ былъ нѣсколько ниже; у стѣны стояла небольшая простая кровать и въ ней на трехъ большихъ подушкахъ видѣлась какъ бы полу-сидячая фигура муж-

чины съ худымъ, желтоватымъ и изможденнымъ лицомъ, слегка обросшимъ усами и бородой. Большой круглый предъ диваномъ столъ былъ заставленъ рюмками, стаканами, скляницами и пузырьками. Удушливый и кисловатый аптечный запахъ наполнялъ темную горницу.

Въ горницѣ этой былъ только небольшой диванъ и нѣсколько кресель, обитыхъ такою же голубой матеріей, какая сіяла теперь внизу на балдахинѣ большой двойной кровати, перенесенной отсюда. Остальная мебель была какъ бы набрана въ домѣ, по мѣрѣ надобности въ ней и не ради щегольства, а ради дѣйствительной потребности. Около самой кровати стояло массивное кресло, обитое темной шерстяной матеріей. На маленькомъ столѣ близъ постели, около кружки съ какимъ-то ѣдко пахнущимъ питьемъ, лежала маленькая книжка съ золотымъ обрѣзомъ, съ золотистымъ крестомъ на пунцовомъ переплетѣ. Это было евангеліе на французскомъ языкѣ.

Полусидячая фигура на кровати былъ человѣкъ, которому теперь нельзя было опредѣлить года. Болѣзнь трудная, злая и давнишняя жестоко искажила черты лица, когда-то, и еще даже недавно, красиваго, молодого. Узнать въ больномъ изящнаго графа Кириллу Петровича Скабронскаго было теперь мудрено. Онъ уже давно неподвижно опрокинулся на подушки, но не спалъ, а былъ въ какомъ-то болѣзненномъ забытіи. Это былъ не сонъ, а полное расслабленіе, отсутствіе жизненныхъ силъ, которыя ежедневно все болѣе и болѣе покидали будто тающее тѣло. Изрѣдка онъ глубоко вздыхалъ и тотчасъ начиналъ судорожно и сухо каплять, но при этомъ не открывалъ глазъ и какъ бы оставался все-таки въ безсознательномъ состояніи.

Ни около постели, ни гдѣ либо на мебели не видно было никакой снятой одежды, кромѣ мѣховаго плафрока на креслѣ. Больной уже нѣсколько мѣсяцевъ не выходилъ изъ этой горницы никуда и нѣсколько недѣль лежалъ, не вставая съ постели. Безпощадная, медленная болѣзнь постепенно уничтожала его, незамѣтно, какъ-то тихо и будто умышленно осторожно, тѣпшлась надъ жизнью, которую уносила частицами, всякій день, понемножку. Болѣзнь будто играла съ этимъ человѣкомъ, какъ играетъ кошка съ мышью, то отпустить, дать вздохнуть, дать

ожить, позволить оглядеться, придти въ себя, начать надѣяться, и опять круто захватить, опять гнететь, мучаетъ, покуда будто нечаянно, въ увлеченіи злобной игрой своей, не порветъ вдругъ окончательно жизненной нити. И теперь больной графъ Скабронскій часто уже вздыхалъ съ мыслию тяжелой и душу леденящей, но искренней: скоро-ли?!..

Наконецъ, спустя часъ, усилившееся движеніе на улицахъ, легкій порохъ въ комнатахъ, гдѣ убирала прислуга, и отчасти позднее время разбудили онящую внизу красавицу.

Графиня Маргарита открыла свои красивые черные глаза, лѣниво обвела ими кругомъ себя по горницѣ, но не шевельнулась и тотчасъ же задумалась. Съ самой минуты пробужденія, всякій день, въ ней являлась все та же неотвязная, постоянная дума, неотвязная забота о трудныхъ обстоятельствахъ странно сложившейся ея жизни.

На это утро всякая другая женщина поспѣшила бы встать и опустить гардины или какъ нибудь укрыться отъ горячихъ лучей солнца, черезъ-чуръ сильно пригрѣвшихъ ее. Графиня, напротивъ, съ наслажденіемъ осталась на этомъ припекѣ. Она еще съ дѣтства любила грѣться на солнцѣ и ощущать въ себѣ огонь пронизывающихъ тѣло лучей. Она сама любила сравнивать эту свою страсть съ отличительною чертой змѣи, которая по цѣлымъ часамъ лежитъ на самомъ палящемъ солнцѣ и грѣется, свернувшись въ кольцо на раскаленномъ камнѣ. И если эта страсть графини была общая со змѣей, то и кромѣ нея было въ характерѣ молодой красавицы много змѣинаго, за исключеніемъ развѣ злости и ядовитости.

Наконецъ, Маргарита протянула руку, хотѣла взять колокольчикъ и позвонить горничную, но глаза ея упали на табакерку и она прежде всего по пробужденіи не могла отказать себѣ въ первомъ обычномъ удовольствіи. Когда она взяла табакерку и, доставъ микроскопическую щепотку, понюхала, красивое личико ея тотчасъ же слегка оживилось и стало менѣ сонливое и вялое.

Затѣмъ она позвонила, въ дверяхъ тотчасъ же показалась хорошенькая ея горничная Шарлота и, оглядѣвшись, ахнула

и всплеснула руками. Обращаясь къ своей госпожѣ фамиллярно и бойко, она заговорила по нѣмецки:

— Ахъ, liebe Gräfin, опять я забыла опустить занавѣску. Ужъ какъ, вѣрно, вы меня бранили.

— Ахъ, нѣтъ, Лотхенъ, я очень рада была. Солнце меня пригрѣло, а я этимъ въ Россіи рѣдко наслаждаюсь. Мы будемъ лучше всегда оставлять эту занавѣску. Авось, хоть разъ въ мѣсяцъ, въ Петербургѣ подымется европейское солнце.

— Ну, здѣсь оно не любитъ часто бывать, отозвалась Лотхенъ.

Горничная, живая и ловкая въ движеніяхъ, и въ голосѣ и походкѣ, вышла изъ спальни и скоро вернулась съ фарфоровымъ подносомъ, на которомъ стоялъ маленькій красивый сервизъ. Она устала подносъ на другомъ столикѣ и придвинула все къ кровати.

— Сегодня кофе будетъ хуже, заговорила она, оглядываясь,—вы ужъ очень долго спали. Что это?! Опять считали! Какъ не стыдно глаза напрасно портить.

Графиня, накладывая себѣ сахаръ въ чашку, вдругъ остановилась среди движенія и, поднявъ чуть-чуть свои тонкія черныя брови, вымолвила, какъ бы показывая ими въ верхній этажъ.

— Ну, что тамъ?

— Ничего, все то же! Чему тамъ быть?! небрежно выговорила Лотхенъ, подбирая на большомъ столѣ разсыпанныя карты, бирюльки и шахматы.

— Смотрите, Фленсбургъ ихъ изъ Парижа выписалъ, а вы пролили, прибавила она, показывая флаконъ отъ духовъ.

— Спать или проснулся? спросила Маргарита, не обращая вниманія на замѣчаніе любимицы.

— Право, не знаю, кажется, Эдуардъ еще внизу. А ужъ онъ будто чутьемъ слышитъ всегда, когда его баринъ долженъ проснуться.

Наступило минутное молчаніе, послѣ котораго Лотхенъ, подойдя къ столику съ кофеемъ, засунула руки въ кармашки своего полотнянаго, пестраго въ цвѣточкахъ, платья, которое

замѣняла въ праздничные дни шелковымъ, и глядя пристально въ лицо графини, выговорила полу-шепотомъ:

— Когда жъ это, liebe Gräfin, конецъ будетъ? Это ужасно! Что-жъ этотъ проклятый Вурмъ вамъ говорилъ вчера?

Графиня слегка пожала красивымъ полу-обнаженнымъ и снѣжно-бѣлымъ плечомъ и вздохнула:

— Что-жъ онъ знаетъ! выговорила она чрезъ мгновеніе. — Говорить: скоро, на-дняхъ; а потомъ пройдетъ мѣсяцъ и онъ говорить: не знаю, и утѣшаетъ тѣмъ, что во всякомъ случаѣ надо ждать, когда ледъ на Невѣ пройдетъ. А когда онъ двинется?! вдругъ какъ бы разгнѣвалась молодая женщина. — Я спрашивала вчера Полину. Она говоритъ, что бываетъ иногда ледоходъ въ маѣ мѣсяцѣ. А мы за эти два мѣсяца сто разъ успѣемъ съ ума сойти.

И Маргарита перестала пить свой кофе, задумалась глубоко и прошептала:

— Да, ужасно! Думала ли я, что буду когда либо въ такомъ положеніи?

— Старый графъ?! выговорила Лотхенъ шепотомъ и съ особымъ удареніемъ, какъ бы нѣчто повторяемое въ сотый разъ.

— Ну, дѣдъ?.. Ну, хорошо! Ну, что же?!..

— Что? повторила Лотхенъ и тоже фамиллярно подернула плечами. — Зажмурьтесь, да и рѣшитесь... Говорять, надо глаза закрыть, когда что страшно или противно...

Графиня вдругъ расхохоталась весело и прибавила, кончивъ свою чашку.

— Ты вотъ другихъ посылаешь, а ты сама попробуй, какъ это весело.

Лотхенъ тоже разсмѣялась.

— У меня такого дѣда нѣтъ! А если бъ былъ... О-о!.. Я бы показала силу характера.

— Должно быть! Хвастунья! Это легко на словахъ!...

— Я не говорю—легко. Но если ужъ необходимость... Да и что вамъ стоитъ, если только вы захотите? А вѣдь у него, всѣ говорятъ, при его скупости, огромное состояніе. Всѣ наши долги онъ бы могъ сразу уплатить однимъ годовымъ доходомъ съ одного какого нибудь имѣнія. А вамъ что для этого надо?

Немножко полюбезничать съ нимъ, приласкаться къ старому брюзгѣ. А еслибъ даже и влюбился въ васъ, въ свою внуку, этотъ старый грѣховодникъ, то и пускай влюбится. Оно не опасно! Вѣдь опасности никакой не будетъ, не смотря на полное его желаніе быть опаснымъ...

И обѣ женщины вдругъ начали весело и громко смѣяться тѣмъ же звенящимъ серебристымъ смѣхомъ, какимъ еще недавно смѣялись въ саняхъ надъ спасеннымъ въ оврагѣ преображенцемъ. Смѣхъ этотъ былъ на столько рѣзокъ, что даже достигъ до подушекъ больного, который лежалъ наверху. Онъ отъ этого смѣха какъ бы припелъ въ себя и открылъ глаза.

Въ горницѣ его сидѣлъ ужъ давно на стулѣ близъ дверей, на цыпочкахъ прокрадшійся вѣрный слуга его, французъ изъ Нанса, Эдуардъ. Онъ, дѣйствительно, какъ бы чутьемъ всегда звалъ, когда больной графъ проснется. При первомъ движеніи руки больного, и съ пробужденія начинающагося сухого кашля Эдуардъ приподнялъ занавѣску на окнѣ и приблизился къ кровати.

— Какъ себя чувствуетъ monsieur le comte? началъ онъ съ обыденной фразы, которую говорилъ, однако, всякое утро не ради только того, чтобы сказать что-нибудь, а дѣйствительно озабоченный положеніемъ больного, котораго любилъ и которому считалъ себя во многомъ обязаннымъ.

Молодой малый былъ взятъ графомъ во Франціи изъ простой крестьянской семьи и въ два-три года онъ сдѣлалъ изъ поселенина самаго элегантнаго лакея, способнаго на все и получающаго большое жалованье. Со смертію любимаго барина Эдуардъ, конечно, терялъ немного, такъ какъ его во всякомъ богатомъ домѣ и въ Петербургѣ и даже въ Парижѣ взяли бы съ охотой. Но Эдуардъ искренно привязался къ этому русскому барину, который обращался съ нимъ по-братски.

— Какъ вы почивали? заговорилъ Эдуардъ по-французски.

— Какъ всегда, слабымъ голосомъ отозвался графъ. — Вурмъ не прѣзжалъ?

— Нѣтъ еще. Не прикажете ли свѣжаго питья!

Больной промолчалъ и только движеніемъ губъ и бровей отвѣчалъ слугѣ.

Въ эту минуту новый залпъ свѣжаго хохоту внизу и веселые голоса долетѣли до слуха графа и онъ тяжело вздохнулъ, какъ бы въ отвѣтъ на это.

— *Que diable! Avec l'aube!*.. проговорилъ Эдуардъ сердито.

И графъ понялъ, что вѣрный слуга, говоря про этотъ хохотъ внизу, оскорбленъ имъ.

Между тѣмъ, въ нижней гостинной Лотхенъ рассказывала въ подробностяхъ барынѣ исторію, случившуюся съ пруссакомъ Котцау. Лотхенъ, близкая знакомая Михеля и вообще пріятельница со всѣми привезенными людьми принца Жоржа, съ которыми часто видалась, могла знать до малѣйшихъ подробностей все дѣлающееся у него въ домѣ. Лотхенъ передавала графинѣ, что принцъ и господинъ Фленсбургъ очень смѣялись надъ однимъ молодымъ часовымъ, который такъ говорилъ съ ними по-нѣмецки, что его высочество до сихъ поръ безъ смѣха вспомнить не можетъ.

Графиня, конечно, уже давно знала всю исторію Котцау, но на это утро Лотхенъ прибавила еще нѣсколько подробностей.

Юркая, кокетливая и веселая горничная тоже много бывала въ гостяхъ въ своей средѣ, какъ и графиня, ея полу-пріятельница. И каждый день она старалась собрать въ городѣ побольше вѣстей, побольше сомнительныхъ происшествій, побольше всякихъ сплетенъ и забавныхъ анекдотовъ, чтобы поутру развеселить свою „*liebe Gräfin*“, которую она уже давно завоевала себѣ право такъ называть.

— Откуда ты знаешь, выговорила Маргарита, — что эту суповую чашку цѣлый день распиливали? Мнѣ Фленсбургъ вчера объ этомъ ни слова не говорилъ.

— Что мудреного? вдругъ лукаво улыбнулась Лотхенъ.

— Онъ могъ съ вами цѣлыя сутки пробыть и объ этомъ не сказать.

— Почему жъ? удивилась Маргарита.

— Потому что, когда онъ съ вами, продолжала лукаво усмѣхаться Лотхенъ, — вамъ не до того, чтобы рассказывать другъ-другу разныя исторіи, т.-е. лучше сказать: *ему* не до того, Онъ сидитъ, впивается въ васъ глазами, молится на васъ! Одно только жаль, прибавила Лотхенъ тонко, — онъ не богатъ. Это

намъ не на руку, намъ надо спасаться изъ нашихъ затрудненій; хоть и красивъ онъ, и уменъ, и не русскій медвѣдь, а все-таки намъ бы лучше предпочесть нашего столѣтняго дѣдушку. Фленсбургъ, если влюбится до отчаянiя, хоть бы даже до самоубійства, никакого толку не будетъ. Еще хуже мы запутаемся! А если дѣдушка влюбится, тогда мы съ вами заживемъ, какъ герцоги германскіе. Наймемъ вотъ хоть домъ Меншиковскій или Воронцовскій, отдѣлаемъ такъ, какъ эти неучи-петербуржцы и не видали никогда. Я ужъ не буду простой горничной у васъ, я буду вашей камеръ-фрейлиной или статсъ-дамой, у меня будутъ свои три горницы, гостинная и кабинетъ, гдѣ я буду принимать своихъ знакомыхъ и друзей.

— И замужъ выйдешь, насмѣшливо отозвалась Маргарита.

— Да, конечно. Только не иначе, какъ за глухонѣмого...

— Нѣмой видитъ, лучше за слѣпого!

— Нѣтъ, слѣпой слишкомъ мало видитъ. Это неудобно! расхохоталась Лотхенъ.— Со слѣпыми бѣда!.. Онъ чужую вмѣсто жены поцѣлуешь.

— Ну, это все равно... Мы не ревнивы... Тутъ бѣда не въ томъ... отозвалась Маргарита.

И вдругъ обѣ женщины безъ причины, а будто отъ одной потребности смѣяться, снова весело расхохотались на весь домъ.

Наконецъ, Лотхенъ отодвинула отъ кровати століе съ сервизомъ. Графиня сѣла, спустила ноги въ изящныя туфли на высокихъ пунцовыхъ каблучкахъ съ золотыми подковами и, поднявшись, подошла тотчасъ къ большому зеркалу.

— Какъ вы однако хороши собой! вымолвила Лотхенъ.

— Да, кажется... отозвалась Маргарита, любясь собой.— Это моя первая любовь! указала она на себя въ зеркало. И увь! кажется и послѣдняя.

— Ну, еще смотрите, кого и полюбите, встрѣтите такое диво, что...

— Нѣтъ, Лотхенъ. Я серьезно боюсь, что никогда никого не полюблю!

Въ эту же минуту вѣрный и терпѣливый Эдуардъ помогаль барину съ трудомъ повернуться и подняться на кровати, чтобы

выпить изъ кружки лекарство. Съ отвращеніемъ глоталъ больной противную микстуру, понимая и чувствуя, что это только ненужное, лишнее мученіе... Новый взрывъ хохота серебряныхъ женскихъ голосовъ, долетѣвшій снизу, заставилъ его вздрогнуть и не допить лекарства.

— А я ей все даль... внезапно и съ горечью прошепталъ своему любимцу Кирилль Петровичъ.—Имя, положеніе... Любовь даль...

Une aventurière!! злобно отозвался Эдуардъ, укладывая снова больного въ подушки.

XXX.

На другой же день, въ сумерки теплаго зимняго дня братья Орловы были арестованы и препровождены подъ конвоемъ по мѣсту служенія младшаго, т. е. на ротный преображенскій дворъ. Извѣстіе это быстро распространилось по всему Петербургу и по всѣмъ гвардейскимъ полкамъ, благодаря множеству друзей и множеству враговъ. Толки объ этомъ долго не прекращались. Весь Петербургъ былъ убѣжденъ, что государь чрезвычайно разгнѣванъ поступкомъ буяновъ съ профессоромъ фехтованія, и всѣ ожидали скоро услышать, что офицеры Орловы будутъ высланы изъ Петербурга куда нибудь далеко.

Въ дѣйствительности было совершенно иначе. Хотя давно, съ дѣтства, зналъ Петербургъ прежняго великаго князя, а теперешняго государя, однако постоянно ошибался на его счетъ. Общественное мнѣніе никогда не могло предвидѣть, какъ отзовется государь на какой нобудь фактъ. Это былъ человѣкъ, который именно дѣйствовалъ постоянно на основаніи чуждаго ему и чисто русскаго свойства: какой стихъ найдетъ!

Когда понуждаемый Фленсбургомъ, принцъ Жоржъ доложилъ государю объ исторіи съ Котцау, Петръ Ѳеодорычъ страшно разгнѣвался и вспылилъ. Но когда затѣмъ принцъ началъ рассказъ и передалъ все въ подробностяхъ, то государь такъ долго и искренно хохоталъ до слезъ, что послѣ такого смѣха даже мудро было перейти къ суровому наказанію. Онъ заста-

виль нѣсколько разъ принца Жоржа снова пересказать себѣ все до мелочей и досадоваль, что нѣкоторыхъ подробностей принцъ Жоржъ самъ не зналъ. Разумѣется, что послѣ того Петръ Ѳеодоровичъ согласился, пожимаая плечами, что буяновъ слѣдуетъ арестовать. При этомъ государь прибавилъ, что дѣло исключительно касается самого принца, какъ шефа всей гвардіи. Такимъ образомъ Орловы были арестованы по распоряженію самого принца Голштинскаго.

Фленсбургъ сильно взбѣсился, узнавъ о результатѣ свиданія принца съ государемъ.

— Стало быть, однимъ арестомъ все и кончится?! воскликнулъ онъ. — Вотъ видите, ваше высочество, я былъ правъ: если бы вы повезли Котцау съ этой миской на головѣ въ самый дворецъ, то было бы иначе.

— Ахъ, милый Генрихъ, — оправдывался принцъ: — напротивъ, если бы я свезъ Котцау въ этомъ уборѣ, вышло бы еще хуже. Если одинъ рассказъ размѣшилъ государя, то понимаете, что бы было, если бы онъ увидалъ самого ротмейстера. Котцау бы даже обидѣлся и уѣхалъ обратно.

И Фленсбургъ, по личному распоряженію принца, вмѣстѣ съ маіоромъ Воейковымъ арестовалъ Орловыхъ и самъ сдалъ на преображенскій дворъ.

Послѣ своего возвращенія изъ ссылки, Фленсбургъ ни разу еще не бывалъ на ротномъ дворѣ перваго петербургскаго полка. Онъ былъ пораженъ тѣмъ, что нашель тамъ. Когда онъ передалъ потомъ принцу, что такое видѣнныя имъ казармы, принцъ широко раскрылъ глаза и почти не вѣрилъ. Было рѣшено, что принцу надобно въ числѣ другихъ дѣлъ, касавшихся гвардіи, прежде всего заняться преображенцами. Фленсбургъ посоветовалъ принцу, не откладывая въ долгій ящикъ, произвести смотръ этому „вертепу“, какъ называлъ онъ дворъ.

Дѣйствительно, черезъ два или три дня, не объявляя ни слова о своемъ намѣреніи, принцъ въ сопровожденіи Фленсбурга явился на ротномъ дворѣ.

Переполохъ, разумѣется, сдѣлался страшный. Орловы, сидѣвшіе подъ арестомъ въ одной изъ горницъ, увидя подѣхавшаго

въ каретѣ принца, конечно, приготовились къ допросу и къ немедленной высылкѣ изъ города.

Шепелевъ, бывшій у дяди, рѣшилъ, что этотъ прїѣздъ касается до него, что его тоже немедленно арестуютъ за что нибудь; и молодой человѣкъ сталъ припоминать, не сдѣлалъ ли онъ, дѣйствительно, какой нибудь ужасной дерзости, когда былъ у принца съ слесаремъ.

Молодой Державинъ, узнавъ о появленіи принца, тотчасъ же нацѣпилъ всю амуницію и быстро сбѣжалъ внизъ. Судя по веселому лицу его, можно было подумать, что онъ отъ визита принца, ничего, кромѣ хорошаго, для себя не ожидаетъ.

Квасовъ, отдохавшій послѣ обѣда и разбуженный племянникомъ, даже не могъ понять ничего. Такъ какъ Акимъ Акимычъ спалъ всегда одѣтый, то ему осталось только захватить шпагу и шляпу, чтобы выйти къ его высочеству.

— Ну, эта колбаса не даромъ пожаловала, шепнулъ онъ племяннику. — Посмотри, что будетъ. Дымъ коромысломъ!

— Можетъ, дѣло какое важное?

— Какого ему чорта дѣлать у насъ? бормоталъ Квасовъ. — А просто ругаться прїѣхалъ, угару напустить.

Принцъ, молча, но сумрачный, вступилъ на ротный дворъ, встрѣчаемый всѣми офицерами и сопровождаемый адъютантомъ, который насмѣшливо и презрительно оглядывалъ офицеровъ. Только два лица оказались Фленсбургу вполне знакомыми, но это были рядовые дворяне Шепелевъ и Державинъ, съ которыми онъ не только не заговорилъ, но которымъ даже не считъ возможнымъ поклониться. Одинъ лишь добродушный принцъ, входя на крыльцо и увидя въ кучкѣ рядовыхъ знакомое, юношеское лицо, невольно улыбнулся на секунду и, сдѣлавъ въ воздухѣ рукой, выговорилъ:

— А, штара жнакома!

И, обернувшись къ Фленсбургу, онъ прибавилъ:

— Вонъ онъ нашъ, unser Herr Nicht-micht!

Шепелевъ вспыхнулъ и покраснѣлъ до ушей: ему показалось это обращеніе къ нему крайне оскорбительнымъ.

Принцъ уже вошелъ въ корридоръ, когда нѣсколько чело-

вѣкъ обернулись къ Шепелеву за объясненіемъ того, что сейчасъ случилось и что сказалъ принцъ.

— Это онъ мнѣ прозвище такое далъ, еще болѣе краснѣя выговорилъ молодой малый.

Онъ объяснилъ свой случай у принца въ короткихъ словахъ:

— Вотъ оно и выходитъ теперь, что онъ мнѣ „штара жнакома“.

И юноша такъ удачно передразнилъ фигуру и интонацію принца, что вдругъ вокругъ него раздался никѣмъ неожиданный дружный залпъ смѣха; даже Квасовъ фыркнулъ. И чрезъ секунду на крыльцѣ снова появилась грозная фигура взбѣшеннаго Фленсбургъ. Смѣхъ этотъ онъ понималъ по своему, принималъ за умышленную дерзость, тѣмъ болѣе, что онъ раздался прямо за спиною его и принца, едва успѣвавшего сдѣлать нѣсколько шаговъ по корридору казармы.

— Чего вы горланите! Неучи! крикнулъ Фленсбургъ, и лицо его измѣнилось и поблѣднѣло. Онъ не сдержалъ своего гнѣва и чувствовалъ самъ, что хватилъ черезъ край. „Что будетъ!! Что скажутъ!!“ шевельнулась въ немъ боязнь за себя.

Но кучка офицеровъ смутилась. Молчаніе гробовое наступило тотчасъ. Только одно лицо изъ всѣхъ лицъ, къ нему обращенныхъ, побагровѣло. Это былъ Акимъ Квасовъ. Бывшій сдаточный мужикъ оказался чувствительнѣе столбовыхъ дворянъ. Фленсбургъ замѣтилъ это вспыхнувшее огнемъ лицо и надолго запомнилъ его на всякій случай.

— Что вы—офицеры гвардіи или разнощичи, извошичи? гнѣвно и смѣлѣе вымолвилъ Фленсбургъ.—Расходитесь по мѣстамъ, каждый къ своей части. Вы, русскіе, заставили поневолѣ иностранца учить себя вѣжливости!...

Приказаніе было тотчасъ молча исполнено и всѣ офицеры разошлись по казармамъ.

Когда Фленсбургъ скрылся въ корридорѣ, догоняя принца, то на дворѣ показался снова только Квасовъ, и рысью выбѣжалъ за ворота на улицу. Тутъ онъ оглядѣлся: кромѣ одной кривой солдатки никого не было вблизи.

— Матвѣвна! Матвѣвна! замахаль ей Квасовъ.

Женщина подошла.

— Слушай въ оба. Дѣло сибирное!...

И Квасовъ, озираясь, медленно и шепотомъ, но толково вдолбилъ что-то Матвѣвнѣ, разинувшей ротъ отъ излишняго вниманія и усердія.

— Поняла?

— Вѣстимо, родимый. Куды же ее тащить?

— Мнѣ въ руки или въ карманъ. Да со сноровкой. Чтобы никто не видалъ!.. А то оба въ Сибирь улетимъ.

— О-охъ!.. вздохнула Матвѣвна.

— Да. Вѣрно... Ну, кати. Вотъ тебѣ три гривны. Живо. Единымъ духомъ... Погоди! Какъ меня найдешь, виду не подавай. Стой лучше столбомъ. Я къ тебѣ подойду лучше самъ, и стану задомъ. Поняла? А ты ее мнѣ въ карманъ и ухни. Поняла?

— Поняла... Да какъ то-ись задомъ?

— О, оголтѣлая. Вотъ такъ!..

И Квасовъ повернулся къ бабѣ спиной и надвинулся на нее такъ близко, что отдалить ей ногу.

— Поняла! Въ карманъ мнѣ и сунь. Ну, качай... Живо! Деньги не потеряй...

И Квасовъ также рысью, но видимо довольный, вернулся въ казарму. Баба пустилась опрометью по улицѣ и тотчасъ скрылась за угломъ.

Въ то же самое время въ корридорѣ, когда Фленсбургъ уже почти догналъ принца, къ нему приблизился почтительно молодой рядовой и выговорилъ на чистѣйшемъ нѣмецкомъ языкѣ:

— Если будетъ нужда во мнѣ его высочеству или вамъ для какого либо объясненія, то я отъ всего сердца готовъ служить.

Фленсбургъ разсѣянно отвѣчалъ: *gut*, хотя онъ хорошо не понималъ сразу чего собственно хочетъ этотъ рядовой, и двинулся далѣе.

— Какъ здоровье господина фехтмейстера послѣ этой глупой непріятности? снова вѣжливо спросилъ по-нѣмецки рядовой, слѣдуя за Фленсбургомъ.

— Ничего... Но за эту глупость будетъ еще достойная

буянамъ расплата! отвѣчалъ Фленсбургъ и прибавилъ, останавливаясь:

— Какимъ образомъ вы преобращенецъ?... Вы изъ Курляндіи или...

— Я изъ Казани, господинъ офицеръ.

— Вы русскій?!

— Точно такъ-съ...

— Какимъ же образомъ вы такъ говорите по-нѣмцекъ... замѣчательно хорошо?

— Я люблю языкъ этотъ и знаю его съ дѣтства.

— Ваша фамилія?

— Державинъ.

— Державинъ? Не слыхалъ еще ни разу этого имени... Но развѣ въ Казани могъ быть кто нибудь способный учить по-нѣмцекъ?

— Да-съ... И Державинъ сталъ бойко и быстро рассказывать, какъ онъ выучился языку.

Разговоръ затянулся. Фленсбургу понравились шутки юноши на счетъ его диваго учителя, каторжника Розы. Онъ началъ смѣяться и разспрашивать подробнѣе...

Вскорѣ Фленсбурга позвалъ кто-то изъ офицеровъ къ принцу. Онъ двинулся и выговорилъ:

— До свиданія. Заходите ко мнѣ. Я во дворцѣ принца. Намъ нужны говорящіе по-нѣмцекъ. Дѣло найдется... Заходите...

Фленсбургъ нашель принца, гнѣвно, но сдержанно объясняющаго что-то такое кучкѣ офицеровъ на самомъ невѣроятномъ русскомъ языкѣ. Было видно по лицамъ ближайшихъ, что они при всемъ усердіи не могутъ понять ни одного слова...

— Билъ!.. Баба... Мой... Многъ... Не карошъ! разслушалъ Фленсбургъ и подумалъ про себя:

„Охъ, молчалъ бы ужъ лучше. Потѣха одна!“

И онъ приблизился.

— Что прикажете, ваше высочество?

— Милый Фленсбургъ, заговорилъ принцъ на родномъ языкѣ.—Это ужасно!.. Это невѣроятно!.. Поглядите: развѣ это

ротный дворъ? Это базаръ, ярмарка, синагога, птичій дворъ. Эти бабы... Эта грязь... Эти влѣтки... Эта вонь!

— Потому я и хотѣлъ, чтобы ваше высочество сами видѣли преображенскій дворъ. Вы бы не повѣрили. Да и государь не повѣритъ, пока не увидитъ.

— Нѣтъ, государя нельзя сюда вести. Неприлично, наконецъ. Я прежде приказываю все это очистить. У нихъ плацъ большой обращенъ въ огороды! Вы слышите? Изъ плаца огородъ сдѣлали!

Принцъ поднялъ руки въ ужасѣ и пошелъ обратно къ выходу, не желая глядѣть далѣе. Онъ бормоталъ что-то на ходу себѣ подъ носъ. Фленсбургъ разслышалъ только два раза произнесенное слово:

— Янычары! Янычары!...

XXXI.

Дѣйствительно, ротные дворы преображенскаго и другихъ полковъ имѣли странный видъ, въ особенности для прїѣзжаго изъ Германіи офицера, а тѣмъ болѣе для того, кто былъ знакомъ съ полковыми дворами и казармами прусскаго короля-воина.

При входѣ съ большого общаго крыльца подъ своды ротной казармы, принцъ еще въ началѣ корридора, темнаго и грязнаго, былъ сразу пораженъ сплошнымъ гуломъ голосовъ и спертымъ кислымъ, удушливымъ воздухомъ. Причина этой обстановки была страшная тѣснота, ибо солдаты жили здѣсь со своими семьями, женами, дѣтьми и даже родственниками. Иногда же, по дозволенію потворствующаго начальства, брали къ себѣ, если находилось мѣсто, на хлѣба, за выгодную плату, совершенно постороннихъ людей. Такимъ образомъ явились въ казармахъ старики и старухи, подъячіе и духовные, стрекулистъ, вдова пономариха, разнощикъ, и какой нибудь хворый, увѣчный или просто побирушка-нищій, аккуратно платашій за свой уголъ изъ грошей собираемаго днемъ подаенія... Попадался тутъ народъ и бѣглый, почти безъ роду и племени; жидъ,

цыганъ, калмыченоекъ, удравшій отъ побоевъ злючей барыни-прихотницы. Всѣ они, конечно, приходились на словахъ тетками, дядями и родственниками своихъ хозяевъ-солдатъ.

Маленькія, загрязни́лыя до нельзя горницы раздѣлялись перегородками. Каждая семья стремилась имѣть отдѣльное владѣніе, хотя бы на трехъ-четырехъ аршинахъ пространства; и безконечныя жиденькія перегородки громоздили, дѣлили горницы на отдѣльные „семейники“. Поэтому вся казарма казалась неисходнымъ пестро-грязнымъ лабиринтомъ, гдѣ кишѣлъ, какъ муравейная куча, всякій людъ отъ мала до велика и отъ зари до зари.

Тутъ шныряли взадъ и впередъ вереницы бабъ-солдатокъ, кто съ ведрами, кто съ кулемъ, съ кочергой, съ метлой, кто съ лотками бѣлья. Бродили и квартиранты безъ роду и племени, поддѣльные дядя и тетки, и на столько сжились съ полковой ротой, что считали уже себя столь же законными обитателями военной среды. Ходили изъ семейника въ семейникъ и сами солдаты, тычасъ изъ угла въ уголъ, безъ видамаго дѣла, безъ цѣли и безъ толку, ругаясь и крича не столько отъ гнѣва, сколько отъ тоски и праздности. Они, какъ наибольшіе и хозяева, зря привязывались къ шныряющимъ квартирантамъ или къ работающимъ бабамъ, женамъ, сосѣдкамъ, наконецъ другъ къ другу... И ежечасная перебранка ежедневно переходила въ драку... Метла, лоната, кочерга, ведро, доска, утюгъ, ковшикъ и все, попавшее подъ руку, шли въ дѣло и начинали летать по воздуху и по головамъ.

Тутъ же повсюду бѣгали, егозили и скакали десятки ребятишекъ, визжали и завывали грудные младенцы на рукахъ своихъ доморощенныхъ, самодѣльныхъ нянекъ, т. е. таскаемые своими семи- и девяти-лѣтними сестренками, которыя часто дрались между собой изъ-за нихъ, часто дрались жестоко и съ ними, наказывая и муштруя по прихоти...

Тутъ же и повсюду полноправно и невозбранно разгуливало безчисленное количество собакъ и кошекъ, а главное тыкалась, въ особенности зимой, всякая домашняя птица: куры, пѣтухи, индѣйки, голуби и даже одинъ кривой, шершавый,

давно безхвостый павлинь, раздраженный до бѣшенства—потѣха ребячь-забѣякъ и гроза ребячь-трусешекъ.

Съ задворковъ и изъ полугнилыхъ строеній, сараевъ и закутъ на задахъ ротнаго двора приносилось ржаніе лошадей. мычаніе коровъ, блеяніе кучи всякой скотины, барановъ, телятъ, козловъ, свиней... и всякаго живого добра, заведеннаго болѣе богатыми семьями. Часто, въ особенности лѣтомъ, мелкая скотина забиралась въ казарму чрезъ вѣчно-отворенныя настежь двери и бродила по семейникамъ, подбирая и пожирая все стѣстное, плохо прибранное. Всякій гналъ теленка, или свинью, или птицу только изъ своего семейника, представляя незванному гостю идти къ сосѣду... Всякій заботился о себѣ, о своемъ углѣ за своей перегородкой. Обо всемъ же ротномъ дворѣ никто не заботился. Власти одной общей надъ всѣми не было. Маіоръ Текутьевъ или Квасовъ, Воейковъ, тѣ же Пассекъ или Орловъ считали себя начальниками въ рядахъ, во фронтѣ, при выходѣ и выступленіи съ двора, на улицахъ, на ученіи. Въ домашнюю жизнь солдатъ они не входили, ибо пришлось бы вмѣстѣ съ тѣмъ и поневолѣ возиться и сдѣлаться съ чужимъ людомъ, съ какимъ-нибудь квартирantomъ-стрекулистомъ, пожалуй съ разстригой, и во всякомъ случаѣ и чаще всего съ бабами-солдатками.

Флигельманы или унтеръ-офицеры были начальствомъ надъ нѣсколькими семейниками, но при отсутствіи всякой строгости въ офицерахъ, сами смотрѣли на все сквозъ пальцы и дѣлали свое дѣло спустя рукава. Впрочемъ, иначе было поступать и опасно.

Одного очень строгаго и отчасти злого флигельмана за годъ предъ тѣмъ убили въ самомъ ротномъ дворѣ. Кто были убійцы — было извѣстно во дворѣ, но доказано не было, начальствомъ не взыскано и оставлено безъ наказанія; у другого унтера, служаки требовательнаго, придирчиваго, опоила невѣдомая рука его корову, другая невѣдомая рука переломила ногу его любимой собакѣ и третьи невѣдомыя руки раскрани разную рухлядь... И унтеръ смирился, тотчасъ пересталъ жаловаться маіору и придираться къ своимъ солдатамъ.

На сколько офицеры были снисходительны и не взыска-

тельны, даже чужды обстановкѣ и внутренней жизни всякаго ротнаго двора, на столько рядовые были грубы, дерзки и отвыкли даже отъ мысли безотвѣтнаго повиновенія.

„Дисциплина“ военный—было слово извѣстное очень тѣсному кругу офицеровъ, которые были пообразованнѣе, или побывали за-границей, или почитывали кой-какія книжки, или видались съ учеными людьми.

Маіоръ Текутьевъ, болѣе другихъ полновластная личность на томъ гренадерскомъ ротномъ дворѣ, куда заглянулъ принцъ, никакъ не могъ уразумѣть слово „дисциплина“, просилъ пріятелей нарисовать его на бумажкѣ... Узнавъ, что это невозможно, что это все равно, что нарисовать добродѣтель, или злосчастіе, или храбрость, маіоръ махнулъ рукой и рѣшилъ:

— Коли не ружье и не шпага, такъ военному сего и знать не требуется. Нѣмецкія выдумки. Много ихъ нынѣ. Всѣхъ не затвердишь.

Наконецъ, въ ротномъ дворѣ, какъ послѣдствіе тѣсной и праздної жизни всякаго люда, въ томъ числѣ и сброда со стороны, издавна царила полная распущенность, пьянство и развратъ. Всѣ бабы давно махнули рукой на запой мужей, всѣ мужья давно махнули рукой на зазорное поведеніе женъ.

Поругаться и подратъся изъ-за теленка и курицы, даже изъ-за вѣника, было дѣломъ понятнымъ, законнымъ, раздѣлявшимъ иногда весь ротный дворъ на двѣ враждебныя партіи. И бывало разъ въ году, что открывались въ самой казармѣ военныя дѣйствія между двухъ непріятельскихъ армій, доходившихъ и до употребленія холоднаго оружія, т. е. кочерги, ведра, утюга. Не только подратъся, но даже легко повздоритъ изъ-за невѣрности жены было глупостью, „баловничествомъ“.

— Эка дурень. Дѣлать неча! Заботу выискалъ! Что жъ твоей бабы-то, убыло что ли? Поди, еще прибыло. А погъ все равно окрестить.

Таковъ былъ судъ ротнаго общественнаго мнѣнія.

Солдаты, по преданію, отчасти знали, какъ прежде жилось воину. Какова была солдатская жизнь при великомъ Петрѣ Алексѣевичѣ, еще мало кто зналъ и помнилъ.

— При немъ, слышь, ребята, больше все ходили и шве-

довъ били. Непокладная жизнь была! При Аннѣ Ивановнѣ, да при Биронѣ никакъ то-ись, братцы, не жилось ни хорошо, ни дурно. Въ забытьѣ хвардія-то была, содержима была въ черномъ тѣлѣ. „Слова и дѣла“ побаивались они тоже, но меньше другихъ, простого народа и баръ-господъ; за то и жалованье всякое было худое, жиру не нагуляешь. Со вступленья на прародительскій престолъ всероссійской матушки Лизаветы Петровны все пошло по маслу. И двадцать лѣтъ была, во истинну, масляница. И солдатъ гвардейцевъ жизнь стала, какъ и нынѣ, что тебѣ у Христа за пазухой!!...

Дѣйствительно, вступленіе на престолъ императрицы Елизаветы при помощи переворота, при содѣйствіи перваго гвардейскаго полка, перемѣнило совершенно бытъ солдатскій и офицерскій.

Лейбъ-компанія, т. е. нѣсколько сотенъ гренадеръ изъ сдаточныхъ мужиковъ, сдѣлались вдругъ столбовыми потомственными дворянами и офицерами предъ лицомъ всей столицы, всей имперіи, а главное, предъ лицомъ своего же брата мужика, оставшагося тамъ, въ деревнѣ, на пашнѣ... предъ лицомъ своего же брата солдата въ другомъ полку, чрезъ улицу... Эта диковинная выдумка монархини принесла и свои плоды...

Капитанъ-поручикъ Квасовъ и ему подобные часто теперь поминались и ставились въ примѣръ, часто грезились во снѣ, часто подвигали на всякое незаконное дѣяніе многихъ солдатъ многихъ полковъ. Часто христолюбивый воинъ, въ особенности подъ хмѣлькомъ, кричалъ на весь ротный дворъ:

— Онъ дворянинъ, вишь.... Вонъ нашинскій Акимъ Акимычъ тоже дворянинъ изъ сдаточныхъ!

— Я простой, вишь, солдатъ, мужикъ? Вѣстимо! Да вонъ и капитанъ Квасовъ тоже не изъ князьевъ....

И существованіе лейбъ-компаніи какъ бы напустило особаго рода непроницаемый туманъ во всѣхъ обыденныхъ отношеніяхъ офицеровъ изъ мужиковъ съ рядовыми изъ дворянъ съ первыхъ же дней царствованія Елизаветы. И до сихъ поръ, чрезъ двадцать лѣтъ слишкомъ, ни тѣ, ни другіе, не могли еще вполне распутаться, доискаться истины и уяснить себѣ взаимныя права.

— Лейбъ-компанцы — не примѣръ!... говорили разсудительные.

За послѣднее же время на эти слова сталъ слышаться солдатскій отвѣтъ, хотя еще и новый, робкій, но заставлявшій нѣкоторыхъ призадумываться.

— Квасовъ—не примѣръ, вишь. Ну, покудава и не примѣривай, а обожди мало и, гляди, паки примѣримъ.

Вотъ именно подобную обстановку, духъ и быть нашель въ русской казармѣ генераль прусской арміи, принцъ Георгъ Голштинскій.

Принцъ уже собирался уѣзжать, когда ему предложилъ майоръ Текутьевъ видѣть арестованныхъ Орловыхъ. Онъ только презрительно двинулъ плечомъ и даже не отвѣтилъ. Въ душѣ же онъ побаивался войти къ нимъ. Не ровень часъ!

Сумрачный, бормоча себѣ что-то подъ носъ, Жоржъ оставился снова на томъ же крыльцѣ, окруженный всѣми офицерами, и сталъ, разставя ноги, какъ бы въ раздумьи. Офицеры, по мѣрѣ его прогулки по семейникамъ, снова понемногу пристали къ нему и образовали теперь свиту любопытную изумленную и видимо вполне недоумѣвающую.

„Зачѣмъ же ты пріѣзжалъ?!“ говорили всѣ эти лица и старые, и молодые.

Объясненіе воспослѣдовало! И тотчасъ это объясненіе пронеслось по казармѣ, какъ громовой ударъ.

— Объясните имъ, Генрихъ, заговорилъ принцъ по-нѣмецки,—что эдакъ продолжаться не можетъ. Бабы, жены, дѣти, скотъ, птица, рухлядь, и все подобное... Все это не атрибутъ воина. Объясните толково!... Все это будетъ выгнано вонъ, по сосѣдству на квартиры, или продано. Перегородки будутъ уничтожены и солдаты будутъ спать въ общихъ горницахъ.... За порядокъ, чистоту и дисциплинъ будутъ отвѣчать предомной не одни ротмейстеры, а всѣ господа офицеры.

Фленсбургъ тотчасъ же громкимъ и слегка самодовольнымъ голосомъ передалъ по-русски смыслъ распоряженія принца, но въ болѣе рѣзкихъ выраженіяхъ, обидныхъ и для офицеровъ, и для солдатъ, прислушивавшихся изъ темнаго корридора.

— Такъ не войны живутъ. Эдакъ и свиньи жить не захо-

тять!... прибавилъ Фленсбургъ.—Всѣ эти солдатики—причиной разврата и распутства. Офицеры заняты только картами и билліардами въ трактирахъ и всякимъ скоморошествомъ, доводящимъ ихъ до безстыжихъ поступковъ, въ родѣ послѣдней мерзости арестованныхъ господъ Орловыхъ, за которую они, впрочемъ, и отвѣтъ примѣрный на-дняхъ дадутъ... Всему этому его высочество желаетъ положить предѣлъ. Гвардейцы — не стадо свиней! А если они имъ и уподобились, то его высочество поставитъ себѣ священнымъ долгомъ.... Фленсбургъ запнулся и, глядя прямо на лица всѣхъ, прибавилъ:—напомнить вамъ, что вы—люди, гвардейцы, а не скоты неразумные...

— А—ахъ!... раздалось въ кучкѣ офицеровъ съ какой-то странной неумовимой интонаціей.

Это опять былъ Квасовъ.

Это восклицаніе прервало тотчасъ потокъ краснорѣчія наперсника принца.

Онъ смолкъ и обернулся къ принцу, какъ бы говоря: я кончилъ!

Покуда Фленсбургъ говорилъ, принцъ глядѣлъ себѣ на кончики сапоговъ и только двигалъ бровями какъ бы въ тактъ мѣрной и звонкой рѣчи своего любимца.

Какъ раздалось среди офицеровъ восклицаніе: А-ахъ! Жоржъ заморгалъ, поднялъ глаза и благодушно подумалъ:

„Какъ говорить?! Поеть! Даже въ этихъ деревяшкахъ, въ дикихъ людяхъ, чувство вызвалъ!“

И принцъ обратился къ адъютанту.

— Сказали все, милый Генрихъ?

— Все-съ. Надо бы еще опредѣлить имъ время, когда ротный дворъ долженъ принять законный видъ. Иначе оно такъ протянется до лѣта. Дать имъ мѣсячный срокъ? Довольно!..

— Wie sagt man: Monat?

— Мѣсяцъ... невольно шепотомъ отвѣтилъ Фленсбургъ из чувства приличія.

— Ну... Ну... обратился Жоржъ ко всѣмъ офицерамъ. — Ну! Фоть... Отинъ мѣсясъ! Отинъ мѣсясъ и эти на то коніасъ. Sagen Sie, biette... какъ-то жалостливо прибавилъ онъ Фленсбургъ.—Ich komme nicht dazu!

— Его высочество желаетъ сказать, что чрезъ мѣсяцъ всему этому вашему срамному житію долженъ быть конецъ. Чрезъ мѣсяцъ чтобы все было по новому!

Офицеры отвѣчали гробовымъ молчаніемъ: вѣдь не они, а солдаты живутъ въ казармѣ!

При послѣднихъ словахъ адъютанта, принцъ кивнулъ головой и прибавилъ:

— Фоть! фоть! Затѣмъ онъ сдѣлалъ какъ-то ручкой, повернувъ ее ладонью вверхъ, и сталъ тихо и осторожно спускаться съ крыльца.

Громадная колымага принца, выписанная изъ Вѣны, осталась и дожидалась его на улицѣ, ибо проѣхать въ ворота на внутренний дворъ не могла. Принцъ, а за нимъ и Фленсбургъ, сопровождаемые всѣми офицерами, прошли дворъ при гробовомъ молчаніи.

Принцъ сѣлъ въ карету одинъ, а любимцу какой-то солдатъ, глуповатый на видъ, подвелъ его коня. Это дѣлалось ради служебнаго этикета, такъ какъ въ гости принцъ и фаворитъ ѣздили вмѣстѣ въ каретѣ. Уже за нѣсколько сажень отъ Преображенскаго двора, Фленсбургъ, галопируя около кареты принца, замѣтилъ что-то торчащее изъ разстегнутой кабуры. Пистолетовъ онъ туда, конечно, никогда не клалъ. Онъ открылъ ее и увидѣлъ... огромную свѣжую колбасу! Онъ выпрыгнулъ ее на земь и вспыхнулъ.

Онъ понялъ, что это былъ отвѣтъ офицеровъ на все ими отъ него слышанное.

Официально жаловаться было невозможно, не сдѣлавъ себя въ глазахъ всѣхъ посмѣшищемъ, подобно Котцау. Да и на кого жаловаться? На цѣлый ротный дворъ?!

А матерый лейбъ-компанецъ это все и сообразилъ!..

Посѣщеніе принца Жоржа потрясло, конечно, весь домъ и дворъ гренадерскихъ ротъ до основанія.

— Да что онъ? Да какъ же? Да нѣшто... Ахъ Царь небесный! воскликнули рядовые.

— Вотъ тебѣ бабушка и Юрьевъ день! говорили, смѣясь злобно и ядовито, всѣ офицеры. Имъ въ сущности было все равно, какъ будутъ жить солдаты, но имъ этотъ приказъ ка-

зался смѣшенъ и нелѣпъ. Не все ли равно принцу—съ женами и курами живутъ солдаты преображенцы, или безъ женъ и безъ куръ.

— Вотъ тебѣ тетенька и Жоржинъ день! шутилъ Квасовъ, встрѣчая перепуганныхъ и вопрошающихъ солдатокъ. — Буде съ мужьями-то, поживите и врозь.

— Да за что же, родимый, за что же? вопили бабы.

— А стало быть принца зависть беретъ, шутилъ Акимъ Акимычъ.—У него жена-то старая, да еще по-русски ничего не умѣетъ, колбасница. А вы, вишь, русскія бабы, да и красавицы,—что тебѣ вѣдьма! Изъ васъ, ноги, самая красивая, и та по мнѣ на чорта смахиваетъ. Ну, а его завидки взяли! Вотъ нѣмчура и подумалъ: дай, молъ, разведу раскрасавицъ съ мужьями. И себѣ, и русскому дьяволу, и нѣмецкому богу—всѣмъ заразъ услужу.

Между тѣмъ, покуда принцъ и Фленсбургъ гуляли по казармѣ, братья Орловы сидѣли въ одной изъ болѣе опрятныхъ горницъ старшаго въ ротѣ флигельмана. Хотя они были подъ арестомъ, но ихъ, конечно, не заперли и всѣ пріятели попеременно сидѣли у нихъ.

Орловы ожидали принца съ адъютантомъ къ себѣ въ горницу, даже толковали о томъ, не попробовать ли просить прощенье у Жоржа и общать все... Хотя въ голштинцы перейти къ Котцау подъ команду.

— Даромъ осраимся, говорилъ Григорій.—Нѣтъ, ничего не будетъ. Промахнулся я, что былъ у мерзавца Тюфякина и не побывалъ у этой цыганки Скабронской. Она бы, можетъ, и все сладила.

Алексѣй Орловъ, а равно и друзья были того мнѣнія, что надо просить прощенье у принца не ради себя, а ради того дѣла, что грезится... Да и не имъ однимъ. А съ каждымъ днемъ все болѣе проступаетъ нѣчто наружу...

— Такое, что духъ захватываетъ! говорилъ Пассекъ.

Григорій Орловъ, а въ особенности старикъ Агаеонъ, поселившійся добровольно въ сосѣднемъ семейникѣ, чтобы служить своимъ господамъ, оба равно не думали и не тужили ни

о чемъ, кромѣ неудачи относительно графини полу-русской, но всесильной...

— Попади вы къ ней—не то бы теперь было! твердилъ упрямо Агаеонъ.—Хоть бы вы что ли, Петръ Богдановичъ, къ ней съѣздили за моихъ, говорилъ онъ Пассеку.

Когда принцъ не навѣдался къ арестованнымъ и надежда на личную просьбу ихъ о помилованіи разсѣялась, какъ дымъ, еще болѣе затужилъ Агаеонъ о своей графинѣ.

— Фленсбургъ не допустилъ принца, говорили друзья.—Онъ всему и заводчикъ.

Въ тотъ же вечеръ Пассекъ предложилъ на утро съѣздить къ иноземкѣ, съ которой привязался къ нему Агаеонъ. Послѣ недолгаго совѣщанія объ этомъ, тому же Агаеону вдругъ пришла мысль, на которую всѣ закричали:

— Да, конечно! Вотъ ужъ на всякаго мудреца довольно простоты на свѣтѣ! — Молодецъ Ёша!

Агаеонъ додумался и разсудилъ, отчего бы барину не „мигнуть“ тайкомъ изъ-подъ ареста и не съѣздить теперь къ графинѣ. Вѣдь дѣло самое простое, можно такъ поладить, что никто не узнаетъ; часовымъ по косушкѣ вина, а офицеръ по караулу не входитъ въ горницу.

— И какъ это мы раньше не догадались, сидѣли, какъ бабы, да причитали, воскликнулъ Алексѣй Орловъ.—Если потомъ узнается, то, вѣстимо, еще хуже будетъ! Да что ужъ тутъ!

Сначала между братьями поднялся споръ, кому съѣздить изъ-подъ караула, въ виду могущаго произойти усугубленія вины и отвѣта. Агаеонъ считалъ необходимымъ ѣхать Григорью Григорьевичу.

— Онъ и по-нѣмецки ей болтнетъ, и насмѣшитъ, и умаслитъ. Онъ на бабу у меня ходокъ! говорилъ Агаеонъ.—А этотъ что!.. озорничать только можетъ... Пути не будетъ, если Григорій Григорьевичъ самъ не поѣдетъ.

Пассекъ съ вечера взялся за дѣло и на утро, около полудня, онъ самъ замѣстилъ по караулу другого заболѣвшаго будто-бы офицера. Рядовые на часахъ тоже оказались такіе, что и вина не захотѣли.

— Какъ можно, что вы! Петру Богдановичу-то, да и не услужить пустяками.

XXXII.

Около полудня, собираясь завтракать, графиня Маргарита стояла у окна своей спальни-гостиной и съ маленькимъ зеркальцемъ въ рукахъ, не спѣша, аккуратно налѣпляла на свое хорошенькое личико двѣ черныя мушки. Вдругъ дверь распахнулась и Лотхенъ ворвалась какъ вихрь.

— Господинъ Орловъ! Приѣхалъ и желаетъ васъ видѣть! воскликнула нѣмочка, торжествуя отъ событія.

— Что? Кто? Орловъ?

— Да, и тотъ самый, что, знаете, сдѣлалъ эту штуку. Буянъ, силачъ! Ну!.. Здѣшній сердцеѣдъ! объяснила Лотхенъ.

— Зачѣмъ? Почему? Я его не знаю. Разъ видѣла мелькомъ, вымолвила Маргарита смутившись.

— Говорить, есть до васъ важное дѣло и просить принять непременно.

— Да я не хочу!.. Я, наконецъ, боюсь! Фленсбургъ говорилъ, что это злая собака. Онъ бьетъ женщинъ! Онъ меня приберетъ.—Ни за что!

— Полноте, милая графиня, звонко разсмѣялась Лотхенъ.— Все это выдумки господина Фленсбурга. Я вовсе не нахожу его прелестнымъ, какъ нескія красавицы, потому что онъ... Во-первыхъ ужъ очень страшно великъ... Эдакій можетъ такъ обнять и поцѣловать, что раздавить! Но бояться, что васъ онъ приберетъ, потому что когда нибудь прибилъ свою любовницу, бояться побесѣдовать съ нимъ,—извините, глупо.

— Хорошо тебѣ говорить... Это... это ужасно!

Лотхенъ опять разсмѣялась. Маргарита бросила зеркало и, уже безсознательно ощупывая пальцемъ приклеившуюся мушку, стояла, очевидно не зная, что сказать и что сдѣлать.

— Хотите, я останусь при васъ и растворю дверь въ прихожую...

— Развѣ, что эдакъ... И, кромѣ того, лакеямъ вели стоять насторожѣ за дверями пріемной на всякій случай. И если что нибудь, то... Да я, право, Лотхенъ, боюсь... Онъ ненавистникъ нѣмцевъ и вообще иностранцевъ...

Нѣмка громко расхохоталась и, не отвѣчая, выскочила изъ горницы. Черезъ мгновеніе Маргарита, чутко и смущенно прислушивавшаяся, услышала мѣрную, тяжелую поступь за дверями сосѣдней небольшой горницы, ея второй гостиной, гдѣ принимала она малознакомыхъ гостей съ тѣхъ поръ, какъ въ угольную большую гостиную перенесли ея кровать. Она вышла и остановилась почти у дверей. Предъ ней на другомъ концѣ горницы появилась высокая и красивая фигура Григорія Орлова, за нимъ тотчасъ же проскользнула маленькая и юркая Лотхенъ, которая теперь казалась совсѣмъ ребенкомъ за широкоплечей фигурой богатыря.

Орловъ поклонился почти въ дверяхъ и сдѣлать молча шага три къ хозяйкѣ дома. Графиня едва замѣтно невольно подалась назадъ, хотя была отъ него на огромномъ разстояніи. Отвѣтивъ на поклонъ легкимъ граціознымъ кивкомъ своей красивой головки, она умышленно осталась на ногахъ и, не предлагая сѣсть, выговорила по-русски, немного гордо, но не совсѣмъ спокойнымъ голосомъ:

— Что вамъ отъ меня угодно, государь мой?

— Три просьбы, графиня. Двѣ простыя, одна мудреная.

— Объяснитесь...

— Простить меня... Это прежде всего, первая просьба,— выговорилъ Орловъ, почтительно наклоняясь и добродушно улыбаясь. Отъ этой улыбки и у него, и у брата Алексѣя, лица становились на мгновеніе и вдвое красивѣе и ребячески добродушны.

Пристально глянувъ въ это доброе лицо, замѣтивъ изысканную вѣжливость позы, голоса и взгляда, все, что считала она атрибутомъ свѣтскихъ людей не Петербурга, а Вѣны или Версаля, графиня Маргарита сразу посмѣлѣла и вполне овладѣла собой. Лотхенъ хитро ухмылялась изъ-за спины гостя, будто говоря: Что? собака?

— Простить за что? вымолвила, наконецъ, графиня.

•

— За мою смѣлость, за рѣшимость явиться въ вашъ домъ, не имѣя чести и счастія быть съ вами знакомымъ... снова тихо заговорилъ Орловъ.

— Затѣмъ... вторая просьба?.. любезнѣе и мягче произнесла Маргарита.

— Но вы, графиня, еще не исполнили первой...

Маргаритѣ показалось, что тонъ голоса силача-буяна сразу измѣнился, сталъ менѣе почтителенъ и уже переходилъ на шутливый ладъ. Этого она допустить не хотѣла и даже боялась.

— Прощаю... снова сухо отозвалась она,—и надѣюсь, что остальные двѣ просьбы будутъ болѣе дѣльными... Вторая?

— Вторая просьба, графиня,—позволить поговорить съ вами наединѣ о своемъ тайномъ дѣлѣ, важномъ дѣлѣ, отъ котораго зависитъ моя жизнь, заговорилъ Орловъ серьезно и съ чувствомъ.—Посторонніе слушатели и огласка усугубятъ мое положеніе. А оно, графиня, ей Богу, достаточно ужасно и безнадежно.

Маргарита молчала, смутилась и замаялась, не зная, что отвѣчать.

— Лотхенъ мнѣ... скорѣе моя подруга, чѣмъ горничная. У меня нѣтъ отъ нея тайнъ, а совѣтами ея я постоянно люблю пользоваться. Судите сами...

Орловъ быстро глянулъ на Лотхенъ, но успѣлъ смѣрить ее съ головы до пятъ и осудить. Было очевидно, что онъ не остался доволенъ имѣть слушателемъ и свидѣтелемъ смазливую фигурку съ такимъ хотя миленькимъ, но назойливо-веселымъ лицомъ.

— Если вы не можете исполнить этой простой... совершенно вѣдь простой, незначущей просьбы, графиня... тогда я не могу произнести ни слова болѣе и мнѣ остается только откланяться, рѣшился сказать Орловъ—А дѣло, съ которымъ я пріѣхалъ... Моя жизнь и жизнь близкихъ мнѣ лицъ, той же Апраксиной, съ которой вы дружны... Пусть все это пропадаетъ, идетъ прахомъ изъ-за женской прихоти. До свиданія... И извините...

Выговоривъ все это съ волненіемъ, но все-таки не громко, Орловъ наклонился, какъ бы собираясь выдти.

Маргарита уже давно взвѣсила все и не боялась болѣе этого буяна. Вдобавокъ онъ ловко ей напомнилъ въ нужную минуту, что онъ другъ (она знала сама, что онъ даже болѣе чѣмъ другъ) ея собственной пріятельницы, такой же почти львицы и красавицы, какъ и она.

— Лотхень!.. Вели готовить завтракъ! вымолвила тихо графиня по-нѣмецки, не желая своей любимицѣ давать простое приказаніе выдти вонъ.

Лотхень, все усмѣхаясь, легко повернулась на носкахъ своихъ башмаковъ и охотно выпорхнула вонъ, зная, что черезъ полчаса ей все будетъ извѣстно отъ самой барыни.

Едва только нѣмка исчезла изъ гостиной, бойко, какъ-то франтовски махнувъ въ дверяхъ своей пестрой юбочкой, Орловъ сдѣлалъ три шага къ графинѣ, сокративъ огромное разстояніе, раздѣлявшее ихъ до тѣхъ поръ. Взглянувъ на хозяйку дома, онъ однако снова остановился и понялъ, что его не посадятъ. И онъ все-таки еще оставался въ такомъ отдаленіи, при которомъ говорить было почти неудобно.

„Горда, какъ всѣ выскочки!“ невольно подумалось ему, когда онъ взглянулъ теперь на красавицу-хозяйку.

Дѣло въ томъ, что Маргарита, оставшись наединѣ съ офицеромъ, почти незамѣтно, едва ощутительнымъ движеніемъ бюста и головы, повернулась къ окну и стала въ полъ-оборота къ гостю. Теперь ни одна черта не двигалась, не жила на ея строго-холодномъ лицѣ, съ опущенными вдобавокъ глазами. Это свѣтленькое лицо, оттѣненное теперь длинными прелестными рѣсницами, стало безжизненно гордо, почти высокомерно.

А, между тѣмъ, Орловъ не догадался, что эта поза и это лицо были для свѣтской женщины не высокомеріемъ, а единственнымъ ея оружіемъ для самозащиты. Могъ ли красавецъ и удалецъ, „бабій угодникъ“, по прозвищу брата Алехана,—могъ ли онъ думать, что эта красавица-иностранка, полурусская графиня Скабронская, въ эту минуту все-таки слегка боится его?... Боится, что для него, трактирнаго буяна, равны:

и она, и Котцау?! Равны: двадцатилѣтняя красавица-графиня и пузатый, отъ пива и картофеля разбухшій, ротмейстеръ.

— Я васъ слушаю... вымолвила тихо Маргарита, не поднимая глазъ. Попробовавъ мушку на щекѣ, она приблизила къ глазамъ правую руку и стала разглядывать свои тонкіе пальцы, щелкая ноготкомъ объ ноготокъ..

Орловъ тотчасъ вкратцѣ разсказалъ всю свою исторію, уже давно извѣстную Маргаритѣ, начавъ, конечно, не съ драки въ Красномъ Кабакѣ, а только съ послѣдствій дерзости нѣмца и буйной шутки съ нимъ. Онъ кончилъ просьбой спасти его и брата, избавивъ отъ ареста и ссылки, и обратить гнѣвъ государя на милость.

Маргарита въ то же мгновеніе вдругъ подняла на гостя-просителя такіе искренно удивленные глаза, что Орловъ невольно опѣшилъ и смутился. Явилась мысль:

„Неужели не можетъ? Неужели все враки?“

Нѣсколько мгновеній глядѣла на него красавица и понемногу румянецъ набѣгалъ на ея полныя щеки. И скоро лицо уже горѣло огнемъ.

— Это дерзость! воскликнула она тихо. — Вамъ кто нибудь сказалъ... Это... право... на основаніи толковъ, слуховъ, пустыхъ сплетень! И вы рѣшились... Это... право!.. не достойно...

Маргарита смутилась и, вся уже пунцовая отъ смущенія и гнѣва, какъ-то выпрямилась и показала Орлову выросшей вдругъ на полголовы.

Ни разу еще въ жизни не случалось ему видѣть такого мгновеннаго преображенія въ женщинѣ и вдобавокъ въ такой красивой женщинѣ. Онъ невольно любовался на нее и вмѣстѣ съ тѣмъ недоумѣвалъ и ждалъ...

— Кто васъ послалъ? Кто сказалъ идти ко мнѣ, а не... не къ другому кому нибудь?

— Этого я сказать не могу, графиня.

— Почему? изумилась она.

— Не могу. Я обѣщалъ, далъ слово...

— Но вѣдь мнѣ... мнѣ же самой вы скажете, даже должны сказать, отъ кого вы являетесь.

— Не могу. Именно вамъ-то я и обѣщалъ не называть

имени того, кто мнѣ васъ указалъ, какъ всевластную при дворѣ женщину.

— При дворѣ?! При дворѣ, говорите вы?

— Ну, да. При Воронцовой или при Гудовичѣ. При этихъ фаворитахъ... Я говорю прямо, безъ всякой опаски, мнѣ не до того!

— Вамъ сказали, что я могу просить ихъ, или даже государя... И все будетъ по моему желанію исполнено. Все!.. Когда никто ничего еще не могъ сдѣлать?!

— Да... т. е. почти такъ... Если вы захотите, то мы будемъ прощены. Вотъ, что я знаю! А какъ и чрезъ кого—я не знаю.

— Такъ вы не знаете! странно вымолвила Маргарита.— Чрезъ кого я всевластна! расхохоталась красавица нѣсколько досадливо.— Говорите все... все! Иначе я для васъ ничего не сдѣлаю.

Орловъ искренно и подробно передалъ все, что оставалось недосказаннымъ и, наконецъ, признался, что обращается къ ней по совѣту самого наиболѣе пострадавшаго лица.

— самого глупаго Котца? радостно воскликнула графиня, приближаясь къ Орлову въ этомъ порывѣ и какъ бы приглашая и его подвинуться.

— Я его не назову... Я общалъ не произносить его имени, сказалъ онъ, приблизясь немного.— Дайте мнѣ съ моей совѣстью хоть немного, графиня, немного... въ ладу остаться. Я и безъ того, вы видите, съ ней мошенничаю и плутую.

— Котца? Если правда, то молчите.

— Молчу...

— Вы, напротивъ, говорите. Говорите: молчу... невольно разсмѣялась кокетка.— Если Котца, то молчите, какъ мертвый...

Орловъ сжалъ губы и шутя закрылъ ихъ рукой, только красивые глаза его будто смѣялись, глядя въ лицо графини. Она тоже, молча нѣсколько мгновений и не шевелясь, смотрѣла уже фамиллярно въ эти глаза, потомъ подвинулась къ нему и заразъ оба, и молодой человѣкъ, и женщина, звонко разсмѣялись.

— *La glace est rompue!* говорятъ французы,— произнесъ Орловъ слегка иронически, мстя за недавній холодный и гордый пріемъ.

— О! Для васъ, жителей сѣвера, ледъ не диковинка и вы должны умѣть съ нимъ обращаться! сказала Маргарита и подала ему кокетливо свою руку.

Орловъ наклонился очень низко, въ поясъ, и коснулся кончиками губъ этой красивой и душистой ручки.

— Стало быть, я могу надѣяться? вымолвилъ онъ.

— Надѣяться всегда надо, но это ни къ чему не обязываетъ фортуна.

— Вы общаете, однако...

— Сдѣлать все, что я могу, не подвергая себя опасности стать притчей въ городѣ. Поняли? Маргарита произнесла эти слова медленно и вразумительно. Орловъ смотрѣлъ, недоумѣвая.

— Собой для васъ я не пожертвую, т. е. своимъ добрымъ именемъ... Но если можно безъ этой жертвы... Ну, да увидимъ. Я ничего не обещаю, но одно скажу... Хуже вамъ не будетъ... Если и поѣдете въ ссылку, то я васъ не забуду и въ скорѣе вернетесь...

— Но высылка, хотя на время... для насъ погибель! горячо воскликнулъ Орловъ.

Графиня развела немного руками и наклонилась. Жестъ говорилъ:

„Что могу! Извините“.

Черезъ минуту Орловъ выходилъ изъ дома Скабронскихъ съ нѣсколько облегченной душой. Дорогой на ротный дворъ онъ размышлялъ отчасти весело.

— Авось сдѣлается! Кажется, добросердая. А вѣдь красива, провлятая! И бой-баба! Нашимъ до нея далече! И подобраться къ ней, поди, мудренѣе, чѣмъ къ нашимъ. Своихъ-то молодухъ смѣшить только умѣй и всякую смѣшкѣми этими скружишь и возьмешь. Не хитрое дѣло! А тутъ не то треба! А что? Да много кой-чего! Сразу и не соображу, только чую... Ледъ прошибъ ужъ. Да вѣдь баба не ледъ, а такъ... полынья...

Между тѣмъ, Лотхень вернулась и тотчасъ съ любопытствомъ разспросила все и подробно, конечно, все узнала отъ барыни.

— Ну такъ когда же и какъ же вы все это сдѣласте?

— Да никогда и никакъ, милая Лотхень. Очень просто.

— Вы просить не хотите Фленсбурга?

— Не буду, Лотхенъ, просить.

— Отчего?

— Не хочу, чтобы изъ-за Фленсбурга, изъ-за пересудовъ другое что, болѣе дорогое, погибло... Хотя бы дѣдушкино состояніе!..

— Кто же ему все расскажетъ, что вы?!

— Молва, городскіе языки. Нѣтъ, Лотхенъ, это опасно. Да и что мнѣ господинъ Орловъ? Даже не любовникъ...

XXXIII.

На другой же день послѣ свиданія съ Орловымъ, когда Маргарита, сдѣлавшая нѣсколько визитовъ въ городѣ, вернулась домой, Лотхенъ встрѣтила свою барыню чуть не на подъѣздѣ. Лицо горничной было многозначительно, почти торжественно и краснорѣчиво говорило о событіи въ домѣ. Графиня вошла въ прихожую и невольно спросила на всегдашнемъ своемъ языкѣ съ горничной, т. е. по-нѣмецки:

— Что съ тобою?

Лотхенъ отворила дверь въ гостинную. Графиня прошла. Субретка стала передъ ней и выговорила:

— Ну-съ, отгадайте.

— Умеръ?!. воскликнула тихо Маргарита, ожидавшая этого событія всякій день. И лицо ея немного зарумянилось отъ этой мысли.

— Живехонекъ. Даже нѣсколько лучше себя чувствуетъ. Совсѣмъ не то... Ну-съ? Еще что? Что могло бы случиться у насъ невѣроятнаго въ ваше отсутствіе?

— Не знаю. Говори скорѣе.

— Ни за что!! вскрикнула Лотхенъ.—Отгадайте.

— Орловъ былъ опять?

— Да, былъ... Былъ. Сейчасъ тутъ со мной сидѣлъ. Даже больше яѣмъ сидѣлъ... Но не Орловъ, а другой! Поинтереснѣе Орлова. Ну-съ? Кто?!

— Фленсбургъ? Но это не....

— Неинтересно! Надѣюсь! вотъ нашли? Да ужъ вижу, во

сто лѣтъ не догадаетесь. Былъ здѣсь и ждалъ цѣлый часъ, потомъ меня поцѣловалъ, конечно насильно,—прибавила Лотхенъ,—и далъ мнѣ червонецъ, но маленькій голландскій. Ну-съ?

— Ну, это скучно... Говори.

— Графъ дѣдушка!

— Старый графъ? Былъ здѣсь?..

Маргарита остолбенѣла и стояла, какъ пораженная. Іоаннъ Іоанновичъ уже давнымъ давно не заглядывалъ, а только изрѣдка присылалъ узнать о положеніи внука. Тѣмъ труднѣе было для Маргариты завязать снова отношенія, какія бы то ни было, со старымъ брюзгой. И вдругъ старикъ самъ пріѣхалъ и ласково обошелся съ ея любимицей.

— Зачѣмъ? Что онъ говорилъ тебѣ?..

— Говорилъ, что ему хочется васъ повидать. Говорилъ, что я красавица. Затѣмъ онъ мнѣ пребольно ущипнулъ плечо, потомъ поцѣловалъ, конечно, насильно... Прижалъ вотъ въ этотъ уголъ. Потомъ вотъ далъ...

И Лотхенъ, вынувъ изъ кармана, показала на ладони маленький червонецъ.

— Что же ему надо? выговорила Маргарита нетерпѣливо.

— Ничего. Повидаться хочетъ!

— Вздоръ. Пустое... Не такой человѣкъ. Вздоръ! Что нибудь особенное есть, восклицала Маргарита, ходя въ волненіи по комнатамъ.

— Можетъ быть есть что нибудь. Собирается умирать и въ вашу пользу завѣщаніе дѣлать. Хотя по виду и ухваткамъ мало похожъ на умирающаго. Такъ прижалъ къ углу, что... что даже глупо! Впрочемъ, поѣзжайте, узнаете...

— Какъ же я поѣду... вдругъ...

— Онъ приказалъ именно вамъ это передать, умышленно медленно произнесла Лотхенъ, играя нетерпѣніемъ барыни.

— Онъ меня звалъ, велѣлъ сказать... зачѣмъ же ты молчишь, Лотхенъ? Я тебя побью!!

И Маргарита, весело смѣясь, пунцовая отъ радости, бросилась къ любимицѣ. Ухвативъ малосильную нѣмку за рукавъ и за кисейную косынку, она сильно потянула ее, стараясь повалить на диванъ.

— Изорвете—другую купите. Вамъ же хуже!

Маргарита бросила любимицу и воскликнула:

— Сейчасъ поѣду... Начинается! Начинается! Понимаешь ты, неразумный ребенокъ, что это начинается для меня война, борьба на жизнь и на смерть. И кончится все побѣдой! Состояніе будетъ мое. Все будетъ мое. Давай мнѣ лиловое платьѣ! Оно мнѣ счастье приносить...

Маргарита была внѣ себя отъ радости и довольства. Планъ, полный, подробный, какъ покорить брюзгу-дѣда, былъ уже давно обдуманъ и казался ей замѣчательно тонко и умно придуманнымъ. Но ѣхать къ дѣду первой, когда онъ, очевидно, не желаетъ подозрѣвать даже объ ея существованіи, было невозможно: никакой предлогъ не скрылъ бы настоящей цѣли, т. е. желанія снова сойтись ближе.

Маргарита начала быстро одѣваться, но, однако, не смотря на поспѣшность свою, все-таки зорко оглядывала себя въ зеркало и старалась принарядиться такъ, чтобы быть красивѣе чѣмъ когда либо.

— Ну, ужъ рѣдко я такъ въ жизни старалась! воскликнула она наконецъ, оглядывая себя съ головы до ногъ.— Да и врядъ ли когда нибудь для такого старика, какъ онъ, такая женщина, какъ я, столько старалась. Подумаешь, на первое свиданіе ѣду къ страстно любимому герою... Ну, говори, хороша ли я? По совѣсти, Лотхень. Дѣло важное...

Лотхень отошла, оглядѣла барыню тоже съ головы до пятъ и молча усмѣхнулась...

— Ну, не прибавить ли чего?

— Нѣтъ, *liebe Gräfin*, убавить бы надо... Убавить то, что наиболѣе въ глаза бросается и, пожалуй, дурно на поганого старика подѣйствуетъ.

— Что? съ искреннимъ беспокойствомъ спросила Маргарита, тоже снова себя оглядывая.

— Надо убавить въ васъ главное... Выраженіе счастья на лицѣ! У васъ глаза прыгаютъ отъ восторга, что онъ васъ позовалъ. А это...

— Только-то, глупая! Ну, отвернись на минуту. Не гляди на меня.

Горничная, смѣясь, повиновалась и ловко повернулась на каблучкахъ спиной къ барынѣ.

— Ну, теперь смотри! чрезъ мгновеніе выговорила графиня и подступила ближе къ обернувшейся горничной.

— Да! воскликнула Лотхенъ. Если вы такъ съумѣете долго выдержать...

Молодая женщина стояла передъ ней съ строго печальнымъ лицомъ, полуопущенными глазами и какъ-то скромно сложенными на груди руками.

— Государь мой, вамъ угодно было меня пригласить явиться по дѣлу... тихо и грустно выговорила Маргарита по-русски, наклоняясь предъ Лотхенъ.

Нѣмка захлопала въ ладоши и запрыгала на мѣстѣ...

— Диво! Диво! Божественно...

— Я не знаю, государь мой, также продолжала Маргарита,—смѣю ли я васъ называть моимъ дѣдомъ... Вы до сихъ поръ, какъ скверный и скупой старикашка, кромѣ злости ничѣмъ себя...

— Ну, этого говорить не надо!.. наивно воскликнула Лотхенъ.

— Я думаю! воскликнула Маргарита уже своимъ голосомъ.— Это я ему послѣ скажу, когда его состояніе будетъ у меня въ рукахъ. Ну, благословите меня, ваше святѣйшество, папа Лотхенъ! Pápa Lotchen Primus, Pontifex maximus! продекларировала Маргарита и прибавила другимъ голосомъ, стараясь хрипѣть: Indulgentia plenaria!

— Охъ, охъ, грѣшите!... Богъ накажетъ! испугалась ревностная католичка.—Подумаешь, вы пизматичка, въ ихней, здѣшней ереси. А услышитъ васъ вдругъ врагъ человѣческій... Что тогда!

— Ничего, трусиха... Есть двѣ силы на свѣтѣ, отъ которыхъ все зависитъ... Господь Богъ и господинъ дьяволъ!..

— Охъ, Gräfin, Gräfin! закричала Лотхенъ, затыкая и глаза, и уши, и даже нагибаясь предъ графиней, какъ бы отъ удара по головѣ.

— Ну, вели подавать карету, глупая курляндка, смѣясь, вымолвила Маргарита.

XXXIV.

Чрезъ полчаса ѣзды, полуиностранка, графиня Скабронская, была на набережной Васильевского острова и выходила изъ кареты, при помощи двухъ лакеевъ, на большой подъѣздъ дома російскаго вельможи, графа Скабронскаго,—вельможи, котораго даже покойная царица называла Іоанномъ Іоанновичемъ, такъ какъ всякаго назвавшаго графа Иваномъ Ивановичемъ заставляли потомъ поневолѣ объяснять о комъ ведетъ онъ рѣчь. Когда графиня Маргарита поднялась по большой парадной лѣстницѣ и графу побѣжали доложить, то брюзга перемѣнился чуть-чуть въ лицѣ. Пріѣздъ внучки, имъ самимъ вызванной, было не заурядное дѣло, а первостепенной важности.

„Выгоню опять или ползать передъ ней буду на животѣ? вопросительно подумалъ старикъ.—Ну, родимая, поглядимъ—увидимъ“. И графъ, умышленно заставивъ внучку прождать полчаса въ гостинной, вышелъ тихо и не спѣша.

— Ну, здравствуй, ужъ внучка, коли жена внука. Здравствуй, внучка! Садись, милости прошу!

И слова эти Іоаннъ Іоанновичъ выговорилъ какъ-то особенно и любезно, и ехидно.

Маргарита, не поднимая глазъ на старика, вымолвила тихо и смущенно:

— Государь мой, вы сдѣлали мнѣ честь, приказали явиться... Я не знаю, позволите ли вы мнѣ называть васъ дѣдомъ, а потому и говорю: государь мой. Что прикажете?

— Ну, ну, это все финты ваши. Коли внучка, такъ и дѣдъ. Не финти!

Маргарита сѣла около старика, лицо ея было серьезно и отчасти какъ бы грустно. Старикъ зорко и пристально при-
смотрѣлся.

„Печальна, а не блѣдна! Румянецъ во всю щеку, что твоя зоренька ясная“, подумалъ онъ и выговорилъ:

— Ну, что мужъ? Все томить, не помираетъ... Ждешь, поди, не дождешься...

— Да. Все томить и себя и меня. Лучше бы ужъ померъ, умышленно рѣзко выговорила Маргарита.—Меня бы развязалъ. Похороню и уѣду...

— Куда? воскликнулъ старикъ.

— Къ себѣ... Домой. Что жъ мнѣ? Не оставаться же на чужой сторонѣ, между чужихъ людей?

— Чужихъ людей? Не все же чужіе. У тебя и я тутъ.

— Вы? Да я отъ васъ, кромѣ самыхъ оскорбительныхъ помысловъ и рѣчей, ничего за цѣлый годъ не видала,—грустно старалась произнести Маргарита.—Да я васъ и не виню. По вашему, на свѣтѣ только и есть, что деньги. Вотъ вы всѣхъ и подозреваете.

— Вѣстимо, все деньги!

— И все на нихъ купишь?

— Все, цыганочка, все... подсмѣивался старикъ ядовито.

— Купите молодость...

— Мало что,—нельзя... вдругъ разсмѣялся онъ.

— Купите красоту!

— О—охъ, тоже нельзя.

— Купите меня, мою любовь. Да не внучину, а мою, женскую любовь.

— Можно!

— Что?

— Можно! Не финти... Говорю, можно.

— Стало-быть вы меня вызвали, чтобы заставить пустяки слушать. Не стоило того... серьезно выговорила Маргарита.

— Ну, слушай дѣло. Я съ тобой не знался, почитай, годъ, потому что ты ко мнѣ была не ласкова. Я все-таки тебѣ дѣдъ. Нужно коли было денегъ, сказала бы. Ну и далъ бы.

— Первое же слово, и о деньгахъ. У васъ, во всѣхъ вашихъ сундукахъ, нѣтъ столько денегъ, сколько я въ мѣсяцъ нашвыряю по городу въ лавкахъ.

— Откуда же это у тебя деньги? У мужа ничего нѣтъ.... Отъ полюбовниковъ?

— Да, только не отъ сотни, а отъ одного! вдругъ вымолвила Маргарита.

— Славно. И сама признается еще. Ай да цыганка! Ну, отъ какого же молодца?

— Онъ можетъ и не молодецъ! Ему можетъ семьдесятъ лѣтъ, да для меня кажетъ онъ краше двадцатилѣтняго.

Выдумка Маргариты былъ вѣрный ударъ противнику. Наступило молчаніе. Графъ вытаращилъ на красавицу глаза. Этого онъ не ожидалъ! И Богъ вѣсть, что шевельнулось у него на душѣ. Онъ самъ еще сразу не могъ себѣ отдать отчета... А она отлично знала впередъ, что именно отъ этой выдумки шевельнется у стараго холостяка на душѣ.

— Скажи на милость! выговорилъ вслухъ, но самъ себѣ, озадаченный старикъ и снова смолеъ.

„Ничему не вѣрить, а этому повѣрили!“ внутренне смѣялась Маргарита.

— Какъ же это ты... забормоталъ Іоаннъ Іоанновичъ и страннымъ, будто завистливымъ окомъ окинулъ красивую молодую женщину.—Какъ же? Зачѣмъ же стараго? Мало развѣ въ Питерѣ молодыхъ?

— А развѣ на это законъ у васъ?... разсмѣялась Маргарита.

— Вѣстимо, законъ естества! Природный законъ.

— Истинный природный законъ тотъ, что у всякаго свой вкусъ, да своя воля.

— О, Господи! Вотъ удивила... Да зачѣмъ же ты... Почему? Изъ-за денегъ его...

— Опять... Только у васъ и на умѣ что деньги... Но, бросьте это. Какая вамъ до этого забота? А скажите лучше, по какому дѣлу вы меня вызвали?

— Дѣло?... Дѣло?... Да... Какое бишь дѣло!... Такъ озадачила меня, что память отшибла! Да. Вотъ дѣлое какое. Ты слушай прилежнѣе.

— Слушаю.

— Ты, видишь, въ силѣ нынѣ при новомъ дворѣ. Какъ ужъ ты умудрилась, когда сама императрица въ опалѣ... Доносить на меня не пойдешь?! А то я попридержу языкъ!...

Ну вотъ, стало-быть... я къ тебѣ съ поклономъ. Заступись и спаси двухъ молодцовъ.

— Орловыхъ? И вы за нихъ?...

— Вишь, ужъ знаетъ. Просили?

— Да, просили... Просили многіе, но я... не знаю, можетъ быть... Надо подумать... Оно можно, но однако...

Маргарита тянула слова, потому что сама въ эту минуту раздумывала и соображала, какъ отнестись къ словамъ дѣда.

Сознаться въ своей силѣ и ее даже преувеличить? Или скрыть все?... Покуда она думала, старикъ высказался весь и она знала, что дѣлать.

— Я, видишь, внучка-цыганочка,—искренно высказывался Скабронскій,— былъ, слава Богу, вельможа не послѣдній въ государствѣ со дней Великаго Петра Алексѣевича и даже при Биронѣ не запропалъ... Ну, а вотъ теперь, подъ конецъ дней своихъ, поналъ въ зажору. Не знаю, какъ и примѣриться, какъ и прикинуть себя къ новымъ-то порядкамъ и людямъ. Ничто не беретъ. Того и гляжу, что меня нищимъ сдѣлаютъ и въ ссылку угонятъ, а дома и вотчины отпишутъ, да какому-нибудь хохлу и прощальгѣ подарятъ... Ну вотъ, узнавъ, что ты въ силѣ нынѣ, я къ тебѣ съ поклономъ... Наперво, ты мнѣ покажи свою востроту на ребятахъ Орловыхъ. Ихъ дѣло пропащее! Если ты ихъ изъ бѣды выручишь, когда и Разумовскіе не могутъ, и Воронцовъ даже не можетъ черезъ дочку свою... то тогда я увѣрю воть какъ... Какую ни на есть, хоть бы и Можайскую вотчину мою тебѣ поднесу, по дарственной записи.

„Самую маленькую!“ подумала и усмѣхнулась Маргарита.

— Почему смѣешься? Ей-Богу поднесу...

— Все сказали, дѣдушка?

— Все. А что?

— Завтра узнаете отвѣтъ, коли заѣдете ввечеру.

— И дарственную, стало-быть, захватить?

— Захватите! вымолвила Маргарита, подумавъ.

— Стало-быть, вѣрно? Выручишь ребятъ?

— Не знаю. Постараюсь.

— Дѣло, внучка, не въ ребятахъ. А важно мнѣ тебя ис-

пытать. Не враки ли. толки да слухи. Коли выручишь, то, ей-ей, бери палку да и бей меня; или на цѣпи съ музыкой води. какъ медвѣдя, да заставляй и горохъ воровать, и солдата съ ружьемъ показывать, и всякое колѣно продѣлывать. Поняла?

— Поняла, дѣдушка. Поняла! усмѣхалась красавица, дерзко и насмѣшливо заглядывая теперь въ глаза старика.

— Стоить постараться? А?

— Вѣстимо, стоить...

— Озолочу, цыганочка... Мой расчетъ простъ. Все одно, не ровень часъ. опишутъ да отымутъ все беззаконно. Такъ, пушай, лучше тебѣ перепадетъ малая толика... Такъ вѣдь?.. Ты видишь, я на чистоту сказываю, не хитрю... Ну и ты не финти... Уговоръ... Идетъ?.. А?

— Идетъ, дѣдушка! рѣшительно, какъ вызовъ, произнесла Маргарита и протанула руку старику.

— Ну, поцѣлуемся.

Маргарита, смѣясь, встала, пододвинулась къ старику, и наклонившись, подставила свою свѣженькую щеку съ черной мушкой...

Іоаннъ Іоанновичъ, не спѣша, три раза поцѣловалъ красавицу и выговорилъ:

— Варенье!.. И чего бы тебѣ раньше такъ-то. А то букой глядѣла. Годъ цѣлый, почитай, не знались...

— Кто-жъ букой-то глядѣлъ? Вы же. Да и теперь вы стали ласковѣе изъ-за своихъ выгодъ,—не ради меня, а ради моихъ пріятелей придворныхъ. Я вѣдь не дура, дѣдушка.

— Какая ты дура? Ты бѣсъ, внучка... но, вишь ты... Это само собой. Ну, а рѣчь ты со мною теперь тоже другую повела. Это тоже само собой. — И, помолчавъ мгновенье, Скабронскій подмигнулъ и ухмыльнулся со словами:—Я вѣдь не могъ знать, что ты, вишь, старыхъ любишь...

Маргарита разсмѣялась звонко и, простившись съ дѣдомъ, веселая и довольная поѣхала домой.

„Ну, надо Орловыхъ спасать, ради вотчинъ дѣдушкиныхъ. Дорого, пожалуй, обойдутся онѣ мнѣ, страшно дорого“.

И красавица вдругъ глубоко и тяжело задумалась. Лицо

ея стало не только серьёзно, но уныло и темная тѣнь набѣжала на черные великолѣпные глаза, всегда полные веселаго блеска.

„Нѣтъ, не сдаваться!.. думала она. Оттянуть... Наконецъ, обмануть! Не соплеть же онъ меня. Да и дѣйствовать! Ахъ, кабы состояніе дѣда. Деньги! Средства! Самъ не знаетъ, старый волкъ, чѣмъ бы я теперь могла сдѣлаться, имѣя деньги для начала. И только для начала. Даже на его судьбу повліять бы могла тогда. И ему бы лучше было тогда. Лучше, чѣмъ при Елизаветѣ.

И Маргарита такъ глубоко задумалась, что не замѣтила, какъ и гдѣ ѣхала по городу. Ея затаенная отъ всѣхъ, но взлѣпанная мечта, почти нелѣпая и невоплотимая фантазія, всегда овладѣвала ею на столько сильно, что она порою не сознавала окружающаго и, на нѣкоторое время, какъ бы теряла рассудокъ. Лютхенъ, которая воображала, что у барыни нѣтъ отъ нея ни одной тайны, не понимала этихъ минутъ и приписывала ихъ болѣзни или же употребленію того пахучаго питья, что готовила графинѣ всякій вечеръ. Сама она только разъ отвѣдала его, давно тому назадъ, и, пролежавъ безъ чувствъ сряду нѣсколько часовъ, простонала въ самыхъ ужасныхъ сновидѣніяхъ.

Что за мечта владѣла Маргаритой и въ особенности подчинила себѣ ея разумъ за послѣднее время—никто, кромѣ ея собственной совѣсти, не зналъ и не догадывался. Для этого ей нужна была смерть больного мужа и состояніе дѣда. Впрочемъ, мужъ въ кровати, безъ движенія, безъ воли, ей не перечашій, почти не существующій по отношенію къ ней, былъ только небольшой помѣхой. Въ случаѣ мира съ дѣдомъ, въ случаѣ дружбы съ нимъ, смерть Кирилла Петровича нужна была, чтобы молодой вдовѣ переѣхать ради приличія въ домъ старика на жительство. Будучи у него въ домѣ, Маргарита надѣялась, конечно, овладѣть старикомъ быстрѣе и вполнѣ... Но деньги старика, состояніе его, были не цѣлью, а средствомъ для болѣе дальней и высшей цѣли, явившейся недавно у честолюбивой, самонадѣянно-смѣлой и замѣчательно красивой иноземки.

Маргарита еще не совсѣмъ пришла въ себя, когда у подъ-

ѣзда ея дома лакеи отворили дверцу кареты. Она разсѣянно оглядѣла ихъ и вдругъ выговорила, какъ бы очнувшись:

— Во дворецъ его высочества!.. Вѣдь я приказывала! И Маргарита была почти увѣрена, что, еще садясь у дома дѣда, она приказала ѣхать прямо къ принцу Георгу Голштинскому.

XXXV.

На другой день утромъ, та же карета графини Скабронской остановилась передъ воротами ротнаго двора преображенскихъ гренадерскихъ ротъ, гдѣ были арестованные братья Орловы. Офицеры, собравшіеся съ сосѣднихъ квартиръ на ученіе, невольно съ изумленіемъ оглядывали щегольскую берлину и недоумѣвали на счетъ ея появленія въ такую пору у ихъ ротной казармы.

Когда же, заглянувъ въ окно кареты, они встрѣчались лицомъ къ лицу съ замѣчательной красавицей, очевидно, изъ высшаго свѣта, то невольно кланялись ей и, смущаясь, толпились, перешептывались между собой, потомъ отходили отъ кареты ради приличія, но ждали, не входя во дворъ, чѣмъ загадка разрѣшится.

Наконецъ, вышелъ маіоръ Воейковъ, за нимъ Текутьевъ и Квасовъ,—все удивленные....

Красавица, ласково, но отчасти самодовольно улыбаясь, передала изъ окна кареты бумагу, прося тотчасъ же распорядиться.

— Я графиня Маргарита Скабронская. Вотъ приказъ, не откажите учинить по сему не медля!

Бумага была подписана принцемъ Георгомъ и была приказаніемъ старшему на ротномъ дворѣ офицеру немедленно освободить изъ-подъ ареста обоихъ Орловыхъ...

— Я имѣлъ уже честь васъ встрѣчать не разъ, графиня. Тотчасъ же распоряжусь... Сейчасъ... Угодно будетъ дождаться? засуетился Воейковъ.—Они сейчасъ выйдутъ...

— Нѣтъ. Мнѣ ихъ видѣть незачѣмъ. Я только взялась передать приказъ... Я съ ними не знакома. Надѣюсь только, господинъ офицеръ, что все будетъ исполнено немедленно?..

— Промилуйте! Какъ же я смѣю ослушаться или не въ точности исполнить приказъ его высочества. .

Маргарита поклонилась нѣсколько гордо, но кокетливо и приказала ѣхать домой...

Но въ эту минуту, когда ея два лакея лѣзли на запятки, а лошади не успѣли еще двинуться, въ воротахъ тихо показалась грустная фигура юноши рядового. Глянувъ въ окно кареты, онъ ахнулъ на всю улицу и даже чуть руками не всплеснулъ... Карета быстро отѣхала и всѣ обернулись на этотъ отчаянный крикъ...

— Чего ты орешь, порося! выговорилъ Квасовъ, подступая къ племяннику, который стоялъ, какъ пораженный громомъ.— Тутъ графиня Скабронская, а онъ оретъ, какъ баба на базарѣ!

— Ахъ, дядюшка!.. задохнулся Шепелевъ въ отвѣтъ на слышанное и, ухватившись за Квасова, перемѣнился въ лицѣ.

— Ну такъ, такъ... Говорилъ я тебѣ, что ты застудился! Иди, иди! Ахъ ты Господи! Помертвѣлъ вѣдь! воскликнулъ Квасовъ.—А еще спорилъ все—нехворъ! Аль захватило подъ душкой?.. Иди, водички испей. А то снѣгомъ потришь! захлопотался струхнувшій Квасовъ, поддерживая племянника.

Всѣ офицеры давно вошли въ казарму, толкуя объ удивительномъ приказѣ принца, никѣмъ неожиданномъ прощеніи да еще вдобавокъ привезенномъ на ротный дворъ извѣстной красавицей въ столицѣ.

Квасовъ тотчасъ повелъ племянника въ квартиру и дорогой, ради разсѣянія, толковалъ ему о графинѣ Маргаритѣ, извѣстной красавицѣ Шитера, и о прощеніи буяновъ Орловыхъ. Юноша немного оправился дома, сѣлъ на свою кровать, но забылъ и думать объ ученіи и экзерциціи, а думать только о ней и повторять услышанное чужеземное имя.

— О-охъ! изрѣдка вздыхалъ онъ все еще блѣдный.

— То-то!.. Подъ душкой? А говорилъ—нехворъ! приставалъ Квасовъ.—Вѣдь подъ душкой хватило, а?

— Подъ душкой, дядюшка, подъ душкой. Вотъ ужъ въ самое-то сердце хватило!.. грустно шутилъ юноша со слезами на глазахъ.—Какъ ножомъ рѣзнуло.

— А? Знаю, знаю, у меня это смолоду бывало!..

— У васъ?! Охъ, нѣтъ. У васъ эдакого не бывало; дя-
дюшка... Это, это... хотъ умирать.

И Шепелевъ вдругъ легъ на постель и умышленно отвер-
нулся отъ дяди лицомъ къ стѣнѣ.

Квасовъ вышелъ съ мыслью:—соснетъ часокъ, отпустить
его малость!

А Шепелевъ долго лежалъ, не двигаясь и вспоминая....

Сколько дней и ночей на этой самой кровати продумалъ онъ
о своемъ незнакомцѣ-офицерѣ, встрѣченномъ въ оврагѣ, т. е.
о той красавицѣ, которая спасла его отъ грабителей, довезла
до города, пригрозила ея не узнавать, даже забыть о ней...
И, съ каждымъ днемъ, Шепелевъ все больше и чаще ду-
малъ о ней... И во снѣ неотступно преслѣдовала она его
въ сновидѣніяхъ... Богъ вѣсть почему! И только за одно
разсужденіе ухватился юноша: онъ убѣдилъ себя, что эта кра-
савица, ѣздящая ночью за городъ въ мужскомъ платьѣ, одна
изъ кучки женщинъ иностранокъ самаго дурного поведенія, ко-
торыя недавно пріѣхали въ столицу изъ Швеціи. Квасовъ однаж-
ды разсказалъ это ему и прибавилъ, что эти продажныя краса-
вицы—пьяницы, драчуны, воровки и только развѣ нѣмцу дороги
да милы могутъ быть!

„Ну вотъ, она навѣрно одна изъ этихъ!“ утѣшалъ себя по-
стоянно юноша и отъ этого утѣшенія ему почему-то станови-
лось съ каждымъ днемъ еще хуже и больнѣе на сердцѣ. Между
тѣмъ, молодой малый наивно не догадывался и не понимаетъ,
думая о незнакомцѣ и день, и ночь, что онъ, не смотря ни на
что, просто безъ памяти влюбленъ въ нее. Вдобавокъ влюбленъ
безъ надежды когда либо увидѣть ее, узнать навѣрное, кто она,
убѣдиться, наконецъ, стоитъ ли она его ежечасныхъ помысловъ...
Можетъ быть она—низкая тварь!..

„Графиня Маргарита Скабронская!“ глухо, съ отчаяніемъ
шепталъ онъ теперь въ стѣну, отвѣчая себѣ этимъ именемъ на
всѣ долгія сомнѣнія.

И вдругъ ему показалось, что онъ умираетъ...

„Вотъ, вотъ, сейчасъ! И духъ вонъ!“

Но смерть, разумѣется, и не помышляла идти къ нему! За

то любовь, юношеская, первая, слѣпая, огневая, бурная, иногда убивающая... пришла и свалила молодца сразу!!...

Въ то же время въ ротной казармѣ былъ настоящий содомъ. Орловы, конечно, не ушли тотчасъ изъ мѣста своего заключенія, а послали за виномъ въ трактиръ, и въ большой горницѣ, гдѣ хранилась аммуниція, началось угощеніе всѣхъ офицеровъ. Даже флигельмановъ и болѣе любимыхъ рядовыхъ угощали по семейникамъ.

Чрезъ часъ офицерская компанія была какъ въ туманѣ...

Главный виновникъ торжества, старый дядька, хотѣлъ съ самаго начала скрыться, но его поймали, поили, качали и наконецъ додумались... Поставили кресло на большой столъ и посадили въ него старика, а кругомъ пошелъ хороводъ. Кто на нѣмецкій ладъ выступалъ, кто на русскій, кто казачка, а кто минуэть... Агаѣонъ, опасаясь ежеминутно слетѣть со стола внизъ головой, нѣсколько разъ порывался улизнуть, но Алексѣй Орловъ караулилъ его зорко и при малѣйшемъ движеніи дядьки вскрикивалъ:

— Цыцъ! Не смѣть, Оооошка! Сиди!...

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Зимній дворецъ, въ которомъ за все свое царствованіе жила въ Петербургѣ императрица Елизавета, былъ маленькій, на половину деревянный, старый и даже ветхій. Новый великолѣпный дворецъ, каменный и обширный, былъ уже давно готовъ, но государыня, постоянно хворавшая въ послѣднее время, суевѣрно не рѣшалась переходить въ него. Послѣдніе мѣсяцы жизни она не находила себѣ мѣста въ старомъ деревянномъ дворцѣ, переходила спать почти каждую ночь изъ одной комнаты въ другую, какъ будто ей было тѣсно въ немъ, но о переходѣ въ новое зданіе не смѣлъ нието и заикнуться.

Одною изъ первыхъ заботъ вновь вступившаго на престолъ императора было, конечно, поскорѣе окончательно отдѣлать новое жилище и какъ можно скорѣе перейти въ него.

Наконецъ, въ половинѣ великаго поста, новый дворецъ былъ совершенно отдѣланъ и меблированъ, а въ старомъ деревянномъ начались сборы, переноска и перевозка вещей. Во многихъ комнатахъ мебель была уже не на мѣстахъ, картины сняты со стѣнъ.

Въ тотъ самый день, когда иноземка графиня Скабронская выручила изъ бѣды братьевъ Орловыхъ, въ большой тронной залѣ дворца сидѣла на креслѣ около отворенной форточки красивая женщина вся въ черномъ и въ странномъ уборѣ на головѣ. Этотъ уборъ, черный суконный съ бѣлыми нашивками подъ крепомъ, полушляпа, получепецъ, плотно облегалъ ея голову и низко проходилъ черезъ лобъ, на половину закрывая его. Было что-то странное, строгое, даже мрачное въ этомъ

уборѣ и во всей ея одеждѣ. Лицо ея было тоже строго, печально.

Не смотря на зимній морозный день, на холодныя струи вѣтра, врывавшіяся въ открытую настежь форточку, она изрѣдка поднимала голову и жадно вдыхала въ себя холодный воздухъ, какъ будто ей было душно въ этой залѣ.

Вокругъ нея по всѣмъ стѣнамъ стояли уже снятые царскіе портреты. Ближе къ ней на полу и на стульяхъ стояло болѣе десятка различныхъ портретовъ покойной императрицы. Многіе изъ нихъ были неокончены, другіе едва начаты, на нѣкоторыхъ было сдѣлано одно лицо, а остальное оставалось начерченнымъ карандашемъ и углемъ по бѣлому нетронутому полотну.

Всѣ эти портреты были сдѣланы за послѣдніе мѣсяцы жизни императрицы. Она предвидѣла будто, что дѣлается ея послѣдній портретъ, и ни однимъ не оставалась довольна. Два живописца напрасно старались удовлетворить ея прихотливымъ требованіямъ.

Женщина въ черномъ уборѣ—новая императрица, Екатерина Алексѣевна. Она пришла теперь въ эту залу, гдѣ случилось ей часто, но уже давно, проводить веселые вечера и безопасно танцовать до полуночи. Зала эта была полна для нея самыхъ пестрыхъ воспоминаній, преимущественно свѣтлыхъ, дорогихъ. Она пришла сюда выбрать для себя лучшій портретъ покойной, которую не очень любила, но при которой положеніе ея было далеко не такъ тягостно, какъ теперь. Она хотѣла было выбрать тайкомъ одинъ изъ портретовъ и скорѣе унести его къ себѣ, но эта зала, пустая, угрюмая, полуосвѣщенная отъ спущенныхъ сторъ, которыя приготовились снимать, остановила ее. Эта зала, вдругъ, будто глянула ей въ душу, будто заговорила съ ней, будто сказала ей то слово, отъ котораго все ея прошлое возстало передъ ней живое, милое, лучезарное....

Много свѣтлыхъ образовъ, много разныхъ событій воскресло вдругъ и быстро понеслось пестрой чередой надъ ея опущенной головой въ странномъ траурномъ уборѣ. Поне-

волѣ и она унеслась мыслью, еще далѣе, въ свое прошлое. И вся жизнь ея съ младенчества явилась передъ ней.

Вспомнилась ей маленькая дѣвичья комнатка съ однимъ окномъ въ намѣстническомъ дворцѣ въ Штетинѣ. Внизу, среди небольшой площади неправильнаго очертанія, въ родѣ трех-угольника, стоитъ и вѣчно брызжетъ древній фонтанъ. Нѣсколько миеологическихъ фигуръ переплелись съ какими-то большими рыбами и хвостатыми уродами. Къ этому фонтану ежедневно въ извѣстные часы сходятся съ кувшинами городскія дѣвушки и всегда, установивъ ихъ кругомъ подъ серебрястыми струями, забываютъ объ нихъ въ бесѣдахъ, или шаловливыхъ играхъ и шуткахъ.

И эта площадь, гдѣ всюду виднѣются гранитные готическіе порталы, колонны, карнизы, гдѣ высится изящная колокольня, легкая и вся сквозная, будто изъ сѣраго кружева, и этотъ фонтанъ, тоже сѣрый, мокрый, вѣчно обрызганный водой,—все это, хотя дальнее, но ясное и на вѣки родное ей воспоминаніе.

Сколько разъ она, принцесса, запертая день и ночь въ этомъ скучномъ домѣ, именуемомъ дворцомъ, завидовала городскимъ дѣвушкамъ. Какъ ей самой подчасъ тоже хотѣлось бы взять кувшивъ, пойти къ этому фонтану, тоже порѣзвиться, побѣгать съ ними, послушать всякіе толки и пересуды. Часто эта молодежь окружала какого-нибудь знакомаго, мимо идущаго остряка, который, увидя кучку молодыхъ красавицъ, охотно завернетъ къ этому фонтану и смѣшнить ихъ въ продолженіи цѣлаго часа разными шутками и прибаутками. Иной разъ, наоборотъ, сѣдая ворчливая старуха, иногда злая полувѣдма съ клюкой, проходя мимо, тоже приблизится къ фонтану и не можетъ упустить удобнаго случая разбранить столпившійся рой молодыхъ дѣвушекъ. Ихъ веселый хохоть, ихъ рѣчи, журчащія точно также, какъ и эти серебрястыя струи фонтана, будто оскорбили старуху и она съ хриплымъ воплемъ идетъ на нихъ, замахиваясь клюкой, и кричитъ, и грозитъ, и проклинаятъ! Но только звонкій веселый, счастливый хохоть отвѣчаетъ ей на всѣ проклятія.

*

Тысячи разъ видала она это изъ своего окна. Всѣ воспоминанія дѣтства сводятся къ этому фонтану и къ этой площади, и за это теперь она любитъ ихъ....

Она знала уже тогда, что ей не суждено прожить вѣчно въ этомъ домѣ, что въ ранней юности она будетъ уже отдана замужъ куда-нибудь далеко, за какого-нибудь германскаго принца. И невольно желала она этого, потому что жизнь здѣсь тянулась скучно, однообразно. Не было ни радостей, ни горя, ни заботъ, и давящее сердце будничное затишье заставляло подчасъ желать чего либо, хотя бы и печальнаго, хотя бы и грознаго, лишь бы перемѣнился этотъ унылый, душу мертвящій строй жизни. Пускай будетъ гроза! Лишь бы очистила воздухъ, позволила бы дышать свободно.

Изъ всей этой жизни въ продолженіи четырнадцати лѣтъ остались въ памяти ея лишь два или три особенныхъ случая, о которыхъ стоило вспомнить. Одинъ изъ нихъ, близко, лично касавшійся до нея, особенно остался въ памяти.

Въ домѣ отца появился однажды дряхлый старецъ, пользовавшійся извѣстностью чуть не по всей Германіи, какъ святой мужъ и праведникъ, которому народная молва приписывала пророческій даръ. Ее, дѣвочку лѣтъ двѣнадцати, привели въ гостиную, гдѣ сидѣлъ старецъ въ священническомъ одѣяніи. Она со страхомъ и трепетомъ подошла къ нему, подводяемая матерью. Онъ глянулъ на нее своими большими строгими глазами, положилъ ей руку на голову и сказалъ нѣсколько словъ, которыхъ она сразу не поняла, но которыя тѣмъ не менѣе напугали ее. Потомъ, впоследствии, ея мать часто вспоминала сказанное старикомъ, и крѣпко вѣровала въ пророчество праведника, и упорно ожидала, что оно сбудется. Старикъ въ темныхъ выраженіяхъ проговорилъ, что видитъ на дѣтской головкѣ три короны и въ томъ числѣ одну большую, цесарскую. Предсказаніе это, часто вспоминаемое въ домѣ, разумѣется, глубоко запало въ душу умной дѣвочки; скоро она сама стала вѣрить въ него и ожидать.

И, наконецъ, однажды, когда ей было уже около пятнадцати лѣтъ, мать, ничего не объясняя ей, стала собираться въ далекій путь.

Скоро онѣ очутились въ Берлинѣ при дворѣ суроваго, некрасиваго короля Фридриха, а затѣмъ двинулись дальше. И умная, смѣлая, уже честолюбивая дѣвушка-ребенокъ знала, что ее везутъ въ далекую, полудикую землю, вѣчно заваленную такими снѣгами, какихъ не бываетъ на родинѣ. Въ этой далекой чужбинѣ предстоитъ ей выйти замужъ, и тамъ будетъ она современемъ императрицей громадной страны.

Дорога изъ Берлина на Кенигсбергъ, Митаву и Петербургъ продолжалась довольно долго, но послѣ уединенной и однообразной жизни въ Штетинѣ она рада была новымъ мѣстамъ, новымъ лицамъ. Вдобавокъ, здѣсь въ первый разъ, на пути въ эту невѣдомую землю, она какъ-то, незамѣтно для самой себя, вдругъ увидѣла, почувствовала, что она сдѣлалась главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Во всѣхъ городахъ по дорогѣ, которые казались ей все-таки менѣе чуждыми, чѣмъ она ожидала, кругомъ слышалась та же родная рѣчь; всюду дѣлались пышныя встрѣчи, давались празднества, гремѣла музыка и всюду нареченная невѣста наслѣдника престола была, конечно, главнымъ лицомъ, на которомъ сосредоточивались вниманіе, радушіе, заботливость и предупредительность всѣхъ.

Въ Митавѣ встрѣтилъ поѣздъ принцессы высланный впередъ русской императрицей камергеръ Нарышкинъ и его почтительное вниманіе и заботливость въ пути до Петербурга особенно сосредоточивались на ней, а не на ея матери.

Въ этомъ пути прежде всего поразили юную принцессу странные экипажи, въ которыхъ весь поѣздъ двигался по необозримымъ снѣжнымъ равнинамъ. Это были длинныя и узкія сани, обитыя краснымъ сукномъ, въ которыхъ днемъ помѣщалось съ ними человекъ по восьми и десяти, а на ночь всѣ уходили въ другія сани, а имъ двумъ устраивали постели. Обѣихъ принцессъ закрывали цѣлыми кучами мѣховъ и только одни лица ихъ оставались незакрытыми. Шесть, а иногда восемь лошадей, впряженные въ эти сани, мчали ихъ почти постоянно вскачь.

Въ февральскія, туманныя, но теплыя сѣмѣрки вѣхали онѣ, наконецъ, въ Петербургъ. Пестрая толпа придворныхъ встрѣтила ихъ въ небольшомъ итальянскомъ дворцѣ и, не смотря на

усталость, тотчасъ былъ назначенъ приѣмъ, было представле-
ніе гостей, былъ длинный, скучный и чопорный обѣдъ. Но
такъ какъ императрица и наслѣдникъ были въ Москвѣ, то на
другой же день пришлось снова пускаться въ путь, такой же
далекій и трудный, и снова скакать въ такихъ же саняхъ.

И вотъ здѣсь въ первый разъ увидала она много новаго,
много схожаго съ тѣмъ, что рассказывалось ей передъ отъѣз-
домъ. Родная рѣчь уже не слышалась кругомъ; по дорогѣ из-
рѣдка попадались убогія черненькія деревушки и каждая изъ
нихъ казалась большимъ чернымъ пятномъ среди необозримой
сахарнобѣлой равнины. И тутъ на привалахъ услышала она
близко мудреную рѣчь, увидала людей въ какихъ-то замазан-
ныхъ шкурахъ и первыя три слова русскихъ, которыя подхва-
тила и заучила она, были „мужикъ“, „сарафанъ“, „дуга“... И
этотъ сѣрый людъ, который попадался все больше на пути, не
возбудилъ въ ней того чувства отвращенія, съ которымъ отно-
силась къ нимъ ея мать, а напротивъ, чувство жалости къ нимъ
проникло сразу въ ея душу и глубоко запало въ ней. Эта не-
вѣдомая, снѣжная, унылая, будто мертвая страна, по которой
безъ конца двигались онѣ въ уродливыхъ длинныхъ саняхъ,
не пугала ее. Ко всему чутко прислушивалась она кругомъ,
ко всему внимательно, сердцемъ приглядывалась. Этотъ сѣрый,
будто не умытый людъ на всѣхъ привалахъ окружалъ со всѣхъ
сторонъ сани, изъ которыхъ она выходила или въ которыя са-
дилась при отъѣздѣ, и всюду она видѣла на этихъ лицахъ, въ
ихъ глазахъ—одно добродушіе и ласку. Однажды, уже подъ
самой Москвой, на одной изъ станцій, въ ту минуту, когда она
усаживалась въ неуклюжія сани, произошелъ простой, но па-
мятный ей случай. Старая женщина, худая, вся обмотанная
дырявою одеждой съ грязными клочьями, вдругъ выступила
изъ окружавшей ихъ толпы, приблизилась къ ней и, бормоча
на распѣвъ, какъ-то странно замотала надъ ней рукою. Прин-
цесса-мать перепугалась, боясь колдовства, но ей объяснили,
что женщина, узнавъ, кто такая проѣзжая, и желая ей доб-
раго пути, перекрестила ее три раза. Долго помнила дѣвушка
эту старуху, ея добрые глаза, ея добрую, пѣвучую рѣчь, и дол-
го жалѣла, что не могла понять словъ.

И, наконецъ, однажды, какъ въ одной сказкѣ, онѣ остановились у красиваго дворца среди лѣса. Здѣсь встрѣтили ее русская императрица и женихъ. И ей, ожидавшей увидѣть большой, веселый, красивый городъ, странною показалась эта встрѣча среди лѣса, покуда не узнала она, что это Петровский дворецъ, находящійся въ окрестностяхъ древней столицы.

Въ этотъ же день, послѣ безконечныхъ бесѣдъ, среди шумной, пестрой, многочисленной толпы придворныхъ, поздно вечеромъ, засыпая и едва чувствуя себя отъ усталости, она невольно повторяла мысленно то, что вынесла изъ этой встрѣчи:

— Какая она добрая! Какъ онѣ дурень!

И ночью, проснувшись отъ какого-то шума въ сосѣдней комнатѣ, придя въ себя, она вдругъ вспомнила, что очутилась далеко отъ своей родины, далеко отъ милой площади съ брызжущимъ вѣчно фонтаномъ. Снова вспомнивъ о двухъ лицахъ, которыя встрѣтила она наканунѣ и съ которыми придется теперь вѣкъ свѣковать, она снова шепнула то же самое:

— Да, она добрая.... Но какъ онѣ дурень!!..

II.

Софія-Фредерика-Ангальтъ-Цербстъ съ матерью своей, принцессой Іоанной-Елизаветой, вѣхала въ Россію въ февралѣ 1744 года.

Первое время пребыванія въ чужой странѣ, среди чужой обстановки и рѣчей на неизвѣстномъ языкѣ, было трудное и грустное для пятнадцатилѣтней дѣвочки. Тѣмъ болѣе было мудрено ей, что мать родная была ей не въ помощь; напротивъ, дочь должна была постоянно выпутывать ее изъ всякаго рода затрудненій и неосторожныхъ поступковъ.

Елизавета Цербстъ всегда была пустой, мелочной и совершенно безтактной женщиной. Вдобавокъ, она была на столько же ограниченная женщина, на сколько самоувѣренная и упрямая. По пріѣздѣ въ Москву, благодаря ласковому обращенію съ ней императрицы и почтительному отношенію къ ней всего двора, у принцессы Елизаветы немного закружилась го-

лова. Она вообразила себѣ, что, будучи матерью невѣсты наслѣдника престола, она призвана теперь играть вліятельную роль въ Россіи. На весь дворъ и все общество Елизавета стала смотрѣть свысока, сочтя себя нравственно и умственно выше всѣхъ этихъ варваровъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, она стала обращаться особенно любезно со всѣми представителями иностранныхъ державъ, завела съ ними тѣсныя отношенія и начала заниматься высшими политическими вопросами, т. е. интриговать, переписываться съ Фридрихомъ и, конечно, сплетничать. Съ дочерью она всегда обращалась рѣзко и деспотически, здѣсь же стала еще больше преслѣдовать ее за всякую мелочь. Не прошло мѣсяца, какъ всѣ отъ всей души любили молоденькую принцессу и ненавидѣли тоже отъ всей души ея мать.

Вскорѣ послѣ пріѣзда ихъ въ Москву, императрица отправилась говѣть къ Троицѣ; близкіе ей люди послѣдовали за ней, а дворецъ почти совершенно опустѣлъ, потому что оставленные при двухъ принцессахъ сановники и служители тотчасъ самовольно отлучились по своимъ дѣламъ или вотчинамъ. Принцесса-мать, ни слова не понимая по-русски, разѣзжала по гостямъ на обѣды и вечера, разыгрывая великую особу, и просиживала цѣлые дни въ гостяхъ у людей, съ которыми не могла сказать ни слова, по незнанію ими ни французскаго, ни нѣмецкаго языка.

За это время принцесса Софія, вставая со свѣчкой до зари, садилась тотчасъ же за тетрадки и за книжки своего новаго учителя, Симона Тодорскаго, и учила уроки закона Божьяго и русскаго языка. Послѣ недостаточно отопляемаго зимою дома отца своего ей казалось особенно хорошо, тепло и даже жарко въ ея натопленныхъ комнатахъ. Поэтому она часто, съ утра до обѣда просиживая у себя одна одиноконька, позволяла себѣ не одѣваться и ходить босикомъ по полу.

Однажды утромъ она почувствовала себя дурно, а къ вечеру была уже въ постели и страшное воспаленіе въ боку продержало ее двадцать семь дней между жизнію и смертію. Собравшіеся русскіе доктора хотѣли было лѣчить принцессу, но мать ея объявила, что не позволить ничего ей дать, ниче-

го сдѣлать, такъ какъ она убѣждена, что дочь ея непременно уморятъ русскою медициною.

За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, родной братъ принцессы Цербстской, будучи женихомъ Елизаветы Петровны, тогда еще цесаревны, заболѣлъ точно также вдругъ и скончался черезъ нѣсколько дней. Принцесса была убѣждена, что его тогда умышленно уморили русскіе доктора. Теперь она сѣла у постели больной дочери на стражѣ, ничего сама не предпринимала и другимъ не позволяла до нея дотрогиваться.

Императрицѣ дали знать въ Троицу и она тотчасъ прискакала. Принцессу Елизавету силкомъ отвели отъ постели, чуть не заперли въ другой горницѣ, и принялись лѣчить кровопусканіями опасно простудившуюся дѣвушку.

Быть можетъ, судьба послала эту болѣзнь на ея счастіе.

Въ первый же разъ, какъ больная пришла въ себя и сознательно оглянулась, у нея, по просьбѣ матери, спросили: не желаетъ ли она повидаться съ протестантскимъ пасторомъ и побесѣдовать. Молоденькая принцесса отвѣчала, что подобная бесѣда была бы ей очень пріятна, но что она желаетъ не пастора, а своего законоучителя, отца Тодорскаго.

Императрица за эти слова обняла больную, нѣжно расцѣловала ее. И этотъ отвѣтъ молоденькой чужеземки облетѣлъ скоро всю Москву и чуть не всю Россію.

Главное леченіе именно состояло, по обычаю, въ кровопусканіи. Когда пришлось въ четвертый или пятый разъ, по мнѣнію докторовъ, пускать кровь, то у больной спросили: не чувствуетъ ли она себя слишкомъ слабою и какое ея личное мнѣніе о новомъ кровопусканіи.

— Побольше, побольше выпускайте, улыбаясь, отвѣчала больная.—Выпустите ее всю! Вѣдь это нѣмецкая кровь. Я за то, поправясь, наживу здѣсь другую, та ужъ будетъ настоящая—русская.

И этотъ отвѣтъ снова привелъ въ восторгъ императрицу, дворъ и всю Москву, и все руссiйское дворянство. Многіе, жившіе вдали, по вотчинамъ, узнали это изъ писемъ родственниковъ и пріятелей.

Наконецъ, когда она уже выздоравливала, то около нея сажали разныхъ придворныхъ дамъ на дежурство и неотлучно у постели сидѣла одна изъ главныхъ болтушекъ и сплетницъ, Румянцова.

Принцесса взяла привычку лежать въ постели съ закрытыми глазами, а быть можетъ и въ самомъ дѣлѣ хитрая дѣвушка умышленно притворялась спящей. И въ продолженіи многихъ дней, прислушиваясь къ шепоту и пересудамъ женщинъ, ее окружавшихъ, она узнала все, что только можно было узнать про императрицу, дворъ, придворныя партіи, интриги и всевозможныя семейныя исторіи. Когда принцесса выздоровѣла, то все и всѣ были ей такъ же знакомы, какъ если бы она уже годъ или болѣе жила въ Россіи. Она узнала, кто и что Разумовскіе, Шуваловы, Бестужевъ, Шетарди, Лестокъ и т. д. Между прочимъ, она узнала, что при дворѣ образовались двѣ партіи даже по поводу ея приѣзда. Одна партія желала ея брака съ наслѣдникомъ престола, другая же изъ силъ выбивалась, чтобы женить Петра Ѳедоровича на саксонской принцессѣ Маріаннѣ. Во главѣ послѣдней былъ Бестужевъ. Принцесса узнала, что во время болѣзни, когда она была наиболѣе въ опасности, противная ей партія ликовала и, тайно отъ государыни, два курьера уже поскакали въ Саксонію. Если бы она умерла, то не только при дворѣ русскомъ многое пошло бы иначе, но даже въ европейскихъ дѣлахъ первой важности совершился бы извѣстный переворотъ, другіе союзы и разныя дипломатическія осложненія.

Лѣтомъ совершился въ Москвѣ, съ большой пышностью, переходъ въ православіе нареченной невѣсты, и принцесса Софія-Фредерика стала „благовѣрной великой княжной Екатериной Августовной“. Спустя нѣкоторое время было совершено и торжественное обрученіе въ томъ же московскомъ Кремлѣ, и она стала именоваться Екатериной Алексѣевной.

Бракосочетаніе отлагалось до конца года, но въ ноябрѣ мѣсяцѣ великій князь заболѣлъ корью, затѣмъ немного поправился, но на пути изъ Москвы въ Петербургъ, въ Хотиловъ, заболѣлъ снова самой сильной оспой. Болѣзнь его продолжа-

лась долго и была настолько серьезна, что могла лишить императрицу наследника престола.

Великую княжну, у которой не было оспы, не только не допустили къ жениху, но увезли поскорѣе въ Петербургъ. Когда, спустя пять мѣсяцевъ, она снова увидѣла своего нареченнаго, то невольно смутилась и затѣмъ, убѣжавъ къ себѣ въ горницу, даже поплакала. Великій князь, который и прежде былъ некрасивъ, теперь, послѣ оспы, подурнѣлъ еще болѣе. Правда, онъ немножко выросъ или вытянулся, но при этомъ еще болѣе похудѣлъ; лицо его распухло, скулы выпятились, глаза казались еще меньше и обѣ щеки были покрыты синебагровыми пятнами и бороздками.

Однако, двадцать перваго августа совершилось бракосочетаніе и десять дней праздновалъ Петербургъ это событіе.

Первые дни послѣ брака великій князь почти-что не видалъ въ глаза молодой жены, ибо инныя два событія въ его жизни были для него гораздо важнѣе. Отъ него, наконецъ, взяли ненавистнаго воспитателя, деспота Брюммера, и, кромѣ того, позволили ему носить всякій мундиръ, какой бы онъ ни пожелалъ. Поэтому молодой человѣкъ на радостяхъ по десяти разъ на день переодѣвался въ разные мундиры, а съ другой стороны, свободный совершенно, въ своихъ горницахъ, гдѣ властвовалъ до тѣхъ поръ Брюммеръ, тотчасъ завелъ свору собакъ и проводилъ время съ бичемъ въ рукѣ. Вмѣстѣ съ этимъ, черезъ недѣлю послѣ брака, молодая женщина, найдя мужа грустнымъ, внезапно услышала отъ него искреннюю исповѣдь, что онъ безъ памяти влюбленъ давно въ фрейлину Каръ. Затѣмъ еще черезъ нѣсколько времени великій князь снова опасно заболѣлъ и пролежалъ цѣлую осень въ постели.

Со дня своего брака до минуты смерти императрицы, прѣхавшая въ Россію шестнадцатилѣтней дѣвушкой и достигшая тридцати четырехъ лѣтъ, за всю эту жизнь могла упомянуть только три особенно крупныя и выдающіяся событія. Отъѣздъ или лучше сказать изгнаніе ея матери изъ Россіи было первымъ событіемъ для нея. Принцесса неосторожно завела при дворѣ русскомъ цѣлую интригу и даже дошла до того, что стала тайно сноситься съ иностранными кабинетами,

усердно озабочиваясь судьбою російскаго государства. Екатерина Алексѣевна поплакала, конечно, при отъѣздѣ матери, но не особенно... Она не знала, что болѣе никогда за всю свою жизнь не увидитъ ее, а что когда сдѣлается императрицей, то сама не пожелаетъ и не дозволитъ ей пріѣхать въ Россію. Второе событіе было паденіе и ссылка знаменитаго Бестужева и если великая княгиня не пострадала тоже серьезнымъ образомъ, то благодаря тому, что успѣла сжечь все, что было у нея бумагъ и писемъ. Разумѣется, все дѣло было крайне невиннаго свойства. Третье событіе ея жизни было рожденіе ребенка, чрезъ девять лѣтъ послѣ брака. Императрица стала гораздо ласковѣе съ матерью и нянчилась съ внучкомъ, за то великій князь насмѣшливо и презрительно улыбался на эти семейныя нѣжности и только извѣдка спрашивалъ:

— Что вашъ сынъ?

Вся жизнь Екатерины Алексѣевны въ продолженіи восемнадцати лѣтъ прошла въ постоянныхъ перѣѣздахъ и странствованіяхъ изъ Петербурга въ Москву, изъ Москвы въ Кіевъ и т. д. Но благодаря этимъ странствovanіямъ и скитаніямъ, которыя все болѣе учащались къ концу царствованія Елизаветы Петровны, великая княгиня могла приглядѣться, присмотрѣться, прислушаться, могла стать лицомъ къ лицу съ невѣдомой громадной страной и невѣдомымъ народомъ. Часто въ бесѣдахъ съ ней англійскій посланникъ при русскомъ дворѣ бралъ сюжетомъ своихъ шутокъ того, кого онъ называлъ „любопытный незнакомецъ“. Подъ этимъ прозвищемъ острякъ-англичанинъ разумѣлъ русскій народъ. И во истину это былъ „magnum ignotum“, для Петербурга и для всѣхъ правительствъ, смѣнявшихся послѣ Петра Великаго. На берегахъ Невы онъ былъ „великое неизвѣстное“ также, какъ на берегахъ Сены и Темзы или Дуная.

Дѣйствительно, гдѣ-то на краю свѣта, на какихъ-то болотахъ, тамъ, гдѣ русскому міру конецъ, а начало чужихъ, цѣлыхъ полста лѣтъ и болѣе, разные драгуны, пандуры и гренадеры вершатъ диковинныя дѣла, представляютъ чудеса въ рѣшетѣ, но чудеса эти чужды, даже будто нисколько не любопытны ни кому за предѣлами рогатокъ и заставъ петербургскихъ. Вельможи и сановники, и русскіе, и чужеземцы, полстолѣтія бо-

ряты между собой, падаютъ и поднимаются, владутъ головы на плахи, угоняются въ Пелымъ, въ Березовъ, въ Рогервикъ.... Каждый разъ измѣняется декорация, но комедія повторяется все та же и та же.... А этотъ *magnum ignotum* живетъ самъ по себѣ, даже не прислушивается. Его хата съ краю! Онъ живетъ голодно и холодно, но богобоязненно и долготерпѣливо, и возлагаетъ все упованіе свое не на питерскихъ нѣмцевъ и полунѣмцевъ, а на Господа Бога и на святыхъ угодниковъ.

III.

Государь Петръ Ѳеодоровичъ, тотчасъ же по вступленіи на престолъ, объявилъ о своемъ желаніи непременно какъ можно скорѣй переходить въ новый дворецъ.

Пышные похороны покойной государыни со всякаго рода церемоніями продолжались страшно долго.

Петербургъ, дворъ и общество раздѣлились тотчасъ на два лагеря даже по поводу этихъ церемоній.

Одни, съ новой императрицей Екатериной Алексѣевной во главѣ, проводили время въ хлопотахъ по поводу похоронъ, присутствовали на всѣхъ церемоніяхъ и всѣхъ панихидахъ. За эти дни ярко отмѣтился лагерь „лизаветинцевъ“. Другая партія, въ которой было немного русскихъ вельможъ, въ числѣ прочихъ и канцлеръ Воронцовъ, получила въ устахъ народа и даже гвардіи названіе „голштинцевъ“. Всѣ они почти никогда не бывали на панихидахъ и большая часть изъ нихъ занималась или разъѣздами верхомъ по столицѣ въ свитѣ государя, или заказомъ новыхъ безчисленныхъ и все мѣнявшихся мундировъ. Нѣкоторые же исключительно хлопотали объ отдѣлкѣ новаго дворца.

Весь великій постъ работы въ громадномъ зданіи шли быстро, болѣе тысячи всякихъ подрядчиковъ и рабочихъ наполняли этотъ дворецъ въ полномъ смыслѣ слова отъ зари до зари. Къ концу великаго поста все было готово и всѣмъ было извѣстно, что пріемъ въ Свѣтлый Праздникъ будетъ непременно въ новомъ дворцѣ. Но о главной помѣхѣ для этого перехода въ новый дворецъ никто не подумалъ.

Дворецъ строился нѣсколько лѣтъ на громадномъ пустомъ пространствѣ, незастроенномъ ничѣмъ, которое простиралось отъ стараго дворца у Полицейскаго моста до берега Невы, а въ длину отъ Милліонной до самой Галерной улицы. Когда-то при началѣ постройки это былъ обширный, великолѣпный зеленый лугъ, на которомъ постоянно паслись коровы и лошади дворцоваго вѣдомства. Покуда дворецъ строился, все это огромное пространство понемножку покрывалось безчисленнымъ количествомъ разнаго рода домиковъ, хижинъ, шалашей, избушекъ, балагановъ и сараевъ для обдѣлки всякаго рода матеріаловъ и для житія рабочихъ. Постепенно этихъ построекъ набралось, конечно, болѣе сотни. Кромѣ того, годами набирались громадныя кучи всякаго мусора, бревенъ, глины, щепы и щебня.

Видъ этого пустого пространста между двумя дворцами, старымъ и новымъ, былъ хотя крайне непріятенъ, но крайне оригиналенъ. Это было сплошное сѣро-грязное пространство, на которомъ кое-гдѣ высились самыя нелѣпыя постройки на скорую руку, а около нихъ громадныя кучи всякаго сора. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кучи щепы или щебня были на столько велики, что превышали крыши сарайчиковъ и хижинъ.

Когда въ новомъ дворцѣ развѣшивались уже послѣднія картины и занавѣсы и вносились всякая мебель, одинъ изъ нѣмцевъ придворныхъ, Будбергъ, первый спросилъ у полицмейстера Корфа:

— А какъ же будетъ и какъ состоится пріемъ во дворцѣ, когда нельзя пройти, а тѣмъ менѣе проѣхать къ этому дворцу, ни откуда?

Корфъ, отличавшійся нѣкоторою тугостью разума, треснулъ себя по лбу и онѣмѣлъ отъ сюрприза.

Оставалась одна страстная недѣля, очистить же весь этотъ лугъ возможно было только въ мѣсяцъ времени, да и то при затратѣ большихъ суммъ для найма лошадей и народа. И Корфъ, надумавшись, поскакалъ къ Фленсбургу и объяснилъ ему ужасное обстоятельство.

Фленсбургъ, знавшій хорошо, какъ и всякій въ Петербургѣ, на сколько упрямо желаетъ государь быть въ Свѣтлый Праздникъ въ новомъ дворцѣ, даже ротъ разинулъ и руками развелъ.

— Какъ же вы объ этомъ не подумали? воскликнулъ онъ.

Корфъ тоже развелъ руками, какъ бы говоря: что же прикажете дѣлать! Но въ то же время онъ думалъ:

„А отчего же вы-то всѣ объ этомъ не подумали? Отчего же мнѣ надо было думать, когда вамъ никому и на умъ не пришло?“

Но однако Корфъ понималъ, что отвѣчать все-таки придется ему, какъ полицмейстеру.

— Бога ради доложите принцу, спросите что тутъ дѣлать.

— Да что же онъ можетъ тутъ? спросилъ Фленсбургъ.

— Доложите, я ужъ и не знаю, а все же доложить надо.

— Государь вчера говорилъ, замѣтилъ Фленсбургъ, что онъ въ среду или четвергъ уже перейдетъ. А вы въ одну недѣлю не успѣете очистить все.

— Какое въ недѣлю! Въ мѣсяцъ, въ полтора не успѣшь! воскликнулъ полицмейстеръ.

Фленсбургъ, глядя въ смущенное, почти перепуганное лицо генерала-полицейстера, думалъ по-нѣмецки:

„Ну казусъ. Что теперь будетъ вамъ всѣмъ отъ государя?“

Когда адъютантъ доложилъ принцу о новости, Жоржъ тоже ахнулъ и привскочилъ на своемъ креслѣ.

— Пускай ѣдетъ самъ и докладываетъ государю, рѣшилъ принцъ.

Фленсбургъ передалъ приказаніе принца, но генераль-полицейстеръ былъ не промахъ. Онъ обѣщалъ адъютанту на утро доложить государю обо всемъ, но въ тотъ же вечеръ вдругъ опасно захворалъ, даже слегъ въ постель. „Лежачаго не бьютъ! надѣялся онъ. Больного скорѣе помиловать“.

Пришлось принцу Жоржу взять дѣло на себя. Все-таки онъ не захотѣлъ, чтобы на него прямо обрушился гнѣвъ государя въ дѣлѣ, въ которомъ онъ былъ неповиненъ. Принцъ отправился къ фавориту.

Гудовичъ при извѣстіи вскрикнулъ еще громче другихъ и не смотря на свою тучность и лѣнь, вскочилъ и началъ ходить по горницѣ. Всякаго рода ругательства посыпались на полицмейстера Корфа и на всѣхъ негодаевъ „лизаветинцевъ“, хотя Гудовичъ зналъ, что они тутъ ничѣмъ не виноваты.

Не ближе какъ вечеромъ, Гудовичъ отправился къ Ворон-

цовой, прося ее доложить государю, что переѣзжать во дворецъ невозможно, ибо о площади забыли и ранѣ мѣсяца она очищена быть не можетъ.

И въ тотъ же день, но далеко за полночь, когда государь послѣ сытнаго ужина собирался спать, Воронцова, все отлагавшая минуту объявить ужасную новость, вдругъ какъ-то бухнула ее. И всѣ предугадывали вѣрно. Государь пришелъ вдругъ въ такое состояніе, что, не смотря на третій часъ ночи, поднялъ на ноги весь дворецъ. Казалось, буря съ вихремъ и градомъ прошла по всѣмъ горницамъ и корридорамъ.

Государь былъ человѣкъ добродушный, еще никого не обидѣвшій за трехъ-мѣсячное свое царствованіе, но тѣмъ не менѣе всѣ и все боялись его и трепетали. Видно—дворянская кровь придворныхъ, дворцовыхъ слугъ и прихлебателей исподволь и давно обратилась въ рабскую и всякій привыкъ трепетать, иногда самъ не зная зачѣмъ и отчего.

И среди ночи были вытребованы во дворецъ и Корфъ, и всѣ петербургскія власти, за исключеніемъ принца. Государь объявилъ, чтобы за ночь всѣ градовластители сообща придумали что-нибудь и чтобы площадь была очищена въ три дня.

Полу-нѣмцы, полу-русскіе, генералы, полковники, тайные и статскіе совѣтники хотя и усердно ломали свои давно на службѣ опорожненныя головы, но ничего не придумали. И самъ полицмейстеръ Корфъ и всякаго рода власти, даже нѣкоторые сенаторы ѣздили верхомъ и ходили пѣшкомъ, на громадное пространство, все сплошь покрытое мусоромъ и застроенное всякими сараями и балаганами. И, разумѣется, всякій изъ нихъ, вспоминая, что государь приказалъ въ три дня все это очистить, разводилъ руками, а иногда даже и присѣдалъ,—движеніе, краснорѣчиво говорящее:

— Вотъ и поздравлю! Что жъ тутъ дѣлать?

Дѣйствительно, снести все это возможно было при правильномъ и усердномъ трудѣ только въ три недѣли или мѣсяцъ, но уже никакъ не менѣе.

Полицмейстеръ Корфъ быстро, по приказу государя, выздоровѣвшій въ прошлую ночь, теперь отъ ужаса и боязни заболѣлъ уже дѣйствительно, не дипломатически.

IV.

Но матушка святая Русь всегда нарождала избавителей или Богъ земли русской въ злосчастныя минуты всегда ихъ посылалъ ей. Не одинъ Мининъ въ урочный часъ явился на Руси и спасалъ ее единымъ могучимъ взмахомъ души и длани.

И въ эти дни, тяжелые и грозные для Петербурга, когда все высшее сословіе столицы, поджавъ хвостъ, сидѣло по домамъ, не смѣя высунуть носа и боясь навлечь на себя немилость разгнѣваннаго императора, явился новый Мининъ. Хотя на маленькое дѣло родился онъ, но все-таки на такое, о которомъ напрасно и тщетно ломали себѣ головы всѣ правители и властители.

Жилъ да былъ въ оны дни въ Петербургѣ, близъ Охты, русскій мужикъ, происхожденіемъ костромичъ, по ремеслу плотникъ, годами для російскаго и православнаго человѣка не старъ и не молодъ, всего-то полъ-столѣтъя съ хвостикомъ.

Чуть не съ семилѣтнаго возраста у себя на деревнѣ орудовалъ онъ топорикомъ. Добраго и усерднаго парнишку взялъ съ собой въ Петербургъ на заработки его дядя и ласково называлъ „Сеня“. И всѣ звали его Сеней, никогда никто ни разу не называлъ его Сенькой; такое ужъ было у него лицо, что Сенька къ этому лицу было именемъ неподходящимъ.

Изъ года въ годъ съ топоромъ въ рукѣ много дѣловъ надѣлалъ Сеня. Былъ у него только одинъ этотъ „штрументъ“, но онъ могъ имъ все сдѣлать. И балки имъ рубилъ онъ, и всякія хитрыя, замысловатыя штуки вырубалъ, для которыхъ нѣмцу нужны три дюжины всякихъ инструментовъ. Много украшеній всякаго рода было на домахъ петербургскихъ, на которыхъ Сеня, проходя, глядѣлъ съ кроткой радостью. Остановясь каждый разъ, онъ, спихнувъ шапку на лобъ, почесывалъ за затылкомъ и ухмылялся, глядя на свою работу.

„Моя!“ думалъ онъ, а иногда и говорилъ это первому прохожему.

Теперь, переваливъ на вторую полсотню годовъ, Сенья былъ тотъ же искусный и усердный плотникъ, все такъ же орудовавшій топорикомъ; лицо его было то же свѣжее молоджавое, ни одинаго сѣдого волоса ни въ головѣ, ни въ окладистой бородѣ; сила все та же, такъ что молодыхъ рабочихъ за поясъ затынеть; искусство все то же. Бухаетъ онъ съ плеча по большой балкѣ и ухаеетъ при этомъ, выпуская такое количество воздуха изъ груди, что иному нѣмцу, въ родѣ принца Жоржа, этого воздуха на всю бы жизнь хватило. Или тихонько, ласково, будто нѣжно чикаетъ онъ большущимъ топоромъ по маленькому куску липы или ясеня и выходитъ у него мальчуганъ съ крылышками, или лира, или рогъ изобилія, или какая иная фигура, не имъ, а нѣмцемъ выдуманная, и которую теперь господа стали наклеивать на фасады домовъ.

Сенья тоже въ числѣ прочихъ работалъ во дворцѣ въ качествѣ простого поденщика. Иные въ двадцать лѣтъ выходятъ въ хозяева и подрядчики, а Сенья, хоть тысячу лѣтъ проживи на свѣтѣ, все будетъ подначальнымъ батракомъ.

Наступили великіе дни страстей Господнихъ, когда весь православный людъ на пространствѣ четверти всего земного шара, павъ ницъ, молился во храмахъ, каялся во грѣхахъ и причащался святыхъ тайнъ Христовыхъ. Съ тайною, непонятною сладостью на душѣ и съ чистою совѣстью ожидалъ всякій встрѣтить великій праздникъ Христовъ. Въ эти самые дни въ полурусской столицѣ, на окраинѣ громадной земли православной, все, что было властнаго, высокаго и чиновнаго въ Питерѣ, вся эта взмытая пѣна великаго русскаго моря житейскаго; т. е. все придворное сословіе, переживало тоже дни—скорби и печали. Когда во храмахъ по всей Руси колѣнно-преклоненные священники восклицали надъ колѣнно-преклоненнымъ же народомъ: „Господи, Владыко живота моего!“, здѣсь въ пышныхъ домахъ и полу-дворцахъ столицы, весь людъ важный и сановный, прозванный народомъ „голштинцами“, восклицалъ тоже:

— Господи, площадь-то, площадь!

— Имъ-то, чортъ съ ней, да что изъ-за нея, имъ же будетъ!!.

Во вторникъ на страстной недѣлѣ, Корфъ, похудѣвшій въ болѣзни, съ распухшимъ даже отъ горя носомъ, объѣзжалъ на худой, заморенной лошади, быть можетъ, въ сотый разъ громадную площадь, сплошь покрытую всякою всячиной. Онъ столько горевалъ и думалъ, что уже не зналъ, гдѣ теперь помѣщается его голова: на плечахъ или гдѣ въ иномъ мѣстѣ? И пріятели, и знакомые, и многіе вельможи, всѣ размышляли. И послѣ своего размысленія всѣ только разводили руками и произносили такія слова, которыя теперь Корфъ безъ остервенѣнія слышать не могъ.

— Да какъ же вы прежде-то объ этомъ не подумали?!

Среди всего пространства была одна громадная еуча щепы, по которой можно было почти пересчитать сколько лѣтъ строился дворецъ, такъ какъ всѣ пласты этой пирамиды, не египетской, а російской, были разнаго цвѣта, отъ самаго чернаго, сгнившаго давно, до самаго свѣжаго пласта, набросаннаго за послѣдніе дни. Объѣхавъ эту пирамиду, Корфъ встрѣтилъ прусскаго посланника, барона Гольца, тоже пріѣхавшаго ради любопытства и верхомъ пробирававшагося по тропинкамъ, которыя проложили рабочіе.

Послѣ привѣтствій завязался разговоръ все о томъ же. Умень и ловокъ былъ пруссакъ Гольцъ, не даромъ любимецъ Фридриха, посланный въ Петербургъ завладѣть черезъ императора всей имперіей русской. Но и онъ не утѣшилъ Корфа, и не нашелъ спасенія.

Во время ихъ бесѣды присоединился къ нимъ всадникъ, тоже „голштинецъ“, хотя это былъ князь Никита Юрьевичъ Трубецкой, генераль-прокуроръ и фельдмаршалъ. Такъ какъ онъ ни слова не говорилъ по-нѣмецки, то бесѣда зашла съ Корфомъ по-русски и тотчасъ завязался споръ, сколько понадобится времени для очистки площади, сколько денегъ, сколько рабочихъ и сколько труда. Трубецкой сталъ доказывать, что если бы ему дали денегъ на это дѣло, онъ бы его въ три недѣли покончилъ.

А народъ кругомъ все прибавлялся, все налѣзалъ и вдругъ три всадника очутились среди густой толпы праздныхъ рабочихъ и всякихъ прохожихъ зѣвакъ.

*

И Богъ земли русской послалъ сюда въ эту минуту... такъ пошататься, безъ дѣла—новаго Минина—Сеню.

Сеня никогда выскочкой не былъ, впередъ не лѣзъ и особливо ревностно соблюдалъ святое правило: отъ начальства держаться елико возможно подалше.

— Чѣмъ ты отъ него далѣй, передано было Сенѣ отцомъ изъ рода въ родъ завѣщанное правило, — тѣмъ будетъ тебѣ спасительнѣе и здоровѣе.

Сеня, завидя вельможъ, сталъ тоже поодаль, но прибывавшая толпа все пихала, да пихала его сзади и понемножку надвинула подъ самый хвостъ лошади генераль-полицмейстера. И такъ близко, что не ровень часъ, помилуй Богъ, задомъ она его хлобыснетъ. Но Сеня забылъ про эту опасность, да и вляча показалась ему тоща, гдѣ ей брыкаться; его ужъ очень бесѣда генеральская захватила.

Слушаетъ онъ и ничего сообразить не можетъ, и потому собственно, что все понялъ. Кабы онъ не понялъ — другое дѣло, а то, все, что Корфъ и Трубецкой говорятъ другъ дружкѣ, онъ, до единого слова, понялъ и разсудилъ. И поэтому сообразить ничего не можетъ.

Такіе важные генералы да про такое пустое дѣло толкуютъ: какъ площадь очистить по приказу государеву въ три дня. И сказываютъ они, что государь-батюшка отъ нихъ требуетъ дѣлъ совсѣмъ невозможныхъ. И такъ захватила Сеню эта бесѣда генеральская, что онъ даже сопѣтъ началъ въ хвостъ лошади. Хочется ему смерть свое слово молвить, да страшно, боязно; ну, какъ его прикажутъ поучить малость!

И началъ Сеня все тяжелѣе и тяжелѣе дышать. Слово, что хочется ему молвить, такъ ему грудь и распираетъ.

Вотъ полицмейстеръ ужъ двинулъ свою лошаденку и вскрикнулъ на толпу:

— Чего налѣзли! Ироды!

Сеня не вытерпѣлъ, снялъ шапку и вымолвилъ съ трепетомъ на сердцѣ:

— Ваше превосходительство! И какъ бы эту самую площадь въ одинъ день обчистить, ей-Богу, Съ утреничка взявшись, къ вечеру то-ись чисто бы было.

Корфъ, фельдмаршалъ Трубецкой и Фридриховскій посоль Гольцъ, всѣ трое обернулись на ласковое, добродушное лицо мужика.

— Чего? выговорилъ Корфъ,—что ты болтаешь? Какъ же ты это сдѣлаешь? Что ты врешь, дуракъ! Ты болванъ! Болтаешь всякій вздоръ. Дубина! Пошелъ!

Все это выговорилъ Корфъ такъ сердито, что видно было, какъ онъ на всякомъ срывалъ свою печаль и гнѣвъ государя.

— А вотъ, ваше превосходительство, я, конечно, малый человѣкъ. А вотъ коли мнѣ его царское величество прикажъ такой бы далъ, очистить самую эту площадь, чтобы вотъ въ вечеру на ней не было ни одной щепочки или кирпичика, такъ я бы вотъ сдѣлалъ...

— Что? вымолвилъ Корфъ.

— Ну, ну? вымолвилъ Трубецкой.

Только Гольцъ ни слова не вымолвилъ, потому что не понималъ по-русски. Даже столпившіеся и налѣзавшіе кругомъ зѣваки, забывъ присутствіе важныхъ сановниковъ, тоже робко отозвались:

— Ну, ну, сказывай, лѣшій.

— А вотъ, значить, что. Извѣстно, приказъ государя—это первое дѣло. Я скажи, пу ничего, стало быть, не будетъ, а то еще выпорять. А царь-батюшка не есть какой, ваше превосходительство, вельможа, у котораго деньгамъ все-таки счетъ есть и какъ ни богатъ, а все жъ деньгамъ конецъ можетъ быть. А государь совсѣмъ ино дѣло. Ну, вотъ, стало быть, нехай все это пропадаетъ: и балаганы, и сарай, и кирпичи, и все... Царь-государь отъ этого бѣднѣе не будетъ, а народъ стало-быть побогаче будетъ, а царю не въ убытокъ. Вотъ, что я собственно вамъ доложить хотѣлъ.

Корфъ слушалъ всѣмъ своимъ существомъ, ему будто чуялось, что Провидѣніе посылаетъ Минина. Но вдругъ увидя, что мужикъ, ничего не сказавъ, кончилъ, Корфъ даже разсвирѣпѣлъ и началъ ругаться.

— А вотъ что, заговорилъ опять Сенья,—далъ бы такой приказъ государь по всей столицѣ: иди, братцы-ребята, на площадь, тащи что кому вздумается, я позволилъ. И по совѣсти

доложу я вамъ, ваше превосходительство, что въ три часа ничего то-нсъ тутъ не останется. Ей-Богу, вѣрьте слову! И какъ это, къ примѣру сказать, питерцы-то, весь нашъ братъ, простой человѣкъ, какъ прибѣжитъ сюда, да начнетъ тащить кто что ухватить поспѣлъ, такъ ахнуть не успѣешь, какъ будетъ все чисто. Вѣдомо вамъ: воръ споръ!

Предложеніе это показалось, разумѣется, Корфу и Трубецкому, а затѣмъ переведенное Гольцу, на столько нелѣпнымъ и глупымъ, что генералы, пожавъ плечами, поѣхали по домамъ.

Но всякая дѣйствительно великая истина всегда кажется нелѣпостью при своемъ зарожденіи. И Козьму Минина въ первую минуту навѣрное принялъ народъ за суеслова и болтуна во хмѣлю, и Сеню приняли теперь за дурня, что любить зря языкомъ чесать, да еще важнымъ господамъ.

Но затѣмъ цѣлый день работала голова Корфа и хотя была плохой почвой для всякаго сѣмени и для созрѣнія всякаго плода, однако и она къ вечеру стала, хотя еще смутно, понимать, что мужикъ на площади въ нѣкоторомъ родѣ Христофоръ Колумбъ или монахъ Шварцъ.

Подумавъ еще въ безсонной ночи о мужикѣ и его словахъ, Корфъ по-утру все сообщилъ всѣмъ, кому только могъ. По мѣрѣ того, что онъ рассказывалъ, во всѣхъ головахъ всѣхъ слушателей и въ его собственной головѣ все болѣе укрѣплялось убѣжденіе, что выдумка мужика диво дивное. Послѣ полудни генераль-полицмейстеръ уже смѣло приписывалъ выдумку себѣ самому, а въ сумерки, увѣренный въ силѣ своего открытія, скавалъ къ государю доложить о дѣлѣ смѣло и бойко. Корфъ предложилъ государю оповѣстить всѣхъ обывателей столицы, указомъ его величества, что все находящееся на площади отдается въ подарокъ всѣмъ и каждому, кто только пожелаетъ придти и взять. Государь ахнулъ, захлопалъ въ ладоши, потомъ похлопалъ Корфа по плечу и чуть не поцѣловалъ.

— Молодецъ! Поѣзжай! Приказывай!

V.

Въ великій четвергъ, чуть свѣтъ, нѣсколько кучекъ народа собрались на площади, появилось и нѣсколько обывательскихъ телѣгъ. Кое-кто и кое-гдѣ наваливалъ себѣ или просто набиралъ въ охалку что кому приглянулось. Но работа эта шла какъ-то вяло и нерѣшительно. Каждый думалъ:

„А ну какъ, вдругъ, ахнетъ на тебя кто изъ начальства, да по мордѣ, или хуже того, по чемъ попалъ!.. Да въ отвѣтъ пойдешь за самоуправство! Сказывалъ будочникъ -- указано... Да не ровень часъ!..

Но около полудня сотни, а наконецъ и тысячи обывателей, видя и встрѣчая нерозбранно идущихъ и ѣдущихъ съ площади со всякимъ добромъ, наконецъ, какъ будто уразумѣли вполне въ чемъ дѣло. И вдругъ темная гудящая туча наплыла и покрыла все пространство площади. Кто и зря забрелъ—тащить началъ. И странный видъ приняла эта площадь.словно гигантская муравьиная куча, закопошилась она и гудѣла на всемъ пространствѣ. Крики, вопли, драка, сумятица и безпорядица огласили столицу.

Корфъ приѣхалъ было верхомъ поглядѣть, какъ успѣшно идетъ очистка площади, но не могъ сдѣлать и сотни шаговъ среди плотной массы расходившейся черни. На этотъ разъ съ полицмейстеромъ были его два адъютанта верхомъ. Они кричали на народъ, старались очистить начальнику проѣздъ въ центръ этого кипящаго муравейника, но народъ, будто опьяненный грабежемъ и дракой, уже не слушалъ никого и не обратилъ на нихъ ни малѣйшаго вниманія.

Корфъ сталъ было кричать на одного мѣщанина, который увозилъ цѣлый возъ досокъ и лѣзъ прямо на него. Но мѣщанинъ, не знавшій полицмейстера, съ раскраснѣвшимся лицомъ, блестящими отъ работы и усталости глазами, крикнулъ на всю площадь:

— Уходи съ дороги! А то по цареву указу и тебя съ лошадки сниму, да на возъ.

И онъ прибавилъ, уже хохоча во все горло, нѣсколько не идущихъ къ дѣлу, но любимыхъ словъ.

Наконецъ, и многіе пѣшіе, тащившіе все, что имъ попадало подъ руку, начали кричать на Корфа и его адъютантовъ:

— Уйди!.. Что стали на дорогѣ?! Чего мѣшаетесь!.. Аль поживиться пріѣхали? Стыдно-ста, господа офицеры.

Многіе изъ нихъ, конечно, не знали Корфа въ лицо, но тѣ, которые знали, не ломали шапки, потому что не до того. И только одинъ пожилой мастеровой крикнулъ полицмейстеру:

— Уѣзжай, родимый, отсѣдова, — запибуть ненарокомъ. Вишь какой содомъ!

Почти на серединѣ площади на крышѣ небольшого сарайчика, еще несломаннаго, стоялъ руки въ боки, съ шапкой на затылѣ, самъ великій изобрѣтатель, отрывшій великую истину, самъ плотникъ Сеня!

Когда до него утромъ дошли слухи, что государь приказалъ подарить все на площади находящееся петербургскимъ обывателямъ и позволилъ разграбленіе, то Сеня вымолвилъ:

— Во какъ, славно! Вѣстимо, такъ и надо. Инако ничего не подѣлаешь.

Но Сенѣ и на умъ не пришло, что онъ подаль мысль, которая понравилась государю.

Съ каждымъ часомъ толпа все болѣе и болѣе прибывала на площадь и она начинала уже нѣсколько уравниваться. Безчисленные возы тянулись вереницами во всѣ концы города, и всякій везъ къ себѣ цѣлыя кучи добра, досокъ, кирпича, бревень.

Въ сумерки, въ самый разгаръ грабежа, вопли на площади отдавались въ городѣ, какъ отголосокъ страшной бури, и всѣ прилегающія къ площади улицы были запружены и соромъ, растеряннымъ по дорогѣ, и сломанными телѣгами, и павшими отъ страшной тяжести лошадьми. Въ эту минуту съ Милліонной выѣхалъ красивый экипажъ цугомъ и хотѣлъ было пробраться вдоль Мойки, чтобы объѣхать площадь. Но волны людскія залили со всѣхъ сторонъ карету и лошадей и, не смотря на крики кучера и форејтора, подвигаться было невозможно. Въ каретѣ были двое военныхъ. Одинъ изъ нихъ, въ

великолѣпномъ мундирѣ со множествомъ орденовъ, былъ важный сановникъ. Горбоносый, съ маленькими злыми глазами, съ тонкими губами, слегка выдающимися впередъ, это былъ человѣкъ, все испытавшій въ жизни, пережившій все, что можетъ дать жизнь. Онъ былъ конюхъ, онъ былъ и первый сановникъ въ государствѣ; на плечахъ его перебивали по очереди и самые блестящіе мундиры, и полуцарскія мантіи подбитыя горностаемъ, и кафтанъ ссыльно-ваторжнаго. Въ этомъ самомъ Петербургѣ онъ былъ десять лѣтъ кровопійцей цѣлой громадной страны, и нѣсколько миллионовъ людей трепетали при одномъ его имени, считая его искренно исчадіемъ ада. И теперь, послѣ долгой двадцатилѣтней жизни въ изгнаніи, онъ снова появился въ этомъ городѣ.

Пріѣхавъ наканунѣ и отдохнувъ съ дороги, онъ въ сумерки съ адъютантомъ своимъ выѣхалъ изъ дома и прямо налетѣлъ на гудящую площадь и весь этотъ дикій содомъ.

Увидя передъ собой цѣлое волнующееся пестрое море людское, онъ вздрогнулъ и первое чувство, сказавшееся въ немъ, былъ не испугъ, а скорѣе злорадство. Ему почудилось, что здѣсь близъ дворца совершается неожиданно нѣчто уже видѣнное имъ. Дѣйство народное!.. Но зачѣмъ, почему, въ чью пользу? Неужели новому правительству грозитъ опасность?

Но злорадство перваго мгновенія тотчасъ же прошло. Онъ подумалъ о себѣ. Всякая переменъна могла вернуть его снова въ ссылку, а теперь онъ только и мечталъ объ одномъ—скорѣе выбраться изъ Россіи. Честолюбія въ немъ не было уже и помину; онъ мечталъ теперь о тихой, спокойной жизни послѣ длиннаго поприща насилій, преступленій, мести, жертвъ и крови...

Адъютантъ его, молодой человѣкъ, посланный къ нему на встрѣчу въ Ярославль, нѣмецъ родомъ, тоже перепугался въ первое мгновеніе. Онъ высунулся въ окно, глянулъ съ трепетомъ на надвигавшіяся черныя тучи народа, которыя все болѣе окружали экипажъ, и произнесъ дрожащимъ голосомъ:

— Was ist das?

Сановникъ все оглядѣлъ и понялъ. Онъ какъ-то подобралъ тонкія губы, фыркнулъ и усмѣхнулся злобно.

— Was ist das?—Russland! Россія! вымолвилъ онъ, шипя. — Въ этой дикой землѣ всякое бываетъ. Злоба и глупость—вотъ два элемента, изъ которыхъ родилась Россія, два элемента, которые лежатъ въ основѣ всякаго русскаго человѣка. Если уменъ онъ, то негодяй и преступникъ, если же безупречный гражданинъ, то низкая и до глупости безобидная тварь.

И будто отвѣчая какой-то тайной мысли своей, онъ прибавилъ:

— Подальше, подальше изъ этой страны!... Скорѣе проѣхать границу, поскорѣе быть въ Европѣ!

Между тѣмъ, карета стояла, цугъ лошадей, заливаемый народомъ со всѣхъ сторонъ, нетерпѣливо прыгалъ на мѣстѣ. Ихъ часто зацѣпляли досками и бревнами и передняя пара начала уже бить.

И вдругъ въ этомъ человѣкѣ, который за мгновеніе назадъ смутился при видѣ волнующагося моря людскаго, сказался внезапно прежній пылъ. Прежній адскій огонь вспыхнулъ въ душѣ.

Онъ высунулся въ окно и крикнулъ кучеру стегать лошадей и ѣхать прямо на толпу, не разбирая ничего. Передній фореиторъ пустилъ поводья, хлестнулъ подсѣдельную лошадь, кучеръ тоже ударилъ по своимъ, и кони, сильные и породистые, подхватили съ мѣста. Карета съ лошадьми, какъ адская машина, вонзилась въ густую толпу и сразу нѣсколько человѣкъ очутились подъ копытами и подъ колесами.

А сановникъ, весь высунувшись въ окно, задыхался и былъ нунцовый отъ диваго чувства, клокотавшаго въ немъ. Казалось, онъ наслаждается.... Но вдругъ раздался страшный ревъ. Десятки голосовъ вскрикнули въ разъ, десятки бревенъ, тучи камней, градомъ посыпались со всѣхъ сторонъ на карету, на лошадей. Большое бревно взмахнуло въ воздухъ передъ лошадью фореитора и лошадь, отъ сильнаго удара въ лобъ, отуманенная, повалилась на земь. Другая рванула въ бокъ и запутала постромки. Еще мгновеніе и эта толпа, разносившая площадь, разнесла бы въ пухъ и прахъ и цугъ коней, и карету, и сидящихъ въ ней.

Но сановникъ быстро отворилъ дверку, выступилъ одной

ногой на ступеньку и крикнулъ на толпу повелительнымъ голосомъ:

— Смирно! Не узнали! Забыли! Я герцога Биронъ!... Биронъ, ха-а-а!

Въ мгновеніе толпа стихла и отхлынула отъ кареты. Имя это, cadaго еще въ колыбели заставлявшее трепетать, и теперь заставило почти безсознательно бросить то, что было въ рукахъ, и спастись.... Старики и пожилые, признавшіе въ лицо страшное исчадіе ада, отшатнулись, творя молитву. Черезъ нѣсколько секундъ карета могла уже повернуться на освобожденномъ пространствѣ. И среди мертваго молчанія направилась она въ Милліонную, чтобы объѣздомъ достигнуть дворца принца.

VI.

Графиня Маргарита за послѣдніе дни разцвѣла, какъ пышная роза, и была еще красивѣе. За эти дни все ладилось у нея, все удавалось, все начинало сбываться.

Многіе знакомые прїѣзжали къ ней, даже тѣ, которые давно не бывали. Всѣ являлись съ распросами: правда ли, что она спасла Орловыхъ, когда никто не могъ этого сдѣлать? И если старый брюзга Іоаннъ Іоанновичъ захотѣлъ помириться съ внучкой ради личной выгоды, то тѣмъ болѣе посторонніе считали нужнымъ скорѣе подружиться съ графиней-иноземкой, которая оказалась вдругъ нечаянно и нежданно сильной при дворѣ личностью.

Никто не зналъ, какимъ образомъ удалось Маргаритѣ освободить изъ-подъ ареста и выхлопотать прощеніе братьямъ-бунамъ. Помимо Маргариты, только одинъ человѣкъ въ Петербургѣ зналъ, какъ это сдѣлалось, но никому не говорилъ. Маргарита тѣмъ паче никому не объясняла ничего, отшучивалась, посмѣивалась. Когда ей намекнули о городскомъ слухѣ, что она просила лично государя, Маргарита изумилась, но промолчала. А дѣло было очень просто.

Государь когда-то сказалъ дядѣ по поводу Орловыхъ:

— Дѣлай, какъ знаешь.

Жоржъ дѣлалъ все не такъ, какъ зналъ или хотѣлъ, а такъ, какъ зналъ или хотѣлъ его любимецъ Фленсбургъ.

А этотъ небогатый, честолюбивый шлезвигскій уроженецъ, столь долго проживавшій въ ссылке послѣ своей первой страсти, за которую и былъ сосланъ, не встрѣтилъ за всю жизнь ни одной женщины, которую бы могъ снова полюбить. Да и не до того было ссылке! Отъ зари до зари думалъ онъ только объ одномъ: неужели судьба его не измѣнится, неужели, вмѣсто того чтобы быть русскимъ Остерманомъ или Минихомъ, онъ умретъ сеньнымъ нѣмцемъ въ маленькомъ городѣ?

Вызванный недавно государемъ, прощенный и назначенный состоять при Жоржѣ, Фленсбургъ ожилъ. Честолюбивыя мечты вновь заговорили въ немъ и онъ видѣлъ, что нѣкоторыя уже сбываются.. Онъ очутился сразу на пути къ блестящей карьерѣ. Уже теперь, хотя и случайно, дѣлается въ Петербургѣ черезъ глупаго Жоржа, вліяющаго на государя, все то, что хочется ему, Фленсбургу. Прибывшій вновь прусскій посланникъ, любимецъ Фридриха, Гольцъ, какъ тонкій дипломатъ, замѣтилъ и понялъ сразу значеніе маленькаго адъютанта не только во дворцѣ Жоржа, не только въ Петербургѣ, но и для всей Россіи. И онъ сталъ искать дружбы молодого шлезвигскаго дворянина ради личныхъ цѣлей. Для поланца Фридриха II всякій былъ нуженъ.

Гольцъ не высказывался, держалъ себя сдержанно, почти таинственно, но не дремалъ и работалъ. Онъ плелъ громадную паутину, въ которую хотѣлъ захватить всю русскую имперію.

Вниманіе Гольца въ Фленсбургу было и лестно ему, и тоже имѣло огромное значеніе для него: оно удваивало силу и вліяніе адъютанта.

А, между тѣмъ, судьба, любящая шутить и играть людьми, заставила этого Остермана, а, быть можетъ, и Бирона въ зародышѣ, быть въ свою очередь подъ вліяніемъ и почти со-всѣмъ въ рукахъ у другого существа.

Фленсбургъ, вздохнувшій свободно въ Петербургѣ послѣ изгнанія, естественно долженъ былъ тотчасъ же испытать то, что было немыслимо въ ссылке. Вскорѣ же по приѣздѣ своемъ,

встрѣтивъ на одномъ вечерѣ блестящую красавицу-иноземку, графиню Скабронскую, заговорившую съ нимъ вдобавокъ по-нѣмецки, Фленсбургъ быстро, какъ юноша, почти также, какъ и Шепелевъ, страстно влюбился въ Маргариту.

Къ его чувству примѣшивался однако, расчетъ или соображеніе, что эта иноземка, равно говорящая хорошо по-нѣмецки и по-русски, красавица, умная и тонкая кокетка, можетъ быть великимъ подспорьемъ для всякаго человѣка, мечтающаго о блестящей карьерѣ.

Фленсбургъ узналъ, что мужъ красавицы долженъ умереть не нынѣ—завтра; состояніе графа Скабронскаго было никому неизвѣстно и всѣ считали умирающаго Кирилла Петровича такимъ же богачемъ, какъ и его старикъ дѣдъ. Все это состояніе должно было, конечно, остаться вдовѣ, да, кромѣ того, у старика Іоанна Іоанновича не было никого наслѣдниковъ помимо той же красавицы внучки. И Фленсбургъ быстро и сердцемъ, и честолюбивымъ разсудкомъ влюбился въ эту красивую и умную иноземку.

Знакомство ихъ началось еще недавно, но Фленсбургъ энергично, упорно, дерзко ухаживалъ за ней. Они быстро сблизились и объяснились, но далѣе увѣреній въ любви Маргарита не давала ему сдѣлать ни шагу.

— Увидимъ! Посмотримъ, что мужъ? Онъ еще живъ! говорила она.

Мечтамъ Фленсбурга о будущей роли при дворѣ его будущей жены не было конца. Онъ зналъ, что государь неравнодушенъ къ красотѣ, что красивая, умная и ловкая женщина можетъ овладѣть имъ. И часто адъютантъ Жоржа мечталъ о томъ, какъ Петръ Ѳедоровичъ, безъ ума влюбленный въ Маргариту Фленсбургъ, передастъ мужу своей возлюбленной все, что было когда-то въ рукахъ Миниховъ, Бироновъ и Волынскихъ.

Дѣйствительно, все, о чемъ мечталъ Фленсбургъ, было очень и очень возможно въ будущемъ. Для этого нужна была смерть графа Кирилла, а онъ уже былъ при послѣднемъ издыханіи. Для этого нужна была любовь Маргариты, а она, по убѣжденію Фленсбурга, любила его нѣсколько холодно, рассу-

дочно, но все-таки на столько, что согласилась бы, овдовѣвъ, выйти за него замужъ.

Государь уже разъ видѣлъ Маргариту, былъ пораженъ ея красотой, собирался приказать ее представить государынѣ и себѣ, но затѣмъ, вѣроятно, забылъ. Маргарита не имѣла права появляться при дворѣ, и теперь ей негдѣ было чаще видѣть государя.

Маргарита, съ своей стороны, не сомнѣвалась на счетъ Фленсбурга и его тайныхъ помысловъ. Она догадалась чуткимъ разумомъ кокетки и чуткимъ сердцемъ женщины. Фленсбургъ ей не очень нравился, но кокетничала она съ нимъ потому, что поняла также, какъ и Гольцъ, какое значеніе можетъ имѣть въ скоромъ времени этотъ адъютантъ принца Жоржа.

Но онъ былъ бѣденъ и рассчитывалъ на ея сотни тысячъ рублей, а у нея были только тысячи рублей долговъ. Маргарита знала, что въ самую рѣшительную минуту, когда она будетъ вдовой и свободна, Фленсбургъ, узнавъ о ея средствахъ, можетъ отказаться, а между тѣмъ, она будетъ ужъ скомпрометирована въ глазахъ многихъ и особенно въ глазахъ дѣда. Въ своихъ мечтахъ и думахъ Маргарита приходила къ заключенію, что за Фленсбурга можно выйти замужъ только въ томъ случаѣ, если иное, болѣе великое не дастся ей, ускользнетъ изъ ея рукъ, какъ несбыточная мечта. Покуда кокетка не выпускала изъ своихъ рукъ и какъ кошка играла съ Фленсбургомъ, не отпуская отъ себя, чтобы не потерять совершенно, и не позволяя ничего, кромѣ клятвъ и увѣреній въ любви.

Когда старикъ дѣдъ примирился съ ней и просилъ покровительства за Орловыхъ, Маргаритѣ стоило, конечно, сказать только одно слово Фленсбургу и онъ въ полчаса времени безъ труда убѣдилъ Жоржа выпустить Орловыхъ и тотчасъ привезъ Маргаритѣ его приказъ объ освобожденіи братьевъ изъ-подъ ареста. Все это было дѣломъ одного вечера, но на этотъ разъ Фленсбургъ принесъ самую большую жертву своей возлюбленной. Онъ помогъ ей самъ спасти двухъ человѣкъ, которыхъ онъ ненавидѣлъ. И за это онъ, передавая ей приказъ принца, потребовалъ вознагражденія, жертву за жертву.

Маргарита, въ восторгѣ отъ удачи, кокетливо, но и плу-

товато общала все. Но когда Орловы были на свободѣ, когда она снова вернулась домой и стала думать о новыхъ отношеніяхъ, въ которыя ей приходилось стать съ Фленсбургомъ, то ея красивое личико нахмурилось. Цѣлый вечеръ неподвижно просидѣла она, облокотясь обоими локтями на маленькой столѣ, гдѣ лежали карты, бирюльки и шахматы.

Она спрашивала себя, любить ли она хоть немного этого шлезвигскаго дворянина, и въ глубинѣ сердца сказался отвѣтъ положительный и ясный:

— Нѣтъ.

И не въ первый разъ уже сердце отвѣчало ей: нѣтъ. До своего замужества они никого не любила, а мужа любила три мѣсяца... и на особый ладъ. Душа ея была тутъ ни при чемъ... Когда-то, до встрѣчи съ Скабронскимъ, она была продана теткой за деньги старому некрасивому магнату венгерцу. Черезъ Годъ смерть избавила ее отъ него и она, получивъ по завѣщанію довольно большую сумму, быстро прожила ее, ведя въ Вѣнѣ жизнь самую безопасную, веселую, пустую, но не распущенную и не безнравственную. Она все любила: и карты, и верховую ѣзду, и охоту, и балы, и всякія зрѣлища; но при этомъ, она никого не любила, никого не встрѣчала, кого бы могла полюбить.

Молодой, полурусскій вельможа понравился ей слегка. Онъ явился въ ту минуту, когда Маргаритѣ захотѣлось пристроиться, выйти замужъ, имѣть деньги и титулъ. И она разочла, что графъ Скабронскій наиболѣе подходящая для этого личность. И его въ сущности она сначала старалась полюбить душою, но напрасно. Каковъ можетъ быть или долженъ быть тотъ человѣкъ, которому она отдастся и тѣломъ, и душою, Маргарита все еще не знала... „Можетъ быть, такого и на свѣтѣ нѣтъ“, думалось ей иногда и становилось даже грустно.

Теперь, когда она вспоминала о своей поѣздкѣ на ротный дворъ, объ эффектной передачѣ приказа принца, въ ея воображеніи мелькнула фигура юноши, почти ребенка. Онъ вдругъ явился въ ея воображеніи, какъ живой.

Когда она увидала въ воротахъ это молодое, чрезвычайно красивое, синеокое лицо, изумленное, пораженное, въ нѣсколь-

нихъ шагахъ отъ ея кареты, она узнала сразу спасеннаго ею въ оврагѣ юношу. Но въ лицѣ, въ глазахъ его, на этотъ разъ, казалось что-то, коснувшееся и ея самой. Страсть юноши, бурно бушевавшая въ немъ, огонь, вспыхнувшій въ немъ, видно заронилъ искру чего-то новаго, еще незнакомаго дотолѣ, въ сердце кокетки. Неужели же она способна полюбить этого полурбенка? Конечно, нѣтъ! Но въ немъ есть что-то, чего она не встрѣчала еще.

Такъ или иначе, но образъ этого юноши застилаетъ въ ея головѣ фигуру самодовольнаго Фленсбурга. Отъ этого юноши, отъ его страстнаго взора будто пахнуло на нее весной. Чистое, хорошее чувство шевельнулось теперь на глубинѣ ея сердца. Смерть мужа, овладѣніе дѣдомъ, игра съ Фленсбургомъ... наконецъ, осуществленіе тайной, но почти невѣроятной мечты—это все само по себѣ, это одна сторона жизни, житейская, мелкая, низкая... А онъ, этотъ юноша, само собой... Другая сторона жизни!.. Это иная, полная, чудная чаша, до которой она еще не касалась губами, а, между тѣмъ, хотѣла бы выпить до дна!

VII.

Фленсбургъ, послѣ своей жертвы, принесенной для графини, былъ уже у нея два раза, но она не приняла его подъ предлогомъ болѣзни.

Маргарита хотѣла отсрочить объясненіе. Она рассказывалась теперь, что, увлекаясь желаніемъ похвастать передъ дѣдомъ своимъ значеніемъ, спасла совершенно постороннихъ людей и теперь очутилась въ тяжеломъ положеніи относительно Фленсбурга. Онъ, очевидно, являлся за уплатой долга.

Фленсбургъ, конечно, понялъ, что Маргарита не хвораетъ, и написалъ красавицѣ, что изъ крайней необходимости видѣться съ нею по важному дѣлу онъ убѣдительно проситъ принять его.

Маргарита, по неволѣ, отвѣчала согласіемъ, но въ ожиданіи его посѣщенія стала придумывать, какъ избавиться и

отсрочить ихъ объясненіе. Она взяла стулъ и сѣла у окна, чтобы видѣть, когда Флемсбургъ подъѣдетъ. Еще ничего не успѣла она придумать, когда къ ней вошелъ, спустившійся сверху, докторъ, лечившій мужа.

„Задержу его подолѣе у себя. При постороннемъ объясненіе невозможно“, догадалась Маргарита и любезно встрѣтила доктора.

Докторъ Вурмъ, уже пожилой, лѣтъ пятидесяти, былъ еще человѣкъ бодрый и свѣжій, хотя съ сѣдой головой, но безъ единой морщинки на лицѣ, съ румянцемъ во всю щеку, а по движеніямъ казался еще совершенно молодымъ человѣкомъ. Правильная до педантизма жизнь при помощи медицины, которую онъ зналъ хорошо, позволила ему до пятидесяти лѣтъ сохранить свѣжесть силъ и наслаждаться какъ бы второю юностью.

Вурмъ пользовался извѣстностью и уваженіемъ въ столицѣ, не смотря на дѣйствительно незавидное положеніе всякаго доктора въ странѣ, гдѣ за нѣсколько десятковъ лѣтъ передъ тѣмъ скоморохи, знахари и колдуны были во мнѣніи народа одного поля ягоды и довольствовались почти одинаковымъ общественнымъ положеніемъ. Вурмъ былъ первый докторъ, который въ Петербургѣ поставилъ себя на равную ногу съ высшимъ обществомъ и придворнымъ кругомъ, и, конечно, онъ былъ вдесятеро образованнѣе и благовоспитаннѣе многихъ савонниковъ. Онъ лечилъ всю знать въ Петербургѣ, лечилъ и покойную императрицу. Нажитое состояніе позволило ему теперь имѣть такую обстановку, при которой онъ окончательно сравнялся со многими дворянами средней руки. Вурмъ, съ самаго пріѣзда Скабронскихъ въ Петербургъ, началъ лечить Кирилла Петровича, но въ то же время и ухаживалъ за красавицей Маргаритой.

— Ну, что же, докторъ? Какъ? выговорила Маргарита, по-нѣмецки, предлагая, быть можетъ, уже въ тысячный разъ этотъ вопросъ, касавшійся больного мужа.

Вурмъ давно зналъ, что этотъ вопросъ красавицы не значилъ: Что-жъ, не лучше ли? а значилъ, напротивъ: Что-жъ, хуже ли, наконецъ? И, какъ всегда, онъ пожалъ плечами, лу-

каво улыбаясь, и сталъ смотрѣть прямо въ глаза молодой женщины, очевидно любуясь ею.

— Что-жъ вы молчите?

— Все то же, графиня, еле дышетъ. Надо ждать... скоро.

— Надо ждать! Да вѣдь вы мнѣ это ужъ цѣлую зиму повторяете. Ей-Богу, мнѣ уже...

И Маргарита запнулась и сердито отвернулась къ окну.

Вурмъ, все также усмѣхаясь, спокойно полѣзъ въ карманъ, досталъ табакерку и протянулъ ее Маргаритѣ.

— Не угодно ли?

Маргарита обернулась, взяла маленькую щепотку изъ протянутой къ ней табакерки, но снова отвернулась къ окну. Она соображала о томъ, чѣмъ задержать доктора, чтобы онъ своимъ присутствіемъ помѣшалъ объясненію съ Фленсбургомъ.

Вурмъ, между тѣмъ, взялъ стулъ, пододвинулся ближе къ Маргаритѣ и взялъ ее безцеремонно за руку, подъ предлогомъ попробовать ея пульсъ.

— Все глупости, выговорила кокетка, но руки не приняла.

— Нѣтъ, не глупости, а лихорадка. Пульсъ все не ровень. Да и какъ ему быть ровнымъ у двадцатилѣтней красавицы, полувдовы, упрямой, не хотащей однимъ словомъ измѣнить свое положеніе, сдѣлаться свободной птичкой. Если существованіе графа продлится еще годъ, то бѣдная птичка совсѣмъ захирѣетъ и сдѣлается больна опаснѣе, чѣмъ онъ. Все это выговорилъ Вурмъ почти шопотомъ, съ усмѣшкой на губахъ и не спуская глазъ съ красиваго профиля пациентки.

— Если бы это одно слово было легкое, отозвалась Маргарита,—то я бы давно его сказала. Но на такое слово не только у меня не хватитъ храбрости, но и у васъ не хватитъ мужества для исполненія...

— Попробуйте, испытайте, серьезно шепнулъ Вурмъ.

— Испытать? Спасибо... Я знаю отлично, что вы можете сдѣлать то, что дѣлается во всей Европѣ, дѣлается сплошь-и-рядомъ. Всякій медикъ можетъ дать такого зелья, отъ котораго больной отправится на тотъ свѣтъ, и никто не удивится и знать не будетъ. Особенно, когда больной годъ умираетъ и

всѣ ждутъ. Но къ чему брать преступленіе на душу? Зачѣмъ? Чтобы сдѣлать свое положеніе еще невыносимѣе? Давайте говорить откровенно, докторъ... Общее обоимъ преступленіе сдѣлаетъ меня ни вѣки вѣчные вашей рабой. Преступленіе?! Чтобы вы знали за мной тайну! Могли бы дѣлать со мной что угодно! Хотя бы даже заставить за себя выйти замужъ. Нѣтъ, докторъ, я не на столько глупа. Да авось онъ и самъ скоро умереть.

Докторъ пересталъ ухмыляться, медленно поднялся съ мѣста и взялъ шляпу и палку.

— Куда же вы? Я васъ прошу остаться, сейчасъ прійдетъ одинъ гость; вы его знаете—Фленсбургъ. И мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы остались.

— Зачѣмъ? Чтобы помѣшать ему говорить съ вами тоже откровенно. О чемъ-нибудь иномъ, конечно! догадался тонкій медикъ, изучившій давно характеръ графини.

— Положимъ, что и такъ...

— Нѣтъ, извините, вы мнѣ не дали права играть около васъ роль вѣрнаго пса, охраняющаго васъ отъ разныхъ назойливыхъ обожателей. Дайте мнѣ его и тогда другое дѣло,—недовольнымъ голосомъ выговорилъ Вурмъ съ замѣтнымъ оттѣнкомъ досады и раздраженія.

— Дать право? Какое?! Повелѣвать мною? усмѣхнулась красавица.

— Честь имѣю кланяться вашему сіятельству, оставляя поле для господина Фленсбурга. Вотъ и онъ, легокъ на поминъ! сказалъ Вурмъ, глянувъ въ окно.

Въ эту минуту Фленсбургъ, дѣйствительно, подѣхалъ къ дому. Офицеръ и докторъ встрѣтились въ прихожей, холодно поздоровались. Оба чувствовали, что хотя положеніе ихъ совершенно разное, но тѣмъ не менѣе они соперники и каждый невольно считалъ своего противника болѣе счастливымъ, чѣмъ онъ. Вурмъ завидовалъ Фленсбургу и былъ убѣжденъ, что Маргарита, овдовѣвъ, выйдетъ за него замужъ, если онъ самъ не сумѣетъ поймать ее въ свою западню; Фленсбургъ, напротивъ, ревновалъ и смущался мыслью, что Маргарита позволяетъ ухаживать за собой пятидесяти-лѣтнему человѣку, да вдобавокъ еще знахарю.

*

Когда Фленсбургъ двинулся въ гостиную, Маргарита уже сидѣла на другомъ мѣстѣ. Два стула, близко поставленные одинъ около другого, остались у окна. Но Маргарита сообразила это слишкомъ поздно, онъ уже вошелъ.

Когда она увидала подъѣхавшаго Фленсбурга, то смутилась предстоящимъ объясненіемъ; съ тѣхъ поръ прошло едва ли двѣ минуты, а Фленсбурга встрѣтила уже не смущенная женщина, а гнѣвная и отчасти разсѣянная. Эти быстрые переходы были отличительной чертой характера молодой женщины. Она оробѣла, когда онъ подъѣхалъ, затѣмъ разсердилась на собственную свою робость и спросила себя:

— Да какое же право имѣеть онъ смущать меня, небоящуюся и небоящуюся никого? Что за важное дѣло исполнить женскій капризъ и освободить изъ-подъ ареста двухъ шалуновъ офицеровъ? Вѣдь не грабителей и не убійцъ просила она освободить.

И вдругъ, при мысли о грабителяхъ, ей вспомнился случай въ оврагѣ. И юноша, спасенный ею, снова ясно предсталъ предъ ней... Въ ту минуту, когда Фленсбургъ входилъ въ гостиную, гордо и важно подходилъ къ ней и протягивалъ руку, Маргарита смотрѣла на него какъ бы севозь фантазму, т. е. сквозь рисовавшійся въ ея воображеніи образъ юноши. Лицо ея, вѣроятно, было черезъ-чуръ задумчиво и разсѣянно, потому что Фленсбургъ, опускаясь около нея на кресло, вымолвилъ по-нѣмецки:

— Что съ вами? Вы, дѣйствительно, нездоровы; я думалъ вы отговариваетесь болѣзнью, чтобы не видать меня и отсрочить уплату долга.

И вдругъ Маргарита, сама не зная почему, оскорбилась и этими словами, и тономъ голоса.

— Какой долгъ? Что вы хотите сказать? сухо вымолвила она.

Фленсбургъ догадался, что молодая женщина просто не въ духѣ, раздражена чѣмъ-нибудь, или наконецъ, дѣйствительно немного хвораетъ, или капризничаетъ. И онъ сообразилъ, что въ настоящую минуту не надо раздражать или дразнить капризнаго ребенка.

— То, что я хочу сказать, вы отлично понимаете, но если вы сегодня не расположены бесѣдовать объ этомъ, то отложимъ. Скажите, что онъ?

И Фленсбургъ поднялъ брови, какъ бы показывая на верхній этажъ.

— Ничего, слава Богу! Gott sei dank!

Фленсбургъ разсмѣялся.

— Это прелестно! вы славословите Господа за то, что онъ еще живъ.

— Ну что-жъ! вспыхнула Маргарита.—Да, конечно. Его смерть будетъ для меня не несчастіемъ, но во всякомъ случаѣ поставить меня въ самое затруднительное положеніе среди цѣлой кучи дерзкихъ и незваныхъ волокитъ.

— Э-э, да вы сегодня совсѣмъ нездоровы, сухо выговорилъ Фленсбургъ и поднялся.—Хотите, давайте лучше молчать и играть въ шахматы или бирюльки, можетъ быть, у васъ пройдетъ все. Прикажете, я принесу изъ той комнаты?

— Та комната—моя спальня.

— Я это знаю, но, кажется, память вамъ измѣняется. Мы еще недавно играли въ карты въ этой новой спальнѣ.

— Да, помню, и это дало вамъ право на дерзкія выходки, позволило вамъ что-то такое вообразить, зазнаться, какъ восемнадцати-лѣтнему юношѣ, которому женщина дала поцѣловать свою руку.

— Ну, вы совсѣмъ больны, вамъ надо лечиться, выговорилъ Фленсбургъ уже слегка вспыльчиво.—Прикажете, я сейчасъ заѣду къ Вурму и пошлю его къ вамъ. Вы побесѣдуете съ нимъ немного, вотъ такъ, на этихъ стульяхъ, можетъ быть все и пройдетъ.

Фленсбургъ, презрительно усмѣхаясь, показалъ на два стула, оставшіеся у окна.

Маргарита слегка зарумянилась, подняла голову и красивые глаза ея блеснули ярче.

— Вотъ что значить такъ должно жить въ ссылкѣ, въ маленькомъ городишкѣ этой варварской земли, произнесла она тихо, но рѣзко:—можно потерять благовоспитанность. Вы говорили мнѣ часто о томъ, какъ петербургская молодежь, въ родѣ

Орловыхъ, дерзка, груба, даже нахальна съ женщинами. Я принимала цалмейстера Орлова въ этой самой комнатѣ и дрожала отъ страха, что онъ меня приберетъ. Но кромѣ самой утонченной вѣжливости, я ничего отъ него не видала. А шлезвигскій дворянинъ, хотя, конечно, не изъ высшей знати, — усмѣхнулась Маргарита, — сталъ способенъ оскорблять женщину.

Фленсбургъ какъ-то странно дернулъ головой, смѣрилъ сидящую молодую женщину съ головы до пятъ и выговорилъ тоже тихо:

— Не спорю, можетъ быть, высшее чешское дворянство, къ которому вы по рожденію имѣете честь принадлежать, болѣе благовоспитанно, чѣмъ шлезвигское мелкое дворянство.

Маргарита быстро встала и молча двинулась къ дверямъ спальни, но вдругъ она обернулась и, сдѣлавъ граціозный реверансъ, какъ бы въ минуэтѣ, съ злобной усмѣшкой на лицѣ, вымолвила почти надменно:

— Я, господинъ офицеръ, все-таки по мужу графиня Сварбронская... которая проситъ теперъ выдти отсюда и болѣе здѣсь не появляться... будущаго кабинетъ-министра или регента россійской имперіи.

И графиня скрылась за дверью своей спальни.

VIII.

Эти слова какъ бы ошеломили Фленсбурга. Свои честолюбивыя мечты онъ не высказывалъ никому и думалъ, что никто тайны его не только не знаетъ, но и предполагать не можетъ. Онъ встрепенулся весь отъ намека Маргариты. Первая забота его была о томъ, чтобы вспомнить, не сказалъ ли онъ когда либо ей самой какое-нибудь неосторожное слово, которое могло дать ключъ къ разгадкѣ его сокровенной тайны. Но память вѣрно подсказывала, что „нѣтъ“. Фленсбургъ былъ слишкомъ уменъ, дальновиденъ и остороженъ на словахъ, какъ и на дѣлѣ, чтобы сдѣлать подобную ошибку.

Въ ту минуту, когда дверь захлопнулась за хозяйкой дома, ему пришлось, конечно, уѣхать, но разстаться, поссориться окон-

чительно и не видаться съ Маргаритой ему было невозможно, а при такихъ обстоятельствахъ даже опасно.

На другой же день Фленсбургъ снова явился къ графинѣ и, безъ доклада войдя къ ней, разсмѣялся, сѣлъ въ кресло и указалъ хозяйкѣ на другое. Маргарита, одумавшаяся за сутки, тоже усмѣхнулась.

— Довольно шутить, заговорилъ Фленсбургъ. — Простите меня, если вчера, найдя васъ не въ духѣ, я, вмѣсто того, чтобы успокоить, стала дразнить. Сядьте. У меня, дѣйствительно, есть до васъ дѣло, если не важное, то очень любопытное. Сядьте же, вѣдь я уже попросилъ прощеніе.

Маргарита почти рада была такому обороту бесѣды и молча тотчасъ сѣла.

— Одинъ сановникъ, не-русскій, — началъ Фленсбургъ, улыбаясь, — но тѣмъ не менѣе очень важное лицо, конечно болѣе важное, чѣмъ теперь Разумовскій или Воронцовъ, просить чести съ вами познакомиться, просить позволенія пріѣхать къ вамъ. Это — прусскій посланникъ, баронъ Гольцъ.

Маргарита подняла на Фленсбурга изумленные глаза.

— Да, не удивляйтесь, Гольцъ хочетъ съ вами познакомиться. Разумѣется, онъ также, какъ и мы всѣ грѣшные, тотчасъ же влюбится въ васъ, начнетъ ухаживать и тогда — улынулся Фленсбургъ — мелкимъ шлезвигскимъ дворянамъ и подавно надо будетъ отступить и обратиться въ постыдное бѣгство. Но онъ проситъ меня объ этомъ знакомствѣ и я не имѣю никакого права отказать ввести сюда новаго соперника. И такъ позволите ли вы привезти его?

— Это не можетъ быть вопросомъ.... но я не понимаю, зачѣмъ я ему нужна.

Фленсбургъ пожалъ плечами.

— Онъ любимецъ короля, присланъ сюда для крайне важнаго дѣла и поэтому не ограничивается тѣмъ, что желаетъ поправиться государю и всѣмъ сановникамъ. Онъ желаетъ поправиться всему обществу, желаетъ въ числѣ самыхъ умныхъ членовъ петербургскаго общества найти себѣ, такъ сказать, помощниковъ въ своемъ дѣлѣ.

Маргарита снова удивленнымъ взоромъ посмотрѣла на Фленсбурга.

— Дѣло Гольца—заключеніе выгоднаго мира и крѣпкаго союза. Это ни для кого не тайна.

— Что жъ я при этомъ?

Фленсбургъ снова пожалъ плечами.

— Я не знаю, графиня. Но вы жили въ Версалѣ и знаете, какая роль выпадаетъ иногда на долю молодой красавицы и что она можетъ сдѣлать, когда властвуютъ и могущественны разные глупые и влюбчивые люди.

— Но въ Петербургѣ такихъ нѣтъ, — отозвалась Маргарита,—или мало.... И я ихъ не знаю!...

Фленсбургъ не отвѣчалъ. Наступило краткое молчаніе и затѣмъ офицеръ поднялся съ мѣста.

— Мое дѣло—выполнить порученіе или просьбу.... Ну-съ, надѣюсь, что наша вчерашняя маленькая ссора была шутка и не будетъ имѣть никакихъ послѣдствій. Не правда ли? выговорилъ онъ неувѣренно и протягивая руку.

— Это будетъ зависѣть не отъ меня, а отъ васъ, произнесла кокетливо Маргарита.—Возьмите примѣръ съ господина Орлова, т. е. обращайтесь такъ же съ женщинами, какъ онъ, и тогда ничего подобнаго не повторится.

Фленсбургъ невольно разсмѣялся.

— Wunderbar! Я буду учиться благовоспитанности у казарменнаго и трактирнаго буяна, который, быть можетъ, никогда не умывается и ѣстъ руками. Это прелестно! Спасибо, что, по крайней мѣрѣ, разсмѣшили на прощаніе. А все-таки, графиня, такой глупости, какую вы заставили меня сдѣлать, я въ другой разъ для васъ не сдѣлаю. Принцъ всякій день повторяетъ, что онъ отъ меня не ожидалъ подобной выходки. Я два мѣсяца слѣдилъ за ними и совѣтовалъ принцу ихъ выслать изъ столицы, подозрѣвая за ними нѣчто большее, чѣмъ трактирное буйство и шалости. А затѣмъ я же попросилъ принца ихъ выпустить. Кромѣ того, я долженъ вамъ сказать, что государю, извѣстно, кто подъѣзжалъ къ ротному двору и кто отдалъ приказаніе. И принцу, и государю это показалось неумѣстнымъ. Государь знаетъ, что я просилъ принца, что вы

просили меня, что васъ просили Орловы и если вы будете у него на дурномъ счету, то вина не моя. Когда позволите мнѣ снова быть у васъ? кончилъ Фленсбургъ, наклоняясь.

Маргарита стояла смущенная его словами.

— Ахъ, право не знаю, выговорила она вдругъ и закрыла лицо руками.— Все это такъ глупо, такое ребячество! Я чувствую, что дѣлаюсь все глупѣе всякій день! До свиданія, я вамъ дамъ знать. И Маргарита быстрымъ движеніемъ отвергла вспыхнувшее лицо и протянула ему обѣ руки.

Фленсбургъ выронилъ на полъ свою шляпу, взялъ обѣ такъ мило и ребячески протянутыя руки и сталъ цѣловать ихъ.

— Да! Вы ребенокъ, капризный ребенокъ, вымолвилъ онъ и, снова выпрямившись, онъ тихо потянулъ ее за руки, потомъ взялъ ихъ въ одну руку, а свободная рука его скользнула вокругъ бюста молодой женщины. Лицо его, слегка смущенное, приблизилось къ ея лицу.

— Маргарита! шопотомъ произнесъ онъ съ отгнѣномъ вoпроса въ голосѣ.

Но графиня вдругъ отступила на шагъ, слегка оттолкнула его и вымолвила:

— Нѣтъ. Въ этомъ домѣ есть умирающій. Пускай его умереть, тогда.... увидимъ.

— Но это капризъ, тихо выговорилъ Фленсбургъ.

— Нѣтъ. Да, наконецъ, кромѣ того.... Маргарита запнулась, потомъ вдругъ весело разсмѣялась, отняла руки и вымолвила:

— Прежде выучитесь безгласному повиновенію. Я всегда ненавидѣла людей съ характеромъ, всегда любила овечекъ въ мужскомъ образѣ. Если любите, то переродитесь, а главное,— снова весело разсмѣялась она, — главное, господинъ бывшій ссыльный, вспомните уроки, полученные на родинѣ, и снова станьте вѣжливы съ дамами.

Фленсбургъ постоялъ нѣсколько минутъ молча, потомъ, увидя свою шляпу на полу, поднялъ ее и наконецъ произнесъ:

— Все то-же, всегда, вездѣ. Кокетство и глупая игра. На сколько я отношусь искренно, на столько вы шутите. Скажите мнѣ, наконецъ, серьезно, въ послѣдній разъ: когда этотъ, тамъ,

умреть—выскажетесь вы? Или эта игра будет продолжаться и послѣ его смерти?

— Да. Тогда я выскажусь! такимъ страннымъ голосомъ отвѣтила Маргарита, что совершенно нельзя было понять, шутить она, или говорить серьезно, или, наконецъ, умышленно отвѣчаетъ двусмысленностью.

Фленсбургъ нетерпѣливо пожалъ плечами и, выговоривъ сухо: „До свиданія“, вышелъ изъ горницы.

— Какая чепуха! произнесла тихо Маргарита ему вслѣдъ. Dumm! Dumm! Dumm!... И всѣ вы таковы....

Она простояла нѣсколько минутъ, не двигаясь съ мѣста и озабоченная новой мыслью. Она искала сравненія и, вдругъ найдя его, громко разсмѣялась.

— Да, похожъ! Удивительно похожъ!... воскликнула она.

Въ эту минуту въ гостинную влетѣла Лотхенъ, какъ всегда улыбающаяся и веселая.

— Я думала, онъ никогда не уѣдетъ! затараторила нѣмка. —И посмотрите что значить провести столько часовъ съ возлюбленнымъ! У васъ сіяющее лицо, счастливые глаза, райская улыбка!...

— Лотхенъ,—смѣясь, выговорила графиня,—скажи мнѣ, какъ по твоему, на что похожъ лицомъ господинъ Фленсбургъ? Не правда ли.... это датскій бульдогъ?

Лотхенъ замерла на мѣстѣ, какъ пораженная громомъ.

— Такъ онъ не былъ вашимъ.... заговорила Лотхенъ и запнулась.

— Любовникомъ? разсмѣялась Маргарита.—Говори прямо.

— Ну да, онъ не былъ никогда?

— Никогда.

— И не будетъ?

— Не будетъ.

— Ахъ Gräfin, liebe Gräfin! запрыгала на мѣстѣ Лотхенъ.—Ахъ, какъ я счастлива!

— Но кто жъ тогда будетъ? воскликнула она снова.—Дѣвушка?

— Да, Лотхенъ, но съ условіемъ: ты мнѣ покажешь примѣръ. Я послѣ тебя....

И обѣ женщины начали такъ громко хохотать, что больной, дремавшій наверху, проснулся, открылъ глаза и тяжело вздохнулъ.

Этотъ постоянный хохотъ внизу, которымъ его будто провожали ежедневно на тотъ свѣтъ, дѣйствовалъ на него теперь невыносимо больно и уже раза два вызывалъ на глаза его слезы.

IX.

Шепелевъ самъ не зналъ, что съ нимъ дѣлается за послѣднее время. Онъ перемѣнился, похудѣлъ и поблѣднѣлъ.

Болѣзнь его, однако, состояла только въ томъ, что онъ и день, и ночь на-пролетъ думалъ о графинѣ Скабронской. Разумѣется, онъ смутно понималъ, что влюбленъ со всѣмъ пыломъ страсти своихъ двадцати лѣтъ, хотя и сознавалъ какъ бессмысленно, глупо, даже дерзко влюбиться въ такую блестящую красавицу изъ высшего столичнаго круга. Между нимъ, рядовымъ, и ею была цѣлая пропасть.

Юноша, только-что поступившій въ ряды гвардіи, былъ почти безъ всякихъ средствъ, благодаря раззорившемуся отцу, и безъ всякой протекціи, благодаря неожиданной смерти Шувалова, на покровительство котораго надѣялась его мать, снаряжая сына на службу.

Шепелевъ былъ на столько образованъ и благовоспитанъ, на сколько могъ быть юноша изъ старой дворянской семьи, слегка захудалой, но еще недавно пользовавшейся большими средствами. До появленія въ Петербургѣ онъ жилъ съ матерью въ Калугѣ. Лѣто проходило въ большой и красивой усадьбѣ съ большимъ количествомъ дворни, исполнявшей всѣ прихоти барича, такъ какъ онъ былъ единственное и возлюбленное чадо барыни-вдовы. Зимы проводились въ городѣ Калугѣ, гдѣ все общество было или дальней родней, или друзьями изъ рода въ родъ. У матери его было много пріятельницъ и, благодаря ея вдовству, общество, собиравшееся у ней зимой и гостившее у нея лѣтомъ въ вотчинѣ, было исключительно женское. Все это были тетуски, двоюродныя сестры, племянницы и, наконецъ, пріятельницы. Совершенно случайно маленькій Митя,

съ тѣхъ поръ, какъ помнилъ себя, былъ постоянно окруженъ женщинами всѣхъ лѣтъ и возрастовъ и всѣ онѣ равно баловали его.

Вслѣдствіе этого въ юношескіе года оказалась одна странность въ его характерѣ. Женщина,—старуха ли, молодая ли дѣвушка,—была для него свой братъ и онъ никогда не стѣснялся, не смущался и не робѣлъ никакой барыни. Напротивъ того, не только сороколѣтній сановникъ, но всякій даже молодой человѣкъ, появлявшійся въ домѣ матери или встрѣчаемый гдѣ либо, ставилъ его въ неловкое положеніе. Какъ юноша, выросшій въ обществѣ мужчинъ, конфузится обыкновенно передъ какою-нибудь свѣтской кокеткой, случайно оставшись съ ней наединѣ, такъ Шепелевъ конфузился всякой мужской компаніи, въ которую случайно попадалъ.

До прибытія въ Петербургъ юноша не зналъ, что такое быть влюбленнымъ, именно потому, что слишкомъ много было вокругъ него всякаго рода молодыхъ дѣвушекъ и женщинъ, и на всѣхъ ихъ глядѣлъ онъ какъ на товарищей. И, наоборотъ, одинъ молодой офицеръ, заѣхавшій на побывку въ Калугу, блестящій петербургскій гвардеецъ, обошедшійся съ юношей очень ласково, побѣдилъ его сердце. Шепелевъ плакалъ, когда офицеръ уѣхалъ, и въ немъ осталось къ нему такое чувство, какое могло быть только первою любовью.

Поселившись теперь у незнакомаго человѣка, считавшагося дядей, въ сущности грубаго, хотя добраго и сердечнаго человѣка, Шепелевъ чувствовалъ себя такъ же неловко въ этой обстановкѣ солдатъ и офицеровъ, какъ другой юноша, выпорхнувшій изъ-подъ крылышка матери, чувствовалъ бы себя среди сотни блестящихъ свѣтскихъ красавицъ. Мужская среда не была его средой и онъ тяготился ею.

Какимъ образомъ и почему красивая незнакомка, спасшая его въ оврагѣ, могла такъ быстро завладѣть его разумомъ и всѣмъ его существомъ, онъ самъ не зналъ. Правда, она красавица. Но вѣдь онъ не сказалъ съ ней и трехъ словъ! Да и малó ли видалъ онъ красавицъ.

Акимъ Акимычъ беспокоился, руками разводилъ, видя перемѣну въ племянникѣ и, не понимая, что съ нимъ дѣлается,

заставлялъ юношу нѣсколько разъ пить липовый цвѣтъ и обтираться французской водкой съ уксусомъ и съ хрѣномъ.

Шепелевъ, чтобы отвязаться отъ приставаній дяди, продолжалъ все это, печально усмѣхаясь и думая:

„Да, кабы черезъ французскую водку, хрѣнъ, да черезъ липовый цвѣтъ можно было познакомиться съ этой графиней Скабронской, такъ я бы, пожалуй, нѣсколько бочекъ его выпилъ“.

И дѣйствительно мысль о томъ, чтобы познакомиться съ блестящей красавицей, не покидала его ни на минуту. Другой не рѣшился бы никогда и подумать объ этомъ; другому показалось бы оно нелѣпымъ и невозможнымъ. Но юноша, выросшій среди всякихъ женщинъ, не смущался. Онъ не боялся, что не будетъ знать, что сказать этой красавицѣ и какъ вести себя.

Черезъ нѣсколько дней Шепелевъ надумался, что надо какъ можно болѣе заводить знакомствъ въ Петербургѣ, начавъ съ офицеровъ полка и ихъ семействъ. Тогда гдѣ-нибудь да удастся повстрѣчать графиню. И онъ началъ знакомиться. Благодаря своей красивой внѣшности, какой-то женственной граціи и скромности, послѣдствій женскаго воспитанія и женской среды, онъ былъ принятъ повсюду ласково и охотно.

Но какъ нарочно всѣ семейства, въ которыхъ появлялся онъ, не имѣли ничего общаго и были незнакомы съ графиней Скабронской. У одной изъ петербургскихъ львицъ она бывала часто, но это была знаменитая Апраксина, пріятельница того же Орлова, а познакомиться ближе съ Орловымъ онъ не могъ. Дядя Квасовъ и слышать объ этомъ не хотѣлъ, за его короткій визитъ къ нимъ онъ цѣлую недѣлю бранилъ и попрекалъ племянника.

— Нешто это компанія для тебя? говорилъ Акимъ Акимычъ — Орловы картежники, буяны, головорѣзы. Не нынѣ-завтра они въ острогѣ будутъ.

Чувствуя, что онъ одинъ не добьется ничего, Шепелевъ, видаясь часто съ Державинымъ, единственнымъ своимъ пріателемъ, рѣшился искренно признаться ему во всемъ.

Такой же юноша, какъ и онъ, Державинъ давно замѣтилъ, что ученикъ сталъ плохо учиться по нѣмцу, разсѣянъ и пе-

чалень, задумчивъ и блѣденъ. Но Шепелевъ въ своемъ пріятелѣ не нашелъ никакой поддержки. Державинъ отнесся къ исповѣди пріятеля хладнокровно.

Жизнь Державина была совершенно иная. Онъ бился, какъ рыба объ ледъ. Солдатки перестали заказывать ему свои писули и грамотки и ему снова пришлось, какъ простому рядовому, безъ протекціи, исполнять разныя тяжелыя работы; снова пришлось браться за метлу и лопату, участвовать въ тѣхъ партіяхъ, которыя назначались копать канавы по городу и очищать дворы сановниковъ.

Когда Шепелевъ явился однажды въ каморку своего друга снова плакаться о своей судьбѣ, то нашелъ Державина сидящимъ на своемъ сундучкѣ съ головой, опущенной на руки.

— Что ты? Или голова болить? спросилъ Шепелевъ.

— Да, есть малость, но это не лихъ. А лихъ вотъ что—сломаетъ меня эта жизнь. Не зналъ я, что, надѣвъ эту аммуницію, попаду въ дворники. Сегодня опять восемь часовъ Фонтанку копали. Спину не разогнешь, руки и ноги—какъ деревянные, болить все, вездѣ.

Дѣйствительно, за это время Державинъ тоже слегда поху-дѣлъ, но по причинамъ, совершенно противоположнымъ, нежели Шепелевъ.

—Надо это дѣло устроить, выговорилъ Шепелевъ.—Позволь, я попрошу моего дядю. Мало ли тутъ солдатъ, могутъ тебя избавить отъ гоньбы и работы.

Державинъ почему-то очень не любилъ Квасова и, конечно, за глаза и не при Шепелевѣ, называлъ его „мужикъ-вахлакъ“ и именемъ, даннымъ ему ротою: „нашъ лѣшій.“

— Нѣтъ, Дмитрій Дмитріевичъ, не надо. Авось малое время протяну, а тамъ еще что Богъ дастъ. Вотъ что. Коли ты мнѣ довѣрился прошлый разъ, то и я въ долгу не останусь и скажу тебѣ о моемъ тайномъ и сокровенномъ намѣреніи. Я въ голиштинцы перехожу.

Державинъ, знавшій въ какомъ общемъ презрѣніи у всѣхъ и какую ненависть возбуждаетъ во всѣхъ потѣшное войско государя, ожидалъ, что пріятель придетъ въ ужасъ. Но Шепелевъ, недавно самъ пріѣхавшій въ столицу и занятый сначала воин-

скими артикулами, а теперь своей красавицей, отнесся къ дѣлу иначе.

— Ну что-жъ, вымолвилъ онъ,—хорошее дѣло, ты по-нѣмецки лучше нѣмца знаешь. Только вѣдь голштинцы всѣ пьяницы и буяны, да и сказываютъ, они не любятъ русскихъ, которые въ нимъ поступаютъ.

Державинъ передалъ Шепелеву, въ какомъ положеніи находится его дѣло. Старый знакомый, пасторъ Гельтергофъ, обѣщался каждый день пригласить его къ себѣ, чтобы познакомить съ еѣмъ-нибудъ изъ ротмейстеровъ голштинскаго войска. Переходъ его послѣ этого изъ преображенцевъ въ голштинцы могъ состояться очень легко.

Кромѣ того, у него еще былъ другой выходъ—знакомство съ Фленсбургомъ, но, къ несчастію, онъ уже два раза былъ у адъютанта принца, но не засталъ его.

— Ну что жъ, все обстоитъ благополучно, вымолвилъ Шепелевъ.—Это не то, что мое дѣло! Мнѣ хотъ помирай!..

— Отчего? воскликнулъ Державинъ.

— Да вѣдь знаешь отчего, выговорилъ Шепелевъ, потупляясь.

— Ахъ, эта красотка-то, графиня-то! Э-хъ, братъ, вотъ то-то и есть! вздохнулъ Державинъ и закачалъ укоризненно головой.—Вотъ оно что! Всегда такъ-то. И теперь, да и прежде, въ Казани, замѣчалъ я завсегда, какъ вашъ братъ барченокъ, сытый, обутой, одѣтый, блажить и уродничаетъ. Не сердись на меня, голубчикъ. Я тебя люблю, а все жъ скажу: съ жиру ты бѣсишься. Просторная у тебя горница у дяди, столъ готовый, на работы не ходишь, на часы тебя тоже ставятъ разъ въ недѣлю, да и то въ особыя мѣста, къ принцу или какому фельд-маршалу. Вотъ ты отъ нечего дѣлать и выискалъ себѣ горе! А вотъ къ примѣру, поломалъ бы ты спину да руки на Фонтанкѣ, какъ я, такъ бы у тебя графиня-то эта выскочила бы живо изъ головы. Нѣтъ, братъ, ужъ тутъ не до сновидѣній, какъ спину-то въ постели разогнуть не можешь и спишь, какъ мертвый, двѣнадцать часовъ, благодаря этой дворницкой экзерциціи. Что тамъ твои прусскіе артикулы, вотъ наши дворницкіе артикулы съ метелкой въ рукахъ... будутъ помудренѣе фридриховскихъ.

Шепелевъ въ душѣ искренно согласился съ пріятелемъ, чувствовалъ, что онъ правъ. Ему стало стыдно и онъ поспѣшилъ уйти.

Однако, первой его заботой было переговорить съ дядей, который могъ облегчить судьбу рядового Державина.

Но едва только Шепелевъ заикнулся о своемъ пріятелѣ, какъ Акимъ Акимычъ началъ браниться:

— И не говори ты мнѣ про этого хвастунишку, дрянъ, выскочку. Всѣ у него дураки и невѣжи. Самъ онъ, вишь, все рыло въ пуху, а уже всѣ науки произошелъ! И перомъ, и карандашемъ, руками и ногами, писать и рисовать умѣть. Всѣ у него неучи. Ну вотъ, пускай, мужицкимъ дѣломъ и занимается.

Шепелевъ сталъ было просить дядю, но Квасовъ и слушать не хотѣлъ.

— Ни-ни. Ты, пороса, ничего не смылишь. Кого жъ гонять, коли не эдакихъ? Чѣмъ же солдаты хуже его, а орудуютъ и лопаткой, и метелкой. Нѣтъ, голубчикъ, это у тебя дворянская кровь говорить, а у меня мужицкая. Ты этого не забывай.

— Дѣло не въ этомъ, дядюшка... заикнулся было Шепелевъ.

— Да, не въ этомъ, перебилъ его Квасовъ рѣзко, и, понюхавъ табаку съ присвистомъ, прибавилъ:— Главное дѣло въ томъ, что подлець—мальчишка. Ухъ, какой подлець! И къ тому еще выскочка! Видѣлъ ты, какъ онъ поддѣзжалъ въ тотъ разъ къ колбасникамъ-то нашимъ. И откуда взялся, изъ земли выросъ! Какъ бѣсъ передъ заутреней, вокругъ Фленсбурга вивался да разсыпался мелкимъ бисеромъ. Нѣтъ [ужь, братъ, кто по-нѣмцки такъ чесать языкомъ умѣть, изъ того пути не будетъ. Ни-ни-ни... Не будетъ!! А коли ему у насъ тяжело, пускай въ голштинское войско переходитъ. Тамъ его за нѣмецкій хриплонъ сейчасъ въ капралы произведутъ.

— Коли загоняете работой, такъ, пожалуй, и уйдетъ! сердито вымолвилъ Шепелевъ.

— Ну, ужь тогда онъ мнѣ не попадайся въ голштинскомъ-то мундирѣ, закричалъ Квасовъ.—Убью его изъ собственныхъ рукъ. Былъ у насъ въ полку этотъ срамъ, перешелъ уже въ голштинцы твой нареченный зятекъ, Тюфякинъ, да то совсѣмъ

другое дѣло. Тотъ пріятель пріятеля пріятельницы. А если молодежь начнетъ бѣгать изъ російскихъ полковъ, да дѣлаться голштинцами, такъ это и свѣту конецъ. И, помолчавъ, Квасовъ прибавилъ ласковѣе:—А ты вотъ что, пороса, брось-ка этого казанскаго нѣмца, что казанскую сироту изъ себя корчитъ. Не ходи къ нему. Этотъ тоже тебѣ не товарищъ, почитай даже хуже Орловыхъ. Тѣ головорѣзы, но народъ крѣпкій, все-таки російскіе парни. Вонъ Державинъ-то передъ нѣмцемъ лебезить да ползаетъ, а Орловы, какіе ни на есть окаянныя буяны, и все-таки, правду скажу, они нѣмца бьютъ. Дай имъ волю, они его совсѣмъ искоренили бы. Ну, и дай имъ Богъ за это здоровья и таланъ.

Квасовъ помолчалъ и, кихнувъ снова, выговорилъ:

— Ты, пороса, изъ-подъ маменьки, изъ гнѣздышка выпорхнулъ... Ты не знаешь, что такое нѣмецъ. А я знаю... Вотъ много вѣдь на російскомъ языкѣ бранныхъ словъ... А эдакого слова, чтобы нѣмца достойно обозвать — нѣту!.. Вотъ тебѣ Христось-Богъ,—нѣту!! Еще не выдумано!!

Х.

Іоаннъ Іоанновичъ былъ изумленъ „финтомъ“ своей внучки, т. е. успѣшнымъ заступничествомъ за Орловыхъ. Вдобавокъ старикъ не зналъ, какимъ образомъ удалось Маргаритѣ выхлопотать ихъ прощеніе. Старикъ много размышлялъ, но не могъ догадаться, гдѣ и въ комъ сила внучки. Во всякомъ случаѣ, онъ счелъ нужнымъ исполнить обѣщаніе и перевелъ на ея имя одну вотчину.

„Есть ходы при новомъ дворѣ! думалъ онъ. Стало быть, надо къ этой цыганкѣ въ дружбу войти. Вотъ и не плкой въ колодезь. А вѣдь я ужъ наплевалъ.“

Кромѣ того, послѣдняя бесѣда его съ молодой женщиной не выходила у него изъ головы. Холостякъ и брюзга повѣрилъ выдумкѣ красавицы, что она въ близкихъ отношеніяхъ съ какимъ-то старикомъ. Подобныхъ примѣровъ въ столицѣ за послѣднее время было безъ числа. Одинъ изъ первыхъ вельможъ,

покойный Петръ Ивановичъ Шуваловъ, подавалъ собой примѣръ придворнымъ Елизаветы, и его отношенія къ молодой красавицѣ Апраксинай были извѣстны всему городу. Старики Трубецкой, полицмейстеръ Корфъ, Теплоу, и много старыхъ сановниковъ, пріятелей Іоанна Іоанновича, были и теперь зазорными примѣрами. Графиня Кейзерлингъ у генерала Корфа и красивая хохлушка Олеся Квитко у Теплоу—предметы ихъ страсти, попеченій и большихъ расходовъ, были извѣстны всей столицѣ. Хохлушка была даже принята въ домѣ Разумовскихъ, а „Козырьлиншу“ знала въ лицо и боялась вся полиція гораздо больше, чѣмъ самого полицмейстера.

Именно одного изъ богатыхъ пріятелей сенаторовъ Скабронскій даже заподозрилъ теперь въ сношеніяхъ съ красивой внучкой, такъ какъ Маргарита была съ нимъ знакома давно.

„Да. Вотъ лихъ.... Внучка! подумалъ, наконецъ, старики. Хотя и не родная, не настоящая, не дочка сына родного, а такъ себѣ, съ боку припека, жаромъ вздуло. А все внучка“....

И старый холостякъ задумывался довольно часто объ этихъ двухъ внезапныхъ открытіяхъ: о значеніи внучки при дворѣ и о старики, ея пріятелѣ.

— Какъ же это я прозѣвалъ! воскликнулъ онъ однажды, переставъ уже доказывать себѣ, что Маргарита ему внучка. Съ самаго ея пріѣзда дурачился, къ себѣ не пускалъ, самъ не ѣздилъ. Все, вишь, за свои карманы опасался.... А чортъ ли въ деньгахъ? Умрешь, все такъ останется! Монахамъ да холопамъ пойдетъ... Старый, ты, тетереу, — досадливо кончалъ Іоаннъ Іоанновичъ, зляся уже на себя. Право, тетереу! Токуешь на суку и не видишь ничего кругомъ.

Маргарита, послѣ освобожденія Орловыхъ, къ дѣду не поѣхала, а послала только сказать человѣка, что просьба графа дѣда исполнена.

„И знать не хочеть! подумалъ старики. Востра цыганка! Нечего дѣлать, поѣду благодарить ея цыганское сіятельство“. Но на первый разъ Іоаннъ Іоанновичъ не засталъ внучки дома и вернулся домой совсѣмъ не въ духѣ. Вообще, дворня графа замѣтила, что баринъ сталъ придиричивѣе, ворчливѣе и будто правомъ беспокоить.

Въ тотъ день, когда Фленсбургъ насильно заставилъ графиню себя принять, старикъ тоже собрался къ ней.

Въ ту минуту, когда Маргарита и Лотхенъ звонко хохотали, шута на счетъ дѣдушки, онъ входилъ на крыльцо дома.

Люди Скабронскихъ, понимавшіе отлично значеніе участвовавшихъ посѣщеній графа-дѣда къ молодой барынѣ, его единственной наслѣдницѣ, стали съ особеннымъ усердіемъ и предупредительностью кидаться на встрѣчу къ его каретѣ и наперерывъ спѣшили высаживать старика и вводить по ступенямъ....

— Легче! Легче! ворчалъ графъ, по привычѣ всегда бранить прислугу.—Эдакъ крымцы томо въ полонъ запорожцевъ берутъ. Того гляди ноги мнѣ переломаете. Дома что ль барыня?

— Дома-съ.

— А Кирилла Петровичъ дома, аль ужъ выѣхалъ на тотъ свѣтъ? угрюмо и серьезно вымолвилъ Скабронскій, снимая шубу и на утвердительный отвѣтъ лакея прибавилъ: Дурни! Говорятъ: да-съ. А что, да-съ? Померъ? Ну, пошли, докладай.

Но Маргарита стояла уже на порогѣ прихожей и, любезно улыбаясь, выговорила:

— Милости просимъ.

— А, хозяйшечка. Ну что хозяйинъ?

— Ничего, все тоже.

— Надо будетъ потомъ провѣдать и его, полюбоваться какъ себя отхватываютъ заграничнымъ житьемъ.

— А я собиралась къ вамъ сейчасъ.

— Не лги! Не собиралась! усмѣхнулся Іоаннъ Іоанновичъ, входя.—Ну, здравствуй, внучка-лисышка. Дай себя облобызать за ребятъ Орловыхъ. Спасибо тебѣ.

Маргарита, внутренно смѣясь, подставила лицо подъ губы старика. Нагибаться ей не приходилось, такъ какъ головой своей она была ему по плечо.

— Я очень рада, дѣдушка, что могла вамъ въ пустякахъ услужить.

— Какіе это пустяки! Тебѣ развѣ?... Ну, садемъ. Вертушку эту прогони, показаль Іоаннъ Іоанновичъ на Лотхенъ.—Ишь вѣдь егоза! воскликнулъ онъ, садясь на диванъ и, поднявъ свою толстую трость, погрозился на субретку.—Охъ, я бы тебя пробралъ.

*

Будь ты моя, билъ бы трижды на день. Какая бы стала у меня шелковая.

— Я бы умерла съ перваго раза отъ такой палки! выговорила Лотхенъ, дерзко заглядывая въ глаза старика.

— Да, отъ такой палки можно.... размѣялась Маргарита.

— Тотъ разъ вы меня вотъ тутъ толкнули такъ, что у меня до сихъ поръ грудь болитъ! лукаво произнесла нѣмка.

— Ахъ мои матушки! Жалость какая! пропищала Скабронскій, будто бы передразнивая голосъ Лотхенъ. — Ну, убирайся въ свой шестокъ, курляндская стрелоза!

Лотхенъ, смѣясь и переглядываясь съ барыней, выскочила вонъ.

— Ишь вѣдь хвостомъ машетъ. По себѣ выискала и горничную. Вся въ тебя: верченая, заговорилъ Іоаннъ Іоанновичъ. — Порохъ-дѣвка. Поди, небось, у нея обожателей — стая цѣлая, а?

Маргарита размѣялась.

— Да вѣдь и у тебя стая... Кромѣ энтаго небось есть... Энтаго стараго, что денегъ даетъ на прожитокъ?

— Денегъ даетъ? Кто? изумилась Маргарита.

Іоаннъ Іоанновичъ объяснился рѣзче.

Маргарита, давно забывшая свою выдумку про старика, въ котораго будто влюблена, раскрыла широко глаза.

— Какой старикъ? Что вы, дѣдушка?

— Такъ ты это надъсь наплела? воскликнулъ Скабронскій страннымъ голосомъ. — Все выдумки? Ахъ ты, плуть-баба!

Маргарита смутилась и не знала, что сказать, что выгоднѣе, что нужнѣе.

— Да, выдумка, но не совсѣмъ. Это все должно рѣшиться на дняхъ... но я... Видите-ли... Много новаго съ тѣхъ поръ. И я не знаю еще... что будетъ.

Скабронскій замолчалъ, не спуская глазъ съ внучки, и, наконецъ, будто рѣшаясь на что-то, выговорилъ рѣзко:

— Денегъ тебѣ надо?

— Денегъ? Н—нѣтъ! Зачѣмъ...

— Дать тебѣ денегъ? говорю я.

— Зачѣмъ? У меня есть.

— Ну, вотчину подарить доходную?

— Нѣтъ, зачѣмъ! Я не управлюсь.

— Ой, подарить! подмигивалъ дѣдъ.

— Да нѣтъ, не надо.

— Нѣтъ. Ну ладно. А я вотъ привезъ. Гляди.

Старикъ вынулъ изъ кармана огромную сложенную бумагу и передалъ внучкѣ.

— На. Вотъ мы какъ! Бери! Да покажи потомъ: вы какъ? лукаво и загадочно выговорилъ Іоаннъ Іоанновичъ.

Маргарита взяла, развернула бумагу, но не поняла въ ней ни слова.

— Что это такое?

— Это дарственная. По сей грамотѣ—ты владѣтельница вотчины въ триста душъ, кои я тебѣ обѣщалъ. Будешь съ нихъ теперь имѣть оброку болѣе тысячи рублей и до двухъ.

Заставивъ себѣ подробно все объяснить и рассказать, Маргарита поглядѣла старику въ лицо добродушно, но печально и затѣмъ вздохнула, опустивъ глаза на бумагу.

Это было сыграно и очень искусно.

„Начинается игра въ кошку и мышку, — подумала она, внутренне смѣясь. Игра въ умную и молодую кошку съ старой и глупой крысой... Давно я ждала этого“.

Маргарита взяла бумагу за два края и быстрымъ движеніемъ разорвала ее на четыре части.“

— Что ты, что? ахнулъ Скабронскій.

— Уничтожаю то, что для меня обидно...

Изорвавъ бумагу на мелкіе клочки, она бросила ихъ на полъ и быстрымъ движеніемъ пересѣла на диванъ, гдѣ сидѣлъ старикъ.

Взявъ его за обѣ руки и наклоняясь лицомъ къ его лицу, она быстро заговорила ласково, глядя ему въ глаза.

— Вы добрый, хорошій... Но скажите... Вы думаете, деньги... Деньги! Деньги! Неужели все на свѣтѣ отъ денегъ зависитъ? Вы вотъ богаты, мы раззорены. Мужъ умереть—мнѣ еще хуже будетъ, но я не горюю. Я сейчасъ найду мужа, какого пожелаю. И у меня будетъ опять большое состояніе, если я захочу... Но я не того хочу, не того... Не того я

хочу!.. И голосъ Маргариты перешелъ въ шепотъ и сталъ дрожать.

— Знаете ли вы, чего я хочу?

— Ну, ну... смущался Іоаннъ Іоанновичъ и отъ голоса красавицы внучки и отъ близости странно-воодушевленнаго красиваго лица.

— Я хочу быть любимой. Любви я хочу. Я этого еще не знавала. Да! Ни разу, никогда. Мужъ меня не любилъ... Вы знаете, какую жизнь онъ велъ всегда. Я была сотая женщина въ его жизни. Онъ на меня смотрѣлъ такъ же, какъ и на всѣхъ своихъ прежнихъ наложницъ.

И Маргарита, все болѣе воодушевляясь, заговорила, какъ будто не видя старика, какъ бы забывшись и разсуждая сама съ собой... быстро, страстно, порывисто:

— Мнѣ все равно, кто онъ будетъ. Нищій, не знатный, старый... уродливый даже, преступный, даже разбойникъ. Мнѣ все равно... Но тотъ, который меня полюбитъ, какъ я этого хочу... за того я душу отдамъ, хоть на смерть пойду... И это будетъ такъ. Скоро будетъ. Какъ онъ умретъ—я найду этого человѣка!

И красавица вдругъ вскинула руки на плечи старика и прильнула лицомъ къ нему на грудь. Скабронскій ахнулъ, двинулся... Но въ ту же секунду Маргарита быстро встала, отошла къ окну и, повернувшись спиной къ дѣду, прислонилась лбомъ къ холодному стеклу. Это было ей необходимо, потому что она боялась за свое лицо, боялась, что выдастъ себя и свою игру.

Старикъ сидѣлъ, не шелохнувшись на диванѣ, какъ пришибленный. Ему все еще, какъ въ туманѣ, чудилась она въ его объятіяхъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ глядѣлъ на клочки изорванной бумаги.

„Блажить? Комедіантка! Не даромъ цыганка“, — говорила въ немъ его природная подозрительность и дальновидность. Но клочки казенной бумаги будто спорили съ нимъ и сбивали его съ толку.

„Изорвала вѣдь... Не взяла... Триста душъ!“

И чрезъ минуту старикъ думалъ:

„Тебя никто не водилъ за носъ за всю жизнь.... Ну, а много ты отъ этого выигралъ? Сидишь вотъ одинъ у себя въ хоромахъ, на сундукахъ съ червонцами, да бережешь, какъ песь, чужое добро. Да, чужое! Не себѣ собралъ. Монахамъ, да хамамъ своимъ собралъ. Подохнешь, они за твой счетъ поликують на свѣтѣ. А брилліанты? На двадцать тысячъ однихъ брилліантовъ накопилъ, когда жену себѣ искалъ. И они лежать зря! И они на иконы пойдутъ!“...

Прошло еще нѣсколько мгновений. Іоаннъ Іоанновичъ поглядѣлъ на внучку и подавилъ въ себѣ глубокой вздохъ. Маргарита слышала его, однако, хотя все также стояла у окна, не двигаясь, не оборачиваясь и припавъ лицомъ къ стеклу.

„Если бъ ей-то... такой красивой, да всѣ бы эти брилліанты нацѣпить на себя?! Диво! А что если все... Ей все отдать“... вдругъ сказалъ онъ себѣ мысленно то, что давно уже будто копошилось на сердцѣ старика. „Въ послѣдніе свои годы дьявола кой-какъ потѣшить! Отдать! Хоть бы даже и за обманъ. Пусть водить меня за носъ. Я вѣдь буду отъ того не въ убытѣхъ“.

И Скабронскій вдругъ воскликнулъ, какъ бы спѣша выговорить:

— Маргаритеа, иди сюда.... Слушай меня, что я скажу. Да вѣдь ты умница! Нечего тебѣ сказывать! И такъ все поймешь. Поди же. Сядь сюда! Слушай! Когда я собирался жениться, то скупалъ четыре года... Да иди же... Сядь!

Маргарита обернулась и подошла съ опущенной головой и со сложенными на груди руками. Лицо ея было черезчуръ сурово и мрачно.

— Я не сяду... Нѣтъ. Оставьте меня. Уѣзжайте! Уѣзжайте! глухо выговорила она вдругъ.—Лотхень! Лотхень! вскрикнула она.

— Что ты? изумился Скабронскій.

— Я безумная... Я не знаю, что я дѣлаю... Но такъ жить нельзя. Вѣдь я вдова... Я даже не вдова, а хуже... Вдова свободна, а я нѣтъ... Я не ребенокъ и не старуха... Я жить хочу. Поймите! Поймите! А какъ выдти изъ этого положенія! Какъ? горячо говорила Маргарита, наступая на Іоанна Іоан-

новича.—Любовники! Взять его не мудрено. А если онъ меня обезславить!... А вся эта столичная молодежь—хвастуны... Я не хочу имѣть прозвище женщины, которая дурно ведетъ себя... А какъ найти и гдѣ найти человѣка, который бы сохранилъ тайну... Ахъ, дѣдушка, зачѣмъ вы мнѣ не чужой.... Зачѣмъ вы... Что я?! Я съ ума схожу... Я сама не знаю, что говорю!

Маргарита вдругъ схватилась руками за голову и выбѣжала изъ горницы въ ту гостиную, гдѣ была ея временная спальня. И слова, и голосъ, и лицо, и движеніе—все дышало искренностью.

Старикъ поднялся задумчивый и смущенный... и сталъ искать по горницѣ шляпу свою, которая была уже на головѣ его. Черезъ нѣсколько минутъ Іоаннъ Іоанновичъ отъѣзжалъ отъ дому, конечно, не повидавшись съ большимъ внукомъ.

А горничная была уже у графини и, разинувъ ротъ отъ вниманія, слушала рассказъ ея.

— Вѣдь повѣрилъ... повѣрилъ?.. А вѣдь онъ хитрый, умный онъ, Лотхень, очень хитрый, а повѣрилъ! Что значитъ человѣческое самолюбіе! закончила рѣчь графиня.

И кокетка изумлялась и себѣ, и старому дѣду...

— Ну, и я тоже искусная актриса. Я даже не ожидала отъ себя... Ну, а все-таки, я боюсь... прибавила она, помолчавъ.

— Чего? разсмѣялась Лотхень.

— Не хватить умѣнія довести до конца! Или боюсь... дорого обойдется! Я не шучу, Лотхень, прибавила графиня задумчиво.

Лотхень перестала смѣяться и развела руками.

— Что жъ тутъ дѣлать?... сказала она тихо.—За то, деньги. И какія деньги?! Куча! Кучи червонцевъ!!

XI.

Въ домѣ Тюфякиныхъ, стоявшемъ вдали отъ городской суеты, среди пустырей и сугробовъ, было всегда мирно и тихо, но теперь стало точно мертво. Въ обыкновенное время у нихъ бывали гости, но теперь, вслѣдствіе великаго поста и, нако-

нецъ приближавшихся дней страстной недѣли, считалось совершенно неприличнымъ и даже грѣховнымъ ѣздить въ гости. Но если было тихо и мирно въ домѣ сиротъ княженъ Тюфякиныхъ, то не было мира и тишины на сердцѣ какъ у старой опекуни, такъ и у двухъ княженъ. За послѣднее время случилось что-то странное и никто не зналъ даже какъ назвать случившееся. Всѣ три обитательницы были печальны и каждая поглощена своей заботой и своимъ горемъ. При этомъ всѣ три молчали, такъ какъ у всѣхъ трехъ было тайное горе, которымъ подѣлиться было нельзя.

Тетка-опекуша, съ недѣлю назадъ, черезъ пріятельницу узнала нѣчто, поразившее ее и смутившее до глубины души. Она узнала, что Настя съ самой масляницы обманывала ее и, уѣзжая съ „киргизомъ“, не бывала вовсе въ гостяхъ, а сидѣла въ его квартирѣ.

Это было невѣроятнo и необъяснимо! Какое удовольствіе могла находить Настя просиживать дни или вечера у своего своднаго брата, вмѣсто того, чтобы веселиться на вечеринкахъ. Гарина невольно оробѣла и думать боялась о томъ, что назойливо лѣзло ей въ голову.

„Сводить у себя въ квартирѣ! И съ кѣмъ?!“.. думала она по-неволѣ.

Въ такіе для нея великіе дни поста и молитвы, Гарина сидѣла по цѣлымъ часамъ молча въ своемъ креслѣ и думала, что дѣлать, съ чего начать. Она боялась даже приступить къ допросу Насти.

Младшая княжна, съ своей стороны, часто ловила теперь на себѣ косой и подозрительный взглядъ тетки-опекуни и иногда отворачивалась, иногда же, будто вдругъ вспыхивая, но не отъ стыда, а отъ гнѣва, упорнымъ взглядомъ встрѣчала взглядъ тетки-опекуни. И Пелагея Михайловна по этому взгляду догадывалась, что на дняхъ имъ предстоитъ помѣряться силами.

Наконецъ, совѣсть начала мучить старую дѣвицу. Она упрекала себя въ томъ, что не выгнала совсѣмъ изъ дома „киргиза“, позволила себя провести за носъ и сама виной той бѣды, которая чудится ей.

Настя передъ страстной перестала выѣзжать, потому что князь Глѣбъ не являлся, и стала сумрачна, иногда печальна, иногда раздражительна и привязывалась ко всякому пустяку, чтобы только повздорить съ теткой, а въ особенности съ сестрой.

Княжна Василекъ была всѣхъ грустнѣй, но грусть ея была кроткая, почти робкая. И безъ того несловоохотливая, не болтунья, теперь Василекъ почти рта не раскрывала. Такъ какъ все хозяйство въ домѣ лежало на ней, то, вставъ до восхода солнца, Василекъ цѣлый день хлопотала и въ домѣ, и во дворѣ и въ службахъ. Раза два или три въ день она накидывала теплый капоръ, куцавѣйку и выбѣгала взглянуть въ кухню, въ погребъ, коровникъ, даже конюшню. Часто вся пунцовая отъ долгаго стоянія передъ печью въ кухнѣ, она выбѣгала прямо на морозъ, потому что кто-нибудь изъ людей приходилъ и звалъ ее ради какого нибудь пустяка.

Къ этому прибавились теперь службы церковныя. По два раза въ день Василекъ старалась избавиться отъ домашнихъ хлопотъ и успокоиться на минуту въ храмѣ отъ дразгъ домашнихъ, а главное—забыться въ молитвѣ отъ того страннаго чувства, которое теперь завладѣло всѣмъ ея существомъ.

Изъ головы ея ни на минуту не выходила мысль—гдѣ и что сестринъ женихъ, Дмитрій Дмитріевичъ? Что дѣлаетъ этотъ юноша и почему уже давно не былъ у нихъ? Она узнала нѣчто, подославъ тихонько лакея въ квартиру Квасова, что немного утѣшило ее; она узнала, что Шепелевъ немножко хвораетъ.

„Стало быть, черезъ хворость свою не бывалъ у насъ, утѣшала она себя, а не отъ какой другой причины“.

Тѣмъ не менѣе она давнымъ давно не видѣла его, не бесѣдовала съ нимъ и вдругъ, къ ея собственному ужасу, на душѣ ея ощутилась какая-то страшная пустота. Все, что хотя немного занимало ее прежде, теперь опостылило ей. Во всемъ ихъ домѣ былъ только одинъ предметъ или скорѣе одно существо, къ которому съ какимъ-то страннымъ чувствомъ, почти любви, относилась Василекъ. Предметъ ея нѣжнаго вни-

манія былъ тотъ пѣтухъ, который когда-то сломалъ себѣ ногу и котораго они перевязывали вмѣстѣ съ Шепелевымъ.

Василекъ думала иногда, что у ней умъ за разумъ заходить, потому что ей казалось, что этотъ глупый пѣтушекъ ей дороже сестры и тетки. Принуждена она была убѣдиться въ этомъ довольно просто.

Однажды утромъ, Гарина, не спавшая всю ночь отъ своей новой тревоги, въ которой боялась признаться даже себѣ самой, почувствовала себя довольно плохо и осталась противъ обыкновенія на два лишнихъ часа въ постели.

Василекъ тихо и молча принесла теткѣ къ ея утреннему чаю меду и варенья, замѣнявшихъ ради поста сливки. Она рѣшила посидѣть около хворающей Пелагеи Михайловны. Она уже поставила было стулъ около кровати тетки, но случайно взглянула въ полу-замерзшую раму окна и вдругъ ахнула. Опрометью бросилась она бѣжать по корридору и по лѣстницѣ на крыльцо и, не смотря на морозъ, выскочила въ одномъ платьѣ на дворъ.

Она увидала, что ея любимецъ или, какъ звала она, „его пѣтушекъ“ бѣгалъ на своей хромой ногѣ по двору, преслѣдуемый какою-то чужою забѣглою собакой. Передать его на руки птичницы было не трудно, но затѣмъ Василекъ смущенная вернулась въ домъ. Сердце ея билось отчасти оттого, что она пробѣжалась, но отчасти и отъ того чувства, которое она испытала. Идя по корридору къ хворающей теткѣ, она вдругъ остановилась и, круто повернувъ, вошла въ свою горницу. Заперевъ за собой дверь, она сѣла на маленькій диванчикъ, прижала ладони рукъ къ пылавшему лицу и вдругъ заплакала, сама не зная отчего.

Она давно, хотя смутно, сознавала, что именно съ ней дѣлается, но постоянно повторяла себѣ:

— Нешто это можно!

Слова эти относились къ тому чувству, которое давно сказалось въ ней къ красивому юношѣ и которое удвоилось за его послѣднее отсутствіе.

Когда это чувство черезчуръ ясно сказывалось на дунѣ

Василька, то она вскакивала, въ испугѣ, даже въ ужасѣ и крестилась, говоря:

— Спаси Господи! Спаси! Не допусти!

Василекъ отрещивалась и молилась, какъ если бы ясное сознаніе этого чувства было сознаніемъ приближающагося несчастія, смертельной болѣзни или потери любимаго существа. Она будто чувала, что когда это чувство совсѣмъ, вопреки ея волѣ, подползетъ къ ней и захватитъ ее, то овладѣетъ ею такъ, что спасенія никакого уже не будетъ. Надо будетъ выбирать одинъ изъ двухъ исходовъ, или смерть или то, что невозможно, что отъ нея не зависить. Развѣ онъ можетъ полюбить ее и жениться на ней вмѣсто Насти?! Да и кто жъ, не только онъ, женится на ней, изуродованной ужасной болѣзнью?!

И въ домѣ Тюфякиныхъ было томительно тихо и тяжело. Даже люди, подъ вліяніемъ настроенія своихъ господъ, тоже глядѣли какъ-то сумрачно. Конца, однако, не видѣлось, потому что ни одна изъ трехъ обитательницъ не рѣшалась и не знала, какъ прервать это тяжелое положеніе и вызвать объясненіе. Случалось, что тетка и обѣ княжны сажались за столъ, сидѣли около часа и вставали, не сказавъ другъ другу ни слова, или же сдержанно и чрезъ силу бесѣдовали о такихъ пустякахъ, которые никого изъ трехъ не интересовали.

Только однажды, вечеромъ, Василекъ, увидя Настю въ темномъ углу гостиной, давно сидѣвшую съ головой, опущенной на руки, не совладавъ съ сердечнымъ порывомъ и, подойдя къ сестрѣ, опустила передъ ней на колѣни.

Настя вздрогнула, слегка вскрикнула и, оглядѣвшись, оттолкнула сестру

— Ахъ, какая ты... дура! воскликнула Настя.—Перепугала меня на смерть.

— Что съ тобой, Настенька? кротко спросила Василекъ.— Не теперь, а вотъ уже давно... ты не по себѣ, вѣдь я вижу. Скажи мнѣ, что съ тобой?

Настя вдругъ выпрямилась, поднялась съ кресла и, презрительно глянувъ на старшую сестру, оставшуюся на колѣняхъ передъ пустымъ кресломъ, вымолвила насмѣшливо:

— А съ тобой что? Ты-то по себѣ?! Я хоть по крайней

мѣрѣ знаю, что со мной, а ты и не знаешь. У меня хоть забота настоящая, а у тебя что? Пѣтушекъ другую ногу что ли сломалъ, а энтотъ знахарь не идетъ?

Василекъ ахнула, оперлась рукой на полъ и осталась такъ въ полу-лежащемъ положеніи. Сердце ея замерло, какъ отъ удара. Она никому ни разу не сказала, даже не намекнула о томъ, что было ея тайной, о томъ, что сама себѣ боялась называть, и эти послѣднія слова, брошенныя ей въ лицо сестрой, заставили ее содрогнуться. Она поднялась съ пола, тихо вышла изъ горницы и только къ вечеру оправилась, утѣшивъ себя, что сестра, намекая на Шепелева, не хотѣла ничего сказать особеннаго.

Наступила страстная. Въ понедѣльникъ утромъ къ подъѣзду дома подали колымагу Тюфякиныхъ съ цугомъ сытыхъ красивыхъ лошадей, чтобы ѣхать въ церковь, начинать говѣніе.

Въ то же время княжна Настасья вошла въ спальню къ одѣвавшейся теткѣ и объявила ей, что она говѣть не будетъ.

Пелагея Михайловна раскрыла ротъ отъ изумленія и перемѣнилась въ лицѣ. Немного постоявъ, молча и не глядя на племянницу, она ступила два шага и опустилась въ кресло.

— Ну, не говѣй, глухо отозвалась она.

Настѣ только того и нужно было, она повернулась и вышла вонъ. Въ корридорѣ на встрѣчу ей попалась сестра. Она была уже одѣта и, завидя Настю, какъ всегда, тихо и кротко обратилась къ ней съ вопросомъ:

— Что жъ ты, Настенька? Пора.

— Я не поѣду, холодно отозвалась Настя.

— Какъ, отчего? Нездоровится?

— Нѣтъ, я говѣть не буду.

Василекъ тихо ахнула, также какъ и тетка. И подъ мгновеннымъ наплывомъ какого-то страннаго чувства стыда и ужаса, Василекъ взяла себя за щеки обѣими руками, наклонилась къ сестрѣ и выговорила:

— Настенька!

Въ этомъ одномъ имени сестры, въ этомъ одномъ словѣ, сказалось такъ много, что сама Василекъ не разочла сразу все

глубокое значеніе этого слова. Если бъ она узнала теперь, что сестра украла или убила кого-нибудь, то, вѣроятно, она произнесла бы это слово „Настенька“ тѣмъ же голосомъ, съ отгнѣнкомъ того же ужаса и стыда за сестру.

— Да что жъ это! съ горечью воскликнула Василекъ чрезъ мгновеніе.

Но Настя движеніемъ руки отстранила сестру съ дороги, прошла мимо и, войдя въ свою дверь, щелкнула замкомъ.

Василекъ перепуганная быстро вошла къ теткѣ. Пелагея Михайловна сидѣла на томъ же креслѣ съ той минуты, какъ вышла Настя. Она не двигалась и будто забыла даже о предполагавшемся выѣздѣ въ церковь. Заслышавъ шаги и увидя вошедшую любимицу, Пелагея Михайловна, при взглядѣ на ея лицо, невольно двинулась и выговорила:

— Что такое? Что еще?

Она думала, судя по тревожному и измѣнившемуся лицу любимицы, что новое что-нибудь случилось въ домѣ.

— Настя не будетъ... не хочетъ... начала Василекъ, но будто побоялась и вымолвить послѣднее слово.

— Говѣтъ не будетъ, выговорила Гарина и смолкла. И снова опустила она голову и стала глядѣть на полъ.

Василекъ неподвижно стояла на порогѣ у растворенной двери.

— Да, пробурчала Пелагея Михайловна, — Господь Богъ — не мы грѣшныя! Насъ обманывать можно, а Господа убоялась. Спасибо хоть страхъ Господень остался, коли совѣсть-то ужъ потеряла.

Василекъ бросилась къ теткѣ, стала передъ ней на колѣни, схватила ее за руки и воскликнула:

— Что вы, тетушка! Что вы говорите! Богъ съ вами, развѣ можно, что вы! Какой обманъ! Она ни въ чемъ неповинна. Она только замышляетъ что-то. Пожалуй, даже и нехорошее, но надо ее усовѣстить.

— Замышляетъ! выговорила Гарина. — А что? Ну, будь по твоему, замышляетъ; но знаешь ли ты, что замышляетъ?

— Нѣтъ, тетушка, не знаю.

— Не лги, Василекъ.

Княжна улыбнулась, не смотря на тревогу сердца.

— Да развѣ я лгу, тетушка, я и не умѣю. Не знаю. Что-нибудь тамъ у Гудовичевыхъ или у Воронцовой. Можетъ, замужь хотеть за какого голштинца и опасается сказаться.

Пелагея Михайловна взяла Василька обѣими руками за голову, поцѣловала ее въ лобъ, потомъ приложила щекой къ гладко причесанной головѣ своей любимицы и слезы показались на глазахъ крѣпкой сердцемъ опекуни.

— Ты моя голубица, чистая сердцемъ и помыслами. Блаженіи кротціи, сказано намъ. Да неужто же Господь не награждать тебя въ этомъ мірѣ? И, помолчавъ, она прибавила: — Ну, ну, что жъ мы, того и гляди ревѣть учнемъ, какъ сущія бабы. Тутъ ревомъ не поможешь.

И вдругъ она преобразилась, лицо ея стало мрачно и гнѣвно. Она порывистымъ движеніемъ схватила свой капоръ, отороченный мѣхомъ, надѣла его на голову и такъ затянула ленты подъ подбородкомъ, что ей стало даже душно.

— Ну, поѣдемъ, помолимся и о себѣ, и о другихъ, сердито произнесла она. — Можетъ, Господь все уладитъ. А, можетъ быть, у меня умъ за разумъ зашелъ. Можетъ быть, я въ сновидѣніяхъ своихъ разума рѣшилась.

Черезъ нѣсколько минутъ Гарина и Василекъ были уже въ колымагѣ и легкой рысью съѣзжали со двора по направленію къ церкви. Ни разу дорогой не перемолвились онѣ, только, подѣзжая къ паперти, Василекъ тихо произнесла не то тетѣ, не то себѣ самой:

— Ахъ, какъ же говѣть-то при такой смутѣ!

Тетка очевидно не слыхала словъ княжны. Съ тѣмъ же гнѣвнымъ лицомъ вышла она на паперть и пошла по церкви за лакеемъ, раздвигавшимъ толпу.

Княжна Василекъ отстала отъ тетки и, затертая толпой медленно подвигалась, какъ-то робко озираясь кругомъ на иконы, лампы и свѣчи. Въ первый разъ въ жизни входила она въ храмъ Божій съ такимъ смятеніемъ на душѣ, съ такимъ лицомъ, такой неувѣренной и робкой поступью, будто великій грѣхъ совершила. Василекъ сомнѣвалась: достойна ли она войти въ храмъ,

начать говѣть, можетъ ли она забыть, хотя бы на мгновеніе свою смуту въ горячей молитвѣ.

— Забыть его?!.. Вѣдь хочется молиться именно о немъ.... такъ какъ же забыть?

И Василекъ, робѣя, боролась сама съ собой....

А въ то же время Настя сидѣла дома и писала брату:

„У меня нѣту даже одного червонца, не только сотни. Достань займы, а потомъ отдашь изъ моихъ денегъ. Съ тетужкой не говорила еще объ этомъ дупоглазомъ дуракѣ-солдатѣ. Лучше ты самъ обо всемъ переговори съ ней, ты лучше скажешь“....

Письмо было довольно длинное, и все дѣло шло о деньгахъ и о Шепелевѣ. Про деньги она писала, что не рѣшается просить у тетки, но съ Шепелевымъ соглашается вѣнчаться хоть тотчасъ, если братъ считаетъ это нужнымъ.

XII.

Во всемъ XVIII столѣтіи нельзя найти принца королевской крови, который бы былъ такой игрушкой въ рукахъ судьбы, какою былъ герцогъ Петръ-Ульрихъ-Голштейнъ-Готорпскій, впоследствии Петръ III на русскомъ престолѣ. Нѣмецъ по отцу, русскій по матери, онъ былъ въ сущности не нѣмецъ и не русскій.

Мать его, Анна Петровна, умерла тотчасъ послѣ его рожденія и съ первыхъ же дней жизни положеніе ребенка стало исключительно и странно. Онъ явился на свѣтъ внукомъ двухъ великихъ историческихъ личностей, внукомъ двухъ зачатыхъ и знаменитыхъ враговъ—Петра Великаго и Карла XII, и въ то же время считался наслѣдникомъ крошечнаго герцогства. При этомъ, воспитаніе принца было плохое. Средства герцога-отца были скудныя, онъ былъ столь бѣденъ, что маленькій принцъ зачастую ходилъ въ худомъ бѣлѣ и поношенномъ платьѣ. А между тѣмъ, волею судьбы онъ вскорѣ оказался единственнымъ законнымъ наслѣдникомъ престоловъ—шведскаго и русскаго. Со смертью Ульрики въ Швеціи и Анны въ Россіи онъ могъ быть призванъ на царство....

Но Ульрика еще при жизни отказалась от престола въ пользу своего мужа, Фридриха I, принца изъ Кассельскаго дома, ненавидѣвшаго Голштейнскій домъ.

Вслѣдствіе этого, первыя десять лѣтъ жизни, принцъ былъ православнаго вѣроисповѣданія, такъ какъ всѣ надежды возлагались на Россію; грекъ монахъ былъ его учителемъ и наиболѣе вниманія обращалось на русскій языкъ. Вскорѣ отецъ его умеръ и онъ остался подъ опекой регента и дяди, епископа любекскаго.

Но вдругъ по смерти въ Россіи Анны Іоанновны и вступленіи на престолъ шестимѣсячнаго императора Іоанна, русскій престолъ перешелъ окончательно въ линію сына царя Алексѣя Михайловича, малоумнаго Іоанна V. Петръ Ульрихъ, внукъ другого сына Алексѣя Михайловича, многоумнаго Петра I, казалось, навсегда потерялъ права на русскій престолъ.... Но одновременно съ Анной Іоанновной умираетъ и Ульрика, прося царствовавшаго Фридриха I, у котораго не было наслѣдника престола, вызвать и усыновить Петра-Ульриха.

Когда снова явилось болѣе надежды на полученіе шведскаго престола, одиннадцатилѣтняго мальчика окрестили снова и онъ сдѣлался протестантомъ евангелическаго толка. Русскій языкъ былъ брошенъ, его усердно начали учить по-шведски. Но самъ мальчикъ относился равно холодно къ обѣимъ вѣрамъ, къ обоимъ языкамъ и къ обѣимъ странамъ. Онъ обожалъ только все, касавшееся до военной выправки, оружія, фехтованія, и все, что есть солдатчина. Отецъ его былъ только истый солдатъ и по своему велъ сына. Теперь дядя-епископъ ломалъ природу его на свой ладъ, замучивалъ латынью, астрономіей и музыкой, но постоѣнное отцомъ запало глубоко и принцъ не сдѣлался ученымъ.

Самымъ счастливымъ днемъ въ его памяти былъ тотъ, когда отецъ, однажды, въ день его рожденія, поставилъ его на часахъ въ столовой и затѣмъ во время обѣда объявилъ ему, что онъ за выслугу лѣтъ производится въ офицерскій чинъ секундъ-лейтенанта и болѣе на часахъ ставиться не будетъ. Эта домашняя комедія, игра въ чины и въ солдатики, при крошечномъ дворѣ,

существовавшемъ на мѣдные гроши, навсегда пристрастила герцога къ солдатчинѣ во всѣхъ ея видахъ.

Но именно въ ту минуту, когда російскій престолъ считался утеряннымъ навсегда провозглашеніемъ младенца Іоанна Брауншвейгскаго, а принцъ перешелъ въ лютеранство, пришло извѣстіе, что младенца свергла съ престола родная тетка маленькаго герцога. И вотъ опять всѣ надежды на Россію! И вскорѣ же явилось посольство, не только приглашавшее, но требовавшее мальчика отъ имени императрицы Елизаветы ради того, чтобы объявить его въ Россіи наслѣдникомъ.

Регентъ-дядя, епископъ и опекунъ, съ удовольствіемъ тайно отпустилъ племянника въ Россію, такъ какъ вмѣстѣ съ этимъ вступалъ въ его права, какъ герцога голштинскаго и наслѣдника шведскаго престола. Вдобавокъ Елизавета за уступку мальчика Россіи обѣщала вооруженной рукой поддержать дядю въ его правахъ на шведскую корону.

Пятаго февраля 1742 г., за пять дней до дня своего рожденія, въ который ему должно было минуть четырнадцать лѣтъ, маленькій герцогъ вѣхалъ въ Москву и при коронаціи императрицы былъ объявленъ наслѣдникомъ престола. Снова начались уроки уже не шведскаго, а опять русскаго языка, хотя приобщеніемъ къ православію почему-то медлили.

Но черезъ восемь мѣсяцевъ Фридрихъ I капризно и настойчиво пожелалъ имѣть наслѣдникомъ не епископа любекскаго, которому было тридцать лѣтъ, а 14-ти-лѣтняго племянника, Петра-Ульриха, увезеннаго обманомъ въ Россію.

Другое посольство явилось уже не въ Голштинію, а въ Россію, чтобы требовать мальчика у его тетки. Императрица, извѣщенная о посольствѣ за нѣсколько дней до пріѣзда пословъ, постигла окрестить мальчика снова и приобщить къ православію, въ которомъ онъ уже былъ прежде. Такимъ образомъ, въ третій разъ заставили мальчика переимѣнить вѣру. Посольству было, конечно, отказано и указано на епископа любекскаго, его дядю. Казалось, что судьба смѣется надъ малорослымъ, худымъ, блѣднымъ, совершенно болѣзненнымъ ребенкомъ, которому на вид казалось не четырнадцать лѣтъ, а скорѣе десять, заставляя двѣ сильныя державы спорить изъ-за него, требуя на свой

престолъ. Опоздай Елизавета выписать къ себѣ племянника всего нѣсколько мѣсяцевъ и голштинскій принцъ былъ бы шведскимъ королемъ. И судьба его была бы, конечно, совершенно иная. Шведское посольство, не достигнувшее своей цѣли въ Москвѣ, уѣхало. Наслѣдникомъ поневолѣ былъ сдѣланъ епископъ и герцогъ голштинскій, и спустя восемь лѣтъ послѣ этого занялъ шведскій престолъ подъ именемъ Фридриха-Адольфа. А бѣдноодаренный природой и изуродованный воспитаніемъ, больной и тщедушный мальчикъ остался наслѣдникомъ русскаго престола, чтобы современемъ процарствовать только шесть мѣсяцевъ.

При Петрѣ Ѳеодоровичѣ состоялъ по прежнему, пріѣхавшій изъ Голштиніи, его воспитатель Брюммеръ, который такъ странно понималъ свою обязанность и такъ себя велъ съ питомцемъ, что явилось даже подозрѣніе объ умышленномъ, съ его стороны, желаніи исковеркать природу наслѣдника русскаго престола. Петръ Ѳеодоровичъ глубоко и сильно ненавидѣлъ Брюммера и первыми друзьями его были его двое слугъ, тоже нѣмцы. Но дружба эта повела къ тому, что одинъ изъ двухъ, камеръ-лакей Румбергъ, былъ спустя два года сосланъ въ Сибирь. И только императрица, самъ Петръ, Брюммеръ, да двое или трое лицъ знали за что ссылается этотъ Румбергъ. Великій князь много и долго сожалѣлъ о любимцѣ. Спустя два года появилась въ Россіи и юная принцесса цербстская. Чрезъ годъ еще, болѣзненный юноша, на видъ ребенокъ, сталъ мужемъ. За это время, впродолженіи только двухъ лѣтъ, онъ три раза былъ отчаянно болѣнъ и при смерти.

Когда только наслѣдникъ престола былъ обвиняемъ, то его воспитатель Брюммеръ былъ удаленъ. Но оригинальная система воспитанія, отчасти и природныя свойства дали свои плоды. Наслѣдникъ былъ самый странный молодой человекъ, не нѣмецъ, но и не русскій, не уменъ, но и не глупъ, и положительно остроуменъ, ядовитъ въ насмѣшкѣ и шуткѣ, не добрый, часто жестокой, но въ сущности не злой, чувствительный, съ безумными вспышками гнѣва и въ то же время съ порывами искренней задушевности и сердечности. Императрица относилась къ нему по неволѣ крайне строго и при всемъ желаніи

*

любить его, не могла. Часто проявлялись въ племянникѣ такія черты, которыя смущали ее, приводили въ отчаяніе, отталкивали и беспокоили за его будущность... и будущность Россіи. Нѣкоторые недостатки появлялись какъ-то временно, какъ болѣзнь, и проходили. Одно время онъ сдѣлался хвастливъ, лгалъ и выдумывалъ постоянно и это доходило до такихъ размѣровъ, что начинали опасаться, въ своемъ ли онъ разумѣ. Одно время онъ влялся и увѣрялъ, что былъ произведенъ въ полковники своимъ отцомъ за то, что, командуя голштинскимъ войскомъ, отличился въ сраженіи противъ датчанъ, которыхъ побѣдилъ. Всѣмъ было извѣстно, что ни этой войны, ни чего либо подобнаго никогда въ его жизни не было. Иногда также временно и болѣзненно нападала на него жестокость, онъ искалъ жертвъ, заводилъ своры собакъ и нещадно сѣлъ ихъ, или наконецъ, выдумывалъ такія игры, въ которыхъ могъ большимъ бичемъ бить свою прислугу. Однажды онъ засѣлъ свою любимую собаку и переранилъ всѣхъ остальныхъ. Наконецъ, въ другой разъ наставилъ мышеловокъ у себя въ горницахъ и такъ какъ деревянный полугнилой дворецъ изобиловалъ мышами и крысами, то онъ быстро наловилъ ихъ кучу. И явилась новая любимая забава: поймать большую крысу, устроить висѣлицу, потомъ прочесть приговоръ, замѣчательно остроумно написанный, гдѣ исчислялись всѣ ея государственныя преступленія, а затѣмъ, повѣсивъ ее на снуркѣ, съ барабаннымъ боемъ маршировать кругомъ преступника.

Ко всему этому, одновременно съ его женитьбой, примѣшались двѣ слабости. Онъ сталъ влюбляться и ухаживать поочередно за всѣми обитательницами дворца, перейдя отъ самой красивой фрейлины Коръ до самой некрасивой, и кончилъ тѣмъ, что влюбился серьезно въ баронессу Черкасову, дочь сосланнаго Бирона, которая была не только крайне дурна собой, но и горбата. Вмѣстѣ съ этимъ онъ началъ все болѣе любить крѣпкіе напитки, вредно дѣйствовавшіе на его здоровье, и тайно отъ государыни завелъ въ горницахъ своихъ цѣлые шкафы, переполненные всякаго рода иностранными винами.

Наконецъ, когда ему было уже за тридцать лѣтъ и когда

онъ въ теченіи двадцати лѣтъ жизни въ Россіи не завелъ себѣ ни единого друга, а нажилъ много враговъ,—онъ сталъ императоромъ.

Въ день Рождества Христова, въ минуту захода солнца, закатилось и руссiйское солнце, „дщерь Петрова“, царствованіе которой считалось современниками исключительно особенно славнымъ и великимъ, и никто, конечно, не могъ себѣ представить, что когда либо на Руси появится другая женщина, способная затмить ея великія и славныя дѣянія.

Генераль-прокуроръ, князь Никита Юрьевичъ Трубецкой, въ четыре часа пополудни вышелъ изъ опочивальни императрицы и объявилъ придворнымъ о ея кончинѣ. Весь дворецъ и многія палаты сановниковъ и вельможъ огласились совершенно искренними рыданіями.

— Что будетъ? явился вопросъ и угрозой отдавался на сердца у всякаго.

Петръ Ѳедоровичъ, стоявшій у постели тетки вмѣстѣ съ супругой, какъ только увидѣлъ, что государыня испустила послѣднее дыханіе, тотчасъ же отдалъ первый свой приказъ:

— Выстроиться гвардіи на Дворцовой площади!

Покуда женщины надъ теплымъ трупомъ совершали разные древніе и языческіе обряды, Петръ Ѳедоровичъ ужъ въ темнотѣ объѣхалъ верхомъ ряды полковъ, принимая отъ нихъ первыхъ, прежде сената и синода, поздравленіе съ вступленіемъ на императорскій прародительскій престолъ.

Затѣмъ съ слѣдующаго же дня явились государственныя заботы. Главными, стоявшими первыми на очереди, были: замѣна однообразнаго мундира гвардіи безчисленными мундирами новаго образца, всевозможныхъ колеровъ; затѣмъ окончательная и скорѣйшая отдѣлка новаго дворца, и третья, самая серьезная забота — прекратить войну съ королемъ Фридрихомъ II.

Въ первые мѣсяцы царствованія новаго императора многіе его враги должны были поневолѣ примириться съ нимъ. Нѣсколько дѣйствительно умныхъ людей, призванныхъ имъ къ кормилу правленія, поняли, что прежде всего надо привлечь къ себѣ любовь всѣхъ сословій. И неожиданно явились двѣ круп-

ныя государственныя мѣры, отъ которыхъ возликовали всѣ: — „вольность дворянская“, то-есть позволеніе не служить тому, кто не хочетъ, и свободно проживать гдѣ вздумается, въ своемъ ли имѣніи или за-границей; а затѣмъ — уничтоженіе страшилища, отъ котораго почти тридцать лѣтъ трепеталъ всякій православный, — уничтоженіе тайной канцеляріи „слова и дѣла“, цѣлаго легіона тайной добровольной арміи доносчиковъ. Но это были первыя и послѣднія мѣры, отъ которыхъ возликовала Россія.

Когда Петръ Ѳеодоровичъ, въ первый разъ по воцареніи, явился въ синодѣ, то извѣстный, всѣми современниками уважаемый, бывшій профессоръ кievской академіи, Сѣменовъ, первенствующій членъ синода, встрѣтилъ государя рѣчью горячей и краснорѣчивой. Онъ сравнивалъ восшествіе его на престолъ съ рождествомъ Спасителя міра!.. А когда шесть мѣсяцевъ спустя такую же рѣчью встрѣчалъ онъ Екатерину, то былъ тоже искрененъ, и былъ правъ! Надежды были у всѣхъ, но были обмануты!..

Съ первыхъ дней правленія Петръ Ѳеодоровичъ началъ новую дѣятельную жизнь. Всѣ шутки и игры были брошены; ежедневно вставалъ онъ въ шесть часовъ утра и требовалъ, чтобы въ семь, еще до разсвѣта, всѣ министры, флигель-и генералъ-адъютанты и ближайшіе царедворцы были уже у него для доклада и полученія приказаній. Во все входилъ онъ самъ и докладъ длился часто до одиннадцати часовъ. Но какъ бы въ награду за этотъ утренній трудъ или чтобы отдохнуть, съ одиннадцати ежедневно, не смотря ни на какую погоду, начинались занятія съ петербургимъ войскомъ — ученіе, смотры и парады.

Прошло три мѣсяца царствованія и Россія узнала, чего ей ожидать... Нѣкоторыя государственныя мѣры были глубоко законны, правдивы и спасительны, но были приняты, какъ кара Господня. Явилась отписка и отнятіе вотчинъ и рабовъ у всѣхъ монастырей — и все духовенство, съ тѣмъ же Сѣменовымъ во главѣ, подняло отчаянный и громкій ропотъ. Явилось учрежденіе государственной конторы, которая должна была выпускать, вмѣсто серебра и золота, бумажные билетки, съ тѣмъ, что эти клочки бумаги будутъ называть деньгами и всякій бу-

детъ обязанъ ихъ брать подѣ страхомъ строжайшаго наказанія,—и уже всѣ сословія роптали въ ужасѣ и недоумѣніи. Но затѣмъ, узнали, что въ виду государственной пользы, снова будетъ восстановлена смерная казнь—и это многихъ обрадовало.

— Покойная императрица дала обѣтъ, рѣшаясь на переворотъ и арестъ Брауншвейгской фамилии, что она отмѣнитъ смертную казнь, но вѣдь она уже отцарствовала,—разсуждали сановники,—стало быть, ея обѣту срокъ вышелъ. Надо взять примѣромъ Великаго Петра и устроить суды и казнь по его образцу!

Затѣмъ гвардія вознегодовала въ свой чередъ, такъ какъ стали ходить слухи, что она будетъ уничтожена, а останется одинъ лейбъ-кирасирскій полкъ; всѣ же остальные полки будутъ сравнены съ полевыми командами, будутъ переводиться съ мѣста на мѣсто по всей Россіи и только нѣкоторые изъ нихъ по-очереди будутъ стоять годичнымъ постоемъ въ столицѣ. Наконецъ, будетъ заключенъ дружескій, крѣпкій миръ съ нѣмцами, вѣковыми врагами... и вѣчными!..

XIII.

Въ субботу 6-го апрѣля, уже вечеромъ, когда въ Петербургѣ, за исключеніемъ чужеземцевъ, всѣ, отъ вельможи до простолюдина, отъ мала до велика, готовились къ великой Заутрени Свѣтлаго, Свѣтлѣйшаго Праздника, когда самые лѣнивые отдыхали передъ долгимъ предстоящимъ стояніемъ, а богомольные не выходили даже изъ церкви,—въ старомъ, дворцѣ, императрица, окруженная немногими близкими людьми, тоже собиралась въ Казанскую церковь къ первой заутрени новаго царствованія.

Она была печальна, блѣдна и задумчива. Мысль, что, быть можетъ, слѣдующую заутреню она встрѣтитъ въ платьѣ инокини въ какомъ-нибудь дальнемъ монастырѣ, не покидала ее ни на минуту.

Въ то же время въ новый дворецъ, по расчищенной чернью площади, перевозились собственные вещи государя. Комнаты

его въ старомъ дворцѣ уже на половину опустѣли, а въ новомъ онъ самъ устраивался и раскладывался. Принцъ Жоржъ помогать ему, какъ могъ и умѣлъ, т. е., по слабости, больше совѣтами, а не дѣйствіями.

Прискакавшій курьеръ доложилъ государю предъ полуночью, что Казанскій храмъ полонъ и всѣ ожидаютъ его.

— Пускай начинаютъ. Видишь тутъ что! фамильярно показлъ государь на свои горницы, переполненные неразставленнымъ и неразложеннымъ добромъ.

Въ ту минуту, когда государь заспорилъ съ Жоржемъ, на какой стѣнѣ развѣшать безчисленное оружіе, явился снова другой курьеръ.

— Чего тамъ?

— Заутреня на половинѣ.

— Ахъ, Господи! Какъ надоѣли! Сейчасъ!

Не успѣлъ государь обернуться, устроить свой кабинетъ хоть немножко, какъ по городу начался шумъ, стукъ экипажей и гулъ народный...

— Что такое?

Православные изъ храмовъ Божьихъ по домамъ ужъ идутъ! И среди ночи, но уже съ блѣдной зарей на востокѣ, всѣ встрѣчные прохожіе обнимаются и цѣлуются троекратно, — и на площади, и у подъѣзда дворца, и въ самомъ дворцѣ! Всѣ изъ-за дѣла и работы во дворцѣ не попавшіе въ храмъ жалѣютъ, что не могли перекрестить лба въ великій день, и вдругъ, слышавъ шумъ на улицѣ, начинаютъ тоже по всѣмъ корридорамъ и горницамъ цѣловаться. И всякій лѣзетъ, и другъ къ другу, и врагъ къ врагу, и мальчуганъ къ старику, и хвора бабushка къ усатому солдату. Всѣ равно сходятся, обнимаются, цѣлуются... И слышится, и старая, и новая, и вѣчная вѣсть:

— Христосъ воскресе!

Стоитъ у окна кабинета государя принцъ Жоржъ и дивится! Смотритъ онъ въ лорнетъ на улицу и охаетъ, даже головой качаетъ. Слыхалъ онъ про это и ожидать, а все-таки *überaus wunderbar* и даже *sehr dumm* выходить.

Вотъ идетъ какой-то сизый тулупъ и тащить что-то тяже-

лое, повстрѣчалъ бабу, кладесть тяжелую ношу на землю... и цѣлуются.

— О! восклицаетъ принцъ Жоржъ и улыбается.

Вотъ ѣдетъ порожній извозникъ, встрѣтилъ солдата, слѣзъ съ козелъ, будто за какимъ необходимымъ дѣломъ, и, бросивъ лошадь, идетъ къ солдату... и цѣлуются!

— О—о! восклицаетъ Жоржъ и смѣется.

Ѣдетъ большая колымага цугомъ, встрѣтила маленькую берлинку раззолоченную. Двое вельможъ въ мундирахъ и орденахъ, въ разныхъ храмахъ встрѣтивъ праздникъ, теперь повстрѣчались среди площади.

— Стой!

И оба лѣзутъ вонъ, на улицу, и среди двухъ остановленныхъ экипажей... цѣлуются.

— О—о—о! восклицаетъ Жоржъ, и ужъ даже не смѣется, а стыдится за вельможъ. Наводя лорнетъ на нихъ, онъ восклицаетъ уже такъ громко, что государь бросилъ любимую картину, которую собирался повѣсить, изображавшую голову борзой собаки, ставить ее на полъ и съ трубкой въ зубахъ оборачивается къ окну.

— Was? изумляется онъ и идетъ къ дядѣ, обдавая его лиловатымъ клубомъ кнастера.

— Merkwürdig! говоритъ принцъ и объясняетъ въ чемъ дѣло.

Государь разсмѣялся.

— Это всегда такъ! Это такой обычай древній. Еврейскаго происхожденія!

— Еврейскаго! изумляется принцъ. Но онъ вѣрить на слово своему племяннику...

Однако пора была отдохнуть. Принцъ Жоржъ уѣхалъ къ себѣ, государь легъ спать.

Черезъ нѣсколько часовъ, въ полдень, вся площадь была покрыта экипажами и верховыми лошадьми и весь Петербургъ знатный и богатый толпился во дворцѣ, поздравляя государя. Но на этотъ разъ торжественный приѣмъ Свѣтлаго Воскресенія вышелъ чѣмъ-то другимъ... вышелъ, по замѣчанію многихъ сановниковъ, „машкерадомъ“.

Въ Свѣтлое Воскресенье было приказано всѣмъ полкамъ и всѣмъ должностямъ въ первый разъ надѣть новые мундиры. И всѣхъ цвѣтовъ костюмы, отъ ясно-голубаго и желтаго, до ярко-пунцоваго и лиловаго, съ безчисленнымъ количествомъ галуновъ, шитыя и аксельбантовъ замѣнили собой одноцвѣтный, общій всей гвардіи, темно-синій. Прежній покррой тоже исчезъ. длинныхъ фалдъ не было и всѣ, отъ фельдмаршала до сержанта, явились куцыми, будто окургуженными.

И въ горницахъ дворца то и дѣло раздавалось:

— О Господи, вотъ чудень-то! Это кто жъ будетъ?

— Кирасирь.

— Гляди, гляди, а это что?

— Да это Трубецкой, Никита Юрьичъ...

— Батюшки-свѣты, не призналъ. Да въ чемъ же онъ?

— Преображенцемъ.

— Матерь Божья! Ну, а бѣлые-то бѣлые?

— Это по флоту!

— А энтотъ весь въ золотыхъ веревочкахъ, въ постромкахъ, будто пристяжная! Голубчикъ, да вѣдь это полицмейстеръ Корфъ! Никого не признаешь. Ну, машкерадь!

И вмѣсто христіанскаго привѣтствія, христованія, во всѣхъ покояхъ дворца ходило новое привѣтствіе:

— Машкерадь, родимый! Воистину, машкерадь!

И весь день во дворцѣ толклись кучи народа до обѣда, потомъ все пообѣдало за огромными столами и осталось до ужина.

И за этотъ день были двѣ интересныхъ новости. Елизавета Романовна Воронцова явилась въ Екатериненской лентѣ и звѣздѣ, а при выходѣ шла рядомъ, даже почти на четверть впереди, съ государыней Екатериной Алексѣвной. Воронцова, закинувъ голову, съ бессмысленно важной усмѣшкой на красноватомъ опухшемъ лицѣ, съ заплаканными жиромъ глазами, молча и глупо оглядывала толпы тѣснящихся при ея проходѣ придворныхъ. Государыня Екатерина Алексѣвна прошла всѣ горницы, понурившись и не поднимая глазъ и отъ обиды, и отъ стыда, и отъ боли на сердцѣ!..

Другая новость была смѣшнѣе и любопытнѣе. По приѣздѣ принца Жоржа въ Россію, государь приказалъ всѣмъ послан-

никамъ явиться къ нему, не дожидаясь его визита. Никто изъ нихъ не поѣхалъ, кромѣ прусскаго посланника. Теперь государь приказалъ, черезъ канцлера Воронцова, всѣмъ иностраннымъ резидентамъ изъ дворца ѣхать тотчасъ же съ поздравленіемъ къ Жоржу, принимавшему у себя послѣ большого приѣма. Поѣхалъ прусскій посланникъ Гольцъ и хитрая, румяно-рыжая особа, посланникъ гордаго Альбіона, Кейтъ. Остальные послы и иностранные министры опять не поѣхали.

Государю даже побоялись въ первый день праздника и доложить объ этомъ. На его вопросъ, уже вечеромъ, за ужиномъ, были ли у принца Жоржа послы, Жоржъ покраснѣлъ, какъ ракъ, и отвѣчалъ:

— Были.

Почти до разсвѣта шло во дворцѣ ликованіе за ужиномъ. Многіе сановники, вернувшись по домамъ зѣло во хмѣлю, чрезъ силу кое-какъ разцѣпидись съ своими новыми мундирами и амуницией. И трезвому мудрено было сразу привыкнуть ко всѣмъ веревочкамъ, бирюлькамъ, постромкамъ и цацамъ, а ужъ во хмѣлю и совсѣмъ... аминь! Что тебѣ гишпанская запряжка!

— Ну что, родимый, каковъ тебѣ кажетъ твой новый мундиръ? спросилъ графъ Алексѣй Разумовскій брата своего, гетмана.

— Да что, батя, отвѣчалъ гетманъ старшему брату, —пре-любопытно! Перетянули всего, связали по рукамъ, по ногамъ и по горлу, и по спинѣ. Да гремитъ, стучить, хлебываетъ все. И вотъ, ей-ей, сдается, будто тебя на цѣпь посадили! Хочешь двинуться—громыкаетъ да звенить все! Хочешь слово молвить, а отъ громыханія этого голоса своего не узнаешь. И сдается тебѣ, будто и впрямъ, скачешь да лаешь, какъ песъ на цѣпи.

— Знаешь что, голубчикъ, какъ горю пособить?

— Какъ?

— Помирать... Ей-ей, пора! А то еще козой одѣнуть и плясать заставить съ медвѣдемъ...

— Ну что жъ. И попляшемъ! Не важность... Вѣдь не долго...

— Что? Плясать-то не долго... Ну, Кириллушка, это бабьи сказки.

— Нѣту, батя, погляди... Будетъ перемѣна погоды и ведро!

— Кто ее сдѣлаетъ?!

— Не мы!..

XIV.

На другой день послѣ торжественнаго приѣма во дворцѣ, государь поднялся довольно поздно, угрюмый и съ сильной головною болью. Любимый его слуга негръ, по имени Нарцисъ, напомнилъ ему, что головная боль проходила у него нѣсколько разъ послѣ двухъ или трехъ кружекъ англійскаго портера.

Петръ Ѳедоровичъ тотчасъ же приказалъ себѣ подать портеру и черезъ часъ времени головная боль прошла и онъ повеселѣлъ.

Оглядѣвшись въ своемъ кабинетѣ, онъ съ удовольствіемъ замѣтилъ, что почти все было на мѣстахъ. Нѣкоторыя вещи, которыя онъ не успѣлъ самъ пристроить, устроилъ умный Нарцисъ, хорошо знавшій его привычки. Покуда во дворцѣ пировали, обѣдали и ужинали, Нарцисъ все до мелочей привелъ въ порядокъ и въ спальнѣ, и въ кабинетѣ; даже любимой собацѣ государевой „Мопсѣ“ онъ придумалъ отличное мѣсто въ углу за шкафомъ съ книгами и нотами.

Обстановка кабинета государя была довольно простая, но можно было подумать, что это кабинетъ какого-нибудь прусскаго довольно богатаго генерала, такъ какъ всѣ мелочи, даже нѣкоторыя гравюры и картинки на стѣнахъ, все говорило о Германіи. Нѣсколько акварельныхъ видовъ города Кили занимали одну стѣну; на другой были развѣшены въ два ряда портреты нѣсколькихъ предковъ въ иноземныхъ мундирахъ. Цѣлая стѣна была занята оружіемъ холоднымъ и огнестрѣльнымъ, и коллекція эта была дѣйствительно замѣчательная. На самомъ видномъ мѣстѣ висѣли рядомъ два портрета двухъ дѣдовъ государя. Эти два человѣка, два врага при жизни, нарисованные въ полъ-оборота, теперь совершенно случайно, у внука на стѣ-

нѣ, повернулись другъ къ другу спиной и смотрѣли въ разные стороны. Эти два портрета, два дѣда государя были — Петръ Великій и Карлъ XII.

Подъ портретами стояла большая турецкая софа, обставленная столиками, сплошь покрытыми коробками съ разнымъ табакомъ и съ кнастеромъ, тутъ же лежало безчисленное множество всякаго рода глиняныхъ трубочекъ и большихъ фарфоровыхъ трубокъ съ кривыми чубуками. Не смотря на недавній переѣздъ во вновь отдѣланный дворецъ, кабинетъ государя уже сильно проникся крѣпкимъ запахомъ кнастера, такъ какъ онъ цѣлый день почти не выпускалъ изо рта свою любимую фарфоровую бѣлую трубку, узенькую и высокую на кривомъ чубукѣ и съ видомъ Гейдельберга.

Въ спальнѣ государя мебель была почти не видна, такъ какъ была сплошь завалена всякаго рода мундирами. Государь любилъ имѣть всѣ эти мундиры на виду и подъ рукой, чтобы передъ выѣздомъ выбрать и надѣть тотъ, который вдругъ вздумается. Не разъ случалось ему надѣть мундиръ, подойти къ зеркалу и тотчасъ же сбросить и надѣть другой. Теперь, благодаря новой обмундировкѣ всей гвардіи и замѣнѣ прежняго темно-синяго и темно-зеленаго мундира различными новыми и яркими цвѣтовъ, выборъ былъ гораздо больше.

Въ спальнѣ не было ничего особеннаго и въ глаза бросался только большой портретъ Фридриха прусскаго въ великолѣпной рамѣ, который висѣлъ надъ кроватью, въ головахъ. Подъ нимъ висѣло нѣчто въ родѣ картинки въ черной бархатной рамѣ подъ стекломъ. Это былъ очень затѣйливо и хитро сдѣланный видъ церкви и могилы герцога, отца государя, но видъ этотъ былъ не нарисованъ, а сдѣланъ изъ волосъ покойнаго.

На столикѣ у постели лежала довольно большая книга въ красивомъ переплетѣ изъ пунцоваго бархата. Это была любимая книга Петра Ѳедоровича, но въ ней было въ сущности переплетено двѣ разные книги; одна—псалмы, которые государь зналъ наизусть и даже умѣлъ пѣть, и затѣмъ другая—прусскій новый военный артикулъ, который онъ тоже зналъ наизусть.

Быль уже двѣнадцатый часъ, а, между тѣмъ, никто еще не прѣхалъ съ докладомъ къ государю, отчасти вслѣдствіе большого праздника, а вѣроятнѣе оттого, что вчера всѣ первые вельможи государства далеко за полночь пропировали во дворцѣ и разѣхались по домамъ сильно во хмѣлю.

Отъ нечего дѣлать государь еще въ утреннемъ атласномъ шлафроктѣ бродилъ съ трубкой въ зубахъ изъ комнаты въ комнату, изъ кабинета въ спальню и обратно. Прогуливаясь такъ, онъ тоненькимъ фальцетомъ напѣвалъ то псаломъ, то любимую пѣсенку своихъ голштинскихъ солдатъ, въ которой рассказывалось, какъ два голштинца побѣдили пяти-тысячную армию датчанъ.

Нарцисъ нѣсколько разъ появлялся, дополнялъ кружку портеромъ, ухмыляясь глупо и раздвигая страшно-толстыя губы. При этомъ два ряда блестящихъ бѣлыхъ, какъ снѣгъ, зубовъ сверкали такъ, что могли бы испугать любого ребенка.

Наконецъ, государь бросилъ трубку, подошелъ къ углу, гдѣ висѣло нѣсколько скрипокъ, и взялъ одну изъ нихъ. Выбравъ смычекъ, онъ остановился среди комнаты, настроилъ инструментъ и сталъ стараться поймать одинъ мотивъ. Это была русская пѣсенка, слышанная за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ отъ Елизаветы Романовны. Но вдругъ онъ остановился, топнулъ ногой и нетерпѣливо махнулъ смычкомъ по воздуху.

— Разумѣется нельзя! воскликнулъ онъ, какъ всегда, по-нѣмецки. — Я говорилъ, что эти дикія пѣсни на музыку нельзя перекладывать. Ни одного русскаго мотива на скрипкѣ сыграть нельзя!

Онъ бросилъ скрипку и, взявъ бичъ, стоявшій въ углу, началъ, стоя среди горницы, хлопать удивительно ловко и искусно. Длинный и тонкій бичъ невидимкой леталъ вокругъ его головы и, извиваясь, какъ змѣя, со свистомъ и шипѣніемъ рѣзалъ воздухъ и щелкалъ такъ громко, что издали каждый ударъ казался выстрѣломъ изъ пистолета. Любимецъ „Мопса“, жирный и лѣнивый бульдогъ, знакомый отчасти съ этимъ бичемъ, поднялся на своей подушкѣ и смотрѣлъ на своего хозяина во всѣ глаза, очевидно не будучи вполне увѣренъ: коснется ли сегодня его спины, и конечно безъ всякаго повода, одинъ изъ

этихъ звонкихъ ударовъ. Но Петръ Федоровичъ на этотъ разъ былъ въ добромъ настроеніи, и только забавлялся.

Вскорѣ однако бить надѣлъ, онъ бросилъ его на скрипку и, отцѣпивъ се стороны большаго палашъ, началъ экзерцицію. Онъ приблизился къ большому зеркалу и, сбросивъ плафрокъ, въ одной рубашкѣ началъ принимать разныя позы, то выступая или нападая, то будто отступая и парируя ударъ воображаемаго противника. Въ то же время, при всякой новой позѣ, онъ взглядывалъ на себя въ зеркало и, видимо, оставался доволенъ своими движеніями, эволюціями и умѣньемъ владѣть оружіемъ.

Наконецъ, онъ опустилъ палашъ и, стоя передъ зеркаломъ, постепенно глубоко задумался. Воображенію его предстала вдругъ цѣлая картина.... Онъ видитъ себя на полѣ битвы командующимъ громадной арміей, состоящей изъ своихъ полковъ и изъ прусскихъ, которые поручилъ ему Фридрихъ. Онъ далъ генеральное сраженіе датчанамъ.... непріятель бѣжитъ повсюду и во главѣ этой тысячной арміи онъ преслѣдуетъ врага, скачетъ на конѣ среди дыма, огня, воплей, грохота оружія и побѣдныхъ кликовъ. И вотъ, наконецъ, все успокоивается, побѣдитель ликуетъ и Фридрихъ II обнимаетъ его при многочисленной свитѣ генераловъ и пословъ всѣхъ европейскихъ державъ и говоритъ ему, что онъ своимъ мужествомъ и геніальными распоряженіями полководца спасъ Россію и Пруссію. Онъ уже собирается отвѣчать прусскому королю, что всякій генералъ всегда отвѣчаетъ, хотя не искренно:—не онъ, а солдаты все сдѣлали.... Но въ эту минуту за нимъ раздается громкій голосъ:

— Ваше величество!

Поле битвы исчезло, онъ у себя въ кабинетѣ передъ зеркаломъ съ безсознательно поднятымъ снова палашемъ въ рукѣ, а передъ нимъ Нарцисъ, давно докладывающій о пріѣздѣ барона Гольца.

Государь бросилъ палашъ на тотъ же диванъ, гдѣ былъ бить и скрипка. Легеный инструментъ подпрыгнулъ подъ тяжелымъ палашомъ и какъ-то жалобно отозвался на ударъ, будто взвизгнулъ. Государь быстро накиннулъ свой плафрокъ и принялъ прусскаго посла.

Красивый, умный и еще очень молодой человек — пруссакъ баронъ Гольцъ былъ не даромъ любимецъ Фридриха и не даромъ былъ избранъ ѣхать въ Россію и создать дружескія и крѣпкія отношенія между берлинскимъ кабинетомъ и новымъ императорскимъ. Гольцъ со времени своего пріѣзда не дремалъ ни минуты. Теперь онъ былъ другомъ всѣхъ вліятельныхъ лицъ въ столицѣ, а главное сталъ любимцемъ государя и бывалъ у него ежедневно. Между тѣмъ, главная его задача въ Россіи и цѣль еще не были достигнуты: подписаніе мирнаго договора съ крайне важными, тайными пунктами, которые были извѣстны только государю, тайному секретарю его Волкову и канцлеру Воронцову.

На этотъ разъ Гольцъ явился ловко и мастерски заключить тонко придуманную имъ интригу. Усѣвшись на стулѣ противъ государя, получивъ тотчасъ же глиняную трубку съ кнастеромъ и кружку портеру, онъ съ озабоченнымъ видомъ спросилъ государя, что онъ думаетъ о вчерашней выходкѣ господъ иностранныхъ резидентовъ.

Государь вытаращилъ глаза: онъ ничего не зналъ.

— Вы изволили передъ Свѣтлымъ Праздникомъ приказать господамъ посламъ явиться послѣ васъ съ поздравленіемъ къ принцу Георгу.

— Ну да, ну да! воскликнулъ Петръ Ѳедоровичъ.

Голосъ его, вообще тонкій, при усиленіи, при восклицаніяхъ становился всегда рѣзко-визгливымъ.

— Но вѣдь они не поѣхали! Никто! Кромѣ англійскаго министра, г. Кейта.

Петръ Ѳедоровичъ вскочилъ съ мѣста и мгновенно лицо его побагровѣло и пошло пятнами, какъ у человека, болѣвшаго оспой.

— Успокойтесь, ваше величество, гнѣваться нечего, но надо тотчасъ же принять мѣры, рѣшить что нибудь. Не могутъ же резиденты европейскіе, при вашей особѣ состоящіе, васъ ослушаться.

— Я ихъ всѣхъ тотчасъ попрошу отозвать и прислать другихъ, гнѣвно взвизгнувъ Петръ Ѳедоровичъ.

— О, нѣтъ, ваше величество. Развѣ это можно? Вы можете

навлечь на себя, на имперію.... цѣлый союзъ и дѣло можетъ дойти до войны. Позвольте мнѣ посовѣтовать вамъ. Объявите господамъ резидентамъ, что вы не примете ихъ до тѣхъ поръ, покуда они не сдѣлаютъ оффиціального визита съ поздравленіемъ къ его высочеству. И не давайте ни одному изъ нихъ ни единой, хотя бы и краткой, аудіенціи, покуда они не исполняютъ вашего приказанія.

— Отлично! восликунулъ государь,—именно такъ. Вы говорите: одинъ Кейтъ былъ. Ну и отлично! Мы съ Англіей можемъ всему міру перчатку бросить.

— Только Кейтъ и былъ, ваше величество. И то я его уговорилъ ѣхать со мной.

— Благодарю васъ, вдругъ съ чувствомъ выговорилъ государь, и, протянувъ обѣ руки Гольцу, крѣпко пожалъ его руку.—Вы не можете себѣ представить, баронъ, какъ я благодаренъ королю, что онъ прислалъ васъ сюда, именно васъ. Мы съ вами вполне сошлись... Въ насъ двухъ ужасно какъ много общаго. Вашъ умъ, ваши познанія, ваши привычки, ваши склонности, всѣ они совершенно тѣ же, что и во мнѣ. Мнѣ кажется иной разъ, что мы съ вами родные братья. Мнѣ говорила сегодня, т. е. вчера, Романовна, т. е. Воронцова, что между нами есть даже маленькое сходство въ лицѣ и походѣй, хотя вы выше меня.

Дипломатъ любезно наклонился, какъ бы благодарилъ, а внутренно онъ не могъ не смѣяться: онъ былъ чуть не въ полтора раза выше государя, плотно, но стройно сложенъ и если не вполне красавецъ лицомъ, то во всякомъ случаѣ съ правильными чертами лица и великолѣпными умными глазами. Между нимъ и государемъ во внѣшности не было тѣни общаго.

Черезъ нѣсколько минутъ апартаменты дворца, а затѣмъ и кабинетъ начали наполняться съѣзжавшими сановниками. Въ кабинетѣ появились генераль-адъютантъ государя Гудовичъ, старикъ фельдмаршалъ Трубецкой, Минихъ, Корфъ, Волковъ; остальные ждали въ другихъ комнатахъ... Въ числѣ первыхъ, конечно, явился и принцъ Жоржъ и тотчасъ узналъ о рѣшеніи государя. Когда государь заговорилъ съ полицмейстеромъ, принцъ отвелъ Гольца въ сторону, къ окну, и сталъ просить

разубѣдить государя, не дѣлать того, что онъ задумалъ относительно иностранныхъ пословъ. Жоржъ и не подозрѣвалъ тонкой игры Гольца.

— Не могутъ послы ко мнѣ такъ ѣхать, — вразумительно и убѣдительно говорилъ Жоржъ. — Вы это лучше меня понимаете. Наконецъ, покуда они будутъ переписываться съ своими кабинетами и просить о разрѣшеніи простого вопроса дипломатическаго этикета, пройдетъ много времени. Мало ли что можетъ случиться!

Гольцъ сталъ успокаивать принца, увѣряя его, что если кому изъ резидентовъ непременно понадобится аудіенція у государя, то онъ явится примирителемъ обѣихъ сторонъ.

— Это все уладится, сказалъ Гольцъ. — Вѣдь это все одно упрямство. Вѣдь я же поѣхалъ къ вамъ, англійскій посолъ тоже поѣхалъ. Неужели же Пруссія или Англія державы третьяго разряда, ниже стоящія, чѣмъ Данія или Франція?..

Въ эту минуту веселый, раскатыстый хохотъ государя заставилъ обоихъ собесѣдниковъ обернуться къ нему. Петръ Ѳеодоровичъ долго смѣялся и, наконецъ, обратился ко всѣмъ объяснить въ чемъ дѣло.

Полицмейстеръ Корфъ сообщилъ ему о странномъ случаѣ на площади передъ дворцомъ. Поутру въ полицію донесли, что около дворца, подъ окнами государя, нашли цѣлую кучу какихъ-то книгъ, неизвѣстно кому принадлежащихъ и неизвѣстными литерами. Потерять ихъ при перевозкѣ не могли, такъ какъ онѣ были, очевидно, разбросаны умышленно и нѣкоторые даже порваны. Теперь оказывалось, что всѣ эти книги принадлежатъ государю и что онъ самъ съ вечера пошвырялъ ихъ въ окошко, устранивая свою бібліотеку.

— Это все латинскія книги, сказалъ государь, смѣясь. — Я про нихъ забылъ, а то бы я давно порвалъ ихъ и пошвырялъ. Мнѣ этотъ проклятый языкъ слишкомъ дорого дался. Вспомнить не могу, какъ меня еще въ Голштиніи мой учитель, господинъ Юль, мучилъ латынью, и я еще тогда клялся, что всю мою жизнь буду преслѣдовать латинскій языкъ и всѣхъ латинистовъ. Я какъ теперь помню, какъ этотъ проклятый Юль приходилъ ко мнѣ. Только-что проснусь, не успѣю позавтра-

кать, лѣзетъ ко мнѣ Юль; сложить вотъ такъ свои толстыя ручищи, какъ бревна, на груди крестообразно, кланяется съ порога и говорить на распѣвъ гнусливыхъ голосовъ: „*Vonum diem, tibi, opto, serenissime princeps!*“ Потомъ спросить всегда о здоровьѣ и опять запоетъ: „*Si vales, princeps, bene est!*...“

Такъ какъ Петръ Ѳеодоровичъ отличался замѣчательнымъ искусствомъ подражать голосамъ, передразнивать и представлять другихъ, то всѣ бывшіе въ кабинетѣ невольно начали смѣяться. Принцъ Жоржъ хохоталъ безъ конца и даже опустился на диванъ, чуть-чуть не раздавивъ скрипку и чуть не напоровшись на палашъ.

Петръ Ѳеодоровичъ, видя эффектъ, произведенный изображеніемъ Юля, сталъ среди компаты, поднялъ руки съ двумя вмѣстѣ сложенными пальцами и началъ длинную рѣчь по-латыни, стараясь какъ можно больше гнусить. Принцъ Жоржъ, выдавшій когда-то этого бывшаго воспитателя Юля, хохоталъ до слезъ. Когда государь кончилъ, онъ всталъ и вымолвилъ:

— Замѣчательно, замѣчательно! Вы не можете себѣ представить, господа! Это живой Юль!

Петръ Ѳеодоровичъ вдругъ перемѣнилъ позу, какъ-то странно вывернулъ ноги и, выпятивши грудь, подошелъ къ принцу и началъ ему говорить по-французки быстро и граселируя:

— *Choiseul et madame de Pompadour, à eux deux, vous savez, ont plus d'esprit que tous les souverains et tous les ministres!.. Quant au résident Wan-der-Hoffen, il peut bien sentir la bassecour, puisqu'il est le représentant des Pays-Bas!.. Saperlotte! Altesse! Vous avez l'air de ne pas le saisir...*

Всѣ присутствующіе тотчасъ узнали общаго знакомаго, французскаго посла Бретеля, который отличался тѣмъ, что обращался со всѣми фамиллярно, постоянно острилъ и всегда превозносилъ до небесъ и свое отечество, и въ особенности покровителя своего министра Шуазеля.

Черезъ минуту Корфъ, воспользовавшись паузой, рѣшился напомнить государю, что уже второй часъ, а онъ еще въ двѣнадцать общался быть въ манежѣ его, Корфова кирасирскаго

*

полка для испытанія учениковъ Котцау въ экзерциціи на эс-падронахъ.

Фехтмейстеръ прусскій, не смотря на случившюся съ нимъ непріятность, началъ давно прилежно и усердно давать уроки и теперь хотѣлъ похвастать и представить государю лучшихъ своихъ учениковъ, изъ которыхъ нѣкоторымъ было уже по пятидесяти лѣтъ.

Кромѣ того, въ этотъ второй день праздника государь обѣщалъ быть въ церкви святаго Сампсонія на Выборгской еще до полудня на богослуженіи, но послалъ сказать по утру, что будетъ въ два часа. И тамъ послѣ обѣдни съ утра ожидали его теперь первенствующій членъ синода Сѣченовъ съ другими высшими членами столичнаго и синодальнаго духовенства.

Теперь государь не зналъ, что дѣлать и куда ѣхать прежде. Хотѣлось скорѣе въ манежъ, а приличіе и необходимость заставляли ѣхать въ церковь.

Петръ Оедоровичъ вышелъ въ спальню одѣваться и когда вернулся въ кабинетъ, то нашелъ въ немъ пріѣхавшаго старшаго графа Разумовскаго, Алексѣя Григорьевича.

— А? Вамъ что? Съ повинной?! А?.. То-то...

Разумовскій, молча, поклонился.

— Вы какъ хохолъ упрямы! Упираетесь... не хотите учиться экзерциціи, — рѣзко, но не сердито продолжалъ государь.

— Увольте, ваше величество... Мнѣ уже не по лѣтамъ...

— Тогда... тогда... Я далъ дворянамъ вольность!.. Не служить, кто не хочетъ или не можетъ. А на службѣ всякій военный, старый и молодой, долженъ знать дисциплинѣ, быстро визгливо выкрикивалъ государь, но вдругъ, приглядѣвшись къ лицу Разумовскаго, смолкъ и чрезъ мгновеніе прибавилъ:

— Ну, вы не примѣръ... Забылъ! Тетушка, умирая, все только объ васъ меня просила. Забылъ! Такъ и быть... Не надо. Лежите на печи!.. Но... но мнѣ это не нравится: вы, фельдмаршалъ, должны быть примѣромъ для другихъ. Вѣдь я, наконецъ, — государь, могу приказывать,.. Ну, ну, не надо, не надо.

XV.

Между тѣмъ, у подъѣзда дворца стояли экипажи сановниковъ, съѣхавшихся теперь къ государю съ обычнымъ утреннимъ докладомъ.

Впереди всѣхъ стояла великолѣпная вѣнская колымага принца Жоржа съ цугомъ кровныхъ сѣрыхъ коней, подаренныхъ ему государемъ. За ней стояла другая карета, голубая съ серебромъ. Это была давнишняя и любимая карета графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, которая въ продолженіи почти двадцати лѣтъ всегда и по долгу стояла у дворца впереди всѣхъ другихъ. И народъ хорошо зналъ этотъ экипажъ перваго въ имперіи вельможи, котораго стоустная молва давно назвала тайнымъ супругомъ царствующей императрицы. И всякому прохожему и проѣзжему, и боярину, и простолюдину страннымъ и неприличнымъ казалось теперь видѣть эту знакомую голубую карету не на первомъ мѣстѣ. Теперь она всегда стояла за другой, ярко-желтой каретой съ иностраннымъ гербомъ, принадлежащей всѣмъ извѣстному и, Богъ вѣсть за что, ненавистному Жоржу.

Ближе къ подъѣзду нѣсколько конюховъ держали подъ узды болѣе десятка осѣдланныхъ коней. Впер и всѣхъ, отдѣльно отъ прочихъ, четыре голштинскихъ рейтара стояли вокругъ красиваго вороного коня, на которомъ всегда выѣзжалъ государь.

Все, что было народу кругомъ подъѣзда, кучера на возлахъ экипажей, верховые форрейторы, конюхи, зѣваки изъ простонародья, столпившіеся близъ каретъ, всѣ тихо перекидывались словами. Ихъ говоръ былъ едва слышенъ. Только четыре рейтара около коня государя громко болтали на своемъ, чуждомъ окружающему, нарѣчій и часто раздавался между ними дружный взрывъ хохота. Одинъ изъ нихъ болталъ, не переставая, часто оборачиваясь на народъ, то мотая на него головой, то подмигивая товарищамъ. Рѣчь его была непонятна, но было ясно и понятно каждому, что рейтаръ острилъ на счетъ зѣвакъ.

и народа и подымалъ на смѣхъ все, что было или казалось ему достойнымъ вниманія. И всѣ кругомъ, до послѣдняго пятнадцати-лѣтняго парня форрейтора, изъ-подъ лобья, досадливо и злобно поглядывали на четырехъ ражихъ и рыжихъ голштинцевъ.

Въ числѣ другихъ прохожихъ появился въ кучѣ народа, недалеко отъ подѣзда, высокій и худощавый старикъ безъ шапки на головѣ, съ образомъ и мошной въ рукахъ. Старикъ былъ сборщикъ на храмъ.

Едва выглянулъ онъ изъ толпы, его замѣтили. Отовсюду, даже съ разныхъ козелъ и коней потянулись руки, передавая алтыны и гроши. Старикъ принималъ и крестился за каждый полученный мѣдякъ.

Не прошло нѣсколькихъ мгновений, какъ ражій шутникъ голштинцевъ, разумѣется, обратилъ на него особенное вниманіе своихъ товарищей. Безцеремонно указывая на него пальцемъ, онъ началъ болтать что-то, вѣроятно, особенно смѣшное, потому что трое товарищей начали покатываться отъ смѣха. Даже бодрый конь и тотъ не могъ устоять на мѣстѣ спокойно, вздрагивалъ и прыгалъ, слегка робѣя этихъ дружныхъ взрывовъ хохота.

Наконецъ, ражій рейтаръ, повернувшись къ народу, сдѣлалъ и повторилъ какой-то быстрый жестъ... Окружающей толпѣ показалось, что онъ будто крестится, передразнивая старика.

— Эхъ-ма! раздалось вдругъ громогласно на всю улицу. — Колесо поганое!

Всѣ обернулись на голосъ. Восклищаніе это вырвалось у старика кучера Разумовскаго. Не глядя ни на кого съ высокихъ козелъ, старикъ началъ вдругъ хлестать по колесу кареты, приговаривая:

— Вотъ какъ-бы расправить!

Хотя не было ничего особенно смѣшного въ словахъ и движеніи старика, но всѣ будто обрадовались поводу и раскатыстый, не столько веселый, сколько злобный и насмѣшливый хохотъ огласилъ всю улицу... И всѣ глаза были обращены на голштинцевъ. Рейтары тотчасъ же обернулись на хохотъ, стали су-

мрачны, а острякъ тотчасъ же вымолвилъ громко и правильно нѣсколько сильныхъ русскихъ словъ, посылая ихъ всей толпѣ. Въ отвѣтъ на это изъ заднихъ рядовъ послышались столь же сильныя нѣмецкія выраженія, сорвавшіяся, очевидно, съ языка какого-нибудь солдата или двороваго, прожившаго въ Германіи. Вслѣдъ за тѣмъ изъ другого угла громко раздались два слова, которыя часто теперь слышались на петербургскихъ улицахъ: „*Фридрихъ швейнъ!*“

Произносившіе эти слова, конечно, нисколько при этомъ не думали о самомъ королѣ Фридрихѣ. Это было измышленное средство, Богъ вѣсть, какъ и когда появившееся, чтобъ дразнить всякаго нѣмца, какъ дразнятъ татарина сложенной полой кафтана, плохо изображающей свиное ухо.

Эти два слова произвели, какъ и всегда, свое обычное дѣйствіе на голштинцевъ. Двое изъ нихъ отошли отъ царской лошади и сдѣлали нѣсколько шаговъ къ той кучкѣ народа, откуда послышалось восклицаніе. Судя по ихъ лицамъ, они готовы были розыскать дерзкаго и тутъ же распорядиться съ нимъ при помощи полицейскихъ солдатъ.

— Что? Не по шерсткѣ?

— Обидѣлись, псы!

— Иди, иди!

— А ну-ка, ребята. Ухнемъ-ка на нихъ стѣнкой!

Голоса эти раздались со всѣхъ сторонъ и неизвѣстно что могло бы въ мгновеніе произойти тутъ у самаго подъѣзда дворца. Быть можетъ, рейтары остались бы на мѣстѣ. Быть можетъ даже и не остались бы, а ихъ разнесла бы на клочья разсвирѣпѣвшая толпа. Но въ ту же минуту на подъѣздъ вышелъ адъютантъ государя Перфильевъ и крикнулъ подавать коня.

Черезъ нѣсколько минутъ, государь въ своемъ любимомъ мундирѣ кирасирскаго полка вышелъ на подъѣздъ, окруженный свитою генераловъ. Впереди другихъ были принцъ, Гольцъ и графъ Разумовскій. Государь сѣлъ на подведеннаго коня, весело поздоровавшись съ четырьмя рейтарами. Велѣвъ поправить что-то въ сѣдлѣ, потомъ въ уздечкѣ, государь вымолвилъ:

— Gut, gut! и прибавилъ, умышленно коверкая русское слово:

— Карашо...

Это „карашо“, которое голштинцы часто слышали отъ него, заставляло ихъ всегда улыбаться самодовольно. Они чувствовали, что если есть тутъ насмѣшка, то, конечно, не надъ ними, а надъ тѣмъ глупымъ словомъ, которое имъ и произнести неудобно.

Между тѣмъ, принцъ Жоржъ, Минихъ, Гольцъ, полицмейстеръ, старикъ Трубецкой, Фленсбургъ, адъютантъ Перфильевъ, Гудовичъ и другіе также садились на коней. На подъѣздѣ оставался теперь лишь одинъ человѣкъ въ блестящемъ мундирѣ, покрытомъ орденами,—графъ Разумовскій.

— Ну что же, такъ и не поѣдете? воскликнулъ государь, бирая поводья и поворачивая голову къ оставшемуся на крыльцѣ.

Увольте, ваше величество, отвѣчалъ Разумовскій,—да и коня нѣтъ.

— Ну, это пустое! Коня сейчасъ достанемъ. Перфильевъ, дай ему своего. Коли онъ ноги ему поломаешь, я тебѣ другого подарю, разсмѣялся государь.

Перфильевъ, уже сѣвшій верхомъ, слѣзъ вновь, но Алексѣй Разумовскій заволновался и громче, рѣшительнѣе выговорилъ:

— Увольте, ваше величество, я ужъ сколько лѣтъ не ѣздилъ. Позвольте ужъ прежде примѣрится дома, тогда и поѣду. Срамно будетъ, какъ изъ вашей свиты фельдмаршалъ на землѣ очутится.

— Ну ладно, такъ примѣривайтесь скорѣй, чтобы черезъ недѣлю вы у меня скакать и черезъ канавы прыгать умѣли. А то вы, фельдмаршалы россійскіе, стали хуже всякой старой бабы,—только бы на печи лежать. Кто у меня черезъ мѣсяцъ,—обернулся государь ко всей свитѣ уже на коняхъ,—не будетъ знать артикуловъ фехтованія и не будетъ лихимъ всадникомъ, того заставлю при народѣ вотъ... чулокъ вязать или того хуже... блохъ въ сорочкѣ ловить!..

И давъ шпоры лошади, но придерживая ее и заставляя немножко прыгать и играть, государь двинулся отъ подъѣзда, сопутствуемый всей верховой свитой.

XVI.

Проѣхавъ площадь по направленію къ церкви Сампсонія, государь обернулся къ Жоржу и Гольцу, которые галопшировали около него, впереди остальныхъ генераловъ.

— Нѣтъ, лучше поѣдемъ на кирасирскій плацъ. Тѣ подождутъ: имъ дѣлать нечего; все равно вѣдь дома такъ сидятъ, да просвиры ѣдятъ...

— Не ловко, ваше величество, замѣтилъ Жоржъ.—Они съ утра дожидаются, съ ними и главный членъ синода.

— Что за важность, подождутъ! Да и вамъ, баронъ, прибавилъ государь, интереснѣе посмотрѣть успѣхи офицеровъ, чѣмъ старую и разваливающуюся церковь, построенную въ память того, какъ одинъ мой дѣдъ побѣдилъ другого моего дѣда подъ Полтавой... Мнѣ бы слѣдовало теперь разрушить ее совсѣмъ, какъ внуку, примирить ихъ обоихъ послѣ смерти.

И черезъ нѣсколько минутъ государь со свитою былъ уже въ кирасирской казармѣ. Въ манежѣ были собраны офицеры гвардіи для присутствованія на испытаніи тѣхъ офицеровъ разныхъ полковъ, которымъ фехтмейстеръ Котцау началъ уже давать уроки.

Государю принесли кресло, онъ сѣлъ, свита помѣстилась кругомъ него, принцу Жоржу подали тоже стулъ, государь попросилъ его садиться, но Жоржъ упрямо отказывался и не захотѣлъ сѣсть предъ такими стариками, какъ Трубецкой и Минихъ, остававшимися на ногахъ, такъ какъ государь не попросилъ и ихъ садиться.

Котцау и его два помощника по-очереди вызывали изъ рядовъ разныхъ офицеровъ, затѣмъ сами ученики между собой фехтовали. Нѣкоторые оказались уже очень искусны, другіе совершенно ступить не умѣли. Государь книмательно слѣдилъ за зрѣлищемъ, то гнѣвался, то, нетерпѣливо вскакивая съ мѣста, выговаривалъ нѣкоторымъ офицерамъ очень рѣзко. Иногда же онъ весело хохоталъ. Въ особенности приходилось ему смѣяться, когда въ числѣ офицеровъ попадались люди уже по-

жилые, подполковники и бригадиры, которые, не смотря быть может на все свое стараніе, все-таки не могли воспользоваться уроками прусскаво фехтмейстера.

Особенно много хохоталъ государь надъ двумя офицерами, Бибиковымъ и Талызинымъ. Одному же офицеру, Пушкину, досталось особенно. Стариковъ государь все-таки не журилъ, а неумѣніе въ молодыхъ людяхъ его сердило.

При видѣ стройной фигуры Пушкина, государь ожидать ловкости, но оказалось, что Пушкинъ не имѣетъ никакого понятія о томъ, какъ владѣть шпагой. Государь вдругъ неожиданно вспыхнулъ, какъ бывало часто, и поднялся. Подойдя къ офицеру, онъ выговорилъ гнѣвно:

— Когда офицеръ владѣетъ шпагой, какъ баба ухватомъ или вочергой, то онъ теряетъ право носить ее!

Онъ приказалъ отобрать шпагу у Пушкина и прибавилъ:

— И въ примѣръ прочимъ, покуда не выучишься фехтованію, ступай подъ арестъ. Или нѣтъ!... Лучше оставайся на свободѣ и ходи по столицѣ безъ шпаги; это будетъ очень красиво, будетъ напоминать собаку, которой отрубили хвостъ.

Офицеръ, блѣдный какъ полотно, отдалъ шпагу и дрожащими губами пробормоталъ что-то, обращаясь къ государю.

— Простить! взвизгнулъ Петръ Ѳедоровичъ. — Пустяки!

— Я не прошу.... ваше величество.... Не простить, ясиѣ выговорилъ Пушкинъ. — Я прошу дать мнѣ срокъ выучиться. Я былъ боленъ и взялъ только два урока.... Господинъ Котцау знаетъ самъ....

— Ходи, ходи безъ хвоста! смѣясь, воскликнулъ государь и прибавилъ: — Ну далѣе, вызовите кого-нибудь изъ старыхъ воиновъ, они лучше молодыхъ умѣютъ.... Э-Э!... Да вотъ одинъ молодецъ! прибавилъ громче Петръ Ѳедоровичъ. — Квасовъ, выходи!

Акимъ Акимычъ, стоявшій въ числѣ прочихъ офицеровъ, явившихся въ качествѣ публики, не ожидалъ вызова для себя. Онъ слегка смутился, вышелъ и выговорилъ:

— Ваше величество, я еще и совсѣмъ мало обучился. Осрамлюся.

— Пустое, становись.... Какъ умѣешь, такъ и дѣйствуй.

Квасову тоже дали въ руки большой и тяжелый эскадронъ, нагрудникъ и перчатку. Котцау, котораго ни одинъ офицеръ не могъ, конечно, тронуть, хотя бы вскользь, фехтоваль только съ одной перчаткой.

Квасовъ, ставъ на мѣсто, скрестивъ эскадронъ съ профессоромъ, слегка измѣнился въ лицѣ и, косясь на свиту государя, онъ закусилъ верхнюю губу; по всему видно было, что Акимъ Акимычъ старается затушить ту бурю, которая поднялась у него въ груди.

Разумѣется, не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ Котцау разъ десять довольно сильно зацѣпилъ Акина Акимыча безъ всякаго старанія съ своей стороны. Онъ заранѣе называлъ русскимъ ломанымъ языкомъ разныя части тѣла, куда онъ сейчасъ попадетъ и затѣмъ колоть или довольно сильно билъ плашмя по тому мѣсту, которое называлъ. Котцау зналъ, что имѣетъ теперь дѣло съ первымъ и отчаяннымъ нѣмцемъ всей гвардіи и захотѣлъ потѣшиться.

— Пліешо, грутъ, нѣга, рука, восклицалъ Котцау и билъ.

Однажды, когда Акимъ Акимычъ, выведенный изъ терпѣнія, собрался было ударить Котцау противъ всякихъ правилъ плашмя по плечу, пруссакъ искусно отпарировалъ ударъ и, чтобы весело закончить поединокъ, надумался позабавить и себя, и государя, и публику.

Лейбъ-компанецъ, налѣзая на Котцау, неосторожно становился часто къ противнику болѣе чѣмъ въ профиль. Котцау сдѣлалъ вольтъ и плашмя ударилъ Квасова по самымъ чувствительнымъ мѣстамъ. Разумѣется, государь, вся свита и даже нѣкоторые изъ офицеровъ, ненавидѣвшихъ гордаго выскочку изъ мужиковъ, расхохотались отъ неожиданной штуки фехтмейстера.

Гулъ отъ смѣха сотни голосовъ огласилъ манежъ.

Акимъ Акимычъ побагровѣлъ отъ гнѣва и съ лицомъ, которое стало такъ же пунцово, какъ обшлага мундира, яростно полѣзъ на Котцау. Фехтмейстеръ тотчасъ же замѣтилъ, что его неумѣлый противникъ разсвирѣпѣлъ. Въ сущности пруссакъ вовсе не желалъ возстановлять противъ себя офицеровъ гвардіи и приобрѣтать все большее количество непримиримыхъ

враговъ въ русскомъ лагерѣ; поэтому онъ тотчасъ же сказалъ своему ближайшему помощнику, Шмиту, который понималъ по-русски:

— Довольно. Пускай другой выйдетъ.

Помощникъ перевелъ это Акиму Акимычу, но лейбъ-компанецъ, разставивъ ноги на песокъ и поднявъ эскадронъ, будто приросъ къ мѣсту и, сверкая глазами на Котцау, озлобленно выговорилъ:—Небось, небось! Я въ долгу....

Оружіе скрестили снова. Котцау показалось, что Квасовъ шепчетъ слово „швейнъ“. Черезъ мгновеніе тотъ же вольтъ и отъ же ударъ по Квасову произвелъ уже взрывъ хохота.

Квасовъ оглянулся на весь манежъ почти дикими, кровью налившимися глазами, но не отступилъ, а лѣвъ еще яростнѣе и Котцау уже, ради удобства фехтованія, приходилось отступать. Послѣ нѣсколькихъ вольтовъ и пась государь что-то такое крикнулъ по-нѣмецки. Котцау, не принимая эскадрона, обернулся на голосъ государя, но въ ту же секунду неискusstный, но довольно сильный ударъ Акима Акимыча, хотя и плашмя, оглушилъ нѣмца по головѣ. Лейбъ-компанецъ не честно воспользовался минутой разсѣянности!!..

Котцау не ахнулъ отъ боли, но видимо взбѣлся страшно и рѣшился примѣрно поквитаться съ матерымъ лейбъ-компанцемъ, чтобы проучить его. Но, вѣроятно, пруссака или слишкомъ разсвирѣпѣлъ, или слишкомъ на себя понадѣялся, и черезъ минуту, желая непременно и поскорѣе снова хлопнуть лейбъ-компанца въ третій разъ по тѣмъ же мѣстамъ, но только гораздо сильнѣе... онъ вдругъ совершенно раскрылся... Ударъ его дѣйствительно попалъ по мѣсту назначенія, но въ то же мгновеніе Квасовъ, собравъ свои послѣднія силы, со всего маху такъ треснулъ фехтмейстера по головѣ, что Котцау вскрикнулъ и, отступивъ, схватилъ себя за голову.

Государь быстро всталъ съ мѣста, вся свита послѣдовала за нимъ и всѣ приблизились къ поединщикамъ.

— Это не по правиламъ! воскликнулъ государь, обращаясь къ лейбъ-компанцу.—Такъ не фехтуютъ, такъ мужики дубинами дерутся!

— Ваше величество! воскликнулъ Квасовъ громко и съ

сверкающими попрежнему глазами.—Виновать! Но, стало быть, на войнѣ, если я нѣмца убью этимъ способомъ, то меня не похвалятъ и не наградятъ мои командиры, а накажутъ за то, что я побѣдилъ, а не поддался врагу.

— Во-первыхъ, съ нѣмцами за все мое царствованіе русскому офицеру воевать не придется,—многозначительно произнесъ государь, — а второе, на войнѣ совсѣмъ другое дѣло! А здѣсь это только наука, искусство, а у искусства есть правила.

— Зачѣмъ же правила сіи нужны, ваше величество, если офицеру на войнѣ они не пригодны?

— Котцау сейчасъ могъ тебя убить сто разъ, однако только посякъ! воскликнулъ государь и хотѣлъ что-то еще сказать, но запнулся.

Жоржъ что-то такое бормоталъ около него по-нѣмецки, какъ будто успокаивая...

Гольцъ былъ уже около Котцау и спрашивалъ, какъ онъ себя чувствуетъ. Фехтмейстеръ, улыбаясь, старался казаться спокойнымъ и вымолвилъ по-нѣмецки, презрительно мотнувъ головой на лейбъ-компанца, происхождение котораго давно зналъ онъ:

— Онъ вѣрно смолоду привыкъ дубиной драться, а не шпагой. Впрочемъ, я самъ виновать.

Вѣроятно, подъ вліяніемъ тѣхъ словъ, которыя прошепталъ принцъ Жоржъ, государь повернулся ко всѣмъ спиной, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, потомъ снова обернулся къ офицерамъ и произнесъ:

— Ну, учитесь. Надѣюсь, что черезъ нѣсколько времени всѣ будутъ умѣть.

Государь со свитой направился къ дверямъ манежа. Вдругъ Квасова и Котцау оставались только одни офицеры. Квасовъ, все еще слегка взволнованный, но довольный, обратился къ Пассеку, говорившему по-нѣмецки, и вымолвилъ:

— Скажите ему, Петръ Богдановичъ, что я у него прощенія прошу, что ударилъ его по больному мѣсту. Виновать, совсѣмъ объ этомъ забылъ!

— Какое больное мѣсто? отозвался Пассекъ.

Видя на лицахъ ближайшихъ офицеровъ, что они тоже не понимаютъ его словъ, Квасовъ прибавилъ:

— А по тому мѣсту, гдѣ голубушка Орловская кострюлька сидѣла.

Разумѣется, смѣхъ пошелъ въ толпѣ офицеровъ, и перевести словъ, конечно, никто не взялся, тѣмъ болѣе, что Котлау уже двинулся одѣваться и уѣзжать.

На этотъ разъ съ десятокъ гвардейцевъ разныхъ чиновъ, отъ бригадира до сержанта, вернувшись домой, или отправившись въ гости, волновались до ночи.

На другой же день по странной случайности, если только это была случайность, братья Орловы побывали въ гостяхъ и у Бибикова, и у Талызина, и у Пушкина, и у всѣхъ тѣхъ, которыми не повезло наканунѣ. И черезъ нѣсколько дней эти офицеры уже особенно подружились съ Орловыми, стали часто бывать у нихъ, очевидно примкнувъ къ ихъ кружку.

Алексѣй Орловъ явился въ вечеру и у героя дня, матераго Акима Акимыча, у котораго прежде никогда не бывалъ, хотя былъ въ одномъ полку.

— Молодца, Акимъ Акимычъ! воскликнулъ онъ, входя въ маленькую квартиру Квасова.—Нарочно пришелъ поздравить и поблагодарить, какъ ловко отпотчивали вы брандебуржца. Сказываетъ государь: не по правиламъ. Можетъ быть, не по-нѣмецки, а по-россійски. Можетъ быть, не искуссно, не умно, да здорово.

И Алексѣй Орловъ, хотя не любилъ Квасова, но ласково и любезно старался польстить лейбъ-компанцу. Но Акимъ Акимычъ мрачно бурчалъ на всѣ его любезности, косо взглядывалъ на него и только объяснилъ:

— Какъ сѣумѣлъ. А тамъ коли не по правиламъ, такъ вѣдь я въ фехтъ-мастеры и не лѣзу! Я просто офицеръ россійскій, да еще изъ мужиковъ. Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады... по-нѣмецкимъ башкамъ щолкать.

— Во истину такъ! весело и искренно расхохотался шутя Орловъ.—Чѣмъ можемъ, тѣмъ и рады... только бы по нимъ!..

Не смотря на недовольный, почти невѣжливый и мрачный

пріемъ Квасова, Орловъ рѣшился закончить бесѣду тѣми словами, ради которыхъ пришелъ:

— А вы, любезнѣйшій Акимъ Акимычъ, загляните къ намъ когда-нибудь, къ брату. Милости просимъ. Мы народъ простой веселый, вамъ у насъ полюбится.

— Нѣту, Алексѣй Григорычъ, вдругъ мотнулъ головой Квасовъ и съ присвистомъ нюхнулъ изъ тавлинки. — Нѣту, не пойду, извини.

И Квасовъ, держа въ рукѣ тавлинку, прихлопнулъ крышку другой рукой.

— Я, государь мой, вамъ вѣдомо, что за человѣкъ. Мы, лейбъ-компанія, вамъ господамъ Орловымъ, Всеволожскимъ, Чертковымъ да Барятинскимъ не компанія! Хотя многіе изъ нашихъ нынѣ помѣщики, по милости Лизаветъ Петровны, — упокой ее Господи въ селеніяхъ праведныхъ, — многіе возмечтали о себѣ, что они и впрямь дворяне. Ежедневно, коли не еженочно, доказываютъ они теперь свое дворянское происхожденіе на разныхъ мѣстахъ своихъ новыхъ подаренныхъ рабовъ. То и дѣло, какъ вамъ вѣдомо, въ палатахъ производятся разбирательства о томъ, какъ лейбъ-компанецъ задралъ, да заколотилъ, да замучилъ то рабу, то раба крѣпостнаго. Что дѣлать? Вновь. И хочется мужику надъ своимъ братомъ мужикомъ потѣшиться; иной свои старыя колотушки на другомъ-отколачиваетъ... Ну, вотъ вы, столбовые, отъ нашего брата и сторонитесь, и хорошо дѣлаете. Я какъ вамъ вѣдомо, получилъ тоже двѣсти душъ, но продалъ ихъ и счелъ, что не къ лицу. Такъ вотъ-съ, очень вамъ благодаренъ за приглашеніе, но не пойду. Я, вамъ не камрадъ и не компанія. А вотъ дѣтки наши да внуки, ну тѣ будутъ не хуже васъ столбовыхъ, коли не лучше. Такъ-то-съ!

Алексѣй Орловъ, выслушавъ длинную рѣчь или, какъ называли въ гвардіи, „отповѣдь“ лейбъ-компанца, поднялся и, внутренно посылая къ чорту Квасова, подумалъ:

„И безъ тебя найдутся!“

Однако, въ сущности Орловъ сожалѣлъ о неудачѣ.

За послѣднее время всѣ три брата старались побольше сходиться именно съ лучшими и главными участниками переворота въ пользу покойной государыни, которыхъ въ Петер-

бургъ на лицо уже оставалось очень мало. Большая часть жила въ новыхъ своихъ пожалованныхъ помѣстьяхъ, другіе умерли, третьи вели себя отчаянно и были подъ судомъ за всякаго рода дикіе проступки и преступленія.

XVII.

Государь, между тѣмъ, выѣхалъ изъ манежа нѣсколько не въ духѣ, но дорогой, вспоминая съ Гольцемъ и Жоржемъ нѣкоторые случаи фехтованія, снова развеселился.

Когда всѣ остановились передъ маленькой церковью Сампсонія, духовенство съ первенствующимъ членомъ синода, Сѣченовымъ, встрѣтило государя на паперти. Уже часовъ шесть дождалось оно его приѣзда.

Государь со свитой вошелъ въ старинную церковь, довольно простенькую и очень бѣдную на видъ. Сѣченоевъ съ этой цѣлью именно и просилъ государя приѣхать, чтобы взглянуть и своими глазами убѣдиться, въ чемъ нуждается знаменитая церковь, построенная великимъ Петромъ Алексѣевичемъ въ память боя подъ Полтавой.

Сѣченоевъ тотчасъ же спросилъ что-то тихо у Корфа, полицмейстеръ обернулся къ государю съ вопросомъ, не прикажетъ ли онъ молебень.

— Что? Нѣтъ. Когда же теперь! И государь, обернувшись къ Сѣченоеву, прибавилъ:

— Нѣтъ, спасибо. Не время. Да и потомъ, вы знаете, я вѣдь этого всего не люблю. Вѣдь это все притворство и комедіанство одно... Вотъ императрица—другое дѣло: если бы моя „Алексѣевна“ сюда приѣхала, то, чтобы васъ всѣхъ размаслить, она бы вамъ три молебна заказала.

И Петръ Ѳеодоровичъ началъ добродушно смѣяться.

Въ церкви, гдѣ давно ожидали приѣзда государя, было нѣсколько семействъ изъ общества, былъ и простой народъ, хотя очень мало.

Въ ту минуту, когда государь хотѣлъ пройти въ алтарь, нѣсколько десятковъ человѣкъ, тсоявшихъ вдоль стѣны, потѣс-

нились. Вдругъ раздался легкій трескъ и что-то такое странно застучало по полу, трелью огласивъ церковь, точно будто градомъ или горохомъ посыпало по полу.

— Что такое? воскликнулъ Петръ Ѳеодоровичъ и въ сопровожденіи всѣхъ онъ вернулся къ мѣсту происшествія.

Оказалось простое дѣло. Во всѣхъ петербургскихъ церквахъ, какъ и по всей Россіи, было всегда вдоль стѣнъ устроено нѣчто на подобіе полочекъ. Эти длинныя полки въ нѣсколько рядовъ явились вслѣдствіе необходимости; на нихъ помѣщались рядами постоянно и щедро жертвуемыя въ церкви иконы всѣхъ сортовъ и величинъ, отъ самаго плохого и маленькаго образа и до аршиннаго. И всегда церковь по стѣнамъ была переполнена подобнаго рода полочками съ образами. Толпа, вдругъ двинувшаяся, затѣснила добролицаго мужика Сеню, а онъ пришелъ именно затѣмъ, что хотѣлъ поближе да получше разглядѣть батюшку-государя Петра Ѳеодоровича. Сеня догадался, какъ горю пособить, ухватился за верхнюю полку и хотѣлъ подтянуться на рукахъ, чтобы черезъ толпу глянуть на царя. Но мужикъ былъ дородный, безъ малаго пяти пудовъ вѣсу. Полка не выдержала... Все грянулось объ полъ и иконы угодниковъ Божіихъ попадали, будто горохомъ посыпая по полу.

Государь приблизился и ласково спросилъ, въ чемъ дѣло.

Сеня, на котораго уже обернулась толпа, очутился чуть не впереди и, самъ не зная какъ, среди всеобщаго молчанія, подавъ голосъ и упавъ въ ноги:

— Прости, ваше императорское величество! Я виноватъ. Хотѣлъ, батюшка, разглядѣть тебя хорошенько, уцѣпился, влѣзъ, да и согрѣшилъ вотъ.

— Встань, ты не виноватъ ни въ чемъ, встань. Коли хотѣлъ поглядѣть, такъ гляди...

Сеня всталъ на ноги и, сладко ухмыляясь, даже облизываясь, сталъ во всѣ глаза глядѣть на подошедшаго къ нему на подачу руки царя-батюшку. Наконецъ, быть можетъ, отъ избытка чувства, онъ положилъ щеку на ладонь руки, склонилъ голову на-бокъ, и будто слезы показались у него на лицѣ.

— Батюшка ты нашъ, прошамкалъ Сеня.—Отецъ родной, кормилецъ! Теперь всю жизнь не забуду...

И Сеня снова повалился въ ноги.

Государь отошелъ, улыбнулся, но обернувшись къ Сѣченову, вымолвилъ:

— Я не знаю, право, зачѣмъ это? Что это такое, всѣ эти полочки? Во всѣхъ церквахъ выставки разныхъ иконъ, точно на ярмаркѣ товаръ. И одна другой хуже; на иной такъ нарисовано, что даже человѣческаго подобія нѣтъ, а подписываются имена самыхъ высокоуважаемыхъ и почтенныхъ святыхъ.

Сѣченовъ поднялъ глаза на Петра Ѳеодоровича и молчалъ, но видимо было, что послѣднія слова удивили его.

— Это надо прекратить, вдругъ быстрѣе заговорилъ Петръ Ѳеодоровичъ, какъ бы одушевляясь.— Да, да, я объ этомъ давно думалъ. Да, многое надо перемѣнить. Что это такое? Посмотрите!

И государь обернулся ко всей свитѣ.

— Посмотрите. Сотни всякихъ досокъ, глупо размазанныхъ и расписанныхъ. Это идолопоклонство! Ну, пускай большой образъ Иисуса, большой образъ святой Маріи, т. е. матери Бога или какъ вы говорите... Какъ вы говорите? поднялъ голову Петръ Ѳеодоровичъ.— Да, Богородица. Ну, пускай. А это все... Это идолопоклонство!..

Государь ждалъ отвѣта, но всѣ молчали.

— Я васъ прошу, повернулся онъ снова лицомъ къ Сѣченову,—быть у меня завтра и переговоры о многихъ важныхъ вопросахъ, которые синодъ долженъ разрѣшить. Надо многое перемѣнить. А иконы я теперь прошу васъ приказать вынести изъ всѣхъ церквей. По всѣмъ церквамъ собрать все и дѣвать куда-нибудь. Ну, раздать жителямъ столицы. Вотъ какъ съ площади все раздавали. Въ подарокъ отъ меня. И въ церквахъ будетъ просторнѣе и приличнѣе... Слышите! А завтра будьте у меня...

Сѣченовъ низко поклонился.

— Я давно собирался, продолжалъ государь, на половину обращаясь къ свитѣ,—предложить многое на обсужденіе. Пускай синодъ рѣшитъ... Мнѣ кажется, что это платье, всѣ эти длинныя рясы и разное все это... въ одеждѣ ужасно некра-

сиво. Посмотрите на протестантскихъ пасторовъ, или на католическихъ аббатовъ, вотъ ихъ платье приличное и даже красивое. А это? Это вѣдь бабье платье, юбки какія-то. И рукава-то дамскія. А ужъ шапки ваши, обратился государь къ нѣкоторымъ духовнымъ.—Ваши зимнія шапки! Съ какимъ-то куполомъ, да съ мохнатымъ мѣхомъ кругомъ, да съ этими длинными языками на ухахъ... Я ихъ видѣть безъ смѣха не могу.

И государь разсмѣялся.

— Когда я пріѣхалъ въ Россію и увидалъ въ первый разъ русскаго попа — я испугался! Положимъ, я былъ почти ребенокъ... Но право и теперь вѣдь иной иностранецъ, еслибъ нечаянно встрѣтилъ нашего батюшку гдѣ-нибудь въ лѣсу, такъ тоже убѣжалъ бы безъ оглядки, принявъ за медвѣдя или за лѣшаго. Да это еще не все, говорилъ государь при мертвомъ молчаніи всѣхъ окружающихъ.—Я удивляюсь, какъ дѣдъ мой, Великій Петръ, не тронулъ васъ, когда приказалъ дворянамъ брить бороды. Онъ просто забылъ! Я въ этомъ увѣренъ! Ну, да я теперь поставлю себѣ особой честью исправить ошибку моего великаго дѣда.

И вдругъ государь ласково подошелъ къ Сѣченову, и глядя въ его лицо съ великолѣпной расчесанной бородой, вымолвилъ добродушно:

— Посмотрите. И вы, если вамъ вотъ это сбрить,—взять онъ двумя пальцами одинъ волосъ сѣдой бороды архипастыря,—вы вдвое красивѣе и моложавѣе будете, просто юноша, красавецъ... Борода вѣдь ужасно старитъ всякое лицо...

И государь двинулся вдругъ къ выходу, забывъ проститься.

Проходя по тому же мѣсту, гдѣ разсыпалось по полу до сотни разныхъ иконъ, Петръ Ѳедоровичъ слегка спотыкнулся на большую икону, которая лежала на полу. Онъ пріостановился, поднялъ ее съ пола и сталъ разглядывать. Это былъ образъ равноапостольнаго князя Владиміра, сдѣланный крайне плохо.

Государь сталъ показывать его всѣмъ, между прочимъ Гольцу.

*

— Посмотрите, на что это похоже! Видано ли подобное въ церквахъ у насъ, т. е. въ Германіи?

Гольцъ, какъ хитрый дипломатъ, глядѣлъ на образъ, безобразно и уродливо нарисованный, но не говорилъ ничего, не соглашался и не противорѣчилъ.

Государь поглядывалъ на всѣхъ самодовольно и вопросительно; глаза его нечаянно упали на фигуру Сени.

— Ты, поди сюда. Ну, иди, не бойся. Подойди.

Сеня охотно и довольно смѣло приблизился.

— Смотри! Какъ тебя зовутъ?

— Сеня, ваше величество.

— Сѣно?... Что за вздоръ!..

— Сеня... Семень что-ль...

— Такъ Семень, а не сѣно... Ну ты... Гляди вотъ. Что это такое?

Сеня не понялъ вопроса, хотя глядѣлъ на икону.

— Что я въ рукѣ держу? Вотъ это, какъ это зовется?

— Образъ-то что-ль? смущаясь, спросилъ Сеня.

— Хорошо... Что-жъ это святая вещь?

— А то какъ-же? ухмыльнулся Сеня.— Это, стало быть, святой угодникъ Божій...

— Намалеванъ? Ну хорошо. Это угодникъ. Святой и равноапостольный князь Владиміръ. Такъ у головы его написано. Хотя бы слѣдовало надпись тоже внизу дѣлать! улыбался Петръ Ѳедоровичъ.— Ну хорошо. Ну, а это что такое?

И государь повернулъ икону оборотной стороною вверхъ. Сеня глядѣлъ во всѣ глаза и ничего не понималъ.

— Ну, что это? желѣзо, что-ль?

— Какъ можно... усмѣхнулся Сеня во весь ротъ.

— Что же это?

— Сосна, аль липа... Липа должно...

— Доска, стало быть? допрашивалъ государь.

— Гдѣ-же! разсмѣялся ужъ Сеня, предполагая шутку.— Какъ можно! Доски нешто таки бываютъ. Въ доскѣ, стало быть, тапери мало-мало аршинъ, а то доска хотя бы вершковка въ девять аршинъ бываетъ, заговорилъ въ Сенѣ мастеръ-плотникъ.— Бываютъ, вѣстимо, доски трехъ-вершковки или къ примѣру де-

рева, для строительства... что по три рубля берутъ, ей-богу... Вотъ тутъ же на Выборгской въ лѣсномъ дворѣ есть...

Но государь прервалъ краснорѣчіе плотника.

— Если это дерево и доска, такъ нешто можно на колѣнки становиться передъ ней и молиться, какъ Богу? Понялъ?

Сеня смотрѣлъ во всѣ глаза и не понималъ. Его мысль шла правильно на лѣсной дворъ и на цѣны досокъ, а государева мысль вернула совсѣмъ куда-то не туда...

— Молиться надо Господу Богу и святой Маріи и Христу Иисусу. А доскамъ нельзя молиться! Понялъ?

Сеня все смотрѣлъ во всѣ глаза и все ничего не понималъ.

— Если это дерево, то и доска. И какія краски ни намажешь на ней, чего ни напиши, все-таки будетъ доска. Понялъ?

Сеня смотрѣлъ, не сморгнувъ, а не понималъ ни слова.

Государь двинулся и хотѣлъ снова положить икону, которую держалъ, въ кучу разсыпавшихся по полу, но принцъ, слѣдившій за нимъ уже давно, взялъ, почти подхватилъ икону и передалъ ее ближайшему, адъютанту Перфильеву. Сѣченовъ тотчасъ двинулся къ адъютанту, принялъ икону въ лѣвую руку, потомъ, перекрестясь три раза, приложился къ ней и поднялъ глаза на государя. Петръ Федоровичъ стоялъ, не двигаясь и слегка раскрывъ ротъ. Еще мгновенье и всѣ ожидали взрыва гнѣва, при которомъ государь, обыкновенно, не стѣснялся въ выраженіяхъ.

— Буду отнынѣ беречь ликъ просвѣтителя земли российской, какъ воспоминаніе объ нынѣшнемъ посѣщеніи вашего величества, проговорилъ Сѣченовъ. — Передамъ ее сыну и внуку, и заповѣдую имъ беречь, какъ святое и чтимое наслѣдіе изъ рода въ родъ.

Государь ничего не отвѣчалъ, только кивнулъ головой, повернулся, и всѣ двинулись за нимъ на паперть.

Только одинъ Фленсбургъ, все слышавшій, видѣвшій и все понимавшій, взглянулъ прямо упорнымъ взглядомъ въ лицо первенствующаго члена синода.

Сѣченовъ такимъ же упорнымъ взглядомъ встрѣтилъ глаза принцева любимца.

„Хитеръ ты, кутейникъ, да и дерзокъ“, думалъ Фленсбургъ, говорили глаза его и улыбка.

Глаза и улыбка Сѣченова говорили тоже... о его полномъ равнодушіи, если не презрѣніи и къ этому адъютантику изъ иноземцевъ, и ко всѣмъ остальнымъ, ему подобнымъ.

Черезъ дня три во многихъ домахъ и ротныхъ дворахъ толковалось о томъ, какъ государь оттащаль за бороду преосвященнаго въ церкви Сампсонія и велѣль всѣмъ образа при себѣ на полъ скинуть. Слухъ этотъ распространился по городу изъ квартиры братьевъ Орловыхъ.

XVIII.

Въ тотъ же вечеръ Сѣченовъ, не боявшійся бывать у императрицы, какъ многіе другіе, и надѣявшійся, что его духовный санъ упасетъ его отъ всякой бѣды, пріѣхаль къ ней съ новостью и засталъ у нея цалмейстера Орлова.

Государыня сидѣла съ нимъ у камина и была видимо взволнована. Замѣтя, что архипастыръ хочетъ что-то рассказать ей и стѣсняется присутствіемъ незнакомаго офицера, государыня вымолвила, улыбаясь:

— Можете говорить все при г. Орловѣ.

Передавъ съ волненіемъ все, случившееся въ церкви и все, слышанное отъ государя по поводу новыхъ перемѣнъ, Сѣченовъ спросилъ мнѣнія государыни. Она почти не повѣрила новости и стала успокоивать архипастыря.

— Это невозможно и онъ никогда не рѣшится. Поговорить и бросить...

Сѣченовъ, передавъ подробности посѣщенія государя и нѣсколько успокоенный государыней, внимательно приглядѣлся и замѣтилъ, что онъ какъ будто прервалъ горячую бесѣду и отчасти стѣсняется своимъ присутствіемъ. Онъ тотчасъ же поднялся и уѣхаль.

Дѣйствительно, государыня была взволнована бесѣдой въ Орловыхъ, котораго видала теперь чаще. На этотъ разъ онъ пріѣхаль прямо спросить, позволяеть ли она его кружку положить за нее головы, сдѣлать попытку...

— И такъ, что же? вымолвилъ Орловъ, когда Сѣченовъ уѣхалъ.

— Не хочу ничего! Не хочу, чтобъ изъ-за меня даромъ люди гибли. Пусть будетъ со мной—чему судьба велить. А что?! Одному Богу извѣстно, выговорила она.—Слава Богу, если келья въ Дѣвичьемъ монастырѣ. Но за то напрасныхъ жертвъ не будетъ!

— Нѣтъ, государыня... Этому мы не дадимъ совершиться... Это и будетъ намъ сигналомъ. Мы тотчасъ...

— Вы!.. Кто вы?! Дюжина молдцовъ, преданныхъ мнѣ, конечно, всѣмъ сердцемъ... Я знаю это! Но что-жъ вы можете?

— Цѣлая половина перваго полка гвардіи, государыня, да почти цѣлый другой полкъ... Это не дюжина офицеровъ. Братъ Алексѣй отвѣчаетъ за три роты преображенцевъ, а Феодоръ за всѣхъ измайловцевъ.

— Положимъ. Но что два полка предъ цѣлой гвардіей, предъ цѣлой имперіей? Что вы можете сдѣлать?

— Лейбъ-компанія, горячо произнесъ Орловъ,—была малочисленнѣе насъ... Только одна рота гренадеръ!

— Ахъ полно, Григорій Григорьевичъ! грустно воскликнула Екатерина.—Малодушество это. Обманывать себя, утѣшая примѣрами, кои не къ мѣсту и не къ дѣлу... Тамъ низвергалось чужеземное правительство младенца и ненавистныхъ временщиковъ, которыхъ за десять лѣтъ правленія всякій научился ненавидѣть или презирать. За нихъ въ защиту ни единая рука не поднялась. И за кого, для кого, совершила дѣйство лейбъ-компанія?—Для дочери Петра Великаго? А вы? Съ кѣмъ вамъ въ борьбу вступать? Съ законнымъ русскимъ императоромъ? Съ внукомъ того же Великаго, всѣми обожаемаго Петра? И для кого же? Для германской принцессы, иноземки, сироты, всѣми отвергнутой, даже всѣми оскорбляемой по примѣру, даваемому теперь самимъ императоромъ... Прямая ей дорога въ монастырь!.. Или просто въ изгнаніе...

— Къ вамъ любовь общая, народная, — заговорилъ Орловъ,—но малодушіе заставляетъ многихъ опасаться... А когда тѣ же люди увидятъ, что другіе идутъ за васъ, они тоже пойдутъ. Всегда бывало такъ. Нужно одному только начать...

— Нѣтъ, нечего себя обманно утѣшать... Со смертью императрицы все кончилось для меня, выговорила государыня послѣ минуты молчанія.— Каждое утро я встаю съ мыслию: дай Богъ не кончить дня въ кибитѣ, которая увезетъ меня на край свѣта. Спасибо еще, если не далеко, не въ Пелымъ.

Екатерина Алексѣевна смолкла снова. Орловъ глубоко задумался и глядѣлъ, какъ на красивой рукѣ ея, которой она оперлась на щитокъ камина, мерцалъ браслетъ въ лучахъ колеблющагося огонька. Она замѣтила его взглядъ, перевела глаза на руку и выговорила тихо.

— Вотъ, тотъ, кто подарилъ мнѣ этотъ браслетъ, сказалъ: когда вы будете императрицей-самодержцей, сдѣлайте меня королемъ польскимъ! Долго придется бѣдному ждать...

— Да. Но онъ былъ все-таки... онъ былъ счастливѣе другихъ... тихо и грустно прошептала Орловъ. Она не отвѣтила.

Нѣсколько прогорѣвшихъ углей провалились съвозъ чугунную рѣшетку камина и какъ-то странно хрустнули среди полной тишины во всѣхъ горницахъ государыни.

А она задумалась глубоко отъ его послѣднихъ словъ и смотрѣла на огонь. Свѣтлые, красивые глаза ея подернулись будто какой-то дымкой, грудь ровно, но высоко волновалась подъ складками черныхъ лентъ и кружевъ.

— Зачѣмъ теперь гибнуть даромъ?.. произнесла она, наконецъ.— Лучше... когда я буду въ Пелымѣ, въ Ровервикѣ или въ Шлюссельбургѣ на мѣстѣ Ивана Антоновича... Тогда меня спасти и за море увезти... и взять за себя!..

И государыня грустно разсмѣялась.

— Нѣтъ, это ужъ никакъ невозможно. Когда вы будете въ заключеніи—я уже до той минуты голову сложу.

— И! полно, Григорій Григорьевичъ. Питерскія красавицы васъ утѣшаютъ... Вотъ, хоть бы спасительница ваша, графиня Скабропская.

Орловъ быстро поднялся, какъ отъ удара...

— Нѣтъ, прощайте. Я такъ бесѣдовать не могу. Больно.

— Ну, виновата... ласково произнесла государыня.— Но объясните мнѣ болѣе не говорить объ этомъ.

— Совсѣмъ не говорить? странно спросилъ Орловъ.

— Да... не говорить... до поры до времени...

— До какой же поры?

— Покуда я не заговорю сама. Общаете?

Орловъ, вздохнувъ, прошепталъ: да. Она протянула ему руку. Онъ нагнулся, поцѣловалъ руку и вышелъ грустный и задумчивый. Тихо, пѣшкомъ, направился онъ домой чрезъ площадь, въ концѣ которой былъ видѣнъ домикъ, занимаемый имъ.

Исторія освобожденія Орловыхъ надѣлала шуму въ столицѣ и рассказывалась на разные лады. Многіе изъ елизаветинцевъ утверждали даже, что освободительница Орловыхъ, Скабронская, стала всесильна, потому что находится, прикрываясь Фленсбургомъ, въ близкихъ отношеніяхъ съ самимъ принцемъ.

— Ай да Жоржъ! шутили многіе.—Какого вѣдь бобра убилъ. Красавица вѣдь писаная!

Впослѣдствіи Алексѣй Орловъ безъ труда добился истины и узналъ, что ихъ злѣйшій врагъ, Фленсбургъ, имѣя большое вліяніе на принца, съ своей стороны, страстно влюбленъ въ графиню Скабронскую.

Кромѣ того, оказалось, что самъ Котцау, одновременно съ упрощеніемъ Фленсбурга Маргаритою, пріѣзжалъ къ принцу тоже просить его помиловать буяновъ, которымъ онъ, якобы въ виду разныхъ политическихъ соображеній, считаетъ нужнымъ простить. Онъ убѣдилъ принца въ своихъ опасеніяхъ, что изъ-за ссылки Орловыхъ возненавидятъ его всѣ гвардейскіе офицеры и будутъ всячески мстить. А это, конечно, привело бы къ цѣлому ряду оскорбленій, послѣ которыхъ ему поневолѣ пришлось бы выѣхать изъ Россіи. Во всемъ этомъ была доля правды и принцъ согласился, но въ душѣ рѣшилъ придратъся къ другому случаю, чтобы все-таки выслать Орловыхъ.

По освобожденіи своемъ, Орловы занялись вопросомъ, какъ заставить князя Глѣба заплатить свой долгъ и вообще какъ достать денегъ, чтобы прежде всего передать обѣщанную сумму фехтмейстеру. Не достать денегъ нельзя было, а достать было мудрено.

За послѣднее время Григорій очень много проигралъ въ

карты и много истратилъ на новый цалмейстерскій мундиръ. А главное, Алексѣй истратилъ большую сумму денегъ, угощая и щедро одѣляя преображенскихъ солдатъ, а Θεодоръ, съ своей стороны, истратилъ еще болѣе въ своемъ измайловскомъ полку, гдѣ угощеніе рядовыхъ не прерывалось и гдѣ всякій послѣдній рядовой шелъ къ нему и бралъ, что хотѣлъ. Ближайшіе друзья Орловыхъ, конечно, знали, зачѣмъ это дѣлается, но остальные офицеры качали головами и изумлялись.

— Охота тратиться на этихъ чертей.

Агаѳонъ не зналъ причины этой траты и эти постоянныя подачки солдатамъ полковъ, гдѣ служили господа, выводили его изъ себя. Иногда онъ по цѣлымъ днямъ ругался съ своими господами:

— На кой прахъ! восклицалъ онъ.—Ну тратились бы на себя по трактирамъ. А то дармоѣдовъ угощать! Они, дьяволы, готовы послѣднюю рубашку стащить.

Однажды Григорій Орловъ, чтобы отвязаться отъ старика, объяснилъ ему причину, заставляющую ихъ давать всякому солдату, измайловцу или преображенцу.

Агаѳонъ не согласился съ любимымъ бариномъ, продолжалъ качать головой, но молчалъ.

— Они васъ и такъ любятъ, рѣшилъ онъ однажды,—и нѣмецъ тоже смерть не любитъ; стало быть, тутъ и безъ денегъ все какъ слѣдуетъ быть.

Пріятели Орловыхъ были люди по большей части небогатые, нѣкоторые же безъ всякихъ средствъ. Они было предложили сдѣлать складчину, чтобы собрать сумму денегъ, необходимую для Котцау, но Орловы не могли согласиться на это. Подобнаго рода затрата со стороны пріятелей могла стѣснить ихъ на цѣлые полгода.

Наконецъ, однажды, уже на Страстной, Григорій Орловъ, написавшій брату Ивану Григорьевичу въ Москву, получилъ отказъ и такимъ образомъ послѣдняя надежда на полученіе необходимой суммы рушилась.

— Какъ ни вертись, а остается одинъ проклятый Тюфякинъ, сказалъ онъ Алексѣю.—Надо его теперь ловить и гдѣ ни попадется—бить, покуда не выколотимъ изъ него либо деньги,

либо его подлую душеньку. Авось, онъ не фехтмейстеръ и за него насъ подъ арестъ не посадятъ.

Алексѣй Орловъ согласился, что другого средства нѣтъ.

— Тѣмъ паче надо его пощипать, что онъ, бестія, балуется. Онъ захочетъ, такъ можетъ и у Воронцовой достать денегъ. Не даромъ фаворитъ фаворита фаворитки. У нихъ денегъ куры не клюютъ, а тратить имъ не куда: никому не платятъ. Вѣдь дома нѣтъ въ Питерѣ, гдѣ бы они должны не были хоть пять червонцевъ. Въ лавкахъ и лабазахъ должны...

И братья рѣшились стараться гдѣ-нибудь поймать князя Тюфякина, чтобы „выколотить“ изъ него долгъ.

Но Глѣбъ Тюфякинъ—себѣ на умѣ, отлично понималъ теперь, что выпущенные Орловы его не оставятъ въ покоѣ. Между тѣмъ, онъ съ своей стороны тоже нигдѣ не могъ достать денегъ. Его попытка попросить, да вдобавокъ еще такую крупную сумму, у тетки-опекунши не повела ни къ чему. Опасаясь именно того, что собирались сдѣлать Орловы, такъ какъ подобнаго рода выколачиваніе долга кредиторомъ изъ должника было дѣломъ обыкновенное, Тюфякинъ дома не сказывался никому, проводилъ день у Гудовича или въ своемъ голштинскомъ войскѣ, въ Ораніенбаумѣ. Когда онъ появлялся въ публичныхъ мѣстахъ и, между прочимъ, въ одномъ изъ лучшихъ трактировъ на Адмиралтейской площади, съ нимъ бывали всегда товарищи, голштинскіе офицеры.

Наконецъ, Тюфякинъ подружился и закупили постоянными угощеніями одного офицера, хорошо извѣстнаго въ Петербургѣ. Это былъ нѣкто Василій Игнатьичъ Шванвичъ, извѣстный всей Россіи и попавшій въ число безсмертныхъ ни чѣмъ инымъ, какъ своею истинно-богатырской, невѣроятной силой. Это былъ петербургскій Самсонъ XVIII вѣка. Сильны были богатыри Орловы, но Шванвичъ и ихъ за-поясъ заткнулъ. Орловы свивали пальцами червонцы въ трубочки, а Шванвичъ безъ всякаго инструмента и тоже пальцами изъ нѣсколькихъ пятаковъ дѣлалъ нѣчто въ родѣ пѣтушка на ножкахъ и съ хвостикомъ. Орловы кочергу связывали въ узелъ и бантъ, а Василій Игнатьичъ бралъ заразъ три штуки, свивалъ ихъ вмѣстѣ, какъ красная дѣвка косу заплетаетъ, а затѣмъ уже дѣлалъ такой

же бантъ. За годъ передъ тѣмъ на Шванвича, возвращавшагося изъ гостей, напали грабители въ деревнѣ Метеловкѣ, находившейся на дальнемъ концѣ Фонтанки и считавшейся разбойничьимъ гнѣздомъ, не хуже Чухонскаго Яма. Напавшихъ было человекъ съ десятокъ и они, какъ мухи, облѣпили офицера.

Какъ совершилъ свой подвигъ силачъ, онъ самъ хорошенько не помнилъ, потому что, по его собственному сознанию, струхнулъ. Но дѣло въ томъ, что на утро нашли на мѣстѣ пять человекъ. Двое изъ нихъ были уже мертвы, а трое настолько искалѣчены, что не могли сами убраться съ мѣста побоища. Помнилъ только Шванвичъ, что, не имѣя никакого оружія, онъ хваталъ по два человека за шиворотъ заразы, по одному въ руку и, треснувъ ихъ лбами другъ о дружку раза два, бросалъ. И эти уже лежали тихонько. А за тѣмъ ухвативъ одного изъ нихъ, самого рослаго, поперегъ туловища, началъ его же ногами бить остальныхъ. И непріятель обратился въ бѣгство съ крестомъ и молитвою, принявъ прохожаго за самого дьявола во образѣ офицера.

Василій Игнатьевичъ Шванвичъ былъ средняго роста, не много сутуловатъ, но съ уродливо-широкими плечами и съ толстыми, какъ бревна, ногами и руками. У Орловыхъ мощь и сила сочетались съ красотой и стройностью тѣла; Шванвичъ же былъ совершенный медвѣдь. Также какъ медвѣдь ходилъ онъ маленькими шагами на короткихъ ногахъ, также нелѣпо, какъ и „Михайло Ивановичъ“, размахивалъ руками и медленно поворачивалъ голову, какъ еслибъ шея его была деревянная.

Этотъ богатырь, но не богатырь-витязь, а страшилище, не красавецъ Бова-королевичъ, а скорѣе какой-нибудь Черноморъ, жилъ въ столицѣ скромной и тихой жизнью. Средства его были крошечныя, знакомства, въ тѣсномъ смыслѣ слова, очень мало, за исключеніемъ извѣстности въ городѣ. Всякій зналъ Василю Игнатьевича и показывалъ на него пальцемъ на улицѣ, но самъ Шванвичъ почти никогда не зналъ, кто на него тычетъ пальцемъ.

Силой своей хвастать онъ не любилъ, иногда даже оби-

жался, когда его просили показать какуюнибудь штуку. Часто задумывался онъ и тайно, на глубинѣ души, промѣнялся бы сейчасъ съ какимъ-нибудь красивымъ, хотя бы даже и всѣмъ тщедушнымъ, гвардейскимъ офицеромъ.

Разъ только въ жизни похвасталъ онъ своею силой при большомъ стеченіи народа, но и то было сдѣлано по строжайшему приказу начальства. Зрѣлище это было дано въ Гостилицѣ, на дворѣ палатъ графа Разумовскаго и на потѣху гостившей у него покойной императрицы.

У Шванвича были двѣ отличительныя черты въ характерѣ. Онъ не только былъ богомоленъ и ходилъ ко всѣмъ службамъ, но былъ знакомъ со всѣмъ петербургскимъ духовенствомъ и зналъ дѣла всѣхъ петербургскихъ причтовъ и церквей, какъ свои собственныя, зналъ, въ какомъ храмѣ хорошо идутъ дѣла причта и въ какомъ совсѣмъ бѣдность непокрытая, и онъ ходилъ преимущественно въ эти храмы и здѣсь отдавалъ на тарелочку и въ кружку свою послѣднюю копѣйку.

Онъ самъ любилъ справлять должность старосты церковнаго и любилъ въ особенности пройти по храму съ тарелочкой за вечерней или всенощной, когда въ церкви нѣтъ никого изъ военныхъ, или, тѣмъ паче, кого либо изъ начальства. Впрочемъ, однажды онъ попался, и за прогулку съ тарелочкой въ одномъ храмѣ просидѣлъ подъ арестомъ, такъ какъ онъ, по мнѣнію нѣмца-генерала, его накрывшаго за этимъ занятіемъ, «недостойное званію офицера совершилъ».

Другое странное свойство характера силача была боязнь, непреодолимая, непостижимая и врожденная, отчасти все усиливавшаяся,—боязнь женскаго пола. На этотъ счетъ Шванвичъ лгалъ, когда увѣрялъ, что у него отвращеніе къ «бабѣ». Онъ не прочь бы былъ побесѣдовать съ красавицей, не прочь бы былъ влюбиться до зарѣзу въ иную, но боязнь все превозмогала. Даже съ простой бабой на улицѣ Шванвичъ разговаривалъ свосивъ глаза въ сторону; что же касается до свѣтской женщины, хотя бы даже и очень пожилой, то онъ отъ всякой дамы бѣгалъ, какъ собака отъ палки и чортъ отъ ладона.

Всѣмъ былъ извѣстенъ случай, бывшій съ нимъ въ домѣ

братьевъ Шуваловыхъ. Старшій Шуваловъ зазвалъ къ себѣ силача, чтобы тайкомъ и ненарокомъ показать его одной пріѣзжей въ столицу родственницѣ, уже пожилой женщинѣ.

Шванвичъ сидѣлъ въ кабинетѣ Шувалова у открытаго окна въ садъ. Хозяинъ вышелъ на минуту, затѣмъ черезъ нѣсколько времени Шванвичъ услышалъ за дверями женскіе голоса, и одинъ тоненькій голосокъ благодарилъ хозяина за тотъ случай, который представляется поглядѣть на богатыря. Дамское общество приближалось къ дверямъ!!! Но когда оно вошло въ горницу, то никого уже не было въ ней.

Василій Игнатьевичъ, увидя себя въ западнѣ, не долго думалъ, махнулъ въ окошко съ четырехъ-аршинной вышины, и при скачкѣ свихнулъ себѣ ногу. Какъ ни толста была эта нога, но все-таки не выдержала такую тушу. Съ тѣхъ поръ Шванвичъ сталъ злѣйшимъ врагомъ всей семьи Шуваловыхъ, а когда кто-либо изъ вельможъ зазывалъ его въ гости, онъ отказывался на отрѣзъ и говорилъ:

— Нѣтъ, государь мой, я ужъ ученый! Вы меня подъ какую бабу подведете.

А все-таки не минулъ этотъ Черноморъ заплатить дань прекрасному полу.

Лѣтъ за восемь передъ тѣмъ, Василій Игнатьевичъ, живя въ отдаленномъ кварталѣ, близъ церкви, часто видѣлъ восемнадцати-лѣтнюю дочку дьякона. И побѣдила она его сердце своимъ румянымъ личикомъ и добрыми глазами.

Разумѣется, Шванвичъ боялся красавицы своей пуще чѣмъ кого либо, но однако собирался ежедневно познакомиться съ отцемъ дьякономъ поближе и, не смотря на свое офицерское званіе и дворянское происхожденіе, уже мысленно рѣшился жениться на дьяконицѣ. Но какъ это сдѣлать, какъ подойти къ ней, какъ заговорить? Къ дьякону въ гости можно пойти хоть сейчасъ; ну, а потомъ что? Какъ онъ скажетъ ей первое слово? Что онъ сдѣдаетъ, когда она заговоритъ? И силача дрожь пронимала отъ страха. Унылый, сумрачный, даже грустный ходилъ Василій Игнатьевичъ, изо дня въ день собираясь *завтра* пойти въ гости къ отцу дьякону.

Такъ изо дня въ день, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, прошелъ по-

чти годъ и однажды совершилось вѣльное судьбы. Замѣтивъ въ церкви какія-то приготовленія, новый Черноморъ спросилъ о причинѣ. Оказалось, что послѣ обѣдни будетъ вѣнчаніе одного соборнаго пѣвчаго. А съ кѣмъ? Съ ней,—съ дьяконицей!

Шванвичъ выбѣжалъ изъ церкви на своихъ короткихъ ногахъ, прибѣжалъ на квартиру, но черезъ часъ уже собралъ свои небольшіе пожитки и переѣхалъ на другой конецъ города. Но и здѣсь не усидѣлъ онъ, поѣхалъ къ пріятелю въ Кронштадтъ, помыкался тамъ съ недѣлю, вернулся, взялъ отпускъ и уѣхалъ къ родственнику въ Тульскую губернію. И тамъ долго преслѣдовалъ его образъ дьяконицы.

Вотъ съ этимъ-то человѣкомъ и подружился князь Тюфякинъ. Шванвичъ былъ слишкомъ простодушный человѣкъ, чтобы знать дурную репутацію князя и чтобы догадаться, зачѣмъ его угощаютъ князь, зачѣмъ зоветъ къ себѣ и постоянно таскаетъ съ собой по всѣмъ публичнымъ мѣстамъ. Только въ послѣдствіи, мимоходомъ, Тюфякинъ передалъ другу, что боится Орловыхъ.

— Эвось, князинька! усмѣхнулся Шванвичъ.— Нашелъ кого бояться! Покуда ты при мнѣ, дюжина Орловыхъ тебя не тронетъ.

Но Шванвичъ хвасталъ. Всему городу было извѣстно, что онъ могъ справиться только съ однимъ изъ братьевъ, а двое вмѣстѣ всегда заставляли его обращаться въ бѣгство.

XIX.

Съ перваго дня Святой недѣли всѣ „герберги“ или трактиры петербургскіе были особенно переполнены веселящимися офицерами.

Въ одномъ изъ нихъ, по имени „Нишлотъ“, на Адмиралтейской площади, русскіе офицеры бывать не любили и Орловы никогда не бывали. Это былъ трактиръ, преимущественно посѣщаемый голштинцами и вообще иностранцами. Русскіе звали его другимъ прозвищемъ. Извѣстенъ онъ былъ на всю

столицу страшнымъ побоищемъ, происшедшимъ здѣсь въ первый годъ царствованія Елизаветы Петровны.

Дѣло было простое. Солдаты на гуляньѣ около балагановъ побили разнощика за гнилые яблоки. Разнощики вступились за товарища и пошла рукопашная. Иностранцы офицеры, на русской службѣ, выбѣжали изъ трактира унимать солдатъ.

Но это время было время суда, казни и ссылокъ Остермана, Миниха, Левенвольда и другихъ. Народъ ждалъ, что новая государыня на-дняхъ дастъ указъ—нѣмцевъ повсюду искоренять и слухъ этотъ упорно держался въ народѣ. Появленіе иноземцевъ, хотя и въ русскихъ мундирахъ, на народномъ гуляньѣ произвело особое дѣйствіе. И солдаты, и тѣ же разнощики мгновенно обернули свое оружіе, кулаки, палки, и что попало на незваныхъ примирителей.

Офицеры бросились въ трактиръ, толпа ринулась за ними и затѣмъ послѣдовательно бралась приступомъ горница за горницей, дверь за дверью. Мебель и все находящееся летѣло въ окна, вино распивалось на мѣстѣ. Офицеры отступали со второго этажа на третій, съ третьяго на чердакъ, но, наконецъ, и здѣсь появились солдаты. Офицеры вылѣзли съ чердака на крышу. Половину здѣсь переловили и изувѣчили, другая половина попрыгала съ крыши на крышу сосѣдняго сарая и многіе поломали себѣ ноги.

Наряженный судъ послалъ всѣхъ бунтовщиковъ въ рудники, но офицеры были также строго наказаны за то, что не сѣмѣли себя отстоять „по правиламъ военнаго искусства“ и „дозволили“ себя избить. Дѣлу этому минуло чуть не двадцать лѣтъ, но трактиръ потерялъ свое старое имя, а получилъ прозвище. Иноземцы еще звали его „гербергъ Нишлотъ“, но русскіе офицеры и солдаты, и простой народъ звали теперь трактиръ „Нѣмцевъ Карачунъ“.

По этой именно причинѣ въ «Нѣмцевомъ Карачунѣ» русскіе офицеры не считали возможнымъ бывать и постепенно гербергъ сдѣлался пребываніемъ и резиденціей голштинцевъ изъ Ораніенбаума и вообще всѣхъ иноземныхъ жителей и гостей столицы. Съ тѣхъ поръ, какъ князь Тюфякинъ перешелъ

въ голштинское войско, онъ, разумѣется, преимущественно бывалъ въ этомъ трактирѣ.

На первыхъ дняхъ праздника Орловъ узнать, что Котцау грозитъ отомстить за то, что его надули и не присылаютъ денегъ. Пріятель Агаѳона, Анчуткинъ, явился однажды рано утромъ на квартиру Григорія Орлова и передалъ Агаѳону, что господинъ фехтмейстеръ хочетъ будто ѣхать опять къ принцу, хочетъ объяснить все дѣло, рассказать обманъ и просить снова арестовать его оскорбителей.

Агаѳонъ принялъ это извѣстіе совершенно особенно, не даромъ старикъ былъ холопомъ всю жизнь у именитыхъ столовыхъ дворянъ.

— Что жъ? И за дѣло. сказать Агаѳонъ:—вѣстимо надувка. Нешто это хорошо, російскимъ дворянамъ обманывать? Но вотъ что, голубчикъ ты мой, объяснилъ онъ:—господа Орловы никого еще никогда, слава-те Христось, не обмошенничали. А денегъ мы найти не можемъ. Вотъ обожди, тебѣ господа все объяснять.

И Орловы, дѣйствительно, объяснили все умному и ловкому парню Анчуткину, бывшему почти крѣпостнымъ ихъ отца и пролѣзшему теперь въ голштинцы. Они велѣли передать Котцау, что деньги будутъ у него непременно при первой возможности и чтобы онъ обождалъ только хотя бы до Өоминѣй. Затѣмъ было рѣшено тотчасъ же начать „выколачивать“ долтъ.

Въ той части Адмиралтейской площади, гдѣ былъ „Нишлѣтъ“, благодаря ея очисткѣ отъ всякаго мусора, снова по примѣру прежнихъ лѣтъ, было на праздникахъ народное гулянье. Гостинница бывала цѣлый день полна веселящимся офицерствомъ изъ иноземцевъ всѣхъ странъ, тамъ же всякій день по вечерамъ появлялся князь Тюфякинъ въ сопровожденіи дюжого Шванвича. Орловы съ пріятелями прежде всего озаботились тѣмъ, чтобы какъ-нибудь заманить силача врага куда-нибудь въ гости, дабы князь Тюфякинъ остался одинъ. Въ крайнемъ случаѣ, они рѣшались однако на сраженіе, не смотря на присутствіе такого союзника у Тюфякина.

Въ четвергъ на святой братья Всеволожскіе позвали къ себѣ вечеромъ въ гости Шванвича и, дабы отвлечь всякое подозрѣ-

ніе, Алексій Орловъ явился тоже на вечеринку. Отношенія Орловыхъ и Шванвича были оригинальныя, особенныя, таковыя же, однако, каковы отношенія державъ. Послѣ мира—ожесточенная война, затѣмъ снова заключается миръ на вѣчныя времена, затѣмъ этимъ вѣчнымъ временамъ выходить, иногда вскорѣ же, срокъ и снова война и опять вѣчный миръ. А въ промежуткахъ отъ войны до войны отношенія всегда самыя дружескія.

Орловы часто сражались съ Шванвичемъ, уступая въ одинокую и побѣждая, когда бывали вмѣстѣ; но затѣмъ встрѣчались въ гостяхъ, бесѣдовали, вспоминали послѣднія драки, смѣялись и шутили. Такъ было и теперь. На вечерѣ Всеволожскихъ Алексій Орловъ особенно любезничалъ съ Шванвичемъ, задерживая его умышленно въ гостяхъ, чтобы дать время Григорію отдуть князя. Простодушный Василій Игнатьевичъ, конечно, не могъ знать, что въ то же время князь Тюфякинъ сидѣлъ съ нѣсколькими иноземными офицерами въ „Нѣмцевомъ Карачунѣ“, а къ подъѣзду подъѣзжалъ никогда небывающій гость съ своими пріятелями.

Когда Григорій Орловъ самъ-шесть, съ братьями Рославлевыми, Барятинскимъ и Чертковымъ, явился въ большой горницѣ, гдѣ пировали разные нѣмцы съ какими-то итальянскими актрисами, то князь Тюфякинъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, и догадался. Хозяинъ „Нишлота“ тоже понялъ, что будетъ и затѣмъ пожаловалъ господинъ цалмейстеръ Орловъ.

— Ну, голубчикъ, ваше сіятельство, выговорилъ Григорій, смѣясь:—посылай домой за деньгами. Срокъ прошелъ. Отбоаривайся либо червонцами, либо синяками.

Тюфякинъ, струсившій до-нельзя, пробормоталъ что-то безсвязное и вышелъ изъ-за стола. Но товарищи его, иноземцы, не подозрѣвавшіе съ кѣмъ имѣютъ дѣло, какъ только узнали, въ чемъ все заключается, стали шумѣть и полѣзли на незваныхъ гостей, чтобы выгнать ихъ вонъ изъ „Нишлота“.

Наивные люди черезъ двѣ минуты уже вопили на весь кварталъ, а актрисы-иностранки, чуть не обезумѣвъ отъ испуга, разсыпались и полѣзли кто на шкафъ, кто подъ столъ.

Въ самый разгаръ рукопашной, Тюфякинъ увернулся и выскочилъ изъ горницы. Орловъ бросился за нимъ. Тюфякинъ, не смотря на свой страхъ, сообразилъ, что дѣлать. Пробѣжавъ цѣлую вереницу комнатъ, корридоръ и лѣстницу, онъ бросился на дворъ. Орловъ, хотя и не зналъ расположенія комнатъ, но преслѣдовалъ его долго. Однако, на темной лѣстницѣ князь Тюфякинъ, свой человѣкъ, пролетѣлъ какъ стрѣла, а ловкій, хотя и могучій въ плечахъ Орловъ не могъ быстро проскочить въ темнотѣ по незнакомой лѣстницѣ. Когда онъ выскочилъ на дворъ, то Тюфякинъ, зная, что Орловъ и бѣгать мастеръ, рѣшился броситься и запереться въ одномъ изъ погребовъ. Орловъ подбѣжалъ къ желѣзной двери, когда замокъ уже скрипѣлъ внутри.

— Хоть до утра просижу здѣсь! крикнулъ Григорій въ дверь.

— Шванвичъ и раньше будетъ! отозвался Тюфякинъ.—Посиди, посиди! Дождись!... За нимъ послали коннаго.

Между тѣмъ, всѣхъ товарищей Орлова нѣмцы осилили и выгнали на улицу. Григорій слышалъ ихъ голоса черезъ дворъ и крикнулъ.

— Сюда! Здѣсь заяцъ... Залегъ!

И военный совѣтъ среди полумглы ясной ночи передъ дверью погреба рѣшилъ, въ ожиданіи появленія Шванвича, послать скорѣе извозчика къ Всеволожскимъ за Алексѣемъ, а покуда карать князя.

Нѣмцы, осилившіе офицеровъ, разумѣется, не захотѣли идти на Орлова во дворъ, чтобы спасти Тюфякина. Хозяинъ „Нишлота“ уже объяснилъ, что за человѣкъ господинъ Орловъ, и совѣтовалъ дожидаться прибытія Шванвича, за которымъ онъ же и послалъ.

— А тогда идите... Хоть бы ради любопытства. Землетрясеніе будетъ! Ей-Богу! объяснялъ нѣмецъ-хозяинъ гостямъ и актрисамъ.

Между тѣмъ, у Всеволожскихъ всѣ мирно бесѣдовали. Алексѣй Орловъ рассказывалъ Шванвичу объ одномъ заморскомъ силачѣ Юнгферѣ и объ его подвигахъ, которые были почище того, что они могутъ дѣлать. Шванвичъ слушалъ съ удоволь-

*

ствіемъ и вниманіемъ, когда вошелъ вдругъ человѣкъ и вызвалъ его словами:

— Спрашиваетъ васъ конный...

Шванвичъ, узнавъ отъ курьера хозяина „Нишлота“ въ чемъ дѣло, не вернулся снова въ горницу. Не взявъ шляпы и шпаги, онъ поспѣшно спустился за нимъ на улицу и, какъ былъ, сѣлъ на извозчика. Видя, что гость не ворочается изъ передней, Всеволожскіе вышли за нимъ въ недоумѣніи.

— Что за причта! сказалъ одинъ изъ братьевъ.

Но Алексѣй Орловъ тотчасъ догадался, куда полетѣлъ Шванвичъ простоволосый и безъ оружія. Черезъ минуту и онъ былъ на улицѣ. На его несчастіе Шванвичъ ускакалъ на единственномъ извозникѣ и ему приходилось пуститься бѣгомъ!

Между тѣмъ, въ „Нѣмцевомъ Карачунѣ“ чуть не произошелъ еще до прибытія Шванвича карачунъ русскимъ. Въ гербергъ вдругъ явилась изъ Ораніенбаума цѣлая кучка голштинскихъ офицеровъ кутнуть ради праздника. Тотчасъ же узнали они, что ихъ русскій товарищъ, Тюфякинъ, сидитъ въ погребѣ, а на стражѣ находится цалмейстеръ Орловъ, во всемъ полку ненавидимый за его фокусъ съ Котцау.

И съ веселыми кликами компанія человѣкъ въ двѣнадцать бросилась къ Григорью и его пятерымъ товарищамъ. Григорій всегда „пуще разгорался“, по выраженію его братьевъ, когда слѣдовало, наоборотъ, хладнокровно уступить обстоятельствамъ. Умѣряющаго же его пылъ брата не было теперь. Голштинцы подступили, требуя выпустить изъ заточенія ихъ товарища. Орловъ въ отвѣтъ назвалъ ихъ по-нѣмецки очень крѣпко... Черезъ мгновеніе товарищи Орлова были побиты и прогнаны со двора. Дна голштинца уже съ воплемъ покатились на землю отъ здоровыхъ затрещинъ Григорія, но за то тотчасъ же вслѣдъ за ними покатился и самъ могучій богатырь, облѣпленный остервенѣвшими нѣмцами, какъ мухами... Однако, черезъ мгновеніе страшнымъ усиленіемъ удалось Орлову все-таки подняться и вырваться. И, разбросавъ кулаками и ногами всю свору, онъ бросился въ сторону къ рядамъ сложенныхъ на дворѣ дровъ. Въ эту же минуту появился въ подумгѣ Шванвичъ и бѣжалъ рысью на своихъ короткихъ медвѣжьихъ ногахъ.

— Что? Гдѣ князь?.. Гдѣ Гришутка? вскрикнулъ онъ, подбѣгая, но, увидя себя окруженнымъ нѣмцами, онъ остановился...

Князь, заслыша голосъ новаго пріятеля, отперъ дверь и явился на порогъ погребѣ.

— Ну, голубчикъ, Василій Игнатьевичъ, помоги... выговорилъ онъ. — Надо и его поучить. Онъ меня чуть не искалѣчилъ на всю жизнь. Гдѣ онъ?

— Здѣсь! крикнулъ Орловъ.

— Вонъ... Вонъ онъ! На дровахъ!

Дѣйствительно, Григорій Орловъ, при появленіи силача, съ которымъ онъ одинъ справиться никогда не могъ, мигомъ влѣзъ на сложенные саженьями дрова. Могучая фигура его высоко рисовалась на чистомъ и ясномъ ночномъ небѣ.

— Знаешь, плутъ, что я лазать не мастеръ! вскрикнулъ Шванвичъ. — Ну, да попробую...

Но едва только онъ двинулся лѣзть тоже на дрова къ Орлову, какъ тотъ нагнулся... Большущее бревно тотчасъ просвистѣло надъ головой Шванвича, потомъ другое... а третье шлепнулось ему прямо въ грудь съ такой силой, что всякаго бы опрокинуло навзничъ. По странной случайности или отъ пыльнаго полѣна, но Шванвичъ, получивъ ударъ, вдругъ громко чихнулъ. Залпъ хохота голштинцевъ огласилъ дворъ.

— Будьте здоровы, Василій Игнатьевичъ, крикнулъ Григорій весело. — Прикажете еще одно бревнушко? У меня ихъ тутъ много!..

И нѣсколько полѣнъ снова полетѣли и въ Шванвича, и въ подступавшую тоже кучку голштинцевъ съ княземъ во главѣ. Шванвичъ, кой-какъ уберегая свою голову безъ шапки, наконецъ, вскарабкался и уже шелъ по дровамъ на Григорія. Онъ смѣшно распахнулъ объятія какъ-бы ради встрѣчи дорогого гостя или пріятеля.

— Ну, Гришуня, коли что накопиль, завѣщай скорѣе въ монастырь на поминъ души! добродушно и звонко хохоталъ Шванвичъ, неуклюже шагая по бревнамъ. Орловъ смутился... бѣжать было стыдно на глазахъ всей компаніи голштинцевъ, а совладѣть съ Шванвичемъ одному было невозможно.

„Ну, задастъ онъ мнѣ теперь!“ подумалъ Григорій.

Но „господамъ“ Орловымъ всегда была удача во всемъ. Едва только Шванвичъ, сопя, обхватилъ Григорія въ охапку, какъ сзади его показалась третья могучая фигура. Алексѣй Орловъ, тихонько пробравшійся по двору, незамѣтно пролѣзъ давно за дрова и ждалъ какъ-бы въ засадѣ приближенія Шванвича къ брату. И двѣ могучія фигуры вдругъ насѣли на третью, рисуясь на ясномъ небѣ.

— Ахъ, проклятый! вскрикнулъ Шванвичъ.—Ты откуда взялся?!

Голштинцы стали. Любопытство пересилило въ нихъ вражду. Напрасно Тюфякинъ травилъ ихъ, нѣмцы предпочли поглазѣть на зрѣлище...

Борьба двухъ богатырей съ третьимъ состояла въ едва замѣтныхъ движеніяхъ, только громкое сопѣніе говорило о могучихъ усиліяхъ всѣхъ трехъ. Дѣло затягивалось. Силы на этотъ разъ оказались равны. Григорій усталъ уже отъ прежней драки, а Алексѣй пробѣжалъ версту пѣшкомъ... Богъ вѣсть, скоро ли кончился бы молчаливый поединокъ, но отъ топотни и возни трехъ грузныхъ молодцовъ подломились колья, державшія рядъ дровъ. И все посыпалось сразу, а вмѣстѣ съ бревнами и три борца покатались на землю какимъ-то большимъ клубкомъ, изъ котораго мелькнули только ихъ ноги.

Шванвичъ ловко вырвался при паденіи изъ лапъ братьевъ, но, отбѣжавъ, ухватилъ бревно и швырнулъ во враговъ. Братья тотчасъ отвѣчали тѣмъ же. Голштинцы не замедлили присоединиться къ этого рода пальбѣ съ одной стороны, а съ другой появились снова и прокравшіеся товарищи Орловыхъ... И пошла отчаянная перестрѣлка и пальба,—полу-драка, полу-шутка, но при которой однако чрезъ мгновеніе уже были расквашенныя въ кровь головы и лица. Наконецъ, среди града полѣньевъ и бревенъ Шванвичъ, выбравъ одно здоровенное дубовое, сталь, примѣрлся, спокойно прицѣлился въ Алексѣя и пустилъ. Бревно засвистѣло и мѣтко шелкнулось въ его голову. Алексѣй даже не вскрикнулъ и вдругъ повалился, какъ снопъ, на землю, усыпанную дровами.

— Стой! Стой! Убили! крикнулъ кто-то.

Григорій бросился къ брату, нагнулся и воскликнулъ въ испугѣ:

— Алеханъ!.. Что ты?!

Но братъ лежалъ безъ движенія и безъ чувствъ, а изъ щеки и виска сочилась кровь.

— Воды! Воды! Черти! Нѣмцы! Воды! крикнулъ Шванвичъ, нагибаясь тоже. — Въ горницы его, въ горницы!

И всѣ русскіе борцы, даже Тюфякинъ, подхватили раненаго и понесли со двора въ трактиръ. Только голштинцы глядѣли и улыбались, перебрасываясь замѣчаніями на счетъ опасности раны въ високъ.

XX.

Талантливый дипломатъ, баронъ Гольцъ, былъ избранъ и посланъ въ Россію самимъ Фридрихомъ.

Чтобы добиться того, чего хотѣлъ Фридрихъ II, надо было, такъ сказать, вывернуть на изнанку отношенія двухъ кабинетовъ. При покойной императрицѣ Россія была злѣйшій врагъ Пруссіи и вдобавокъ побѣдоносный; большая часть королевства была завоевана и во власти русскихъ войскъ.

Тѣснимый со всѣхъ сторонъ и Австріей и Россіей, Фридрихъ уже предвидѣлъ свою конечную гибель и крушеніе своего дома. Онъ зналъ, что при вступленіи на престолъ Петра III война прекратится. Мнѣніе это было даже распространено и въ Петербургѣ, и во всей Россіи. Поэтому именно, когда императрица скончалась отъ странной болѣзни, которую не понимали докторовъ, ее лечившіе, и которая внѣшними признаками крайне походила на отравленіе, то общій голосъ былъ, что это дѣло Фридриховскихъ рукъ. Самые образованные люди были въ этомъ убѣждены. Отъ смерти Елизаветы могъ выиграть только Фридрихъ. Когда король получилъ отъ новаго русскаго императора доказательство глубочайшаго къ нему уваженія и дружбы, и приглашеніе быть не только союзникомъ, но и учителемъ, Фридрихъ понялъ, что онъ отъ Петра получитъ даже больше, чѣмъ могъ надѣяться. Все дѣло зависѣло отъ искусства. Отно-

сительно чувствъ Петра въ Германіи и къ нему лично, Фридрихъ никогда не сомнѣвался ни минуты и говорилъ про Петра Оедоровича:

— Онъ больше нѣмецъ, чѣмъ я. Я даже не нѣмецъ, а европеецъ, а Петръ III даже не нѣмецъ, а голштинецъ.

И Фридрихъ послалъ въ Петербургъ своего любимца съ тайными полномочіями, самыми важными и щекотливыми.

Баронъ Гольцъ, хотя еще молодой человѣкъ, уже заявилъ себя на поприщѣ дипломатіи. Онъ былъ вдобавокъ очень образованъ, тонкій и хитрый и обладалъ искусствомъ, или скорѣе даромъ, нравиться всѣмъ.

Но ума и искусства было мало; Фридрихъ придалъ ко всѣмъ качествамъ посла туго набитый кошелекъ.

— Деньги въ Россіи—все, сказалъ онъ.—Кто поглупѣе, берите того даромъ; кто поумнѣе, покупайте.

Гольцъ пріѣхалъ въ Россію въ февралѣ, и теперь, черезъ два мѣсяца, лично зналъ весь чиновный Петербургъ и всѣ сановники любили его, даже тѣ, которые считались нѣмцеѣдами. Но Гольцу было этого мало, онъ проникалъ всюду, изъ всякаго извлекалъ то, что могъ извлечь. Думая о своей дѣятельности въ Петербургѣ, онъ невольно могъ самодовольно улыбнуться. Онъ могъ сказать, что ткалъ большую Фридриховскую паутину, въ которой должна была по неволѣ запутаться Россія.

Вскорѣ послѣ своего пріѣзда, Гольцу удалось изъ всѣхъ иностранныхъ резидентовъ занять не только первое мѣсто и сдѣлаться другомъ государя, но ему удалась самая хитрая и въ то же время самая простая интрига. Послы иностранные и резиденты всѣхъ великихъ державъ перестали быть принимаемы государемъ. Только одинъ англійскій посолъ Кейтъ бывалъ иногда, но не имѣлъ и тѣни того вліянія, какимъ пользовался Гольцъ.

Австрійскій и французскій посланники, Бретейль и Мерсій, имѣвшіе огромное значеніе при Елизаветѣ, какъ резиденты союзныхъ державъ, теперь какъ бы не существовали.

Гольцъ убѣдилъ государя, что всѣ посланники должны относиться къ Жоржу почти такъ же, какъ къ нему, императору.

Гольцемъ и былъ придуманъ первый визитъ пословъ къ принцу. Такъ какъ это было противъ всякихъ правилъ и принятыхъ обычаевъ въ дипломатическомъ мірѣ, то всѣ послы отказались явиться къ принцу. Государь разгнѣвался, принималъ пословъ, но обходился съ ними крайне рѣзко. Подошла Святая. Гольцъ опять замолвилъ словечко о визитѣ и на этотъ разъ, когда послы онова отказались отправиться съ поздравленіемъ къ принцу, тотъ же Гольцъ тонко надоумилъ государя не принимать въ аудіенціи ни одного резидента, покуда они не исполнять его приказанія.

Послѣдствіемъ этого былъ тотъ мирный договоръ между Россією и Пруссією, который готовился къ подписанію государя.

Между тѣмъ, Гольцъ закупилъ всѣхъ окружающихъ государя и придворныхъ, и вельможъ высшаго общества,—однихъ своимъ умомъ и любезностью, другихъ просто червонцами. Вскорѣ онъ пользовался уже такимъ вліяніемъ на государя, что самъ принцъ Жоржъ часто просилъ его замолвить словечко о чемъ-нибудь, касающемся внутреннихъ дѣлъ.

Гольцъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы не замѣтить все увеличивавшагося ропота на дѣйствія новаго императора. Онъ боялся за Петра Фёдоровича и его популярность, потому что съ его личностью было связано спасеніе Фридриха и Пруссіи. Онъ зорко слѣдилъ за всѣми, кто не былъ искреннимъ, откровеннымъ другомъ Пруссіи, въ особенности за тѣми, кого онъ не могъ купить ни ловестью, ни деньгами.

Но какъ иноземецъ, хотя и талантливый, Гольцъ ошибся; и тѣ, кого онъ считалъ самыми вліятельными и въ то же время врагами своими, въ сущности не имѣли никакого значенія; тѣхъ, кто усиливался всякій день, былъ тайнымъ заклятымъ врагомъ и правительства, и новыхъ сношеній съ Фридрихомъ, Гольцъ не примѣтилъ. Да могъ ли онъ думать, что въ этой большой имперіи, въ этой столицѣ на самой окраинѣ имперіи, все зависѣло отъ преторіанцевъ? Могъ ли Гольцъ думать, что маленькій кружокъ офицеровъ на углу Невскаго и Большой Морской, въ маленькомъ домикѣ банкира Кнута-Сена, есть главный врагъ его?

Гольцъ продолжалъ ежедневно заводить новыя знакомства и новыхъ друзей. Однажды онъ встрѣтилъ на одномъ вечерѣ блестящую красавицу, иноземку, какъ и онъ, вдобавокъ говорящую не хуже его самого на его родномъ языкѣ; и онъ рѣшился познакомиться съ ней.

Дѣло было не трудное. Фленсбургъ, съ которымъ онъ былъ въ отличныхъ отношеніяхъ, оказался хорошимъ знакомымъ красавицы. Хотя очень не хотѣлось адъютанту принца ввести опаснаго соперника въ домъ женщины, въ которую онъ былъ влюбленъ самъ, но дѣлать было нечего.

Черезъ два дня послѣ разговора Маргариты съ Фленсбургомъ, баронъ явился къ ней, просидѣлъ очень мало, но успѣлъ понравиться Маргаритѣ.

Посѣщеніе такого вліятельнаго лица, почти друга государя, не могло не быть лестнымъ графинѣ. На другой день Гольцъ, подъ предлогомъ спросить у свѣтской львицы, кто лучший золотыхъ дѣлъ мастеръ въ Петербургѣ, явился опять, но просидѣлъ гораздо дольше. Маргарита, для большого заказа, который Гольцъ хотѣлъ сдѣлать, рекомендовала ему бриллианщика жевца Позье.

Черезъ два дня послѣ этого Гольцъ опять пріѣхалъ съ рисункомъ большого букета, который предполагалось сдѣлать изъ бриллиантовъ на сумму пяти тысячъ червонцевъ. Онъ сталъ просить графиню сдѣлать ему одолженіе и заказать для него этотъ букетъ у Позье.

Маргарита, по неволѣ, изумилась и ей захотѣлось знать кому готовится такой щедрый подарокъ.

Гольцъ разсмѣялся и вымолвилъ:

— Я не могу этого сказать. И вообще я многого не могу сказать вамъ, хотя бы и желалъ, до тѣхъ поръ, графиня, куда вы не согласитесь заключить со мной наступательный и оборонительный союзъ въ томъ дѣлѣ, которому я принадлежу и тѣломъ, и душой. Согласны ли вы на честное слово вступить со мной въ этотъ союзъ?

Маргарита, смущаясь, согласилась.

Молодой человѣкъ протянулъ ей руку. Маргарита протянула

свою. Гольцъ изысканно вѣжливо поцѣловалъ хорошенькую ручку, пожалъ и прибавилъ, смѣясь:

— Вмѣстѣ на жизнь и на смерть?

— Святая Марія! Это даже страшно! кокетливо отозвалась Маргарита.

— Слушайте меня теперь, сказалъ Гольцъ.—Букетъ этотъ я поднесу графинѣ Воронцовой! Зачѣмъ? Выслушайте.

Гольцъ началъ говорить и первую же половиною рѣчи дипломата Маргарита была совершенно поражена.

Онъ началъ не съ своего дѣла, не съ букета. Онъ сталъ говорить о ней самой, графинѣ Скабронской, о ея положеніи, о томъ, какъ природа щедро одарила ее и какъ выгодно поставила среди грубаго петербургскаго общества, и, наконецъ, о томъ, чѣмъ можетъ быть при его содѣйствіи такая красивая и умная женщина. А чѣмъ? Ему прямо, сейчасъ, сказать неловко!

И Маргаритѣ показалось, что въ словахъ Гольца она увидала свой собственный изумительно схожій портретъ со всѣми своими тайными помыслами и желаніями, а то, что Гольцъ еще не рѣшался досказать, именно и было той сокровенной тайной, которая преслѣдовала Маргариту за послѣднее время.

Гольцъ, очевидно, и эту тайну проникъ или... додумался до нея на основаніи французской поговорки: *les beaux esprits se rencontrent*.

— Правъ ли я, или ошибаюсь? закончилъ Гольцъ.—И хотите ли вы, при моемъ искреннемъ и усердномъ содѣйствіи, достигнуть того, чего вы можете, должны достигнуть? О нѣкоторыхъ подробностяхъ я покуда умолчу изъ опасенія. Извините.

И вдругъ Гольцъ прибавилъ, упорно глядя въ лицо молодой женщины:

— Скажите, въ пребываніе ваше въ Версалѣ познакомились ли вы съ *madame de Pompadour*? Вотъ женщина! Правильней всей Европой.

Гольцъ такъ глядѣлъ въ лицо красавицы, что Маргарита невольно вспыхнула. Тайна ея была раскрыта, и кѣмъ-же? Пришельцемъ, человѣкомъ, съ которымъ она только-что познакоми-

лась. Маргарита была такъ поражена этой бесѣдой съ новымъ и страннымъ другомъ, что почти разсѣянно выслушала вторую часть рѣчи Гольца.

Онъ совѣтовалъ ей поболѣе выѣзжать, бывать на всѣхъ вечерахъ и балахъ, познакомиться со всѣми посланниками и ихъ семействами, но при этомъ дѣлать, говорить и узнавать то, что онъ ей поручить.

— Вы будете моимъ тайнымъ секретаремъ и я увѣренъ, что вы можете дѣйствовать успѣшнѣе многихъ нашихъ посольскихъ молодыхъ людей, потому что вы женщина, а главное— красавица.

Уже собираясь уѣзжать, Гольцъ, полу-шутя, вымолвилъ:

— И такъ мы съ вами друзья и союзники на жизнь и на смерть. Ахъ да, я забылъ прибавить, что у друзей и союзниковъ кошелекъ общій. Какія бы деньги вамъ ни понадобились на всякаго рода траты, скажите только слово.

Видя, что графиня Скабронская вспыхнула, слегка выпрямилась и глянула на него гнѣвно; Гольцъ протянулъ ей руку.

— Вашу ручку, графиня, и сядьте опять. Мы много бесѣдовали и вы меня все-таки не поняли.

И Гольцъ, убѣдительно, краснорѣчиво, даже горячо развивъ всю ту же мысль, объяснилъ Маргаритѣ еще подробнѣе, что именно онъ ей предлагаетъ, чего будетъ требовать, и закончилъ словами:

— Прежде всего я буду просить васъ заказать этотъ букетъ и уплатить деньги, наблюдая полную тайну. Деньги эти, какъ и тѣ, что вы будете получать,—не мои. Поймите, графиня. Это деньги прусскія, государственныя, это то же жалованье. Подобныя суммы тратитъ всякій дворъ въ иностранныхъ земляхъ. Всякая европейская держава теперь тратитъ самыя большія суммы при русскомъ дворѣ и при турецкомъ. Сколькихъ денегъ стоила Людовику XV или Маріи Терезіи— Россія, мы съ вами въ годъ не сочтемъ. Вы ахнете, если узнаете, какихъ суммъ стоило Франціи и маркизу Шетарди вступленіе на престолъ покойной императрицы и сколько сотенъ тысячъ за полстолѣтія были поглощены нѣмецкими проходившими, правившими русской имперіей.

Гольцъ говорилъ такъ горячо и такъ искренно и, наконецъ, показалъ этой красавицѣ въ далекомъ будущемъ такую тѣнь, которая воплощала въ себѣ ея сокровенную мечту! Маргарита невольно опустила голову и глубоко задумалась.

Ей стало жутко, страшно. Ей показалось, что она вдругъ взлетѣла на неизмѣримую высоту, а что тамъ, гдѣ-то внизу, шевелятся маленькія существа. И эти маленькіе людишки— ея мужъ, Іоаннъ Іоанновичъ, даже Фленсбургъ, даже принцъ Жоржъ! Этотъ полузнакомый человѣкъ подаль ей сейчасъ руку и будто сразу поставилъ ее на эту высоту. Красавица чувствовала, что у нея какъ бы кружится голова.

Гольцъ, смѣясь и нѣсколько разъ поцѣловавъ ея обѣ руки, говорилъ, прощаясь:

— Сегодня же вечеромъ или завтра утромъ явится къ вамъ банкиръ Ванъ-Круксъ. Кстати онъ хозяинъ вашего дома. И онъ передастъ вамъ необходимую сумму на уплату брилліантциу. А затѣмъ, когда вы пожелаете сказать одно слово, онъ же передастъ вамъ ваше жалованье, госпожа-секретарь королевско-прусской легациі.

Гольцъ вышелъ, а Маргарита стояла истуканомъ среди маленькой гостиной и теперь уже не въ воображеніи, а въ дѣйствительности у нея кружилась голова.

— Святая Марія! Точно сонъ! выговорила она шепотомъ.

XXI.

Когда Гольцъ прощался съ графиней, къ дому ея подъѣхалъ Іоаннъ Іоанновичъ. Узнавъ, что у внучки сидитъ знаменитый посланникъ Фридриховскій, самая важная птица въ Петербургѣ, по отзыву многихъ приближенныхъ государя, Іоаннъ Іоанновичъ, давно собиравшійся посѣтить больного внука, прошелъ на верхъ.

Русскій лакей доложилъ о старомъ графѣ Эдуарду.

Французъ вышелъ изъ комнаты больного, встрѣтилъ старика крайне недружелюбно и объяснилъ, ломая русскій языкъ, что больного видѣть хотя можно, но докторъ просилъ не тревожить его долгой бесѣдой.

Иоаннъ Иоанновичъ вошелъ въ полутемную горницу и, сдѣлавъ два шага, оглядѣлся, фыркнулъ и вымолвить:

— Ишь, какъ закупирили. Боятся, выдохнется душа. Да въ такой воннѣ и здоровый помереть.

Затѣмъ онъ приблизился къ кровати.

Графъ Кириллъ Петровичъ медленно повернулся къ дѣду лицомъ, узналъ его сразу и произнесъ довольно бодрымъ голосомъ:

— Здравствуйте, дѣдушка, садитесь, давно не видалъ.

— Давно, давно, внучекъ. Успѣлъ ты за это время всѣмъ... Скоро того... скоро тютю!

Иоаннъ Иоанновичъ опустился въ большое кресло, стоявшее у постели, и сталъ во всѣ глаза, молча, глядѣть въ лицо больного.

— Хорошій день... выбрали, дѣдушка. Сегодня... я—молодецъ.

Иоаннъ Иоанновичъ покачалъ головой, усмѣхнулся и вымолвилъ:

— Хорошъ молодецъ, ужъ нечего сказать. Кабы всѣ-то были такіе молодцы на свѣтѣ, такъ земля бы, внучекъ, одна вертѣлась теперь вокругъ солнца, пустопорожняя; человѣковъ бы на ней и помину не было. Развѣ звѣрье какое жило бы, потому что звѣрь умнѣе человѣка. Хотя бы песь, хотя бы свинья, хотя бы даже гадъ какой, живутъ по Божьему, а мы люди—по звѣриному, по дурашному.

Иоаннъ Иоанновичъ помолчалъ и продолжалъ снова:

— То-то вотъ, внуценокъ, пути-фицъ ты мой, какъ я тебя когда-то звалъ; кабы ты не родился въ эстранже, или бѣ тогда у меня остался, такъ теперь бы, поди, не былъ съ ногой въ гробу. Что тебѣ лѣтъ-то? Втрое меньше моего! А каковъ ты? Вишь глаза-то, какъ у мертвеца. У меня въ твои годы было десять женъ, не хуже, какъ у царьградскаго султана, а у тебя вотъ одна жена, да и та, голубушка-цыганочка, скучаетъ отъ одиночества, ждетъ не дождется, когда тебя за ноги стащутъ въ яму. Тогда она свѣженькаго себѣ мужа раздобудетъ. Что скажешь? Небось не нравится... То-то, пути-фицъ и есть!!

Но графъ Кириллъ Петровичъ ничего не говорилъ, даже губами не двинулъ; онъ смотрѣлъ на стараго дѣда, бодрого, веселаго, съ легкимъ румянцемъ на щекахъ, и спрашивалъ себя:

Неужели дѣду уже за семьдесятъ лѣтъ, а можетъ быть и болѣе?

И онъ, человѣкъ молодой годами, а совершенный старикъ тѣломъ и лицомъ, невольно позавидовалъ мысленно старому дѣду. И раздраженному больному мозгу Кирилла Петровича стало сниться на яву, мерещиться... Ему показалось, что это не дѣдъ Іоаннъ Іоанновичъ сидитъ предъ нимъ, а деревянная кукла, которая всегда на свѣтѣ существовала, и при Петрѣ Алексѣвичѣ была она такая же, и теперь такая же, и черезъ сто лѣтъ эта кукла будетъ все та же. И подъ влияніемъ полубреда больной закрылъ глаза и прошепталъ что-то бессвязное.

Эдуардъ, стоявшій у стѣны, двинулся впередъ и объяснилъ Іоанну Іоанновичу на половину русскими словами, на половину мимикой, что больной въ забытіи и что ему лучше уходить.

Іоаннъ Іоанновичъ поднялся, поглядѣлъ еще разъ въ изможденное и желтое лицо больного, покачалъ головой и вышелъ вонъ. За порогомъ горницы онъ невольно плюнулъ на потъ и вымолвилъ:

— Тыфу, создатель, вонь какая! Коли мнѣ всѣ эти скляночки опорожнить, такъ и я помру.

Лотхенъ, между тѣмъ, уже успѣла предупредить барыню, что дѣдушка спрашивалъ о ней, а теперь покуда пошелъ на верхъ къ больному. Маргарита вдругъ воскликнула и удивила горничную.

— Не пускай его... Поздно! Теперь онъ мнѣ не нуженъ!

Но это была странная вспышка молодой женщины. У нея дѣйствительно, голова еще кружилась отъ бесѣды съ ловкимъ и хитрымъ Гольцемъ. Не даромъ онъ былъ тонкій дипломатъ и любимецъ Фридриха!

Этими словами Маргаритѣ будто невольно захотѣлось вдругъ похвастать передъ самой собой и передъ субреткой.

Но тотчасъ же, по какому-то внезапному обороту мыслей, графиня вздохнула и выговорила:

— Охъ, нѣтъ! Нельзя гнать. Напротивъ, онъ нужнѣе, чѣмъ когда либо! Ахъ Лотхенъ, если бъ у меня были теперь большія, большія деньги... Что бы я могла сдѣлать!

— Во-первыхъ, долги уплатить, подсмѣивалась Лотхенъ.

— Нѣтъ, напротивъ... тогда бы можно ихъ и не платить совсѣмъ, серьезно отвѣтила Маргарита какъ бы себѣ самой.

— Онъ на верху давно? прибавила она.— Скоро сойдетъ... Ну, Лотхенъ, слушай... Мнѣ, какъ полководцу, надо обдумать и рѣшиться на генеральное сраженіе... Завтра же или на дняхъ у меня должны быть деньги, иначе все пропало... потому что я начинаю новую жизнь... Боже мой! Да когда же онъ тамъ умретъ, наконецъ! вдругъ воскликнула она искренно, поднимая глаза на верхъ, гдѣ была комната мужа.

Графиня, подумавъ, крикала любимицѣ впустить дѣда, когда онъ сойдетъ отъ больного, самой не входить къ ней и смотрѣть за тѣмъ, чтобы люди не принимали никого. Затѣмъ она выпроводила Лотхенъ, вошла въ свою красивую полу-спальню съ куполомъ и, приотворивъ дверь въ гостиную, начала быстро раздѣваться. Черезъ нѣсколько мгновеній Маргарита сидѣла уже предъ зеркаломъ туалета и, расчесывая свои длинные и густые волосы, обсыпала мягкими и волнистыми косами свои снѣжно-бѣлыя и замѣчательно красивыя плечи. Изрѣдка она прислушивалась и зорко взглядывала въ зеркало, гдѣ отражалась полурастворенная дверь въ гостиную...

Наконецъ, дверь изъ прихожей отворилась, послышались ровные и тяжелые шаги...

Іоаннъ Іоанновичъ вошелъ въ гостиную; не найдя никого, онъ постоялъ немного среди горницы и, сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ, сразу увидѣлъ въ растворенную дверь Маргариту полураздѣтую и сидящую предъ туалетомъ.... Она казалась глубоко погруженной въ свою думу; голова, съ распущенными по обнаженнымъ плечамъ волосами, граціозно наклонилась на бокъ, глаза были опущены.... Иоаннъ Іоанновичъ постоялъ, вздохнулъ какъ-то особенно, будто перевода дыханіе отъ усталости, и едва замѣтно покачалъ головой...

„Да! Этакимъ за всю свою жизнь не видалъ!“ подумалъ онъ.
„На картинахъ такихъ пишутъ“....

И вдругъ Скабронскій бросилъ шапку и палку на диванъ и подошелъ къ дверямъ:

— Маргарита, можно войти?... Вѣдь ужъ все одно... Ужъ видѣлъ.... воскликнулъ онъ, стараясь придать голосу шутливый оттѣнокъ.

Графиня молчала и не двигалась и, повидимому, не слыхала словъ: такъ глубока была ея дума.

Иоаннъ Иоанновичъ тихо, на цыпочкахъ двинулся къ двери и приблизился къ красавицѣ....

Маргарита давно слѣдила за всѣми движеніями старика, но очнулася и вскрикнула, когда губы его коснулись ея обнаженной спины....

— Испугалъ! размѣялся Скабронскій искусственнымъ смѣхомъ, будто насильно.—Ништо! А ты двери затворяй въ другой разъ....

— Ахъ, дѣдушка.... Какъ не стыдно!... Вотъ, говорятъ, молодежь дерзка съ женщинами, а старики?... Тоже хороши!

— А ты двери, говорю, затворяй. Впередъ наука.... Теперь ужъ не уйду, хоть убей!

— Вошли, такъ садитесь. Что-жъ съ вами дѣлать!

Скабронскій сѣлъ близъ туалета и, не спуская глазъ съ красавицы, жадно любовался ею.

Прошло нѣсколько минутъ молчанія. Маргарита причесывалась.

— Если бы такая, какъ ты.... только пожелала бы... пробурчалъ вдругъ Скабронскій.—Какія вотчины тутъ! Душу отдашь!

— Я спѣшу ѣхать по очень важному порученію Гольца, выговорила Маргарита.—Бесѣдовать не могу. Уходите теперь, дѣдушка. Мнѣ надо сейчасъ одѣваться....

— Ну что-жъ? Я не мѣшаю... Пожалуй, даже помогу тебѣ... Ты вообрази, что я—не я, а энта, твоя верченая Лотхенъ.

Маргарита размѣялась звонко. Старикъ будто самъ давался въ руки и предлагалъ то, что думала она сама заставить его дѣлать за минуту назадъ.

— Отлично! Это будетъ вамъ въ наказаніе за дерзость. Ну, Лотхенъ. Становись... Держи вотъ...

Маргарита взяла половину своихъ еще распущенныхъ во-

лось и подняла... Старикъ сталъ за нею и, взявъ косы въ руки, началъ поддерживать.

— Господи, какія... Ей Богу, шелковыя!..

— Молчи, Лотхенъ! Ты забыла, что я не люблю, чтобы болтали, покуда я одѣваюсь! смѣясь вымолвила Маргарита.

И Скабронскій сталъ молча, не спуская глазъ съ плечей красавицы.

— Ну, готово... сказала она наконецъ.—Ну, теперь, Лотхенъ, вонъ тамъ въ комодѣ, направо, розовые чулки... Башмаки должны быть вотъ тутъ, у дивана. Ну, скорѣе.

Іоаннъ Іоанновичъ розыскалъ и то, и другое...

Лицо его странно улыбалось, краска уже давно выступила на лицѣ и не сходила съ гладкихъ щекъ бодрого старика. Онъ поставилъ башмаки на полъ и подаль Маргаритѣ розовые шелковые чулки...

Маргарина, сидя, приподняла край юбки и протянула ему одну ножку...

— Ну, что же, Лотхенъ? Дѣла своего не знаешь! Становись на полъ и обувай... Снимай чулокъ...

Іоаннъ Іоанновичъ, молча, опустился съ нѣкоторымъ усиліемъ на колѣни, нагнулся и потянулъ чулокъ съ пальцевъ.

— Такъ нельзя снять! странно произнесла Маргарита.

Прошло нѣсколько мгновений... Одна подвязка и одинъ чулокъ были сняты!..

— Хорошо, но скорѣе... другой!.. какъ-то раздражительно, злобно усмѣхнулась Маргарита.

— Нѣтъ... родная... тихо произнесъ Скабронскій.—Не могу... Помрешь...

И старикъ, стоявшій передъ красавицей на колѣняхъ, закачался и вдругъ схватилъ ее за руки, будто удерживаясь отъ паденія... И, уронивъ голову на ея руки и колѣни, онъ прижался къ нимъ горячей головой.

Маргарита будто замерла вдругъ и сидѣла неподвижно какъ статуя. Она огненнымъ взоромъ глядѣла на эту лежащую у нея сѣдую и лохматую голову и лицо ея стало вдругъ слегка блѣдно, какъ-то страшно, зловѣще-жестоко и злобно. Если бы

сатана когда либо воплотился въ женщину-красавицу, то принялъ бы, конечно, это лицо и это выраженіе.

— Уѣзжайте... вымолвила вдругъ Маргарита глухо.

Іоаннъ Іоанновичъ будто ждалъ этого слова и нуждался въ немъ... Онъ поднялся и, не оглядываясь, не прощаясь, почти выбѣжалъ вонъ. Черезъ минуту онъ отъѣзжалъ отъ дому.

Маргарита осталась на томъ же креслѣ полуодѣтая, съ одной обнаженной ногой и съ тѣмъ же выраженіемъ сатанинской злобы. И снова сидѣла она и недвижна, и нѣма, и красива—какъ статуя...

Черезъ часъ, когда она, одѣтая совсѣмъ, молчаливая, но уже грустная, а не злая, вышла садиться въ карету, въ передней явился съ задняго хода дворецкій дѣда, Масей, и передалъ графинѣ цидулю и большой сундучекъ, окованный серебромъ... Маргарита вернулась въ комнаты. Сундучекъ былъ полонъ брилліантовъ на громадную сумму.

Вмѣстѣ съ ними лежалъ кошелекъ и въ немъ тысяча новенькихъ, будто собранныхъ по одному, червонцевъ. Въ запискѣ стояло только нѣсколько словъ:

„Посылаю, что накопилъ, когда собирался жениться. Бери все себѣ, продувная цыганка... но и меня въ придачу!“.

Маргарита пристально смотрѣла на великолѣпные крупные брилліанты, но лицо ея было все-таки сумрачно и все-таки мгновеніями освѣщалось будто какими-то порывами гнѣва и злобы...

XXII.

Близъ Синяго моста, между Мойкой и Большой Морской, среди небольшого садика, стоялъ небольшой деревянный домъ съ подъездомъ, выходившимъ на Мойку. Надъ дверями домика была маленькая вывѣска:

„Брилліанщикъ Іеремія Позье“.

Человѣкъ, который уже давно жилъ въ этомъ домѣ, былъ отчасти замѣчательною личностію. Швейцарецъ, родомъ изъ Женевы, онъ былъ однимъ изъ тѣхъ иноземцевъ, которые явля-

*

лись въ Россію какъ бы въ своего рода Калифорнію, чтобы, не имѣя ни гроша, составить себѣ большое состояніе. Когда цѣль была достигнута, то они покидали русскую землю, не только съ благодарностью, но отрясая прахъ отъ ногъ своихъ. Впрочемъ, брилліанщикъ Позье не былъ вполне похожъ на остальныхъ, ему подобныхъ иноземныхъ пришельцевъ.

Въ 1729 году, въ царствованіе Петра II, швейцарецъ Этьенъ Позье явился въ Россію вмѣстѣ съ тринадцати-лѣтнимъ сыномъ, Іереміею. Братъ его, Петръ Позье, былъ хирургомъ еще при дворѣ Петра Великаго.

По вызову брата перебраться въ новую обѣтованную землю, гдѣ легка нажива, Позье, отецъ и сынъ, двинулись изъ Женевы и, не имѣя, конечно, никакихъ средствъ, пустились въ путь пѣшкомъ. И, такимъ образомъ, долго странствуя, они прошли пѣшкомъ всю Европу, въ Гамбургъ сѣли на ворабль и явились въ Петербургъ. Дворъ обазался въ Москвѣ. Пришлось опять двинуться далѣе. Доставъ извозчика, иноземцы положили на него свой маленький скарбъ, а сами снова пѣшкомъ, только изрѣдка присаживаясь, шесть недѣль двигались отъ Петербурга до Москвы.

Съ самаго начала счастье имъ не повезло: за недѣлю до ихъ прибытія, страшный пожаръ опустошилъ Москву; Петръ Позье погорѣлъ тоже и не могъ пріютить родныхъ. Отецъ и сынъ нанялись, поневолѣ, въ услуженіе къ французу, который былъ назначенъ комендантомъ въ городъ Архангельскъ и тотчасъ же принуждены были послѣдовать за нимъ опять въ дальній путь и очутиться послѣ швейцарскаго климата въ страшныхъ морозахъ крайняго сѣвера.

Вскорѣ комендантъ-французъ, любившій покутить, спился съ круга и умеръ. Этьенъ Позье вмѣстѣ съ мальчикомъ снова пѣшкомъ вернулись въ Петербургъ. Но здоровье старика, послѣ всѣхъ этихъ странствованій, не устояло и онъ черезъ нѣскольکو времени умеръ на рукахъ пятнадцати-лѣтняго мальчика, оставляемаго почти на произволъ судьбы.

По счастью, у дяди нашелся знакомый брилліанщикъ Граверо. Юный Іеремія поступилъ къ нему въ ученики и принялся за дѣло съ жаромъ, съ горячностью артиста, такъ какъ

въ немъ вдругъ оказался большой талантъ. Не прошло пяти лѣтъ, какъ Позье былъ уже извѣстенъ по своимъ работамъ, но, кромѣ того, будучи еще только двадцати-лѣтнимъ юношей, приобрѣлъ себѣ уже извѣстное положеніе при дворѣ. Случилось это очень просто.

Бриллианщикъ Граверо, какъ-и большая часть иноземцевъ, черезъ мѣру полюбилъ россійскую сивуху. Заказовъ у него было много и главные заказы шли изъ дворца. Анна Іоанновна любила всякаго рода золотыя вещи, любила даже глядѣть, какъ ихъ дѣлаютъ. Иногда государыня не довѣряла въ руки иностранца цѣнныя, коронныя вещи и заставляла Граверо съ ученикомъ работать во дворцѣ, въ маленькой горницѣ, около своего кабинета.

Граверо, кутившій не въ мѣру, все чаще и чаще отсутствовалъ, посылая своего ученика одного; такимъ образомъ, Іеремія Позье еще юношей сдѣлался лично извѣстенъ Аннѣ Іоанновнѣ.

Вскорѣ онъ открылъ свою мастерскую и началъ работать самостоятельно. Конечно, всѣ заказы отъ пьянаго хозяина перешли къ нему и съ этой минуты, въ продолженіи почти тридцати лѣтъ, Позье слѣдовалъ повсюду за дворомъ, работая и на придворныхъ, и на все высшее общество.

Вмѣстѣ съ этимъ, благодаря уму, крайней добросовѣстности и доброму, веселому праву, Позье былъ пріятелемъ очень многихъ иноземцевъ, игравшихъ въ Россіи болѣе важную роль. Покуда Позье дѣлалъ браслеты и брошки, они дѣлали правительственные перевороты.

Вся исторія Россіи, съ Петра II до Петра III, прошла на глазахъ Позье. И вся эта комедія, со всѣми дѣйствующими лицами, со всѣми переменами декорацій, совершилась не только на его глазахъ, но на подачу руки. Онъ видѣлъ и зналъ всю закулисную, интимную сторону этой комедіи. Такъ однажды, за полчаса до того мгновенія, когда пріятель его, Лестокъ, двинулся съ цесаревной Елизаветой арестовать и свергнуть съ престола Брауншвейгскую фамилію, Позье ужиналъ у этого пріятели.

Въ царствованіе Елизаветы положеніе Позье еще болѣе пе-

ремѣнилось къ лучшему. Онъ не только работалъ постоянно для государыни, не только былъ всегда ласково и любезно ею принятъ, но получилъ право являться безъ доклада, даже присутствовать при ея утреннемъ туалетѣ, чтобы самому надѣвать на нее свои изящныя произведенія.

Когда, за послѣдніе годы царствованія, императрица бывала часто не въ духѣ, гнѣвалась на всѣхъ окружающихъ безпричинно, то никто не смѣлъ и подступиться къ ней съ какимъ бы то ни было дѣломъ. Позье могъ явиться всегда. Принеся съ собою какую-нибудь прелестную бездѣлушку, онъ могъ легко разсѣять дурное расположеніе духа государыни. Вслѣдствіе этого, какъ-то незамѣтно, придворная роль Позье вдругъ сдѣлалась исключительною и крайне важною. Иностранные резиденты, даже императорскій австрійскій посолъ, а иногда и русскіе министры, даже канцлеръ россійскій, обращались съ просьбой къ женецу-бриллианщику переговорить съ императрицей полу-шутя о какомъ-нибудь дѣлѣ, что-нибудь выпытать у нея въ бесѣдѣ, что-нибудь намекомъ довести до ея свѣдѣнія, что-нибудь выпросить, иногда только получасовую аудіенцію, въ которой она отказала. И тонкій, но добрый и симпатичный Позье всегда съ успѣхомъ исполнялъ подобнаго рода порученія.

Теперь онъ уже былъ женатъ и нажилъ за тридцать лѣтъ капиталъ, хотя не большой. Къ несчастію, русская знать любила драгоценныя украшенія, дѣлала массу заказовъ, но платила крайне неисправно, а часто не платила и вовсе. Отказываться женецу, по разнымъ соображеніямъ, было невозможно и онъ кое-какъ исполнялъ всѣ требованія, надѣясь когда-нибудь выручить хоть половину денегъ.

Со вступленіемъ на престолъ Петра Ѳеодоровича, положеніе Позье, давно, съ дѣтства лично извѣстнаго государю, сразу еще болѣе улучшилось. Государь, конечно, меньше заказывалъ разныхъ вещей и поэтому Позье часто бывать во дворцѣ уже не приходилось. Но за то онъ удивилъ и обидѣлъ многихъ своею милостію къ Позье, давъ ему вдругъ чинъ бригадира арміи.

Но честный женецъ, видѣвшій такъ близко столько царствованій, столько возвышеній, столько паденій и столько пере-

воротовъ, начиналъ подумывать о томъ, какъ, собравъ хоть часть денегъ съ вельможныхъ должниковъ, присоединить ее къ маленькому капиталу, уже переведенному за-границу, и уѣхать изъ Россіи.

Вотъ именно у подъѣзда этого иноземца, ювелира-дипломата, однажды въ полдень остановилась карета и красивая, веселая, щегольски одѣтая дама вошла въ маленькій домикъ.

Это была, конечно, графиня Скабронская, явившаяся сама къ Позье съ тайнымъ заказомъ, вмѣсто того, чтобы вызвать его къ себѣ.

Такъ какъ за послѣднее время, не старый годами, но уже уставшій и нажившійся Іеремія Позье рѣдко разѣзжалъ по городу, а посылалъ своихъ учениковъ, то онъ не могъ знать въ лицо недавно поселившейся въ Петербургъ графини Скабронской.

Маргарита передала ювелиру рисунокъ, прося сдѣлать брилліантовый букетъ какъ можно скорѣе. Деньги, очень крупную сумму, т. е. пять тысячъ червонцевъ, Маргарита обѣщала Позье привезти черезъ нѣсколько дней.

— Вы получите эти деньги, — сказала Маргарита, — отъ меня или отъ нарочнаго. Все это я убѣдительно прошу васъ сохранить въ тайнѣ. Вы, конечно если пожелаете, то узнаете со временемъ, кто носить этотъ букетъ, но кто поручилъ мнѣ его заказать, вы знать не будете. Я даже попрошу васъ никому не говорить, что онъ былъ заказанъ секретно.

За всю жизнь Позье, ему случалось сотни разъ получать такіе заказы и условіе Маргариты не только не удивило его, но даже не показалось ему любопытнымъ. Единственно, что удивило женева, это полученіе денегъ прежде, чѣмъ работа будетъ окончена. Къ подобному роду заказовъ не пріучила его петербургская знать.

Брилліантикъ обѣщаль, что букетъ будетъ готовъ очень быстро, такъ какъ онъ вмѣстѣ съ учениками займется имъ исключительно. Что касается до тайны, то и говорить нечего! Что за тайна для него брилліантовый букетъ, когда женевецъ, когда-то ужиная съ пріятелемъ, зналъ, что черезъ часъ не будетъ

царствовать императоръ Іоаннъ Антоновичъ, а на престолѣ будетъ императрица Елизавета Петровна!

Маргарита уже собиралась уѣзжать, когда женевецъ спросилъ у нея, сама ли она пріѣдетъ за букетомъ. Маргарита не знала, что отвѣчать: про это Гольцъ ничего не сказалъ ей.

— Можетъ быть, я сама пріѣду, а можетъ быть, и пришлю кого-нибудь, сказала она.

— Въ такомъ случаѣ позвольте узнать ваше имя.

Маргарита уже хотѣла выговорить его, но вдругъ запнулась. Ей показалось, что ея собственное имя будетъ для Позье ключемъ для раскрытія тайны.

Тонкій женевецъ замѣтилъ нерѣшительность красивой незнакомки и прибавилъ, улыбаясь:

— Впрочемъ и это не нужно. Уговоримтесь заранѣе, что вы пришлете за вещью человѣка, который передастъ мнѣ въ доказательство что-нибудь условленное заранѣе. Сто разъ бывало со мной подобное.

— Да, пожалуй. Но какъ же?

— Очень просто. Пришлите за вещью кого вамъ угодно и дайте ему что-нибудь, ну платокъ носовой съ какимъ-нибудь мнѣ знакомымъ вензелемъ. А то еще лучше... Позье увидалъ на столѣ нѣсколько игральнхъ картъ, на которыхъ ученики его рисовали для заказчиковъ модели вещей. На разбросанныхъ картахъ были нарисованы и букеты, и ривьеры, и браслеты, и кольца. Позье, быстро перешаривъ карты, нашелъ одну, изображавшую букетъ, и, прибавивъ къ нему быстро искусной рукой два цвѣтка, подобные тому, изъ которыхъ состоялъ заказываемый букетъ, онъ передалъ карту графинѣ.

— Скажите мнѣ, вымолвила Маргарита, — можете ли вы передать очень старую монтировку брилліантовъ по новымъ моделямъ? Работы на мѣсяцъ, но если я заплачу двойную цѣну за работу, сдѣлаете ли вы мнѣ въ двѣ недѣли?

— Это надо видѣть... улыбнулся Позье на женскій вопросъ. — Сколько вещей и какая будетъ монтировка?

— Хорошо. Такъ я сама привезу и деньги за букетъ, и мои брилліанты.

Особенно учтиво и почтительно проводивъ до кареты кра-

савицу, Позье веселый и улыбающийся вернулся домой. Такого крупного заказа не было у него уже давно. Добросовѣстный женевецъ могъ нажить теперь барыша тысячу червонцевъ. Это могло поправить его обстоятельства и вознаградить за всѣ потери на своихъ должникахъ. Мысленно Позье общалъ себѣ прекратить немедленно торговлю и уѣхать на родину.

Садясь въ карету, графиня собралась было ѣхать къ Іоанну Іоанновичу, чтобы поблагодарить его за подарокъ брилліантовъ, но затѣмъ она передумала и велѣла ѣхать почти на другой край города. Карета ея двинулась въ тотъ самый Чухонскій Ямъ, гдѣ когда-то она спасла юношу, о которомъ теперь стала все чаще задумываться. Графиня уже не въ первый разъ отправлялась въ Чухонскій Ямъ, но не по дѣлу и не въ гости ѣздила она туда.

Тамъ, на подорогѣ между городомъ и домомъ, гдѣ жили Тюфяины, стоялъ въ сторонѣ домикъ еще меньше дома Позье. Тамъ жила старуха неизвѣстной національности, по ремеслу гадалка.

Старуха эта, полу-гречанка, полу-армянка, была знакома всей столицѣ, пожалуй, не менѣе Позье; да и роль ея за двадцать лѣтъ въ Петербургѣ была также не послѣдняя. Она гадала, какъ говорили, замѣчательно. Конечно, болтая ежедневно всякій вздоръ, ей случилось предсказать разъ десять правду и правду очень важную. Случалось, что старуху возили и во дворецъ къ покойной императрицѣ. Домикъ ея былъ ветхій, почти избушка, но денегъ у нея было не меньше, чѣмъ у Позье. Маргарита, по характеру не суевѣрная, все-таки любила гадать; она не вѣрила искусству старухи, но ей просто, какъ всякой празднои женщины, было пріятно иногда послушать болтовню, да еще вдобавокъ о себѣ самой, о томъ, что будто бы будетъ съ ней завтра, о томъ, что ей неизвѣстно. Однажды старуха предсказала ей, что она одновременно овдовѣетъ и получить большое наслѣдство отъ стараго вельможи. Мужъ въ то время былъ еще совершенно здоровъ, а дѣдъ прекратилъ тогда всякія съ ней сношенія. Теперь предсказаніе старухи какъ будто сбывалось. И совпаденіе этихъ двухъ вещей напоминало ей о старухѣ-гадалкѣ.

Когда Маргарита подъехала къ маленькому домику, то у подъезда оказались сани, запряженные тройкой лошадей. Кто-нибудь опередилъ графиню за тѣмъ же дѣломъ, но это не смутило ее: бывать у гадалки не считалось срамомъ. И Маргарита вошла, оставивъ людей при каретѣ.

Пройдя дворъ, она была принята старой и безобразной служанкой, какъ важная знакомая и какъ щедрая барыня.

Хоть и малъ былъ этотъ домикъ, но пять комнатъ были такъ распределены, что всякій посѣтителъ могъ ожидать къ отдѣльной горницѣ. Служанка ввела графиню въ комнатку, которая была почище другихъ и стала извиняться, что ей придется подождать довольно долго.

— Барыня одна сейчасъ только пріѣхала, а гадать будетъ непременно много и долго.

И безобразная, но умная женщина шепнула Маргаритѣ:

— Знаете кто? Графиня Елизавета Романовна!

— Воронцова! ахнула Маргарита.

— Она самая. Ужъ второй разъ на этой недѣлѣ.

Маргарита невольно ахнула. Имя это за послѣдніе дни звучало исключительно громко и имѣло особенное значеніе для слуха всякаго.

Маргарита подвинула кресло и, усѣвшись близъ маленькаго окошечка, стала глядѣть на пустой дворъ, гдѣ только расхаживали куры и нѣсколько воронъ дрались изъ-за кости. Но Маргарита ничего не сознавала, она думала о томъ, что заронило въ ея душу услышанное сейчасъ имя. Ея великая мечта, великая тайна предстала передъ ней и она глубоко задумалась. Затѣмъ, постепенно мысли ея перешли на послѣднюю встрѣчу съ дѣдомъ... До сихъ поръ, противъ воли, чувствовала она на колѣняхъ своихъ его горячее лицо и до сихъ поръ чувство отвращенія сказывалось на сердцѣ. Чувство отвращенія къ старику и чувство озлобленія на обстоятельства, заставлявшія ее дѣйствовать наперекоръ влеченію сердца, жаждущаго совершенно иного...

И вдругъ вмѣсто дѣда, воображенію ея предсталъ другой образъ, дѣвственно красивый, полный огня, горящаго въ уныломъ взорѣ синихъ глазъ...

— Да... если-бъ онъ?!. говорило ей сердце.

XXIII.

А между тѣмъ, онъ былъ близко... за два шага!..

Обезумѣвъ почти отъ любви, Шепелевъ за послѣднее время не зналъ ни сна, ни пищи и, наконецъ, рѣшился дѣйствовать... Будь, что будетъ!..

Прежде всего онъ купилъ себѣ лошадь на полученныя отъ матери деньги, затѣмъ нанялъ маленькую комнатку, чуть не на чердакѣ въ домѣ, который помѣщался наискось отъ дома графини Скабронской.

Лошадь его по цѣлымъ днямъ бывала привязана на дворѣ, а онъ сидѣлъ передъ крошечнымъ окошкомъ и глядѣлъ, не спуская глазъ, на домъ своей возлюбленной. Квасовъ за это время особенно безпокоился, не понимая, гдѣ пропадаетъ съ утра до вечера названный племянникъ.

„Вѣдь, онъ скачетъ по городу цѣлый день, думалъ Акимъ Акимовичъ, а лошадь сухая и даже не заморенная, будто въ стойлѣ простояла“.

За то теперь Шепелевъ изъ своего окошка узналъ, на сколько могъ, образъ жизни въ домѣ красавицы; узналъ, кто бываетъ у нея, кто бываетъ чаще другихъ, узналъ, когда она выѣзжаетъ и куда ѣздить. Впродолженіи нѣсколькихъ дней, едва только графиня отъѣзжала отъ подъѣзда, Шепелевъ летѣлъ внизъ, садился верхомъ, скакалъ за ней, но, конечно, на такомъ далекомъ разстояніи чтобы не быть замѣченнымъ лакеями, стоявшими на запяткахъ. Шепелевъ узналъ скоро, у кого чаще всего бываетъ графиня, но, къ несчастію, онъ не могъ еще найти никого, чтобы быть представленнымъ въ эти дома.

Однажды, по обыкновенію, также съ утра сидѣлъ юноша, какъ бы на часахъ. На этотъ разъ онъ былъ безпокоенъ, взволнованъ и смущенъ. Онъ имѣлъ поводъ ревновать ее и хотя ему самому казалась бессмысленна и даже жалка эта ревность, тѣмъ не менѣе онъ мучился.

Поводомъ къ этому послужило то, что вчера днемъ, хотя и не въ первый разъ, явилась у подъѣзда дома графини Скаб-

ронской великолѣпная берлина съ блестящими въ галунахъ фореяторами и лакеями. Это былъ прусскій посланникъ Гольцъ, самое важное лицо во всей столицѣ.

Это бы еще ничего. Но это былъ замѣчательный, какъ говорили, красавецъ, искусный волокита, пользовавшійся большимъ успѣхомъ среди столичныхъ красавицъ, — вотъ, что ударомъ отозвалось въ сердца Шепелева.

Посланникъ на этотъ разъ просидѣлъ у графини страшно долго. Цѣлымъ вѣкомъ показалось это время юношѣ и теперь, вспоминая вчерашній визитъ, онъ все еще былъ взволнованъ.

Послѣ Гольца явился какой-то старикъ въ старомодной каретѣ и пробылъ тоже довольно долго. Но къ нему не ревновалъ юноша!.. Онъ не обладалъ даромъ провидѣнья!! Въ этотъ день экипажъ графини подали, но опять отложили, она не поѣхала... На другой день, когда графинѣ подали карету, Шепелевъ, по обыкновенію, тотчасъ сбѣжалъ внизъ по лѣстницѣ, какъ стрѣла, и точно также, пропустивъ карету, двинулся за ней верхомъ. Обождая за угломъ, какъ дѣлалъ онъ всегда, пока графиня была у Позье, онъ снова поскакалъ за ней.

Къ его удивленію, она ѣхала на ту дорогу, гдѣ когда-то онъ въ первый разъ встрѣтилъ ее въ офицерскомъ мундирѣ. Да, она ѣхала прямо къ Чухонскому Яму и сердце юноши почему-то радостно забилося, какъ будто предчувствуя что-то особенное...

Карета остановилась на дорогѣ у домика. Онъ зналъ, кто тутъ живетъ, потому что гадалке знала и любила вызывать къ себѣ, иногда и навѣщать, Пелагею Михайловна.

Шепелевъ невольно ахнулъ и встрепенулся. Онъ сообразилъ сразу, что въ этотъ домъ всякій, а поэтому и онъ, можетъ войти безпрепятственно.

Отдавъ лошадь поддержать какому-то мужику, Шепелевъ смѣло вступилъ въ домъ. Та же старая служанка отворила ему дверь. Солдатская форма немножко смутила ее, но лицо, руки и рѣчь юноши рядового говорили сами за себя.

— Тоже погадать желаете? спросила она на всякій случай.

— Да. Я отъ Пелагеи Михайловны Гариной и княженъ Тюфякиныхъ, вдругъ нашелся юноша.

— Ахъ, милости просимъ! Какъ ихъ здоровье? заболтала горничная и уже любезно ввела Шепелева въ маленькую комнату.—Вы туда не входите, — прибавила она, показывая на дверь.—Тамъ одна графиня...

Оставшись одинъ, Шепелевъ почувствовалъ вдругъ, что вся смѣлость его сразу исчезла.

„Она здѣсь!.. Рядомъ! Вотъ только отворить эту дверь!..“

И молодой человѣкъ, чувствуя, что онъ не устоитъ на ногахъ, опустился на минуту на первый попавшійся стулъ.

Долго ли онъ просидѣлъ—онъ не зналъ...

Но вдругъ раздался какой-то шорохъ въ домѣ и онъ вскочилъ. Онъ испугался мысли, что этотъ давно желанный, давно искомый случай ускользнетъ у него изъ рукъ и онъ прозѣваетъ его. Юноша провелъ рукой по пылавшему лицу, по глазамъ, передъ которыми носился какой-то туманъ, и разогналъ, на сколько хватило у него силы воли, то опьяненіе, въ которомъ онъ себя чувствовалъ. Смѣло подошелъ онъ къ двери, слегка притворенной, потянулъ ее на себя, переступилъ порогъ и, оглянувши комнату, замеръ всѣмъ тѣломъ.

Въ углу, у окошка, сидѣла она, глубоко задумавшись и устремивъ глаза на дворикъ.

Онъ хотѣлъ заговорить, но силы не хватило. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ ней, не зная, что будетъ, что случится, что скажетъ онъ, что получить въ отвѣтъ. Онъ чувствовалъ только, что горитъ весь, какъ въ огнѣ, что взоръ его туманится все болѣе и болѣе, что сознаніе и разумъ положительно покидаютъ его, что съ нимъ дѣлается или дурнота, или сумашествіе! Только одно крѣпко залегло у него на сердцѣ и будто стучить въ голову,—рѣшимость: будь, что будетъ!..

И въ этомъ полусознательномъ состояніи юноша тихо двигался все ближе и ближе къ задумавшейся Маргаритѣ. Когда, какъ,—онъ самъ не зналъ... но очутился вдругъ на коѣвникѣхъ у ея ногъ и цѣловалъ край ея обшитаго кружевами платья. Сказалъ ли онъ что, или нѣтъ? Сказала ли она что-нибудь? Онъ не слышалъ и не зналъ! Онъ смутно слышалъ, что кто-то тихо вскрикнулъ.

Но, видно, счастливая звѣзда юноши вела его и дѣйствовала

за него. Не надо было ничего говорить! Все было бы глупо, все было бы странно! Звѣзда его, очевидно, знала лучше въ какое мгновеніе она приводила его къ ногамъ этой гордой красавицы и какія прихоти владѣють сердцемъ женщины... Счастливая звѣзда эта, видно, понимала, что этой женщинѣ надо было скорѣе уничтожить, будто смыть съ себя слѣды поворныхъ и отвратительныхъ старческихъ поцѣлуевъ, тяготѣвшихъ на сердцѣ...

Задумавшаяся глубоко Маргарита не замѣтила его появленія въ горницѣ и вдругъ, будто чудомъ, будто по мановенію жезла волшебника, около нея упалъ кто-то на колѣни. И это именно онъ! Богъ вѣсть, что бы сдѣлала и сказала графиня Сабронская въ другое мгновеніе, при другомъ настроеніи, при другой обстановкѣ... И прежде поцѣлуевъ дѣда!.. Но теперь все произошло такъ особенно, такъ странно и быстро, какой-то сказкой!..

И красавица, свѣтская львица, расчетливая кокетка, вмѣсто того, чтобы громко вскрикнуть, подняться, отскочить отъ безумца, убѣжать, только тихо ахнула. И это былъ даже не испуг! Еще одно мгновеніе и ея дрогнувшія руки упали на его плечи, обвивая наклоненную къ ней голову. Пальцы ея скользнули и запутались въ его густыхъ кудряхъ, и тихимъ, мягкимъ движеніемъ они поднимали и отклоняли назадъ его голову... Глаза встрѣтились и красавица, нагнувшись, страстно и жадно прильнула губами къ его губамъ.

Маргарита порывомъ отдалась первому движенію сердца, но, конечно, не потеряла сознанія окружающаго. И она могла видѣть, какъ въ то же мгновеніе помутились красивые синіе глаза его, какъ въ нихъ выступили двѣ крупныя слезы, какъ смертельно вдругъ поблѣднѣлъ онъ... потомъ слабо рванулся отъ нея, простонавъ, какъ отъ боли, и тихо повалился на полъ около ея ногъ. Маргарита, не понимая, не вѣря, бросилась къ нему и, ставъ на колѣни, нагнулась надъ его лицомъ. Юноша былъ безъ чувствъ!

Маргарита хотѣла было бѣжать за хозяйкой дома, но вспомнила о Воронцовой, сообразила, что если этотъ случай будетъ ей извѣстенъ, то будетъ извѣстенъ тотчасъ же и государю

При этой мысли Маргарита въ ужасѣ отскочила отъ двери, которую хотѣла уже отворить, и бросилась въ прихожую. Крикнувъ два слова старухѣ-служанкѣ, она почти выбѣжала къ своей каретѣ.

„Въ горницѣ что-то случилось“, поняла старуха и тотчасъ винулась туда.

Черезъ нѣсколько минутъ, при помощи воды, а въ особенности толчковъ, старуха привела юношу въ чувство.

Онъ оглянулся кругомъ безумными глазами и поднялся на ноги. Старуха что-то такое болтала, что-то совѣтовала и толкала его къ дверямъ. Шепелевъ вспоминалъ!.. Наконецъ, онъ вспомнилъ все, вскрикнулъ и, не имѣя силъ для вторичной встрѣчи, бросился, какъ сумашедшій, вонъ изъ дома, воображая, что она еще у гадалки.

— Слава тебѣ, Господи, сказала вслѣдъ за нимъ старуха. — Авось Лизавета Романовна ничего и никого не примѣтила.

— Ишь, ишь погналъ! Господи Иисусе! воскликнула она чрезъ минуту, увидя, какъ Шепелевъ, вскочивъ на лошадь, мчится по дорогѣ.

XXIV.

Акимъ Акимычъ Квасовъ на Святой недѣлѣ вынюхивалъ чуть не по полфунта табаку въ день. То и дѣло насыпалъ онъ вновь полную тавлинку. Носъ его, не смотря на привычку, все-таки видимо вспухъ и покраснѣлъ. Это сильное постоянное нюханье означало въ лейбъ-компанцѣ душевную сумятицу и, дѣйстви-тельно, Квасову было не по себѣ. Онъ получилъ два чувствительныхъ удара въ самое сердце.

Во-первыхъ, онъ съ утра до вечера беспокоился и волновался изъ-за своего названнаго племянника. Шепелевъ ходилъ, какъ тѣнь; очевидно, у него была какая-нибудь мудреная, быть можетъ, даже заморская хворость, а лечиться юноша не хотѣлъ. Квасовъ уже побывалъ, однажды, у самаго знаменитаго знахаря Ерофѣича, спрашивалъ у него: есть ли такія хворости, какія у Шепелева? Но Ерофѣичъ отвѣчалъ, что эта хворость—баловство. Коли ходить, ѣсть и пить, стало-быть здоровъ, а только

блажь въ головѣ. А на это цѣлебныхъ травъ нѣту, а есть цѣлебные прутья, именуемые „березовой кашей“. И такъ, Квасовъ беспокоился и недоумѣвалъ, но догадаться въ чемъ дѣло, конечно, не могъ. Онъ и самъ когда-то разъ былъ влюбленъ, но за то время чувствовалъ себя еще бодрѣе и веселѣе.

„А чтобы отъ любви чахли да худѣли, думалъ онъ, это ужъ совсѣмъ по-аглички, или по-гишпански, а не по-россійски!“

Отношенія между дядей и племянникомъ стали хуже съ тѣхъ поръ, что юноша не слушался дяди, пропадалъ со двора по цѣлымъ днямъ, болтался неизвѣстно гдѣ, и не говорилъ гдѣ былъ.

Съ другой стороны, Квасовъ былъ несказанно озлобленъ и оскорбленъ происшествіемъ въ кирасирскомъ манежѣ. Онъ до сихъ поръ ясно, отчетливо ощущалъ на себѣ удары Котцау. Хотя онъ сдалъ сдачи бранденбуржцу, сдалъ по-россійски вѣрно и здорово,—тоже помнить будетъ!—но все-таки Акимъ Акимычу стыдно было вспомнить, что его при всей гвардіи отшлепалъ нѣмецъ такъ же, какъ парнишку какого отшлепаетъ иная баба, поймавшая на огородѣ за кражей гороху. Вернувшись изъ манежа, Квасовъ рѣшилъ тотчасъ же учиться этой поганой экзерциціи такъ, чтобы въ другой разъ ни Котцау, ни иной какой, не могли бы уже его побить. „Неужто русскому нельзя и въ этомъ нѣмца за поясъ затенуть?“

— Оплевалъ, просто оплевалъ! повторялъ Акимъ Акимычъ по сту разъ на день, ходя изъ угла въ уголъ своей комнаты и пожирая носомъ щепоть за щепотью.

Собравшись усиленно приняться за уроки фехтованія, Квасовъ сталъ предлагать своему племяннику тоже учиться. Если кто увидитъ, воображалъ Квасовъ, что къ нимъ таскается помощникъ Котцау, Шмитъ, который мастеръ самъ, то пускай по-думаетъ, что Шепелевъ учится, а не онъ.

Юноша, всегда грустный, на-отрѣзъ отказался учиться: не до того ему было.

Но вдругъ произошла рѣзкая переменѣна, словно чудо какое. Шепелевъ выздоровѣлъ. Въ сумерки прискакалъ онъ на преображенскій дворъ на своей сильно взмыленной лошади, бросилъ ее конюху и вихремъ влетѣлъ въ дядѣ въ квартиру. Когда ихъ

кухарка отворила ему дверь, юноша постарался сдѣлаться ~~какъ~~ можно грустнѣй и мрачнѣй, но, разумѣется, не сумѣлъ: един-
комъ сіяло лицо его, слишкомъ блестя, искрились красивые
синіе глаза. Шепелевъ, входя, думалъ, что состроилъ свое лицо
мрачнѣе ночи, а Квасовъ, взглянувъ на племянника, чуть не
выронилъ тавлинку изъ рукъ.

— Что такое? Что случилось? вымолвилъ онъ.

— Ничего, дядюшка! даже удивился Шепелевъ.

— Чему радуешься?

— Ничему, дядюшка...

Какъ Квасовъ ни просилъ, племянникъ однако ничего не
сказалъ ему.

— Ну, не говори, слегка обидѣлся Акимъ Акимычъ, — Богъ
съ тобой. Радъ, что хоть рыло-то у тебя повеселѣло. А что
рыло твое въ пуху и не хочешь ты мнѣ сказать, что это за
пухъ и кого ты скушалъ, это твое дѣло! Если это отъ бабы
какой, — теперь только будто догадался Квасовъ, — то пушай.
Только одно скажу, не слѣдъ было такъ долго нудиться изъ-
за пустяковины, а теперь не слѣдъ тоже и бѣситься.

— Ахъ, дядюшка, я готовъ бы на луну прыгнуть! восклик-
нулъ Шепелевъ.

— Это пустое дѣло, можно, въ твои годы даже очень
легко, съострилъ Квасовъ. — А вотъ назадъ-то попасть, на зем-
лю, бываетъ очень мудрено... всегда расшибешься до полу-
смерти.

— Да я, можетъ, тамъ ужъ и останусь.

— Давай Богъ! разсмѣялся Акимъ Акимычъ.

Юноша расцѣловалъ Квасова на обѣ щеки, весело попро-
силъ прощенія, обѣщая современемъ все рассказать, и затѣмъ
выскочилъ и побѣжалъ къ Державину.

Квасовъ, хотя и бранился, и дурно отзывался о Держави-
нѣ, однако все-таки устроилъ такъ, что молодого рядового
уже не гнали на работы, но за то часто ставили на часы и
на-вѣсти.

Шепелевъ откровенно рассказалъ другу все съ нимъ слу-

чившееся. Державинъ выслушалъ его, покачалъ головой и выговорилъ:

— Что кому. У всякаго своя забота!

— Ну, а твои дѣла? весело выговорилъ Шепелевъ.

— Что мои дѣла! былъ у Фленсбурга, далъ онъ мнѣ нѣсколько нѣмецкихъ бумагъ перевести на російскій языкъ и общалъ заплатить щедро. Да что мнѣ деньги, не то мнѣ нужно.

— Ну, а пасторъ?

— Былъ и у Гельтергофа. Дѣло, кажется, ладится. Общалъ мнѣ, что какъ государь переѣдетъ въ Ораніенбаумъ, то захочетъ увеличить голштинское войско и будетъ принимать всѣхъ желающихъ, кто только знаетъ по-нѣмецки. Но когда еще это будетъ... Черезъ мѣсяцъ или два.

Шепелевъ, прежде особенно лѣниво учившійся по-нѣмецки у своего пріятеля, за послѣднее время сталъ учиться гораздо прилежнѣе и сдѣлалъ огромные успѣхи. Разумѣется, это случилось потому, что „она“ говорила преимущественно на этомъ языкѣ, это былъ почти ея родной языкъ и сдѣлался теперь милымъ языкомъ Шепелева. Теперь онъ уже самъ пришелъ бы въ неподдѣльный ужасъ, если бы кто-нибудь на этомъ дивномъ и миломъ языкѣ сказалъ: „нихтъ-михтъ“.

И когда теперь Державинъ предложилъ пріятелю заняться урокомъ, то юноша согласился и съ восторгомъ принялся за нѣмецкую книгу. Его душевное настроеніе, ликующее, восторженное, сообщилося понемногу и пріятелю. И на этотъ разъ до поздней ночи раздавался въ коморкѣ рядового преображенца гулъ двухъ голосовъ, бормотавшихъ на ненавистномъ всѣмъ языкѣ. Даже сосѣдъ Державина, солдатъ Волковъ, пришелъ, хотѣлъ было прилечь на кровати, но не выдержалъ. Этотъ проклятый хриплунъ такъ гудѣлъ у него въ ушахъ, что Волковъ злобно плюнулъ, слѣзъ съ своей кровати и ушелъ спать внизъ.

— Черти! бормоталъ онъ, укладываясь внизу.—Понравился теперь! Всѣ учатся. А вотъ, погоди, можетъ васъ, охотниковъ до нѣмечины, скоро всѣхъ передавать. Алексѣй Григорьевичъ вчера еще сказывалъ, примѣчать кто изъ офицеровъ—нѣмцевъ

угодникъ и запомнить, чтобы изъ рукъ не ушелъ, когда время приспѣетъ.

На другое утро урокъ снова былъ возобновленъ. Шепелевъ уже учился съ остервененіемъ, ожидая теперь всякій день возможности говорить съ „ней“ на ея языкѣ.

Въ это утро случилось нѣчто особенное. Въ отсутствіе Шепелева, къ Квасову явился неожиданный гость. Если бы зналъ Акимъ Акимычъ, что племянникъ у Державина, то, конечно, тотчасъ же послалъ бы за нимъ. Въ квартиру лейбъ-компанца явился офицеръ и поразилъ его, какъ своимъ прибытіемъ, такъ и своимъ ненавистнымъ мундиромъ. Явился князь Тюфякинъ въ своемъ голштинскомъ мундирѣ. Сначала Акимъ Акимычъ даже смутился отъ неожиданности визита.

Князь Глѣбъ пріѣхалъ познакомиться съ господиномъ Квасовымъ и спросить его отъ имени Пелагеи Михайловны Гариной о здоровьѣ Шепелева и о причинѣ его долгаго отсутствія. Квасовъ объяснилъ все хворостью племянника, который однако теперь поправился и, вѣроятно, на дняхъ будетъ у Тюфякиныхъ.

Бесѣда Глѣба съ Квасовымъ не клеилась, а, между тѣмъ, князь не уѣзжалъ, все переминался на мѣстѣ; наконецъ, будто рѣшившись, онъ заявилъ Квасову, что у него есть до него дѣло очень важное.

— Что прикажете? Готовъ служить.

Князь сразу заговорилъ о предполагавшейся свадьбѣ давно нареченныхъ, юноши Шепелева и княжны Настасьи Тюфякиной. Спросивъ мнѣніе Квасова на этотъ счетъ, онъ узналъ, что лейбъ-компанецъ именно теперь очень радъ бы былъ поскорѣе женить племянника, чтобы онъ не запропалъ среди гвардейскихъ кутиль и буяновъ.

Слово за слово, и ловкій Тюфякинъ добился того, что черезъ полчаса они бесѣдовали откровенно, непринужденно и какъ старые пріатели. Тюфякинъ предложилъ Квасову дѣйствовать вмѣстѣ, чтобы какъ можно скорѣе женить юношу на княжнѣ. Онъ заявилъ, что этого всѣ желаютъ, въ особенности тетка-опекушка и сама невѣста.

— Прежде всего, сказалъ князь, — вамъ слѣдуетъ познакомиться съ вашей будущей родней. Давно бы слѣдовало то.

Эти слова нѣсколько польстили лейбъ-компанцу, который зналъ, что онъ дядя Шенелеву только на половину. Однако Акимъ Акимычъ, нигдѣ не бывавшій, пришелъ въ ужасъ отъ предложенія князя, но Тюфякинъ сумѣлъ быстро убѣдить лейбъ-компанца, что тетя-опекунша и княжны — самыя добрыя и простыя женщины, какія только есть на свѣтѣ.

Рѣшено было, что Квасовъ на другой же день явится въ домъ княженъ.

— Только я вѣдь людскости никакой не имѣю, объяснилъ Квасовъ.

— Полно, пожалуй... Все это пустое!.. Разумъ да сердце — вотъ что въ человѣкѣ дорого! говорилъ Тюфякинъ, уходя, и прибавилъ: — Дмитрію Дмитричу вы ничего не сказывайте. Пускай онъ лучше не знаетъ, онъ вѣдь у васъ чудной такой.

— Уже именно чудной! воскликнулъ Квасовъ. — Хворалъ сколько времени, я ужъ думалъ чахотка или чума какая, — вотъ какъ бываетъ у щенятъ, что чумѣютъ. А тутъ вдругъ въ одно утро сразу запрыгалъ козломъ... Я даже опасаясь, не баба ли это какая, прелестница! Тогда вѣдь бѣда будетъ на счетъ нашего-то желанія...

— Да, это, избави Богъ. Авось... какъ-то разсѣянно сказалъ Тюфякинъ. — Такъ вы ему ничего не говорите, да завтра и привѣжайте къ намъ. Я живу-то не у нихъ, да все-таки говорю: къ намъ, все-таки онѣ мнѣ сестры.

На другой день Акимъ Акимычъ надѣлъ свой новый мундиръ, всячески прихорашивался цѣлые полчаса у маленькаго зеркала или, лучше сказать, передъ черепкомъ отъ зеркала, и, ни слова не сказавъ племяннику, отправился пѣшкомъ къ Тюфякинымъ. Тавлинку онъ не взялъ ради приличія, рѣшившись потерпѣть часъ безъ табаку.

Квасовъ смущался и робѣлъ, какъ юноша, отправляющійся на первый балъ. Да это и былъ для него первый визитъ въ жизни.

„И зачѣмъ я иду? Познакомились бы послѣ, когда она стала бы женой его, ужъ родней. Осмѣютъ только мужика!“

Проходя по мосту черезъ оврагъ, гдѣ уже значительно стала снѣгъ и кое-гдѣ видна была земля, Квасовъ невольно вспомнилъ о случаѣ съ племянникомъ.

„Должно быть это здѣсь грабители-то его наградили, шубенку-то сняли. Здѣсь самое прекрасное мѣсто для этого: и убить можно, да подъ мостъ до весны спрятать“.

Когда Акимъ Акимычъ поднимался по лѣстницѣ дома Тюфякиныхъ, то дрожь пробирала его по всему тѣлу.

Пелагея Михайловна особенно любезно встрѣтила гостя, усадила, предложила чаю. Затѣмъ явился князь Глѣбъ, ведя за руку Настю.

— Вотъ вамъ и невѣста, сказалъ онъ.

Настя старалась улыбаться, но лицо ея было сумрачно. Князь Глѣбъ старался быть веселъ и добродушенъ, но это какъ-то не шло къ нему.

Пелагея Михайловна тоже старалась побольше занимать гостя разговоромъ, но видно было, что и съ ней что-то творится.

Наконецъ, послѣ всѣхъ появилась въ комнатѣ Василекъ. Тихо отворила она дверь, тихо подошла къ столу, гдѣ обыкновенно она всегда разливала чай, и сѣла, пылливо, зорко глядя въ лицо Квасова.

— Это моя старшая племянница, Василиса, сказала Гарина.

Квасовъ поклонился и внимательно сталъ глядѣть на дѣвушку.

„Чудное лицо! думалъ онъ.—И что-то такое въ этомъ лицѣ удивительное есть!“

Квасовъ думалъ то же, что всякій при первой встрѣчѣ съ Василькомъ. Его, какъ и другихъ, поразило это испещренное бороздами лицо, освѣщенное чуднымъ душевнымъ свѣтомъ великолѣпныхъ глазъ.

Бесѣда смолкла на минуту. Квасовъ все глядѣлъ на Василька и вдругъ выговорилъ нѣсколько словъ, которыми сразу оборотилъ княжну. Этими нѣсколькими словами Квасовъ сразу записалъ самъ себя въ число друзей Василька.

— Какъ вамъ болѣзнь лично испортила! выговорилъ Ква-

совѣ.—А вѣдь видать и теперь, что вы писанная красавица были?

Василекъ слегка зарумянилась и сладкое чувство сказалось у ней на душѣ. Эти слова такъ подѣйствовали на нее, что она пересѣла тотчасъ поближе къ лейбъ-компанцу, къ дядѣ этого юноши, котораго она такъ давно не видала и о которомъ все-таки постоянно думала.

Акимъ Акимычъ сталъ простодушно и подробно разспрашивать Васильку, на какомъ году она заболѣла, какъ ее отъ оспы лечили. Василекъ охотно отвѣчала.

— Ну, что жъ, вѣрно я сказываю, спросилъ Квасовъ,—что вы были до болѣзни писанной красавицей?

Василекъ разсмѣялась, а Пелагея Михайловна согласилась что дѣйствительно такъ.

— Василекъ мой была такая красавица, какихъ мало у насъ въ столицѣ. Но и теперь она для меня красавица душой своей. Что за польза когда лицо бѣло, да душа черна! выговорила Пелагея Михайловна и какъ-то странно косо взглянула на Настю и перевела свой быстрый взглядъ на Тюфякина. Что-то злобное сказалось на лицѣ ея на мгновеніе и она еще быстрѣе отвернулась отъ князя.

Посѣщеніе Квасова окончилось совершенно для него неожиданно. Онъ пришелъ рано, а собрался домой уже ввечеру, и такъ какъ всѣ опасались, чтобы его на мосту, какъ и племянника, не ограбили, то Пелагея Михайловна предложила ему доѣхать до города на ихъ лошадахъ.

И поздно вечеромъ Акимъ Акимычъ выѣхалъ изъ дома новыхъ друзей. Лейбъ-компанецъ такъ не привыкъ къ колымагамъ и не привыкъ качаться въ нихъ по рытвинамъ, что едва только экипажъ вѣхалъ въ улицы, Акимъ Акимычъ остановилъ кучера.

— Стой, голубчикъ, совсѣмъ умаяло, какъ на качеляхъ! Вотъ-вотъ захвораю и карету испачкаю! Выпусти на свѣтъ Божій.

Квасовъ, отправивъ карету обратно, приказалъ благодарить барыню, а самъ пошелъ пѣшкомъ, думая о семействѣ Тюфяки-

ныхъ, которое произвело на него самое странное впечатлѣніе. Онъ разобралъ всѣхъ по ниточкѣ.

„Тетушка-опекунша—такъ себѣ, ничего, барынька изъ дуба дерева, у нея свой нравъ и она себя въ обиду не дастъ. Князь—бѣсъ, что монахомъ прикинулся. Тетушка его должно быть не очень долюбиваетъ, да, впрочемъ, ему она и не тетка, а чужая. Невѣста либо хвораетъ, либо какая забота у нея была въ этотъ день. А, можетъ, онъ, мужикъ, ей не понравился, она на него и насупилась.“

— А все-таки, вымолвилъ Квасовъ вслухъ,—не по сердцу она мнѣ, эта Настасья Андреевна. Она, что называется, въ замужествѣ, мужа справлять будетъ, а мой-то Митя ужъ будетъ жену изображать. Да. Барышня съ кулачкомъ! А эта! Вотъ другая-то, Василиса-то Андреевна!!

И Квасовъ на ходу сразу остановился и отъ прилива чувства къ сердцу полѣзъ въ карманъ за тавлинкой и ахнулъ. Онъ забылъ совсѣмъ, что, собравшись въ гости, оставилъ тавлинку дома.

— Да, она, другое дѣло! развелъ Квасовъ руками, бормоча себѣ подъ носъ:—красавица писанная! Не лицомъ, а очами красавица! Душой красавица! Душа ея вотъ вся на ладони. Нѣтъ, Василиса—не Настасья. Вотъ кабы на этой пороса женить бы, то-то мы бы зажили! Но какъ теперь къ нему подступиться? Коли есть прелестница, его подъ вѣнецъ хоть на цѣпи веди.

И Квасовъ медленными шагами направился домой, продолжая восхищаться мысленно Василькомъ. Онъ былъ такъ глубоко занятъ понравившейся ему княжной, что въ разсѣянности дорогой еще раза три слазилъ за тавлинкой въ пустой карманъ и каждый разъ нетерпѣливо плевался.

... Тьфу! Опять забылъ.

И онъ прибавилъ шагу, чтобы скорѣе добраться до своей тавлинки и отнюхаться за весь день на славу.

XXV.

Апрѣль мѣсяцъ уже проходилъ, наступили уже двадцатые числа. Нева вскрылась, ледъ прошелъ, рѣка очистилась и невискія воды, холодныя, сѣрыя, незамѣтно для глазъ уносились теперь въ море.

Стоя на берегу рѣки, гдѣ уже показалась зеленая трава, преображенный сержантъ, въ новенькомъ мундирѣ съ иголочки, глядѣлъ на ровное и гладкое лоно водъ и думалъ:

„Да, много воды утекло съ тѣхъ поръ.“

Дѣйствительно, со Святой недѣли, за этотъ апрѣль мѣсяцъ много воды утекло для всего города и много событій и переменъ совершилось въ судьбѣ многихъ лицъ, а болѣе всѣхъ въ судьбѣ этого сержанта, который былъ не кто иной, какъ юноша Шепелевъ, получившій сразу, вдругъ, Богъ вѣсть какъ, полу-офицерское званіе, перескочивъ черезъ два чина.

Помимо переменъ одежды простой на болѣе блестящую, которая удивительно шла къ его блѣдному и женственному лицу, въ немъ самомъ совершилась тоже переменъ нравственная. Онъ былъ теперь менѣе наивенъ, менѣе ребенокъ. Три случая повліяли на него и заставили его будто вырасти душой.

Во-первыхъ, навѣки неизгладимая изъ сердца минута встрѣчи съ „ней“ у гадалки и ея поцѣлуй, молчаливый, но краснорѣчивый и сказавшій ему все. До сихъ поръ поцѣлуй этотъ будто дрожалъ и горѣлъ на его губахъ. Затѣмъ, скорѣе послѣ этой встрѣчи, незнакомая рука, будто рука фортуны, высыпала на него свой рогъ изобилія. Онъ получилъ прежде всего крупную сумму денегъ, оставленную на его имя въ пакетѣ, куда онъ былъ по наряду на часахъ. Въ пакетѣ была записка отъ неизвѣстнаго окровителя, который, даря ему эти деньги, требовалъ, чтобы Шепелевъ немедленно съѣхалъ съ квартиры дяди и завелъ свою собственную.

Вслѣдствіе этого, сержантъ имѣлъ бурное и рѣзкое объясненіе съ названнымъ дядей. Ихъ горячій споръ кончился полной ссорой. Юноша, отвоевывавъ свою независимость ради необходи-

мости жить отдѣльно, неосторожно напомнилъ Квасову объ его происхожденіи и о томъ, что въ сущности, Акимъ Акимычъ ему не настоящій дядя. Какъ это сорвалось у него съ языка, онъ и самъ не понималъ. Помнится, что Квасовъ сказалъ ему, что онъ влюбленъ вѣрно въ какую-нибудь прѣѣзжую „иноземку каналью“ и съѣзжаетъ, чтобы пьянствовать съ ней на свободѣ, куда она его не обворуетъ. Теперь совѣсть его мучила и онъ надѣялся когда-нибудь, даже скоро, примириться съ Акимомъ Акимычемъ, котораго въ сущности очень любилъ. Но эта ссора будто воспитала юношу, укрѣпила волю.

Послѣ этой ссоры, Шепелевъ немедленно нашелъ себѣ небольшую, но очень красивую и веселенькую квартиру на Невскомъ и зажилъ въ ней своимъ собственнымъ хозяйствомъ. Не прошло и двухъ дней, какъ та же неизвѣстная рука прислала ему въ квартиру всевозможныя вещи, начиная отъ мебели и кончая бѣльемъ и платьемъ.

Разумѣется, часто приходило на умъ юношѣ, что все это идетъ отъ нея. Такъ какъ подобнаго рода вещи случались въ гвардіи ежедневно, стали обычаемъ въ средѣ офицеровъ, то, конечно, и Шепелевъ не считалъ предосудительнымъ получать всѣ эти подарки. Иногда, впрочемъ, онъ въ ужасѣ думалъ и даже говорилъ вслухъ:

— А что если это не она? Если это какая-нибудь старая дурно-рожая баба. И такіе случаи бываютъ часто. И вдругъ явится она предъявлять свои права! И придется все бросить, бѣжать и снова переѣхать къ дядѣ!

Наконецъ, однажды, во время очистки казармы и перемѣны порядковъ на новый ладъ, т. е. изгнанія бабъ, женъ и постояльцевъ, на ротномъ дворѣ оказалось открытое неповиновеніе и почти бунтъ. Среди общей сумятицы, смутившей даже офицеровъ, въ казарму совсѣмъ неожиданно появился принцъ Жоржъ. Принцъ явился, по приказанію государя, отсрочить очистку казармы. Это была особая милость къ преображенцамъ. Принцъ произвелъ смотръ, сдѣлалъ испытаніе въ экзерциціи и затѣмъ хотя Шепелевъ вѣлъ себя не лучше другихъ, его вызвали изъ рядовъ. Когда юноша подходилъ, то Жоржъ, гля-

дя на него, въ изумленіи воскликнулъ, обращаясь къ Фленс-бургу:

— Aber es ist unser Herr Nicht-micht!

Шепелевъ замѣтилъ удивленіе принца, невольно замѣтилъ и сверкающій взоръ, который бросилъ на него адъютантъ Фленс-бургъ. Ему показалось во взглядѣ шлезвигца плохо скрываеыя ненависть и презрѣніе къ нему.

Принцъ попросилъ адъютанта громко заявить всѣмъ предстоящимъ рядовымъ изъ дворянъ, что онъ желаетъ доказать имъ свое довольство ихъ успѣхами въ экзерциціи и на первый разъ, какъ примѣръ прочимъ, поздравляетъ рядового Шепелева прямо сержантомъ.

Шепелевъ едва устоялъ на ногахъ.

Принцъ уѣхалъ, но цѣлый день не прекращались всякіе толки на ротномъ дворѣ.

— Почему-жъ одинъ Шепелевъ, почему-жъ собственно онъ, а не другіе? говорили всѣ.

— Вѣстимо его выбрали, а не другого! говорилъ только Квасовъ.

Маіоръ Текутьевъ, вліятельное лицо на ротномъ дворѣ, особенно горячился, говоря, что у Жоржа и милость—несправедливость.

— Вотъ у насъ рядовой Державинъ тоже изъ дворянъ. Я его терпѣть не могу, грѣшный человѣкъ, а все-таки скажу: онъ много искусснѣе въ экзерциціи, чѣмъ Шепелевъ. Почему-жъ не его?

Разумѣется, Шепелевъ былъ въ такомъ восторгѣ, что первые дни, дни съ минуты переменны формы, онъ ходилъ, какъ въ туманѣ счастья.

Такимъ образомъ, въ самое короткое время Шепелевъ оутился въ своей собственной квартирѣ, переполненной всякимъ добромъ, жилъ самостоятельной жизнью и былъ уже сержантъ гвардіи, тогда какъ отъ рядового до сержанта приходилось часто служить отъ шести и до десяти лѣтъ.

Онъ тотчасъ же купилъ себѣ новую красивую лошадь и, счастливый, скакалъ по городу. По отношенію къ семьѣ Тюфякиныхъ Шепелевъ еще прежде ссоры съ дядей переимѣнился

совсѣмъ: онъ объявилъ Квасову, что княжна ему просто противна и свадьбы этой никогда не будетъ. Квасовъ, выдавшій уже нѣсколько разъ Настю, поневолѣ мысленно согласился съ племянникомъ. Когда же Квасовъ упомянулъ о Василькѣ, какъ милой особѣ, пригодной въ жены хоть бы иному царю, Шепелевъ раскатисто хохоталъ цѣлый часъ и даже разсердилъ дядю. Затѣмъ лично князю Тюфякину, который вторично явился къ нему уже на его квартиру, Шепелевъ объявилъ, что и прежде не очень хотѣлъ соединиться бракомъ съ своей нареченной, а теперь положительно и на-отрѣзъ отказывается. Юноша объявилъ это князю такъ спокойно, но твердо и князь Глѣбъ напелъ такую перемѣну въ молодомъ человѣкѣ, что даже удивился и не сталъ настаивать. Сержантъ Шепелевъ въ своей красивой квартирѣ совершенно не походилъ на того юношу рядового, который, по мнѣнію князя, былъ и дурковать, и медвѣженокъ.

Между тѣмъ, время шло, а главная загадка оставалась неразрѣшенной; Шепелева начинало тяготить и заставляло снова мучиться то, что со стороны Маргариты не было, такъ сказать, ни слуху, ни духу.

Юноша нетерпѣливо ожидалъ влюбленнымъ сердцемъ, что она пришлетъ за нимъ, пригласить къ себѣ или, наконецъ, дать возможность встрѣтиться гдѣ-нибудь. Но Маргарита какъ будто не существовала. Онъ предполагалъ, былъ даже увѣренъ, что все явилось къ нему отъ нея и чрезъ нее, что все, деньги и подарки, даже чинъ,—дѣло ея рукъ! Но на это не было никакихъ доказательствъ. И съ ужасомъ иногда думалъ онъ, что вдругъ явится дѣйствительный благодѣтель въ образѣ какой-нибудь старухи или добросерднаго вельможи, а Маргарита, чуждая всему, останется въ сторонѣ.

Наконецъ, онъ не выдержалъ и сталъ искать упорно случая встрѣтиться гдѣ-либо съ своей гордой красавицей и прямо объясниться съ ней.

— Этимъ поцѣлуемъ, говорилъ онъ внѣ себя,—ты дала мнѣ право требовать встрѣчи и объясненія, дала даже право прямо явиться къ себѣ...

Однажды утромъ онъ поднялся послѣ бессонной ночи и

даже болѣе... ночи, проведенной въ постыдныхъ для сержанта, но искреннихъ и горькихъ слезахъ.

— Поѣду прямо къ ней! съ отчаяніемъ рѣшилъ онъ. — Вѣдь я ее знакомый... Даже болѣе. Развѣ простыхъ знакомыхъ цѣлуютъ такъ?.. Вѣдь я не ребенокъ, не мальчикъ, котораго всякая женщина можетъ поцѣловать.

А, между тѣмъ, именно это и смущало его теперь... Давно ли онъ былъ мальчуганомъ и его цѣловали такъ пріятельницы матери, иногда и молодыя, красивыя?..

— Да... Но развѣ такъ цѣловали? Развѣ такъ!! восклицалъ онъ, съ дрожью на сердцѣ вспоминая ее огненный и жадный поцѣлуй.

Черезъ часъ Шепелевъ былъ верхомъ у подъѣзда дома Ванъ-Крукса и, отдавъ лошадь дворнику, вошелъ въ домъ и велѣлъ лакею доложить о себѣ.

— Сержантъ Шепелевъ.

Лакей пошелъ, а сержантъ стоялъ, озираясь въ прихожей и горѣлъ какъ на угляхъ.

„Это дерзко, это глупо!.. зачѣмъ я лѣзу, какъ нахалъ?“ думалъ онъ, а сердце ныло въ немъ и будто оправдывало его поступокъ.

Въ прихожей, вслѣдъ за лакеемъ, появилась знакомая еще съ ночи въ оврагѣ женская фигурка и еще болѣе знакомый голосъ сказалъ ему:

— Графиня приказала спросить: что вамъ угодно?

— Быть принятымъ графиней.

— Зачѣмъ?

И Лотхенъ, оглядывая сержанта, какъ всегда, дерзко ухмылялась.

— Я желаю видѣть графиню!.. По дѣлу!.. сказалъ Шепелевъ по-нѣмецки.

— Ахъ, вы теперь выучились! заговорила Лотхенъ тоже по-нѣмецки. — А по какому же это дѣлу?

— Я только графинѣ одной могу сообщить это.

— Я знаю... разсмѣялась Лотхенъ звонко и дерзко. — Графиня приказала вамъ сказать, что она не здорова и не можетъ принять васъ. Если же вы являетесь по дѣлу о гадалкѣ, то...

вы должны меня понять!.. прибавила Лотхенъ, косясь на понимаващаго по-нѣмецки лакея. — То, на счетъ гадалки... графиня просила васъ оставить это дѣло... это все оставить безъ послѣдствій... Понимаете?..

Шепелевъ стоялъ, какъ истуканъ; сердце будто оторвалось и упало... Ничего не видя и не понимая, онъ двинулся изъ передней на подъѣздъ, какъ оглушенный ударомъ. Юноша сѣлъ на лошадь и шагомъ двинулся по улицамъ... Когда однако послѣ часу прогулки онъ вернулся домой, то на лицѣ его была написана твердая рѣшимость на что-то. Лицо его было угрюмо, но слегка и озлобленно...

— Сама пусть посмѣетъ сказать это мнѣ въ лицо! рѣшилъ онъ. — Безъ послѣдствій!.. Нѣтъ! Я играть съ собой не дамъ!

Но тутъ другая мысль испугала Шепелева. Мысль о деньгахъ, о квартирѣ, подаркахъ... Неужели это не отъ нея? Ну, а чинъ! Вѣдь принцъ ахнулъ, что Шепелевъ, т. е. онъ, — тотъ же его господинъ Нихтмихтъ. Стало-быть, онъ не замѣтилъ его въ строю и не видалъ въ лицо и поэтому не за эскерцицію награждалъ, а вѣзвалъ по заранѣ данному обѣщанію рядового, по имени Шепелева, поздравить сержантомъ! А кто же могъ просить за него принца, если не она?.. А злое лицо Фленсбурга?..

— Боже мой! Съ ума можно сойти! восклицалъ юноша. — Да и лучше бы!..

Шепелевъ рѣшился опять взяться за старое... Верхомъ слѣдовать за графиней всякій день и уже не скакать въ отдаленіи и ждать за угломъ, а быть ею замѣченнымъ.

На другой же день съ утра онъ былъ, какъ на часахъ, у дома Маргариты. Въ два часа ей подали карету. Она вышла и поѣхала на Большую Морскую. Шепелевъ двинулся за ней и, обогнавъ карету, поклонился ей низко и холодно... Новая лошадь, какъ нарочно, шла великолѣпно и онъ чувствовалъ самъ, что ловко сидитъ въ сѣдлѣ.

Графиня остановилась за угломъ среди улицы, вышла, пѣшкомъ дошла одна до дома Позье и вошла. Шепелевъ, обождавъ

минуту, рѣшился. Онъ привязалъ лошадь къ забору, а самъ смѣло вошелъ въ прихожую бриллианщика.

„Она нарочно людей бросила далеко... Она сама снова хочетъ видѣться“, восторженно думалъ юноша.

Услыхавъ ея голосъ въ сосѣдней комнатѣ, Шепелевъ отворилъ дверь и вошелъ. Графиня обернулась и видимо смутилась...

— Что прикажете? спросилъ сержанта пожилой человѣкъ, очевидно хозяинъ дома.

— Я не къ вамъ... Я увидѣлъ графиню и являюсь засвидѣтельствовать ей свое почтеніе! любезно вымолвилъ Шепелевъ, кланяясь ей. Но въ ту же минуту онъ оробѣлъ.

Графиня смотрѣла на него изумленнымъ взоромъ, какъ если бы онъ сдѣлалъ что-нибудь невѣроятное.

— Вы ошибаетесь... гордо, холодно, почти презрительно выговорила она, выпрямляясь.—Я не имѣю чести васъ знать и даже не понимаю... Вы ошиблись... Я даже не графиня...

— Вы не... пробормоталъ и запнулся юноша.

А хозяинъ дома лукаво усмѣхался.

— Я васъ прошу оставить меня... Это, наконецъ, дерзко! уже гнѣвно выговорила графиня, мѣрая его съ головы до пятъ такимъ ледянымъ взглядомъ, что у юноши вся кровь хлынула къ сердцу...

— Однако... вымолвилъ Шепелевъ, теряясь.

— Я не графиня и васъ не знаю! Господинъ Позье, это ваше дѣло, иначе я сейчасъ уйду...

Это было сказано спокойно. Но какое презрѣніе къ нему звучало въ каждомъ словѣ и будто свѣтилось даже въ чудныхъ глазахъ ея.

Шепелевъ повернулся и, слегка шатаясь, вышелъ на улицу.

— Все кончено! шепталъ онъ, садясь на лошадь.

XXVI.

Съ самаго приѣзда барона Гольца въ Петербургъ, еще въ февралѣ мѣсяцѣ, ходили слухи, что съ Фридрихомъ будетъ заключенъ мирный договоръ, почти невѣроятный. Когда Гольцъ

ловкимъ маневромъ поставилъ всѣхъ резидентовъ иностранныхъ, за исключеніемъ англійскаго, въ невозможность видаться съ государемъ, то самъ, по выраженію шутниковъ, ежедневно выкуривалъ цѣлый пудъ кнастера въ его кабинетѣ. И весь Петербургъ ожидалъ нетерпѣливо, чѣмъ разрѣшатся ловкіе происки Фридриховскаго посланца.

Тайный секретарь государя, Волковъ былъ осаждаемъ со всѣхъ сторонъ вопросами, въ какомъ видѣ находится мирный трактатъ. Волковъ увѣрялъ всѣхъ, что старается всячески избивить російскую имперію отъ угрожающаго ей позора.

На Ооминой недѣлѣ прошелъ слухъ въ Петербургѣ, что мирный договоръ уже готовъ, что есть два проекта: одинъ—русскій, Волкова, другой—прусскій, Гольца.

Черезъ недѣлю новый слухъ городской перепугалъ всѣхъ.

Глухо, тайно и боязливо, всѣ сановники передавали другъ другу, что государь отвергъ проектъ Волкова и уже подписалъ проектъ Гольца. Съ ужасомъ рассказывалось, что въ проектѣ этомъ, писанномъ будто бы самимъ Фридрихомъ, есть будто три секретные пункта, по которымъ прусскому королю возвращены всѣ земли, у него завоеванныя Россіей, и возвращены даромъ, безъ всякаго вознагражденія. Фридрихъ, съ своей стороны, будто бы обязывался помогать русскому императору въ предполагаемой имъ новой войнѣ съ Даніей. Наконецъ, будто бы предполагалось уже не дипломатическими средствами, а просто вооруженной рукой противъ Саксоніи и Польши, сдѣлать герцогомъ Курляндскимъ принца Жоржа.

Эти слухи ходили по Петербургу и прежде, но теперь о нихъ говорили, какъ о совершившемся фактѣ. Фактъ этотъ не столько волновалъ все общество, сколько гвардію, которой предстоялъ будто бы походъ, въ случаѣ войны.

У императрицы болѣе, чѣмъ когда либо, боялись бывать и самые смѣлые перестали было посѣщать ее. Но теперь даже и къ ней все чаще заѣзжали разные осторожные сановники, ради любопытства, узнать что-нибудь. Но императрица знала менѣе, чѣмъ кто-либо, что совершается въ кабинетѣ государя.

Государыня жила, съ переѣзда въ новый дворецъ, въ нѣ-

сколькихъ горницахъ на противоположномъ концѣ отъ государя и веда жизнь самую тихую, мирную и скромную. Она почти нигде не выѣзжала и только иногда бывалъ у нея Никита Ивановичъ Пайинъ, воспитатель Павла Петровича, графы Разумовскіе, канцлеръ Воронцовъ, чаще же другихъ княгиня Дашкова. Сама императрица иногда вечеромъ отправлялась въ гости къ нягинѣ Дашковой и тамъ видалась съ нѣкоторыми офицерами гвардіи. Однихъ она знала давно, а другихъ ей представили недавно.

Послѣ Оуминоѣ недѣли, государыню стали просто осаждаютъ разные сановники, сенаторы и члены синаода и всякіе нечиновные люди убѣдительными просьбами, узнать содержаніе новаго мирнаго трактата. Екатерина Алексѣевна отлично понимала все громадное значеніе этого договора для общественнаго мнѣнія. Чѣмъ ужаснѣе, невозможнѣе и позорнѣе для Россіи окажется этотъ договоръ, тѣмъ болѣе выиграетъ та партія, которая теперь называется себя елизаветинцами и которой, по выраженію Алексѣя Орлова, слѣдовало безъ страха и искренно давно называться „екатерининцами“.

Однажды утромъ, государыня вызвала къ себѣ своего юнаго друга Екатерину Романовну Дашкову и встрѣтила ее со словами:

— Ну, княгиня, пришла пора доказывать слова дѣломъ. Если вы меня любите, вы должны непременно исполнить мою просьбу.

— Все на свѣтѣ! воскликнула Дашкова, засіявъ лицомъ.

— Да, вы всегда такъ: все на свѣтѣ! Готовы будете сейчасъ, какъ птичка взмахнуть крылами и взлетѣть въ самое небо. А потомъ тотчасъ струсите и пригорюнитесь и, вмѣсто того, чтобы парить въ облакахъ, начнете ползать, какъ букашка по землѣ.

— Мерсі за сравненіе, обидѣлась княгиня. — Оно и злое, и несправедливое. Я сейчасъ же докажу вамъ, что умѣю летать. Что прикажете?

— Ъхать сейчасъ же къ Елизаветѣ Романовнѣ...

Дашкова двинулась всѣмъ тѣломъ и вытаращила глаза на государыню.

— Ну, вотъ, видите! вымолвила, улыбаясь, Екатерина.

— Но, ваше величество, вы знаете, что я съ ней прекратила всякія отношенія, что я, не роняя чувства собственнаго достоинства, не могу съ ней знаться. Она безстыдно приняла теперь свою роль... Она на дняхъ переѣзжаетъ въ особое помѣщеніе, въ этотъ же самый дворецъ...

— Все это я давно знаю лучше васъ, но дѣло важное.

— Но зачѣмъ же я поѣду?

— Во всемъ Петербургѣ, княгиня, только баронъ Гольцъ и, конечно, ваша сестра знаютъ содержаніе новаго мирнаго договора.

— Я васъ уже просила не называть ее моей сестрой.

— Виновата, не спорьте о мелочахъ. И такъ, Елизавета Романовна, помимо Гольца, знаетъ навѣрное подробное содержаніе договора. Такъ какъ и государь, и она тоже, *ils vont tous les deux discrets, comme deux coups de canon*, то въ вашихъ рукахъ, княгиня, дѣло огромной важности. Если вы поѣдете къ ней, обойдетесь съ ней ласково, то она расскажетъ вамъ все.. Мы всѣ будемъ обязаны вамъ, будемъ знать, какую кухню состряпалъ Фридрихъ! И будемъ знать *à quoi nous en tenir!*

Дашкова стояла сумрачная, опустивъ голову. Она была умна и смѣла, въ то же время крайне пылка и мечтательна. Постоянно грезились ей великіе подвиги и громкія дѣла, но всѣ эти подвиги и дѣла всегда являлись въ ея воображеніи въ какихъ-то сіяющихъ формахъ. Всякій подвигъ былъ прежде всего поэтиченъ и прелестенъ. Если она мечтала о женской дѣятельности, то ея воображенію являлась непременно Орлеанская дѣва. Но эта Іоанна Д'Аркъ не являлась ей замарашкой, крестьянкой, пасущей стадо, и въ холодъ, и въ дождь, а являлась прелестной, раздушенной пастушкой, окруженной барашками, увитыми розовыми ленточками. Эта Іоанна не являлась ей измученной, голодной, не слѣзавшей съ лошади нѣсколько дней, ѣздящей на простой лошади и воодушевляющей своимъ присутствіемъ тоже изморенныхъ воиновъ. Она представлялась ей въ золотой бронѣ, скачущей на дивномъ конѣ, въ дивномъ убранствѣ. И по манію ея меча истребляются

какъ бы сами собою всѣ враги ея отечества. Она беретъ го-
рода, какъ ветхозавѣтный герой: однимъ звукомъ трубнымъ!

И въ душѣ юной женщины, недавно вышедшей замужъ,
являлся постоянно какой-то разладъ. Она готова на подвигъ
самый трудный, самый страшный, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы
подвигъ этотъ, съ одной стороны, отзывался сразу во всей Ев-
ропѣ, а съ другой стороны, былъ бы тоже увить розовыми
ленточками.

Когда государыня заговорила о просьбѣ, княгиня уже мечта-
ла, что вотъ сейчасъ придется ей сдѣлать что-нибудь высокое,
знаменательное. А ей предлагаютъ ѣхать къ дурѣ сестрѣ и вы-
пытывать у нея то, что она можетъ знать. Она къ ней дав-
нымъ давно не ѣздила, прервавъ всякія сношенія, а теперь
ее заставляютъ унизиться, даютъ ей порученіе мелкое, не-
приятное, почти глупое. А главное, даютъ ей порученіе бабье:
поѣхать, посплетничать и выманить у сестры тоже какую-ни-
будь сплетню.

— И такъ, что жъ, княгиня? вымолвила, наконецъ, госу-
дарыня.

— Подумайте, ваше величество. Я не отказываюсь, но
что жъ я узнаю? Она глупа, но не до такой степени. Вѣроятно,
она мнѣ ничего не скажетъ, или просто совретъ, чтобы по-
хвастать.

Екатерина вздохнула.

— Согласна. Но покуда вы не поѣхали, не побывали у
нея, вы этого не можете и знать. По моему мнѣнію, если вы
захотите, то сдумаете выпытать всю истину. А она не можетъ
не знать всего договора. Я увѣрена, что государь за послѣд-
ніе дни все выболталъ ей.

Послѣ небольшой паузы, Дашкова недовольнымъ голосомъ
выговорила:

— Извольте. Что жъ? Мы бабы только на это и годимся.

— Нѣтъ, княгиня, бабы и на другое годятся. Я тоже
баба! Но мужчины понимаютъ, что изъ малыхъ дѣлъ состав-
ляется большое дѣло, изъ большихъ великое дѣло. Женщины
не всегда понимаютъ это. Вы вотъ умная женщина, а не хо-
тите понять, какъ важно было бы для насъ всѣхъ знать се-

годня же вечеромъ, въ чемъ заключается договоръ и дѣйствительно ли подписанъ онъ.

Дашкова будто теперь только поняла значеніе того, что отъ нея требуютъ.

„Конечно, цѣль эта важная, думала она, но средство достиженія этой цѣли—бабье. Это все слишкомъ просто, глупо!“ Вотъ если бы ей поручили составить „une tгаге“, собрать кучку людей, замаскировать ихъ и ночью, окруживъ домъ Гольца, похитить у него всѣ бумаги!... О, тогда бы!... Она еще вчера читала, что такъ поступили недавно съ тосканскимъ резидентомъ въ Мадридѣ. Вотъ на такой романическій подвигъ княгиня полетѣла бы съ наслажденіемъ!

— Хорошо, я поѣду, выговорила она, наконецъ сквозь зубы.—И даже сдѣлаю такъ, какъ всегда поступаю съ лекарствомъ. Ужъ если нужно *avaler une tisane*, то поскорѣе, сразу. Зажмуриться и проглотить!

— Пожалуй, сразу, хорошо,—улыбнулась государыня,—но когда что дѣлаешь, не надо жмуриться: этимъ только себя обманываешь и какъ разъ прозѣваешь что-нибудь, хоть бы, наприимѣръ, муху съ лекарствомъ проглотить.

И Екатерина Алексѣевна разсмѣялась, но не веселымъ смѣхомъ. За послѣднее время ей рѣдко случалось смѣяться отъ души.

— Ну, съ такой замѣчательно умной женщиной, какъ Елизавета Романовна, трудно прозѣвать что либо! презрительно сказала Дашкова, пожимая плечами и прибавила: *En volia une qui n'inventerait pas la poudre*.

— *De la poudre aux yeux... Que si...* Поэтому совѣтую вамъ все-таки дорогой приготовиться, княгиня, сказала государыня.—Будьте мудрѣе змѣя, хитрѣе лисы и ласковѣе овечки, когда будете бесѣдовать съ графиней Воронцовой. Вечеромъ мы будемъ васъ ждать.

XXVII.

Княгиня Дашкова заѣхала домой переодѣться, чтобы быть у сестры въ болѣе простомъ платьѣ, и затѣмъ отправилась въ домъ отца.

*

Положеніе Дашковой при дворѣ было исключительное. Она прервала всякія сношенія съ сестрой, безъ боязни высказывала, рисовалась и почти хвастала своей дружбой съ гонимой, почти опальной императрицей и могла это безъ боязни дѣлать, именно благодаря только тому, что была сестрою фаворитки. Съ ней государь обращался милостиво и только шутилъ на счетъ ея дружбы къ женѣ или искренно уговаривалъ:

— Напрасно вы промѣняли Романовну на Алексѣевну. Сестра ваша добрая душа... И вамъ очень, очень пригодится... И скоро! А ваша Алексѣевна хитрая и злая... Она съ чело-вѣкомъ поступаетъ, какъ съ апельсиномъ, высосетъ весь сокъ, а кожу бросить....

— А вы совсѣмъ съ кожей скушаете! отшучивалась Дашкова.

— Княгиня дѣйствительно ненавидѣла сестру или скорѣе презирала ее. Между ними ничего не было общаго. Но въ глубинѣ души, Дашкова все-таки должна была сознаться, что главной причиной ея чувства нелюбви къ сестрѣ и любви къ государынѣ было возвышеніе этой сестры.

Это неожиданное и необъяснимое возвышеніе крайне некрасивой, глупой и дурно воспитанной сестры раздражало княгиню. Не только на нее, но и на всю свою родню, на двухъ сестеръ и двухъ братьевъ, княгиня смотрѣла немного свысока. Положеніе ея въ семьѣ было тоже исключительное.

При рожденіи своемъ, дѣвочка, младшая въ семьѣ, неизвѣстно почему сдѣлалась крестницей императрицы, только-что вернувшейся изъ Москвы послѣ коронаціи, и молодого великаго князя, только-что привезеннаго изъ Голштиніи и объявленнаго наслѣдникомъ. Преемникъ дѣвочки отъ купели самъ только-что былъ приобщенъ къ православію и покумился съ теткой.

Черезъ года три умерла мать; овдовѣвшій отецъ любилъ жить весело и беззаботно и на пятерыхъ дѣтей не обращалъ никакого вниманія. И вотъ братъ его, канцлеръ Воронцовъ, у котораго была только одна дочь, сталъ просить отдать ему на воспитаніе одного изъ дѣтей и выбралъ крестницу императрицы и наслѣдника.

Воспитаніе съ перваго дня дается маленькой племянницѣ Екаторинѣ то же, что и родной дочери, но воспитанница оказывается счастливо выбрана, она далеко не красива, но прилежна, умна и даровита. Въ двѣнадцать лѣтъ она уже тихонько запирается у себя на ключъ по ночамъ и читаетъ всѣ тѣ книги, которыя только попадаютъ ей въ библіотекѣ дяди-канцлера. Скоро дѣвочка развита не по лѣтамъ, а образована на столько, что удивляетъ познаніями окружающую полуграмотную среду. Но природный умъ развивается односторонне и она прежде всего дѣлается пылкой мечтательницей. Воображеніе работало, не находя себѣ пищи въ окружающей обстановкѣ, и стало врываться съ требованіями въ личную обыденную жизнь.... Явилась насущная потребность, жажда увидѣть и въ дѣйствительности, въ своей собственной жизни, то, что было съ восторгомъ узнано въ разпыхъ книжкахъ. Въ пятнадцать лѣтъ юная графиня Воронцова встрѣчаетъ въ тихую ночь, на улицѣ, при лунномъ свѣтѣ, красиваго незнакомца офицера, который вдругъ съ ней заговариваетъ, не имѣя на то права. Поэтому она тотчасъ чувствуетъ, что это... все странно!.. Судьба! Она тотчасъ влюбляется и выходитъ дѣйствительно за него замужъ. Отношенія къ мужу, затѣмъ отношенія къ двумъ дѣтямъ, наконецъ, отношенія къ великой княгинѣ, теперь императрицѣ,— не любовь и не дружба, а обожаніе.... смѣсь аффектаціи и сентиментализма. Потребность драмы и трагедіи, романа и поэмы въ пустой, обыденной жизни сдѣлала княгиню пріятной собесѣдницей, но невыносимой сожительницей и утомительнымъ другомъ. Ежечасное преувеличеніе все уродовало!..

Положеніе ея друга, императрицы, сдѣлалось вдругъ дѣйствительно трагическимъ. Какая пища, какая манна небесная для женщины-фантазерки, мечтающей о геройскихъ подвигахъ! И княгиня отдалась всей душой дѣлу Екаторины. И отъ зари до зари усердно, неутомимо, почти не имѣя покоя и сна, работала и работала для нея.... воображеніемъ!

И поэтому самая кипучая дѣятельность выпадала на ея долю по ночамъ, въ постели. Тутъ, среди добровольной бессонницы, брала она города, завоевывала скиптры и короны,

спасала Россію, умирала на эшафотѣ!.. А Европа гремѣла въ рукоплесканьяхъ героинѣ Сѣвера!...

Но государыня и изъ этой двадцати-лѣтней мечтательницы счумѣла извлечь пользу. Крестница императора и родная сестра фаворитки, конечно, могла пригодиться всячески. Такимъ образомъ, и на этотъ разъ княгиня была вызвана ею и послана съ порученіемъ, которое, помимо ея, совершенно некому было дать.

Княгиня вошла въ гостиную сестры и не нашла въ ней никого. Она постучала въ слѣдующую дверь и услышала голосъ:

— Здѣсь! Гудочекъ что-ль? Иди!

Переступивъ порогъ, княгиня не сразу нашла сестру. Елизавета Романовна оказалась въ углу комнаты, на маленькой скамейкѣ, передъ раскрытой заслонкой сильно разожженной печи.

Внѣшность графини Воронцовой, въ эту минуту, была особенно неприглядна. Елизавета Романовна была низенькая, крайне толстая женщина, съ жирнымъ, какъ бы опухшимъ, лицомъ, съ большимъ ртомъ, съ маленькимъ, вострымъ носомъ, но какъ бы заплывшимъ жиромъ и съ крайне узенькими глазами, которые зовутся обыкновенно «глядѣлками».

Эта внѣшность удивляла многихъ иностранцевъ и французскій посланникъ Бретейль писалъ про нее своему двору, что фаворитка напоминаетъ: «une servante de cabaret».

Не смотря на позднее время, она была еще не причесана; волосы, спутанные на головѣ, торчали лохмами во всѣ стороны; разбившаяся, не чесанная коса, прядями рассыпалась по плечу и по спинѣ. Гребень кое-какъ держался въ этой косѣ, будто забытый еще вчера и ночевавшій съ ней и, повиснувъ теперь бокомъ, собирался ежеминутно упасть на полъ. Кромѣ того, она, очевидно, еще не умывалась и лицо ея было маслянисто. Она еще не одѣвалась и на ней было только два предмета: измятая сорочка, а сверху нея накиннутый на плечи старый, лисій салонъ, который, отслуживъ свое, въ качествѣ теплой верхней одежды, исправлялъ теперь должность утренняго капота.

Всякій день, за всѣ три времени года, исключая лѣта, Елизавета Романовна именно такъ, прямо съ постели, не умывшись и не причесавшись, накидывала на себя этотъ салопъ и босикомъ подходила къ печкѣ, заранѣ сильно растопленной; она садилась всегда на скамеечкѣ и, съ наслажденіемъ грѣя передъ огнемъ голыя ноги, всегда при этомъ съѣдала около фунта коломенской пастилы и калужскаго тѣста. Прежде она дѣлала это до сумерекъ и до вечера, теперь же могла дѣлать это только часа по два, по три, а затѣмъ одѣвалась... Трудно было бы рѣшить, о чемъ она думаетъ, молчаливо пережевывая постилу, какъ корова жвачку, и упорно не спуская ни на минутку своихъ глядѣлки съ раскаленныхъ угольевъ печи.

Эта привычка не была однако изобрѣтеніемъ графини Воронцовой. То же самое дѣлала еще недавно покойная императрица; то же самое стали дѣлать и многія столичныя пожилыя дамы, подражая государынѣ. Просидѣть нѣсколько часовъ, не умывшись и не одѣвшись, въ одномъ ночномъ бѣльѣ, прикрытомъ старымъ и, конечно, загрязненнымъ мѣхомъ, было своего рода наслажденіемъ этого склада жизни.

— А-а.... протянула Воронцова, увидя вошедшую.—А я думала, это Гудовичъ....

— Здравствуй, сестра! произнесла княгиня, стараясь придать лицу болѣе веселое и ласковое выраженіе.

Воронцова, давно не выдавшая сестру, была удивлена, но, какъ всегда, ничѣмъ не выразила этого. Она особенно безстрастно относилась ко всему и только ящичи съ пастилой, въ особенности съ финиками заставляли ее оживляться.

— Здравствуй, садись, давно не видались. Что ты подѣлываешь? Все съ своей Алексѣвной шепчетесь.

Дашкова вспыхнула. Это прозвище, данное государемъ своей супругѣ, казалось, разумѣется, оскорбительнымъ Дашковой въ устахъ этой глупой сестры. Прежде она не посмѣла бы такъ назвать государыню. Давно ли, эта перемѣна и почему?! Княгиня хотѣла было замѣтить сестрѣ все неприличіе ея выходки, но раздумала и, взявъ кресло, сѣла и стала ее разглядывать.

— Что это, сестрица? выговорила княгиня невольно.—По

смотри на ноги свои. Подумаешь, ты по дождю бѣгала, да по грязи.

— Да, вымолвила Воронцова, вытягивая одну ногу и оглядывая ее:—вотъ хочу все вымыть, да все не время.... мѣшаютъ....

Дашкова дорогой приготовила планъ, какъ вывѣдать все у сестры относительно мирнаго договора.

Воронцова была на столько глупа, что съ ней было не мудрено хитрить, но, однако, все-таки, въ данномъ случаѣ, и она понимала важное значеніе того, что могла знать лично отъ государя.

Покуда княгиня собиралась съ мыслями, какъ начать бесѣду и съ своего высокаго кресла безсознательно разглядывала неказистую фигуру сестры на полу, Воронцова кончила цѣлую картонку съ пастилой, бросила ее въ огонь и, взявъ подолъ сорочки въ руку, вытерла себѣ засахаренныя губы.

— Ну, а вы съ ней что? заговорила она лѣниво, подразумѣвая государыню.—Все вмѣстѣ! Читаете французскія книжки? Своего господина Дерадота что-ль, наизусть учите?

— Такого нѣтъ, отчасти презрительно отозвалась княгиня.— Дидеротъ есть на свѣтѣ, хорошія книжки пишетъ, а Дерадота ужъ ты сама выдумала.

— Я, сестрица, не могу себѣ голову-и языкъ ломать всякою пустяковиной да французскія прозвища наизусть учить! добродушно отозвалась Воронцова.—А вотъ государь говорилъ, что этотъ вашъ.... Дедаротъ сынъ слесаря....

— Правда.... Его отецъ, кажется, дѣлалъ ножи и продавалъ... Но что-жъ изъ этого?...

— И въ острогѣ онъ сидѣлъ за эти книжки, которыя вы все читаете....

— Да.... Но ты скажи государю отъ меня, что его Лютеръ тоже въ острогѣ сидѣлъ, то-есть, былъ въ заключеніи!... усмѣхнулась Дашкова и прибавила: впрочемъ, что объ этомъ только вать. Это не по твоей части....

Княгиня просидѣла у сестры около двухъ часовъ, стараясь быть какъ можно ласковѣе и, кромѣ того, общала ей вечеромъ прислать полпуда венеціанскаго тѣста, въ родѣ пастилы.

И ея дѣло увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Дашкова, уѣзжая отъ глупой сестры, которая была, по выраженію государыни, «discrete comme un soup de saumon», увозила самыя подробныя свѣдѣнія обо всемъ мирномъ договорѣ съ Фридрихомъ II.

Она узнала, что договоръ подписывается на другой день окончательно, узнала даже цифру того войска, которое оба государя обязуются доставить другъ другу, въ случаѣ войны съ кѣмъ либо изъ враговъ; кромѣ того, узнала она и цифру суммы денегъ, которую государь обѣщался препроводить другу Фридриху, въ случаѣ нужды его въ деньгахъ. Сумма эта была огромная и заключала въ себѣ все то, что могло найтись въ эту минуту во всемъ руссiйскомъ казначействѣ.

Бдучи домой, Дашкова была въ духѣ и думала, весело усмѣхаясь:

„И не дорого! За государственную тайну — двадцать фунтовъ пастилы. *Le héros de la Bible a vendu ses droits d'aïnesse pour un plat de lentilles!*... Понятно, когда онъ бѣдный умиралъ съ голоду! А вѣдь эта, наѣвшиись пастилы, за пастилу и продала...

XXVIII.

Едва только княгиня уѣхала отъ сестры, какъ въ Воронцовой явился ея первый пріятель, а равно и любимецъ государя, Гудовичъ.

Онъ носилъ званіе генераль-адъютанта, но въ сущности адъютантомъ не былъ. Какъ истый хохоль, Гудовичъ былъ лѣнивъ до невѣроятности и любилъ только поѣсть, поспать и выпить. Ни на какое дѣло онъ не былъ способенъ. Лѣньность его доходила до того, что онъ почти никогда не ходилъ пѣшкомъ и не могъ простоять болѣе получаса на ногахъ. Когда онъ сидѣлъ, то всегда садился полулежа; даже у государя, когда не было постороннихъ свидѣтелей, Гудовичъ имѣлъ право быть въ его присутствіи въ этомъ полулежачемъ положеніи на какомъ нибудь диванѣ.

Другимъ адъютантамъ своимъ государь, конечно, этого не позволялъ, но Гудовичъ былъ его любимецъ, и за что любилъ

онъ его—трудно было бы сказать, такъ какъ Гудовичъ терпѣть не могъ военщину, смотры, эзерциціи и все подобное. Но за то Гудовичъ былъ постояннымъ кавалеромъ Воронцовой и, въ сущности, скорѣе ея адъютантомъ. Онъ сопровождалъ ей въ ея поѣздкахъ, во всякое время дня и ночи заѣзжалъ за ней, увозилъ и доставлялъ обратно въ домъ отца ея. Кромѣ того, обладая талантомъ смѣшно рассказывать разный вздоръ, онъ ежедневно передавалъ ей всѣ городскія сплетни. Для Елизаветы Романовны онъ былъ незамѣнимый и неоцѣненный человѣкъ, такъ какъ къ нему обращалась она откровенно за совѣтомъ и за разъясненіемъ всего того, чего не понимала. А такого было много на свѣтѣ!

Гудовичъ входилъ поэтому къ Воронцовой безъ доклада и всегда заставлялъ ее въ любимомъ костюмѣ, за любимымъ занятіемъ, т. е. за пастилой передъ печкой, въ салонѣ. Ихъ отношенія были на столько коротки, что Елизавета Романовна не стѣснялась принимать пріятеля въ этомъ костюмѣ, который былъ ни ночнымъ, ни дневнымъ.

На этотъ разъ Воронцова, сбросивъ салонъ, начинала уже одѣваться, когда въ сосѣдней комнатѣ раздались тяжелые шаги Гудовича.

— Ты что-ль, Гудочекъ? кривнула она въ полу-растворенную дверь.

— Нѣтъ, не я, шутливо отвѣчалъ Гудовичъ.—А что, нельзя развѣ? Одѣваешься?

— Сейчасъ, обожди минуту..

— Ладно, только поскорѣй, мнѣ не время.

— А не время, такъ входи.

Воронцова, успѣвшая только обуться, не накинула на себя сапога, а какъ была... приняла пріятеля и продолжала одѣваться при немъ.

— Я на минутку,—сказалъ Гудовичъ, входя, —передать тебѣ хорошую вѣсточку... такую, Романовна, вѣсть, что ахнешь. Баронъ послалъ меня къ вамъ челомъ бить, просить покорнѣйше въ знакъ его дружбы и почтенія принять отъ него бездѣлушку на память. А бездѣлушка сія, родимая, въ нѣсколько тысячъ червонныхъ. Ну, что скажешь, толстѣя моя?

— Что-жъ, добрый человѣкъ. Очень бы и рада, да вѣдь самъ знаешь, Гудочекъ, себѣ дороже будетъ. Разнесутъ меня въ Питерѣ, заѣдятъ разные псы. А ужъ „ея“-то пріатели, такъ и совсѣмъ загрызутъ.

— Ну, на это намъ наплевать, ее, не нынѣ—завтра, мы съ рукъ сбудемъ. Я на этотъ счетъ, Романовна, такой секретъ знаю, что ахнешь тоже. Ей Богу! Шлиссельбургскую-то крѣпость, — тише выговорилъ Гудовичъ, — очищаютъ, Ивана Антоновича въ другое мѣсто переводятъ, а тамъ разныя свѣ-женькія рѣшеточки устраиваютъ. А для кого? Какъ бы ты думала? Для насъ что ли?!

— Неужто? поняла Воронцова и лицо ея расплылось въ радостной улыбкѣ.

— Вѣрно.

— Какъ же онъ мнѣ вчера ничего про это не сказалъ?

— Онъ вамъ и не *surprise*, какъ говорятъ французы, готовить. Ну какъ же, Гольцево-то жертвоприношеніе?

— Да боюсь, Гудочекъ, загрызутъ. Будутъ говорить, что это за мои какія хлопоты для короля. А ты самъ знаешь, я въ эти дѣла не вмѣшиваюсь. Кабы я была завистливая да падкая на всякіе подарки да почести, такъ нешто бы теперь я была по старому графиней? Давно бы ужъ императрицей была.

— Да и будешь, Романовна, будешь, шутилъ Гудовичъ. — Толста вотъ ты малость, да пухла лицомъ, а то бы совсѣмъ Марья Терезья. Ну такъ какъ же? Какой Гольцу отвѣтъ?

— Не знаю. Скажи ты, Гудочекъ. Если бы то было варенье какое или хоть какое дешевое колечко... А то поди, вѣрно какая-нибудь богатая ривьера.

— Да ривьера не ривьера, а букетъ алмазный. Но грызть никому тебя не придется, потому что дѣло все онъ по-нѣмецки устроилъ. Букетъ вы получите, а отъ кого онъ—знать никто не будетъ и всѣ будутъ думать, что государь поднесъ.

— Какъ же такъ?

— Ужъ такъ все подведено. Только Гольцъ, я, да ты—трое и будемъ знать, какой такой букетъ. Заказанъ онъ у Позье.

— У Позье? ухмыльнулась Воронцова.

— А то гдѣ жъ? Такъ*будетъ сработанъ, что такія вещицы

развѣ только у покойной царицы бывали. Заказывалъ не самъ баронъ, а черезъ какое-то тайное лицо, такъ что самъ Позье не знаетъ, кто заказывалъ. А получать я пошлю вѣрнаго чело-вѣка съ особеннымъ билетикомъ.

— Вотъ что, выговорила Воронцова.

— Говорю тебѣ, по-нѣмецки подведено.

— Ну, это другое дѣло. А государю можно будетъ сказать отъ кого получила?

— Государю-то, извѣстно, бы можно. Да вѣдь онъ, знаешь, Романовна, на языкъ-то слабъ. Лучше ужъ скажешь ему, что сама купила. Ну, да это видно будетъ. Къ маскарладу у Гольца и готовъ будетъ, надѣнешь. То-то ахнуть наши барыни, какъ прицѣпишь букетецъ-то въ нѣсколько тысячъ червонныхъ. Ну, прости, я, стало быть, прямо отсюда къ Гольцу сказать, что ты благодарствуешь. А встрѣтите его гдѣ, то скажите сами: спасибо, молъ. Будетъ вамъ нужда—я, молъ, всей душой гото-ва служить!...

Гудовичъ ужъ собрался уходить, когда Воронцова остановила его вопросомъ:

— Гудочекъ, а какъ по твоему, съ чего это онъ меня дарить вздумалъ?

Гудовичъ почесалъ за затылкомъ, помолчалъ и выговорилъ:

— А по его глупости, матушка, дуракъ онъ—вотъ что. Да и денегъ Фридриховскихъ у него куры не клюютъ. Надо полага-ть, что это все ради нашего новаго трактата. Вѣдь на дняхъ трактатецъ государь подмахнетъ. Ну, вотъ Гольцъ въ горячее-то время и одариваетъ всѣхъ; все боится, а ну-ка я, либо принцъ, либо вотъ ты, остановимъ государя, отсовѣтуемъ. Знаетъ онъ, что государь—человѣкъ добрый, слабодушный, если кто здорово привяжется да начнетъ пугать да страшать, такъ живо и отго-ворить. Вотъ, на мой толкъ, барону и пришло на умъ: ну, какъ Романовну другой кто задарить, да она отговаривать уч-нетъ, дай лучше я забѣгу да поднесу ей что-нибудь. Да и кто его знаетъ еще.... Самъ, вѣроятно, наживетъ на букетъ.

— Какъ то-ись наживетъ? не поняла Воронцова.—Что ты?

— Эхъ ты простота! Какъ? Поставить его Фридриху въ счетъ вдвое супротивъ его цѣны. Наши послы это дѣлали.

А, кромѣ того, еще скажу, у насъ въ столицѣ умные свои люди есть, родная, кои думаютъ, что ты простой прикидываешься, а то и дѣло объ европейскихъ событіяхъ съ государемъ толкуешь и по наговору канцлера великія дѣла вершинишь. Гольцу извѣстно, что родитель твой зѣло противъ трактата, да и дядя тоже... Ну, думаетъ, подарю Воронцовой букетецъ, — можетъ, и тятинька съ дядинькой ласковѣе будутъ. Онъ мнѣ вчераса вечеромъ, придравшись къ моему слову, займы ты сачу червонныхъ далъ. Я и не просилъ, а только охнулъ при немъ, что дорого очень все въ Петербургѣ, да что новый мундиръ мой много денегъ стоитъ. Ну онъ мнѣ сейчасъ и предложилъ займы.

— Такъ вѣдь это же займы, замѣтила Воронцова. — Букетъ-то нешто тоже придется мнѣ ему послѣ подписанія трактата отдавать?!

Гудовичъ разсмѣялся.

— А я нешто отдамъ назадъ? Э-эхъ, Романовна, куда ты проста. За то я тебя и люблю. Ну, мнѣ пора...

Вернувшись домой, Гудовичъ нашелъ у себя адъютанта государя, Перфильева, и пріятеля, князя Тютякина. Перфильевъ былъ совершенною противоположностью Гудовича.

Онъ дѣйствительно исправлялъ адъютантскую должность при государѣ и довольно мудреную и утомительную. Что бы ни понадобилось, все дѣлалъ Перфильевъ. Часто случалось ему по нѣскольку часовъ кряду не сходить съ лошади. На немъ же государь подавалъ примѣръ, такъ сказать, всѣмъ офицерамъ гвардіи. Такъ, когда былъ отданъ приказъ учиться фехтованію, то Перфильевъ сталъ первый вмѣстѣ съ принцемъ Жоржемъ брать уроки у Котцау. Когда былъ принятъ прусскій артигулъ съ ружьемъ, Перфильевъ опять-таки первый выучился ему.

Изъ всѣхъ окружающихъ государя Степанъ Васильевичъ Перфильевъ былъ самый умный, добрый и дальновидный. Онъ видѣлъ и понималъ все совершавшееся на его глазахъ и если бы онъ имѣлъ больше вліянія на дѣла, то, конечно, многое бы не было совершено.

Главная бѣда состояла въ томъ, что Перфильевъ, какъ это

часто встрѣчается, считалъ себя глупѣй, нежели онъ былъ въ дѣйствительности. Часто видя что-нибудь, что казалось ему опаснымъ и вреднымъ для правительства государя, онъ убѣждалъ самъ себя, что стало быть такъ надо, что онъ въ этомъ ничего не смыслить. Перфильевъ очень бы удивился, если бы ему сказали, что онъ умнѣ всей свиты и приближенныхъ государя; очень бы удивился, если бы ему сказали, что принцъ Жоржъ глупъ, а баронъ Гольцъ продувной плуть, т. е. истинный дипломатъ. Самъ Перфильевъ безсознательно понималъ это, но вмѣстѣ съ тѣмъ не довѣрялъ своимъ сужденіямъ.

За то у честнаго, умнаго и прямодушнаго Степана Васильевича было три слабости, въ которыхъ даже его и винить было нельзя. Это были три слабости его времени, его среды и нравовъ столицы. Онъ любилъ рѣдко, но мѣтко выпить. Любилъ тоже, запоемъ, нѣсколько дней проиграть, не раздѣваясь и не умываясь, въ карты, до тѣхъ поръ, покуда не спустить все, что есть въ карманахъ. Въ-третьихъ, онъ былъ падохъ на прекрасный полъ, но не изъ среды большого свѣта. Женщины свѣтскія для него не существовали. За то, не было въ Петербургѣ ни одной пріѣзжей шведки, итальянки, французенки, съ которыми бы Перфильевъ не былъ первый другъ и пріятель.

Но, обладая этими тремя слабостями своего времени, Перфильевъ отличался отъ другимъ тѣмъ, что зналъ, гдѣ граница, которую порядочный человѣкъ не переступаетъ.

Проигравъ, хотя бы и большія деньги, онъ не ставилъ ни одной карты и ни одного гроша въ долгъ, и, такимъ образомъ, карточныхъ долговъ у него никогда не бывало ни гривны, а, наоборотъ, за другими пропадали выигранныя суммы. Часто видели Перфильева веселымъ, но никогда пьянство не доходило у него до безобразія и до драки. Напротивъ того, чѣмъ пьянѣй бывалъ онъ, тѣмъ умнѣе, остроумнѣе и забавнѣе.

Гудовичъ, вернувшись, нашелъ въ своей квартирѣ и друзей, и запечатанный пакетъ. Въ этомъ пакетѣ оказалась бумага, по которой онъ могъ получить отъ голландца-банкира сумму въ тысячу червонцевъ и кромѣ того была вложена за-

вернутая въ бумажку игральная карта съ нарисованнымъ на ней букетомъ.

Перфильевъ и Тюфякинъ, близкіе люди Гудовича, удивленные разрисованной игральной картой, тотчасъ приступили къ нему съ допросомъ.

— Это, голубчики, денежный документъ мнѣ самому. А карта эта—такая штука, что если бы мнѣ дали выбирать, такъ я бы и тысячу, и три тысячи червонцевъ отдалъ бы, а карточку эту взялъ.

— Ну вотъ! воскликнулъ Тюфякинъ, и глаза его даже блеснули.

— Вѣрно сказываю, денежки мнѣ, а карточка эта не мнѣ. И отъ кого—сказать ужъ никакъ не могу. Я съ ней долженъ послать довѣреннаго человѣка къ бриллиантику Позье, а онъ, получивъ ее, выдастъ вещичку алмазную, цѣною въ пять тысячъ червонцевъ, которые онъ уже впередъ за работу получилъ. Только вы объ этомъ никому ни слова. Дѣло тайное! По дружбѣ сказываю. Самъ Позье не знаетъ, кто заказалъ, кто деньги послалъ, кто за работой пріѣдетъ и кто его вещичку носить будетъ. Вотъ какъ! весело болталъ Гудовичъ и, сунувъ денежный документъ въ боковой карманъ, онъ тщательно запряталъ игральную карту въ маленькій потайной кармашекъ камзола, застегивавшійся на пуговицу.

— Ну, сегодня я угощаю, сказалъ онъ.—Пріѣзжай черезъ часъ въ Нишлотъ, обернулся онъ къ Перфильеву.

— Нѣтъ, не пріѣду. На Гольцевы деньги пить не стану!

— Догадался, разбойникъ! воскликнулъ Гудовичъ.

— Мудрено очень... Бумага на банкира. Разумовскіе что ли такъ деньги даютъ.

— Пріѣзжай, голубчикъ, не упрямясь, проговорилъ Гудовичъ, —вѣдь это я взаймы взялъ.

— Какъ не взаймы! Хорошо заемъ! разсмѣялся Перфильевъ. —Съ платежемъ безсрочнымъ въ аду угольями.

— Онъ и тебѣ не нынѣ—завтра предложить то же самое, добродушно сказалъ Гудовичъ.

— Нѣтъ, братецъ, мнѣ не предложить. Уже пробовано и въ другой разъ не сунется.

Перфильевъ уѣхалъ, а князь Тюфякинъ объявилъ Гудовичу, что онъ къ нему на весь день, да и ночевать просится, такъ какъ—совралъ онъ—у него въ квартирѣ бѣлятъ стѣны и потолоки.

— Ну, что жъ, отлично, Тюфячекъ. И денежекъ у насъ есть, спасибо Гольцу. Мы сейчасъ пошлемъ всѣхъ своихъ оповѣстить, чтобы собирались скорѣе въ Нишлотъ. Ну, что у тебя спина-то, послѣ Орловскаго битья прошла, аль еще ноетъ?

— Малость легче, задумчиво отвѣтилъ князь.

Черезъ часа полтора, человѣкъ двадцать разныхъ прислужниковъ и прихлебателей любимца государя собрались въ Нишлотъ. Главный заглавно этого кружка Гудовича былъ офицеръ голштинскаго войска, Будбергъ, очень милый и веселый малый, давнишній пріятель Фленсбурга, котораго онъ и ввелъ въ кружокъ. Въ сумерки вся компанія была мертво пьяна, а пьянѣй всѣхъ, озорнѣй и сердитѣй былъ князь Тюфякинъ.

— И что съ нимъ? говорили многіе.—Вина выпилъ мало, а гляди, какъ его разобрало.

Тюфякинъ, повуда еще другіе продолжали пить и орать, показываясь, доплелся до одного дивана, гдѣ лежали ворохомъ давно снятые мундиры и камзолы кутающей компаніи, и повалился на нихъ, собираясь спать.

Если бы компанія была не мертво пьяна, то замѣтила бы, какъ рука князя долго шарилъ въ кучѣ снятаго платья, отыскивая одинъ изъ кармановъ одного изъ камзоловъ. Скоро Тюфякинъ снова поднялся и сталъ жаловаться на нестерпимую боль въ желудкѣ.

— Охъ болить, даже хмѣль вышибаетъ...

И незамѣтно, осторожно, онъ скрылся изъ горницы и изъ трактира. Когда онъ очутился на улицѣ, лицо его восторженно сіяло. Если онъ былъ совсѣмъ трезвъ, когда притворялся пьянымъ, то теперь, пожалуй, опьянѣлъ, но не отъ вина, а отъ радости.

Игральная карточка Позье была въ его рукахъ.

XXIX.

Въ этотъ самый вечеръ государыня умышленно пригласила къ себѣ нѣсколько вліятельныхъ въ Петербургѣ лицъ.

Гости стали собираться какъ-то странно, по очереди: государыня каждому изъ нихъ сказала накануне:

— Намъ надо побесѣдовать, пріѣзжайте прежде другихъ. И каждому назначала она часъ. Такимъ образомъ дѣлала она всегда и успѣвала переговорить или наединѣ или собравъ двухъ-трехъ лицъ прежде всѣхъ другихъ. Въ шесть часовъ явился преосвященный Сѣменовъ.

Архипастырь передалъ государынѣ слухъ о трехъ новыхъ правительственныхъ мѣрахъ, повергнувшихъ все бѣлое духовенство въ ужасъ: о военной службѣ для дѣтей духовныхъ, о выносѣ иконъ изъ церквей и объ опечатаніи всѣхъ домовыхъ церквей, которыхъ было у столичныхъ вельможъ очень много. Послѣ часовой бесѣды государыня сама предложила Сѣменову не оставаться у нея.

— Вамъ съ этимъ народомъ скучно будетъ, сказала она.— Да и пересудовъ не будетъ, коли никто не узнаетъ, что вы у меня были.

— Истинно, сказалъ Сѣменовъ и сталъ собираться.

Когда онъ уже былъ на порогѣ гостиной, провожаемый государыней, онъ обернулся, вздохнулъ и выговорилъ:

— Да, ваше величество, мы не молодцы и не воины, мы Божьи слуги. Мы не можемъ ничего начать, но будьте увѣрены, что если бы что начали молодцы гвардейцы, то я, какъ старшій членъ, ручаюсь за весь святѣйшій синодъ, ручаюсь даже за все духовенство столицы. Для насъ всѣхъ мы мать спасительница, заступница за вѣру, на которую воздвигъ Господь новое гоненіе.

— Благодарю васъ, но что объ этомъ мечтать, вымолвила государыня.— Все это однѣ грезы, и опасныя даже грезы!

Едва только Сѣменовъ отъѣхалъ отъ дворца, къ государынѣ явился воспитатель наслѣдника, Панинъ. Онъ вошелъ со словами:

— Ну что, продана Россія, будемъ на хвостѣ у Фридриха воевать за него со всей Европой и ему же деньги платить?

— Я еще ничего навѣрное не знаю. Екатерина Романовна привезетъ вѣсти.

Панинъ, сильно взволнованный, сѣлъ предъ государыней. Онъ долго молчалъ, нѣсколько разъ взглядывалъ на нее какъ-то странно и, наконецъ, выговорилъ:

— Послушайте, ваше величество, я все хочу побесѣдовать съ вами о важномъ дѣлѣ, даже о двухъ. Одно пустое...

— Ну что-жъ, улыбнулась ласково государыня,—давайте бесѣдовать. Время еще есть, гости еще не скоро стѣдуются.

— Первое дѣло... Правда ли, что у Гольца черезъ недѣлю маскарадъ?

— Сказывали мнѣ это, Никита Ивановичъ. Да не вѣрится. Вѣдь трауру только четыре мѣсяца минуло.

— Славно! Ну, чортъ съ нимъ, съ нѣмцемъ! Второе дѣло, скажите мнѣ, въ какой должности состоятъ при васъ моя пустельга племянница?

— Ни въ какой. Въ должности друга. Я очень люблю Екатерину Романовну, изумилась государыня отъ неожиданности вопроса.

Панинъ пристально глядѣлъ ей въ лицо и отчасти строго.

— Вы понимаете, что я хочу сказать. Я ее тоже очень люблю, но вѣдь она верченая, съ толчкомъ въ головѣ! Начиталась зря всякихъ книжекъ, голова у нея кругомъ и пошла, а оттого она—ни мужчина, ни женщина,—ни пава, ни ворона! Семейныхъ и хозяйскихъ занятій не любитъ, на службу государственную вступить не можетъ, а, между тѣмъ, вы съ ней постоянно бесѣдуете о самыхъ щекотливыхъ дѣлахъ. У нея собираются каждый вечеръ всякіе офицеры гвардіи, не нынче-завтра дойдетъ это до государя и съ ней будетъ худо. И сестрица ей не поможетъ. Да она-то все равно. Но васъ она можетъ замѣшпать въ какое-нибудь глупое дѣло. Вотъ хоть бы недавно, будучи у нея, нашелъ я развернутый томъ французской исторіи и нѣсколько страницъ всѣ исписаны карандашомъ всякими замѣчаніями. А что бы, вы думали, она читала и на чемъ свои помѣтки дѣлала?

Екатерина вопросительно улыбнулась.

— Ну, отгадайте. Да еще прибавила мнѣ, что она изучаетъ это историческое событіе, какъ дѣйство народное, могущее повториться во всякой странѣ.

— La conspiration des poudres! разсмѣялась государыня.

— Нѣтъ, лучше того. Варооломееву ночь!

Государыня начала смѣяться.

— Нѣтъ, оно не смѣшно, утрумо выговорилъ Панинъ.— Представьте себѣ, что ее захватятъ со всѣми ея бумагами, письмами и записочками къ разнымъ гвардейцамъ, да найдутъ эту книжку съ ея замѣтками. Да она сама еще цѣлый ворохъ со страху привреть. Всѣхъ и переберутъ, вырѣжутъ языки, накажутъ плетью и ушлютъ въ Сибирь. За примѣромъ такимъ ходить не далеко. Я не старъ, а на моей памяти бывали такія переборки въ Петербургѣ. Васъ еще не было въ Россіи, когда здѣсь водили по улицамъ и на эшафотахъ примѣры примѣряли надъ Минихомъ, а тамъ надъ Остерманомъ, Левенвольдомъ и другими.

— Я знаю, мнѣ рассказывали это подробно. Это было за годъ, кажется, до моего пріѣзда въ Россію?

— Ну, вотъ. А я-то и хорошо помню, хоть и не великъ былъ.

— Но что вы, Никита Ивановичъ, хотите сказать? вымолвила государыня.

— Хочу сказать, чтобы вы съ моей племянницей не связывались и тѣмъ себя не погубили. Тяжело жить, да что-жъ дѣлать, можетъ все обойдется.

— Никакихъ общихъ дѣлъ у меня съ княгиней, повѣрьте, нѣтъ. Мы только вмѣстѣ отъ скуки забавляемся, читаемъ и переводимъ. Изъ всѣхъ офицеровъ, которые бываютъ у нея, я ни одного не знаю. Зачѣмъ они собираются, я тоже не знаю. У меня желаніе одно: уѣхать изъ Россіи прежде, чѣмъ меня постригутъ.

Панинъ поглядѣлъ въ печальное лице государыни и вымолвилъ:

— Ну, до этого еще, Богъ милостивъ, далеко.

— Нѣтъ, не далеко, тихо выговорила Екатерина и хотѣла

*

что-то прибавить, но появленіе гетмана Кирилла Григорьевича Разумовскаго заставило ее замолчать. Панинъ не долгоблывалъ гетмана и потому разговоръ не клеился. Но вскорѣ стали собираться другіе гости и въ числѣ прочихъ явился артиллерійскій офицеръ Орловъ.

Панинъ съ изумленіемъ встрѣтилъ появленіе могучей фигуры буяна-гвардейца и, обратившись къ одному изъ гостей, Бибикову, вымолвилъ, пожавъ плечами:

— Этотъ зачѣмъ здѣсь? И по какому праву? Что за новый придворный?.. Трактирный битка!

И Панинъ, сильно не въ духѣ, незамѣтно скрылся изъ гостиной и ушелъ на половину наслѣдника.

Довольно поздно явилась княгиня Дашкова. Она долго просидѣла дома, будто ради того, чтобы написать письмо къ мужу. Княгиня была необыкновенно довольна собой. Порученіе государыни, которое было обидно утромъ, какъ малозначущее, теперь казалось ей громаднымъ подвигомъ. Во всякомъ случаѣ, она знала, что на вечерѣ государыни ее ждутъ нетерпѣливо и она прособиралась, желая, по французской пословицѣ, *se faire désirer*!

Дѣйствительно, когда княгиня вошла въ гостинную государыни, то бесѣда смолкла, всѣ вопросительно, нетерпѣливо взглянули на нее. Говорить, однако, было невозможно, такъ какъ былъ непрошенный гость—гетманъ, при которомъ подобный разговоръ былъ бы величайшей неосторожностью. Какъ нарочно, гетманъ на этотъ разъ сидѣлъ и не уѣзжалъ. Нѣкоторые изъ болѣе близкихъ людей стали уѣзжать. Въ числѣ другихъ собрался и цалмейстеръ Орловъ. Онъ промолчалъ весь вечеръ и сумрачный просидѣлъ въ углу гостиной. Только изрѣдка, когда можно было быть незамѣченнымъ, онъ взглядывалъ, мелькомъ, на государыню и взоръ его былъ печаленъ.

Когда онъ сталъ прощаться, государыня отвела его въ сторону, къ окну, и вымолвила:

— Куда же вы?

— Пора, тихо отвѣчалъ Орловъ.

— Что съ вами? Вы печальны. Нѣтъ ли изъѣзда? Можетъ

быть, опять набуянили, — усмѣхнулась она, — и опять будете ѣздить и просить разныхъ заморскихъ красавицъ за васъ заступиться? шутила государыня.

Но Орловъ не усмѣхнулся, грустно смотрѣлъ ей въ лицо и, наконецъ, выговорилъ съ особенной интонаціей:

— Заморскія красавицы прямодушны, искренни, дѣйствуютъ прямо, или говорятъ да, или говорятъ нѣтъ, а не играютъ съ человѣкомъ, какъ кошка съ мышью.

Эти слова имѣли, очевидно, какой-то особенный смыслъ.

— Завтра будетъ подписанъ мирный договоръ! сказала государыня.

— Пускай... Богъ съ нимъ! Мнѣ не до того... Я про свое...

Государыня помолчала нѣсколько мгновений и, наконецъ, окинувъ быстро всѣхъ гостей и видя, что всякій занятъ общимъ разговоромъ, она вымолвила тихо:

— Всему свой часъ. Когда часъ пробѣтъ, тогда совершается всякое на свѣтѣ. И концу міра свой часъ пробѣтъ! улыбнулась она.

— Но когда, когда?! громче выговорилъ Орловъ, такъ-что двое изъ гостей обернулись на его страстный голосъ.

— Когда вы будете болѣе осторожны и будете не такъ громко говорить, разсмѣялась государыня. — Во всякомъ случаѣ, — прибавила она страннымъ голосомъ, будто упавшимъ отъ волненія, — тотъ часъ близится, скоро пробѣтъ.

— Я давно это слышу, ваше императорское величество, нѣсколько раздражительно выговорилъ Орловъ. — Но когда пробѣтъ этотъ часъ?

— Сколько теперь на вашихъ? выговорила Екатерина.

Орловъ не понялъ.

— Я спрашиваю, сколько теперь времени на вашихъ часахъ?

— Десять, выговорилъ Орловъ, недоумѣвая.

— Ну, стало-быть, черезъ три часа, этотъ часъ пробѣтъ.

Лицо Орлова вспыхнуло, глаза свергнули, онъ какъ-то задохнулся и отступилъ на шагъ.

— Это шутка! едва слышно выговорилъ онъ.

Государыня, ничего не отвѣчая, подошла къ гостямъ, сказала два слова любезности и исчезла изъ гостиной.

Орловъ хотѣлъ откланяться, но не могъ, пришлось дожидаться ея возвращенія.

Когда, спустя четверть часа, государыня снова явилась въ гостинную, онъ, недоумѣвая и глядя ей въ лицо, разсѣянно простился со всѣми и вышелъ изъ гостиной, какъ-бы въ какомъ-то туманѣ.

Въ корридорѣ къ нему близко подошелъ довѣренный лакей государыни, Шкуринъ и передалъ ему маленький клочекъ бумаги, сложенный четверугольникомъ.

— Приказали вамъ передать, Григорій Григоричъ, сказалъ Шкуринъ.

Выйдя на улицу, Орловъ поскакалъ домой, нетерпѣливо взбѣжалъ въ свою квартиру и при свѣтѣ фонаря, съ которымъ встрѣтилъ его старикъ Агаѣонъ, онъ прочелъ слѣдующее:

„Часъ пробилъ! Мирный трактатъ завтра подписывается. Мы должны заключить другой, свой трактатъ. Пора словъ прошла, наступила пора дѣйствій. Черезъ три часа я жду васъ у себя для военнаго совѣта передъ генеральнымъ сраженіемъ“.

— Фошка, Фофоска! воскликнулъ Орловъ, какъ сумасшедшій, и такъ бросился обнимать дядьку, что отъ неожиданности восклицанія и объятій Агаѣонъ выронилъ фонарь изъ рукъ. Стѣкла зазвенѣли, разбившись въ дребезги, и свѣчка, вывалившись, покатилась по полу.

— Фофоска, цѣлуй меня! кричалъ внѣ себя Григорій въ полутьмѣ обнимая старика.

— Охъ, напугали... Даже поджилки затряслись... отозвался Агаѣонъ.

— Какое сегодня число, Фошка?

— Какое! Теперь уже ночь, теперь надо считать уже двадцать четвертое! ворчалъ Агаѣонъ, поднимая свѣчу и битыя стекла....

— Ну, Фофоска, когда-нибудь мы съ тобой закажемъ мраморную доску да напишемъ на ней золотыми буквами:

„двадцать-четвертое апрѣля“! И будемъ всякое утро приходиться къ этой доскѣ и земныя ей поклоны класть.

— Полно вамъ! крикнулъ Агаѳонъ.—Только и знаете, что грѣшите. А Богъ-то все слышитъ и помнитъ!

— Стало, память-то у Господа не твоя, Фошка!

— А, ну васъ!... отмахнулся отчаянно Агаѳонъ.—Съ вами и самъ къ чертамъ на сковороду угодишь!

XXX.

Въ этотъ же самый вечеръ на квартирѣ князя Тюфякина тоже зачиналось великое дѣло, своего рода подвигъ.

Тюфякинъ часовъ въ семь уѣхалъ изъ Нишлота, заѣхалъ къ еврею Лейбѣ и объяснился съ нимъ, предложилъ сдѣлку. Не сразу согласился еврей на страшное дѣло. Однако жадность взяла верхъ и онъ обѣщалъ быть у князя чрезъ часъ времени. Это время нужно ему было, чтобы перевести жену съ ребенкомъ въ другое мѣсто. Теперь, князь озабоченный сидѣлъ въ креслѣ передъ кружкой пива и при малѣйшемъ звукѣ въ домѣ съ беспокойствомъ глядѣлъ на дверь. Близъ него на диванѣ лежала полная форма преображенскаго офицера, уже поношенная.

Это былъ мундиръ, который носилъ князь до перехода своего въ голштинцы. Съ тѣхъ поръ мундиръ валялся гдѣ-то въ коммодѣ. Князь его досталъ и собственными руками вычистилъ щеткой, запершись въ комнатѣ на ключъ. Единственнаго своего лакея, Егора, онъ спровадилъ съ квартиры и не приказалъ являться ранѣе поздней ночи.

Наконецъ, за дверью раздался знакомый князю голосъ. Князь вскочилъ, отворилъ дверь и впустилъ еврея Лейбу.

— Что жъ ты, Иуда! Ошалѣлъ что ли? Я тебя сто лѣтъ дожидаюсь! воскликнулъ онъ.—Что ты думаешь, онъ всю ночь не хватится пропажи. Вѣдь девятый часъ.

— Нельзя было, угрюмо проговорилъ Лейба.

— Нельзя было! Проценты ростовщицы вытягивалъ съ кого-нибудь клещами, а тутъ тысячное дѣло пропадаетъ, чортъ эдакій!

— Нѣтъ, ваше сіятельство, ехидно выговорилъ еврей,—не до процентовъ теперь и, по правдѣ сказать, сбывъ жену къ пріятелю, чуть было опять не повезъ домой—страхъ беретъ: ну, какъ онъ ужъ хватился! И теперь тамъ....

— Да дуракъ ты эдакій! Развѣ онъ можетъ самъ туда ѣхать! Вѣдь все дѣло—тайное. Покуда одинъ другому будетъ разяснять пропажу — цѣлый день пройдетъ! Да нечего бабой плакаться. Рѣшайся. А то другого найду. Даже есть у меня другой!

Еврей взглянулъ на князя, глаза его сверкнули, онъ будто испугался.

— Ужъ коли пришелъ, стало быть, рѣшился, выговорилъ онъ злобно.—Только помните, коли вырѣжутъ мнѣ ноздри, заклемятъ лобъ, да накажутъ плетью,—я васъ выдамъ! Все на васъ свалю, скажу и грабилъ не для себя. Что жъ, вѣдь правда. Я вѣдь покупаю, а не краду.

— Ладно, покупатель. Этого я не боюсь. Будешь себя уберегать отъ клейма и плетей, а тѣмъ и меня сбережешь. А притче тебя для такого дѣла нѣту. Ну, вотъ мундиръ—надѣвай.

Лейба всталъ, взялъ съ дивана всю форму преображенскаго офицера и какъ-то странно вздохнулъ, будто дыханіе на мгновеніе сперлось въ груди его.

— Ишь, и этого даже боится, одежды офицерской, разсмѣялся презрительно Тюфякинъ.—Нацѣпляй скорѣе. Время уходить.

Князь всталъ, заперъ снова дверь, Лейба, молча и сопя, сталъ раздѣваться, и, наконецъ, надѣлъ мундиръ. Новая одежда на столько измѣнила фигуру еврея, что Тюфякинъ даже удивился.

— Диво просто! воскликнулъ онъ.—Вотъ даже, какъ скажу повидай тебя офицеромъ, такъ потомъ въ твоёмъ кафтанишкѣ и не признаешь, что тотъ же самый.

— Толкуйте!

— Шпагу-то не этакъ прицѣпилъ, вотъ дурень! Да застегни камзолъ-то, нынѣ за это съ вашего брата офицера строго взыскиваютъ. Вишь и не служилъ, а ужъ въ какомъ

чинѣ, шутилъ князь, оглядывая Лейбу. — Ну, а вотъ карточка родимая. Не потеряй!... выговорилъ онъ даже испуганно, при мысли о потерѣ игровой карты.

Черезъ нѣсколько минутъ Тюфякинъ остался одинъ въ квартирѣ. Онъ то садился, то вставалъ, ходилъ по горницѣ, опять садился и, наконецъ, волненіе его дошло до такой степени, что онъ замѣтилъ самъ, какъ руки и ноги трясутся у него.

Пройдя еще нѣсколько разъ по горницѣ, онъ вспомнилъ, что окно уже выставлено и отворилъ его; подышавъ чистымъ воздухомъ, онъ снова тяжело опустился въ кресло.

— Фу, Господи! воскликнулъ онъ и закрылъ лицо руками. — Вотъ до чего доводитъ треклятая деньга! Ахъ батюшка, родитель! Кабы ты мнѣ изъ всѣхъ вотчинъ второй твоей женки оставилъ хоть бы одну, не было бы этого. Не осрамилъ бы я твое честное имя! Да и самъ-то я, управительствуя у мачихи, зѣвалъ, думалъ видно, что она безсмертная. Теперь что будетъ? Чѣмъ пахнетъ? Ловко подведено, а все-жъ таки можно лапу въ западнѣ оставить. Лапу? И весь останешься, коли Гудовичъ хватился, бросился самъ къ Позье, да Лейбу тамъ накроетъ! О, Господи! Пудовую свѣчу поставлю завтра, если все обойдется! И Тюфякинъ, не отнимая рукъ отъ лица и головы, просидѣлъ въ креслѣ неподвижно болѣе часа.

Въ то же время Лейба, въ одеждѣ преображенскаго офицера, шелъ по направленію къ Полицейскому мосту. Сначала онъ шелъ медленно, нѣсколько разъ останавливался и тяжело вздыхалъ, какъ если бы пробѣжалъ бѣгомъ нѣсколько верстъ. Одинъ разъ онъ остановился и, простоявъ нѣсколько мгновеній молча, ужъ будто поворачивалъ назадъ, но махнулъ рукой, будто взбѣсилъ самъ на себя, и быстрыми шагами направился далѣе.

«Я въ сторонѣ, думалъ онъ. Меня князь посылаетъ за своей вещью. Я ничего не знаю... А мундиръ? Да. Затѣмъ мундиръ надѣлъ, коли простое порученіе справляешь?

Черезъ четверть часа Лейба позвонилъ у маленькаго подъѣзда съ маленькой вывѣской надъ дверями.

Когда мальчишка подмастерье отворилъ дверь, то перео-

дѣтѣй преображенскій офицеръ спокойно, увѣренно и даже бойко вошелъ въ переднюю и велѣлъ доложить господину Позье, что одинъ офицеръ явился къ нему по одному ему извѣстному дѣлу.

— Вотъ это объяснить вамъ все! сказала Лейба, подавая карту, когда Позье вышелъ къ нему.

— А? Конечно, конечно...

Старикъ-женевецъ тотчасъ же попросилъ незнакомца войти. Онъ взялъ карту съ рисункомъ букета и оглядѣлъ офицера съ ногъ до головы.

— Готово-съ. Второй день ожидаю.

— Я немного запоздалъ, заговорилъ Лейба, — но не виновенъ въ этомъ. Вельможа, меня присылающій, хотѣлъ было отложить до завтрашняго утра, а потомъ раздумалъ и послалъ чуть не ночью.

— Все равно, букетъ давно готовъ!

Позье вышелъ въ другую комнату, свою мастерскую, унося карту съ рисункомъ. Черезъ нѣсколько времени онъ явился, неся большой футляръ, отдѣланный малиновымъ бархатомъ. При свѣтѣ канделябра о шести свѣчахъ, который вынесъ за нимъ мальчишка-ученикъ, Позье поставилъ футляръ на столъ... и раскрылъ его.

Казалось, что помимо внесеннаго канделябра зажгли еще два или три. Яркій свѣтъ разлился лучами по всей комнатѣ изъ того, что оказалось въ футлярѣ. Это былъ великолѣпный брилліантовый букетъ, замѣчательно тонкой работы и съ очень крупными камнями.

Лейба почти задохнулся. Глаза его, устремленные на этотъ сияющій и сверкающій букетъ, налились кровью. Если бы старикъ-женевецъ самъ не наслаждался въ эту минуту впечатлѣніемъ, которое производитъ его дѣтище и надъ которымъ онъ трудился такъ прилежно и усердно, то онъ, конечно, замѣтилъ бы, какой хищническій, грабительскій взглядъ устремилъ на брилліанты неизвѣстный посолъ неизвѣстнаго вельможи.

Прошло нѣсколько мгновений молчанія.

— Ну что? Какова работа! каковы камни! Вѣдь тутъ кам-

ней, право, на всѣ пять тысячъ червонцевъ. Я почти ничего не нажилъ себѣ барыша этой работой. Когда-то къ коронаціи покойной императрицы я сдѣлалъ такой же, а онъ былъ заплаченъ мнѣ восемь тысячъ. Такого теперь во всемъ Петербургѣ ни у кого нѣтъ. И, признаюсь вамъ, я не буду спать ночей, покуда не увижу и не узнаю, кого украсить мое произведеніе. Мнѣ даже обидно, что господинъ вельможа не довѣрился мнѣ.

Лейба не слушалъ, онъ ждалъ, что Позье передастъ ему футляръ. Самъ же онъ просто боялся дотронуться до него. Ему казалось, что въ ту минуту, когда онъ самъ возьметъ футляръ со стола, раздастся надъ нимъ громовой ударъ, Позье бросится на него, а изъ-за дверей выйдутъ спрятанные солдаты и потащутъ его въ острогъ.

Наконецъ, еврей, стоявшій въ какомъ-то туманѣ, замѣтилъ, что туманъ этотъ еще болѣе усилился. Въ горницѣ стало темнѣй и онъ не сразу догадался, что стало дѣйствительно темнѣй, потому что Позье ужъ завертываетъ футляръ въ бумагу, а канделябръ потушенъ и въ горницѣ снова горитъ только одна свѣча.

— Ну, вотъ-съ! проговорилъ Позье.—Поблагодарите отъ меня его свѣтлость или, можетъ быть, и высочество за заказъ. А работой они будутъ довольны. Позье—честный труженикъ, артистъ въ душѣ и постарался.... это все!

И въ помертвѣлыя руки Лейбы сунули что-то небольшое, четвероугольное. Онъ шелохнулся, судорожно стиснулъ пальцами этотъ предметъ и, едва не пошатываясь, вышелъ въ переднюю, вышелъ на улицу, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и какъ-то странно ахнулъ, точно проснулся. Онъ провелъ рукой по глазамъ, вдругъ оглянулся на домъ и, наконецъ, будто придя въ себя окончательно, бросился съ мѣста бѣжать во весь духъ. Черезъ нѣсколько шаговъ какой-то прохожій остановился и такъ удивленно поглядѣлъ на Лейбу, что заставилъ его опомниться. Онъ вспомнилъ, что онъ въ мундирѣ преображенца, стало быть, офицеръ, дворянинъ, и что ему бѣгать по улицѣ не приходится.

Черезъ четверть часа Лейба былъ въ квартирѣ князя, а

раскрытый футляръ искрился и сіялъ на столѣ Тюфякина.

Лейба, снявъ мундиръ, остался въ камзолѣ и стоялъ молча и неподвижно. Лицо его было серьезно, почти угрюмо. Князь Глѣбъ тоже какъ-то смущенно сидѣлъ у стола.

— Ну, что жъ, выговорилъ онъ, наконецъ.— Все слава Богу. А, снявши голову, по волосамъ не плачутъ. Ступай за деньгами.

Уже около полуночи, Лейба появился снова въ квартирѣ князя, отсчиталъ ему двѣ тысячи червонцевъ, принесенныхъ въ мѣшечкѣ, взялъ брилліантовый букетъ и, обернувъ въ бумагу, положилъ въ боковой карманъ.

— А футляръ-то бросьте въ Неву или сожгите въ печи, вымолвилъ онъ глухо,—да прикажите хорошенько размѣшать.

— Нѣтъ ужъ самъ, душка Іудушка, возьму вочергу да размѣшаю. Съ той минуты, что букетъ былъ въ карманѣ Лейбы, а у князя на столѣ лежала куча однихъ червонцевъ, князь повеселѣлъ сразу.

„Они немѣченные, ихъ не Позье дѣлалъ“, думалъ онъ, и князь радостно смѣялся сердцемъ.

— Ну, прощай, князь, выговорилъ Лейба,—не поминай лихомъ. Коли доберусь я счастливо до Кенигсберга, то, пожалуй, тебѣ и спасибо скажу. Ты все-таки честно рассчитался со мной и даже далъ возможность мнѣ нажать тысячу червонцевъ. Эта старая собака такъ работаетъ, что я его букетъ вдвое дороже продамъ вездѣ, и въ Берлинѣ, и въ Вѣнѣ, и въ Парижѣ.

— Вишь, какъ распутешествовался! засмѣялся князь.

— Да. Намъ, честнымъ евреямъ, вездѣ дорода. Только въ Россію ужъ не вернусь никогда. Ну, прощай, князь!

— Прощай, прощай, Іуда. Жаль мнѣ тебя. Выйдутъ эти червонцы, не буду знать, гдѣ другіе достать, весело заговорилъ князь.

Лейба вышелъ въ прихожую, надѣлъ шапку, досталъ свою палку въ углу, постоялъ мгновенье и, наконецъ, полушутя, полуугрюмо сталъ взмахивать и водить палкой, будто гладить ею по полу, причемъ нѣсколько нагибался къ полу.

Князь тотчасъ узналъ жестъ палача, сбѣгающаго преступника плетью.

— Ну, ну, авось, обойдется, размѣялся князь. — Развѣ гдѣ послѣ за другое что....

— Ну, а словать меня на границѣ, то выдамъ. Вотъ мое послѣднее слово, проговорилъ Лейба и вышелъ на улицу.

Тюфякинъ вернулся въ свою горницу и спряталъ деньги въ коммодъ, отдѣливъ одну кучку въ особый уголъ.

— Жаль мнѣ васъ, говорилъ онъ, глядя на отдѣленную кучку, — только-что получилъ и вези къ этимъ головорѣзамъ Орловымъ. Нужно было тогда въ карты играть! Ну, да чортъ съ ними, даровому коню въ зубы не смотрять. А дѣло будетъ шито да крыто. Не таковъ мой Иуда, чтобы попасться на дорогѣ или гдѣ на границѣ государства. Онъ въ игольные уши пролѣзетъ, не только черезъ саженную заставу россійскую.

Князь тотчасъ же пошелъ въ кухню, притащилъ самъ нѣсколько полѣнъ и, бросивъ въ печку малиновый, изящно отдѣланный футляръ, покрылъ его дровами.

„Красивая штука, даже жечь жалко!“ невольно подумалось ему.

Кое-какъ напхвывая дрова, онъ досталъ лучину и зажегъ печку.

Дрова начали было горѣть, но черезъ минуту снова потухли, такъ какъ князь зря, кучкой, навалилъ ихъ въ печь.

— Ишь, не хотятъ горѣть, поганья! воскликнулъ онъ вслухъ и даже какъ-то особенно весело.

Чувство радости, что у него въ коммодѣ лежитъ цѣлая куча червонцевъ, конечно, не покидало его ни на минуту. Князь былъ изъ тѣхъ людей, которые тогда и счастливы и довольны, когда у нихъ деньги.

Онъ снова разжегъ лучину и дрова, наконецъ, занялись большимъ пламенемъ. Онъ захлопнулъ дверцу печки и, чувствуя себя усталымъ отъ цѣлаго дня, проведеннаго въ волненіи, пошелъ къ себѣ въ спальню полежать.

Князь предполагалъ, не смотря на позднее время, все-таки отправиться прямо въ Нишлотъ или «Нѣмцевъ Карачунъ», гдѣ онъ надѣялся найти еще Гудовича или офицеровъ своего

пола и гдѣ, слѣдовательно, можно было весело провести всю ночь и, кромѣ того, отвлечь подозрѣнія Гудовича. Но, вѣроятно, князь черезчуръ проволновался и усталъ, потому что едва прилежъ, какъ заснулъ крѣпкимъ сномъ.

За-полночь явился въ его квартиру лѣнивый, вѣчно лохматый и замаслянный съ головы до пятъ, его Егоръ и прислушался къ храпу барина. Онъ двинулся въ кухню, но по дорогѣ, въ темнотѣ, споткнулся среди коридора на полѣно, выроненное княземъ, и удивился.

— Вишь ты, вздумалъ печку топить въ такую теплынь! Да еще самъ! Теплота такая на дворѣ, а онъ замерзъ!

Освидѣтельствовавъ въ кухнѣ дрова, Егоръ не досчитался цѣлой охапки. Онъ, конечно, тотчасъ же зажегъ огарокъ и тихонько отправился поглядѣть, какую печку и какъ затопилъ баринъ. Перепробовавъ двѣ или три печи руками, онъ, наконецъ, убѣдился, что всѣ холодныя.

„Что за притча! не сожралъ же онъ дрова!“ подумалъ Егоръ и началъ лазить, открывая заслонки. Оглядѣвъ двѣ пустыя, въ третьей онъ нашелъ дрова, опаленныя пламенемъ.

Егоръ сѣлъ около печки, держа огарокъ въ рукахъ, и замоталъ презрительно головой.

— Вотъ не за свое дѣло-то братья! Нешто они будутъ горѣть такъ? Нашвырять зря да подпалили и думаетъ — все тутъ. А сдѣлай я это.... Ругать! Э-эхъ, вы!...

И праздному лакею пришелъ на умъ вопросъ:

«Что дѣлать: растопить или повытаскать дрова обратно? Вѣдь теплынь на дворѣ.... Лучше повытаскать да сбить со сѣдѣй за стаканъ водки....»

Черезъ нѣсколько секундъ тихонько, чтобы баринъ не проснулся, Егоръ повытаскалъ всѣ дрова на полъ. Онъ далеко засовывалъ руку и вынималъ осторожно полѣно за полѣномъ. Но вдругъ онъ громко ахнулъ и отдернулъ руку, точно будто его укусило что въ печи.

«Что за лѣшій?» подумалъ онъ.

Подъ руку, вмѣсто полѣна, попало что-то легонькое и вдобавокъ мохнатое. Онъ сунулъ огарокъ въ печку и опять не-

много ахнулъ: что-то красное лежало среди старой золы и черныхъ углей.

Черезъ мгновеніе, однако, страхъ прошелъ, а красивый малиновый футляръ былъ у него въ рукахъ и лакей, не зная еще что дѣлать, бѣжалъ съ нимъ въ кухню.

— Что за притча! повторялъ онъ. — Что за баловство! Не по ошибкѣ же баринъ бросилъ туда такой ларецъ, а нарочно сжечь хотѣлъ? А зачѣмъ? Да мало ли у баръ какія затѣи.

Какъ ни былъ глупъ Егоръ, однако сообразилъ, что надо дѣлать. Онъ спряталъ футляръ у себя въ ларѣ, а самъ, вернувшись въ гостиную, какъ слѣдуетъ снова наложилъ дрова и зажегъ ихъ.

Когда, на утро, князь Тюфякинъ проснулся, удивляясь, что онъ проспалъ всю ночь одѣтый, первая его мысль была о футлярѣ.

«Ни единой ниточки не осталось!» весело подумалъ онъ, оглядѣвъ горячую, истопленную печь.

XXXI.

Въ послѣднихъ числахъ апрѣля, въ домѣ посланника, барона Гольца, была суетня, шли приготовленія къ офиціальному вечеру, который онъ давалъ столицѣ.

Предполагался балъ-маскарадъ, на которомъ, конечно, долженъ былъ присутствовать государь, весь дворъ и все петербургское общество. Гольцъ праздновалъ мирный договоръ, подписанный государемъ двадцать четвертаго апрѣля.

Этотъ мирный договоръ стоило отпраздновать прусскому послу и любимцу Фридриха. За весь XVIII вѣкъ не было еще заключено такого мирнаго договора между двумя странами, какой сумѣлъ заключить юный дипломатъ.

Король получалъ въ подарокъ отъ императора почти половину своего королевства, уже завоеваннаго русскими, и, кромѣ того, прибрѣталъ надежнаго союзника во всѣхъ предполагавшихся политическихъ затрудненіяхъ; потомъ получалъ тогчасъ двадцати-тысячный русскій корпусъ генерала Чернышева, кото-

рый еще недавно билъ и разбивалъ его генераловъ, а теперь долженъ былъ, подъ командой короля, бить своихъ прежнихъ союзниковъ; наконецъ, король имѣлъ въ виду получить большую денежную сумму, превосходившую миллионъ.

Съ своей стороны, Фридрихъ не жертвовалъ ничѣмъ. По выраженію государыни, онъ давалъ: „*Le pavé de l'enfer, en échange*“, такъ какъ извѣстно, что „*l'enfer est pavé de bonnes intentions*“. Фридрихъ обѣщалъ помочь сдѣлать курляндскимъ герцогомъ принца Жоржа, если оно будетъ возможно; уговорить Данію отдать русскому императору Шлезвигъ, но если Данія не согласится, то... *aviser*; помочь императору деньгами или войскомъ, если онъ начнетъ какую либо войну. Но таковой войны не предполагалось. И вся нѣмецкая партія въ Петербургѣ, т. е. именующие „голштинцы“, въ этомъ вопросѣ сходились и были единодушны съ партіей елизаветинцевъ. Избѣгнуть войны всячески было единственнымъ пунктомъ неспорнымъ. Никто во всей Россіи, начиная отъ первыхъ министровъ и сановниковъ и кончая послѣднимъ рядовымъ гвардіи и арміи, не желалъ войны. А вліятельный Гольцъ долженъ былъ еще всячески отговаривать русскаго государя по той простой причинѣ, чтобы избавить своего повелителя отъ необходимости помогать союзнику.

Гольцъ за послѣдніе дни былъ особенно въ духѣ, даже счастливъ.

Онъ былъ, конечно, честолюбивъ, въ хорошемъ смыслѣ слова и зналъ, что въ скоромъ времени договоръ Пруссіи и Россіи, его дорогое дѣтище, заставитъ ахнуть всю Европу, обозлитъ Францію, удивитъ Англію, поразитъ въ сердце Австрію, переполошитъ всю Европу. Онъ зналъ, что его имя, въ продолженіи цѣлаго лѣта, будетъ повторяться повсюду, будетъ на устахъ всѣхъ королей, министровъ, посланниковъ и сановниковъ всей Европы. Онъ, какъ полководецъ, далъ и выигралъ блистательное сраженіе. Этимъ трактатомъ онъ приобрѣталъ себѣ сразу славу и имя на дипломатическомъ поприщѣ.

Всякій человѣкъ, рѣшившій трудную задачу и отличившійся въ глазахъ всѣхъ и своихъ собственнхъ, конечно, счастливъ, но когда къ этому сознанію прибавляется еще сознаніе своей

молодости, то юношескій пылъ беретъ верхъ и герой счастливъ, какъ ребенокъ. Если въ настоящемъ уже много... то сколько еще впереди!..

Гольцъ сознавалъ свое превосходство передъ всѣми европейскими дипломатами, вспоминая, что ему еще только двадцать шесть лѣтъ! Онъ зналъ, что король Фридрихъ не такой человекъ, чтобы не понять и не оцѣнилъ его громадной заслуги передъ отечествомъ. Гольцъ ожидалъ съ часу на часъ всевозможныхъ наградъ: и повышеніе въ чинѣ, и звѣзду, и деньги, и графство, о которомъ мечталъ. Однимъ словомъ, красивый и элегантный баронъ былъ счастливъ, веселъ и доволенъ, какъ ребенокъ. Когда онъ вспоминалъ, какъ просто устроилъ онъ все дѣло, то ему становилось даже смѣшно.

Слѣзди всѣ послы съ визитомъ къ Жоржу, то государь не отказывалъ бы имъ два мѣсяца въ аудіенціяхъ и они не прозѣвали бы трактата. Всѣ резиденты, и англійскій Кейтъ, и французскій Брестель, и австрійскій Мерсіи, сидѣли по своимъ нормамъ и переписывались съ кабинетами, а онъ въ это время курилъ вонючій кнастеръ, дружилъ со всѣми, ухаживалъ, давалъ взаймы и дарилъ...

„А букетъ Воронцовой!“ вспомнилъ Гольцъ и невольно усмѣхнулся. „Всего-то пять тысячъ червонцевъ, а изъ-за нихъ пріобрѣтается Богъ-вѣсть что. Да вдобавокъ и деньги-то не его личныя и могли бы, какъ у многихъ резидентовъ иностранныхъ, уйти на наемъ разныхъ шпионовъ и тайныхъ агентовъ, которые эти деньги прокучиваютъ и не служатъ никакой помощью для ихъ наемщиковъ“.

Гольцъ призвалъ одного изъ своихъ секретарей и далъ ему словесное порученіе, отправиться къ Гудовичу и спросить у него: получена ли вещь ему извѣстная, передана ли по принадлежности и довольны ли ею.

Черезъ часъ секретарь вернулся назадъ и объяснилъ, что господинъ Гудовичъ очень чѣмъ-то встревоженъ, никакого отвѣта не далъ, а общалъ тотчасъ-же пріѣхать самъ.

И вслѣдъ за секретаремъ явился Гудовичъ встревоженный и объяснилъ Гольцу простую вещь: карточку съ рисункомъ онъ потерялъ, проискалъ ее цѣлый день повсюду, не нашелъ и по-

сталъ довѣренное лицо, князя Тюфякина, который, конечно, не разболтаетъ ни слова, предупредить бриллианщика, чтобы онъ не давалъ вещь никому, покуда лицо, заказывавшее будетъ, не явится лично за полученіемъ. Оказалось, что Позье наканунѣ вечеромъ отдалъ букетъ преображенскому офицеру, а карточку получилъ и въ доказательство передалъ ее обратно. Гудовичъ вынулъ разрисованую игральную карту, которая прошла столько рукъ и передалъ ее Гольцу.

— Стало быть, вмѣсто бриллиантоваго букета, я получаю нарисованный! разсмѣялся Гольцъ немножко насмѣшливо.—Однимъ словомъ, украли. Не скажу, чтобы это мнѣ было очень пріятно.

И баронъ съ досадой отошелъ отъ Гудовича къ окну и сталъ барабанить по стеклу, насвистывая какой-то маршъ.

„Пять тысячъ червонцевъ, думалъ Гольцъ,—сумма не большая, но подарить ее какому-нибудь мошеннику крайне неприятно. Самъ виноватъ! Надо было попросить взять вещь графиню Скабронскую, а не этого тюлена. Потерялъ?!. Чортъ его знаетъ!.. Всѣ вы тутъ хороши!“

И баронъ сталъ спрашивать Гудовича о подробностяхъ, но тотъ могъ только повторить снова то же самое,—карточка имъ была потеряна, найдена кѣмъ-нибудь, вещь законнымъ образомъ получена и слѣдовъ никакихъ.

— Но позвольте! Нашедшій карточку святымъ духомъ узналъ, что по ней можно получить бриллиантовый букетъ?!. И можно у Позье?! воскликнулъ вдругъ Гольцъ.—Стало-быть вы рассказали многимъ, что это за карточка?

Гудовичъ сознался, что пилъ въ трактирѣ и болталъ объ карточкѣ. Какой-нибудь лакей могъ слышать.

„А, можетъ быть, и офицеръ!“ подумалъ Гольцъ, но разумѣется этого не сказалъ.

Гудовичъ прибавилъ, что такъ какъ онъ въ этомъ дѣлѣ кругомъ виноватъ, то будетъ просить государя выдать ему изъ собственныхъ денегъ необходимую сумму, которую онъ возвратитъ барону. Гольцъ на это, разумѣется, не могъ согласиться.

— Нѣтъ, это невозможно. Но я буду только просить госу-

даря, приказать Корфу взяться усердно за это дѣло и искать вора.

Гудовичъ уѣхалъ, а Гольцъ немедленно отправился къ графинѣ Скабронской спросить ея мнѣнія, рассказать ей все и попросить купить поскорѣе что-нибудь другое.

Маргарита, разумѣется, ничего не знала: ея дѣло было только передать барону полученную карточку.

Посидѣвъ у графини, побесѣдовавъ съ ней, разспросивъ ее о томъ, что говорить въ Петербургѣ о мирномъ договорѣ и о немъ самомъ, Гольцъ развеселился и забылъ и думать объ украденной суммѣ.

— Главная бѣда, сказалъ онъ,—не въ томъ. Главная бѣда, что мнѣ теперь нечего ко дню маскарада поднести Воронцовой. У Позье навѣрное нѣтъ ничего готоваго выше какихъ-нибудь трехсотъ червонцевъ.

Маргарита согласилась съ этимъ, но затѣмъ покуда Гольцъ продолжалъ рассказывать ей о своихъ приготовленіяхъ къ балу, Маргарита задумалась и соображала что-то. Наконецъ, какъ-бы пришла въ себя и вымолвила:

— Хотите у меня купить брилліантовую брошь, только-что передѣланную заново тѣмъ же Позье и которая мнѣ не нужна? Мы ее свеземъ къ нему, оцѣнимъ и вы возьмете.

Гольцъ съ радостью согласился.

Когда онъ уѣхалъ, Маргарита позвала свою любимицу и весело объявила ей:

— Ну, Лотхенъ, опять деньги есть! Одну вещь изъ дѣдушкиныхъ продала.

— Это все прекрасно, *liebe Gräfin*, но когда же вы заплатите дѣдушкѣ за эти всѣ брилліанты? выговорила Лотхенъ, насмѣшливо и двусмысленно усмѣхаясь.

— Не скоро, Лотхенъ. И по правдѣ сказать тебѣ... Я буду откладывавать и тянуть дѣло до тѣхъ поръ, покуда не наступитъ часъ, въ который мнѣ можно будетъ совсѣмъ не платить!

— А развѣ такой часъ наступитъ? Не вѣрю.

— Вѣрь, Лотхенъ.

Горничная помолчала и выговорила, смѣясь:

— Ну, а сержантъ?

— Ну, объ этомъ не смѣйся. Это не шутки! какъ-то странно произнесла Маргарита, задумчиво и грустно.

Лотхенъ вытаращила глаза и чуть-чуть не пожала плечами.

XXXII.

Перваго мая въ сумерки, въ домѣ прусскаго посланника волненіе и движеніе усилились.

Къ семи часамъ весь большой домъ горѣлъ огнями и свѣтлые, лучистые столпы выливались изъ оконъ, освѣщая, какъ днемъ, широкую улицу. Кромѣ того, около подъѣзда и вокругъ всего дома горѣли плошки и боченки съ смолой.

Взводы гвардейскихъ солдатъ отъ разныхъ полковъ въ красивыхъ новыхъ мундирахъ стали появляться подъ командой капрановъ и сержантовъ, и ихъ разставляли часовыми на улицѣ, у подъѣзда, въ передней, на широкой лѣстницѣ и до дверей самой пріемной. Это было сдѣлано по приказу государя, въ знакъ особаго почета къ любимцу и посланнику новаго союзника-короля.

На большой лѣстницѣ, украшенной гирляндами и вѣнками и покрытой краснымъ сукномъ, преображенскій сержантъ разставлялъ часовыхъ изъ своего взвода, и двухъ изъ нихъ поставилъ у самыхъ дверей, ведущихъ въ пріемную. Сержантъ былъ Шепелевъ, а одинъ изъ рядовыхъ, котораго онъ умышленно поставилъ не въ передней, и не на лѣстницѣ, а на томъ мѣстѣ, гдѣ будетъ видно всѣхъ гостей, былъ Державинъ. Но оба друга, сержантъ и рядовой, были какъ-то грустны. Шепелевъ былъ немного блѣденъ и снова почти въ такомъ же состояніи, какъ когда-то до своего свиданія съ Маргаритой у гадалки.

Державинъ былъ тоже грустенъ. Переводъ его въ голштинцы все не ладился съ великаго поста, а на дворѣ ужъ май мѣсяцъ. Вдобавокъ, хотя онъ и любилъ своего ученика, но невольно сталъ теперь завидовать ему. Этотъ добрый малый ничѣмъ, конечно, не отличился, былъ такой же рядовой, какъ и онъ, а теперь, перескочивъ черезъ чины капрала и унтеръ-офицера, попалъ

прямо въ сержанты, Богъ вѣсть какъ, Богъ вѣсть за что,—по какой-то странной, никому въ полку непонятной случайности,—по капризу принца Жоржа.

„И вотъ вся жизнь такъ пройдетъ“, думалось рядовому Державину, съ ружьемъ на плечѣ, когда онъ глядѣлъ на товарища-сержанта со шпагой. „Одному везетъ, а другому нѣтъ. Почему одному везетъ, и почему другому не везетъ—сама матушка фортуна не знаетъ“.

Баль-маскарадъ у прусскаго посланника, объявленный за три дня передъ тѣмъ въ городѣ, т.-е. вскорѣ послѣ тайнаго подписанія мирнаго договора, надѣлалъ много шума въ столицѣ.

Голштинцы, и русскіе, и нѣмецкіе, конечно, ликовали. Этотъ маскарадъ былъ видимый признакъ, что на ихъ улицѣ праздникъ.

Партія елизаветинцевъ, конечно, негодовала, всякій со своей точки зрѣнія. Одни говорили, что со смерти покойной императрицы прошло только четыре мѣсяца, что это своего рода скандалъ. Другіе прибавляли, что Гольцъ могъ бы сдѣлать простой балъ, но на-смѣхъ дѣлаетъ маскарадъ прежде, чѣмъ кончился трауръ по государынѣ, бывшей всю жизнь врагомъ Фридриха.

Многіе являлись къ государынѣ спрашивать, поѣдетъ ли она. Екатерина Алексѣевна не отвѣчала ни да, ни нѣтъ, но въ умѣ давно рѣшила въ этотъ день заболѣть и остаться дома.

Многіе, какъ Разумовскіе и вообще близкіе люди покойной императрицы, чувствовали себя оскорбленными, и тоже общались захворать и не быть въ маскарадѣ.

Но за день до перваго мая, прошелъ по лагерю елизаветинцевъ какъ бы пароль: всѣмъ быть въ маскарадѣ.

Одинъ изъ самыхъ молчаливыхъ на видъ и лѣнливыхъ офицеровъ кружка Орловыхъ, Пассекъ—былъ въ то же время самымъ благоразумнымъ, осторожнымъ и тонкимъ.

Пассекъ былъ особенно близокъ и друженъ съ княгиней Дашковой и чаще другихъ бывалъ у нея. И она, и онъ разсудили, что не быть въ маскарадѣ прусскаго посланника, значитъ дать возможность врагамъ пересчитать и, такъ сказать, помѣтитъ всѣхъ главныхъ лицъ непріязненнаго лагеря. Дашкова, конечно, передала это государынѣ. Въ тотъ же вечеръ неизвѣстными никому

но, конечно, известными государынѣ путями, весь лагерь елизаветинцевъ, явныхъ и смѣлыхъ, осторожныхъ и боязливыхъ получилъ какъ бы приказъ готовить костюмы и мундиры и ѣхать къ Гольцу.

И теперь не только тѣ, которые хотѣли умышленно захватить, стали собираться на балъ, но даже и тѣ, которые дѣйствительно хворали.

Въ восемь часовъ уже начался шумъ на улицѣ, крики кучеровъ и форрейторовъ, солдатъ и полицейскихъ, громъ копытъ и колесъ по мостовой; гости начали съѣзжаться.

Гольцъ встрѣчалъ всѣхъ въ дверяхъ, отдѣлявшихъ большую украшенную зеленю и вѣнками лѣстницу отъ прихожей, гдѣ на двухъ стѣнахъ, одинъ противъ другого, висѣли два щита съ двумя государственными гербами — прусскимъ и российскимъ.

И здѣсь сержантъ Шепелевъ, приглашенный любезно Гольцемъ находиться въ самой пріемной, въ качествѣ дежурнаго, могъ видѣть весь высшій столичный кругъ.

Здѣсь въ часъ времени прошли всѣ министры, послы, фельдмаршалы, сенаторы, всѣ красавицы и львицы. Всѣ пожилые люди были, конечно, въ своихъ мундирахъ, но молодые женщины и многіе офицеры гвардіи были въ костюмахъ.

И подъ звуки огромнаго оркестра на хорахъ, весь щегольской домъ Гольца переполнился блестящей, сіяющей, даже сверкающей, какъ радуга, всевозможными цвѣтами, шумной и гульливой толпой. Многіе были просто костюмированы, другіе въ маскахъ. Большая часть проходившихъ съ замаскированными лицами тайкомъ и быстро показывали лицо свое хозяину дома изъ вѣжливости, какъ бывало принято, или же просто знакомъ, двумя словами знакомаго голоса, какъ бы называли себя. Часто Гольцъ не могъ слышать голоса встрѣчаемыхъ, но дѣлалъ видъ, что узнаетъ.... Отчасти, въ глазахъ его начинало уже рябить отъ этой вереницы пестрыхъ костюмовъ и мундировъ, отчасти и музыка мѣшала, и гулъ голосовъ бесѣдующихъ гостей, который смѣшивался съ музыкой и иногда даже заглушалъ звуки литавръ и трубъ.

Шепелевъ стоялъ у стѣны невдалекѣ отъ входныхъ дверей

и глазъ не спускалъ съ порога, гдѣ красивый посланникъ принималъ гостей. Ему казалась странной та случайность, что именно его было приказано послать по наряду дежурнымъ на балъ къ этому единственному человѣку во всемъ Петербургѣ, котораго онъ всѣмъ сердцемъ, всѣмъ юношескимъ пыломъ ненавидѣлъ и проклиналъ.

Онъ былъ убѣжденъ, что это его счастливый соперникъ; не будь его на свѣтѣ, быть можетъ, она не обошлась бы съ нимъ такъ, какъ обошлась въ послѣдній разъ въ квартирѣ Позье. И что за капризъ сказать, что она даже не графиня? Шепелевъ уже послѣ сообразилъ, что она могла скрывать свое имя отъ Позье, что онъ сдѣлалъ нескромность. Но почему же она не пустила его къ себѣ? Почему обошлась такъ гордо и глядѣла на него такъ презрительно, такимъ оскорбительнымъ взглядомъ? Навѣрное онъ, этотъ Гольцъ — его счастливый соперникъ! Онъ чувствовалъ, что глубоко ненавидитъ этого человѣка, а, между тѣмъ, эта ревность, эта ненависть казалась для него самой глупою и смѣшною. Что общаго между нимъ, юношей сержантомъ, и этимъ молодымъ красавцемъ, который ужъ теперь первая личность двухъ странъ, важное государственное лицо въ Пруссіи и, по общему отзыву, теперь самое вліятельное лицо и въ русскомъ государствѣ?..

— Онъ любимецъ Фридриха II и Петра III, а я любимецъ.... Квасова! грустно шутилъ юноша.

И въ Шепелевѣ совершалась томительная борьба, сказывавшаяся какою-то острой болью на сердцѣ, какою-то страшной тягостью въ головѣ, во всемъ существѣ. Пускай бы она не любила его! Онъ не стоитъ любви такой женщины! Что онъ такое? Мальчишка! Но она любитъ, вотъ, этого! За что? За то лишь, что онъ посланникъ.

И юноша, постоянно, то и дѣло, какъ бы забывался, стоя близъ стѣны прихожей. Вереницы яркихъ костюмовъ и масокъ вились передъ его глазами, но онъ почти не глядѣлъ на нихъ, Изрѣдка рука его, державшая обнаженную шпагу, судорожно стискивала эфесъ и глаза впивались въ фигуру элегантнаго и красиваго хозяина дома, въ блестящемъ мундирѣ.

Если бы Гольцъ имѣлъ время обернуться на юношу де-

журнаго, — съ обнаженной шпагой въ рукѣ, и примѣтитъ его взглядъ, то, конечно, не смотря на свои заботы, онъ бы все-таки призадумался....

А, между тѣмъ, сержантъ не могъ оторвать взора отъ дверей еще по другой причинѣ. Онъ каждую минуту ожидалъ появленія именно той, отъ которой такъ мучился и страдалъ. Онъ зналъ навѣрное, что графиня Сеабронская будетъ въ числѣ приглашенныхъ дамъ, какъ близкій другъ хозяина.

Наконецъ, на нѣсколько минутъ вереницы гостей, входившихъ по лѣстницѣ, громъ и гулъ подъѣзжавшихъ экипажей, вдругъ прекратились.... Всѣ съѣхались.

„А ея нѣтъ!“ думалъ Шепелевъ. Но онъ утѣшался мыслию, что и государь еще не пріѣхалъ. Разумовскихъ еще нѣтъ, Воронцовой еще нѣтъ.

Гольцъ замѣтилъ перерывъ въ съѣздѣ гостей и обрадовался возможности отойти отъ дверей и отдохнуть. Такъ какъ каждое слово его въ этотъ вечеръ могло быть замѣчено, рассказано, перетолковано, то онъ рѣшилъ заранее почти не говорить ни съ кѣмъ изъ высшихъ сановниковъ, въ отдѣльности, т. е. безъ свидѣтелей, и, вообще, мало говорить, подъ предлогомъ хлопотъ хозяина.

Теперь, въ свободную минуту, онъ замѣтилъ въ той же прихожей будто стерегущихъ его: фельдмаршала Трубецкаго, Теплова и новаго врага своего, на дняхъ побѣжденнаго имъ, тайнаго секретаря государя, Волкова. Онъ догадался, что они хотятъ съ нимъ заговорить, но увернулся очень ловко и парировалъ свѣтское нападеніе врага.

Гольцъ, увидѣвъ фигуру юноши, отошелъ къ нему и сталъ говорить съ нимъ, будто бы о дѣлѣ. Въ дѣйствительности, онъ спрашивалъ, дѣлаетъ ли преображенскій полкъ успѣхи въ экзерциціи, многіе ли офицеры говорятъ по-нѣмецки, какъ солдаты приняли новую форму.

При этомъ юный посланникъ глядѣлъ на юношу-сержанта такъ, какъ сталъ бы смотрѣть на кресло, столъ или канделябръ.

Конечно, Шепелевъ, не привыкшій къ свѣтскимъ пріемамъ, все-таки понялъ, что посланникъ говорить не съ нимъ лично,

а что ему нуженъ какой-нибудь предметъ. Онъ отвѣчалъ кратко, слегка смущаясь, но не столько отъ неловкости, сколько отъ горькаго чувства на сердцѣ.

Не успѣлъ онъ отвѣтить двѣ или три фразы посланнику, какъ въ дверяхъ показалась новая маска. Ее нельзя было бы не замѣтить въ цѣлой толпѣ ряженныхъ: костюмъ ея бросался въ глаза.

Послѣ вереницы костюмовъ и мундировъ, которые отчасти ослѣпили глаза Гольцу и сержанту, новая гостя-маска являлась отдыхомъ для глазъ.

Гольцъ, замѣтя, что юноша зорко смотритъ въ дверь, обернулся и тоже удивился.

Къ нему шла тихо монашенка-кармелитка. Весь костюмъ ея состоялъ изъ длинной и простой рясы до полу, изъ бѣлаго кашемира. Большіе, широкіе рукава спадали до пальцевъ, закрывая даже на половину ея бѣлыя перчатки. Большой капюшонъ былъ собранъ складками на головѣ и спускался прямо на лобъ и на бѣлую атласную маску съ золотымъ кружевомъ, слегка закрывавшимъ ротъ и подбородокъ. Въ талии эта ряса была схвачена сѣрымъ шелковымъ шнуромъ, очень искусно изображавшимъ простую веревку. На этомъ отшельническомъ кушакѣ были перекинута бѣлыя перламутровыя четки съ медалькой на концѣ.

Костюмъ этотъ былъ даже не костюмъ; толстыя складки бѣлаго матоваго кашемира такъ закрывали эту женщину, что не было никакой возможности догадаться, молода ли она, старала. Во всякомъ случаѣ, не было ни малѣйшей возможности узнать, кто она.

Но странное дѣло. Случилось то, что случалось въ подлунномъ мірѣ во всѣ вѣка и будетъ случаться во вѣки впредь. Юноша-сержантъ или, лучше сказать, его влюбленное, томящееся сердце узнало, кто эта маска. Едва появилась эта кармелитка и переступила порогъ, и двинулась къ нему вся тщательно укутанная съ головы и до носковъ бѣлыхъ башмаковъ, Шепелевъ уже зналъ навѣрное, чувствовалъ, что это Маргарита.

Посланникъ, вѣроятно, не былъ влюбленъ въ Маргариту,

потому что подошелъ къ гостѣѣ, протянулъ ей, вѣжливо кланаясь, руку, но глаза его говорили:

— Я васъ не знаю, скажитесь.

— Что? Вы меня не узнаете?

И, благодаря замолкшей музыкѣ, благодаря чуткому настроенію Шепелева, онъ ясно слышалъ голосъ Маргариты.

Гольцъ узналъ тоже голосъ, ахнулъ и выговорилъ по-нѣмецки:

— Но вѣдь вы хотѣли быть не въ этомъ костюмѣ?

— Это мой капризъ, а отчасти необходимость. Вы получили мою записку? Комната приготовлена? Спасибо. И я полная тамъ хозяйка, хотя бы до утра?..

И на утвердительный отвѣтъ, графиня прибавила:

— Ну, покажите ее мнѣ, чтобы я знала заранѣе, гдѣ она.

Гольцъ тотчасъ же подаль графинѣ руку и повелъ ее во внутреннія комнаты, но при этомъ взялъ не на лѣво, гдѣ была большая гостиная, потомъ балъная зала, переполненная гостями, а на право, гдѣ были двѣ маленькія гостиныя, а за ними его собственные апартаменты.

Сердце дрогнуло въ юношѣ, онъ снова стиснулъ свою шпагу и почувствовалъ, что слезы готовы выступить у него на глазахъ.

„Комнату до утра?! Отдѣльную комнату?! На балѣ, въ маскарадѣ! Зачѣмъ?! Это низость! Вѣдь на это способны тѣ женщины, про которыхъ рассказывалъ ему Квасовъ. И это красавица высшаго общества!“

И юноша до такой степени былъ пораженъ, что у него руки и ноги стали дрожать. Онъ невольно вышелъ на лѣстницу и опустился на стулъ около часового Державина, закрывая глаза рукой, чтобы стереть позорныя слезы и придти въ себя.

— Что ты? шепнулъ ему пріятель рядовой.

— Ничего! глухо отозвался Шепелевъ. — Ничего, ничего! повторилъ онъ. — Вернусь домой — я это кончу.

— Что? недоумѣвая, отозвался тотъ.

— Все, все это кончу. Надо кончить: такъ жить нельзя!

Пріятель что-то спросилъ, но онъ не имѣлъ даже силы от-вѣчать.

— Встань, голубчикъ, выговорилъ вдругъ Державинъ шепотомъ, — гетманъ идетъ.

Шепелевъ черезъ силу поднялся и увидалъ, что по лѣстницѣ поднимается графъ Кирилла Разумовскій въ красивомъ гетманскомъ мундирѣ; съ нимъ вмѣстѣ шелъ его другъ и бывшій воспитатель Тепловъ. Сержантъ быстро двинулся снова въ прихожую и сталъ на прежнее мѣсто.

— Отчего же ему не праздновать и не разкошелиться, шепталъ гетманъ Теплову, — когда цѣлое государство подарили, да миллионъ въ придачу? Балъ дешевле стоитъ!

Гетманъ прошелъ, за нимъ прошли еще два сенатора, затѣмъ прошелъ Панинъ. Всѣ они искали глазами Гольца.

„Да ищи его! злобно усмѣхнулся Шепелевъ, — ищи!“ И онъ чуть-чуть встряхнулъ своей шпагой. Невольно ему почудилось, что онъ бы могъ, съ наслажденіемъ, особенно благодаря послѣднимъ урокамъ фехтованія, въ одно мгновеніе пронзить Гольца двадцатью ударами.

Въ то же самое мгновеніе хозяинъ дома появился одинъ, быстро оглядѣлся, увидѣлъ нѣсколько новыхъ гостей, которыхъ опоздалъ встрѣтить, и пошелъ здороваться и извиняться.

Тотчасъ же образовался около него кружокъ и здѣсь, при нѣсколькихъ свидѣтеляхъ заразъ, Гольцъ менѣе боялся говорить. Но и тутъ счастье помогло ему. Не прошло пяти минутъ, какъ въ пріемную вошла новая костюмированная гостья безъ маски. Многіе двинулись, прерывая бесѣду. Гольцъ бросился на встрѣчу къ дамѣ и кланаясь благодарилъ за честь и любезный сюрпризъ. Это была Воронцова и слова Гольца относились къ ея костюму. Елизавета Романовна оплачивала за брошь, полученную по утру, и явилась въ костюмѣ, который былъ скопированъ съ портрета Фридриха. Это былъ въ сущности просто мундиръ съ прибавленіемъ бѣлой атласной юбки. Золотисто-желтый атласный камзолъ, вышитый серебромъ, красный кафтанъ изъ бархата, черный галстукъ на шеѣ, а на головѣ фридриховская трехуголка съ бѣлымъ атласнымъ бантомъ, на которомъ и красовалась полученная брошь.

XXXIII.

Около получаса простоялъ Шепелевъ, въ подробностяхъ обдумывая, какъ онъ, вернувшись въ казармы, попробуетъ убить себя.

„Не хватить храбрости, думалось ему, — но попробую, все-таки попробую. Можетъ быть, какъ-нибудь нечаянно самъ себя обману. Буду говорить, что только ради пробы, ради шутки и какъ-нибудь вдругъ застрѣлюсь или зарѣжусь“.

— Господинъ сержантъ! раздался около него голосъ, отъ котораго вся кровь хлынула къ сердцу и къ лицу, и юноша затрепеталъ всѣмъ тѣломъ.

— У меня до васъ большая просьба... говорила стоящая передъ нимъ кармелитка, но уже безъ маски, которую она держала въ рукѣ.

Шепелевъ едва двинулъ губами, всѣ чувства его онѣмѣли, а сердце стучало на столько, что, казалось, даже она замѣтила это по галуну и пуговицамъ, которые равномерно вздрагивали на его груди.

И кармелитка сдѣлала движеніе рукой, совершенно закрытой длиннымъ рукавомъ, какъ бы приглашая юношу отойти въ сторону вмѣстѣ. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, она стала ближе къ нему и выговорила:

— Вы здѣсь должны быть весь вечеръ на часахъ?

— Да-съ, черезъ силу вымолвилъ наконецъ Шепелевъ.

— Въ такомъ случаѣ, вы исполните мою просьбу. Очень важную просьбу! Гораздо болѣе важную, нежели она вамъ покажется, нежели вы думаете. Сегодня здѣсь будетъ на балѣ, должна быть каждую минуту, одна замаскированная, недавно пріѣхавшая прямо изъ Вѣны и не знающая никого въ Петербургѣ, незнакомая даже лично съ господиномъ посланникомъ, хотя и приглашенная имъ сегодня. Если я или баронъ будемъ въ эту минуту здѣсь въ дверяхъ, то моя просьба къ вамъ окажется излишней, но если ни меня, ни барона не будетъ, то я прошу васъ провести эту даму. Она предупреждена и дви-

нется прямо за вами. Вы, идя предъ ней, незамѣтно проведите ее въ посланнику, и, найдя его среди гостей, знакомъ укажите ей. Поняли вы меня?

— Понялъ. Это я понимаю! Но за то, кромѣ этого, я ничего не понимаю, выговорилъ Шепелевъ, немного приды въ себя. — То, что для меня вопросъ жизни и смерти, того я не понимаю. Неужели вы, графиня...

— Ну, объ этомъ послѣ, рѣзко выговорила она. — Теперь не время и я... Вы поняли мою просьбу?

— Да-съ.

— А какъ вы узнаете ту даму, про которую я говорю? разсмѣялась кармелитка.

Шепелевъ подумалъ и вымолвилъ неохотно и даже съ отѣвкомъ грусти въ голосъ:

— Да, правда. Какъ же мнѣ узнать ее?

— Я вамъ скажу ея костюмъ. Ее замѣтить будетъ не мудрено. Она явится на этотъ яркій и пестрый балъ, какъ пятно.

— Признаюсь, не понимаю.

— Да. Ея костюмъ будетъ... среди другихъ, какъ черное чернильное пятно среди бѣлой бумаги.

Юноша не понялъ. Маргарита повторила:

— Она явится въ черномъ съ головы до ногъ. Понимаете?

— Понимаю-съ.

— Ошибиться мудрено, я надѣюсь...

— Мужчины, графиня, вообще не ошибаются, какъ можетъ ошибиться женщина, грустно выговорилъ Шепелевъ. — Женщина, въ особенности красавица и кокетка, можетъ ошибкой дать даже поцѣлуй.

— По ошибкѣ поцѣлуя не даютъ, а даютъ иногда... изъ жалости! разсмѣялась Маргарита.

— За это, право... вдругъ глухо выговорилъ Шепелевъ. — Право, можно зарѣзать...

— Тутъ, на балѣ... Полноте... Вотъ и видно: ребенокъ. Да неужели вамъ не жалко было бы убить женщину, которую вы любите?.. И какъ любите! Вѣдь вы говорите, что умираете отъ любви.

И Маргарита звонко расхохоталась, но немного искусственным смѣхомъ.

— Пощадите, графиня... упавшимъ голосомъ вымолвилъ Шепелевъ.

— Ну, такъ помните, не спутайте. Окажите эту милость для меня. Исполните, какъ слѣдуетъ, мою просьбу объ маскѣ.

И Маргарита, весело и безопасно смѣясь, отошла отъ Шепелева и прошла въ балъную залу. Онъ былъ возмущенъ до глубины души ея словами и голосомъ, и смѣхомъ.

„Понадобился на то, на что годился бы всякій лакей въ домѣ, озлобленно подумалъ онъ. Господи! Неужели ужъ нельзя перестать любить ее? Бросить, забыть... Ну, влюбиться въ другую! Она жестокосердая, злая... Ей все только смѣхъ... Можетъ быть, здѣсь, на балѣ, человѣкъ сто, которыхъ она такъ же цѣловала, какъ и меня“.

И долго размышлялъ юноша. Ему, конечно, доставила наслажденіе возможность поговорить съ ней хотя минуту, но ѣдкое, горькое чувство какъ будто еще прибавилось. Она насмѣхалась надъ нимъ. Понятно, она даже явилась изъ такой комнаты, гдѣ можетъ остаться до утра, которую почему-то заготовилъ ей заранѣе хозяинъ дома. И Шепелевъ вдругъ злобно разсмѣялся.

Въ эту же самую минуту въ залѣ и прихожей началось маленькое волненіе.

Гольцъ двинулся снова къ дверямъ лѣстницы, но спустился по ней до низу, а вслѣдъ за нимъ хлынула и пестрая, блестящая кучка сановниковъ. И черезъ нѣсколько минутъ прихожая и вся лѣстница были полны вышедшими на встрѣчу гостями. Только узкое свободное пространство оставалось по лѣстницѣ. Приѣхалъ государь.

Шепелевъ на минуту забылъ свое горе. Онъ рѣдко и издали видалъ государя и ему хотѣлось теперь не упустить этого единственнаго случая видѣть русскаго монарха не на конѣ, не на плацу, а простымъ гостемъ на балѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ государь, взявъ подъ руку Гольца, поднялся по лѣстницѣ, весело кивая головой на право и на лѣво, изрѣдка подавая руку, преимущественно старикамъ

и иностраннымъ посламъ. За нимъ вслѣдъ поднимался по лѣстницѣ принцъ Жоржъ, а за Жоржемъ непремѣнный хвостъ его, всей гвардіи ненавистный Фленсбургъ. Всѣ прошли въ залъ. Грнула музыка и начался менуэтъ.

Тотчасъ же стало извѣстно на балѣ, что государыня хвораетъ и быть не можетъ.

Шепелевъ, занятый своей заботой, все-таки невольно замѣтилъ послѣ этой вѣсти много сіяющихъ и торжествующихъ лицъ. Вскорѣ мимо него прошли и стали недалеко два савонника. Шепелевъ зналъ, что одинъ—воспитатель наслѣдника, а другой—наперсникъ и другъ братьевъ Разумовскихъ. Эти два человѣка считались во всемъ Петербургѣ самыми умными и самыми образованными, учившимися за-границей. Юноша слыхалъ даже, что Панинъ, не любимый императоромъ, считался въ лагерѣ елизаветинцевъ и былъ въ числѣ явныхъ друзей императрицы. Онъ слыхалъ тоже, что Тепловъ голштинецъ, горячій и искренній приверженецъ императора, другъ всѣмъ нѣмцамъ, ибо говорить великолѣпно по-нѣмецки и воспитывался въ германскомъ университетѣ. Шепелеву было даже интересно поближе рассмотреть Теплова, такъ какъ говорили, что оба графа Разумовскіе у него въ рукахъ и дѣлаютъ, что онъ прикажетъ. Если бы не этотъ Тепловъ, то Разумовскіе, по словамъ Квасова, были бы еще болѣе любимы въ столицѣ, но теперь ихъ стали любить меньше, потому что Тепловъ заставилъ ихъ тоже сдѣлаться чуть не голштинцами.

Идя мимо и не обращая вниманія на сержанта, Панинъ горячо воскликнулъ:

— Однако же, позвольте, Григорій Николаевичъ. Положимъ даже, что она и не захворала, положимъ, что ей не захотѣлось быть на этомъ торжищѣ, гдѣ празднуется позоръ россійской имперіи. Наконецъ, вспомните, что сегодня только четыре мѣсяца и одна недѣля, что скончалась государыня. Можно было бы пообождать скоморошествовать и всякіе дурацкіе костюмы напяливать на себя.

— Не согласенъ, Никита Ивановичъ, спокойно отозвался Тепловъ.—Вы знаете мой образъ мыслей на счетъ всего этого. Договоръ этотъ я не считаю позорнымъ: у насъ будетъ надеж-

ный союзникъ. Земли мы ему отдали назадъ такія, которыми владѣть бы не могли, которыя никогда російскими бы не сдѣлались. Что касается до болѣзни ея величества, то скажу даже съ вашей и ея точки зрѣнія: не хорошо мелочами раздражать государя и общественное мнѣніе. Что стоило сюда пріѣхать, когда здѣсь вся столица, и здѣсь, наконецъ, самъ Разумовскій, Алексѣй Григорьевичъ, которому, какъ вы знаете, покойная государыня тоже была не чужой человѣкъ, многозначительно и налегая на послѣднія слова выговорилъ Тепловъ. — Ему еще тяжелѣе въ его трудномъ положеніи черезъ четыре мѣсяца на этомъ плясѣ быть, однако пріѣхалъ.

Шепелевъ заслушался было бесѣды двухъ сановниковъ, говорившихъ такія слова, которыя рѣдко удавалось слышать простому сержанту. Если бы они знали, что сержантъ ихъ слушаетъ и понимаетъ, то, конечно, понизили бы голосъ. Тайная канцелярія и «слово и дѣло», еще недавно уничтоженные, были еще всѣмъ памятны. А въ канцеляріи не разбирали кто простой человѣкъ, хотя бы даже разнощикъ, и кто сановникъ, хотя бы даже фельдмаршалъ.

И Шепелевъ напрягалъ свой слухъ, чтобы слышать окончаніе бесѣды двухъ остановившихся недалеко сановниковъ.

Но въ эту минуту онъ вдругъ ахнулъ. Порученіе той, которая могла все приказать, могла приказать даже умереть.... это порученіе приходилось теперь исполнить.

Въ дверяхъ пріемной появилась маска. Шепелевъ двинулся, да и не онъ одинъ! Всѣ бывшіе недалеко отъ него и даже спорящіе Панинъ и Тепловъ, всѣ до одинаго, обернулись и двинулись впередъ.... и смутный гулъ одобренія, если не восторга, сорвался у всѣхъ съ языка. Всѣ ахнули, любуются....

XXXIV.

На порогѣ стояла стройная и граціозная женщина, вся въ черномъ. Она казалась не маской, а привидѣніемъ. Вся она съ головы до ногъ была окутана въ легкій и прозрачный черный газъ. На черныхъ, какъ смоль, волосахъ лежала брилліантовая

діадема съ большой яркой звѣздой, изъ-подъ которой падалъ длинный газовый вуаль. Охвативъ ее всю, какъ легкое черное облако, онъ лежалъ прозрачными волнами на обнаженныхъ плечахъ, вился по изящному бюсту, сбѣгалъ, ниспадая по платью до полу и, отлетая назадъ; развѣвался за нею надъ шлейфомъ, змѣей лежащимъ на паркетѣ. И вся она была осыпана звѣздами, отъ буклей прически до башмаковъ. По юбкѣ тоже разсыпались семь звѣздъ Большой Медвѣдицы. На вырѣзанномъ воротѣ корсажа, окоймляющемъ грудь, горитъ самая яркая звѣзда, а у пояса, подъ сердцемъ, на черномъ атласномъ корсажѣ, плотно обхватившемъ ее пышный бюстъ, лежитъ, покачнувшись и граціозно прильнувъ къ груди, большой сіяющій полумѣсяцъ. Лунный серпъ вспыхиваетъ и сверкаетъ.... и бьющая волна его свѣта, пронизывая облако газа, обдастъ алмазнымъ сіяніемъ и всю ея черную фигуру и все окружающее. И подъ легкими черными волнами газа снѣжно бѣлѣются, какъ изваяніе, изящныя обнаженные плечи и руки, не раздѣленные рукавомъ. Только двѣ черныя ленты съ двумя алмазными звѣздочками на бантахъ отдѣляютъ руки отъ плечъ.

Черная маска съ плотнымъ кружевомъ черезчуръ тщательно скрывала все лицо ея отъ діадемы на букляхъ до горла. Лицо не существовало, и вмѣсто него была нѣмая мертвая личина, ничего не говорящая, но за то лучистый огонекъ будто вспыхивалъ въ отверстіяхъ маски, гдѣ сверкали два глаза, такіе же черные и такіе же блестящіе, какъ и вся эта костюмированная «Ночь». Но тотъ, кто видѣлъ теперь эти плечи и руки, какъ изваянныя изъ бѣлаго мрамора, тотъ ни мгновенія не поколебался бы рѣшить, красавица ли эта явившаяся незнакомка или нѣтъ.

Шепелевъ, подобно всѣмъ, и даже болѣе всѣхъ, стоялъ, какъ бы подъ обаяніемъ изящнаго костюма, эффектно идущаго въ разрѣзъ со всѣми остальными.

„Она явится, какъ чернильное пятно на бѣлой бумагѣ“, вспомнилъ онъ слова Маргариты. Нѣтъ это не пятно. Она явилась сюда, какъ таинственная, но сіяющая звѣздами южная ночь, которая больше говоритъ сердцу, болѣе чаруетъ его, чѣмъ самый свѣтлый и сверкающій солнцемъ день.

Но незнакомка знала, что дѣлала. Она знала, что когда пройдетъ, всѣ сотни глазъ будутъ слѣдить за ея змѣино-вьющимся шлейфомъ! Она знала, что ей не опасно закрыть лицо, что ея бюстъ, ея плечи и руки скажутъ о лицѣ! И скажутъ больше, чѣмъ, быть можетъ, сказала бы оно само за себя! Невѣдомое всегда чаруетъ человѣка и всегда очаровательнѣе того, что онъ знаетъ и видитъ...

Шепелевъ, смущаясь, двинулся къ вошедшей, наклонился, хотѣлъ что-то сказать. Но, вспомнивъ, что говорить ничего не нужно, онъ пошелъ снова впередъ и только косо оглянулся, чтобы видѣть, идетъ ли она за нимъ.

Она идетъ. Всѣ взоры выстроившихся рядомъ сановниковъ, какъ если бы снова государь проходилъ, пристально, невольно слѣдятъ за нею и, конечно, не чувство почтенія приковало теперь ихъ глаза.

Да и впрямь, если это былъ не монархъ, не государыня, то это была тоже царица, но иная... Царица бала! Царица, всегда, за всѣ вѣка, всюду и всѣми провозглашаемая молчаливымъ, но единодушнымъ общественнымъ мнѣніемъ. И если это царствованіе кратко, продолжается одну ночь, то всякая бывавшая хоть разъ царицей большого блестящаго бала, до старыхъ лѣтъ помнить это, передаетъ и дѣтямъ, и внучатамъ, какъ событіе въ жизни, какъ собранную дань съ побѣжденнаго, какъ дорогую и свѣтлую минуту. И это воспоминаніе самое отрадное! Всегда сладко и тепло сказывается оно на сердцѣ какой-нибудь сѣдой, уже морщинистой бабушки!..

Шепелевъ прошелъ нѣсколько шаговъ по залѣ, увидѣлъ Гольца, приблизился къ нему, ни слова не говоря и только оглядываясь на „Ночь“, какимъ-то фантастическимъ видѣніемъ скользящую за нимъ по паркету.

Гольцъ обернулся, сдѣлалъ движеніе, выдавшее его удивленіе, и затѣмъ — какъ показалось Шепелеву — съ страннымъ двусмысленнымъ выраженіемъ лица быстро подошелъ къ незнакомкѣ и сказалъ ей громко по-нѣмецки:

— Прошу считать, меня вашимъ давнишнимъ знакомымъ, даже другомъ. Прошу васъ здѣсь быть, какъ дома, какъ хозяйка. Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ васъ... Прежде всего я позво-

лю себѣ испросить сейчасъ позволенія у государя представить ему „Ночь“, а затѣмъ и познакомить съ „Ночью“ нѣкоторыхъ гостей.

— Благодарю васъ за честь быть представленною его величеству, вымолвила „Ночь“ голосомъ, который показался проходившему мимо нея Шепелеву страннымъ, будто искусственнымъ.

Ему показалось, что костюмированная незнакомка нарочно измѣняетъ свой голосъ. Онъ пріостановился невольно, хотя не имѣлъ на это права и разслышалъ еще фразу:

— Помимо государя, баронъ, я могу, въ качествѣ маски, говорить съ кѣмъ хочу, не будучи знакома? И мнѣ широкое поле интриговать, такъ какъ я пріѣзжая, не могу быть узнана.

— Конечно, разсмѣялся Гольцъ какъ-то странно.

Шепелевъ, нехотя, вернулся на свое мѣсто и думалъ:

«Какія плечи и руки! Какая, должно быть, красавица! И опять такі ея пріятельница! Должно быть и пріятельницы ея всѣ такія же красавицы, какъ она. Эта, пожалуй, даже еще красивѣе графини».

Въ ту минуту, когда Гольцъ, покинувъ „Ночь“, подошелъ къ государю, Петръ Ѳедоровичъ стоялъ у канделябра и читалъ бумагу, вытащивъ ее изъ обшлага кафтана. Лицо его было сумрачно.

Гольцъ подождать; государь прочелъ бумагу до конца, поднявъ глаза и выговорилъ по-нѣмецки:

— А, это вы, баронъ, отлично.... Подойдите сюда. Посмотрите. Вы можете мнѣ совѣтъ дать, потому что и прочитатъ это можете. Я получилъ это, выходя изъ кареты, на вашемъ подѣздѣ.... пріятное очень развлеченіе для бала!... И государь передалъ Гольцу письмо на французскомъ языкѣ.

Гольцъ быстро пробѣжалъ его. Оно было подписано французскимъ именемъ и даже громкимъ: Валуа. Содержаніе письма было доносъ. Писавшій его доводилъ до свѣдѣнія государя, что одинъ изъ важныхъ сановниковъ, г. Григорій Тепловъ, позволилъ себѣ въ присутствіи нѣсколькихъ свидѣтелей отозваться о его величествѣ въ самыхъ ужасныхъ выраженіяхъ, прибавляя и грозясь, что скоро всему будетъ конецъ: государь

*

будетъ свергнуть съ престола, а замѣненъ истиннымъ и законнымъ императоромъ, Іоанномъ Антоновичемъ, томящимся въ заключеніи.

— Ну, что же скажете? вымолвилъ Петръ Ѳедоровичъ, когда Гольцъ прочелъ.

— Но кто же этотъ Валуа? произнесъ Гольцъ.—Французъ?

— Я только знаю, баронъ, — разсмѣялся государь, хотя лицо его было угрюмо,—что это не случайный потомокъ французской королевской фамиліи, давно угаснувшей. Но, замѣтите, все-таки, что это имя напоминаетъ цѣлый рядъ заговоровъ, покушеній и убійствъ. Послѣдніе Валуа кончили трагически свое существованіе, хотя сами были тоже устроители самой страшной и позорной въ исторіи рѣзни въ ночь Св. Варооломея. Мнѣ часто приходитъ на умъ эта ночь и я всякій разъ съ ужасомъ представляю себѣ, какъ это происходило на улицахъ многолюднаго города, гдѣ братъ убивалъ брата и отецъ—сына.

— Да, это была не дипломатическая ночь, усмѣхнулся Гольцъ.—Но позвольте мнѣ, ваше величество, уничтожить дурное воспоминаніе, представить вамъ сейчасъ другую ночь, не Варооломеевскую.

Государь не понялъ и пристально взглянулъ ему въ лицо.

— Позвольте мнѣ представить вамъ «Ночь»; иначе говоря, маску, изображающую «Ночь». Но съ однимъ условіемъ, если вы позволите, я только завтра скажу вамъ, кто она. Говорить съ ней вы можете свободно по-нѣмецки. Она не русская, пріѣзжая, и ея родной языкъ—вашъ и мой.... Прибавлю еще, какъ необходимую нескромность, что «Ночь» замѣчательная, по истинѣ, красавица и таковою слыла и въ Парижѣ, и въ Вѣнѣ....

— Давно она въ Петербургѣ?

— Объ этомъ позвольте мнѣ умолчать до завтра. Завтра вы узнаете все: кто она, что она, откуда и зачѣмъ. И мы вмѣстѣ посмѣемся весело.

— Отлично! весело выговорилъ государь и фамильярно хлопнулъ Гольца по плечу бумагой, которую держалъ въ рукахъ.

Но это движеніе невольно снова напомнило ему о доносѣ.

— Но что же съ этимъ дѣлать, баронъ?

— Право, не могу вамъ сказать.

— Ахъ.... фуй!... Русскій отвѣтъ.... Стыдитесь, господинъ прусскій посолъ! Ну, ну совѣтуйте, скорѣе совѣтуйте! Велѣтъ его сейчасъ арестовать?

— Кого? Этого француза? спросилъ Гольцъ.—Пожалуй....

— О, нѣтъ! воскликнулъ государь.—Теплова, Теплова.

— Я бы этого не сдѣлалъ, ваше величество. Зачѣмъ спѣшить? Наконецъ, признаюсь вамъ.... Гольцъ разсмѣялся добродушно и прибавилъ:—Признаюсь откровенно, что я, какъ хозяинъ дома, прошу отложить этотъ арестъ. Зачѣмъ вы хотите портить мнѣ балъ? Мнѣ хочется, чтобы всѣ сегодня были веселы. А арестъ такого лица, какъ Тепловъ, у меня на балѣ, смутить, конечно, весь домъ, а затѣмъ, конечно, тотчасъ всю столицу. Тепловъ, наконецъ, такая личность, что, откровенно говоря, мнѣ кажется все это ошибкой, если не преступнымъ поступкомъ, т. е. дерзкой клеветой на русскаго сенатора со стороны однофамильца французской королевской династіи. Вспомните, ваше величество, разсмѣялся Гольцъ,—что послѣдніе короли этой династіи были ужасные лгуны и клеветники. Позвольте мнѣ, прежде всего, будто отъ себя, узнать у г. Бретейля, который знаетъ въ лицо всѣхъ своихъ соотечественниковъ, что за птица этотъ Валуа.

Государь согласился и поблагодарилъ, но попросилъ барона сдѣлать это тотчасъ же.

Гольцъ быстро отыскалъ среди играющихъ въ карты французскаго посланника и объяснился съ нимъ. Разумѣется, и Бретейлю то же самое пришло на умъ, и онъ выговорилъ разсѣянно, какъ бы себѣ самому:

— Les Valois ont regné en France!

— Полагаете вы, что это одинъ изъ нихъ? съострилъ Гольцъ довольно дерзко.

— О, нѣтъ! встрепенулся вдругъ уколотый французъ.—Если бы, напримѣръ, одинъ изъ сыновей гениальной интриганки Екатерины Медичисъ былъ теперь въ Петербургѣ, вамъ не удалось бы, баронъ, заключить съ Россіей вашъ новый трактатъ.

И Бретейль язвительно улыбнулся, глядя на Гольца, который невольно вспыхнулъ.

— И такъ, вы не знаете.... но не знаетъ ли кто этого Валуа въ вашемъ посольствѣ?

Бретейль подумалъ, потеръ себѣ рукой лобъ, потомъ пожалъ плечами и всталъ, чтобы розыскать секретаря посольства.

Отъ него они узнали, что есть въ Петербургѣ Валуа, простой каменщикъ, работающій въ домѣ графа Разумовскаго. Это показалось страннымъ совпаденіемъ для Гольца. Валуа писалъ, что онъ слышалъ слова Теплова при свидѣтеляхъ, не называя мѣста или дома, теперь же оказывалось, что Валуа работаетъ въ томъ самомъ домѣ, гдѣ Тепловъ прежде жилъ, а теперь бываетъ отъ зари до зари.

Гольцъ, ворочаясь къ государю, соображалъ, что если этотъ каменщикъ окажется правъ, то произойдетъ сильный переворотъ при дворѣ и ему лично выгодный. Онъ предвидѣлъ неминуемое паденіе и, пожалуй, ссылку обоихъ братьевъ Разумовскихъ, вокругъ которыхъ, осторожно и тайно, группировались всѣ враги правительства и самые отчаянные враги его короля и его дѣтища, т. е. новаго мирнаго договора.

Свѣдѣнія, сообщенныя посланникомъ, произвели на государя такое же впечатлѣніе, какъ и на Гольца. Государь раскрылъ широко глаза и вымолвилъ любимцу своему тихо:

— Въ домѣ Разумовскихъ? Навѣрное! Конечно! Такъ! У Разумовскихъ? громче сказалъ государь. И лицо его пошло пятнами.

— Ну, баронъ, выговорилъ государь:—если бы это было не у васъ, я бы приказалъ сію же минуту арестовать Теплова, да, пожалуй, и этихъ близнецовъ хохловъ. Не даромъ говорятъ здѣсь, что хохлы хитрый и лукавый народъ! Ну, завтра къ утру Тепловъ будетъ у меня уже допрошенъ. Я имъ покажу примѣръ всѣмъ, что я не позволю шутить съ собой. Я не царица-баба, въ родѣ тетушки, да и не младенецъ-императоръ, котораго изъ люльки выкинули прямо на снѣгъ.

Государь помолчалъ нѣсколько минутъ и тяжело переводилъ дыханіе.

— Ну, что вы хотѣли? веселѣе произнести онъ наконецъ.
— Вы что-то мнѣ предлагали?

Но въ ту же минуту государь пристально устремилъ взглядъ въ дальній уголъ залы, гдѣ среди яркой, нестрой толпы, было странное, и черное, и сіяющее вмѣстѣ — пятно; серебристые лучи отъ массы брилліантовъ даже издали были замѣтны.

— Кто это? Что это? Домино? Нѣтъ?

— Нѣтъ, это она и есть, ваше величество, усмѣхнулся Гольцъ. — Позвольте, я сейчасъ представлю ее вамъ.

И Гольцъ быстро прошелъ залу, подаль маскѣ руку и повелъ къ государю.

— Позвольте, ваше величество, сказалъ посолъ, весело улыбаясь, — представить вамъ — „Ночь“, явившуюся въ Петербургъ, не вашу сѣверную, холодную, а южную, чудную и поэтическую, покровительницу любви и влюбленныхъ. Ручаюсь вамъ, что вы не будете скучать и даже забудете всѣ ваши заботы и всѣхъ этихъ крамольниковъ, серьезнѣе прибавилъ Гольцъ и, поклонившись, отошелъ отъ обоихъ.

— Я счастлива, наконецъ, заговорила «Ночь» чистымъ нѣмецкимъ языкомъ: — я достигла моей давнишней мечты видѣть предъ собой монарха, имя котораго скоро облетитъ весь міръ и останется на вѣки въ исторіи, сіяющее славой великихъ дѣлъ.

Государь, между тѣмъ, невольно любовался костюмомъ незнакомки, затѣмъ онъ подаль ей руку и повелъ изъ зала, гдѣ снова начиналась музыка и танцы, въ другія комнаты, гдѣ можно было говорить.

И всюду толпы гостей становились рядами на проходѣ государя, но глаза всѣхъ были все-таки устремлены не на него, а на его спутницу, всю блестящую въ алмазныхъ лучахъ и сіяющую своими снѣжнобѣлыми плечами....

XXXV.

Шепелевъ сталъ у окна пріемной и не спускалъ глазъ съ государя и маски, сидѣвшихъ въ сосѣдней гостиной. Бесѣда ихъ, оживленная и неумолкаемая, длилась долго, но разслышать онъ

не могъ ни слова. Она говорила по-нѣмецки то страстно, съ жаромъ, то тихо, почти шепотомъ и иногда будто рассказывала что-то. Государь молчалъ и, очевидно, внимательно слушалъ.

Два раза прошла мимо нихъ и мимо Шепелева графиня Воронцова, съ измѣнившимся и пунцовымъ отъ гнѣва лицомъ.... Она ревновала и даже беспокоилась на счетъ этой красивой незнакомки....

Государь вдобавокъ даже не замѣчалъ ея... Такъ внимательно слушалъ онъ, что говорила эта „Ночь“.

Наконецъ, они поднялись и, пройдясь по гостиной, двинулись прямо къ окну, гдѣ стоялъ Шепелевъ.

Юноша немного посторонился и слегка вытянулся. Не смотря на легкое смущеніе и даже робость близости государя, онъ не могъ снова не подумать, любуясь на „Ночь“:

„Какой костюмъ!.. И какъ, должно быть, собой-то хороша. Вотъ царямъ-то на свѣтѣ какъ живется! Скажи онъ одно слово и она... его...“

— Нѣтъ, ты мнѣ скажи правду! воскликнулъ государь по-нѣмецки, приближаясь къ Шепелеву на подачу руки и какъ будто показывая ей на сержанта.

— Я вамъ уже сказала, что нахожу эти новые мундиры прелестными. Сколько вкуса! И при этомъ они удобны, говорила маска, тоже по-нѣмецки, но съ страннымъ звукомъ въ голосъ, будто слегка картавя.—Вотъ, напримѣръ, этотъ мундиръ. Какой это мундиръ, ваше величество?

И вдругъ маска остановилась, фамиллярно задерживая своего собесѣдника.

Государь, довольный, что тема разговора умной, заинтриговавшей его маски перешла на болѣе простой предметъ, и вдобавокъ его любимый, повеселѣлъ еще болѣе.

— Это преображенскій. Прежде были зеленые длиннополые кафтаны. Красивъ ли онъ?

— Конечно. Очень красивъ... И удобенъ! Я думаю, сами офицеры съ этимъ согласятся. Господинъ офицеръ! вдругъ обернулась „Ночь“ къ Шепелеву, еще болѣе картавя.—Вы, вѣроятно, говорите по-нѣмецки, какъ всѣ офицеры здѣсь. Скажите мнѣ, не правда-ли, мундиръ этотъ удобнѣе стараго?

Юноша, уже смущенный до нельзя тѣмъ, что государь стоять такъ близко и смотреть на него, теперь при вопросѣ, внезапно къ нему лично обращенномъ, окончательно потерялся до такой степени, что даже пробормотать ничего не могъ.

— Вѣдь, лучше и удобнѣе, господинъ офицеръ? немного свысока и холодно, повторила маска по-нѣмецки.

— Онъ еще не офицеръ. Онъ сержантъ... разсмѣялся государь.

— So-o!... протянула она какъ истая нѣмка.—Какая же разница?... Ну, я этого знать не могу. Вотъ вамъ, ваше величество, надо знать все это до мелочей... Я могу ошибиться, а вы не можете.

— Еще бы... Да я за сто верстъ всякій галунъ узнаю.

— Вы даже не имѣете права ошибаться. Это было бы неудобно и опасно для вѣнценосца...

— Какъ? Я не понимаю. Что ты хочешь сказать? добродушно вымолвилъ Петръ Ѳедоровичъ.

— Какъ? Вы не знаете? Un monarque ne se trompe pas. Вы не знаете анекдота про короля Людовика XIV, какъ онъ однажды ошибся. Онъ перемѣшалъ на вечерѣ по близорукости одного придворнаго съ другимъ и сказалъ одному барону: Vous, monsieur le duc, а тотъ отвѣтилъ: Merci pour cette grace, Sire!

— Ну, что жъ? разсмѣялся государь.

— Когда дѣло объяснилось, король пожалъ плечами, разсердился, но прибавилъ: Un monarque ne se trompe pas! и прибавилъ: Ramassez le duc... monsieur! Съ тѣхъ поръ этого придворнаго иначе не звали какъ наоборотъ: le duc, monsieur.

— Ramassez! Вотъ это я люблю. Какъ если бы онъ потерялъ что-нибудь! громко разсмѣялся Петръ Ѳедоровичъ.

— Вотъ вамъ, властителямъ, ошибаться и нельзя. Если бы вы сказали этому сержанту: господинъ офицеръ! то онъ бы имъ и былъ, какъ бы по закону... А вамъ бы, господинъ преобращенецъ, было бы очень пріятно, если бы не я, а его величество такъ ошибся! уже отчасти ласково обернулась „Ночь“ къ юношѣ.—Очень сожалею, что мои слова не имѣютъ силы закона... А какъ это должно быть пріятно имѣть эту власть?

Государь двинулся далѣе, тихимъ шагомъ. „Ночь“ болтала безъ умолку, оживленно и жокетливо.

— Ваше величество, вдругъ выговорила она.—Сдѣлайте какъ одинъ монархъ, въ одной сказкѣ... Онъ передалъ на пять минутъ свою власть одному нищему...

— Это глупо...

— Нѣтъ, это очень мило... въ сказкѣ. Нищій въ пять минутъ сдѣлалъ столько добра, сколько монархъ за всю жизнь не сдѣлалъ... Вотъ если бы и ваше величество... дали мнѣ вашу власть только на одну минуту...

Государь остановился, разсмѣялся, потомъ хотѣлъ снова двинуться, но маска сильнѣе оперлась красивой, обнаженной рукой на его руку и, граціозно наклоняясь къ нему всѣмъ бюстомъ и своими изящными плечами, шепнула почти страстно:

— Я не шучу... Дайте...

Женщина эта, ея голосъ, свѣжая красота этихъ плечъ и рукъ, корсажъ платья, который слегка отсталъ при ея движеніи, еще болѣе обнажая ея грудь... не могли не подѣйствовать на всякаго.

— Дайте, дайте! шептала она, все ближе наклоняясь, и ея страстный лепетъ звучалъ ребячески наивно.

— Изволь... не выдержалъ государь.—На минуту по часамъ... Но что ты сдѣлаешь?

— А? Увидите! Три вещи. Но даете ли вы мнѣ честное слово, что все будетъ исполнено.

Государь колебался и вдругъ выговорилъ:

— Даю... Это даже любопытно.

— Благодарю... Но я буду дѣйствовать чрезъ васъ. Это все равно. Я буду шептать вамъ, а вы приказывайте. Пойдите! Надо подумать... Ну-съ! Во-первыхъ, сдѣлайте этого преображенца офицеромъ. Сейчас!

— Вотъ ужъ именно бессмысленный женскій капризъ, ослѣпить перваго попавшагося человѣка. Пойдемте...

Государь, смѣясь, приблизился снова къ окну, гдѣ стоялъ Шепелевъ и вымолвилъ ласково:

— Ты дежурнымъ на балъ посла?

— Точно такъ-съ, ваше величество! прошепталъ снова смущенный юноша.

— Ради барона Гольца, празднующаго сегодня новый трактатъ, я, какъ исключеніе, поздравляю тебя офицеромъ.

Юноша широко раскрылъ глаза, вспыхнулъ и стоялъ истуканомъ отъ неожиданности. Когда онъ догадался поклониться и пробормотать что-то безсвязное, то государь съ „Ночью“ уже удалялся въ залъ.

— Ну-съ, теперь... теперь... говорила „Ночь“,—сдѣлайте хозяина этого дома, барона, командоромъ вашего голштинскаго ордена Святой Анны.

— Ты отгадала мое желаніе. Я самъ хотѣлъ давно. Но и такъ говорятъ, что онъ мой любимецъ и это непременно раздражить другихъ резидентовъ... Принцъ-дядя меня отговариваетъ и увѣряетъ, что теперь это невозможно.

— А ваше слово?.. Ну, хорошо, Богъ съ вами... Тогда прикажите выслать изъ Петербурга адъютанта принца—Фленсбурга.

— Это зачѣмъ? громко вскрикнулъ государь, искренно изумившись.

— Онъ мнѣ не нравится, шутливо отозвалась „Ночь“.

— Стало-быть, ты его знаешь и, стало-быть, не сегодня пріѣхала изъ-за границы. Вотъ я тебя и поймалъ. Ты петербургская жительница!

— Нисколько. Я его сейчасъ видѣла. Мнѣ его называли и лицо его мнѣ противно! Я прошу его выслать.

— Это не причина. Да и какая же ты злая и безсердечная! Потому ты забыла, что хотѣла власть, чтобы дѣлать добро, а не зло.

— Это правда. Ну, не надо, ничего не надо... ребячески капризно вымолвила она.

— Ну, ужъ такъ и быть. Я сегодня, уѣзжая, поздравлю Гольца. Ну, теперь третье.

— Третье... Дайте графу Кириллѣ Свабрѣнскому придворное званіе, какое нибудь...

— Зачѣмъ? Онъ умираетъ... Или ужъ умеръ кажется...

— Нѣтъ, онъ живъ...

— Умреть на дняхъ!.. разсмѣялся государь.

— Но его вдова, моя давнишняя пріятельница, получить право бывать при дворѣ государя, самаго любезнаго, добраго и умнаго.

— Вотъ это отлично, съ удовольствіемъ. Я ее однажды видѣлъ. Она замѣчательная красавица. Сейчасъ прикажу и завтра она узнаетъ это. Ну, а себѣ ты ничего не выпросила...

— Себѣ... себѣ... разсмѣялась — „Ночь“ — я попрошу у васъ нѣчто очень важное, но не сегодня, а въ слѣдующемъ маскарадѣ, гдѣ мы встрѣтимся...

— О чемъ же ты будешь просить?

— Теперь я не скажу.

— Ну хоть намекни! Я прошу тебя... нѣсколько увлекаясь и слегка умоляющимъ голосомъ выговорилъ Петръ Ѳедоровичъ.

— То, о чемъ просила одна ветхозавѣтная красавица...

— Это ничего не говорить! Это даже не намекъ. Кого просила она?

— Одного очень умнаго и красиваго молодого человѣка.

— Но кто онъ былъ? Чѣмъ извѣстенъ?

— Тѣмъ, что у него было одиннадцать братьевъ... нерѣшительно вымолвила „Ночь“.

— Это мудрено. Хотя я знаю отлично ветхій завѣтъ, но сразу отгадать... Чѣмъ онъ былъ самъ?!

„Ночь“ очевидно колебалась и, наконецъ, выговорила слегка взволнованнымъ голосомъ:

— Скажу... Но только потому, что я въ маскѣ и въ случаѣ... если одумаюсь... или, если вы... Ну, однимъ словомъ, я могу еще, если захочу, остаться вамъ неизвѣстной...

— Ну, ну, говори! оживленно приставалъ государь.

— Онъ былъ проданъ этими братьями, попалъ въ Египетъ и...

— Іосифъ! вскрикнулъ государь.

— Не знаю...

— А просила его супруга сановника Пентефрія... весело разсмѣялся онъ. — Такъ?.. Такъ?!

— Не знаю... тихо и смущаясь шепнула „Ночь“.

— Скажи, отгадалъ ли я? Скажи... Пожалуйста... Скажи только одно слово: да...

Въ эту минуту прямо на государя и его даму шла графиня Воронцова. Она почти преградила имъ путь и съ озлобленнымъ пунцовымъ лицомъ обратилась къ государю:

— Ваше величество, я уже цѣлый вечеръ жду возможности сказать вамъ хоть два слова! вспылчиво выговорила она.

Государь видимо заколебался и не зная, что дѣлать: ему очевидно не хотѣлось покинуть „Ночь“.

— погоди, Романовна... Сейчасъ. Вотъ пускай маска скажетъ, отгадалъ ли я ея загадку... Я безъ того не могу уйти.

— Такъ будьте такъ добры, скажите! гнѣвно обратилась Воронцова къ замаскированной.

— Вы приказываете, графиня... Сказать? кокетливо, но насмѣшливо произнесла „Ночь“, налегая на слово: вы.

— Приказать я не могу, а прошу... А то этакъ конца не будетъ.

— Разумѣется, воскликнулъ государь.—Ну, отгадалъ? Ну? „Ночь“ какъ будто все еще колебалась и молчала.

— Да говорите, государыня! вѣкъ себя произнесла Воронцова.—Подумаешь, важное дѣло.

— Хорошо... Только для васъ, графиня... По вашей просьбѣ, звонко разсмѣялась „Ночь“.—Да, ваше величество, отгадали!!!

Государь улыбнулся, хотѣлъ что-то сказать, но, поколебавшись мгновение, любезно простился и, покинувъ „Ночь“, подалъ руку Воронцовой.

XXXVI.

Шепелевъ простоялъ, какъ истуканъ, нѣсколько минутъ послѣ словъ государя. Онъ готовъ былъ вѣрить, что видѣлъ все во снѣ. Двухъ недѣль нѣтъ, что онъ надѣлъ мундиръ сержанта и теперь, сейчасъ... ужъ онъ офицеръ!

„Да, это счастье! Сумашедшее счастье!“ думалось ему.— Но все это отдалъ бы онъ сейчасъ, снова бы сталъ рядовымъ,

если бы она... Да, если бы этой жертвой могъ онъ купить не только ея любовь, хотя бы только ея ласку, вмѣсто холоднаго или презрительнаго отношенія къ нему.

«Но гдѣ же она, гдѣ монашенка?!. Ея уже давно не видать. Вѣрно веселится. Вѣрно все танцуетъ въ залѣ!» думалъ юноша, вспоминая, что дѣйствительно кармелитка давно не проходила по пріемной.

Въ эту минуту „Ночь“ шла изъ залы одна, поневолѣ уступивъ своего кавалера графинѣ Воронцовой. Она быстро приблизилась прямо къ нему.

— Господинъ офицеръ, вымолвила она по-нѣмецки и картая.—Проводите меня, въ знакъ благодарности за офицерскій чинъ, до уборной графини Скабронской. Она сейчасъ мнѣ сказала, что вы знаете гдѣ комната.

— Я? Нѣтъ! Но я думаю, что это тамъ, за гостинной. Можно спросить людей. Если прикажете, я сейчасъ пойду и узнаю...

— Пойдемте вмѣстѣ... Скорѣе найдемъ...

Она двинулась чрезъ гостиную, Шепелевъ почтительно пошелъ за ней. Пройдя двѣ пустыя комнаты, они увидѣли на право длинный корридоръ, выходившій на ту же парадную лѣстницу, и Шепелевъ разглядѣлъ вдали фигуру Державина на часахъ. Здѣсь же, противъ корридора, оказалась пріотворенная дверь, въ которую видѣлся красивый дамскій туалетъ.

— Баронъ не женатъ, усмѣхнулась незнакомка. — Стало быть это и есть...

Быстро оглядѣвшись кругомъ, она еще быстрѣе вошла въ эту комнату и тоже осмотрѣлась, Шепелевъ остановился передъ дверями и хотѣлъ поклониться.

— Войдите! едва слышно и страннымъ, глухимъ голосомъ выговорила она.

Юноша, недоумѣвая, вошелъ и также невольно оглядѣлся.

Это была маленькая, красиво убранная спальня, освѣщенная двумя канделябрами, поставленными на двухъ бѣлыхъ тумбахъ; но, очевидно, это не была спальня хозяина дома, а, судя по всему, на-скоро приготовленная для женщины. На туалетѣ два красивые шандала, два севрскіе амура держали

двѣ розовыя свѣчи. Въ углу горницы изъ-подъ высокаго балдахина висѣли длинныя опущенныя занавѣси нѣжно-розоваго цвѣта....

«Такъ вотъ гдѣ ты будешь.... до утра!» грустно подумалъ Шепелевъ и сердце сжалось въ немъ острой болью.

— Потушите, пожалуйста, канделябры. Мнѣ рѣжетъ глаза этотъ свѣтъ. Довольно мнѣ и этихъ двухъ свѣчей.... Вы, кажется, не желаете мнѣ помочь, господинъ внезапный офицеръ, снова заговорила она по-нѣмецки все тѣмъ же картавымъ голосомъ, видя, что юноша не двигается.

Шепелевъ повиновался, и въ комнатѣ стало гораздо темнѣе.

Между тѣмъ, покуда онъ снималъ съ тумбъ тяжелые канделябры и тушилъ свѣчи, «Ночь» быстро вернулась къ двери. Замокъ вдругъ звонко щелкнулъ... и, сунувъ куда-то ключъ, она вернулась къ туалету.

— Вы въ плѣну.... страннымъ, упавшимъ голосомъ произнесла она.

Шепелевъ, изумленный, стоялъ, не двигаясь, и глядѣлъ на незнакомку.

«Что за странная шалость! И неумѣстная!» думалъ онъ и вымолвилъ наконецъ:

— Что вамъ угодно отъ меня? Мнѣ надо скорѣе идти: я—дежурный.

Она быстро, ловко, искусной рукой сняла съ себя діадему и, выпутавшись изъ облаковъ газоваго вуаля, засіяла еще ярче своими звѣздами въ полутемной комнатѣ.... Затѣмъ она сняла большой серпъ луны и стала отцѣплять всѣ эти звѣзды и звѣздочки, складывая ихъ на туалетъ. Скоро осталось на ней только созвѣздіе Большой Медвѣдицы, пришитое къ юбкѣ.

— Ночь проходитъ, луна зашла, звѣзды гаснутъ и закатываются.... шутливо, но тихо шептала она, а голосъ ея слегка дрожалъ.—Да!... Наступаетъ день!... Счастливый день для того, кто любитъ! Любить, какъ я! Любить, какъ ребенокъ, или какъ бѣдная женщина, никогда еще не знавшая любви!

Она смолкла, но вдругъ, будто вспомнивъ, заговорила скорѣе:

— Все это смѣло и дерзко, конечно, господинъ офицеръ!

Но что же дѣлать? Другого исхода нѣтъ. Никакого другого нѣтъ! Впрочемъ, умная женщина, когда за что возьмется, то всегда счастливо доведетъ до конца.

Шепелевъ слушалъ, ничего не понимая, изумлялся и невольно любовался ею теперь снова, когда плечи ея, окованные однимъ чернымъ корсажемъ, лишенные облаковъ газа и сверкавшихъ звѣздъ, казалось, засіяли вдругъ еще болѣе собственнымъ свѣтлымъ свѣтомъ. Лицо, закрытое черной маской, еще болѣе отбѣняло бѣлизну горла и груди.

Но вдругъ онъ вскрикнулъ и двинулся.... въ полной тьмѣ! Она погасила послѣднія двѣ свѣчки.

— Что вы дѣлаете! воскликнулъ онъ, и невольная дрожь пробѣжала по тѣлу.... «Не можетъ быть! Не можетъ быть!» мысленно кричалъ онъ самъ себѣ, будто отвѣчая на какой-то вопросъ. — Что вы хотите? Я — дежурный,... Позвольте мнѣ выйти....

Но она молчала. Онъ чутко прислушивался. Она шевелилась, быстро двигалась.... Но сильное прерывистое дыханіе ея даже заглушало шелестъ платья и движеній....

Чрезъ мгновеніе шорохъ и это тревожное дыханіе послышались ближе къ нему и вдругъ двѣ руки нашли его въ темотѣ. Онѣ дрожали на лицѣ и головѣ его.

— Я не понимаю.... Это капризъ, но и дерзость.... глухо проговорилъ онъ.

Но обнаженные руки крѣпко, судорожно обвили его шею. Горячія губы коснулись во тьмѣ его лица, отыскивали его губы и съ порывомъ жажды прильнули къ нимъ съ поцѣлуемъ. И вся она затрепетала вдругъ.

— Я люблю другую.... Люблю безумно.... Поймите.... забормоталъ юноша.

— А я люблю тебя, тебя.... горячо и страстно отозвалась она вдругъ по-русски, но продолжая картавить.—И клянусь, въ первый разъ въ жизни люблю! Клянусь Святой Маріей, что я....

— Что?! вскрикнулъ Шепелевъ, какъ оглушенный молніей, которая бы вдругъ, среди полной тьмы, освѣтила ему на мигъ все окружающее. Эти два слова? — Ея два слова

Какъ помнить и любить онъ ихъ, хотя слышалъ давно и только одинъ разъ.

— Боже мой! Неужели?... Ахъ, если бъ я зналъ, что это вы, что это ты! Скажи мнѣ, что это ты? задрожавшимъ отъ восторга голосомъ шепнулъ онъ.

— Я. Ей-богу. Я.... Я....

— Графиня?

— Нѣтъ, не графиня.... для тебя. А ты любишь графиню? Какую? страстно смѣялась она ему въ лицо, продолжая покрывать его нескончаемыми поцѣлуями.

— Бога ради, скажи мнѣ.... Или пусти. Я безумно люблю тебя, если ты Маргарита! восторженно вскрикнулъ онъ.—Но если я ошибаюсь, то я не могу.... не хочу, ни за что! Пусти.

— Графиня Скабронская? Такъ вотъ кого ты любишь. Глупый! Развѣ ты не видалъ ее сегодня кармелиткой. Она мой старый другъ.

— Да, да.... Но право.... Твой голосъ теперь другой. И теперь это почти ея голосъ. Да! Я съ ума сойду. Говори! Или.... пусти меня. Ты Маргарита?! Говори!...

— Нѣтъ! Нѣтъ!...

Шепелевъ съ отчаяніемъ освободился отъ ея объятій и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по паркету, наступилъ на что-то мягкое, а затѣмъ что-то хрустнуло подъ его каблукѣмъ.

— Святая Марія! Безумный! Ты топчешь.... Передавишь всѣ звѣзды моей Медвѣдицы!!...

Шепелевъ вскрикнулъ, бросился на голосъ и безумно обнялъ ее. Это былъ уже громкій, неподдѣльный и дорогой ему голосъ.

— О! Маргарита!... почти простоналъ юноша, какъ бы отъ страшнаго страданія и боли.

Балъ все разгорался, оживлялся.... Молодежь танцевала до упаду по просьбѣ любезнаго хозяина.

Передъ полуночью явились на балъ еще двое костюмированныхъ. Это были два негра въ блестящихъ фантастическихъ и совершенно одинакихъ туникахъ и шальварахъ изъ пунцо-

ваго бархата, сплошь вышитого золотомъ. Оба негра были огромнаго роста, широкоплечіе, могучіе богатыри и красавцы лицомъ даже подъ черной мазью. Такихъ витазей въ Петербургѣ было немного и если бы они были теперь въ маскахъ, то и тогда бы легко всякій призналъ Григорья и Алексѣя Орловыхъ.

Братья были въ кандалахъ и прикованы сверхъ того одинъ къ другому. Золотые большіе браслеты у каждаго на рукѣ соединялись висѣвшею между ними цѣпью. Поэтому они ходили вмѣстѣ и не танцовали, извиняясь невозможностью разлучиться.

Причина, побудившая братьевъ явиться неграми и вымазать лица, былъ большой черный пластырь на вискѣ и ухѣ Алексѣя, который онъ носилъ съ самаго сраженія въ „Нишлотѣ“ и который онъ покинуть не могъ. А, между тѣмъ, по приказу государыни надо было явиться въ маскарадѣ Гольца. Кромѣ государыни и княгини Дашковой тутъ явились всѣ.

Благодаря костюмамъ, все вниманіе было теперь обращено на братьевъ, государь тоже замѣтилъ ихъ и, близко пройдя мимо, указалъ на нихъ Жоржу и прибавилъ громко, но шутливо:

— Хорошая выдумка! Подходящая!... Можетъ быть даже предсказаніе.

Принцъ ничего не отвѣтилъ на шутку. Онъ былъ не въ духѣ, потому что любимецъ его, Фленсбургъ, былъ разстроенъ чѣмъ-то и даже блѣденъ и не хотѣлъ ему объяснить ничего о причинѣ своей тревоги.

Дѣйствительно, Фленсбургъ былъ на себя не похожъ. Онъ куда-то исчезалъ и теперь, вернувшись, стоялъ въ пріемной на мѣстѣ пропавшаго дежурнаго. Онъ будто ждалъ его. Около полуночи къ нему подошелъ его другъ Будбергъ и обратился къ нему съ тѣмъ же вопросомъ, что и принцъ Жоржъ.

— Что съ тобой, Генрихъ? сказалъ онъ по-нѣмецки.

— Со мной? Со мной смерть! Смерть въ душѣ! глухо выговорилъ Фленсбургъ.

— Все она.... Кармелитка! Вотъ ужъ можно сказать: le

diab!e qui se fait ermite!... Брось ее, милый другъ. Она авантюристка съ головы до пятъ.

— Полно шутить! Ты видишь, что со мной! Скажи лучше,—ты уроженецъ Петербурга и долженъ знать... покуда я былъ въ ссылкѣ, при покойной царикѣ бывали здѣсь поединки? Или это дикое и развратное общество не знаетъ, даже не слыхивало никогда, что такое дѣло чести и вызовъ на поединокъ....

— Насколько помнится, бывало, но между нашими, т. е. иноземцами вообще....

— Стало быть, эти звѣри знаютъ, что такое поединокъ?.. Ну, тогда будь готовъ, милый другъ, послужить мнѣ секундантомъ.

— Что за вздоръ! Какъ не стыдно! Съ кѣмъ наконецъ?!

— Съ дрянью, которая не стоить того, чтобы я его убивалъ! А убью!! А государь навѣрное проститъ. Онъ понимаетъ и любитъ такія выходки. Пойдемъ отсюда. Я тебѣ все расскажу, и авось легче на душѣ будетъ!..

Между тѣмъ, хозяинъ дома, веселый и довольный, все подзадоривалъ молодежь и посылалъ танцовать. Балъ удался на славу. Даже старики и елизаветинцы развеселились, глядя на пляшущую молодежь.

Время проходило быстро и, наконецъ, уже было далеко за полночь. Вдругъ, какъ по сигналу, танцы сразу прекратились. Государь внезапно, чѣмъ-то разсерженный, собрался уѣзжать.

Кавалеры даже покинули на время своихъ дамъ и пошли за двинувшимися изъ залы пожилыми сановниками. Государь выходилъ, Гольцъ, рядомъ съ Жоржемъ, провожалъ его, а за ними двигалась масса гостей, министровъ, пословъ и первыхъ вельможъ. Всѣ проводили государя до лѣстницы, а Гольцъ спустился до самаго подъѣзда. Нѣкоторые вернулись въ залъ другіе остались на верху лѣстницы, чтобы, обождавъ отъѣздъ, государя, тоже уѣхать. Въ числѣ послѣднихъ былъ и гетманъ.

Спустившись внизъ, въ швейцарскую, Петръ Ѳедоровичъ поблагодарилъ Гольца, поздравилъ съ орденомъ св. Анны и по-

*

цѣловаль. Затѣмъ онъ обернулся къ принцу и вымолвилъ по-нѣмецки:

— Ваше высочество, надѣюсь, не забыли. Теперь можно. Даже пора!

Жоржъ понялъ, обернулся и сталъ искать глазами Фленсбурга, но адъютанта не было. Это даже обезпokoило принца.

Государь догадался по фигурѣ дяди и нетерпѣливо обернулся къ сопровождавшему его Гудовичу.

— Прикажи сейчасъ арестовать Теплова.

Гудовичъ вытаращилъ глаза.

— Что ты? Не слышишь! Или не понимаешь! гнѣвно выговори́лъ государь и, повернувшись, вышелъ къ поданной уже каретѣ.—Ну, воть, хоть этимъ прикажи, показалъ онъ Гудовичу на двухъ кирасировъ у подъѣзда.—Хорошъ ты адъютантъ! прибавилъ государь, садясь, и крикнулъ сердито: — Да ну!.. Скорѣе!

Кучеръ принялъ это на свой счетъ и съ мѣста взялъ почти въ карьеръ. Гудовичъ принялъ на свой счетъ и быстро пошелъ назадъ, крикнувъ кирасирамъ:—За мной!

По лѣстницѣ, какъ нарочно, въ числѣ прочихъ сенаторовъ и рядомъ съ гетманомъ, спускался и весело рассказывалъ всѣмъ что-то очень смѣшное самъ Тепловъ.

— Я васъ арестую именемъ государя! пробормоталъ Гудовичъ, смущаясь.

Всѣ стали, какъ ошеломленные.

— Меня? выговорилъ Тепловъ, мѣняясь въ лицѣ.

— Да ты спуталъ, батенька! сказалъ гетманъ.

— Это еще что? вдругъ взбѣсился Гудовичъ, которому показалось слово: спятилъ.—Возьмите и сдайте на Морскую гауптвахту! приказалъ онъ солдатамъ.

Кирасиры безмысленно бросились какъ по командѣ.

Тепловъ, пораженный, блѣдный, будто боясь насилія со стороны солдатъ, самъ быстро двинулся на подъѣздъ. Онъ забылъ даже шинель. Кирасиры кликнули извозчика и посадили арестанта въ блестящемъ мундирѣ. Тепловъ забылъ, что у него карета. Онъ все забылъ. Да и всѣ свидѣтели происшествія растерялись и позабыли его образумить.

Понемногу дорогой придя въ себя, онъ прошепталъ вслухъ:
— Это ошибка! За мной ничего нѣтъ! И чрезъ мгновеніе онъ прибавилъ гнѣвно:—Но такъ не ошибайтесь никогда, господа правители! И если арестовали по ошибкѣ такого, какъ я... такъ ужь, чуръ, не выпускайте опять на волю!!.

.... Тоже далеко за-полночь.

Шепелевъ бродилъ и шарилъ въ полной темнотѣ, но только принадлежности женскаго туалета попадались ему подъ руку.

— Маргарита, Бога ради, позволь зажечь свѣчку! Я ничего не найду...

— Пустяки. Найди! размѣялась она изъ угла комнаты.

— Но что за прихоть, милая. Вѣдь теперь ужь нечего... Ужъ ты вѣдь не пріѣзжая изъ-за границы, да еще не говорящая по-русски! сказалъ онъ подсмѣиваясь.

— А что за прихоть • упрямо называть меня Маргаритой потому, что мой голосъ похожъ на голосъ графини?

— Такъ два голоса не бываютъ похожи... Фу! Господи... Да сколько же у тебя тутъ башмаковъ. Ужъ пятый подъ руку попался...

— А вотъ выйдешь и можешь убѣдиться... какъ найдешь Свабронскую на балѣ.

— Это было бы дьявольскимъ навожденіемъ.

— Однако ты видишь, что тутъ нѣтъ ничего изъ костюма кармелитки!

— Да я, милая, ничего не вижу! Ни зги не вижу! размѣялся юноша.—Я того и жду, что глазъ себѣ выколю... А!.. Слава Богу!.. Но только... ни португепи, ни шпаги...

— И безъ нихъ можно... Или послѣ...

— Послѣ! размѣялся Шепелевъ.—Барона попросить доставить ко мнѣ на квартиру... Я безъ шпаги прямо подъ арестъ попаду. Впрочемъ, и такъ, если дежурнаго хватятся, то улетитъ на гауптвахту. Куда тебѣ! Дальше!

— Я же тебѣ говорила, что просила у барона позволенія послать тебя съ порученіемъ... Ты теперь по городу ѣдишь...

Наступило молчаніе. Шепелевъ возился и двигался на стулѣ.

— А все-таки... Это все было дерзко и почти невозможно! вымолвил онъ чрезъ нѣсколько минутъ.

— Только то и дорого, и хорошо, что „почти невозможно“! медленно проговорила она какъ бы сама себѣ.

— Ну! Теперь опять на поиски... За шпагой! весело вымолвил Шепелевъ и началъ снова шарить приговаривая:— Платье... Перчатки!.. Шкатулка!.. Должно быть чулокъ... Опять башмакъ!.. А это... Это ужъ и не знаю. Мы этого не носимъ!

Она тихо смѣялась изъ своего угла.

— Хорошо... Смѣйся! Встанешь, какъ я опять на Медвѣдцу попаду ногами да вторую звѣзду раздавлю...

— Не смѣешь по небеснымъ свѣтиламъ ходить!

— Слава тебѣ, Господи! воскликнулъ юноша.— У окна очутилась.

— Нашелъ? Ну-съ... Извольте теперь идти вонъ, дерзкій мальчишка, клявшійся мнѣ въ любви!.. къ другой.

— Пожалуйте ключъ, госпожа тюремщица.

— Извольте, господинъ узникъ. Идите ко мнѣ. Ключъ здѣсь, подъ подушкой.

Шепелевъ ощупью подошелъ.

— Купи его! шепнула она.— За десять поцѣлуевъ...

— Это дешево... За сто согласенъ. О! милая! Счастье мое! Во вѣки бы... не разстался! прошепталъ онъ, обнимая ее и всю покрывая поцѣлуями...

— Такъ до завтра... Будешь вечеромъ у меня? Въ десять... вымолвилъ онъ наконецъ.

— Да. Да. Да. Глупый младенецъ! Уходи... прошептала она.

Онъ двинулся къ двери, но она снова позвала его.

— Еще олинъ... Последній... На счастье...

И на нѣсколько мгновений въ комнатѣ наступила мертвая тишина. Только поцѣлуй беззвучно жилъ... и длился!

XXXVII.

Шепелевъ отомкнулъ звонкій замокъ, пріотворилъ слегка дверь и глянулъ. Кто-то шелъ мимо. Онъ подождать, потомъ

выглянуть снова. Прохожая горница и корридоръ были пусты, только издали доносился гулъ голосовъ и шумъ толпы. Онъ быстро вышелъ и еще быстрѣе направился къ залѣ.

Идя чрезъ гостинную бодрыми шагами, онъ вдругъ почувствовалъ, будто слегка шатается, въ глазахъ какъ-то потемнѣло и зарябило.

— Отвыкъ даже отъ свѣта! шутливо прошепталъ онъ.

Противъ него оказалось зеркало. Онъ взглянулъ на себя и улыбнулся. Онъ самъ себя не узналъ: на столько было блѣдно, но оживленно лицо его и на столько сверкали глаза.

„Да! Счастіе тоже, что и хворость!.. Но Господи! Думалось ли мнѣ, что сегодня... Вдругъ! Среди маскарада. И какъ она заранѣе все обдумала. Да, дерзко, а какъ просто!.. Она говоритъ: безопасно, потому что если кто и увидитъ, то глазамъ не повѣритъ! Вотъ ужъ дьявольскій расчетъ! Но никто не видать... Да! счастливѣе меня теперь въ столицѣ никого нѣтъ! Господи! Авань я съ ума не сошелъ. Авань, все это было! Было! Не сонъ же это?—Нѣтъ, сонъ! Ей-богу сонъ! восторженно воскликнулъ онъ. .

Шепелевъ двинулся было отъ зеркала, но сильный громъ колесъ на улицѣ заставилъ его выглянуть въ окно и онъ увидалъ среди плошекъ быстро, вскачь, удаляющуюся карету.

„Разѣѣздъ! Должно быть, ужъ поздно“, подумалъ онъ.

И онъ двинулся въ пріемную. Она была полна гостей, толпившихся въ ней и на лѣстницѣ. Онъ озирался смущенно и потуплялъ глаза каждый разъ, когда кто-нибудь случайно взглядывалъ на него. Во всякомъ взглядѣ ему казался допросъ. Онъ чувствовалъ, что на лицѣ его написано нѣчто, что можетъ сейчасъ всякій прочесть, узнать и ахнуть!

Онъ сталъ близъ дверей лѣстницы, но, оглядѣвшись, вдругъ пошатнулся, какъ пораженный громомъ, и схватясь за сердце, едва не вскрикнулъ. У окна, на стульяхъ, сидѣлъ старикъ графъ Скабронскій, а около него.... кармелитка. Она что-то тихо рассказывала ему и смѣялась. Онъ тоже громко смѣялся, покачиваясь на стулѣ.

— Не можетъ быть.... Другая! Другая! шепталъ Шепелевъ почти громко, застывъ отъ ужаса и отчаянія.

Онъ двинулся ближе къ нимъ и его почти безумный сверкающій взоръ приковался къ кармелиткѣ. Она вдругъ увидѣла Шепелева, будто вздрогнула и перестала смѣяться и говорить.

«Подойду!» рѣшилъ онъ и слѣлалъ чрезъ силу еще два шага.

Кармелитка, глядѣвшая пристально на него, быстро встала, взяла руку Скабронскаго и видимо сильно потянула его за собой, увлекая въ толпу.

— Ахъ ты вьюнъ! Смотри, пожалуй! подь ручку!! захохоталъ старикъ.

Но Шепелевъ этого не слыхалъ. Онъ двинулся къ окну и ухватился за что-то рукой, чтобы не упасть отъ той бури, которая забушевала у него на душѣ.

— Мальчишка! Дуракъ! Дуракъ! шепталъ онъ.—Вообразилъ, повѣрилъ!... Но голосъ.... Голосъ ея!... Да! Ея голосъ. Я съ ума схожу!...

Долго ли пребылъ юноша въ состояніи оцѣпенѣнія, застывъ отъ отчаянія,—онъ самъ не зналъ. Онъ безсознательно видѣлъ только, что всюду поднялась какая-то сумятица. Всѣ будто встревожены. Гольцъ стоитъ окруженный разными сановниками. Откуда онъ пришелъ? Съ лѣстницы, кажется. Около него Панинъ, фельдмаршалъ Трубецкой, Бретейль и цѣлая кучка важныхъ, ему незнакомыхъ, сановниковъ. Вотъ и въ залѣ тоже стихло.... Музыка играетъ, но никто не танцуетъ. Вся молодежь—двигаются, сходятся вмѣстѣ, шепчутся.... и всѣ будто оробѣли.

— Арестованъ! слышитъ Шепелевъ нѣсколько разъ.

Съ лѣстницы появился гетманъ блѣдный, встревоженный и прямо подошелъ къ Гольцу... Шепелевъ сталъ было прислушиваться къ взволнованному голосу гетмана, который клялся, божился и умолялъ посланника. Горе, отчаяніе слышалось въ его голосѣ.... Но едва сталъ юноша понимать, что дѣло идетъ объ комъ-то арестованномъ, какъ вниманіе его было снова отвлечено.... Графъ Скабронскій прошелъ въ гостиную съ кармелиткой и повелъ ее туда.... Туда, гдѣ онъ былъ!... Гдѣ думалъ, что нашелъ свое счастье, а былъ глупо и грубо обманутъ какой-то развратной женщиной, кидającejся въ объятія перваго

встрѣчнаго. И онъ ощутилъ вдругъ на сердцѣ странное чувство. Сердце будто упрекало его, что онъ осквернилъ то, что жило въ немъ и еще недавно было чисто и свято для него, а теперь попрано и осквернено.

— Да, нѣтъ, нѣтъ! Я же съ ума сошелъ! шепталъ онъ.— Два голоса не могутъ такъ быть схожи!...

Скабронскій вернулся одинъ и присоединился къ кучкѣ, слушавшей горячую рѣчь гетмана. Шепелевъ тоже глядѣлъ на всѣхъ и тоже будто внимательно слушалъ, а самъ прислушивался къ тому, что шептало ему страдающее отъ боли и упрекающее сердце.

И вдругъ онъ двинулся и, теперь еще болѣе блѣдный, съ дикой, полубезумной рѣшимостью въ глазахъ, почти побѣждалъ черезъ гостиную....

— Нескромность! Дерзость! Богъ вѣсть, что выйдетъ! Можетъ быть, сестра ея.... шепталъ онъ на ходу.... Ахъ, все равно! Все равно! Мнѣ хотъ умирать! Мнѣ надо знать!!

Онъ былъ уже у двери уборной и, задыхаясь, взялся за ручку.... Дверь была заперта....

— Кто тамъ? раздался тревожный голосъ, но онъ узналъ его сразу.... Это голосъ обѣихъ.... Голосъ „Ночи“ и голосъ „Кармелитки“.

— Мнѣ надо.... началъ Шепелевъ, но губы его дрожали, языкъ не повиновался, голосъ рвался на части.

— Кто тутъ? повторила она, приблизясь къ самой двери.

— Я.... Шепелевъ.... чрезъ силу громче выговорилъ онъ.

Замокъ щелкнулъ, дверь отворилась и на порогѣ въ полусумракѣ явилась кармелитка-Маргарита, безъ маски на лицѣ.

Шепелевъ схватилъ себя за голову и отступилъ....

— Что вамъ угодно? холодно, строго, почти гнѣвно вымолвила Маргарита:

— Ахъ, графиня.... Я не знаю!... съ страданіемъ въ голосѣ прошепталъ онъ.

— Вы не знаете?! воскликнула она, выдвигаясь еще немного изъ дверей.—Такъ я знаю!... Вы хотите преслѣдовать и срамить щенцину за одинъ неосторожный поступокъ! прошептала она.—За одинъ шуточный поцѣлуй!... Что ты говоришь?

обернулась она вдруг назадъ въ комнату за растворенную дверь. — Кто это? а это тотъ дежурный, который по твоей милости офицеръ и который неизвѣстно по какому праву считаетъ возможнымъ лѣзть въ нашу уборную.

Въ отвѣтъ на это сдержанный смѣхъ послышался въ углу горницы.

— Ну-съ, я прощаю васъ. Я сама виновата! Но это ужъ въ послѣдній разъ! нѣсколько мягче вымолвила Маргарита.

Дверь снова затворилась, снова щелкнулъ звонко замокъ.

Шепелевъ, едва двигаясь, тихо двинулся отъ дверей. Онъ уже ни о чемъ и думать не могъ. Мысли рвались, путались. То отчаяніе овладѣвало имъ, то вдругъ сердце, вострепнувшись радостно, говорило ему, будто вскрикивалъ въ немъ самомъ другой человѣкъ: неправда! это она!.. она! Сердце знаетъ, видеть и чувствовать лучше разума, лучше глазъ и ушей.

Вернувшись въ залу, Шепелевъ замѣтилъ опустѣвшія комнаты. Гостей оставалось не болѣе полсотни человѣкъ, и то все больше иностранцы. Русскіе вельможи и сановники всѣ сразу разѣхались, будто ихъ разогнала гроза.

На устахъ у всѣхъ теперь было имя Теплова.

Гольцъ тихо говорилъ по-нѣмецки въ углу съ датскимъ посланникомъ Гакстаузенемъ, и Шепелевъ, стоявшій недалеко отъ нихъ, разслушалъ фразу:

— А главное, онъ наперсникъ и другъ обоихъ графовъ. Да, русской партіи конецъ. Ихъ всѣхъ теперь развезутъ по захолустьямъ ихъ пространнаго отечества!

Графъ Скабронскій разговаривалъ съ Флѣнсбургомъ и адъютантъ изрѣдка взглядывалъ на Шепелева. Казалось, онъ одинъ прочелъ что-то на лицѣ юноши и, разъ взглянувъ на него, теперь постоянно снова переводилъ глаза на его блѣдное лицо... и снова читалъ!..

Шепелевъ невольно отвернулся и подумалъ:

„Проклятый нѣмецъ! Ненавидить меня... И за что? За то, что я когда-то ночью неохотно за слесаремъ сбѣгалъ!“

Черезъ нѣсколько минутъ Шепелевъ, стоявшій у окна, опустил голову, вдругъ вострепнулся, будто нѣчто случилось около него.

Сердце подсказало вѣрно...

Она шла по гостинной и появилась къ комнатѣ. Маргарита, въ томъ же своемъ длинномъ, простомъ бѣломъ костюмѣ, но безъ маски на лицѣ, была еще красивѣе обыкновеннаго.

Шепелевъ пристально и пытливо глядѣлъ въ ея лицо.

Она увидѣла Скабронскаго и подошла къ нему.

— А, дѣдушка! Къ шапочному разбору! Что такъ поздно? сказала Маргарита.—Пропустили, не видали, какая тутъ была красавица, всѣхъ обворожила.

— „Ночь“-то? Слышалъ, слышалъ... А ты вотъ слышала ли, что тутъ сейчасъ было?

— Тепловъ арестованъ! выговорилъ Фленсбургъ.

— Ну, такъ что жъ? равнодушно отозвалась Маргарита.

И всѣ трое зашептались...

И Фленсбургъ сталъ что-то шопотомъ рассказывать ей, но, послушавъ безъ вниманія минуту, Маргарита отошла отъ нихъ къ Гольцу и, мимоходомъ взглянувъ на Шепелева, сдѣлала движеніе, будто изумилась.

Она простилась съ хозяиномъ и тотчасъ подошла къ юношѣ.

— Будьте столь любезны, посадите меня въ карету.

Шепелевъ радостно двинулся.

— Позвольте, графиня. Эту честь я никому не уступлю, выговорилъ Фленсбургъ.

— Да я тебя доведу въ своей, внучка, сказалъ, усмѣхаясь, Скабронскій.

— Ни васъ, ни васъ тревожить не хочу! шутливо, но рѣшительно произнесла Маргарита обоимъ по очереди.

— Это пустяки... вымолвилъ угрюмо Фленсбургъ, подавая ей руку.—Теперь мой чередъ! прибавилъ онъ, улыбаясь дерзко и какъ-то двусмысленно.

— Нѣтъ. Это очень, очень серьезно! А очереди я не признаю, отвѣчала Маргарита холодно и, обернувшись къ Шепелеву, она прибавила:

— Господинъ офицеръ, вашу руку.

— По крайней мѣрѣ, не повышайте его въ чинѣ... Еще! Довольно съ него и нелѣпо полученнаго сержанта! вспыхнувъ, сказалъ Фленсбургъ.

— Извините, г. Фленсбургъ. Вы ошибаетесь, выговорилъ Шепелевъ злобно.—Государь сегодня на балѣ поздравилъ меня офицеромъ.

Фленсбургъ отчаянно вытаращилъ глаза...

Маргарита взяла Шепелева подъ руку и нѣсколько театрально и насмѣшливо, глядя на дѣда и адъютанта, присѣла низко обоимъ какъ бы въ менуэтъ и двинулась весело на лѣстницу.

— Отчего вы такъ страшно блѣдны? тихо заговорила она, спускаясь быстро по ступенямъ и невольно прижимаясь къ нему.—Я даже испугалась. Мнѣ стало жаль васъ. Оттого я васъ и позвала.

— Ахъ, графиня... Что жъ тутъ спрашивать! Вѣдь вы сами все знаете!.. съ отчаяніемъ воскликнулъ онъ.—Вѣдь это были вы?.. Вы!

Маргарита не отвѣчала и, спустившись въ швейцарскую, бросила его руку и стала надѣвать салонъ.

Лакеи выбѣжали на улицу... и кричали ея карету. Маргарита тоже вышла на подъѣздъ.

— Скажите мнѣ, умоляю васъ. Умоляю!.. преслѣдовалъ ее Шепелевъ.—Иначе меня завтра къ вечеру уже не будетъ на свѣтѣ!..

Но Маргарита молчала, только глядѣла ему въ глаза и улыбалась. И лицо ея, обращенное къ нему и освѣщенное теперь ясной зарей, вдругъ будто само отвѣтило ему... Теперь только замѣтилъ онъ странное, новое, доселѣ имъ не виданное у нея выраженіе, которое, казалось, легло рѣзкою печатью на всѣ черты ея чудно красиваго лица, — выраженіе восторженнаго утомленія...

— Только то и дорого, и хорошо, что „почти невозможно“, съ разстановкой и вразумительно выговорила она и быстро прыгнула въ поданную карету... Покуда лакеи становились на запятки, она высунулась въ окно къ юношѣ и вскрикнула, смѣясь звонкимъ и счастливымъ смѣхомъ:

— А по небеснымъ свѣтиламъ ходить—грѣхъ!!.

XXXVIII.

Въ домѣ гетмана Разумовскаго никто не дожился въ эту ночь. Все было на ногахъ и всѣ лица были смущены и встревожены.

Въ десять часовъ утра не спавшій гетманъ поѣхалъ къ принцу, а отъ него черезъ часъ былъ уже въ канцеляріи, гдѣ Гудовичъ и Нарышкинъ разбирали дѣла, перешедшія къ нимъ изъ уничтоженной тайной канцеляріи. „Слово и дѣло“ не существовало и не повторялось уже три мѣсяца. Теперь донощикъ говорилъ: „имѣю за собой важность“ и его вели къ лѣнивому Гудовичу и остряку Нарышкину.

Французъ, каменщикъ Валуга, былъ уже допрошенъ и поставленъ, по просьбѣ пріѣхавшаго гетмана, на очную ставку съ Тепловымъ.

И ничто не подтвердилось. Все оказалось выдумкой и клеветой. Подтвердилось только многими свидѣтелями, что Тепловъ за три дня передъ тѣмъ зѣло шибко побилъ Валуга за ухаживаніе и приставаніе къ его, Теплова, возлюбленной, живущей на Васильевскомъ островѣ.

— Ну, извините, Григорій Николаевичъ! сказалъ, смѣясь, Гудовичъ.—Натерпѣлись страху, небось. Что дѣлать! Ну, а ты, прохвостъ, теперь улетишь далеко. Я изъ-за тебя ночь не спалъ!

— Если бъ вы мнѣ вчера сказали имя донощика, глухо и озлобленно выговорилъ Тепловъ,—то я бы самъ догадался, въ чемъ дѣло.

Около полудня Тепловъ былъ освобожденъ по приказу государя и поѣхалъ домой. Лицо его было чернѣе ночи.

Черезъ часъ явился къ нему Перфильевъ и передалъ отъ государя записку, собственноручно написанную. Въ ней было: „Григорій Николаевичъ. Не серчай! Зачту!..“

И много народа перебивало у Теплова за весь день. Онъ не принималъ никого и сидѣлъ, задумавшись, въ кабинетѣ.

Не болѣе, какъ черезъ часа четыре послѣ Перфильева, къ нему явился Григорій Орловъ.

Тепловъ былъ изумленъ этимъ визитомъ буяна-гвардейца, съ которымъ онъ не имѣлъ ничего общаго и который за всю зиму раза три эсего былъ у него въ гостяхъ. Онъ тоже не захотѣлъ, конечно, его принимать, но Орловъ уперся и насильно, яко бы по дѣлу, влѣзъ къ нему.

Черезъ нѣсколько минутъ Тепловъ былъ озадаченъ откровенной рѣчью гвардейца. Онъ считалъ его трактирнымъ буяномъ и шалуномъ, думающимъ только о попойкахъ, женщинахъ и картахъ, а тутъ, передъ нимъ, оказался вдругъ совсѣмъ иной человѣкъ.

Но и Орловъ, въ свою очередь, былъ не мало удивленъ. Онъ думалъ, что ему придется разжигать Теплова насмѣшками и шутками, которыя будто бы ходили объ немъ въ городѣ, что ему придется убѣдить Теплова считать себя оскорбленнымъ. А, между тѣмъ, это оказался напрасный трудъ. Когда Орловъ вошелъ въ горницу, то нашелъ Теплова ходящимъ быстрыми шагами изъ угла въ уголъ. Лицо его было сильно взволновано. Послѣ первыхъ же словъ Орлова, Тепловъ еще болѣе измѣнился въ лицѣ и губы его затряслись. Онъ замахалъ руками, хотѣлъ говорить и не могъ; затѣмъ, передохнувъ, онъ заговорилъ и Орловъ узналъ, что этого человѣка нечего уговаривать и разжигать.

Тепловъ былъ, дѣйствительно, внѣ себя отъ случившагося съ нимъ позора. Человѣкъ—въ высшей степени самолюбивый и даже мелочного самолюбія, сановникъ изъ самыхъ свѣже-испеченныхъ дворянъ, да вдобавокъ еще не изъ тѣхъ гренадеръ, которые ввозили цесаревну на престолъ, а изъ тѣхъ, которые справляли еще очень недавно всякія лакейскія домашнія услуги.

Орловъ увидалъ ясно, что незачѣмъ скрываться отъ Теплова, что пожилой и умный сановникъ на столько глубоко оскорбленъ арестомъ, что никогда его не проститъ.

— Нельзя, нельзя, нельзя. . шепталъ Тепловъ, ходя изъ угла въ уголъ.—Такъ не поступаютъ! Ошиблись? Такъ не ошибайся, прежде осмотришься!

Давъ высказаться Теплову, осыпавъ все и всѣхъ бранью, произнести нѣсколько такихъ угрозъ, которыя было бы даже

опасно такъ громко произносить при мало-знакомомъ ему человѣкѣ,—Орловъ заговорилъ въ свою очередь искренно и закончилъ бесѣду словами:

— И такъ, Григорій Николаевичъ, теперь понимаете, почему я къ вамъ пріѣхалъ? Намъ народу не мало, но сидимъ мы, у моря погоды ждемъ! Какъ быть, что дѣлать—не знаемъ. И покуда, только набираемъ и набираемъ народъ. Я и братъ, какъ только слышимъ, что кого одолжили, погладили, подарили, вотъ какъ васъ теперь этимъ арестомъ, мы ѣдемъ, знакомимся и зовемъ къ себѣ. А тамъ, дальше, что Богъ дастъ! Пріѣзжайте къ намъ и найдете препорядочную кучку молодцовъ, которымъ нынѣшніе порядки не въ могуту. Заправили у насъ нѣтъ. Коли угодно, можете взять команду! Приказывайте и распоряжайтесь, слушаться и повиноваться будемъ слѣпо, если только увидимъ, что попали въ руки настоящаго опытнаго заправили. Угодно вамъ или нѣтъ?

Тепловъ, видимо смущенный, пристально глядѣлъ въ глаза Орлова, какъ бы колеблясь.

— Григорій Николаевичъ, горячо и простодушно воскликнулъ Орловъ:—да вы боитесь, опасаетесь меня! Поймите, вы, умнѣйшій въ Питерѣ человѣкъ, и не можете отличить правды отъ кривды. Посудите, могу ли я лгать и притворяться. Развѣ я хитрю, развѣ я не наговорилъ вамъ сейчасъ такихъ словъ, за которыя вы можете меня черезъ часъ выдать съ головой и меня прикажутъ схватить и сослать въ Пелымъ. А когда человѣкъ отдается такъ головой въ руки, нешто можно ему не вѣрить? Я вамъ предлагаю быть у насъ, перезнакомиться со всѣми нашими пріятелями. Я иду и на то, что вы на другой же день можете быть хоть фельдмаршаломъ. Стоитъ вамъ только всѣхъ насъ назвать и выдать. Только одно прибавлю, тотъ кто это сдѣлаетъ, конечно, двухъ дней головы не сноситъ. Какой-нибудь изъ насъ да останется, чтобы ему горло перерѣзать.

Послѣднія слова Орловъ произнесъ такимъ голосомъ, по которому видно было, что этотъ вопросъ о предателѣ давно рѣшенъ въ кружкѣ.

Тепловъ задумчиво молчалъ нѣсколько минутъ, не зная, что отвѣтить. Но вдругъ, снова вспомнилъ онъ ужъ въ сотый разъ,

какъ его въ мундирѣ, во всѣхъ орденахъ, выходящаго изъ ма-
скарада посланника садиться въ карету, схватили два кирасира...
изорвали платье... поволокли на извозищны сани. Снова вся
кровь хлынула въ сердце и ударила въ голову, зарумянила лицо
самолюбца, и подъ этимъ наплывомъ гнѣва и горечи онъ вы-
говорилъ вслухъ:

— Нѣтъ, нельзя, нельзя! Никогда не прощу! Нѣтъ, такого
дѣла не прощаютъ!

— Вѣстимо не прощаютъ, проговорилъ Орловъ. Тепловъ
протянулъ ему руку и выговорилъ твердо и рѣзко:

— Да, я съ вами. Лишь бы только васъ было больше, да не
дураки, да не болтуны. А остальное все само приложится! Не да-
ромъ я правилъ при гетманѣ цѣлой страной, цѣлой Хохландіей,
чтобы не управлять вами. Да, у тебя губа не дура, Григорій Гри-
горьевичъ, что ты влѣзъ ко мнѣ нынѣ силкомъ. Скажи своимъ,
что вы такого человѣка теперь залучили къ себѣ, который за-
ставитъ васъ дѣйствовать какъ по писанному и разыгрывать
все, какъ по нотамъ. Когда у васъ сходка?

— Да мы всякое утро собираемся, а иногда и вечеромъ.
Иногда ночь сидимъ. Запремся и будто въ карты дуемся, а сами
толкуемъ.

— Только толкуете?

— Да.

— Ну завтра же утромъ я буду у васъ. Слово мало, надо
и дѣло! Ну, голубчики! произнесъ вдругъ Тепловъ, какъ бы обра-
щаясь къ какимъ-то невидимкамъ, стоящимъ передъ нимъ въ
горницѣ.—Обзавелись вы теперь благопріятелемъ въ особѣ Гри-
горія Теплова!..

И на другое же утро въ квартирѣ Орловыхъ собрались
пріатели ихъ; но, на этотъ разъ, комнаты едва вмѣстили но-
выхъ друзей и товарищей.

Давно ли Пушкинъ и Бибииковъ стали бывать здѣсь? А они
были уже свои люди, послѣ нихъ явились уже другіе, болѣе
новички. За послѣднюю недѣлю человѣкъ десять новыхъ дру-
зей изъ разныхъ полковъ появились у Орловыхъ. Не прошло
двухъ часовъ бесѣды, въ которой всѣ больше слушали Теп-
лова, чѣмъ говорили, какъ вся компанія повеселѣла и какъ

бы ожила. Тепловъ задавалъ имъ такіе вопросы, дѣлалъ такіа возраженія, предлагалъ такіа вещи, что молодежь сразу признала въ немъ не болѣе не менѣе, какъ своего главнокомандующаго. Будто разумъ вдохнули въ тѣло. Какъ тройка борзыхъ коней, почуявъ сильныя искусныя руки, подобравшія возжи, мчится съ мѣста бодрѣе и веселѣй, такъ всѣ эти молодые люди воодушевились сразу, почуявъ, что у нихъ завелся настоящій искусный и замѣчательный руководитель.

Въ сумерки, когда молодежь начала уже расходиться отъ Орловыхъ, каждый уходилъ веселый, довольный, какъ будто бы на другой день предстояло начать общее дѣло, которое, по убѣжденію теперь каждаго изъ нихъ, должно кончиться неминуемо полнымъ успѣхомъ. Алексѣй Орловъ бодрѣе и радостнѣе всѣхъ другихъ весело отправился съ тайнымъ порученіемъ отъ Теплова къ главѣ синода, Сѣченову.

Когда у Орловыхъ остались самые близкіе, самые давнишніе друзья, братья Рославлевы, Всеволожскіе, Ласунскій и Пассекъ, то послѣдній, самый дѣльный изъ всѣхъ, обратился къ Теплову съ вопросомъ:

— Григорій Николаевичъ, неужели вы, которому молва приписываетъ такое вліяніе на Разумовскихъ,—не можете поручиться сейчасъ же, что графъ Алексѣй Григорьевичъ и графъ гетманъ тоже присоединятся къ нашему дѣлу?

— Нѣтъ, Петръ Богдановичъ, объ этомъ и думать нечего. Да ихъ государственное положеніе и не дозволяетъ того. Случись чтó, они противъ насъ не пойдутъ, но чтобы теперь имъ пристать къ компаніи молодцовъ-офицеровъ,—это невозможно. Подумайте, мнѣ сорокъ пять лѣтъ, а вѣдь я самый старшій у васъ. Между вами, поди, ни одного сорокалѣтняго не найдется, а по чину самый чиновный, поди, только маіоръ. Нѣтъ, вы графамъ Разумовскимъ не компанія, да я и не сунусь къ нимъ съ такимъ предложеніемъ. Гетманъ Кирилла Григорьевичъ выгонитъ меня вонъ, а Алексѣй Григорьевичъ и того хуже, поѣдетъ да государю и доложить. И ужъ тогда, коли меня стащутъ, такъ опять не выпустятъ. Да они намъ и не нужны....

И Тепловъ, собираясь уѣзжать, взялся за шапку.

— Помните одно.... Осторожнѣе! заговорилъ онъ снова.— Намъ нужна гвардія—это ваше дѣло! Намъ нужны сенаторы, хотя бы только десятка два, но самыхъ дѣльныхъ—и это мое дѣло.... Намъ нужно духовенство, синодъ.... Ну, объ этомъ уже вѣрно постарался Сѣченовъ и еще постарается самъ Петръ Ѳеодоровичъ!... Простите покуда.... Заходи, тезка, завтра въ вечеру на пару словъ, обратился Тепловъ къ Григорію Орлову.— На парочку, братецъ, самыхъ важныхъ словъ которыхъ всѣмъ вамъ незачѣмъ и знать!..

— Ладно. Буду! отвѣчалъ Григорій, весело улыбаясь.

— Только эту парочку словъ не я скажу тебѣ! Я съ тебя потребую признанія, сказалъ Тепловъ.— Не ради бабьяго любопытства, а ради дѣла. Коли ты подтвердишь мою о тебѣ догадку, то дѣло пойдетъ у насъ совсѣмъ какъ по маслу.

Въ эту минуту въ передней раздался ударъ хлопнутой двери, быстрые шаги и затѣмъ обѣ половинки дверей въ гостиную тоже распахнулись съ громомъ, такъ что влючъ, выскочивъ изъ замка, зазвенѣлъ по полу.

На порогѣ появился Алексѣй Орловъ, съ оживленнымъ лицомъ, и, слегка задохнувшись, крикнулъ:

— Скорѣе.... Идите! Всѣ!

Офицеры повскакали съ мѣстъ и бросились къ нему.

— Что такое? Что? былъ общій вопросъ.

— Скорѣе, говорятъ, идите. Такое.... Такое увидите, чего отъ роду не видали.

— Да что?

— Слышите барабанъ.... Рота измайловцевъ! Съ караула идетъ. А кто впереди? А?! За простого капрала шагаетъ. Кто?!

— Ну! Ну!

— Графъ гетманъ! Самъ вашъ Кирилла Григорьевичъ! обратился Алексѣй къ изумленному Теплову.

Всѣ офицеры бросились въ разсыпную по горницѣ хватать свои шляпы, кивера и шпаги.

— Да вреть онъ все... Чего вы его слушаете! крикнулъ Пасекъ.—Балуется!

— Ей Богу же! Ей Богу.

— Полно блажить, Алеша! Тутъ тебѣ поручили важное дѣло, а ты...

— Стану я тебѣ, чучело, даромъ божиться да грѣшнить! крикнулъ Алексѣй рѣшительно.

— Да не можетъ статься. Гетманъ при мнѣ въ маскарадѣ былъ обласканъ государемъ, сказалъ Тепловъ,—а это же вѣдь хуже плюхи...

— Идите, говорить вамъ! Жалѣть послѣ будете! крикнулъ Алексѣй и побѣжалъ внизъ.

Офицеры бросились за нимъ. Тепловъ послѣдовалъ тоже.

Между тѣмъ, барабанный бой приближался и на глаза высыпавшей на улицу молодежи изъ-за угла Адмиралтейскаго проспекта показалась рота Измайловскаго полка. Впереди двигалась, шагая въ тактъ барабаннаго боя, въ блестящемъ на солнцѣ мундирѣ, во всѣхъ орденахъ и Андреевской лентѣ, высокая всѣмъ знакомая фигура графа-гетмана.

Густыя брови его слегка сдвинулись; глаза были опущены въ землю и лицо немного блѣдно.

Онъ, очевидно, замѣчалъ останавливающійся по бокамъ народъ, столпившуюся кучку офицеровъ, изумленно и молчаливо взиравшихъ на него, но медленно и гордо шагая передъ ротой среди улицы—поровнялся и прошелъ, не поднявъ глазъ, опущенныхъ въ землю. На лицахъ солдатъ, равномерно шагавшихъ за гетманомъ, было замѣтно что-то особенное, необыденное. Они будто не знали какъ имъ смотрѣть на прохожихъ, переглядываться и смѣяться чудной оказии или смотрѣть тоже изъ подлобья, какъ гетманъ.

Рота завернула и скрылась за угломъ Большой Морской, за ней въ нѣсколькихъ шагахъ слѣдовала большая красивая берлина, голубая съ позолотой, съ золотымъ гербомъ графовъ Разумовскихъ на темносинемъ бархатномъ чехлѣ возель. Длинный цугъ красивыхъ и выхоленныхъ коней, по два въ рядъ, выступалъ лихо, горячася и играя нетерпѣливо.

Глаза и лицо старика-кучера, когда-то подареннаго гетману покойной императрицей, говорили толпѣ съ возель то, чего не могли сказать опущенные глаза его барина. Пустая берлина,

*

качаясь тихо на ремняхъ, шагомъ, будто на похоронахъ, тихо завернула за уголъ.

Между тѣмъ, прохожіе по всему пути останавливались и, обернувшись, глазли, разиня рты. Питерцы любили гетмана и теперь имя Кириллы Григорьевича было на всѣхъ устахъ, и всякій обращался къ сосѣду или вслухъ самъ къ себѣ съ вопросомъ:

— Что за притча?.. Гетманъ роту ведетъ?

— Что жъ это такое! вымолвилъ, наконецъ, и Григорій Орловъ въ кучкѣ офицеровъ.

Въ эту минуту показался на площади верхомъ Перфильевъ. и крупной рысью ѣхалъ въ Морскую.

— Стой! Стой! Степанъ Васильевичъ! закричала вся кучка офицеровъ, бросаясь къ нему на встрѣчу.

Онъ круто остановилъ лошадь. Офицеры, а за ними и народъ, окружили его.

— Что такое? Объясни, братецъ видѣнное сейчасъ позорище, сказалъ Григорій Орловъ.—Гетманъ провелъ роту измайловцовъ, и самъ пѣшкомъ!

— Государь приказалъ... Завтра будетъ указъ всѣмъ высшимъ чинамъ гвардіи, даже фельдмаршаламъ, быть въ строю и бывать на всѣхъ экзерциціяхъ и во всѣхъ караулахъ. Всѣмъ отъ послѣдняго сержанта до генерала.

— Что-о?! воскликнули всѣ въ разъ.

— Да. Ёду вотъ къ Никитѣ Юрьевичу съ указомъ, лично привести сейчасъ на плацъ преображенцевъ.

— Старого филина, подѣломъ. А гетмана жаль, сказалъ Ласунскій.

— Трубецаго? Разумѣется, не жаль!

— Да онъ съ тѣхъ поръ, что генераль-прокуроромъ, шпаги въ руки не бралъ! воскликнулъ кто-то.

— Вспомнить небось, какъ подъ ружье поставять! воскликнулъ, смѣясь, Перфильевъ.

— Вотъ тебѣ бабушка и Юрьевъ день! захохоталъ Алексѣй Орловъ. Фельдмаршаловъ да генераль-прокуроровъ будутъ скоро на-вѣсти ставить!

— Разумѣется, коли укажутъ! сказалъ сухо Перфильевъ, отъѣзжая отъ молодежи.

Въ кучѣ офицеровъ наступило гробовое молчаніе... Нѣкоторые переглядывались.

— А видѣли лицо гетмана? Бѣлѣ скатерти! тихо сказалъ Пассекъ.

— Да, у него теперь на душѣ кипить.

Алексѣй Орловъ наклонился къ брату и шепнулъ ему на ухо:

— А гетманъ-то нашъ теперь! А?

— Пожалуй, что и такъ! отвѣчалъ Григорій вслухъ и, увидя на крыльцѣ своего дома Теплова, подошелъ съ вопросомъ:

— Ну что, Григорій Николаевичъ, графы теперь поподатливѣе будутъ?

— Вѣстимо! отвѣчалъ весело Тепловъ.—Это еще лучше моего ареста.

XXXIX.

Въ тотъ же вечеръ всѣ три брата Орловы, взявъ съ собой и молоденькаго кадета Владиміра, а съ ними Ласунскій, Пассекъ и Талызинъ весело пообѣдали въ трактирѣ и уже вечеромъ вышли на улицу.

Майская ночь была великолѣпна: тихая, теплая и ясная. Полная луна на небѣ свѣтила такъ ярко, что на дворѣ было свѣтло, какъ днемъ. Всѣмъ поневолѣ захотѣлось пройтись пѣшкомъ и они отправились къ берегу Невы, по направленію ко дворцу принца Жоржа.

Талызинъ, флотскій офицеръ, обожавшій море, предложилъ воспользоваться чудной ночью и затишьемъ и прокатиться въ лодкѣ.

Всѣ единодушно согласились, только одинъ Григорій Орловъ сталъ отказываться, чувствуя страшную усталость. Онъ отсутствовалъ всю ночь изъ дому, вернулся со свиданія только въ шесть часовъ утра. Этого никто не зналъ и не видалъ, кромѣ стараго Агаэона, который его каждый разъ упрямо дожидался одѣтый и съ фонаремъ на столѣ. Теперь онъ чув-

ствовавъ себя усталымъ на столько, что уже мечталъ только объ одномъ—очутиться въ постели.

— Нѣтъ! воскликнулъ Алексѣй.—Ужь ѣхать, такъ всѣмъ ѣхать! И ты ступай! А коли разберетъ сонъ, ложись въ лодкѣ и спи.

— Что жъ съ вами дѣлать! Поѣдемъ....

Вся компанія направилась вдоль набережной по направленію пристани, помѣщавшейся противъ мыса Васильевского острова. Здѣсь всегда бывали рыбаки и всякія лодки.

Талызинъ, какъ знатокъ, выбралъ самую большую лодку. Всѣ вошли, разсѣлись и взялись за весла.

Алексѣй Орловъ сѣлъ переднимъ гребцомъ и взялъ два огромныхъ весла. Талызинъ сѣлъ къ рулю. Только Григорій отказался грести на отрѣзъ, умастился за братомъ на самомъ носу лодки и, подложивъ себѣ подъ голову сятый Алексѣемъ мундиръ, тотчасъ улегся...

И лодка, стрѣлой понеслась внизъ по теченію, благодаря бойкимъ взмахамъ гребцовъ и силѣ быстрого теченія. Въ десять минутъ лодка была уже на взморьѣ. И сразу развернулось предъ ними, будто обхватило ихъ въ огромныя объятія, просторное, спокойное и необозримое лоно водъ, перерѣзанное пополамъ лунной сверкающей полосой. Будто серебряная, но зыбкая и обманчивая дорога—по ровному, по темному и невѣдомому царству! Будто символъ жизни нашей!

Талызинъ, сидѣвшій лицомъ къ великому простору, глянувшему вдругъ на нихъ среди ночи и затишья, не выдержалъ:

— Стой! вскрикнулъ онъ.—Убирай весла!

Всѣ повиновались.

— Поворачивай голову! смѣясь, скомандовалъ онъ.—Гляди, и чувствуй. Гдѣ лучше? У васъ или у насъ? Въ казармѣ или на кораблѣ?

Всѣ обернулись и никто не сказалъ ни слова. Всѣ залюбовались тихимъ таинственнымъ просторомъ водъ. И на всѣхъ повѣяло чѣмъ-то чуднымъ, новымъ, чего нѣтъ въ городѣ, нѣтъ въ полѣ....

— Гриша, сказалъ наконецъ Алексѣй,—гляди, что за диво? Знаете, ребята... Чудно! Просто хотъ молиться. Гриша!

— Отстань! А молиться хочешь, такъ и меня помяни, а я спать хочу, промывчалъ тотъ въ отвѣтъ.

— Ну, матросы, за весла! скомандоваль Талызинъ.—Мы еще съ полверсты двинемъ въ море, а тамъ назадъ.

И лодка снова понеслась по гладкой, незыблемой поверхности. Только весла, всплескивая воду, нарушали общій сонъ и затишье, и будто серебромъ посыпало по бокамъ лодки, да серебристый слѣдъ вился за ней, какъ хвостъ и, расходясь въ обѣ стороны, страшно разростался, но все-таки пропадалъ и умиралъ въ безбрежномъ и живомъ просторѣ.

Гребцы, налегая усердно на весла, молчали; всякій думалъ свою думу, сознавая, что ставить судьбу свою на карту....

Григорій Орловъ тоже, скорчившись и согнувшись на двѣ лодки, думалъ свою думу. Онъ думалъ о томъ, какъ много перемѣнъ совершилось за послѣднее время. Онъ вспоминалъ двадцать-четвертое апрѣля, которое теперь на всю жизнь останется у него запечатлѣннымъ на сердцѣ. Онъ почти не шутилъ, когда говорилъ старому Фомкѣ, что заважеть мраморную доску, вырѣжетъ на ней это число и будетъ поклонны класть.

„И для Фридриха—это число важное! Трактатъ мирный его сочиненія одобренъ...“

Затѣмъ, думая о послѣднихъ дняхъ, мысль его поневолѣ сосредоточилась на Теплохѣ. Человѣкъ этотъ, присоединившись къ ихъ кружку, повидимому, долженъ былъ совершенно все круто видоизмѣнить и къ лучшему.

„Это дѣйствительно заправила нашъ, думалъ Григорій Орловъ, и дѣйствительно я кладъ нашель. Только одно мучить душу. Ну, вдругъ, не побоясь угрозы нашей, одумается онъ, оробѣетъ, пойдетъ за прощеніемъ къ государю и въ доказательство раскаянія назоветъ всѣхъ по именамъ. И все дѣло пойдетъ прахомъ! И всѣ мы будемъ... Богъ вѣсть гдѣ!“

Долго думалъ объ этомъ Орловъ, припоминая малѣйшее слово, малѣйшее движеніе, даже оттѣнокъ голоса новаго члена кружка, самаго старшаго, самаго вліятельнаго...

Но вдругъ среди тьмы зажглись огоньки и фонари улицъ петербургскихъ. Среди темной ночи, какимъ-то зловѣщимъ, краснымъ свѣтомъ сверкають эти огоньки. Въ аду, вѣрно этакъой

вотъ, огонь неугасаемый. Лодка, сильно покачиваясь на волнахъ, быстро движется по узкой темней рѣкѣ.

„Какъ Нева узка! думаетъ онъ. А, говорятъ, самая широкая на свѣтѣ. Куда! Висла и та шире гораздо“.

Лодка все двигалась и, наконецъ, съ маху уперлась къ берегу.

Григорій выходитъ съ братьями на берегъ и въ ту же минуту среди темноты нѣсколько военныхъ подходятъ къ нимъ.

— Вы—Орловы?

— Мы, говорить Алексѣй.

— Вы арестованы.

— За что? воскликнулъ тотъ.

— Тамъ узнаете... Идите.

Не прошло нѣсколькихъ мгновеній, какъ всѣ три брата и товарищи уже на гауптвахтѣ. Они стоятъ передъ зеленымъ столомъ, за которымъ сидятъ Нарышкинъ и Гудовичъ, замѣнившіе тайную канцелярію.

Дѣло простое. Тепловъ всѣхъ выдалъ. Передъ Гудовичемъ лежитъ длинный списокъ, во главѣ котораго стоятъ имена трехъ братьевъ Орловыхъ.

Въ сосѣдней комнатѣ слышенъ гулъ и шумъ; туда свозятъ всѣхъ арестованныхъ товарищей.

Григорій ясно слышитъ голосъ Иванвича, который божится и клянется всѣми святыми, что онъ никогда у господъ Орловыхъ не бывалъ, что онъ ихъ только бивалъ.

— Бывалъ! Бывалъ! восклицаетъ кто-то и хохочетъ весело.

И въ какомъ-то круговоротѣ Григорій съ полусловъ и намековъ узнаетъ отъ Гудовича, что государыня арестована на время на Смольномъ дворѣ. Не далѣе какъ завтра, она будетъ отвезена въ Шлиссельбургъ и заключена на вѣки.

Гудовичъ и Нарышкинъ начинаютъ подробный допросъ братьевъ, какъ главныхъ участниковъ. Григорій отвѣчаетъ истину, но братъ Алексѣй вдругъ хватается его за руку.

— Гриша, нечего по пусту языкомъ болтать! восклицаетъ онъ.—Что тутъ сказывать, дѣло простое, они сами лучше насъ все знаютъ. Виноваты кругомъ, ну и руби головы! Дѣло такое,

и святое и грѣшное, и правое и виноватое! Или панъ, или пропалъ. Та же чехарда! Не сѣлъ на-конь, стань конь! Я больше ни слова! Хоть пытай, хоть на дыбу тани!

И черезъ минуту Григорій уже въ отдѣльной каморкѣ, гдѣ стоитъ только одна кровать, даже безъ матраца. Окошко рѣшетчатое. И въ это окно проливается слабый свѣтъ не то отъ фонаря, не то отъ луны. И въ этой каморкѣ такъ же тихо, какъ въ гробу. Только мышь въ углу грызетъ гнилую доску. Да вѣдь и это, поди, въ гробу бываетъ; вѣдь есть земляныя мыши, которыя прокладываютъ дорожку къ зарытому покойнику.

„Я всѣхъ погубилъ! Я этого Искаріота; хохлацкаго наперсника раздобылъ. И всѣхъ перебрали. Никто даже не останется цѣлъ, чтобы ему, по крайней мѣрѣ, горло перерѣзать. А она? Что она? Проклинаетъ его!“

И подъ наплывомъ горя и отчаянія Григорій забылъ о каморкѣ. Кто-то взялъ его за руку.

— Что? восклицаетъ онъ, вздрогнувъ.

— Иди!

Онъ послушно встаетъ и идетъ за какимъ-то преображеннымъ солдатомъ. Солдатъ оборачивается, это—Квасовъ.

— Ты какъ въ рядовые угодилъ?! восклицаетъ Григорій.— Ты вѣдь, лѣшій, у насъ не захотѣлъ быть. Такъ за что же тебя-то разжаловали?

Но Квасовъ не отвѣчаетъ, и только махнулъ рукой. Не зная самъ, какъ и когда прошелъ онъ длинный корридоръ, спустился по какой-то страшно крутой, будто винтовой лѣстницѣ. Григорій уже на улицѣ. На дворѣ свѣжо, солнце еще не подымалось и онъ чувствуетъ, какъ озябла голова его безъ шапки. Безсознательно идетъ онъ за Квасовымъ, проходитъ крыльцо, какія-то ворота и сразу вступаетъ въ кучку телѣгъ.

И всѣ тутъ! Да, всѣ до одинаго! Ни одного не позабылъ Теплоу.

Гробовое молчаніе царитъ между ними, никто ни слова. Да и что тутъ говорить! Но одно только видитъ Григорій, чувствуетъ, и болью отдается оно у него на сердцѣ. Онъ видитъ на всѣхъ лицахъ, читаетъ во всѣхъ взорахъ одно—укоръ!

— Ты Теплоу привезъ! Ты насъ погубилъ! говорятъ всѣ

эти мертво-блѣдныя лица и трепетные взоры. И онъ невольно опускаетъ глаза, закрываетъ лицо руками и не хочетъ даже знать, видѣть, что происходитъ кругомъ.

Его посадили на какую-то телѣгу; онъ боится открыть глаза, но чувствуетъ, что и всѣ садятся. Онъ двинулся, его везутъ, но онъ чувствуетъ, что не одинъ онъ ѣдетъ, всѣхъ везутъ, и братьевъ, и друзей! Неужели и мальчугана Владиміра не пожалѣли они? Чѣмъ онъ виноватъ? Тѣмъ, что родня! Какъ онъ держалъ его у себя на квартирѣ? За чѣмъ не отправилъ его къ брату Ивану въ Москву? А братъ Иванъ, и до него доберутся? Онъ чѣмъ виноватъ? Уже три года, какъ не видались они. Да что онъ? Что братья? Букашки, прахъ... Она! Она имъ погублена. Но куда жъ везутъ ихъ? И Григорій, открывъ глаза, вскрикнулъ и схватился за сердце.

Береница телѣжекъ выѣхала на Адмиралтейскую площадь и здѣсь, гдѣ такъ часто гулялъ онъ, ѣздилъ верхомъ, здѣсь, гдѣ еще вчера проходилъ, спѣша свидѣться... Здѣсь уже сострепали на скорую руку высокій помостъ, столбы и плаху...

Какъ часто слыхалъ онъ въ дѣтствѣ рассказы отца и матери, рассказы мамушекъ, рассказы Агаѳона о Бироновскихъ казняхъ. И вотъ вдругъ его чередъ! И какъ скоро, просто, незамѣтно привела его сюда судьба и толкаетъ на плаху...

— Не срамись, Гриша! слышитъ онъ рядомъ съ другой телѣжки. — Баба ты, или офицеръ? Умирать, такъ умирать! Нешто мы не виноваты?! Повернись дѣло вправо — были бы герои, повернулось влѣво — и преступники!

И отъ словъ брата у Григорія свѣтлѣй на душѣ, онъ бодрѣе поднимаетъ голову.

Телѣжки останавливаются у высокаго помоста. Тысячная толпа заливаютъ кругомъ и помостъ, и телѣги, но мертвое молчаніе царить въ этой толпѣ. Никто ни единымъ словомъ, ни единымъ взглядомъ не хочетъ оскорбить преступниковъ. Нѣтъ, на всѣхъ лицахъ Орловъ читаетъ жалость и сочувствіе. Да, православные знаютъ за какое дѣло они погибаютъ.

— Перваго, — Орлова, Григорья! слышится голосъ. — Съ него начинать.

— Ну, что жъ! восклицаетъ онъ. — Спасибо за честь! Коли

всѣмъ власть головы, такъ ужъ, конечно, мнѣ первому. Я же и погубилъ всѣхъ своимъ малодушествомъ. Простите братцы. Прощайте. Будь проклятъ Тепловъ! Благослови Господь ее, государыню, ни въ чемъ неповинную! Она и не помышляла о томъ, что мы творить хотѣли. Ну, рубите, что ль скорѣй! Куда власть башку-то! Эй, палачъ, уважи, гдѣ власть. Одолжи разокъ, въ другой разъ самъ буду знать! шутить Григорій, а на глазахъ слезы...

Но чьи-то руки уже хватаютъ его за плечи. Палачъ знаетъ свое дѣло. Ишь какъ ухватилъ! Того гляди плечо вывернетъ...

— Да вставай же. Ну! кричитъ палачъ и пуще ухватилъ и тянетъ.

— Вставай! Государь простилъ! говоритъ палачъ.

Нѣтъ, это не палачъ, это онъ самъ себя говорить.

Площадь дрогнула, заколебалась вся и пошла какимъ-то страннымъ круговоротомъ. Люди, телѣжки, дома, небо, все завертѣлось! И сразу стало свѣтло! Прямо предъ глазами круглая, ясная луна, будто кружечъ серебристаго льда. А надъ нимъ нагнувшійся братъ Алеханъ.

— Ну, заспался, братъ. Насилу растолкалъ! Да еще бормочешь: государь простилъ! Аль Котцау во снѣ опять билъ?

Григорій Орловъ протеръ глаза, глубоко вздохнулъ и оглядѣлся дико кругомъ.

— Что это? Гдѣ? Что? Палачъ! Умирать... Ну...

— Что ты! Типунъ тебѣ на языкъ! Экія слова на всю улицу орешь... воскликнулъ Алексѣй.—Вставай! Всѣ ужъ пошли... Вонъ ужъ гдѣ...

— Господи! Сонъ! Привидѣлось! И Григорій вскочилъ на ноги.—Привидѣлось! Алеханъ! Алеханъ!!

И онъ такъ бросился на шею къ брату, что лодка покачнулась.

— Что ты! Опалѣлъ что ли? Чего цѣлуешься?

— Господи помилуй и сохрани! Господи помилуй! началъ креститься Григорій и затѣмъ, радостно ахнувъ, выскочилъ на берегъ и запрыгалъ, какъ мальчуганъ.

Алексѣй, недоумѣвая, вылѣзъ изъ лодки за братомъ и выговоришь:

— Аль сонъ какой поганый?..

— Ахъ, что я видѣлъ! Алеханушеа, что я видѣлъ! Что я видѣлъ!..

— Чорта что ли? нетерпѣливо вскрикнулъ Алексѣй.

— Ой хуже... Охъ, Господи помилуй! Да вѣдь какъ живо-то! Какъ живо! Господи!..

И Григорій началъ снова креститься, но вдругъ остановился... и взбѣсился.

— Тьфу!.. Даже зло беретъ! отчаянно воскликнулъ онъ.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Прошло двѣ недѣли послѣ маскарада у Гольца, а много воды утекло.

Кружокъ братьевъ Орловыхъ увеличивался не по днямъ, а по часамъ. Наконецъ, квартира Григорія Орлова уже не могла вмѣстить всѣхъ лицъ, которыя собирались по утрамъ, иногда поздно вечеромъ и далеко за полночь. Приходилось подумать о другомъ мѣстѣ для собраній. Неизвѣстно, долго-ли Орловы прособирались бы найти новое помѣщеніе, если бы осторожный Тепловъ не взялся за дѣло самъ.

За послѣднее время стали появляться въ квартирѣ Орловыхъ личности, которыхъ они не приглашали, и которыя сами навязывались въ дружбу. При этихъ личностяхъ, за которыхъ ни одинъ изъ братьевъ не могъ отвѣчать, приходилось, конечно, осторожно молчать или просто играть въ карты.

Одинъ изъ этихъ незваныхъ гостей, особенно навязчиво пристававшій къ Орловымъ повсюду, гдѣ встрѣчалъ ихъ, и раза два уже явившійся на ихъ сборища, былъ пріятель Фленсбурга, членъ кружка Гудовича—Будбергъ. Первый, сообразившій въ чемъ дѣло, былъ, конечно, Тепловъ.

— За нами начали присматривать,—объявилъ онъ,—Будбергъ таскается не спроста.

И Тепловъ отгадалъ вѣрно.

До принца Жоржа съ одной стороны, до Гудовича съ другой дошли положительные слухи, что въ квартирѣ Григорія Орлова, гдѣ прежде бывали только кутежи и картежная игра, теперь собирается много народа уже не для вина и картъ, а для бесѣдъ о разныхъ государственныхъ вопросахъ. Конечно,

ни принцу, ни начальнику тайной канцеляріи, лѣнивому Гудовичу, не могла и на умъ придти та причина, которая руководила сборищемъ Орловыхъ. Если-бы кто-либо сказалъ, что тамъ замышляется государственный переворотъ, то, конечно, каждый изъ „голштинцевъ“, т. е. приверженцевъ императора, похотѣлъ бы до слезъ надъ такой глупостью.

Единственный человѣкъ, который отнесся къ извѣстію объ этихъ сборищахъ серьезно, былъ Фленсбургъ, и онъ отрядилъ къ Орловымъ своего пріятеля Будберга съ просьбой поразнюхать, что тамъ творится.

Причина, руководившая Фленсбургомъ, была личная. Онъ искалъ теперь повсюду кругомъ себя средство какъ-нибудь отличиться въ глазахъ государя. За послѣднее время личные дѣла Фленсбурга шли скверно. Фортуна отвернулась отъ него: графиня Маргарита почти перестала его принимать и обращалась съ нимъ сухо и рѣзко; а между тѣмъ Фленсбургъ былъ влюбленъ въ нее еще болѣе прежняго и болѣе чѣмъ когда-либо ревновалъ ее ко всѣмъ, и къ доктору Вурму, и къ старому Скабронскому, и къ самому Гольцу, и, наконецъ, за послѣдніе дни ревновалъ болѣе всего къ мальчишкѣ, котораго Маргарита съ дѣйствительно невѣроятною ловкостью сдѣлала въ одинъ мѣсяцъ изъ рядового офицеромъ.

Что касается Шепелева, то Фленсбургъ имѣлъ право ревновать къ нему графиню на основаніи того, что слышалъ и видѣлъ собственными глазами. Помимо неудачи въ своихъ сердечныхъ дѣлахъ, Фленсбургъ пересталъ быть тѣмъ, чѣмъ былъ еще недавно, — хотя и тайнымъ, случайнымъ, но все-таки самымъ вліятельнымъ лицомъ въ Петербургѣ. Еще недавно онъ имѣлъ полное вліяніе надъ принцемъ Жоржемъ, который, въ свою очередь, имѣлъ вліяніе надъ племянникомъ, т. е. надъ государемъ. Теперь принцъ точно также любилъ своего фаворита и переводчика, но самъ не пользовался прежнимъ значеніемъ при государѣ. Принцъ, а слѣдовательно и Фленсбургъ были побѣждены и уничтожены человѣкомъ, который обращался съ ними крайне любезно и мило.

Этотъ побѣдитель, захватившій теперь въ свои руки чуть не всю Россію, по крайней мѣрѣ судьбы Россіи, былъ, конечно,

прусскій посолъ. Первый же другъ Гольца въ Петербургѣ была теперь графиня Скабронская. И влюбленный, ревнующій Фленсбургъ ясно предвидѣлъ, къ чему приведетъ вскорѣ дружба Гольца съ государемъ и съ красавицей иноземкой. Фленсбургъ не сомнѣвался въ скоромъ возвышеніи графини Скабронской, если только она не испортитъ все дѣло своимъ неосторожнымъ поведеніемъ. Онъ не сомнѣвался тоже, что первый человекъ въ Петербургѣ, который при этомъ пострадаетъ, будетъ, конечно, онъ. Вдобавокъ одинъ изъ голштинскихъ офицеровъ, бывшій въ маскарадѣ Гольца, слышалъ ясно, какъ пріятельница Маргариты и всеобщая незнакомка „Ночь“ просила государя о высылкѣ Фленсбурга.

И вотъ честолюбивый шлезвигскій дворянинъ сталъ мечтать теперь о томъ чтобы помимо принца какъ-нибудь приблизиться къ государю. Прежде всего онъ сталъ ухаживать за Гудовичемъ болѣе чѣмъ когда-либо и собирался, бросивъ мѣсто адъютанта ничего незначащаго теперь Жоржа, поступить членомъ въ канцелярію для разбора тайныхъ дѣлъ. Онъ уже намекалъ объ этомъ Гудовичу, обѣщая работать день и ночь, что, конечно, лѣнивому Гудовичу было на руку, и тотъ обѣщалъ ему поговорить объ этомъ съ государемъ.

Одновременно съ этимъ Фленсбургъ сталъ присматривать за кружкомъ Орловыхъ. Какъ умный и тонкій человекъ, онъ рѣшился слѣдить за ними какъ можно осторожнѣе и накрыть только тогда, когда время припѣетъ и ему можно будетъ блистательно отличиться и сразу сдѣлаться близкимъ человекомъ къ государю. И вотъ тогда-то, видая государя часто, онъ пожѣряется силами съ Гольцемъ и съ отвергнувшей его красавицей. Силенъ Гольцъ, красива Маргарита, но Фленсбургъ не сомнѣвался въ побѣдѣ. Надъ Гольцемъ онъ имѣлъ то преимущество, что зналъ страну ближе и говорилъ по-русски, надъ Маргаритой же въ томъ, что зналъ за ней кое-что, могущее, въ случаѣ нужды, погубить ее въ глазахъ государя.

Впрочемъ, первая попытка Фленсбурга слѣдить за Орловыми не удалась. Послѣ двухъ или трехъ назойливыхъ посѣщеній Будберга сборища въ квартирѣ прекратились. И не смотря на

всѣ свои старанія и даже не смотря на наемныхъ солдатъ изъ голштинскаго войска, говорящихъ по русски, Фленсбургъ не могъ узнать, продолжаютъ-ли гдѣ-нибудь сборища. Гозорить же объ этомъ онъ никому не хотѣлъ, даже принцу Жоржу ни слова ни разу не сказалъ о своемъ новомъ занятіи, потому что ему хотѣлось вести дѣло одному, и, накрывъ подозрительныхъ людей, присвоить себѣ всю честь великаго дѣла.

Между тѣмъ, орловскій кружокъ, далеко не въ томъ видѣ въ какомъ былъ великимъ постомъ, перебрался въ огромный вновь нанятый домъ глухого квартала Выборгской стороны. Теперь въ этомъ домѣ, кое-какъ меблированномъ на общія средства, собирались уже не одни молодцы гвардейцы. Здѣсь стали появляться люди пожилые, даже старые, изъ самыхъ разнообразныхъ кружковъ столицы. Тутъ было уже нѣсколько чиновныхъ людей, занимавшихъ разныя довольно видныя должности въ разныхъ вѣдомствахъ, было уже нѣсколько сенаторовъ и, наконецъ, нѣсколько духовныхъ лицъ. Въ числѣ послѣднихъ появился, хотя правда только одинъ разъ, извѣстный на всю Россію первенствующій членъ синода Сѣченовъ.

Дѣятельность кружка, подъ управленіемъ Теплова, стала кипучая, хотя простая. Она заключалась въ двухъ вещахъ: находить деньги пожертвованіями для раздачи въ разныхъ полкахъ черезъ офицеровъ и, затѣмъ, вербовать... и вербовать! И всякій вербовалъ другого и обращался къ нему съ однимъ и тѣмъ же неизмѣннымъ вопросомъ:

— Пойдете-ли вы противъ перемѣны дѣлъ?.. Помѣшаете-ли вы чѣмъ-либо дѣйству противъ существующаго правительства, если таковое будетъ?..

И подобнаго человѣка въ столицѣ почти не оказывалось!

Если бы Орловы и вся компанія заговорщиковъ обращались съ просьбой о помощи, съ требованіемъ дѣйствовать, то, конечно, они никого-бы не нашли. Но они только заручались общаніемъ ничего не дѣлать противъ тѣхъ, кто что-либо начнетъ... И отовсюду было полное согласіе.

Въ трехъ полкахъ гвардіи—въ конномъ, измайловскомъ и преображенскомъ, можно было насчитать человѣкъ только съ двадцать офицеровъ, къ которымъ нельзя было приступить съ

какими бы то ни было откровенными рѣчами... Всѣ остальные офицеры принадлежали уже кружку и сорили сборными деньгами въ своихъ полкахъ. Въ преображенскомъ солдаты обожали Алексѣя Орлова, Пассека и Баскакова, въ семеновскомъ также обожали и повиновались Ѳеодору Орлову, въ измайловскомъ—Ласунскому и братьямъ Рославлевымъ, а въ конномъ дѣлали, что хотѣли, офицеры: князь Волконскій, Хитрово и Бибииковъ.

Тепловъ игралъ ту же роль въ сенатѣ и могъ перечестъ не малое количество сенаторовъ, которые обѣщали въ случаѣ чего-либо „пальцемъ не двинуть“. Что касается духовенства, то Свѣченновъ ручался, что во всемъ Петербургѣ не найдется ни одного человѣка, носящаго рясу, который бы былъ «самъ себѣ врагъ». Послѣ отнятія вотчинъ у монастырей и послѣ указа дѣтамъ духовныхъ поступать въ солдаты, кто же бы изъ нихъ согласился ратовать за правительство, приводившее въ исполненіе эти пагубныя для нихъ мѣры?

Наконецъ, всякій изъ собиравшихся на бесѣды во вновь нанятомъ домѣ ручался за свой собственный домъ, за домоладцевъ, за прислугу, за холоповъ и послѣдняго мальчишку.

Прислуга была въ свой чередъ распространителемъ извѣстныхъ рѣчей по кабачкамъ и трактирамъ.

Такимъ образомъ, въ скоромъ времени тайныя нити опутали столицу. Центромъ всего былъ Тепловъ и братья Орловы, изъ которыхъ одинъ бывалъ всякій день у императрицы. Но многіе въ кружкѣ этого даже не знали.

Сама государыня тоже не теряла времени. Не было ни одного крупнаго сановника въ столицѣ, начиная съ графовъ Разумовскихъ, Панина, канцлера Воронцова, у котораго бы она не выпытала, какъ поступить онъ въ случаѣ, если будетъ проявленіе недовольства и какое бы то ни было дѣйство народное. Часто по очереди государыня бесѣдовала со всякимъ изъ этихъ вельможъ, но никогда ни разу не звала ихъ вмѣстѣ на общую бесѣду объ этомъ предметѣ. Разумовскіе и не подозревали, что государыня осторожно бесѣдовала съ ними о томъ же, о чемъ бесѣдовала вчера съ Свѣченновымъ, третьяго дня съ Панинымъ...

И, такимъ образомъ, всѣ и все отъ перваго вельможи въ государствѣ до послѣдняго кабатчика знали, ожидали и мечтали объ одномъ и томъ же, но между собой объ этомъ не говорили, воображал, каждый въ свою очередь, что только одинъ онъ посвященный, а другіе всѣ чуть не „голлштинцы“.

Единственный человѣкъ во всемъ Петербургѣ, который неосторожно, рѣзко и откровенно заговаривалъ о невозможности положенія дѣла, о необходимости что-либо совершить,—была княгиня Дашкова. Она чуть не самому государю говорила при встрѣчахъ, что „такъ царствовать нельзя!“ Но никто не обращалъ на нее вниманія, всякій пожималъ плечами и объяснялъ все словомъ „баба“ или словомъ „верченая“.

Вести тебя такъ Дашкова могла, конечно, только въ качествѣ родной сестры фаворитки и благодаря добродушію государя. Разумѣется, изъ того, что зналъ Тепловъ, то зналъ Григорій Орловъ, что знала государыня, Дашкова ничего не знала. Вреда принести она не могла, но и пользы отъ нея не было никакой. Она предлагала государынѣ дѣйствовать, заручаться друзьями и приверженцами, и государыня только улыбалась. Она предлагала государынѣ разныя мѣры, но особенныя, характерныя. Однажды она предложила, чтобы всякій приверженецъ императрицы, негодующій на правительство и готовый стать на сторону ея и наслѣдника, долженъ имѣть какое-нибудь отличіе; долженъ, напримѣръ, подавая руку, дѣлать франкъ-массонскій знакъ и, наконецъ, долженъ на лѣвой рукѣ носить браслетъ. Особенно браслетъ съ замысловатой надписью по латыни преслѣдовалъ княгиню и днемъ, и ночью, и съ нимъ преслѣдовала она государыню на столько, что Екатерина однажды, разсмѣявшись, отвѣчала:

— Ахъ, голубушка, да заважите вы себѣ его, да и носите!

И часто государыня, оставаясь одна, послѣ визита Дашковой, весело усмѣхалась и думала:

„А, вѣдь, если Богъ дастъ совершится что-либо счастливо и удачно, то, вѣдь, она всю честь на себя возьметъ!“

И ей невольно приходила на умъ одна басня Лафонтена о мухѣ и путешественникахъ.

Муха, въ баснѣ, назойливо кружившаяся надъ лошадьми,

людьми и экипажемъ, который съ трудомъ поднимался въ гору, наконецъ, отстала, усѣлась на деревѣ и съ пріятнымъ чувствомъ исполненнаго долга объяснила себѣ, что послѣ всѣхъ хлопотъ, она можетъ и отдохнуть!..

И такъ, цѣлая сѣть, невидимая и тонкая, лежала надъ столицей, и нити отъ этой сѣти были въ рукахъ государыни.

Но, однако, одна вещь была совершенно никому неизвѣстна: когда? что? какъ будетъ совершено? Черезъ мѣсяцъ? Или черезъ годъ? Открытый бунтъ и кровопролитіе?! Или что-либо еще ужаснѣе? Нападеніе и покушеніе на личность государя?!...

Пассекъ, у котораго были всѣ бумаги кружка, а равно и деньги, выработалъ цѣлый проектъ народнаго дѣйства, но онъ былъ немислимъ.

Близкій пріятель Орловыхъ, Баскаковъ, жертвовалъ собой и предлагалъ покончить однимъ разомъ все...

Но его предложеніе было единогласно отвергнуто и даже Григорій Орловъ говорилъ, что не рѣшится довести до свѣдѣнія государыни, что именно беретъ на себя одного—Баскаковъ.

— Много было переворотовъ въ Питерѣ съ Петра Алексѣевича по наши дни, говорило большинство, но ни одинъ изъ нихъ не былъ запятнанъ пролитіемъ крови! Нѣтъ, нужно христіанское общее отъ всѣхъ состояній дѣйство, безъ преступленія заповѣдей Божіихъ и во славу отечества и свою собственную.

П..

Если молодцы гвардейцы шли на дѣйство съ чистыми помыслами безъ честолюбивыхъ замысловъ, то хитрый и честолюбивый Тепловъ пошелъ на пагубное дѣло съ расчетомъ за пропасть или получить при дѣлежѣ львиную долю.

„Похерить нынѣшнее правительство можно, а что на его мѣсто поставить? — Отъ формы новаго правительства будетъ зависѣть и мое положеніе!“ разсудилъ Тепловъ. И вскорѣ онъ додумался.

Черезъ недѣлю послѣ маскарада у Гольца, около полудня, государыня сидѣла у себя въ кабинетѣ и перелистывала ка-

кую-то французскую книгу, но нехотя и разсѣянно. Она ожидала къ себѣ съ первымъ визитомъ Теплова, пожелавшаго имѣть аудіенцію—глазъ на глазъ.

За послѣднее время въ государынѣ произошла видимая и даже рѣзкая переѣна: она стала бодрѣй, веселѣй, даже лицо ея и взглядъ чаще свѣтились радостью.

О посѣщеніи Теплова и цѣли этого секретнаго посѣщенія—еще за день предупредилъ ее Григорій Орловъ. И теперь государыня съ утра исключительно думала о Тепловѣ и съ нетерпѣніемъ ждала его. По своему положенію, этотъ человекъ былъ далеко не вліятельный вельможа, не могущественный сановникъ на іерархической лѣстницѣ и даже не древняго рода столбовой дворянинъ. Но это былъ человекъ крайне образованный, воспитавшійся и учившійся за границей. человекъ, быть можетъ самый образованный изъ всего петербургскаго общества и при томъ злой и хитрый до крайности. Григорій Орловъ уже прозвалъ его заглазно въ послѣдніе дни дружбы «теска Искаріотычъ».

Григорій Николаевичъ Тепловъ былъ сынъ жены истопника и монаха... Истопникъ отказался отъ него, но Теофанъ Прокоповичъ призрѣлъ его. Фамилія была дана подходящая къ занятіямъ мужа наложницы. — Явился Тепловъ на свѣтъ въ Псковскомъ архіерейскомъ домѣ. Ставъ юношей, онъ началъ учиться серьезно и солидно у самого Теофана прокоповича. Благодаря безпримѣрному по времени образованію, онъ, будучи еще очень юнымъ, уже сдѣлался секретаремъ всесильнаго Волынскаго. Но когда всѣ окружающіе опальнаго, казеннаго кабинетъ-министра пострадали тоже, Тепловъ остался цѣлъ, невредимъ и даже понравился Бирону. Въ началѣ царствованія Елизаветы, онъ имѣлъ уже репутацію человека на столько умнаго и ученаго, что вновь народившійся первый вельможа въ государствѣ призывалъ его для самаго важнаго и близкаго сердцу дѣла. Вчерашній пѣвчій, нынѣ графъ Разумовскій, вызвалъ изъ Малороссіи своего младшаго брата пастуха и приставилъ къ нему Теплова, въ качествѣ ментора и воспитателя. Тепловъ вмѣстѣ съ своимъ питомцемъ уѣхалъ за границу и, послѣ долгихъ и усердныхъ занятій въ герман-

скихъ университетахъ, вернулся, обучивъ многому юнаго Кирилла Разумовскаго, но одновременно обучился окончательно и самъ. Съ этой минуты онъ сталъ почти членомъ семьи временщиковъ. Когда Кириллъ Григорьевичъ былъ назначенъ гетманомъ Малороссіи, съ нимъ отправился и за него, конечно, управлялъ Тепловъ. И много лѣтъ правилъ онъ полновластно какъ обоими братьями, такъ и краемъ.

Единственный промахъ Теплова въ жизни былъ тотъ, что, считая императрицу долговѣчной, онъ свысока обошелся разатри съ наслѣдникомъ престола. И теперь, не смотря на поздня заискиванія и лесть, новый императоръ отставилъ его отъ всѣхъ должностей и даже наконецъ... не стѣснился дать приказъ арестовать его на балѣ, какъ простаго офицерика.

И вотъ послѣ этого оскорбительнаго ареста и освобожденія, судьба внезапно перебросила его изъ лагеря правительственнаго въ лагерь слизаветинцевъ или, лучше сказать, ненавистниковъ нѣмцовъ и приверженцевъ государыни.

Вступивъ въ кружокъ молодцовъ гвардейцевъ, не умѣвшихъ ступить шагу въ своемъ пагубномъ дѣлѣ и способныхъ только положить свои головы на плаху, Тепловъ замѣтилъ пріятелямъ, что рѣшимость класть головы — послѣднее дѣло. Всякій дуракъ съумѣетъ это сдѣлать. А главная суть дѣла: не рисковать, а идти на-вѣрняка!

Около полудня государыни доложили, наконецъ, о Тепловѣ.

Она ласково приняла его, и разговоръ сначала зашелъ о разныхъ мелочахъ и городскихъ слухахъ.

Государыня давно знала Теплова, какъ прежняго воспитателя гетмана, его наперсника по управленію Малороссіей и, наконецъ, какъ друга обоихъ братьевъ, но въ прямыхъ сношеніяхъ ей никогда не приходилось вступать съ нимъ. Теперь она отчасти боялась его.

Тепловъ былъ прежде всего хитеръ, прежде всего нравственно шатокъ. Оскорбленіе, ударъ самолюбія заставилъ его сблизиться съ кружкомъ Орловыхъ и литься теперь къ ней. Но что будетъ, если завтра государь обласкаетъ и наградитъ Теплова? И это отчасти смущало государыню.

Теперь въ полчаса времени, перемолвившись нѣсколькими

словами пустыми и незначущими, и она, и онъ какъ бы про-
никли другъ друга насквозь. Тепловъ почувствовалъ, что эта
женщина легко глядитъ въ самую глубину его души своими
свѣтлыми, но проникательными глазами.

„Что-жъ молчать, скрывать то, что она и безъ того ви-
дить“, подумалъ онъ.

И вдругъ, какъ бы встряхнувшись, Тепловъ пристально по-
глядѣлъ въ лицо государыни и, желая бросить систему туман-
ныхъ фразъ и намековъ, выговорилъ:

— Ваше величество, позвольте мнѣ говорить прямо и ис-
кренно, сказать, зачѣмъ я собственно пріѣхалъ.

Государынѣ показался въ эту минуту взглядъ этого чело-
вѣка добрый и честный. Глаза его, маленькіе и лукавые, какъ
будто остановились на ней, перестали мигать и бѣгать изъ
стороны въ сторону. И еще болѣе простымъ и искреннимъ
голосомъ она выговорила:

— Я знаю, зачѣмъ вы пріѣхали. Говорите и будьте увѣ-
рены, что я съумѣю сохранить втайнѣ все то, что вы пожелаете
мнѣ довѣрить.

Тепловъ кратко и ясно очертилъ положеніе дѣлъ, возбуж-
деніе умовъ въ народѣ, невозможное положеніе истинно рус-
скихъ людей и перешелъ къ тому, что общественное мнѣніе
возлагаетъ на нее всѣ свои надежды.

— Но что-жъ я могу? прервала государыня.

Тепловъ подробно изложилъ свой образъ мыслей или, луч-
ше сказать, планъ дѣйствій. По его мнѣнію, государыня долж-
на была войти въ непосредственную близкую связь со всякаго
рода людьми сановными, не проводить жизнь затворницей, а
видѣть весь вельможный міръ и прямо или чрезъ кого-нибудь
заручаться ихъ молчаливымъ согласіемъ въ случаѣ дѣйствія
кого либо другого...

„Я это дѣлаю давно“, подумала государыня, но однако
вслухъ не вымолвила.

Чрезъ нѣсколько минутъ молчанія или какъ будто колебанія,
Тепловъ выговорилъ:

— Но къ чему мы будемъ стремиться, какая наша цѣль?
ы до сихъ поръ говорили о томъ, что не нужно, что вредно,

что-надо измѣнить или, скажемъ, уничтожить. Но теперь позволѣте спросить, что же намъ нужно и чѣмъ мы уничтожаемое замѣнимъ? Ваше величество понимаете, что вы не находитесь въ такомъ положеніи, въ какомъ была до воцаренія покойная государыня. Она была дочь Великаго Петра. Если равнять, то вы скорѣе въ положеніи правительницы Анны Леопольдовны.

— Конечно, заговорила Екатерина какъ бы съ искусственною послѣдностью:—я такъ и понимаю.

Однако, хитрый Тепловъ понялъ и почувствовалъ въ звукѣ ея голоса, что, говоря эти слова, она въ сущности думала совершенно иначе.

— Вы не можете быть императрицей, монархомъ, какъ иностранная принцесса. Этого за все существованіе русской земли не было и быть не можетъ. Если исключить императрицу Екатерину. Но тамъ была воля Петра... Теперь есть законное лицо, имѣющее права законныя на престолъ въ качествѣ потомка русскихъ царей. Я говорю о великомъ князѣ. Но такъ какъ онъ малолѣтній, то и онъ самъ по себѣ не можетъ быть монархомъ. Слѣдовательно, исходъ какой же? Примѣровъ искать не далеко, они были и есть теперь во всѣхъ европейскихъ государствахъ, былъ и у насъ при младенцествѣ Іоанна Антоновича.

— Конечно, выговорила государыня:—единственный исходъ, единственно возможное—это регентство.

— Конечно! Но объ этомъ я и желалъ бы знать ваше мнѣніе. Регентство регентству розъ. Бываетъ одна личность регентомъ, какъ былъ регентъ французскій, какимъ былъ у насъ Биронъ. Затѣмъ бываетъ и иной видъ правительства. При малолѣтнемъ монархѣ состоитъ синклитъ государственныхъ людей, правящихъ его именемъ. Мнѣ кажется, что у насъ было бы всего разумнѣе, если бы при великомъ князѣ состоялъ совѣтъ изъ русскихъ людей, числомъ хотъ десять или болѣе. Конечно, изъ русскихъ вельможъ, отличныхъ происхожденіемъ и умомъ. Они могли бы быть выборными и мѣняться по очереди, но должны бы были быть всегда избираемы изъ членовъ российскаго дворянства. Наконецъ, одинъ изъ нихъ, наиболѣе про-

свѣщенный, могъ бы быть президентомъ этого синклита... даже пожизненнымъ, пожалуй...

„Нѣчто въ родѣ олигархіи на новый ладъ“, снова подумала государыня, но снова промолчала.

— Согласны-ли вы со мной? спросилъ Тепловъ.

— Конечно. И даже знаю, кто могъ бы быть душой этого синклита и самымъ полезнымъ членомъ его... тонко намекнула государыня, и Тепловъ невольно просіялъ.

Побесѣдовавъ еще около часу, хитрый честолюбецъ попросилъ позволенія у государыни бывать у нея изрѣдка, чтобы передавать ей, на сколько общественное мнѣніе болѣе и болѣе клонится на сторону переменъ положенія дѣлъ.

Когда Тепловъ всталъ, то государыня проводила его до двери и, вернувшись къ своему мѣсту, стала предъ окномъ и, скрестивъ руки на груди, глубоко задумалась. Но лицо ея и взглядъ были не печальны, напротивъ, она какъ будто внутренно тихо смѣялась. Но не прошло и четверти часа, какъ громкіе шаги привели ее въ себя. Она обернулась и увидѣла предъ собой фигуру Никиты Ивановича Панина.

Онъ быстро вошелъ въ комнату, очевидно взволнованный. Панинъ всегда ходилъ также тихо и важно, какъ тщательно одѣвался.

Съ утра поднявшись, даже у себя въ горницѣ одинъ, онъ былъ всегда въ парикѣ, который не снималъ до вечера. Для всякаго парикъ былъ то же, что и перчатки для выѣздовъ и пріемовъ; для Панина это была необходимость. Про него говорили, что онъ чуть не спитъ въ парикѣ.

— Что случилось? вымолвила государыня, увидя его лицо.

— Случилось, началъ Панинъ взволнованнымъ голосомъ, — случилось, что я уѣду, я буду просить должности опять въ Швецію, а не дадутъ, я уѣду къ себѣ въ вотчину. Я не могу здѣсь оставаться! Я шутомъ не былъ и въ скоморохи не пойду.

— Да что такое?

Панинъ сѣлъ въ кресло и заговорилъ быстро и гнѣвно:

— Вы знаете, что вчера я добился, наконецъ, чтобы государь сдѣлалъ испытаніе великому князю въ наукахъ.

— Ну, знаю! Что жъ? Вѣдь онъ остался доволенъ?

— Ну, да. Онъ остался доволенъ. Онъ даже сказалъ принцу и другимъ присутствующимъ при испытаніи, что Павелъ Петровичъ, конечно, гораздо умнѣе и ученѣе ихъ всѣхъ вмѣстѣ. Принцъ Жоржъ даже обидѣлся.

— Ну такъ въ чемъ же дѣло!

— А въ томъ, что сегодня я получилъ награду за успѣхи моего воспитанника.

— И слава Богу!

— Нѣтъ, не слава Богу, а слава шуту гороховому! крикнулъ Панинъ.—Спросите, какую награду!..

— Какую же?

— Какую? Какую? привскочилъ онъ на мѣстѣ.— Пожалованъ въ генералы отъ инфантеріи! отчаянно закричалъ Панинъ во все горло.—Я, теперь, въ мои года, надѣну дурацкій куцый кафтанъ, ботфорты, шпоры нацѣплю себѣ, эскадронъ или ружье возьму и буду тоже разные выверты прусскіе дѣлать, буду тоже на плацѣ, какъ Трубецкой или Разумовскій, разводы дѣлать солдатамъ. Я, который съ дѣтства ненавидѣлъ военщину и солдатчину! Вѣдь это на смѣхъ! А за что?! За усердіе. Тогда прямо взять другого воспитателя, а меня отправить. А развѣ это возможное дѣло? Это шутовство! Скоморошество!

Государыня молчала и не могла удержаться, чтобы не улыбнуться.

— Да, хорошо вамъ! воскликнулъ Панинъ,—а для меня это все равно, что ссылка. Я не знаю, что дѣлать. Я буду проситься въ какое-нибудь посольство, лучше всего въ Швецію. Я ее знаю и люблю. Я такъ и сказалъ Гудовичу, когда онъ пришелъ ко мнѣ поздравить меня съ этой шутовской наградой. Какими глазами будетъ на меня смотрѣть мой воспитанникъ, когда я буду учить его со шпорами, саблей и тремя ружьями за спиной, и, пожалуй, даже съ кинжаломъ въ зубахъ, какъ рисуютъ разныхъ предводителей дикихъ племенъ. Знаете-ли вы, что съ тѣхъ поръ, что гетманъ, Трубецкой и другіе сами водятъ на плацъ свои полки, сами разставляютъ часовыхъ, то въ гвардіи солдаты ропщутъ и говорятъ, что это не дѣло генеральское, что ихъ, генераловъ, унизили, осрамили, опа-

костили, что это для нихъ, солдатъ, черезъ-чуръ велика честь. Стало быть, мужикъ и тотъ понимаетъ нелѣпость этого указа.

— Что-жъ дѣлать, выговорила наконецъ государыня. — Слава Богу, если бы только такія мѣры были и такіе указы. Это ни-что въ сравненіи съ какимъ-нибудь мирнымъ трактатомъ. Вамъ, Никита Ивановичъ, ваше генеральство кажется важнѣй прусскаго мирнаго договора, гдѣ продана Россія. Какъ вы, однако, себялюбивы.

— Да! Что жъ? Понимайте и судите, какъ хотите. А я вамъ говорю, что такъ жить нельзя! Если государь не возьметъ назадъ это дурацкое генеральство, то я тотчасъ же уѣду. Воспользуюсь закономъ о вольности дворянства и уѣду за-границу, или...

Но Панинъ вдругъ смолкъ. Государыня взглянула ему въ лицо и вымолвила.

— Или, что жъ?

Панинъ посмотрѣлъ въ ея смѣющееся лицо съ вызывающимъ взглядомъ и, будто сообразивши, выкрикнулъ громко:

— Или надо это перемѣнить. Повторяю, такъ жить нельзя.

— Надо, надо! Я давно слышу, что надо, отвѣчала Екатерина.

— Надо намъ, умнымъ людямъ, подумать, наконецъ, о томъ, что сдѣлать. Государыня, умирая, говорила мнѣ, что опасается и боится того правленія, которое наступитъ на Руси. Умирая, она поручила государю, накрѣпо заказала не обижать Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, и онъ обѣщалъ. Ей надо было заставить его побожиться, что онъ не будетъ обижать всю Россію. Нѣтъ! — Пора, наконецъ, за умъ взяться! Надо... А что надо? съ отчаяніемъ воскликнулъ Панинъ.

— Надо, Никита Ивановичъ, регентство! твердо выговорила государыня. — И вамъ, конечно, какъ воспитателю и ближайшему лицу къ наслѣднику престола слѣдуетъ быть этимъ регентомъ. Вотъ мое мнѣніе, о которомъ я часто вамъ намекала, теперь же говорю прямо. Но для этого мало только думать, охатъ и волноваться, надо дѣйствовать. Вы знаете весь Петер-

бургъ почти, можете поручиться за дружбу первыхъ сановниковъ столицы, дѣйствуйте, выдайтесь, говорите.

Панинъ смолкъ и долго сидѣлъ, не поднимая головы и раздумывая.

Наконецъ, видимо успокоившись, онъ всталъ и выговорилъ твердымъ голосомъ.

— Да, пора перестать только браниться, ахать да охать. Да, что вы будете дѣлать съ этими російскими сановниками? Вотъ хотя бы недавній примѣръ, Тепловъ?! Схватили его два солдата за шиворотъ, стащили съ бала въ одномъ мундирѣ въ сибирку, а тамъ выпустили. И ходитъ себѣ довольный, даже не обидѣлся! Онъ не возмущенъ тѣмъ, что его, ошибкой, зря, и какъ мальчишку на хлѣбъ и на воду посадили. Чему вы улыбаетесь? вдругъ выговорилъ Панинъ.

— Ничему.

— Вы знаете этого Теплова?

— Разумѣется. Но близко не знаю, прежде видѣла у Разумовскихъ.

— Ну вотъ, всѣ они таковы. Ихъ бьютъ по рожѣ, а они ухмыляются и руку цѣлуютъ. Что-жъ можно сдѣлать съ такимъ народомъ? Или Скабронскій, который хворааетъ, когда нужно свое мнѣніе высказать.

— Выслушайте меня, Никита Ивановичъ, выговорила вдругъ государыня, какъ будто рѣшаясь.

И въ длинной рѣчи она стала доказывать, что Панинъ долженъ немедленно для отечества, для своего воспитанника, котораго любить, наконецъ, для себя самого— начать дѣйствовать, заручаться согласіемъ всѣхъ столичныхъ вельможъ въ пользу регентства...

Панинъ слушалъ, конечно, внимательно...

III.

Графиня Маргарита чувствовала, что совершенно счастлива и довольна, но вмѣстѣ съ тѣмъ, она боялась. Она сомнѣвалась, какъ выйдетъ изъ того труднаго положенія, въ которое себя поставила.

Когда-то, давно, будучи проездомъ въ Венеціи, она пристрастилась къ мѣстной забавѣ венеціанцевъ, т. е., къ театру маріонетокъ и часто проводила въ театрѣ вечера, глядя, какъ большія куклы въ ростъ человѣческій на ниточкахъ, ясно видимыхъ глазомъ, разыгрывали разные комедіи и драмы.

Она помнила, какъ однажды невидимыя руки, водившія этими куклами, перемѣшали вдругъ всѣ нитки, и ту нелѣпую смѣшную путаницу, которая произошла на сценѣ. Вся публика, какъ и она сама, хохотала до слезъ. Какая-то невидимая сила вдругъ заставила главную куклу, изображавшую королеву, поднять неприлично ногу и тотчасъ потащила ее, притянула къ фигурѣ какого-то герольда, стоявшаго на другой сторонѣ сцены. И нога королевы очутилась на плечѣ этого герольда. Первый министр и наперсникъ ея вдругъ упалъ, а еще двѣ-три фигуры столонулись вмѣстѣ и щельнулись лбами. И всѣ дѣйствующія лица попали въ такое положеніе, что даже дѣти въ театрѣ начали восторженно кричать и хохотать. Не прошло секунды, какъ въ облакахъ раздалась отчаянная брань двухъ голосовъ, и одинъ другого ругалъ за неосторожность. Затѣмъ послышался трескъ и съ неба на землю свалились на кучу маріонетокъ двое дерущихся. Но это были уже не куклы, а два живыя существа: самъ антрепренеръ театра и провинившійся управитель куклами.

Теперь Маргаритѣ поневолѣ приходилъ этотъ случай на умъ. Она тоже заставляла четырехъ лицъ разыгрывать комедію и руководила ими, какъ этотъ итальянскій импрессарио водилъ своихъ маріонетокъ на ниточкахъ, привязанныхъ къ ихъ рукамъ и ногамъ. И она чувствовала, что теперь перемѣшала неосторожно свои нитки, и что ей грозитъ то же самое, что случилось съ итальянцемъ. Ей грозитъ тоже, на потѣху общества, упасть съ высоты своего положенія, среди куколъ, которыми она управляла.

Съ самаго маскарада Маргарита все болѣе запутывалась въ своей кокетливой игрѣ съ юношей, съ дѣдомъ, съ Фленсбургомъ, и, наконецъ, съ самимъ... государемъ, который былъ сильно заинтригованъ, — кто именно пріятельница графини — „Ночь“. Юноша оказался тѣмъ огнемъ, съ которымъ шутить

было не возможно. Чувство его было на столько сильно и бурно, что не могло удержаться ни въ какой рамкѣ, не могло стерпеть никакихъ преградъ. Маргарита увидала, но поздно, что онъ именно своимъ чувствомъ, нехотя, невольно, можетъ погубить ее. Когда-то она была удивлена и даже какъ-то польщена этимъ безграничнымъ восторженнымъ чувствомъ, которое съумѣла внушить. Его обморокъ у гадалки могъ быть для нея предсказаніемъ,—какъ бурно можетъ чувствовать этотъ красивый полу-ребенокъ.

„Да! Это молоденькій, маленькій львенокъ, разсуждала теперь Маргарита.—Молоденькій, неопытный...но все-таки хищный львенокъ, у котораго хватитъ силы растерзать человѣка“.

Покинуть свой планъ дѣйствій Маргаритѣ пришлось въскорѣ и очень просто.

На другой же день послѣ маскарада, или, лучше сказать, въ тотъ же день, такъ какъ они разстались уже на зарѣ,—Шепелевъ въ сумерки явился у подъѣзда дома графини. Ему сказали, что она почиваетъ съ самаго бала. И это была правда.

Вечеромъ, когда три окна угольной гостиной, дотолѣ темныя, зазвѣтились огнемъ, Шепелевъ снова смѣло вошелъ въ домъ. Послѣ доклада лакея вышла все та же нѣмка и объяснила юношѣ, что графиня проситъ его пожаловать завтра въ полдень.

Всю ночь Шепелевъ не могъ глазъ сомкнуть. Даже его новый офицерскій мундиръ не радовалъ его. Онъ до утра, не раздѣваясь, просидѣлъ у окна и продумалъ, споря самъ съ собой.

„Кто „Ночь“? Очевидно, „Ночь“—Маргарита! А, между тѣмъ, сколько доказательствъ противъ этого предположенія. Вѣдь кармелитка была въ залѣ съ Скабронскимъ, когда онъ вышелъ изъ уборной. Вѣдь Маргарита разговаривала съ *тою*, когда онъ стоялъ потомъ передъ дверью уборной! Да, но лицо Маргариты уже на подъѣздѣ, ея взглядъ, ея улыбка, ея шутки о раздавленной звѣздѣ... Она почти созналась!... Или *та* рассказала ей все!... Было нѣчто и еще, что смущало юношу. Послѣ бала, когда всѣ разъѣхались, онъ рѣшился обратиться къ послу съ вопросомъ, кто была „Ночь“? Гольцъ, шута,

отозвался, что это была одна красивая дама въ маскѣ, и что назвать ее теперь было бы равносильно тому, какъ если-бы онъ сорвалъ съ нея маску на балѣ. Юноша не удовольствовался отвѣтомъ посла и сталъ умолять Гольца сказать ему: есть-ли у графини Маргариты—сестра. Гольцъ разсмѣялся и выговорилъ:

— Есть! И вторая она! Такое сходство!

И теперь Шепелевъ съ ужасомъ думалъ о томъ, что, быть можетъ, онъ былъ игрушкой случайности.

Утромъ, продремавъ немного у окна, Шепелевъ проснулся и, приведя себя въ порядокъ, отправился снова къ дому графини.

Предстоящее свиданіе являлось ему вопросомъ жизни и смерти. Что скажетъ она? Признается окончательно и будетъ мила съ нимъ, какъ была мила на подъѣздѣ? Или будетъ холодна и высокомерна, какою была въ дверяхъ уборной?

Шепелевъ почти не помнилъ, какъ доложили о немъ, какъ вошелъ онъ въ маленькую гостиную, и очнулся только тогда, когда къ нему вышла Маргарита.

Она какъ-то сіяла своей красотой! Никогда не казалась она и не была дѣйствительно—такъ хороша! Фантастическій пунцовый халатъ съ золотыми брандербургами и кистями былъ въ сущности тоже костюмомъ, годнымъ для маскарада, и удивительно шелъ къ ней, оттеняя ея пышные и черные какъ смоль волосы...

Она усмѣхнулась и, лукаво заглядывая ему въ глаза, подошла и протянула ему руку. Шепелевъ взялъ руку и стоялъ смущенный и еще болѣе встревоженный мыслью о предстоящемъ объясненіи.

— Поцѣлуйте руку! вымолвила Маргарита шутливо-грозно.—Это невѣжливо... Еще разъ, господинъ офицеръ.

Шепелевъ повиновался и, касаясь губами ея руки, онъ вдругъ внезапно будто... не разумомъ догадался, не душой проникъ, а просто всѣми фибрами своего существа ясно почувствовалъ, что стоящая предъ нимъ—она, „Ночь!“ Вдобавокъ отъ этой руки повѣяло тѣми же знакомыми духами, и этотъ

запахъ въ одинъ мигъ воскресилъ предъ нимъ всю уборную дома Гольца и все то, что теперь сводило его съ ума.

— Ну-съ, садитесь. Довольны ли вы вашимъ чиномъ? вымолвила Маргарита, усаживаясь на диванъ и оправляя складки своего халата.

— Да. Благодарю васъ... Но мнѣ не до этого...

— Вы должны сегодня же поѣхать и поблагодарить Эмилію; еслибъ не она, то вы никогда не были бы офицеромъ, т. е. были бы имъ чрезъ пять лѣтъ.

И Маргарита дѣлала видъ, что не замѣчаетъ широко раскрытыхъ изумленныхъ глазъ Шепелева.

— Графиня, я васъ прошу прежде всего прекратить эту пытку. Я не могу... Да я и не понимаю ничего! Что это? Игра? забава? Можно-ли играть тѣмъ, что для людей должно быть всегда свято. Скажите мнѣ... прямо и сейчасъ.

— Что? Я васъ не понимаю.

— Ахъ, Боже мой! Вы были одѣты „Ночью“. Вы были въ уборной. Вы или нѣтъ?..

— Нѣтъ, Эмилія. Мой лучший другъ, съ дѣтства...

— А я говорю, что это были вы, что никакой Эмиліи па свѣтѣ нѣтъ! почти вспльчиво произнесъ Шепелевъ.—Скажите, зачѣмъ эта комедія? Зачѣмъ вамъ нужно мучить меня? Или вы хотите, чтобы все это такъ и кончилось, чтобы наша, наша... ну, наше знакомство—на этомъ и оборвалось, то...

— Я васъ не понимаю. Эмилія мнѣ говорила, что...

— Довольно, графиня, Я знаю, что это вы... Я чувствую это... Я голову сейчасъ за это отдамъ. Вы не сознаетесь. Стало быть, для васъ—это не святое чувство, а забава, потѣха. Нынче одинъ, завтра другой, а тамъ и третій... Фленсбургъ, Орловъ, Пассекъ... самъ Гольцъ!..

— Какъ вы смѣете это говорить! съ чувствомъ вымолвила Маргарита, и лицо ея вспыхнуло.

— Про что? Что говорить?! воскликнулъ радостно Шепелевъ.—Про что я говорю? Если это Эмилія... то почему же вы оскорбляетесь... Стало быть, вы знаете...

— Эмилія мнѣ во всемъ призналась... Я нахожу это безуміемъ... но что же дѣлать...

*

— Такъ вы не хотите сознаться! Стало быть, всему конецъ... Это, какъ тотъ поцѣлуй... выходка, которая не должна имѣть никакихъ послѣдствій! Это ужасно! Это даже безчеловѣчно! съ отчаяніемъ въ голосѣ произнесъ Шепелевъ.

Маргарита молчала и, задумавшись, будто колебалась.

— Ну, такъ прощайте, графиня! Пожалѣйте вы меня, когда будетъ поздно...

И слезы выступили на глазахъ юноши. Онъ провелъ рукой по измѣнившемуся лицу и выговорилъ глухо:

— Я надѣюсь, что у меня хватитъ силы...

Маргарита пристально глядѣла на его красивые глаза. Она замѣтила искренность и почти наивность чувствъ, которыми звучали его слова.

— Нельзя! нельзя! бормоталъ онъ самъ себѣ. — Да и зачѣмъ?.. Лучшаго не будетъ ничего въ жизни... Но помните, графиня, никогда никто не будетъ любить васъ, какъ я люблю. Прощайте...

— Что же вы хотите дѣлать?

— Я хочу... Я попробую застрѣлиться...

— Какой вздоръ. Никогда вы этого не сдѣлаете. Полноте, мой милый ребенокъ.

Шепелевъ взглянулъ на Маргариту печально, но спокойно и тихо вымолвилъ:

— Не знаю.... Но я попробую. Я не могу такъ оставаться. Это пытка... Я думалъ... я вѣрилъ, что это вы... Если это были не вы или даже и вы, но вы не хотите сознаться и не сознаетесь... И это такъ и останется!.. Никогда не повторится!..

Юноша восторженно всплеснулъ руками и воскликнулъ:

— Зачѣмъ же я буду жить! Умирать надо? Надо! И скорѣе!..

И онъ двинулся къ дверямъ. Маргарита бросилась, догнала его и сильно схватила за руку.

— Стойте, говорила она упавшимъ отъ волненія голосомъ. — Погодите... Я вамъ скажу...

И она запнулась, будто снова колебалась.

— Ну, ну... шептала она сама себя и вдруг вскрикнула: — Что-жъ тутъ дѣлать? Святая Марія!..

— Ахъ, это слово! Это слово! воскликнулъ Шепелевъ. — Вѣдь оно за васъ говорить. Оно все говорить...

Маргарита вдругъ, будто съ отчаяніемъ рѣшимости, взяла его за руку и потянула въ свою спальню-гостиную.

— Ну, вотъ! Гляди! Глупый, упрямый, капризный! нѣжно выговорила Маргарита, введя его въ комнату. — Заставилъ меня измѣнить моему слову! Гляди!

Шепелевъ поглядѣлъ по направленію ея руки и увидѣлъ на диванѣ черный газовый костюмъ, а на столѣ кучу сложенныхъ брилліантовыхъ звѣздъ съ полумѣсяцемъ.

Онъ боялся понять, что это, наконецъ, признаніе.

— А „Ночь“! Она? Вѣдь вы „Ночь“? Вы?..

Маргарита, молча и слегка смущаясь, двинулась къ нему, тихо вскинула руки ему на плечи и, обвивъ его шею, припала къ нему и прильнула губами къ его губамъ. Шепелевъ вскрикнулъ слабо и прошепталъ:

— О, Маргарита! Теперь я... Да что говорить! Ничего... Не надо, не надо говорить...

IV.

Маргарита понимала, что послѣ этого признанія дерзкій и прихотливый поступокъ ея становится роковымъ. Связь съ Шепелевымъ ставила ее въ трудное положеніе съ дѣдомъ и съ Фленсбургомъ. Приходилось играть и хитрить еще болѣе! Маргарита къ тому же не обманывала себя и предугадывала, что рано или поздно и тотъ, и другой поймутъ и увидятъ ея игру. Въ дѣдѣ она теряла тогда огромное состояніе, о которомъ мечтала такъ давно, а въ Фленсбургѣ наживала безпощаднаго врага.

„Все это бессмысленная прихоть! Уступка разума сердцу! думала она теперь. Любовь заставила меня быть глупой, неразсчетливой... Но любовь-ли это? Не вспышка-ли? И вспышка, которая такъ сильна, что не можетъ быть долговѣчной... Богъ знаетъ! Я сама не знаю!.. Будь, что будетъ! Авось, все это еще не скоро спутается!..“

И Маргарита ошиблась. Все спуталось гораздо скорѣе и неожиданнѣе.

Іоаннъ Іоанновичъ, подавшійся ея недавней искусной игрой, былъ, однако, достаточно проницателенъ, чтобы не начать скорѣе же подозрѣвать внучку.

Послѣ маскарада онъ былъ уже нѣсколько разъ, сидѣлъ у нея по-долгу, полупутя, полусерьезно и намеками предъявлялъ уже разныя требованія, общая, однако, при этомъ сдѣлать немедленно завѣщаніе въ ея пользу, такъ, чтобы все его состояніе могло перейти ей.

Маргарита и прежде колебалась, и отвращеніе часто являлось у нея къ этому старику; теперь же она окончательно не знала, какъ быть и что дѣлать. Она опять играла на сколько могла умнѣе, но хитрый старикъ начиналъ уже угадывать, подозрѣвать и раздражаться. Уже раза два страннымъ голосомъ Іоаннъ Іоанновичъ спросилъ у нея, кто и что молоденькій офицеръ, который сажалъ ее въ карету послѣ бала посла и котораго онъ уже дважды встрѣтилъ у нея въ гостяхъ. Іоаннъ Іоанновичъ, по счастью, какъ всякій старикъ, былъ убѣжденъ, что женщина не можетъ увлечься юношей.

— Что у тебя за дѣла съ этимъ щенкомъ? спросилъ Іоаннъ Іоанновичъ. — Что онъ влюбленъ что-ли въ тебя?.. Такъ прогони, чѣмъ возиться съ молокососомъ.

И Маргарита объяснила, что юноша—родственникъ одной ея пріятельницы, которая просила покровительствовать ему. Но старикъ не совсѣмъ остался доволенъ этимъ объясненіемъ.

И Маргарита начинала бояться, что Іоаннъ Іоанновичъ вдругъ прямо и круто поставитъ вопросъ, на который она не знала что отвѣчать. Конечно, въ крайнемъ случаѣ могло воспослѣдовать только одно—возвратить брилліанты, за исключеніемъ броши, проданной Гольцу для Воронцовой. Но чтобы можно было поссориться съ дѣдомъ снова, для этого надо было себя обезпечить иначе. Гольцъ уже не разъ предлагалъ ей денегъ, но какъ ни велика была эта сумма, все-таки она не могла равняться съ тѣмъ, что могъ дать дѣдъ.

Наконецъ, на другой же день послѣ того же маскарада явился и Фленсбургъ. Она три раза отказала ему, но чрезъ недѣлю онъ

вошелъ почти насильно и прямо, рѣзко объяснилъ ей, что онъ все знаетъ. И дѣйствительно, тонкій плезвигскій уроженецъ разсказалъ Маргаритѣ ея игру съ дѣдомъ и ея отношенія къ Шепелеву такъ, какъ если бы она сама ему все передала на исповѣди.

Сидя у Маргариты, Фленсбургъ былъ, однако, очень взволнованъ. Лице его было слегка блѣдно, голосъ прерывался.

— Я отлично понимаю, сказалъ онъ,—что мое положеніе крайне глупо, даже позорно. Для мужчины нѣтъ положенія смѣшнѣй, какъ быть влюбленнымъ и ревновать, не имѣя на это никакого права. Вы со мной тоже играли, игра вамъ надоѣла и вы бросили. Это для кокетки не преступленіе. Она даже можетъ сама сознаваться въ этомъ... Но... одно время вы не играли! Вы были даже искренни. Но съ тѣхъ поръ многое перемѣнилось. Въ-первыхъ, въ домѣ вашемъ появился этотъ отвратительный старикъ и, не смотря на то, что онъ вамъ приходится дѣдомъ, онъ влюбленъ въ васъ... и вы терпите это... Это вамъ выгодно!..

— Какая нелѣпость! воскликнула Маргарита и разсмѣялась, но смѣхъ этотъ былъ неестественный.

— Главное не въ этомъ... Это пустяки. А вотъ, что не пустяки! Послѣ вашей дружбы съ барономъ Гольцемъ мнѣ стало казаться, что вы сильно заняты... что у васъ новая цѣль... какъ бы вамъ это сказать? Что самъ Гольцъ надушил васъ начать войну или осаду кокетствомъ нѣсколько выше, т. е. выше насъ, простыхъ смертныхъ. Но въ ту минуту, когда я былъ убѣжденъ, что вы заняты тѣмъ, чтобы поправиться и влюбить въ себя... скажу прямо—государя!.. въ это время оказалась для меня невѣроятная вещь! Оказалось, что вы играете, но очень серьезно, съ мальчишкой, съ рядовымъ, почти съ ребенкомъ. Признаюсь, я пересталъ понимать то, что видѣлъ! Этотъ гадкій, отвратительный старикъ, съ одной стороны, и, съ другой, мальчуганъ, едва вышедшій изъ пеленокъ... Признаюсь, отъ всего этого на меня повѣяло Петербургомъ. Хотя вы иноземка, но и въ вашей личности сказалося вліяніе Петербурга, т. е. привычки и нравы здѣшняго высшаго общества. Вся его мерзость, развратъ, даже преступленія противъ самыхъ простыхъ, самыхъ святыхъ законовъ

общежитія и нравственности! Вы знаете, я не преувеличиваю! Я не ненавижу... я просто презираю это общество. Вы знаете такъ же, какъ и я, всю эту грязь. Возьмемъ примѣръ. Вы знаете, что здѣсь, въ обществѣ, тоже что и въ народѣ русскомъ, есть чуть не обычай, что жена юноши сына—сплошь и рядомъ, любовница свекра-отца. Ну а дѣдъ мужа... это еще законнѣе для нихъ...

Фленсбургъ говорилъ тихимъ, но дрожащимъ голосомъ и при послѣднихъ словахъ слегка поблѣднѣлъ. Но эти слова его заставили и Маргариту перемѣниться въ лицѣ.

— Вы кончили? произнесла она едва слышно.

— Дя, хотя не совсѣмъ еще.

— Ну, съ меня и этого достаточно. Хотя вся ваша рѣчь есть рѣчь безумнаго, но тѣмъ не менѣе я отчасти довольна, что вы высказались. Вы мнѣ дали право на этотъ разъ окончательно попросить васъ оставить меня и не посѣщать.

— Стало быть, это полный разрывъ? выговорилъ Фленсбургъ.

— Даже не разрывъ, потому что никогда никакой связи между нами не было, выговорила Маргарита, злобно усмѣхаясь. — Вы говорите, что я когда-то была искренна, и хотите сказать, что я, хотя не долго, любила васъ. Вы ошибаетесь, никогда, ни единого дня этого не было. На это есть свидѣтель. Хотите его... это Лотхенъ!

— Графиня! Не наживайте во мнѣ заклятаго врага. Какъ я умѣю сильно, долго любить, такъ же умѣю и ненавидѣть. И я не на столько христіанинъ, чтобы платить добромъ за зло. Съ той минуты, какъ я узнаю, что мы съ вами враги, я буду дѣйствовать противъ васъ! И безпощадно!..

— Сколько вамъ угодно, усмѣхнулась Маргарита. — Надѣюсь только, что вы меня не зарѣжете изъ за-угла. А все остальное мнѣ не страшно.

— Даже не страшно, если я поѣду къ вашему вѣрному другу Гольцу и скажу ему нѣчто, мнѣ одному извѣстное и послѣ чего... нога его не будетъ у васъ.

— Я даже не понимаю!

— И поѣду рассказать Гольцу, что иноземка графиня

Скабронская рѣшилась на такой поступокъ, который хотя очень обыденный и простой при здѣшнихъ дивихъ и раснущенныхъ нравахъ, но который самъ по себѣ, со стороны иноземки и относительно Гольца,—есть поступокъ не честный и мерзкій. Вы меня поняли?!

— Я даже не хочу беспокоиться понимать. Всѣ эти угрозы смѣшны... Повторяю, дѣлайте, что вамъ угодно...

И Маргарита поднялась съ своего мѣста. Фленсбургъ всталъ поневолѣ.

— Въ такомъ случаѣ, графиня, я начинаю мнѣніе, выговорилъ онъ.—И тотчасъ ѣду рассказать Гольцу, какъ въ его маскарадѣ „Ночь“ проводила время въ устроенной для ея отдыха уборной. Я знаю, видѣлъ и могу доказать... Да! Доказать! Что внесла въ честный и приличный домъ прусскаго посла чепша авантюриста Маркета Гинекъ.

Маргарита вдругъ поблѣднѣла какъ полотно, и отъ разоблаченной тайны, и отъ своего прежняго имени, котораго не могла слышать равнодушно. Какимъ образомъ Фленсбургъ узналъ это имя, котораго она никогда никому въ Петербургѣ не сообщала? И какимъ образомъ онъ зналъ объ ея дерзкомъ поступкѣ въ ночь маскарада?

Наступило гробовое молчаніе.

Фленсбургъ ожидалъ, что вотъ сейчасъ побѣжденный врагъ, какъ бы подъ угрозой смертельнаго удара, попроситъ пощады.

Маргарита, дѣйствительно, стояла, опершись дрожащей рукой о кресло. Ея красивыя пальцы съ острыми ногтями какъ бы впились въ спинку кресла, чтобы удержаться на ногахъ. Голова ея была слегка наклонена, глаза полузакрыты, и длинныя рѣсницы скрывали теперь отъ Фленсбурга тотъ пламень, который горѣлъ въ ея опущенномъ взорѣ.

„Что дѣлать, какъ быть?“ стучало въ головѣ ея, какъ молотомъ. „Какъ обезоружить его, какъ заставить молчать“?

Въ одно мгновеніе Маргарита обсудила свое положеніе и рѣшила, что заставить молчать врага можно только слишкомъ дорогой цѣной,—слѣдовательно, совершенно невозможно. Приходилось поневолѣ поднять перчатку.

— Снова повторяю вамъ, едва слышно вымолвила Марга-

рита, не поднимая глазъ,—что я прошу васъ избавить меня отъ вашего присутствія и отъ вашихъ дальнѣйшихъ посѣщеній.

Она повернулась и пошла къ дверямъ своей спальни.

— Одумайтесь! крикнулъ въ волненіи Фленсбургъ.—Я предлагаю безпредѣльное искреннее чувство на всю мою жизнь, или безпощадную месть.

Маргарита, не оборачиваясь, громко разсмѣялась и вышла изъ комнаты, заперевъ за собой дверь на ключъ. Она серьезно боялась преслѣдованія Фленсбурга, лицо котораго показалось ей даже страшнымъ въ послѣднюю минуту.

Часа два спустя Маргарита писала записку Гольцу, прося его пріѣхать тотчасъ же по одному очень важному дѣлу.

Гольцъ, уже считавшій графиню Скабронскую однимъ изъ своихъ тайныхъ агентовъ, подумалъ, что дѣло касается до какихъ-нибудь важныхъ вѣстей, которыя графиня могла узнать въ городѣ и тотчасъ явился къ ней.

Маргарита рѣшилась объяснить прямо, но въ послѣднюю минуту, когда Гольцъ уже сидѣлъ противъ нея на креслѣ, она стала колебаться. Зачѣмъ начинать самой свою исповѣдь, просить прощенія, когда Фленсбургъ, быть можетъ, только грозился и не рѣшится такъ низко и подло мстить ей.

— Не думайте, баронъ, начала Маргарита,—что дѣло, о которомъ я писала вамъ, особенно важно. Оно, во-первыхъ, не касается васъ или короля Фридриха, черезъ силу усмѣхнулась Маргарита.—Оно касается меня или, лучше сказать, одного офицера, хорошо вамъ извѣстнаго, Фленсбурга.*

— А, такъ я знаю въ чемъ дѣло! воскликнулъ Гольцъ.—Фленсбургъ былъ уже у меня. Мнѣ кажется, что онъ или безумно влюбленъ въ васъ и при этомъ несчастливо или просто... безумный. Онъ былъ у меня часъ назадъ и наговорилъ мнѣ кучу такихъ нелѣпостей, что я серьезно опасаюсь за его разумъ.

— Что-жъ онъ сказалъ вамъ? невольно потупляясь, вымолвила Маргарита.

— Разный вздоръ.

— Скажите, какой вздоръ?

— Полноте. стану я передавать сплетни или клевету, со-

зданную отвергнутымъ влюбленнымъ. Но признаюсь, я считалъ Фленсбурга болѣе достойнымъ уваженія.

— Что онъ сказалъ вамъ? повторила вызывающе Маргарита, словно сама идя на встрѣчу опасности. — Скажите мнѣ все, передайте мнѣ все до послѣдняго слова. Я этого требую.

— Это невозможно, графиня, все это слишкомъ глупо наконецъ, чтобы передавать.

— Я требую, баронъ.

— Такъ и вы обладаете мелкими женскими недостатками и, между прочимъ, празднымъ любопытствомъ, разсмѣялся Гольцъ. — Я считалъ васъ болѣе серьезной женщиной.

— Но вѣрите-ли вы тому, что говорилъ вамъ Фленсбургъ?

— Нѣтъ, не вѣрю, потому что мудрено повѣрить этому. Я попросилъ у него, конечно, шутя, доказательствъ того, что онъ утверждалъ.

— И что-жъ онъ?

— Общались ихъ на дняхъ.

— Ну, такъ выслушайте, баронъ, я сама расскажу вамъ то, что могъ низкими, недостойными средствами узнать господинъ Фленсбургъ.

И Маргарита подробно, но краснорѣчиво и горячо рассказала Гольцу все, что могла рассказать какъ-бы на исповѣди. Начавъ почти съ своего дѣтства, передавъ все, черезъ что пришлось ей пройти, она окончила эту исповѣдь признаніемъ въ странной, для нея самой непонятной любви въ юношѣ. И, наконецъ, призналась въ своемъ свиданіи съ нимъ во время маскарада въ уборной.

Искренность чувства, которымъ дышало всякое слово Маргариты, тронула Гольца.

И то, что онъ узналъ, почти выкупалось этимъ чувствомъ.

Гольцъ увидѣлъ передъ собой одну изъ сотни женщинъ, которыхъ было много во всѣхъ столицахъ Европы, при всѣхъ дворахъ. И Гольцъ зналъ этотъ типъ. Онъ долженъ былъ сознаться, что изъ всѣхъ ему знакомыхъ подобныхъ женщинъ, т. е. авантюристокъ высшаго полета, созданныхъ распушенностью нравовъ при европейскихъ дворахъ, Маргарита была еще лучше всѣхъ, все-таки выше всѣхъ. Въ ея жизни играли

роль чувство, сердце, душа, и не было холодного разврата, не было, наконецъ, простыхъ мошенническихъ продѣлокъ. Единственно, что непріятно подѣйствовало на Гольца, это тѣ отношенія, въ которыя Маргарита невольно поставила себя къ старику Скабронскому.

Тонкій и умный дипломатъ, которому эта красавица была нужна для его собственныхъ цѣлей, болѣе высихъ, тотчасъ же взвѣсилъ все, сообразилъ и рѣшилъ мысленно, какъ поступить. Да и какое ему было дѣло до нравственности этой женщины, чуждой ему вполне! И Гольцъ, смѣясь, выговорилъ, протягивая руку Маргаритѣ:

— Благодарю васъ за довѣріе и за искреннее признаніе. Теперь мы съ вами окончательно друзья. На столько друзья, что я начинаю съ того, что беру васъ подъ свою защиту противъ Фленсбурга и заставляю его молчать; если мнѣ это не удастся простыми средствами, то я пользуюсь достаточнымъ вліяніемъ, чтобы добиться его высылки изъ Петербурга. Остается только ваша прихоть... вашъ капризъ, т. е. этотъ мальчуганъ, который можетъ сдѣлаться тоже опаснымъ по молодости и опрометчивости. На все остальное я смотрю какъ на капризъ милой, умной, но, главнымъ образомъ, странной женщины, которая изъ всего Петербурга выбрала... обратила милостивый взоръ на юнаго птенца. Это принадлежитъ къ сферѣ тысячи и одного секрета женскаго сердца. Вы знаете, что существуютъ сказки арабскія: „Тысяча и одна ночь“, которымъ подражаютъ писатели разныхъ странъ. Я удивляюсь, что до сихъ поръ ни одинъ изъ писателей не попробовалъ рассказать: тысячу и одинъ капризъ женскаго сердца.

— Такъ вы меня не презираете? вдругъ горячо воскликнула Маргарита.

— Такъ же презираю, какъ вотъ эту милую ручку, выговорилъ Гольцъ, взявъ ее руку и цѣлуя. — Говорю вамъ, за вашу искреннюю исповѣдь я отплачу вамъ тѣмъ, что беру васъ подъ свою защиту. Только одно прибавлю: мы должны съ вами заключить еще болѣе тѣсный союзъ. И если мнѣ случится поручить вамъ... Гольцъ запнулся и будто не рѣшался говорить.

— Если бы пришлось мнѣ когда-нибудь... можетъ быть не

придется... но если бы была необходимость, то я надѣюсь... Если бы непременно нужно было... Гольцъ видимо колебался и, наконецъ, запнувшись, смолкъ.

— Говорите, говорите прямо! Что бы то ни было! Я почти уже понимаю! Слѣдовательно, выражайтесь прямо, хотя бы рѣзко.

— Если бы мнѣ пришлось, графиня, ради высшихъ цѣлей и высшихъ политическихъ соображеній, ради дѣла, которое для меня святое дѣло, великое дѣло, просить васъ... Вотъ видите-ли... Часто великія дѣла, даже великія историческія событія зависать отъ самыхъ мелкихъ, самыхъ незначущихъ, пустыхъ и, даже очень часто, отъ самыхъ глупыхъ причинъ! Если бы мнѣ пришлось попросить васъ, дать вамъ порученіе, передать въ ваши руки, судьбы... Я тоже, какъ видите, начинаю свою исповѣдь! разсмѣялся Гольцъ.

— Да, говорите! говорите!.. воскликнула Маргарита весело.

— Если-бъ я былъ вынужденъ вслѣдствіе важныхъ соображеній просить вамъ пожертвовать собой, не жизнью, конечно, но пожертвовать очень многимъ! И Гольцъ умышленно сдѣлалъ удареніе на эти послѣднія два слова.—Могу-ли я надѣяться, что вы не откажете мнѣ?

— Выслушайте, баронъ: вамъ—никогда, ни въ чемъ! Понимаете! Это съ моей стороны клятва! Вамъ никогда, ни въ чемъ не будетъ отказа! Что бы вы завтра или хоть сейчасъ ни приказали мнѣ, все будетъ исполнено немедленно.

— Такъ, что если бы, началъ Гольцъ, опустивъ глаза,—если бы я попросилъ васъ употребить ваше искусство, ваше кокетство, чтобы сблизиться, сойтись совершенно съ человѣкомъ крайне непрigляднымъ, некрасивымъ и ради высшихъ цѣлей отдаться ему... то вы согласитесь! Я надѣюсь, что нечего говорить яснѣе!

— Я васъ понимаю и отвѣчаю: да и да! И отвѣчаю искренно. Наконецъ, это будетъ мнѣ даже не трудно, такъ какъ прямая выгода отъ этого будетъ самой мнѣ.

— Само собой разумѣется. Но знаете-ли вы, графиня, понимаете-ли вы, какая это сила—нашъ союзъ! Догадываетесь-ли вы, что мы современемъ можемъ быть въ состояніи уничтожить

и созидать герцогства, королевства... Вы без меня—красавица, кокетка... но и только... Я без вас искусный дипломат, но и только... Мы оба, вмѣстѣ, если только все пойдетъ, какъ имѣю основанія надѣяться... мы—великая сила... Архимедовъ рычагъ... Ну, вы этого не понимаете... И такъ союзъ на жизнь и на смерть!..

— Зачѣмъ такіа страшныя вещи! разсмѣялась Маргарита — Скажемъ лучше: на жизнь и на власть...

Посолъ и красавица весело расстались...

V.

Въ домѣ Тюфякиныхъ была прежняя тишина и скука. Ни Гарина, ни княжны не ѣздили куда, у нихъ же только изрѣдка бывали гости. Но такъ какъ всякій знакомый замѣчалъ, что въ семьѣ что-то не ладится, всякому бывало неловко и скучно, то вскорѣ эти посѣщенія прекратились окончательно.

Единственный человѣкъ, который бывалъ чуть не всякій день, былъ новый пріятель Гариной, а въ особенности Василька, лейбъ-компанецъ Квасовъ. Тетка была попрежнему постоянно угрюма и задумчива, и только одинъ Акимъ Акимовичъ могъ разшевелить ее и привести если не въ веселое, то въ болѣе оживленное состояніе духа.

На Ооминой недѣлѣ Гарина пробовала объясниться съ Настей и съ «киргизомъ». Князь Глѣбъ и племянница, успѣвшіе сговориться, признались теткѣ просто и искренно въ томъ, что Настя часто и подолгу бывала у брата на квартирѣ.

— Неужели тебѣ было веселѣе сидѣть у этого вертопраха, чѣмъ въ гостяхъ? спросила тетка.

Настя объяснила, что у брата бывали иногда голштинскіе офицеры и что одинъ изъ нихъ ее очень забавлялъ. При этомъ она прибавила, что офицеръ этотъ все-таки ей не нравится настолько, чтобы она согласилась выйти за него замужъ.

— Да онъ и не нашей вѣры, тетушка, объяснила Настя, — стало быть за него и нельзя идти замужъ.

Все это, разумѣется, былъ вымыселъ, но Гарина повѣрила.

За объясненіе съ княземъ Тюфякинымъ опекунша взялась совсѣмъ иначе. Она начала бесѣду со словъ:

— Ужь такъ и быть! На праздникахъ я тебѣ ничего не дала, такъ теперь дамъ.

Гарина вынесла племяннику пятьдесятъ червонцевъ и будто бы кстати заговорила о томъ, что снѣдало ее за послѣднее время.

— Ну, вотъ тебѣ деньги, вертопрахъ. А все-жъ таки я на тебя сердита.

И понемому Гарина свела бесѣду на то, что наиболѣе озабочивало ее. Она была слишкомъ прямая женщина, чтобы умѣть хитрить незамѣтно и искусно, князь тотчасъ же догадался, за что онъ получилъ деньги, и подумалъ:

„Старая думаетъ, дала горсть червонцевъ, такъ я самого себя сейчасъ ей продамъ“.

Князь, которому ложь и игра были послѣднимъ дѣломъ, на этотъ разъ сыграть особенно искусно и совершенно успокоилъ тетку.

— Велика бѣда, что сестра бывала на моей квартирѣ. Нашли вы чѣмъ безпокоиться! изумился онъ.

Но въ началѣ этой бесѣды князь все-таки немножко смущался. И только одинъ вопросъ тетки сразу сдѣлалъ его веселымъ. Князь успокоился вполнѣ, догадавшись, что тетка въ сущности лучшаго о немъ мнѣнія, нежели онъ думалъ и боялся.

— Скажи мнѣ по совѣсти, побожись вотъ передъ иконою святой, что ты не солжешь, спросила Гарина.— Съ кѣмъ ты Настю у себя сводилъ?

Этотъ именно вопросъ объяснилъ князю все и успокоилъ его. Онъ сталъ клясться и божиться, и могъ, конечно, клясться, что у него никого не бывало. И это была правда.

— А одинъ голштинскій офицеръ, про котораго Настя сказывала?

— Да онъ всего четыре раза и былъ, это она такъ похвастала.

И Тюфякинъ такъ клялся, что у него на квартирѣ Настя

ни съ кѣмъ не видалась, кромѣ какъ съ нимъ, да съ однимъ евреемъ, что Гарина не могла не повѣрить.

Осталось только одно сомнѣніе, почему Настя не хотѣла говорить, но и на это нашелся отвѣтъ у князя, да вдобавокъ такой, который былъ вдвойнѣ выгоденъ.

„Однимъ камешкомъ двухъ воробьевъ убью!“ подумалъ князь.

И онъ подробно объяснилъ теткѣ, что такъ какъ онъ постоянно нуждается въ деньгахъ и дошелъ до того, что не знаетъ, что дѣлать и какъ прожить, то Настя, не имѣвшая сама денегъ, рѣшилась выручить его изъ бѣды не совсѣмъ чистымъ образомъ. Одна пріятельница передала ей сколько-то червонцевъ съ порученіемъ что-то купить, а Настя изъ жалости отдала ему эти деньги и сказала пріятельницѣ, что потеряла ихъ и когданибудь возвратить.

— Стало быть, выходить, что она изъ жалости ко мнѣ чуть не украла. Такъ какъ-же ей было тогда говорить, сами посудите, закончилъ князь.

Гарина одновременно и пришла въ ужасъ, и обрадовалась. Дѣло было поправимое. Въ тотъ же вечеръ князь искренно хохоталъ вмѣстѣ съ Настей о томъ, какъ они одурачили тетку. Даже деньги, будто бы потерянные Настей, были получены отъ тетки и перешли, конечно, въ карманъ своднаго брата.

Болѣе всѣхъ была счастлива и довольна Василекъ. Она даже укоряла тетку за ея напрасныя подозрѣнія.

Однако, по временамъ Гарина все-таки бывала задумчива и, часто ложась спать, когда Василекъ садилась около ея кровати, тетка говорила любимицѣ:

— А все-таки какъ-то на душѣ скверно, все какъ будто чувствуешь бѣду какую. И вѣрю имъ, и будто не вѣрю. Сдается мнѣ все, что есть обманъ.

— Не грѣхъ-ли вамъ, тетушка!

— Грѣхъ, отвѣчала Гарина,—а все не могу. Иной разъ кажется все-таки дѣло не чистымъ. Не могу я уразумѣть, на какой прахъ молодая дѣвица будетъ сидѣть цѣлые вечера у брата своего, вмѣсто того, чтобы на вечерѣ гдѣ хохотать и веселиться. Сдается все, что кто-нибудь да бывалъ тамъ, съ

къмъ Настѣ хотѣлось видаться. А видаться они могли у насъ. Сказала бы и стали-бы приглашать сюда, если человекъ хорошій. А коли нужно было соблюдать тайну, стало быть, дѣло не чистое. Вскорѣ Гарина, чтобы успокоиться совершенно, залучила черезъ людей лѣниваго и лохматаго Егора, лакея князя, и съ помощью всякихъ обѣщаній и подарковъ заставила его признаться, что барышня бывала часто, но что помимо жиды. Лейбы никогда никого не было. Даже о появленіи голштинскаго офицера Егоръ ничего не зналъ.

Однако, на душѣ опекуни все-таки было смутно, и она стала подумывать—пристроить скорѣе младшую племянницу. Гарина, еще недавно не хотѣвшая брака ея съ Шепелевымъ, теперь уже начала мечтать объ этомъ и снова начались у нея совѣщанія съ любимицей, какъ-бы поскорѣе женить Шепелева на Настѣ.

Каждый разъ, что Васильку приходилось говорить съ теткой объ этомъ дѣлѣ, сердце ея сжималось и замирало. Она могла съ трудомъ скрыть отъ тетки свое волненіе, и теперь уже Васильку приходилось, точно также какъ и сестрѣ, хитрить съ теткой и лгать черезъ силу.

— Ты его будто не любишь, будто разлюбила. Прежде ты горой за него стояла и хотѣлось тебѣ съ нимъ породниться. А теперь вотъ чудно такъ отзываешься, или отмалчиваешься, замѣтила Гарина.

Опекуншѣ, конечно, и въ умъ не могло прійти, какая причина заставляетъ ея любимицу бесѣдовать о бракѣ сестры сдержанно и какъ-то неохотно, или же стараться перевести бесѣду на что-нибудь другое.

По первому же слову Гариной о томъ, что можно приняться за сватовство, князь даже обрадовался мысли опекуни и въ тотъ же день поѣхалъ знакомиться съ Квасовымъ.

Неожиданный, рѣшительный, даже рѣзкій отказъ Шепелева смутилъ всю семью. Гарина всегда замѣчала, что юноша относился къ Настѣ хладнокровно, сама Настя считала Шепелева слишкомъ глупымъ, чтобы думать о возможности его отказа. Князь тоже не ожидалъ отъ медвѣженка такой прыти, но онъ не отчаявался въ успѣхѣ, онъ думалъ, что вмѣстѣ съ Квасо-

вымъ женить юношу на Настѣ чуть не силой. Но когда Шепелевъ разошелся съ дядей, переѣхалъ на свою собственную квартиру, и вдругъ произведенный въ сержанты зажилъ гораздо шире, тратя большія деньги, князь Тюфякинъ смекнулъ въ чемъ дѣло и понялъ, что все пропало. Только одна Василекъ приняла этотъ отказъ Шепелева не такъ, какъ вся семья. Съ перваго мгновенія Василекъ почувала такую глубокую искреннюю радость на сердцѣ, что сама за себя испугалась. Въ этотъ день она сказалась больной и нарочно, чтобы скрыть свое волненіе отъ всѣхъ, пролежала цѣлый вечеръ на постели. Съ сумерекъ и до поздней ночи пробыла она въ своей комнатѣ безъ свѣчи, притворяясь спящей, когда ее окликали и, широко раскрывъ глаза въ темнотѣ, сама не знала, что въ ней происходитъ. На душѣ ея была почти такая же тьма, какъ и въ горницѣ. Только одно ясно сказывалось—радость. Василекъ теперь только стала понимать, стала сознаваться сама себѣ, что сердце ея, всякое движеніе, всякій помыселъ ея принадлежать этому человѣку.

— Господи, грѣхъ какой! внутренно повторяла Василекъ, крестясь среди темноты.

Послѣ своего отказа Шепелевъ пересталъ бывать въ домѣ Тюфякиныхъ. Василекъ только разъ мелькомъ видѣла его на улицѣ верхомъ на великолѣпной лошади, красиваго, но печальнаго. Слишкомъ близокъ былъ ей этотъ человѣкъ, чтобы не догадаться, не почувать сердцемъ, что у него есть тоже свое большое горе. Но Василекъ, сама влюбленная, не догадалась, какое горе у Шепелева. Ей на умъ не пришло, что его печаль та же самая, что и ея печаль.

Новый другъ Василька, Акимъ Акимовичъ, сталъ бывать все чаще и уже нѣсколько разъ прямо объяснилъ княжнѣ, что онъ въ жизнь свою никого такъ не любилъ, какъ ихъ семейство.

По цѣлымъ вечерамъ случалось Васильку бесѣдовать съ Акимомъ Акимовичемъ, но о Шепелевѣ никогда не было рѣчи. Акимъ Акимовичъ былъ глубоко оскорбленъ поступкомъ племянника, отчасти тѣмъ, что онъ не захотѣлъ по его совѣту жениться, но главнымъ образомъ тѣмъ, что сѣхалъ съ его

квартиры и зажилъ самостоятельно. Вдобавокъ Квасовъ былъ недоволенъ, что Шепелевъ живетъ на какія-то темныя средства.

„Вотъ, думалъ онъ, считалъ я его добрымъ малымъ, честнымъ, а онъ на такой же срамъ пошелъ, какъ и другіе офицеры.“

Василекъ еще болѣе Квасова избѣгала не только говорить о Шепелевѣ, но даже упоминать его имя, она боялась, что при одномъ имени своего племянника этотъ новый другъ ея прочтетъ въ ея глазахъ дорогую для нея и сокровенную тайну.

Наконецъ, прошелъ весь апрѣль мѣсяцъ. Въ городѣ много говорили о предстоящемъ балѣ у прусскаго посла по поводу заключеннаго мирнаго договора. И до Тюфязиныхъ достигла эта вѣсть. Если бы Гарина захотѣла, то, конечно, могла бы получить приглашеніе черезъ своихъ родныхъ. Но Настя отказалась ѣхать, а Василекъ отвѣчала теткѣ, какъ всегда:

— Гдѣ мнѣ съ моимъ лицомъ радиться, да плясать. Только осмѣютъ!

Разумѣется, Василекъ преувеличивала свое положеніе. Лицъ, испорченныхъ оспой, было такъ много, это было такимъ простымъ явленіемъ, что почти не было семьи, въ которой бы не нашлось одного человѣка, пострадавшаго отъ распространенной въ Европѣ и Россіи болѣзни. Самъ императоръ имѣлъ явные слѣды ея.

Если бы Василекъ знала, кого она можетъ встрѣтить въ маскарадѣ Гольца, то, конечно, поѣхала бы хотя подъ маской. Но она не могла знать, что сержантъ Шепелевъ будетъ выбранъ, чтобы дежурить на балѣ посланника.

На другой же день послѣ этого бала, Акимъ Акимовичъ особенно быстрой походкой шелъ черезъ Чухонскій Ямъ, и лицо его сіяло довольствомъ. Какъ ни убѣждалъ себя добрый лейбъ-компанецъ, что онъ ненавидитъ и презираетъ своего племянника, однако, при внезапно распространившейся вѣсти въ полку, что тотъ на балѣ лично произведенъ государемъ въ офицеры, Квасовъ отъ радости чуть совсѣмъ не лишился разсудка.

Многіе офицеры въ полку, явные враги всѣхъ мѣръ, и важ-

*

ныхъ, и пустыхъ, новаго правительства, приняли производство, не въ примѣръ прочимъ, сержанта Шепелева, какъ странное и обидное для всѣхъ. Дѣйствительно, производство это было странное, очевидно, сильная рука покровительствовала юношѣ. Въ одинъ мѣсяцъ рядовой сдѣлался офицеромъ, тогда какъ другимъ приходилось прослужить восемь и десять лѣтъ до офицерскаго чина.

Новаго офицера приняли въ полку такъ недружелюбно, что юношѣ было даже неловко. На вопросы всѣхъ онъ самъ не зналъ, какъ объяснить свое неожиданное повышение. Конечно, многіе подумали, что онъ скрываетъ истинную причину, по невозможности признаться въ ней.

Одинъ Акимъ Акимовичъ догадался отчасти, что и квартира, и деньги, и чины идутъ изъ одного источника. Лейбъ-компанецъ почти ворвался въ домъ новыхъ друзей и объявилъ вѣсть Васильку.

— Офицеръ! Да-съ! Офицеръ! И самъ государь поздравилъ! Василекъ вспыхнула и вся затрепетала отъ радости. Но не прошло получаса, какъ она уже сидѣла передъ Квасовымъ блѣдная, какъ полотно. И особенно некрасиво было теперь лицо блѣдой дѣвушки.

Квасовъ, объясняя повышение племянника покровительствомъ, понемногу высказался откровенно.

— Замѣчательная красавица, которая всѣхъ сводить съ ума,— сошла съ ума отъ юноши!

Вотъ что неожиданно и негаданно узнала Василекъ!

Квасовъ ничего не могъ услышать объ этомъ въ городѣ. Онъ догадался... И уже не въ первый разъ въ жизни—догадался вѣрно!

Однако теперь, когда княжна Василекъ вдругъ, внезапно стала жаловаться на смертельную головную боль и блѣдная, пошатываясь, вышла изъ гостиной и кой-какъ добрела въ свою горницу, то догадливый лейбъ-компанецъ... не догадался!..

VI.

Десятаго мая съ утра началось по улицамъ столицы особенное движеніе. День этотъ былъ назначенъ для празднованія мира съ Пруссіей.

Около полудня вся площадь около дворца была покрыта экипажами придворныхъ, съѣхавшихся съ поздравленіемъ къ государю.

Въ этотъ день всѣ, сколько-нибудь причастные къ дѣлу трактата, были щедро вознаграждены государемъ. Многіе получили ордена; даже жена и дочь принца Голштинскаго сдѣлались кавалерственными дамами ордена святой Екатерины.

Государь былъ очень въ духѣ, весело разговаривалъ со всѣми во время приѣма и, на поздравленія первыхъ вельможъ государства, а равно иностранныхъ посланниковъ, отвѣчалъ, что этотъ день „счастливейшій въ его жизни!“ Государь самъ лично многихъ приглашалъ на большой парадный обѣдъ, назначенный въ этотъ день.

За исключеніемъ государя и барона Гольца, никто не праздновалъ въ душѣ этого праздника. Даже принцъ Жоржъ въ это утро, любуясь на своихъ двухъ кавалерственныхъ дамъ, покачалъ головою и прибавилъ:

— А все-таки этотъ миръ не принесетъ ему пользы, а только вредъ, во мнѣніи его подданныхъ. Русскій народъ не любитъ нѣмцевъ, потому что онъ чувствуетъ, что нѣмцы—люди, а русскіе—скоты. Эта ненависть происходитъ отъ зависти и невѣжества... Баронъ говоритъ правду, Россію по справедливости слѣдуетъ называть не Russland, а Thier'sland!..

Несмотря на то, что при утреннемъ приѣмѣ государь былъ ласковъ со всѣми, многіе были обижены или какой-нибудь ипутькой его или неосторожнымъ словомъ.

— Думали-ли вы когда-нибудь, сказалъ государь фельдмаршалу Разумовскому,—что наступитъ день, въ который Россія будетъ праздновать вѣчный миръ съ Фридрихомъ?

— Нѣтъ, ваше величество, отвѣчалъ фельдмаршалъ, ози-

раясь на ближайшихъ:—никогда ни на умѣ, ни на сердцѣ сего не держалъ. Если бъ годъ тому назадъ сказали мнѣ про такое празднество, то я бы не повѣрилъ. Покойная государыня никогда бы сего мира не заключила.

— Конечно, конечно! визгливо воскликнулъ Петръ Ѳедоровичъ.—Тетушка была вообще немного глупа, по правдѣ-то говоря. Она бы и не могла понять ту политическую систему, которая явится плодомъ мира моего съ Фридрихомъ.

Посламъ иностранныхъ державъ, каждому по очереди, государь полупути, полусерьезно сказалъ, что онъ приглашаетъ ихъ къ парадному обѣду не въ зачетъ, такъ какъ они своимъ поведеніемъ этого не заслужили.

Французскій посолъ Бретейль послѣ такого объясненія уѣхалъ домой и рѣшилъ не быть на обѣдѣ. Въ тотъ же вечеръ онъ написалъ своему правительству, что положеніе его становится окончательно невозможнымъ и что Франція должна его отозвать, а выслать на его мѣсто простого повѣреннаго въ дѣлахъ.

На этомъ же приѣмѣ многіе поневолѣ замѣтили новую придворную даму въ великолѣпномъ костюмѣ, покрытомъ брилліантами. По этимъ брилліантамъ многіе узнали „Ночь“ маскарада Гольца.

Хотя у графини Скабронской было много знакомыхъ въ столицѣ, но все-таки первые чины двора, первые вельможи не были съ ней лично знакомы. Красота Маргариты, изящество ея костюма и брилліанты теперь поневолѣ поразили многихъ. Кромѣ того всѣ обратили на нее особенное вниманіе вслѣдствіе изысканной любезности, съ которою государь долго говорилъ съ ней и много смѣялся, часто повторяя слово „Ночь“. Затѣмъ онъ пригласилъ ее на парадный обѣдъ, прося сѣсть не очень далеко отъ него.

Наконецъ, государь, очевидно говоря о костюмѣ Маргариты, сказалъ фразу, отъ которой нѣкоторыя старыя дамы смутились, а двѣ изъ нихъ даже рѣшились отойти, не зная, чѣмъ кончится любезность государя и кокетничанье новой придворной дамы.

Государь, осмотрѣвъ всѣ звѣзды Маргариты, спросилъ вдругъ:

— Et votre croissant? Est-il déjà pleine lune? Ah! Si! c'était une lune de miel et que vous me l'accordiez!..

Маргарита вспыхнула, однако дерзко выговорила по нѣмецки и настолько тихо, что кромѣ Петра Ѳедоровича никто не могъ разслышать:

— Подавать надежды съ тѣмъ, чтобы потомъ забыть, что общаешь, есть злое кокетство, не присущее мужчинамъ. Я знаю, что Людвигъ XV и ваше величество—два современника, любящіе съ безсердечной ловкостью дѣлать несчастныхъ.

— Людвигъ XV можетъ быть, но не я, болѣе искренно и менѣе шутливо произнесъ государь, невольно любуясь Маргаритой, и прибавилъ многозначительно:—Все въ вашихъ рукахъ! Графиня снова вспыхнула уже отъ радости и отошла.

Послѣ приѣма государь отправился къ себѣ въ кабинетъ, пригласивъ съ собой только дядю, Гольца и полицеймейстера Корфа. Вслѣдъ за ними явился и Гудовичъ.

Бесѣда зашла о недавней исторіи съ брилліантовымъ букетомъ, о которой узналъ государь еще въ маскарадѣ, и Петръ Ѳедоровичъ, вдругъ разсердясь, отпустилъ Корфа со словами:

— Дѣлай, что хочешь, а букетъ этотъ мнѣ найди. Если не найдешь, то изъ своихъ денегъ выплати барону, или, если онъ не хочетъ, то мнѣ или „Романовнѣ“.

Затѣмъ государь отправился въ большую залу, выходившую окнами на Неву и оглядѣлъ самъ приготовленія къ парадному обѣду. Потомъ онъ послалъ Перфильева и Гудовича осмотрѣть приготовленія къ фейерверку и доложить ему, все-ли въ исправности. Въ четыре часа снова начался сѣздъ, и дворецъ скоро наполнился блестящей толпой. Садясь за столъ, многіе замѣтили, что государь, бывшій веселымъ съ утра, немного угрюмъ и не въ духѣ. На вопросъ Жоржа, нѣтъ ли чего новаго, государь отвѣчалъ довольно громко:

— Скверное, но не новое. Жена чудитъ! При тетушкѣ чудила, ни ея, ни меня не боялась! Ну а теперь я не позволю.

Когда стали садиться на заранѣе назначенныя мѣста,

государыня заняла свое обыкновенное мѣсто среди стола. Государь долженъ былъ сѣсть противъ нея, но вдругъ, взявъ Гольца подъ руку, увелъ его на самый конецъ, гдѣ сидѣли меньшіе чины двора и, между прочимъ, Фленсбургъ.

— Пойдемте туда, разсмѣялся государь—не хочу я сидѣть визави съ этой дамой.

— Съ какой дамой? изумился Гольцъ.

— Ну, съ Алексѣевной моей...

Гольцъ двинулся съ государемъ, но вдругъ ловкимъ маневромъ покинулъ его, сказавъ что-то тихо и смѣясь почти ему на ухо.

— Отлично! отвѣчалъ государь.

И черезъ мгновеніе Гольцъ появился, ведя даму въ крайне эффектномъ платьѣ, черномъ бархатномъ съ красной отдѣлкой огненнаго цвѣта. Покроемъ оно напоминало костюмы времени Екатерины Медичи.

Маргарита была необыкновенно хороша въ этомъ платьѣ. Эти огненные языки на черномъ бархатѣ и какое-то злорадство на лицѣ придавали что-то демонское всей ея фигурѣ. И всѣ взоры снова обратились на нее, и ради костюма, и ради попрапія всякаго придворнаго этикета.

Такимъ образомъ, на концѣ стола между молодыми офицерами очутились вмѣстѣ четыре человѣка — государь, Гольцъ, Маргарита и Фленсбургъ. Принцъ Жоржъ всячески съ своего мѣста, и руками, и глазами, и головой показывалъ Фленсбургу уйти. Онъ даже самъ собирался перейти туда же, умышленно захвативъ съ собой канцлера, чтобы этотъ край стола сдѣлать болѣе приличнымъ. Но всѣ уже разсѣлись по мѣстамъ, переглядываясь молча и удивленно.

Государыня очутилась противъ пустого куверта, такъ какъ мѣсто государя никто не посмѣлъ занять. Но она была весела, и любезно, ласково начала говорить съ своими сосѣдями.

За ея кресломъ стоялъ, чтобы прислуживать ей, камергеръ графъ Строгановъ, родственникъ княгини Дашковой и любимецъ ихъ обѣихъ. Государыня шопотомъ начала шутить съ нимъ по поводу поступка государя и, смѣясь, показывала глазами на пустое кресло. Строгановъ, одинъ изъ первыхъ остряковъ двора.

вѣроятно, тоже острить, потому что государыня едва сдерживалась отъ смѣха. Но эти шутки не ускользнули отъ косога взгляда, который бросилъ внезапно государь на средину стола.

— Чему она тамъ радуется? обернулся вдругъ государь къ Гудовичу, который стоялъ за его кресломъ. — Поди скажи Строганову, что онъ здѣсь не въ трактирѣ, и чтобы велъ себя приличнѣе, а то я его выгоню вонъ!

Гудовичъ обошелъ столъ, шепнулъ что-то на ухо Строганову, и тотъ, нѣсколько смутившись, пересталъ разговаривать съ государыней.

Съ этой минуты государь не обращалъ вниманія ни на что, усердно кушалъ, запивая мадерой, своимъ любимымъ виномъ, и угощая двухъ своихъ сосѣдей, Гольца и сіявшую самодовольствомъ, счастливую, но гордую и высокомерную графиню Скабронскую.

Обѣдъ шелъ медленно и молчаливо, только раздавался шумъ посуды и приборовъ; этотъ шумъ покрывался веселымъ и визгливымъ голосомъ государя. Взоры вѣхъ присутствующихъ почти не покидали конца стола; но по мѣрѣ того, какъ государь дѣлался разговорчивѣе, Гольцъ становился пасмурнѣе и все чаще взглядывалъ черезъ столъ на принца Жоржа. Маргарита тоже чувствовала себя неловко, и въ душѣ она не рада была, что сѣла на это мѣсто.

Наконецъ, не дождавшись послѣднихъ блюдъ, государь поднялъ бокалъ съ венгерскимъ и громко провозгласилъ тостъ—за здоровье императорской фамиліи!

Всѣ поднялись на ноги, гремя стульями и при громкихъ кликахъ; одна государыня осталась на мѣстѣ.

Петръ Ѳедоровичъ вдругъ вскочилъ съ мѣста, сильно покраснѣлъ и, обернувшись къ стоящему за его стуломъ Гудовичу, говорилъ:

— Поди, спроси у нея зачѣмъ она не встаетъ?

Гудовичъ видимо колебался.

— Ну, ну, живѣй! любопытно, что она отвѣтитъ?

Государь сѣлъ, всѣ опустили тоже на мѣста. Но всѣ глядѣвшіе на государя, когда онъ обернулся къ Гудовичу, теперь слѣдили глазами за фаворитомъ.

Гудовичъ, наклонясь, тихо передалъ что-то государынѣ и, получивъ ея спокойный, но нѣсколько удивленный отвѣтъ, медленными шагами обошелъ опять столъ и также, наклонясь надъ стуломъ государя, заговорилъ шепотомъ.

— Громче, громче! нечего шептаться! воскликнулъ государь.

— Ея величество приказали сказать, не твердымъ голосомъ произнесъ Гудовичъ, — что такъ какъ императорская фамилія состоитъ изъ государя, государыни и отсутствующаго наслѣдника престола, то она не сочла нужнымъ вставать.

— Императорская фамилія состоитъ не изъ трехъ лицъ, воскликнулъ Петръ Оелоровичъ, — а изъ пяти лицъ, даже болѣе. Принцъ Георгъ Голштинскій и принцъ Голштейнбергскій съ своими семьями принадлежать тоже къ императорской фамиліи, и она должна это знать. Поди скажи, что она дура.

Гудовичъ остолбенѣлъ, и всѣ близъ сидящіе нѣсколько смутились. Гольцъ, тоже смущенный, заговорилъ что-то государю, но онъ не слышалъ.

— Стунай, скажи! Да нѣтъ, вскрикнулъ вдругъ Петръ Оелоровичъ, — пожалуй надуешь.

И, обернувшись быстро въ ту сторону, гдѣ сидѣла государыня, онъ выговорилъ громко черезъ столъ:

— Ты дура!..

Это слово магически подѣйствовало на всю залу. Наступило гробовое молчаніе и полная тишина; ни одинъ голосъ не слышался, ни вилка, ни ножикъ не стукнули по тарелкѣ, никто даже не кашлянулъ. Будто всякій затаилъ дыханіе! И среди этого гробового молчанія въ огромной залѣ, гдѣ сидѣло нѣсколько сотъ человѣкъ... послышался сдержанный плачъ! Государыня сидѣла, закрывъ лицо платкомъ. Эта внезапная и мертвая тишина будто накрыла все какимъ-то тяжелымъ покровомъ и гнетомъ лежала надъ всѣмъ и надо всѣми. Но вдругъ государь поднялся на своемъ мѣстѣ и... провозгласилъ новый тостъ.

— За друга моего, учителя и покровителя, короля прусскаго!

И затѣмъ онъ прибавилъ по-французски:

— A la santé du roi, mon shaitre!

Послѣ сдержаннаго клика гостей, государь провозгласилъ третій тостъ за процвѣтаніе счастливаго мира, только что заключеннаго между двумя народами, русскимъ и нѣмецкимъ.

Онъ чокнулся съ Гольцемъ и затѣмъ, подѣловавъ его, началъ снова весело болтать. Но за столомъ отъ двухъ послѣднихъ тостовъ, а отчасти и отъ случая съ государыней, было попрежнему особенно тихо. Одинъ государь становился все веселѣе и оживленнѣе и громко говорилъ Гольцу, изъявляя надежду, что миръ съ Пруссіей будетъ вѣчный, что за его царствованіе Россія пойметъ какое благо миръ искренній и крѣпкій съ сильнымъ сосѣдомъ, что Пруссія, идя по стопамъ Фридриха, сдѣлается первой державой въ Европѣ, а если Россія будетъ слѣдовать его политической системѣ, то процвѣтетъ тоже и равно сдѣлается сильной державой.

— Вы и мы, воскликнулъ наконецъ государь, — когда Петра III и Фридриха II уже не будетъ на свѣтѣ, конечно, вы и мы, завоюемъ міръ. Имперія Маріи Терезіи будетъ уничтожена, стерта съ лица земли, французское королевство снизойдетъ на степень второстепеннаго государства.

Австрійскій посолъ Мерсій, издали слышавшій нѣмецкую рѣчь государя, обернулся къ гетману Разумовскому, сидѣвшему около него и выговорилъ:

— Спасибо за пожеланіе! Вашъ государь человѣкъ черезъчуръ откровенный.

Гетманъ лукаво усмѣхнулся.

— За столомъ держать языкъ за зубами мудрено...

VII.

Обѣдъ кончился. Государь поднялся изъ-за стола, всѣ послѣдовали его примѣру, и шумная толпа разошлась по многочисленнымъ комнатамъ дворца. Петръ Ѳеодоровичъ отправился въ свой кабинетъ, пригласивъ съ собой первыхъ сановниковъ и пословъ.

— Я васъ тамъ угощу такимъ виномъ, выговорилъ онъ, —

котораго на свѣтъ только десять бутылокъ осталось! Венгерское, которому около тысячи лѣтъ!

— О! воскликнулъ вдругъ Жоржъ, нѣсколько печально и пошатываясь, такъ какъ за столомъ успѣлъ малую толику хватить черезъ край.—Это невозможно, ваше величество, такого вина нѣтъ. Венгрія, тысячу лѣтъ тому назадъ не...

— А васъ я прошу, ваше высочество, и совѣтую... мнѣ никогда не противорѣчить. Я слишкомъ искусенъ на шпагахъ, чтобы мнѣ кто-нибудь смѣлъ давать... démenti.

Принцъ опѣшилъ, сконфузился, даже ротъ разинулъ.

— Впрочемъ, воскликнулъ вдругъ государь,—я забылъ, что вы по-французски не понимаете. Вы и не знаете, что такое un démenti. Во всякомъ случаѣ, прошу васъ вести себя осторожнѣе со мной, а то я могу васъ вызвать на дуэль... и уничтожить.

Никто изъ присутствующихъ не понималъ, шутить государь или нѣтъ, на столько серьезенъ и искрененъ былъ его голосъ.

Уже при выходѣ изъ залы, ему на глаза попалась фигура Строганова.

— А! воскликнулъ онъ.—Ты! Шутникъ! Убирайся вонъ! Хотя въ какое-нибудь изъ твоихъ помѣстьевъ! И ко двору носа не показывай. Чтобъ я тебя никогда не видалъ! Норр! Норр! Zum Teufel!..

Строгановъ поблѣднѣлъ, поклонился и пошелъ.

Государь снова послѣ этихъ словъ сталъ веселѣе и, обернувшись къ Жоржу, взявъ его подъ руку, ввелъ въ кабинетъ и, отведя въ сторону, выговорилъ:

— Ну, дядюшка, не обижайтесь, съ вами я пошутилъ. А вотъ что, въ эту ночь извольте лично арестовать жену и отправить ее въ Шлиссельбургъ.

— Ваше величество! воскликнулъ Жоржъ, всплеснувъ руками.—Бога ради! Это ужасно! Вы не можете себѣ представить, что произойдетъ во всемъ Петербургѣ, даже во всей Россіи. Это невозможно!

Жоржъ такъ потерялся, что даже хмѣль отчасти выскочилъ у него изъ головы.

— Пустяки! Дѣлайте, что я говорю...

— Не вѣрите, спросите у Гольца.

Жоржъ сталъ звать барона, но видя, что онъ не слышитъ, самъ пошелъ къ нему за помощью.

— Пустяки! Оставьте, завтра забудетъ, сказалъ Гольцъ какъ-то разсѣянно и будто думая о чемъ-то другомъ.

Въ это время кабинетъ сталъ наполняться лично приглашенными государемъ отвѣдать венгерскаго.

Черезъ часъ въ кабинетѣ государя было настолько весело, что вѣроятно онъ былъ правъ, когда говорилъ, что его венгерскому тысяча лѣтъ. Только три небольшія бутылки были опорожнены гостями, но смѣхъ, шумъ, шутки далеко разносились по сосѣднимъ горницамъ.

Нѣкоторымъ лицамъ, которыя еще не были въ кабинетѣ государя, послѣ его переѣзда въ новый дворецъ, онъ показывалъ разныя мелочи и, между прочимъ, пару новыхъ эскадроновъ, полученныхъ изъ Берлина.

Наконецъ, государь развеселился настолько, что велѣлъ снова подать шипучаго венгерскаго. Когда всѣ бокалы были наполнены, онъ вызвалъ всѣхъ за собой въ свою спальню и, ставъ передъ портретомъ Фридриха, который висѣлъ надъ его кроватью, говорилъ, поднимая руку съ бокаломъ:

— Пью за твое здоровье, великій человѣкъ, мудрецъ и геній, другъ и учитель, отнынѣ покровитель мой! И чтобъ доказать вамъ, господа, вдругъ воскликнулъ государь, — насколько я люблю и уважаю этого человѣка, смотрите! А вы, бароны, напишите ему, больше я сдѣлать не могу.

Государь вдругъ упалъ на колѣни, вытянулъ руку съ бокаломъ къ портрету, а затѣмъ осушилъ его до дна.

— Виватъ! воскликнулъ онъ, вставая.

— Виватъ! воскликнули всѣ и громче всѣхъ Жоржъ и Гольцъ.

— Еще, еще! воскликнулъ Жоржъ. — Наливайте! Я тоже хочу... Я тоже сейчасъ хочу на колѣни, бурчалъ принцъ Жоржъ, уже сильно захмѣлѣвшій.

— Нѣтъ, не позволю! крикнулъ государь: — вы недостойны этого!

— Какъ недостойны!? воскликнулъ Жоржъ запальчиво. — Какъ это... недостойны?

— Молчите! Я вамъ говорю, вы недостойны! Ставь на колѣни и подражая мнѣ, вы унижите мой поступокъ. Да и для Фридриха... что вы такое?..

Жоржъ вдругъ обидѣлся чрезъ мѣру и побагровѣлъ. Если-бъ не Гольцъ, появившійся между спорящими, то Богъ знаетъ, что произошло бы вдругъ.

Между тѣмъ, на дворѣ все темнѣло. Набережная вокругъ дворца уже давно начала покрываться густыми толпами народа. Противоположный берегъ за Невой тоже шумѣлъ и гудѣлъ, заливаемый волнами веселаго любопытнаго люда.

Всѣ ожидали давно заготовленнаго фейерверка, который былъ устроенъ на мысу Васильевского острова, выдающагося противъ дворца. На площади и набережныхъ, затѣсненные густой толпой стояли уже давно, не имѣя возможности двинуться, нѣсколько экипажей. Вся рѣка была унижена лодками, барками и всякаго рода челноками, тоже переполненными зѣваками. Огня дворца и въ особенности большой залы, гдѣ былъ обѣдъ и предполагался вечеромъ балъ, ярко освѣщали толпу, сплошь наполнявшую всю набережную.

Наконецъ, на углу Васильевского острова вспыхнулъ букетъ изъ нѣсколькихъ сотенъ ракетъ и тотчасъ же, среди возстановившейся тьмы, зажглись въ двухъ разныхъ концахъ на Невѣ и на Невкѣ двѣ гигантскія фигуры, въ которыхъ болѣе просвѣщенные изъ публики узнали символическое изображеніе Россіи и Пруссіи. Обѣ сіяющія фигуры двинулись, пошатываясь, и сошлись у края острова. Въ ту же минуту между ними загорѣлся высокій щитъ, изображавшій жертвенникъ. Двѣ огромныя фигуры протянули надъ жертвенникомъ руки и послѣ этого символическаго дружескаго пожатія стали тухнуть. А на островѣ вспыхнулъ и загорѣлся, протянувшись далеко въ обѣ стороны, цѣлый рядъ арокъ, колоннъ, порталовъ и шпицовъ, сверкающихъ разноцвѣтными огнями; это было феерическое и великолѣпное зданіе, долженствовавшее изобразить храмъ мира.

Фейерверкъ продолжался долго. Когда на Васильевскомъ островѣ прогорѣли всѣ щиты, то на самой Невѣ стали появ-

ляться плавучія фигуры, которыя зажигались и, медленно скользя, спускались по рѣкѣ. Когда рѣка и обѣ набережныя были особенно ярко освѣщены разноцвѣтными огнями, въ концѣ набережной, не далеко отъ дворца принца Жоржа, гдѣ было менѣе народа и гдѣ экипажи могли двигаться, стояла на берегу большая колымага, запряженная цугомъ лошадей. Въ эту минуту, мимо нея шагомъ двигалась небольшая берлина, и въ ней сидѣли два офицера, преображенецъ и кирасиръ. Они о чемъ-то спорили громко, но интонація ихъ голосовъ была странная, будто они шутили, а не сердились. Въ колымагѣ была княжна Василекъ, пріѣхавшая посмотрѣть фейерверкъ въ сопровожденіи одного Квасова. Въ ту минуту, когда легкая берлина поровнялась съ колымагой, Василекъ невольно высунулась въ окно, ахнула и снова скрылась. Она, конечно, сразу по одному голосу узнала этого преображенца, а яркій букетъ, загорѣвшійся на островѣ, позволилъ ей разглядѣть обоихъ офицеровъ и обоихъ узнать. Но она не повѣрила себѣ и, обернувшись къ Квасову, рѣшилась вымолвить слегка дрожащимъ голосомъ.

— Съ кѣмъ же онъ?

— Да съ ней же! отозвался Квасовъ.—Я ужъ во второй разъ вижу ее въ офицерскомъ одѣяніи. Шальная, что жъ ей! Ей все святыя, она хоть трубочистомъ нарядится. И какъ это позволяютъ? Арестовать бы ее?

Василекъ ничего не сказала и глубоко задумалась, а чрезъ минуту приказала кучеру ѣхать шагомъ домой. Колымага повернула и тихо двинулась черезъ площадь къ Невскому проспекту. Квасовъ тоже молчалъ и только косился на свою спутницу.

А въ берлину, двигавшейся по набережной, длился веселый разговоръ и смѣхъ. Шепелевъ и Маргарита говорили по нѣмецки, чтобы не быть понятыми кучеромъ и окружающей толпой. Они шутили на счетъ того, что Маргарита поставила въ гостиной съ куполомъ огромный шкафъ, будто бы для своихъ платьевъ, а въ сущности затѣмъ, чтобы прятать юношу, когда къ ней пріѣзжали неожиданные гости. И уже разъ шесть высидѣлъ Шепелевъ въ огромномъ шкафу и однажды даже часа

два не могъ быть освобожденъ, благодаря долгому визиту стараго Іоанна Іоанновича. Шепелевъ жаловался только, что благодаря величинѣ шкафа и массѣ платьевъ онъ не могъ ни видѣть, ни слышать, того, что происходитъ въ горницѣ.

Фейерверкъ давно былъ сожженъ... Вся столица уже спала, а берлина съ двумя офицерами, все еще тихо колесила по окраинамъ Петербурга. Наконецъ. Маргарита завезла юношу на его квартиру, пробыла у него далеко за полночь и вернулась домой полусонная.

И въ этотъ разъ она потребовала у Лотхенъ двойную порцію своего любимаго, но убійственнаго питья.

Новыя отношенія юноши и красавицы были теперь, конечно, таковы, что они потеряли счетъ времени, днямъ и часамъ. Они не помнили себя и не думали ни о чемъ болѣе, какъ только видаться чаще, видаться отъ зари до зари. Шепелевъ былъ, конечно, безъ ума влюбленъ въ красавицу. Да это было и не мудрено! Можно было и не юношѣ потерять разсудокъ отъ таковой женщины, какъ Маргарита. Она же, съ своей стороны, ребячески отдалась странной прихоти и, казалось, была еще болѣе ребенокъ чѣмъ онъ. Неосторожность Маргариты по отношенію къ любовнику совершенно не согласовалась съ ея тайными помыслами, мечтами и планами, составленными вѣрнымъ союзникомъ Гольцемъ.

Пруссакъ легко заставилъ молчать оскорбленнаго шлезвигца, но сама Маргарита себя выдавала постоянно. Ежедневно общалась она Гольцу быть осторожнѣе и продолжала дѣйствовать какъ бы въ опьяненіи.

Только съ дѣдомъ довольно искусно вела она игру. Іоаннъ Іоанновичъ то обижался, дулся на внучку, сидѣлъ дома, то снова прощалъ ее, заискивалъ и ухаживалъ за ней, вѣря ея обѣщанія.

Вообще же между красавицей кокеткой и четырьмя обожателями была видимая путаница въ отношеніяхъ, такая же путаница, какая была и въ душѣ Маргариты. Она говорила себѣ ежедневно:

— Покуда пускай такъ!.. А тамъ видно будетъ!.. Авось я не упаду среди моихъ маріонетокъ.

Юношей красавица, разумѣется, забавлялась, какъ игрушкой, чувствуя, что когда-нибудь она эту новую милую игрушку все-таки разобьетъ... ломаетъ. Теперь начинала сказываться только одна вещь, удивлявшая обоихъ... Имъ не о чемъ было говорить! Часто цѣлые вечера приходилось молчать и только любоваться другъ на друга. Между ними оказывалось мало общаго.

Сначала они до сотни разъ говорили все о маскарадѣ Гольца, о томъ, какъ искусно Маргарита разыграла роль „Ночи“, явившись на балъ въ двухъ костюмахъ и одѣвъ кармелиткой Лотхенъ, чтобы обмануть и Шепелева, и публику. Сначала Маргарита часто рассказывала любовнику всю свою жизнь... искренно, правдиво, описывала свои путешествія до и послѣ замужества...

Но все это было скоро исчерпано! И часто, и все чаще, приходилось послѣ поцѣлуя... сидѣть, глядѣть другъ на друга и молчать!..

Юноша былъ все-таки счастливъ. Но Маргарита думала:— „Однако... какъ все это странно... даже глупо... Ну вотъ и все!.. А потомъ что же“?!

VIII.

Однажды вечеромъ, въ ясную лунную ночь, когда Гарина была уже въ постели, Василекъ въ своей горницѣ усердно и печально молилась на колѣняхъ передъ своимъ кѣотомъ. Ей было со дня празднества и фейерверка особенно тяжело. Настя въ своей комнатѣ сидѣла недвижимо у открытаго окна, не смотря на свѣжесть ночи и, казалось, давно замерла подъ гнетомъ своей думы о томъ,—въ чемъ еще боялась сознаться себѣ самой и виновнику его, т. е. князю Глѣбу. Среди затишья ночи и тишины въ окружающихъ домъ пустыряхъ, на дворѣ вдругъ послышался стукъ экипажа, топотъ лошадей и голоса. Люди, на половину уже спавшіе, на половину ужинавшіе и собиравшіеся тоже спать,—повскакали на ноги.

Ночные посѣтителы не столько испугали всѣхъ, сколько изумили. Никогда еще ничего подобнаго не бывало въ домѣ. Василекъ слишкомъ горячо молилась, чтобы услышать этотъ шумъ, Настю слишкомъ угнетала ея тяжелая дума; одна Пелагея Михайловна слышала этотъ шумъ на дворѣ, но это было на столько невѣроятно, что она протерла себѣ глаза, чтобы убѣдиться, не снится-ли ей весь этотъ гвалтъ во снѣ.

Шумъ въ домѣ все росъ, раздались шаги на большой лѣстницѣ, затѣмъ раздались въ корридорѣ, уже не шаги, а бѣготня десятка человѣкъ и крики. Если бы шайка грабителей ворвалась въ домъ, то, конечно, переполохъ былъ бы не большій.

Настя, еще одѣтая, и Василекъ, раздѣтая на половину, выскочили обѣ тоже въ корридоръ. Гарина сѣла на постели и даже перекрестилась. Нѣсколько мгновений ломала она себѣ голову, чтобы придумать, что могло быть, и ничего не придумала.

Наконецъ, въ комнату влетѣла Василекъ и, задохнувшись, замахала руками... Она хотѣла что-то сказать тетѣ, но опустилась на кресла и, если не лишилась сознанія, то лишилась способности произнести хоть одно слово.

А въ корридорѣ шумъ увеличивался и приближался къ горницѣ Гариной. И вдругъ Пелагея Михайловна, глядѣвшая въ растворенную Василькомъ дверь, вскрикнула, какъ если бы ее ударили ножомъ.

Въ дверяхъ показался совершенно незнакомый кирасиръ. Черезъ нѣсколько секундъ появленіе ночныхъ посѣтелей объяснилось и, какъ громъ, поразило всѣхъ въ домѣ. Офицеръ съ двумя конными явился арестовать госпожу Гарину и двухъ княженъ Тюфякиныхъ.

Всѣ три женщины совершенно помертвѣли отъ страха. Первая, припешная въ себя, Василекъ обратилась къ незнакомому кирасиру съ вопросомъ:

— Не ошибаетесь-ли вы? Насъ-ли?

Офицеръ съ нѣмецкимъ акцентомъ объяснилъ, что ошибки нѣтъ никакой.

— Да за что же? вымолвила Василекъ. — По чѣму приказанію?

— По приказанію изъ канцеляріи, по приказу Гудовича, а за что собственно, вамъ лучше знать!

— Намъ?.. Но мы ничего не знаемъ...

— Странно... Впрочемъ всегда, всё такъ говорятъ. Я только слышалъ, что вы кого-то ограбили. Вашъ братецъ уже арестованъ.

При этихъ словахъ Настя, стоявшая недалеко отъ офицера, вскрикнула и упала на полъ безъ чувствъ. Крики и вопли людей, плачь, сумятица продолжались около полу-часа.

Одна княжна Василекъ понемногу стала совершенно спокойна, только вѣчно ясные, добрые глаза ея, быть можетъ, въ первый разъ за все ея существованіе были холодно-злобны. Она медленно, спокойно, сдержанно и говорила и распоряжалась. Сначала привела она въ чувство сестру, потомъ стала помогать тетѣ одѣваться.

— Не тревожьтесь. Полноте! Не кричите! Не плачьте! повторяла она всѣмъ:—бѣды никакой нѣтъ. Мы знаемъ, что ни въ чемъ не виновны. Тутъ ошибка какая-нибудь. Только срамъ будетъ великъ, а бѣды никакой нѣтъ.

Офицеръ хотѣлъ посадить всѣхъ трехъ на большую телѣжку, въ которой пріѣхалъ. Василекъ стала просить его позволить имъ ѣхать въ своей каретѣ.

— Смотря по тому, какихъ коней впрягутъ, холодно сказалъ офицеръ.—Если плохіе кони—можно; а на хорошихъ нельзя, а то вы у насъ изъ виду ускачете.

Однако, въ концѣ концовъ, офицеръ все-таки позволилъ ѣхать женщинамъ въ своемъ собственномъ экипажѣ.

Черезъ часть времени послѣ появленія кирасира и переполоха въ домѣ карета Тюфякиныхъ, запряженная цугомъ, тихъ двинулась среди ночной тишины. На козлахъ сидѣлъ одинъ кирасирскій солдатъ, а около кареты ѣхали верхомъ офицеръ и еще два солдата.

Путешествіе это продолжалось долго, такъ какъ арестованныхъ прямо везли въ канцелярію Гудовича. По крайней мѣрѣ имъ не пришлось срамиться и ѣхать днемъ черезъ весь городъ. Арестованные были тотчасъ заперты въ большую горницу дворянскаго отдѣленія.

*

Опекунша, казалось, лишилась всех чувствъ и сознанія окружающаго и всего совершающагося съ нею. Настя глядѣла косо, холодно и злобно. Одна Василекъ была совершенно спокойна, немного грустна и еще нѣжнѣе обращалась съ теткой и съ сестрой.

„Бѣды не будетъ! Господь не попуститъ правымъ пострадать!“ крѣпко вѣрила и думала Василекъ. „Но срамъ великъ... Тѣ же арестантки“...

На утро Пелагею Михайловну позвали первую къ допросу, затѣмъ обѣихъ княженъ. Гудовичъ обходился со всѣми тремя вѣжливо, но всѣ три женщины вернулись съ допроса смущенныя. Всѣмъ тремъ показалось, что ихъ умышленно хотятъ во что бы то ни стало запутать въ дѣло, о которомъ онѣ не имѣли никакого понятія. Изъ допросовъ онѣ поняли, что ихъ подозреваютъ въ кражѣ чего-то... Имъ не сказали даже въ чемъ дѣло. Ихъ спрашивали о разныхъ непонятныхъ имъ вещахъ. У Гариной долго допытывались, знаетъ-ли она бриллианщика Позье... Бывала-ли на квартирѣ Глѣба? Есть-ли у нея знакомые жида?...

Между тѣмъ, дѣло было самое простое. Вѣчно сонный лакей князя Егора, продержавъ футляръ съ недѣлю у себя, пошелъ, наконецъ, шататься изъ магазина въ магазинъ, продавая этотъ красивый, пунцовый ларецъ отъ неизвѣстной ему вещи. Наконецъ, онъ зашелъ и въ лавку нѣмца, пріятеля Позье, который давно зналъ исторію пропажи букета, а когда-то видѣлъ у Позье и букетъ, и футляръ. Разумѣется, Егоръ тотчасъ же былъ схваченъ и признался, что нашелъ вещь въ печи, куда ее кто-то запряталъ, вѣроятно, самъ баринъ...

Гудовичъ сразу догадался, когда именно князь его обокралъ. Онъ вызвалъ его къ себѣ и прямо поставилъ вопросъ и предложеніе:

— Гдѣ букетъ?.. Или кнутъ и Сибирь!

Пораженный внезапнымъ раскрытіемъ своего преступленія и своей сокровенной тайны, Тюфякинъ чуть не лишился чувствъ и тотчасъ же сознался во всемъ...

По дорогѣ въ Митаву былъ тотчасъ же посланъ фельдъегерь въ догонку за жидомъ.

Князь ни слова не сказалъ про сводныхъ сестеръ и тетку. Онъ даже самъ забылъ о нихъ подъ ударомъ, его постигшимъ. Гудовичъ не считъ нужнымъ ихъ спрашивать, какъ свидѣтельница, но въ канцеляріи нашлись люди, „приказныя півки“, наслѣдіе еще Бироновыхъ временъ, которые убѣдили лѣниваго и безхарактернаго Гудовича притянуть къ дѣлу богатыхъ княженъ и ихъ богатую опекуншу, не какъ свидѣтельница, а участница преступленія. И Гудовичъ согласился... Одинъ изъ главныхъ воротилъ канцеляріи, родомъ мордвинъ, но статскій совѣтникъ и кавалеръ, намѣтилъ Тюфякиныхъ и началъ, какъ паукъ, раскидывать паутину... А наивный Гудовичъ ничего не видѣлъ. Даже Гольцу, захавшему утромъ, показался страннымъ допросъ княженъ. Самъ князь Глѣбъ, узнавъ про арестъ сестеръ, былъ въ негодованіи и рѣзко, дерзко выговаривалъ Гудовичу, что одинъ онъ виноватъ, и что сестры слишкомъ богаты, чтобы воровать. Однако, послѣ перваго допроса и Гарина, и княжны были оставлены для дальнѣйшаго разслѣдованія дѣла!..

На утро, черезъ нѣсколько часовъ послѣ ареста княженъ и опекунши, Квасовъ, по обыкновенію, отправился пѣшкомъ къ своимъ новымъ друзьямъ.

Когда онъ вошелъ во дворъ, то увидалъ кучку людей, сидѣвшихъ на скамеечкахъ, около флигеля. Всѣ они сразу повскакали съ мѣстъ и бросились на встрѣчу къ доброму барину Акиму Акимовичу, котораго всѣ успѣли полюбить. Они обступили Квасова, предполагая, что онъ все знаетъ, и стали разспрашивать о господахъ. Что съ ними? живы-ли они, что съ ними будетъ и за что такая бѣда?!

Квасовъ, ничего еще не понявшій вполне, стоялъ, какъ громомъ пораженный, почуявъ несчастіе. Разспросивъ людей въ свой чередъ подробно о ночномъ арестѣ Гариной и княженъ, Квасовъ не вымолвилъ ни слова, кое-какъ доплелся до ближайшей скамейки и тяжело опустился на нее. Онъ чувствовалъ, что не устоитъ на ногахъ.

Люди окружили его, и снова наступило мертвое молчаніе. За что были арестованы господа, люди, конечно, не знали и многіе изъ нихъ, уже пожилые, помнившіе царствованіе Анны Іоанновны, рѣшили дѣло по своему.

— „Языкъ“ опять пошелъ ходить, говорили они:— „слово и дѣло“ кто-нибудь сказалъ на барышень и на барыню.

Наконецъ, Квасовъ какъ-бы пришелъ въ себя.

— Есть у васъ какая телѣжка? вымолвилъ онъ.— Коли есть, запрягай скорѣй, поѣдемъ въ городъ разузнавать и хлопотать, а пѣшкомъ и до вечера ничего не сдѣлаешь.

Главный кучеръ Тюфякиныхъ бросился къ конюшнѣ, и черезъ четверть часа Квасовъ уже выѣзжалъ со двора на лучшемъ рысакѣ княженъ.

Прежде всего Акимъ Акимовичъ вернулся въ полкъ и отправился разспрашивать всѣхъ старшихъ офицеровъ, имѣвшихъ связи въ городѣ. Всякій передавалъ ему по своему про неожиданный арестъ бывшего преображенца Тюфякина и всякій предполагалъ затѣмъ уже прямымъ послѣдствіемъ его и арестъ родственницъ, сестеръ и тетки. Вѣсти были разнорѣчивы.

Квасовъ увидѣлъ, что истины добиться невозможно. Онъ уже рѣшилъ ѣхать прямо въ канцелярію Гудовича, добиться свиданія съ арестованными, чтобы разспросить у нихъ въ чемъ дѣло.

„Не допускать! подумалъ онъ. Все попробую, съѣзжу“. И въ совершенномъ отчаяніи, лейбъ-компанецъ вышелъ на улицу и снова сталъ садиться въ телѣжку.

Въ эту минуту на ротный дворъ возвращался верхомъ Баскаковъ. Оба офицера были давнымъ-давно, если не враги, то въ очень холодныхъ, натянутыхъ отношеніяхъ. Квасовъ не долбилъ Баскакова, какъ близкаго друга буяновъ Орловыхъ и вдобавокъ чловѣка, часто дарящаго и угощающаго солдатъ безъ всякой видимой цѣли. Баскаковъ, съ своей стороны, не любилъ Квасова за его безпощадныя отношенія къ солдатамъ. За послѣднее время, однако, Баскаковъ сдѣлался съ Квасовымъ любезнѣе и снова раза два приглашалъ его отъ имени Алексѣя Орлова на ихъ вечеринки. Орловымъ былъ теперь положительно нуженъ лейбъ-компанецъ, игравшій одну изъ самыхъ видныхъ ролей въ дни переворота въ пользу покойной государыни.

Квасовъ, завидя теперь Баскакова, вдругъ рѣшился обратиться къ нему, но тотъ предупредилъ его.

— Что съ вами, Акимъ Акимовичъ? На васъ лица нѣтъ! Квасовъ объяснился и прибавилъ:

— И ничего не добьешься, никакого толку, всякій рассказываетъ на свой ладъ. Не знаешь, что и дѣлать!

— Такъ вы бы прямо ко мнѣ обратились, усмѣхнулся Баскаковъ.—Я все дѣло знаю! Этотъ поганый князёкъ укралъ обманомъ брилліантовую вещь въ нѣсколько тысячъ и оговорилъ тетку и сестеръ.

— Господи! воскликнулъ Квасовъ.—Убилъ-бы я собаку! Да неужто жъ въ канцеляріи не разберутъ праваго отъ виноватаго?

Баскаковъ пожалъ плечами.

— Мудрено. Для этого нужно попросить! А такъ Гудовичъ по своей лѣни всѣхъ подъ одинъ законъ подведетъ. Да вы чего же тревожитесь, у васъ есть ходы, есть кого попросить, и все дѣло устроится.

— Кого же? воскликнулъ Квасовъ.

— Полно, Акимъ Акимовичъ, притворяться, укориженно выговаривалъ офицеръ.—У васъ за одинъ мѣсяцъ покровитель, какъ грибокъ послѣ дождя, выросъ.

— Да, кто? кто? вопилъ Квасовъ на всю улицу.

— Да племянникъ вашъ, Шепелевъ! Вѣдь дѣло-то затѣяно прусскимъ посломъ и графиней Скабронской, для которой онъ брилліанты эти и заказывалъ. Ну, а вашъ племянникъ, кажись, не только днюетъ, а и ночуетъ у этой полоумной графини. Такъ, чего же проще?

Квасовъ онѣмѣлъ отъ изумленія при этомъ открытіи. Онъ стоялъ неподвижно, глядя въ лицо Баскакова, и долго не могъ выговорить ни слова.

— Поѣзжайте къ племяннику и, смотрите, все уладится. Вамъ бы ближе знать все это, а вы не знаете; а вотъ Орловы, да и всѣ мы отлично знаемъ, кого съ кѣмъ въ столицѣ чертъ веревочкой перевязаль.

Квасовъ не слушалъ, а все думалъ и думалъ. Наконецъ, онъ выговорилъ вслухъ то, что вертѣлось у него въ головѣ.

— Да ѣхать-ли?

— Куда? Къ племяннику-то?

— Да. Ъхать-ли?

— Ну, ужъ это ваше дѣло!

Баскаковъ вошелъ на ротный дворъ. Квасовъ нерѣшительно полѣзъ въ телѣжку. Гордость его не позволяла ему ѣхать съ поклономъ къ племяннику, къ „поросѣ“, съ которымъ онъ поссорился, который его даже оскорбилъ.

— Поѣзжай шагкомъ, а я покуда на мысляхъ раскину, сказалъ онъ глухо кучеру.

Проѣхавъ одну улицу, Квасовъ велѣлъ остановить лошадь, онъ окончательно не зналъ, что дѣлать.

— Нѣтъ, ужъ вы, Акимъ Акимовичъ, будьте благодѣтель, выговорилъ кучеръ, слышавшій разговоръ двухъ офицеровъ.— Хоть и не охота вамъ, а поѣзжайте къ Митрію Митричу. Подумайте, мы съ вами вотъ по городу колесимъ, а наши княжны теперь на хлѣбѣ и на водѣ сидятъ, а, можетъ быть, ихъ и пытаются каленымъ желѣзомъ. Хоть для Василисы Андреевны будьте благодѣтель. Она нашъ Ангелъ Хранитель... Для Василисы Андреевны!

И эти три послѣднія слова вдругъ заставили Квасова вздрогнуть, и онъ воскликнулъ:

— Пошелъ! А самъ невольно подумалъ: „Для Василисы Андреевны! Для нея, моей неощенной, не то что къ поросенку этому поѣду, а хоть въ Невѣ утоплюсь!“

IX.

И черезъ нѣсколько минутъ Квасовъ входилъ въ маленькую, но красивую квартиру Шепелева. Въ обыкновенное время, онъ бы, конечно, оглядѣлся кругомъ себя и замѣтилъ бы роскошную обстановку, но теперь ему было не до того.

„Какъ-то приметь меня? Что скажетъ?“ робѣлъ Квасовъ за свое самолюбіе.

Деньщикъ Шепелева пошелъ доложить барину о пріѣздѣ Квасова, и, прежде чѣмъ Акимъ Акимовичъ успѣлъ переступить порогъ изъ столовой въ гостинную, онъ услышалъ быстрые шаги. Юноша бѣгомъ летѣлъ къ нему на встрѣчу и черезъ мгновеніе повисъ у него на шеѣ.

— Голубчикъ, дяденька! Родной мой! Вотъ подарили!

И Шепелевъ въ порывѣ радости и восторга, что дядя первый его навѣстилъ, схватилъ его красную и жесткую руку и нѣсколько разъ поцѣловалъ ее съ чувствомъ.

Это движеніе юноши поразило Квасова въ самое сердце, или быть можетъ отъ нѣсколькихъ часовъ, проведенныхъ въ волненіи, сердце матераго лейбъ-компанца наболѣло. И теперь онъ не выдержалъ, слезы вдругъ полились по его суровому лицу. Шепелевъ схватилъ его за руки и потащилъ въ крайнюю горницу, спальню.

Квасовъ собирался сказать ему, входя въ домъ, что онъ не мириться пріѣхалъ, а просить заступиться за семейство, которое всегда считалось родней и друзьями его отца, и съ которымъ онъ чуть-чуть самъ не породнился. Но теперь Акимъ Акимовичъ молчалъ и на благодарность Шепелева за этотъ первый шагъ не отвѣчалъ ничего.

— Я бы самъ давно къ вамъ пришелъ прощенія просить, да боялся, думалъ, разсержу еще пуще. Вотъ какъ передъ Господомъ Богомъ правду говорю! восклицалъ Шепелевъ.—Простите меня! И вина моя не великая! Я вамъ все расскажу, ничего не скрою.

— Ну, слушай, пороса, мягко выговорилъ Квасовъ:—послѣ поговоримъ обо всемъ, а теперь времени терять нельзя. Отвѣчай мнѣ по совѣсти, кто тебя одарилъ и въ офицеры вывелъ въ одинъ мѣсяцъ? Правда-ли, что Скабронская? Не ради пустого любопытства, а ради дѣла спрашиваю.

— Правда, правда, дядюшка! Что жъ тутъ за грѣхъ? Она первая красавица въ городѣ. А вы знаете, на счетъ какихъ старыхъ вѣдьмъ наши-же офицеры живутъ.

— Знаю, не въ томъ дѣло, перебилъ Квасовъ.—Стало-быть можешь ты... Захочетъ она для тебя заступиться за невинныхъ?

— Еще бы! воскликнулъ Шепелевъ.

И Квасовъ рассказалъ племяннику то, что слышалъ отъ Баскакова.

Шепелевъ, конечно, узналъ наканунѣ отъ Маргариты о мошенничествѣ и арестѣ князя Глѣба, но судьба, постигшая все

семейство, была для него новостью. Онъ вскочилъ съ мѣста и всплеснулъ руками. Квасовъ, было, продолжалъ разсказъ, но юноша замахалъ руками.

— Полноте, дядюшка, что вы, чего тутъ объяснять! Я ихъ лучше васъ знаю. Мало того, что постараюсь сдѣлать все, а впередъ вамъ говорю, что, пожалуй, къ вечеру же ихъ и выпустятъ. Ёдемъ сейчасъ.

— Куда?

— Ёдемъ къ Маргаритѣ!.. Къ графинѣ Скабронской, вдругъ вспыхнулъ Шепелевъ, поправившись.

— Какъ-же? Что ты! смутился Квасовъ.—Какъ-же я?

— Непремѣнно, сами ей все и расскажите.

Черезъ полчаса веселая, довольная, смѣющаяся Маргарита, какъ и всегда, красивая, изящно одѣтая, принимала у себя въ гостинной юношу и дико озирающагося лейбъ-компанца.

Акимъ Акимовичъ, всегда отличавшійся медвѣжьими ухватками, теперь сидѣлъ въ гостиной графини Скабронской совсѣмъ буквой.

Съ первыхъ же словъ Маргарита поняла все и рѣшила немедленно, чтобы Шепелевъ съ дядей посидѣли у нея, куда она съѣздитъ къ Гольцу узнать, что дѣлать.

— А вы не тревожьтесь, господинъ Квасовъ, прибавила она.—Не нынче-завтра всѣхъ освободятъ. Это дѣло совершенно просто. Я надѣюсь, что господинъ посланникъ самъ будетъ просить Гудовича, а то и государя освободить невинно пострадавшихъ.

Маргарита быстро собралась и вышла изъ дома.

За отсутствіемъ хозяйки Шепелевъ тихо разсказалъ дядѣ всю исторію своего сближенія съ графиней и затѣмъ снова попросилъ прощенія у дяди.

— Что-жь! развѣль руками Акимъ Акимовичъ.—Вотъ какъ посидишь около нея, такъ оно понятно. Въ сорочкѣ ты родился, что тутъ сказать! Красавица такая, что даже удивительно, почему она тебя, пороса, предпочла. Вѣдь не одинъ ты въ столицѣ. И даже для меня, пороса, это загадка! Или, можетъ быть, ты одинъ изъ двѣнадцати, изъ дюжины?

— Какъ? воскликнулъ Шепелевъ.

— Какъ! Извѣстно какъ... Если у нея васъ дюжина! Тогда легче попасть въ милость.

— Что вы, дядюшка, не грѣхъ-ли вамъ?!

— Можетъ быть, и грѣшу, да такъ по совѣсти сказываю. Бываетъ и это въ столицѣ. И, вѣстимо, никто изъ дюжины другъ дружку не знаетъ.

Маргарита вернулась домой менѣе довольная. Она объяснила Квасову, что не застала дома посла, увидить его на другой день и постарается все дѣло справиться.

Отпуская Квасова, она остановила Шепелева словами:

— Погодите, мнѣ надо съ вами перетолковать еще.

Шепелевъ остался и узналъ отъ Маргариты, что она застала Гольца дома, но привезла нехорошія вѣсти.

Гольцъ зналъ уже объ арестѣ семьи Тюфякиныхъ, зналъ даже подробности, присутствовалъ при одномъ изъ допросовъ и вынесъ полное убѣжденіе, что въ дѣлѣ кражи не было ничего общаго и не могло быть между князьями-богачами и ихъ своднымъ братомъ. Но Гольцъ подозрѣвалъ, что въ этомъ дѣлѣ, въ ихъ арестѣ есть какія-то тайныя пружины.

— Гольцъ думаетъ, закончила Маргарита, — что ихъ арестовали нарочно. И что онѣ не отвертятся; ихъ соплотъ въ ссылку ради того, чтобы отписать все ихъ большое состояніе на казну. А, затѣмъ, государь подарить его кому вздумается.

— Кому же? изумился Шепелевъ.

— Извѣстно, судьямъ, ихъ судившимъ.

— Что вы! какъ это можно! воскликнулъ Шепелевъ.

— Это, мой милый, практикуется въ Россіи уже со временъ императора Петра II, съ легкой руки Меншикова, который первый получилъ богатые помѣстья, отписанныя у ссыльныхъ.

— Да, но Гудовичъ и Нарышкинъ не такіе люди, замѣтилъ Шепелевъ.

— Не знаю. Такъ думаетъ Гольцъ. Въ всякомъ случаѣ, я вамъ обещаю сдѣлать все. Завтра государь будетъ утромъ въ гостяхъ у барона, и я поѣду, чтобы встрѣтить его... какъ будто нечаянно...

Маргарита вымолвила это съ такимъ страннымъ оттѣнкомъ

въ голосѣ и, притомъ, такъ быстро взглянула въ лицо Шепелева и отвелъ глаза, что юноша вдругъ будто оробѣлъ чего-то. Онъ стоялъ неподвижно и пытливо глядѣлъ въ лицо красавицы.

— У Гольца! выговорилъ онъ, наконецъ.—И мы у Гольца въ первый разъ сошлись...

— Что ты хочешь сказать? Ты съ ума сошелъ!..

— Нѣтъ... Все можетъ быть съ такой, какъ ты... красавицей.

Маргарита разсмѣялась, но какъ-то неестественно.

— Этого не доставало, чтобы ты меня ревновалъ ко всѣмъ и, наконецъ, даже къ государю!

— Нѣтъ, не ко всѣмъ и не „наконецъ“ къ государю. А прежде всего къ нему! воскликнулъ Шепелевъ.—Ты честолюбива, Ужь это не въ первый разъ приходитъ мнѣ на умъ. Всѣ говорятъ, что не даромъ ты стала придворной дамой послѣ ма-скарада.

— Если вамъ угодно, господинъ офицеръ, полушутя произнесла Маргарита,—то я завтра не поѣду къ посланнику, но тогда ваша бывшая невѣста и все семейство поѣдутъ въ ссылку. Это единственное средство спасти ихъ. Я расскажу сама подробно все государю, даже намекну ему о причинѣ, по которой хотятъ запутать Тюфякиныхъ. Я не боюсь сказать это, а онъ прямо-душень и добръ! Если онъ будетъ знать истину и повѣрить,—а я знаю, что онъ мнѣ повѣритъ,—то Тюфякины будутъ освобождены сейчасъ-же. Завтра-же вечеромъ онъ будутъ дома и счастливы. Но если вы, господинъ ревнивый младенецъ, изъ глупаго подозрѣнія, хотите пожертвовать цѣлой семьей, то какъ вамъ угодно. Я буду повиноваться. Для меня Тюфякины никто, а ихъ даже не видала.

— Поѣзжайте! глухо выговорилъ Шепелевъ.—Я не мужъ, но... прибавилъ онъ и запнулся.—Я теперь же скажу то, что уже нѣсколько дней мнѣ спать не даетъ, преслѣдуетъ меня и день, и ночь. Пойми, что если когда-нибудь я узнаю и замѣчу... Пойми, Маргарита! Услышу что-нибудь... если будетъ поводъ... Однимъ словомъ, если ты меня обманешь, то помни, Маргарита, это будетъ пахнуть смертью. И самъ я себя убью, но прежде тебя.

Маргарита начала хохотать, вскинула ему руки на плечи и стала цѣловать его. Но юноша поблѣднѣлъ, взглянулъ на нее сверкающими глазами и выговорилъ:

— Да ты не вѣришь? Божусь тебѣ всѣми святыми, что я не шучу, не страшаю, зря... Это я давно рѣшилъ!

— Вѣрю, вѣрю! Но этого никогда не будетъ! вослигнула Маргарита, но съ тѣмъ же страннымъ оттѣнкомъ въ голосѣ, который появлялся всегда независимо отъ нея, когда она притворялась или лгала.

Шепелевъ ушелъ домой блѣдный и задумчивый.

На другой день графиня около полудня начала одѣваться съ помощью Лотхенъ и провела часа полтора за туалетомъ.

— Да старайтесь, старайтесь! шутила Лотхенъ:—стоитъ повертѣться передъ зеркаломъ. И какъ это быстро идетъ, будто круговоротъ какой! Давно ли мы съ вами сидѣли безъ гроша денегъ и были счастливы, что къ намъ ѣздитъ такая важная птица, какъ господинъ адъютантъ принца. А теперь не нынѣ завтра къ намъ явится съ визитомъ, пожалуй... самъ императоръ.

— Что-жъ, можетъ быть! отозвалась Маргарита.—Одно сверно, Лотхенъ, что я заразъ за нѣсколькими зайцами гонюсь и, пожалуй, всѣхъ упущу.

„Самый-то дрянной пойманъ!“ подумала Лотхенъ про себя и сказала:

— Да, ужъ дѣдушку, кажется, упустили. Въ послѣдній разъ, что вы не приняли его, на немъ лица не было отъ злости. Почему онъ озлился, я даже не поняла.

Около двухъ часовъ Маргарита выѣхала въ гости къ прусскому посланнику.

Въ этотъ день у него былъ завтракъ. Государь обѣщался быть, и Гольцъ предупредилъ его, что, за неимѣніемъ жены, онъ просилъ одну изъ самыхъ красивыхъ женщинъ столицы быть у него хозяйкой на этотъ день.

Государь не догадался, что это будетъ Маргарита, которая начинала сильно ему нравиться, или забылъ все, о чемъ Гольцъ намекалъ ему. Онъ пріѣхалъ къ барону съ дядей и съ цѣлой свитой.

Послѣ оживленнаго завтрака, продолжавшагося очень долго, Маргарита храбро взялась за дѣло. Она завела съ государемъ споръ о статуѣ, бывшей въ дальней гостиной, и тотчасъ же предложила идти въ эту гостиную. Но тамъ они и остались, и она рассказала ему все, даже подозрѣніе Гольца, и просила пощады невинному семейству.

Черезъ полчаса послѣ этого государь вернулся въ столовую, гдѣ весело бесѣдовали гости, и, слегка румяный, крикнулъ Гудовичу:

— Это что у тебя завелось въ канцеляріи? Грабежъ! Клеветы! Шемякинъ судъ! Кто это у тебя вздумалъ невинныхъ хватать и судить?

Гудовичъ, слегка измѣнившись въ лицѣ, вымолвилъ:

— Я не понимаю, ваше величество.

— Вы, господинъ Шемякинъ, арестовали семью, какъ тамъ... Подушкиныхъ...

— Тюфякиныхъ, подсказалъ Гудовичъ.

— Ну, да! Затѣмъ, чтобы сослать ихъ, а вотчины описать и у меня, въ награду, себѣ выпросить! Такъ я васъ!.. Васъ всѣхъ сошла! Васъ!!

— Ваше величество! вспыхнулъ Гудовичъ. — Этого упрека я, кажется, не заслужилъ.

— Ну, такъ пошелъ, скажи сейчасъ, и чтобы черезъ полчаса онѣ были на свободѣ! крикнулъ Петръ Ѳеодоровичъ визгливо.

— Довольны-ли вы, графиня? обернулся онъ затѣмъ къ Маргаритѣ.

Графиня низко поклонилась и невольно взглянула въ лицо проходившаго мимо Гудовича. Государь быстро отошелъ отъ нея къ Жоржу, а Гудовичъ вдругъ пріостановился около красавицы и выговорилъ злымъ шепотомъ:

— Клеветать на себя, чернить мое честное имя, я никому не позволю, а въ особенности всякой иноземкѣ! Всякой прохвосткѣ!..

— Господинъ Гудовичъ! воскликнула, вспыхнувшая отъ стыда, Маргарита. — Благовоспитанный человѣкъ не оскорбляетъ... но отъ волненія она не могла договорить.

— Я знаю, куда вы мѣтите! внѣ-себя, злобно продолжалъ

Гудовичъ:—но я вамъ говорю, не попадете! А попадете вы ко мнѣ въ канцелярію! И я общаюсь вамъ, что я васъ, иноземную путешественницу, здорово отодравъ розгами, отправлю опять путешествовать, только не въ Европу, а въ Пелымъ... Каналья адакая!.. прошипѣлъ Гудовичъ, блѣднѣя отъ гнѣва.

Маргарита вспыхнула и схватилась за голову, затыкая уши. Всѣ обернулись. Гольцъ, а затѣмъ и Государь съ дядей быстро подошли, спрашивая, что съ ней.

Маргарита не могла выговорить ни слова. Гудовичъ, взявъ шляпу, исчезъ изъ комнаты въ одно мгновеніе.

— Что съ вами? уже третій разъ спрашивалъ государь.

Маргарита, придя въ себя, рѣшила не говорить теперь ничего.

— Гудовичъ васъ удивилъ чѣмъ-нибудь? спросилъ Гольцъ.

— Да, удивилъ!.. прошептала Маргарита.—Но я не скажу чѣмъ... Теперь не скажу, ваше величество. Но послѣ, скоро... общаюсь вамъ все-сказать... Да, удивилъ! Хотя здѣсь въ Петербургѣ, т. е. въ Россіи—это дѣло. обыкновенное, простое... Только со мной еще этого не бывало!.. говорила Маргарита, все еще пунцовая.

Гольцъ вдругъ догадался.

— Графиня! Я знаю... Я понялъ. Мы это обсудимъ съ вами... Вашъ мужъ при смерти... Я попрошу его передать мнѣ свои права.

Государь стоялъ, открывъ ротъ, и ничего не понималъ.

— Скажите, въ чемъ дѣло?

— Послѣ! Послѣ! воскликнулъ Гольцъ за графиню.—Пойдемте... Выпьемъ венгерскаго за царя Соломона и всѣхъ справедливыхъ царей!.. воскликнулъ онъ, шутя.

Графиня вернулась отъ посла поздно вечеромъ, но довольная, веселая, счастливая... Счастливыѣ, чѣмъ когда-либо.

Она нашла у себя Шепелева. Онъ дожидался ее, чтобы сказать, что княжны съ теткой уже освобождены. Онъ хотѣлъ остаться до полуночи и далѣе. Но Маргарита объявила ему что падаетъ отъ усталости и хочетъ тотчасъ лечь спать! А, между тѣмъ, глаза ея далеко были не сонные, а блестящіе, искрящіеся.

Шепелевъ печально поцѣловалъ ея руки и вышелъ изъ дома будто съ тяжелымъ камнемъ на сердцѣ.

Х.

Въ половинѣ мая въ тѣсномъ кружкѣ приближенныхъ къ государю лицъ было нѣчто новое. Всѣ они были нѣсколько смущены. Даже Жоржъ, сидя дома по цѣлымъ днямъ, волновался и все совѣтовался съ женой, какъ поступить въ трудныхъ и непредвидѣнныхъ обстоятельствахъ.

Гольцъ, въ виду этой новости, работалъ неутомимо, рѣже бывалъ у Маргариты, и по два курьера въ недѣлю ссылали съ его депешами изъ Петербурга въ Магдебургъ, гдѣ находился Фридрихъ.

Государь Петръ Оедоровичъ за всю свою жизнь, а затѣмъ и за свое пяти-мѣсячное царствованіе переходилъ изъ-подъ одного вліянія подъ другое. Теперь онъ вдругъ оказался упрямо самостоятеленъ, и затѣя громадная по своимъ размѣрамъ и послѣдствіямъ глубоко запала ему въ душу, будто застряла въ головѣ. Онъ ни о чемъ болѣе не думалъ и не говорилъ, какъ объ этой смутившей все и всѣхъ чудовищной затѣѣ.

Онъ увѣрялъ всѣхъ, что это было всегда его заповѣдной мечтой, что онъ мечталъ объ этомъ, когда еще былъ ребенкомъ въ Килѣ, мечталъ, когда былъ наслѣдникомъ русскаго престола, за все двадцатилѣтнее царствованіе своей тетки и, наконецъ, что онъ давно твердо рѣшилъ, хотя никому объ этомъ не сообщалъ, привести въ исполненіе это давнишнее намѣреніе, при первой возможности. Теперь послѣ подписанія мирнаго трактата съ Фридрихомъ, по его мнѣнію, насталъ часъ исполнить это завѣтное желаніе, удовлетворить и отдаться давнишнему заповѣданному чувству.

Эта затѣя, эта мечта, это заповѣдное чувство, внезапное признаніе въ которомъ, смутило всѣхъ, даже Гольца, и затѣмъ смутило несказанно самого Фридриха... было не что иное, какъ война съ Даніей! За Шлезвигъ! Государь былъ искрененъ отчасти. Дѣйствительно, въ Голштиніи испоконъ вѣка глядѣли завистливымъ окомъ на Шлезвигъ. Будучи наслѣдникомъ,

Петру Оедоровичу, конечно, изрѣдка случалось тоже мечтать о завоеваніи Шлезвига. Вступивъ на русскій престолъ, онъ вспомнилъ объ этомъ и рѣшилъ когда-нибудь, воспользовавшись какими-нибудь смутами на политическомъ горизонтѣ, добыть этотъ Шлезвигъ. Но почему вдругъ теперь собрался онъ внезапно на этотъ подвигъ, какимъ образомъ рѣшилъ онъ вдругъ немедленно приступить тотчасъ же къ этому дѣлу и вдобавокъ съ такой легкостью, какъ будто дѣло шло не о войнѣ, а о прогулкѣ, никто изъ фаворитовъ ни догадаться, ни понять не могъ.

Черезъ день или два послѣ празднованія во дворцѣ по поводу мира съ Пруссіей, государю стало какъ-то особенно скучно. Съ первыхъ дней царствованія онъ былъ занятъ смотрами, экзерциціей, новыми мундирами, переѣздомъ въ новый дворецъ и, наконецъ, заключеніемъ трактата съ Фридрихомъ. Теперь, вдругъ, мысленно оглядѣвшись кругомъ себя, онъ увидѣлъ, что многія мудренныя задачи достигнуты, исполнены... и дѣлать больше нечего!

— Просто бѣда! Что же мнѣ дѣлать теперь! воскликнулъ онъ. — И даже очень скучно! Что-жъ теперь придумать?

Къ этой скукѣ скорѣй присоединилось какое-то грустное настроеніе. Какъ всякая болѣзненная натура, всякій тщедушный организмъ легко падаетъ, легко уступаетъ, такъ и Петръ Оедоровичъ вдругъ почувствовалъ себя хворымъ и слабымъ, а въ особенности грустно настроеннымъ.

Въ эти минуты онъ всегда, еще наслѣдникомъ престола, становился раздражителенъ и привязчивъ; ко всѣмъ близкимъ людямъ онъ начиналъ относиться придирчиво, дерзко, и чѣмъ ближе былъ къ нему человекъ, тѣмъ болѣе доставалось ему. Наоборотъ, ко всѣмъ тѣмъ, которыхъ считалъ онъ своими врагами, онъ начиналъ относиться благосклонно, заискивалъ въ нихъ, будто бы мгновенно начиналъ ихъ бояться. Но въ сущности это происходило изъ очень хорошаго, хотя и болѣзненного источника. Въ это время государь относился къ врагамъ своимъ совершенно искренно, прощая имъ ихъ дѣйствительные или вымышленные вины и проступки. А равно вспоминалъ онъ и

все то, что могъ сдѣлать дурного кому-либо, и старался всячески загладить свою вину.

На утро послѣ пировапія во дворцѣ, принцъ Жоржъ явился къ государю и напомнилъ ему о приказѣ арестовать государыню и свезти на Смольный дворъ. Жоржъ горячо сталъ доказывать государю, что мѣра эта произведетъ такой страшный переполохъ, такую сумятицу во всей столицѣ и всей имперіи, что трудно даже исчислить всѣ пагубныя послѣдствія.

Государь раздражительно и ребячески на всѣ доводы дяди отвѣчалъ:

— Она мнѣ надоѣла! Она со мной дерзко обращается! Она будто знать не хочетъ, что я императоръ. Надо арестовать! Мнѣ такъ хочется!.. Но однако послѣ двухъ-часовой бесѣды государь успокоился и отвѣчалъ:

— Ну, хорошо, пускай! Покуда подождемъ, а если будетъ также продолжать... тогда проучимъ.

Именно на другой день послѣ этой бесѣды съ дядей и послѣ свиданія за завтракомъ Гольца съ красавицей графиней Скабронской напала на государя та грусть и тоска, которая являлась у него, какъ болѣзнь, на нѣсколько дней. Приходила она, повидимому, всегда безпричинно, но отчасти отъ слабаго сложенія, которое не выносило непрерывныхъ обѣдовъ, завтраковъ и ужиновъ, гдѣ всѣ, по обычаю времени, воздавали обильное возліаніе Бахусу.

Прежде всего государь замѣтилъ своего жирнаго Мопса и вспомнилъ, что дня за два онъ его сильно высѣкъ за что-то. Петръ Федоровичъ позвалъ къ себѣ собаку, сталъ ласкать ее, замѣтилъ, что подушка у „Мопсиньки“ слишкомъ жестка и, позвавъ Нарциса, велѣлъ тотчасъ же сдѣлать другую, большую и пуховую, а покуда велѣлъ класть „бѣдную собачку“ на диванъ.

И мысль его двинулась по направленію прощенія обидъ и заглаживанія его собственныхъ обидныхъ для кого-либо поступковъ. Онъ вспомнилъ о Тепловѣ и приказалъ явившемуся съ докладомъ государственному секретарю Волеву поѣхать поздравить Теплова отъ его имени съ чиномъ тайнаго совѣтника. Онъ вспомнилъ, что обидѣлъ на празднествѣ графа Алексѣя Разу-

мовскаго словомъ „крѣпко-любый хохоль“ и заставилъ его покраснѣть при многихъ вельможахъ. Разумовскому, фельдмаршалу и всѣхъ російскихъ и многихъ иностранныхъ орденовъ кавалеру и вдобавокъ миллионеру нечего было пожаловать или подарить. И государь послалъ сказать Разумовскому, что будетъ у него пировать со многими гостями въ будущій праздникъ и просить сдѣлать пиръ на весь міръ для своего перваго и искренняго друга русскаго императора. Такимъ образомъ, дня три къ ряду, кромѣ милостей и ласки, никто ничего не видалъ.

Но за это же время всѣ близкіе люди, Жоржъ, Гудовичъ, даже Гольцъ, даже Воронцова боялись подступить къ государю. Каждаго изъ нихъ онъ находилъ чѣмъ попрекнуть, разбранить.

Гудовича государь постоянно принимался бранить за его лѣнь, за то, что онъ не служитъ примѣромъ другимъ офицерамъ и генераламъ, ѣздитъ верхомъ, какъ баба-кухарка, ведетъ дѣла въ канцеляріи, спусти рукава, оправдывая виновныхъ и осуждая невинныхъ, и, наконецъ, дошелъ до того, что про него въ городѣ ходятъ слухи, будто онъ первый грабитель въ имперіи. Основаніе для этого у государя было; помимо исторіи съ князьями Тюфякиными, за которыхъ вступилась Маргарита, до него дошла еще другая исторія. Ходатай по дѣламъ колонистовъ-славянъ на югѣ Россіи, нѣкто Хорватъ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, далъ тремъ приближеннымъ къ государю лицамъ и въ томъ числѣ Гудовичу, по тысячѣ червонцевъ за рѣшеніе неправаго дѣла.

Принца Жоржа государь, вдругъ, началъ преслѣдовать за то, что онъ ничего не дѣлаетъ, не имѣетъ собственнаго мнѣнія ни о чемъ, слушается во всемъ проходимца Фленсбурга. Это ему нашептала Маргарита. А этотъ адъютантишко хвастается по всей столицѣ, что принцъ дѣлаетъ все то, что онъ хочетъ, а государь будто дѣлаетъ только то, что принцъ хочетъ.

— Стало быть, Фленсбургъ императоръ? визгливо и запальчиво вскрикивалъ онъ, налѣзая на дядю. — Скажите, скажите! Стало быть, Фленсбургъ русскій императоръ?!

Это повторялось каждый разъ, какъ принцъ являлся. И,

*

наконецъ, добродушный Жоржъ исчезъ и, сказавшись больнымъ, не выѣзжалъ никуда изъ дому, а только все совѣщался съ женой.

Но и тутъ государь не оставилъ его въ покоѣ. Однажды утромъ онъ прислалъ дядѣ сказать, что онъ никогда курляндскимъ герцогомъ не будетъ и что Россія будетъ поддерживать Саксонскаго принца. Объ герцогствѣ уже мѣсяць и рѣчи не было, но государю хотѣлось хоть заглазно чѣмъ-нибудь уязвить дядю. Въ другой разъ Петръ Ѳеодоровичъ послалъ Гудовича потребовать у принца подробную генеалогію его жены, принцессы Амаліи.

— Объясни ему, сказалъ государь, — что я недавно сдѣлалъ ее кавалерственной дамой ордена Екатерины и не справился, имѣетъ-ли она право на это, королевской-ли она крови. Можетъ быть, былъ какой-нибудь мессальянсъ...

На этотъ разъ Жоржъ не стерпѣлъ и оскорбился до того, что у него даже сдѣлалось маленькое расстройство желудка. Генеалогію жены принцъ не далъ, а положилъ звѣзду и ленту въ футляръ и отослалъ ее съ Гудовичемъ.

— Ну, что-жъ! И хорошее дѣло! разсердился Петръ Ѳеодоровичъ. — На... Мопсинька! Возьми себѣ.

И онъ положилъ футляръ на подушку любимой собаки.

Барону Гольцу всякій разъ при свиданіи государь принимался доказывать, что трактатъ, заключенный съ Пруссіей, безобразный и обидный для Россіи, что онъ пошелъ на него только изъ любви къ Фридриху, но при этомъ отчасти продалъ интересы Россіи и раскаявается, и что скоро придется поневолѣ опять переписать трактатъ. Гольцъ, ожидавшій всего, все-таки не ожидалъ подобныхъ бесѣдъ черезъ два или три дня послѣ празднованія мира.

Петръ Ѳеодоровичъ при этомъ ссылался на всѣхъ пословъ, на городскіе слухи и на мнѣнія первыхъ лицъ государства. И на этотъ разъ онъ былъ совершенно правъ, говоря, что мирный трактатъ во всемъ полезенъ Пруссіи и вреденъ Россіи. Въ этомъ онъ могъ сослаться на всѣхъ первыхъ сановниковъ, начиная съ Разумовскихъ и кончая канцлеромъ Воронцовымъ.

Гольцъ отмалчивался на все, разводилъ руками, пожималъ

плечами, ежился и кривлялся, как обезьяна, и конечно, не мог ничего сказать. Да и нечего было сказать! Дома онъ только изумлялся и искалъ мысленно того человѣка, подъ чьимъ вліяніемъ, по его мнѣнію, находится теперь государь. Скоро и онъ пересталъ бывать во дворцѣ.

Наконецъ, съ Воронцовой произошла самая бурная сцена. Государь сталъ упрекать ее въ томъ, что она постоянно клеветать и обносить государыню. Тогда какъ государыня тихо, мирно и безобидно живетъ въ своей половинѣ, Воронцова постоянно видитъ во всѣхъ ея дѣйствіяхъ только умыселъ и дурное namѣреніе. Кромѣ того, онъ сталъ упрекать Елизавету Романовну въ непомѣрной ревности ко всякому хорошенькому личику, ко всякой женщинѣ, съ которой онъ скажетъ два-слова во дворцѣ или гдѣ-либо на вечерѣ. На этотъ разъ онъ припомнилъ ея поведеніе въ маскарадѣ Гольца, какъ два или три раза подходила она къ нему во время бесѣды съ „Ночью“ и какъ, наконецъ, чуть не насильственно заставила его покинуть маску и подать ей руку.

— И что взяла? Ничего! восклицалъ государь. — Мы съ ней теперь первые пріатели. Понимаешь? И она почище тебя, попадьи.

Воронцова знала лучше всѣхъ про эти болѣзненные припадки государя, и знала, что это длится иногда недѣлю, но никогда не болѣе, и Елизавета Романовна засѣла у себя дома съ пастилой въ ожиданіи переменъ погоды.

„Это все отъ цыганки! думала она. Да пройдетъ, небось“...

За это время государь заглазно старался тоже уязвить и ее. Въ тотъ день, когда Гудовичъ ѣздилъ къ принцу и привезъ Екатерининскую звѣзду вмѣсто генеалогіи, Петръ Ѳедоровичъ тотчасъ же послалъ его къ Воронцовой.

— Ступай, скажи этой толсторожей дурѣ, что въ Петербургѣ ходятъ слухи, будто я на ней хочу жениться, сдѣлать ее императрицей. Стали это говорить потому, что я ей далъ звѣзду, которую могутъ носить только принцессы крови. Поэтому скажи ей, что если этотъ слухъ будетъ все ходить по городу, то я

отниму звѣзду и прикажу ей поѣхать попутешествовать по Россіи или за границу.

Гудовичъ сѣздалъ къ пріятельницѣ и засталъ ее, какъ всегда, въ полу-ночномъ туалетѣ. Если она была не въ салотѣ и не передъ печкой, потому что была уже теплынь на дворѣ, но въ какой-то полинялой куцавейкѣ совершенно неизвѣстнаго цвѣта. Когда онъ передалъ Елизаветѣ Романовнѣ слова государя, она отмахнулась рукой, какъ если бы ее облѣпили мухи или если-бъ ей сказали самую старую, давно извѣстную вещь.

— Э! Гудочекъ! равнодушно произнесла она:—не впервой нашло на него. Пройдетъ недѣлька и самъ пріѣдетъ прощенія просить.

— Да и я такъ-то думаю, Романовна, а все какъ-то страшно, ужъ не завелся-ли какой врагъ у насъ. По правдѣ сказать, боюсь я малую толику этой цыганки погадой, Маргаритки. Сдается мнѣ, что государь съ ней черезъ край хватилъ. Ужъ больно хороша она. Да и Гольцъ сводить, бестія!

— Это другое дѣло, выговорила Воронцова,—этого и я боюсь, но думаю, что провозится онъ съ ней и бросить! И опять вы мнѣ! Не разъ ужъ бывало, Гудочекъ. Вѣдь всѣ эти красавицы сомнительны, горды, умничать любятъ, а ему этого не надо. А я, онъ знаетъ, простота! Какъ ни надумаетъ, что ни прикажетъ, я все дѣлаю. Такой другой не сыщеть!

Вотъ именно въ эти дни тоски и придиричивости. однажды около полудня, государь отправился на половину жены, вошелъ къ ней безъ доклада и, отчасти испугавъ государыню внезапнымъ появленіемъ, сѣлъ около нея и съ перыхъ же словъ сталъ просить прощеніе за обиду за столомъ при всей столицѣ.

Онъ сознался ей откровенно въ своемъ приказѣ въ ту ночь арестовать ее и сослался на дядю, Воронцову и Гудовича, которые постоянно клеветаютъ ему на нее.

Государыня, разумеется, лучше чѣмъ кто-либо знала, что случилось съ Петромъ Ѳедоровичемъ и какой стихъ нашелъ на него. Она знала отлично, что не пройдетъ и недѣли, и снова онъ отдастъ приказъ арестовать ее, а, быть можетъ, когда-нибудь и даже скоро подобный приказъ будетъ приведенъ въ

исполненіе. Но этими днями надо было воспользоваться. Слишкомъ умна была эта женщина, чтобы не пользоваться всячески всѣмъ, что посылала ей судьба въ помощь.

Въ тотъ же день вечеромъ, по приглашенію государыни, Петръ Федоровичъ снова явился къ ней на чашку чая и напелъ у нея обоихъ Разумовскихъ, Панина, Дашкову, старика Миниха и нѣкоторыхъ другихъ. Въ концѣ вечера государь заявилъ, что онъ давно уже не проводилъ время такъ пріятно съ такими умными людьми, а всѣ его окружающіе и приближенные только и знаютъ, что пьянствуютъ, только и умѣютъ, что лгать и играть въ карты. Онъ попросилъ государыню на другой день снова собрать всѣхъ. Такимъ образомъ, дня четыре къ ряду бывали эти, по выраженію княгини Дашковой, «нечаянные чайные вечера».

Все, что говорилось на этихъ вечерахъ немногими лицами, было сохранено ими втайнѣ, а, между тѣмъ, здѣсь и возникла мысль, здѣсь воскресла мечта государя, здѣсь была брошена искра въ его душу, отъ которой потомъ загорѣлся цѣлый пожаръ.

Искусно, умно, тонко и льстиво напомнили государю о Шлезвигѣ, о давнишней враждѣ Голштинскаго дома съ Датскимъ. Почему государыня, Дашкова или братья Разумовскіе заговорили о Шлезвигѣ и Даніи, было ихъ общей тайной. Почему захотѣлось имъ начать воевать за маленькое герцогство, — они одни знали.

Минихъ же ораторствовалъ болѣе всѣхъ по другой причинѣ: старику полководцу хотѣлось снова понюхать пороху и, какъ бывало прежде, заставить говорить о себѣ всю Европу. Онъ зналъ, что въ случаѣ войны онъ будетъ главнокомандующимъ.

Наконецъ, однажды, почти не спавъ нѣсколько ночей отъ картинъ сраженій, побѣдъ и подвиговъ, которые тѣснились въ головѣ и смѣняли одна другую, одна другой кровавѣй, страшнѣй и славнѣй, государь пришелъ къ женѣ и объявилъ ей, что все рѣшено! Сдѣлавъ достаточно для внутреннего спокойствія и счастья Россіи, онъ можетъ, долженъ вспомнить тецерь

и о счастіи, правахъ Голштиніи, о своихъ обязанностяхъ уже не русскаго императора, а принца Голштинскаго.

На вопросъ его, чтобы жена высказала свое искреннее мнѣніе, государыня отвѣчала, что не сомнѣвается въ полномъ успѣхѣ, въ цѣломъ рядѣ блестящихъ побѣдъ. Но совѣтовать объявить войну она, конечно, не возьметъ на себя, враги ея не преминутъ сказать, что она умышленно совѣтуетъ пагубное для Россіи и императора дѣйствіе.

Однако, въ тотъ же день всѣ самые близкіе люди государю, и тѣ, которые бывали у него, и тѣ, которые рѣшились не показываться нѣсколько дней, всѣ узнали о новомъ окончательно рѣшенномъ предпріятіи, войнѣ съ Даніей.

Дни тоски, болѣзненной придирчивости къ друзьямъ, болѣзненнаго миролюбія по отношенію къ своимъ врагамъ прошли, но Шлезвигъ, Данія и война крѣпко засѣли въ головѣ государя.

Два вечера ораторствовалъ появившійся Гольцъ въ кабинетѣ Петра Ѳеодоровича и, какъ умный человѣкъ, краснорѣчиво, убѣдительно доказывалъ невозможность этой войны. Онъ доказывалъ что навѣрное мысль эта подсказана государю его врагами, чтобы удалить его изъ Петербурга и изъ Россіи, дабы за его отсутствіемъ произвести Богъ вѣсть что! Гольцъ привезъ даже два письма своего короля, въ которыхъ Фридрихъ говорилъ о томъ, что онъ готовъ помогать Петру въ дѣлѣ Шлезвига, но считаетъ всякую войну для русскаго императора, на первыхъ порахъ царствованія, пагубной и немыслимой. Король совѣтовалъ прежде всего подумать о побѣдѣ въ Москву и коронованіи. Принцъ Жоржъ тоже появился, получилъ обратно жемину звѣзду, былъ облаканъ, помирился съ племянникомъ и присоединился тотчасъ къ послу. Но ужъ чего Гольцъ не могъ сдѣлать, то Жоржу и подавно было не по силамъ. Всѣ они стали надѣяться, что грезы пройдутъ, какъ прошла его придирчивость, но всѣ ошиблись...

Мѣра за мѣрой, указъ за указомъ доказывали, что намѣреніе государя будетъ приведено въ исполненіе и даже очень скоро, очень энергично и во что бы то ни стало!

Курьеръ государя, тайно отъ всѣхъ, даже тайно отъ канц-

лера имперіи поскакалъ въ Германію, въ мѣсто расположенія корпуса русскихъ войскъ подъ командой Румянцева, и повезъ никому неизвѣстную депешу.

А, между тѣмъ, государь крайне любезно обращался съ датскимъ посланникомъ Гаке-Гакстаузенемъ, и датскій дворъ не подовѣрѣвалъ о той грозѣ, которая надвигается на страну со стороны Россіи.

XI.

Еще полного мѣсяца не прошло послѣ перваго свиданія „Ночи“ и юноша въ уборной дома Гольца, а безумный пылъ страсти у своенравной кокетки прошелъ! Быть можетъ, влюбленный юноша былъ дѣйствительно невыносимо ревнивъ, но Маргарита уже искренно начала раскрываться въ томъ роковомъ шагѣ, который связалъ ея существованіе съ этимъ „львенкомъ“, какъ она его называла.

Вдобавокъ у влюбленного было особенное чутье. Къ Гольцу Шецелевъ не ревновалъ ее нисколько, хотя за послѣднее время посолъ и красавица видались ежедневно и постоянно о чемъ-то совѣщались и иногда очень долго. Но всѣмъ поѣздкамъ Маргариты во дворецъ юноша мѣшалъ, сколько могъ. Онъ зналъ, какъ и многіе въ Петербургѣ, что государь становился съ каждымъ днемъ все неравнодушнѣе къ замѣчательной красавицѣ. Воронцова уже, замѣтно для многихъ, отходила на второй планъ. А другъ ея, Гудовичъ, возненавидѣвшій графиню Скабронскую, и грубо обошедшійся съ ней, тоже начиналъ пользоваться меньшимъ благорасположеніемъ государя.

— Ты совсѣмъ мужикъ! замѣтилъ ему Петръ Ѳеодоровичъ. — Съ женщинами обращаться не умѣешь! Но болѣе этого государь ничего объяснить не захотѣлъ.

Насколько когда-то баронъ Гольцъ былъ занятъ мирнымъ трактатомъ Россіи съ Пруссіей, настолько теперь онъ былъ поглощенъ другимъ дѣломъ, — расположить государя къ умной и замѣчательно красивой женщинѣ, конечно, повиновавшейся ему слѣпо.

И чѣмъ болѣе былъ государь милъ и внимателенъ къ Мар-

гаритѣ, тѣмъ болѣе становился невыносимымъ этотъ юноша, искренно, глубоко и чисто любившій ее первую любовью, и тѣмъ болѣе раскаявалась она въ своемъ недавнемъ легкомысленномъ поступкѣ. Иногда, хотя смутно, но у Маргариты уже стала являться мысль, какъ бы поскорѣе разойтись и отдѣлаться отъ львенка. Но это было, разумѣется, мудрено. Это былъ не Фленсбургъ. Во-первыхъ, потому, что онъ пользовался большими, чѣмъ тотъ, правами, а вдобавокъ и потому, что, какъ юноша, не остановился бы ни передъ чѣмъ. Если бы ему сказали, что онъ будетъ сосланъ въ Сибирь за малѣйшую огласку его отношеній къ графинѣ Маргаритѣ, то онъ ни минуты не поколебался бы! Все чаще, въ своихъ бесѣдахъ съ Маргаритой, онъ горячо доказывалъ ей, что сочтетъ святымъ долгомъ убить всякаго, къ кому будетъ имѣть поводъ ревновать ее. Слова его дышали при этомъ такою искренностью, что Маргарита не могла не вѣрить, и ей становилось еще страшнѣе и, конечно, еще досаднѣе.

Наконецъ, къ затруднительному положенію присоединилось вдругъ нелѣпое и ужасное происшествіе. Такъ какъ Шепелевъ настоятельно требовалъ отъ Маргариты, чтобы она ежедневно бывала у него по вечерамъ, и это было сопряжено со всякаго рода затрудненіями, то Маргарита рѣшилась довѣрить свою тайну, помимо Лотхенъ, еще другому полу-русскому лакею, исправлявшему должность швейцара.

И Шепелевъ сталъ появляться уже всякій день въ домъ Маргариты, скрываясь, какъ и прежде, въ большомъ платяномъ шкафу, поставленномъ въ гостиной съ куполомъ, всякій разъ, когда кто либо изъ близкихъ знакомыхъ проникалъ далѣе маленькой гостиной. Но вскорѣ, благодаря этому шкафу, юноша сталъ оставаться въ домѣ графини по два дня безвыходно, такъ какъ по вечерамъ они не могли бояться чьего либо визита, ночью, рано утромъ—и подавно... И кто бы могъ подумать, что шкафъ превратился въ квартиру, куда спасался его жилецъ, при появленіи людей или гостей. Одна нѣмка знала все!.. Каждый день Лотхенъ накрывала столъ, подавала обѣдъ, или кофе, или ужинъ на два куверта, а затѣмъ угрюмо и мрачно дѣлала реверансъ и уходила къ себѣ.

Лотхенъ давно перестала смѣяться, она ходила темнѣе ночи. Съ перваго же дня она была поражена открытіемъ, что барыня рѣшилась на такую невѣроятную глупость: влюбиться въ мальчишку. Съ перваго же дня Лотхенъ искренно возненавидѣла Шепелева; потому что онъ сдѣлался помѣхой всѣхъ ея плановъ на счетъ судьбы графини и ея собственной. Первое время она горячо спорила, упрекала и уговаривала друга—барыню, но, наконецъ, ей осталось только одно: молчать и ненавидѣть Шепелева отъ души.

„Авось этотъ капризъ пройдетъ, мечтала она. Вѣдь этотъ еще хуже Фленсбурга. Тотъ хоть вліятельное лицо у принца, а этотъ просто щенокъ, красавецъ, правда, но *lieber Gott*, такихъ въ столицѣ можно найти нѣсколько дюжинокъ“.

Внезапное событіе въ домѣ все перевернуло...

Однажды поздно ночью, когда влюбленные только-что окончили ужинъ и молчали, такъ какъ давно все было уже переговорено, все было старо, глупо, свучно... кто-то быстрыми шагами прошелъ черезъ маленькую гостиную. Довольно рѣзко попробовавъ дверь и, найдя ее запертой, смѣлая рука стала стучать.

Маргарита смутилась, догадавшись, что это не Лотхенъ и, совершенно не понимая, кто среди ночи, предполагая, что она давно спитъ, смѣетъ такъ стучать. Вдругъ за дверью раздался голосъ камердинера, француза Эдуарда, который громко кричалъ:

— *Madame! Madame! Ouvrez-moi!..*

Шепелевъ моментально скрылся въ большой шкафъ, но при этомъ, отъ смущенія и неожиданности, забылъ на стулѣ снятый мундиръ.

Маргарита отворила. На порогъ появился Эдуардъ, нѣсколько взволнованный, блѣдный и выговорилъ:

— *Monsieur le comte n'est plus!* Онъ скончался.

Маргарита перемѣнилась въ лицѣ и стояла, не шевелясь, пораженная извѣстіемъ. Полтора года ожидала она смерти мужа и все-таки была теперь поражена. Она окаменѣла на мѣстѣ, тяжело переводя дыханіе.

Эдуардъ въ то же время обвелъ глазами всю комнату и,

не смотря на свое душевное состояніе, поневолѣ замѣтилъ и вабытый мундиръ преображенца, и главное, два куверта на столѣ. Онъ вдругъ злобно усмѣхнулся и выговорилъ:

— Ma foi! C'est beau! Un défunt par la un amant par ici!..

Маргарита настолько была поражена извѣстіемъ и смущена замѣчаніемъ Эдуарда, что не нашлась даже отвѣчать. Вѣрный лакей снова усмѣхнулся грустно, пожалъ плечами и пошелъ на верхъ.

Шепелевъ, догадавшись, что свидѣтеля уже нѣтъ, вышелъ и нашелъ Маргариту среди комнаты молчаливую и встревоженную.

— Что такое? спросилъ онъ.—Что онъ говорилъ?

— Мужъ умеръ! тихо произнесла Маргарита.

Шепелевъ ахнулъ, но черезъ секунду взялъ ее за руку и выговорилъ:

— Ну, такъ что-жъ? Богъ съ нимъ! Царство небесное! Намъ же лучше!..

Маргарита все молчала и не подымала глазъ. Юноша потянулъ ее къ себѣ и поцѣловалъ въ лицо. Она сразу пришла въ себя и легко вскрикнула:

— Что ты! Теперь! Въ эту минуту!

И, быстро окинувъ глазами комнату, она прибавила тихо:

— Даже страшно! Да, да! Ей-Богу, страшно! Послушай...

И послѣ минутнаго колебанія Маргарита прибавила:

— Мнѣ страшно!

— Чего? изумился Шепелевъ.

— Мнѣ страшно! полу-безсмысленно, но съ дѣтской интонаціей въ голосѣ повторяла Маргарита.

Шепелевъ сталъ разспрашивать ее, но она сѣла на диванъ, задумалась глубоко, не слушала его и не отвѣчала.

Мысли Маргариты улетѣли далеко. Она невольно вернулась мысленно въ свое прошлое, въ тѣ дни, когда молодой красивый бояринъ безъ ума влюбился въ нее въ Карлсбадѣ и, наконецъ, не смотря ни на что, далъ ей свое имя, далъ состояніе и изъ положенія мѣщанки и вдобавокъ авантюриста, поставилъ ее въ возможность сдѣлаться первой придворной дамой русскаго императора.

Когда онъ былъ живъ и желтый, худой лежалъ въ маленькой душной комнатѣ съ затхлымъ, аптечнымъ воздухомъ, онъ былъ для нея тяжелой ношей и ей было его не жаль. Когда онъ, давно тому назадъ, сталъ упрекать ее во многомъ, за что имѣлъ право упрекать, она выслушала его холодно, улыбнулась презрительно и насмѣшливо и, спустившись къ себѣ внизъ, выговорила въ первый разъ:

— Какъ это скучно! Когда же онъ умретъ!?

Съ этого дня она перестала ходить къ мужу и болѣе его не видала.

Она не сказала себѣ, что болѣе не пойдетъ! это вышло какъ-то само собой! Каждый день откладывала она свой визитъ въ больницу, и день за день, недѣля за недѣлей, прошло страшно много времени! Вспомнишь теперь, — кажется невѣроятнымъ! Почти не вѣрится! Изъ дня въ день, прошло полгода, что она не была на верху. Какъ это случилось, Маргарита сама теперь не понимала.

Часто думала она, представляла себѣ, какъ и когда узнаетъ, наконецъ, о смерти мужа. Какъ-нибудь днемъ прибѣжитъ Лотхенъ или прійдетъ она изъ гостей и ей объявятъ объ этомъ. На всѣ лады представляло ей воображеніе, какъ получить она это извѣстіе, и ей каждый разъ казалось, что кромѣ радости ничего это извѣстіе въ ней не разбудить. Теперь оказалось совершенно иначе.

Ночью, послѣ ужина, въ присутствіи любовника, запятаннаго въ шкафу, отчасти наскучившаго, она узнала про это, давно ожидаемое событіе! И ей стало не весело, но и не тяжело, не грустно, а только страшно! И все болѣе и болѣе страшно! Ей, суевѣрной женщинѣ, чулится, что вотъ сейчасъ явится онъ передъ ней, ужасный, карающій! Онъ теперь уже въ новомъ мірѣ тайномъ, темномъ, таинственномъ! Когда онъ лежалъ въ постели почти безъ движенія, въ послѣднемъ градусѣ страшной болѣзни, онъ не могъ прійти къ ней! Теперь же онъ можетъ!.. Но иначе... Хуже!..

Между тѣмъ, Шепелевъ догадался, что надо скорѣй собираться домой и уже одѣтый, при шпагѣ, со шляпой въ рукахъ,

подошелъ къ Маргаритѣ и сталъ говорить ей. Но она такъ глубоко задумалась, что пришлось ее взять за плечо.

— Маргарита, прійди въ себя, мнѣ надо скорѣе уходить!

Она подняла на него задумчивые глаза и, очевидно, не понимала словъ. Три раза повторялъ онъ ей то же самое.

— Что?! Нѣтъ! Нѣтъ! Ни за что!! вдругъ воскликнула Маргарита и схватилась за него изъ всѣхъ силъ. — Нѣтъ, нѣтъ, не пущу! Оставайся здѣсь. Я... я боюсь!.. Я боюсь...

— Господь съ тобой! Что ты?! Какъ не стыдно... изумился юноша.

Но, не смотря на всѣ увѣренія Шепелева, что ему невозможно оставаться, что на зарѣ подымется въ домѣ сумятица и весь день будутъ появляться знакомые, Маргарита не слушала и повторяла:

— Ни за что! Я боюсь!

Когда онъ, освободясь на мгновеніе, двинулся къ дверямъ, она кинулась за нимъ и страшно закричала... Съ нервной, невѣроятной въ ней силой, оттащивъ его отъ дверей, она бросилась снова къ двери и заперла ее на ключъ, также быстро и ловко, какъ когда-то, будучи „Ночью“, сидѣла это въ маскарадѣ прусскаго посла.

— Что ты дѣлаешь! съ отчаяніемъ воскликнулъ Шепелевъ и невольно вспомнилъ уборную дома Гольца. — Выпусти меня! Но она не слушала и только повторяла!

— Я не могу одна остаться, я боюсь! Ты будешь здѣсь теперь на долго, на недѣлю, на двѣ, все равно...

XII.

Все, что предвидѣлъ Шепелевъ, то и случилось. Чуть свѣтъ начался въ домѣ полная сумятица. Люди постоянно вызывали барыню для разныхъ распоряженій и, наконецъ, безъ ея вѣдома, по приказанію Эдуарда, дали ранехонько знать Іоанну Іоанновичу о смерти внука.

Когда прошло часа три, послѣ перваго мгновенія страха и трепета, Маргарита сидѣла въ своей временной спальнѣ, нѣ-

сколько успокоившись. Она даже согласилась отпустить Шепелева до ночи, выбравъ удобную для этого минуту, чтобы его не видалъ разный чужой людъ, шныравшій на подъѣздѣ и по передней. Но въ эту минуту въ дверь ея постучался кто-то и позвалъ ее... Маргарита обмерла, узнавъ голосъ дѣда! И во второй разъ перепугалась и смутилась она, точно такъ же, какъ отъ извѣстія, принесеннаго ночью Эдуардомъ.

— Ну, вотъ и поздравляю! отчаянно прошептала Шепелевъ, узнавъ тоже голосъ старика. Приходилось скорѣе прятаться въ шкафъ. Злобный, взбѣшенный влѣзъ онъ туда...

Маргарита поневолѣ тотчасъ отворила дверь и впустила старика-дѣда.

Іоаннъ Іоанновичъ былъ бодръ, веселъ и румянъ, все лицо его улыбалось.

— Ну, что жъ! Поздравляю, красавица! Теперь совсѣмъ овдовѣла, лучше чѣмъ на половину-то вдовой быть.

Но старикъ вдругъ смолкъ, и лицо его вытянулось отъ удивленія. Онъ ожидалъ встрѣтить такую же веселую женщину, какъ и онъ самъ былъ веселъ и доволенъ, а вмѣсто этого нашелъ теперь блѣдную, встревоженную и смущенную женщину.

Помолчавъ немного, онъ выговорилъ:

— Охъ, бабы-то, глупы! На бабу и самъ Господь не потрафитъ! Ей-Богу! Что же теперь плакать что-ли учнешь, убиваться, причитать, да завывать... Ахъ, прихотницы вы! Самъ чортъ васъ не разберетъ, чего вы хотите. Старикъ махнулъ рукой на внучку и, помолчавъ, прибавилъ.

— Ну, пойду на верхъ, погляжу на „пути-фица“. Не долго онъ по свѣту нашпацировалъ, какъ нѣмцы сказываютъ. Всего кажись двадцать шесть годиковъ шпацирь-то продолжался.

Іоаннъ Іоанновичъ двинулся было къ дверямъ, но обернулся и прибавилъ, будто въ укоръ Маргаритѣ:

— Вотъ, ка-бы я тогда въ этранже не пустилъ его, такъ поди-ка теперь бы живъ еще былъ.

Маргарита не слушала и выжидала; въ ту минуту, когда Іоаннъ Іоанновичъ былъ въ передней, она бѣгомъ бросилась къ шкафу, чтобы быть наготовѣ и успѣть, когда дѣдъ поды-

мется на верхъ, мгновенно выпустить Шепелева. Но вдругъ на лѣстницѣ дома раздались тяжелые шаги и возня нѣсколькихъ человѣкъ. Эти звуки Маргаритѣ напомнили что-то знакомое. Точь въ точь такой же шумъ раздавался въ домѣ, когда ея большую голубую кровать спускали сюда съ верху. Она недоумѣвала и, робѣя, вернулась къ дверямъ. Сначала она глядѣла, ничего не понимая, но вдругъ ахнула! Устремивъ глаза черезъ анфиладу комнатъ, черезъ всѣ отворенныя настежь двери, она увидѣла дѣда, который стоялъ передъ лѣстницей, потомъ попятился и, глядя на верхъ, перекрестился!

Не прошло нѣсколькихъ мгновеній, какъ Іоаннъ Іоанновичъ воротился назадъ, а вслѣдъ за нимъ нѣсколько человѣкъ тащили что-то въ бѣлой простынѣ.

Маргарита вскрикнула и отскочила отъ дверей къ окну. Въ этомъ крикѣ сказалось многое. Много различныхъ чувствъ шевельнулось въ ней. Но боязнъ близости этого мертвеца была заглушена боязнью за невѣроятное стеченіе обстоятельствъ; она испугалась срама, позора и такой огласки, которая погубить все. Всѣ ея надежды и мечты разлетятся въ прахъ! Маргаритѣ и на умъ не приходило, что кто-то помимо ея воли распоряжается въ домѣ. Въ ея смущеніи ей казалось, что ее губить невидимая рука, рука карающаго провидѣнія или мстящая рука усопшаго.

Но черезъ нѣсколько секундъ она могла догадаться, наконецъ, кто распорядился всѣмъ и поставилъ ее въ невозможное положеніе. Въ комнату вошелъ Эдуардъ съ той же демонской усмѣшкой на лицѣ и выговорилъ графинѣ:

— Такъ какъ эта комната самая большая и самая приличная, то надобно покойника положить здѣсь, на постели, покуда мы не устроимъ столъ, а затѣмъ мы постель вынесемъ. Появившійся за Эдуардомъ Іоаннъ Іоанновичъ понялъ въ чемъ дѣло и подтвердилъ то же.

— Разумѣется! Народъ будетъ. Толчея будетъ. Здороваго всѣ забыли, а теперь всѣ эти шатуны къ мертвому такъ и полѣзутъ, какъ мухи на медъ. Случая пошататься нельзя упустить! Да! Такъ! Такъ! Французъ! Же ву при! Молодецъ! Ком-

са! Комса! И въ этой даже комнатѣ на силу умѣстятся всѣ шатуны.

Маргарита, быть можетъ, въ первый разъ въ жизни, потерялась совершенно. Она стояла у окна, опершись рукой на подоконникъ, чувствуя, что ноги ея подкашиваются, и не могла выговорить ни слова. Она понимала, что это Эдуардъ, вѣрный слуга, мстить ей за любимаго барина, но дѣлать было нечего... Она была безоружна.

И черезъ часъ въ этой красивой комнатѣ съ куполомъ и великолѣпной мебелью, на большомъ устроенномъ столѣ, уже лежалъ покойникъ, устанавливались подсвѣчники и свѣчи, а большая кровать была уже разобрана и вынесена; всѣ лишнія вещи, туалетъ ея, мелочи разныя.... все было убрано.... А шкафъ остался! Люди взялись было и за него... Дѣдъ приказалъ. Но Эдуардъ остановилъ людей и упорно настоялъ оставить шкафъ!.. Этотъ Эдуардъ распоряжался всѣмъ такъ хладнокровно, спокойно, но твердо и самоувѣренно, что никто и не вздумалъ ему прекословить. Приказавъ не трогать шкафъ, Эдуардъ только взялъ три кресла и приставилъ ихъ къ дверцамъ, а ключъ вынулъ и положилъ въ карманъ. При этомъ движеніи лакея, Маргарита отъ злобы сразу пришла въ себя. Она сѣла у окна, отвѣчала дѣду сдержанно и холодно на всякіе его распросы и слѣдила за разными незнакомыми людьми, которые хлопотали вокругъ покойника. Она глядѣла, какъ дьячокъ пристраивался съ аналоемъ, глядѣла, какъ толстый мѣщанинъ съ черной бородой протягивалъ вдоль лежащаго на столѣ какую-то веревочку и завязывалъ узелки, но однако не догадалась, что это былъ гробовщикъ, снимавшій мѣрку. Только объ одномъ думала Маргарита: какъ освободить любовника и спастись отъ позора?

„Вотъ наказаніе! повторялось у ней гдѣ-то на сердцѣ безъ конца. Огласка! И притомъ самая страшная, самая невѣроятная! Когда будутъ объ этомъ говорить, то никто вѣрить не будетъ. Все это случилось само собой. И какъ просто случилось! Да, это онъ мститъ мнѣ чрезъ Эдуарда“. Въ комнату вошли два священника и поклонились ей. Маргарита съ ужасомъ оглядѣла ихъ, соображая, что теперь, въ комнатѣ до

ночи не будетъ ни минуты свободной, чтобы безъ свидѣтелей освободить офицера. Какъ пережить этотъ день? Дожить до ночи? Хлопотавшая любимица вошла, наконецъ, къ барынѣ и опустилась передъ ней на колѣни. Лотхенъ, видя графиню въ смущеніи, молча начала руками гладить по ея лежащей руцѣ.

— Что же вы, *liebe Gräfin*, выговорила она, наконецъ:— Богъ съ нимъ! Мы давно ожидали. Вы теперь свободны.

— Да, Лотхенъ. Но онъ здѣсь! шепнула Маргарита.

— Кто? не поняла Лотхенъ.

— Онъ здѣсь, Шепелевъ.

Лотхенъ разинула ротъ, раскрыла широко глаза, поняла, но думала, что не понимаетъ.

— Онъ здѣсь! шептала Маргарита,—не успѣлъ уйти. Въ шкафу. Пойми, что изъ этого будетъ!

Лотхенъ вскрикнула такъ же, какъ, нѣсколько часовъ назадъ, при извѣстіи Эдуарда о смерти графа. Она подумала мгновеніе, встала и вышла.

Между тѣмъ, мысли юноши въ шкафу, душномъ и темномъ, были совершенно противоположны мыслямъ Маргариты. Шепелеву казалось его приключеніе настолько невѣроятнымъ, что онъ готовъ былъ смѣяться, если бы не боялся, что его смѣхъ услышатъ. По шуму шаговъ, звуку голосовъ, по нѣсколькимъ отдѣльнымъ фразамъ, которыя онъ поймалъ на лету, онъ догадался, что произошло въ этой комнатѣ, гдѣ, нѣсколько часовъ назадъ, они спокойно бесѣдовали за ужиномъ. Впрочемъ, Шепелевъ былъ убѣжденъ, что Маргарита съумѣетъ его освободить. а съ другой стороны, если бы даже и случился скандалъ, то это не пугало юношу.

Черезъ нѣсколько минутъ Лотхенъ прибѣжала къ графинѣ, вызвала ее въ другую горницу и объявила: Эдуардъ прямо грозитъ вывести офицера изъ шкафа въ ту минуту, когда съѣдутся всѣ гости. Маргарита едва устояла на ногахъ.

— Позови его! воскликнула она черезъ нѣсколько минутъ.— Позови его!

Маргарита сѣла и закрыла лицо руками. Надо было унизиться передъ лакеемъ.

Французъ явился, догадываясь, зачѣмъ графиня вызываетъ его. Она ожидала увидѣть нахальное лицо и ошиблась.

— Эдуардъ! произнесла Маргарита спокойно:—вы, вѣроятно, хотите денегъ. Вы хотите, чтобы я выкупала у васъ мою честь? Я согласна. Сколько хотите вы, чтобы все устроить?

— Rien, madame la comtesse! Rien! спокойно отвѣчалъ Эдуардъ.

— Однако, чего же вы хотите? Я не понимаю, что вамъ нужно? Я вамъ повторяю, я не обману васъ, сдѣлайте все, устройте и берите, что хотите.

— Я ничего не хочу! былъ снова отвѣтъ Эдуарда.

— Что же вамъ нужно? За что жъ вы меня губите?

Эдуардъ помолчалъ немножко, лицо его изъ суроваго стало грустное, и онъ выговорилъ тихо:

— Je veux venger mon bienfaiteur! Отомстить за единственнаго человѣка, котораго любилъ, какъ отца роднаго! Французъ говорилъ такъ спокойно, что чувствовалось по неволѣ, что вся его затѣя давно и окончательно рѣшена и ничто на него не подѣйствуетъ.

— Я васъ велю сейчасъ же выгнать изъ дому! вспыхнула Маргарита, поднимаясь съ своего мѣста.—Вы забываете, что вы лакей!

— Напрасно начинать исторію. Я тотчасъ же выведу l'amant de madame la comtesse! холодно отвѣчалъ Эдуардъ.—И все равно будетъ то же, тотъ же скандалъ.

Маргарита сообразила, что надо рѣшиться скорѣй. Она бы не повѣрила, но лицо его, взглядъ его были еще краснорѣчивѣе. Когда онъ говорилъ, что выведетъ l'amant de madame, то по лицу его можно было видѣть, что онъ это сдѣлаетъ.

„Вѣдь сейчасъ начнутъ съѣзжаться!“ вдругъ подумала Маргарита. И какъ-то взмахнувъ руками, будто рѣшаясь броситься въ пропасть съ какого-нибудь обрыва, она кинулась снова въ гостиную, гдѣ былъ покойникъ. Подбѣжавъ къ Іоанну Іоанновичу, она порывисто, нервно, едва переводя дыханіе, потащила его за собой въ маленькую гостиную.

*

— Дѣдушка! воскликнула она — Помогите! Послѣ все скажу. Помогите! Я пропала.

— Что ты? Что? растерялся и отчасти перепугался Іоаннъ Іоанновичъ, думая по лицу внучки, что она сошла съ ума или тоже вдругъ смертельно заболѣла и умираетъ.

— Здѣсь въ шкафу,—указала Маргарита рукой на гостиную, и рука ея страшно дрожала.— Тамъ офицеръ! Офицеръ! Поймите! Тотъ, вы знаете... Шепелевъ. Помогите!

Старикъ разинулъ ротъ, и такъ растопырилъ руками, что выронилъ свою табакерку на полъ.

— Какъ? Что? пролепеталъ Іоаннъ Іоанновичъ и, поднявъ табакерку, застылъ, олицетворяя собой вопросъ.

— Въ шкафу спрятанъ былъ... Спасите меня! Офицеръ! Надо... Надо...

Іоаннъ Іоанновичъ, наконецъ, понялъ, сообразилъ, все взвѣсилъ и, вдругъ разведя руками еще болѣе, поклонился внучкѣ въ поясъ.

— Спасибо, внучка! Разодолжила. Ай, да... Ай, да... Ай, да финтъ!

— Ахъ, дѣдушка! Помогите! Вы понимаете, что будетъ! Я послѣ все объясню.

— Чего же тутъ объяснять! Само собой понятно! Вчерась заночевалъ, да на похороны безъ приглашенія и попалъ... Ну, финтъ, цыганочка, не ожидалъ. Да этакого на моей памяти не бывало, а мнѣ семь десятковъ. На столѣ покойникъ, а въ шкафу-то любовникъ! Ну будетъ Питеръ еще сто лѣтъ стоять—и до такого финта не достоинся!

— Дѣдушка! уже съ отчаяніемъ воскликнула Маргарита.— Хотите-ли вы мнѣ помочь? Сейчасъ съѣдутся, Эдуардъ грозитъ выпустить его при всѣхъ, нарочно...

— Ну, это онъ вретъ! вдругъ разсердился старикъ.— Я его, лакея... убью. Но, вотъ что, внучка, радъ бы я, но сама посуди, вѣдь сдѣлать-то ничего нельзя. Только и можно, что попросимши у батюшекъ извиненія, выпустить его при нихъ. Лучше при нихъ, чѣмъ передъ всѣмъ Питеромъ позорище устраивать, совсѣмъ скоморошество выйдетъ.

Между тѣмъ, Маргарита давно опустила на ближайшее кресло, опустила голову на руки и не отвѣчала ничего.

Іоаннъ Іоанновичъ стоялъ на одномъ мѣстѣ, какъ-то сенили ногами, потомъ вдругъ будто разсердился на себя и быстро пошелъ въ гостиную, гдѣ былъ покойникъ.

„Вотъ онъ шкапище-то! Какъ въ немъ не прятать! Домъ цѣлый! Въ немъ жить можно!“ подумалъ онъ, остапавливаясь. „Фу! Создатель! Вотъ финтъ, такъ финтъ!“

Между тѣмъ, священники, дьяконы, дьячки и еще два какіе-то причетника уже распорядились въ гостиной, какъ если бы они наняли теперь этотъ домъ и эти горницы для себя. Въ каждомъ движеніи каждаго изъ нихъ чувствовалась хозяйская самоувѣренность.

Іоаннъ Іоанновичъ вдругъ усмѣхнулся, обернулся къ нимъ и вымолвилъ, почесывая за ухомъ:

— Іереи честные, окажите мнѣ старому слугѣ царскому и російскому столбовому дворянину великое одолженіе! Произойдетъ сейчасъ въ сей горницѣ удивительное и даже грѣховное происшествіе. Общайтесь мнѣ не выносить сора изъ избы. Хотя соръ этотъ воистину такой, какого вамъ и видѣть въ жизнь не удавалось. Оттого-то и прошу я васъ сохранить все въ тайнѣ.

Всѣ духовные, конечно, ни слова не поняли, но, однако, еще нѣсколькими словами Іоаннъ Іоанновичъ имъ объяснилъ дѣло. Внучекъ его пьетъ сильно. Съ вечера пьяный остался у сестры, графини. Вдругъ событіе, покойникъ! Его спрятали въ шкафъ. Теперь авось проспался. Ну, и надо выпустить.

И затѣмъ Іоаннъ Іоанновичъ, чувствуя, что никто ни слову не повѣрилъ, а только изумлены, самъ тоже невольно усмѣхаясь, пошелъ къ шкафу, отодвинулъ кресла, отворилъ дверь и выговорилъ:

— Ну, ты, пьяница! проспался? Вылѣзай на свѣтъ! Авось теперь пить бросишь послѣ такого грѣха. Только сестру срамишь, да и меня... Ну, ну, вылѣзай, говорятъ! Какія тутъ прятки? На панихидѣ?!

И при изумленной публикѣ чловѣкъ въ восемь, изъ-за двухъ яркихъ элегантныхъ юбокъ, висѣвшихъ въ шкафу, по-

явилась фигура красиваго, но совершенно пунцоваго юноши.

„Эхъ! пьяница-то! При шпагѣ и при шляпѣ!“ Тотчасъ сообразилъ старикъ.

Юноша, не помня себя, прошелъ между духовенства. Конечно, во всю свою жизнь онъ болѣе смущенъ не бывалъ. Пройдя мимо Маргариты, онъ даже не замѣтилъ ея въ углу горницы.

— Грѣховно! замѣтилъ только ему вслѣдъ одинъ изъ священниковъ, разглаживая бороду.

Іоаннъ Іоанновичъ, покачивая головой, проводилъ юношу до самой передней. И какъ ему хотѣлось треснуть его сзади тростью по спинѣ! Потомъ, вызвавъ Эдуарда, онъ погрозился поступить съ нимъ посвойски, просто отодрать на конюшнѣ за малѣйшее слово. Затѣмъ старикъ вернулся къ Маргаритѣ, все еще сидѣвшей на томъ же креслѣ, и, опять почесывая за ухомъ, сѣлъ около нея. Она видѣла Шепелева, прошедшаго мимо, но еще не успокоилась вполне...

„Это не останется въ тайнѣ! думала она. Они всѣ всюду расскажутъ. Вотъ я и погибла! А я не хуже другихъ. Такое-ли бываетъ въ этой столицѣ!? Только не при такой обстановкѣ! А между тѣмъ, какъ это просто вышло!“

— Ну, внучка... Вдовушка моя! заговорилъ ласково Іоаннъ Іоанновичъ.— Вѣдь я мыслилъ, ты воструха баба. А вѣдь ты, прости меня, ты дура! Къ полюбовникамъ ходятъ, а къ себѣ не водятъ. Такъ на свѣтѣ заведено, и не намъ мудрить и свѣтъ учить.

XIII.

Среди дня домъ графини Скабронской переполнился народомъ.—Іоаннъ Іоанновичъ былъ правъ, говоря, что всѣ тѣ, которые живого графа забыли, къ мертвому тотчасъ поѣдутъ. Впрочемъ, была еще и другая причина большого стеченія публики. Петербургъ началъ чутъ въ овдовѣвшей иноземной красавицѣ—нарождающуюся силу!

„Чѣмъ чортъ не шутить! думали сановники. И чего только Питеръ не видалъ за все время отъ Петра Перваго до Петра Третьяго! Кто была Екатерина Алексѣевна, русская императрица? Была Марта! А тутъ Маргарита! Даже прозвища сходны!“

На другой день, Государь, узнавъ о смерти графа, вновь пожалованнаго придворнымъ званіемъ, заѣхалъ на панихиду, любезно и много шутилъ со вдовой, долго оставался въ домѣ, и, уѣзжая, сказалъ:

— Если бы не смотрѣть у Котцау, остался бы утѣшить васъ до зечера!

И послѣ визита государя, уже началась полная ярмарка. Кто былъ почти незнакомъ съ Маргаритой, и тотъ пріѣхалъ потолкаться и ей поклониться.

Государь, дѣйствительно, въ этотъ день долженъ былъ снова быть на испытаніи новой партіи учебниковъ Котцау. Первое испытаніе показалось Петру Ѳедоровичу настолько забавнымъ, что онъ съ тѣхъ поръ не пропускалъ ни одного.

На этотъ разъ, на открытомъ плацу близъ Адмиралтейства, благодаря великолѣпной погодѣ, собралась вокругъ офицеровъ куча народу и зѣвакъ, поглазѣть на „нѣмецкую драку“, т. е. на фехтованіе. Снова воспослѣдовало здѣсь то же самое, что было когда-то въ кирасирскомъ манежѣ. Снова Государь смѣялся, сердился, хвалилъ или бранилъ по-очереди многихъ изъ состязавшихся съ Котцау, съ его помощниками и затѣмъ между собой.

Но на этотъ разъ Государь уѣхалъ особенно довольный, такъ какъ случилось неожиданное нѣтъ, неожиданное даже самимъ Котцау, происшествіе.

Въ числѣ послѣднихъ поединщиковъ выступилъ изъ рядовъ пожилыхъ офицеровъ преображенецъ, старый лейбъ-компанецъ Квасовъ и попросилъ позволенія у Государя показать и свои успѣхи.

— А! вспомнилъ Государь.— Ты опять хочешь наболванить! Опять тебя Котцау высѣчетъ! А ты думаешь ему по головѣ попадешь! Небось во второй разъ не дастся. Брось! Уходи!

Квасовъ стоялъ на своемъ; спокойно, но настойчиво просилъ позволенія показать свое умѣнье, такъ какъ за все послѣднее время усердно занимался фехтованіемъ.

— Изволь, упрямая голова! Начинай! крикнулъ государь. Котцау назначилъ состязаться съ Квасовымъ офицера Будберга, такъ какъ онъ фехтовалъ довольно порядочно. Однако, едва

успѣлъ онъ скрестить шпагу съ Квасовымъ, какъ лейбъ-компанецъ послѣ двухъ или трехъ пасъ, вышибъ шпагу изъ рукъ противника и, обратясь къ государю, вымолвилъ:

— Ваше величество, прикажите съ кѣмъ-нибудь потягаться, кто поинтереснѣе. Этотъ совсѣмъ ступить не умѣетъ.

Государь, обрадованный, хотя нѣсколько удивленный, воскликнулъ весело:

— Чего же лучше! пускай самъ Котцау станетъ. И государь лукаво разсмѣялся, увѣренный, что поймать лейбъ-компанца, хвастливаго не въ мѣру.

Котцау сталъ отказываться, объясняя, что опять этотъ поединокъ между ними окончится тѣмъ, что лейбъ-компанецъ разозлится и забудетъ, что здѣсь смотръ, а не настоящая драка или война.

И Котцау, не дожидаясь отвѣта государя, приказалъ своему помощнику Шмиту выйти потягаться съ Квасовымъ.

Акимъ Акимовичъ съ особенно серьезнымъ лицомъ, спокойный, отчасти даже важный, если не торжественный, сталъ на мѣсто противъ нѣмца. Шпаги скрестили.

Не прошло пяти минутъ, какъ Шмитъ началъ волноваться, бѣситься. Ему еще ни разу не удалось тронуть лейбъ-компанца. Онъ думалъ, что ихъ поединокъ будетъ потѣхой для всѣхъ, что онъ черезъ секунду осрамитъ Квасова, а вдругъ оказывается, что лейбъ-компанецъ искусно парируетъ каждый ударъ. И по цѣлымъ минутамъ стоятъ они другъ противъ друга не выпадая, по невозможности поймать противника врасплохъ. Только обѣ шпаги ярко блестятъ на солнцѣ и незамѣтно вздрагиваютъ.

Но вдругъ Квасовъ вскрикнулъ на весь плацъ:

— Держись, поросенокъ, убую!

И тотчасъ же три удара, самыхъ ловкихъ и сильныхъ, упали на нѣмца, ударъ по колѣну, по плечу, и послѣдній прямо въ грудь съ такой силой, что шпага согнулась въ дугу между обоими противниками! Крики изумленія, похвалы и громкій говоръ раздался кругомъ. Звѣаки тоже почуяли, что «свой братъ» нѣмца одолѣлъ и въ народѣ тоже гулъ одобренія пошелъ.

Государь поднялся и приблизился къ лейбъ-компанцу.

— Не ожидалъ! Спасибо тебѣ, молодецъ! Ты, стало-быть, работалъ много за это время!

— Почитай, цѣлыхъ два мѣсяца, ваше величество! часовъ по восьми въ сутки занимался. И какъ видите, не хуже другихъ. Теперь могу помѣриться и съ самимъ господиномъ Котцау. Разумѣется, мнѣ съ нимъ совладать нельзя, но и тронуть и себя не дамъ ему.

— Ну, это вздоръ! воскликнулъ государь.—Ужъ ты и пошелъ!.. Вотъ русскій человѣкъ видѣнъ. Не можетъ не зазнаться...

— Говорю, не дамъ себя тронуть, упорно стоялъ Квасовъ на своемъ.

Котцау ухмылялся и трясъ головой.

— Что-жъ, mein Herr, деучъ, воскликнулъ Квасовъ.—Дайте мнѣ вздохнуть малость и начнемъ.

Черезъ нѣсколько минутъ лейбъ-компанецъ и Котцау скрестили шпаги. Нѣсколько мгновений Квасовъ не далъ себя тронуть ни разу.

Измученный Котцау, но довольный, какъ любитель своего дѣла, невольно восхищался своимъ противникомъ. Каждый разъ, что ему не удавался его ударъ, не удавалось тронуть Квасова, онъ восклицалъ весело, съ искренной радостью:

— Bravo! Карашо! Молодесъ! Карашо!

И поединокъ этотъ вышелъ совершенно иной, чѣмъ когда-то въ манежѣ. Котцау былъ въ восторгѣ отъ своего противника, Акимъ Акимовичъ былъ, конечно, польщенъ, и насколько онъ былъ злобенъ тогда, такъ что глаза его наливались кровью, настолько теперь былъ доволенъ, и улыбка не сходила съ его лица.

Поединчики кончили.

Всѣ присутствующіе съ государемъ и принцемъ впереди обступили ихъ кругомъ, расхваливая лейбъ-компанца.

Отдохнувъ немного, Котцау произнесъ по-нѣмецки:

— Ну, теперь еще одинъ разъ! Теперь скажите ему, что я его сейчасъ же трону секретной пасой, противъ которой онъ ничего не можетъ сдѣлать.

Квасову перевели, но лейбъ-компанецъ отвѣчалъ:

— Пушай, это будетъ не обидно!

И едва только оба снова скрестили шпаги, Котцау ловкимъ маневромъ такъ ударилъ по шпагѣ лейбъ-компанца, что вся шпага задрожала, затряслась и рука лейбъ-компанца, державшая эфесъ, на секунду онѣмѣла отъ сотрясенія. И въ этотъ моментъ пруссакъ ударилъ его два раза въ плечо и колѣно и отступилъ. Котцау боялся, что лейбъ-компанецъ озлится, полѣзеть, и не будетъ опять конца поединку.

Но Акимъ Акимовичъ добродушно разсмѣялся и выговорилъ:

— Молодецъ! Да вѣдь вы фехтъ-мейстеръ, людей мастеръ крошить, а я только по сю пору былъ табакъ-мейстеръ, только табакъ умѣлъ крошить, какъ никто во всей столицѣ.

Государь былъ въ полномъ восторгѣ и ласково обнялъ Квасова.

— Вотъ, кабы вы всѣ такъ учились! обернулся онъ къ гетману, стоявшему за нимъ, и тотчасъ же поздравилъ Квасова майоромъ. Акимъ Акимовичъ даже зарумянился отъ удовольствія и благодарности. Государь, сказавъ нѣсколько словъ окружающимъ, чтобы взяли примѣръ съ Квасова, — сѣлъ на подведенную лошадь.

Все, что было офицеровъ на плацу, тотчасъ окружили героя дня съ поздравленіями. Всѣ искренно удивлялись, какимъ образомъ человѣкъ его лѣтъ могъ въ такой короткій срокъ такъ наостриться.

— Самъ не знаю, добродушно говорилъ Акимъ Акимовичъ, — Сдается мнѣ, что и прежде у меня способность къ тому была да случая не выходило заняться. Ну, а тутъ по восьми часовъ въ день упражнялся. И всякій-то день, все легче да легче выходило. Я такъ полагаю, что російскій человѣкъ все умѣетъ и все сдѣлать можетъ, только бы охота была.

Въ эту минуту весь преображенскій полкъ двигался чрезъ плацъ и повернулъ на Невскій проспектъ. Всѣ, слѣдившіе за нимъ, замѣтили, что нѣсколько далѣе, впереди, остановился и государь, окруженный своей верховой свитой и толпой народа. Очевидно, что-то случилось.

Многіе изъ офицеровъ съ плаца тотчасъ же побѣжали на мѣсто происшествія.

Въ ту минуту, когда государь отъѣзжалъ отъ плаца верхомъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ лицъ и въ томъ числѣ гетмана, онъ увидалъ среди улицы хорошо знакомый ему нѣсколько фантастическій мундиръ, единственный въ городѣ. Это былъ арапъ его и любимецъ, лакей Нарцисъ. Арапъ отчаянно дрался на кулачкахъ съ какимъ-то мѣщаниномъ и былъ весь обрызганъ грязью, такъ какъ противникъ, отнявъ метлу у разчищавшаго грязь дворника, уже успѣлъ раза два хлестнуть „черномазаго“. Но затѣмъ Нарцисъ отвоевалъ метелку, два раза ударилъ мѣщанина палкой—и, переломивъ ее на его головѣ, бросился въ рукопашную. Негръ, разсвирѣпѣвъ какъ дикое животное, яростно кидался на сильнаго и рослаго врага, получалъ могучіе удары въ грудь и голову, но и самъ билъ изъ всѣхъ силъ.

Государь, узнавъ любимца, подскочилъ къ нему, окруженный свитой, звалъ его, кричалъ, бранилъ, но Нарцисъ никогда бы не покинулъ своего противника, если бы тотъ самъ, при видѣ государя, не отскочилъ въ сторону, снимая шапку. Въ мѣщанинѣ государь узналъ извѣстнаго въ городѣ палача.

— Это ужасно! воскликнулъ государь. — Я лишенъ моего лучшаго слуги! Господи! Кирилль Григорьевичъ? Гетманъ! что же мнѣ теперь дѣлать? Это ужасно! Я долженъ его прогнать, отправить. Гетманъ не понималъ, и государь объяснилъ ему, что арапъ подрался съ палачемъ и что послѣ такого позора Нарцисъ, имѣющій воинское званіе, настолько обезчещенъ, что государь уже не можетъ терпѣть его около своей священной особы, а равно пользоваться его услугами.

Сначала гетманъ, Гудовичъ и другіе смѣялись, но вдругъ увидѣли къ своему удивленію, что государь говоритъ совершенно серьезно, и на лицѣ его написано полное отчаяніе. Всѣ лица стали сразу серьезны.

— Какъ же быть теперь? Какъ же быть? Я люблю Нарциса и не могу безъ него обойтись! горячо говорилъ государь, обращаясь съ сѣдла ко всѣмъ присутствующимъ.

Всѣ молчали, окончательно не зная, что сказать, и не зная, что будетъ далѣе.

— Онъ долженъ кровью смыть это безчестье! воскликнулъ государь. — Понимаете?

— Такъ мы ему немножко крови и пустимъ, выговорилъ вдругъ гетманъ, полусуштя. — Вѣдь не на поединкѣ же ему драться съ палачомъ?

— Какъ? воскликнулъ государь. — Какъ пустить...

— А вотъ возьмемъ, да куда-нибудь царапнемъ! Кровь у него и потечетъ. И довольно! шутилъ гетманъ.

— Отлично! воскликнулъ государь.

Гетманъ удивился.

— Отлично! Отлично! продолжалъ Петръ Ѳеодоровичъ. — Сейчасъ же берите его! приказалъ онъ.

Столпившіеся кругомъ офицеры подступили, но Нарцисъ, уже перепуганный, что съ нимъ хотятъ дѣлать нѣчто совсѣмъ ему непонятное, сталъ въ оборонительное положеніе, приготовясь встрѣтить кулаками и самихъ офицеровъ.

— Сдавайся! кричалъ государь, наѣзжая на негра, но Нарцисъ упрямо трясъ головой.

Государь приказалъ кликнуть солдатъ изъ проходившаго преображенскаго полка. Полкъ остановился, нѣсколько солдатъ окружили Нарциса и, получивъ нѣсколько здоровыхъ тумаковъ, наконецъ осилили его, схватили и держали за руки и за ноги. Никто ничего, однако, не понималъ, начиная съ Нарциса и кончая даже гетманомъ.

— Давайте сюда знамя! воскликнулъ государь. — Приверйте его. Это тоже смоесть безчестье.

И офицеръ съ двумя солдатами-знаменосцами вышли изъ рядовъ со знаменемъ и по приказу государя наклонили его надъ арапомъ. Въ то же время Петръ Ѳеодоровичъ велѣлъ одному изъ солдатъ разстегнуть сюртукъ на негрѣ и по обнаженной рукѣ близъ плеча — царапнуть чѣмъ нибудь, чтобы вызвать нѣсколько капель крови.

Нарцисъ вырывался, ревъль, ругался отчаянно, грозился и визжалъ, оскаливая свои собачьи зубы.

Сдержанный смѣхъ раздавался кругомъ. Со всей улицы

прохожіе и проѣзжіе бѣжали поглядѣть, что случилось среди густой толпы и кто оретъ, какъ бѣлуга, на весь Невскій проспектъ.

— Ну, вотъ отлично! выговорилъ, наконецъ, государь, совершенно довольный и счастливый.—Ступай скорѣй домой! Спасибо вамъ, Кирилль Григорьевичъ, что надоумили! Теперь я даже счастливъ, а то мнѣ приходилось лишиться вѣрнаго слуги.

И Петръ Ѳеодоровичъ веселый, съ сіяющимъ лицомъ, двинулъ лошадь въ галопъ. Свита поскакала за нимъ.

Офицеръ, знаменосцы и солдаты преображенцы вошли въ ряды, и полкъ вновь двинулся. Народъ долго не расходился. Со всѣхъ сторонъ только и слышно было:

— Да что такое? Бѣлый, чтоль, арапъ-отъ?

— Въ чемъ дѣло-то? Сѣкли, что-ль...

— Оралъ! Стало, не пряникомъ кормили!

— Не пойму. Спросите у кого-нибудь.

— Да никто не знаетъ.

— О, дурни! Кровь пушали арапу... захворалъ!.. Ну, докторъ въ себя и приводилъ его. Это первое дѣло отъ застуженья кровь пустить.

— О, чертъ, вретъ! Въ жару эдаку, вишь, застудился онъ, у него?!

— Да вѣдь онъ, братецъ ты мой, арапъ!! Понялъ ты это?

XIV.

Гарина, съ самаго дня своего ареста и немедленнаго освобожденія, была такъ потрясена, что почти не вставала съ постели. Изрѣдка на нѣсколько минутъ она пробовала встать, но, посидѣвъ немного въ креслѣ, снова ложилась. Сильное здоровье было будто надорвано; при малѣйшемъ звукѣ на дворѣ, она вздрагивала всѣмъ тѣломъ. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по горницѣ, чувствовала, что ноги подкашиваются, а въ рукахъ она не могла удержать ничего, даже чайная чашка и та казалась ей страшною тяжестью.

Настя на видъ была еще хуже. Она страшно похудѣла, по-дурнѣла и тоже почти не выходила изъ своей комнаты, не ходила къ теткѣ, извиняясь нездоровьемъ.

Василекъ проводила день, переходя отъ одной больной къ другой; усердно ухаживая за теткой, она не могла видѣть безъ боли положеніе сестры. Она чувала, что помимо перепуга, ареста, страха за судьбу своднаго брата, котораго Настя давно любила, есть у сестры еще что-то на душѣ. Отъ зари до зари въ полномъ смыслѣ слова была Василекъ на ногахъ въ хлопотахъ и заботахъ домашнихъ. Иногда ей случалось съ утра и до сумерекъ не успѣть или просто забыть выпить чашку чая. Случалось, что тетка, сильно разсерженная, выговаривала своей любимицѣ, упрекала ее въ недостаткѣ попеченія о себѣ, въ недостаткѣ любви, по поводу какого-нибудь поданнаго ей перекиснувшаго горшка простокваши или пережареннаго пирога. И Пелагея Михайловна, конечно, не зная, что Василекъ, молча и терпѣливо выслушивающая выговоры, сама уже часовъ восемь не имѣла еще маковой росинки во рту.

Насколько Пелагея Михайловна нетерпѣливо и рѣзко относилась теперь къ своей любимицѣ и была болѣзненно придирчива, настолько сестра Настя, всегда гордо, чуть не презрительно относившаяся къ старшей сестрѣ, теперь была нѣжна къ ней и ласкова. Разъ два уже случилось Настѣ сказать сестрѣ:

— Обними меня, поцѣлуй!

Часто Василекъ утѣшала сестру, что Глѣба не постигнетъ строгое наказаніе, что какъ-нибудь все сладится, хоть со временемъ, хоть черезъ нѣсколько годовъ. Настя слушала, молча, и не отвѣчала ничего. Василекъ чувствовала, что говорить пустяки, что дѣло въ сущности не въ томъ... А въ чемъ?!. Какая тайна чувствуется ей у сестры, чувствуется ей сердцемъ безсознательно...

Однажды вечеромъ, Василекъ, сидя съ сестрой, снова стала утѣшать ее, что Глѣбъ отдѣляется только тѣмъ, что будетъ года три солдатомъ гвардіи.

— Не Богъ вѣсть какое наказаніе. Вонъ Шепелевъ недавно

еще безъ всякой вины, а только за молодостью лѣтъ былъ рядовымъ.

— Ахъ, Василечекъ, вдругъ воскликнула Настя.— Да развѣ въ этомъ дѣло! Воръ онъ, воръ! Пойми ты это!

И Настя вдругъ зарыдала.

— Ужъ лучше пускай въ Сибирь идетъ, тогда хоть будетъ наказанъ и, стало быть, несчастный.

„Такъ вотъ что ей горько! подумала Василекъ. Вотъ ея тайна!“ и, снова принимаясь утѣшать сестру, она вымолвила наконецъ:

— Ну, положимъ такъ. Жаль тебѣ его, и мнѣ тоже жаль, но вѣдь все жъ таки, Настенька, онъ намъ не родной братъ. Такъ вотъ, какъ ты убиваешься, ты могла бы только убиваться по жениху или по мужу.

Настя вдругъ перемѣнилась въ лицѣ и воскликнула:

— Молчи! Молчи!

Василекъ не поняла тайнаго значенія этого порыва.

— Конечно, только по любимомъ человѣкѣ, жениху-ли или мужу можно такъ убиваться.

Настя вдругъ зарыдала, бросилась на шею сестрѣ и выговорила шепотомъ, отъ котораго у Василька сердце замерло:

— Молчи! Сама не знаешь, что говоришь! Не будемъ больше никогда говорить объ этомъ.

Такъ какъ Пелагея Михайловна и обѣ княжны узнали, конечно, отъ Квасова, кто былъ главнымъ ихъ защитникомъ, то Василекъ была теперь несказанно счастлива, что онѣ всѣмъ обязаны Шепелеву.

Пелагея Михайловна тотчасъ по возвращеніи домой вытребовала чрезъ лейбъ-компанца юношу, обняла, разцѣловала и просила его забыть все старое, забыть, что онъ былъ нареченнымъ, и бывать запросто какъ пріятель. И теперь Квасовъ и Шепелевъ по очереди приносили въ домъ Тюфякиныхъ вѣсти о князѣ.

Однажды, чрезъ недѣли двѣ послѣ освобожденія княженъ, Квасовъ принесъ извѣстіе и передалъ Васильку, что Глѣбъ разжалованъ, лишенъ чиновъ, дворянства и ссылается въ Сибирь,

въ рудники. Пелагеѣ Михайловнѣ тотчасъ же было это передано. Лицо ея освѣтилось злобной радостью.

— Угодилъ, киргизъ! Туда ему и дорога, поганому! воскликнула она раздражительно и злобно. — Его бы на родину его возвратить — въ степи киргизскія. Ну, да въ рудникахъ еще почище будетъ.

Василекъ, конечно, уговорила съ Квасовымъ скрыть на время ужасную вѣсть отъ сестры. Но Настя будто чуяла, догадывалась или, быть можетъ, неосторожное слово кого либо изъ людей заставило ее подозрѣвать истину. На всѣ ея вопросы, цѣлый день Василекъ и Квасовъ не отвѣчали правды, но Настя догадалась, какъ добиться истины.

Рано утромъ она написала Шепелеву, прося извѣстить о судьбѣ князя, и подписалась: „княжна Василиса“. Тайкомъ посланный ею мальчишка черезъ два часа былъ уже обратно и вручилъ ей отвѣтъ.

Настя пробѣжала его глазами и тутъ же среди передней замертво упала на полъ. Очнувшись въ постели, куда перенесли ее, и открывъ глаза, Настя не сразу пришла въ себя, даже не сразу узнала Василька.

Наконецъ, она выговорила глухимъ, полубезумнымъ шепотомъ:

— Рудники! Далеко! Да и работать не умѣю! Зачѣмъ меня не учили хоть лопату держать?..

И Настя осталась въ постели на нѣсколько дней. Скрытно отъ всѣхъ, цѣлые дни плакала она...

Гарина, наоборотъ, обрадованная извѣстіемъ о Глѣбѣ, будто отомщеная, казалась на видъ спокойнѣе, будто выздоровѣла. Она подозрѣвала, конечно, капцелярію и Гудовича за ихъ глупое арестованіе, но, главнымъ образомъ, она обвиняла, оговорившаго будто бы ихъ, негодяя киргиза. Василекъ оправдывала брата, но опекунша не вѣрила...

Такъ прошла еще недѣля.

Однажды утромъ явился въ домъ Тюфякиныхъ, никогда до тѣхъ поръ не бывавшій у нихъ, Алексѣй Орловъ. Узнавъ, что Гарина въ постели, онъ велѣлъ доложить о себѣ старшей княжнѣ Васильку Орловъ объявилъ, что у него есть первѣйшей важно-

сти дѣло до ея тетки, и просить непремѣнно, чтобы Гарина приняла его.

Пелагея Михайловна взволновалась, почувяла новую бѣду и, кое-какъ поскорѣ одѣвшись, сѣла около постели въ кресло и приняла преображенца, о которомъ только слыхала, какъ о буянѣ. Съ первыхъ же словъ этотъ буянь, Богъ вѣсть почему, необыкновенно понравился Пелагеѣ Михайловнѣ. Она глядѣла на него, дивилась и думала:

„Скажи на милость, какъ часто про человѣка, зря, дурно сказываютъ. Просто витязь, молодецъ, красавецъ! Да какой вѣжливый, почтительный!“

Къ несказанному удивленію Василька, Орловъ просидѣлъ глазъ на глазъ съ теткой три часа. Заперевъ дверь по ея же приказанію, Василекъ невольно рѣшилась раза два подойти къ дверямъ и прислушаться, чтобы знать, чего надо ожидать, бѣды или радости.

Бесѣда тетки съ преображенцемъ была тихая, мирная. Василекъ разслышала только голосъ Орлова. Онъ говорилъ краснорѣчиво, горячо и мягкимъ убѣдительнымъ голосомъ. Тетка все молчала и только слушала.

„Что онъ ей рассказываетъ?“ недоумѣвала княжна.

Наконецъ, Пелагея Михайловна позвала Василька и приказала ей достать изъ сундука, стоявшаго близъ образницы, тысячу червонцевъ. Василекъ достала деньги и, удивляясь, положила на столъ.

— Ну, бери, голубчикъ, только меня и моихъ племянницъ не загубите! А если съумѣете все сохранить подъ спудомъ, то приѣзжай, еще дамъ.

Орловъ взялъ деньги, общался бывать, какъ знакомый, поцѣловалъ ручку Пелагеи Михайловны и уѣхалъ.

Василекъ ничего не понимала. Гарина, видя изумленное лицо любимицы, усмѣхнулась насмѣшливо и выговорила:

— Диву далась! Ну, и дивись! А знать тебѣ этого не приходится. А приѣдетъ онъ, еще дамъ. Десять разъ приѣдетъ, десять разъ дамъ! Онъ не обманщикъ, не киргизъ! Душа парень! Я его три раза тутъ цѣловать принималась, а меня краснобайствомъ не проймешь. А денежки эти, Василекъ, на та-

кое дѣло!.. Ну, просто скажу, на святое дѣло!! Да и имъ-то... На, вотъ, подавись! И Пелагея Михайловна злобно стала стучать по столу костлявыми пальцами.

— Подавись! Подавись! Коли только за этимъ дѣло стало, за деньгами... половину всего своего иждивенія Орловымъ отдамъ, чтобы только отплатить разбойникамъ этотъ стыдъ, да срамъ! Чтобы столбовыхъ дворянокъ тащить съ солдатами, зря, въ холодную, на допросъ и пытку!.. И Гарина прибавила будто себѣ самой, или мысленно обращаясь къ Алексѣю Орлову:

— Приѣзжай, голубчикъ, приѣзжай! Хоть до пятидесяти тысячъ дойду! А только сверни ты имъ шею...

Въ тотъ же вечеръ громовый ударъ. но уже послѣдній, разразился надъ домомъ Тюфякиныхъ.

Василекъ, вставшая очень рано, прохлопотавшая цѣлый день, почувствовала себя вдругъ дурно. Здоровье ея, хотя крѣпкое, тоже не выдержало, наконецъ, всѣхъ заботъ и хлопотъ. За всѣ эти дни у нея бывала только одна радость, когда Шепелевъ появлялся къ нимъ провѣдать о здоровьѣ Гариной. Но онъ каждый разъ спѣшилъ, и она едва успѣвала перекинуться съ нимъ нѣсколькими словами.

Василекъ въ сумерки, чувствуя себя слабой, рѣшилась уйти къ себѣ и прилечь на минуту. А, между тѣмъ, покуда Василекъ глубокимъ сномъ заснула у себя, Настя, за два дня вставшая на ноги, оправившаяся немного, но давно рѣшившаяся на объясненіе съ теткой, вдругъ поднялась съ мѣста, прошла корридоръ и, постоявъ нѣсколько мгновеній у двери тетки, быстро, порывомъ вошла...

Пелагея Михайловна сидѣла на постели и раскладывала у себя на колѣняхъ, на откинутомъ одѣялѣ, свой любимый пасьянсъ. При звукѣ шаговъ она подняла глаза и увидѣла передъ собой племянницу, которую не видала давно.

— А! выговорила Гарина язвительно, — собралась провѣдать! Хворую изображаешь! Почему? Отца родного, что-ли, въ Сибирь угоняють? Киргиза на его родину посылають, а тебѣ горе. Блажишь все... Одного жениха вотъ упустила ужъ... Смотри, въ дѣвкахъ останешься.

— Тетушка! выговорила Настя глухимъ голосомъ, остановившись за задкомъ кровати Гариной.—Я вамъ... Выслушайте. Вы мнѣ не мать. Вы меня не любите. И я васъ не люблю! Сестру теперь полюбила... Ее мнѣ жаль... А васъ не жаль... Я ухожу за... нимъ... въ Сибирь за нимъ.

Гарина уронила карты на колѣни, спутала пасьянсъ и, вытаращивъ глаза на Настю, молчала отъ изумленія.

— Вы опекунша, вы хозяйка по закону надъ моими деньгами, все также глухо и медленно заговорила Настя, только глаза ея засверкали ярче.—Надо мной вы ничего не можете... Оставайтесь съ моими деньгами. Я ухожу безъ нихъ.

— Да, какъ смѣешь ты... зашептала Пелагея Михайловна, теряясь и робѣя отъ лица и голоса Насти... Да ты... Василекъ! Василекъ! вдругъ закричала Гарина, невольно призывая на помощь любимицу.—За киргизомъ! Ухожу! Что ты? Что?!..

— Глѣбъ для меня дороже всего на свѣтѣ... Онъ... онъ... Но Настя не могла договорить. Она ухватила руками за кровать, поблѣднѣла, закрыла глаза и, наконецъ, шепнула:

— Онъ больше брата... Онъ мнѣ теперь... Тамъ въ Сибири законовъ людскихъ нѣтъ. Тамъ все можно... И Настя прибавила еще нѣсколько словъ, едва шевеля губами, невнятно... ослабѣвшимъ голосомъ...

Но Пелагея Михайловна слышала, поняла, повѣрила... Она страшно перемѣнилась въ лицѣ и мгновенно ухватила за голову... помотала головой, тихо ахнула, затѣмъ застонала еще тише и повалилась на подушки.

Настя, шатаясь, вышла и, держась за стѣну корридора, дошла съ трудомъ въ свою горницу.

Пелагея Михайловна лежала и, при полномъ сознаниіи своего положенія, чего-то ужаснаго съ ней, не могла двинуться и не могла позвать...

Только черезъ часъ Василекъ была разбужена горничной, которая тормошила ее за руку. Прийдя въ себя, она услышала:

— Барышня! Барышня! Барынь не хорошо... И давно... Полумертвая...

Василекъ вскочила на ноги и не могла даже ничего понять. Она испугалась, но не понимала то страшное, что го-

..

ворять ей про тетку. Побѣжалъ въ спальню Гариной, она нашла ее въ постели въ страшномъ видѣ, котораго Василекъ тоже испугалась и тоже не понимала.

Все лицо Пелагеи Михайловны покосило на сторону, она глядѣла только однимъ глазомъ, слегка закатившимся, ротъ былъ скривленъ. Увидя Василька, Пелагея Михайловна зашевелила ртомъ, но вмѣсто словъ Василекъ услышала какіе-то страшные ужасные гортанные звуки, которые можно было принять за шутку, если бы они были произнесены ребенкомъ.

По счастью, пришедшій Акимъ Акимовичъ, давно уже ожидавшійся Василька въ гостиной, чтобы по обыкновенію сѣсть за чай,—понялъ въ чемъ дѣло. Тотчасъ же на лошадяхъ Тюфякиныхъ онъ поскакалъ за докторомъ. Затѣмъ до полуночи прохлопотали всѣ около Пелагеи Михайловны. У нея сдѣлался ударъ...

Василекъ была настолько потрясена, что прежній арестъ ужъ казался ей чуть не шуткой сравнительно съ теперешней бѣдой. Она даже не замѣтила присутствія въ домѣ, далеко за полночь, человѣка, который все-таки былъ для нея — дороже всего въ мірѣ, т. е. Шепелева.

Около часу ночи, когда Квасовъ сидѣлъ у больной, а докторъ уѣхалъ, Шепелевъ, оставшись въ гостиной наединѣ съ Василькомъ, обратился къ ней съ вопросомъ, почему случился ударъ у Пелагеи Михайловны.

Василекъ отозвалась невѣдѣніемъ и внезапно догадалась пойти къ сестрѣ. Спросить! Но тутъ только она вдругъ всплеснула руками и выговорила:

— А Настя-то? Гдѣ-жъ Настя? Ея не было...

Она вспомнила, что Настя за все это время хлопотъ около тетки не появилась ни разу.

— Да и я хотѣлъ все спросить, воскликнулъ Шепелевъ. —Какъ же въ такое время, да не прійти помочь.

Василекъ тотчасъ же рѣшила мысленно, что, стало быть, сестра лежитъ тоже безпомощно въ своей горницѣ. Она бросилась туда. Горница Насти была пуста. Только ящики комодовъ были выдвинуты, многое выброшено на полъ. Нѣкоторыхъ

вещей, одного образа изъ кіота и маленькаго ларчика, гдѣ были ея вещи, не было.

Черезъ четверть часа новой сумятицы въ домѣ, Василекъ и всѣ домочадцы убѣдились, что княжны Настасьи не было въ домѣ.

XV.

И странно распорядилась судьба! Самое тяжелое время въ домѣ Тюфякиныхъ оказалось для Василька самымъ счастливымъ временемъ ея жизни.

Тетка была въ постели почти безъ движенія, докторъ не ручался за ея жизнь. Сестра бѣжала изъ дому, сама оговорила себя въ канцеляріи Гудовича и добилаь того, что послѣдовала за ссыльнымъ братомъ.

Но за то здѣсь бывалъ теперь всякій день Шепелевъ. Въстѣ съ Василькомъ ухаживалъ онъ за больной, просиживалъ цѣлые часы около ея постели, проводилъ иногда цѣлые дни наединѣ съ Василькомъ. Видать ее сдѣлалось для него потребностью. Ей одной изливалъ онъ свою душу, ей одной передавалъ всякій день то, что приходилось перечувствовать и страдать отъ безсердечной кокетки.

Кончилось тѣмъ, что Шепелевъ рассказалъ Васильку всю свою исторію съ Маргаритой, начиная со встрѣчи въ оврагѣ и поцѣлуя въ домѣ гадалки. Только объ одномъ умолчалъ онъ: о дерзкомъ свиданіи въ маскарадѣ. Но Василекъ знала, что именно съ этого маскарада началась ихъ связь. И наивный юноша не подозрѣвалъ, какъ терзалъ онъ сердце бѣдной княжны. Онъ и не воображалъ, какъ тяжело было ей выслушивать всю эту исповѣдь, всѣ эти признанія. Но за эти дни взаимныя отношенія Шепелева и Василька измѣнились. Юноша посмотрѣлъ на некрасивую княжну совершенно иными глазами. Безконечная доброта ея закупила его, и княжна стала его первымъ другомъ. Василекъ по прежнему, но уже сознательно, не боясь своего чувства, любила его и на свой ладъ ревновала къ Маргаритѣ. Ей казалось, что ея любовь и любовь этой женщины— совершенно два различныя чувства. Ей казалось, что та страсть,

въ которой сознался Шепелевъ къ этой кокеткѣ, ея бы не удовлетворила. Въ грезахъ своихъ о немъ когда-то, представляя себѣ, какъ онъ могъ бы полюбить ее, она никогда не думала и не могла даже предполагать возможности такого чувства, какое было у этого юноши къ красавицѣ иноземкѣ. Она ревновала и ненавидѣла графиню только за тѣ мученія, которыя претерпѣвала отъ нея юноша.

Василекъ теперь перестала смущаться Шепелева, была проще, искреннѣе. Юноша, съ своей стороны, послѣ своей полной исповѣди обращался съ ней совершенно какъ бы съ сестрой. День за день Маргарита все болѣе и болѣе мучила его, а чистота души и безконечная доброта Василька все болѣе привлекали его. Кончилось тѣмъ, что, послѣ каждой бурной сцены съ Маргаритой, Шепелевъ безъ оглядки бѣжалъ въ домъ Тюфякиныхъ, къ единственному человѣку на землѣ, съ которымъ онъ могъ говорить откровенно обо всемъ.

Однажды, случайно убѣдившись, что есть что-то ужасное и отвратительное въ поведеніи Маргариты относительно стараго дѣда, Шепелевъ снова бросился къ другу. На этотъ разъ онъ былъ особенно блѣденъ и печаленъ, но сказать этому милому, чистому существу, что подозрѣваетъ онъ и на что способна та женщина, было совершенно невозможно.

— Что съ вами? приставала на этотъ разъ Василекъ.

Но Шепелевъ долго молчалъ и, наконецъ, отозвался.

— Даже и рассказать вамъ нельзя. Много было всего, но подобнаго, конечно, и ожидать было нельзя. Да, конечно, вамъ сказать нельзя: Но если это правда, если я не ошибаюсь, то кажется... Кажется, у меня все пройдетъ...

Шепелевъ сидѣлъ, опустивъ голову, глядѣлъ на полъ и не могъ видѣть, какъ измѣнилось лицо Василька. Она пристально смотрѣла на него, собиралась произнести два слова, и у нея не хватало духу.

— Да, тогда все пройдетъ, прошептала снова Шепелевъ.

— Что пройдетъ? еще тише, черезъ силу, выговорила, наконецъ Василекъ.

— Что? эта безумная страсть! Развѣ можно любить... Да нѣтъ, я и говорить вамъ не стану. Господи, если бы она была

то, что вы! Если бы въ ней была хоть малая толика той ангельской души, какая въ васъ!

Шепелевъ смолкъ на минуту, потомъ вдругъ поднялъ голову, взглянулъ на Василька и выговорилъ внезапно:

— Скажите, любили-ли вы когда-нибудь?

— Что? едва слышно прошептала Василекъ и вся вспыхнула. И въ ту же минуту она подумала какъ всегда, что покраснѣвшее лицо ея особенно некрасиво. И отъ этой мысли она покраснѣла еще болѣе. .

— Скажите правду! Вотъ я вамъ всю душу свою выкладывалъ, все рассказалъ, чего и не слѣдовало. Про такую женщину, какъ графиня, и съ такой, какъ вы, и говорить бы не надо. Но я сознаюсь... я съ вами душу отводилъ, мнѣ легче бывало, какъ я ворочался отъ васъ къ себѣ. А вы, какъ мнѣ кажется, со мною не откровенны. Я правду говорю. Я васъ люблю. Мнѣ бы теперь безъ васъ трудно было остаться въ Петербургѣ. А вы постоянно со мною какъ-то странно и непонятно мнѣ поступаете. Да, есть что-то! Вотъ видите, вы все краснѣете, стало-быть, и правду говорю.

Дѣйствительно, Василекъ сидѣла пунцовая. Вдобавокъ, она, ни передъ кѣмъ никогда не опускавшая своихъ глазъ, теперь не знала куда смотрѣть, не знала что дѣлать, не знала что сказать.

— Ну, да не объ этомъ рѣчь, заговорилъ Шепелевъ,—это ваше дѣло. Коли я вамъ немножко не по сердцу, и вы изъ жалости только позволяли мнѣ всякій день исповѣдываться и плакаться, такъ и за то спасибо! А вотъ, что я хочу спросить, совсѣмъ другое: любили-ли вы когда-нибудь?

Василекъ тихо подняла руки къ лицу, медленно откачнулась на спинку своего кресла и едва слышно выговорила:

— Ахъ, полноте, Дмитрій Дмитриевичъ!...

— Отчего же? Я у васъ не спрашиваю кого. Да это мнѣ и не нужно знать. Я спрашиваю только, знали-ли вы это дьявольское чувство, которое меня теперь совсѣмъ измучило. Я знаю, что моя любовь къ графинѣ можетъ пройти. Она можетъ завтра сдѣлать что-нибудь, за что я ее возненавижу. Прежде я думалъ, что я способенъ убить ее, но теперь вижу, что если она такая... Такихъ убивать не стоитъ, такихъ можно только.

презирать. Такъ вотъ, скажите! Понимаете-ли вы то чувство, которое во мнѣ? Бывало-ли съ вами что-нибудь такое? Любили-ли вы? скажите, княжна! Я не отстану! грустно улыбнулся Шепелевъ.

Василекъ сидѣла по прежнему, закрывъ лицо руками. Ей казалось, что она стоитъ на краю обрыва, на краю пропасти, въ которую ей хочется броситься. Она чувствовала, что сейчасъ бросится и погибнетъ. Она сейчасъ непременно скажетъ ему одно слово, которое все превратитъ въ прахъ. Онъ испугается, онъ перестанетъ бывать. То чувство, которое явится въ немъ къ ней, будетъ, вдобавокъ, оскорбительно, горько для нея! Ихъ братскія отношенія будутъ уничтожены сразу. А, между тѣмъ, Василекъ чувствовала, что вотъ сейчасъ онъ повторитъ свой вопросъ, а она отвѣтитъ, бросится въ эту пропасть!

Шепелевъ протянулъ руки, взявъ ее за руки и отнявъ ихъ отъ лица. Онъ почувствовалъ, что эти руки дрожать, но не понималъ. Онъ увидалъ ея совершенно измѣнившееся лицо съ страдающимъ выраженіемъ, онъ увидалъ что-то новое, странное, тревожное въ ея великолѣпныхъ, вѣчно спокойныхъ глазахъ, но тоже не понималъ.

— Понимаю, выговорилъ онъ,—это для васъ тяжелое воспоминаніе. Простите меня! Такъ, стало быть, вы знаете, или хотя знали, какъ я мучаюсь теперь. Вы все-таки любили, или можетъ быть до сихъ поръ любите?

Послѣ первой мгновенной тревоги, Василекъ остановила на его лицѣ тотъ ясный и глубоко западающій въ душу взоръ, который такъ ненавидѣлъ князь Глѣбъ, который такъ часто тяготилъ многихъ. Но только въ этомъ взорѣ теперь, была глубокая, безконечная скорбь. Она долго глядѣла на юношу и вымолвила наконецъ:

— Да, любила и люблю теперь. И кого?—Вы знаете!

Шепелевъ широко раскрылъ глаза. Онъ не понималъ.

— Нѣтъ, не знаю. Ей-Богу! Вѣдь не дядюшку же моего... усмѣхнулся онъ.

Но, въ эту минуту, сидѣвшая передъ нимъ княжна вдругъ зарыдала и, закрывъ лицо, быстро вышла изъ горницы.

Шепелевъ, наконецъ, понялъ... и доброе чувство шевельнулось въ немъ!

XVI.

Между тѣмъ, въ палатахъ фельдмаршала Разумовскаго все приняло праздничный видъ и все было готово къ пиру, на который государь самъ назвался.

Безчисленное количество дворни, козачковъ, гайдуковъ, скормороховъ въ разноцвѣтныхъ фантастическихъ костюмахъ, ожидали съѣзда гостей и самого императора.

Въ большой залѣ, выходившей окнами въ садъ, былъ накрытъ обѣденный столъ, сверкавшій при лучахъ заходящаго солнца бѣлизной скатертей и серебромъ. Столъ былъ убранъ цвѣтами и большими канделябрами изъ литаго серебра, изображавшими различные роды охоты. Каждый канделябръ имѣлъ болѣе пуда вѣса и каждый изображалъ какое-нибудь развѣтвленное дерево, подъ которымъ группировались кругомъ ствола фигуры охотниковъ въ иноземныхъ платьяхъ и какіе-нибудь звѣри; на одномъ кабанъ, на другомъ медвѣдь, на третьемъ лиса или волкъ и т. д. Канделябры эти были подарены покойной государыней и выписаны изъ Парижа. Домъ Алексѣя Григорьевича Разумовскаго былъ, что называется, полная чаша. Состоянія фельдмаршала никто не зналъ и самъ онъ почти счетъ потерялъ своимъ доходамъ. Это было самое огромное состояніе въ Россіи, и въ ту минуту, когда въ государственномъ казначействѣ было только милліонъ двѣсти тысячъ рублей наличными деньгами, графъ Алексѣй Григорьевичъ имѣлъ нѣсколько милліоновъ.

Послѣ кончины императрицы весь домъ его былъ отдѣланъ чернымъ сукномъ съ плерезами, и онъ думалъ оставить этотъ трауръ на два, на три года, а теперь, по капризу государя, приходилось придать дому праздничный видъ ровно черезъ пять мѣсяцевъ послѣ кончины государыни.

Но, если палаты приняли праздничный видъ, освободившись отъ чернаго сукна, крепа и газа, то самъ хозяинъ далеко не имѣлъ веселаго и праздничнаго вида.

Въ ту минуту, когда государь, Жоржъ, Гольцъ и другіе гости собирались на пиръ, графъ Алексѣй Григорьевичъ сидѣлъ

у себя въ кабинетѣ въ полномъ мундирѣ и во всѣхъ орденахъ, но лицо его было особенно мрачно и тревожно. Причина этому была не маловажная.

За два дня передъ тѣмъ, другъ и наперсникъ брата гетмана, Тепловъ, былъ у него, уговаривая открыто стать на сторону императрицы, въ случаѣ, если произойдетъ въ Петербургѣ какое-нибудь дѣйство въ ея пользу. Разумовскій отказался на отрѣзъ, онъ общалъ только остаться безпристрастнымъ зрителемъ, а въ случаѣ всеобщаго поворота въ пользу Екатерины, присягнуть однимъ изъ первыхъ.

Тепловъ остался недоволенъ своимъ неуспѣшнымъ предпріятіемъ, но, уѣзжая, объявилъ графу нѣчто на столько важное, что смутилъ Разумовскаго на цѣлыхъ два дня. Какъ другъ дома давнишній и вѣрный, Тепловъ передалъ Разумовскому великую тайну, что государь, въ виду печальнаго состоянія финансовъ и нужды въ деньгахъ для содержанія корпуса Чернышева, перешедшаго на сторону Фридриха, имѣетъ виды на громадное состояніе Разумовскаго. Однимъ словомъ, Тепловъ объяснилъ графу, что государь собирается, придравшись къ чему-либо, сослать Разумовскаго въ Малороссію и конфисковать почти все его состояніе.

Графъ сначала, хотя и встревожился, но не повѣрилъ хитрому Теплову. Онъ подумалъ, что это выдумка для того, чтобы склонить его въ пользу заговора и пожертвовать крупную сумму денегъ для заговорщиковъ. Тогда Тепловъ досталъ изъ кармана бумагу.

Она была писана рукой, хорошо извѣстной графу, тайнаго секретаря Волкова. На большомъ листѣ въ заглавіи было написано: «промеморія». Въ этой докладной запискѣ Волковъ объяснялъ государю, какія есть средства поднять русскіе финансы. Одно изъ главныхъ средствъ было предложеніе сдѣлать то, что цѣлое столѣтіе дѣлалось постоянно, примѣровъ было безъ числа, начиная съ знаменитаго князя Менщикова и кончая Минихомъ, Бестужевымъ и Лестокомъ. Временщикъ, отправляемый въ ссылку и теряющій громадное состояніе, конфискуемое въ пользу правительства, а иногда въ пользу фаворита, было дѣломъ на столько зауряднымъ, что Волковъ ничего новаго, въ данномъ

случаѣ, не придумалъ, а только повторялъ зады. Въ концѣ записки стояло одно слово. Графъ узналъ руку государя и разобралъ слова: апробую.

Тепловъ уѣхалъ, Разумовскій тотчасъ же съѣздилъ къ нѣкоторымъ старымъ пріятелямъ, съѣздилъ къ Панину и всѣхъ просилъ разузнать, правда-ли, что онъ наканунѣ ссылки и раззоренія. Свѣдѣнія, собранныя имъ, были совершенно различны. Одни, близко знавшіе Волкова, увѣряли, что онъ дѣйствительно объ этомъ проговорился, но не ради злобы противъ графа выдумалъ это, а ради того, что это было единственнымъ средствомъ поправить россійскіе финансы.

Наконецъ, фельдмаршалъ черезъ Екатерину, государыня черезъ Дашкову, Дашкова черезъ болтушку сестру, цѣной двадцати фунтовъ калужскаго тѣста, узналъ, что государь поговаривалъ на счетъ конфискованія имущества Разумовскаго, но, однако, рѣшиться боялся, такъ какъ въ Петербургѣ слишкомъ любили и уважали графа Алексѣя Григорьевича. Однимъ словомъ, Разумовскій вернулся домой совершенно смущенный, не узнавъ навѣрное ничего. Одно только понялъ онъ, что если теперь не совершится ничего, то черезъ полгода, черезъ годъ, рано или поздно, эта бѣда все-таки постигнетъ его.

Наканунѣ назначеннаго пира, утромъ, гетманъ заѣзжалъ къ брату и нашелъ его въ полной формѣ отправляющагося къ государю.

— Что ты, батя! спросилъ гетманъ.

— Да вотъ, поѣду къ нему, нехай сниметь съ меня всѣ кавалеріи и отпустить до дому.

Гетманъ уговорилъ брата ничего не дѣлать, доказывая, что если дѣйствительно государь позволить ему уѣхать въ Малороссію, то вдали отъ двора онъ скорѣе лишится всего. И два брата хохла, носители національныхъ чертъ характера, побесѣдовали и рѣшили, какъ горю пособить.

И вотъ теперь передъ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ, ожидавшимъ пріѣзда государя и гостей, стоялъ на столѣ большой золотой подносъ съ его вензелемъ, на немъ лежалъ каравай хлѣба, а на караваѣ солонка, отдѣланная драгоценными камнями. Подъ хлѣбомъ виднѣлась пачка разныхъ бумагъ.

Разумовскій сидѣлъ, задумавшись, изрѣдка прислушивался къ шуму на улицѣ, изрѣдка косился на поднось и на пачку бумагъ подъ караваемъ и раза два или три пожалъ плечами. Этотъ жестъ ясно говорилъ:

— Что-же дѣлать! По неволѣ!

И разъ, послѣ долгой думы, переведа глаза снова на поднось съ караваемъ, онъ усмѣхнулся досадливо и выговорилъ:

— Нехай съѣсть!

Когда раздался громъ копытъ на дворѣ, графъ Алексѣй Григорьевичъ быстро всталъ. Два лакея, которымъ заранѣе было отдано приказаніе быть наготовѣ, вошли въ кабинетъ и подняли поднось. Разумовскій быстро двинулся на встрѣчу государю, а за нимъ понесли и поднось.

Государь всегда, слѣзши съ любимой лошади, долго глядилъ ее, ласкалъ, разговаривалъ съ ней, показывалъ ее въ десятый, сотый, тысячный разъ своимъ приближеннымъ, увѣряя, что такого коня на свѣтѣ нѣтъ, что этотъ конь много призовъ выигралъ въ Англіи, хотя конь тамъ никогда не бывалъ.

Прежде, чѣмъ государь покинулъ лошадь, Разумовскій успѣлъ спуститься на самый подъѣздъ.

— А! здорово! Ну, вотъ мы и пріѣхали покутить! Раскошеливайся, хозяинъ! Жаль мнѣ, что самага бѣднаго челоѣка въ Питерѣ раззоряю, да что дѣлать! шутилъ государь.

И эти слова по неволѣ какъ бы подтвердили мысль Разумовскаго, что слухи о Волковѣ не есть выдумка.

Фельдмаршалъ, когда государь вошелъ на подъѣздъ, опустился на одно колѣно и вымолвилъ:

— Ваше величество, примите приношеніе на пользу государственную отъ вашего вѣрнаго раба.

— Что это такое? воскликнулъ Петръ Ѳеодоровичъ.

— Хлѣбъ-соль. Солонка эта по праву ваша. Она принадлежала еще Великому Петру Алексѣевичу и была дана мнѣ покойной государыней. А подъ хлѣбомъ мое вѣрнопопданническое приношеніе.

Государь сдвинулъ хлѣбъ съ мѣста и взялъ пачку бумагъ.

— Да, что это?

— Деньги, ваше величество.

— Деньги! Ну, спасибо. А много-ли?

— Милліонъ.

— Чего?! разинулъ ротъ Петръ Ѳеодоровичъ.

— Тутъ милліонъ, ваше величество, то-есть бумаги, по которымъ его можно получить отъ петербургскихъ и иностранныхъ банкировъ.

— Ну, Алексѣй Григорьевичъ! развелъ руками государь, и голосъ его дрогнулъ чувствомъ. — Ну!.. Прости меня, голубчикъ! Какая я передъ тобой... какъ бы сказать, какой я передъ тобой... или, какая я... Да, нельзя при чужихъ людяхъ себя обругать. Вѣдь, я хотѣлъ у тебя все отнять, а ты вотъ самъ даришь. А все разные подлецы, завистники твои.

И государь съ взволнованнымъ лицомъ крѣпко обнялъ Разумовскаго, взялъ его за руку и все повторялъ:

— Прости меня, голубчикъ! Вотъ ты человѣкъ, а это все свиньи! показалъ онъ на свою свиту, забывъ, что тамъ и принцъ Жоржъ, и Гольцъ, и другіе ни въ чемъ неповинные.

Приношеніе Разумовскаго, конечно, произвело на свиту дѣйствіе оглушительнаго удара грома. И дѣйствительно, кромѣ Алексѣя Григорьевича, во всей Россіи никто не могъ поднести такой подарокъ.

Съ этой минуты, переступивъ порогъ палаты Разумовскаго, государь особенно развеселился. Да и вся свита, всѣ гости, которые начали стѣзжаться, хотя имъ было ни тепло, ни холодно отъ милліона, перешедшаго изъ рукъ Разумовскаго въ руки государя, все-таки повеселѣли отъ одной близости къ этому милліону.

XVII.

Черезъ часъ всѣ гости уже сидѣли въ огромной залѣ за большимъ столомъ и пировали. Государь былъ веселѣй всѣхъ. Принцъ Жоржъ былъ не менѣе веселъ, потому что, садясь за столъ, государь хлопнулъ его по плечу и сказалъ:

— Ну, mein Onkel. Такъ и быть! Я вамъ пятьдесятъ ты-

сячь изъ этихъ денегъ подарю. Это будетъ, какъ разъ, ваше жалованье, за два года впередъ.

Когда разлили первую бутылку шипучаго венгерскаго, государь провозгласилъ тостъ въ честь хозяина. Всѣ шумно поднялись, и громкіе крики „вивать“, вошедшіе въ моду при новомъ царствованіи, огласили палаты.

Государь снова обнялъ Разумовскаго, поблагодарилъ его за подарокъ и, обращаясь къ сидѣвшимъ около него двумъ посланникамъ, австрійскому Мерсію и датскому Гакстгаузену, вымолвилъ по нѣмецки:

— А что, господа резиденты, случилось-ли подобное въ анналахъ вашихъ странъ, чтобы подданный дарилъ своему монарху такую сумму? У васъ, прибавилъ государь, обращаясь къ Гакстгаузену,—оно и быть не могло. У васъ самый богатый вельможа имѣетъ пять крейцеровъ въ день на все свое пропитаніе. А вотъ у васъ, господинъ Мерсій? Хотя бы за все царствованіе Маріи Терезіи могло-ли бы случиться когда-либо нѣчто подобное!

— Не знаю, ваше величество. Но ея величество императрица никогда не нуждалась въ деньгахъ.

— Этого не можетъ быть! воскликнулъ государь.

Мерсій вспомнилъ вдругъ, что во время прошлой войны съ Фридрихомъ понадобилось около полмилліона, чтобы закупить главныхъ сановниковъ одного союзнаго государства, и деньги эти были собраны по подпискѣ въ средѣ венгерскихъ магнатовъ. Подъ шумъ и ликованіе гостей, намекъ резидента прошелъ незамѣтно, да и государь не разслышалъ хорошенько словъ посланника, а, обратившись ко всѣмъ гостямъ, вымолвилъ:

— Сдѣлайте удовольствіе хозяину и мнѣ! Напейтесь сегодня всѣ, какъ можно пьянѣй.

Это приказаніе государя было принято всѣми съ удовольствіемъ, и его начали быстро приводить въ исполненіе.

Не прошло часа, какъ гулъ, крики и хохотъ раздавались на весь домъ, слышны были даже на улицѣ. Принцъ Жоржъ подпивалъ рѣдко, полицеймейстеръ Корфъ еще рѣже, но когда эти два человѣка бывали во хмѣлю, то приходили въ неописанный азартъ.

Принцъ теперь кричалъ такъ громко, что покрывалъ гулъ всѣхъ голосовъ. Онъ доказывалъ что-то черезъ столъ Гольцу, единственному, вполне трезвому за столомъ, но не только Гольцъ не могъ понять, о чемъ говорить Жоржъ, но принцъ и самъ ужъ не зналъ.

Но вдругъ гулъ голосовъ притихъ сразу, ибо раздался голосъ государя, уже не веселый, а гнѣвный. Онъ сидѣлъ за столомъ, полу-оборотомъ обращаясь къ Гакстаузену, лицо его было красно, глаза блестя. Онъ вдругъ швырнулъ салфетку на столъ и говорилъ громко, при наступившей полной тишинѣ:

— А я вамъ говорю, господинъ резидентъ, что я далѣе этого терпѣть не хочу. Я двадцать лѣтъ дожидался, за все царствованіе тетушки, и теперь на моей улицѣ праздникъ. Шлезвигъ долженъ быть моимъ! И будетъ моимъ! Я одинъ въ недѣлю справился бы съ Даніей, а что же будетъ, судите сами, когда король Фридрихъ обѣщалъ уже мнѣ свою помощь. Въ два дня мы разнесемъ все ваше капельное государство, и отъ него слѣда не останется на географической картѣ.

Гакстаузенъ сидѣлъ блѣдный, выпуча глаза, и не зналъ, какъ понять слова государя, какъ вспышку гнѣва, угрозу, о которой онъ завтра же забудетъ, или какъ правду, о которой тотъ случайно, противъ воли, проговорился.

— Да вы, кажется, не вѣрите! воскликнулъ государь.— Баронъ,—обратился онъ къ Гольцу,—скажите ему, что это тайный пунктъ въ нашемъ трактатѣ съ королемъ. Онъ мнѣ не вѣрить, скажите ему, что я не лгу.

Гольцъ, смущенный столько же, сколько и Гакстаузенъ, не зналъ, что сказать, языкъ не повиновался ему. Важнѣйшій тайный пунктъ договора сдѣлался вдругъ достояніемъ всѣхъ! Гольцъ, по привычкѣ, обратился черезъ столъ къ принцу, какъ бы призывая его себѣ на помощь. Но принцъ, пунцовый, съ разинутымъ ртомъ, не отъ удивленія, а отъ хмѣля, безмысленно кивалъ головой, какъ китайская кукла. Если бы даже часъ цѣлый прошелъ, то и тогда Гольцъ не нашелся бы что отвѣтить. По счастью, государь, не дождавшись его отвѣта, снова заговорилъ.

— Да, наконецъ, всѣ распоряженія сдѣланы. Гонецъ мой

посланъ уже къ Румянцеву недѣлю назадъ, приказать, чтобы онъ считалъ войну уже объявленной. Объ этомъ можете узнать у Волкова и у Гудовича. А я съ войскомъ, команду надъ которымъ поручаю гетману, выступаю черезъ мѣсяцъ.

— Ваше величество, вымолвилъ, наконецъ Гакстаузенъ: — какъ прикажете считать мнѣ ваши слова, формальнымъ объявленіемъ войны? Прикажете мнѣ дать знать это моему королю?

— Какъ? Что?! визгливо вскрикнулъ Петръ Ѳеодоровичъ. — Да я вамъ цѣлый часъ толкую. Это, наконецъ, удивительно! И государь началъ стучать пальцемъ по столу. — Я вамъ цѣлый часъ толкую, что двадцать лѣтъ дожидался я взять у васъ Шлезвигъ и вотъ теперь его возьму. Да что объ этомъ толковать! Кончили мы, что-ли? обернулся онъ къ Разумовскому и подъ вліяніемъ гнѣва, поднялся, не дожидаясь отвѣта.

Разумовскій поспѣшилъ послѣдовать примѣру государя, и всѣ гости встали изъ-за стола безъ пирожного.

Шумной толпой двинулись всѣ во внутреннія комнаты. Нѣкоторые изъ гостей, болѣе трезвые, горячо спорили или шептались, большинство, сильно охмѣлѣвшее, или не слыхало ничего, или забыло. И снова смѣхъ и веселые голоса огласили палаты.

Гакстаузенъ немедленно исчезъ изъ дома Разумовскаго. Дипломатъ былъ страшно встревоженъ! Что скажетъ ему его правительство, что онъ, какъ ребенокъ, прозѣвалъ все. Еще вчера доставлялъ онъ успокоительныя депеши, а русскій дворъ уже былъ готовъ къ войнѣ.

Гольцъ, выйдя изъ-за стола, прямо подошелъ къ государю, встревоженный не менѣе Гакстаузена.

— Ваше величество, зачѣмъ вы огласили эту тайну? Наконецъ, самъ я, пользующійся довѣріемъ вашего величества, признаюсь, ничего не зналъ. Я думалъ, что война съ Даніей можетъ быть, но... но въ отдаленномъ будущемъ. Король будетъ на меня разгнѣванъ, а между тѣмъ, я не виноватъ.

— Не сердитесь, милый баронъ, я и самъ не хотѣлъ сегодня объявлять, да разсердилъ меня этотъ старый грибъ, я и сказалъ. Да что за важность, не нынѣ, такъ черезъ мѣсяцъ, не черезъ мѣсяцъ, такъ черезъ годъ, а все равно я эту войну

начну. Признаюсь вамъ, однако, что теперь, поговоривъ объ этомъ, мнѣ бы хотѣлось хоть сейчасъ выступить. Вѣдь я въ три дня всю Данію завоюю, не только что Шлезвигъ.

И государь постепенно, покуда Гольцъ становился мрачнѣе, развеселился снова.

— Не нравится вамъ? воскликнулъ вдругъ государь, смѣясь и трепля по плечу посла. — Мало ли что! Вѣдь вотъ вы какіе, я вамъ отдалъ даромъ обратно цѣлое, завоеванное тетушкой, королевство, а вы не хотите, чтобъ я себѣ взялъ маленькое герцогство.

Гольцъ пробормоталъ что-то въ объясненіе, но самъ почувствовалъ, что говорить нечего.

Государь двинулся отъ него къ кучкѣ весело хохотавшихъ гостей, вокругъ окончательно захмѣлѣвшаго Жоржа. Но Гольцъ снова догналъ государя и спросилъ:

— Ваше величество, окончательно-ли рѣшенъ этотъ вопросъ и прикажете-ли мнѣ, по долгу посла, дать знать немедленно королю?

Лицо государя омрачилось.

— Я не понимаю васъ, баронъ, вымолвилъ онъ, слегка закинувъ голову назадъ. — Что жъ я, наконецъ, императоръ или нѣтъ? Мнѣ кажется иногда, что около меня люди самые близкіе забываютъ, что я императоръ россійскій. Я вамъ говорю при всѣхъ, что я... заговорилъ государь громко, но залпъ хохота охмѣлѣвшихъ вельможъ покрылъ голосъ его на столько, что Гольцъ не слышалъ ничего.

— Ваше величество недавно писали королю, что собираетесь въ Москву короноваться, а потомъ...

— Короноваться! Все глупости, — успѣю сто разъ... Это бабьи... Все вздоръ! воскликнулъ государь. — Черезъ мѣсяцъ я выступаю съ войскомъ и со всей гвардіей. А королю напишите отъ меня, что онъ обязанъ мнѣ помогать деньгами или войскомъ, какъ это стоитъ въ нашемъ трактатѣ.

— Король, выговорилъ глухо Гольцъ, — не ожидалъ, что война эта будетъ объявлена вашимъ величествомъ такъ скоро. Это поразитъ короля, моего монарха. Огорчить его даже! Огорчить!

— А мнѣ какое дѣло! вдругъ визгливо вскрикнулъ Петръ Ѳедоровичъ.— Да вы, наконецъ, право, кажется... съ вашимъ королемъ вмѣстѣ...

Но Петръ Ѳедоровичъ запнулся, такъ какъ крайне рѣзкія слова на счетъ Фридриха просились ему на языкъ, и затѣмъ выговорилъ:

— Что, я, адъютантъ, что-ли, вашего короля! Я повелитель громаднаго государства, монархъ, который, если захочетъ, то можетъ снова возвратить себѣ всѣ тѣ земли, которыя недавно вамъ, сказать ужъ по правдѣ, опрометчиво подарилъ.

Гольцъ даже поблѣднѣлъ.

— Да-съ, опрометчиво! менѣе горячо сказалъ государь.— Спросите любого вельможу столицы. Спросите перваго попавшаго мужика на улицѣ! Всякій вамъ скажетъ, что вы и вашъ монархъ искусно провели меня. Ну-съ, разсмѣялся вдругъ государь весело,— вотъ теперь и извольте-ка мнѣ помогать бить датчанъ и брать Шлезвигъ. А какъ только мы это кончимъ, хлопнулъ государь въ ладоши,— такъ извольте мнѣ помогать противъ Польши и Саксоніи, дядю курляндскимъ герцогомъ посадить. А какъ мы и это кончимъ, извольте опять... Ну, тамъ видно будетъ... Это ужъ мой секретъ. А я секрета не разболтаю.

И государь весело двинулся къ кучкѣ гостей, замѣтивъ что всѣ они выходятъ изъ гостиной на балконъ, а нѣкоторые оттуда уже спустились въ садъ.

Гольцъ тотчасъ же уѣхалъ изъ дома Разумовскаго и поспекалъ прямо къ Гакстгаузену.

Государь двинулся со всѣми въ садъ и, сѣвъ на послѣднюю ступеньку каменной лѣстницы, позвалъ къ себѣ хозяина.

— Алексѣй Григорьевичъ, иди, голубчикъ! садись со мной! Каково я отъэспадронилъ ихъ всѣхъ! Знатно! Не ожидали они отъ меня!

Между тѣмъ, вельможи, спустившись въ садъ, по предложенію кого-то, начали запросто играть въ чехарду. Зрѣлище это было на столько удивительно и смѣшно, что государь сталъ невольно хохотать.

Сановники въ мундирахъ, покрытые орденами, бѣжали мимо

него, становились по очереди, прыгали, вертѣлись, хохотали, падали.

Наэонецъ, пришелъ чередъ принца. Жоржъ, первый разъ въ жизни игравшій въ русскую игру, сталъ на дорожкѣ, растопыривъ ноги. Кто-то, Корфъ или Трубецкой, кричалъ принцу выставить одну ногу впередъ, но Жоржъ не слушалъ и стоялъ. Трубецкой побѣждалъ первый, не смотря на свои восемьдесятъ лѣтъ, оперся руками въ спину принца, подскочилъ черезъ силу... но отъ старости, а можетъ, и отъ хмѣля, застрялъ верхомъ на Жоржѣ, неуклюже растопырившемъ ноги. И оба кубаремъ покатались въ траву. Залпъ хохота раздался кругомъ нихъ. Государь хохоталъ болѣе всѣхъ. Два молодца, одинъ отъ удара въ грудь и голову при паденіи, а другой отъ старости, недвижно лежали на травѣ, не имѣя возможности подняться. Ихъ окружили, съ трудомъ подняли на ноги. Черезъ нѣсколько минутъ всѣ, кромѣ нихъ, снова играли въ горѣлки. Государь присоединился къ прочимъ, но будучи моложе всѣхъ, бѣгалъ проворнѣй и ловчѣе и, не будучи ни разу пойманъ ни однимъ изъ нихъ, вдругъ разсердился.

— Что-жъ, вы, поддаваться вздумали! Потому что я государь! Развѣ такъ играютъ! Это лакейство! Играйте, какъ слѣдуетъ. Догоняйте! Ты, Корфъ... Ну-ка...

— Да... Гдѣ-же мнѣ... ва-ше... ва-а-ше... забормоталъ ошалѣвшій отъ вина и отъ усталости Корфъ.

— Вздоръ! Догонять... Гетманъ! Ну .. За коровами бѣгать умѣлъ, а теперь, вишь...

И въ ту же минуту государь запнулся; онъ замѣтилъ что-то сіявшее на дорожкѣ и, быстро сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, нагнулся и поднялъ звѣзду своего любимаго голштинскаго ордена святой Анны.

— Это кто потерялъ? громко воскликнулъ онъ, слегка мѣняясь въ лицѣ.—Топтать ногами орденъ, учрежденный въ память моей покойной матери! А?! Кто потерялъ?! Кто потерялъ?!!

И сразу всѣ хохотавшіе и возившіеся шалуны, изъ которыхъ самому молодому было лѣтъ пятьдесятъ, присмирѣли, и со страхомъ каждый шарилъ руками по своей груди. Владѣ-

*

лецъ звѣзды не нашелся. Оказалось тотчасъ кавалеровъ семь этого ордена, но у всѣхъ звѣзда была на груди. Оглядѣвъ себя, оглядѣвъ другъ дружку, пересчитавшись, компанія замѣтила, что не всѣ были на лицо, не было и самого хозяина дома. При наступившей внезапно тишинѣ всѣ разслышали странные вопли за кустами. Казалось, что это овца бляла.

Государь, держа звѣзду въ рукахъ, двинулся на это блянiе и увидѣлъ Разумовскаго, который поддерживалъ Жоржа. А Жоржъ этими овечьими печальными звуками разставался съ тѣми блюдами, которыя покушалъ за обѣдомъ и растревожилъ въ чехардѣ...

Звѣзда оказалась его! Но дядя былъ въ такомъ жалкомъ положеніи, что государю нельзя было и разсердиться.

— Ну, хорошо, mein Onkel... воскликнулъ государь, снова весело:—все-таки накажу. Она брилліантовая! У кого изъ васъ нѣтъ еще Анны?

— У меня нѣтъ! У меня! У меня! раздалось сразу пять голосовъ.

— Лови! воскликнулъ государь и бросилъ звѣзду вверхъ.

Кучка сановниковъ парохнула съ воплями... и ринулась. Одинъ упалъ, другой насѣлъ верхомъ на третьяго, четвертый подмалъ пятаго... И все сразу очутилось и елозило на землѣ, отбивая другъ у дружки засорившуюся въ песокъ звѣзду.

XVIII.

Наступилъ уже іюнь мѣсяцъ и принесъ много новаго.

Такіе два искусные союзника, какъ баронъ Гольцъ и графиня Скабронская, не могли не достигнуть цѣли, къ которой стремились всѣми силами разума, хитрости и искусства.

Маргарита была, наконецъ, на той высотѣ, о которой когда-то тайно мечтала. Грезы стали дѣйствительностью и, главнымъ образомъ, конечно, благодаря содѣйствію тонкаго дипломата. Уже съ недѣлю какъ высшіе сановники государства перешептывались при встрѣчахъ, ахали и разводили руками, поминая графиню Скабронскую и графиню Воронпову. Кто

радовался, а кто ужасался, опасаясь того, что может произойти изъ новой Гольцевой страпни.

Дѣйствительно, эта новая страпня пруссака была не хуже мирнаго трактата. Если прежде Гольцъ имѣлъ вліяніе на самыя важныя вопросы російскаго государственнаго строя, то теперь вліяніе его могло сдѣлаться безграничнымъ при помощи такой союзницѣ, какъ Маргарита.

А она была предана ему всей душой, потому что чувствовала, что ей теперь мало одного кокетства, ей нужно многое, чего ей не дало ни воспитаніе, ни образованіе, и чѣмъ богать Гольцъ. Только при его помощи она можетъ сдѣлаться изъ простой авантюристки, хотя и русской графини, всесильной личностью въ этой странѣ, куда забросила ее судьба. Маргарита была совершенно счастлива. Голова кружилась у нея отъ неожиданнаго поворота въ ея судьбѣ, и только раскаяніе въ недавнемъ роковомъ шагѣ, который казался ей теперь бессмысленнымъ, мѣшало полному счастью.

Если у нея былъ вѣрный союзникъ, который помогалъ ей всячески, даже въ мелочахъ, то одновременно съ этимъ было около нея другое существо, способное и готовое погубить ее ежеднздно. Это былъ, конечно, юноша Шепелевъ. Остатки чувства къ нему, которые были въ ней еще недавно, хотя слабыя, теперь исчезли окончательно. Она относилась къ нему такъ же, какъ когда-то къ больному мужу. Она почти не вѣрила себѣ, что еще недавно могла увлечься красивымъ мальчуганомъ. Прежде она ждала смерти мужа и все мечтала о томъ, какъ отъ него избавиться, теперь она ужъ хладнокровно обдумывала и обсуждала, вмѣстѣ съ Гольцемъ, какъ избавиться отъ Шепелева. Передъ собой она оправдывалась просто.

„Я, стало быть, никого любить не могу“, думала она.

Въ Шепелевѣ первый пылъ страсти, конечно, прошелъ, но у него осталось искреннее, глубокое чувство къ этой жепцинѣ, которая первая познакомила его со всѣми восторгамъ и страданіями первой любви. Маргарита рѣже принимала его, избѣгала встрѣчъ и, очевидно, перемѣнившись къ нему, становилась день ото дня все равнодушнѣе и къ его чувству и къ его мученіямъ. Сначала Шепелевъ безумно, злобно ревновалъ,

валъ ее, но затѣмъ и это бурное чувство должно было пройти, душа изболѣлась на столько, что уже не могла попрежнему чувствовать такъ же сильно. Бура улеглась въ душѣ его; ее замѣнила грусть, даже глубокая скорбь. Снова ходилъ юноша блѣдный и печальный, какъ потерянный, не зная куда дѣваться съ своимъ горемъ.

Единственный человѣкъ, съ которымъ отводилъ онъ душу, была княжна Василекъ. Только бесѣды съ Василькомъ, ея кроткій голосъ, ея дивные глаза, которые теперь Шепелевъ оцѣнилъ и полюбилъ, низводили миръ и тишину въ его наболѣвшее сердце. Скоро жизнь его распалась будто на два отдѣльных міра, на міръ горя и злобы, гдѣ властвовала Маргарита, и на міръ тишины и добра, гдѣ царила Василекъ. И Шепелеву случалось теперь, послѣ бурной сцены ревности съ Маргаритой, съ наслажденіемъ бѣжать къ новому другу, княжнѣ, и въ тишинѣ полудеревенскаго дома Тюфякиныхъ находить покой и отраду.

Когда-то въ дѣтствѣ, потомъ уже юношей, передъ отъѣздомъ на службу, онъ всегда мечталъ о сестрѣ, всегда жалѣлъ, что у него нѣтъ сестеръ. Теперь здѣсь онъ вдругъ какъ-то нечаянно, неожиданно нашелъ эту сестру. Ему казалось теперь, что онъ любитъ Василька столько же, сколько и Маргариту. Столько же, но не такъ же. Однажды нечаянно ему пришелъ на умъ простой вопросъ: что если бы эти обѣ женщины тонули, которую бы изъ двухъ вытащилъ онъ на берегъ первую? Онъ не могъ дать отвѣта на этотъ вопросъ, и невозможность дать отвѣтъ поразила его. Стало быть, онъ любилъ обѣихъ равно.

— Да, равно, рѣшилъ онъ наконецъ,—но не на одинъ ладъ и, пожалуй, даже княжну люблю больше! И чувство это хорошее, ничѣмъ не испорченное!

Не смотря на видимую холодность Маргариты, Шепелевъ, какъ и всѣ влюбленные, всячески, на разные лады старался объяснить ея холодность какими-нибудь пустяками, то капризомъ, то нездоровьемъ, то ревностью. Во всякомъ случаѣ Шепелевъ, хотя и ревновалъ ее, но еще твердо вѣрилъ, что до полной измѣны далеко. Графиня кокетничаетъ направо и на-

лѣво даже съ самыми выспшими лицами въ городѣ, но и только! Покуда она принадлежитъ ему одному.

Наконецъ, однажды судьба будто нарочно захотѣла такъ устроить, что онъ получилъ два роковыхъ удара въ самое сердце въ одинъ день.

Утромъ на парадѣ государь остался доволенъ преображенскимъ полкомъ, подозвалъ къ себѣ всѣхъ офицеровъ и сталъ весело и ласково бесѣдовать съ ними объ экзерциціи и объ ихъ успѣхахъ.

Государь хвасталъ теперь тѣмъ, что старый полководецъ Минихъ въ себя не можетъ придти отъ удивленія, какъ быстро измѣнилась гвардія.

— Я во всю мою службу, говорилъ Минихъ, — ничего не могъ изъ нихъ сдѣлать, какъ ни просила меня о томъ царица Анна Іоанновна, а вы, ваше величество, въ пять мѣсяцевъ поставили гвардію на одну линію съ фридриховскими солдатами.

Отчасти Минихъ льстилъ, отчасти былъ правъ.

Ежедневные смотры, разводы, парады и разнаго рода экзерциціи подтянули и стараго, и молодого. Полки смотрѣли бодрѣе, и если не веселѣй, то стройнѣй. Полкъ пересталъ казаться случайнымъ сбродомъ или шайкой одинаково одѣтыхъ парней.

На этотъ разъ государь, замѣтя большіе успѣхи офицеровъ, долго и милостиво разговаривалъ со всякимъ изъ нихъ. Наконецъ, глянувъ черезъ Баскакова и Квасова, онъ увидѣлъ Шепелева, узнавъ въ немъ сержанта, поздравленнаго офицеромъ на балѣ Гольца, и позвалъ его.

Шепелевъ сдѣлалъ два шага впередъ и очутился впереди.

— Вѣдь это ты былъ дежурнымъ у Гольца? спросилъ государь.

— Точно такъ, ваше величество!

— Помню, помню. Какъ твоя фамилія?

— Шепелевъ, ваше величество.

— Шепелевъ. Родня гофмаршала и толсторожей Мавры Егоровны, тетушкиной пріятельницы?

— Точно такъ, ваше величество.

— Шепелевъ, повторилъ государь.— Скажи на милость. А я вѣдь думалъ, ты нѣмецъ. Я, по правдѣ сказать, оттого на балѣ тогда... но государь запнулся и не договорилъ. Ну, русскій, такъ русскій, твое счастье.

Государь повернулся зачѣмъ-то къ принцу Жоржу.

Шепелевъ хотѣлъ снова стать на свое мѣсто, но вдругъ Петръ Ѳедоровичъ снова обернулся къ нему и выговорилъ быстро, какъ если бы слова невольно сорвались у него съ языка:

— За что она тебя вдругъ не влюбила? воскликнуть онъ.

Шепелевъ, не понимая, молчалъ.

— Тогда вѣдь графиня за тебя просила на балѣ, а теперь все просить—тебя выслать изъ Петербурга.

Юноша, стоя на шагъ отъ государя, такъ поблѣднѣлъ при этихъ словахъ, что Петръ Ѳедоровичъ даже изумился.

— Да ты не бойся, разсмѣялся онъ.— Она уже дней десять проходу мнѣ съ этимъ не даетъ. Но я разъ сказалъ, что не хочу—и баста, этого не будетъ. Нельзя всѣ бабы капризы исполнять. Нынѣ станеть просить произвести въ фельд-маршалы кого-нибудь, а завтра станеть просить въ каторгу сослать или повѣсить. Это невозможно! Есть русская пословица, что у бабы... Ну, не помню!! Мудреная пословица!

— У бабы, ваше величество, выговорилъ Квасовъ,—сто двѣ увертки въ день...

— Нѣтъ, не та, другая! разсмѣялся государь.

— Бабые вранье на свинѣ не объѣдешь, снова сказалъ Квасовъ.

— Вѣрно! А ты много знаешь пословицъ! И государь повернулся снова къ принцу.

Принцъ ухмылялся и, показавъ пальцемъ на все еще блѣднаго Шепелева, вымолвилъ:

— Es ist unser herr nicht-micht!...

Шепелевъ, пораженный слышаннымъ отъ государя, стоялъ, какъ истуканъ, и не слыхалъ словъ принца. За то Квасовъ слышалъ и подумалъ:

„Охъ, заладила Маланья, про свои алады!“

По отъѣздѣ государя, Квасовъ бросился къ племяннику.

— Что-же это, пороса, за причта? Вѣдь не зря-же болтаетъ онъ? Вотъ онъ, бабы-то, родимый! Ей теперь, стало быть, нужда отвязаться отъ тебя, такъ ты упаси самъ себя, брось ее, не перечь, не мѣшай. Коли просить о высылкѣ, стало-быть, ты у нея бѣльмомъ на глазу, ну и брось, пушай ее. А то и впрямь добьется высылки. Государь мягкосердъ, да и вдобавокъ: баба—пила, хоть кого перепилить. Ты знаешь-ли, самой малюсинькой пилочкой можно столѣтній дубъ свалить на земь.

Долго говорилъ Акимъ Акимовичъ, но Шепелевъ, грустно задумавшись, не слушалъ дядю.

XIX.

Въ тотъ же день Шепелевъ рѣшился на объясненіе съ самой Маргаритой. Не заставъ ее дома, онъ вернулся въ сумерки, видѣлъ самъ, какъ она подѣхала, вышла изъ экипажа, но швейцаръ снова ему отказалъ. Наконецъ, вечеромъ, въ ту минуту, когда онъ подѣзжалъ къ дому графини, она случайно опять садилась въ маленькую карету и видимо спѣшила.

Шепелевъ еще ни разу не видалъ у нея ни этой кареты, ни этой красивой вороной лошади, ни этого кучера, одѣтаго нѣмецкимъ почтальономъ, въ курткѣ, красномъ жилетѣ и ботфортахъ. И будто что-то подсказало Шепелеву не появляться, а тайно ѣхать за ней. Эта чужая карета возбудила его подозрѣнія.

Онъ остановилъ извозчика, далъ Маргаритѣ сѣсть и уѣхать и въ недалекомъ разстояніи двинулся за ней. Темная ночь легко могла укрыть его.

По направленію, взятому каретой, Шепелевъ не могъ понять, куда ѣдетъ Маргарита. Онъ зналъ теперь всѣхъ ея знакомыхъ, ихъ дома, и зналъ, что въ этой части города у графини знакомыхъ нѣтъ. Проѣхавъ большую дворцовую площадь, затѣмъ, миновавъ небольшой дворецъ, гдѣ жилъ принцъ Жоржъ, карета выѣхала на набережную къ тому мѣсту, гдѣ когда-то они вмѣстѣ любовались фейерверкомъ. Проѣхавъ берегомъ ми-

мо нѣсколькихъ домовъ, карета остановилась. Шепелевъ нагналъ ее. Маргарита не выходила.

Наконецъ, въ окнахъ мелькнулъ свѣтъ, дверь крыльца отворилась, и къ каретѣ вышелъ офицеръ.

Въ ту же минуту Шепелевъ соскочилъ съ дрожекъ и былъ тоже около Маргариты. И она, и офицеръ невольно вскрикнули отъ неожиданности.

— А, такъ вотъ что! Вотъ гдѣ ты теперь бываешь! воскликнулъ Шепелевъ.

— Безумный мальчишка! выговорилъ Фленсбургъ.—Тише! Знаешь-ли ты, что дѣлаешь? Знаешь-ли ты, кто...

Но Маргарита схватила Фленсбурга за руку, и онъ запнулся.

— Мнѣ дѣла нѣтъ! Я не позволю! почти теряя рассудокъ, воскликнулъ Шепелевъ.

Неизвѣстно, что произошло бы здѣсь, но Маргарита схватила юношу за обѣ руки и стала изъ всѣхъ силъ толкать его въ свою карету.

— Садись! Я съ тобой. Садись скорѣй! Я тоже, понимаешь? Я съ тобой, заговорила она тихо, будто совершенно потерявшись.

И въ голосъ ея звучала и боязнь, и полная покорность, готовность на все, что бы въ эту минуту ни приказалъ онъ.

Не помня себя, почти не зная, что онъ дѣлаетъ, Шепелевъ вскочилъ въ эту маленькую карету. Маргарита прыгнула за нимъ и велѣла кучеру скорѣй отъѣзжать отъ дома.

Карета быстро повернула и помчалась вдоль набережной.

Фленсбургъ остался среди тьмы передъ крыльцомъ, въ положеніи истукана или статуи, изображавшей полное изумленіе.

Дорогой Шепелевъ осыпалъ Маргариту упреками, то угрожалъ ей, то молилъ, то клялся, что убьетъ ее, то, покрывая ее руки поцѣлуями и слезами, просилъ не губить его, просилъ даже уѣхать, бѣжать изъ Петербурга къ нему въ вотчину къ его матери, чтобы обвѣнчаться съ нимъ.

Маргарита сидѣла недвижимо, тоже какъ статуя. Руки ея были холодны, какъ ледъ, и только изрѣдка она нервно, судорожно

рожно сжимала ихъ, такъ что ея маленькіе пальчики хрустѣли отъ судорожныхъ движеній. Если-бъ было не совершенно темно, то Шепелевъ могъ бы увидѣть ея блѣдное лицо, сверкающій взглядъ и даже отчасти поблѣвшія губы, по временамъ вздрагивающія и бормотавшія что-то на ея родномъ языкѣ. И въ эту минуту она походила вполне на олицетвореніе злобы и зла.

Когда Шепелевъ сталъ усиленно требовать отъ нея хотя одного слова объясненія, она порывисто отвѣтила:

— Молчи! Дома все скажу.

И въ этотъ вечеръ въ той же красивой гостинной съ куполомъ, гдѣ когда-то бывали они такъ счастливы и гдѣ еще недавно лежалъ на столѣ покойникъ, а съ юношей произошелъ невѣроятный и глупый случай, въ этой же самой комнатѣ теперь произошла еще болѣе невѣроятная сцена.

Сначала Маргарита, запершись съ офицеромъ на ключъ, призналась ему искренно во всемъ. Шепелевъ ревновалъ ее къ Фленсбургу, она объяснила ему всю ничтожную роль самого Фленсбурга въ томъ, чему внезапно помѣшалъ Шепелевъ. Она думала полнымъ признаніемъ обезоружить юношу и къ ужасу своему увидѣла что ошиблась, что дала ему еще болѣе сильное оружіе въ руки! Своею откровенною исповѣдью она сама себя погубила! Чувство юноши было настолько велико, что онъ не могъ идти ни на какія уступки и уговоры и сдѣлалъ съ своею совѣстью. Все было мало, мизерно и ничтожно для него, сравнительно съ тѣмъ чувствомъ, которое поглощало все его юное существо.

— За тебя, воскликнулъ онъ безумно,—я на самого сатану не побоюсь...

Маргарита знала его давно, а вполне узнала только теперь. Она думала найти въ немъ такую испорченную натуру, какъ и всѣ ея окружающіе. Она думала задѣть его за честолюбіе, оказалось, что у юноши есть только одно—его любовь къ ней! И вотъ это одно онъ ни за что, никому, никогда не отдастъ!

„Сама, сама себя погубила!“ думала Маргарита, сидя теперь передъ Шепелевымъ съ опущенной на руки головой и

стараясь придумать какой-нибудь исходъ изъ того положенія, въ которое она себя бессмысленною исповѣдью поставила.

Но отъ всего перечувствованнаго за этотъ вечеръ, отъ усилій нравственныхъ, которыя она дѣлала надъ собой, голова ея будто устала, разумъ будто огуманился. Она ничего и придумать не могла.

— Что дѣлать? Что дѣлать? безъ конца повторяла она мысленно и, наконецъ, невольно выговорила слова эти вслухъ, съ полнымъ отчаяніемъ въ голосъ.

— Одно дѣлать! воскликнулъ Шепелевъ, опускаясь передъ ней на колѣни.—Брось это все и люби меня! Меня! Слышишь-ли, одного меня! Уѣхать отсюда! Стоить-ли губить меня, да и себя изъ-за двухъ недѣль или мѣсяца прихоти? Вѣдь это прихоть его! Ты сотая или тысячная женщина у него. Черезъ мѣсяцъ онъ забудетъ даже твое имя, а наша любовь погибнетъ, будетъ опозорена.

Маргарита долго молчала, не отнимая головы отъ рукъ. Наконецъ, она вдругъ подняла голову, лицо ея было блѣдно, какъ полотно, глаза страшно какимъ-то дикимъ огнемъ засверкали на юношу. И вдругъ Маргарита расхохоталась какимъ-то металлически-звонящимъ, отвратительнымъ смѣхомъ.

У Шепелева даже сердце замерло отъ этого смѣха. Онъ никогда въ жизни не слышалъ подобнаго.

Маргарита потрясла головой, оглянулась на комнату и на него, передъ ней на колѣняхъ, и снова такъ же сверкнули глаза ея и снова тѣмъ же ужаснымъ смѣхомъ разсмѣялась она.

— Что съ тобой? невольно, почти робѣя, выговорилъ Шепелевъ.

— Ничего, я рѣшилась! странно улыбаясь, выговорила Маргарита.

Голосъ ея звучалъ странно, казалось, что это говорить существо не разумное, не понимающее собственныхъ своихъ словъ.

— Да, я рѣшилась. Рѣшилась! Рѣшилась!

— На что? вымолвилъ юноша.

— Наконецъ. Понимаешь, надо кончить это.

— Ты согласна уѣхать?

— Да, да, согласна на все. Дай мнѣ сроку три дня. Черезъ три дня все будетъ сдѣлано такъ какъ, ты пожелаешь.

— Правда-ли это? воскликнулъ Шепелевъ.

— Клянусь всѣмъ, чѣмъ хочешь. Три дня, слышишь-ли ты? Три дня. И ты даже не придешь сюда, даже не напишешь, ничего не спросишь. Въ три дня я все сдѣлаю и на третій день сама пошлю за тобой или приѣду. Ну, теперь поздно, ступай къ себѣ!

Шепелевъ поднялся, недоумѣвая, и пристально смотрѣлъ ей въ лицо.

— Мнѣ нездоровится, вымолвила Маргарита.—Все это слишкомъ сильно потрясло меня; сейчасъ я лягу. Я чувствую себя дурно, прощай! Уходи!

И Шепелевъ черезъ нѣсколько минутъ былъ уже на улицѣ, задумчивый и грустный. Что-то говорило ему, а, быть можетъ, само лицо Маргариты, ея злые глаза, ея смѣхъ ужасный, дѣйствительно, отвратительный, что она рѣшилась на зло, а не на добро.

„Но, что-же? Что она сдѣлаетъ“? вопрошалъ самъ себя Шепелевъ, тихо двигаясь среди пустынной улицы.

XX.

Маргарита, оставшись одна, просидѣла нѣсколько мгновений неподвижно на креслѣ, потомъ снова странно мотнула головой и начала быстро ходить по горницѣ изъ угла въ уголь, такъ, какъ будто-бы ей было душно и тѣсно въ этой горницѣ.

Она была внѣ себя отъ гнѣва. Ей все чудилось, что совершившееся въ этотъ вечеръ было сномъ и самымъ ужаснымъ ироническимъ сномъ. Дѣйствительно, судьба будто издѣвалась надъ ней. До сихъ поръ въ жизни все удавалось ей, никогда не случалось ей запутаться; а теперь мальчуганъ, которымъ она непонятно, бессмысленно увлеклась на минуту, запуталъ ее въ какія-то простыя, но крѣпкія сѣти, изъ которыхъ она не знала какъ выбраться.

Въ этотъ вечеръ почти рѣшалась судьба ея. Въ этотъ вечеръ должно было состояться первое свиданіе, о которомъ еще недавно она не смѣла бы и мечтать. А куда должно было привести это свиданіе, къ какимъ послѣдствіямъ, къ какому громадному перевороту въ ея жизни, трудно было и опредѣлить. И все это зданіе, долго, съ трудомъ, съ искусствомъ возводимое, рухнуло отъ простого толчка взбалмошнаго юноши. Можно ли еще вернуть потерянное? Поправима-ли нынѣшняя бѣда? Въ этомъ домѣ она должна была встрѣтиться съ государемъ, который за послѣднее время явно и сильно ухаживалъ за ней. Всѣ говорили, что онъ серьезно увлекся красивой иноземкой, серьезно неравнодушенъ къ ней. Всѣ знали, что государь былъ влюбчивъ, что за послѣднія десять лѣтъ не было ни одной женщины при дворѣ и въ обществѣ, за которой онъ не ухаживалъ бы хотя мѣсяцъ. Всѣ знали, что не было ничего болѣе шаткаго, какъ всѣ эти мимолетныя связи и вспышки влюбчиваго сердца. Единственная женщина въ Петербургѣ, чувство къ которой было крѣпче другихъ и продолжалось около трехъ лѣтъ, была графиня Воронцова, самая некрасивая и самая глупая женщина всей столицы. Но здѣсь была уже простая дружба, и эти дружескія отношенія не мѣшали государю продолжать поочередно быть занятымъ и иногда поглощеннымъ на время разными красавицами.

Гольцъ и Маргарита знали это, но они знали еще и другое. Гольцъ зналъ, что ни у одной изъ этихъ женщинъ, мимолетно-любимыхъ государемъ, не было вѣрнаго союзника, такого, какъ онъ. Маргарита знала, что изъ прежнихъ красавицъ петербургскихъ, нравившихся государю, не было ни одной такъ красивой, какъ она. Когда-то она не была увѣрена, что государь обратитъ на нее вниманіе, хотя большое общество уже поклонялось передъ ея красотой и умомъ. Но она была увѣрена вполне, что государь, разъ обративъ на нее вниманіе, на долго, если не на всегда, останется подъ ея вліяніемъ, полнымъ и исключительнымъ.

„Заставить его первый шагъ сдѣлать, вотъ что мудрено!.. думала она. А второй, десятый, сотый... будетъ для меня шуткой и забавой“.

За послѣднее время ей нуженъ былъ второстепенный помощникъ, нуженъ былъ не вполне опрятный душой человѣкъ, хитрый, честолюбивый и скрытный. Тотъ же Гольцъ указалъ графинѣ на Фленсбурга, и Маргарита сразу согласилась, что именно таковъ плезвигскій уроженецъ. Мировая съ Фленсбургомъ совершилась быстро. Фленсбургъ и Маргарита примирились искренно, поняли другъ друга на полсловъ и поклялись дѣйствовать искренно и дружно.

Фленсбургъ, собиравшійся было дѣйствовать противъ Гольца и графини и выдвинуться доносомъ и захватомъ орловскаго кружка, съ радостью вступилъ въ союзъ со своими врагами, когда этотъ союзъ подвигалъ его еще болѣе на пути честолюбія. Благодаря ходатайству Гольца, Фленсбургъ тотчасъ же бросилъ свое, ничего незначущее теперь, мѣсто адъютанта у принца и поступилъ въ канцелярію Гудовича. Тамъ нашлись у него средства еще дѣятельнѣе слѣдить за орловскимъ кружкомъ, но все, что онъ предпринималъ съ этой цѣлью, не зналъ даже самъ начальникъ канцеляріи Гудовичъ. Этотъ трудъ Фленсбургъ бралъ на себя, наслаждаясь мыслью, что вскорѣ и весь успѣхъ возьметъ на себя одного.

Фленсбургъ нанялъ квартиру на набережной, не вдалекѣ отъ дворца принца, гдѣ когда-то жилъ.

Государь уже чаще заговаривалъ съ Фленсбургомъ при встрѣчахъ. Роль помощника Маргариты, которая выпала теперь на его долю, не только не казалась ему унижительной, но даже льстила его самолюбію. Эта роль была прежде всего выгодна. Любовь и ревность къ красавицѣ Маргаритѣ не могли побороть его честолюбія и отодвинуть его на второй планъ.

Но въ то же время влюбленный юноша, ничего, конечно, не знавшій, но все-таки ревнующій, безпкойный, связывалъ Маргариту по рукамъ, и она, дѣйствительно, рѣшилась просить государя о высылкѣ его изъ Петербурга. Но государь, отчасти добродушный, отчасти прихотливый, съ перваго же раза воскликнулъ съ удивленіемъ:

— За что? Славный парень! Богъ съ нимъ! Да и зачѣмъ, что за капризъ? То награждай и повышай, то ссылай, чуть не казни!

И государь былъ совершенно правъ. И тѣмъ чаще настаивала Маргарита, тѣмъ болѣе шутилъ государь и упрямо отказывалъ. Въ этихъ случаяхъ, какъ всегда у людей слабодушныхъ, у него являлось какое-то подобіе характера, то, что называютъ упрямствомъ. Послѣ трехъ или четырехъ просьбъ Маргариты государь уже окончательно рѣшилъ ни за что не соглашаться на высылку ничѣмъ неповиннаго юноши. Онъ требовалъ повода и причинъ у Маргариты, а она, конечно, не могла сказать правды, а придумать было нечего.

Наконецъ, однажды, наступилъ давно ожидаемый вечеръ, который долженствовалъ измѣнить судьбу графини Скабронской. Фортуна подавала ей руку, чтобы вести за собой. А куда? Какъ далеко и какъ высоко? Никто, кромѣ самой фортуны, знать не могъ. Маргарита чувствовала только, что ей нужна рука этой фортуны, чтобы подняться только на первыя ступени безконечно-высокой лѣстницы, а затѣмъ она уже не сомнѣвалась достигнуть собственнымъ разумомъ и искусствомъ до послѣдней ступени, чего бы это ей ни стоило.

И вотъ, именно въ этотъ самый день, благодаря неосторожнымъ словамъ государя на плацу, судьба толкнула Шепелева въ домъ Маргариты, а затѣмъ привела его и на подъѣздъ дома Фленсбурга.

И теперь Маргарита, оставшись одна, не могла въ себя придти. Гнѣвъ душилъ ее, и именно этотъ гнѣвъ заставилъ ее смѣяться тѣмъ смѣхомъ, звенящимъ, металлическимъ, безчувственнымъ, который показался юношѣ такъ отвратителенъ. Въ то мгновеніе, когда Маргарита хохотала такъ, она рѣшила въ сердцѣ отдѣлаться отъ этого юноши, уничтожить его какъ преграду, уничтожить какимъ-бы то ни было образомъ, хотя бы самымъ безчеловѣчнымъ. Честолюбіе и въ ней тоже заглушило все, что было въ ней добраго и хорошаго. Казалось, что честолюбіе это есть главный фибръ ея существа. И едва только обстоятельства коснулись этой слабой струны, всѣ лучшія и добрыя стороны души замолкли. Когда-то она говорила Лотхенъ, что никогда никого не любила и не полюбитъ, что она сама — ея первая и послѣдняя любовь. Теперь она чувствовала это болѣе, чѣмъ когда-либо.

Планъ, какъ дѣйствовать, мгновенно зародился и созрѣлъ въ головѣ ея въ тѣ самыя минуты, когда Шепелевъ стоялъ передъ ней на колѣняхъ, покрывая руки ея поцѣлуями и слезами такой любви, которой эта женщина и не стояла.

И теперь она окончательно рѣшилась на исполненіе этого плана. Нѣсколько разъ собиралась Маргарита позвать Лотхенъ и лечь въ постель, но каждый разъ ей снова и снова вспоминалось, какъ юноша заставилъ ее изъ боязни пагубной развязки броситься въ карету, уѣхать, увозя и его. И каждый разъ бурное чувство злости будто приливомъ душило ее, и ей было не до сна.

— Наконецъ, она вымолвила вслухъ:

— И отлично! Отлично! Дѣло поправить можно, и по крайней-мѣрѣ теперь, благодаря этой комедіи, я возненавидѣла его окончательно. Святая Марія! Какъ я ненавижу тебя! воскликнула она, стоя среди комнаты и будто обращаясь мысленно къ Шепелеву.— Да! Отлично! Все къ лучшему, отлично! Еще утромъ мнѣ было жаль тебя, теперь же я готова собственными руками...

Маргарита подняла руки надъ головой и въ ея жестѣ сказалась злоба тигрицы. Въ эту минуту казалось, что ея маленькія красивыя и бѣленькія ручки способны въ самомъ дѣлѣ растерзать человѣка.

Наконецъ, она позвала Лотхенъ, но не смотря на всѣ разспросы нѣмки, ничего ей не объяснила, сказала, что у ней болитъ голова, и только велѣла на другой день пораньше разбудить себя.

XXI.

На утро, Фленсбургъ, проведеншій самый непріятный вечеръ, какой когда-либо удавалось ему провести въ жизни, получилъ отъ графини записку быть у нея немедленно. Она вышла къ нему въ черномъ атласномъ платьѣ и черномъ вуалѣ, которые надѣвала крайне рѣдко. Ей захотѣлось надѣть трауръ!..

Вѣсти, привезенныя Фленсбургомъ, не оказались дурными, и въ тотъ же вечеръ Маргарита могла, если того пожелаетъ, быть снова у него.

— Но что жъ намъ дѣлать съ этимъ сумасшедшимъ теперь? воскликнулъ Фленсбургъ.

Маргарита разсмѣялась короткимъ смѣхомъ, уже легкимъ отголоскомъ вчерашняго. Та же нота отвратительной злобы и бездушнѣйшей жестокости звучала въ этомъ смѣхѣ, но только слабѣй.

— Вы смѣетесь, а я у васъ серьезно спрашиваю. Надо кончить. Что жъ намъ съ нимъ дѣлать?

— Все! отозвалась вдругъ Маргарита тихо и спокойно.

— Что?

— Все, говорю я вамъ.

— Я васъ не понимаю.

— Странно. Вы спрашиваете, что съ нимъ дѣлать. Я отвѣчаю: все. Поняли?

Фленсбургъ подумалъ мгновеніе и выговорилъ нѣсколько нерѣшительнымъ голосомъ:

— Да, т. е. не совсѣмъ. Я понялъ такъ, что бы ни случилось съ этимъ мальчуганомъ, вы все одобрите?

— Все! кратко и сухо повторила Маргарита.—Но я сама не могу. А кто пойдетъ на это все?

Фленсбургъ усмѣхнулся. Улыбка его говорила:

„Разумѣется, ты рассчитываешь на меня. Опять я! И на этотъ разъ я долженъ даже рисковать собой, я долженъ изображать кошачью лапу, достающую каштаны изъ огня. Я риску, а ты только воспользуешься успѣхомъ.“

— Вотъ видите-ли, вымолвила Маргарита:—я рѣшилась на все, а помочь мнѣ некому.

Фленсбургъ пожалъ плечомъ.

— Полноте! Зачѣмъ мы будемъ играть. Я понимаю, что вы выбрали меня, иначе вы бы не стали говорить. Ну, что жъ, я пойду на это все.

— Но какъ? Вотъ вопросъ. Что? Какимъ образомъ?

— Ну, да нечего играть съ вами! вдругъ вымолвилъ Фленсбургъ.—Вѣдь его убить надо?

И онъ пристально взглянулъ въ лицо Маргариты. Она нетерпѣливо дернула плечомъ и отвернулась.

— Что жъ? вымолвилъ Фленсбургъ.

— Ахъ, Боже мой! Вамъ хочется заставить меня сказать то, что вы понимаете. Извольте. Да, его надо убить, потому что другого исхода нѣтъ. Выслать нельзя. Купить тоже ничѣмъ нельзя. Даже оклеветать нельзя...

— И вамъ будетъ его не жаль? уже съ любопытствомъ выговори́лъ Фленсбургъ.

— Какъ это глупо! отозвалась Маргарита.

Наступило мгновенное молчаніе.

— Странныя вы существа—женщины! задумчиво проговори́лъ Фленсбургъ.—Странныя! Вчера рѣшаются на безумный поступокъ, рискуютъ своимъ положеніемъ, добрымъ именемъ, безумствуютъ, какъ бы отъ самой сумасшедшей страсти, которая какъ будто поглотила все существо, способна вести хоть на смерть, а сегодня...

— Да, ужъ вы бы лучше поступили въ проповѣдники! прервала его Маргарита, усмѣхаясь.—Поступайте, вотъ сюда, напротивъ, въ церковь нашу, да по воскресеньямъ съ амвона и проповѣдуйте объ испорченности нравовъ и о слабостяхъ дочерей праматери Евы.

— Простите! Это явилось поневолѣ. Но не въ томъ дѣло, надо подумать! Рѣшиться мало, надо сѣумѣть довести дѣло до успѣшнаго конца. Общаюсь вамъ подумать.

— Не забудьте однако, что я вамъ даю только три дня срока.

— О! Этого для меня совершенно достаточно. Такъ до свиданія! Будете-ли вы сегодня вечеромъ?

Маргарита разсмѣялась и выговори́ла:

— А какъ вы думаете?

— Но если онъ опять явится?

— Нѣтъ, ужъ за это я вамъ отвѣчаю. Три дня онъ будетъ ждать у себя того, что я ему обѣщала.

— Т. е. смерть! разсмѣялся Фленсбургъ.—Глупо, а все-таки скажу: бѣдный юноша! Зачѣмъ онъ замѣшался на вашемъ пути? Знаете-ли, что мнѣ его жаль!

— Святая Марія! раздражительно воскликнула Маргарита.—Вы нынче невозможны. И я боюсь даже, что вы колеблетесь, что вы ничего не сдѣлаете. Даете-ли вы мнѣ слово?

*

— Даю, даю, успокойтесь! Это „все“, это прелестное женское „все“ будет исполнено прежде трехъ дней.

Маргарита пристально глядѣла въ лицо Фленсбурга, чтобы убѣдиться окончательно въ искренности его словъ. Лицо шлезвигца было спокойно, рѣшительно и холодно. Онъ не рѣшался въ минуту вспышки, а рѣшался просто, безтрепетно, почти равнодушно.

Маргарита повѣрила ему и почувствовала, что судьба юноши рѣшена ими двумя, безповоротно и безжалостно. Она тихо опустила глаза съ лица Фленсбурга на полъ, а затѣмъ незамѣтно, будто подъ какой-то тяжестью тихо опустила и голову.

Фленсбургъ простился, пожалъ ея слегка похолодѣвшую руку и вышелъ.

Маргарита все стояла на томъ же мѣстѣ. Наконецъ, она очнулась, какъ бы отъ сна, подняла голову, увидала себя въ зеркалѣ и вдрогнула. Она испугалась своей собственной черной фигуры съ матово-блѣднымъ лицомъ. Тихо сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, она сѣла на диванъ, и вдругъ слезы показались на ея лицѣ.

— Что жъ дѣлать? Иначе нельзя, выговорила она шопотомъ.—Нельзя! Нельзя иначе!

Въ сосѣдней горницѣ раздались шаги, и Маргарита быстро отерла слезы съ лица.

Гость оказался не простой, а визитъ много значущимъ... Генераль-полицеймейстеръ Корфъ явился засвидѣтельствовать графинѣ свое почтеніе. И больше ничего! А прежде онъ никогда не бывалъ у красавицы-иностранки.

Фленсбургъ, между тѣмъ, спокойно вернулся домой и не успѣлъ еще доѣхать къ себѣ, какъ уже рѣшилъ, что дѣлать. Еще когда-то въ маскарадѣ, подъ наплывомъ ревности, онъ рѣшился было вызвать на поединокъ простого сержанта. Но отъ этой глупости отговорилъ его пріятель Будбергъ. Теперь Шепелевъ былъ офицеромъ, они были равны, и онъ могъ не унижаясь драться съ нимъ.

Для Фленсбурга, шлезвигскаго уроженца, покинувшаго родину еще юношей, памяты были постоянные и безконечные поединки студентовъ разныхъ университетовъ, о которыхъ

такъ много и такъ часто слыхалъ онъ. Если бы онъ самъ остался въ Германіи, то, конечно, теперь уже разъ двадцать подрался бы. Для него поединокъ казался вещью самой простой и естественной. Разница была только въ томъ, что тамъ поединокъ случался изъ разныхъ пустяковъ и кончался почти всегда легкими ранами, здѣсь же приходилось драться на смерть, или вѣрнѣй сказать: здѣсь приходилось рѣшаться на убійство, идти навѣрняка убивать юношу, едва умѣвшаго держать шпагу.

И теперь роли какъ-то переѣнились и перепутались, теперь этому же Фленсбургу жаль было прежняго соперника. Но и онъ, какъ и Маргарита, кончилъ разсужденіемъ: что жъ дѣлать! Иначе нельзя!

XXII.

Ровно черезъ сутки на преображенскомъ ротномъ дворѣ офицеры и даже солдаты толковали о безобразномъ случаѣ, который всѣ видѣли на плацу.

Бывшій адъютантъ ненавидимаго Жоржа привязался ни съ того, ни съ сего къ недавно произведенному офицеру Шенелеву, котораго именно за это въ полку не долюбивали, какъ выскочку и голштинца. Но поступокъ Фленсбурга былъ настолько несправедливъ и рѣзокъ, что всѣ офицеры невольно были на сторонѣ Шенелева.

Фленсбургъ послѣ развода заспорилъ съ юношей по поводу его неправильно будто бы считаго новаго мундира и называлъ его словомъ: щенокъ!

Юноша вспыхнулъ, бросился къ Фленсбургу, но тутъ же получилъ ударъ въ лицо, на столько сильный, что опрокинулся навзничь. Вскочивъ снова на ноги, онъ снова бросился на оскорбителя и, не смотря на новый ударъ въ грудь, успѣлъ изорвать на Фленсбургѣ мундиръ и ударить его въ лицо. Тогда подоспѣли офицеры и розняли обоихъ.

— Ну, черезъ часъ ты обо мнѣ услышишь! воскликнулъ Фленсбургъ.—Дорого тебѣ это обойдется!

И эти слова были поняты на ротномъ дворѣ совершенно иначе. Всѣ офицеры поняли, что Фленсбургъ нажалуется Жоржу и государю, а Шепелевъ будетъ тотчасъ разжалованъ, и во всякомъ случаѣ высланъ изъ Петербурга.

Но Фленсбургъ, произнося эти слова, предполагалъ совершенно иное и даже рѣшился спѣшить. Онъ зналъ отлично, что если дѣло успѣетъ дойти до государя, то, конечно, Шепелевъ не окажется виноватымъ, потому что въ дѣйствительности онъ и не былъ виноватымъ. Но огласка, допросъ Шепелева, могли повести къ его нескромнымъ заявленіямъ, могли запутать все дѣло и погубить Маргариту

Послѣ неожиданнаго происшествія, Шепелевъ, едва пришедшій въ себя отъ случившагося, сидѣлъ въ квартирѣ дяди, а Квасовъ громадными шагами метался по своей маленькой горницѣ вѣдъ себя, чуть не натываясь на стѣны. Лицо его было блѣдно, губы ежеминутно тряслись. Но съ самой минуты драки и до сихъ поръ онъ не вымолвилъ ни единого слова. Раза два или три Шепелевъ спросилъ что-то у дяди, но Квасовъ вскинулъ только на него помутившимся взглядомъ и не отвѣчалъ ни слова, только закусывалъ дрожащія губы и продолжалъ шагать.

Черезъ часа два въ квартирѣ Квасова появился Будбергъ, и хотя зналъ обоихъ офицеровъ въ лицо, однако спросилъ объ имени и отчествѣ каждаго. Квасовъ остановился, молча, сложивъ руки за спиной, и глядѣлъ на Будберга тѣми же мутными глазами. И Шепелеву, назвавшему себя, пришлось отвѣчать и за дядю.

— Да, это Акимъ Акимовичъ Квасовъ.

Будбергъ въ короткихъ словахъ объяснилъ, что оскорбленный Шепелевымъ его пріятель Фленсбургъ присылаетъ его секундantomъ для вызова Шепелева.

Въ первую минуту ни юноша, ни лейбъ-компанецъ, не поняли словъ голштинца и оба глядѣли на него, почти разинувъ рты.

Будбергъ объяснялся какъ бы съ двумя дѣтьми, передавъ имъ подробно и обстоятельно въ чемъ дѣло. Шепелевъ вдругъ радостно вскочилъ съ своего мѣста, будто лучъ свѣта ярко блес-

нулъ для него среди полной тьмы. Дѣйствительно, за минуту назадъ, онъ сидѣлъ, не зная какъ выйти изъ своего положенія, а здѣсь ему сразу показали, что сдѣлать, и онъ радостно ухватился за это предложеніе. Онъ слыхалъ о поединкахъ когда-то и не понималъ ихъ, считалъ безумствомъ, грѣхомъ, заморской выдумкой, теперь же ухватился за предложеніе Будберга, какъ утопающій за соломинку.

Квасовъ также понялъ, наконецъ, что надумалъ нѣмецъ.

— Да, протянулъ Акимъ Акимовичъ.—Тэкъ, Тэкъ!

И это были первые звуки его голоса послѣ двухъ-часоваго молчанія.

— Такъ, теперь понятно! заговорилъ онъ будто самъ себя:—совсѣмъ понятно! Это, стало быть, по законному, по заморскому. Не влюбилъ человѣка, убилъ на дорогѣ, изъ-за угла или хоть при всей честной компаніи. Виновать! Въ Сибирь! А это по законному! Не влюбилъ, отдулъ, самъ же обидѣлся и зову: дай, моль, себя убить. Ай-да нѣмцы! У васъ всякая мерзость и та такъ отглажена, что просто золотомъ блеститъ. Слыхалъ я всегда, что вы нѣмцы...

И Квасовъ прибавилъ такое слово, отъ котораго Будбергъ покраснѣлъ до ушей.

— Ну, а теперь самъ буду знать, что вы... И Квасовъ снова повторилъ то же слово.

— Послушайте, господинъ Квасовъ, заговорилъ спокойно Будбергъ.—Я не затѣмъ пришелъ, чтобы слушать отъ васъ оскорбительныя выраженія. Я знаю, что намъ будетъ очень мудрено втолковать вамъ всѣ правила поединковъ такъ, какъ они исполонъ вѣка совершались и совершаются въ Европѣ. Я зналъ заранѣе и говорилъ Фленсбургу, что прежде, чѣмъ вы поймете и согласитесь, надо будетъ, какъ говорится, выпить цѣлое море.

— Пей, голубчикъ, что хочешь! Хоть море, хоть другое, что вотъ тутъ у меня, осуши до дна! А вотъ, что я тебѣ скажу. Поѣзжайте къ Фленсбургу и скажите ему, что дядя съ племянникомъ на все согласны. Скажите ему, что нѣтъ человѣка, котораго бы я такъ любилъ и уважалъ, какъ господина Фленс-

бурга, и встати, припомните ему про колбасу, которую я ему въ вабуру вложилъ тому мѣсяца два или три будетъ.

— Такъ вы согласны? прервалъ его Будбергъ.

— Согласны, согласны! въ одинъ голосъ отвѣчали Квасовъ и Шепелевъ.

— Гдѣ же и когда мы должны встрѣтиться?

— Гдѣ прикажете, — говорилъ Квасовъ, заслоня племянника, какъ если бы дѣло шло о немъ самомъ.

— По дорогѣ въ Метеловку, самое лучшее. Тамъ глухо всегда.

— Самое настоящее разбойничье мѣсто, заговорилъ Квасовъ. — Тамъ и будемъ другъ дружку по заморскому и законному рѣзать.

— Такъ завтра въ шесть часовъ утра мы будемъ тамъ съ Фленсбургомъ.

— И мы будемъ.

— И я надѣюсь, прибавилъ Будбергъ, — что до тѣхъ поръ никто кромѣ насъ объ этомъ знать не будетъ. Иначе, какъ вы, вѣроятно, понимаете, начальство прикажетъ не допустить поединка, вразумительно говорилъ Будбергъ Квасову.

— Стало быть, вы предполагаете, отозвался Акимъ Акимовичъ, — что мы, такъ сказать, сбѣгаемъ сейчасъ къ тетенькѣ пожаловаться на васъ. Не бойтесь, въ шесть часовъ будемъ тамъ.

Будбергъ вышелъ совершенно довольный, не ожидавшій такого быстрого успѣха. Онъ полагалъ, что ему придется часа три поучать русскихъ офицеровъ и чуть не упрашивать и умасливать идти на поединокъ, а вмѣсто этого юноша видимо обрадовался предложенію, а Квасовъ тоже, если не обрадовался, то хладнокровно поневолѣ согласился.

Послѣ ухода Будберга дядя и племянникъ остались глазъ на глазъ.

Шепелевъ сѣлъ на кровать дяди, понурился и задумался. Квасовъ стоялъ передъ нимъ среди горницы, не двигаясь, не шевелясь, какъ истуканъ, и наступило мертвое молчаніе во всей квартирѣ.

Наконецъ, Квасовъ шагнулъ къ юношѣ, положилъ ему руки на плечи. Шепелевъ пришелъ въ себя, поднялъ голову.

Лицо Квасова было въ слезахъ. Едва только глаза ихъ встрѣтились, лейбъ-компанецъ вдругъ зарыдалъ, какъ ребенокъ, шлепнулся на постель около него и, обхвативъ его сильной рукой, навалился на него, всхлипывая.

— Дядюшка! дядюшка! повторялъ Шепелевъ. Голосъ его дрожалъ и рвался отъ наплыва различныхъ чувствъ, поднявшихся на сердцѣ. И горе, и стыдъ, и боязнь, все спуталось въ немъ и будто застало ясное сознаніе того, что совершилось, того, что будетъ завтра.

XXIII.

На другое утро, чуть свѣтъ извоиччи большія дрожки тащились шагомъ по северной дорогѣ изъ Петербурга въ Метеловку.

Это былъ десятокъ избъ на крайнемъ концѣ Фонтанки, и мѣсто это было разбойничьимъ гнѣздомъ. Никакія полицейскія мѣры не могли прекратить разбоевъ, и шайка, здѣсь жившая, была, казалось, неуловима.

Шепелевъ сидѣлъ слегка блѣдный. Красивые глаза его блестѣли ярче, отчасти лихорадочнымъ блескомъ, но выраженіе блѣднаго лица было не тревожно, а безконечно грустно. Онъ зналъ отлично, что ѣдетъ на смерть.

Онъ понималъ, что оскорбленіе Фленсбурга было умышленное, чтобы вызвать его, а вызовъ понадобился ему затѣмъ, чтобы убить.

Была-ли тутъ при чемъ Маргарита, онъ подозрѣвалъ, но какъ-то боялся думать объ этомъ.

„Лучше умереть, не зная этой мерзости!“ думалось ему.

Ему будто не хотѣлось уносить на тотъ свѣтъ съ собой не свѣтлый и не чистый обликъ предмета первой любви своей. Разумѣется, Квасовъ увѣрялъ его, да и сердце подсказывало, что Маргарита не чужда всему происшествію, но насколько замѣшана она въ немъ, онъ не хотѣлъ, даже просто боялся думать.

Объ исходѣ поединка онъ тоже сомнѣваться не могъ.

Фленсбургъ, какъ иностранецъ, какъ адъютантъ принца, ежедневно учившійся у Котцау, владѣлъ шпагой если не безукоризненно ловко, то, конечно, гораздо лучше Шепелева, онъ же успѣлъ только взять нѣсколько уроковъ, когда заставлялъ своего дядю усиленно, ревностно, изъ всѣхъ силъ трудившагося и ломавшаго себя на всѣ лады, чтобы отомстить публично Котцау.

Квасовъ, наоборотъ, сидѣлъ бодрый, чуть не веселый, шутилъ съ извозчикомъ, подшучивалъ даже надъ двумя хромоногими клячами, которые ихъ тащили.

Шепелевъ грустно поглядывалъ на дядю и недоумѣвалъ, какимъ образомъ можетъ этотъ самый Акимъ Акимовичъ, вчера рыдавшій надъ нимъ, сегодня относиться такъ безучастно къ его судьбѣ.

А Квасовъ былъ просто доволенъ собой. Еще наканунѣ вечеромъ, онъ обѣжалъ чуть не всѣхъ офицеровъ своей роты, съѣздивъ къ кому-то еще въ городъ и собравъ всевозможныя свѣдѣнія о всевозможныхъ дуэляхъ и поединкахъ.

Вернулся онъ домой ночью, вполне обученный, узнавшій и понявшій до тонкостей всѣ многообразныя правила многообразныхъ заморскихъ поединковъ. Вдобавокъ, теперь у Квасова въ рукахъ была пара новенькихъ шпагъ одинаковаго размѣра. Этимъ онъ готовился удивить самихъ нѣмцевъ. Квасову объяснили, что если у Фленсбурга шпага будетъ хоть на вершокъ длиннѣй шпаги Шепелева, то дѣло плохо. И Акимъ Акимовичъ вечеромъ съѣздивъ къ оружейнику на Невскомъ и купилъ пару новыхъ шпагъ, лихо отточенныхъ и блестящихъ, какъ серебро.

Наконецъ, послѣ часа ѣзды по рытвинамъ и лужамъ, они достигли до поворота, за которымъ открылись пустыри. Вдали видѣлась деревня, а ближе, саженьяхъ въ восьмидесяти, стояла щегольская берлина безъ кучера, и около нея два офицера.

Противники и секунданты раскланялись.

Шепелевъ при видѣ врага какъ бы встрепенулся. Лицо его оживилось, но стало еще блѣднѣе.

— Противъ этого ничего не имѣете! вымолвилъ Квасовъ насмѣшливо, доставъ и покрывая шпаги.

— Ничего... Все равно! отозвался Фленсбургъ, косо глядя на оружіе.

— Отпустите извозчика, замѣтилъ Будбергъ, обращаясь къ Квасову. — Нельзя же при немъ. Онъ перепугается, начнетъ кричать, пожалуй, прибѣгутъ изъ деревни.

Квасовъ приказалъ извозчику вернуться назадъ, стать за угломъ и дожидаться.

Извозчикъ, будто подозрѣвая что-то, охотно и живо погналъ своихъ клячъ обратно и вскорѣ скрылся за поворотомъ.

— Ну-съ, вымолвилъ Квасовъ, — мы, помощники, станемъ тоже, каждый около своего, на всякій случай!

— Конечно, конечно, холодно выговорилъ Фленсбургъ, но вдругъ пристально взглянулъ въ лицо Квасова страннымъ взглядомъ, какъ будто удивился этимъ словамъ, которыхъ онъ не ожидалъ отъ лейбъ-компанца.

Будбергъ предупредилъ пріятеля, что Квасовъ за послѣднее время удивительно обучился фехтованію и что если бы Фленсбургу пришлось драться съ лейбъ-компанцемъ, то, пожалуй бы, дѣло окончилось скверно. Будбергъ отлично помнилъ, какъ Квасовъ на смотрѣ у государя въ одну минуту вышибъ у него шпагу изъ рукъ.

Выбравъ удобное мѣсто, противники сняли сюртуки и камзолы и получили отъ Квасова по шпагѣ. Фленсбургъ оглядѣлъ свою блестящую и славно отточенную и ухмыльнулся. Шепелевъ перекрестился три раза на сіявшій гдѣ-то вдали золотой крестъ церковный. Противники стали другъ противъ друга и скрестили шпаги.

Лицо Шепелева покрылось яркимъ, но неестественнымъ румянцемъ, а губы сжались въ судорожную и горькую улыбку. Лицо его будто говорило:

„Я знаю и понимаю всю эту подстроенную комедію. Ну, и пускай! Убивайте!..“

Прошло нѣсколько мгновеній, и ни одинъ изъ противниковъ не тронулъ другого.

Шепелевъ напрягалъ всѣ силы разума, всю силу руки. Ему самому казалось, что онъ будто бы въ виду опасности ловчѣе, искуснѣе держитъ шпагу.

Фленсбургъ, съ своей стороны, будто наоборотъ, зная, что все въ его рукахъ, что когда захочетъ онъ, тогда и нанесетъ смертельный ударъ, выжидалъ и не спѣшилъ. Но кромѣ этого было и нѣчто неожиданное!.. Странно измѣнившееся лицо лейбъ-компанца, стоявшаго за его противникомъ, тоже съ обнаженной шпагой, мѣшало ему дѣйствовать, смущало его. Это лицо стало совершенно другимъ. Черты лица Квасова страшно измѣнились въ одно мгновеніе, и онъ не смотрѣлъ на Будберга, стоявшаго тоже съ обнаженной шпагой. Едва только шпаги засверкали на солнцѣ, какъ Квасовъ съ помутившимися отъ злобы глазами, похожій на какого-то голоднаго волка, водилъ ими за всѣми движеніями не Будберга, а его, Фленсбурга, и слѣдилъ за кончикомъ его шпаги, въ позѣ, которая говорила, что каждое мгновеніе онъ готовъ ринуться, даже вопреки правиламъ, — на помощь племяннику. Эта фигура Квасова, и это лицо съ судорожно измѣнившимися чертами, и эти кровью налитые глаза, упорно впивавшіеся въ Фленсбурга, мѣшали ему, и онъ чувствовалъ, что нѣчто очень похожее на робость начинаетъ вкрадываться въ его сердце.

Сжавъ зубы, онъ крикнулъ что-то по-нѣмецки Будбергу. Квасовъ былъ до такой степени на чеку, что даже вздрогнулъ отъ непонятнаго нѣмецкаго слова. Шепелевъ тоже не понималъ. Въ его положеніи, полусознательномъ, было не до того. Онъ замѣтилъ только, что секундантъ противника болѣе приблизился, болѣе надвинулся впередъ и не спускаетъ уже глазъ съ Квасова. Если бы Шепелевъ въ эту минуту болѣе владѣлъ собой, то онъ увидѣлъ бы, что не только Фленсбургъ смущенъ, но Будбергъ блѣднѣетъ все болѣе и болѣе и, надвигаясь впередъ позади пріятеля, держитъ шпагу въ дрожащей рукѣ.

Наконецъ, шпага Фленсбурга зазвенѣла, какъ-то свиснула, блеснула съ боку. Шепелевъ вскрикнулъ, отступилъ, и кровь фонтаномъ брызнула у него изъ плеча... Но Фленсбургъ налѣ залъ... И Шепелевъ, не видя уже ничего передъ собой, ожидалъ другого и послѣдняго удара!!.. И въ тотъ же мигъ, какое-то страшное, адское ощущеніе холода въ груди заставило его дико вскрикнуть и опрокинуться навзничъ... Фленсбургъ

новымъ ударомъ поразилъ его не далеко отъ первой раны, но уже въ грудь. И въ то мгновеніе, когда Шепелевъ упалъ, Фленсбургъ бросился на него съ опущенной шпагой, чтобы поразить еще разъ уже лежащаго на землѣ. Шпага его, вѣрно направленная въ сердце, вдругъ уперлась въ образокъ на груди юноши, согнулась, скользнула, зазвенѣла и вонзилась въ землю около головы.

Но въ то же мгновеніе кто-то заревѣлъ:

— Мерзавецъ! лежащаго!

И Фленсбургъ увидѣлъ передъ собою другую шпагу, а за ней не человѣка, а разъяренное животное съ глазами, налитыми кровью. Ему надо было защищаться! Этотъ звѣрь налѣзалъ на него, грозя пронзить ежеминутно.

— Будбергъ! Будбергъ! вскрикнулъ онъ отчаянно, понявъ сразу, что можетъ произойти.

Будбергъ бросился мгновенно на Квасова съ поднятой шпагой и что-то кричалъ ему.

Квасовъ ловко отскочилъ влѣво, но въ то же время со стороны снова напалъ на одного Фленсбурга, и снова тотчасъ явились передъ нимъ обѣ шпаги. Но въ одно мгновеніе одна изъ нихъ зазвенѣла и полетѣла подъ ноги Фленсбурга, Обезоруженный Будбергъ ахнулъ... Онъ не могъ даже поднять своей шпаги, такъ какъ отчаянно защищающійся пріятель наступилъ на нее ногой.

— Я усталъ! это не честно! Нельзя! кричалъ Фленсбургъ, парируя быстрые и сильные удары противника.

Но лейбъ-компанецъ давно лишился, казалось, всѣхъ чувствъ и жилъ только глазами и только рукой. Шпаги такъ взвизгивали, сверкая на солнцѣ, что у потерявшагося Будберга при видѣ ихъ рябило въ глазахъ.

Но вдругъ раздался дикій и ужасный вошь. Шпага Квасова была въ груди Фленсбурга и вышла насквозь за спиной. Мгновенно онъ вырвалъ ее и, казалось, собирался снова вонзить. Но Фленсбургъ, обливаясь потоками крови, тяжело и грузно грянулся о землю. Ужасные стоны его огласили пустырь.

Квасовъ вдругъ онѣмѣлъ, застылъ на мѣстѣ, не спуская

глазъ съ упавшаго противника, рука его, державшая шпагу, съ которой текла кровь, дрожала... Онъ тяжело дышалъ и шепталъ:

— Царица небесная! Прости и помилуй!

Будбергъ бросился къ товарищу, сталъ подымать его, повторяя бессмысленно какія-то нѣмецкія слова. Но Фленсбургъ отвѣчалъ только страшными стонами.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, пришедшій въ себя Шепелевъ приподнялся и сидѣлъ на землѣ. И, кромѣ полного изумленія, ничего не было на лицѣ его. Наконецъ, онъ будто понялъ вдругъ все совершившееся, поднялъ руку, чтобы перекреститься, но отъ боли рука только тронула лобъ и упала.

Фленсбургъ, мотая головой изъ стороны въ сторону, прижимая обѣ руки къ груди, судорожно дергался на землѣ и стоналъ. Вдругъ онъ повернулъ лицо къ Будбергу, будто хотѣлъ что-то выговорить, но кровь хлынула горломъ... Онъ задохнулся, захрипѣлъ и, какъ-то потянувшись, замеръ недвижно... Будбергъ подложилъ ладонь подъ голову товарища и, стоя около него на колѣняхъ, шепталъ что-то по нѣмцѣи, какъ будто молитву.

Квасовъ, будто придя въ себя, обернулся къ племяннику, увидѣлъ его сидящимъ и перекрестился.

— Ну, вотъ онъ! Господь на небеси! Не даромъ я поучился фридриховскимъ артикуламъ. Можешь встать? Будешь живъ? Какъ сдается?

— Не знаю, шепнулъ чуть слышно Шепелевъ.—Что онъ?..

И юноша показалъ глазами на недвижно протянувшася на землѣ Фленсбурга.

— Тамъ ничего, пороса, тамъ готово! Царство небесное, коли, по грѣхамъ, пустять!

Въ это мгновеніе Фленсбурга сильно передернуло всего. Ноги, уже протянутыя, дернуло еще нѣсколько разъ. Но это было послѣднее движеніе, и на землѣ замеръ уже не человѣкъ, а трупъ...

XXIV.

Дня три, конечно, только и было рѣчи въ Петербургѣ, что о поединкѣ двухъ офицеровъ. Вся исторія рассказывалась

на разные лады, съ разными подробностями. Не смотря на то, что все дѣло было хитро придумано Маргаритой и дорого поплатившимся Фленсбургомъ, а поединокъ состоялся, повидимому, вслѣдствіе драки офицеровъ на плацу, но, тѣмъ не менѣе, какъ часто бываетъ, истина не укрылась отъ общественнаго мнѣнія.

Весь городъ, если не зналъ, то понялъ, что вся исторія произошла изъ-за Маргариты. Теперь уже всѣ въ городѣ знали, въ какихъ отношеніяхъ она къ юношѣ, произведенному ею же въ одинъ мѣсяцъ изъ солдатъ въ офицеры. Только одного никто не могъ понять, какую роль играла Маргарита въ этомъ поединкѣ. Конечно, никто не могъ догадаться, что она упростила Фленсбурга избавить ее отъ юноши. Всѣ говорили, что Фленсбургъ изъ ревности захотѣлъ уничтожить счастливаго соперника и поплатился самъ.

Во всякомъ случаѣ, огласка, которой боялась Маргарита, вышла полная, и если былъ человѣкъ, который не зналъ истины, то это былъ одинъ государь. Даже принцъ Жоржъ, искренними слезами оплакивавшій потерю любимца, зналъ, что Фленсбургъ убить счастливымъ любовникомъ красавицы иноземки. Но принцъ не рѣшился сказать это государю.

Среди офицеровъ гвардіи болѣе всего, болѣе, чѣмъ о Фленсбургѣ и Шепелевѣ, говорили, спорили, даже ссорились по поводу Квасова. Мотивомъ этихъ споровъ и ссоръ было вмѣшательство лейбъ-компанца на дуэли. Ставился вопросъ: имѣлъ ли онъ право, на основаніи обычныхъ правилъ и законовъ поединковъ, выступить дѣйствующимъ лицомъ и, защищая Шепелева, перейти въ наступленіе и убить его противника. Этотъ вопросъ рѣшить было мудрено. Одни говорили, что Квасовъ могъ защищать Шепелева, но не убивать Фленсбурга. Другіе отвѣчали, что если плезвигскій уроженецъ рѣшился на такую подлость, чтобы лежачаго дорѣзать, то Квасовъ имѣлъ право защищать его, а при упорствѣ противника и самозащитѣ случайно и убить его.

Будбергъ, единственный очевидецъ всего, по неволѣ долженъ былъ исказить всѣ факты и лгать, такъ какъ его роль оказалась на поединкѣ самая плачевная. Если Квасовъ такъ

яростно напалъ на Фленсбурга, благодаря своимъ недавнимъ, невѣроятнымъ успѣхамъ въ фехтованіи, то что-жъ дѣлалъ Будбергъ, зачѣмъ не защитилъ, какъ умѣлъ, товарища?.. Вдвоемъ они, конечно, обезоружили бы, еслибъ не убили Квасова. Будбергъ могъ только извиниться однимъ, что Квасовъ тотчасъ же вышибъ у него шпагу изъ рукъ, а Фленсбургъ въ эти нѣсколько минутъ борьбы съ противникомъ наступилъ на нее ногами. Но шпага Шепелева была свободна! Да! Но хорошо потомъ разсуждать!.. Тогда онъ потерялся.

Около полудня Квасовъ на своемъ извозчикѣ доставилъ племянника на его квартиру, но безъ чувствъ. Раны Шепелева оказались не опасными, но, при переѣздѣ отъ Метсловки до центра города онъ потерялъ слишкомъ много крови. Когда онъ двинулся въ путь съ мѣста поединка, то былъ въ полномъ сознаніи, спокойно говорилъ съ дядей, благодарилъ его и все повторялъ:

— Вотъ милость-то Божія! Вѣдь все это почти чудо!

— Молодецъ Акимъ Красовъ! Кабы могъ, расцѣловалъ! шутиливо отзывался сіяющій довольствомъ лейбъ-компанецъ.

Но затѣмъ, не смотря на всякаго рода перевязки, кровь лила ручьемъ, и на полъ-дорогѣ юноша лишился сознанія и пришелъ въ себя только въ постели.

Одновременно Будбергъ привезъ въ городъ трупъ своего пріятеля. Когда онъ ѣхалъ въ берлинѣ по улицамъ Петербурга, то многіе офицеры, встрѣчавшіе экипажъ, увидѣвъ, узнавали безжизненно лежащаго Фленсбурга, который хорошо былъ извѣстенъ гвардіи. Всѣ были такъ поражены новостью, что вѣсть о смерти ненавистнаго адъютанта Жоржа, какъ молнія, обѣжала столицу,

Едва Будбергъ успѣлъ доставить тѣло на квартиру, какъ уже весь лагерь голштинцевъ и принцъ Жоржъ, прежде всѣхъ, былъ уже вокругъ убитаго. Будбергъ тутъ же въ первый разъ, но въ совершенно искаженномъ видѣ, передалъ подробности поединка.

Такъ какъ государь уѣхалъ наканунѣ въ Ораніенбаумъ, то Жоржъ тотчасъ своею властью приказалъ арестовать Квасова и Шепелева.

Не успѣлъ Акимъ Акимовичъ позвать доктора, не успѣли фельдшера сдѣлать Шепелеву первыхъ перевязокъ, какъ явились—офицеръ и два кирасира съ приказаніемъ принца. Но докторъ, вызванный Квасовымъ, извѣстный въ Петербургѣ Вурмъ, объявилъ, что онъ не позволитъ трогать раненаго офицера, покуда не получитъ письменнаго приказа отъ принца.

Такъ какъ Вурмъ лѣчилъ у принца, то, поэтому, рѣшили тотчасъ же ѣхать и объяснить Жоржу, что арестовать офицера и перевозить опять, значить убить его.

Квасовъ повиновался кирасирамъ безпрекословно, не смутился и только съ ужасомъ воскликнулъ, увозимый съ квартиры племянника:

— Кто-жъ за нимъ ходить будетъ? Вѣдь у него во всемъ городѣ ни души родной нѣтъ. Не Маргаритка же эта проклятая придетъ ходить за больнымъ.

Дѣйствительно, когда Квасовъ былъ сданъ на свой же ротный дворъ и посаженъ въ ту горницу, гдѣ сидѣли когда-то братья Орловы, то Шепелевъ остался одинъ, съ глупымъ деньщикомъ.

Между тѣмъ, Маргарита на разсвѣтѣ этого дня вдругъ проснулась, какъ отъ толчка. Она сразу поднялась, сѣла на постели и, взглянувъ въ окно, подумала:—

„Да, теперь... теперь они ѣдутъ на мѣсто, а, быть можетъ, теперь его уже нѣтъ на свѣтѣ!“

И красавица опустила голову, просидѣла такъ неподвижно, сама не замѣчая, около двухъ часовъ времени. Ей теперь было искренно жаль этого юношу, котораго въ сущности она же завлекла въ свои сѣти.

Лотхенъ, которая со дня смерти графа спала на диванѣ въ той же комнатѣ около барыни, проснулась, увидала Маргариту, сидящую, съ опущенной головой и тотчасъ же поднялась. Она уже знала, что совершается въ это утро, и понимала, что заставляетъ графиню сидѣть неподвижно и задумчиво съ опущенной головой. Лотхенъ встала, подошла къ Маргаритѣ, сказала ей что-то, привела ее въ себя.

Маргарита вздохнула и выговорила.

— Да, все-таки грѣхъ! Бѣдный мальчикъ, не долго онъ прожилъ на свѣтѣ.

— .Ложитесь-ка лучше опять спать, покуда не прїѣдетъ Фленсбургъ! уговаривала Лотхенъ.—Во снѣ ни горя, ни заботы.

— Нѣтъ, нѣтъ! вдругъ воскликнула Маргарита.—Напротивъ. Надо вставать, надо одѣваться!

И дѣйствительно, Маргарита быстро одѣлась и сѣла къ окну. Лотхенъ подала ей кофе. Маргарита не притронулась ни къ чему и, не отрываясь, глядѣла на улицу, гдѣ понемногу увеличивалось дневное движеніе. Въ каждомъ мундирѣ, который показывался вдаль, на Невскомъ, ей чудился Фленсбургъ съ извѣстіемъ о томъ, что она уже знала, рѣшила на умѣ, и только ожидала подтвержденія.

Наконецъ, ей вдругъ пришла мысль, и она передала ее Лотхенъ. Горничная немедленно распорядилась.

Былъ посланъ лакей къ квартирѣ Шепелева стоять какъ бы на часахъ и придти съ извѣстіемъ, если случится что-нибудь особенное.

Около полудня, когда Фленсбургъ все не ѣхалъ, Маргарита увидала собственнаго лакея, бѣгущаго по панели. Она не выдержала, бросилась черезъ всѣ комнаты, и, не найдя Лотхенъ, сама отперла дверь на подъѣздѣ. Она не вымолвила ни слова, но лакей по лицу ея понялъ вопросъ.

— Привезли мертваго, сударыня! воскликнулъ онъ.

Маргарита не сказала ни слова, повернулась и тихо пошла въ свою спальню. Она сѣла на то же кресло, у окна, долго сидѣла, не двигаясь, наконецъ, слезы показались у нея на глазахъ. И долго тихо плакала она.

Черезъ часъ, незнакомый ей офицеръ, голштинскаго войска, вдругъ явился у ея подъѣзда верхомъ, передалъ лошадь и велѣлъ о себѣ доложить. Маргарита вышла, удивляясь, и офицеръ передалъ ей отъ имени Будберга судьбу Фленсбурга.

Маргарита всплеснула руками и выговорила только:

— Какъ! Оба!?

Офицеръ объяснилъ графинѣ, что одинъ Фленсбургъ убитъ, а что молодой офицеръ, его противникъ, раненъ, и очень не опасно, такъ что его приказано арестовать.

Маргарита вскрикнула, въ одну секунду бросилась къ офицеру и вскинула ему руки на плечи. Еще секунда, и она бы поцѣловала его за извѣстіе. Опомнившись, она воскликнула:

— Простите! Да правда-ли это? Правда-ли?

— Навѣрное, графиня! Я самъ видѣлъ Будберга и Квасова, отвѣчалъ офицеръ, удивившійся, что въ этомъ дѣлѣ Маргарита интересовалась судьбой только преображенца.

Офицеръ уѣхалъ, раздумывая. Ему приказывали осторожно сообщить графинѣ о смерти Фленсбурга... А тутъ вотъ что!?

Лотхенъ, которая стояла все время въ горницѣ и слышала все, вдругъ расхохоталась безумнымъ смѣхомъ.

— Что скажете! Liebe Gräfin? Какова исторія! Нѣтъ, Фленсбургъ-то, Фленсбургъ! воскликнула Лотхенъ и снова покатила отъ смѣха.—Подумайте! Фленсбургъ-то!

И Лотхенъ, не имѣя возможности держаться на ногахъ отъ хохота, почти упала на диванъ.

Маргарита, съ блестящими глазами, съ румянымъ лицомъ, по неволѣ тоже начала улыбаться. Дѣйствительно, ей казалось, что, помимо страшнаго, во всемъ этомъ дѣлѣ есть что-то необыкновенно глупое, если не смѣшное.

— Фленсбургъ-то, Фленсбургъ! повторяла Лотхенъ и хохотала до искреннихъ, крупныхъ слезъ.

Первое движеніе Маргариты было одѣться, чтобы идти прямо на квартиру Шепелева, но Лотхенъ остановила ее словами:

— Развѣ вы не помните, вѣдь офицеръ сказалъ вамъ, что онъ арестованъ.

— Я поѣду туда, гдѣ онъ арестованъ.

Долго Лотхенъ отговаривала барыню не усугублять положенія и не дѣлать огласки и, наконецъ, убѣдила ее. Маргарита осталась, но съ тѣмъ условіемъ, что Лотхенъ сама отправится на преображенскій дворъ, все узнаетъ, а, главное, узнаетъ, въ какомъ положеніи юноша, куда онъ раненъ, и что думаютъ доктора.

Лотхенъ собралась тотчасъ-же, но, вмѣсто того, чтобы отправиться на ротный дворъ, отправилась къ своимъ пріятелямъ,

людямъ принца Жоржа, чтобы узнать прежде всего подробности невѣроятнаго событія, которое приводило ее въ такое искренно-веселое настроеніе. Даже дорогой Лотхенъ мысленно повторила раза два имя Фленсбурга и снова не могла удержаться отъ смѣха.

XXV.

Въ это же роковое утро княжна Василекъ, проснувшись по обыкновенію очень рано, одѣлась, потомъ по обыкновенію помолилась и пошла въ горницу больной тетки.

Гарина не только не поправлялась, но положеніе ея было еще хуже. Она была жива на половину; мозгъ былъ отчасти парализованъ, и больная смотрѣла безсмысленными глазами на все, произносила какіе-то дикіе гортанные звуки вмѣсто словъ или же спала большую часть дня и ночи съ сильнымъ, неестественнымъ крапомъ, который тяжело дѣйствовалъ на Василька. Присутствіе ея у постели больной не имѣло никакого смысла, а этотъ сонъ тетки, или безсмысленный взглядъ ея, дѣйствовалъ такъ на княжну, что она не могла долго выносить ни того, ни другого, и принималась плакать. Поэтому Василекъ стала сажать по очереди, около постели больной, старшихъ горничныхъ, любившихъ барыню, а сама сидѣла у себя. Ее вызывали каждый разъ при малѣйшемъ движеніи больной.

На этотъ разъ Василекъ, постоявъ около постели и вида, что Пелагея Михайловна крѣпко спитъ, вернулась снова къ себѣ.

Каждый разъ, что она оставалась теперь одна, на нее всегда нападала тоска. На выздоровленіе тетки надежды не было. Сестра была Богъ вѣсть гдѣ, и Василекъ понимала, что Настя никогда не вернется изъ своей добровольной ссылки. Единственно, что она считала долгомъ сдѣлать, это переслать сестрѣ ея часть состоянія немедленно послѣ выздоровленія или смерти тетки. Можетъ быть, тогда она откупитъ Глѣба! Василекъ не знала, но только смутно и боязливо чуяла, что заставило сестру пойти за княземъ, и чѣмъ убила она тетку.

Единственной отрадой Василька была мысль о Шепелевѣ. Послѣ ея внезапнаго и страннаго полу-признанія прошло мно-

го времени, она привыкла къ мысли, что высказалась, что онъ догадался и знаетъ все. И въ лицѣ его, въ глазахъ, она читала теперь такое доброе чувство къ ней, что если это и не была любовь, то для нея, для ея счастья и этого было довольно. На этотъ разъ, вернувшись въ свою комнату, Василекъ сѣла, не зная что дѣлать. Но вдругъ безъ всякаго повода, безъ всякой причины, она почувствовала такую тоску, такъ щемило сердце, такъ ныла душа ея, что суевѣрная Василекъ вдругъ заволновалась, вдругъ перекрестилась, вдругъ заговорила, успокаивая самое себя:

— Что-жъ это? Съ чего это я? Помилуй Богъ! Точно будто еще какая новая бѣда и съ нимъ! Съ нимъ!..

И совершенно невольно, безсознательно, Василекъ очутилась у своего кюта и снова помолилась.

Побывавъ еще раза два или три у тетки, которая проснулась, бессмысленно поглядѣла на нее и снова заснула, Василекъ, подъ вліяніемъ все того же тревожнаго чувства, вышла и стала гулять по двору. Наконецъ, уже въ изнеможеніи она сѣла на скамейку около полисадника и не понимала, почему такая усталость сказывается въ ней. Она не замѣтила, что часа четыре пробродила по двору.

Въ эту минуту раздался среди тишины, окружающей всегда ихъ домъ, рѣзкій, отчетливо звонкій топотъ скачущей лошади, и въ ворота галопомъ въѣхалъ преображенскій офицеръ.

Василекъ затрепетала вся, тихо вскрикнула, и во всемъ ея существѣ будто раздалось кѣмъ-то громко сказанное слово:

— Вотъ!

Да, она была убѣждена, она знала впередъ, что и о комъ скажетъ этотъ незнакомый вѣстникъ. Замирая, она двинулась ему на встрѣчу и выговорила:

— Ну? такъ, какъ если бы ожидала его давно и знала, что онъ привезетъ страшную вѣсть.

Въ двухъ словахъ офицеръ объяснилъ княжнѣ все случившееся и просилъ отъ имени Квасова прислать какую нибудь женщину—горничную или няню, такъ какъ офицеръ, хотя не опасно раненъ, по все-таки нуждается въ уходѣ и помощи.

Но Василекъ не слыхала послѣднихъ словъ. Дворъ, домъ, красивая вороная лошадь, офицеръ, небо ясное, синимъ сводомъ покрывавшее ихъ, все сразу исчезло изъ глазъ Василька! Она очнулась въ своей комнатѣ! Съ княжной сдѣлалось дурно, и если бы не люди, окружавшіе ее въ ту минуту, когда въѣхалъ на дворъ всадникъ, то Василекъ упала бы на землю къ ногамъ лошади.

Очнувшись, открывъ глаза, оглядѣвъ всѣ добрыя и тревожныя лица прислуги, Василекъ спросила, истинно-ли было это все, или ей приснилось. И она увидала по лицамъ, что все это было не сонъ.

Василекъ поднялась, перекрестилась, потомъ двинулась, оглядываясь, тихо, спокойно, какъ если бы ей приходилось привести все въ порядокъ въ своей комнатѣ. Еще спокойно одѣлась она и велѣла закладывать лошадь, на которой всегда отправлялась въ городъ или къ обѣднѣ. Затѣмъ она прошла къ теткѣ, поглядѣла на больную, крѣпко спящую, нагнулась, поцѣловала худую руку, свиснувшую съ кровати, и ровнымъ шагомъ, спокойно вышла и сѣла въ дрожки.

— Квартиру Дмитрія Дмитріевича знаешь... Туда! И поскорѣе! произнесла она кучеру въ воротахъ.

И эти слова звучали какъ-то особенно спокойно, ласково и мягко.

Черезъ нѣсколько минутъ, не смотря на крупную рысь лошади, она снова повторила кучеру:

— Поскорѣе, Иванъ!

Вѣхавши въ улицы города, снова повторила она то же слово. И если лицо ея и голосъ были совершенно спокойны, то на душѣ бушевало такое чувство, которое не могло бы удовольствоваться движеніемъ экипажа. Если бы лошадь мчалась, какъ вихрь, то и тогда бы это чувство заставило Василька повторять безъ конца:

— .Поскорѣе!

Почти черезъ полчаса ѣзды Василекъ вошла въ незнакомую квартиру и ровнымъ, твердымъ шагомъ прошла горницу за горницей, покуда не увидала въ углу кровать, на которой лежалъ дремавшій Шепелевъ, блѣдный, уже похудѣвшій. Какъ

тихо вошла она, такъ же тихо опустилась на колѣни около этой кровати и недвижно, но долго оставалась въ этомъ положеніи. Сколько времени пробыла она такъ, глядя въ лицо его, она сама не знала.

Деньщикъ, отлучившійся куда-то по сосѣдству, вернулся и увидѣлъ на колѣняхъ, около постели, какую-то барыню въ бѣломъ платьѣ, всю въ бѣломъ, даже на головѣ что-то бѣлое... Лица ея, обращеннаго къ больному, деньщикъ видѣть не могъ.

Наконецъ, спустя много времени, Шепелевъ проснулся, открылъ глаза и съ изумленіемъ остановилъ ихъ на Василькѣ. Очевидно было, что онъ принималъ дѣйствительность за собственный бредъ.

— Это я... Ходить за вами... шепнула Василекъ, быстро вставая и краснѣя въ первый разъ.

Шепелевъ молчалъ и не двигался. Только глаза его, обращенные къ ней, все и много сказали ей.

— Я буду вашей сидѣлкой... старалась шутить княжна...

— Нѣтъ! Ангель-хранитель... снова выговорилъ Шепелевъ.

Черезъ минуту раненный, отъ слабости, опять закрылъ глаза и будто опять забылся. Василекъ сѣла на стулъ у его изголовья и скоро глубоко задумалась. Какое-то странное чувство, тяжелое, будто болѣзненное, заставило ее вдругъ очнуться и поднять голову.

И Василекъ тихо вскрикнула, затрепетала, задохнулась. Она увидѣла близъ кровати недвижно стоящую женщину, всю въ черномъ, которая ястребиными глазами впиалась въ блѣдное лицо юноши.

Василекъ, конечно, узнала ее сразу, но все-таки на нее напалъ какой-то суевѣрный страхъ. Она безотчетно шагнула между нею и кроватью и, опустившись на колѣни, заслонила руками и грудью, будто защищая юношу не только отъ врага, но отъ демона или отъ смерти, пришедшей за нимъ.

— Оставьте! Оставьте!.. Уйдите! умоляя и будто страдая отъ суевѣрной боязни, прошептала Василекъ.

Маргарита не шевельнулась, только глаза ея блеснули ярче на эту незнакомку. Она догадалась также, что это княжна

Тюфякина. Догадалась, что если она здѣсь, то имѣетъ право на это.

— Оставьте! снова шептала Василекъ.

Маргарита опустила голову, постояла мгновеніе, потомъ вздохнула, повернулась и, не вымолвивъ ни слова, тихо вышла изъ комнаты.

Василекъ бросилась къ окну и видѣла, какъ графиня сѣла въ карету. Долго и недвижно простояла Василекъ у этого окна и упрекала себя.

XXVI.

Государь въ первыхъ числахъ іюня мѣсяца переѣхалъ въ Ораніенбаумъ, его любимое мѣстопробываніе, гдѣ онъ подолгу жилъ, будучи наслѣдникомъ престола. Не смотря на то, что Петръ Ѳедоровичъ, по характеру, не былъ способенъ стѣсняться и соблюдать извѣстнаго рода этикетъ, сдерживаться въ своихъ привычкахъ, тѣмъ не менѣе въ Петербургѣ онъ чувствовалъ себя менѣе свободнымъ въ большомъ новомъ дворцѣ, и, напротивъ, ему нравилась обстановка Ораніенбаума. Она могла напоминать ему тотъ маленькій нѣмецкій дворъ, въ обстановкѣ котораго онъ родился и провелъ свое дѣтство.

Здѣсь жизнь пошла совершенно иная. Здѣсь, во-первыхъ, стоялъ любимый его голштинскій полкъ, составъ котораго былъ самый странный. Весь полкъ, за исключеніемъ десятка чело-
вѣкъ, состоялъ изъ нѣмцевъ всякаго наименованія: и бранденбургцевъ, и баварцевъ, и швейцарцевъ, и силезцевъ. Были и другіе иноземцы: полуславяне, полувенгерцы; были личности совершенно неизвѣстнаго происхожденія. Въ добавокъ все это былъ оброзытъ Европы. Это были люди военные не по призванію, а личности, не годныя ни на какое дѣло, какъ только носить мундиръ и справлять службу въ мирное время, крѣпко вѣруя и надѣясь, что сражаться никогда не придется.

Пополнять арміи наемниками и сбродомъ со всякихъ странъ было еще въ ходу во всѣхъ странахъ. Фридрихъ прусскій еще болѣе ввелъ это въ моду. Нуждаясь въ солдатахъ и офице-

рахъ и не имѣя возможности пополнять ряды своими подданными, Фридрихъ завербовывалъ всѣхъ, кого только могъ, убѣжденный, что человѣкъ почти безъ роду и племени, даже настоящій мошенникъ или разбойникъ, должны быть самыми лучшими воинами.

Недостатокъ въ рекрутахъ былъ настолько великъ въ Пруссіи, погибавшей отъ ударовъ, семь лѣтъ наносимыхъ ей союзниками, Россіей и Австріей, что король завелъ особый способъ вербовки: всякаго, всячески, различныя власти заманивали, а то и насильно дѣлали солдатомъ. Всѣ европейскія державы постоянно жаловались королю Фридриху, что различные подданные, попавшіе въ Пруссію, завербовывались насильственно подъ его знамена. Всякій молодой человѣкъ, иноземецъ, попавшій за какою либо проступокъ въ руки полиціи, лаской и угрозами дѣлался солдатомъ, а разъ надѣвъ мундиръ, не могъ уже бѣжать, рискуя быть разстрѣляннымъ. Подобныхъ примѣровъ вербовки и разстрѣливанія было много.

Петръ Федоровичъ, любившій военщину болѣе всего, зналъ отлично и порядки фридриховскіе, и мечталъ завести точно такую же армію и у себя.

Въ Россіи общее мнѣніе, сильно укоренившееся, было то, что „вольность дворянская“, данная государемъ тотчасъ по вступленіи на престолъ, была не льгота, а былъ очень тонкій способъ очистить ряды отъ русскаго элемента и замѣнить его иноземнымъ. И въ этомъ была своя доля правды. Государь мечталъ завести иностранное войско, на манеръ фридриховскаго и, опираясь на этотъ сбродъ всякаго рода авантюристовъ, иноземцевъ, большею частью сомнительной репутаціи и дурного поведенія, замѣнить имъ гвардію, главную дѣятельницу во всѣхъ переворотахъ.

Голштинское войско, помѣщавшееся въ Ораніенбаумѣ, было сколокъ съ арміи Фридриха. На улицахъ городка продолжались постоянно безпросыпное пьянство, буйство и драки, и слышалась постоянно, если не исключительно нѣмецкая, то всякая иноземная рѣчь. Сѣченовъ, побывавшій разъ въ Ораніенбаумѣ, говорилъ, что дворецъ и мѣстечко напомнили ему

сказаніе библейское о столпотвореніи вавилонскомъ, гдѣ раздавались всѣ языки земные.

Съ первыхъ же дней переѣзда въ свою любимую резиденцію, государь ежедневно занимался смотрами, экзерциціями и обученіемъ войска. Но главной его задачей были приготовленія, всевозможныя и дѣятельныя, къ войнѣ съ Даніей, уже рѣшенной окончательно. Подарокъ графа Разумовскаго облегчилъ, конечно, во многомъ эту задачу.

Утро государя проходило въ занятіяхъ по поводу войны, въ софщаніяхъ съ Минихомъ и гетманомъ Разумовскимъ, которыхъ онъ хотѣлъ сдѣлать начальниками частей будущей дѣйствующей арміи, оставляя главное командованіе за собою. Помимо этого, по совѣту Жоржа, государь занимался сортировкой лицъ, которыхъ слѣдовало взять съ собою или оставить въ Петербургѣ. Всѣ, кто казались подозрительными новому правительству, хотя бы и не военные, и какихъ бы лѣтъ и чина ни были, долженствовали послѣдовать за государемъ въ дѣйствующую армію, въ качествѣ волонтеровъ.

Баронъ Гольцъ, понявши, что отговорить государя отъ непріятнаго для его короля и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пагубнаго для самого государя предпріятія нѣтъ никакой возможности, старался теперь всячески какъ-нибудь оттянуть время и ослабить будущія дурныя послѣдствія войны. Гольцъ бывалъ въ Ораніенбаумѣ постоянно и зналъ все, что дѣлается, зналъ всѣ приготовленія и тонко, искусно мѣшалъ предпріятію государя.

Но одинъ Гольцъ не могъ бы ничего сдѣлать, если бы у него не было вѣрнаго союзника. Этотъ союзникъ теперь при маленькомъ дворѣ Ораніенбаума ежедневно пріобрѣталъ все большее и большее значеніе. Этотъ союзникъ была страшная сила, тотъ архимедовъ рычагъ, которымъ можно земной шаръ свернуть. Крайне умная, замѣчательно красивая, энергическая и изящная женщина всегда сдѣлаетъ, всегда совершитъ, что захочетъ. И не разъ въ исторіи подобныя личности совершали великія историческія событія, держали въ рукахъ своихъ судьбы цѣлаго государства, иногда судьбы нѣсколькихъ странъ. Въ интимной и простой обстановкѣ маленькаго дворца появилась Маргарита. Добродушнымъ, мягкосерднымъ, слабыхарактер-

нымъ поклонникомъ женской красоты было вообще завладѣть не трудно. Графиня увидала вскорѣ, что задача ея гораздо легче, нежели она думала: это былъ императоръ всероссійскій, но вѣдь это былъ маленькій, болѣзненный, тщедушный человекъ, падкій на лесть и, конечно, падкій на кокетство такой красавицы, какою была Маргарита.

Не прошло и двухъ недѣль со времени переѣзда государя въ Ораніенбаумъ, какъ Маргарита въ качествѣ придворной дамы уже переѣхала туда на житье. И скоро, все, что окружало государя, — и тотъ же Минихъ, и тотъ же Корфъ, и, наконецъ, самъ принцъ Жоржъ, — все было у ногъ красавицы, одушевлявшей ежедневныя вечеринки во дворцѣ. И всѣ они были даже искренны!

Эта иноземка, русская только по фамиліи, но, однако, славянка, была на столько очаровательна, на столько увлекательна въ малѣйшихъ пустякахъ, въ простой бесѣдѣ, въ простыхъ играхъ и шуткахъ, что нельзя было устоять противъ нея. Въ добавокъ Маргарита чувствовала теперь, что она совершенно въ своей сферѣ и будто родилась для того, чтобы вести придворную интригу, изящно обманывая всѣхъ придворныхъ, и старыхъ, и молодыхъ. Многіе изъ посѣщавшихъ Ораніенбаумъ бывали нѣсколько скандализированы ролю красавицы, но не могли не согласиться, что эта женщина, въ интимномъ кругу, даже опасна для всякаго. Даже два посланника, Мерсіи и Бретейль, находили удовольствіе въ бесѣдахъ съ вѣчно веселой и остроумной кокеткой.

Маргарита объяснялась свободно на трехъ языкахъ, и это тоже не мало помогало ей. Пребываніе ея, послѣ замужества, въ Версалѣ, въ придворномъ кружкѣ Людовика XV, хотя и краткое, тоже отчасти теперь помогало ей. Она вспоминала все, что когда-то видѣла тамъ. Маркиза Помпадуръ не выходила у нея изъ головы, была идеаломъ ея грезъ, всѣхъ ея помысловъ, всѣхъ ея стремленій. Но чтобы сдѣлаться, въ Россіи, тѣмъ же, чѣмъ была та женщина во Франціи, сдѣлаться повелительницей всей страны, мало было одного кокетства. Надо было овладѣть государемъ вполне, властвовать надъ каждой его слабостью, надъ каждымъ его помысломъ, не дѣлая

ни съ кѣмъ. Слѣдовательно, надо было прежде всего избавиться отъ его фаворитовъ и друзей, и Маргарита, уже ненавидѣвшая Гудовича, стала стараться удалить главнаго фаворита. Послѣ Гудовича приходилось вступить въ борьбу съ Воронцовой, но и это было не трудно. Глупая, крайне дурная собою, графиня Воронцова, которую Бретейль окрестилъ именемъ „servante de sabaret“, не только совершенно ступшевывалась около блестящей Маргариты, но даже помимо своей воли служила тѣмъ, что Бретейль называлъ теперь „geroussoir“. Когда Маргарита садилась около красноростей, толстой, неуклюжей, съ глупымъ взглядомъ женщины, то отъ сравненія казалась, конечно, еще красивѣе, изящнѣе и очаровательнѣе. Мерсіи однажды, видя этихъ двухъ женщинъ рядомъ, даже не выдержалъ и, невольно обратившись къ Миниху, сказалъ ему шепотомъ:

— Посмотрите на этихъ двухъ личностей, на этихъ двухъ графинь. И эта женщина, и та тоже женщина! Но одна приближаетъ васъ къ небу, возвышаетъ вашу душу, ваши помыслы своимъ изящнымъ обликомъ, другая низвергаетъ васъ въ Дантовъ адъ, напоминаетъ его безобразныя исчадія. Впрочемъ нѣтъ, даже и не это... Въ исчадіяхъ ада есть все-таки какое-то безобразное значеніе, безобразная мощь, а эта фигура скорѣе сорвалась съ какой-нибудь картинки Теньера. У преддверій кабаковъ Голландіи я видалъ часто такихъ подпившихъ и пляшущихъ матроновъ.

Если бы чувство государя зависѣло отъ лица и ума Воронцовой, то, конечно, побѣда была бы на сторонѣ Маргариты давно. Но у государя была привычка къ „Романовнѣ.“ Кромѣ этой привычки, было еще что-то.

Маргарита всячески и давно старалась разгадать, что могло привязать Петра Ѳедоровича къ этой невозможной женщинѣ, и теперь Маргарита начала догадываться. Когда-то Воронцова говорила Гудовичу, что графиня Скабронская скоро надоѣстъ государю и что онъ снова вернется къ ней, потому что она:

— Простота! что онъ ни скажетъ, все сдѣлаю, а другія умничать начнутъ!

Тонкая Маргарита однажды именно это и поняла! А глупая

Воронцова вдругь однажды догадалась, что эта изящная красавица и умница ей подражаетъ. Она тоже теперь: „простота. и что ей ни прикажутъ, все дѣлаетъ!“

И въ этотъ день Воронцова цѣлыхъ два часа совѣщалась съ Гудовичемъ и въ первый разъ стала бояться за свое вліяніе, въ первый разъ заплакала. Впрочемъ, и плакать она не могла: она разревѣлась, какъ деревенская баба, причитая на всѣ лады. Гудовичъ на этотъ разъ ушелъ отъ нея тоже смущенный.

XXVII.

Наконецъ, однажды вечеромъ, государь позвалъ къ себѣ Жоржа и, немножко смущаясь, попросилъ его совѣта: возможно-ли, не возбудить-ли черезъ чуръ много шума, если онъ рѣшится сдѣлать графиню Скабронскую кавалерственной дамой ордена св. Екатерины. Жоржъ смутился, но отвѣчалъ, что если есть на свѣтѣ изящная женщина, на которую бы слѣдовало надѣть всевозможныя регаліи всѣхъ странъ, то, конечно, это графиня Скабронская. Но, однако, Жоржъ уговорилъ Государя обождать, такъ какъ и безъ того много клеветъ, много лжи изъ-за пребыванія графини въ Ораніенбаумѣ.

— Вся столица увѣрена, что вы влюблены въ графиню! замѣтилъ Жоржъ.

— Что жъ! это правда! отозвался государь добродушно.

Жоржъ нѣсколько опять сконфузился и прибавилъ:

— Она красавица... Но въ Петербургѣ говорятъ злые языки, что вы хотите постричь государыню и... и жениться на графинѣ Скабронской, сдѣлать ее императрицей.

— И это правда... Можетъ быть.

Жоржъ опѣшилъ и замолчалъ.

— Скажите, дядюшка, что дѣдъ мой, Великій Петръ, былъ дуракъ по вашему? Нѣтъ! Хорошо! А онъ развѣ не развелся съ своей женой, развѣ не женился второй разъ... А на комъ? Кто была Марта?—солдатская жена. А потомъ кто была она? Императрица Екатерина всероссійская. А чѣмъ Маргарита хуже Марты? Сравненія нѣтъ!... Марта была необразованная женщина, но любившая моего дѣда. А Маргарита блестящая жен-

щина! И умна, и красавица, и обожаетъ меня. Что скажете?

Принцъ Жоржъ ничего не сказалъ, а только повторялъ пре себя:

— Ungeheuer! Ungeheuer!..

Дѣйствительно, вліяніе графини надъ государемъ уже зашло далеко... И многое казалось уже возможнымъ...

Вліяніе это всѣ увидѣли на первыхъ же порахъ, и поводомъ послужилъ поединокъ Шепелева.

Принцъ Жоржъ прискакалъ въ Ораніенбаумъ, передалъ государю вѣсть о поединкѣ, о смерти своего любимца,—человѣка, который еще на дняхъ вѣрой и правдой служилъ лично государю. Жоржъ передалъ подробности поединка со словъ Бунберга и въ добавокъ еще присочинилъ. Шепелевъ и Квасовъ вышли какими-то голыми разбойниками, которые заманили двухъ нѣмцевъ въ пустырь за городъ и чуть не умертвили обоихъ.

Государь былъ пораженъ смертью Фленсбурга, котораго видѣлъ за два дня передъ тѣмъ, но онъ вспомнилъ и тѣ успѣхи, которые сдѣлалъ въ фехтованіи старый лейбъ-компанецъ, и понималъ теперь, что такой противникъ, конечно, долженъ былъ оказаться опаснымъ для всякаго. Государь будто чуялъ, что въ рассказѣ принца не все ясно, тѣмъ не менѣе онъ отдалъ приказъ немедленно судить Квасова и Шепелева военнымъ судомъ и тотчасъ же разжаловать обоихъ въ простые рядовые.

Одна изъ первыхъ узнала объ этомъ, пріѣхавшая изъ города, Маргарита. Государь тотчасъ же передалъ ей о своемъ намѣреніи примѣрно наказать виновныхъ и отплатить за смерть ея друга Фленсбурга. Петръ Федоровичъ думалъ въдобавокъ, что онъ этимъ сдѣлаетъ большое удовольствіе графинѣ. Онъ не зналъ того, что знала вся столица, онъ не зналъ, кто юноша для этой прихотливой кокетки.

Маргарита, одна знавшая какъ было все дѣло, какъ она съ плезвигцемъ послали на вѣрную смерть бѣднаго юношу, пришла въ ужасъ.

Жоржъ поскакалъ въ Петербургъ исполнить приказъ государя, а Маргарита осталась съ нимъ. Но ея просьбѣ черезъ

часть поскакалъ гонецъ въ Петербургъ съ приказаніемъ доставить въ Ораніенбаумъ тотчасъ же и Квасова и Будберга.

На другой же день Будбергъ и паванунѣ подѣ конвоемъ привезенный Квасовъ явились къ государю, и Петръ Ѳеодоровичъ самъ разспросилъ подробно и того, и другого, по очереди, обо всѣхъ подробностяхъ поединка. Будбергъ путался болѣе, чѣмъ когда либо, вралъ, самъ себя опровергалъ, не желая сознаться въ своей жалкой роли товарища и секунданта.

Квасовъ послѣ него разсказалъ государю все въ мельчайшихъ подробностяхъ, и каждое слово лейбъ-компанца дышало негодованіемъ и искренностью. Болѣе всего поразило государя, что Фленсбургъ бросился уже на упавшаго и безоружнаго Шепелева, намѣреваясь просто зарѣзать, такъ какъ первая рана, полученная при законныхъ условіяхъ, была совершенно легкая.

— Такъ онъ его зарѣзать хотѣлъ, какъ рѣжутъ изъ-за угла! воскликнулъ государь. — Когда дрались законно, не стѣмѣлъ убить, а тутъ лежачаго дорѣзать захотѣлось! Не зналъ я, что онъ такой негодяй! А еще нѣмецъ! Это бы тебѣ подѣ стать...

— За что же, ваше величество, вспыхнулъ Квасовъ: — чѣмъ же мы, россіяне, заслужили такого объ насъ разсужденія! У насъ и пословица есть на нашемъ россійскомъ нарѣчій: лежачаго не бьютъ!

— А развѣ есть такая пословица? удивился государь.

И Квасовъ не съ разу убѣдилъ государя, что такая пословица давнымъ давно существуетъ.

Государь, конечно, понялъ все дѣло, какъ слѣдуетъ, разсудилъ его совершенно справедливо. Онъ взялъ во вниманіе, что Фленсбургъ первый нанесъ оскорбленіе безо всякаго повода и вызвалъ на поединокъ юношу, едва умѣвшаго держать шпагу въ рукѣ, съ тѣмъ, чтобы навѣрняка убить его. И это непремѣнно случилось бы, если бы не Квасовъ, недавно, будто по волѣ Божіей, выучившійся мастерски владѣть оружіемъ.

Квасовъ былъ тотчасъ же освобожденъ самимъ государемъ. А послѣ этого, при встрѣчѣ съ Маргаритой, Петръ Ѳеодоровичъ поблагодарилъ ее при всѣхъ за совѣтъ вызвать участни-

ковъ поединка и допросить ихъ лично. И при человѣкахъ двадцати придворныхъ государь произнесъ нѣсколько горячо:

— Я не привыкъ къ умнымъ совѣтамъ! Мнѣ все глупости совѣтуютъ. Спроси я по поводу этого поединка хоть бы вотъ „Романовну“, или Гудовича, или хоть дядю. Непремѣнно бы заставили сдѣлать чертъ знаетъ что?! Какъ они только сунутся разсуждать, такъ у нихъ сейчасъ Шемякинъ судъ. Благодарю васъ, графиня! Я отнынѣ буду пользоваться только вашими совѣтами, когда будетъ къ тому случай. А за нынѣшнее позволте мнѣ при всѣхъ разцѣловать ваши ручки.

XXVIII.

Наступили, наконецъ, и послѣдніе дни іюня мѣсяца.

Весь этотъ мѣсяцъ государь прожилъ въ Ораніенбаумѣ почти безвыѣздно. Государыня сначала оставалась въ Петербургѣ одна въ большомъ новомъ дворцѣ и здѣсь на свободѣ принимала всѣхъ петербургскихъ сановниковъ, все чаще являвшихся къ ней, все дольше засиживавшихся у нея по вечерамъ. Но затѣмъ вскорѣ ей приказано было переѣхать въ Петергофъ.

Еще съ первыхъ чиселъ іюня, когда по городу распространилась громовая вѣсть о новой предпринимаемой войнѣ съ Даніей за Шлезвигъ, никому ни на что не нужный, вся столица заволновалась: и дворъ, и дворянство, и простой народъ. Мало того, что правительство примирилось съ исконнымъ врагомъ, съ Фридрихомъ, и стало помогать ему въ его войнѣ съ прежними своими союзниками! Мало того, что отданы Фридриху, даромъ, годами завоеванныя земли! Теперь начиналась война съ государствомъ, съ которымъ отношенія были отличныя, изъ-за маленькаго клочка земли, котораго, конечно, Данія не можетъ отдать безъ упорной и кровавой борьбы. Недавно подарили Фридриху чуть не цѣлое королевство, а теперь хотятъ завоевать маленькое герцогство!

Но болѣе всѣхъ заволновалась гвардія. Дармоѣды солдаты, привыкшіе по ротнымъ дворамъ къ жизни между курами, дѣтьми и бабами, валяться на печи отъ зари до зари, негодовав-

шіе еще недавно на простые парады и смотры, были совершенно поражены мыслью о войнѣ.

Сначала прошла вѣсть, и ей никто не вѣрилъ, а затѣмъ вѣсть была подтверждена указомъ государя, что первая выступить на войну и первая понюхаетъ пороху, конечно, гвардія. Люди пользовавшіеся каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы въ превратномъ видѣ представить всѣ распоряженія правительства, тотчасъ же распустили слухъ, которому всякій солдатъ радъ былъ вѣрить. Слухъ этотъ былъ, что государь, хотѣвшій прежде раскассировать гвардію, подѣлавъ изъ нея полевые команды, теперь хочетъ отдѣлаться отъ нея болѣе жестокимъ способомъ, — всю положить на поляхъ иноземныхъ подъ пушками датчанъ. Ему не Шлезвигъ нуженъ! Зачѣмъ ему маленькое герцогство? Ему нужно средство, законное и хитрое, истребить гвардію. Кто и не вѣрилъ этой нелѣпости, повторялъ, вѣлясь, что будто бы государь прямо и искренно говорилъ объ этомъ многимъ, и совѣтъ этотъ поданъ ему Фридрихомъ.

Такъ или иначе, но гвардейскіе полки, въ особенности преображенскій и измайловскій, весь іюнь волновались безъ конца. Бабы плакались и причитали отъ зари до зари о томъ, что мужья осуждены на смерть.

Чьи-то деньги щедрой рукой сыпались въ ряды солдатъ. Конная гвардія, измайловцы, семеновцы, преображенцы, отъ капрала до рядового, съ утра ходили во хмѣлю. Случаи неповиновенія, открытаго буйства, относительно нелюбимыхъ офицеровъ все учащались. Въ преображенскомъ полку три ненавистныхъ солдатамъ офицера, Текутьевъ, Воейковъ и Квасовъ, даже опасались за свою жизнь.

Текутьевъ, однажды вечеромъ, на собственномъ ротномъ дворѣ, въ темную ночь, получилъ страшный ударъ кулакомъ по головѣ. Онъ не могъ поймать оскорбителя, но видѣлъ, однако, на немъ свой преображенскій мундиръ.

Квасовъ, проходя, тоже ночью, по корридору ротной казармы, получилъ ударъ, но уже не кулакомъ, а ножомъ. По счастью, ножикъ скользнулъ, распоролъ ему сюртукъ, прорѣзалъ обшлагъ мундира и только разцарапалъ плечо. На его крикъ выскочило нѣсколько солдатъ, но злоумышленникъ тоже

не былъ найденъ. На утро, когда Квасовъ и Воейковъ требовали выдачи этого человѣка, котораго солдаты, конечно, не могли не знать, то изъ толпы раздался крикъ:

— Небось, не выдадимъ! Обожди малость, скоро васъ всѣхъ голштинцевъ передупать!

И Квасовъ уже опасался бывать въ сумерки и по вечерамъ на собственномъ ротномъ дворѣ.

Впрочемъ, лейбъ-компанецъ, теперь майоръ, рѣдко бывалъ даже на своей квартирѣ. Онъ проводилъ дни, а иногда и ночи около выздоравливавшаго племянника.

Вмѣстѣ съ нимъ, не отходя ни на шагъ, ухаживала за юношей и Василекъ.

Шепелевъ поправлялся медленно, но къ концу мѣсяца былъ уже на ногахъ, и только немного блѣдный, немного слабый отъ большой потери крови. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ возмужалъ. Въ лицѣ его и красивыхъ глазахъ уже не было прежняго юношескаго наивнаго выраженія. Глаза его будто подернулись легкой дымкой печали, дымкой пережитаго, выстраданнаго. Такія драмы, какъ его сердечная драма, не проходятъ даромъ, и даже не рана отъ шпаци Фленсбурга, и не потеря крови, а, главнымъ образомъ, рана, нанесенная въ сердце его Маргаритой, подѣйствовала на него, и если не состарѣла, то заставила возмужать.

Впрочемъ, со дня поединка, со времени болѣзни юноши, уже случились два событія, которыя въ жизни Шепелева и жизни княжны отдалили и будто поставили на второй планъ преступный и отвратительный поступокъ Маргариты.

Василекъ была неотлучно день и ночь у изголовья юноши, вопреки всѣмъ приличіямъ, вопреки собственнымъ свойствамъ характера, и на увѣщанія Квасова отвѣчала спокойно и твердо:

— Что мнѣ! Пускай! Будь, что будетъ! Вѣдь я ему сказала! Онъ знаетъ! Что-жъ тутъ скрытничать! А что про меня выдумаютъ злые люди, мнѣ все равно. Господь видитъ, что я дурного не дѣлаю. А ходить за нимъ, мнѣ—сердце и совѣсть велятъ.

Черезъ недѣлю послѣ этого, почти безотлучнаго пребыванія

у Шепелева, Василекъ, бывшая только раза два около больной тетки на минуту, собралась однажды снова провѣдать больную. Но явившіеся на квартиру Шепелева люди объявили, что барыня приказала долго жить, что по утру ее нашли скончавшейся.

Василекъ вздохнула, перекрестилась, пожелала теткѣ царства небеснаго, но совѣсть не укорила ее. Тетка лежала за послѣдніе дни въ совершенно безсознательномъ положеніи, Василекъ ничѣмъ не могла ей помочь, а здѣсь около этого человѣка, который былъ ей дороже всего на свѣтѣ, она была полезна. Здѣсь именно сердце и совѣсть приказывали ей быть безотлучно. Вдобавокъ докторъ Вурмъ, пользовавшій юношу, сказалъ ей совершенно серьезно, что Шепелевъ многимъ обязанъ ей.

Василекъ вмѣстѣ съ Квасовымъ прохлопотали три дня, похоронили Гарину, и княжна, приказавъ запретить опустѣлый домъ, вернулась снова въ маленькую квартиру выздоравливающаго.

А черезъ дней пять послѣ этого перваго событія случилось другое, даже не внезапное или нежданное, а понемногу не замѣтно готовившееся, но про него покуда знали только Василекъ и Шепелевъ.

Однажды вечеромъ Квасовъ, прійдя съ ротнаго двора въ квартиру племянника, засталъ Шепелева уже сидящимъ на креслѣ, а Василекъ наливала ему чай.

Квасовъ остановился, поглядѣлъ на нихъ, нюхнулъ съ присвистомъ изъ тавлинки и выговорилъ:

— Вотъ только тутъ и душу отведешь! Молодецъ, пороса, давно бы тебѣ сидѣть! Заваялся! Небось, поди и ноги трясутся, какъ у столѣтняго старца. Да, прибавилъ лейбъ-компанецъ, — тутъ вотъ тишь да гладь, а что, пороса; у насъ творится, такъ бѣжалъ бы за тридевять земель.

— На ротномъ дворѣ? спросилъ Шепелевъ.

— Да, кажись не нынче, завтра, ей Богу, офицеровъ перерѣжутъ. А рѣчи такія слышишь, что волосъ дыбомъ становится. А главное, чего, подлецы, захотѣли? За нами тянутся! Мы цѣнка нѣмецкаго свергли съ престола и російскую дѣ-

вицу, да дщерь Петрову возвели на его мѣсто. А они чего захотѣли? Въявь орутъ, законнаго государя и законнаго внука того же Великаго Петра, низвергнуть, а на его мѣсто нѣмецкую принцессу посадить! то-есть шиворотъ на выворотъ—верхъ тормашкой!

И Квасовъ злобно расхохотался.

— Поглядѣлъ бы я, хоть однимъ глазкомъ, каково бы это правленіе и царствованіе было, кабы Екатерину Алексѣевну парицей или регентшей объявить? Покуда Павелъ Петровичъ выростетъ, да приметъ правленіе, какихъ бы, голубушка, она пустяковъ натворила!

Квасовъ помолчалъ и прибавилъ снова съ презрительнымъ смѣхомъ:

— За нами тянутся! Мы, вишь, примѣръ! Нѣтъ, голубчики, это то же, да не то. Я теперь костыми лягу, коли какое только буйство на улицѣ будетъ. Законный царь всероссійскій, каковъ бы онъ непорядливый ни былъ, по его добротѣ сердечной и небольшому разуму, все-таки Петръ Ѳеодоровичъ. А Павелъ Петровичъ еще мальчуганъ! И если бы Екатерина Алексѣевна попала за него въ правительницы, въ родѣ Анны Леопольдовны, то опять будетъ на Руси полная безпорядица и смута. Все-таки она чужая намъ, ангальтская принцесса.

— Да, это истинно, вымолвила Василекъ,—хотя она и добрая, и ласковая, и совсѣмъ нѣту въ ней ничего нѣмецкаго, а все-таки рожденіемъ своимъ она чужая для нашего отечества. Все-таки она чужеземная принцесса, стало быть, опять то же, что была Анна Леопольдовна.

— Еще меньше того! воскликнулъ Квасовъ.— Анна Леопольдовна происхожденіемъ все-таки нашего царскаго дома была, а Екатерина Алексѣевна такая же русская, какъ вотъ графиня Скабронская. Только по имени.

Шепелевъ вздрогнулъ, поднялъ глаза на дядю и вдругъ выговорилъ слабо, но отчетливо и рѣзко:

— Дядюшка! просьба у меня до васъ: никогда вы эту... эту... ну ее!.. не называйте при мнѣ. Она для меня померла, но я не могу ее какъ мертвую добромъ поминать. Я не могу даже имени ея слышать. Можете вы сдѣлать это для меня?

— Господь съ тобой, пороса, все, что прикажешь. Вотъ я дьявола не люблю поминать, ну, теперь буду знать, что есть два дьявола, которыхъ поминать не слѣдъ. Никогда больше не услышишь. А придется при случаѣ по какому дѣлу сказать, буду говорить второй, и это будетъ значить: второй, мошь, дьяволъ.

Наступило молчаніе. Только лейбъ-компанецъ, закусивъ губу, постукивалъ ложечкой по стакану и слегка сопѣлъ. Онъ собирался сказать нѣчто, что собирался сказать давно. Но каждый разъ слова не сходили съ языка, духъ спирало въ груди, сердце замирало въ немъ. Онъ боялся вымолвить эти нѣскольکو словъ, потому что боялся того впечатлѣнія, которое произведетъ это на Шепелева и на Василька. Онъ боялся, что нѣчто, ставшее для него его единственной дорогой мечтой, окажется вдругъ несбыточной вещью.

Но на этотъ разъ Квасова особенно что-то толкало заговорить и высказаться. Наконецъ, онъ вдругъ бросилъ ложку и вымолвилъ:

— Слушай-ка, пороса. Я твою просьбу исполню. Это не мудрено! Никогда второго дьявола именемъ не звать. А вотъ что! У меня есть до тебя просьба. Давно собираюсь, да все страшно вымолвить. Откажешь ты мнѣ, прощай, братъ, на вѣчныя времена.

— Что вы, дядюшка!

— Да, не что вы! не про пустое сказываю, а дѣло великое, святое. Грѣхъ даже, что ты не понимаешь и не догадываешься, про что я говорю. Ты бы долженъ давно самъ заговорить. Чего ждешь? А если просьбу мою не уважишь, вотъ видишь, — лежить, шляпа; надѣну ее, скажу гуть-моргенъ, и никогда меня не увидишь.

— Такъ объяснитесь, дядюшка, а то, ей-ей, ничего не понимаю.

— Ты сказывалъ не разъ, что хочешь попользоваться новою вольностью дворянской и, выздоровѣвъ, просить абшидь и уѣхать къ матери, благо ужъ офицеръ.

— Правда.

— Ты и меня звалъ съ собой.

— Вѣстимо, отозвался Шепелевъ.— Что вамъ тутъ дѣлать? Слава Богу, наслужились довольно. Да и всякій день сказывается, что служить болѣе нельзя, что не нынче, завтра зарѣжетъ какой-нибудь солдатъ.

— Все это вѣрно, я, пожалуй, тоже абшидъ подамъ. Ну, а потомъ что жъ? Мы съ тобой такъ и поѣдемъ къ твоей матери?

— Вѣстимо, дядюшка.

— И только того и будетъ?

— Да чего же вамъ еще?

— Да, что ты! Одервенѣлъ, что-ли? стукнулъ Квасовъ кулакомъ по столу такъ, что всѣ стаканы зазвенѣли.— Что ты, каменный, что-ли? Или у тебя Фленсбургъ весь разумъ проковырять своей шпаженкой, и совѣсть отшибъ! Пойми, про что я тебѣ сказываю.

Шепелевъ сидѣлъ, вытараща глаза на лейбъ-компанца, и лицо его ясно говорило, что онъ ничего не понимаетъ. Княжна Василекъ еще болѣе удивленно глядѣла на своего дорогаго друга, наконецъ, скрестила руки и своими чудными глазами какъ будто хотѣла проникнуть въ душу лейбъ-компанца и увидѣть, что тамъ бушуетъ.

— Такъ ты, да я, поѣдемъ въ Калугу? выговорилъ Квасовъ.

— Да, отозвался Шепелевъ, удивляясь.

— А княжна? вдругъ выговорилъ лейбъ-компанецъ такимъ голосомъ, какъ если бы произносилъ самую страшную вѣсть.

И, дѣйствительно, въ этомъ словѣ, въ этомъ вопросѣ теперь заключилось сразу все то, что бушевало въ немъ давно, все то, что не могъ онъ произнести, боясь узнать какъ бы свой собственный смертный приговоръ.

Шепелевъ, молча, поглядѣлъ на дядю слегка блеснувшими глазами и улыбнулся. Княжна Василекъ вспыхнула и отвела глаза.

Наступило молчаніе.

— Да! проговорилъ, наконецъ, укоризненно лейбъ-компанецъ.— Да! Вотъ что! Ваше дѣло, какъ знаете! Добрая дѣвушка всегда готова себя загубить, но Каинъ тотъ, кто губить.

Я могу сказать: дай, молъ, я за тебя помру, да ты-то, этого не долженъ допускать. Ну, стало быть, пѣшій конному, гусь свинѣ, честный подлому, а я тебѣ не товарищи.

Голосъ Квасова задрожалъ при послѣднихъ словахъ; онъ поднялся и пошелъ въ уголъ, гдѣ была его шляпа. Когда онъ обернулся, то Шепелевъ сидѣлъ, улыбаясь, и глядѣлъ на Василька. За тѣмъ онъ сдѣлалъ едва замѣтный знакъ бровями.

Она встала, обернулась къ лейбъ-компанцу, тихо, будто робко подошла къ нему, вскинула руки ему на плечи и вдругъ поцѣловала его.

Квасовъ какъ-то ахнулъ, будто его ударили дубиной по головѣ.

— Что? выговорилъ онъ измѣнившимся голосомъ.

— Акимъ Акимовичъ, да, вѣдь, это давно... давно кончено!

— Что кончено? заоралъ вдругъ Квасовъ на всю квартиру, такъ что на улицѣ двое прохожихъ вздрогнули и остановились подъ окошками.

— Дядюшка, иди сюда, сказалъ Шепелевъ.—Я еще вставать боюсь. Поцѣлуемся, простите меня! Я уже и матери писать и отвѣтъ имѣю. Какъ въ Калугу приѣдемъ, такъ и пиръ горой.

— Такъ какъ же ты смѣлъ! заревѣлъ Квасовъ совершенно серьезно, наступая съ кулаками на племянника.—Какъ же ты смѣлъ, щенокъ поганый!

— Вамъ не сказать? отозвался Шепелевъ.—Ну, ужъ, если вы хотите драться, такъ бейте Василька, а не меня. Она виновата.

— Вы виноваты? обернулся Квасовъ, тоже наступая, но уже опустивъ руки и разжавъ кулаки.

— Я, Акимъ Акимовичъ! Мнѣ хотѣлось васъ попытать, мнѣ хотѣлось, чтобы вы сами и первый заговорили...

Квасовъ остался среди горницы, какъ истуканъ, поглядѣлъ по очереди на Василька и на Шепелева, досталъ тавлинку и, нюхнувъ чуть не цѣлую горсть, выговорилъ едва слышно, качая головой и щелкая пальцемъ по тавлинкѣ.

— Ахъ, вы разбойники, ахъ, вы людоеды! Да, васъ теперь надо... Что надо?.. А? До смерти васъ надо избить!..

И при тускломъ свѣтѣ нагорѣвшей свѣчи, близъ самовара, Шепелевъ и Василекъ увидали суровое коричневое лицо лейбъ-компанца, мокрое отъ слезъ. Василекъ бросилась и обняла друга. Шепелевъ, черезъ силу, тоже приподнялся и протянулъ руки къ дядѣ.

— Второй разъ завылъ по бабѣ! шепнулъ Квасовъ въ его объятіяхъ.—Первый разъ, передъ рѣзней по заморски... И вотъ опять...

XXIX.

Въ Ораніенбаумѣ дѣлались большія приготовленія къ празднованію дня Петра и Павла—дня именинъ императора и наслѣдника престола. Предполагался фейерверкъ, иллюминація всего мѣстечка и, наконецъ, концертъ, въ которомъ долженъ былъ участвовать самъ государь, недурно игравшій на скрипкѣ. Все должно было закончиться баломъ, на который уже разосланы были приглашенія всѣмъ лицамъ, имѣющимъ на то право.

По поводу этого бала въ Петербургѣ уже шелъ смутный говоръ. Говорили, что императрица, находящаяся въ Петергофѣ, почти въ заключеніи, обставленная часовыми и шпионами, не будетъ приглашена на праздникъ и именины мужа и сына, и что Панинъ одинъ привезетъ наслѣдника. Къ этому прибавляли невѣроятный слухъ, что принимать, въ качествѣ хозяйки на празднествѣ, будетъ графиня Скабронская.

Государь на время бросилъ экзерциціи и смотры и съ увлеченіемъ принялся разучивать свою партитуру квартета, въ которомъ долженъ былъ участвовать.

Въ Петрѣ Федоровичѣ была положительно живая артиста, и не было только выдержки и прилежанія. Въ музыкѣ онъ могъ бы достигнуть извѣстнаго совершенства, если бы усидчиво занялся. Но онъ всегда бросался на музыку случайно, временно, мимолетно, предавался ей запоемъ и потомъ снова бросалъ на нѣсколько мѣсяцевъ, иногда на цѣлый годъ.

Однажды, будучи еще наслѣдникомъ престола, онъ самъ и

Елизавета Петровна, по его просьбѣ, розыскивали для него по всей Европѣ купить самую лучшую скрипку. Послѣ многих хлопотъ, переписки и крупной суммы, обѣщанной за первую скрипку въ мірѣ, была найдена такая въ Венеціи. Говорили, что скрипкѣ 200 лѣтъ, что она диво дивное, чуть не сама играетъ и поетъ, какъ живой человѣкъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, описалъ ее, въ донесеніи государынѣ російской, посолъ при венеціанскомъ дожѣ. Но, когда скрипка достигла Ораніенбаума, Петръ Ѳедоровичъ и не взглянулъ на нее. Въ это время онъ муштровалъ своихъ голштинцевъ и выдумывалъ какое-то построеніе для атаки, которое будто бы когда-то любилъ и предпочиталъ македонскій царь Филиппъ, отецъ знаменитаго Александра.

Теперь государь бросилъ всѣ свои заботы въ сторону, о войнѣ и приготовленіяхъ не смѣлъ никто и заикаться. Государственный секретарь не смѣлъ появляться съ докладами, какъ бы они важны ни были. Даже съ Маргаритой государь пересталъ бесѣдовать и болтать, какъ прежде, по цѣлымъ часамъ. Онъ сидѣлъ за скрипкой, едва успѣвалъ позавтракать или пообѣдать и снова садился за пюпитръ съ нотами и снова разучивалъ квартетъ.

Однажды утромъ, недовольный своей игрой, онъ, въ припадкѣ гнѣва, схватилъ скрипку и, ударивъ ею о пюпитръ, сломалъ его, и скрипка, конечно, разлетѣлась на десятки кусковъ. Черезъ минуту Петръ Ѳедоровичъ опомнился и понялъ, что самъ себя погубилъ, что къ скрипкѣ этой онъ все-таки привыкъ и на новой окончательно не могъ бы играть. Тогда все, что только было въ Ораніенбаумѣ придворныхъ, офицеровъ, адъютантовъ,—было послано въ Петербургъ въ одинъ день розыскать скрипку такого же размѣра, какъ разбитая. Даже принца Жоржа чуть-чуть не заставилъ государь тоже ѣхать и розыскивать по столицѣ инструментъ.

Въ числѣ лицъ, посланныхъ на поиски, былъ Будбергъ, который теперь замѣнилъ убитаго пріятеля въ должности адъютанта принца. Будбергу посчастливилось: онъ тотчасъ же, по приѣздѣ въ столицу, отыскалъ нѣмца музыканта, у котораго была цѣлая коллекція скрипокъ. Одну изъ нихъ, очень дорогую,

съ которой бы нѣмецъ никогда не рѣшился разстаться, какъ съ другомъ или любимымъ дѣтищемъ, онъ, конечно пожертвовалъ для государя съ удовольствіемъ.

Когда Будбергъ у подъѣзда дворца принца садился съ инструментомъ въ бричку, запряженную тройкой ямскихъ, чтобы скакать въ Ораніенбаумъ, къ дворцу подъѣхалъ на извозчикѣ и подошелъ къ бричкѣ незнакомый ему офицеръ, толстый, громадный, на короткихъ ногахъ.

Будбергу показалось, что онъ гдѣ-то видалъ это чудовище и прежде. Но вспомнить его фамилію онъ не могъ.

Неуклюжій и огромный офицеръ былъ Василій Игнатьевичъ Шванвичъ.

Угромо, не называя себя, онъ, молча, передалъ Будбергу письмо и записку. Затѣмъ тотчасъ сѣлъ на извозчика обратно и уѣхалъ. Большое письмо было на имя его императорскаго величества съ обозначеніемъ, что содержитъ государственную тайну. Записка была для Будберга, и въ ней незнакомая личность говорила офицеру, что письмо императору заключаетъ въ себѣ открытіе самаго страшнаго заговора противъ правительства. Одинъ изъ участниковъ, именно преображенскій офицеръ Баскаковъ беретъ на себя адское намѣреніе убить государя. А если же Будбергъ или даже самъ государь не повѣрятъ неизвѣстному доносчику, то могутъ, арестовавъ офицера Пассека, немедленно найти при немъ всѣ данныя, всѣ списки участниковъ, даже документы, обличающіе все и всѣхъ.

Будбергъ былъ пораженъ, прочитавъ записку. Въ ней было сказано, что она есть краткое изложеніе того же, что въ подробностяхъ сказано въ письмѣ къ императору.

Будбергъ и многіе другіе нѣмцы офицеры такъ мало обращали вниманія на все, что не касалось ихъ маленькаго честолюбиваго мірка, что они не знали, не подозрѣвали даже того, что было извѣстно въ любомъ кабацѣ, въ любомъ трактирѣ, чуть не на улицѣ. Весь Петербургъ за послѣдніе дни чувалъ что-то. Всякій, отъ вельможи до простолюдина, зналъ навѣрное, что какъ только будетъ государь въ отсутствіи изъ столицы и начнется датская война, то здѣсь произойдетъ со-

бытіе, послѣ котораго будетъ малолѣтній императоръ и правительница, или регентъ.

Будбергъ поскакалъ еще шибче въ Ораніенбаумъ, взявъ скрипку и доносъ. Только по дорогѣ вспомнилъ онъ, что сдѣлалъ глупость, не арестовавъ незнакомаго неуклюжаго офицера и потерялъ слѣды, по которымъ можно было бы, въ случаѣ нужды, узнать многое другое. Въ случаѣ правдивости доноса государю и наградить не кого будетъ.

Вечеромъ Будбергъ былъ въ Ораніенбаумѣ, передалъ лично государю инструментъ, и Петръ Ѳеодоровичъ былъ въ восторгѣ. Скрипка оказалась еще лучше, еще удобнѣе его собственной.

Письмо, заключающее въ себѣ государственную тайну, Будбергъ побоялся передать лично, такъ какъ онъ, подобно многимъ, боялся внезапныхъ и непонятныхъ вспышекъ государя. Съ Петромъ Ѳеодоровичемъ было легче, чѣмъ съ кѣмъ-либо, нажать себѣ бѣду, разсердить, угождая ему, или возбудить сильный гнѣвъ исполненіемъ долга, иногда даже исполненіемъ его собственнаго приказанія.

Будбергъ передалъ письмо принцу. Жоржъ, выслушавъ все то, что могъ рассказать Будбергъ, и прочитавъ, конечно, записку на имя офицера, тотчасъ же взялъ пакетъ и направился на половину, занимаемую государемъ. На дорогѣ ему попался Нарцисъ, говорившій очень порядочно по-нѣмецки.

На вопросъ, что дѣлаетъ государь, негръ отвѣчалъ:

— Пилить.

— Какъ пилить? воскликнулъ Жоржъ. — Кого пилить?

— Скрипку, отозвался Нарцисъ, оскаливая свои громадные собачьи зубы.

— Какъ ты смѣешь такъ говорить! невольно замѣтилъ Жоржъ.

— Это не я говорю, онъ самъ всегда это говоритъ.

— Ну, пошелъ, доложи государю, что мнѣ нужно его видѣть.

— Не приказалъ, отвѣчалъ Нарцисъ: — ни за что не пойду, онъ меня убьетъ. Сказалъ: никого не пускать, сказалъ, если будетъ потопъ, свѣтопредставленіе, то и тогда не пускать!

Жоржъ вытаращилъ глаза.

— Ей-Богу, ваше высочество, это такъ онъ самъ сказалъ: потопъ будетъ, то и тогда не смѣй мѣшать.

Принцъ, понимая все важное значеніе своего дѣла, смѣло пошелъ далѣе и приблизился къ двери кабинета. Оттуда долетали до него звуки какого-то Allegro и топанье въ тактъ каблукъ по паркету.

Жоржъ попробовалъ дверь, она была заперта на ключъ. Онъ сталъ стучать, но громкая музыка, очевидно, заглушала его постукиваніе. Принцъ началъ вертѣть ручку двери, музыка продолжалась.

— Ваше величество! закричалъ Жоржъ громко, на сколько могъ собрать силы и духа въ своей тощей груди.

Отвѣта не было, и музыка продолжалась.

— Ваше величество! еще два или три раза прокричалъ Жоржъ, задохся и, стоя передъ запертою дверью, даже носъ опустилъ.

Постоявъ мгновеніе, принцъ рѣшился и началъ стучать кулаками въ дверь. Нарцисъ, выглядывавшій черезъ комнату изъ-за занавѣски на дѣйствія принца, снова оскаливалъ свои зубы, смѣялся своими толстыми негрскими губами и думалъ:

„Ну, погоди, дастъ онъ тебѣ!“

Дѣйствительно, черезъ мгновеніе дверь сразу отворилась настежь, оттолкнутая сердитымъ движеніемъ, и чуть не треснула Жоржа въ лобъ.

На порогѣ появился государь, блѣдный, съ поднятымъ смычкомъ, какъ если бы онъ собирался хлестнуть того, кто смѣлъ нарушать его занятія.

— Was wollen Sie?! визгливо воскликнулъ, какъ всегда, по-нѣмецки Петръ Оседоровичъ. — Вы видите, вы знаете, заперто. Что вамъ?

— Ваше величество, извините, смутился принцъ, боясь познакомиться ближе со смычкомъ. — Но тутъ важнѣйшее дѣло, вотъ письмо, въ которомъ до вашего свѣдѣнія доводятъ...

— Письмо! Изъ-за письма вы... воскликнулъ государь.

— Но тутъ заговоръ, васъ убить хотятъ! закричалъ Жоржъ съ такимъ отчаяніемъ, что даже Нарцисъ выбѣжалъ изъ засады и перепугался чуть не на смерть.

Петръ Ѳедоровичъ, нѣсколько успокоившись, медленнымъ движеніемъ взялъ письмо тою же рукой, въ которой былъ смычекъ, повернулъ его два раза, покачалъ головою и выговорилъ:

— Мерзавцы, проклятый народъ! Ужь это десятое, коль не двѣнадцатое; кабы мнѣ хоть одинъ изъ нихъ попался.

— Тутъ, кажется, всѣ названы, произнесъ Жоржъ.

— Кто названы? Заговорщики, такъ я ихъ всѣхъ наизусть выучилъ! А доносители, мерзавцы, себя не называютъ. Ихъ бы я перебралъ всѣхъ. Какіе нравы, какіе люди! Администра-торовъ нѣтъ, командировъ нѣтъ, солдатъ нѣтъ, духовенства нѣтъ, никого нѣтъ! закричалъ государь.—Понимаете вы, никого въ государствѣ нѣтъ. А доносители есть! Доносчиковъ полно въ Петербургѣ! И какіе доносчики: артисты, виртуозы!

Жоржъ стоялъ, изображая статую изумленія. Нарцисъ стоялъ за Жоржемъ, какъ-то скорчившись, вытянувъ черную, длинную шею впередъ, распуская толстыя губы. Онъ, не сморгнувъ, глядѣлъ на государя, внѣ себя кричавшаго съ порога:

— Но послушайте, дядюшка, кончилъ государь спокойно, прошу васъ, отнынѣ и навсегда не беспокоить меня, когда я занятъ дѣломъ, подобнаго рода письмами. Даже если вы завтра получите доносъ въ аршинъ величиною, съ самой страшной надписью, то и тогда прошу васъ сжечь его въ каминѣ, а ко мнѣ съ пустяками не приставать. Вамъ это въ диковину, а я вамъ говорю, что я цѣлый мѣсяцъ живу въ Ораніенбаумѣ подъ этими доносами, какъ подъ перекрестнымъ огнемъ въ пылу сраженія.

Государь снова стихнулъ, обернулся къ Нарцису и прибавилъ:

— А ты, черный чертъ, если еще кого допустишь до моихъ дверей, то черезъ часъ сядешь въ бричку и поѣдешь въ Сибирь! А послѣ твоей Африки, тамъ тебѣ покажется нѣсколько свѣжо.

И при этомъ государь уже добродушно улыбнулся и заперъ дверь. Жоржъ развелъ руками, повернулся и такъ, съ разведенными руками, прошелъ чрезъ весь дворецъ на свою половину.

XXX.

На другой день вечеромъ была назначена репетиція квартета. Государь заранѣе позволилъ ближайшимъ лицамъ пріѣхать чтобы критиковать и подавать совѣты.

Одна изъ маленькихъ залъ была освѣщена, а на срединѣ разставлены юпитры, и государь, какъ ребенокъ, суетился, самъ поправляя все и замѣчалъ, что было не въ исправности.

Гостей пріѣхало изъ столицы человекъ двадцать, помимо тѣхъ, которые жили въ Ораніенбаумѣ. Конечно, для нихъ не было ничего интереснаго въ этомъ квартирѣ, который имъ пришлось бы еще другой разъ прослушать въ Петровъ день. Но не пріѣхать на приглашеніе государя теперь было гораздо опаснѣе, нежели отсутствовать на большомъ выходѣ или на большомъ придворномъ балѣ. Это былъ праздникъ для самолюбія государя-артиста и отсутствующій показалъ бы свое презрѣніе къ таланту монарха. А это, конечно, могло бы ему не пройти даромъ.

Выборъ участниковъ квартета доказывалъ, какъ нельзя болѣе, на сколько увлекался государь, когда запоемъ отдавался музыкѣ. Квартетъ состоялъ изъ фаворита Гудовича, съ которымъ онъ былъ за послѣдніе дни крайне рѣзокъ и придирчивъ; изъ какого-то сморщенного, какъ грибокъ, съ отталкивающей фізіономіей, старика шведа, когда-то найденнаго въ Петербургѣ именно ради этихъ концертовъ съ государемъ. Старикъ, конечно, былъ замѣчательный скрипачъ, но все-таки его никто, помимо Петра Федоровича, никогда бы не рѣшился допустить до себя. Старикъ шведъ, отчасти грязно одѣтый, съ какими-то красными крючковатыми руками, въ какомъ-то нелѣпомъ одѣяніи изъ коричневаго полинялаго бархата, съ какой-то пелериной на плечахъ, съ какимъ-то хвостомъ замасленнымъ сзади, былъ похожъ на невѣдомую хищную птицу и, конечно, не европейскую, а развѣ австралійскую.

Но этого было мало. Нужна была віолончель. А лучше всѣхъ игралъ на віолончели и даже особенно любилъ играть тотъ

квартетъ, который былъ выбранъ теперь государемъ, не кто иной, какъ Григорій Николаевичъ Тепловъ. Опять таки ненавистное лицо государю.

Но государь-артистъ будто не имѣлъ ничего общаго съ государемъ-монархомъ. Музыка могла примирить его, хотя мимо-летно, со всякимъ. И онъ самъ, за нѣсколько дней, написалъ письмо, прося злѣйшаго врага своего обрадовать его участіемъ въ квартетѣ. Тепловъ, конечно, не замедлилъ отвѣчать согла-сіемъ и благодарностью за предложенную честь. Объяснивъ Орловымъ, что онъ будетъ участвовать въ концертѣ, онъ преду-предилъ ихъ не удивляться и, чего добраго, не сомнѣваться, что онъ, разыгрывая совершенно иную преступную музыку въ оркестрѣ заговорщиковъ на сходкахъ Орловыхъ, ѣдетъ разыгры-вать квартетъ въ Ораніенбаумъ.

Около восьми часовъ вечера гости были въ сборѣ. Музы-канты сѣли на мѣста, и государь, не только довольный, но счастливый, съ сіяющимъ лицомъ, добрый, ласковый, пре-дупредительный со всѣми, былъ, казалось, теперь готовъ об-нять каждого, хотя бы злѣйшаго врага.

Онъ любезно разговаривалъ и съ австралійской птицей, и съ Тепловымъ. Голосъ его звучалъ такимъ дѣтскимъ доволь-ствомъ и такимъ дѣтскимъ добродушіемъ, что если бы явился сюда на одно мгновеніе посторонній человѣкъ, не знающій ниче-го объ императорѣ Петрѣ III и объ его самодержавствѣ, то этотъ человѣкъ унесъ бы воспоминаніе, что видѣлъ однажды олице-твореніе самого добра, искренности, наивности и мягкосердія.

Музыка началась. У всѣхъ трехъ партнеровъ этого добро-душнѣйшаго монарха-артиста сердце щемило. Каждый изъ трехъ зналъ навѣрное, что если совреть хотя на іоту и собить ме-ломана-монарха, то этотъ добродушнѣйшій человѣкъ Богъ вѣсть что скажетъ при всѣхъ. Болѣе всѣхъ, конечно, боялся Теп-ловъ. Онъ уже не въ первый разъ игралъ съ государемъ и зналъ, что иногда случалось изъ-за ошибки, часто даже соб-ственной ошибки государя. Но Тепловъ былъ слишкомъ искус-ный музыкантъ, чтобы соврать въ квартетѣ, который зналъ вдобавокъ наизусть уже лѣтъ шесть.

Менѣе всѣхъ боялась австралійская птица, т. е. старикъ

шведъ, хотя и ему давно объяснили, что онъ въ случаѣ чего можетъ послѣ концерта улетѣть изъ Петербурга, если не въ далекія страны, то на родину, а это вовсе не соотвѣтствовало его намѣреніямъ и семейнымъ дѣламъ.

Квартетъ былъ страшно великъ и длился безъ конца при мертвой тишинѣ публики. Но вся эта публика видимо относилась совершенно безучастно къ музыкѣ Приказали пріѣхать! Ну, и пріѣхали! А приказать слушать, по счастью, нельзя!..

Болѣе всѣхъ дремалъ и поклевывалъ носомъ принцъ Жоржъ. Не менѣе вздремывалъ гетманъ. Одинъ только генераль-полицеймейстеръ Корфъ сидѣлъ, вытянувъ шею, какъ вытягивалъ часто свою Нарцисъ, и такъ же, какъ онъ, выпуча глаза, глядѣлъ въ лицо монарха, отчаянно махавшаго и мотавшаго смычкомъ, рукой, скрипкой и головой.

Остальная публика не спускала глазъ не со скрипки государя, не съ музыкантовъ вообще, а съ двухъ женщинъ, сидѣвшихъ впереди остальныхъ гостей за спиной государя.

Одна, красавица, въ пышномъ изящномъ нарядѣ, сидѣла такъ близко, что даже положила красивую ручку свободно и безцеремонно на стулъ государя. Это была, конечно, Маргарята, уже озиравшаяся кругомъ въ этомъ дворцѣ, какъ можетъ озираться только хозяйка.

За нею, нѣсколько отступя, сидѣла, какъ наскѣда на вновь выведенныхъ цыплятахъ, графиня Воронцова и, какъ-то, раскапустившись на креслѣ, недвижно сложила безобразныя толстыя руки на животѣ. Она точно такъ же, какъ и Корфъ, глядѣла не сморгнувъ на играющихъ; но при этомъ она не глядѣла на кого-либо изъ нихъ. Маленькіе сѣрые глазки ея уперлись въ самый центръ, т. е. въ пустое пространство между четырехъ пюпитровъ. Ей казалось, должно быть, что это самый настоящій пунктъ и есть. Оттуда, видно, вылѣзаетъ музыка. Гудитъ надъ ея ушами безо всякаго смысла, безъ толку, безъ конца!.. То шибче, шибче, громче, то почему-то опять тише, совсѣмъ тихо, почти нѣтъ ничего, замолчали... Кончили, знать. Анъ нѣтъ!.. Вдругъ опять, Богъ вѣсть зачѣмъ, такъ дерганули, да такъ завозили смычками, что даже у нея за ушами

зачесалось. И Воронцова, не сморгнувъ, не шелохнувшись, сидѣла, какъ истуканъ, и только думала:

„И кто это музыку выдумалъ! И зачѣмъ собственно ее выдумали?“ И, наконецъ, свѣтлая мысль осянула ее, она догадалась.

„А плясать-то подъ что же бы было тогда людямъ?“

Наконецъ, наступилъ антрактъ. Раздались рукоплесканія, комплименты, похвалы. Вся публика проснулась и восторгалась, разумѣется, игрою государя. Государь отказывался, благодарилъ Теплова и старичка за игру, благодарилъ Будберга за скрипку. Но они тоже отказывались. И всѣ ахали, и всѣ охали, и всѣ, кромѣ этого государя, добродушнаго и, строго говоря, честнаго и хорошаго человѣка, только не для царствованія надъ громаднымъ государствомъ,—всѣ равно чувствовали, что ведутъ себя подло. У него, у одного, совѣсть была чиста. Онъ съ ребяческимъ восторгомъ предавался теперь запоемъ тому, что обожалъ. И если онъ игралъ плохо, то эта игра все-таки доставляла ему самому великое, невинное, никому не зловерное наслажденіе.

Во время этого антракта одна графиня Скабронская не вымолвила ни слова, никого не похвалила, сидѣла спокойно и улыбалась. Петръ Ѳедоровичъ замѣтилъ это, быстро обернулся къ красавицѣ и выговорилъ:

— Ну, а вы, графиня, молчите? Что-же? Скверно я сыгралъ свою партію?

— Для меня, все... кокетливо и мило склонивъ голову, выговорила Маргарита,—все, что вы дѣлаете, хорошо. А искусны-ли вы—я не могу судить. Я въ музыкѣ мало понимаю.

— Дипломатъ, дипломатъ! весело погрозился государь пальцемъ:—ученица Гольца.

Маргарита хотѣла, шутя, отвѣчать, но въ ту же минуту глаза ея остановились невольно на дверяхъ, ведущихъ въ другую гостиную. Взоръ ея мгновенно вспыхнулъ, она даже вздрогнула и слегка измѣнилась въ лицѣ.

Вдали за анфиладой освѣщенныхъ комнатъ, за нѣсколькими настежъ растворенными дверями, стояла фигура преображенца. Никто бы не узналъ этого человѣка, если бы уви-

дѣлъ его теперь такъ далеко и вдобавокъ въ этомъ дворцѣ. Но Маргарита увидала и сразу узнала его не глазами, а скорѣе сердцемъ, совѣстью своею узнала! Это былъ тотъ, котораго она недавно осудила на смерть, и который спасся только чудомъ.

Но зачѣмъ онъ здѣсь? Какъ попалъ онъ во дворецъ? Онъ не имѣетъ на это права! Онъ еще недавно лежалъ въ постели, едва поправляясь отъ ранъ, а теперь онъ здѣсь! И Маргарита чувствовала, что догадывается, чувствовала, что сейчасъ способна упасть въ обморокъ, здѣсь, на полу, среди концерта.

Щепелевъ, очевидно, являлся мстить, являлся въ одно мгновеніе погубить ее, заставить государя и этотъ блестящій дворъ выпрыгнуть на улицу развратную и жестокую до преступленія иноземку авантюристу!

XXXI.

Всякая другая женщина, конечно, упала бы въ обморокъ, но въ Маргаритѣ было слишкомъ много силы воли, было слишкомъ много не женской отваги, заставлявшей ее не бѣжать, а бросаться впередъ не только на опасность, но хотя бы на вѣрную смерть.

Красавица спокойно поднялась съ мѣста, твердыми шагами, даже граціозно, даже съ изящнымъ движеніемъ въ походкѣ, и шума пышнымъ шлейфомъ по паркету, вышла изъ залы и пошла чрезъ всѣ комнаты прямо на этого вѣстника, если не ея смерти, то паденія и гибели, паденія съ той высоты, которой она достигла цѣною всякихъ усилій!

Идя на блѣднаго, неподвижно стоящаго юношу, еще слабого отъ болѣзни, съ лихорадочно сверкающими, слегка печальными, глазами, Маргарита двигалась, какъ двигается на поединкѣ человекъ на мѣткій, вѣрный и ежеминутно ожидаемый выстрѣлъ, который положить его за смертью. Но она шла...

Давно-ли этотъ кратко, но страстно обожаемый, любовникъ былъ ея игрушкой, теперь она становилась игрушкой въ его рукахъ!? Ему стоитъ только пройти эти комнаты, войти въ залъ, приблизиться къ государю и только сказать ему:

— Ваше величество! прогоните отъ себя мою любовницу и преступницу, рѣшившуюся отдѣлаться отъ меня простымъ убійствомъ.

И все будетъ кончено для нея!..

Маргарита подошла къ неподвижному, какъ статуя, Шенелеву и стала передъ нимъ. Но если когда въ жизни случилось ей робѣть, падать духомъ, дрожать всѣмъ существомъ отъ ожидаемаго удара въ самое сердце, то, конечно, теперь...

Въ ту ночь, когда полиція въ Карлсбадѣ требовала отъ графа Кирилла ея паспорта,—конечно, она не такъ оробѣла, какъ теперь. Тогда она меньше терзала!..

Маргарита остановилась, глядя юношѣ въ лицо, и молчала. Что же ей было сказать? Остановить поздно, пельзя. Онъ оттолкнетъ ее и пройдетъ въ эту залу. Просить, умолять, хотя бы упасть на колѣни, — не поведетъ ни къ чему! Обмануть, клясться въ любви, снова вернувшейся, — бессмысленно! Кто же повѣритъ? Конечно, онъ не проститъ ей теперь, когда прежняго страстнаго любовника въ немъ нѣтъ и помину!

Уже есть другая женщина, которая еще недавно заслоняла его, какъ ангелъ хранитель, отъ нея, принявъ ее за воплотившагося демона.

— Ты меня убить пришелъ! дрожащимъ голосомъ выговорила, наконецъ, Маргарита.—Ты пришелъ сказать ему, что я тебя любила какъ безумная. За это ты хочешь раздавить меня, какъ насекомое? Я любила тебя не долго, правда, но вѣдь ты знаешь—какъ любила!.. Что же? Это теперь преступленіе передъ тобой? Что я, разлюбивъ тебя, послала на смерть,—это ложь! Я и теперь также люблю тебя! Но, что же мнѣ дѣлать, если иные чувства заглушаютъ во мнѣ эту любовь? Мнѣ захотѣлось иного. Честолюбіе заговорило... Иди, дѣлай, что хочешь, но всю жизнь свою ты будешь жалѣть меня! Ты слишкомъ добрый, хорошій человекъ, чтобы дѣлать зло. Но, помни, милый... голосъ Маргариты дрожалъ и сталъ едва слышенъ... Помни, что за мою любовь къ тебѣ, хотя и не долгую, тебѣ грѣхъ...

Она не договорила, отступила въ сторону и, будто очищая ему дорогу въ залу, хотѣла прибавить:

*

— Иди...

Но это слово отъ волненія и прилива чувства осталось у нея въ гортани, и Шепелевъ не слыхалъ его, а только понялъ.

Въ залѣ взвизгнули смычки музыки, и началась вторая часть концерта.

Шепелевъ двинулся, но не въ залу, а назадъ, и вымолвилъ голосомъ отчасти слабымъ отъ болѣзни:

— Идите, графиня, за мною!

И Маргарита повиновалась быстро и почти безотчетно. Она смутно понимала только, что они двигаются въ противоположную сторону отъ той пропасти, въ которую она была уже готова пасть. А куда ведетъ онъ ее, все равно. Если даже онъ пришелъ исполнить ту угрозу, которую когда-то среди безумныхъ ласкъ, постоянно ей повторялъ! Если онъ хочетъ просто зарѣзать ее на подъѣздѣ дворца или въ садахъ, окружающихъ дворецъ?

Въ эту минуту гордой и самолюбивой красавицѣ, царившей въ придворномъ кружкѣ этого дворца, казалось, что позоръ среди залы хуже смерти въ глуши дворцового сада.

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, Шепелевъ вымолвилъ:

— Гдѣ ваша горница? Проведите меня туда и не бойтесь. Я вамъ простилъ. Я не для мести здѣсь. Я исполняю святой долгъ вѣрноподданнаго, многимъ лично обязаннаго особѣ государя. Хотя и ради вашей прихоти, но онъ все-таки сдѣлалъ мнѣ много добра, и я здѣсь ради него. Я усталъ, едва стою на ногахъ, я недавно началъ вставать съ постели, проѣхался... Дайте мнѣ сѣсть!

И Шепелевъ вдругъ тяжело опустился среди прихожей на первую попавшуюся скамью. Маргарита стала надъ нимъ, скрестивъ руки, и вдругъ странное чувство шевельнулось на душѣ ея и странная мысль ясно и глубоко сказалась въ головѣ.

— «Если бъ я была другая женщина, какъ бы я любила тебя»!

Много перечувствовала Маргарита въ эти минуты! Рѣзкій переходъ отъ убѣжденія, что юноша пришелъ губить ее, въ извѣстію, что онъ простилъ ей все и, больной, явился по чув-

ству долга и любви къ государю, — заставило вострепнуться ея сердце.

Черезъ мгновеніе Шепелевъ снова поднялся и тихо двинулся за графиней, которая вела его въ свои комнаты.

Шепелевъ объяснилъ Маргаритѣ, что онъ долженъ сообщить ей ужасную вѣсть о громадномъ, правильно организованномъ заговорѣ противъ государя, во главѣ котораго находятся ближайшіе къ нему вельможи. Тотъ, который душа этого заговора, теперь, быть можетъ, въ залѣ сидитъ около государя.

Юноша передалъ графинѣ большой листъ бумаги, исписанный кругомъ, полученный имъ отъ Квасова и перешедшій, быть можетъ, черезъ нѣсколько рукъ. Это былъ доносъ, въ которомъ повторялось почти то же самое, что было въ письмѣ Шванвича, поданномъ Будбергу, и упоминались братья Орловы, братья Всеволожскіе, Тепловъ и другіе, какъ главные заговорщики; упоминался Баскаковъ, какъ будущій цареубійца, упоминался Пассекъ, въ рукахъ котораго найдутся всѣ доказательства...

Маргарита не даромъ была въ лагерѣ голштинцевъ, не даромъ была близкимъ лицомъ теперь ко двору и государю. Это обстоятельство уже какъ будто обязывало ее ничего не знать и не вѣдать, что вѣдалъ или, по крайней мѣрѣ, чуялъ, всякій петербургскій мѣщанинъ.

Маргарита была на столько поражена, что нѣсколько времени не могла прійти въ себя.

— О, какъ вы оплачиваете мнѣ! воскликнула она, наконецъ. — И за то, что я заставила васъ выстрадать, вы даёте мнѣ средство сразу достигнуть той цѣли, которая была все-таки еще далека. Теперь, передавъ въ руки государя эту бумагу, которую принесли вы мнѣ, я спасаю его. Онъ обязанъ мнѣ своею жизнью, своимъ царствованіемъ. Поймите, что вы даёте въ мои руки. Въмѣсто того, чтобы повергнуть, вы еще болѣе возносите меня!

— Не въ этомъ дѣло, графиня! отозвался Шепелевъ. — Не вамъ я хочу помогать, для достиженія великаго званія одноподневной или мѣсячной фаворитки. Мнѣ все равно, вы-

играете-ли вы отъ этого или потеряете. Мое дѣло обязать васъ клятвой сегодня же передать это государю. Меня можете не называть. Мнѣ не награда, не чинъ или крестъ нужны! Я на дняхъ выхожу въ отставку и уѣзжаю къ матери...

Шепелевъ загнулся и выговорилъ страннымъ голосомъ:

— Съ невѣстой!

Маргарита на это послѣднее слово хотѣла что-то сказать, но слова показались ей неумѣстны, невозможны съ ея стороны, и она промолчала. Шепелевъ поднялся и взялъ шляпу, собираясь выйти и уѣхать. Маргарита подняла руку, протянула ее къ нему.

— Погодите, быстро вымолвила она:—вы навѣрно уѣзжаете изъ Петербурга?

— Да.

— Быть можетъ, вы никогда, или Богъ вѣсть когда, вернетесь въ Петербургъ. Быть можетъ, я долго не увижу васъ. Исполните мою послѣднюю просьбу, которая прежде была бы шуткой, а теперь... Теперь я не знаю, что это такое!.. Но теперь я хочу этого, я умоляю объ этомъ...

— Что прикажете! холодно и все-таки слабымъ голосомъ отозвался Шепелевъ.

— Дайте мнѣ на прощаніе, въ послѣдній разъ... поцѣловать вашу руку! прошептала Маргарита.

Шепелевъ удивленно раскрылъ глаза и не понималъ. Сто разъ дѣлала это Маргарита, но при иныхъ условіяхъ, въ инныя минуты. Теперь то же самое казалось ему какой-то неумѣстной затѣей.

— Извольте! тихо произнесъ онъ и протянулъ руку.

Маргарита схватила ее, прижала къ губамъ, прижала къ лицу. И вдругъ она упала передъ нимъ на колѣни и зарыдала такъ громко, что посторонніе свидѣтели изъ сосѣднихъ комнатъ могли услышать это рыданіе. Кто-нибудь могъ прибѣжать, увидѣть ее въ ногахъ офицера и точно также погубить, сдѣлать то же, чего боялась она отъ Шепелева за полчаса назадъ.

— Прости меня! едва слышно, прерывая рыданіями, повторяла Маргарита.

Тутъ только юноша понялъ, какое значеніе было для нея въ этомъ поцѣлуѣ въ послѣднюю минуту передъ разлукою.

Шепелевъ освободилъ руку, всю покрытую слезами и, не смотря на слабость, которую чувствовалъ, двинулся быстрыми шагами. Въ какомъ-то опьяненіи горя, отчаянія и воспоминаній прошлыхъ дней любви, которыя тѣснились теперь въ его воображеніи, онъ быстро, какъ бы безъ оглядки вышелъ изъ этого дворца.

Очутившись въ тѣнистомъ саду, подъ чистымъ звѣзднымъ куполомъ неба, онъ, обезсилѣвъ, упалъ на скамейку, понавшаюся на дорогѣ, прошептавъ, почти теряя сознаніе:

— Маргарита! Маргарита! Когда я забуду тебя!?

XXXII.

Маргарита осталась одна, на колѣняхъ, среди комнаты, и нѣсколько мгновеній не подымалась. Она не видала, но слышала быстро удалявшіеся шаги Шепелева. Слезы все еще тихо лились на руки, которыми она закрыла лицо, когда Шепелевъ отнял свою руку.

Но Маргарита почувствовала себя теперь лучше, спокойнѣе, счастливѣе, будто тяжелое бремя спало съ души. Онъ сказалъ, что прощаетъ ее, простилъ, и голосъ его звучалъ искренностью! Онъ живъ, женится, но, кажется, что еще любить ее. И Маргарита поднялась на ноги, перекрестилась на свой ладъ, т. е. по католически, и тотчасъ вспомнила, какъ уже давно не случилось ей креститься. Она даже и не знала, когда это было. Она помнила, что на похоронахъ мужа ни разу не осѣнила себя крестнымъ знаменіемъ.

И въ эту минуту Маргарита поклялась сама себѣ, что если судьба допустить ее когда-либо до той высоты общественнаго положенія, о которой она мечтаетъ и къ которой теперь уже близится, — непременно поквитаться съ Шепелевымъ. Она дастъ ему все, что только будетъ въ ея власти. И высокое положеніе, и состояніе. Но только одного никогда нельзя будетъ сдѣлать—допустить ему пребываніе въ столицѣ. Ихъ обоихъ стѣснить это...

Маргарита быстро отерла лицо и хотѣла уже, взявъ бумагу, идти въ залу, но остановилась. Оно посмотрѣла на себя въ зеркало и увидала, что съ такимъ лицомъ невозможно показаться въ ярко освѣщенную горницу. Слѣды тревоги, слѣды слезъ, обильныхъ и горькихъ, были такъ явны, что всѣ гости тотчасъ же замѣтили бы ихъ. Лицо ея было красно, прическа разстроена, такъ какъ она въ порывѣ прижималась головой къ рукѣ Шепелева. Обшлагъ его рукава унесъ половину пудры съ головы. Маргарита стала звать Лотхенъ, но нѣмки не было. Она быстро прошла въ остальные горницы отведеннаго ей апартаменты. Лотхенъ не было. Она вышла, встрѣтила двухъ камеръ-лакеевъ и послала ихъ скорѣй розыскать горничную.

Въ ожиданіи Лотхенъ, Маргарита скорѣй отерла себѣ лицо душистымъ притираніемъ, снова нарумянилась, обильнѣе напудрила волоса, посидѣла, немного успокоилась... Лотхенъ все не было!

Наконецъ, поглядѣвъ на себя снова въ зеркало, она рѣшила, что можетъ вернуться въ залъ. Лицо ея было нѣсколько спокойнѣе и свѣжѣе... Но за то сама она была точно разбитая... Слабость сказывалась во всемъ тѣлѣ. Маргарита взяла бумагу, но тотчасъ одумалась и рѣшила, что нельзя подавать ее государю во время концерта, не обративъ на это всеобщаго вниманія.

„А Богъ знаетъ! Быть можетъ, въ этомъ же залѣ найдется кто-нибудь, какъ говорилъ Шепелевъ, какой-нибудь участникъ заговора; онъ можетъ незамѣтно ускользнуть изъ дворца, броситься въ Петербургъ—и все дѣло будетъ испорчено.“

Маргарита пробѣжала глазами бумагу и, читая ее, невольно качала головой. Только въ одномъ мѣстѣ она странно улыбнулась, пріостановилась читать и задумалась на минуту. Государыня была настолько замѣшана въ заговорѣ, что и она можетъ быть уничтожена, арестована, пострижена! И тогда онъ будетъ вдовъ! Казалось, сама судьба устраняетъ всѣ препятствія на пути Маргариты къ тому, что было еще недавно безумными грезами.

Маргарита тотчасъ-же взяла маленькій клочекъ бумаги, бы-

стро написала записку и передала содержаніе всей бумаги въ короткихъ словахъ.

Послѣ писанья она почувствовала себя еще слабѣе, и хотя не твердыми шагами, но наружно почти спокойная... вернулась въ залъ.

Она боялась опоздать, но, по счастью, когда квартетъ кончился, послѣ долгаго антракта, государь предложилъ еще сыграть двѣ три вещи къ великому, но, конечно скрытому, неудовольствію всѣхъ гостей. Когда Маргарита снова появилась среди гостей, всѣ невольно обратили на нее вниманіе и, конечно, все таки замѣтили въ ней слѣды, если не тревоги, то нѣкотораго волненія. Кромѣ того, по первому движенію графини всѣ увидѣли, удивились, а нѣкоторые даже догадались, что случилось за это время...

Когда красавица, вмѣсто того, чтобы сѣсть на свое мѣсто, протянула руку и положила на пюпитръ государя маленькую записку, Петръ Ѳеодоровичъ, не переставая играть, быстро взглянулъ на нее съ такимъ выраженіемъ нетерпѣнія и досады, что она даже слегка смутилась.

Маргарита сѣла на свое мѣсто, дожидаясь перерыва, чтобы просить государя прочесть записку. По счастью, этотъ перерывъ вскорѣ же былъ сдѣланъ среди новаго взрыва рукоплесканій и комплиментовъ, но уже болѣе холодныхъ, такъ какъ всѣмъ начинала надобѣдать эта безконечная музыка.

Маргарита обратилась къ государю и вымолвила:

— Ваше величество, прошу васъ прочесть немедленно эту записку.

— Хорошо! хорошо! повторилъ государь, очевидно думая о другомъ. И обернувшись къ старику шведу, онъ заговорилъ съ нимъ и заспорилъ о какомъ-то мѣстѣ партитуры, увѣряя, что старичекъ играетъ его совершенно невѣрно.

Между тѣмъ, Маргарита чувствовала себя все хуже и все слабѣе. Она была въ сущности настолько потрясена встрѣчей, объясненіемъ съ Шепелевымъ, его извѣстіями, что теперь пережитая тревога сказывалась все сильнѣе. Она чувствовала, что окончательно не можетъ досидѣть до конца вечера. Вдо-

бабокъ лицо ея выдавало эту слабость, а ей не хотѣлось, чтобы придворные замѣтили, насколько она встревожена.

Маргарита обратилась къ Воронцовой и попросила ея помощи.

— Мнѣ очень нездоровится. Я уйду, но попрошу васъ, графиня, добейтесь, чтобы государь прочелъ записку, которую я положила на пюпитръ.

— Хорошо, матушка, отозвалась Воронцова, сидѣвшая по прежнему насѣдкой въ креслѣ.— Скажу, да небось все пустое! Цидулька-то, небось, вздорная, только подведешь меня...

— Напротивъ, графиня, это очень важное дѣло. Если бы я чувствовала себя хоть немного лучше, я бы осталась и заставила бы государя тотчасъ прочесть ее.

Не надѣясь на Воронцову, Маргарита, пользуясь антрактомъ, подошла къ Жоржу и попросила его тоже заставить государя прочесть записку. Жоржъ, конечно, тотчасъ же догадался.

— Вѣсти изъ Петербурга? спросилъ онъ по-нѣмцки.

— Да, ваше высочество.

— Я знаю, онъ только взбѣсится...

И Жоржъ быстро передалъ Маргаритѣ сцену свою съ государемъ наканунѣ.

— Я умоляю васъ это сдѣлать, даже до утра нельзя отложить.

— Хорошо! Я сошлюсь на васъ... Напомню, что вы его о чемъ-то просили. Но о запискѣ ни за что говорить не буду!...

Маргарита вышла, вернулась къ себѣ и чувствовала себя все хуже съ каждой минутой.

Она снова позвала и стала искать Лотхенъ, чтобы раздѣться и лечь спать. Но нѣмки не было нигдѣ. Отъ лакеевъ, которыхъ она посылала за горничной, Маргарита узнала, что Лотхенъ не нашли нигдѣ, обшаривъ весь дворецъ и весь садъ.

Маргарита поневолѣ встревожилась. Дѣлать было нечего. Она не могла и не ужѣла раздѣваться одна и, потому только разстегнувъ и сбросивъ корсажъ, накинула на себя свой любимый пунцовый платокъ и уютилась кое-какъ на диванчикѣ, въ ожиданіи нѣмки.

Черезъ нѣсколько минутъ появилась женщина, которая въ свой чередъ исполняла должность горничной Лотхенъ, и объявила графинѣ, что нѣмеа, вѣроятно, по приказанію самой графини, уѣхала на тройкѣ въ Петербургъ, еще въ началѣ концерта.

Маргарита раскрыла широко глаза и отъ изумленія не могла выговорить ни слова. Этотъ постунокъ Лотхенъ былъ совершенно невѣроятенъ, и Маргарита готова была вѣрить, что женщина просто сочиняетъ.

Однако, раздѣвшись при ея помощи, Маргарита поспѣшила лечь. Ей было настолько дурно, что вдругъ въ тотъ моментъ, когда она засыпала, ей пришла безумная мысль въ голову: ужъ не отравили-ли ее? Есть такіе яды, медленно дѣйствующіе! Ужъ не Лотхенъ-ли отравила ее и спаслась бѣгствомъ? Неужели она заснетъ и не проснется завтра!...

Но обсудивъ хладнокровно все, Маргарита поняла, что ея состояніе было не что иное, какъ послѣдствіе тѣхъ рѣдкихъ, но бурныхъ душевныхъ потрясеній, на которыя она бывала съ дѣтства склонна... Скоро ея тревожныя мысли перешли въ крѣпкій сонъ.

XXXIII.

Между тѣмъ, въ залѣ всѣ поднялись, собираясь переходить въ столовую.

Только одинъ человѣкъ сидѣлъ, какъ пригвожденный къ своему мѣсту и не двигался. Глаза его тревожно обѣгали всѣхъ и затѣмъ, подолгу, будто прикованные, не покидали записки, лежащей на пюпитрѣ государя.

Григорій Николаевичъ Тепловъ, сидѣвшій лицомъ къ тѣмъ дверямъ, въ которыя выходила Маргарита, видѣлъ въ концѣ анфилады комнатъ фигуру преображенца и узналъ Шепелева еще прежде Маргариты. И этого было довольно!...

Тепловъ зналъ, когда ѣхалъ сюда, что въ преображенскомъ полку, по словамъ Алексѣя Орлова, произошла бурная сцена между Пассекомъ и Квасовымъ. Квасовъ грозился, что въ тотъ же день онъ или его племянникъ будутъ въ Ораніенбаумѣ и

доведуть до свѣдѣнія государя то странное, что творится на ротномъ дворѣ и все, что узналъ случайно Квасовъ отъ пьянаго солдата. Орловъ, передавая это Теплову, считалъ все за пустую угрозу, хотя Квасовъ грозился, что имѣеть доказательства. Давно уже бывали подобные разговоры и ссоры во всѣхъ полкахъ и многіе офицеры грозились довести до свѣдѣнія государя то, что въ сущности имъ только чужалось, но чего доказать они не могли. И угрозы всегда оставались угрозами!...

Тепловъ, ѣдучи въ Ораніенбаумъ, все-таки думалъ объ этомъ случаѣ на ротномъ дворѣ. И тутъ, вдругъ, во время квартета, въ ту минуту, когда онъ наиболѣе былъ спокоенъ и водилъ смычкомъ по своей віолончели, вдругъ предстало передъ его взоромъ ужасное видѣніе. Этотъ преображенецъ Шепелевъ, конечно, смутилъ Теплова не менѣе чѣмъ и Маргариту. Если Маргарита боялась въ немъ своего палача, то и для Теплова точно также это былъ палачъ. Если преображенецъ явился во дворецъ, вопреки этикета, проникъ до первыхъ комнатъ и стоитъ въ ожиданіи выхода государя, то, очевидно, онъ не съ пустыми руками. А если у него есть хоть что-либо, то и судьба Теплова тоже въ его рукахъ.

И въ ту минуту, когда Маргарита вышла къ Шепелеву и говорила съ нимъ у дверей, затѣмъ исчезла за нимъ, Тепловъ, не спускавшій съ нихъ глазъ, началъ отчаянно врать и ошибаться на всякомъ шагу. Государь уже раза три гнѣвно взглянулъ на него и два раза нетерпѣливо воскликнулъ, не относясь ни къ кому...

— Quelle mazette!...

Во время антракта Тепловъ нѣсколько успокоился, но затѣмъ, когда Маргарита снова появилась въ залѣ и положила записку на пюпитръ государя, онъ мгновенно измѣнился въ лицѣ. Тонкій Тепловъ замѣтилъ тотчасъ въ графинѣ слѣды страшной тревоги. Спокойное и красивое за полчаса назадъ лицо ея было, по его наблюденію, съ совершенно измѣнившимися чертами. Вдобавокъ, она не усидѣла въ концертѣ и ушла не твердыми шагами. Скоро все поднялось съ мѣста, и многіе уже прошли въ столовую вслѣдъ за государемъ, а въ залѣ оставались только нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ принцъ, гетманъ и Корфъ.

Тепловъ почувствовалъ, что сердце его затрепетало отъ радости. Записка, забытая государемъ, лежала на пюпитрѣ. Тепловъ былъ убѣжденъ, что это доносъ Квасова на Баскакова и Пассека и что поэтому его жизнь и жизнь его новыхъ друзей зависятъ отъ этой бумажки.

„Надо уничтожить этотъ клочекъ какъ бы то ни было!“ рѣшили онъ.

Тепловъ слышалъ и зналъ, что графиня, сказавшись больной, ушла спать. Онъ понималъ, что завтра Маргарита или, наконецъ, тотъ же Шепелевъ или Квасовъ снова повторятъ, доведутъ до свѣдѣнія государя то, что теперь написано на этомъ клочкѣ. Но главное не въ томъ, надо выиграть время! Завтра—не сегодня! Ночью онъ уже побываетъ у Орловыхъ, и что-либо предпримутъ они. Григорій Николаевичъ отважно подошелъ къ пюпитру государя, будто для того, чтобы проглядѣть его ноты. Скоро рука его уже двигалась около записки...

Въ ту минуту, когда онъ началъ перевертывать страницы тетради, послѣдніе, находившіеся въ залѣ, вышли въ столовую. Но вдругъ Тепловъ, къ ужасу своему, замѣтилъ, что принцъ Жоржъ не послѣдовалъ за другими, слѣдить за нимъ!.. И вотъ онъ близится къ тому же пюпитру и, ставъ около него, косо поглядываетъ на записку.

„Взять нельзя!“ Онъ знаетъ! Онъ понялъ! простучало молотомъ въ головѣ Теплова.

Дѣйствительно, было ясно, что Жоржъ пришелъ стать стражемъ надъ этой запиской. Тепловъ ожидалъ каждое мгновеніе, что принцъ протянетъ руку, возьметъ записку и просто снесетъ ее государю. Онъ не зналъ, какъ досталось Жоржу наканунѣ отъ племянника, чтобы онъ рѣшился теперь на новую головоломку. Жоржъ твердо рѣшился только караулить записку! Тепловъ быстро сообразилъ что дѣлать. Онъ предложилъ руку принцу, чтобы вести его ужинать. Принцъ охотно согласился, и оба двинулись въ столовую. Маленькій бѣленькій клочекъ бумажки остался на пюпитрѣ.

Тепловъ тотчасъ заговорилъ о Германіи, въ которой долго жилъ, но, проходя первыя комнаты, онъ вдругъ покинулъ на минуту Жоржа, подошелъ къ гетману и быстро выговорилъ:

— Кирилль Григорьевичъ! Идите въ залъ, уничтожьте записку! Или завтра и мнѣ, и вамъ, и многимъ, снимутъ головы!

Гетманъ поблѣдѣлъ, какъ полотно. Онъ, конечно, какъ и другіе, замѣтилъ продолжительное отсутствіе Маргариты, замѣтилъ ея тревогу, видѣлъ записку.

Тепловъ быстро вернулся къ Жоржу и снова завелъ рѣчь о германскихъ университетахъ. И снова, любезно подавъ ему руку, провелъ въ столовую.

Гетманъ, отъ природы трусливый, по національности осторожный, стоялъ на мѣстѣ и не зналъ что дѣлать. Онъ вѣрилъ Теплову на слово, потому что передъ тѣмъ самъ ему предсказывалъ доносъ. Онъ не зналъ, что государь, уже получивъ нѣсколько доносовъ, не вѣрилъ имъ. Кирилль Григорьевичъ думалъ, что это первый доносъ. А онъ самъ, какъ на грѣхъ, со дня объявленія войны съ Даніей вступилъ черезъ Теплова въ сношеніе съ кружкомъ Орловыхъ, который былъ уже теперь не кружокъ, а многолюдное сборище съ развѣтвленіемъ по всему городу.

Гости почти всѣ уже были въ столовой. Веселый хохотъ государя раздавался оттуда.

Гетманъ взглянулъ въ залу. Въ ней только одинъ полусонный камеръ-лакей поправлялъ свѣчи и стулья. Инструменты лежали на мѣстахъ. Гетманъ, какъ и другіе, зналъ, что государь послѣ ужина непременно вернется къ своему пюпитру и будетъ снова играть, слѣдовательно, найдетъ записку, вспомнить и прочесть! И гетманъ, мѣняясь въ лицѣ, съ дрожью во всемъ тѣлѣ, быстро двинулся въ залу; не помня себя, съ какимъ-то зумавомъ передъ глазами, отъ котораго будто кружилось все, и будто потухали свѣчи, онъ приблизился къ пюпитру. Черезъ мгновенье скомканная записка была въ его карманѣ.

Быстрыми шагами догнавъ онъ нѣсколькихъ человѣкъ, еще бесѣдовавшихъ въ сосѣдней съ столовою горницѣ, и вмѣстѣ съ ними вступилъ въ столовую.

И записка эта въ боевомъ карманѣ камзола гетмана жгла его въ продолженіе всего ужина. А что если хватится государь! Пошлютъ за запиской и ее не найдутъ! Государь такой человѣкъ, что способенъ, полу-шута, приказать немедленно запереть

двери, раздѣть, или просто обыскать всѣхъ! записка скомканная найдется въ его карманѣ! И онъ будетъ въ Сибири!

„Нѣтъ! съѣмъ!“ рѣшилъ гетманъ, но, однако, не успокоился. И будто въ ожиданіи этого рѣзкаго блюда онъ не только не ѣлъ ничего, но сидѣлъ, тяжело переводя дыханіе и не смѣя ни разу взглянуть на Теплова. Онъ чувствовалъ, что тотъ не спускаетъ съ него взгляда и вопросительно впивается въ него глазами, но не отвѣчалъ... даже взглядомъ.

Черезъ часъ или полтора веселая, слегка захмѣлѣвшая, компанія расходилась и разѣзжалась. Государь, довольно веселый, но сильно уставшій, послалъ Гудовича за своей скрипкой въ залу.

— А то и другую мнѣ разобьетъ кто-нибудь! вымолвилъ онъ.

Гудовичъ лѣниво пошелъ въ залу, взялъ скрипку, вспомнилъ о запискѣ взволнованной графини и, не видя ее на пюпитрѣ, удивился. Онъ помнилъ хорошо, что государь не бралъ ея, уходя ужинать.

„Ну, и чертъ съ ней! подумалъ онъ. Маргариткины штуки! И чего она выходила, да еще, кажись, ревѣла. Вернулась съ распухлыми глазами“.

Еще черезъ часъ весь Ораніенбаумскій дворецъ спалъ безпробудно!

XXXIV.

На утро Маргарита, проснувшись, вспомнила все случившееся наканунѣ, и съ первыхъ минутъ пробужденія для нея начался день такой же тревожный.

Лотхенъ положительно нигдѣ не было, она скрылась. Маргарита знала ее давно, любила, вѣрила ея честности, но тѣмъ не менѣе прежде всего бросилась къ тому комоду, гдѣ лежали ея брилліанты и деньги. Все было цѣло. Затѣмъ она вспомнила о бумагѣ и, сдѣлавъ наскоро пакетъ, хотѣла переслать его государю, но рѣшила, что это невозможно, что надо дожидаться свиданія и передать лично. Нѣсколько разъ спрашивала она, поднялся ли государь и можетъ-ли она его видѣть, но получала въ отвѣтъ, что государь спитъ.

Наконецъ, около двухъ часовъ дня, графинѣ подали письмо. Она быстро распечатала его, пробѣжала глазами и опустила руки.

— Что! вымолвила она вслухъ сама себѣ. — Какъ! Лотхенъ! Что я съ ума схожу?!

И она снова пробѣжала письмо. Нѣтъ, это ей не чудится! Она не бредитъ! Это длинное нѣмецкое письмо, красиво написанное кѣмъ-то, подписано каракулями, изображающими „Лотхенъ“. То, что говорится въ немъ, было бы нелѣпой шуткой, бессмыслицей и поэтому должно быть правдой. Содержаніе письма, которое подписала Лотхенъ каракулями, дѣйствительно, должно было изумить Маргариту.

Лотхенъ начинала съ того, что просила у графини, которую искренно любила и любить попрежнему, прощеніе. Смыслъ длиннаго письма былъ слѣдующій:

„Всякій самъ за себя, писала она. Вы старались для себя и достигли того величія, на которомъ отъ всей души желаю вамъ остаться. Я стремилась къ другому и тоже достигла и тоже, надѣюсь, долго удержу то, что съумѣла завоевать. Ваше положеніе настолько высоко, что вы не можете мнѣ завидовать и не должны на меня сердиться. Покуда вы безумствовали, полюбивъ мальчишку, который васъ могъ погубить и, по счастью, не погубилъ, я тоже устраивала свою судьбу. Теперь я въ домѣ графа Іоанна Іоанновича полная хозяйка надъ всѣмъ, а равно и надъ нимъ самимъ. Но этого мнѣ мало. Я слишкомъ самолюбива, чтобы удовольствоваться ролью простой любовницы, и надѣюсь, что вскорѣ буду носить ту же фамилію, которую носите вы. Да, liebe Gräfin, а надѣюсь, и даже скоро быть графиней Шарлотой Скабронской, а покуда остаюсь любящая васъ „Лотхенъ“.

Маргарита такъ потерялась отъ этого письма, что не знала, что дѣлать. Наконецъ, она расхохоталась и произнесла вслухъ:

— Ну, Лотхенъ, Этого я, признаюсь, отъ тебя не ожидала.

Дѣйствительно, Лотхенъ не лгала въ письмѣ и въ эту минуту, когда Маргарита читала его, веселая нѣмка, «верченая»,

какъ звалъ ее когда-то Іоаннъ Іоанновичъ, была у него въ отведенныхъ ей герницахъ и властвовала въ домѣ.

Іоаннъ Іоанновичъ послѣ невѣроятнаго приключенія на похоронахъ внука, выведя красиваго преображенца изъ шкафа внучки, рѣшилъ окончательно бросить мысль о „цыганѣ“. Онъ собирался уже снова не бывать въ ея домѣ, прекратить всякія сношенія, но съ этого же дня его стала преслѣдовать „верченая“, т. е. красивая нѣмка Лотхенъ. Она казалась куколкой около серьезной красоты Маргариты, но сама по себѣ была очень хорошенькая, а, главное, была непрерывно и неисчерпаемо весела и смѣшлива. Іоаннъ Іоанновичъ пересталъ ѣздить къ внучкѣ, но Лотхенъ начала ѣздить къ нему, выдумывая всякія порученія отъ барыни.

И вскорѣ старикъ догадался, въ чемъ заключается игра Лотхенъ. Іоаннъ Іоанновичъ не долго думалъ и рѣшился. Мало-ли у него перебывало «вольныхъ женокъ!» Одной больше, что за важность! И кончилось все побѣгомъ Лотхенъ и переездомъ въ его домъ.

Часа въ четыре Маргарита добилась свиданія съ государемъ, и первыя слова ея были:

— Я надѣюсь, что вы уже распорядились?

— На счетъ чего, графиня? отозвался государь быстро, такъ какъ спѣшилъ на парадъ голштинскаго войска.

Маргарита изумилась, напомнила о вчерашней запискѣ и была несказанно поражена, узнавъ, что Петръ Федоровичъ ея и не читалъ и не видалъ...

Маргарита тотчасъ же передала государю полученную накануне бумагу, и глазамъ своимъ не вѣрила, когда государь, пробѣжавъ ее, разсмѣялся

— Ну, знаете, графиня, только на васъ развѣ я сердиться не стану. А слѣдовало бы и съ вами дня три не говорить!

— Я васъ не понимаю! воскликнула Маргарита.

И государь передалъ графинѣ, что эти доносы, дѣйствительно, надѣли ему. Все это вранье, клевета. Конечно, есть въ Петербургѣ лица-вельможи и гвардейскіе офицеры, которые не любятъ его за симпатіи къ нѣмцамъ, но что отъ этого недовольства нѣсколькихъ лицъ до заговора—цѣлая пропасть.

— Я знаю, прибавилъ онъ,—что жена меня ненавидитъ и что она хитрая, лукавая, на все способная женщина. Она, конечно, готова была бы стать во главѣ заговора, чтобы даже убить меня. Но что же она можетъ сдѣлать одна? А приверженцевъ у нея нѣтъ. Одна семнадцати-лѣтняя Дашкова, которая къ тому же: *une tête fêlée!*..

Маргарита почти насильно заставила государя отложить на время парадъ и вернуться въ кабинетъ. И тамъ въ продолженіи часа на всѣ лады, чуть не умоляя его на колѣняхъ, горячо просила повѣрить всему и распорядиться.

— Наконецъ, сдѣлайте это для меня! воскликнула Маргарита,—исполните мой капризъ! Умоляю васъ только объ одномъ. прикажите арестовать этого офицера Пассека, и если доносчикъ лжетъ, если у Пассека не окажется этихъ документовъ, компрометирующихъ всѣхъ остальныхъ заговорщиковъ и императрицу, то тогда я готова на все! Накажите меня, какъ хотите! Прогоните отъ себя...

Государь обѣщалъ, наконецъ, исполнить прихоть и капризъ красавицы, но послѣ смотра и парада, забывъ объ обѣщаніи отправился прямо въ маленький ораніенбаумскій театръ, гдѣ въ этотъ вечеръ должно было идти представленіе. Государь самъ осмотрѣлъ, все-ли въ порядкѣ, и здѣсь, когда онъ оглядывалъ театръ, еще подъ впечатлѣніемъ вчерашняго концерта, ему вдругъ пришла новая мысль. Музыкальный запой еще продолжался. Ему сегодня хотѣлось бы поиграть на скрипкѣ, а надо ждать три дня до 29 числа. Онъ подумалъ и велѣлъ послать сказать музыкантамъ, что вечеромъ онъ самъ сядетъ съ ними въ оркестръ и будетъ играть вторую скрипку. И, озабоченный новой затѣей, государь быстро вернулся во дворецъ, досталъ ноты и сталъ репетировать свою часть той увертюры, которую намѣревался приказать играть.

Маргарита догадалась, будто чуяла, что ничего еще не сдѣлано. Она смѣло, точно такъ же, какъ еще недавно Жоржъ направилась прямо къ дверямъ кабинета.

На этотъ разъ дверь была не заперта. Маргарита безъ церемоніи, потому что имѣла уже на это право, вошла. Государь точно также собирался разсердиться, но Маргарита вдругъ

стала на колѣни и, полушутя, полусерьезно, объявила, что не уйдетъ до тѣхъ перъ, пока онъ не дастъ приказанія арестовать Пассека.

Петръ Ѳедоровичъ покачалъ головою, какъ-бы говоря:

— Охъ, ужъ вы, женщины!

Кликнувъ Нарциса, онъ велѣлъ позвать къ себѣ кого-нибудь изъ адъютантовъ. Тотчасъ же явился Перфильевъ.

— Ну, вотъ и отлично! воскликнулъ Петръ Ѳедоровичъ.— Этотъ самый у меня умный. Вотъ видишь-ли, Степанъ Васильевичъ, ступай ты въ Петербургъ исполнять дамскій капризъ. Прежде всего на тотъ преображенскій ротный дворъ, гдѣ теперь чай распиваетъ и ничего худого себѣ не ждетъ офицеръ Пассекъ. Арестуй его и приставь къ нему такую стражу, какъ если бы онъ былъ самый страшный государственный преступникъ. Ужъ шалить, такъ шалить! разсмѣялся государь.

— Понялъ!

— Понялъ, ваше величество!

— Ну, а потомъ, прибавила Маргарита отъ себя,— не мѣшало бы вашему величеству приказать г. офицеру захватить и поглядѣть, что дѣлаютъ офицеры Орловы.

— Извольте! Это Степанъ Васильевичъ сдѣлаетъ съ особеннымъ удовольствіемъ. Онъ тоже картежникъ и тоже выпить любитъ; а у Орловыхъ безпробудное пьянство и карты. Такъ вотъ, обернулся государь къ Перфильеву:— сначала сдѣлай глупое дѣло, а потомъ ступай къ Орловымъ и сдѣлай умное: награди себя за порученіе. Можешь оставаться у нихъ хоть цѣлыхъ трое сутокъ. Играй въ карты и пей.

— Ваше величество, отозвался Перфильевъ,— и то, и другое я исполню съ особеннымъ удовольствіемъ и усердіемъ, въ особенности второе порученіе. такъ какъ я уже нѣсколько дней какъ имѣю свѣдѣнія, что къ Орловымъ стоитъ приставить кого-нибудь для надзора. Но, признаюсь откровенно, побоялся доложить объ этомъ вашему величеству, такъ какъ его высочество принцъ Жоржъ предупредилъ меня, что я могу этимъ предложеніемъ навлечь на себя гнѣвъ вашего величества.

— Ну, здравствуйте! И этотъ тоже въ доносчики полѣзъ... Фу, Господи! Ну, вотъ и отлично, стало быть, долженъ быть

*

доволен! Ступай! выговорилъ Петръ Федоровичъ и, чтобы скорѣе отвязаться отъ Перфильева и Маргариты и вернуться къ нотамъ и скрипкѣ, онъ прибавилъ:

— Графиня! Уведите его къ себѣ и расскажите... объясните... все, что хотите!

XXXV.

Вечеромъ 26 числа Ораніенбаумскій театръ былъ полонъ приглашенными.

Государь, дѣйствительно, сѣлъ въ оркестръ, игралъ мало затверженную партитуру и усердно сбивалъ съ толку всѣхъ музыкантовъ.

Представленіе раздѣлялось на двѣ части, — на серьезную и веселую.

Публика тоже мало интересовалась пьесами, которыя повторялись за послѣднее время часто. Многіе знали ихъ назвусъ, видѣвши сотни разъ еще при Елизаветѣ Петровнѣ. Публику интересовало гораздо больше другое обстоятельство.

Въ театрѣ въ двухъ ложахъ направо и налѣво отъ публики, другъ противъ друга, будто умышленно, занимая два крайніе номера, сидѣли двѣ женщины, на которыхъ постоянно, при малѣйшемъ ихъ движеніи, обращалось всеобщее вниманіе.

Налѣво сидѣла въ эффектномъ оранжевомъ костюмѣ, отдѣланномъ чернымъ бархатомъ и вышитомъ серебромъ по черному, какъ всегда красивая, но нѣсколько неспокойная, тревожная, нервно настроенная, графиня Скабропская. Она вовсе не смотрѣла на сцену и, не переставая, шепталась съ прусскимъ посломъ, котораго вывела изъ герода и назначила свиданіе въ театрѣ. Гольцъ былъ тоже видимо неспокоенъ. Не смотря на то, что публика не спускала съ нихъ глазъ, они не переставали шептаться.

Предметъ ихъ бесѣды, очевидно, былъ не простой, а крайне важный. Покинуть театръ и поговорить наединѣ они боялись, такъ какъ Петръ Федоровичъ могъ бы принять ихъ отсутствіе на свой счетъ, приписать своей дурной игрѣ на скрипкѣ. Приходилось говорить въ театрѣ и при тысячѣ нескромныхъ глазъ.

Направо, прямо противъ ихъ ложи, сидѣла другая красавица, которая не уступала красотою Маргаритѣ. Одежда ея траурная, черная съ головы до ногъ, рѣзко бросалась въ глаза, среди пестрыхъ, разноцвѣтныхъ костюмовъ всѣхъ дамъ. Лицо ея было не только сумрачно, но даже печально. Она не смотрѣла на сцену, но и не шепталась ни съ кѣмъ, а, опустивъ глаза и глубоко задумавшись, сидѣла неподвижно. За нею въ глубинѣ ложи сидѣла фрейлина и какой-то придворный. Это была императрица, которой приказали пріѣхать изъ Петергофа и присутствовать на спектаклѣ. Это было сдѣлано ей на смѣхъ.

Наканунѣ Петръ Ѳедоровичъ узналъ отъ Гудовича, что жена говорила кому-то и радовалась, что ее не приглашаютъ на увеселенія и празднества Ораніенбаума.

— Ну, такъ я заставляю ее пріѣхать! воскликнулъ онъ.

И въ этотъ вечеръ государыня явилась въ театръ, но рѣшилась протестовать, хотя бы своимъ чернымъ траурнымъ платьемъ, съ котораго только ради приличія сняла плерезы.

Нѣсколько разъ во время спектакля государыня и Маргарита обмѣнивались странными взглядами. Маргарита, глядя на нее, думала:

„Знаешь-ли ты, что не нынче-завтра я буду просить арестовать тебя, сослать въ монастырь и постричь. А эта просьба моя будетъ исполнена охотно. И тогда, знаешь-ли ты, кто можетъ скорѣе занять твое мѣсто?“

И эти мысли заставили сердце Маргариты замирать какъ-то особенно. Ничего подобнаго она не чувствовала никогда за всю свою жизнь.

Императрица, съ своей стороны, взглядывала спокойнымъ взоромъ, будто мѣрая эту авантюристку, явившуюся въ Петербургъ Богъ вѣсть откуда, прикрываясь именемъ глупаго полурусскаго вельможи.

Государыня знала отлично, что эта красавица—не глупая Воронцова и вообще не изъ тѣхъ безграмотныхъ и глупыхъ женщинъ, которыми такъ много и часто на ея глазахъ увлекался государь. Государыня смотрѣла на Маргариту и думала:

„Я одна, быть можетъ, знаю, чѣмъ ты можешь быть, если

судьба не захочетъ заступиться за меня. Въ этой странѣ, добродушной и слабодушной, съ горстью просвѣщенныхъ людей, съ легионами темнаго народа—все возможно! Какъ легко и просто могу я черезъ мѣсяцъ, покуда онъ будетъ тамъ на войнѣ, сдѣлаться регентшей государства, а, можетъ быть, и болѣе... Такъ точно и ты!.. Завтра меня могутъ легко и просто при помощи солдатъ свезти и бросить въ келью дальняго монастыря на окраинѣ громадной страны. Тогда съ тобой также легко и просто можетъ быть то же, что было всего сорокъ лѣтъ тому назадъ на памяти многихъ еще живыхъ. Ту звали Мартой, тебя звать Маргаритой. До сихъ поръ судьба ваша почти одинакова. Онъ неумѣренно ниже того, глупѣе, безхарактернѣе, а ты неумѣренно умнѣе и красивѣе той. Сначала изъ Маргариты ты сдѣлаешься Анной или Елизаветой, какъ я изъ Софіи-Фредерики стала Екатериной. А затѣмъ болѣзненный императоръ можетъ преждевременно сойти въ могилу, а у тебя, быть можетъ, уже будетъ сынъ. И вотъ явится на глазахъ удивленнаго... даже нѣтъ... не удивленнаго, а боязливаго или равнодушнаго люда... явится императрица Анна II или Елизавета II. Все это кажетъ сказкой изъ тысячи и одной ночи. Но я вѣрю въ возможность этихъ сказокъ на берегахъ Невы. Такая сказка можетъ быть и со мной, можетъ быть и съ тобой. И теперь въ эту минуту никто не знаетъ, одинъ Господь знаетъ, про кого услышитъ Россія и Европа: про Екатерину II или про Елизавету II. Если эти слова: „Елизавета II“ кажутъ безсмыслицей, то слова „Екатерина II“ еще болѣе безсмыслица! Въ пользу Елизаветы II императоръ, дворъ, часть гвардіи, ему подвластной. Эта сказка имѣетъ за собою законную силу! А сказка объ Екатеринѣ II—сказка противозаконная. За нее, если дурно и не искусно расскажемъ ее,—законъ снимается съ плечъ много умныхъ и благородныхъ російскихъ головъ“.

И отъ мыслей этихъ государыня надолго поникла головой. Ее привелъ въ себя вѣжливый голосъ фрейлины, говорящей, что представленіе кончилось.

Она очнулась и вздохнула. Всѣ въ театрѣ были на ногахъ, нѣкоторые выходили, а противъ нея въ своей ложѣ уже стояла

эта авантюристка... стройная, изящная, и какъ-то величественно, дерзко и гордо оглядывалась кругомъ на публику. И государыня, грустно улыбаясь, шепнула невольно:

— Чѣмъ же Елизавета III!..

И въ этотъ же самый мигъ, будто какимъ-то тайнымъ, неведомымъ людямъ вѣяньемъ, Маргарита, оглядѣвъ пеструю толпу, взглянула на поднявшуюся съ своего мѣста государыню и встрѣтилась съ нею не только глазами, но встрѣтилась и мыслями:

„Ты красавица императрица! Но,—подумалось мгновенно Маргаритѣ,—но, если бы я была на твоёмъ мѣстѣ, то... я чувствую!.. я была бы не ниже!.. я была бы *только*... на своёмъ мѣстѣ!..

XXXVI.

На разсвѣтѣ государь въ шлафрокѣ прошелъ изъ одной половины дворца въ другую къ себѣ въ спальню.

Нарцисъ, дожидаясь возвращенія государя, не смѣлъ ложиться спать и теперь, положивъ руки на столъ, а на нихъ свою курчавую голову, храпѣлъ на всю комнату.

Государь былъ въ веселомъ настроеніи духа и подшутилъ надъ Нарцисомъ такъ, что негръ вскочилъ и, со сна, началъ орать на весь дворецъ.

— Тихе, дуракъ! это я! испугался Петръ Федоровичъ, что Нарцисъ со сна не узнаетъ его и полѣзетъ драться.

Государь прошелъ въ свою спальню, сѣлъ на кровать и протянулъ ноги негру. Нарцисъ, какъ и всегда, бережно сталъ стаскивать съ нихъ узкіе башмаки и длинные чулки.

— Слушай, Нарциска! воскликнулъ Петръ Федоровичъ:—знаешь-ли ты, что сегодня будетъ?

— Знаю! соннымъ голосомъ отвѣчалъ Нарцисъ.—Сегодня 27-е, ну, стало быть, въ Гастилицу къ Разумовскому графу пировать поѣдете.

— Эка диковина! А что я тамъ сдѣлаю?

— Венгерскаго или какого другого...

— Врешь! прервалъ государь.— Это тоже не диво! Я тамъ „Алексѣевну“ увижу и прямо оттуда ее въ монастырь сошлю. Дѣло рѣшенное, сейчасъ честное слово далъ. Понимаешь, дуракъ? Я своему честному слову никогда не измѣняю. Если монархи не будутъ держать своего слова, то тогда и міру конецъ, весело болталъ государь и, улегшись въ постель, велѣлъ Нарцису разбудить себя не ранѣе часу дня.

— Въ два Разумовскіе уже кушаютъ, замѣтилъ Нарцисъ.

— Не твое дѣло, черный чертъ!

Въ два часа дня государь уже всталъ и быстро собирался. Экипажи уже были поданы. Онъ прошелъ снова на половину Маргариты и, найдя ее въ утреннемъ пеньюарѣ, остановился въ удивленіи.

— Развѣ вы все таки не ѣдете въ Гастилицу?

— Я вамъ сказала, что нѣтъ! отозвалась графиня, улыбаясь и не вставая съ своей кушетки.

Государь глядѣлъ на нее въ удивленіи и, наконецъ, сталъ упрашивать. Маргарита отказалась на отрѣзъ.

— Отчего вы не хотите? Ну, пожалуйста. Для меня.

— Ни за что! сказала Маргарита.— Во первыхъ, ни фельд-маршалъ, ни гетманъ меня не звали. Во вторыхъ, тамъ будетъ, а знаю навѣрное, императрица. Хотя она російская государыня, а я простая придворная дама, но тѣмъ не менѣе я не могу позволить ей унижать мое чувство собственного достоинства.

— Что это значитъ? вспыхнулъ слегка государь.

— Этого я не скажу.... Богъ съ ней!...

— Нѣтъ, я требую! Скажите. Что она сдѣлала? Когда!

— Извольте.... Вчера въ театрѣ она хохотала каждый разъ, какъ вы играли соло... Я, невольно глядя на нее, пожала плечомъ... Она такъ взглянула на меня, съ такимъ презрѣньемъ что я хотѣла выйти изъ ложи и уйти къ себѣ. И если я осталась, то только потому, что мнѣ хотѣлось дослушать ваше соло на скрипѣ.

Государь-артистъ слегка покраснѣлъ.

Говоря это, Маргарита думала:

„Какъ я скоро выучилась великолѣпно лгать.“

— Но вѣдь я вамъ обѣщала, слово далъ и исполню его.

сегодня-же! При васъ еѣ возьмутъ и прямо изъ Гастилицы повезутъ въ Петербургъ. А затѣмъ или на Смольный дворъ пли, можетъ быть, прямо въ Шлиссельбургъ.

— Сдѣлайте это, ваше величество, и тогда я повѣрю. И тогда и Разумовскіе, и другіе не посмѣютъ меня не приглашать. Я знаю, что я не особенно знатнаго происхожденія, и графиня только по мужу. Но что-же такое—Разумовскіе? Простые козацкіе пастухи!

Государь стоялъ почти печальный, Маргарита хотѣла испортить ему весь день.

— Такъ не поѣдете? выговорилъ онъ.

— Не поѣду, не поѣду и не поѣду... воскликнула Маргарита горячо.—Мое положеніе настолько тяжело при встрѣчахъ съ ней, что если-бы я знала навѣрное, что вы способны не исполнить слова, даннаго мнѣ сегодня, т. е. вчера... нѣтъ т. е. сегодня....

И Маргарита улыбнулась....

— Если бы я знала навѣрное, что вы изъ Гастилицы не отдадите приказа еѣ арестовать, то я бы сейчасъ же покинула Ораніенбаумъ, а, можетъ быть, и Россію.

— Ну, этого не будетъ! воскликнулъ государь.—Вотъ увидите. Я ей задамъ!

Черезъ нѣсколько часовъ, въ пышной резиденціи графа Разумовскаго, гдѣ было мало приглашенныхъ, но была государыня, разыгралась тяжелая, многимъ памятная сцена. Но эта сцена между мужемъ и женой, между императоромъ и императрицей—была послѣдняя. Съ этой минуты они уже никогда не видались. Государь, въ припадѣхъ гнѣва, передалъ все, что зналъ черезъ доносы и объявилъ, что покуда они въ Гастилицѣ, правитель дѣлъ общества заговорщиковъ уже, вѣроятно, арестованъ, а вслѣдъ за нимъ и многіе другіе.

И Петръ Оедоровичъ приказалъ государынѣ быть готовой, чтобы въ тотъ же вечеръ или на утро быть отвезенной въ крѣпость или монастырь.

— Еще я этого не рѣшилъ! воскликнулъ онъ.

Въ тотъ же вечеръ государыня, вернувшись къ себѣ въ Петергофъ, замѣтила, что она уже почти подъ арестомъ, что число

часовыхъ веруъ дворца и въ паркѣ увеличено, а двое вира- сирѣ поставлены у самаго маленькаго зданія Монплезира, въ ко- торомъ она жила. Не смотря на усталость, она не легла спать а только переѣвнула платье и сѣла за письмо къ Григорію Ор- лову, въ которомъ писала о сценѣ, разыгравшейся въ Гас- тилицѣ. Письмо кончалось словами:

«Или все кончено, или все начинается! Подумайте, рѣши- те! Если вы отвѣчаете, какъ говорили на дняхъ, за пятьде- сять человѣкъ офицеровъ, и за десять тысячъ рядовыхъ раз- ныхъ полковъ, какъ за самого себя, то я бы могла сказать: все начинается! Если же вы введены въ обманъ, то все кончено».

Въ это же самое время государь, вернувшись въ Ора- ніенбаумъ, рассказывалъ Маргаритѣ все, случившееся въ Га- стилицѣ.

— Довольны вы? прибавилъ онъ.

— Чему-жъ? ваше величество!

— Какъ чему?

— Вы ничего не сдѣлали! Вы только побранились съ ней, надѣлали много угрозъ, наговорили много непріятныхъ вещей и горькихъ истинъ, но въ сущности ничего не сдѣлали! Она не арестована и не свезена никуда! Впрочемъ, я такъ и ду- мала. Вы человѣкъ слишкомъ добрый и поэтому не способный сдѣлать даже то, что есть государственная необходимость. Вы обѣщаете, а потомъ...

Маргарита не договорила, потому что государь вспыхнулъ и, наступая на нее, крикнулъ во все горло:

— Какъ вы смѣете это говорить?

Маргарита мгновенно смутилась, это была первая вспыш- ка гнѣва государя на нее.

— Простите меня, залепетала она, предполагая, что госу- дарь оскорбился.

— Ну, такъ завтра же, ранехонько утромъ, мы цѣлой ком- паніей поѣдемъ въ Петергофъ и сами арестуемъ ее. Если же- лаете, вы сами приважите офицерамъ посадить ее въ бричку и вести на Смольный дворъ. А черезъ недѣлю мы, пожалуй, сдѣлаемъ une partie de plaisir на ея постриженіе. Если я

этого не сдѣлаю завтра, то даю вамъ право назвать меня нечестнымъ человѣкомъ и немедленно покинуть Ораніенбаумъ.

Государь, уставшій отъ переѣздовъ въ Гастиницу и обратно, отъ цѣлаго дня волненій и вспышекъ гнѣва, ушелъ въ себѣ и скоро спалъ крѣпкимъ сномъ.

Маргаритѣ, взволнованной до крайности, напротивъ, не спалось. Она сѣла въ открытому окну.

Дивная, теплая іюньская ночь, синее небо, все усѣянное звѣздами, теплый вѣтерокъ, проносившійся съ моря и шумѣвшій предъ окнами темными вѣтвями деревьевъ, тишина, наступившая во всемъ дворцѣ, — все это поманило Маргариту вонъ изъ горницы. Тревога на душѣ, но счастливая, сладкая, радостная, не позволяла ей остаться въ четырехъ стѣнахъ маленькой горницы.

Она накинула на себя большой пунцовый шелковый платокъ и тихо прошла нѣсколько горницъ, гдѣ было свѣтло, какъ днемъ, отъ звѣзднаго неба, глядѣвшаго во всѣ окна, но гдѣ все спало крѣпкимъ сномъ; Маргарита вышла на большую террасу, откуда сразу открылось передъ ней огромное пространство, покрытое и окаймленное синимъ сводомъ неба, усѣяннымъ мириадами звѣздъ. Вдали тихо, будто ласково ворчало море.

Маргарита оглянулась, прислушалась и задумалась.

И Богъ вѣсть почему, Маргаритѣ вдругъ вспомнилось ея дѣтство въ странѣ, гдѣ чаще бываютъ такія темныя и ароматныя ночи. Ей вспомнилась ея старая няня, родомъ кроатка, и ласковое ворчаніе ея. Эта старая няня всегда предсказывала дорогому дитяткѣ великое будущее. И красоту, и честь, и славу, и деньги, и любовь! И многое уже сбылось въ жизни Маргариты. Почему же не сбудется и все!

Но почему вспомнила она объ этой нянѣ теперь? Какое странное совпаденіе!

Она вѣрить теперь, что завтра онъ рѣшится... И въ Россіи не будетъ императрицы! И мѣсто будетъ вакантно! А кто же теперь въ Петербургѣ легче всѣхъ можетъ занять его?

И Маргарита оперлась на бѣлую балюстраду террасы, подъ которой шумѣла сплошная чаща вѣтвей и деревьевъ, об-

литая ночной синевой. Она склонила голову на руки и вся обмирала отъ собственныхъ же мыслей.

— Да! Завтра! Черезъ нѣсколько часовъ! Даже страшно! И какъ это просто все совершилось!

Мѣсяца два тому назадъ, думая объ этомъ, она считала себя глупенькой мечтательницей, сама надъ собой часто подсмѣивалась.

— А теперь?!. Маргарита вдругъ поднялась, отошла отъ перилъ и, ставъ среди пустой и бѣлой террасы, изящно убитая съ руками, съ головой и до полу пунцовымъ платкомъ, гордо оглянулась кругомъ себя.

Въ эту минуту съ высокой террасы, дѣйствительно, и весь Ораніенбаумъ, и дома, и сады, и окрестность, и вдалекѣ ворчащее море,—все это было какъ будто у ногъ этой красавицы-женщины, въ ногахъ у той, которая на дняхъ будетъ по закону повелительницей не только надъ тѣмъ, что можетъ окинуть теперь ея взглядъ, но и надъ всѣмъ тѣмъ, что простирается далѣе, за видимымъ кругозоромъ, на громадномъ пространствѣ, между двухъ частей свѣта, между четырехъ морей, включая въ себя почти всѣ азыцы земные.

Маргарита невольно подняла голову и окинула, будто влюбленнымъ взоромъ, все небо, широко и далеко разверзающееся надъ ней. И всѣ сотни и тысячи этихъ яркихъ звѣздъ глянули вдругъ съ мягкой и чудной синевы въ ея красивое лицо и отразились таинственно-мерцающимъ свѣтомъ въ ея влажныхъ, восторженныхъ глазахъ. Будто всѣ онѣ разгадали тайну, узнали великую долю земную этого маленькаго изящнаго существа и будто привѣтствуютъ ее... И Маргаритѣ почудилось, что она стремительно взлетаетъ!.. Она стала вдругъ ближе къ этимъ звѣздамъ! А вся окрестность, даже вся земля и все земное, остается тамъ, далеко внизу... и рабски ложится у ея ногъ!..

XXXVII.

Въ тѣ же минуты, около полуночи, въ квартирѣ Григорія Орлова, сидѣло нѣсколько человѣкъ друзей изъ самыхъ близкихъ и человѣка четыре постороннихъ, такъ же, какъ когда

то великимъ постомъ. Теперь только особенно преобладалъ одинъ элементъ: измайловцы. Ихъ тутъ было восемь человѣкъ: три брата Всеволожскіе, два брата Рославлевы, Ласунскій, Похвисневъ и Вырубовъ. Кромѣ нихъ, были Баснаковъ, Барятинскій и, наконецъ, Ѳеодоръ Орловъ, отлучавшійся за вечеръ уже четыре раза.

Въ числѣ постороннихъ былъ здѣсь адъютантъ государя Перфильевъ. Онъ почти двое сутокъ не выходилъ отъ Орловыхъ, пилъ и игралъ въ карты.

Григорій, конечно, не сомнѣвался, почему Перфильевъ почти безвыходно сидитъ у него. Да и самъ откровенный и добродушный Степанъ Васильевичъ промолвился, что государь на время приставилъ его къ нимъ.

Григорій, сумрачный, тревожный, переходилъ изъ комнаты въ комнату, отъ игорнаго стола къ другому, заставленному закуской и блюдами, и на неоднократные вопросы Перфильева отвѣчалъ уже въ десятый разъ:

— Голова трещить, чертъ съ ней! Да и знобитъ...

Но наиболѣе мрачный и озлобленный на всѣхъ былъ старикъ Агафонъ. Онъ чуялъ, что господа, перепуганные утромъ на смерть арестомъ Петра Богдановича, затѣваютъ что-то.

„Должно быть, силкомъ освободить его!“ думалъ старикъ.

Озорникъ его, Алексѣй Григорьевичъ нанялъ четверку дивныхъ коней, посулилъ за нее шальные деньги, благо ихъ совсемъ нѣтъ въ домѣ... и поскакалъ куда-то въ самую полночь. Уже, конечно, какое-нибудь глупство или озорничество! Ѳеодоръ Григорьевичъ тоже все бѣгаетъ. А вдобавокъ еще младшаго братишку, кадета Владимира Григорьевича, тоже впутали. Также среди ночи гоняютъ „робенка-то“, то туда, то сюда! Два раза тайкомъ и заднимъ ходомъ гоняли на квартиру къ княгинѣ Дашковой! И зачѣмъ? Поглядѣть у себя-ли она сидитъ и не собирается-ли въ Рамбовъ къ государю? Очень нужно!

И Агафонъ злился и ворчалъ, вымещая злобу то на полотенцѣ, то на тарелкѣ, то на мухахъ, гудѣвшихъ на кухнѣ.

На зарѣ въ квартирѣ игра карточная приостановилась и

компанія сѣла ѣсть и пить. Но, противъ обыкновенія, никто не былъ пьянъ...

Только одинъ человѣкъ, страшно закипѣвъ, не выдержавъ, повалился на диванъ и скоро захрапѣлъ. Это былъ Перфильевъ. Онъ страшно обыгралъ другихъ, а это съ нимъ случалось такъ рѣдко, что на радостяхъ онъ хватилъ черезъ край.

Когда солнце показалось надъ городомъ и свернуло въ окнахъ квартиры Орлова, офицеры тревожно переглянулись, нѣкоторые перекрестились, и всѣ поднялись на ноги.

Лица ихъ были далеко не таковы, какія бывають всегда у людей, встающихъ изъ-за стола, покрытаго остатками ночного ужина и бутылками.

— Ну, съ Богомъ! вымолвилъ глухо Григорій.— По мѣстамъ Ну, братцы, вы, измайловцы... Вамъ первая, трудная доля.. Вамъ Богъ помочь! А мы за вами...

Офицеры, не прощаясь, смущенно, молчаливо разѣхались въ разныя стороны.

Только одинъ Барятинскій остался... и молчалъ, стоя у окна... Перфильевъ громко храпѣлъ на диванѣ. Григорій Орловъ тоже молчалъ и шагаль по комнатѣ.

— Что-жъ? Спать-то? Не надо! Полуночники!.. буркнулъ Агаѣонъ, собирая посуду. Но никто не отвѣтилъ...

Черезъ часа два Григорій тихо вымолвилъ Барятинскому:

— Ну, пора!... Охъ, что-то будетъ..... Мы-то..... наплевать!... Спаси Богъ ее!...

Еще чрезъ часъ оба были уже за заставой и мчались въ каретѣ по дорогѣ на Красный кабакъ.

Отѣхавъ пять верстъ, они остановились, вышли изъ кареты и стали, не спуская глазъ съ дороги.

— Охъ, Алеханъ!.. Боюсь, загналъ коней! Пали на дорогѣ... А мы здѣсь прождемъ!...

Было уже десять часовъ....

— Вотъ! Вотъ!! вскрикнулъ Барятинскій.

Вдали за версту показалась мчащаяся съ каретой четверка коней, и пилъ громаднымъ серебристымъ облакомъ, сверкающимъ на солнцѣ, взвивалась за ней.

Будто шелъ на столицу ветхозавѣтный столпъ огненный! И

если не руководить, не вель мчащихся путниковъ, то шель слѣдомъ...

XXXVIII.

Были тѣ же девять часовъ утра, когда изъ Ораніенбаума многолюдное общество вельможъ и дамъ, гдѣ были Воронцовы и Нарышкинъ съ женами, Минихъ, Гудовичъ, Корфъ, старіеъ Трубецкой, Шуваловъ и другіе, двинулось въ шести экипажахъ по дорогѣ въ Петергофъ.

Въ передней каретѣ, вмѣстѣ съ государемъ, ѣхали Минихъ и Трубецкой, но старики сидѣли на переднемъ мѣстѣ, такъ какъ, рядомъ съ государемъ, сидѣла красивая, красивѣе чѣмъ когда либо, графиня Скабронская.

Всѣ знали, какое событіе совершится въ Петергофѣ, и кто его вызвалъ, и болѣе всѣхъ воспользуется послѣдствіями.

Черезъ часъ всѣ были въ Петергофѣ... Но теперь все общество, смущенное, сначала обходило всѣ горницы Монплезира, а затѣмъ всѣ горницы большого дворца. А вскорѣ, всѣ уже не обходили, а бѣгали за бѣгающимъ и потерявшимся императоромъ... Государыни не было нигдѣ.

Петръ Ѳедоровичъ былъ внѣ себя, но не гнѣвенъ, а смущенъ и, обшаривъ всѣ комнаты, оглядѣвъ всѣ шкафы, шаря чуть не въ комодахъ, восклицалъ безъ конца:

— Вотъ, вы видите, на что она способна! Вотъ вы видите! Я всегда говорилъ!...

Болѣе всѣхъ была смущена Маргарита. Одинъ Минихъ успокоивалъ Петра Ѳедоровича, говоря, что найти государыню будетъ не трудно.

— А если даже она бѣжала съ цѣлью пробраться за границу! То и пускай! стоитъ-ли тревожиться? говорилъ Минихъ. — Черезъ день, два полиція узнаеть, гдѣ она, розыщеть.

— Конечно, конечно, будьте спокойны! воскликнулъ полицеймейстеръ Корфъ, а на душѣ его кошки скребли.

«Какъ? думалъ онъ въ эту минуту. Неужели то, что я знаю и о чемъ изъ боязни давно молчу, теперь начинается! А я здѣсь»...

Обшаривъ всѣ шкафы, всѣ углы, чуть не чердакъ Петер-

гофскаго дворца, государь вернулся со свитой снова въ маленький Монплезиръ.

Всѣ сѣли и сидѣли, не зная что подумать и что дѣлать...

Было уже далеко за полдень, часа три...

На дорожкѣ парка, близъ Монплезира показалась фигура добролицаго мужика съ окладистой бородой. Корфъ сразу узналъ своего спасителя.

Это былъ новый Мининъ,—Сеня. И теперь въ эту трудную минуту, если Сеня появлялся, то, конечно, не зря и не съ пустыми руками.

Зная хорошо государя въ лицо, послѣ своей бесѣды съ нимъ въ церкви Самсонія объ иконахъ и идолопоклонствѣ, Сеня самъ отличилъ Петра Ѳедоровича и, подойдя къ нему, протянулъ ему записку.

Государь узналъ почеркъ и подпись француза Брессана, котораго онъ сдѣлалъ директоромъ новой Гобеленовой фабрики. Пробѣжавъ записку, Петръ Ѳедоровичъ вскрикнулъ и онѣмѣлъ.

Брессанъ писалъ, что въ Петербургѣ полная сумятица, бунтъ и три гвардейскихъ полка и конная гвардія грабятъ и пьянствуютъ, а что онъ самъ былъ свидѣтелемъ въ Казанскомъ соборѣ присягѣ, приносимой государынѣ отъ всѣхъ сословій...

Слезы показались на глазахъ государя. Онъ взялъ себя за голову, тихо вошелъ въ первую горницу домика и опустился на первый попавшійся стулъ. Все общество будто помертвѣло отъ ужаса.

— Ваше величество! выступилъ первый, старикъ Никита Юрьевичъ Трубецкой. Позвольте мнѣ поѣхать въ Петербургъ. Можетъ быть, все это вздоръ. Я увижу все и привезу вѣрныя вѣсти.

— Да, да! бессознательно отвѣтилъ государь.

И Трубецкой быстро исчезъ изъ Монплезира.

Не прошло десяти минутъ, какъ Шуваловъ обратился къ государю съ такимъ же предложеніемъ. Полагаться на хитраго Трубецкаго, по его мнѣнію, было нельзя, и онъ просилъ позволить ему съѣздить. Послѣ согласія—онъ исчезъ, а вслѣдъ за нимъ тотчасъ же подступилъ самъ канцлеръ Воронцовъ,

вызываясь, если есть бѣда, предотвратить ее, и точно также и онъ быстро покинулъ Монплеизиръ.

Не прошло еще двухъ часовъ, какъ при государѣ оставались только женщины, а изъ мужчинъ не болѣе трехъ, четырехъ человѣкъ.

Старикъ Минихъ преобразился съ первой минуты, помолодѣлъ, и старые глаза его блестѣли ярче, быть можетъ, такъ, какъ когда-то блестѣли подъ Очаковымъ.

— Ваше величество, терять время нельзя! горячо восклицалъ онъ.—Я вѣрю тому, что пишетъ Брессанъ. Всѣ тѣ доносы, которымъ вы не вѣрили, теперь оправдываются. Если этой женщиной, умной и дерзкой, присягаютъ въ соборѣ, то, конечно, не одни гвардейскіе солдаты. Конечно, тамъ весь сенатъ, синодъ и вся администрація. Но сила не въ нихъ! Во всякой странѣ, при всѣхъ тревожныхъ и незаконныхъ обстоятельствахъ сила въ кулакѣ т. е. въ ружьѣ, въ штыкѣ. Пошлите за войскомъ своимъ въ Ораніенбаумъ, мы окопаемся здѣсь, будемъ принимать перебѣжчиковъ вѣрныхъ, которые придутъ къ вамъ изъ Петербурга и черезъ два-три дня у насъ будетъ здѣсь десяти-тысячное войско изъ вѣрноподданныхъ волонтеровъ. Съ ними, я, Минихъ, отвѣчаю вамъ, что возьму приступомъ Петербургъ, если бунтовщики сами не явятся съ повинной.

Взглядъ стараго полководца сверкалъ такимъ огнемъ надъ опущенной головой потерявшагося императора, что всякій бы повѣрилъ ему. Но государь покачалъ головой и не двигался.

— Позвольте послать въ Ораніенбаумъ за голштинскимъ войскомъ, выговорилъ Гудовичъ.

— Посылайте! Посылайте! воскликнулъ Минихъ.

И Гудовичъ вышелъ.

— Я говорилъ! Я говорилъ! воскликнулъ Петръ Ѳедоровичъ.—Я всегда говорилъ! Она на все способна! Вотъ видители, моя правда...

Женщины, сидѣвшія кругомъ государя, смущенныя и перепуганныя начали плакать.

И только одна графиня Сзабронская сидѣла, выпрямившись, неподвижна, какъ статуя, да и блѣдна, какъ статуя. Широко раскрытые глаза смотрѣли на голову императора, опущенную

на руки, и Маргаритѣ минутами казалось, что она бредить. Минутами ей казалось, что вчера, въ эту дивную ночь, эти звѣзды, говорившія съ ней, подняли ее на неизмѣримую высоту, а сегодня она падаетъ съ этой высоты, и все падаетъ, и нѣтъ конца этому паденію!.. Голова туманилась, сердце будто холодное, ледяное, будто кусокъ льда, странно, рѣзко и отчетливо стучало въ ней и замирало послѣ каждаго удара. А тяжелые часы бездѣйствія, слезъ, пустыхъ и безсмысленныхъ жалобъ, тянулись, время уходило!..

Глаза Миниха уже скоро потухли и не сверкали, какъ прежде. И полководецъ, и красавица, многое могли бы сдѣлать за это время, но не одни! Пускай скажетъ онъ хоть слово, дастъ право!

Но онъ, въ которомъ вся сила, который облеченъ священнымъ званіемъ, онъ все сидитъ у стола, все также кладетъ на него локти, опускаетъ на руки голову! А изрѣдка, прійдя въ себя, снова жалкимъ, визгливымъ и слезливымъ голосомъ повторяетъ:

— Я всегда говорилъ! Вотъ она какова!..

Вечеромъ, по настоянію Миниха и Маргариты, все общество, преимущественно состоящее изъ женщинъ, сѣло на небольшую яхту и двинулось къ Кронштадту. Въ немъ одномъ было еще спасеніе. Въ крѣпости можно было спастись и держаться.

Но Кронштадтъ уже оказался для нихъ неприступной и неприятельской крѣпостью. На слова, что самъ императоръ пріѣхалъ и выходитъ на берегъ, комендантъ черезъ часовыхъ отвѣчалъ:

— Въ Россіи нѣтъ императора, а есть императрица самодержица Екатерина Алексѣевна.

Минихъ настаивалъ выйти на берегъ и принять начальство надъ крѣпостью. Чей-то голосъ среди тьмы ночи крикнулъ, наконецъ, съ берега:

— Отъѣзжайте скорѣй, а то дамъ залпъ по васъ изъ всѣхъ орудій.

Петръ Ѳедоровичъ будто пришелъ въ себя и быстро съ палубы спустился въ каюту, гдѣ перепуганныя женщины, слышав-

шія угрозу, бросились передъ нимъ на колѣни, умоляя скорѣй отчаливать.

Но корабль уже отчалилъ по приказу Гудовича. На палубѣ оставались одни матросы, а на кормѣ сидѣлъ, не боясь, конечно, залпа орудій, старикъ Минихъ и думалъ:

«Всякій ребенокъ защищается, упирается даже, когда его спать посылаютъ! Если такъ, то и подѣломъ!»...

Около согнувшагося на скамейкѣ и понурившагося старика Миниха стояла въ ужасѣ Маргарита.

Она тоже не боялась теперь угрозы залпа изъ орудій. Было мгновеніе, она желала всей душой исполненія этой угрозы. Погибнуть здѣсь на этой императорской яхтѣ, вмѣстѣ съ императоромъ, въ обществѣ статсъ-дамъ и вельможъ, конечно, заманчивѣе того, что ждетъ ее впереди, что ждетъ ее не за горами, а, быть можетъ, завтра.... Завтра она будетъ тѣмъ же, чѣмъ была когда-то.... Маркетой Гинекъ.... даже хуже! Лотхенъ! Да! горничная Лотхенъ завтра будетъ выше ея. У ея Лотхенъ есть деньги, а у нея, мечтавшей прошлую ночь о престолѣ, на завтрашнюю ночь не будетъ, быть можетъ, и крова, не будетъ куска хлѣба.... И надо будетъ опять, какъ когда-то графу Кириллу—продавать себя... Да, если „она“ не сошлетъ ее въ Сибирь!!..

Яхта давно отчалила, была уже среди темныхъ водъ и слегка качалась на волнахъ....

Маргарита, стоя неподвижно, какъ статуя, свѣсилась черезъ бортъ и глядѣла почти безумными глазами въ темныя волны. Если бы она знала навѣрное, что все кончено, то она видѣла въ себѣ достаточно, даже болѣе чѣмъ нужно, мужества, чтобы броситься въ эти волны. Но слабый лучъ надежды мерцалъ въ ея потрясенной душѣ, обманывалъ ее и удерживалъ за бортомъ императорской яхты, удерживалъ на землѣ....

И какъ сожалѣла она потомъ всю жизнь, что не рѣшилась покончить все въ темныхъ волнахъ русскаго залива....

XXXIX.

А когда еще начинался этотъ день, 28 іюня, въ тѣ часы, когда Маргарита мечтала на террасѣ ораніенбаумскаго дворца,

*

полная чудныхъ грезъ, а въ Петербургѣ Перфильевъ, обыгравъ Орлова, храпѣлъ на диванѣ, въ маленькомъ Монплезирѣ среди петергофскаго парка, Екестерина кончала свое письмо къ Григорію Орлову. Отъ волненія и скорби она не могла лечь спать.

Солнце поднялось, начинался великолѣпный жаркій, лѣтній день, а она грустно встрѣчала солнечный восходъ, золотившій морскія волны, плескавшія о берегъ и о гранитъ того домика, въ которомъ она сидѣла, почти подъ арестомъ.

Она задумалась и была пробуждена голосами подъ окномъ. Выглянувъ, она узнала высокую и статную фигуру Алексѣя Орлова.

Черезъ минуту вошла къ ней камеръ-фрейлина и доложила, что поручикъ Орловъ, котораго часовые не пропускаютъ, желаетъ съ ней переговорить.

Государыня быстро одѣлась, какъ бы для прогулки, и вышла изъ домика....

Часовымъ было приказано наканунѣ никого не пропускать въ Монплезиръ, но приказа не выпускать государыню прогуливаться по парку не было, конечно, отдано.

Государыня перешагнула порогъ, Орловъ весело подаль ей руку, и они, тихо прогуливаясь, пошли по дорожкѣ.

Алексѣй Орловъ сказалъ ей тотчасъ нѣсколько словъ, отъ которыхъ она вздрогнула, задохнулась, пошатнулась и, если бы не его помощь, то, можетъ быть, упала бы....

Повернувъ на другую дорожку, они пошли быстрѣй и черезъ нѣсколько минутъ государыня была уже въ каретѣ. Алексѣй сѣлъ на козлы, подобралъ возжи, молодецки крикнулъ на взмыленныхъ уже коней и карета помчалась.

При выѣздѣ изъ Петергофа, изъ чащи кустовъ выскакалъ къ нимъ верховой офицеръ Бибииковъ, весело раскланялся и пустился рядомъ около дворецъ кареты.

Верстахъ въ пяти отъ Петербурга, когда лошади, не смотря на отчаянные удары кнута, уже, выбившись изъ силъ, готовы были пасть, Алексѣй Орловъ завидѣлъ на дорогѣ другую карету! То были братъ Григорій и Барятинскій, выѣхавшіе навстрѣчу.

Черезъ часъ государыня была у казармы ожидавшихъ ее измайловцевъ.

Ласунскій и съ нимъ нѣсколько офицеровъ и три роты солдатъ радостными криками встрѣтили государыню, цѣлуя ея одежду....

Затѣмъ привели полкового священника, и всѣ присягнули на вѣрность.

Отсюда, съ барабаннымъ боемъ, двинулись всѣ въ семеновскій полкъ. Но тамъ Федоръ Орловъ уже сдѣлалъ тревогу, и семеновцы бѣжали къ нимъ на встрѣчу. Во главѣ двухъ полковъ государыня двинулась въ казанскій соборъ.

Духовенство, собранное ночью Сѣченовымъ, было на лицо. Весь синодъ былъ тоже на лицо. Сенаторы, предупрежденные тоже ночью Тепловымъ, были почти всѣ. Народъ заливалъ кругомъ паперть собора, не понимая, что творится въ немъ, и вскорѣ узналъ, что идетъ присяга государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, потому что государь наванунѣ упалъ съ лошади и убитъ до смерти.

Ежеминутно десятки экипажей подѣзжали къ собору, и сановники въ блестящихъ мундирахъ выходили изъ нихъ. Служба кончилась. Государыня вскорѣ показалась на паперти собора, окруженная свитой.

На ступеняхъ этой паперти, въ первыхъ рядахъ толпы, стояли два красавца богатыря, два брата.

— Я крикну сейчасъ въ народъ. Или теперь... или никогда! шепнулъ Алексѣй.

— Обожди! отвѣчалъ Григорій.—Хуже бы не вышло.

— Чего ожидать! Какая бѣда отъ того? А потомъ поздно будетъ!

Григорій смущенно молчалъ.

Въ ту минуту, когда государыня появилась на верхней ступени паперти, Алексѣй Орловъ поднялъ высоко шляпу надъ головой. Толпа, заливавшая кругомъ паперть, двинулась, и сотни, тысячи рукъ тоже снимали шапки.

— Ура! первые крикнули могучимъ голосомъ два богатыря. И ура это пронеслось по всей площади, и тысячи голо-

совъ подхватили его... Казалось, вся площадь содрогнулась и колыхнулась...

— Да здравствуетъ государыня императрица, самодержица всероссійская! крикнулъ снова Алексѣй Орловъ къ народу...

Легкое, но замѣтное волненіе сдѣлалось въ рядахъ блестящей свиты государыни.

— Что ты? схватилъ брата за руку Григорій.

Но богатырь-поручикъ, уже обернувшись къ блестящей свитѣ, первыхъ сановниковъ государства, вымолвилъ громко и дерзко:

— Что жъ не подхватываете, бояре?.. и, обернувшись къ народу, выкрикнулъ могуче:

— Братцы, нутко мы... Да здравствуетъ самодержица всероссійская!

И ревъ тысячъ голосовъ загремѣлъ на всю окрестность:

— Да здравствуетъ государыня, самодержица! наша матушка!..

Для этихъ голосовъ, что «матушка», что «самодержица» было одно и то же... Хорошее, ласковое слово!.. У могучаго крика этого былъ слабый откликъ, будто эхо. Свита тоже повторила слова:

— Самодержица всероссійская!

И въ этой свитѣ былъ одинъ человѣкъ, поблѣднѣвшій теперь, какъ смерть, Никита Ивановичъ Панинъ.

Сейчасъ близъ алтаря говорили ему, и государыня, и высшіе чины государства—про регентство... Начавшись на словахъ у алтаря собора, оно уже окончилось теперь на паперти.

Начался разѣздъ, сумятица, крики радости, вопли, давка, безурядица. Народъ ликовалъ, кто зная о чемъ, а кто и не зная, а такъ!.. Только сановники, съ трудомъ находя свои экипажи и разсаживаясь, будто сговорились и всѣ повторяли одно и то же другъ дружкѣ:

— Да, какъ же?! Да что же?! Да кто же?! Какъ же самодержица?.. Говорили: регентство... Совѣтъ вельможъ...

— Ловко!.. Ей-богу ловко!.. Первый сортъ!!

XI.

Черезъ часъ въ новомъ зимнемъ дворцѣ была еще большая сѹмятица.

Уже весь Петербургъ, придворные, сенатъ и синодъ, высшее общество, всѣ резиденты иностранныхъ державъ, кромѣ одного, конечно, Гольца, сотни разряженныхъ дамъ, густой толпой наполняли залы и гостиныя дворца. Нѣмецкая принцесса Софія-Фредерика Ангальдъ-Цербстъ, по замужеству герцогиня Голштейнъ-Готторпъ, принимала всенародное поздравленіе съ восшествіемъ на всероссійскій прародительскій престоль...

Не будь на свѣтѣ младенца наслѣдника Павла Петровича, все бы это всякому показалось безсмыслицей!!

Ликованіе было общее! Не прошло получаса, какъ австрійскій посоль Мерсій узналъ нѣчто, что заставило и его тоже ликовать, а въ его лицѣ и Европу! Бретейль узналъ, что его просить взять назадъ грамоты и остаться посломъ. Гавстаузенъ узналъ, что о войнѣ съ Даніей, конечно, и помину не будетъ... И Фридрихъ тоже вскорѣ возликуеть.

Покуда во дворцѣ толпилась и шумѣла блестящая толпа, на улицахъ столицы уже начиналась своевольная безпорядица. Кабакамъ приходилось плохо!..

Преображенцы, съ утра волновавшіеся по своимъ ротнымъ дворамъ, безъ всякаго приказанія офицеровъ, собрались, наконецъ, на полковомъ дворѣ, и здѣсь, Пассекъ, освобожденный силкомъ Баскаковымъ, принялъ надъ ними начальство. Преображенцы тотчасъ, кое-какъ выстроившись въ ряды, двинулись ко дворцу.

Только одинъ рядовой запоздалъ во время присоединиться къ своей ротѣ и теперь догонялъ ее—Державинъ. Онъ былъ блѣденъ и взволнованъ, но отъ иныхъ причинъ,—въ это утро безпорядицы и самоуправства на ротномъ дворѣ у него украли его послѣднія деньги.

Едва преображенцы вышли на Литейную, имъ на встрѣчу не шелъ, а почти бѣжалъ, запыхавшись, офицеръ ихъ же пол-

ка... Видя себя, онъ выхватилъ шпагу, бросился на первые ряды и крикнулъ:

— Назадъ!! Крамольничать! Противъ законнаго государя!!
Бунтовать! Назадъ, мерзавцы! Перекрошу всѣхъ!!

И шпага его засверкала надъ головами ближайшихъ. Это былъ лейбъ-компанецъ Квасовъ.

Но десятки голосовъ заревѣли вдругъ на ненавистнаго офицера:

— Бей его! Коли! въ штыки!—Зачѣмъ? Бей просто.. Не пакости штыка объ лѣшаго!..

И чрезъ полъ-минуты Акимъ Акимовичъ, окруженный, какъ волкъ собаками, замертво повалился среди улицы, отъ жестокихъ ударовъ прикладами. Только чрезъ часъ очнулся онъ въ какой-то цирюльнѣ, куда подобрали его изъ жалости прохожіе.

Между тѣмъ, за угломъ Литейной, на Симеоновской, куда завернули солдаты, другой офицеръ верхомъ на скакунѣ на нихъ и вломился въ ряды, тоже обнажая шпагу. Это былъ Воейковъ.

— Стой! Вольница! Кто смѣлъ безъ моего приказу собой ударить?.. заворачивай назадъ!

И Воейковъ ударилъ ближайшаго солдата плашмя по головѣ, но чрезъ мгновеніе раздалась команда Пассека:

— Ребята! Валяй его, бунтовщика...

Солдаты бросились, одинъ ударъ вышибъ у офицера его шпагу, другіе два ранили лошадь. Она взвилась на дыбы и, отскочивъ, запрыгала хромая, но разъяренные солдаты бѣгомъ пустились по Симеоновской, преслѣдуя обезоруженнаго, и скоро прижали его къ берегу Фонтанки. Воейковъ, не видя спасенія отъ штыковъ, вѣхалъ въ рѣчку по грудь лошади.

— Не мочиться же изъ-за него! крикнуть кто-то.—Брось! Не время!.. Опосля всѣхъ переколемъ, кто противничаетъ матушкѣ...

И солдаты бросились на мостъ и уже на рысяхъ пустились къ зимнему дворцу, гдѣ гудѣла на лугу несмѣтная толпа, окружая измайловцевъ, семеновцевъ и отдѣльные отряды, прибѣжавшіе отъ разныхъ полковъ.

Часа черезъ два городъ уже волновался весь, по всѣмъ

улицамъ. Кой-гдѣ уже были драки, кое-гдѣ уже были разбиты кабаки, а въ нѣкоторыхъ ненавистныхъ домахъ было уже все разграблено.

И вскорѣ, поневолѣ была назначена стража охранять нѣкоторые дома и въ томъ числѣ палаты прусскаго посланника. Но Гольца уже не было въ домѣ. Онъ при первыхъ признакахъ уличной сумятицы укрылся въ опустѣломъ домѣ Маргариты, а чрезъ часъ, по совѣту нѣмца лакея, не считавшаго и этотъ домъ безопаснымъ, вмѣстѣ съ нимъ перешелъ въ квартиру Шепелева, какъ офицера и знакомаго.

Княжна Василекъ, перепуганная сама на смерть, скрыла посланника въ спальнѣ жениха.

Она была въ страшномъ волненіи, и душа ея уже изболѣлась въ мысляхъ о томъ, кто былъ ей дороже всего въ мірѣ. Да и было отчего! Юноша, еще слабый, при первыхъ кликахъ на улицѣ, понялъ, что творится здѣсь, и, нанявъ тройку, ускакалъ въ Ораніенбаумъ, стать на сторону законнаго государя и своего благодѣтеля... А если нужно, то и умереть, защищая его!..

На Большой Морской, около полудня, толпа зѣвакъ была гуще, плотнѣй и особенно весела. Смѣхъ, шутки, прибаутки гудѣли кругомъ... Одни расходились, другіе прибывали, и здѣсь безъ конца передавалась милая вѣсточка, и на всѣхъ лицахъ была написана радость.

Здѣсь съ часъ назадъ конно-гвардейцы замѣтили въ каретѣ проѣзжавшаго Жоржа, тотчасъ вытащили его вонъ, и ненавистный принцъ тутъ же среди улицы былъ нещадно избитъ.... Быть можетъ, несчастный былъ бы и умерщвленъ, если бы генералъ-полицеймейстеръ Корфъ слезно не выпросилъ его у толпы именемъ государыни и не увезъ къ себѣ, обѣщаясь и клянясь посадить его на хлѣбъ и на воду...

— Онъ насъ съ мужьями всѣхъ развести хотѣлъ! вопили двѣ бабы съ преображенскаго ротнаго двора.

— Поучили таки Жоржушку!.. радовались всѣ обыватели.

Это было самое радостное событіе дѣйства петербургскаго за весь этотъ памятный, дикій, пьяный, но не кровопролитный день... если не считать въ кровь разбитый Жоржинъ носъ.

За то конно-гвардейцы, выпустившіе поневолѣ изъ рукъ свою жертву, тотчасъ бросились во дворецъ принца, и чрезъ два часа въ немъ было все раззорено или разграблено, а перепуганная челядь спаслась въ разсыпную по сосѣднимъ улицамъ. Только одной маленькой комнаты не могли тронуть солдаты. Въ ней ничего не было дорогого! Но въ ней сидѣли принцессы почти безъ чувствъ отъ страха, а у дверей ихъ стоялъ добровольнымъ стражемъ отъ расходившихся янычаръ офицеръ Голицынъ. Не явись онъ случайно сюда, то, вѣроятно, и обѣ принцессы пострадали бы такъ же, какъ Жоржъ, если не хуже....

Во всѣхъ домахъ столицы было то же движеніе, что и на улицѣ.

Господа и челядь выѣзжали, выбѣгали, ворочались и суетились. Только въ двухъ домахъ на весь городъ было спокойно. Въ домѣ Воронцова, отца глупой, толстой, ненавистной питерцамъ „Романовны“, было тихо. Радоваться домохозяевамъ было нечему, суетиться отъ сборовъ во дворецъ или въ гости, побесѣдовать на радостяхъ, не приходилось, а народу или солдатамъ шумѣть въ горницахъ и грабить было тоже нельзя. Съ утра многочисленный караулъ занималъ дворъ, подъѣздъ и всѣ двери, по приказанію государыни. во время вспомнившей и опасавшейся здѣсь народной мести и расправы. Былъ другой домъ, гдѣ было не только тихо, но мертво, хотя караула тутъ ставить было не зачѣмъ. Ворота на дворъ были затворены, двери главнаго подъѣзда заперты, ставни нижняго этажа закрыты. Хозяинъ дома хворалъ!... И хворалъ онъ уже седьмой разъ за свою жизнь. Онъ хворалъ при всѣхъ, какъ законныхъ перемѣнахъ правительства, такъ равно и при всѣхъ переворотахъ за все XVIII столѣтіе. Теперь, какъ и всегда, при всякой повторяющейся болѣзни, онъ хворалъ еще тяжелѣй, т. е. боялся и трусилъ болѣе, чѣмъ когда-либо... Да и было отчего! Ни одно еще дѣйство народное не заставляло его такъ врасплохъ, такъ внезапно и непостижимо!...

Разумѣется, это былъ Іоаннъ Іоанновичъ Скабронскій. Старикъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, прислушивался къ шуму на улицѣ, вздыхалъ, качалъ головой и думалъ про себя, или же шепталъ тихонько:

— Господи! Да когда же этому конецъ будетъ? Что жъ у насъ вѣкъ вѣковъ такъ и будутъ камедь, да скоморошество разыгрываться, чудеса въ рѣшетѣ представляться!

И умный старикъ, конечно, видѣлъ ясно и глубоко вѣрилъ, какъ и многіе, что теперешній переворотъ самый беззаконный и отчаянный изъ всѣхъ, а новое правительство самое ненадежное и самое недолговѣчное. Онъ помнилъ хорошо, какъ если бы то случилось вчера, переворотъ въ пользу російской цесаревны. Но тогда свергался младенецъ императоръ и ненавистное иноземное регентство. А здѣсь свергается внукъ Петровъ и законный монархъ, а провозглашается,—и не правительницей, а самодержицей, чужая женщина, иноземка, нѣмецкая принцесса. А покуда подростетъ наслѣдникъ, Павелъ Петровичъ, который теперь младенецъ, что еще придется увидѣть, что еще будетъ! Дѣйство за дѣйствомъ!..

И Іоаннъ Іоанновичъ въ отчаяніи прибавилъ:

— Умирать пора! Хоть и не хочется, а пора! А то хуже въ Сибири умрешь!

Лотхенъ была въ домѣ и, не смотря на сумятицу въ городѣ не смотря на тѣ удивительныя вѣсти, которыя приносились тайкомъ отлучившимися дворовыми, нѣмка была все-таки весела. Она не отходила отъ окна, глядѣла на толпы народа и улыбалась. Но если бы теперь кто-нибудь увидѣлъ ее, то пожалуй бы не узналъ.

На Лотхенъ было великолѣпное, сплошь вышитое серебромъ, бархатное платье, а въ ушахъ, на груди, на рукахъ, сіяли брилліанты и разноцвѣтные камни, въ серьгахъ, браслетахъ, кольцахъ...

Нѣмка была уже три дня на седьмомъ небѣ отъ счастья. И не знала бѣдная хохотунья, что въ людскихъ дома графа Скабронскаго, холопы, испуганные появленіемъ и властью новой «вольной женки» стараго графа, опасаясь за недолговѣчность барина, опасались за завѣщаніе, которое онъ сдѣлалъ въ ихъ пользу. Холопы призадумались! И тотчасъ нашлись двое, самые отчаянные, пообщавшіе всѣмъ остальнымъ, не нынче-завтра, отдѣлаться отъ новой барынки, коли не просто ду-

бинкой, такъ пожемъ, коли не во время ея прогулокъ по городу, такъ ночью, въ самыхъ горницахъ ей отведенныхъ...

И бѣдная хохотунья не чуяла, что обречена на смерть! И на какую смерть?.. Ужасную, мученическую...

XLI.

Василекъ промучилась часа четыре и не выдержала... Она рѣшилась тоже ѣхать, быть около милаго и раздѣлить его судьбу. Въ городѣ уже говорили, что къ вечеру назначенъ походъ гвардіи на Ораніенбаумъ и что, вѣроятно, тамъ и произойдетъ сраженіе между голштинскимъ и русскимъ войскомъ.

— Онъ не пожалѣетъ себя... А если умирать—такъ вмѣстѣ... рѣшила Василекъ.

И княжна спокойно все взвѣсила и обдумала... Она нашла въ шкафу сержантскій мундиръ жениха и надѣла его... Онъ оказался какъ разъ по ней... Черезъ часъ преображенскій сержантъ сѣлъ въ бричку и тихо, спокойно приказалъ кучеру не жалѣть лошадей.

— Иванъ, довезутъ-ли они насъ не кормя до Рамбова?

Кучеръ поручился, что къ вечеру они будутъ на мѣстѣ.

На полъ-дорогѣ къ Красному кабачку, верстѣ за пять отъ столицы оказался пикетъ и караулъ.

Не приказано было никого пропускать изъ города по дорогѣ на Петергофъ и Ораніенбаумъ... Офицеръ конной гвардіи сначала хотѣлъ было дозволить преображенцу вернуться обратно, но затѣмъ догадался, что имѣетъ дѣло съ ряженой женщиной... Ему показалось это въ такое смутное время — крайне подозрительнымъ... Черезъ нѣсколько минутъ княжна была арестована при пикетѣ, въ ожиданіи начальства.

За часъ времени на глазахъ княжны, смущенной и печальной отъ неудачи, тотъ же пикетъ вернулъ обратно въ городъ трехъ офицеровъ и съ десятокъ солдатъ разныхъ полковъ, а одного сопротивлявшагося офицера тоже арестовалъ... Въ этотъ день только два человека проскользнули въ Ора-

ніенбаумъ, покуда еще только шла присяга въ соборѣ,—Шепелевъ и Пушкинъ,—а въ полдень всѣ дороги, въ сторонѣ Петергофа, были заняты, и сообщеніе прекращено.

Поздно вечеромъ явился гусарскій отрядъ, авангардъ уже выступившаго изъ столицы войска.

Командиръ отряда и Василекъ узнали другъ друга. Последній разъ, что они видѣлись, покойная Гарипа дала ему большія деньги при племянницѣ. Это былъ Алексѣй Орловъ...

Разумѣется, Василекъ была тотчасъ по его приказу освобождена и общала ему вернуться въ городъ. Но едва только гусары, захвативъ и пикетъ, скрылись вдаль,—княжна перекрестилась и двинулась за ними... пѣшкомъ: давъ себѣ слово быть хитрѣе и, укрываясь въ лѣсу отъ всѣхъ, тропинками достигнуть Орапиенбаума хотя бы чрезъ сутки!

Прошло уже часа два, что ряженный сержантъ бодро, хотя задумчивый, двигался по пустынному лѣсу, то чащей, то полянками, и вдругъ увидѣлъ, понялъ, взглянувъ на звѣздное небо, что сбился съ дороги. Василекъ съ отчаяньемъ догадалась, что она заплуталась въ лѣсу и, помимо усталости и голода, ей грозитъ еще потерять цѣлую ночь даромъ. А завтра, Богъ вѣсть, что уже будетъ тамъ... сраженіе, убитые.

Храбро двинулась княжна обратно и, послѣ быстрой часовой ходьбы, ахнула отъ радости. Предъ ней, освѣщенная луной, мелькнула за чащей бѣлая полоса большой дороги. Она рѣшилась отдохнуть немного и снова двинуться лѣсомъ, не спуская съ дороги глазъ.

Опустившись на траву, уже покрытую росой, Василекъ почувствовала, что голодъ начинаетъ мучительно сказываться въ ней, за то тихая ароматная ночь смѣнившая знойный и душный день, возбуждительно дѣйствовала на грудь, вызывая ея силы на борьбу и достиженіе цѣли. Не прошло нѣсколькихъ мгновеній, какъ Васильку вдругъ, среди тишины всей окрестности, почудился странный гулъ вдаль... Онъ шелъ со стороны Петербурга, очевидно по дорогѣ...

— Войско!.. Да! Это войско идетъ! догадалась Василекъ. Она собиралась уже снова укрыться въ чащу, когда вдругъ

близкій топотъ ясно и отчетливо раздался въ нѣсколькихъ шагахъ.

На бѣлой дорогѣ, обрамленной съ двухъ сторонъ темной и высокой чащей и ярко, какъ днемъ, облитой луннымъ свѣтомъ—показалась кучка всадниковъ... Всѣ они подвигались молча ровнымъ шагомъ... Впереди всѣхъ на бѣломъ конѣ Василекъ увидѣла преображенскаго офицера, юнаго, красиваго... Но на боку его лошади падаетъ изъ-подъ мундира, вьется и блеститъ бѣлая атласная юбка... Длинные женскія косы рассыпались по плечамъ изъ-подъ шляпы, увитой зеленымъ вѣнкомъ...

— Это она! ахнула Василекъ.—Она сама предводительствуетъ, ведетъ войска!.. На бой, на смерть!..

И преображенскій сержантъ, укрываясь за кустомъ черемухи, шагахъ въ двадцати отъ дороги, устремилъ свой чудный, кроткій взоръ, теперь грустный и влажный отъ слезъ,—на этого преображенскаго офицера, задумчиваго, но не печальнаго...

И Васильку вдругъ захотѣлось остановить государюню, смущенной невѣстѣ захотѣлось крикнуть мстящей женѣ:

— Поднявшій мечъ—мечемъ погибнетъ!

А между тѣмъ, какъ чудно тиха и полна любви была эта ночь! Какой миръ и покой царилъ кругомъ, и на землѣ, и въ небѣ! Теперь-ли поднимать мечъ, брату на брата... Спокойный бѣлый свѣтъ луны разливался съ необозримой синевы небесъ и окутывалъ все въ серебристое мерцанье: и темный, лохматый, недвижный лѣсъ, и свѣтлую дорогу, и мѣрно, въ безмолвіи, двигающихся по ней всадниковъ, и бѣлаго коня впереди всѣхъ, на которомъ, тревожно глядя впередъ... въ невѣдомое, таинственное будущее... задумчиво покачивается въ сѣдлѣ красавица-преображенецъ!..

XLII.

Въ пять часовъ утра Алексѣй Орловъ отрядомъ своихъ гусаръ занялъ Петергофъ, а вслѣдъ за нимъ прибывали одинъ за другимъ гвардейскіе полки.

Ровно сутки назадъ онъ здѣсь въ волненіи бѣжалъ по дорожкѣ парка къ Монплезиру и думалъ:

„Что-то будетъ! Быть можетъ, чрезъ сутки она будетъ

въ крѣпости... Мы всё подь судомъ, или даже осуждены на казнь“!..

Прошло ровно двадцать четыре часа, и онъ, хотя и поручикъ, а на дѣлѣ командиръ цѣлаго войска, разставляетъ его, занимая караулы по всему Петергофу и по дорогѣ на Ораніенбаумъ.

Черезъ нѣсколько часовъ явилась со свитой и государыня, переночевавъ кой-какъ въ Красномъ кабацѣ, въ той самой горницѣ, гдѣ когда-то богатыри-буяны нарядили въ миску фехтмейстера.

А если бы эти два брата уѣхали тогда въ ссылку, — что было бы? Совершилось-ли бы то, что совершается теперь? Одинъ Богъ знаетъ!..

Три гонца вскорѣ, одинъ за другимъ, явились сюда отъ имени государя.

Первый гонецъ государя принесъ приказъ и угрозу тотчасъ явиться къ нему скорѣе съ повинной за прощеніемъ, или же онъ наставитъ висѣлицъ сплошь по всей дорогѣ отъ Ораніенбаума до Петербурга и перевѣшаетъ всѣхъ бунтовщиковъ безъ различія пола, званія и состоянія!..

Второй гонецъ привезъ извѣстіе или, лучше, предложеніе раздѣлить власть пополамъ, раздѣливъ имперію Россійскую на двѣ совершенно равныя части.

Государыня разсмѣялась и спросила: какъ раздѣлить? Вдоль или поперекъ? И какую часть ей дадутъ? сѣверную, южную, восточную или западную?.. Посоль, конечно, этого не зналъ...

Третій гонецъ привезъ согласіе Петра Ѳедоровича отречься отъ престола, съ условіемъ отпустить его въ Голштинію.

— Отпустить въ Голштинію я не могу! отвѣчала государыня.—И обманывать не стану обѣщаніями. Онъ можетъ обратиться за помощію къ другу своему Фридриху и явиться во главѣ его войска въ Россію...

Въ четыре часа по полудни карета ѣхала изъ Петергофа въ Ораніенбаумъ. Въ ней сидѣли только Григорій Орловъ и офицеръ Измайловъ.

На улицахъ мѣстечка Орловъ увидѣлъ смущенно толпившихся солдатъ и офицеровъ голштинскаго войска, которые,

противъ обыкновенія, всё были трезвы. Во дворцѣ же была мертвая тишина и пустота. Всё пировавшіе здѣсь еще недавно или укрылись въ Петербургъ, или пировали и ликовали въ Петергофѣ, въ свитѣ новой императрицы. Остались вѣрны вполнѣ императору только Минихъ, Нарцисъ и Мопса .. А кроме нихъ, еще, по неволѣ, изъ приличія, его генералъ-адъютантъ Гудовичъ и, по доброй волѣ, Шепелевъ и другой ему неизвѣстный юноша — Пушкинъ, оба, прискакавшіе изъ столицы.

Только одна личность изъ всего придворнаго круга, блестящая Маргарита, еще наканунѣ находившаяся на неизмѣримой высотѣ надеждъ и мечтаній, не могла бѣжать ни въ Петербургъ, ни въ свиту императрицы. Теперь отъ ужаса и отчаянія потерявшая разумъ, она укрылась въ маленькомъ домишкѣ на краю Ораниенбаума, гдѣ пріютилъ ее тоже смущенный и оробѣвшій фехтмейстеръ Котцау. И Маргарита, въ маленькой бѣдной горницѣ этого домика, то недвижно сидѣла, близкая къ умопомѣшательству, то, ломая руки надъ головой, металась изъ угла въ уголъ, не находя себѣ мѣста, и задыхалась... будто львица, неожиданно попавшая изъ простора и воздуха необозримыхъ пустынь въ грязь и духоту узкой клѣтки.

Миновавъ улицы и подѣхавъ ко дворцу. Григорій Орловъ и Измайловъ вышли изъ кареты и поднялись по лѣстницѣ дворца, среди полной тишины, только два камеръ-лакея попались имъ на встрѣчу. Пройдя нѣсколько горницъ, они увидѣли у дверей двухъ офицеровъ, стоявшихъ будто на часахъ. Орловъ по мундирамъ догадался въ чемъ дѣло. Приблизясь, онъ узналъ обоихъ. Шепелевъ былъ у него однажды и объяснилъ первый, кого они съ братомъ нарядили въ миску. Пушкинъ присталъ было къ ихъ кружку, а въ послѣднее время снова исчезъ.

— Петръ Ѳеодоровичъ здѣсь? спросилъ Орловъ Пушкина, насмѣшливо глядя въ его лицо.

— Государь? Да, здѣсь, въ кабинетѣ! отвѣчалъ Пушкинъ, мѣняясь въ лицѣ отъ улыбки Орлова.

— Ну, а вы двое какъ здѣсь? Почему не при своихъ полкахъ... Скоморохи!..

Шепелевъ двинулся, схватился за шпагу и вымолвилъ внѣ себя:

— Вы скоморохи и клятвопреступники!

— Смирно! Именемъ государыни императрицы, самодержицы всероссійской, вскрикнулъ Орловъ, — я арестую васъ обоихъ. Ступайте въ Петергофъ и сдайте себя сами подъ караулъ.

— Никакой самодержицы нѣтъ, съ тѣхъ поръ, что скончалась Елизавета Петровна, отвѣтилъ Пушкинъ. — А есть законный государь...

— Государыня Екатерина Алексѣевна... началъ Орловъ, уже горячася.

— Бунтовщица! воскликнулъ Шепелевъ, — которую бы слѣдовало...

Орловъ поднялъ уже на юношу могучую руку, свивавшую кочерги въ кольцо...

Но въ это мгновеніе дверь отворилась, и Гудовичъ съ удивленнымъ лицомъ появился на порогѣ. Но, увидя Орлова, онъ иронически улыбнулся, и, не сказавъ ни слова, оставивъ дверь отворенной, вернулся въ кабинетъ.

Орловъ и Измайловъ пошли вслѣдъ за нимъ.

Государь сидѣлъ на окнѣ въ плафрокѣ и, задумавшись, глядѣлъ въ полъ. Не далеко отъ него стоялъ старикъ Минихъ и что-то горячо объяснялъ.

При появленіи Орлова, Петръ Ѳедоровичъ поднялъ голову, и лицо его слегка измѣнилось. Минихъ презрительно и гордо смѣрилъ Орлова съ головы до пятъ и, повернувшись спиной, отошелъ къ Гудовичу, который сѣлъ на диванъ.

— Вы отъ нея... вымолвилъ государь.

— Государыня императрица и всея Россіи самодержица прислала меня... началъ было Орловъ спокойно, но твердо.

Но государь улыбнулся и прервалъ его.

— Самодержица? Еще не совсѣмъ! Но, скажите мнѣ, зачѣмъ васъ послала она? Именно васъ! Развѣ я могу въ качествѣ императора... вѣдь я все-таки еще императоръ! вести переговоры чрезъ артиллерійскаго офицера и трактирнаго кутилу... Неужели приличіе васъ не нашлось?..

Орловъ, будто и не слыхавъ словъ государя, повторилъ спокойно:

— Государыня императрица изволила прислать меня просить васъ добровольно, не доводя дѣла до междоусобія и напраснаго кровопролитія, отречься отъ російскаго престола и подписать отреченіе, которое я привезъ! Вотъ оно!..

Орловъ вынулъ бумагу изъ кармана и прибавилъ:

— Безъ этого я не только не уйду, но и не выйду отсюда!

— О-о!.. воскликнулъ съ негодованіемъ Минихъ.

Гудовичъ разсмѣялся презрительно...

— Ваше величество! вступился Измайловъ: вы изволили меня послать... Вы было рѣшились... Что же теперь.—Стоить-ли?..

— Зачѣмъ она мнѣ прислала этого... этого...

— Ваше величество! подступилъ Минихъ и заговорилъ по нѣмецки, гордо закинувъ голову, а старые глаза его снова сверкали отвагой, какъ когда-то въ павильонѣ Монплезира... Рѣшайтесь!.. Или подписывайте отреченіе, не взирая на то, кого прислали за этимъ, или... Лошади уже два часа осѣдланы... Я готовъ за вами, хоть на край свѣта!.. Наконецъ, вотъ здѣсь двое благородныхъ юношей, добровольно прискакавшихъ умереть за васъ... Рѣшайтесь... Мы арестуемъ этого неблаговоспитаннаго гонца и къ вечеру будемъ за сто верстъ отсюда. Повторяю вамъ—только до перваго порта достигнуть!... А тамъ на корабль и на Данцигъ, а затѣмъ въ Кенигсбергъ, Берлинъ, Митаву, Петербургъ и Москву.... для коронованія!... Минихъ говоритъ вамъ это! Минихъ слово даетъ, что все это совершится... и легко! Минихъ не любитъ, не можетъ любить русскихъ, но всегда поклонялся предъ ихъ слѣпымъ повиновеніемъ закону, ихъ любовью къ законности, къ закону...

Государь молчалъ и опустилъ голову.

Гудовичъ вдругъ всталъ и, подойдя къ нимъ, вымолвилъ спокойно и слегка насмѣшливо:

— Лошади уже давно разсѣдланы; арестовать господина Орлова мало двухъ юношей, а надо кликнуть роту голштинцевъ, да и то силы будутъ не равны!... Скакать къ порту, какому?... Въ Ригу? Близко!! Да тамъ насъ губернаторъ Броунъ арестуетъ и вернуть во свояси... Но если бы даже мы и проскочили за

границу къ Фридриху, то онъ теперь на просьбу о помощи и войскъ, чтобы завоевывать престолъ, отвѣтитъ только государю: *Trinken sie Bier und lieben sie mir...* Полноте, ваше величество! Поздно... Вчера надо было... Да и не вчера... Шестъ мѣсяцевъ тому назадъ надо было... Ну, да вѣдь мы всѣ рос-сіяне—заднимъ умомъ богаты... Одѣвайтесь, подписывайте и.... и поѣдемъ!... Отпустить васъ въ Голштинію, и слава тебѣ Господи!.. И вамъ будетъ хорошо, да и Россіи не худо!...

Гудовичъ предъ тѣмъ молчалъ уже сутки, какъ нѣмой, и только глядѣлъ и слушалъ... И теперь слова его магически подѣйствовали на государя...

— Я сейчасъ.... Только.... обратился онъ къ Орлову, отпустить она меня въ Голштинію?... Она вѣдь отказала и въ этомъ....

— Онъ этого знать не можетъ! вымолвилъ Гудовичъ.— Да и не его это дѣло. Одѣвайтесь!...

Черезъ полчаса государь написалъ отреченіе отъ престола, подъ диктовку Григорія Орлова и подписалъ его, а еще чрезъ часъ былъ уже перевезенъ въ Петергофъ.

Здѣсь государя провели прямо въ отдѣльныя комнаты. Императрица не пожелала видѣть его. Вечеромъ три офицера, Алексѣй Орловъ, Пассекъ и Баскаковъ отвезли Петра Федоровича въ Ропшу, и Баскаковъ остался при немъ въ качествѣ начальника караула, приставленнаго къ нему... За ними вслѣдъ явился Нарцисъ съ Мопсой... И тутъ только вечеромъ государь вспомнилъ странную случайность, странную насмѣшку судьбы!...

Нынѣшній роковой и смутный день былъ двадцать девятое! Петровъ день! День его именинъ! Двадцать лѣтъ праздновался этотъ день торжественно и великолѣпно. При жизни тетки, за все ея царствованіе, этотъ день именинъ наслѣдника престола праздновался по ея приказанію съ большимъ торжествомъ, не жели пятое сентября. А за свое собственное царствованіе онъ еще ни разу не праздновалъ свое тезоименитство, и въ первый же разъ—вотъ какъ пришлось провести этотъ день!..

XIII.

На утро въ Петербургѣ стоялъ ясный вѣтреный день.

По голубому небу быстро мчались округлыя бѣлыя облака, по временамъ застилая яркое солнце.

Городъ снова ликовалъ, и снова густыя толпы народа заливали со всѣхъ сторонъ Казанскій Соборъ. Въ немъ шелъ молебенъ... Государыня стояла предъ царскими вратами одна, а за ней тѣснились вся знать, весь дворъ, сенатъ и синодъ, и все наличное дворянство. Никто не посмѣлъ отсутствовать, хотя уже были недовольные, одумавшіеся, спохватившіеся или просто смущенные, робѣющіе за темное будущее...

Даже Іоаннъ Іоанновичъ былъ здѣсь въ числѣ господъ сенаторовъ и уже передалъ нѣкоторымъ свое намѣреніе предложить въ первое же присутствіе—воздвигнуть императрицѣ, какъ спасительницѣ отечества,—золотую статую!... Въ третій разъ!!

Достойный представитель не дворянства, а столичной знати!.. Въ нечиновной толпѣ, въ заднемъ углу собора тоже былъ здѣсь и задумчиво глядѣлъ на все и на всѣхъ юноша Шепелевъ, а около него усердно молилась Василекъ... За все... За все что съ трудомъ, будто не хотя, но все таки дала ей судьба, что отвоевала она себѣ, уступая все всѣмъ!...

Шепелевъ былъ уже вчера арестованъ въ Ораніенбаумѣ, по приказу Григорія Орлова, и къ вечеру освобожденъ Алексѣемъ по просьбѣ Василька, но съ условіемъ выйти въ отставку и выѣхать изъ столицы навсегда. Юноша не горевалъ. Ему и слѣдъ жить въ захолусты! Онъ представитель исконнаго дворянства, а не безродной знати! А правъ-ли онъ былъ! Не въ томъ дѣло! Онъ ему присягалъ!..

Послѣ молебна паперть собора гульливо залили блестяція волны сановниковъ, выливаясь изъ главныхъ дверей... Государыня, при громкихъ кликахъ, шагомъ двинулась въ открытой коляскѣ, среди сѣраго моря людского, бушевавшаго на площади...

Въ этомъ морѣ людскомъ, затертый густой кучкой обывателей, стоялъ, дивился на все и охалъ, какъ отъ боли, пріѣзжій

мужиченка костромичъ... И вдругъ онъ не стерпѣлъ и спросилъ сосѣда:—Кто жъ это такая будетъ?...

— Государыня императрица!

— А какъ же сказывали.... воскликнулъ онъ укоризненно, — что императрица померла! А она вонъ, матушка, въ телѣжкѣ золотой ѣдетъ...

— Дурень! То другая.... Ты знать изъ трущобы какой...

— Другая! Ври, ты.... Вишь ей всѣ шапку ломаютъ. Стало быть, не другая, а сама наша матушка Россійская, жива и здорова! А баяли, помре!...

— Да, то была Лизавета Петровна, огалтѣлый, и померла. А это Катерина Алексѣевна, тоже императрица, новая.

— Д-да, новая?... Такъ бы и говорилъ. То ино дѣло! Да! Вонъ оно что! Новая?!.. Ну, что жъ, ничего, пущай ее!..

К О П Е Ц Ъ.

Return to desk from which borrowed.
This book is DUE on the last date stamped below.

1 Aug '51

1013051LU

4 Dec '51 GC

3 Dec '51 LU

2 Jun '52 H W

10 May '52 LP

LD 21-95m-11,'50 (2877s16) 476

U. C. BERKELEY LIBRARIES

C046169102

UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY

